

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Columbia University
in the City of New York

THE LIBRARIES

ЖИЗНЬ ЕВРОПЕЙСКИХЪ НАРОДОВЪ.

Е. Н. ВОДОВОЗОВОЙ.

ТОМЪ II.

ЖИТЕЛИ СѢВЕРА.

съ 24 рисунками худ. Васнецова и Панова.

ИЗДАНИЕ II.

САНКТЪ ПЕТЕРБУРГЪ

1881

940.98
Y855
v. 2

Exchange
from
Yale University
3/2/1949
3 vols.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 Сентября 1880 г.

Текстъ книги печатанъ въ типографіи Товарищества «Общественная Польза»,
Большая Подъячская, д. № 39. Рисунки и выѣтки — въ типографіи II Отд. канцеляріи
Его Величества, у Казанскаго моста, по Екатерининскому каналу, д. № 2.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во второй томъ книги „Жизнь Европейскихъ Народовъ“ вошло описаніе англичанъ, шотландцевъ, ирландцевъ, голландцевъ, бельгійцевъ, норвежцевъ, шведовъ и датчанъ. При изображеніи ихъ жизни мы держались того же плана, какъ и въ 1-мъ томѣ нашего труда. Мы обращали особенное вниманіе на внутреннее содержаніе этой жизни: на обычаи, нравы, вѣрованія, на общественное и политическое устройство. Описанія природы и здѣсь заняли у насъ болѣе значительное мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она, какъ напр. въ Голландіи и Норвегіи, имѣла рѣшительное вліяніе на весь складъ жизни народа. Изумительныя сооруженія голландцевъ, ихъ плотины, шлюзы, осушеніе цѣлыхъ водныхъ бассейновъ, ихъ неустанная борьба съ моремъ и наводненіями,—все это непосредственно отразилось въ ихъ характерѣ, въ привычкахъ и нравахъ, въ ихъ домашней жизни и даже въ политическомъ устройствѣ страны. Поэтому при описаніи Голландіи мы обратили особенное вниманіе на ея природу.

Англія представляетъ другую картину: здѣсь прежде всего поражаютъ насъ необыкновенное развитіе промышленности, блестящее состояніе сельскаго хозяйства и горнаго дѣла, всемірная торговля. Не мало интереса для наблюденія и размышленія представляютъ контрасты, которые встрѣчаешь, какъ въ частной, такъ и въ общественной и даже въ политической жизни англичанъ, какъ въ характерѣ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлаго общества. То передъ вами встаютъ картины жизни замѣчательно комфортабельной, полной безумной роскоши, съ которою живетъ здѣшняя аристократія и огромный классъ негоціантовъ, проживая царскіе доходы, то цѣлая армія пролетаріевъ, которая всю свою жизнь не знаетъ другаго крова, какъ развалившійся заброшенный сарай, или какая нибудь дыра подъ вновь построеннымъ мостомъ. Любовь англичанина къ свободѣ идетъ у него рука объ руку

съ деспотизмомъ общественнаго мнѣнія и рабскимъ ему подчиненіемъ. Глубоко уважая права общества и каждой отдѣльной личности, англичанинъ выносить совершенно покойно аристократическія привилегіи. Немногіе народы въ такой степени содѣйствовали прогрессу, и въ то же время ни одинъ народъ не проникнуть болѣе англичанъ уваженіемъ къ принятымъ обычаямъ и преданіямъ, которые иногда даютъ и калѣчатъ въ зародышѣ всякое проявленіе свѣжей мысли и чувства. Ни въ одной странѣ вы не встрѣтите столько высокообразованныхъ людей, и нигдѣ мракъ невѣжества не господствуетъ въ такой степени, какъ въ Англіи. Никто болѣе англичанъ не стремился къ уничтоженію невольничества, и никто болѣе ихъ не умѣлъ поработать и обездоливать подвластныхъ племена. Всѣ наши очерки объ Ирландіи ясно показываютъ, что англичане до тѣхъ поръ угнетали эту страну, пока буквально не сдѣлали весь народъ нищими. Отсюда безграничная, до фанатизма доходящая ненависть къ нимъ всѣхъ побѣжденныхъ народовъ. Не меньше поражаетъ васъ и противорѣчіе въ складѣ характера каждаго англичанина: съ одной стороны всепожирающая страсть къ деньгамъ и наживѣ, съ другой отсутствіе всякаго скопидомства и всегдашняя готовность пожертвовать огромныя деньги на какое нибудь гуманное общественное дѣло. Не меньше мѣста въ нашей книгѣ занимаютъ картины жизни фабричнаго и сельскаго люда съ ея пролетаріатомъ, отчаяніемъ и надеждами на лучшее будущее, залогомъ которыхъ до нѣкоторой степени служатъ свободныя учрежденія страны. Мы также вездѣ старались обратить вниманіе на общественную жизнь англичанъ, на ихъ политическое устройство, свободное развитіе личности, которое выражается въ безчисленныхъ клубахъ, обществахъ, ассоціаціяхъ, митингахъ и даже въ ихъ празднествахъ и удовольствіяхъ.

При описаніи Ирландіи мы должны были прежде всего остановиться на прошлой судьбѣ народа: то положеніе, въ которомъ мы находимъ нынѣшнихъ ирландцевъ, ихъ національные пороки и достоинства будутъ непонятны для человѣка, который совершенно незнакомъ съ исторіею этого несчастнаго народа.

Во всѣхъ нашихъ очеркахъ мы старались прежде всего быть совершенно безпристрастными и объективными: указывая на заслуги народа, на его національныя достоинства, на его общественную роль въ современномъ прогрессѣ и его положеніе среди другихъ европейскихъ націй, мы въ то же время указывали на его недостатки и пороки. Стараясь уяснить характеръ народа, мы обращали вниманіе, на сколько намъ позволяло мѣсто и планъ нашей книги, на его прошлое и на окружающую его природу. Вообще въ описаніе каждаго народа у насъ прежде всего вошли слѣдующія стороны его жизни: пища, одежда, жилище, суевѣрія, домашняя и общественная жизнь, образованіе и политическое устройство.

Елизавета Родовозова.

СПИСОКЪ ИСТОЧНИКОВЪ.

- Esquiros. L'Angleterre et la vie anglaise. 5 vols.
 Ложель. Англія въ политическомъ и социальномъ отношеніи. Спб. 1874.
 Тэнъ. Очерки современной Англіи. Спб. 1872.
 Фонтъ-Реаль. Англія и Лондонъ. Спб. 1876.
 Wall u. Jenny Hirsch. Haus u. Gesellschaft in England. 1878.
 Луи-Бланъ. Письма объ Англіи. Спб. 1866 г. 2 т.
 Фоме. Очерки Англіи. Спб. 1863.
 Kervigan. L'Angleterre telle qu'elle est, ou seize ans d'observations dans ce pays.
 2 vols. P. 1860.
 Финель. Государственный строй Англіи. Перев. Цейдлера. Спб. 1862.
 London, a pilgrimage by Gustave Doré and Blanchard Jerrold. Lond. 1872.
 Rodenberg. Studienreisen in England. Leipz. 1872.
 Rodenberg. Tag und Nacht in London. Berl. 1863.
 Beta. Aus dem Herzen der Welt. II-ter Band. Londoner Lebens- und Verkehrsbilder. Leipz. 1866.
 Heath. The english peasantry. Lond. 1874.
 Владѣніе и пользованіе земель въ различныхъ странахъ.—Собраніе старей и вѣстныхъ современныхъ экономистовъ. Спб. 1871.
 Nadand. Histoire des classes ouvrières en Angleterre. P. 1872.
 Марксъ. Капиталь. Спб. 1872.
 Hippreau. L'instruction publique en Angleterre. P. 1872.
 Деможо и Монтуччи. Среднія учебныя заведенія въ Англіи и Шотландіи. М. 1870 г.
 Визе. Нѣмецкія письма объ англійскомъ воспитаніи. Спб. 1858.
 Mayhew. London labour and the London poor; a cyclopaedia of the condition and earnings of those that will work, those that cannot work, and those that will not work. 2 ed. Lond. 1862.
 Greenwood. The seven curses of London. Lond.
 Thiselton Dyer. British popular customs, present and past, illustrating the social and domestic manners of the people. Lond. 1876.
 Михайловскій. Англійская церковь и ея отношеніе къ православію. Спб. 1864.
 Графъ Парижскій. Рабочіе союзы въ Англіи. Перев. Баллина. 1871.
 Жеребцовъ. Хозяйственныя замѣтки объ Англіи и Шотландіи. М. 1862.
 Rodenberg. Ein Herbst in Wales, Land und Leute, Märchen und Lieder. Hannover. 1857.
 Lavergne. Economie rurale d'Angleterre.
 Macaulay, James. Ireland in 1872. A tour of observation. With remarks on irish public questions. Lond. 1873.
 Тренчъ. Очерки Ирландской жизни. Перев. съ англ. Спб. 1873.
 Милль. Англія и Ирландія. Харьковъ. 1873.

- Helferich.** Skizzen und Erzählungen aus Irland. Berl.
Althaus. Englische Charakterbilder. 1869. 2 Bd.
 Рабочіе союзы въ Англии. Соч. Работнива. М. 1868.
Ludlow und Lloyd Jones. Die arbeitenden Klassen 'Englands in socialer und politischer Beziehung. Aus dem Englischen von Holtzendorff. Berl. 1868.
Kohl. Reisen in England und Wales. 3 Bd. 1844.
Kohl. Reisen in Schottland. 2 Th. 1844.
Lewald. Fanny. England und Schottland. Braunsch. 1851. 2 Bd.
Fontane. Jenseit des Tweed. Bilder und Briefe aus Schottland. Berl. 1860.
Ramsay. Reminiscences of scottish life and character. Edinb. 1874.
Andree. Vom Tweed zur Pentlandföhrde. Jena. 1866.
Mercey. Souvenirs d'Esosse. Rev. des deux Mondes. 1 Sept. 1837, 15 Juillet et 1 Septembre 1838, 15 Janv. 1839.
Mercey. L'Esosse en 1840. Rev. des deux Mondes. 1841, 1 Mai.
Hobirk. Wanderungen auf dem Gebiete der Länder und Völkerkunde. Grossbritannien und Irland.
 Боткинъ. Двѣ недѣли въ Лондонѣ. Рус. Вѣстн. 1860 г. т. 25.
 Диккенсъ. Очерки Лондона. Современ. 1852 г. т. 33.
 Диккенсъ. Лондонскіе воры и лондонская полиція. Современ. 1851 г. т. 31.
 Диккенсъ. Нашъ приходъ. Приходскій староста. Приходскій учитель. Современ. 1852 г. т. 33.
 Михайловъ. Лондонскія замѣтки. Современ. 1859, т. 75—77.
 Полиція и мошенники въ Лондонѣ. (Изъ Revue Britannique). Сѣверн. Пчела, 1857 г. №№ 1, 2, 3 и 5.
 Митингъ ворововъ въ Лондонѣ. Биржевыя Вѣдомости, 1874 г., № 150 и 164.
 Альбертини. Система народнаго образованія въ Англии. От. Зап. 1863. т. 147.
 Куломзинъ. Объ элементарномъ воспитаніи въ Англии. Русск. Слово. 1860 г. №№ 3 и 4.
Reybaud. L'enseignement des classes moyennes en Angleterre. Rev. des deux Mondes, 1865, 1 Juillet.
 Дашковъ. Оксфордскій университетъ. Учитель, 1860, № 20.
 Вольскій. Оксфордскій университетъ. Русск. Вѣстн. 1861 г. № 2.
 Народное образованіе въ Англии. Отеч. Зап. 1875 г. № 7.
 Узель. О началахъ англійскаго университетскаго воспитанія. Русск. Бесѣда. 1858 г. №№ 10 и 11.
 Игнатовичъ. Исторія англійскихъ университетовъ. Журн. Мин. Нар. Пр. 1861 г. т. 110 и 111. (№№ 6—9).
 Сельская жизнь въ Англии или воспоминанія французскаго изгнанника. (La vie rurale en Angleterre). Рус. Вѣстн. 1863 г. №№ 4 и 5.
 Очерки Англии. Заграничн. Вѣстн. 1864 г. №№ 1, 3, 9.
 Учебныя заведенія въ Англии. Русск. Педаг. Вѣстн. 1860 г. №№ 3 и 4.
 Вальрондъ. Внутренній бытъ Итонской школы. Рус. Вѣстн. 1867 г. № 3.
 Штейнъ. Государство и народное образованіе въ Англии, Германіи и Франціи. 1876 г.
 Селянинъ. Общество друзей или квакеры. Православное Обзорѣніе, 1870 г. №№ 8 и 10.
 Поповъ. Устройство и бытъ англійской церкви. Правосл. Обзор. 1860 г. №№ 7, 8 и 9.
 Р. Религіозный вопросъ. Корреспонденція изъ Лондона. Вѣстн. Евр. 1874 г. № 8.
 Кустодіевъ. Жизнь сельскаго духовенства въ Англии. Православ. Обзорѣніе, 1867 № 8.
 Общества рабочихъ въ Англии съ цѣлями образованія. Современ. 1865 г. № 2.

- Ватсонъ.** Рабочіе классы Англии.—Манчестерская школа. Современникъ, 1864 г. №№ 8 и 9.
- Рочдельское общество взаимнаго вспомоцествованія. Современникъ, 1860 г. т. 80, № 4.
- Молянари.** Союзы рабочихъ въ Англии. Русск. Вѣстн. 1869 г. № 6.
- Leroy-Beaulieu.** Les bandes agricoles en Angleterre. Rev. des deux Mondes. 1869, 1 Septembre.
- Английскій рабочий.** Вѣстн. Евр. 1873 г. № 8.
- Феокистовъ.** Стачка рабочихъ въ Лондонѣ. Русск. Вѣст. 1860 г. № 10.
- Шульцъ.** О сельскихъ рабочихъ въ Англии. Современ. 1858 г. т. 72.
- Английскіе митинги.** Отеч. Зап. 1857 г. № 12.
- Trade-unions** въ Англии. Слово, 1879 г. № 1.
- Лугининъ.** Общество работниковъ въ Англии для приобрѣтенія въ собственность земель и домовъ. Отеч. Зап. 1863 г. №№ 11, 12.
- W.** Стачки рабочихъ во Франціи и Англии. Современ. 1865 г. № 6.
- Каменскій.** Рабочій народъ въ Англии. Вѣст. Промышл. 1860 г. №№ 8 и 9.
- Зимберъ.** Новѣйшее фабричное законодательство Великобританіи. Отечест. Зап. 1877 г. №№ 1 и 4.
- К.** Ремесленные союзы въ Англии. Вѣстн. Евр. 1878 г. № 8.
- Ненарокомовъ.** Обзорѣніе сельскаго хозяйства въ Великобританіи и Ирландіи. Журн. Землевлад. 1858—1859 г. №№ 15, 16, 18, 19 и 20.
- Шелгуновъ.** Рабочій пролетаріатъ въ Англии и Франціи. Собр. Соч. т. I.
- Ш.** Матеріальныя и умственныя средства Великобританіи. Дѣло, 1878 г. № 4.
- Ермоловъ.** Очеркъ сельскохозяйственнаго строя въ Англии. Журналъ Сельск. Хоз. и Лѣсов. 1873.
- Очеркъ политическаго и соціального положенія въ Великобританіи. Слово. 1879 г. № 3.
- Жизнь на маякахъ.** (Изъ Cornhill Magazine). Морской Сборникъ 1860 г. № 11, Октябрь, т. 49.
- И. Ф.—ъ.** Лондонъ подъ землей и водой.—Лондонъ въ воскресенье.—Митинги въ Гайдъ-Паркѣ.—Английскія женщины, ихъ права и надежды.—Лондонъ въ туманѣ.—Новый Александровскій паркъ и дворецъ.—Семейный англійскій клубъ.—Царство журналистики въ Англии.—Газетное дѣло въ Лондонѣ.—Недѣля 1875 г. №№ 3, 5, 8, 11, 12, 13, 18, 45 и 46.
- Шашковъ.** Газетная пресса въ Англии. Дѣло, 1872 г. № 3.
- Очеркъ исторіи журналистики въ Англии. Отеч. Зап. 1858 г., т. 116.
- Де-Роберти.** Англійская журналистика. Русскій Вѣстникъ 1862 г. № 3 и 5.
- Никласъ Роу.** Унивѣрситетская жизнь въ Англии. Русскій Вѣстникъ 1864 г. №№ 6—9.
- Очерки Нью-Кестля. Кронштадт. Вѣст. 1869 г. №№ 122 и 129.
- Утинъ.** Государственный бытъ Англии. Отеч. Зап. 1862 г. т. 143.
- Andree.** Die ethnograph. Verhältnisse Schottlands. Globus. 1874 г. Bd. 25, №№ 1—3.
- Д—скій.** Поѣздка въ горную Шотландію. Рус. Вѣст. 1862 г. т. 39 и 42.
- Англійская политика въ Ирландіи. Вѣст. Евр. 1874 г. № 2.
- Шашковъ.** Судьбы Ирландіи (въ книгѣ «Историческіе Очерки». 1875).
- А. С.** Положеніе рабочей женщины въ Ирландіи. Женск. Вѣст. 1867 г. № 7.
- Д. Н.** Поземельный вопросъ въ Ирландіи. Русск. Вѣст. 1870 г. № 7.
- Янжуль.** Англійская торговая политика въ Ирландіи. Юридич. Вѣст. 1877 г., Ноябрь и Декабрь.
- Laveleye.** La question agraire en Irlande et en Angleterre. Rev. des deux Mondes, 15 Juin et 15 Juillet 1870.
- Современное состояніе Ирландіи. Рус. Слово. 1863, №№ 11—12.

- Аграрный вопросъ въ Ирландіи. Отеч. Зап. 1872 г. №№ 7 и 8.
- Пэръ. Исторія Ралагайнской кооперативной земледѣльческой ассоціаціи въ Ирландіи. (Въ изд. Баллина: Кооперативное земледѣліе. Спб. 1872 г.).
- Объ аграрномъ строѣ въ Ирландіи. Вѣст. Евр. 1870 г. № 3.
- Кн. Васильчиковъ. Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европ. странахъ (статья объ эмиграціи). Спб. 1876 г. т. I.
- Lasteyrie. Les Fenians et l'Irlande. Revue des deux Mondes. 1867 г. 15 Avr.
- Lasteyrie. L'Irlande, ses griefs et sa nationalité. Revue des deux Mondes. 1860, 15 Décembre.
- Lasteyrie. L'Irlande et les causes de sa misère. Rev. des deux Mondes. 1863, 15 Octobre.
- Lavergne. L'Irlande en 1867. Rev. des deux Mondes, 1867, 1 Décembre.
- Wild. Die Niederlande. Ihre Vergangenheit und Gegenwart. 2 Bd. Leipz. 1862.
- Esquiros. La Néerlande et la vie Hollandaise. P. 1859. 2 vols.
- Colet. Promenade en Hollande. P. 1859.
- Navard. La Hollande pittoresque. Voyage aux villes mortes du Zuiderzée. P. 1874.
- Нидерландцы и голландская жизнь. Москов. Вѣд. 1856 г. №№ 96, 98, 100, 102, 107, 111 и 114. (Изъ Rev. des deux Mondes).
- Laveleye. Economie rurale de la Hollande. Rev. d. d. Mondes. 1863, 15 Sept. et 1 Nov., 1864, 15 Janv. et 1 Avr.
- Gerard de Nerval. Les fêtes de mai en Hollande. R. des deux Mondes. 1852, 15 Juin.
- Laveleye. L'école laïque et l'enseignement primaire en Hollande. R. d. d. Mondes, 1 Août, 1866.
- Соколовъ. Нидерландскіе университеты. «Журн. для Воспитанія» 1858 т. IV.
- Réville. Les controverses et les écoles religieuses en Hollande. R. d. d. M. 1860, 15 Juin.
- Réville. L'église des anciens catholiques en Hollande. R. d. d. M. 1872, 15 Mai.
- Судаковъ. Реформатская церковь въ Голландіи. Христ. Чтен. 1861 г. ч. I, №№ 4 и 5.
- О религиозной терпимости въ Нидерландскихъ училищахъ. Жур. «Воспитаніе» 1860 г. т. VII, кн. 6.
- Колоніи Моравскихъ братьевъ въ Голландіи. Отеч. Зап. 1858. т. CXVI.
- Монье. Воспоминанія о Голландіи. Жив. Сборн. 1857 г., стр. 230—234.
- Navard. La Hollande pittoresque. Les frontières menacées. Voyage dans les provinces de Frise, Groningue, Drenthe, Overyssel, Gueldre et Limbourg. Paris. 1876.
- Oetker. Belgische Studien. Schilderungen und Erörterungen. Stuttgart. 1876.
- Reinsberg-Düringsfeld. Traditions et legendes de la Belgique. Brux. 1870. 2 vols.
- Laveleye. Essai sur l'économie rurale de la Belgique. 2 ed. 1863.
- Kohl. Reisen in den Niederlanden.
- Dauby. Les classes ouvrières en Belgique. Brux. 1862.
- Лугининъ. Бельгійскія земскія учрежденія. Русск. Вѣст. 1864 г. № 12.
- Лавелей. Поземельная система Бельгіи и Голландіи (въ сборникѣ: Владѣніе и пользованіе землей въ различныхъ странахъ. Спб. 1871).
- Воздѣлываніе Кампинны въ Бельгіи. Тр. Вольн. Экон. Общ. 1863 г. т. I.
- Консидеранъ. Первоначальное, среднее и высшее обученіе въ Бельгіи. Ж. М. Н. Пр. ч. CXIII, № 1.
- Визе. О нѣкоторыхъ школахъ и воспитательныхъ заведеніяхъ въ Бельгіи. Рус. Пед. Вѣстн. 1858. № 6 (т. IV).
- Гурьевъ. Первоначальное народное образованіе въ Бельгіи. Русск. Пед. Вѣстн. 1858 г. т. III, № 2.
- Водовозовъ. Письма о народномъ образованіи въ Бельгіи. Ж. М. Н. Пр. 1862 г. №№ 8 и 10.

Капустинъ. Политическіе очерки Бельгіи. Русск. Вѣстн. 1857 г. т. XI, № 20 и т. XII, № 24.

Капустинъ. Политическіе очерки Бельгіи.—Парламентскіе выборы. Рус. Вѣстн. 1858 г. № 3, Февр. вв. 1.

Капустинъ. Литературное общество студентовъ въ Лувенѣ. Москов. Вѣд. 1858 г. Литер. Отд. № 20.

Duval. Gheel, une colonie d'aliénés, moeurs de la Campine. Revue des deux Mondes. 1857, 1 Novembre.

Молинали. Письмо къ редактору Русск. Вѣстника (о Бельгіи). Рус. Вѣстн. 1860 г. XXVIII, № 15, Авг. вв. 1-я.

Zschokke. Reisebilder aus dem Skandinavischen Norden. 1877.

Moritz Tagebuch der Reisen in Norwegen. 1853.

Verkhuizen. Norwegen, seine Fjorde und Naturwunder. 1871.

Brandes. Ausflug nach Norwegen. 1867.

Passarge. Schweden, Wisby und Kopenhagen.

Rasch. Aus einem freien Lande. Reisebuch durch Schweden. Wien. 1869.

Гротъ. Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію. Спб. 1874.

Lloyd. Peasant life in Sweden. 1870.

Broch. Le royaume de Norwège et le peuple Norwegien. Christ. 1876.

Vandal. En karriole à travers la Suède et la Norwège P. 1876.

Costumes Suédoises de la Scanie. (Съ великолѣпно раскрашенными рисунками).

Герье. О сословіяхъ въ Швеціи. Русск. Вѣстн. 1862 г. т. 38, № 4.

Фохтъ. Путешествіе на сѣверъ вдоль Норвежскаго берега. Спб. 1867 (Изъ этой книги взято описаніе г. Бергена и Ставангера).

Фритіофъ. Скандинавскій витязь. Поэма Тегнера. Переводъ Як. Грота. 2 изд. Воронежъ. 1874.

Kist. Dänisches und Schwedisches. 1869.

Geffroy. La Suède sous le roi Charles XV. Revue des deux Mondes 1872, 15 Décembre.

Wittken. Studien über Jütland. Berl. 1865.

Hobirk. Skandinavien.

Земледѣльческій промыселъ въ Даніи. Труды Вольн. Эконом. Общ. 1872 г. т. III.

Saint-Amand. Le Danemark en 1873. Revue des deux Mondes, 15 Mai 1873.

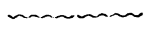
J. v. Düringsfeld u. O. Fr. v. **Reinsberg-Düringsfeld.** Hochzeitsbuch. Brauch u. Glaube der Hochzeit bei den christlichen Völkern Europa's. Leipz.

J. v. Düringsfeld u. O. Fr. v. **Reinsberg-Düringsfeld.** Ethnographische Curiositäten. Leipz. 1879.

ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВЪ.

	Страницы.
1. Уличная сцена въ Лондонѣ: продавецъ устриць, торговка яблоками, уличные музыканты и пѣвицы, торговецъ овощами, ходячее объявленіе и другой уличный людъ	36— 37
2. Уличное представленіе Понча и его слушатели	40— 41
3. Ипсомскія скачки	116—117
4. Боксъ	128—129
5. Палата общинъ	220—221
6. Шотландскій пейзажъ	232—233
7. Шотландская природа и люди	238—239
8. Ирландское семейство	248—249
9. Ирландская дѣвочка	272—273
10. Голландское семейство	296—297
11. Катаніе по льду въ Голландіи	308—309
12. Типы голландскихъ женщинъ въ ихъ національномъ головномъ уборѣ	334—335
13. Голландскій людъ: налѣво женщина и мужчина — жители острова Урка; группа посреди — съ острова Маркена; женщина направо — изъ Сѣвернаго Брабанта	344 — 345
14. Сценка изъ бельгійской жизни: молочницы съ телѣжками, запряженными собаками	354—355
15. Ратуша въ Лувенѣ	420—421
16. Норвежское семейство	446—447
17. Женихъ и невѣста въ Норвегіи	450—451
18. Прибрежные жители Норвегіи	456—457
19. Шведы: жители провинціи Шоненъ	466—467
20. Шведы, отправляющіеся въ церковь	490—491
21. Шведская свадьба	480—481
22. Жители южной Швеціи	490—491
23. Датчане: жители острова Зеландіи	512—513
24. Ютландцы	522—523

ОГЛАВЛЕНІЕ.

АНГЛІЯ.

	Стр.
<i>Темза.</i> —Приближеніе къ Лондону.—Гравезендъ.—Вульвичъ.—Гринвичъ.—Лондонъ.—Уличная суета и подвижность.—Городъ объявленій.—Уличные доктора и ораторы.—Туманы.—Громадность Лондона.—Лордъ-мэръ и лондонскій Сити.—Подземная желѣзная дорога	1
<i>Роскошь Вестъ-Энда и ужасающая бѣдность Остъ-Энда.</i> —Лоскутный рынокъ.—Парки и любовь англичанъ къ природѣ.—Сентъ-Джемскій паркъ.—Гайдъ-паркъ.—Страсть къ верховой ѣздѣ.—Виѣшность дамъ, мужчинъ и дѣтей.—Характеръ митинговъ рабочихъ и митинги воровокъ.—Лондонскій сезонъ и его значеніе для столицы	13
<i>Монументальный Лондонъ.</i> —Характеръ лондонскихъ зданій.—Соборъ Св. Павла.—Вестминстерское аббатство.—Уголь поэтовъ.—Парламентъ.—Александровскій и Сейденгэмскій дворцы	25
<i>Доки.—Корабли.</i>	32
<i>Уличная музыка съ Лондонъ.</i> —Странствующие музыканты и пѣвцы.—Разнообразное содержаніе ихъ пѣсенъ.—Черные музыканты.—Авторы уличныхъ пѣсенъ.—Ихъ честолюбіе и жалкая жизнь.—Когда наиболѣе цѣнятъ уличныхъ пѣвцовъ.—Ихъ привычки и обычай.—Ночныя серенады.—Пончъ и Джуди.—Исторія маріонетокъ въ Англіи.—Происхожденіе и характеръ Понча.—Любовь къ нему народа.—Жизнь уличныхъ артистовъ.—Ночлежные пріюты	34
<i>Уличная промышленность.</i> —Ковентгарденскій и Биллингсетскій рынки.—Рыночные сады и огороды.—Лондонскій уличный торговецъ и исторія его жизни, или самый разсказанная.—Летучая газетная торговля.—Искатели окурковъ.—«Грязные жаворонки».—Чистильщики	42
<i>Ллойдъ.—Купцы Сити.—Черная книга.</i>	48
<i>Лондонскіе воры, полиція и правосудіе.</i> — <i>Алмэйскія тюрьмы.</i>	50
<i>Клубы.</i> —Характеръ прежнихъ клубовъ и ихъ вліяніе.—Нынешніе клубы.—Ихъ виѣшній видъ и замѣчательная роскошь.—Частные клубы.—«Греки и голуби».—Страсть къ пари и къ азартнымъ играмъ.—Чѣмъ объяснить пристрастіе англичанъ къ клубамъ.—Хорошія и дурныя стороны этихъ учреждений.—Типъ «клубиста».—Его жизнь и надежды.—Таверны и клубы рабочихъ	57
Какъ проводятъ англичане воскресенье.—Проповѣди въ церквяхъ и уличные проповѣдники	66
<i>Домъ и его убранство.</i> —Порядокъ, дисциплина, чистота и комфортъ въ домашнемъ быту.—Прислуга, ея жизнь и отношеніе къ господамъ.—Гувернеры и гувернантки.—Что ѣдятъ и пьютъ въ Лондонѣ.—Поддѣлка принасовъ	69

<i>Журналистика въ Англии.</i> — Ея прошлое и настоящее. — Times. — Содержание этой газеты и ея значеніе въ странѣ. — Громадный запросъ на газеты. — Рабочій людъ редакціи	75
<i>Англійская семья.</i> — Отношеніе дѣтей къ родителямъ. — Авторитетъ отца. — Англійскіе юноши. — Что такое джентльменъ. — Гостепріимство и отношеніе къ иностранцамъ. — Характеръ англичанъ. — Женщины и ихъ права	82
<i>Праздники и развлечения англичанъ.</i> — Рождество. — Приготовленіе къ этому дню. — Какъ англичанки украшаютъ въ этотъ день свои дома. — Рождественская литература. — Первый день праздника: игры, забавы, рассказы и пѣсни. — Англійскій театр. — Рождественскія пантомимы на лондонскихъ театрахъ и въ частныхъ домахъ. — Фантастическія превращенія. — Страстующіе актеры. — Новый годъ. — Праздникъ плуга. — День Св. Валентина. — Значеніе майскихъ праздниковъ. — Окончаніе жатвы	95
<i>Свадьба и похороны.</i>	111
<i>Ипсомскія скачки.</i> — Ихъ огромное значеніе для англичанъ. — Пари. — Путешествіе въ Ипсомъ. — Необыкновенное оживленіе Дерби. — Дубовыя и Аскотскія скачки. — Ньюмаркетскія конюшни. — Какъ воспитываютъ лошадей въ дрессировальныхъ школахъ. — Тренеры, грумы и жокеи. — Ихъ жизнь и положеніе въ обществѣ	113
<i>Спортъ въ Англии.</i> — Игры и гимнастическія упражненія. — Страсть англичанъ къ крикету. — Скороходы. — Ихъ воспитаніе. — Плаваніе. — Гонка шлюпокъ на Темзѣ. — Боксъ — любимое развлеченіе англичанъ. — Боксеры: ихъ наружность и воспитаніе; ихъ жаргонъ и нравы	123
<i>Народное образованіе</i>	132
<i>Среднія учебныя заведенія.</i> — Извѣстѣйшія грамматическія школы. — Время ихъ основанія. — Школьные порядки. — Полнѣйшая свобода воспитанниковъ. — Атлетическія забавы, ихъ значеніе и послѣдствія. — Стипендіаты и ихъ отличіе отъ своекоштныхъ. — Дисциплина и тѣлесныя наказанія. — Мониторіальная система и ея значеніе въ англійскихъ школахъ. — Маленькіе школьники, замѣняющіе старшимъ воспитанникамъ прислугу. — Жестокія страданія дѣтей. — Учителя. — Тьюторы. — Преподаваніе. — Ученическія собранія и журналы. — Результаты воспитанія въ грамматическихъ школахъ	134
<i>Итоги.</i>	143
<i>Оксфордъ.</i> — Вѣншній видъ города. — Оксфордскій университетъ. — Коллеги. — «Стипендіаты», «служащіе и своекоштные студенты». — Экзамены. — Правила и наказанія. — Жизнь, нравы, удовольствія, празднества и кутежи студентовъ. — Городскіе торговцы и ихъ значеніе въ жизни учащейся молодежи	144
<i>Духовенство.</i> — Вѣншняя обстановка сельскаго священника. — Жизнь священника, его привычки, отношеніе къ окружающимъ и его общественное положеніе. — Церковь и церковная служба. — Клубы и удовольствія, устраиваемыя священниками для поселянъ	154
<i>Англиканская религія и отличіе ея отъ протестантской и католической</i>	159
<i>Методисты.</i> — <i>Баттисты.</i> — <i>Квакеры.</i> — Жизнь, понятія и вѣрованія этихъ сектаторовъ	162
<i>Сельское хозяйство.</i> — Почва и климатъ Англии. — Важнѣйшія занятія по сельскому хозяйству: овцы, крупный скотъ. — Скаковая лошадь — національная страсть англичанина. — Турнепс и его огромное значеніе въ хозяйствѣ. — Разнообразіе удобреній. — Обработка почвы и огромное значеніе машинъ. — Ячмень и пшеница — главныя хлѣбныя растенія	169
<i>Жизнь фермеровъ.</i> — <i>Крестьяне и ихъ жены;</i> горькая судьба ихъ семействъ; ихъ жилища и заработокъ. — Сельская жизнь. — Различіе междуанглійскимъ городемъ и селомъ. — Любовь англичанъ къ деревенской жизни	174
<i>Матросы.</i> — Возвращеніе судна. — Вербовщики. — Жизнь, характеръ и привычки англійскаго матроса. — «Sailor's home». — Стремленіе англійскихъ юношей сдѣлаться моряками	182
<i>Черные алмазы.</i> — Громадное значеніе каменнаго угля. — Исторія его введенія. — Ньюкэстль. — Видъ города. — Жилища рудокоповъ. — Ихъ труды и жизнь, полная лишеній. — Дѣти и жены рудокоповъ	188

	Стр.
<i>Манчестеръ.</i> — Видъ города и его блестящая хлопчатобумажная промышленность. — Усовершенствованныя машины; переворотъ, производимый ими въ судьбѣ фабрикантовъ, рабочихъ и самого производства. — Хлопчатобумажныя лорды и бѣдняки Манчестера. — Пьянство. — Рабочая семья	193
<i>Распределение рабочихъ часовъ.</i> — Алчность фабрикантовъ. — Рабство рабочихъ. — Смертность дѣтей, нравственное увѣчье и употребленіе опиума. — Стачки. — Эмиграція рабочихъ. — Заработокъ. — Отвращеніе къ рабочимъ домамъ. — Характеръ англійскихъ рабочихъ. — Внутренній бытъ мастерскихъ. — Какъ рабочій проводитъ субботній и воскресный день. — Казино. — Танцы и удовольствія рабочихъ. — Парикмахерская и ея значеніе	198
<i>Рабочіе союзы и ихъ значеніе для фабричныхъ</i>	211
<i>Англійская конституція.</i> — Парламентъ и его значеніе въ странѣ. — Внѣшній видъ парламента. — Палата лордовъ. — Англійская аристократія. — Право первородства. — Старшіе и младшіе сыновья лордовъ. — Составъ палаты лордовъ. — Палата общинъ, ея члены и значеніе въ странѣ. — Открытіе парламента королевой. — Выборы въ палату общинъ	213

ШОТЛАНДІЯ.

<i>Природа страны.</i> — Горная Шотландія. — Гэлы. — Ихъ языкъ, одежда и нравы прежняго времени. — Жилища, обстановка, пища, жизнь и суевѣрія нынѣшнихъ гэловъ. — Ихъ пѣсни и музыкальные инструменты. — Различіе между англичанами и шотландцами. — Шотландскіе солдаты. — Забавы, праздники и занятія горцевъ	228
<i>Городъ Викъ и ловля сельдей</i>	241
<i>Образованіе въ Шотландіи.</i> — Религія. — Шотландская пресвитеріанская церковь. — Богослуженіе. — Воскресный день	243

ИРЛАНДІЯ.

<i>Природа, жизнь и нравы сѣверной и западной части страны.</i> — Жилища, одежда и пища ирландцевъ	247
<i>Городская жизнь въ Ирландіи.</i> — Лимерикъ и Дублинъ	251
<i>Климатъ Ирландіи, ея почва и пути сообщенія.</i> — Нищета народа и причина его бѣдственнаго положенія. — Прошлая судьба ирландцевъ. — Обезземеленіе народа. — Его страданія и нищета. — Религіозныя преслѣдованія. — Мятежи. — Упадокъ земледѣлія, промышленности и торговли. — Жестокое отношеніе землевладѣльцевъ къ народу. — Смертельная ненависть ирландцевъ къ англичанамъ. — Бѣлые парни. — Ирландія въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. — Болѣзнь картофеля и положеніе страны въ 40-хъ годахъ. — Эмиграція. — Ирландскій народъ въ настоящее время. — Тайный союзъ феніевъ	253
<i>Характеръ, обычаи и привычки ирландскаго народа.</i> — Майскіе и іюньскіе праздники	271

ГОЛЛАНДІЯ.

<i>Внѣшній видъ страны:</i> природа и люди. — Вѣтряныя мельницы. — Ихъ значеніе и польза. — Каналы и ихъ разнообразныя услуги	274
---	-----

	Стр.
<i>Вѣчная борьба голландцевъ съ природою.</i> —Наводненія и несчастія	278
<i>Первые обитатели Голландіи: батавы и фризы.</i> — <i>Плотины, шлюзы и дюны.</i> —	
Ихъ значеніе въ странѣ	281
<i>Осушеніе озеръ и болотъ.</i> —Гарлемское озеро: его прошлое и настоящее	284
<i>Жизнь на водѣ.</i> — <i>Бѣда въ трешкотѣ.</i> — <i>Хижины на водѣ.</i> — <i>Картины голланд-</i>	
<i>ской жизни и природы</i>	288
<i>Дороги и экипажи</i>	293
<i>Знаменитое голландское садоводство.</i> — <i>Страсть къ цвѣтамъ.</i> — <i>Тюльпанная го-</i>	
<i>рячка</i>	294
<i>Дома.</i> — <i>Ихъ внѣшній видъ и внутреннее устройство.</i> —« <i>Шціоны.</i> »— <i>Крестьян-</i>	
<i>скіе дома.</i> — <i>Стойла у простонародья и у людей зажиточныхъ.</i> — <i>Любовь къ астамъ.</i> —	
<i>Голландская опрятность.</i> — <i>Пристрастіе къ китайскимъ бездѣлушкамъ и фарфору.</i> —	
<i>Кухня и домашнее хозяйство.</i> — <i>Что ѣдятъ голландцы.</i> — <i>Ихъ загородные дома</i>	296
<i>Семейные обычаи.</i> — <i>Свадьба.</i> — <i>Крестины.</i> — <i>Похороны</i>	305
<i>Конскій быгъ.</i> — <i>Бѣганье на конькахъ</i>	307
<i>Керемесъ.</i> — <i>Необыкновенное оживленіе народа и обычаи въ эти дни</i>	310
<i>Занятія жителей.</i> — <i>Ловля сельдей и трески.</i> — <i>Городъ Флардингенъ.</i> — <i>Рыбаки</i>	
<i>и ихъ жены.</i> — <i>Страхъ и надежда несчастныхъ женщинъ.</i> — <i>Одежда мѣстныхъ жителей.</i>	311
<i>Скотоводство.</i> — <i>Сѣверная Голландія.</i> — <i>Городъ Альмаръ и сыровареніе.</i> — <i>Земле-</i>	
<i>дѣліе и положеніе земледѣльцевъ.</i>	316
<i>Торфъ</i> и его значеніе въ странѣ	319
<i>Ловля утокъ</i>	322
<i>Государственное устройство.</i> — <i>Отношеніе короля къ подданнымъ.</i> — <i>Обществен-</i>	
<i>ная и религіозная жизнь народа.</i> — <i>Характеръ церквей.</i> — <i>Благотворительность.</i>	324
<i>Голландскій народъ.</i> — <i>Мужчины, женщины, дѣти.</i> — <i>Ихъ внѣшній видъ, харак-</i>	
<i>теръ, понятія, привычки.</i> — <i>Одежда.</i> — <i>Цѣнность и значеніе головнаго женскаго убора</i>	329
<i>Языкъ голландцевъ.</i> — <i>Народное образованіе.</i> — <i>Лейденскій университетъ.</i> — <i>Сту-</i>	
<i>денты.</i> — <i>Профессора нидерландскихъ университетовъ и ихъ лекціи</i>	334
<i>Амстердамъ.</i> — <i>Видъ этого города и его прошлая судьба.</i> — <i>Уличная жизнь и</i>	
<i>движеніе.</i> — <i>Каналы.</i> — <i>Амстердамскіе купцы.</i> — <i>Характеръ домовъ.</i> — <i>Замѣчательныя по-</i>	
<i>стройки.</i> — <i>Ратуша.</i> — <i>Клубы и ихъ значеніе.</i> — <i>Театры.</i> — <i>Недостатокъ воды.</i> — <i>Погода.</i> —	
<i>Предѣстье города.</i> — <i>Евреи: ихъ прошлое и настоящее положеніе въ Голландіи.</i> —	
<i>Шлифованіе алмазовъ</i>	340

БЕЛЬГІЯ.

<i>Фламандцы и валлоны.</i> — <i>Природа страны.</i> — <i>Сходство Бельгіи съ Ломбардіею.</i> —	
<i>Языкъ.</i> — <i>Фламаноманы и ихъ стремленія.</i> — <i>Религія и влияніе на народъ католическа-</i>	
<i>скаго духовенства.</i> — <i>Характеръ народа, его суевѣрія и одежда.</i> — <i>Различіе между Гол-</i>	349
<i>ландіею и Бельгіею</i>	
<i>Свобода сходовъ и устройство различныхъ обществъ.</i> — <i>Цѣль и средства этихъ</i>	
<i>обществъ.</i> — <i>Ихъ громадное значеніе въ странѣ и увеселенія.</i> — <i>Бельгійская пивная.</i> —	
<i>Состязаніе обществъ между собой и призы.</i> — <i>Общества стрѣлковъ, и преимущества,</i>	
<i>которыя они пользовались въ государствѣ.</i> — <i>Ихъ процессіи въ прежнее время.</i> —	
<i>Короли стрѣлковъ и ихъ права.</i> — <i>Нынѣшнія общества стрѣлковъ и больдерсовъ.</i> —	
<i>Состязаніе дамъ.</i> — <i>Общества поощренія игры въ шахматы, въ шашки и кости.</i> — <i>Со-</i>	
<i>стязаніе между собою членовъ общества въ подражаніи пѣтушьему крику и кури-</i>	
<i>ному хлоптанью.</i> — <i>Цвѣточные выставки.</i> — <i>Ихъ значеніе для бельгійцевъ.</i> — <i>Выставки</i>	
<i>скота.</i> — <i>Головы быковъ, убивчанныя лавровыми вѣнками.</i> — <i>Общества распространенія</i>	
<i>голубей и канареекъ</i>	357
<i>Раздача призовъ.</i> — <i>Съ какимъ искреннимъ восторгомъ и торжествомъ чувству-</i>	
<i>ють побѣдителя.</i> — <i>Рѣчи и аплодисменты.</i> — <i>Торжественныя встрѣчи королей прежде</i>	
<i>и теперь.</i> — <i>Юбилейныя торжества новѣйшаго времени</i>	365

	Стр.
<i>Церковная братства.</i> —Религіозныя процессіи.—Шествіе великановъ.—Святые бельгійцевъ и путешествія къ святымъ мѣстамъ.—Процессіи въ честь святыхъ.—Процессія въ Верне.—Проглатываніе живой рыбки	372
<i>Фламандскія и валлонскія штры на ярмаркахъ.</i> —Карнаваль, балы, увеселенія и обычаи этого времени.—Праздники дѣтей.—28 декабря.—День Св. Фомы.—6 Января .	379
<i>Кампина.</i> —Характеръ мѣстности и нравы жителей.—Крестины.—Похороны.—Свадьба.—Торжественный переѣздъ служащихъ.—Геель—колонія сумашедшихъ.—Ихъ жизнь и отношеніе къ окружающимъ	383
<i>Влестящіе устѣхи земледѣлія</i> въ Бельгii и тяжелый трудъ землепашца.—Провинція Фландріи и зажиточность ея жителей	391
<i>Дюны и жилища въ нихъ.</i> —Прибрежные жители, ихъ жизнь и занятія.—Ловля креветокъ, рыбы, устриць, ракушекъ	395
<i>Жизнь и характеръ бельгійскихъ городовъ.</i> — <i>Гентъ.</i> —Первое впечатлѣніе.—Памятники прошлаго и нынѣшнія постройки.—Прошлое и настоящее этого города.—Цвѣтоводство.—Хлопчато-бумажное производство.—Жизнь бегинень, ихъ нравы, обычаи и занятія	400
<i>Брюгге.</i> —Внѣшній видъ города.—Часовня священной крови и ея значеніе для народа.—Бельфридъ и куранты бельгійскихъ городовъ.—Плетеніе кружевъ и заработокъ кружевницъ	408
<i>Остенде.</i> —Внѣшній видъ города.—Его оживленіе.—Моряки и купающіеся.—Остендскій веремесь и процессія благословенія моря.—Свѣченіе моря и дивная картина, которую оно тогда представляетъ	411
<i>Люттихъ.</i> —Живописное положеніе города.—Характеръ дѣятельности его жителей.—Серень—средоточіе производства машинъ.—Положеніе народа въ Бельгii.—Земледѣльцы и фабричныя рабочіе	415
<i>Брюссель и Лувенъ.</i> —Положеніе столицы и ея значеніе.—Верхній и нижній городъ.—Характеръ жителей той и другой части.—Соборъ св. Гудудлы.—Лувенская ратуша и университетъ.—Жизнь студентовъ.—Народное образованіе въ Бельгii	418

Н О Р В Е Г І Я .

<i>Природа страны.</i> —Бури и причины этого явленія.—Фюорды и шкеры.—Норвежскіе горы, лѣса и глетчеры.—Безчисленное множество водопадовъ и причины этого явленія.—Пути сообщенія	425
<i>Лѣто и зима.</i> —Пробужденіе природы.—Желѣзныя ночи.—Сѣновось и жатва въ деревняхъ.—Свѣтлыя лѣтнія ночи.—Жестокое преслѣдованіе ядовитыми комарами и москитами.—Возвращеніе скота и пастухи.—Сѣверное сіяніе.—Норвежскія лыжи и сани .	432
<i>Жизнь норвежскаго народа.</i> —Его характеръ.—Образованіе, языкъ, прошлое и настоящее.—Земледѣліе и положеніе норвежскаго земледѣльца.—Религія.—Бондеры и помѣщики.—Жилища.—Пища и одежда	438
<i>Видъ прибрежныхъ морскихъ городовъ.</i> —Ставангеръ и Бергенъ.—Госпиталь для одержимыхъ проказою.— <i>Рыбная ловля</i> —главный промыслъ норвежцевъ.—Ловля сельдей и другихъ даровъ моря.—Промыслы норвежцевъ на Шпицбергенѣ.—Добываніе гагачьяго пуха.—Тюлений промыслъ и преслѣдованіе китовъ	450
<i>Христианія.</i> —Внѣшняя фізіономія города и его окрестности.—Университетъ и жизнь студентовъ.—Норвежская конституція.—Стортингъ.—Одельстингъ.—Лагтингъ.—Права стортинга.—Значеніе короля и его veto	457

Ш В Е Ц І Я .

<i>Природа страны.</i> —Скогъ.—Обиліе озеръ.—Шоненъ и Норландъ; характеръ этихъ мѣстностей	463
--	-----

<i>Праздники.</i> — Канунъ Рождества и торжественныя приготовления къ этому празднику. — Подарки. — Рождественскій старикъ и старуха. — Домовой и его значеніе для шведскихъ и норвежскихъ крестьянъ. — Рождественскія куклы и козель. — Святочные игры, гаданія и удовольствія. — Обычаи и суевѣрія. — День Св. Стефана. — Елка. — Канунъ Новаго Года. — Юноши съ Виелеемской звѣздой. — Пасха. — Празднованіе перваго Мая. — Весенній выгонъ скота. — Ивановъ день.	467
<i>Свадьба.</i>	479
<i>Характеръ шведскаго народа.</i> — Его жизнь и понятія. — Его національныя добродѣтели и пороки. — Жилище, пища, одежда и языкъ шведовъ. — Карриоль — знаменитый экипажъ скандинавскаго полуострова и дороги въ странѣ.	483
<i>Религія шведовъ.</i> — Доходы священниковъ и отношенія ихъ къ своей паствѣ. — Сектаторы	491
<i>Шведское правительство.</i> — Какъ объявляли прежде объ открытіи сейма. — Четырехсословное представительство и вредъ такой системы для государства. — Шведскій сеймъ послѣ реформы	494
<i>Стокгольмъ.</i> — Первое впечатлѣніе, которое производитъ этотъ городъ. — Его улицы, зданія и жизнь. — Зоологическій садъ, его увеселенія и празднества. — Окрестности города. — Меларъ и его замки	496
<i>Жизнь студентовъ.</i> — Съ какими торжествами въ Швеціи даютъ ученые степени. — Печать. — Образование народа и источники его пропитанія	505

Д А Н И Я.

<i>Ютландія:</i> ея природа и почва. — Восточное и западное побережье. — Лѣса и внутреннія воды. — Климатъ. — Остатки языческихъ временъ	511
<i>Характеръ природы Средней Ютландіи.</i> — Силькеборгъ — родина деревянныхъ датскихъ башмаковъ. — Картина ютландской степи и ея жители. — Пожаръ въ степи. — Жители степей, ихъ тяжелая жизнь и обстановка. — Привычка вязать чулки. — Верескъ и его значеніе для мѣстнаго населенія	513
<i>Ваарде</i> — родина ютландскихъ горшковъ	517
<i>Сѣверная часть Ютландіи.</i> — Блокгаузъ — мѣстонахожденіе янтаря. — Жители Скагена: ихъ занятія и жизнь. — Южная Ютландія	518
<i>Нравы и обычаи ютландцевъ.</i> — Жизнь народа и его характеръ. — Женщины и мужчины. — Ихъ внѣшній видъ, одежда и образованіе. — Жилище. — Религія. — Земледѣліе и положеніе земледѣльческаго класса. — Скотоводство. — Рыбная ловля и другіе источники пропитанія. — Внѣшній видъ ютландскихъ городовъ. — Пища ютландцевъ. — Свадьба. — Праздникъ Рождества, игры и забавы. — Конституція страны	521

АНГЛІЯ.

Темза.—Приближеніе къ Лондону.—Гравезендъ.—Вульвичъ.—Гринвичъ.—Лондонъ.—Уличная суета и подвижность.—Городъ объявленій.—Уличные доктора и ораторы.—Туманы.—Громадность Лондона.—Лордъ-мэръ и лондонскій Сити.—Подземная желѣзная дорога.

Невозможно представить себѣ болѣе оживленной картины, какъ устье Темзы. Скука однообразнаго плаванія по морю вдругъ исчезаетъ, берегъ начинаетъ ясно обрисовываться и зеленѣть, пловучіе маяки показываются одинъ за другимъ. Тяжело нагруженные купеческія суда, легкіе лондонскіе ботики, щегольскія яхты, линейные корабли, все это мелькаетъ передъ глазами, и справа, и слѣва; все это носитъ флагъ той страны, которая, по выраженію національной пѣсни, «правитъ морями». Мы въ Англіи—странѣ замѣчательныхъ фабрикъ, кораблей и черныхъ алмазовъ (такъ называютъ англичане каменный уголь). Нѣтъ другой рѣки въ мірѣ, которая, подобно Темзѣ, была бы способна къ такому громадному развитію торговой дѣятельности. Неугомонная, кипучая жизнь завладѣла ея берегами и взмутила ея воды: вѣчная суета, множество народа не только поражаетъ, но и подавляетъ иностранца своимъ безостановочнымъ, грознымъ движеніемъ. Темза судоходна на протяженіи 188 англійскихъ миль и на 70 миль подвержена вліянію морскаго прилива и отлива. Огромныя купеческія суда доходятъ до самаго Лондонскаго моста и ни одному изъ нихъ не нужно во время отлива ни парусовъ, ни пара, чтобы пуститься въ путь: отливъ выноситъ ихъ безъ хлопотъ въ открытое море. Чѣмъ дальше подвигаешься впередъ, тѣмъ чаще попадаются на встрѣчу большія суда и пароходы, тѣмъ болѣе сдвигаются берега. Но вотъ показался и первый англійскій пригородъ Гравезендъ, расположенный на пологомъ скатѣ берега. Темные домики Гравезенда гнѣздятся вокругъ его голубоватой колокольни; корабли, магазины, доки попадаютъ еще чаще: чувствуешь близость огромнаго, замѣчательнаго города. Воздухъ становится болѣе спертымъ и наполненнымъ углекислотой; туманъ, какъ дымкою, обволакиваетъ всѣ предметы, черный, густой дымъ выходитъ изъ тысячи трубъ, гарь каждую минуту увеличиваетъ удушье и рѣжетъ глаза. Съ каждымъ шагомъ рѣка являється передъ вами все болѣе запруженная корабельными снастями, громадными судами, мачтами. Съ каждою минутою все сильнѣе ощущаются слѣды могущества человѣка, который совсѣмъ подчинилъ себѣ природу; еще чаще попадаются амбары, верфи, груды матеріаловъ и товаровъ, громадныя кучи тюковъ, доки. А вотъ и новый пригородъ—Вульвичъ. Тутъ уже рѣка представляется широкою улицей, по которой внизъ и вверхъ, между двумя

рядами зданій, движутся суда. Всюду амбары для мѣди, каменнаго угля, снастей и всякой всячины; тамъ и здѣсь таскаютъ мѣшки, катятъ бочки, тачки, петли скрипятъ, канаты трещатъ. Однако барки съ грудями каменнаго угля, лодки съ сѣдоками, рыбацки челноки съ коричневыми парусами все-таки какъ-то умудряются пробираться сквозь этотъ лабиринтъ мачтъ и судовъ. Запахъ угля и гари становится еще сильнѣе; темные клубы дыма больше чѣмъ прежде застилаютъ отъ васъ приближающійся городъ. И среди этого тумана, дыма и копоти раздается ни на минуту не уможкающій стукъ милліона молотовъ. Рѣзко и грозно разносятся вдаль по рѣкѣ ихъ тяжелые и частые удары по наковальнямъ; къ нимъ примѣшивается гулъ машинныхъ колесъ и свистъ пилъ.

Почти на протяженіи цѣлой мили тянутся у праваго берега, на которомъ стоитъ Вульвичъ, мрачные навѣсы военной верфи. Подъ ними мельзаютъ корабли, но людей, «кующихъ тутъ, въ угольной тѣмѣ, морское величіе Британіи», разглядѣть чрезвычайно трудно: они кажутся черными или сѣрыми массами, безостановочно двигающимися то въ одну, то въ другую сторону. И тѣмъ грознѣе кажется безустанный, неумолчный грохотъ, преслѣдующій васъ всюду, и однообразное движеніе этихъ странныхъ черныхъ массъ. За высокой стѣной, ограждающей полосу берега, построена Вульвичская верфь; подъ навѣсами ея работаетъ множество народа, который никогда не видитъ солнца иначе, какъ въ вѣчномъ затменіи, вдыхаетъ въ себя воздухъ не иначе, какъ съ гарью и дымомъ.

Къ верфи примыкаетъ и громадный морской арсеналъ, въ которомъ хранятся до 30 тысячъ орудій и около 4-хъ милліоновъ пушечныхъ ядеръ. Вульвичъ — великій центръ производства разрушительныхъ орудій и военныхъ запасовъ всякаго рода, и потому всѣ отдѣленія арсенала кипятъ необыкновенною дѣятельностью. Вульвичскій арсеналъ — самое большое депо и самая огромная мануфактура своего рода не только въ Англіи, но и въ цѣломъ мірѣ.

Но вотъ миновалъ Вульвичъ, и стукъ молотовъ, колесъ и машинъ точно нѣсколько стихъ, но это только на одну минуту, и такой же гулъ и грохотъ сталь рѣзче и громче раздаваться впереди. Пароходъ приближается къ громаднымъ Вестъ-Индскимъ докамъ. Тутъ рѣка дѣлаетъ поворотъ влѣво и затѣмъ, возвращаясь къ своему прежнему направленію, образуетъ большой мысъ, который прорѣзанъ насквозь каналомъ и бассейнами доковъ. Мысъ этотъ называется «Собачьимъ островомъ». Въ Гринвичѣ, который лежитъ напротивъ, прежде была королевская резиденція, но теперь тутъ не живутъ короли, и Гринвичскій дворецъ, построенный расточительными Стюартами, отданъ подъ госпиталь для морскихъ инвалидовъ, которыхъ помѣщается здѣсь около 3-хъ съ половиною тысячъ.

За Гринвичемъ и деревнею Дептфордъ, въ которой, какъ извѣстно каждому изъ насъ, работалъ на верфяхъ Петръ Великій, берега Темзы еще сдузились. Тысячи судовъ всевозможныхъ размѣровъ и формъ стоятъ въ рѣкѣ и безчисленныя иглы ихъ мачтъ загораживаютъ прибрежные дома.

Но вотъ вы наконецъ и въ Лондонѣ. Неаполь очаровываетъ своимъ чуднымъ замкомъ, небомъ и вѣчно дымящимся Везувіемъ, Римъ — своими памятниками, Венеція — необыкновенною архитектурою зданій, Парижъ — блескомъ; при видѣ же Лондона васъ прежде всего и болѣе всего поражаетъ его громадность, шумъ и невѣроятное, ни на минуту не останавливающееся, движеніе на улицахъ. «Громадно, необъятно!» вотъ слова, которыя срываются съ устъ каждаго, въ первый разъ сюда попавшаго путешественника. Чтобы осмотрѣть весь Лондонъ, видѣть массу его блестящихъ, ежедневныхъ выставокъ, заглянуть въ его узкіе отдаленные закоулки, немного будетъ и двухъ, трехъ лѣтъ. Рассказываютъ, что одно коронованное лицо, пріѣхавши однажды въ Лондонъ поздно вечеромъ, подумало, что городъ иллюминированъ собственно для него, между тѣмъ это было

ежедневное освѣщеніе столицы. Если бы ему удалось пѣшкомъ пройти по многолюднымъ улицамъ Лондона, онъ навѣрно сказалъ бы, что въ тотъ день случился въ столицѣ страшный пожаръ или вспыхнулъ мятежъ. И дѣйствительно, трудно себѣ представить этотъ неумолгаемый стукъ экипажей среди улицъ, голоса и самые разнообразные звуки со всѣхъ сторонъ, тысячи самаго разнообразнаго люда и суетливое движеніе пѣшеходовъ по тротуарамъ. Эту суету и движеніе, кромѣ Лондона, вы не встрѣтите ни въ одной столицѣ, ни въ одномъ уголкѣ міра.

Тутъ невозможно тихо ходить или зѣвать по сторонамъ. Приходится бѣжать съ этой занятой, молчаливой толпой, спокойно и безстрастно обдѣляющей всѣхъ встрѣчныхъ толчками въ бокъ, въ спину и въ грудь. Крики со всѣхъ сторонъ, несутъ корзины и всякую кладь горами, на каждомъ шагу перебиваютъ тебѣ дорогу. Остановиться нельзя, — изомнуть и затопчуть, не обративъ даже вниманія. Громады домовъ поднимаются безъ конца одна надъ другими; цѣлые лѣса башенъ, высокихъ трубъ, узкихъ кровель видѣются въ сивомъ туманѣ; паровозы свистятъ и гудятъ со всѣхъ сторонъ: съ боку, надъ головой и подъ ногами. Вотъ по узкому виадуку, черезъ улицу, наравнѣ съ кровлями, катитъ машина, застилая и безъ того сѣрое небо клубами дыма, а тутъ сквозь рѣшетку изъ подъ ногъ вырывается гулъ и свистъ подземной желѣзной дороги, заглушающій стукъ экипажей. По улицамъ катятъ во всѣ стороны дилижансы съ кучами пассажировъ на верху, неизмѣнно вооруженныхъ зонтиками: чуть сносная погода, здѣсь и женщины хорошо одѣтыя валѣзаютъ на верхъ. Не прѣдетъ пяти минутъ, чтобы не проѣхало нѣсколько десятковъ дилижансовъ, исписанныхъ съ верху до низу объявленіями. Вотъ несутся фіакры, кэбы съ сидящими высоко позади извозчиками, катятъ возы съ корзинами, подобными по высотѣ башнямъ.

Среди этой суеты и движенія вы сейчасъ узнаете настоящаго англичанина. Никакой шумъ и крикъ не собьютъ его съ толку, онъ ни на минуту не остановится. Гдѣ нужно, онъ непремѣнно посторонится, свернетъ съ тротуара, вильнетъ въ бокъ, никогда не выразивъ на своей важной фізіономіи ни малѣйшаго удивленія или испуга. Свою величавую осанку онъ не измѣняетъ даже и тогда, когда къ нему подойдетъ какой нибудь иностранецъ спросить дорогу или за какимъ нибудь объясненіемъ. Гордый джентльменъ вмѣсто отвѣта указываетъ на полицейскаго или на другое официальное лицо, къ которому слѣдуетъ обратиться. Но таковы лишь англичане поважнѣе; люди средняго класса или простаго сословія чрезвычайно дружелюбны и услужливы. Услужливость иногда грубовато-докучная. Обратившагося съ какимъ нибудь вопросомъ иностранца англичанинъ возьметъ за плечо, начинать показывать ему дорогу съ разными наглядными приѣмами, какъ ребенку въ школѣ, разъ десять повторить одно и то же, и при этомъ, продолжая его держать за плечо, поворачиваетъ то въ ту, то въ другую сторону. Когда наконецъ вы отъ него вывернетесь, онъ еще долго смотритъ вамъ вслѣдъ, не вѣря, что вы могли такъ скоро понять.

На каждомъ перекресткѣ, въ каждомъ углу улицы васъ поразятъ какія то ходячія объявленія. Лондонъ прежде всего столица разныхъ объявленій и объявленій самыхъ оригинальныхъ. У старика въ рваной шапкѣ, отъ самаго подбородка до ступни ногъ, спереди и сзади, повѣшены двѣ огромныя доски, на которыхъ крупными буквами извѣщаютъ о какомъ нибудь спектаклѣ, концертѣ, митингѣ, о продажѣ книгъ, модныхъ платьевъ, о всевозможныхъ пьесахъ, которыя будутъ сегодня даваться въ томъ или другомъ театрѣ. По бокамъ его, опять таки съ верху до низу, афиши съ различными объявленіями; рука, выставленная изъ подъ досокъ и листовъ, которыми онъ сплошь окутанъ и унизанъ, держитъ пачку брошюркъ самаго крошечнаго формата, иногда изящно отпечатанныхъ, которыя онъ бесплатно старается всунуть каждому встрѣчному.

Когда вы по возвращении домой станете раздвигаться, у вас иногда в одну минуту вылетают из карманов, из капюшона бурнуса десятки этих маленьких книжечек. Вы начинаете их разсматривать и, Боже, какое разнообразие вы в них найдете. Одни из книжечек служат объявлениями: подробно означен адрес того или другого магазина, цены товаров и т. п.; другие распространяют главные основания учения какой-нибудь секты, которых так много в Англии; некоторые из них советуют вам прежде всего держаться в религии обрядов, другие совершенно отвергают их, те отрицают всякую религию, эти предлагают вспомнить то или другое изречение из Св. Писания и сообразно с ним устроить свою жизнь.

А это что за процессия торжественно выступает по улицам? Впереди идет крошечная карета, изящная, как бонбоньерка: она сплошь вся украшена цветами. В эту оригинальную карету-бонбоньерку впряжена пара пони, но до такой степени крошечного роста, что они скорее напоминают собак большой величины. Внутри кареты необыкновенно эффектно и изящно разложены самые разнообразные конфеты и коробочки. За миниатюрной каретой—коляска, в которой сидят четыре богато одетые дамы: каждая из них держит в руках знамя, обвитое цветами и на котором можно прочесть объявление кондитера и рекламу о его кондитерской. За коляской следует раззолоченная карета в шесть лошадей цугомъ, с кучером и с лакеями на запяткахъ, в ливреяхъ и парикахъ. В этой карете не видно людей, а на хитро-разукрашенной подставке возвышается свадебный пирогъ. Уличная торговка ходит под огромным зонтикомъ,—онъ весь испещренъ объявлениями. И какая хитрая выдумка эти ходячие афиши! И встрѣчный прочтеть, и кто обгонит прочтеть и проѣзжая на лету вы можете разобрать все, такъ какъ черныя буквы очень четки и резко выделяются на бѣлой бумагѣ. Передъ маленькими лавками стоятъ деревянные истуканы в курткахъ; они увѣшены листами и билетиками съ надписями: «обратите вниманіе на качество и цены». И гдѣ только вы не найдете здѣсь объявленій: на стѣнахъ домовъ, на загородкахъ около новыхъ построекъ, на крышахъ фуръ, на стѣнахъ и на потолкахъ омнибусовъ, на фонарныхъ столбахъ, даже на аркахъ мостовъ. Проѣзжая в лодкѣ или на пароходѣ подъ мостомъ, вы можете быть вздумаете взглянуть вверхъ на темный сводъ моста и тутъ вы не избавлены отъ объявленій. Вечеромъ вамъ безпрестанно встрѣчаются люди, у которыхъ на головѣ фонарь, или, лучше сказать, чрезвычайно высокая шляпа изъ цвѣтной проклеенной бумаги, внутри прилѣпленъ восковой огарокъ, который горитъ и освѣщаетъ изнутри объявленія. Бѣдутъ небывалаго вида экипажи, съ воздвигнутыми на нихъ картонными фигурами или движущимися пирамидами, разумѣется, сплошь унизанными объявлениями. Нерѣдко торжественно проходитъ передъ вами цѣлая процессія съ знаменами, украшенными объявлениями, или просто съ длинными шестами, на верху которыхъ развѣваются разноцвѣтные листы. Вотъ идутъ человекъ тридцать по парамъ, всѣ самымъ оригинальнымъ образомъ и пестро одѣтые: те, которые поменьше,—впереди, затѣмъ повыше и въ послѣднихъ рядахъ—самые высокіе. Они выступаютъ нога въ ногу и держатъ въ рукахъ громадныя, самыхъ яркихъ цвѣтовъ знамена, которыя съ верху до низу исписаны объявлениями известнаго магазина. А вотъ знаменитая зеленая телѣжка, которая почти каждый день мозолитъ глаза. Объявленія, которыми она оклѣена, обыкновенно извѣщаютъ о перемѣнѣ мѣста жительства того или другаго лавочника и торговца. На спинѣ лошади, которая тащитъ такую телѣжку, сидитъ собачка, конечно, искусно для этого выдресированная; она оборачивается то въ одну, то въ другую сторону и неистово звонко лаетъ. Этимъ она обращаетъ вниманіе прохожихъ и проѣзжающихъ, которые вслѣдствіе этого невольно прочитываютъ крупное объявленіе. Иногда желаемое распространяютъ посредствомъ крика. Такой глашатай кричитъ прямо

въ уши каждому прохожему, кричить и въ даль, и возгласъ его достигаетъ нерѣдко до конца улицы. Здѣшнее простонародье вообще отличается богатырскою грудью и здоровымъ голосомъ. Стоя на запяткахъ, кондукторы омнибусовъ безпрестанно оборачиваются то въ ту, то въ другую сторону, громко возглася главный пунктъ, куда ѣдетъ омнибусъ и названія всѣхъ мѣстъ и улицъ по дорогѣ. Такъ какъ омнибусовъ здѣсь въ каждомъ пунктѣ тѣма тѣмущая, то каждый изъ кондукторовъ старается если не перекричать другъ друга, то по крайней мѣрѣ взять такую рѣзкую ноту, которая отличила бы его отъ всѣхъ остальныхъ. Однако нѣкоторыя улицы до того многолюдны, что кричать имъ нѣтъ никакой возможности, и они ограничиваются тѣмъ, что поднимаютъ руку вверхъ. Между омнибусами и фурами тѣснятся пестрые возы булочниковъ, мясниковъ, торговцевъ рыбою и зеленью, продавцовъ «обѣдковъ для собакъ и кошекъ». Всѣ эти подвижныя лавки тоже украшены самыми замысловатыми надписями. Между этими оригинальными экипажами иногда быстро катитъ нѣчто въ родѣ самоката, которымъ управляетъ человекъ ногами, а руками въ то же время вяжетъ филе или какое нибудь грубое кружево. На спинѣ его приколоты афиши и различныя объявленія, а самъ онъ монотонно и однообразно, часто въ стихахъ, воспѣваетъ тотъ или другой магазинъ, тотъ или другой складъ товаровъ. Всю эту пестроту въ серединѣ улицы отгнѣняютъ черныя кэбы, четырехколесныя кареты, двухколесныя крытые кабриолеты съ кучеромъ на запяткахъ, пробирающіеся съ большою ловкостью въ промежуткахъ между огромными фурами и омнибусами.

Во второстепенныхъ улицахъ вездѣ стоятъ уличныя паровыя машины, на которыхъ жарятъ каштаны, колбасы, картофель, и тысячи торговцевъ выкрикиваютъ свои товары. Самые разнообразныя звуки музыки слышатся со всѣхъ сторонъ. Въ одномъ углу показываютъ китайскія тѣни, тамъ шарманка наигрываетъ марсельезу, здѣсь слышится шотландская волынка, нѣсколько дальше цѣлый хоръ музыкантовъ - негровъ со скрипками, барабанами и кларнетами. Здѣсь Пончъ (нѣчто въ родѣ нашего Петрушки) рѣзко свиститъ, бьетъ въ барабанъ и раскидываетъ свой уличный театръ. Недалеко отъ него какой то человекъ въ черномъ сюртукѣ, всходитъ на довольно высокую подставку, — это продавецъ медицинскихъ товаровъ. Около него съ одной стороны высокій столикъ, на которомъ разложены различныя снадобья, съ другой — его служитель, одѣтый въ красную куртку: онъ бьетъ въ барабанъ изо всей силы и публика тотчасъ его окружаетъ. Тогда этотъ уличный докторъ беретъ со стола ярко раскрашенныя анатомическія рисунки и показываетъ публикѣ. «Лэди и джентльмены», ораторствуетъ онъ, «если у васъ болитъ желудокъ, то это бываетъ отъ засоренія кишекъ (указывая палкой на рисунокъ). Эта боль легко можетъ кончиться смертью, если не обратитесь къ искусному врачу. Но что такое наши врачи? Это эксплуататоры вашего труда. Заполучивъ документы по своей профессіи, они обставляютъ себя роскошно, желая увѣрить васъ такой обстановкой, что у нихъ много практики. Лэди и джентльмены, вы очень легковѣрны. Васъ отлично ловятъ на эту удочку. Вы, какъ ночныя бабочки, бросаетесь на огонь и платите доктору огромныя цѣны за его хорошую обстановку, поддерживаєте эксплуатацію, такъ какъ онъ въ сношеніи съ аптекой и прописываетъ вамъ дорогія лекарства. Я тоже докторъ, я тоже могъ бы явиться передъ вами въ роскоши и блескѣ, но я презираю мишуру и ветхія отрепья давно изношенной и выдохшейся цивилизаціи. Я другъ народа, я народный докторъ и потому долженъ являться передъ вами въ обстановкѣ, съ которой вы сроднились. Я говорю подъ сводомъ неба потому, что подъ нимъ, безъ всякой искусственной покрывки живетъ простой людъ, которому я только и хочу служить. (Въ публикѣ громкія рукоплесканія и одобреніе. «Слушайте, слушайте», слышится со всѣхъ сторонъ, «онъ говоритъ очень умно»). Благодарю васъ за одобреніе лэди и джентльмены! Вѣрьте, я готовъ вамъ служить до послѣдней капли крови и докажу это на дѣлѣ... Посмотрите на эту коробочку

съ порошками противъ кашля. Это средство давно употребляется въ семействѣ королевы. Правда, съ нея берутъ за коробочку по гинеѣ, — мнѣ она стоила три пенса, я продаю вамъ ее за четыре. Вы знаете, это на пятьсотъ процентовъ, а можетъ быть и больше, дешевле, чѣмъ аптекаря продадутъ ее вамъ. Но я другъ народа, я помню, какимъ потомъ достаются вамъ деньги и не хочу быть причисленнымъ къ лику людей, пьющихъ народную кровь... (Браво, bravo, очень хорошо! кричатъ въ публикѣ). Чтобы вы могли убѣдиться, какъ необходимо это средство, какъ необходимо остановить кашель въ самомъ началѣ, посмотрите на этотъ рисунокъ...» и т. д. ораторствуетъ онъ до безконечности. Чѣмъ болѣе краснорѣчивъ такой ораторъ, чѣмъ болѣе онъ выскажетъ фразъ о любви къ народу, тѣмъ болѣе раскупятъ его снадобья.

А вотъ и другая толпа народа: посреди стоитъ на возвышеніи человекъ и читаетъ курсъ о домашней экономіи. Какъ на первѣйшее средство сбереженія, онъ указываетъ на подсвѣчники, при которыхъ сгораетъ вся свѣча до послѣдняго кусочка фитиля. «Вы видите во мнѣ единственнаго торговца желѣзными вещами изъ Шеффилда. Я пріѣхалъ сюда не для того, чтобы добывать деньги, а единственно въ интересъ публики. Вотъ письмо, къ сожалѣнію, мнѣ некогда его вамъ прочесть, въ которомъ мнѣ предлагаютъ большія деньги, если только я соглашусь отсюда уѣхать. Но я ни за что этого не сдѣлаю! Могу ли я бросить васъ на жертву крупныхъ лавочниковъ, которые наживаютъ въ своей торговлѣ болѣе чѣмъ сто на сто! Я долженъ научить васъ понимать всѣ скандальныя подробности этихъ господъ. Я долженъ открыть вамъ глаза». — «Не вѣрьте», говоритъ другой, «моимъ словамъ: большаго обмащика нѣтъ на свѣтѣ. Это искусство я приобрѣлъ съ самой колыбели. Всякій разъ, когда я забывалъ соврать, мать давала мнѣ пощечину, а отецъ угощалъ пинками. Да и кто получилъ другое воспитаніе изъ нашего брата? Чего жъ вы слушаете тогда этихъ краснобаевъ? (Онъ указываетъ не подалеку отъ себя на уличнаго оратора). Вы не слушайте меня, а смотрите товаръ и покупайте. Вы можете быть увѣрены, что мой товаръ дешевле, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Я беру его въ кредитъ и никогда не плачу долговъ»...

Нужно замѣтить, что большинство уличныхъ ораторовъ получило прежде кое-какое образованіе, но, вслѣдствіе сильнаго пристрастія къ джину, недостатка усидчивости и неспособности къ какой-нибудь серьезной работѣ, они стали спускаться все ниже и ниже. Получивъ одобреніе въ какой-нибудь тавернѣ между ремесленниками, они смѣло берутъ на себя роль уличнаго оратора. Съ этой минуты они уже ни на что не промѣняютъ своего ремесла, и въ нихъ развивается сильнѣйшее самолюбіе, стремленіе быть оригинальными, получать аплодисменты и одобреніе уличной толпы, которую они въ душѣ презираютъ, такъ какъ считаютъ себя выше ея цѣлой головой. Такой человекъ никогда не смѣшивается съ уличными торговцами, никогда просто не отнесется къ фабричному и ремесленнику: они слишкомъ необразованны для него, и онъ ведетъ знакомство только съ такими же уличными ораторами.

Не меньше толпится народъ около какой-то машинки, на которой стоитъ нѣчто въ родѣ огромнаго чана, — тутъ варится супъ съ угрями. Торговка наливаетъ чашку супу то одному, то другому желающему; но вотъ одинъ, окончивъ свою порцію, воспользовался приливомъ новой толпы и исчезъ незамѣтно, не заплативъ. Торговка бросаетъ все, пускается за мошенникомъ, котораго узнаетъ тотчасъ по надвинутой на глаза шляпѣ, колотитъ его по спинѣ сколько хватаетъ силъ и возвращается на мѣсто совершенно успокоенная.

Суeta на улицахъ кажется еще страшнѣе отъ вѣчно стоящаго сѣраго тумана, чада и чернаго дыма, которые какъ дымкою заволакиваютъ всѣ предметы. Яркое солнце здѣсь никогда не рѣжетъ вамъ глаза, развѣ нарѣдка, гѣтомъ, лучи его скользятъ по

куполу церкви св. Павла, да и это бывает на одну минуту. Но бывают дни, когда туманъ совершенно плотно окутываетъ столицу, и тогда въ полномъ смыслѣ наступаетъ египетскій мракъ. Правда, такихъ дней бываетъ не больше трехъ, четырехъ въ году. но за то какіе это дни! По праздникамъ туманъ бѣлый, по буднямъ, когда на фабрикахъ и заводахъ происходятъ работы, онъ желтый отъ примѣси дыма. «Его чуть-чуть что не осязаемая пелена окутываетъ человѣка такъ плотно съ головой и ногами, что не въ двухъ шагахъ, а въ двухъ дюймахъ отъ носу вашего ровно ничего не видно. При этомъ свѣтъ обыкновенныхъ газовыхъ фонарей не помогаетъ, его даже совсѣмъ незамѣтно, а если, наткнувшись на фонарный столбъ, вы замѣтите огонь, то примете его за огонь потухающей сигары. Разумѣется, движеніе на улицахъ въ это время совершенно прекращается, работы останавливаются. Если вы взглянете въ это время въ окно на улицу, то замѣтите густую, молочную мглу и больше рѣшительно ничего. Не видно не только домовъ на противоположной сторонѣ улицы, не только фонаря, который горѣлъ у подъѣзда, но даже чугунной балюстрады самого балкона. «Гей, вай, вай!» раздаются въ это время крики на улицѣ и толпа уличныхъ мальчишекъ предлагаетъ проходящимъ себя въ провожатые. У каждаго изъ нихъ въ рукѣ по свѣточу. На концѣ лопаты, или пожалуй весла, ярко свѣтятся петролейныя лампочки. Въ дни густаго тумана они промышляютъ этимъ ремесломъ. Я ухватился за сальное плечо одного изъ этихъ крикуновъ и попросилъ вести меня по извѣстному направленію. Яркій клочъ пламени, которымъ мальчуганъ силится освѣтить свой путь впереди, въ сущности, ни пути, ни окружающихъ предметовъ не освѣщаетъ, и я ничего кромѣ силуэта моего чичероне не видалъ. И холодъ, сырой холодъ словно губкой, омоченной въ ледяную воду, смачиваетъ ваше платье, проникаетъ въ ваше тѣло и ваши кости начинаютъ ныть. Мальчуганъ и петролей ни къ чему ни привели. Я заблудился съ ними также, какъ и съ извошикомъ. «Мы заблудились?» — «Заблудились», откровенно отвѣчалъ мой спутникъ и даже изъ экономіи потушилъ свою лампу. «Гдѣ же полиція, гдѣ полицмены?» безнадежно спросилъ я. — «На своихъ мѣстахъ», равнодушно отвѣчалъ мой мучитель, протягивая руку за гонораромъ.

«Становилось тихо какъ въ могилѣ, такъ какъ уличное движеніе естественно почти прекратилось, когда спустился туманъ. Стукъ, стукъ, стукъ, — слышался сухой звукъ, какъ будто кто деревянною палкою слегка ударяетъ по плитамъ тротуара. Стукъ, стукъ, стукъ, — звукъ быстро слѣдовалъ одинъ за другимъ и приближался ко мнѣ. «Провожатаго, провожатаго кому надо?» монотонно припѣвалъ кто-то, очевидно, акомпанируя свою унылую пѣсню ударами трости по тротуару. Трость была провожатымъ этого человѣка, предлагавшаго себя въ провожатые. «Мнѣ надо провожатаго», сказалъ я. Мои руки скользнули по груди спасителя и я ощущалъ привѣшенную на веревкахъ доску, на которой бываетъ обыкновенно написано «слѣпой». Въ дни египетскаго мрака всѣ ослѣпшіе бѣдняки, если здоровье имъ позволяетъ, выползаютъ изъ своихъ конуръ на улицу и промышляютъ. Слепцы водятъ зрячихъ. Зрячій пропадаетъ, когда погружается въ мракъ, для слѣпца нѣтъ мрака, потому что для него нѣтъ свѣта, и онъ среди непрогляднаго тумана гуляетъ по родному городу такъ же тихо, такъ же осторожно и такъ же увѣренно, какъ въ самые яркіе солнечные дни.

«Работы, торговля, уличное движеніе, все застываетъ въ такіе дни. Сотни тысячъ людей лишаются заработка, и несчастья на улицахъ, на желѣзныхъ дорогахъ случаются десятками.

«Лондонъ не даромъ пользуется репутацией туманнаго города. Даже весь островъ прозванъ туманнымъ Альбіономъ. Дѣйствительно, въ самые ясные дни воздухъ не прозраченъ, очертанія не ясны, цвѣта не ярки».

Не смотря однако на эти вѣчные туманы, статистика смертности въ Лондонѣ по-

казываетъ, что этотъ городъ въ гигиеническомъ отношеніи гораздо здоровѣе другихъ столицъ Европы и смертность въ немъ гораздо меньше чѣмъ въ Вѣнѣ, Петербургѣ, въ Мадридѣ, Берлинѣ и въ Парижѣ.

Однако обратимся къ описанію вѣшняго вида Лондона. Лондонъ состоитъ изъ тридцати шести различныхъ мѣстностей, нѣкогда совершенно отдѣльныхъ, теперь слившихся въ одинъ громадный городъ. Изъ этихъ мѣстностей только одной принадлежитъ собственно имя города Лондона — Сити (City of London). Сити, по лѣвую сторону Темзы, считается главнымъ торговымъ и складочнымъ мѣстомъ товаровъ. Онъ не только центральный пунктъ лондонской торговли, но и сокровищница лондонскаго богатства. Стоитъ только упомянуть о лондонскомъ Сити, чтобы тотчасъ представить себѣ уголь, желѣзо, хлопокъ, сукно, однимъ словомъ всю англійскую промышленность. Здѣсь все величественно, пестро и громадно: зданія, улицы, толкотня. Большинство домовъ Сити построено болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Пестрые гербы покрываютъ сверху до низу фронтоны домовъ. Громадныя окна пестрѣютъ товарами, выставленными для продажи. Нѣкоторые дома сверху до низу расписаны и разрисованы вывѣсками. Но купцы, которые имѣютъ здѣсь свои лавки и конторы, живутъ совсѣмъ въ другихъ частяхъ столицы. Сюда собираются люди только работать и наживать деньги, но всячески избѣгаютъ здѣсь жить.

Финансисты поважнѣе живутъ въ Вестъ-Эндѣ, или имѣютъ въ окрестностяхъ Лондона отличный домъ. Они оставляютъ его рано утромъ, чтобы отправиться въ свою контору въ Сити, въ которой они работаютъ до 5-ти часовъ, и затѣмъ возвращаются каждый день вечеромъ въ свое семейство обѣдать и ночевать. Многимъ изъ нихъ на ѣзду по желѣзнымъ дорогамъ каждый день приходится тратить по 3 и по 4 часа. «Время — деньги», говорятъ англичане, но не считаютъ времени, потраченнаго на ѣзду потеряннымъ. Разсѣяніе, ѣзда и моціонъ усиливаютъ кровообращеніе, необходимое при сидячей жизни купцовъ Сити. Все это укрѣпляетъ нервы и здоровье, которое англичанинъ считаетъ главнымъ рычагомъ для наживы капитала. Англійскій купецъ дѣятельно слѣдитъ за политикой и особенно за всѣми переѣмами и усовершенствованіями въ той области торговли, которой онъ занимается, — это и заставляетъ каждого изъ нихъ ежедневно прочитывать множество газетъ и брошюръ; время ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ онъ и употребляетъ на такое чтеніе. Такимъ образомъ Сити къ вечеру совершенно пустѣетъ: всѣ огромныя зданія, которыя возвышаются передъ вами въ этой части города, заняты сверху до низу конторами банкирскихъ домовъ, страховыхъ обществъ и т. п. Въ 8 часовъ утра въ Сити господствуетъ еще полнѣйшая тишина; но уже полчаса спустя до сихъ поръ пустыя улицы быстро наполняются народомъ, почти исключительно мужчинами. Весь этотъ людъ собрался сюда заниматься дѣлами, и теперь Сити превращается въ самый людной, самый дѣятельный центръ Лондона. Это движеніе и суета продолжаются только до 5-ти часовъ (кромѣ субботы, когда оно оканчивается въ 2 ч.), а затѣмъ конторы и лавки закрываются, улицы пустѣютъ и къ 9-ти ч. вечера здѣсь наступаетъ гробовая тишина. Эта необыкновенная дѣловитость Сити и точно распределенный порядокъ дня совершенно измѣняютъ свой характеръ 9-го ноября.

Сити уже издавна пользуется сравнительно съ другими частями Лондона особыми правами и совершенно особымъ городскимъ управленіемъ. Организациа лондонскаго Сити остается такою же, какою она была уже много столѣтій тому назадъ. Она раздѣлена на округа, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою отдѣльную администрацію и главу, который называется «альдерманомъ». Управляется лондонское Сити муниципальнымъ совѣтомъ, въ которомъ засѣдаютъ избранные всѣхъ округовъ, альдерманы, шерифы и лордъ-мэръ въ качествѣ предѣдателя. Постъ лорда-мэра считается въ высшей степени

почетнымъ и потому выборъ его совершается съ какимъ-то необыкновенно-театральнымъ торжествомъ. Это празднество по поводу избранія лорда-мера совершается уже много столѣтій; но, не смотря на это, оно измѣняется лишь въ мелочахъ, а не въ сущности и потому носитъ на себѣ характеръ вполне средневѣковой. Въ настоящее время лорда-мера выбираютъ только на одинъ годъ, прежде-же они занимали этотъ постъ гораздо дольше.

Каждый годъ, 29 сентября собираются члены всѣхъ корпорацій, чтобы назначить на будущій годъ новаго лорда-мера. Въ 12 часовъ дня, лордъ-мэръ, состоящій въ это время въ должности, отправляется въ полной парадной формѣ въ Гильдъ-Голль (дума). Передъ нимъ идутъ барабанщики, за которыми слѣдуетъ конвой, состоящій изъ маршала, носильщика жезла и оруженосца, который несетъ длинную шпагу; затѣмъ выступаетъ и самъ лордъ-мэръ окруженный альдерманами и шерифами. Въ Гильдъ-Голль его торжественно встрѣчаютъ альдерманы всѣхъ округовъ и делегаты корпорацій, въ мундирахъ, со всѣми знаками отличія съ букетами цвѣтовъ въ рукахъ. Затѣмъ всѣ собравшіеся сановники отправляются въ церковь, гдѣ выслушиваютъ обѣдню и проповѣдь, сказанную по этому поводу. По окончаніи богослуженія, сановники торжественною процессіею отправляются въ палату альдермановъ, а оттуда въ большую залу, гдѣ они и занимаютъ мѣста. Когда молчаніе водворилось, «глашатый» открываетъ засѣданіе, провознося небольшую рѣчь, принятую въ такихъ случаяхъ, а чиновникъ юстиціи Сити (deputy recorder) объявляетъ собравшимся, что они явились сюда «съ цѣлью воспользоваться высокою и древнею своею привилегіею выбрать лорда-мера лондонскаго Сити на слѣдующій годъ». Баллотировка производится не шарами, а вставаньемъ избирателей съ мѣста. Обыкновенно баллотируютъ двухъ кандидатовъ, и когда они выбраны достаточноымъ по закону числомъ голосовъ, ихъ представляютъ палатѣ альдермановъ, которой принадлежитъ право окончательнаго избранія. Но новый лордъ-мэръ вступаетъ въ свою должность не 29-го сентября, а 9-го ноября—день, когда происходитъ главное торжество по поводу его избранія.

Вновь избранному лорду-меру отводятъ огромный дворецъ, одно убранство котораго стоитъ болѣе 2-хъ милліоновъ, но въ которомъ онъ не живетъ, а только принимаетъ; жалованье онъ получаетъ 10,000 ф. стерл. въ годъ, что составляетъ около 80,000 р. с. на наши деньги. Но расходы, сопряженные съ этимъ званіемъ, такъ велики, что каждый изъ нихъ еще столько-же долженъ затрачивать изъ своихъ денегъ. Не смотря однако на огромный расходъ, множество крупныхъ и знатныхъ капиталистовъ изъ всѣхъ силъ домогаются чести попасть въ шерифы или альдерманы, какъ на одну изъ ступеней, дающихъ надежду когда нибудь въ будущемъ сдѣлаться лордъ-меромъ. Но почему же всѣ такъ стремятся занять этотъ постъ? Какія привилегіи онъ даетъ? Прежде всего онъ даетъ право носить пурпуровую одежду и шляпу съ перьями, затѣмъ дважды въ годъ даетъ возможность быть героемъ замѣчательнаго торжества, наконецъ онъ удостоивается чести отворить передъ королевою двери въ Тэмплъ-Баръ *). Но это еще не все: лордъ-мэръ принимаетъ иностранныхъ государей, когда они посѣщаютъ Лондонъ, кромѣ того онъ ежедневно чинитъ судъ и расправу въ Сити, хотя-бы онъ никогда въ свою жизнь не занимался юридическими науками,—но главное, о чемъ мечтаетъ почти каждый изъ нихъ,—это то, что въ концѣ своей дѣятельности онъ вполне можетъ надѣяться получить королевскую грамоту на баронетское достоинство.

*) Temple Bar—средневѣковыя ворота, означавшія прежде, что здѣсь кончается Лондонъ. У этихъ воротъ лордъ-мэръ встрѣчаетъ монарховъ и вручаетъ своей королевѣ ключи и длиннѣйшій мечъ.

9-го ноября, въ 12 ч. утра, раздаётся неистовый звонъ колоколовъ, — значить процессія двинулась. Передъ этимъ уже всѣ улицы посыпаны пескомъ, вездѣ вывѣшено красное сукно, флаги; но лучше всего разукрашены тѣ улицы Сити, по которымъ будетъ проходить процессія: тамъ и здѣсь вы встрѣчаете триумфальныя арки изъ тропическихкихъ растений, устроены цѣлыя аллеи мачтъ съ флагами, украшенныхъ гирляндами изъ зелени и цвѣтовъ; многія улицы сплошь заставлены кипарисами. На папертяхъ церквей и на крылечкахъ школъ дѣти поютъ привѣтственные гимны. Торговцы овощнаго рынка искусно убрали свои лавки, фонари и столбы морковью, кочными капустами, зеленымъ лукомъ и различными осенними цвѣтами. Суда и пароходы на Темзѣ разукрашены флагами.

Несмѣтная толпа народа высыпаетъ на улицу, такъ что кажется некуда упасть яблоку. Окна и балконы кишатъ разодѣтыми женщинами и дѣтьми, уличные ребяташки взобрались даже на крыши и газовые фонари. Вдругъ раздаются звуки музыки — процессія приближается. Сначала показывается авангардъ полисменовъ верхами, за ними въ воздухѣ развѣваются безконечныя лѣса знаменъ, — это знамена цеховъ, разныхъ городскихъ корпорацій, членовъ городского управленія. Каждый, имѣющій знамя, можетъ изобразить на немъ свой девизъ, и нѣкоторые изъ нихъ очень остроумны. Безконечныя ряды знаменосцевъ разнообразятся хорами музыки. Каждая корпорація прислала сюда свой особый хоръ музыки, и музыканты, каждой корпораціи одѣты въ особые костюмы. Вотъ шагомъ ѣдутъ парадныя экипажи, въ которыхъ сидятъ шерифы, альдерманы, президенты цѣховъ и др. Всѣ они разодѣты какъ то совсѣмъ необыкновенно: въ мантияхъ, цѣпяхъ, а нѣкоторые изъ нихъ и въ огромныхъ нашивкахъ. За ними опять музыканты, наигрывающіе торжественный маршъ. Затѣмъ слѣдуютъ, по карнавальному наряднымъ, иногда съ эмблемою своего ремесла, разные рабочіе: бочары, стекольщики, маляры, портные. (Нужно кстати замѣтить, что корпорація портныхъ, одна изъ самыхъ могущественныхъ и вліятельныхъ въ Сити). Сзади выступаютъ отряды войскъ, затѣмъ музыканты, опять экипажи съ городскими сановниками, опять хоры музыки, опять знаменосцы... А вотъ показывается и спасительная лодка, стоящая на колесницѣ, которую влекутъ 8 лошадей. Она какъ будто говоритъ публикѣ, что всегда готова для спасенія погибающихъ кораблей съ товарами богатыхъ негодяевъ Сити. Эту колесницу съ лодкой окружаютъ матросы спасительнаго отряда въ оригинальномъ костюмѣ: обвитые канатомъ и съ длинными веслами въ рукахъ. Сзади нихъ цѣлый отрядъ мальчиковъ въ бѣлыхъ матросскихъ курткахъ съ большими синими воротниками, съ шапками, одѣтыми на затылокъ. За ними опять хоры музыки, знамена, отряды войскъ, представители власти въ экипажахъ и наконецъ блестящая, классическая карета лорда-мэра, которую скорѣе слѣдуетъ назвать фурой громаднхъ размѣровъ. Она еще издалека блеститъ, такъ какъ вся изъ золота и зеркальныхъ стеколъ. Эта знаменитая карета запряжена шестерней — цугомъ; кучеръ на козлахъ въ огромномъ напудренномъ парикѣ, и его одежда щедро разукрашена золотомъ. Эту карету окружаютъ скороходы, также въ одеждѣ съ блестящими украшениями и въ бѣлыхъ чулкахъ. Въ каретѣ сидятъ лордъ-мэръ, въ пурпуровой мантии и въ золотой цѣпи; онъ какъ маятникъ раскачивается то вправо, то влево, такъ какъ ему постоянно приходится раскланиваться съ привѣтствующею его публикою. Подлѣ него, въ полномъ облаченіи, сидитъ священникъ, а противъ нихъ «глашатай» и «меченосецъ» съ длиннѣйшимъ мечомъ. Крики и говоръ безконечной толпы, звуки музыки, звонъ колоколовъ, все это сливается въ одинъ общій страшный гулъ, который далеко разносится по городу. Лордъ-мэръ отправляется въ зданіе парламента, въ Вестминстеръ. Когда процессія приблизилась, загудѣлъ колоколъ вестминстерскаго аббатства; звуки музыки безчисленныхъ хоровъ раздались еще

громче. Въ залу стали входить знаменосцы, затѣмъ лица, которыя имѣли честь нести знаки великой власти лорда-мэра: его жезлъ, нѣчто въ родѣ скипетра, его мечъ, па-лицу и проч.; затѣмъ вступили городскія власти. Передъ входомъ въ залу лорда-мэра герольды трубятъ въ трубы. Навстрѣчу ему выступаетъ Верховный Судья въ красной мантии, обшитой горностаемъ, въ громадномъ напудренномъ парикѣ, букли котораго падаютъ у него по плечамъ; онъ окруженъ другими властями; тоже въ мантияхъ и парикахъ. При этой встрѣчѣ «докладчикъ» рекомендуетъ Верховному Судьѣ новаго лорда-мэра. Послѣ рекомендаціи, поздравленій и привѣтственныхъ рѣчей, всѣ торопятся поскорѣ разойтись, чтобы дома переодѣться, и затѣмъ снова явиться на чрезвычайно парадный и торжественный обѣдъ новаго лорда-мэра. Этотъ обѣдъ особенно любопытенъ въ томъ отношеніи, что лордъ-мэръ принимаетъ своихъ сановитыхъ гостей, стоя подъ балдахиномъ; при этомъ о вступленіи въ залу особенно важныхъ сановниковъ герольды возвѣщаютъ трубными звуками.

Теперь поговоримъ о жизни и движеніи въ лондонскихъ улицахъ. Въ Лондонѣ, какъ извѣстно, болѣе четырехъ милліоновъ жителей; ни одна столица въ мірѣ не можетъ похвастать такимъ огромнымъ населеніемъ. Это составляетъ 12 городовъ какъ Марсель, 10 городовъ какъ Ліонъ, 2 города какъ Парижъ ваятыхъ вмѣстѣ. Это население быстро возрастаетъ во всѣхъ частяхъ города, за исключеніемъ Сити, гдѣ оно, напротивъ, постоянно и значительно уменьшается, такъ какъ прежніе жильцы не перестаютъ отсюда выселяться, и Сити все болѣе обращается въ простое собраніе купеческихъ конторъ. Насколько постоянно увеличивается населеніе Лондона можно видѣть изъ слѣдующихъ статистическихъ цифръ: населеніе столицы увеличивается ежедневно на 205 лицъ, ежегодно на 75,000. Согласно съ постояннымъ и быстрымъ увеличеніемъ и безъ того громаднаго населенія, и сама столица постоянно увеличивается въ своемъ объемѣ. Чтобы дать понятіе, какъ велика эта столица, слѣдуетъ упомянуть, что она занимаетъ собою пространство въ 700 англ. квад. миль и заключаетъ въ себѣ около десяти огромныхъ парковъ, болѣе двухсотъ скверовъ, около четырнадцати тысячъ улицъ, переулковъ, бульваровъ, набережныхъ, площадей и болѣе трехсотъ шестидесяти тысячъ домовъ.

Съ каждымъ годомъ все увеличивающееся движеніе въ столицѣ гровило въ будущемъ окончательно оглушить жителей страшнымъ, несмолкаемымъ шумомъ. Движеніе на улицахъ, въ особенности въ Сити, въ его трудовые часы, лѣтъ пятнадцать тому назадъ возросло до того, что иногда совсѣмъ нельзя было двигаться: экипажамъ и пѣшеходамъ приходилось пережидать по полчаса. Чтобы судить о движеніи въ Лондонѣ, достаточно привести нѣсколько фактовъ. Ежедневно, за исключеніемъ праздниковъ, въ извѣстный часъ съ разныхъ концовъ города въ Сити и изъ него обратно движется огромная толпа банкировъ, негодантовъ, прикащиковъ, писцовъ и вообще людей, имѣющихъ отношеніе къ коммерческимъ дѣламъ. Уличное движеніе достигаетъ своего апогея утромъ, когда сотни тысячъ людей разомъ направляются къ сердцевинѣ города. Одно изъ наиболѣе оживленныхъ мѣстъ въ столицѣ — Лондонскій мостъ: по немъ ежедневно проѣзжаетъ 20,000 экипажей и проходитъ 200,000 человекъ. Вотъ англичане и стали думать, какъ бы выгадать мѣсто, чтобы можно было легче двигаться, сообщаться между собою и свободнѣе веселиться. Для этого не было другаго средства, какъ прорыть тунель подъ Темзой, подъ городомъ создать другой городъ, улицы устроить подъ улицами, провести одну желѣзную дорогу, какъ у всѣхъ на землѣ, другую — поверхъ на виадукахъ, надъ домами, третью — подъ землею. Самый изящный, хотя и небольшой лондонскій театръ Критеріонъ, открытый менѣе пяти лѣтъ тому назадъ, устроенъ въ подземельи. Мастерскія, кладовыя, столовыя людей небогатыхъ, кухни — устроены подъ землею. Подъ своими соборами и кладбищами

англичане прорыли другія подземныя кладбища. И говорить нечего о томъ, что если они рѣшились спуститься подъ землю, то на землѣ расширяютъ и очищаютъ все, что только можетъ увеличить пространство: проложили множество новыхъ улицъ и расширили старыя, увеличили число мостовъ, устроили новые тротуары и переходы черезъ улицы, подъ мостами. Новые тротуары и мостовыя устраиваютъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Они такъ солидны, что не испытываютъ никакого сотрясенія, чѣмъ такъ неприятно отличаются мостовыя въ другихъ городахъ и даже въ перестроенномъ Парижѣ; при проѣздѣ самыхъ тяжелыхъ повозокъ, пѣшеходъ, проходящій возлѣ, не чувствуетъ никакого дрожанія подъ ногами. Но что всего замѣчательнѣе, такъ это то, что постоянныя лондонскія перестройки и способъ мошенія таковы, что не производятъ пыли, не вносятъ никакого разстройства въ уличную жизнь. Англичане не только умѣютъ обходить всѣ препятствія, избѣгать ненужной ломки, но и самая работа совершается у нихъ съ совершеннымъ спокойствіемъ и тишиною, такъ что ближайшій сосѣдь часто и не подозреваетъ, что возлѣ него или подъ нимъ идетъ гигантская работа, выполняется громаднѣйшее предпріятіе. Онъ видитъ, напр., только поставленную на одномъ мѣстѣ паровую машину, чтобы копать колодезь. Видитъ, что вверхъ поднимаютъ глину, мусоръ, но все это въ небольшомъ размѣрѣ и въ тоже время совершается по улицамъ полное безостановочное движеніе. Когда окончатъ работу въ одномъ мѣстѣ, машину перемѣщаютъ на другой избранный пунктъ, и такимъ образомъ вся подземная работа производится невидимо и безъ шума. Въ Лондонѣ выполнены замѣчательныя подземныя работы, и между тѣмъ не было примѣра, чтобы взрыли или раскопали цѣлую улицу.

Трудно представить, какія затрудненія пришлось испытать при постройкѣ подземной желѣзной дороги. Это чудо цивилизаціи служитъ лучшимъ доказательствомъ необыкновенной предпримчивости англичанъ, ихъ желѣзной воли, терпѣнія и несмѣтныхъ богатствъ страны. Прокопать подземную желѣзную дорогу было еще гораздо тяжелѣе, чѣмъ сдѣлать надземную. Чтобы понять затрудненія, какія должна встрѣчать въ Лондонѣ всякая подземная работа, надо вспомнить, что подъ землей, кромѣ фундаментовъ зданій, часто весьма глубокихъ, тянутся трубы водопроводныя, трубы газопроводныя, телеграфныя проволоки и множество другихъ самыхъ разнообразныхъ трубъ и проволокъ. При прорытіи подземной желѣзной дороги не только приходилось остерегаться, чтобы какъ нибудь не повредить одну изъ этихъ трубъ, но также приходилось укрѣплять сводами мѣста, которыя казались ненадежными. Подземный Лондонъ, какъ и человѣческой организмъ, полонъ венъ и артерій: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, порѣзъ одной изъ нихъ можетъ быть смертеленъ. Трубы водопроводовъ и клоаки, газовыя трубы и телеграфныя проволоки, все это такъ же близко лежитъ другъ подлѣ друга, какъ нервы, мускулы, вены и артеріи. Инженеры подземной желѣзной дороги, отводя въ сторону существующія трубы и каналы, чтобы дать мѣсто новому тунелю, — должны были дѣйствовать съ такою же осторожностью, какъ хирургъ во время операціи: при малѣйшей неосторожности была бы затоплена вся уже сдѣланная работа и могла бы повести къ издержкамъ въ сотни тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Въ это время множество рабочихъ, проводили по двѣ недѣли къ ряду, день и ночь, въ такой сырости, что подъ конецъ они уже не могли сами снимать съ себя сапоги, а ихъ приходилось срѣзывать съ ногъ.

Подземная желѣзная дорога образуетъ два круга: одинъ обхватываетъ весь внутренній городъ съ Гайдъ-Паркомъ, другой, большой кругъ, обнимаетъ и предместья. Кромѣ того эти желѣзныя дороги перекрещиваются между собой и вездѣ соединяются съ дорогами, идущими въ окрестности. Все ихъ протяженіе доходитъ до сотни верстъ. На улицахъ, въ извѣстныхъ мѣстахъ, вы видите выѣски съ надписью: «къ станціи» и съ изображеніемъ перста; идите по этому направленію и вы сейчасъ найдете станцію, ко-

торыя устроены на всѣхъ главныхъ пунктахъ города: въ большинствѣ случаевъ это небольшія постройки изъ желтаго кирпича съ синей вывѣской. Входя внутрь, вы берете билетъ и спускаетесь внизъ по одной изъ двухъ лѣстницъ. Одна ведетъ васъ къ платформѣ, съ которой вы можете поѣхать на право, а другая спускается къ противоположной платформѣ, откуда вы можете отправиться на лѣво. Спустившись нѣсколько саженей внизъ, вы наконецъ очутились въ длинной галлерей, на длинной платформѣ. Отъ васъ вправо и влѣво теряются во мракѣ отверстія тунеля. Мѣсто, гдѣ садятся, служить его продолженіемъ, но сверху оно не покрыто, и вы на платформѣ находитесь хотя и внизу, но подъ открытымъ небомъ. Въ воздухѣ чувствуется гарь и дымъ отъ только что умчавшагося паровоза. Стѣны сплошь заклеены и увѣшаны самыми фантастическими объявленіями. «Нѣкто Виллингъ откупилъ право выставлять объявленія на желѣзныхъ дорогахъ, въ вагонахъ и на станціяхъ. Безъ его посредства никакое объявленіе не можетъ быть выставлено. Уплачивая огромныя деньги желѣзнодорожнымъ компаніямъ, онъ, въ свою очередь, собираетъ обильную дань. Напр., редакціи крупнѣйшихъ журналовъ, счетомъ кажется около 6 или 7, уплачиваютъ ему каждая по 3 тысячи ф. ст., т. е. около 24 тысячъ рублей въ годъ. Квадратныя, продолговатыя, круглыя, синія, бѣлыя, оранжевыя, пунцовыя, мелкія и крупныя въ сажень длины, съ аршинными буквами, съ картинами и безъ картинъ, они напираютъ одно на другое. Достаточно ихъ проглядѣть, чтобы получить понятіе о томъ, чѣмъ Лондонъ въ данную минуту интересуется, гдѣ онъ веселится, что читаетъ, что ѣстъ, чѣмъ лечится, гдѣ вставляетъ зубы и краситъ волосы. Театры выставляютъ портреты популярнѣйшихъ актрисъ и актеровъ, торговцы съѣстными припасами—самыя привлекательныя и аппетитныя изображенія яствъ, желѣзныя дороги объявляютъ о поѣздахъ, на которыхъ въ данный моментъ сосредоточено ея вниманіе: выставки, концерты, скачки, митинги, открытіе монументовъ, классическія празднества». Но вотъ подъѣзжаетъ поѣздъ, и вы скорѣе садитесь, потому что онъ останавливается только на минуту. Тутъ вы вѣзжаете въ темный тунель и до новой станціи лишь мѣстами видите въ толстыхъ стѣнахъ, или, вѣрнѣе, въ толщѣ земли, какія то амбразуры, выложенныя бѣлымъ, гладкимъ какъ зеркало кафелемъ: это окна, отдушины, связывающія подземелье съ внѣшнимъ міромъ.

Всюду темно, черно, душно, сыро и мрачно. Ни просвѣту, ни малѣйшей блески: черно и тихо какъ въ могилѣ, и вдругъ стукъ паровоза слышится отчетливѣе, различаемъ розовое облако пара въ глубинѣ этой могилы. Поѣздъ вылетаетъ съ необыкновенной быстротой изъ подъ арки и подкатывается къ платформѣ на новую станцію. Въ тунелѣ вы могли видѣть только при помощи лампъ горящихъ въ вагонахъ, а здѣсь васъ опять озарилъ дневной свѣтъ. Вы читаете названія станцій, напечатанныя крупными буквами въ нѣсколькихъ мѣстахъ на стѣнахъ, и узнаете, выходить вамъ или ѣхать дальше.

Роскошь Вестъ-Энда и ужасающая бѣдность Остъ-Энда.—Лоскутный рынокъ.—Парки и любовь англичанъ къ природѣ.—Сентъ-Джемскій паркъ.—Гайдъ Паркъ.—Страсть къ верховой ѣздѣ.—Внѣшности дамъ, мужчинъ и дѣтей.—Характеръ митинговъ рабочихъ и митинги воровокъ.—Лондонскій сезонъ и его значеніе для столицы.

Англійская столица состоитъ изъ двухъ частей: Вестъ-Энда—западная часть и Остъ-Энда—восточная часть. Самая лучшая, самая аристократическая часть города—Вестъ-Эндъ. Нигдѣ во всей столицѣ не обращено такого вниманія не только на удобства, но даже и на прихоти гражданъ этой части города. Тутъ сосредоточены исключительно богатые, аристократическіе дома. Чтобы предохранить эту часть населенія отъ

міазмовъ, столь гибельно дѣйствующихъ на адоревье, въ Вестъ-Эндѣ старались соединить условія деревенской жизни съ городской: тутъ расположены сады, огромныя парки, зеленыя поля. Почти всѣ адъшнія улицы очень широкы, чисты и всѣ пересѣкаются подѣ прямыми углами. Дома часто отдѣлены отъ тротуаровъ группами деревьевъ и цвѣтовъ, которые придаютъ имъ видъ дачъ. Въ центрѣ площадей помѣщается обыкновенно большой садъ, окруженный желѣзною рѣшеткой и съ виду похожій на зеленый коверъ, окаймленный красивыми деревьями. Все, что можетъ оскорбить зрѣніе или обаяніе, удалено отъ главныхъ улицъ; конюшни помѣщены въ узкихъ проходахъ, позади домовъ. Англійскій пролетарій, отлично сознавая, какъ презираетъ его аристократъ и богатъ, старается рѣдко приходить въ столкновеніе съ этими кварталами. Кто попадетъ въ Лондонъ и будетъ прогуливаться только по этимъ мѣстностямъ, составитъ понятіе о британской столицѣ, какъ о самомъ гигіеническомъ и блестящемъ городѣ въ мірѣ; между тѣмъ это совершенно ошибочно: Лондонъ положительно городъ контрастовъ. Рядомъ съ изобиліемъ, которому нѣтъ сравненія, здѣсь встрѣчаешь самую ужасную, внушающую отвращеніе, нищету; вмѣстѣ съ самыми образцовыми домами, съ самыми блестящими улицами и зеленѣющими скверами Вестъ-Энда, вы встрѣтите въ Лондонѣ и множество полуразрушенныхъ лачужекъ, немощенныхъ и неосвѣщенныхъ улицъ, какіе-то зараженные клоаки, въ которыхъ никакое другое населеніе не въ состояніи было-бы жить и которыхъ къ чести человѣчества нигдѣ не встрѣтишь въ другомъ мѣстѣ. Всѣмъ этимъ особенно отличаются три сѣверовосточные лондонскіе участка: Спитель-Фильдсъ, Бетналь-Гринъ и Уайтъ-Чапель. Населеніе этихъ трехъ несчастныхъ участковъ состоитъ изъ 150 тысячъ человѣкъ. Оно преимущественно составилось сначала послѣдовательными эмиграціями французскихъ работниковъ, а потомъ переселеніемъ ирландскихъ пролетаріевъ, выгоняемыхъ изъ отечества ежегоднымъ голодомъ. Это населеніе изгнанниковъ еще болѣе увеличилось отъ стеченія въ эти участки со всѣхъ концовъ Европы евреевъ, которые всегда ищутъ въ большихъ городахъ самыя бѣдныя мѣста, чтобы жить въ нихъ незамѣченными. Трудно себѣ представить бѣдность, которая господствуетъ въ этихъ трехъ участкахъ. Конечно, и тутъ встрѣчаются теперѣ улицы, обстроенныя блестящими магазинами, но въ ихъ переулкахъ пріютилась такая голъ и бѣдность, подобную которой не найдешь ни въ одной просвѣщенной столицѣ. Дома здѣсь имѣютъ видъ самаго отвратительнаго хлѣва. Эти лачужки назначаются обыкновенно къ сломкѣ, но, когда обитатели ихъ оставляютъ, то прежде чѣмъ успѣваютъ ихъ сломать, тотчасъ найдется какое нибудь бѣдное семейство, которое, не имѣя возможности много платить за наемъ жилища, приходитъ искать въ нихъ пристанища. И отъ этихъ зараженныхъ развалинъ въ сырое дождливое время развиваются страшныя горячки. Путешественники, пріѣзжая изъ Лондона, обыкновенно рассказываютъ, что Лондонъ съ каждымъ годомъ обстроивается все лучшими зданіями, что теперѣ съ каждымъ годомъ все менѣе попадаютъ въ немъ заразительныя жилища, которыя мы только что описали. Это совершенно справедливо, но народу отъ этого нисколько не лучше. Не имѣя возможности какъ прежде, за ничтожную цѣну нанять хотя полуразрушенную хижину, онъ принужденъ селиться въ хорошихъ домахъ и платить за такія помѣщенія въ 8, въ 10 разъ болѣе прежняго. Между тѣмъ работы становится все менѣе, а работниковъ больше. Вотъ и селится несчастный людъ уже не въ прежнихъ хижинахъ, а гдѣ нибудь подѣ мостомъ, въ какомъ нибудь недостроенномъ зданіи, откуда его полиція гонитъ вонъ каждую ночь.

Населеніе въ Бетналь-Гринъ и въ Спитель-Фильдсъ состоитъ главнымъ образомъ изъ ирландскихъ ткачей, ирландскихъ же нищихъ и бродягъ. Въ улицахъ этихъ кварталовъ по поведѣльникамъ и вторникамъ устраивается рынокъ дѣтей. Подѣ открытымъ небомъ, дѣти обоаго пола, лѣтъ семи или старше, нанимаются на недѣлю или на мѣ-

сяць ко всякому, кто захочет их нанять. Пока эти несчастныя еще не разобраны по рукамъ, ихъ набирается до 300 и болѣе человекъ. Этихъ дѣтей преимущественно нанимають ткачи: мальчиковъ они берутъ къ себѣ въ качествѣ мотальщиковъ или въ ученики, а дѣвочекъ для различныхъ услугъ. Въ семействѣ ткача мужъ, жена и всѣ взрослые дѣти заняты работою; для этого и берутъ въ домъ служанку, чтобы *попечать* и одѣть груднаго ребенка и приготовить пищу. Такой рынокъ представляетъ ужасное зрѣлище! Дѣти толпой стоятъ со своими родителями, и того, *кто* покажется, тотчасъ обступаютъ, и сотни голосовъ начинаютъ кричать: «Вамъ нужно, сударь, мальчика? Вотъ этотъ проворный и понятливый. Я не дорого возьму». — «Возьмите лучше дѣвочку, моя уже была на нѣсколькихъ мѣстахъ и умѣетъ угодить». Что можетъ быть чудовищнѣе этого? Отецъ и мать ведутъ дитя свое на рынокъ, выкрикиваютъ о немъ, какъ о самомъ низкомъ товарѣ, заставляють дрожать бѣдныхъ малютокъ предъ всякимъ прохожимъ; отдають первому встрѣчному, добросовѣстный ли онъ или свирѣпый и безпутный, лишь бы больше далъ. По заключеніи договора, хозяинъ беретъ ребенка къ себѣ и дѣлаетъ изъ него все, что хочетъ, заставляеть работать, сколько ему вадумается. Судьба этихъ малютокъ самая несчастная: злоупотребленія въ домашнихъ работахъ, ускользящихъ отъ контроля закона, гораздо чаще и болѣе возмутительны, чѣмъ даже на фабрикахъ. Рынокъ, на которомъ продаются дѣти въ наемъ, — вотъ чего еще не было видано ни въ одной образованной странѣ! Этотъ рынокъ въ Бетналь-Гринѣ можно сравнить только съ базарами, на которыхъ продаются рабы, да и то нужно ѣхать въ средину Африки, чтобы найти народъ, у котораго бы рабы продавались своими собственными родителями!

Согласно съ внѣшнимъ видомъ домовъ, улицъ и площадей, сами по себѣ обитатели названныхъ мѣстностей представляютъ страшную картину нищеты. Тутъ увидишь всхудалыхъ, полунагихъ женщинъ, истомленныхъ дѣтей, валяющихся на дворѣ въ грязи вмѣстѣ со свиньями, неразлучными спутниками ирландскихъ семействъ. Лохмотья, повѣшенные на дворахъ и даже нерѣдко на улицахъ, распространяють зловоніе и загораживаютъ свѣтъ. То же самое и въ ихъ квартирахъ. По полуразвалившейся лѣстницѣ вы входите въ грязную, даже и въ полдень совершенно темную комнату. Мебели никакой: нѣсколько гнилыхъ обрубокковъ валяется тамъ и сямъ и замѣняютъ столы и стулья; до вельзя испачканныя и смрадные двѣ, три охапки соломы на полу — служатъ постелями; двѣ, три разбитыхъ посудыны, нѣчто среднее между плошкой и тарелкою, да корзина, возлѣ которой валяется нѣсколько салакушекъ, — вотъ все имущество такого жилья. Хозяинъ или хозяйка комнаты занимаются какой нибудь самой ничтожной отраслью уличной торговли.

Населеніе Уайтъ-Чапеля состоитъ на половину изъ полукочующихъ евреевъ и ирландцевъ. Евреи — хозяйева этого мѣста, они совершенно овладѣли имъ; у нихъ здѣсь свои конторы, свои дома, кладбища и богоугодныя заведенія. Здѣсь они совершенно какъ у себя дома: не смѣшиваются съ христіанами и носятъ свой особенный костюмъ — длинную бороду и кафтанъ. Въ этомъ кварталѣ евреи нерѣдко живутъ въ одномъ и томъ же домищѣ съ ирландцами, но живутъ такъ, что никогда не смѣшиваются вмѣстѣ: евреи занимають одну часть дома, ирландцы — другую. Вы сейчасъ отличите ирландское помѣщеніе отъ еврейскаго: свои комнаты евреи содержатъ гораздо чище и, какъ они ни бѣдны, предметовъ домашняго обихода у нихъ всегда больше, чѣмъ у ирландцевъ; это разумѣется можно объяснить ихъ промышленнымъ духомъ. Хотя физіономіи ихъ и мало внушаютъ довѣрія, но очень смышлены и подвижны. Ирландцы по природѣ крѣпкаго сложенія и привыкли довольствоваться малымъ, но быстро слабѣють и вырождаются въ лачугахъ Уайтъ-Чапеля.

Не смотря однако на всю бѣдность, населеніе Уайтъ-Чапеля постоянно оживлено.

Лица, которыя встрѣчаются здѣсь, не похожи на англійскія; обычай точно также совершенно особый. Англичане живутъ затворниками въ своихъ домахъ; здѣсь же наредѣ живетъ по цыгански, всегда на улицѣ. Если бы не постоянный туманъ, свойственный лондонскому климату, то можно было бы подумать, что это какой нибудь южный городъ. Женщины сидятъ у пороговъ своихъ дверей, продавцы съѣстныхъ припасовъ помѣщаются со своими печами на открытомъ воздухѣ. Запахъ овощей и рыбы, каштановъ, которые тутъ же жарятся, разносится далеко по переулкамъ. Продавицы плодовъ и въ особенности торговцы старыми платьями и лохмотьями окружаютъ всякаго, кто покажется въ здѣшнихъ улицахъ. Крики торговцевъ, шумъ отъ разговоровъ среди улицъ, ссоры дѣтей, вопли и пѣсни, рѣзкій, веселый хохотъ и крики отчаянья, призывающіе на помощь, — все напоминаетъ картину жизни народовъ юга. Болѣе оживляются жители этихъ мѣстностей въ лоскутномъ ряду, гдѣ они приобрѣтаютъ себѣ одежду.

Въ Лондонѣ, какъ и во всякой европейской столицѣ, нѣсколько площадей заняты продажей стараго хлама. Такъ какъ здѣсь все принимаетъ грандіозные размѣры, то и эта торговля процвѣтаетъ здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Бѣдные, не имѣющіе возможности дѣлать заказы у портныхъ и мастерицъ, но желающіе пощеголять, съ ногъ до головы одѣваются въ Мозесъ-сквэрѣ; тѣ, которые думаютъ только прикрыть свои бранные члены и не имѣютъ никакого понятія о модѣ, идутъ въ Кеттеръ-стритъ. Тутъ подходятъ они къ одной изъ громаднѣхъ кучъ старыхъ, совершенно истрепанныхъ сапоговъ и примѣриваютъ то одно, то другое кожанное отрепье. Какъ ни изорвана собственная обувь, здѣшній бѣднякъ не броситъ ее. Онъ вручаетъ ее торговцу кожаннымъ товаромъ въ промѣнъ за то, что онъ беретъ, приплачивая два или три пенни. У другой кучки сидятъ и лежатъ нѣсколько ребятъ; мать раздѣваетъ ихъ, бросаетъ въ сторону свое тряпье и одѣваетъ что-то, имѣющее отдаленное сходство съ кофточками и рубашками, конечно приплачивая за нихъ въ свою очередь. Дальше мужчины и дѣвушки промѣниваютъ на гармоникки платки, жилеты, поломанныя и линялыя шляпы. Гулъ, шумъ, движеніе, крики — невообразимые. «Приданое невѣстѣ, все до послѣдней мелочи, отъ подвязокъ до букета флеръ д'оранжъ, — и всё 3 шиллинга 5 пенсовъ... Право изъ за одного этого можно пожелать быть невѣстой!» на всѣ голоса выкрикиваетъ одинъ. «Золотая цѣпочка!» — «Подтяжки и пять сигаръ чуть-чуть начатыхъ... И не думайте, начатыхъ нашимъ братомъ, торговцемъ... Куда намъ до такихъ сигаръ... Слушайте. слушайте — сигара лорда Букингама, даже можетъ быть самого Дизраели — такъ какъ оба члены «Клуба путешественниковъ», а я подвѣялъ ихъ у самаго подвѣзда этого зданія... Но можетъ быть вы хотите сигару лорда Дерби, — выходя изъ клуба, онъ дѣлаетъ ей честь тѣмъ, что только прикасается къ ней, такъ какъ тотчасъ вспоминаетъ, что ни одна порядочная лэди не выноситъ табачнаго дыма». За кучами тряпья на какомъ то возвышеніи, устроенномъ изъ свѣчныхъ ящиковъ и бочекъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, говоритъ какой-то ораторъ. «Все и всё продаютъ вамъ, чтобы извлечь изъ васъ себѣ выгоду. И вы, порожденія сатаны, думаете, что главная цѣль въ жизни — матеріальная выгода! О, заблудшія овцы! неужели вы думаете, что единственное счастье — приобрѣтеніе. Берите эти листки безъ всякой платы, читайте ихъ и познайте добро и зло». При этомъ ораторъ пускаетъ на воздухъ цѣлый пукъ листовъ, которые, покружась въ воздухѣ, падаютъ на мостовую.

Тутъ не только сходятся продавцы старой одежды и обуви, но и стараго поманнаго фарфора и разрозненной посуды. Доказательствомъ тому, на сколько прибыльно для торговцевъ этихъ площадей торговать здѣсь, можетъ служить то, что они каждое воскресенье, когда идетъ раздача мѣстъ, устроенныхъ на площади, другъ передъ другомъ набиваютъ имъ цѣны. Человѣкъ, который раздаетъ эти мѣста, въ сопровожденіи по-

мошника, съ большимъ кожаннымъ мѣшкомъ, въ которомъ побрякиваютъ деньги, начинаетъ свой обходъ. Держа въ рукѣ шесть, онъ отмѣриваетъ имъ клочекъ земли на площади, получаетъ за него тотчасъ деньги, которые передаетъ помощнику. Тутъ же этотъ землемѣръ судитъ тѣхъ, кто осмѣлился захватить лишнее мѣсто, хотя бы на длину подошвы. Самымъ чувствительнымъ наказаніемъ для торговцевъ за эту провинность служитъ лишеніе мѣста на нѣсколько недѣль.

Эта торговля никогда не бываетъ такъ оживлена, какъ по пятницамъ. Въ этотъ день уже съ ранняго утра тянутся сюда всевозможныхъ родовъ повозки, тачки, телѣжки, одноколки, наполненныя самыми разнообразными предметами и влекомыя людьми и всевозможными животными: ослами, собаками, лошадьми. Выгрузивъ всѣ привезенные предметы, ихъ сортируютъ по кучамъ, нерѣдко вышиною въ домъ. И чего, чего вы не найдете здѣсь: коробки съ поломанными пробочниками, ржавыя засовы, засаленныя библии, проволочныя клѣтки, нѣсколько томовъ «Воспомятивъ методистовъ». Здѣсь раздувательный мѣхъ, кофейная мельница, щипцы. Тутъ также въ огромномъ выборѣ вы найдете искусственныя деревянныя ноги, желѣзные крючки съ винтами, замѣняющіе оторванныя руки, или стальные, обтянутыя кожей; множество различныхъ инструментовъ; часы, гребни, кольца, корсеты, карты, башмаки, перчатки, — но все это уже нѣсколько испорчено и непрѣнно подержанное. Кромѣ обносокъ съ плеча богатыхъ баръ, уже ношенныхъ десяткомъ лицъ и перепроданныхъ въ десятыя руки, тутъ вы встрѣтите различныхъ звѣрьковъ и птицъ: кроликовъ, голубей, мышей, свинокъ, обезьянъ, живыхъ и ихъ чучела. Но что всего замѣчательнѣе, такъ это то, что здѣсь можно увидѣть въ этотъ день интересныя машины и работы, неоконченныя за недостаткомъ денегъ: нѣсколько начатыхъ клавирь-гармоникъ, много токарныхъ станковъ съ новыми усовершенствованіями, экипажей, различныхъ насосовъ. То одна, то другая куча привлекаетъ вниманіе яркими цвѣтами и смѣсю въ одно предметовъ самыхъ разнообразныхъ. Вотъ посмотрите сюда: обрывокъ пунцоваго шарфа танцовщицы, бархатъ съ королевской мантіи, вышитый мундиръ, матросская шапка, шинель солдата, куртка рабочаго, корона театральнаго короля, трико комедіанта, дождевой зонтикъ мелкаго рантье, поясъ щеголихи, шпоры охотника на лисицъ, вязанныя чулки крестьянки, плюмажная шапочка ребенка, амазонка лэди, ночной колпакъ старика, парикъ и тога судьи, брызжи епископа, шиньоны, юбки, галстуки. Все это, послѣ многихъ странствованій, постепенно доходитъ до лоскутнаго рынка.

Однако вернемся къ несчастнымъ кварталамъ Остъ-Энда. Бетналь-Гринъ и вообще всѣ дурныя восточныя участки Лондона можно считать мастерской, въ которой вырабатывается горячка. Какъ въ этихъ страшныхъ кварталахъ Лондона, такъ вообще во всей Англіи, бѣднякъ гораздо несчастнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Но почему же бѣдняки другихъ странъ переносятъ свои несчастія легче англійскихъ? Очень понятно: тамъ, гдѣ природа менѣе сурова, какъ наприм. на югѣ, народъ не имѣетъ нужды во многомъ, что здѣсь составляетъ предметъ первой необходимости. Тамъ во многихъ мѣстностяхъ чловѣкъ, почти круглый годъ, можетъ обходиться безъ топлива, мяса и вина; множество рыбъ, омаровъ, различные рода растительной пищи, какъ: каштаны, финики, кукуруза и винныя ягоды растутъ почти безъ всякаго ухода. Множество удовольствій и здоровыхъ наслажденій предлагаетъ ему сама природа: прогулку въ тѣни на террасѣ, на чистомъ воздухѣ, подъ чуднымъ голубымъ небомъ, передъ прекраснымъ пейзажемъ, среди аромата роскошной растительности, чудныхъ памятниковъ искусства, мелодичнаго пѣнія птицъ. Въ Лондонѣ напротивъ: скверный климатъ, сырость, туманъ, холодъ, постоянный дождь, темнота — заставляють большую часть года проводить въ домѣ, хорошо устроенномъ, отопленномъ и освѣщенномъ. Зимой, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Англіи,

нерѣдко приходится зажигать огонь днемъ и вечеромъ, кряду нѣсколько сутокъ. Вмеѣстѣ съ постоянною потребностью въ топливъ, освѣщеніи и хорошей квартирѣ, которая бы защитила отъ непогоды, при своемъ суровомъ климатѣ англичане чувствуютъ и большую потребность въ питательной пищѣ. Суровая природа, холодъ, дождь, грязь, неблагоприятная почва, съ которой они борются всю свою жизньъ, и естественное стремленіе всякаго человѣка къ наслажденію, котораго не даетъ сама природа, заставляютъ здѣшняго бѣдняка забываться за стаканомъ джина, портера и другихъ крѣпкихъ напитковъ. Къ тому же крѣпкіе напитки поддерживаютъ его и часто даютъ ему силу къ новой борьбѣ за свое жалкое существованіе. Вслѣдствіе такой суровой обстановки человѣкъ огрубѣлъ и сталъ мрачнымъ. Здѣсь на бѣдняка взглянуть страшно: истомленный, худой, какъ скелетъ, съ бессмысленно блуждающимъ взоромъ, на немъ къ тому же одѣта одежда, много лѣтъ тому назадъ сброшенная съ барскаго плеча. Если вы встрѣтите здѣсь человѣка въ грубой курткѣ, въ изорванныхъ и запачканныхъ углемъ и смолою штанахъ,—это работникъ. Онъ не производитъ такого страшнаго впечатлѣнія, такъ какъ вы знаете, что онъ имѣетъ хотя какой нибудь заработокъ. Но въ кварталахъ, которые мы только что описали, вы чаще всего видите женщинъ въ истасканной шелковой, давно утратившей всякій цвѣтъ, шляпѣ съ измятыми цвѣтами, въ шали, истертой до послѣдней степени, мужчинъ—въ изломанномъ, буромъ цилиндрѣ, въ когда-то модномъ затасканномъ сюртукѣ. Дѣти въ платьяхъ взрослыхъ модницъ и щеголей, которыя висятъ на нихъ лохмотьями и въ которыя они уходятъ съ головой. Видъ этихъ пролетаріевъ, одѣтыхъ въ платья, брошенные богатыми людьми, производитъ такое же впечатлѣніе, какъ румянецъ на трупѣ.

Если экономическое положеніе страны сдѣлало жизнь англійскаго бѣдняка ужасною, то этому не мало способствовала и ея природа. Послѣдняя, какъ намъ кажется, не мало содѣйствовала уничтоженію въ душѣ англичанина стремленія къ равенству. Замѣчено, что въ холодныхъ странахъ суровый климатъ создаетъ больше общественное неравенство. Въ счастливыхъ странахъ нѣтъ такой разницы между богатымъ и бѣднымъ, высокорожденнымъ и простымъ смертнымъ. Человѣкъ равенъ человѣку тамъ, гдѣ воздухъ, прекрасныя воды, голубое небо составляютъ главное богатство. Въ такихъ странахъ люди не чувствуютъ необходимости запирается въ прочныя жилища; искусство тамъ процвѣтаетъ, возвышаетъ душу, какъ бѣднаго, такъ и богатаго, даетъ великія произведенія, которыми равно пользуются все классы общества. Здѣсь же, въ Великобританскомъ королевствѣ, обуреваемомъ свирѣпыми вѣтрами, дождями и туманами, человѣкъ болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было удаляется отъ своего ближняго.

Заклучимъ нашу статью тѣмъ же, чѣмъ начали, т. е. укажемъ на различія, какія существуютъ между западною и восточною частью Лондона.

Ширина улицъ Вестъ-Энда отъ 40 до 50 футовъ, въ восточныхъ же кварталахъ многія улицы едва достигаютъ 15-ти футовъ. Однимъ словомъ въ западной части все устроено такъ, чтобы продлить жизнь, въ восточной все содѣйствуетъ ея сокращенію. Контрастъ, который мы видѣли между Уайтъ-Чапелемъ и Вестъ-Эндомъ, существуетъ въ Англійи повсюду; онъ встрѣчается въ Единбургѣ и Глазго, въ Манчестерѣ и Ливерпулѣ. Это чудовищное неравенство преслѣдуетъ васъ не въ однихъ только городахъ. Деревни также представляютъ примѣры самой крайней нищеты наряду съ самой цвѣтущей роскошью. Ни въ одной странѣ въ мірѣ различныя классы общества не стоятъ такъ далеко другъ отъ друга. Англійа положительно страна контрастовъ. Отечество высшей цивилизаціи, она въ тоже время служитъ и гнѣздомъ невѣжества, доходящаго до идиотства; страна величайшихъ богатствъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ неслыханной въ мірѣ нищеты и бѣдности; страна романтической чистоты нравовъ, тихаго семейнаго счастья—наряду

съ самыми ужасными преступленіями и ловкимъ, знаменитымъ мошенничествомъ; страна, въ которой болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, не только словомъ, но и дѣломъ сочувствуютъ бѣдняку, что наглядно выражается въ крупныхъ суммахъ, ежедневно жертвуемыхъ на нихъ,—и высокоумнаго презрѣнія не только къ человѣку въ лохмотьяхъ, но ко всякому, кто не можетъ одѣться вполне по джентльменски.

Самое характерное явленіе Британской столицы—зелень, цвѣты, чудные парки, сады повсюду. Парковъ и окруженныхъ рѣшетками садиковъ, находящихся на многочисленныхъ площадяхъ города, здѣсь насчитываютъ болѣе двухсотъ. Такимъ образомъ очищается воздухъ столицы, и бѣдные жители, не имѣющіе средствъ ѣхать за городъ, могутъ здѣсь подышать свѣжимъ воздухомъ, такъ какъ каждый можетъ совершенно свободно гулять въ паркѣ.

Лондонскіе парки чрезвычайно оригинальны: ихъ нельзя сравнить ни съ Champs Elysés въ Парижѣ, ни съ берлинскимъ Thiergarten. Они расположены не въ предместьяхъ, а лежатъ посреди города. Это даже не сады, а смѣсь луговъ, лѣсовъ и воды. Это просто прелестная деревня среди роскошной столицы. Зеленый дервь, великолѣпныя деревья, особенно дубы и буки—главное украшеніе англійскаго парка. Прежде всего поражаетъ въ нихъ ихъ громадность, а затѣмъ ихъ вѣчная, неувядающая зелень и роскошные, самые разнообразныя цвѣты круглый годъ. Лондонскіе парки никогда не перестаютъ быть зелеными: теплота и влажность воздуха не допускаютъ снѣжнаго покрова, и зелень ихъ луговъ блеститъ даже среди зимы. Англійскіе садовники славятся необыкновеннымъ искусствомъ украшать эти парки и ухаживать за цвѣтами и растеніями. Они такъ основательно изучили свое дѣло, такъ хорошо примѣнились къ своимъ паркамъ, что у нихъ круглый годъ цвѣтутъ цвѣты. Лишь только послѣ роскошнаго разцвѣта одни изъ нихъ начинаютъ увядать, уже тысяча другихъ распускаются во всемъ блескѣ своей красоты. Въ хорошее время года, когда цвѣты блестятъ, какъ разноцвѣтные драгоценныя камни, когда ясень опускаетъ свои вѣтви въ озера, окутанныя туманомъ, когда зелень различныхъ оттѣнковъ подъ вліяніемъ свѣта и тѣни представляется глазу въ тысячѣ переливовъ, тогда паркъ производитъ необыкновенно пріятное впечатлѣніе. Ароматъ, который свободно несется по широкимъ лугамъ, чувствуется еще издали. Его вдыхаешь полной грудью, когда только вступаешь въ паркъ, его чувствуешь уже тогда, когда ѣдешь по улицамъ, близкимъ къ нему.

Вездѣ широко, просторно, зелено. Вы въ городѣ и въ деревнѣ, вы въ тѣсномъ Лондонѣ и на просторной зеленой равнинѣ, вы, только что дышавшіе дымомъ и копотью, теперь чувствуете чудный запахъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Хотя въ этихъ паркахъ и нѣтъ недостатка въ красивыхъ группахъ деревьевъ, но тутъ нѣтъ такихъ густыхъ аллей, которыя составляютъ гордость французскихъ и нѣмецкихъ парковъ. Англичане прежде всего любятъ просторъ луга и безпрепятственное теченіе воздуха, а этому могла бы мѣшать влажная листва аллей. Здѣсь также потому мало тѣнистыхъ аллей и хорошихъ рощъ, что въ нихъ и не чувствуется большой потребности. Здѣшнее солнце никогда не свѣтитъ особенно ярко, никогда не томить, не печетъ, поэтому тѣнь и прохлада не такъ нужны англичанамъ, какъ народамъ южнымъ. Въ англійскихъ паркахъ нѣтъ также ни искусственныхъ водопадовъ, ни фонтановъ, тѣмъ не менѣе воды здѣсь очень много: огромныя пруды кажутся настоящими озерами,—для этого и берега выкопаны неправильными изгибами. Ихъ паркъ—открытый лугъ, по краямъ котораго показываются сады, лѣса и стройныя фронтоны дворцовъ. Трудно себѣ представить, какая тишина царствуетъ въ этихъ паркахъ; когда вы войдете въ глубь, вамъ кажется, что вы перенеслись въ какую-нибудь уединенную сельскую деревушку, гдѣ совѣмъ не слышно городского шума. Лондонскіе парки—это легкія, которыми дышетъ это гигантское тѣло,

*

и имъ прежде всего обязана столица; не смотря на облака дыма и копоти, постоянно тяготѣющихъ надъ нею, не смотря на чрезмѣрное населеніе нѣкоторыхъ кварталовъ, Лондонъ одинъ изъ самыхъ здоровыхъ городовъ въ мірѣ.

Сентъ-Джемскій паркъ—одинъ изъ лучшихъ въ столицѣ. Онъ имѣетъ видъ совершенной деревни: громадная, старая деревня, настоящіе луга, огромные пруды съ утками и другими плавающими птицами. Тутъ обыкновенно гуляютъ люди небогатые съ своими женами и дѣтьми. Публика пользуется полною свободою гулять по всѣмъ лугамъ парка, которые очень велики и роскошны. Стада овецъ и коровъ пасутся тутъ же на свѣжей травѣ парка и придаютъ ему еще больше прелести и совершенно сельскій видъ.

Гайдъ-паркъ величайшій изъ лондонскихъ парковъ, съ огромными лугами, долинами и холмами, съ рѣкою и озеромъ, съ тѣнистыми деревьями, съ пасущимися стадами коровъ и овецъ, съ отличнымъ шоссе. Это большая, чудная деревня, перенесенная въ центръ столицы. Слава парка—Роттенъ-Роу—широкая песчаная дорога, обсаженная съ обѣихъ сторонъ деревьями. Она идетъ отъ Гайдъ-парксскихъ воротъ до покрытаго цвѣтами берега Серпентины. Во время сезона вы видите здѣсь все красивое, молодое, родовитое и сановитое въ соединенномъ королевствѣ. Въ пятницу, въ пять часовъ пополудни—гулянье амазонокъ. На сколько можетъ схватить глазъ далеко за Кессингтонъ, гдѣ дорога теряется между березами, виднѣются, покрытые пѣною, встающіе на дыбы, кони, съ стройными, смѣлыми, гибкими, голубоглазыми дѣвушками, съ длинными, свѣтлыми распушенными волосами, въ длинныхъ суконныхъ платьяхъ въ обтяжку, въ желтыхъ перчаткахъ и съ хлыстикомъ въ рукахъ. Но на лошадяхъ вы встрѣтите не только молодыхъ дѣвушекъ: около юныхъ амазонокъ бодро и ловко сидятъ на лошадяхъ ихъ полныя мамашы, съ сѣдыми буглями на вискахъ или съ колечками изъ сѣдыхъ волосъ по обѣимъ сторонамъ лица. Тутъ цѣлыя семейства отъ старика отца до шестилѣтней дѣвочки, всѣ гарцуютъ и сдерживаютъ своихъ горячихъ коней. Верховая ѣзда такая же страсть англичанъ обоого пола, какъ у испанцевъ страсть къ танцамъ. Мужъ съ женою, или все семейство вмѣстѣ, каждое утро выѣзжаютъ верхами въ Гайдъ-паркъ, а если они живутъ въ своемъ помѣстьи, то въ свой собственный паркъ или на берегъ моря. Мать съ старшею дочерью часто даже дѣлаютъ визиты верхомъ. Хотя верховая ѣзда и отнимаетъ у англичанъ каждый день часа полтора, но остальное время они не сидятъ безъ дѣла и эти полтора потерянные часа они умѣютъ наверстать на другомъ: рѣдко бывають въ театрахъ, на балахъ и на пикникахъ. Верховая же ѣзда считается здѣсь необходимой для здоровья и молодая дѣвушка и дѣти катаются въ паркѣ даже и во время дождя. Всѣ эти всадники и амазонки по большей части съ толпою лакеевъ и жокеевъ. Два, три лакея, принадлежащихъ одному семейству, обыкновенно одинакаго роста. Богатые англичане подбирають для дома лакеевъ одного роста, какъ лошадей для экипажа. Ростъ лакея имѣетъ здѣсь большое значеніе для знатнаго человѣка, и каждый стремится нанять высокаго, статнаго и красиваго. Дѣлая въ газетахъ объявленія о желаніи найти мѣсто, лакей обыкновенно обозначаетъ свой ростъ: «5 футовъ 9¹/₂ дюймовъ,» или: «5 футовъ 11 дюймовъ». Жалованье соразмѣряется съ ростомъ, съ объемомъ икръ, съ стройностью и сановитостью фигуры; представительный видъ и красивая виѣшность доставляютъ имъ до 30 ф. ст. прибавки сверхъ обыкновеннаго жалованья. Видъ ихъ долженъ свидѣтельствовать о достоинствѣ и богатствѣ дома, они это знаютъ и гордятся этимъ. Оттого ихъ величественная глупость перешла даже въ пословицу. Лакей за блестящей каретой аристократа иногда бываетъ такъ красивъ и ловко одѣтъ, что похожъ на красивую куклу. Деревенскіе мальчики простодушно вѣрятъ, что за каретами господъ ставятъ манекена, нерѣдко щиплютъ его за икры, чтобы узнать, живой онъ или набитое чучело.

Подлѣ высокихъ и статныхъ лакеевъ можно видѣть и чрезвычайно маленькихъ служителей, это жокеи, которые исключительно смотрятъ за лошадьми и изучаютъ это искусство, какъ глубокомысленную науку.

У прогуливающихся въ паркѣ англичанъ, какъ у мужчинъ, такъ и у дамъ, прекрасные свѣжіе костюмы, здоровый, выхолонный видъ. Англичанинъ — высокъ ростомъ; лицо его широкое, красноватое, съ мягкими, отвислыми щеками, большими рыжими бакенбардами и голубыми, безстрастными глазами. Женщины, какъ и мужчины, нерѣдко тоже очень высокаго роста: у тѣхъ и другихъ длинная шея, глаза нѣсколько на выкатѣ и нѣсколько выдавшіеся передніе зубы. Но это не мѣшаетъ здѣсь молодымъ дѣвушкамъ быть очень красивыми. Особенно хороши онѣ на лошади: лошадь горячится, несется, встаетъ на дыбы и только тогда вы видите всю грацію англичанки. Никакого испуга въ лицѣ, напротивъ — улыбка удовольствія на губахъ; она вся точно приросла къ сѣдлу, волны ея чудныхъ, свѣтлыхъ волосъ смѣшиваются съ гривой лошади, — и она несется во весь опоръ.

Въ иныхъ случаяхъ типъ выходитъ изъ своихъ естественныхъ предѣловъ и особенности англійскаго лица выступаютъ чрезвычайно рѣзко: голова длинная, зубы выдаются впередъ, такъ что ротъ даже не закрывается, голубые, стеклянные глаза совсѣмъ на выкатѣ. Нерѣдко встрѣчаются вамъ между мужчинами и женщинами лица безъ всякаго выраженія. «Цвѣтъ лица изъ розъ и лилій, снѣга и молока», такъ описываетъ англійскую красавицу одна извѣстная французская писательница, «плечи, руки, грудь и ноги изъ воска; но все это безъ души и безъ воздуха. Лицо ея прелестно, но это всегда одно и тоже лицо, точно она вынимаетъ его утромъ изъ футляра и, ложась спать, снова туда же укладываетъ, не употребляя его въ теченіи дня». Эти слова чрезвычайно мѣтко характеризуютъ очень многихъ англійскихъ красавицъ. Но, какъ бы то ни было, молоденькія англичанки отличаются передъ всѣми другими дѣвушками необыкновенною свѣжестью лица и наслаждаются полнымъ здоровьемъ. Женщины и дѣвушки средняго и высшаго класса жалуются на свое здоровье во всѣхъ государствахъ Европы, только здѣсь въ Англійи онѣ постоянно здоровы и цвѣтуци. Этимъ онѣ обязаны верховой ѣздѣ, купаньямъ, большимъ прогулкамъ на воздухѣ, правильной и дѣятельной жизни и болѣе всего умѣренности, которую онѣ не забываютъ, какъ во время труда, такъ и въ наслажденіи.

Дѣти, прыгающія по парку и смѣло гарцующія верхомъ, точно живые цвѣты: толстыя щеки, крѣпость мускуловъ, — все общается, что изъ нихъ выйдутъ коренастые юноши и здоровыя женщины. До восьми, девяти лѣтъ у дѣтей преобладаетъ физическое развитіе: вы почти не встрѣтите ни у одного изъ нихъ умныхъ, живыхъ и глубокихъ глазъ, какъ у дѣтей итальянцевъ, а чаще это бѣленькія, красненькія, веселенькія, толстенныя, красиворасписанныя куколки безъ всякаго выраженія, безъ живой мысли въ глазахъ.

Лошади, экипажи, наряды дамъ, мужчинъ, дѣтей, жокеевъ и слугъ — все свѣжо, богато, великолѣпно, все точно для выставки. Но это только такъ кажется съ перваго раза. Въ этомъ отношеніи англичанинъ совершенная противоположность французу: какъ тотъ живетъ прежде всего для выставки, только и думаетъ, какъ бы выйти изъ раи вонъ, выказать свой умъ, талантъ и находчивость, туалетъ своей жены, свой экипажъ, такъ англичанинъ весь живетъ прежде всего и больше всего для себя. Онъ любитъ хорошую экипажъ, горячую лошадь, свѣжій костюмъ, мягкое кресло, богатую библіотечу, такъ какъ его природѣ свойственна любовь къ порядочности, къ комфорту, стремленіе къ умственной жизни. Англичанки прѣзжаютъ въ Гайдъ-паркъ не для того, чтобы показать свой туалетъ, но потому, что имъ нуженъ воздухъ, скачка на горячемъ конѣ.

Нарядныя платья, кружева, бархаты, блестящіе экипажи, замѣчательно красивыя лошади, толпа слугъ, — все это показываетъ большую зажиточность здѣшнихъ высшихъ и среднихъ классовъ. Если бѣднякъ здѣсь бѣднѣе и несчастнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, то богатый человѣкъ — богаче, счастливѣе и живетъ въ тысячу разъ роскошнѣе и комфортабельнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Да и вообще богатый классъ здѣсь гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ. Мы уже не говоримъ о negociантахъ, которые наживаютъ миллионы разными торговыми операциями, объ аристократахъ, которые по наслѣдству владѣютъ крупною собственностью — громадными помѣстьями, дающими царскіе доходы, но лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, живутъ здѣсь ученые, профессора, литераторы, доктора, учителя среднихъ учебныхъ заведеній. Урокъ музыки, за который въ Германіи, Франціи и Россіи большой платой считается 3 руб. на наши деньги, тамъ оплачивается гинеей (6 р. 60 к.), — знаменитости получаютъ вдвое болѣе. Визитъ не особенно извѣстнаго доктора стоитъ столько же, т. е. гинею. У насъ профессоръ получаетъ три тысячи, во Франціи столько же (а въ Collège de France еще того меньше: 7 тысячъ франковъ), въ Оксфордѣ же онъ получаетъ до 22 тысячъ руб. на наши деньги. Наиболѣе извѣстные писатели и журналисты наживаютъ въ Англіи громадныя состоянія, тогда какъ у насъ и во Франціи они еле сводятъ концы съ концами и, умирая, оставляютъ въ наслѣдіе дѣтямъ только честное имя. Великобританія — царица промышленности міра и нѣтъ примѣра въ исторіи, чтобы какая нибудь другая страна достигла такого изумительнаго благосостоянія. Богатство частныхъ лицъ поразительно. Трудно даже представить себѣ съ какою роскошью нужно здѣсь жить, чтобы обратить этимъ на себя вниманіе. Какъ то одинъ острякъ шутилъ возбуждая вопросъ о томъ, какую сумму денегъ въ Лондонѣ нужно выбросить за окно, чтобы обратить на себя вниманіе одной только безумной расточительностью.

Но вотъ въ паркѣ совсѣмъ смерклось: сливки Лондона, краса, богатство и слава Вестъ-Энда — все возвращается по домамъ. Паркъ совсѣмъ пустѣетъ. Наступаетъ темная ночь, которая нерѣдко бываетъ свидѣтельницею отчаянной борьбы между жизнью и смертью, принимаетъ послѣдній вздохъ несчастнаго. Черезъ Серпентину ведетъ мостъ, который называется «мостомъ вздоховъ». И дѣйствительно, несчастные Остъ-Энда приходятъ сюда ночью, чтобы покончить съ жизнью. Чтобы спасти погибающихъ, около рѣчки построены домъ «королевскаго челоуѣколюбиваго общества», служащіе котораго употребляютъ всѣ средства, предписанныя наукою, чтобы возвратитъ къ жизни несчастныхъ. Теплыя ванны, теплыя постели, электрическія машины и механизмы, которыми производятъ искусственное дыханіе, находятся въ комнатахъ, куда вносятъ утопленника.

Гайдъ-паркъ бываетъ не только свидѣтелемъ искусной верховой ѣзды амазонокъ, отчаянныя нищеты, но и торжества свободы слова, свободы собраній. Столяры, плотники, каменщики, фабричные, музыканты, пѣвцы, ремесленники, каждый классъ народа составляетъ здѣсь отъ времени до времени митинги. Митингами называютъ собранія и совѣщанія извѣстнаго круга людей, которые заявляютъ публично о своихъ нуждахъ и желаніяхъ и не рѣдко предлагаютъ различныя мѣры къ искорененію зла или достиженію желаемаго. Женщины устраивали также здѣсь не разъ митинги съ цѣлью добиться для своего пола избирательнаго голоса. Собранный на митинги народъ выбираетъ председателя, который руководитъ преніями, и затѣмъ всякій желающій, пришедшій на митингъ, съ полною откровенностью говоритъ о томъ, какъ ему живется при той или другой обстановкѣ и порядкахъ, что онъ зарабатываетъ, сколько часовъ въ день занятъ работою, какъ по его мнѣнію и на сколько возможно улучшить его положеніе. Кромѣ случайныхъ митинговъ, которые составляютъ по поводу того или другаго вопроса, — есть митинги и

постоянные. Каждую страстную пятницу происходят митинги въ Гайдъ-паркѣ: одинъ разъ собираются носильщики, другой годъ каменщики, затѣмъ столяры.

Съ національными, трехцвѣтными и малиновыми знаменами въ рукахъ, огромная толпа народа, въ совершенномъ порядкѣ, нога въ ногу и какъ солдаты въ рядъ, торжественно выступаетъ по улицамъ, направляясь къ воротамъ Гайдъ-парка. У нѣкоторыхъ въ этой толпѣ вмѣсто знаменъ — огромные шесты, на верху которыхъ развиваются ласты, съ надписями въ родѣ слѣдующихъ: «На фабрикахъ число рабочихъ часовъ давно уменьшено, только тяжесть труда и часы занятій носильщика никто не считаетъ». На груди, въ петлицѣ, цвѣтной бантикъ, или кокарда. Впереди этого импровизированнаго войска идетъ хоръ музыкантовъ и наигрываетъ торжественный маршъ. Кругомъ бѣжитъ огромная и самая разношерстная толпа: дѣти, торговки съ незабудками, яблоками и пряниками, носильщики, мастеровые. Торжественнымъ шагомъ идутъ они впередъ и все останавливается передъ ними, чтобы дать имъ дорогу. Гуляющіе, пѣшеходы, мелкіе торговцы, нарядныя лэди, блестящіе экипажи — по полчаса ждутъ, пока пройдетъ послѣдній рядъ этого войска, длиною не рѣдко въ двѣ версты.

Но вотъ вступили въ паркъ. Распорядитель указываетъ, куда поставить знамена. Звуки музыки смолкаютъ. Ораторъ при громѣ рукоплесканій всходитъ на возвышеніе и начинаетъ излагать дѣло. Ораторъ говоритъ обыкновенно громко, отчетливо, видно, что онъ заранѣе приготовился. Впрочемъ нерѣдко выступаютъ и говорятъ передъ публикой совершенно экспромптомъ. Толпа шумитъ и одобряетъ оратора неистовыми рукоплесканіями, когда рѣчь ей нравится.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ подобныхъ митинговъ нерѣдко приходится читать въ газетахъ, что многіе хозяева того или другаго рода ремесленнаго заведенія увеличили недѣльную плату на два шиллинга, или уменьшили число рабочихъ часовъ на одинъ часъ. Обычай устраивать митинги существуетъ между всѣми классами общества; бываютъ случаи, что они происходятъ и между преступниками. Совѣщанія и цѣли подобныхъ митинговъ въ высшей степени оригинальны. Нѣкоторымъ писателямъ удалось присутствовать на митингѣ воровокъ. Ихъ устраиваютъ въ большинствѣ случаевъ въ той или другой часовнѣ какой нибудь секты, которыхъ здѣсь такъ много. Въ Лондонѣ нѣтъ почти ни одного квартала, въ которомъ не было бы хотя одной часовни. Они строятся частными предпринимателями, и если приходъ на столько бѣденъ, что не можетъ уплатить требуемую плату, то ее отдаютъ въ наемъ всякому, кто пожелаетъ ее нанять. Для какой цѣли нанимаютъ ту или другую часовню какое-нибудь общество или даже частное лицо, никто не спрашиваетъ. Поэтому нерѣдко случается, что утромъ въ такой часовнѣ раздаются пѣніе псалмовъ, а вечеромъ бѣшеные звуки вальса или меланхолическое пѣніе подъ скрипку какого-нибудь сентиментальнаго романса. Въ одной изъ такихъ часовень, по описанію очевидца, происходилъ и митингъ воровокъ. На билетахъ, которые привратница отбирала у посѣтительницъ собравшихся на митингъ, можно было прочесть слѣдующее: «этотъ билетъ дѣйствителенъ только для лицъ женскаго пола, подвергнувшихся уголовному обвиненію, по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ жизни. При этомъ оповѣщаемъ нашихъ посѣтительницъ, что на этомъ собраніи мы предполагаемъ поднести имъ прекрасное угощеніе, состоящее изъ чая, хлѣба съ масломъ и пирожнаго; послѣ чего назначается проповѣдь. По окончаніи митинга, каждая получитъ 4-хъ фунтовый хлѣбъ и ящикъ говяжьихъ консервовъ. Билетъ проситъ хранить въ тайнѣ». И благодаря обѣщанному угощенію около 200 женщинъ обнаружило свое позорное ремесло. Впрочемъ эти посѣщенія не угрожаютъ имъ никакой опасности. Полици дана строжайшая инструкція не мѣшать своимъ присутствіемъ собираться воровкамъ на митингъ. Любезный хозяинъ, обѣщавшій обильное угощеніе за посѣщеніе митинга, душа этого собранія, апостолъ и мяс-

сіонеръ воровокъ, краснорѣчивый проповѣдникъ Недъ-Райтъ. Его біографія не длинна: съ самой ранней юности, въ продолженіи 30 лѣтъ, онъ велъ самую позорную жизнь: красть, грабить, выламывать замки. Въ это время онъ то и дѣло переѣзжалъ изъ тюрмы въ судъ и близко ознакомился со всѣми тюрмами соединеннаго королевства. Какъ-то онъ былъ ваятъ въ солдаты и дезертировалъ. Очувтившись послѣ этого матросомъ на службѣ, онъ былъ выдранъ кошками, и затѣмъ за какіе-то новые проступки былъ приговоренъ къ одиночному тюремному заключенію и переведенъ въ брикстонскую тюрму, гдѣ арестанты работаютъ молча, съ маской на лицѣ. Кромѣ своихъ походовъ въ области уголовщины, Райтъ прославился какъ горькій пьяница. Вдругъ онъ заявляетъ, что прозрѣлъ истину и дѣлается членомъ общества трезвости. Въ то же время онъ открылъ торговлю библіями и наконецъ сдѣлался миссіонеромъ и апостоломъ воровокъ, «чтобы помочь», какъ онъ выражается, «этѣмъ заблудшимся овцамъ вступить на истинный путь чести и добра». Райту было нетрудно привлечь къ себѣ воровокъ: онъ былъ знакомъ со всѣми притонами, въ которыхъ собираются подобные люди, а также съ ихъ нравами, привычками и ихъ языкомъ. Онъ не только дѣйствовалъ на слушательницъ словомъ божіимъ, обѣщаніемъ награды въ будущемъ, но даже не оставлялъ ихъ своею помощію и въ настоящемъ: то предлагая сытное угощеніе, то давая совѣты и приискивая работу для вновь обращенныхъ на путь истины.

Митингъ воровокъ начинается пѣніемъ псалмовъ; затѣмъ разносятъ угощеніе — чай съ простенькою, но обильною закускою. Подкрѣпивъ себя пищею, воровки терпѣливо выслушиваютъ длинныя проповѣди, тѣмъ болѣе еще, что послѣ нихъ онѣ ожидаютъ новой награды, въ видѣ 4-хъ фунтовыхъ хлѣбцевъ и коробокъ съ мясными консервами. «Я научу васъ», начинаетъ проповѣдникъ, «какимъ образомъ вы можете каждый день добывать себѣ такую обильную пищу», и затѣмъ начинаются одна за другой разныя проповѣди, которыя оканчиваются также пѣніемъ псалмовъ. Намъ, русскимъ, трудно повѣрить и въ безкорыстіе подобныхъ проповѣдей и въ ихъ дѣйствительное вліяніе на воровокъ. Какъ бы то ни было, но случаи исправленія хотя очень рѣдки, но все-таки бываютъ. Между филантропами Недъ-Райтъ приобрѣлъ большую популярность, и ихъ пожертвованія на предпріятое имъ дѣло, вѣроятно, скоро дадутъ ему возможность устроить, объ чемъ онъ теперь такъ хлопочетъ, свое собственное помѣщеніе для митинговъ подобнаго рода.

Къ числу многихъ оригинальныхъ обычаевъ англичанъ принадлежитъ давно установившійся обычай проводить весну и лучшую пору лѣта въ самой столицѣ, не смотря на то, что каждый болѣе или менѣе зажиточный человекъ имѣетъ отличное помѣстье, обставленное со всевозможнымъ комфортомъ. Но разъ, когда обычай существуетъ, какъ бы онъ ни былъ страненъ, смѣшонъ и оригиналенъ, ни одинъ англичанинъ, хорошо воспитанный, не осмѣлится его нарушить. Англичанинъ, совершенно свободный въ своихъ политическихъ мнѣніяхъ, строго подчиняется общественной дисциплинѣ и укоренившемуся обычаю. Нѣтъ народа въ Европѣ, у котораго бы обычай возводился въ такой неприкосновенный законъ. Оказывая совершенную терпимость ко всякаго рода мнѣніямъ, сужденіямъ и вѣрованіямъ, англичанинъ требуетъ полнѣйшей терпимости и къ своимъ оригинальнымъ обычаямъ. Вы скажите ему удивленіе, что онъ, гражданинъ такой великой націи, такой свободной страны, работливо относится ко всевозможнымъ формальностямъ, и онъ, отнесется къ вашимъ словамъ съ полнымъ презрѣніемъ. «Ваши понятія», отвѣтитъ онъ, «могутъ быть и дики для меня, но я не показываю вамъ вида, какъ все это на меня дѣйствуетъ, оставьте же и меня при моихъ странностяхъ».

Аристократическая часть Лондона, т. е. его Вестъ-Эндъ, совершенно пустая и тихая зимою, съ наступленіемъ весны, когда начинается *сезонъ*, вдругъ наполняется сво-

ими великолѣпными обитателями и роскошными экипажами, съ кучерами и лакеями съ напудренными волосами, а перѣдко и въ парикахъ. Лондонскій сезонъ обыкновенно продолжается во все время засѣданій парламента, т. е. начиная съ самой ранней весны до августа. Осень и зима посвящаются на житье въ помѣстьяхъ, на охоту и на путешествія. Нужно однако замѣтить, что здѣшняя зима далеко не такъ сурова, какъ въ средней Европѣ. Поля и кустарники зеленѣютъ почти во все время зимы, а климатъ столицы, такой непривлекательный отъ ноября до марта, весьма сносенъ отъ апрѣля до сентября. Съ наступленіемъ апрѣля всякій, считающій себя джентльменомъ, т. е. мало-мальски порядочнымъ человѣкомъ, стремится въ Лондонъ. Тѣ, которымъ обстоятельства не позволяютъ провести весь сезонъ въ столицѣ, или которые боятся высокихъ сезонныхъ цѣвъ на жилищныя потребности, стараются пріѣхать туда хотя на одну, на двѣ недѣли. Меблированныя квартиры, отели, театры, концерты, всѣ публичныя зрѣлища наполняются невѣроятными толпами народа. Побывать въ Лондонѣ въ теченіи сезона не только вошло въ обычай у англичанъ, но и составляетъ необходимое условіе для порядочнаго человѣка. Аристократы всѣ стремятся въ Лондонъ въ это время, а за ними и остальные, такъ какъ аристократія даетъ здѣсь тонъ всему. Другіе ѣдутъ на сезонъ въ Лондонъ уже и потому, что къ этому времени собираются сюда всѣ лучшіе артисты и предстоитъ множество удовольствій. Люди торговые, директора театровъ, устроители концертовъ и выставокъ, антрепренеры увеселительныхъ зрѣлищъ и разныхъ праздниковъ привыкли все организовать, все фабриковать, все готовить только въ ожиданіи сезона. Число концертовъ и театральныхъ представленій увеличивается по крайней мѣрѣ въ десять разъ противъ зимняго, т. е. несезоннаго времени. А какое безчисленное множество устраивается въ это время выставокъ, лошадиныхъ скачекъ и самыхъ разнообразныхъ удовольствій. Послѣ выставокъ картинъ открываются выставки лошадей, цвѣтовъ, собакъ, кошекъ. А какое множество скачекъ: дамскія скачки, университетскіе скачки, наконецъ скачки въ Ипсомѣ. Праздникъ королевы предшествуетъ этимъ знаменитымъ ипсомскимъ скачкамъ и даетъ возможность лавочникамъ выказать свою преданность престолу роскошнымъ освѣщеніемъ своихъ магазиновъ. Вечеромъ въ этотъ день уличные мальчики наклеиваютъ себѣ фальшивые носы и усы фантастическихъ размѣровъ и особенно оживленно снуютъ по улицамъ.

Но вотъ наступаетъ августъ, и городъ совершенно пустѣетъ. Прощай, парламентъ и опера, прощай, блескъ Вестъ-Энда, блестящія кавалькады, прекрасныя выставки. Лучшее общество Лондона, самое богатое, родовитое и сановитое—все отправляется путешествовать: на морскія купанья, въ Спа, въ Швейцарію, въ Италію, а если нельзя такъ далеко, то хоть въ Брайтонъ—городокъ недалеко отъ Лондона,—всюду, исключая столицы.

Множество англичанъ, которыхъ различныя обстоятельства задерживаютъ въ столицѣ, забываютъ свои ставни и живутъ въ апартаментахъ, наименѣ замѣтныхъ съ улицы. Не уѣхать изъ города въ августѣ мѣсяцѣ и показать это передъ другими—неприлично и смѣшно.

МОНУМЕНТАЛЬНЫЙ ЛОНДОНЪ.

Характеръ лондонскихъ зданій.— Соборъ св. Павла.— Вестминстерское аббатство.— Уголь поэтовъ.— Парламентъ.— Александровскій и Сейденгемскій дворцы.

Нельзя довольно налюбоваться домами, окружающими парки! Цѣлыя улицы къ сѣверу отъ Гайдъ-парка и по направленію къ Реджентъ-парку представляютъ ряды великолѣпныхъ загородныхъ виллъ. Террасы, балконы, сверху до низу увитые виногра-

домъ и плющемъ, красивыя купы обдуманно разсаженныхъ деревьевъ, вездѣ густая, темная зелень, изъ-за которой игриво выглядываютъ статуи; колонны, балюстрады, вездѣ прелестнѣйшія клумбы цвѣтовъ ярко пестрѣютъ у всѣхъ оконъ, такъ что больно даже глазамъ смотрѣть.

Да, хорошо живутъ англійскіе аристократы и богачи! Этотъ блескъ изумляетъ еще болѣе, когда вспомнишь, что аристократы живутъ въ столицѣ два, три мѣсяца въ году— во время сезона. Дома въ ихъ помѣстьяхъ отдѣланы и украшены еще съ большимъ великолѣпіемъ и комфортомъ, какъ ихъ постоянное мѣстопробованіе.

Однако въ цѣломъ городѣ, какъ дома богачей, такъ и другія зданія выглядятъ какъ-то мрачно, сурово и имѣютъ темносѣрый цвѣтъ. Большинство построекъ отличается необыкновеннымъ однообразіемъ. Это можетъ быть потому, что нерѣдко цѣлую улицу застраиваетъ одна компанія строителей. Дома снаружи выштукатурены необыкновенно чисто и опрятно: нигдѣ ни одного пятна, ни одного слѣда грязи или пыли.

Кто, побывавши въ Москвѣ, не взберется на Ивана Великаго, въ Парижѣ на Notre-Dame, чтобы съ высоты ихъ посмотрѣть на городъ? Такую же роль въ этомъ отношеніи играетъ соборъ св. Павла въ Лондонѣ. Къ тому же его необходимо видѣть уже потому, что англичане считаютъ его чуть ли не равнымъ по величію и красотѣ римскому собору Петра. Соборъ св. Павла въ Лондонѣ дѣйствительно грандіозное, огромное, прекрасное зданіе, но ему далеко до римскаго собора Петра. Соборъ Павла въ два этажа колоннъ, нижнія со всѣмъ черны, верхнія, недавно поставленныя, еще бѣлы, но уже и на нихъ угольная копоть наложила свою печать. Къ тому же эти колонны, постройки и орнаменты въ греческомъ и итальянскомъ вкусѣ, совсѣмъ не подъ стать лондонскому небу и климату. «Соборъ св. Павла почти скопированъ съ римскаго собора св. Петра и за нимъ остается развѣ одно достоинство— громадность и крѣпость постройки; да и это достоинство наружное; внутри же онъ почти голъ: въ немъ нѣтъ ни мраморныхъ половъ, ни позолоты, ни мозаикъ, ни фресокъ, ни расписныхъ оконъ. Это— протестантскій храмъ съ наружностью католической церкви».

Какъ ни великъ соборъ св. Павла теперь, онъ былъ еще больше до лондонскаго пожара 1666 г. Но и въ настоящую минуту онъ кажется громаднымъ и съ виду чрезвычайно прочнымъ. Дождь и вѣтеръ чисто вымываютъ верхнюю половину южной стороны собора, между тѣмъ какъ нижняя половина покрыта чернымъ налетомъ, который такъ обыченъ на лондонскихъ домахъ: всѣ лондонскіе дворцы и церкви покрыты имъ. Вслѣдствіе страшной копоти изобрѣли особыя, поглощающія дымъ, дымовыя трубы, и парламентскій актъ предписалъ употреблять ихъ на фабрикахъ и пароходахъ на Темзѣ, и потому, въ тѣхъ частяхъ Лондона, гдѣ лежатъ большія пивоварни, зданія всего менѣе страдаютъ отъ дыма. Но однако еще и теперь болѣе 390,000 домовъ выпускаютъ дымъ изъ своихъ трубъ, и изъ воздуха падаетъ обратно на дома тонкій слой копоти.

Внутренность собора довольно пустынна и больше всего бросается въ глаза громадностью своихъ размѣровъ; но за то вокругъ стѣнъ бѣлѣетъ множество изваяній,— памятники разнымъ знаменитостямъ, преимущественно морскимъ и военнымъ. Всѣ эти памятники сдѣланы въ высшей степени безвкусно, топорно и бездарно. Многіе генералы, память которыхъ здѣсь увѣковѣчена, изображены по классически: на нихъ накинута или что-то въ родѣ тоги, или они стоятъ совсѣмъ безъ одежды. Между прочимъ тутъ есть памятникъ одному извѣстному лексикографу, Самуилу Джонсону, — тотъ въ своей классической тогѣ выглядитъ настоящимъ римскимъ гражданиномъ или греческимъ божествомъ. Безъ аллегорическихъ группъ нѣтъ почти ни одного памятника: вездѣ слава или побѣда съ лавровымъ вѣнкомъ.

Отъ храма св. Павла, по ровнымъ, прямымъ и красивымъ улицамъ, идущимъ вверхъ

по Темзѣ, вы подходите къ дѣйствительно замѣчательному памятнику въ Лондонѣ въ архитектурномъ и историческомъ отношеніяхъ—Вестминстерскому аббатству. Человѣкъ, который основательно изучитъ всѣ достопримѣчательности аббатства, можетъ смѣло сказать, что онъ ознакомился съ прошлою судьбою англичанъ. Это зданіе основано было еще въ VII столѣтіи, но возобновлено впоследствии Генрихомъ III и Эдуардомъ I въ XIII столѣтіи. Здѣсь коронованы были всѣ англійскіе короли и королевы, начиная отъ Эдуарда Исповѣдника (1041 г.) до королевы Викторіи (1837 г.), и большая часть изъ нихъ погребена внутри аббатства. Внѣшняя сторона зданія поражаетъ своею древностью и разнообразіемъ архитектуры: это одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній готическаго зодчества, полное гармоніи и оригинальности въ цѣломъ, не смотря на то, что оно строилось не сразу, не въ одинъ пріемъ, а съ остановками и измѣненіями въ планѣ, какъ и большая часть средневѣковыхъ зданій. Это зданіе представляетъ смѣсь древне-британской, греческой и готической архитектуры. Стѣны древнѣйшей части зданія совершенно почернѣли отъ времени. Противъ нихъ, точно для контраста, — парламентъ, который представляетъ образецъ новаго стиля и вкуса. Нѣкоторые находятъ, что почернѣвшая часть зданія аббатства вредитъ эффекту парламента; другіе, напротивъ, думаютъ, что новое зданіе вредитъ цѣлности впечатлѣнія, которое производитъ эта древнѣйшая часть зданія. Но кажется, что эти два зданія вовсе не вредятъ другъ другу, а напротивъ, придаютъ самый величественный характеръ Вестминстерской площади.

Аббатство бываетъ открыто для публики между 11 ч. утра и 3 ч. по полудни, кромѣ воскресныхъ дней, такъ какъ въ эти дни съ утра до ночи бываетъ церковное служеніе.

Отворивъ дверь южнаго притвора этого храма, вы очутитесь, какъ на кладбищѣ, которое кажется тѣмъ величественнѣе и тѣмъ болѣе производитъ впечатлѣніе, что надъ нимъ не синѣетъ небо, что эти могильные памятники не осынены деревьями. Вся внутренность церкви представляется одною большою могилою. Отъ стѣнъ и половъ вѣетъ холодомъ и сыростью; свѣтъ скудно проходитъ въ стрѣльчатые окна, сквозь расписанныя стекла. Нѣкоторые памятники представляютъ цѣлыя мраморныя сцены и лѣплятся по стѣнѣ такъ высоко, что надо закидывать голову, чтобы разсмотрѣть ихъ въ подробности, да и это не всегда удается при сумракѣ, господствующемъ въ церкви. Потери не велика, потому что чѣмъ огромнѣе памятники, чѣмъ затѣйливѣе ихъ аллегоріи, тѣмъ менѣе извѣстны внѣ Англій лица, памяти которыхъ они посвящены, тѣмъ часто незначительнѣе они и въ самой Англій.

Почти у самаго входа скромный уголъ съ наиболѣе скромными памятниками посвященъ людямъ, составляющимъ славу и честь англійской литературы, и здѣсь поневолѣ застоишься дольше, чѣмъ передъ пышными аллегоріями, которыми стараются обратить вниманіе зрителя на имена малоизвѣстныхъ и часто вовсе не замѣчательныхъ ничѣмъ, кромѣ своего рода и богатства. Этотъ скромный уголъ называется «уголомъ поэтовъ», и надписи на ихъ памятникахъ воскрешаютъ передъ вами всю богатую исторію англійской литературы. Здѣсь красуются статуи Шекспира, Мильтона, Драйдена, Аддиссона, Гольдсмита, словомъ всѣхъ первоклассныхъ поэтовъ Англій, за исключеніемъ одного только Байрона. Но почему же англичане, которые допускаютъ полную свободу слова, которые сами гордятся гениемъ этого великаго поэта и дѣятеля, этого борца за свободу, только теперь собираются поставить ему памятникъ. Англичане прежде всего народъ, глубоко уважающій свои преданія, свято чтущій кодексъ аристократическихъ приличій, между тѣмъ Байронъ, самъ принадлежа къ аристократическому кругу, рѣзко осмѣивалъ укоренившіяся прадѣдовскія понятія о семействѣ, религіи и нравственности. Предубѣжденіе и озлобленіе противъ гениальнѣйшаго и величайшаго изъ поэтовъ были такъ сильны, что и при жизни Байронъ не находилъ себѣ мѣста на родинѣ. Мало того, послѣ его смерти, даже такой

человѣкъ, какъ извѣстный англійскій поэтъ Муръ, сжегъ его посмертныя записки. Только недавно въ Лондонѣ образовался комитетъ и рѣшилъ открыть подписку на памятникъ Байрона. Но и тутъ въ рѣчахъ, произнесенныхъ по этому случаю, характеръ англичанъ остался вполнѣ вѣренъ себѣ. Вотъ что сказали при этомъ одинъ извѣстный ораторъ: «хотя въ характерѣ Байрона многое заслуживаетъ осужденія, но такъ какъ это было 50 лѣтъ тому назадъ, а слава его безсмертна, то и *дозволительно* поставить ему памятникъ».

Въ углѣ поэтовъ посѣтителей встрѣчаетъ обыкновенно господинъ въ черной рясѣ и провожаетъ въ капеллы. Для этого непременно нужно взять билетъ и заплатить шесть пенсовъ.

Въ аббатствѣ 9 главныхъ капеллъ, въ которыхъ находятся гробницы и памятники всѣхъ королей и королевъ въ Англии. Чтобы основательно осмотрѣть всѣ капеллы, нужно побывать здѣсь по крайней мѣрѣ два, три раза. Открытыя части храма можно осматривать безъ проводника. По выходѣ изъ одной капеллы посѣтитель входитъ въ сѣверный притворъ храма, гдѣ находятся могилы великихъ государственныхъ дѣятелей Питта и Фокса. Тутъ же красуются монументы Ньютона и другихъ великихъ людей. Въ одномъ изъ отдѣленій того же притвора нельзя оставить безъ вниманія памятникъ друга человѣчества Вильберфорса, на которомъ начерчена надпись, выражающая благодарность африканскихъ невольниковъ своему безкорыстному покровителю. Въ южной сторонѣ аббатства погребенъ Маколей, этотъ извѣстный англійскій историкъ-поэтъ.

Замѣчательныя англійскія постройки сосредоточены не только въ Лондонѣ, — ихъ не мало и въ окрестностяхъ. Познакомимся съ нѣкоторыми изъ нихъ. Новый Александровскій дворецъ (Alexandra Palace) расположенъ на Мосуальскомъ холмѣ, на сѣверъ отъ Лондона въ разстояніи 1¼ часа ѣзды по желѣзной дорогѣ. На продолговатой вершинѣ холма возвышается огромное зданіе. По отлогимъ покатосямъ холма, во всѣ стороны вокругъ зданія, разбитъ огромный паркъ, въ яркой зелени котораго сверкаютъ озера, пруды, мелькаютъ павильоны, пестрѣютъ флаги. Стеклянная крыша зданія сверкаетъ на солнцѣ и своимъ блескомъ рѣжетъ глаза.

Широкая стеклянная галерея вводитъ васъ въ огромную центральную залу (386 футовъ длины и 184 ширины). Въ ней устроены мѣста для 12,000 человѣкъ и для 2,000 исполнителей. Зала необыкновенно свѣтла, такъ какъ ея полукруглый сводъ почти весь стеклянный. Тутъ огромный органъ, обставленный цвѣтами и бюстами великихъ музыкантовъ, мѣхи котораго въ подвальномъ этажѣ и который приводится въ движеніе двумя паровыми машинами въ 20 лошадиныхъ силъ. По бокамъ залы колонны, между которыми разставлены статуи, въ человѣчeskій ростъ, всѣхъ королей Англии. Всѣ они въ одеждахъ, коронахъ, мечахъ, мантияхъ, свойственныхъ тому или другому времени. Нечего и говорить, что они изображены исторически вѣрно и точно.

Кромѣ этой колоссальной залы въ Александровскомъ дворцѣ есть другая по меньше въ 3,500 мѣсть; въ театрѣ дворца можетъ помѣститься столько же посѣтителей; въ столовой сразу могутъ обѣдать около 1,000 человѣкъ и у нихъ никогда не будетъ недостатка въ служителяхъ, такъ какъ ихъ здѣсь цѣлая армія въ 400 человѣкъ. Кромѣ этихъ апартаментовъ, въ зданіи огромная картинная галерея, затѣмъ нѣсколько тысячъ копій со всѣхъ знаменитыхъ статуй, множество хорошихъ и оригинальныхъ вещей. Есть здѣсь и богатая коллекція монетъ и интересный историческій арсеналъ, въ которомъ вы найдете всѣхъ видовъ ручное огнестрѣльное оружіе, со временъ Эдуарда III до нашихъ дней. А вотъ и отдѣлъ архитектурный. «Тутъ рисунки, планы существующихъ и проектируемыхъ зданій, модели домовъ, маяковъ, церквей, тюремъ, замковъ, гаваней. Нѣсколько залъ заняты естественно-историческими коллекціями, представляющими высочайшій

научный интерес: все собрано знатоками и любителями. Этнографическія коллекціи не уступаютъ по богатству и интересу естественно-историческимъ. Публика особенно толпится около нихъ и съ особеннымъ любопытствомъ разсматриваетъ внутренности жилищъ разныхъ народовъ, выставленныхъ въ ихъ настоящемъ видѣ и настоящихъ разбрахъ».

Многіе англичане берутъ постоянный билетъ на круглый годъ и платятъ за него три гинеи. Этотъ билетъ даетъ право всей семьѣ англичанина посѣщать это зданіе и находится въ немъ хоть цѣлый день. Хозяйка дома, вставъ рано по утру и закупивъ для хозяйства овощей и мяса, такъ какъ только этихъ припасовъ она не можетъ найти въ Alexandra Palace, отправляется туда съ раннего утра, окруженная дѣтьми. Она работаетъ за столикомъ въ чудномъ паркѣ, читаетъ журналы, книги, отправляется въ комнату, гдѣ она можетъ расположиться для серьезнаго умственнаго труда, такъ какъ громадная бібліотека дворца каждую минуту можетъ снабдить ее всевозможными книгами и журналами по всѣмъ отраслямъ знанія и литературы. Кончила литературный трудъ, можетъ отдать его печатать въ здѣшнюю типографію. Случилась надобность написать письмо—и множество столиковъ съ письменными принадлежностями. У слуги она всегда найдетъ почтовую марку и можетъ тотчасъ опустить свое письмо въ почтовый ящикъ, который стоитъ тутъ же на каминѣ и изъ котораго почтальоны вынимаютъ письма по три раза въ день. Не безпокоя себя выходомъ изъ зданія и такимъ образомъ ни одной минуты не оставляя дѣтей безъ надзора, она можетъ послать и получить телеграмму. На стѣнѣ висятъ свѣжія телеграфическія депеши о событіяхъ, только что совершившихся въ разныхъ углахъ земнаго шара, доставляемыя во дворецъ каждый часъ. Если она занимается шитьемъ или другою какою работою, она можетъ прикупить рѣшительно все на базарѣ галантерейныхъ товаровъ, находящемся тутъ же, въ одной изъ залъ. Между тѣмъ дѣти ея прекрасно заняты. Они бѣгаютъ по зеленымъ лужайкамъ парка, катаются съ нянею въ лодкѣ, играютъ въ крикетъ, занимаются различными гимнастическими упражненіями, бѣгаютъ въ прекрасной рошѣ, которая отгорожена отъ остальнаго парка деревянною рѣшеткою.

А какое хорошее наглядное воспитаніе мать можетъ дать здѣсь своимъ дѣтямъ. Манекены различныхъ народовъ, представляющіе самые характерные сцены изъ ихъ жизни, даютъ поводъ къ множеству самыхъ занимательныхъ и серьезныхъ разсказовъ. Въ паркѣ и его оранжереяхъ—богатый міръ растений всего земнаго шара. Клѣтки съ фазанами, колибри, попугаи и различныя животныя и птицы могутъ дать хорошее элементарное понятіе о зоологіи. Безпрепятственный входъ въ бібліотеку развиваетъ страсть къ чтенію; картинныя галереи, музыка, концерты, театры усовершенствуютъ художественный вкусъ, и если они не развиваютъ въ неартистической душѣ англичанина талантъ къ искусству, то по крайней мѣрѣ расширяютъ его кругозоръ и приучаютъ въ послѣдствіи находить удовольствіе въ искусствѣ наслаждаться имъ. Но всего важнѣе то, что небогатое семейство, за такую ничтожную плату, какъ три гинеи, можетъ извлечь здѣсь много пользы для себя и дѣтей, посѣщать театры, слушать музыку и концерты каждый день.

Кристалльный дворецъ—другое замѣчательное чудо, нѣчто въ родѣ музея музеевъ. Онъ расположенъ на Сейденгэмской вершинѣ (поэтому называется также Сейденгэмскимъ дворцомъ), въ семи англ. миляхъ къ югу отъ лондонскаго моста. Трудно было бы выбрать для дворца болѣе подходящую мѣстность! Все зданіе цѣликомъ выстроено изъ жѣлѣза и стекла, кромѣ западнаго фасада, который скрѣпленъ деревянными панелями. Кристалльный дворецъ такъ же громаденъ, какъ и самъ Лондонъ, какъ и многое въ Лондонѣ. Чтобы дать ясное понятіе обо всемъ, что тутъ находится, нужно исписать цѣлые томы. Зданіе имѣетъ двѣ мили въ окружности, три этажа чудовищной вышины; добрая

дюзина большихъ петербургскихъ зданій помѣстилась бы въ немъ совершенно свободно.

Кристалльный дворецъ имѣетъ форму прямоугольника, который въ срединѣ возвышается сводомъ; по обѣимъ его сторонамъ стоятъ двѣ высокія китайскія башни и идутъ два длинные флигеля, окаймляющіе паркъ съ его фонтанами, бесѣдками, статуями, группами высокихъ деревьевъ и цвѣточными куртинами.

Войдемте въ середину зданія и полюбуемся его общимъ видомъ. Деревья и кустарники всѣхъ странъ свѣта образуютъ прелестныя группы зелени, которыя эффектно выдѣляютъ бѣлыя статуи. Болѣе 300 висящихъ цвѣточныхъ вазъ съ ползучими растениями опускаются со сводовъ и колышутся въ воздухѣ. По колоннамъ вьются плющи и различныя цвѣты. Черезъ дивную зелень видны фасады залъ, въ которыхъ находятся предметы промышленности и искусства. Посреди бьетъ фонтанъ, кругомъ котораго плаваютъ гигантскіе листья разныхъ замѣчательныхъ водяныхъ растений. Съ одной его стороны апельсиновые и лимонныя деревья представляютъ цѣлую аллею и нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ болѣе четырехсотъ лѣтъ отъ роду.

Но вотъ зала, въ которой находится гигантскій органъ, который можетъ замѣнить огромный оркестръ и съ которымъ не можетъ соперничать ни одинъ подобный инструментъ въ мірѣ, какъ по своему достоинству, такъ по цѣнѣ и по размѣрамъ. Подлѣ этой залы театръ, который не меньше другихъ большихъ лондонскихъ театровъ. Въ праздникъ Рождества и Пасхи здѣсь даютъ представленія пантомимъ и онѣ привлекаютъ тогда болѣе десяти тысячъ зрителей. Слева театра «зала оперы», справа—«зала концертовъ». Но болѣе всего этотъ дворецъ знаменитъ научными и историческими отдѣлами и залами, гдѣ посѣтитель совершенно наглядно знакомится съ жизнью, нравами и искусствомъ разныхъ народовъ, какъ новыхъ, такъ еще болѣе древнихъ.

Аллея со сфинксами ведетъ въ *египетскій залъ*, стѣны и колонны котораго покрыты барельефами и наружными украшеніями храма временъ Птолемея. Капители украшены листьями лотоса, пальмы и папируса. На фризахъ—іероглифы. Изъ этой залы можно пройти въ обширный дворъ, который представляетъ преддверіе египетскаго храма. Въ отдѣленіи египетскихъ памятниковъ всѣ древности египтянъ, какъ настоящія, такъ и воспроизведенныя, даютъ исторически вѣрное и строго научное понятіе о жизни египтянъ въ разные періоды ихъ развитія.

Въ *греческомъ отдѣлѣ* модели храмовъ Парфенона, снимки со всѣхъ знаменитыхъ статуй, въ *римской залѣ*, фасадъ которой представляетъ часть наружной стороны Колизея, вы найдете много различныхъ моделей римскаго Пантеона, Колизея и Форума; но еще больше знаменитыхъ статуй и бюстовъ главныхъ римскихъ императоровъ; тутъ вы также можете познакомиться съ римскими банями.

А вотъ и копія Альгамбры, — древняго дворца, построеннаго маврами въ Испаніи. Онъ расположенъ такимъ образомъ, что даетъ полное понятіе о мавританской архитектурѣ. Стѣны залы покрыты арабесками изъ цвѣтовъ и надписями изъ поэтовъ и короля.

Византійская и романская зала—родъ музея, гдѣ воспроизведено множество скульптурныхъ предметовъ, которые могутъ дать понятіе о постепенномъ развитіи искусства въ различные періоды. Дворцы и христіанскіе храмы Италіи, германскіе замки и церкви, бельгійскія и римскія ратуши—всѣ оставили здѣсь свои памятники.

Отдѣленіе англійскаго ютическаго искусства устроено артистами съ особенною любовью. Въ этомъ отдѣленіи можно найти много любопытныхъ и замѣчательныхъ памятниковъ. Тутъ вы видите множество интересныхъ скульптурныхъ изображеній, скопированныхъ со всѣхъ замѣчательныхъ церквей Англій.

Затѣмъ слѣдуютъ одна за другой залы *французская* и *итальянская*, *зала Воз-*

рожденія, зала *стиля эпохи Елизаветы*. Тутъ вездѣ картины, статуи, снимки съ памятниковъ, съ церковей. Здѣсь точно такъ же, какъ и въ другихъ отдѣленіяхъ, посѣтитель получаетъ полное понятіе о жизни и искусствѣ народовъ, произведенія которыхъ тутъ выставлены.

Теперь перейдемъ въ залы *промышленности*. Ихъ отдаютъ въ наймы фабрикантамъ, и онѣ представляютъ постоянную выставку. Зала французскихъ продуктовъ, затѣмъ зала фарфора и фаянса, нѣсколько дальше зала кристалловъ, зала стеклянныхъ изделий, упряжи и экипажей, зала бумагъ, бирмингэмская и шеффилдская залы, мелкихъ желѣзныхъ товаровъ и различныхъ предметовъ. Залы промышленности даютъ основательное понятіе о современныхъ произведеніяхъ и степени искусства различныхъ странъ.

Но нигде такъ много не стекается посѣтителей, какъ въ ту часть зданія, которая посвящена предметамъ естественной исторіи; она расположена такимъ образомъ, чтобы показать, какъ люди, животныя и растенія распредѣляются по поверхности земли. Вотъ новый свѣтъ. Первая группа представляетъ мексиканцевъ въ борьбѣ съ ягуаромъ, схватившимъ косулю. Между животными, которыя ихъ окружаютъ, вы замѣчаете особый родъ оленя, бразильскаго страуса, разныхъ ламъ, сопровождаемыхъ туземцами, тапира, бобра, муравьѣдовъ. Далѣе слѣдуетъ группа—жителей Бразиліи, съ чрезвычайно свирѣпыми физономіями; у нихъ въ ушахъ и губахъ вставлены куски дерева.

Миновавъ коллекцію птицъ сѣверной Америки, вы видите налѣво группу краснокожихъ, танцующихъ военный танецъ; они окружены мѣстными животными и деревьями. А вотъ и представители центральной Америки: пума и дикобразъ. Около нихъ возвышается американская агава, окруженная фуксіями. Налѣво—группы индѣйцевъ сѣверной Америки: ловящіе рыбу и охотящіеся карайбы, туземцы Гвіаны и индѣйцы береговъ Амазонки. Нѣсколько далѣе полярный поясъ: вокругъ снѣга, ледяныя поля, ледяныя горы. Въ углу два самоѣда, одинъ изъ нихъ держитъ лыжи. Ближе находится группа лапландцевъ; направо гренландецъ въ кожанномъ челнокѣ и съ орудіями охоты. Тутъ вы встрѣчаете: бѣлаго медвѣдя, сѣвернаго оленя, эскимосскую собаку, тюленя и другихъ.

По другую сторону—старый свѣтъ. Тутъ вамъ прежде всего представляется группа кафровъ, окруженная бушменами. На вершинѣ скалы—горный африканскій кроликъ; внизу подъ пальмою лемуры (полуобезьяны) и другія животныя съ острова Мадагаскара. Далѣе посѣтитель замѣчаетъ жителей Абиссиніи, ведущихъ верблюда на водопой. Затѣмъ, миновавъ леопарда, антилопу и другихъ животныхъ, вы поворачиваете направо и видите передъ собою группу негровъ изъ Гвинеи. Леопарды, газели, львы, варварійская обезьяна, степной баранъ мелькаютъ передъ вами, какъ живые, въ самыхъ характерныхъ сценахъ. Представителями растительнаго царства сѣверной Африки являются апельсинныя и лимонныя деревья, финиковыя пальмы, лавровыя деревья.

Въ отдѣлѣ, посвященномъ Азій, замѣчаешь группу индусовъ, принадлежащихъ къ различнымъ кастамъ. Ихъ окружаютъ характерныя растенія, свойственныя этой странѣ.

Технологическій музей занимаетъ большую галерею. Собранныя тамъ коллекціи наглядно представляютъ, какимъ образомъ и въ какомъ видѣ сырой матеріалъ всѣхъ трехъ царствъ природы (животнаго, растительнаго, минеральнаго) выходитъ изъ рукъ промышленности.

Кристалльный дворецъ и окружающій его паркъ занимаютъ поверхность болѣе 80 гектаровъ (около 73 десятинъ). Тутъ бьютъ фонтаны, находятся террасы, усаженные цвѣточными куртинами, лужайки для игры въ крикетъ, мишени для стрѣльбы въ цѣль изъ карабина, устроенныя такимъ образомъ, что съ помощью электрографа онѣ сами записываютъ результатъ каждаго выстрѣла.

Но пойдете далѣе къ геологическому бассейну, —это чуть ли не самая любопыт-

ная диковинка кристального дворца. Въ немъ устроители желали представить наглядно исторію земной коры. Пространство, посвященное этому практическому курсу геологіи, занимаетъ три десятины, и чтобы представить различные слои, составляющіе земную кору, пришлось перевезти сюда сотни кубическихъ метровъ различныхъ геологическихъ формацій изъ разныхъ частей Великобританіи. Взойдя на маленькій мостъ, на берегу озера, видишь береговой утесъ, который представляетъ различные слои одинъ надъ другимъ, составлявшіе кору земнаго шара задолго еще до существованія человѣка. На нихъ размѣщены соотвѣтствующія имъ изображенія допотопныхъ животныхъ: лабиринтодонъ, диссинодонъ и др. Далѣе видѣнъ другой островъ, покрытый ужасными животными: ихтиозавръ, телеозавръ, похожій на крокодиловъ Ганга, плезиозавръ—чудовище съ головою крокодила, съ шеей змѣи, съ плавниками кита. Затѣмъ вы замѣчаете маленькихъ птеродактилей и замѣчательно громадную ящерицу, длиною въ 12 метровъ и 7 метровъ въ обхватѣ. Налѣво—большіе птеродактили и другіе представители летающихъ, пресмыкающихся—все громадныя чудовища. Третій островъ—представляетъ четвероногихъ, похожихъ по своей формѣ на многихъ животныхъ, существующихъ еще и теперь на поверхности земли; болѣе другихъ бросается въ глаза мегатеріумъ, напоминающій нынѣшняго тихохода, или лѣннивца, который опрокидывалъ деревья, чтобы питаться ихъ листьями.

Доки.—Корабли.

При въѣздѣ въ Лондонъ туриста всего болѣе поражаютъ каналы, которыми доки соединяются съ Темзою; они образуютъ улицы съ цѣлымъ лѣсомъ мачтъ. Докамъ здѣсь нѣтъ конца. Глядя на эти громадныя сооруженія, каждый навѣрно подумаетъ, что они плодъ страшныхъ усилій многихъ поколѣній, между тѣмъ какъ это есть произведеніе нынѣшняго столѣтія. Прежде корабли, входившіе въ лондонскій портъ, выгружали свои товары на набережныя, которыя были по обимъ берегамъ рѣки. Тогда эти узкія платформы бывали буквально загромождены цѣнными товарами, добрую часть которыхъ воры раскрадывали ночью. Насчитываютъ, что лондонская торговля теряла такимъ образомъ до 500,000 ф. ст. ежегодно. Къ тому же корабль, хотя немного поврежденный, совсѣмъ приходилъ въ разрушеніе, такъ какъ его трудно было чинить. Теперь, когда замѣчаютъ какое нибудь поврежденіе въ суднѣ, воду изъ доковъ спускаютъ, и огромный корабль, который никакими человѣческими силами нельзя было бы вытащить на землю, остается на сушѣ. Чтобы избавить товары отъ расхищенія, не засорять рѣку и имѣть возможность легко чинить корабли, въ 1802 г. были выстроены Вестъ-Индскіе доки. Постройка ихъ обошлась въ 1.380,000 ф. ст. Они тянутся по перешейку, соединяющему Собачій островъ съ берегомъ Темзы въ Мидльсекскомъ графствѣ, въ сосѣдствѣ съ Лондономъ. На всемъ протяженіи они окружены толстою и высокою стѣною, которая защищаетъ корабли, нагруженные товарами, отъ ночнаго расхищенія. Какъ и всѣ сооруженія подобнаго рода, они состоятъ изъ трехъ главныхъ частей: бассейновъ, набережныхъ и магазиновъ. Достоинства этихъ бассейновъ заключаются въ томъ, что, будучи наполнены постоянно одинаковымъ количествомъ воды, они защищаютъ стоящія въ нихъ суда отъ вліянія приливовъ и отливовъ. Прежде, во время приливовъ и отливовъ, корабли, даже при самой выгрузкѣ товаровъ, приходили въ сильное движеніе и затѣмъ вдругъ сразу удалялись отъ берега на средину рѣки. Товары при этомъ падали въ воду, и приходилось употреблять много лишнихъ рукъ и нерѣдко портить цѣнные тюки. Въ настоящее время они стоятъ въ бассейнахъ, не заботясь ни о приливѣ, ни объ отливѣ и не касаясь земли, не терпятъ лишнихъ поврежденій отъ тренія. На великолѣпныхъ гранитныхъ набережныхъ этихъ бассейновъ складываются на опредѣленномъ для каждаго судна мѣстѣ, какъ уже

выгруженные, такъ и готовящіеся къ выгрузкѣ товары, а по бокамъ ихъ тянутся обширные магазины. Это громадныя кирпичныя постройки съ окнами, закрываемыми ставнями, со стѣнами, унизанными блоками, по которымъ на цѣпяхъ, вооруженныхъ крюками, поднимають съ земли въ верхніе этажи зданія тяжелые тюки. Любопытно видѣть, какъ такая тяжелая ноша танцуетъ въ воздухѣ, какъ маріонетка.

Одна часть доковъ назначена для привозныхъ, а другая для вывозимыхъ товаровъ. Такое раздѣленіе много облегчаетъ торговыя сдѣлки. Товары, привезенные изъ дальнихъ странъ или вышедшіе съ фабрикъ Великобританіи, переходя изъ рукъ въ руки, перемѣщаются изъ одного склада въ другой посредствомъ простой записки. При этомъ правленіе компаніи доковъ гарантируетъ покупателю какъ качество, такъ и количество проданныхъ вещей. Долгое время магазины этихъ доковъ загромождались только произведеніями западной Индіи, какъ наприм. ромомъ, сахаромъ, кофе, краснымъ деревомъ, — теперь доки эти открыты для судовъ, производящихъ торговлю со всѣми странами земнаго шара.

По сосѣдству съ Вестъ-Индскими доками находятся Остъ-Индскіе доки. Массивная каменная арка на тяжелыхъ колоннахъ ведетъ во внутренность этихъ доковъ, окруженныхъ каменною стѣною. Внутри на черной доскѣ написаны имена только что прибывшихъ судовъ и указана набережная и бассейнъ, въ которомъ они помѣстились. Безъ этихъ указаній найти какой нибудь корабль такъ же трудно, какъ и какого нибудь купца въ Лондонѣ, потому что доки эти настоящіе города. Съ одной стороны набережной — бассейнъ, съ другой — сарай и кладовыя для склада товаровъ. Кладовыя эти построены изъ дерева и покрыты черепичною крышею съ окнами для освѣщенія. Войдите въ нихъ и вы увидите передъ собою громадныя залы, въ которыхъ въ удивительномъ порядкѣ разставлены тюки и ящики, съ проходомъ по срединѣ для служащихъ. Сзади этихъ сараевъ тянется цѣлый рядъ магазиновъ съ желѣзными дверьми, на которыхъ вы читаете надписи: «привозъ» и «вывозъ». Ввозятъ обыкновенно сырые продукты; буйволовыя рога, индиго, шелкъ, пряности; вывозятъ предметы уже обработанные: заступы, плуги, мебель, домашнюю утварь. Прогулка по этимъ докамъ чрезвычайно полезна и любопытна: она знакомитъ съ произведеніями всѣхъ народовъ и съ положеніемъ промышленности. При входѣ въ доки и кругомъ ихъ, васъ поразитъ кипучая дѣятельность: всюду движутся тачки, нагруженные товарами, летятъ двуколески, маленькія и большія паровыя машины. Машины дѣйствуютъ такъ хорошо, что кажутся живыми рабочими.

Но вотъ бьетъ часъ, и группы рабочихъ, въ бѣлыхъ полотняныхъ курткахъ и въ плисовыхъ штанахъ, идутъ обѣдать. Воспользуемся ихъ отсутствіемъ, чтобы осмотрѣть корабли. Множество громадныхъ кораблей, безконечная сѣть снастей, огромные канаты, — все это говоритъ о великихъ предпріятіяхъ, о великихъ капиталахъ, о громадной торговлѣ. Внутри нѣкоторые изъ кораблей — настоящіе дорожные дворцы съ салонами изъ розоваго и лимоннаго дерева, великолѣпною мебелью, богатымъ серебряннымъ сервизомъ и всѣми утонченностями роскоши. Интересны названія кораблей и скульптурныя изображенія на носу каждаго изъ нихъ. Многіе получаютъ названіе тѣхъ странъ, которыя они посѣщаютъ. Вотъ «Индусъ» съ изображеніемъ рѣки. Англійскій морякъ не чуждъ дѣтописямъ древности, онъ любитъ классическія воспоминанія. Здѣсь «Улиссъ» съ каскою на головѣ; грудь покрыта панцыремъ, на которомъ развѣвается красный шарфъ и съ рукою, угрожающею врагамъ. Дальше «Центуріонъ» — тяжелый корабль, на которомъ вы замѣчаете изображеніе римлянина, вооруженнаго съ головы до ногъ, надо полагать однако, безъ особенной исторической вѣрности. Матросъ предпочитаетъ исторіи — чудесное и аллегорію. Посмотрите, какъ на одномъ кораблѣ изображенъ Язонъ, съ копьемъ въ одной рукѣ, съ золотымъ руномъ въ другой и съ дракономъ подъ ногами. Въ этихъ изображеніяхъ час-

то смѣшиваются вмѣстѣ басня, вымыселъ и христіанская міѳологія. Обратите вниманіе на носъ корабля «Калькутта», на которомъ рядомъ съ ангелами вы видите Центавра, держащаго голову Медузы на подобіе щита. Еще болѣе любятъ мореплаватели изображать фей, ундины, наяды: на одномъ кораблѣ водяная нимфа—молодая дѣвушка, увѣнчанная листьями кувшинчиковъ, съ бѣлымъ покрываломъ, наброшеннымъ на плечи, и съ позолоченнымъ кувшиномъ въ рукѣ. Надпись говоритъ намъ, что этотъ корабль долженъ отправиться въ Новую Зеландію. Современная литература и жизнь даютъ также типы для морской скульптуры: нерѣдко встрѣчаешь на носу кораблей героевъ и героинь Вальтеръ-Скотта, Байрона, Диккенса и другихъ замѣчательныхъ англійскихъ писателей, нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей, какъ Джонъ Брайтъ, знаменитыхъ пѣвицъ и танцовщицъ, благотворительницъ, какъ Флорансъ Найтингалль. Иногда украшаютъ корабль деревянной позолоченной статуей, которая изображаетъ англійскую красавицу, какъ понимаетъ красоту морякъ, т. е. веселую, здоровую дѣвушку съ правильными чертами лица. Къ несчастью, эти «невѣсты моря», какъ называютъ ихъ моряки, прикрѣпленныя къ носу корабля, обыкновенно теряютъ руки въ борьбѣ, которую приходится имъ выдерживать съ вѣтрами и волнами. Матросы питаютъ къ этимъ изображеніямъ глубочайшее уваженіе, и бѣда тому, кто осмѣлится оскорбить ихъ святыню.

УЛИЧНАЯ МУЗЫКА ВЪ ЛОНДОНѢ.

Странствующие музыканты и пѣвцы.—Разнообразное содержаніе ихъ пѣсенъ.—Черные музыканты.— Авторы уличныхъ пѣсенъ.— Ихъ честолюбіе и жалкая жизнь.— Когда наиболѣе дѣвять уличныхъ пѣвцовъ.— Ихъ привычки и обычаи.—Ночныя серенады.—Пончъ и Джуди.—Исторія маріонетокъ въ Англіи.— Происхожденіе и характеръ Понча.— Любовь къ нему народа.— Жизнь уличныхъ артистовъ.— Ночлежные пріюты.

Въ невообразимомъ лондонскомъ шумѣ и движеніи съ утра до вечера рѣзко выдѣляются звуки различныхъ инструментовъ. Уже къ девяти часамъ утра, когда толпа какъ бурный потокъ разливается по улицамъ, огромная армія странствующихъ пѣвцевъ и музыкантовъ направляется въ разныя стороны. Эта уличная музыка не отличается мелодичностью. Гогартъ, величайшій живописецъ нравовъ XVIII столѣтія, представилъ мученія учителя музыки, окна котораго осаждаетъ толпа странствующихъ музыкантовъ. Это въ одно и тоже время ярмарка и настоящій кошачій концертъ: женщина горланитъ балладу, слѣпой играетъ на гобоѣ, дѣти поютъ, ударяя въ барабаны, нѣкоторые вертятъ трещетку, молочница выкрикиваетъ свой товаръ, собака лаетъ, точильщикъ точитъ ножъ, звенитъ колокольчикъ мусорщика, рыбная торговка во все горло извѣщаетъ о макреляхъ. Многое измѣнилось со времени Гогарта, но тоже самое разнообразіе самыхъ противоположныхъ звуковъ и теперь оглашаетъ лондонскія улицы. Иностранцы не терпятъ здѣшней уличной музыки, говоря, что она нещадно деретъ уши, но англичане съ удовольствіемъ прислушиваются къ ней у открытыхъ оконъ. Особенно любить эту музыку простой народъ. Она доступна для всѣхъ, такъ какъ музыканты не назначаютъ опредѣленной платы за свои услуги. Эта уличная опера—концертъ для бѣдныхъ. Любовь англичанъ къ уличной музыкѣ можно объяснить также и тѣмъ, что она затрогиваетъ въ своихъ пѣсняхъ самыя чувствительныя струны въ сердцѣ каждого изъ нихъ: преданія, семейство и отечество. Репертуаръ этихъ странствующихъ музыкантовъ чрезвычайно разнообразенъ: нерѣдко они наигрываютъ и напѣваютъ старыя баллады, которыя пѣли бабушки нынѣшней молодежи, напр.: «Жилъ былъ чеботаръ въ своей лавочкѣ», «Кокленскій призракъ», «Дѣти въ лѣсу», «Варвара Алленъ». При этомъ голосъ пѣвца или пѣвицы совершенно напоминаетъ проходящему дрожащій голосъ его бабушки.

Другой разъ они поютъ мѣстные народныя аріи изъ различныхъ англійскихъ провинцій. Валлисцамъ—они говорятъ объ ихъ горахъ, ирландцамъ объ озерахъ зеленого Эрина, англичанамъ—о равнинахъ, верескѣ, о влажныхъ лугахъ. Нерѣдко услышите вы и національныя пѣсни: «Смерть Нельсона», «о, Британія, гордость океана», и т. п.

Странствующие музыканты знаютъ, кому какъ угодить. Въ лондонскомъ портѣ они чаще всего играютъ и поютъ баллады, содержаніе и слова которыхъ относятся къ жизни матросовъ: «Далеко, далеко на морѣ», «Бѣдный Джо—морякъ», «прощай, прекрасная дѣвушка». Любовь служить, разумѣется, главнымъ матеріаломъ пѣсенъ, которыя распѣваются этими странствующими музыкантами: «Кити Тирель свѣжа какъ утренняя роза», «Энни Лори съ бѣлоснѣжнымъ лбомъ» и множество другихъ. Лондонъ служитъ мѣстомъ встрѣчи всѣхъ народовъ, и уличная музыка вполне отражаетъ этотъ космополитическій характеръ. Между странствующими музыкантами можно видѣть не мало индѣйцевъ, которые поютъ и ударяютъ въ томъ-томъ, извлекая изъ этого инструмента печальные звуки, которые хорошо выражаютъ несчастья далекаго отечества. Тутъ и здѣсь китайцы бряччатъ на инструментѣ въ родѣ мандолины и поютъ дрожащимъ отъ стужи голосомъ какіе-то странные речитативы. Негры играютъ на тамбуринѣ. Впрочемъ эти послѣдніе—негры только по цвѣту лица, да и то онъ теперь большею частью искусственный. Англичане всегда выказывали самое живое участіе къ несчастной судьбѣ негровъ. Первая толпа этихъ черныхъ музыкантовъ пришла въ Лондонъ изъ Америки. Они были потомки англо-саксонской расы и слѣдовательно лицо ихъ было такъ же бѣло, какъ и лицо англичанъ. Но такъ какъ они хотѣли передъ публикой воспѣвать тяжелые труды и несчастную жизнь черныхъ въ землѣ рабства, то, прежде чѣмъ появиться на сценѣ, они придали своимъ лицамъ и рукамъ цвѣтъ угля. Они играли на различныхъ лондонскихъ и провинціальныхъ театрахъ, повторяя оригинальныя и печальныя аріи о несчастной жизни черныхъ. Они имѣли огромный успѣхъ. Тогда труппы музыкантовъ, безъ сомнѣнія уже никогда не бывавшихъ въ Америкѣ, послѣдовали ихъ примѣру, но далеко уже не съ тѣмъ талантомъ. Въ настоящее время эта отрасль промышленности пала очень низко, однако она одна изъ самыхъ выгодныхъ въ уличной музыкѣ. Музыканты-негры англійской фабрикаціи бѣгаютъ по улицамъ въ странномъ голубомъ костюмѣ и съ огромнымъ воротомъ рубашки, въ которомъ почти прячется ихъ голова.

Пѣніе и музыка въ улицахъ Лондона, какъ и во всѣхъ большихъ англійскихъ городахъ, представляетъ особую отрасль промышленности, которая даетъ заработокъ огромному числу бѣдняковъ. Обязанности пѣвца, поэта и музыканта нерѣдко соединяются въ одномъ лицѣ; въ большинствѣ случаевъ однако сочинители пѣсенъ для уличныхъ пѣвцовъ составляютъ совершенно особый классъ людей. Понятно, что все это люди самые бѣдные и жалкіе. Уличные авторы получаютъ весьма немного за свои произведенія, а именно по шиллингу за каждую пѣсню, но если издатель очень доволенъ стихами, то онъ прибавляетъ еще нѣсколько пенсовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ уличные баллады представляли для издателей и типографшиковъ очень выгодную промышленность, но теперь она стала падать и уличные пѣвцы обвиняютъ въ этомъ музыкальныя залы, которыхъ теперь такъ много въ большихъ городахъ Англій.

Уличные писатели касаются всевозможныхъ сюжетовъ: ихъ воодушевляютъ войны, побѣды, политическія событія. Впрочемъ имъ болѣе всего удается сатира. Конечно, въ ней нечего искать таланта высокой пробы, тѣмъ не менѣе ихъ остроуміе характерно и совершенно въ національномъ духѣ. Уличные писатели очень плодовиты, но такъ какъ сбывать свои произведенія имъ стало теперь труднѣе, то они составляютъ и распродаютъ на улицѣ летучіе листки, которые содержатъ описаніе въ стихахъ разныхъ преступленій. Когда и этого заработка не хватаетъ даже для скуднаго прокормленія, они дѣлаются му-

дилъщиками или продавцами спичекъ. Высшее честолюбіе этихъ людей, никогда не подписывающихъ своего имени подъ своими произведеніями, имѣть эпитафію, составленную ими самими и вырѣзанную на камнѣ. Но это желаніе рѣдко сбывается. На какія же деньги этотъ бѣдный рифмоплетъ можетъ купить себѣ еще при жизни погребальный монументъ? Его эпитафія, хотя и самымъ тщательнымъ образомъ написанная имъ, разумѣется, не на камнѣ, а на простой бумагѣ, обыкновенно остается его единственнымъ неизданнымъ трудомъ.

Пѣвецъ обыкновенно самъ себѣ акомпанируетъ. Часто роли раздѣляются: мужчина играетъ, а женщина поетъ. Пѣвецъ держитъ въ рукахъ пачку книжекъ—произведенія уличныхъ авторовъ, которыя онъ только что пѣлъ. Слушателямъ иногда такъ понравится та или другая пѣсня уличнаго пѣвца, что они въ мигъ раскупаютъ всѣ книжки.

Такъ какъ уличные пѣвцы касаются въ своихъ пѣсняхъ всѣхъ сторонъ жизни, то имъ нерѣдко удается возбудить сразу и горячую симпатію, и неудовольствіе слушателей. Одно время своими сатирическими пѣснями противъ папы они собирали много шестипенсовыхъ и даже шиллинговыхъ монетъ, но тутъ же, нерѣдко тотчасъ послѣ апплодисментовъ, ихъ осыпали градомъ колотушекъ ирландцы, отстаивавшіе папу. Праздники и уличные церемоніи даютъ музыкантамъ большой заработокъ, чѣмъ они получаютъ въ обыкновенные дни. Услугами уличныхъ пѣвцовъ особенно дорожатъ при выборахъ. Они храбро выступаютъ съ балладою и со скрипкою въ рукѣ въ честь того или другого кандидата и конечно не щадятъ противниковъ своего патрона. Самъ пѣвецъ не чувствуетъ симпатіи къ той или другой воспѣваемой личности, и его скрипка и голосъ всегда за того, кто ему больше дастъ.

Уличные музыканты играютъ на различныхъ инструментахъ: одного вы видите съ арфой, другого съ гитарой, съ флейтой, съ виолончелью, контрабасомъ, скрипкою и другими инструментами. Иногда въ одиночку, а то и толпами, отправляются они путешествовать по разнымъ селамъ и городамъ Англій. Между всѣми ими, когда они предпринимаютъ какое-нибудь музыкальное странствованіе или бродятъ по столицѣ, всегда существуетъ особаго рода договоръ. На общемъ совѣтѣ каждый изъ нихъ объявляетъ, куда приблизительно онъ отправляется, а у тѣхъ, которые остаются въ Лондонѣ, самымъ точнымъ образомъ раздѣленъ весь городъ на округа и никто изъ нихъ не потерпитъ, чтобы другой охотился на его землѣ. Въ извѣстные дни и часы они посѣщаютъ свои музыкальныя владѣнія. Никто не знаетъ лучше ихъ характера квартала, который они посѣщаютъ: они отлично понимаютъ, какая арія подходитъ къ каждому, въ какомъ домѣ и какими именно пѣснями будутъ тронуты слушатели. Въ извѣстные часы дня, когда отдыхаютъ рабочіе, уличные музыканты отправляются къ фабрикамъ. Самый большой ихъ врагъ—колокольчикъ, который отнимаетъ у нихъ много слушателей, призывая рабочихъ и школьничковъ къ занятіямъ въ тѣ минуты, когда, казалось, имъ выкинуть не одну мелкую монету.

Между странствующими музыкантами шотландскій бардъ наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе. Его оригинальный костюмъ и первобытный звукъ его волюмки привлекаютъ къ нему вниманіе проходящихъ. Къ тому-же въ Лондонѣ нѣтъ улицы, гдѣ бы не жило нѣсколько шотландскихъ семействъ, а для истиннаго камедонскаго сердца эти ариі—голосъ родины, эхо его чудныхъ горъ.

Но самая любимая уличная музыка та, которая извѣщаетъ начало представленія Понча. Хозяева театра Понча (нѣсколько напоминающаго нашего уличнаго Петрушку) выбираютъ для своихъ представленій мѣсто, гдѣ менѣе всего проѣзжаютъ экипажи. Ходятъ они обыкновенно вдвоемъ. Одинъ изъ нихъ несетъ театръ: къ его шеѣ привязаны дудки или свистки; въ одинъ свистокъ онъ говоритъ, другой у него для пѣнія, а осталь-

ные для того, чтобы во время разговоров он один мог представлять и говорить за нескольких лиц и следовательно с каждым новым лицом мѣнять свой голосъ; этотъ самый человекъ дуетъ въ свистокъ и бьетъ въ барабанъ передъ началомъ театра. Его товарищъ носитъ довольно объемистый ящикъ съ марионетками (куклами). Вотъ, при первыхъ ударахъ барабана и рѣзкихъ звукахъ свистка, толпы народа и въ особенности дѣтей выбѣжали изъ всѣхъ улицъ и окружили театръ Понча, занавѣсъ котораго былъ опущенъ. Прежде чѣмъ его поднять, Пончъ говоритъ прологъ: «Леди и джентльмены! я намѣренъ дать вамъ сегодня самое лучшее представленіе, какое только вы могли видѣть до сихъ поръ. Я вполне увѣренъ, что нынѣшнее оригинальное представленіе Понча заслужитъ ваше вниманіе. Если оно найдетъ въ васъ достаточное одобреніе, оно будетъ длиться цѣлый часъ, и вѣрете, что оно превзойдетъ все, что донинѣ было занесено въ лѣтописи исторіи». Занавѣсъ поднимается. Передняя часть подмостокъ разрисована флагами и знаменами, иногда изображенъ Георгъ и драконъ или королевскій гербъ. Сцена представляетъ тюрьму съ рѣшетками въ окнахъ. Во время представленія Пончъ говоритъ черезъ свистокъ; это очень трудно, такъ какъ при этомъ ему нужно дѣлать большія усилія. Но онъ такъ привыкъ къ свистку, что оставляетъ его цѣлый день во рту, даже тогда когда пьетъ пиво, такъ какъ уличные мальчишки всюду преслѣдуютъ его, чтобы посмотрѣть, какъ это онъ такъ говоритъ.

Во время представленія всѣ взоры сосредоточиваются на деревянныхъ куклахъ (марионеткахъ), которыя одна за другой появляются на сценѣ, жестикулируютъ, разговариваютъ другъ съ другомъ (хозяева марионетокъ говорятъ за нихъ разными голосами и поютъ), и обыкновенно кончаютъ тѣмъ, что бьютъ другъ друга палкою.

Представленіе начинается тѣмъ, что слышится пѣніе Понча; потомъ онъ входитъ съ словами: «Вотъ и я—мистеръ Пончъ, вашъ низжайшій и покорнѣйшій слуга.... Какъ вы поживаете, леди и джентльмены? Отъ всей души радъ видѣть васъ. Сыграйте-ка намъ матросскій танецъ», говоритъ онъ, обращаясь къ музыкантамъ, «я отличный танцоръ». Пончъ танцуетъ. «Однако гораздо пріятнѣе танцевать съ женой. Джюди, Джюди!» кричитъ онъ. «Милое созданіе, идите сюда»... Джюди входитъ.

Пончъ. Что за чудное созданіе! (При этомъ нѣжно гладитъ ее по лицу).

Джюди. (Толкаетъ его). Перестаньте!

Пончъ. Не сердитесь, дорогая,—лучше поцѣлуемся. (Цѣлуются). Не правда-ли, это умиленная минута? Теперь будемъ танцевать. (Танцуютъ, но черезъ минуту онъ начинаетъ ее толкать). Идите лучше нянчить ребенка, вы совсѣмъ не умѣете танцевать.

Джюди уходитъ и затѣмъ возвращается съ ребенкомъ на рукахъ.

Джюди. Побудьте съ нимъ, пока я приготовлю кушанье.

Пончъ. (Садится и напѣваетъ ребенку): Молчи, дитятко, молчи, я повѣшу твою люльку на дерево, подуеетъ вѣтеръ, люлька будетъ качаться; сукъ сломается и люлька упадетъ, а вмѣстѣ съ ней и ребенокъ. (Ребенокъ кричитъ, отецъ трясетъ его). Какой безпокойный! (Снова поетъ): Спи, мой голубчикъ, твой отецъ—рыцарь, твоя мать—прелестная леди; холмы, долины, башни, которыя ты видишь, все это будетъ принадлежать тебѣ, мое дорогое созданіе. (Пончъ продолжаетъ качивать ребенка, но тотъ все кричитъ, тогда онъ нетерпѣливо его встряхиваетъ....) Что за противный ребенокъ! мнѣ не нужно такихъ ребятъ? (Колотитъ его о стѣну и выбрасываетъ изъ окошка. Является Джюди).

Джюди. Гдѣ ребенокъ?

Пончъ. (Жалобнымъ голосомъ): О, я несчастный! ребенокъ былъ такъ несносенъ, что я выбросилъ его за окошко.

При этихъ словахъ Джюди начинаетъ рыдать, съ ней дѣлается истерическій, при-

падокъ; оправившись, она вскакиваетъ, схватываетъ палку и начинаетъ бить Понча. Тотъ въ свою очередь выхватываетъ палку у жены и начинаетъ колотить ее, сколько хватаетъ силъ.

Джюди. О, въ такомъ случаѣ я иду за констеблемъ!

Пончъ. Идите хоть къ самому чорту.

Джюди выходитъ, а Пончъ, въ ту же минуту оправившись и позабывъ и ссору, и несчастье, котораго онъ былъ виновникомъ, беззаботно затягиваетъ веселую пѣсню: «Зрѣлая вишня» или «Веселитесь, парни, веселитесь». Входитъ полицейскій.

Пончъ. Здравствуйте, пріятель! (При этомъ бьетъ его по головѣ палкой, такъ что тотъ падаетъ, но тотчасъ встаетъ).

Полицейскій. Знаете-ли вы, что у меня въ карманѣ приказъ васъ арестовать.

Пончъ. А у меня приказъ васъ бить. (Бьетъ его).

Полицейскій. Я имѣю право схватить васъ.

Пончъ. А вотъ это мое право....

При этомъ начинается страшнѣйшая потасовка, полицейскій убѣгаетъ. За нимъ является клоунъ и одинъ за другимъ нѣсколько лицъ. Они пляшутъ, поютъ въ одиночку и съ Пончемъ и всѣ безъ исключенія дерутся, чѣмъ попало и какъ попало.

Джюди умираетъ отъ жестокаго обращенія своего мужа, Понча это нисколько не печалитъ: беззаботный и веселый, какъ всегда, онъ спокойно распѣваетъ пѣсни и превозноситъ удовольствіе и счастье вдовства. Въ эту минуту на сценѣ появляется тѣнь Джюди, она медленно приближается къ мужу и даетъ ему звучную пощечину. Оглушенный ударомъ, испуганный видѣніемъ, Пончъ дрожитъ, какъ осиновый листъ, вскакиваетъ и бѣжитъ въ сторону; тѣнь жены его преслѣдуетъ. Истомленный преслѣдованіемъ и сверхъестественно быстрымъ бѣгомъ, страшно перепуганный, онъ падаетъ въ припадкѣ на полъ, бьется въ бѣшенствѣ и кричитъ: «Доктора! Зовите доктора! Я заплачу ему пятьдесятъ тысячъ фунтовъ!» Привидѣніе исчезаетъ. Пончъ вытягивается, какъ мертвый. Входитъ докторъ и осматриваетъ его со всѣхъ сторонъ.

Докторъ. Ба, да это мой пріятель—господинъ Пончъ. Бѣдный! какъ онъ блѣденъ! Надо пощупать его пульсъ. (Считаетъ). Одинъ, четырнадцать, девять, два... Э, Пончъ, да вы умерли! Слышите, Пончъ, вы умерли!

Пончъ. Умеръ (при этомъ хватается его за носъ).

Докторъ. (Потирая носъ). Я никогда прежде не слыхалъ, чтобъ мертвый могъ говорить... Пончъ, вы не умерли! Вы только нездоровы. Я сейчасъ принесу вамъ лекарство.

Пончъ. Я и боленъ-то не былъ. Но выпить пуншъ не мѣшаетъ.

Докторъ. (Возвращается съ лекарствомъ и кричитъ въ уши Пончу): Вотъ лекарство, пилюли, бальзамъ!

Пончъ. (Палкой, какъ ружьемъ, цѣлится въ голову доктора). Я разстрѣляю васъ!

Докторъ. А, идите въ тюрьму! (Пончъ бросается на него, начинается драка). На помощь, во имя королевы!

Полицейскій. А, вы опять! Въ тюрьму!

Задняя кулиса поднимается и открываетъ внутренность тюрьмы. Пончъ смотритъ черезъ рѣшетку Ньюгетской тюрьмы и напѣваетъ старинную веселую пѣсню. Входитъ палачъ Джэкъ-Кетчъ или мистеръ Грабалль. Начинаются приготовленія къ казни Понча.

Джэкъ-Кетчъ. Ну, мистеръ Пончъ, за то, что вы убили свою жену, выбросили изъ окошка невиннаго младенца, отколотили констебля,—вы будете казнены черезъ повѣшеніе,—и онъ ведетъ Понча къ висѣлицѣ; тотъ выступаетъ впередъ совершенно без-

заботно. — Ну вотъ, мой милый, говоритъ палачъ, это висѣлица, а здѣсь саванъ. Теперь вставляйте сюда голову.

Пончъ. Куда? Сюда или повыше?

Джэкъ. Ниже, ниже!

Пончъ. Теперь такъ?

Джэкъ. Не совсѣмъ... Поближе сюда.

Пончъ. Пожалуста, сэръ, покажите мнѣ дорогу, я никогда прежде не вѣшался и не знаю, какъ за это взяться. Научите меня и я принесу вамъ мою искреннѣйшую благодарность.

Джэкъ. Хорошо. Вы такъ со мной любезны, что я въ свою очередь, сдѣлаю вамъ удовольствіе и покажу вамъ дорогу. Ну вотъ, мой милый, голову слѣдуетъ вставлять сюда. (Палачъ кладетъ свою голову въ петлю). Это прямая и настоящая дорога. Веревка, какъ видите, должна лежать подъ подбородкомъ. Затѣмъ я выну свою голову и вставлю сюда вашу. Когда ваша голова будетъ въ петлѣ, вы можете сказать леди и джентльменамъ «прощайте».

Пончъ. (Затягивая веревку на шеѣ палача). Прощайте, прощайте! Теперь я снова свободенъ для шутокъ и проказъ. (Зоветъ клоуна Джо).

Клоунъ. Что это вы, мистеръ Пончъ, повѣсили человѣка?

Пончъ. Онъ такъ промокъ насквозь, что я долженъ былъ повѣсить его просушиться. Но чтобы онъ не прозябъ отъ мокроты, положимъ-ка его въ эту табакерку. (Показываетъ на гробъ. Они снимаютъ тѣло и разбираютъ висѣлицу).

Клоунъ. Слышите, Пончъ, кто-то идетъ! (Суютъ трупъ въ гробъ, но онъ такъ коротокъ, что голова не входитъ).

Пончъ. Надо согнуть его пополамъ, покрыть саваномъ и вытащить вонъ. (Джо поднимаетъ гробъ, и они выходятъ).

Пончъ появляется у таверны, въ которой всѣ уже спятъ и звонить въ колокольчикъ. Хозяинъ сердито высовываетъ голову изъ окошка и гонитъ его прочь. Пончъ ударяетъ его колокольчикомъ по головѣ.

Пончъ. Вы гоните меня, потому что не понимаете музыки.

Трактирщикъ бросается за палкою, Пончъ прячется за уголъ и опять звонить. Трактирщикъ машетъ палкою, стараясь ударить ею Понча, но не попадаетъ. Пончъ тихонько подкрадывается къ нему, бьетъ его булакомъ и исчезаетъ. Трактирщикъ, проклятая бездѣльника, тоже уходитъ къ себѣ.

Выходятъ клоунъ съ Пончемъ.

Клоунъ. (Указывая на окно таверны). Ну, Пончъ, хватить ли у васъ ума на новую продѣлку? Не хотите ли чего поѣсть? Теперь хозяинъ спитъ, а у него виситъ много сосисекъ. Запасемъ-ка ими себѣ на ужинъ. (При этомъ клоунъ вскакиваетъ черезъ окно въ таверну).

Пончъ. (Шепчетъ ему черезъ окно). Подавайте-ка ихъ сюда. (Вытаскиваетъ сосиски).

Клоунъ. А въ чемъ же мы ихъ жарить будемъ? Надо поискать сковороды. (Выносятъ сковороду и передаетъ Пончу; потомъ опять высовываетъ голову и спрашиваетъ): Не хотите-ли, Пончъ, чегонибудь горячаго? (Выбрасываетъ въ окошко раскаленную кочергу и кричитъ): скорѣй, хватайте, хозяинъ идетъ.

Пончъ. (Хватаетъ и обжигается). Вотъ тебѣ и горячее!

Клоунъ. (Будитъ трактирщика со словами): Хозяинъ, вотъ этотъ парень украдъ у васъ сосиски и сковороду. (При этомъ самъ исчезаетъ).

Между Пончемъ и трактирщикомъ начинается драка. Пончъ такъ бьетъ хозяина сковородой, что пробиваетъ ея дно, сосиски выпадаютъ и обвиваются вокругъ шеи трактирщика.

На сценѣ одинъ Пончъ; затѣмъ является шутъ безъ головы и танцуетъ комическій танецъ; послѣ него—сатана, одѣтый русскимъ медвѣдемъ. Пончъ хватаетъ развлеченную кочергу и выдерживаетъ съ сатаною страшную борьбу. Сатана старается за всѣ преступленія Понча утащить его въ бездонную пропасть. Но Пончъ убиваетъ его и кричить: «ура, сатана умеръ! Мы всѣ можемъ теперь дѣлать, что кому вздумается».

Затѣмъ, обращаясь къ публикѣ, онъ говоритъ:

«Лэди и джентльмены, вотъ и все оригинальное представленіе мистера Понча. Приношу вамъ мою искреннѣйшую благодарность за ваше покровительство и поддержку».

Пончъ — любимѣйшее развлеченіе англійскаго простолюдина, истинно народный и дѣтскій театръ. Бѣднякъ обязанъ ему лучшими минутами своей жизни: во время представленія онъ забываетъ о лишеніяхъ, несчастіяхъ и о своемъ тяжеломъ трудѣ. Но не одно простонародье увлекается представленіями Понча. Въ огромной толпѣ народа, которая всегда окружаетъ этотъ театръ и слушаетъ съ напряженнымъ вниманіемъ все, что говоритъ Пончъ, вы всегда можете замѣтить множество джентльменовъ, у которыхъ не менѣе, чѣмъ у дѣтей, оживаетъ фізіономія въ критическіе моменты жизни этого героя. «Неужели васъ интересуется представленіе, которое можетъ удовлетворить развѣ совѣмъ необразованнаго человѣка?» спросилъ однажды иностранецъ у знакомаго ему англичанина. — «Да, нужно быть настоящимъ англичаниномъ, чтобы понимать и нашу слабость къ представленіямъ Понча, и то, что насъ въ немъ занимаетъ. Мы любимъ рѣзкіе звуки Понча, которые мы такъ часто слышали прежде, которымъ мы такъ радовались въ счастливые годы нашего дѣтства. Я знаю артистовъ, ученыхъ, членовъ палаты общинъ, которые останавливаются передъ этимъ театромъ на открытѣмъ воздухѣ. Англичане болѣе наивны, чѣмъ это кажется съ виду, мы стараемся развлечься малымъ... Наконецъ, развѣ видѣть счастливыя и улыбающіяся лица людей, нерѣдко страшно истомленныхъ и покрытыхъ рубищемъ, развѣ это не величайшее удовольствіе».

Между показывающими маріонетки существуетъ такое же различіе, какъ и между актерами большихъ театровъ. Какъ тутъ, такъ и тамъ есть великіе таланты и жалкія посредственности. У человѣка, показывающаго маріонетки, сильно развито самолюбіе: чѣмъ больше толпа, которая его окружаетъ, тѣмъ больше онъ увлекается. Разъ онъ замѣчаетъ, что производитъ впечатлѣніе, онъ воодушевляется съ каждой минутой все сильнѣе и сильнѣе.

Маріонетки уже съ давнихъ поръ играютъ огромную роль въ развлеченіяхъ англичанъ. Въ XVIII столѣтіи съ помощью маріонетокъ пробовали даже играть пьесы Шекспира. Еще не такъ давно маріонетки представляли весьма серіозную конкуренцію театральнымъ представленіямъ. Доказательствомъ можетъ служить то, что собственникъ театра Дрюри-Лэнъ обращался съ просьбою къ правительству, чтобы театръ маріонетокъ, расположенный въ его мѣстности, былъ уничтоженъ или перенесенъ въ другой кварталъ. Кукольный театръ вредилъ не только матеріальному благосостоянію большихъ театровъ, но даже отвлекалъ народъ отъ церкви.

На театрѣ Понча играютъ разныя пьесы, но «Пончъ и Джюди» самая любимая и популярная. Необыкновенная симпатія народа къ этой пьесѣ нерѣдко заставляетъ давать ее на ярмаркахъ и на провинціальныхъ театрахъ, и тогда уже представляютъ не маріонетки, а актеры.

Познакомившись съ уличнымъ театромъ, читатель навѣрно прежде всего спроситъ, почему порочный типъ Понча сталъ такимъ популярнымъ въ Англій. Нужно замѣтить, что домашнія ссоры, сопровождаемыя ударами палки, были введены въ драматическую жизнь Понча тогда, когда театръ маріонетокъ окончательно сдѣлался достояніемъ низшаго класса людей. Вѣроятно, вслѣдствіе того, что Пончъ является домашнимъ тираномъ,

онъ не пользуется расположеніемъ женщинъ. Если вы остановитесь передъ театромъ марионетокъ, вы замѣтите, что толпа всегда больше состоитъ изъ мужчинъ, чѣмъ изъ женщинъ. Не смотря на свое звѣрское обращеніе съ ребенкомъ и съ женой, Пончъ вездѣ выказываетъ замѣчательное присутствіе духа и находчивость—отличительныя черты англійскаго характера. Англичанамъ болѣе всего нравится въ немъ то, что онъ съ непоколебимою твердостью борется съ житейскими невзгодами. У нихъ захватываетъ духъ, когда Пончъ, презирая ужасы темницы, хладнокровно выслушиваетъ свой смертный приговоръ и бодро идетъ на висѣлицу. Но болѣе всего апплодируетъ ему толпа въ ту минуту, когда онъ не только избѣгаетъ висѣлицы, но еще вѣшаетъ своего палача.

Развязка безнравственная. Но бѣда тому владѣльцу марионетокъ, который попытается измѣнить заключеніе. Одного такого реформатора забросали за это грязью и чуть не убили камнями.

Пончъ въ Англійи имя такое популярное, что одинъ редакторъ далъ это названіе своему журналу, самому остроумному изъ всѣхъ сатирическихъ англійскихъ изданій.

Владѣлецъ марионетокъ обыкновенно философъ; онъ мало заботится о своемъ костюмѣ, который всегда чрезвычайно небреженъ. Не смотря однако на его бѣдное платье и на то, что доходъ его основывается на добровольныхъ даяніяхъ, сочувствіе публики къ нему такъ велико, что онъ зарабатываетъ гораздо больше, чѣмъ остальной странствующій людъ. Владѣльцы марионетокъ собираютъ обыкновенно отъ двухъ до четырехъ шиллинговъ за представленіе, а такъ какъ въ лѣтніе дни они играютъ до 10 разъ и при всякомъ подобномъ театрѣ бываетъ два человѣка, то они сравнительно съ другими получаютъ порядочное вознагражденіе. Понятно, что доходъ тутъ зависитъ болѣе всего отъ искусства Понча; онъ долженъ всегда разнообразить свою пьесу, вводить новыя лица, но такъ, чтобы это было совершенно въ духѣ своихъ слушателей. Слѣдовательно онъ долженъ имѣть тактъ, знаніе публики, находчивость. Намеки на политическія событія уличная публика принимаетъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время выборовъ, владѣлецъ марионетокъ вывелъ на сцену одного кандидата въ парламентъ, который нѣкогда цѣловалъ его ребенка, прислуживался предъ нимъ и его женой, чтобы только Пончъ подалъ за него свой голосъ. Когда началось движеніе въ общественномъ мнѣніи противъ смертной казни, нѣкоторые владѣльцы марионетокъ тотчасъ же вложили въ уста Понча нѣсколько словъ въ пользу уничтоженія висѣлицы.

Жизнь этихъ людей имѣетъ весьма много общаго съ жизнью странствующихъ музыкантовъ. Они ѣдятъ и пьютъ что попало, спятъ въ ночлежныхъ пріютахъ. Днемъ улица—ихъ домъ, таверна—ихъ гостинница, куда они нерѣдко заходятъ освѣжить свой голосъ. У всѣхъ у нихъ артистическіе вкусы, т. е. они любятъ разсѣяніе и свободу: что соберутъ сегодня, они истратятъ завтра. Вслѣдствіе своей бродяжнической жизни они презираютъ домашній очагъ. Рѣдко кто изъ нихъ живетъ въ семействѣ и всѣ обыкновенно отправляются ночевать въ мрачныя логовища, называемыя ночлежными пріютами.

Во всѣхъ бѣдныхъ кварталахъ Лондона, можно видѣть на нѣкоторыхъ домахъ надпись: «хорошія постели, теплая вода въ изобиліи, газъ всю ночь». Дома съ такими надписями отличаются отъ всѣхъ прочихъ своимъ угрюмымъ видомъ и неряшливостью. Окна наравнѣ съ улицей и вмѣсто стеколъ часто вклеена бумага. Тутъ уличные артисты оставляютъ свою веселость и какъ другіе пришельцы стараются скорѣе занять мѣсто у пылающаго камина. Но какой бы несчастный видъ ни имѣли эти пріюты, они всегда выписываютъ для своихъ посѣтителей одинъ, два журнала, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вы даже найдете библіотеку въ 400—500 томовъ.

УЛИЧНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Ковентгарденскій и Биллингсетскій рынки. — Рыночные сады и огороды. — Лондонскій уличный торговецъ и исторія его жизни, имъ самимъ рассказанная. — Летучая газетная торговля. — Искатели окурковъ. — Грязные жаворонки. — Чистильщики.

Каждый, кто говоритъ объ Англии, прежде всего и больше всего останавливается на богатствахъ страны. И это вполне разумно. Чтобы узнать Англию, нужно прежде всего составить себѣ ясное понятіе о ея несмѣтныхъ богатствахъ. Она ведетъ такую громадную торговлю, что слава ея далеко превосходитъ славу знаменитыхъ торговыхъ городовъ древности: Тира, Сидона, Карфагена, Александрии. Ея «деревянные стѣны», какъ называютъ ея корабли, не только защищаютъ британскіе берега отъ всякаго иноземнаго нашествія, но и ввозятъ продукты самыхъ отдаленныхъ странъ; доки — служатъ складочнымъ мѣстомъ всѣхъ сокровищъ міра; дворцы промышленности, для изученія которыхъ нужно потратить цѣлые десятки лѣтъ, банки, гдѣ золото потокомъ льется изъ рукъ кассировъ, — все говоритъ о побѣдѣ труда, о несмѣтныхъ сокровищахъ страны. Ни одно государство не владѣетъ такими обширными колоніями, какъ Англія: въ Азіи ей принадлежитъ болѣе половины Индіи — страны, замѣчательно богатой разными произведеніями. Цѣлая часть свѣта — Австралія, пространство которой въ десять разъ больше пространства Германіи, составляетъ также англійскую колонію. Но на этотъ разъ мы будемъ говорить не о ея цвѣтущей торговлѣ и промышленности, не о ея колоніяхъ, не о рудникахъ, открытыхъ англичанами и доставившихъ имъ громадные богатства, но о промышленности самой темной, хотя и весьма распространенной, а именно объ уличной промышленности. Въ одномъ Лондонѣ людей, занимающихся мелкою уличною промышленностью, насчитываютъ болѣе 50 тысячъ человекъ. Нельзя оставить безъ вниманія жизнь такого огромнаго класса людей.

Лондонскіе уличные промышленники раздѣляются на три рѣзко очерченныхъ группы. на продавцевъ, искателей и чистильщиковъ. Уличные торговцы закупаютъ свои товары на рынкахъ. Три моря посылаютъ на эти рынки своихъ рыбъ, два континента — свой хлѣбъ; Германія, Голландія, Франція и Испанія, даже Алжиръ и Вестъ-индія, безпрестанно заботятся о томъ, чтобы доставить пищу этому огромному городу. Пароходы, желѣзныя дороги, корабли — все стремится изъ провинцій и изъ-за границы, чтобы напитать 4-хъ милліонное столичное населеніе.

Ковентгарденскій рынокъ — самый большой въ Лондонѣ; это рынокъ по преимуществу плодовъ, зелени и цвѣтовъ. Онъ весь покрытъ кучами земляники, гороха, ароматическихъ травъ и апельсиновъ. Трудно вообразить, какую массу апельсиновъ истребляютъ лондонскіе жители. Тутъ толпа мелкихъ торговцевъ и зеленщиковъ въ голубыхъ передникахъ, крупныхъ торговцевъ въ полосатомъ бархатѣ, носильщиковъ съ колонною круглыхъ корзинъ на головѣ, и молодыхъ букетчицъ съ фіалками. Подъ арками, окружающими рынокъ, — кофейни на открытомъ воздухѣ, защищенные зимою отъ вѣтровъ ширмами и навѣсами. Эти кофейни незатѣйливы: на столахъ стоятъ громадные жестяные сосуды, изъ которыхъ желающимъ наливаютъ черную дымящуюся влагу и тутъ же лежатъ кучи кусковъ хлѣба, намазанныхъ масломъ.

Ковентгарденъ — значитъ монастырскій садъ, и дѣйствительно, первоначально это былъ садъ Вестминстерскаго монастыря. Послѣ того, когда Генрихъ VIII закрылъ монастыри и прекратилъ монастырскую жизнь въ Англии, его сынъ Эдуардъ VI отдалъ старый садъ Вестминстерскаго монастыря герцогу Бедфордскому, потомокъ котораго и до настоящаго времени владѣлецъ этого мѣста. Онъ богатѣйшій подданный ея величества. Ему

принадлежитъ: Ковентгарденъ, Бедфордъ-скверъ, Рёссель-скверъ и нѣсколько другихъ; однимъ словомъ, вся сѣверозападная часть Лондона—его собственность. Можно себѣ представить, какой доходъ долженъ получать герцогъ Бедфордскій, когда одинъ акръ (полъ десятины) земли въ Лондонѣ стоитъ сто тысячъ ф. ст., а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ наприм. близъ Вестминстера — 170 тысячъ ф. ст. Земля въ Лондонѣ обыкновенно не продается, а отдается въ аренду на 99 лѣтъ. По истеченіи срока аренды, всѣ выстроенныя на его землѣ дома дѣлаются собственностью землевладѣльца. Такимъ образомъ герцогъ Бедфордскій и все его потомство съ полною увѣренностью всегда могутъ рассчитывать ворочать милліонами. Герцогъ Бедфордскій не только крупный землевладѣлецъ, но и владѣлецъ огромнаго числа домовъ въ одной изъ лучшихъ частей города. Такимъ образомъ въ Лондонѣ вся земля находится въ рукахъ немногихъ лицъ, которыя поѣтому страшно богаты. Однако вернемся ко времени Эдуарда VI.

Когда тогдашній герцогъ Бедфордскій получилъ въ свое владѣніе Ковентгарденъ, тихій монастырскій садъ быстро превратился въ одинъ изъ самыхъ веселыхъ и фешенебельныхъ кварталовъ Лондона. Герцогъ построилъ себѣ здѣсь дворецъ. Вскорѣ первыя яблочныя торговки заняли различныя мѣста у Ковентгарденскаго дворца. Черезъ нѣсколько лѣтъ торговки сдѣлались смѣлѣй и стали превращать свои столики въ настоящія лавки. Брань, крики, шумъ съ восходомъ солнца — будили жителей замковъ; запахъ овощей портилъ имъ аппетитъ. Рынокъ съ каждымъ годомъ увеличивался, и вмѣстѣ съ этимъ усиливался и шумъ. Кончилось тѣмъ, что аристократы выселились и уступили мѣсто рыночной черни. Торговки вытѣснили герцога Бедфордскаго, но онъ былъ не такой человекъ, чтобы упустить изъ виду свою выгоду. Онъ застроилъ теперешній рынокъ галлереями и аркадами, уступилъ всю площадь торговцамъ, которые платили ему аренду, и такимъ образомъ къ своимъ громаднымъ доходамъ онъ сдѣлалъ еще огромную прибавку. Если хотятъ видѣть Ковентгарденскій рынокъ въ надлежащемъ видѣ, нужно выйти изъ дому очень рано. Около шести часовъ утра на немъ уже полная дѣятельность. Большія, тяжелыя телѣжки, которыя ночью катились по улицамъ, выгружаютъ теперь здѣсь свой товаръ. Корзины пахучихъ южныхъ фруктовъ распаковываются въ лавкахъ. А тамъ, на срединѣ, безпрестанно перелетаютъ съ одного мѣста на другое желтыя коренья съ пучками зелени, большія ядра капусты и рѣпы, — зелень сортируютъ и убираютъ по кучамъ. Люди въ кожаныхъ передникахъ разгружаютъ телѣги съ различныхъ станцій желѣзныхъ дорогъ. Вотъ горохъ съ полей прекрасной Нормандіи; здѣсь каштаны изъ Нидерландовъ; тутъ стоитъ то, что привезла южная желѣзная дорога: яблоки, вишни съ острова Джерзея; тамъ виноградъ изъ Германіи; дальше дыни и апельсины изъ Испаніи и Португаліи. Но еще больше привезено сюда овощей и цвѣтовъ изъ садовъ и огородовъ, окружающихъ Лондонъ. На границѣ предмѣстій, посреди еще немощенныхъ улицъ, не вполнѣ отстроенныхъ домовъ, не совсѣмъ готовыхъ газовыхъ и водопроводныхъ трубъ, — вы видите математически точно размѣренныя полосы земли, мелькаютъ стекла парниковъ, — это и есть знаменитые рыночныя огороды и сады Лондона. Между тѣмъ, какъ вездѣ собираютъ одну жатву, здѣсь посредствомъ искусственной обработки и обильнаго удобренія получаютъ пять жатвъ. Но возвратимся къ Ковентгардену. Около семи часовъ утра появляются телѣги, нагруженныя ароматическими травами. Сотни уличныхъ продавцевъ съ телѣжками ручными или запряженными ослами, или съ корзинками на головахъ, представляющими родъ башни, стоятъ, тѣсясь около овощей. Нагрузивъ себя товарами, они съ шумомъ расходятся по кофейнямъ. Къ восьми часамъ становится тише. Большія телѣги, которыя привезли плоды и овощи, исчезли; телѣжки, запряженныя ослами, и торговцы съ корзинами на головахъ разбрелись въ тысячи улицъ разносить свой товаръ. Теперь начинаютъ мыть рынокъ. Артезіанскій колодезь въ двѣ минуты наполняетъ водою

всю площадь рынка и смываетъ съ нея шелуху, остатки зелени и всѣ нечистоты. Затѣмъ являются женщины, располагаются у различныхъ кучъ гороха и начинаютъ его шелушить. Ровно черезъ полтора часа ихъ смѣняетъ другая толпа женщинъ, которыя очищаютъ гречіе орѣхи отъ шелухи. И вотъ, не смотря на артезіанскій источникъ, тутъ опять черезъ нѣсколько минутъ куча мусора и грязи. Но запахъ розъ, нарцисовъ и фіалокъ заглушаетъ рѣшительно все.

Напротивъ въ Биллингетскомъ рынкѣ запахъ рыбы чувствительнѣе всего. Биллингетскій рыбный рынокъ построенъ изъ кирпича съ желѣзными арками и имѣетъ болѣе привлекательный видъ со стороны Темзы, чѣмъ съ улицы. Чтобы ознакомиться съ этимъ рынкомъ, необходимо посѣтить его въ пятницу—въ день наибольшаго его оживленія. Въ самыхъ бѣдныхъ кварталахъ Лондона живетъ много ирландцевъ, которые соблюдаютъ требованія католической церкви и потому въ пятницу покупаютъ рыбу. Съ другой стороны англійскіе рабочіе, получающіе плату по субботамъ, накануне сидятъ обыкновенно безъ денегъ, поэтому неволью постятся и покупаютъ рыбу. Нужно замѣтить, что и теперь еще множество англичанъ постится въ извѣстные дни недѣли. Можно подумать, что это остатокъ католицизма, между тѣмъ парламентскій актъ въ царствованіе королевы Елизаветы совершенно опровергаетъ это предположеніе. Онъ дѣйствительно запрещаетъ продавать и ѣсть говядину въ среду и субботу подъ страхомъ штрафа въ 3 ф. ст., но, чтобы не толковали превратно о цѣли этого постановленія, тутъ же прибавлено слѣдующее: «всякій проповѣдникъ, объявляющій съ кафедры или въ другомъ мѣстѣ, что воздержаніе отъ говядины содѣйствуетъ спасенію души и угодно Богу, будетъ строго наказанъ». Затѣмъ тутъ же объяснено, что это сдѣлано для того, чтобы поддержать англійское мореходство и рыбную ловлю.

Штрафы уже давно уничтожены и англичане давно забыли объ этомъ постановленіи, но обычай остался. И не мудрено: въ Англии много рыбы, она не дорога и это любимая пища народа. Народъ съ любопытствомъ останавливается у набережной, гдѣ выгружаютъ рыбу, и разсматриваетъ палтусовъ, лососей съ перламутровой чешуей и треску съ раскрытою пастью. Морской утренній воздухъ, шорохъ барочныхъ и корабельныхъ веревокъ, еще влажныхъ отъ соленой воды, — все напоминаетъ побережье океана. Вмѣстѣ съ рыбою тутъ четвериками продаютъ устриць. Стоять множество столиковъ, на которыхъ разставлены бутылки съ уксусомъ, перечницы и продаются устрицы по мелочамъ рабочему люду. Наиболѣе зажиточные торговцы увозятъ свой товаръ въ телѣжкахъ, запряженныхъ пони или осломъ, а побѣднѣ въ ручныхъ телѣжкахъ и на головахъ. Между хозяиномъ и животнымъ существуетъ нѣжная привязанность: уличный торговецъ дѣлитъ свой завтракъ на двѣ части: одну беретъ себѣ, другую подаетъ своему ослу или пони.

Главная характерная черта уличныхъ торговцевъ—множество дѣтей, которыхъ они имѣютъ. Дѣти торговцевъ непремѣнно идутъ по стопамъ родителей и съ раннихъ лѣтъ уже дѣлаются торговцами. Мало кто изъ нихъ торгуетъ на свои деньги: одни занимаютъ ихъ для покупки товара, другіе занимаютъ самый товаръ, нѣкоторые берутъ на прокатъ даже ручную телѣжку, осла, корзинки, нерѣдко вѣсы и мѣры. Проценты, которые они платятъ, доходятъ до 20 на сто въ недѣлю. Всего печальнѣе то, что этотъ ужасный налогъ падаетъ какъ на несчастныхъ торговцевъ, такъ и на рабочіе классы, которымъ они доставляютъ провизію. Большинство ихъ чрезвычайно невѣжественно: одинъ изъ десяти едва знаетъ читать. Эти дѣти очень быстро мужаютъ и въ семь лѣтъ они уже совершенно дѣловые люди. Уличный торговецъ не принадлежитъ ни къ какой установленной церкви, ни къ какой сектѣ, тѣмъ не менѣе они не чужды религіознаго чувства. Каждый изъ нихъ, хотя и на свой ладъ, передаетъ другому чудо насыщенія Іисусомъ

Христомъ бѣднаго народа нѣсколькими хлѣбами и рыбою: «Не правда-ли», прибавляютъ они наивно, «какой онъ добрый былъ джентльменъ». Молодые торговки благославляютъ небо за хороший день и за салакушку, которая, по ихъ словамъ, подарокъ бѣднымъ людямъ, ниспосланный небомъ. И у торговцевъ, какъ у истыхъ англичанъ, является отъ времени до времени потребность подышать чистымъ воздухомъ, и тогда они отправляются торговать по деревнямъ, иногда даже на сто миль отъ Лондона. Какъ всѣ бродячіе классы, уличные торговцы ведутъ жизнь суровую и трудовую, тѣмъ не менѣе чувствуютъ сильную привязанность къ своему ремеслу. Однажды одно семейство взяло къ себѣ въ услуженіе уличную торговку. Хорошая обстановка примирила ее на время съ новою жизнью, но когда она однажды услышала, что на рынкѣ большой привозъ салакушекъ, она со слезами бросилась къ своимъ господамъ, упрасывая, чтобы ее отпустили. Она созналась, что она и раньше тосковала по прежней жизни, а теперь тоска такъ овладѣла ею, что она ничего не можетъ дѣлать.

Заработокъ уличныхъ торговцевъ очень ничтоженъ и подверженъ большимъ колебаніямъ. Продавцы зелени и мороженой рыбы выручаютъ до трехъ пенсовъ въ день; продавцы цвѣтовъ, плодовъ и свѣжей рыбы—около десяти пенсовъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые уличные торговцы съ помощью энергіи, воздержности, торговой предприимчивости и практичности нерѣдко выбиваются изъ нищеты. Вотъ какъ рассказываетъ одинъ торговецъ исторію своей жизни, которая можетъ познакомить съ жизнью всѣхъ уличныхъ торговцевъ. Помѣщаемъ эту исторію, хотя и съ большими сокращеніями, но въ томъ наивномъ видѣ, какъ она была имъ самимъ передана одному писателю.

«Никто никогда не говорилъ мнѣ о томъ, гдѣ и когда я родился, да это ни на что и не могло бы мнѣ пригодиться. Хорошо помню одно что насъ было три брата и двѣ сестры, и всѣ мы, какъ только начинали ходить, въ то же время начинали и торговать. Чтобы заставить торговать шесть, семь человекъ дѣтей, у насъ достаточно четверика картофеля и нѣсколькихъ пучковъ зелени. Вечеромъ мы приносили нашимъ родителямъ все, что успѣли заработать, и этимъ, такъ сказать, расплачивались съ ними за ночлегъ, который они намъ давали, такъ какъ кормиться и находить себѣ пріютъ днемъ мы должны были сами. Несчастіе всѣхъ была моя младшая сестра: въ семь лѣтъ она уже таскала по улицамъ корзинку съ салатомъ. Такой крошечный ребенокъ изъ нашего класса, разнося свой товаръ по улицамъ, не приобретаетъ, разумѣется, средства къ своему существованію, онъ идетъ только медленной дорогой къ голодной смерти. Бѣдная дѣвочка никогда не осмѣливалась возвратиться домой безъ ничего и, когда ей не удавалось что либо продать, она оставалась ночевать на улицѣ. Однажды я увидалъ, какъ она собирала на дворѣ крошки хлѣба, которыя служанки набросали птицамъ. «Не правда-ли», сказала она, увидавъ меня, «вѣдь это не значитъ красть, если я возьму нѣсколько крошекъ у птицъ. У нихъ крылья, и онѣ быстро могутъ слетать въ поле и достать нѣсколько зеренъ, не боясь полисменовъ». Такъ какъ я былъ старшій, то я всего чаще сопровождалъ отца. Никто не училъ меня грамотѣ, но я скоро понялъ ремесло отца; моею школою была улица и рынокъ. Жизнь моя была не особенно сладкая: на ногахъ нужно быть съ трехъ, четырехъ часовъ утра и часто цѣлый день не присѣсть до десяти часовъ вечера: ходя ѣсть, пить, отдыхать и въ то же время никогда не переставать работать, т. е. тащить телѣжку, выкрикивать товаръ, бѣжать за прохожимъ, подносить корзинки къ окнамъ.

Мнѣ исполнилось тринадцать лѣтъ,—это самый критическій возрастъ для дѣтей нашего класса, когда мальчикъ уже привыкъ къ ремеслу и начинаетъ желать самостоятельности. Наши родители сознаютъ это и начинаютъ относиться къ намъ холоднѣе. Я поссорился въ это время съ моимъ отцомъ и вотъ изъ за чего. Онъ сталъ замѣчать

съ каждымъ днемъ, что мой голосъ дальше разносится по улицамъ, чѣмъ его старый и дрожащій, что я легче могу нагнать прохожаго, живо показать ему сразу весь товаръ. Отецъ сталъ завидовать мнѣ, придрался къ первому пустяку и прогналъ меня. Я навсегда покинулъ родительскій кровъ, занялъ шесть шиллинговъ и телѣжку. Этого для насъ совершенно достаточно, чтобы сдѣлаться самостоятельнымъ. И то правда, хотя у меня не было ни золота, ни серебра, но за то было много выдержки. Уличнымъ торговцемъ нужно родиться: нужно умѣть кстати рискнуть, имѣть тактъ и смыслъ, когда и чего больше купить, иначе вѣчно останешься жалкимъ бродягой, который, каждый разъ, прежде чѣмъ отправиться торговать, долженъ занять все: и корзинку, и вѣсы, и телѣжку, и самый товаръ. Въ шестнадцать лѣтъ мнѣ наскучило вести уединенную жизнь и пришла мысль жениться. Для этого я отправился однажды вечеромъ въ танцевальный залъ, гдѣ, какъ я слышалъ, устраиваются сердечныя дѣла. Тамъ я встрѣтилъ много молодыхъ дѣвушекъ, заработывавшихъ свой хлѣбъ уличною торговлею. Дѣвушки нашего класса здоровы, сильны и красивы. Одна изъ нихъ сразу обратила на себя мое вниманіе. Ловко сидѣвшая на ней коротенькая юбка позволяла видѣть хорошо обутую ногу, а мы торговцы прежде всего любимъ видѣть на женщинѣ хорошую обувь. Это была бѣлокурая дѣвушка съ свѣжимъ лицомъ. Правда, другой нашелъ бы, что голосъ ея хриплый, но мнѣ это еще болѣе понравилось въ ней, это доказывало, что она храбро кричала на улицахъ и могла торговать безъ чужой помощи. Я тотчасъ угостилъ ее и, когда кончился вечеръ, предложилъ проводить ее до дому и снести ей корзинку. Она согласилась, и черезъ недѣлю мы уже поженились и наняли комнату за четыре шиллинга въ недѣлю. Днемъ каждый изъ насъ занимался торговлею, вечеромъ мы иногда ходили въ танцевальныя залы, въ концерты и театры въ пенни. Мы уличные торговцы очень любимъ развлечения. Наша жизнь такая мрачная, дѣловая, что мы ищемъ случая развлечься.

Наша торговля процвѣтала, моя жена была образцовою женщиной: она содержала комнату въ чистотѣ и была необыкновенно предприимчива въ торговлѣ. Наши жены вообще гораздо лучше насъ: онѣ не играютъ, а насъ игра совсѣмъ губить. Игра и пьянство— пороки, которые мы, дѣти улицы, всасываемъ съ молокомъ матери. Я считалъ подлымъ бить такую хорошую жену, но, когда я былъ пьянъ, я нерѣдко поднималъ на нее руку, хотя на другой же день раскаивался въ своемъ дурномъ обращеніи. Я вамъ говорю все откровенно, какъ худое, такъ и хорошее, но когда вы опишите мою жизнь, я васъ прошу, не говорите объ этомъ. У насъ было трое дѣтей, всѣ они, разумѣется, сдѣлались уличными торговцами и въ настоящую минуту всѣ они торгуютъ самостоятельно, и давно уже не живутъ со мною. Но когда я ихъ встрѣчаю на рынкѣ или на улицѣ, мнѣ никогда не приходится краснѣть, что я не выполнилъ относительно нихъ своихъ обязанностей. Теперь моя мечта нанять лавочку для продажи плодовъ. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей уже достигли этого и имѣютъ свой голосъ на выборахъ, тѣмъ не менѣе они не отвернулись отъ меня, и я по прежнему ихъ пріятель».

Маленькіе мальчики, снующіе по всѣмъ направленіямъ Лондона съ газетами въ рукахъ, въ высшей степени характерное явленіе лондонскихъ улицъ. Несмѣтное число дешевыхъ газетъ и копѣчныхъ листковъ въ Лондонѣ породило цѣлый классъ людей, занимающихся ихъ продажей. И гдѣ вы только ни встрѣтите этихъ мальчиковъ въ оборванной одеждѣ, съ лицомъ въ синякахъ и съ пукомъ газетъ подъ мышкою? Кажется рѣшительно нѣтъ такого мѣста въ столицѣ; они на всѣхъ станціяхъ подземной и надземной желѣзной дороги, на пароходахъ, мостахъ, у входовъ всѣхъ зданій. Они кричатъ прямо въ уши, бѣгутъ за прохожимъ и за проѣзжающимъ, отважно карабкаются на верхъ вагона и всегда успѣваютъ въ одну минуту разсовать сидящимъ множество нумеровъ. Публика не успѣваетъ расплатиться съ мальчикомъ, который не долженъ

оставлять своего мѣста на тротуарѣ, — но это не бѣда: деньги бросаютъ прямо въ грязь и, хотя омнибусъ уже отѣхалъ, мальчикъ ихъ всегда найдетъ. Маленькіе продавцы газетъ избираютъ эту профессію преимущественно потому, что они не обучены никакой другой и потому что она требуетъ затраты самаго ничтожнаго капитала. Дѣти эти хотя и принадлежатъ къ бѣднѣйшему классу населенія, вовсе не нищія или бездомныя бродяги. У большинства есть свое постоянное жилище и весьма многіе изъ нихъ на свой заработокъ содержатъ даже своихъ родителей. Отправляясь торговать, они запасаются для обѣда маленькимъ хлѣбцемъ и мозговой колбасой, которую они съѣдаютъ, стоя у какого-нибудь зданія, не отрываясь отъ своего дѣла. Нѣжный дѣтскій возрастъ, сухояденіе, сырость, туманъ и постоянный дождь британской столицы, все это весьма скоро разстроиваетъ здоровье маленькихъ разнощиковъ. Чуть свѣтъ громадными толпами отправляются они въ Сити, гдѣ печатаютъ почти всѣ газеты. Такъ какъ желающихъ торговать газетами много, то въ конторахъ газетъ имъ приходится выдержать съ своими товарищами нѣсколько сраженій. Тѣмъ не менѣе число этихъ разнощиковъ увеличивается съ каждымъ годомъ, вмѣстѣ съ большимъ распространеніемъ газетъ въ массѣ населенія. Нѣкоторыхъ изъ нихъ нанимаютъ распродавать газеты за четыре, за шесть пенсовъ въ день. Каждый изъ нихъ старается изъ этого ничтожнаго заработка сколотить себѣ нѣсколько пенсовъ, чтобы самому закупить себѣ пачку газетъ и распродавать по своему усмотрѣнію; послѣдній способъ даетъ прибыли вдвое болѣе. Сколотивъ девять пенсовъ, онъ уже можетъ купить себѣ пачку газетъ и получить на эту сумму прибыль въ четверть стоимости своего товара. Распродавъ одну пачку, ребенокъ бѣжитъ за другой и такимъ образомъ до полудня успѣваетъ иногда продать до трехъ пачекъ. Вечеромъ выходятъ вечернія газеты и иллюстрированные журналы, и его торговля опять оживляется. Они нерѣдко промышляютъ и тѣмъ, что даютъ эти газеты на прочтеніе. Передъ Рождествомъ или во время знаменитыхъ процессовъ, заработокъ этихъ маленькихъ торговцевъ нѣсколько увеличивается.

Между ними существуетъ множество обычаевъ, которыхъ они строго придерживаются. Разъ замѣтивъ на извѣстныхъ пунктахъ лица этихъ маленькихъ торговцевъ, вы можете быть увѣрены, что будете ихъ встрѣчать всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они совсѣмъ выбываютъ вслѣдствіе болѣзни. Извѣстно, что во всякой торговлѣ есть мѣста болѣе или менѣе бойкія, но кто занялъ уже извѣстное мѣсто, тотъ не покидаетъ его никогда. Нерѣдко случается, что кто-нибудь изъ нихъ опаздываетъ и мѣсто его бываетъ уже занято, но разъ появляется тотъ, кто прежде стоялъ, пришелецъ уступаетъ ему тотчасъ его мѣсто. Отнять мѣсто у когонибудь, даже и въ томъ случаѣ, когда это очень выгодно, считается позоромъ.

Къ уличному міру принадлежитъ и другая группа людей, хотя и менѣе многочисленная, чѣмъ та, которую мы только что описали, но не менѣе заслуживающая вниманія, — это группа «искателей.» Между ними одни занимаются тѣмъ, что собираютъ окурки сигаръ. Рано утромъ, къ каждому казино, ко входу въ театры и въ концерты и въ различные аристократическіе кварталы, направляется множество мальчиковъ искать окурковъ. Эти окурки они сваливаютъ кучами въ бѣдныхъ кварталахъ и распродаютъ за самую ничтожную сумму бѣдному люду. Но съ большими надеждами «искатели» отправляются рано утромъ въ Гравезендъ, когда морской отливъ уже начался. Группы этихъ дѣтей разсыпаются на берегу и ждуть, пока рѣка обнажитъ по берегамъ длинныя полосы влажной и тинистой земли. Когда отливъ достигаетъ высшей степени, дѣти, между которыми вы увидите также много дѣвушекъ и старыхъ женщинъ, разсыпаются между барками, которыя стоятъ теперь на мели. По колѣно въ грязи, толпа бѣгаетъ по отмели, нагибается, шаритъ и ощупываетъ руками влажную землю, — это и есть такъ называе-

мые «грязные жаворонки» (mud larks). Но что же можно найти на этих бесплодных берегах? Несчастные собираютъ въ корзинки кусочки древеснаго угля и дерева, гвозди, а иногда и нѣсколько мелкихъ монетъ. Эти «грязные жаворонки» встрѣчаются на всемъ протяженіи отъ Воксгалля до Вульвича. Нѣкоторымъ изъ этихъ дѣтей не болѣе шести лѣтъ; почти всѣ старыя женщины чрезвычайно дряхлы, а жалкія лохмотья дѣлаютъ ихъ совсѣмъ отвратительными. Дѣти одѣты въ цвѣтныя рубашки, панталоны, поднятые до коленъ, и въ шапки, плетенныя изъ тростника. Однако большинство просто въ какихъ-то лохмотьяхъ. Эти молчаливыя, сосредоточенныя дѣти Темзы рѣдко разговариваютъ между собой и еще рѣже съ посторонними. Попросивъ милостыню, они истощаютъ весь свой словарь. Не смотря однако на неблагодарное свое ремесло, «жаворонки» питаютъ къ нему какую-то роковую привязанность. Одинъ изъ нихъ былъ помѣщенъ въ кузницу, но онъ тосковалъ, когда видѣлъ прежнихъ товарищей, бѣгущихъ ждать отлива. Кому-то удалось развязать его языкъ и онъ на яву сталъ бредить о корабляхъ, на всѣхъ парусахъ входящихъ въ Темзу, радостно вскрикивалъ при видѣ парохода, изъ котораго клубился паръ. Онъ бросилъ наконецъ кузницу и, увлекаемый непреодолимымъ влеченіемъ, возвратился на берега Темзы.

Третью группу уличнаго люда можно назвать «чистильщиковъ». Къ нимъ принадлежатъ мальчики, которые чистятъ сапоги прохожимъ, и дѣти, которыя подметають улицы Лондона.

На углу каждой улицы можно замѣтить мальчика, который уже съ ранняго утра стоитъ на своемъ постѣ и вынимаетъ щетки изъ небольшого четырехугольнаго ящика. Лишь только показывается прохожій, порядочно одѣтый, этотъ мальчикъ предлагаетъ ему свои услуги его вычистить. Почистивъ пальто, онъ подставляетъ подъ ногу джентльмена ящикъ и такимъ образомъ чиститъ ему сапоги. Эти мальчики необходимы въ Лондонѣ, гдѣ вѣчная слякоть, дождь и нескончаемое движеніе экипажей совершенно забрызгаютъ грязью пѣшеходовъ. Въ награду за услуги чистильщиковъ имъ даютъ пенни.

Ллойдъ.—Купцы Сити.—Черная книга.

Въ Лондонѣ, въ центрѣ Сити, возвышается каменное зданіе съ портикомъ, коринфскими колоннами, фронтономъ, статуями и башнями. Это лондонская биржа. Внизу находятся лавки, расположенныя одна возлѣ другой и которыя раздѣляются колоннами съ коринфскими капителями. Въ этомъ зданіи существуетъ бюро для тѣхъ, кто, отправляясь въ далекій путь, хочетъ застраховать свою жизнь; тутъ также страхуютъ дома и различную собственность противъ пожаровъ и кораблекрушеній. Но изъ всѣхъ этихъ учрежденій самое замѣчательное—«Ллойдъ». Ллойдъ вполне посвященъ мореплаванію и торговлѣ. Шекспиръ, этотъ сынъ торговой націи, еще въ XVI столѣтіи въ «Венеціанскомъ купцѣ» описываетъ человѣка, который только и думаетъ о своихъ корабляхъ на морѣ. Куда бы онъ ни пошелъ, онъ только и грезитъ о скалахъ и подводныхъ камняхъ, о которые могутъ разбиться его шелки и приности. Въ безпокойствѣ онъ срываетъ пучекъ травы, чтобы посмотрѣть откуда дуетъ вѣтеръ. А между тѣмъ тогда англійская торговля была только въ зародышѣ. Боязнь нынѣшняго купца Сити безпредѣльна: его жизнь тѣсно связана съ океаномъ и онъ никогда не можетъ спать спокойно. Если ночью разыгрывается юговосточный шквалъ, ему уже грезится раззореніе его семейства. Утромъ рано онъ бѣжитъ въ Ллойдъ, гдѣ онъ узнаетъ всѣ новости о своемъ кораблѣ. Сердце его сильно бьется, ноги подкашиваются, но если только онъ настоящій негодіантъ, онъ ни передъ кѣмъ не выкажетъ своей слабости. Онъ спокойно раскланивается со своими знакомыми, кого нужно забрасываетъ даже стереотипными вопросами о здоровьѣ и по-

годъ, между тѣмъ тысяча самыхъ тревожныхъ вопросовъ обуреваютъ его. Что-то говорить телеграфъ? Какіе корабли достигли отдаленныхъ портовъ? Какіе прибыли въ Англію? На эти вопросы и на многіе другіе онъ находитъ отвѣты уже написанными на стѣнахъ передней Ллойда. Листы и извѣщенія, выставленные въ рамкахъ, развѣшенныхъ по стѣнамъ, представляютъ морской бюллетень за весь день. Взойдя по высокой лѣстницѣ черезъ створчатую дверь въ огромную комнату, онъ подходитъ къ высокому пюпитру, на которомъ лежитъ «черная книга»,—въ ней занесены свѣдѣнія о всѣхъ погибшихъ корабляхъ. День за днемъ вы можете прослѣдить въ ней исторію кораблекрушеній всѣхъ англійскихъ кораблей. Число листовъ, покрытыхъ этими мрачными свѣдѣніями, сильно измѣняется смотря по времени года. Лѣтомъ и въ спокойное время довольно одной или двухъ страницъ для краткаго разсказа о трагическихъ событіяхъ на морѣ; между тѣмъ какъ зимой и вслѣдъ за большими вѣтрами иногда на двѣнадцати страницахъ вы найдете перечень о несчастіяхъ и потеряхъ. Языкъ этихъ депешъ отличается необыкновенною сжатостію: имя потонувшаго корабля, мѣсто его назначенія, чѣмъ онъ былъ нагруженъ, берега противъ которыхъ онъ исчезъ. Сколько людей спасено и сколько погибло въ морской пучинѣ—объ этомъ часто всего менѣе заботится «черная книга». Какъ ни умѣетъ владѣть собою англійскій негодіантъ, но если только товаръ его не застрахованъ, руки сильно дрожатъ, перелистывая страницы роковой книги.

Но почему же Ллойдъ всего скорѣе получаетъ морскія новости? Ассоціація негодіантовъ, которые такъ заинтересованы судьбою кораблей, имѣетъ своихъ агентовъ во всѣхъ частяхъ міра и во всѣхъ портахъ океана и Средиземнаго моря. Это учрежденіе снабжаетъ всѣ англійскіе журналы новостями, касающимися мореплаванія. Кромѣ того оно само издаетъ ежедневную газету подъ именемъ «Lloyd's list». Эта морская газета очень старинная, она издавалась уже въ 1745 году, когда Ллойдъ былъ еще кофейнею, гдѣ собирались купцы. Для того, кто чуждъ морскимъ предпріятіямъ, эта газета представляетъ мало интереса, но для купцовъ, судьба которыхъ связана съ мореплаваніемъ, она положительно необходима. Нѣкоторыя наблюденія, собранныя въ морѣ достоверными свидѣтелями и переданныя въ нѣсколькихъ строкахъ, напр. о томъ, что такой-то корабль въ виду мыса Горна встрѣтилъ ледяныя массы, заставляють спекулятора быть на сторожѣ и принять въ слѣдующую экспедицію различныя предосторожности. Кромѣ того такія извѣстія имѣютъ большое вліяніе на рынокъ всякій разъ, когда нужно застраховать какой-нибудь грузъ, который долженъ пройти тѣ-же мѣста. Морское страхованіе составляетъ главный предметъ дѣятельности Ллойда. Обычай гарантировать себя болѣе или менѣе остроумными мѣрами противъ опасностей на морѣ восходитъ къ весьма древней эпохѣ. Англичане давно поняли, что въ большихъ предпріятіяхъ необходимо раздѣлить между собою рискъ и потери, иначе были бы безпрестанныя банкротства. Но что же такое Ллойдъ? Это ассоціація негодіантовъ, судовладельцевъ, банкировъ и другихъ капиталистовъ, соединившихся между собою, чтобы благопріятствовать развитію мореплаванія и торговли, но особенно, чтобы противиться ущербамъ, причиняемымъ моремъ. Члены этой ассоціаціи собираются въ зданіе, которое мы только что описали и которое поэтому также называется Ллойдъ.

Страхованіе товаровъ вопросъ жизни для купца. Тотъ, кто беретъ на себя страхъ, долженъ принять во вниманіе множество обстоятельствъ: онъ ставитъ ставку противъ страшнаго игрока—противъ моря. Старъ или новъ корабль, изъ чего и кѣмъ онъ построенъ, какими товарами нагруженъ, въ какую часть свѣта и въ какое время года онъ отправляется, опытенъ-ли начальствующій имъ капитанъ—все это данныя, на основаніи которыхъ онъ дѣлаетъ свои рассчеты. Одно изъ важныхъ обстоятельствъ—состояніе атмосферы; на него приходится этимъ людямъ постоянно обращать вниманіе. Поэтому

посѣтителѣ Ллойда имѣютъ передъ глазами два чудесныхъ инструмента: барометръ и анемометръ, которые сами записываютъ полученные результаты, особенно анемометръ, одаренный автоматическимъ движеніемъ, означаетъ карандашемъ на бумагѣ силу и направленіе вѣтра въ каждый часъ дня и ночи. Во время бури эта невидимая рука, которая чертитъ таинственные знаки на стѣнѣ залы, переноситъ воображеніе на пиръ Валтасара, такъ какъ она тоже пишетъ рѣшеніе судьбы.

Тутъ есть особая комната, въ которой множество всевозможныхъ картъ на подвижныхъ рулькахъ. Слѣдующая комната занята огромною библіотекою. Въ громадной залѣ для чтенія находятся на всѣхъ языкахъ морскіе журналы, газеты и книги, однимъ словомъ вся литература морской торговли.

Какимъ образомъ можетъ существовать подобное учрежденіе, расходы котораго превышаютъ 10 тысячъ ф. ст. въ годъ. Ллойдъ существуетъ всего болѣе подпиской, ваносами членовъ и нѣкоторыми другими доходами. Къ тому же купцы Сити имѣютъ хорошее обыкновеніе всегда жертвовать большія суммы для этого учрежденія, когда ихъ корабль благополучно достигаетъ береговъ. Ассоціація Ллойда чрезвычайно богата: часть своихъ сбереженій она употребляетъ для вспомошествованія пострадавшимъ отъ кораблекрушеній, на защиту англійскихъ матросовъ и особенно на вознагражденіе людей, отличившихся въ спасеніи при кораблекрушеніяхъ.

Лондонскіе воры, полиція и правосудіе въ Англїи.—Англійскія тюрьмы.

Лондонъ, этотъ всемірный рынокъ, давно прїобрѣвшій себѣ такую громкую, всесвѣтную славу своими мануфактурами, великолѣпными парками, громадными зданіями, дворцами выставокъ, въ которыхъ сосредоточено все, что можетъ охватить человѣческій умъ, все, что можетъ дать наглядное и основательныя свѣденія по всѣмъ отраслямъ знанія, въ то же время издавна славится замѣчательною ловкостью и изобрѣтательностью своихъ воровъ и мошенниковъ. Воровство въ Лондонѣ приняло въ настоящее время огромные размѣры: насчитываютъ, что ежегодная стоимость наворованнаго простирается до 7½ милліоновъ рублей на наши деньги. Причина этого печальнаго явленія, разумѣется, лежитъ очень глубоко: въ пролетаріатѣ, въ народной бѣдности, въ чрезмѣрномъ развитіи крупнаго землевладѣнія, при чемъ на долю богатыхъ выпадаютъ всѣ преимущества зажиточнаго землевладѣльца, а на долю бѣдняка всѣ неудобства, всѣ несчастія безпрїютнаго бродяги. Но несомнѣнно, что скопленіе воровъ и мошенниковъ именно въ Лондонѣ много зависитъ также отъ чрезмѣрнаго населенія столицы и отъ расположенія кладовыхъ въ необитаемыхъ частяхъ города. Не мало этому способствуетъ—невообразимый лабиринтъ узкихъ переходовъ и переулковъ, которые перекрещиваются по всѣмъ направленіямъ. Чаше всего воровство происходитъ съ тележекъ, останавливающихся у кладовыхъ въ то время, когда возница зазѣвается, или отойдетъ въ сторону поговорить съ прїятеlemъ. Въ людныхъ мѣстахъ мошенники выжидаютъ наибольшаго скопленія людей въ одномъ мѣстѣ, давки, паденія лошади, брани извозчика съ сѣдокомъ, дрлки, сборища у магазина картинъ, при разѣздахъ изъ театровъ и баловъ. Нерѣдко являются они и въ церковь, когда тамъ идетъ какая нибудь особенно торжественная служба и чаще всего причащеніе. Разодѣтый по послѣдней модѣ, мошенникъ самъ готовится къ причастію и такъ усердно молится, что обращаетъ этимъ на себя вниманіе богато-разодѣтой леди съ сѣдыми бублями на вискахъ. Но вниманіе молодого человѣка привлекаютъ не сѣдые бублики милледи, а ея прекрасные часы, приколотые къ поясу брилліантовой булавкой. Онъ усиливаетъ усердіе къ службѣ и между тѣмъ тонкая, едва замѣтная проволока, точь-точь такого цвѣта, какъ сѣрое платье богатой старухи, съ небольшимъ крючкомъ на концѣ, нѣжно

касается ея булавки, и въ то время, какъ молодой человѣкъ приблизился къ ней, точно отъ внезапнаго толчка сзади, часы его сосѣдки, со всѣми драгоценными украшеніями, уже у него въ карманѣ. Подобныя продѣлки чаще всего происходятъ въ omnibusахъ. Въ наиболѣе населенныхъ частяхъ города въ omnibusъ садится мошенникъ со своею сообщницею въ длинной мантильѣ. Когда въ него входитъ богато-одѣтая дама, то эти два лица стараются дать ей мѣсто противъ мошенника, который нагло и въ упоръ начинаетъ смотрѣть ей въ глаза. Молодая особа волнуется, вспыхиваетъ, отворачивается, а въ эту минуту дама въ мантильѣ пускаетъ въ ходъ машинку, обрѣзаетъ у нея часы, нерѣдко снимаетъ браслеты и затѣмъ тотчасъ выходитъ изъ omnibusа, а за ней и ея кавалеръ. Болѣе всего обворовываютъ ювелировъ: шайка мошенниковъ, состоящая изъ нѣсколькихъ дамъ и мужчинъ, входитъ въ магазинъ, но, разумѣется, не вмѣстѣ, а по одиночкѣ или попарно и торгуютъ различныя драгоценности. Входя такимъ образомъ въ магазинъ черезъ каждыя 15, 20 минутъ, они даютъ дѣло всѣмъ прикащикамъ. Компанія, входящая послѣ другихъ, уже свободно можетъ наблюдать за вещами или ловко подмѣнить футляръ съ дорогими вещами пустымъ футляромъ, нарочно для этой цѣли купленнымъ. Нерѣдко ювелиры подвергаются нападеніямъ и съ улицъ. Одинъ мошенникъ или двое стоятъ на караулѣ, а третій, какъ они сами выражаются, *дѣлаетъ стекло*. Для этого служить алмазь, употребляемый стекольщиками, или перочиннымъ ножомъ пробуравливаютъ отверстіе сквозь замазку. Впрочемъ этотъ способъ они употребляютъ гораздо рѣже, чѣмъ слѣдующій: за два, за три дня до похищенія, мошенники разбиваютъ одно изъ стеколъ въ нижней половинѣ окна, и затѣмъ караулятъ, когда вставятъ новое стекло, потому что замазка бываетъ тогда мягка. Они прикладываютъ къ стеклу кусокъ кожи, намазанной смолой, такимъ образомъ не допускаютъ стекло до паденія и вынимаютъ его безъ всякаго шума. Во многихъ случаяхъ лондонскіе воры дѣйствуютъ по правиламъ акціонерныхъ обществъ: когда имѣется въ виду хорошая пожива, они складываются по 50 фунтовъ стерлинговъ съ человѣка. Мошенники этого рода иногда такъ обогащаются, что живутъ необыкновенно широко и роскошно и не только не возбуждаютъ подозрѣнія, а пользуются всеобщимъ уваженіемъ.

Но если воры доводятъ свое ремесло до совершенства, то и поимка мошенниковъ для полицейскихъ агентовъ обратилась теперь въ глубокомысленную науку. Англичане издавна отличаются страстью къ охотѣ, но нѣтъ добычи, которую бы они преслѣдовали съ большимъ рвеніемъ, остроуміемъ и находчивостью, какъ мошенниковъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть къ этому точно прирожденный талантъ, и замѣчательныхъ лондонскихъ слѣдственныхъ агентовъ еще не превзошли сыщики ни одной націи. При каждой части лондонской полиціи находятся нѣсколько чиновниковъ, которые называются слѣдственными и на которыхъ возлагаютъ самыя сложныя и трудныя обязанности. Эти слѣдственные агенты не только должны раскрывать покражи, но и предупреждать ихъ. Человѣкъ, посвятившій себя такой обязанности, долженъ изучить до малѣйшихъ подробностей характеръ и привычки вора, его изобрѣтательность, выраженіе его фізіономіи, значеніе каждой его улыбки, взгляда. Кромѣ глубокаго знанія человѣческой природы, такой человѣкъ долженъ обладать необыкновеннымъ присутствіемъ духа, для того чтобъ никогда не выдать себя ни жестомъ, ни словомъ. Ему необходимо приучить себя къ неутомимой дѣятельности и даже развить въ себѣ сценическія способности актера. Такому сыщику приходится играть всевозможныя роли, переодѣваться въ костюмы различныхъ сословій англійскаго народа и даже различныхъ націй.

Нерѣдко случается, что у богатой англійской лэди, во время званаго обѣда, когда гостей полонъ домъ и роскошный будуаръ запертъ на ключъ, — уносятъ брильянты, золото, жемчугъ. Между тѣмъ въ комнатѣ не произошло никакого беспорядка: не только

не поврежденъ замокъ, не вынута и не разбито стекло, но нѣтъ ни одной соринки на полу, никакого безпорядка на столѣ. Только взяты футляры съ драгоценностями и лишь по атмосферѣ, насквозь пропитанной всевозможными духами, можно догадаться, что тутъ были посторонніе люди, такъ какъ важная англійская лэди, можетъ допустить въ своемъ будуарѣ только тонкій, ароматическій запахъ какой нибудь одной эссенціи. Теперь запахъ несется изъ всѣхъ флаконовъ. Они были закупорены золотыми пробками и мошенники набили ими себѣ карманы и, желая показать хозянкѣ, что тутъ были джентельмены, которые понимаютъ хорошій тонъ, они sprysнули духами начатыя работы милэди, ея несесеры, подушечки. Лэди въ отчаяніи. Она посылаетъ за слѣдственнымъ агентомъ. Осмотръ этого господина продолжается не болѣе 5-ти минутъ, безъ всякаго шума и безъ всякихъ вопросовъ окружающимъ. Какъ любитель и знатокъ живописи, съ одного взгляда на картину узнаетъ художника, какъ гастрономъ, отвѣдавъ вино, опредѣляетъ его достоинство и цѣну, такъ точно и слѣдственный агентъ, по одному только взгляду на «работу», нападаетъ на виновниковъ мошенничества и почти въ ту же минуту постигаетъ *школу* или *стиль* этой работы.

«Какъ, вы уже собираетесь уходить?» спрашиваетъ его хозяйнѣ. «Да, сэръ, мнѣ больше нечего здѣсь дѣлать». — «А наша пропажа? Мы должны потерять всякую надежду?» — «Напротивъ, я имѣю твердую увѣренность напасть на слѣдъ мошенниковъ. По всему видно, что тутъ работалъ кто-нибудь изъ *танцовальной школы*».

Танцорами здѣсь называютъ особый родъ мошенниковъ. Нужно замѣтить, что всѣ мошенники раздѣляются на шайки и каждая шайка называется *школой*. Лондонскіе воры съ особенной любовью и надеждой смотрятъ на тѣ богатые дома, по сосѣдству которыхъ никто не живетъ. Въ такомъ домѣ они всегда нанимаютъ себѣ помѣщеніе на время, изучаютъ до малѣйшихъ подробностей привычки семейства, на которое они затѣваютъ скоро сдѣлать походъ; узнаютъ образъ жизни, время, расположеніе комнатъ, сводятъ знакомство съ прислугой. Затѣмъ черезъ чердакъ своего дома, незамѣтно съ улицы, пролѣзаютъ на сосѣдній чердакъ, открываютъ вѣрную лазейку въ потолокъ и спускаются въ комнату безъ всякаго шума, точь-въ-точь, какъ танцоры.

«Но скажите, есть ли какая нибудь надежда на возвращеніе украденныхъ вещей?» спрашиваютъ агента. — «О, да, если не всѣхъ, то очень многихъ. Нужно не терять времени: черезъ три, четыре часа они успѣютъ вынуть алмазы, брильянты, часто придать имъ другую форму и даже раздробить ихъ, чтобъ сдѣлать ихъ менѣе узнаваемыми, а оправу растопятъ въ слитокъ золота или серебра».

«О Боже!» вскрикиваетъ въ ужасѣ дама. — «Не бойтесь, милэди, я сейчасъ дамъ знать всѣмъ *фехтовальнымъ учителямъ*. *Фехтовальными учителями* называютъ людей, которые принимаютъ краденныя вещи.

Однако, отдавъ приказаніе своимъ товарищамъ слѣдить за *фехтовальными учителями*, агентъ и самъ не дремлетъ. Одѣтый не въ форменное, а въ самое обыкновенное платьѣ джентельмена, онъ спокойно прогуливается по улицамъ и наблюдаетъ, не дымится-ли гдѣ труба не въ обыденное время. И дѣйствительно: въ одномъ изъ домовъ, который, какъ онъ зналъ, еще мѣсяцъ назадъ былъ незанятымъ, въ трубѣ показалась струйка дыма. Онъ ждетъ, не выйдетъ-ли кто изъ дома, такъ какъ не имѣетъ ни малѣйшаго права безъ всякихъ доказательствъ вторгнуться въ домъ и обыскивать. Онъ это сдѣлаетъ только тогда, когда его подозрѣнія оправдаются многими фактами. Изъ заподозрѣннаго дома выходитъ поваръ. Агентъ подходитъ къ нему, проситъ его сжарить ему котлету, говоря, что только что пріѣхалъ изъ провинціи и до смерти боится ѣсть что-нибудь въ гостинницѣ, наслышавшись, что въ столицѣ самыя прекрасныя кушанья

подаютъ изъ самыхъ плохихъ матеріаловъ. Онъ общаетъ повару какую угодно цѣну за кусокъ хорошаго ростбифа.

«Но въ это время сэръ, въ частныхъ домахъ нѣтъ огня». — «Но изъ дома, изъ котораго вы вышли...» — Это господа сами себѣ что-то готовятъ. — «Хорошо,» говоритъ агентъ, чтобы не возбудить подозрѣнія и подавая повару гиней, «я сегодня какъ-нибудь обойдусь, а завтра пожалуйста постарайтесь».

Но этого ему еще мало, — онъ подстерегаетъ горничную, которая выходитъ изъ этого дома, спрашиваетъ ее о дорогѣ, говоритъ ей, что хочетъ нанять комнату въ томъ домѣ, изъ котораго она вышла, спрашиваетъ, не уступятъ ли ему жильцы небольшого помѣщенія и такимъ образомъ узнаетъ все, что ему нужно. Тогда уже съ полной увѣренностью онъ стучитъ въ дверь и на отказъ осторожнаго вора впустить его для какихъ-то переговоровъ, прямо говоритъ: «я васъ арестую именемъ королевы».

Слѣдственные агенты командированы иногда открывать воровства чрезвычайно запутанныя. Воръ не оставилъ послѣ себя ни малѣйшаго слѣда; но опытность агента слѣдственной полиціи прямо указываетъ ему путь, совершенно невозможный для обыкновеннаго человѣка. Въ гостинницѣ опустошили чемоданъ одного путешественника, и подозрѣвать кого-нибудь не было ни малѣйшаго повода. Агентъ уже выходилъ изъ спальни, въ которой стоялъ опустошенный чемоданъ, какъ вдругъ съ ковра онъ поднялъ рубашечную пуговку. Онъ тотчасъ сравнилъ ее съ пуговками рубашекъ, оставленныхъ въ чемоданѣ и оказалось, что она не подходила къ нимъ. Ни слова не говоря, онъ вышелъ изъ гостинницы, перемѣнилъ платье, увеличилъ баки, измѣнилъ нѣсколько фizioномію и съ пледомъ на рукахъ черезъ полъ часа вошелъ въ ту же гостинницу нанимать себѣ номеръ, какъ путешественникъ, только что пріѣхавшій съ желѣзной дороги и не подозрѣваемый слугами гостинницы, которые его только-что выпустили. Черезъ 10 минутъ онъ выходитъ изъ номера гулять, пропуская впередъ нѣсколькихъ дамъ и мужчинъ, — они не возбуждаютъ его подозрѣнія, но вотъ проходитъ молодой человѣкъ, прекрасно одѣтый, въ свѣжихъ перчаткахъ, какъ видно только что вышедшій на прогулку. Онъ какъ-бы нечаянно сталкивается съ нимъ на лѣстницѣ, проситъ у него извиненія и говоритъ ему: «вы кажется, сэръ, потеряли пуговку», наклоняется, поднимаетъ пуговку, которая у него все время была въ рукахъ и подаетъ ее господину. Этимъ самымъ движеніемъ онъ ловко сличаетъ эту пуговку съ пуговками щеголя и безъ всякаго колебанія говоритъ рожковое: «арестую именемъ королевы». — «Пожалуйста безъ шума», отвѣчаетъ ему на это поблѣднѣвшій щеголь и безпрекословно слѣдуетъ за агентомъ. Мошенникъ знаетъ, что всякое сопротивленіе тутъ напрасно и оно можетъ ему только повредить и огласить въ минуту его поступокъ въ гостинницѣ, такъ какъ именемъ королевы агентъ можетъ заставить каждаго слугу поступить съ нимъ такъ, какъ этого ему захочется.

Въ вокзалѣ желѣзной дороги закусываютъ дамы и мужчины щегольски одѣтые: поѣздъ только-что привезъ ихъ на одно изъ загородныхъ гуляній. Вмѣстѣ съ другими гостями также скромно сидятъ нѣсколько молодыхъ людей. Они разговариваютъ между собою и ждутъ заказанныхъ блюдъ. Но вотъ имъ подаютъ приборы, несутъ серебро и наконецъ подаютъ кушанье. Продолжая оживленный разговоръ, одинъ изъ нихъ, какъ-бы незамѣтно, барабанитъ по черенку серебряной вилки; другой уже нѣсколько позже, во время супа, точно случайно перевортываетъ ложку, гдѣ обозначена проба; третій, въ упоръ глядя на товарища, отрицательно качаетъ головой. Никто не понимаетъ этихъ знаковъ, да и понимать нечего: такъ естественно молодому человѣку, закусывая среди пріятелей и насвистывая себѣ подъ носъ, забарабанитъ по вилкѣ, у каждаго можетъ перевернуться ложка, наконецъ каждый можетъ улыбнуться пріятелю... Молодые люди выходятъ изъ-за стола, но въ ту минуту, когда они собираются оставить залу, къ нимъ выходитъ на встрѣчу

молодой человекъ весьма порядочной наружности. Онъ наклоняется надъ ними и только слышно для нихъ говорить отчетливо: «вы не останетесь на гуляньѣ и съ этимъ же поѣздомъ отправитесь въ Лондонъ. Впрочемъ я приду съ вами проститься»... и господинъ, вѣжливо приподнимая передъ ними шляпу, исчезаетъ въ толпѣ.

Черезъ полчаса раздается звонокъ и знакомые вамъ молодые люди садятся въ вагонъ. На дебаркадерѣ они дѣйствительно опять сталкиваются съ новымъ знакомымъ, который такъ деспотически лишилъ ихъ прогулки. Они улыбаются ему, приподнимаютъ шляпы и поѣздъ мчитъ ихъ въ столицу въ то время, когда они надѣялись разгуливать по парку.

Однажды въ одномъ изъ оптовыхъ магазиновъ въ Сити украли огромное количество батиста и шелковыхъ тканей. Послѣ продолжительныхъ розысковъ, открыли, что въ одномъ трактирѣ находилось складочное мѣсто воровскихъ вещей. Въ этомъ трактирѣ по большей части останавливались мясники, прѣзжавшіе изъ провинціи искать въ Лондонѣ мѣста. Одинъ изъ чиновниковъ слѣдственной полиціи переодѣвается мясникомъ и является въ этотъ трактирѣ, заявляя, что ему необходимо добыть себѣ мѣстечко въ столицѣ и простодушно, застѣнчиво и полусонно обращается къ присутствующимъ, упрасывая ихъ похлопотать за него при случаѣ. Его манеры, засаленная одежда, неповоротливость, застенчивость, жирно-напомаженные и гладко лежащіе волосы, все это ни на минуту не заставляло сомнѣваться, что онъ тотъ самый, за кого себя выдавалъ. Скоро новаго мясника сильно подлюбила компанія, посѣщавшая трактирѣ. Онъ такъ простодушно рассказывалъ о диковинкахъ, которыя онъ видалъ въ Лондонѣ, такъ отъ души заставляя смѣяться надъ своимъ невѣжествомъ своихъ новыхъ товарищей, такой простофилей выглядѣлъ иногда при ихъ разказахъ, такъ уморительно по деревенски пѣлъ и плясалъ передъ ними, что они совершенно довѣрились ему и нисколько не стѣснялись передъ нимъ. Между тѣмъ простодушный мясникъ, поплясывая и распѣвая, нетолько узнаетъ потаенную комнату, куда прячутъ мошенники свои вещи, но открываетъ многія другія преступленія, совершенныя ими, и концы которыхъ они умѣли ловко скрыть. Наконецъ, выслѣдивъ семерыхъ главныхъ воровъ и навѣрное узнавъ откуда достались краденныя вещи и кому онѣ передавались, агентъ-мясникъ даетъ знать своимъ товарищамъ, когда они лучше могутъ накрыть шайку мошенниковъ. Агенты слѣдственной полиціи явились въ трактирѣ и при общемъ арестѣ схватили своего товарища, переодѣтаго мясникомъ. Они заранѣе условились, чтобы онъ до послѣдней минуты разыгрывалъ свою роль. Трудно себѣ представить изумленіе воровъ въ судѣ, когда они увидѣли знакомаго имъ мясника въ костюмѣ полицейскаго чиновника: на лицѣ каждаго изъ нихъ отразились ужасъ и злоба.

Несмотря однако на ловкость и изворотливость чиновниковъ слѣдственной полиціи, число воровъ и мошенниковъ въ Лондонѣ съ каждымъ годомъ все болѣе увеличивается. Воровъ, извѣстныхъ полиціи, насчитываютъ болѣе 25 тысячъ, а подозрительныхъ людей болѣе 100 тысячъ. По справедливому замѣчанію одного писателя, воровъ и мошенниковъ въ Лондонѣ гораздо больше, чѣмъ было солдатъ въ той арміи, съ которой Англія завоевала Индію. Ясно, что какъ бы ни были искусны полицейскіе чиновники, они, при сравнительно незначительномъ количествѣ, не могутъ имѣть надзора и за 20-ю частію мошенниковъ столицы. Эта армія лондонскихъ мошенниковъ періодически наводитъ паническій страхъ на столичныхъ жителей. Въ такое время каждый день появляются въ газетахъ описанія самыхъ смѣлыхъ мошенничествъ, совершенныхъ нерѣдко среди бѣлаго дня, а отъ времени до времени и о душегубствахъ. И лондонскіе мошенники не брезгаютъ и бѣдняками. Не рѣдко читаешь въ газетахъ, что мошенники, въ такомъ-то переулкѣ, напали на женщину, очень бѣдно одѣтую, ударили ее въ голову дубиной или кистенемъ,

такъ что та безъ чувствъ свалилась на землю, отрѣзали ей косу и сорвали послѣднія лохмотья.

Отчаянная бѣдность англійскаго рабочаго люда нерѣдко заставляетъ его сдѣлать какое нибудь преступленіе, чтобы попасть въ тюрьму. Большая часть англійскихъ тюремъ содержитъ своихъ пациентовъ, поить и кормить ихъ гораздо лучше и питательнѣе, чѣмъ можетъ доставить это самъ себѣ рабочій люда своимъ заработкомъ. Почти въ каждой тюрьмѣ даютъ разъ въ день чай, супъ, кусокъ вывареннаго мяса, хлѣбъ съ сыромъ. Есть тюрьмы, въ которыхъ въ извѣстныхъ случаяхъ дается даже пиво. Особенно хорошо содержатъ арестантовъ въ Пентовильской тюрьмѣ: утромъ имъ даютъ шоколадъ на молокѣ съ отличнымъ бѣлымъ хлѣбомъ; обѣдъ изъ трехъ блюдъ превосходный; между тѣмъ половина англійскихъ рабочихъ ѣстъ мясо развѣ нѣсколько разъ въ году и вмѣсто супа имѣетъ совершенно непитательную похлебку. Правда, многихъ преступниковъ страшитъ въ тюрьмѣ одиночное заключеніе и безплодныя работы, придуманныя администраціею, какъ карательная мѣра для преступниковъ: нѣкоторыхъ изъ нихъ заставляютъ перетаскивать камни съ одного мѣста на другое, хотя это никому не нужно, другіе безъ всякой нужды цѣлыми днями должны вертѣть колесо, безъ всякой нужды перекладывать съ мѣста на мѣсто кирпичи и т. п. Такого рода наказанія считаются самыми тяжелыми и присуждаются самымъ главнымъ преступникамъ. Что же касается до остальныхъ, то среднимъ числомъ они работаютъ 10 часовъ въ день. Каждый арестантъ долженъ работать сообразно съ своимъ знаніемъ и ремесломъ. Каждому изъ нихъ ежедневно назначается опредѣленная работа, которую онъ непременно долженъ кончить въ извѣстный срокъ, иначе его лишаютъ пищи. Но случаи наказанія здѣсь чрезвычайно рѣдки: хорошая обстановка и мягкое гуманное обращеніе дѣлаютъ самыхъ отъявленныхъ негодяевъ чрезвычайно кроткими. Только страхъ, что ихъ опять выпустятъ на голодъ, холодъ и нищету заставляетъ ихъ совершать въ тюрьмѣ проступки. Но тюремное начальство не дремлетъ и старается какъ можно скорѣе выпустить заключеннаго. Дѣлаютъ это такъ потому, что содержаніе тюремъ обходится правительству очень дорого и еслибы оно еще удерживало, преступниковъ то нужно было бы открыть вдвое болѣе тюремъ.

Тутъ встаетъ вопросъ о правосудіи. Англія не имѣетъ свода законовъ. Законъ въ этой странѣ до сихъ поръ остался безпорядочнымъ собраніемъ всевозможныхъ древнихъ обычаевъ и постановленій, издававшихся въ теченіе девяти столѣтій; къ этимъ старымъ законамъ продолжаютъ прибавлять новые акты парламента, не измѣняя характера прежнихъ. Рядомъ съ законами, имѣющими одинаковую силу во всемъ королевствѣ, — въ каждомъ графствѣ, городѣ и мѣстечкѣ, существуютъ еще особые обычаи, которые имѣютъ силу закона, но такъ какъ ихъ чрезвычайно много и въ разныхъ мѣстностяхъ они различны, то обыкновенно они совершенно противорѣчатъ другъ друга. Къ тому же слѣды феодальныхъ традицій не совсѣмъ еще исчезли въ Англіи; наконецъ привилегіи, которыя давались государями нѣкоторымъ фамиліямъ, муниципалитетамъ, или корпораціямъ, пользованіе которыми сохранилось до настоящаго времени, краснорѣчиво объясняютъ вамъ, почему ни одинъ англичанинъ не рѣшится подписать никакого акта, не имѣя при себѣ одного, или даже двухъ повѣренныхъ. «Люди, рѣшающіеся въ Англіи начать какой-нибудь процессъ, должны запастись мужествомъ и энергіею храбрыхъ путешественниковъ, пускающихся въ странствованія по океану для открытія неизвѣстныхъ земель. Каждый шагъ въ англійской процедурѣ подвергаетъ васъ случайности вдругъ наткнуться на какую нибудь неожиданную опасность, непредвидѣнную не только вами и вашимъ повѣреннымъ, но и самимъ судьей, представителемъ правосудія». Можно привести множество примѣровъ тому, какъ упорно держатся англичане за привилегіи дарованныя имъ однажды, хотя бы въ настоящее время онѣ имѣли характеръ самый бессмыслен-

ный и безчеловѣчный. Возьмемъ любой примѣръ: три, четыре года тому назадъ, въ графствѣ Норфолькъ, у одного рыбнаго торговца, была выставлена на продажу великолѣпная стерлядь въ 60 фун. вѣсу. Она приводила въ изумленіе всѣхъ прохожихъ, которые останавливались и разсматривали замѣчательную рыбу. Вдругъ передъ торговцемъ замѣчательной стерляди появляется суперъ-интендантъ полиціи съ двумя агентами и требуетъ, чтобы онъ бесплатно отдалъ ему стерлядь. Изумленный торговецъ спрашиваетъ объясненія у полицменовъ, которые отвѣчаютъ ему, что такое требованіе основано на правѣ предоставленномъ съ давнихъ временъ городскому мэру брать всякую стерлядь, какая окажется въ городѣ. Купецъ не повѣрилъ и хотѣлъ было сопротивляться; тогда полицмены взяли рыбу и унесли ее въ домъ начальника. Конечно, не всякій рѣшится теперь пользоваться подобными правами, но кому вадумается не обращать вниманія на современные взгляды общества, тотъ можетъ никогда не забывать о своихъ привилегіяхъ и не стѣсняться мыслью, что они прежде всего напоминаютъ насиліе и дерзкій разбой среди бѣлаго дня.

Въ Англіи, чаще чѣмъ въ какой бы то ни было цивилизованной странѣ, самое наглое преступленіе, остается безнаказаннымъ. Это происходитъ потому, что англійское правительство чрезвычайно рѣдко беретъ на себя инициативу преслѣдованія. Для того чтобы виновный явился передъ судомъ, нужно, чтобы кто нибудь притянулъ его къ отвѣтственности. Между тѣмъ судебныя издержки обходятся здѣсь дороже, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и при запутанныхъ и темныхъ понятіяхъ о законѣ и правахъ, въ Англіи обыкновенно находится мало охотниковъ затѣвать процессы на свой страхъ и рискъ для того только, чтобы преступленіе не осталось безнаказаннымъ. Процессы, на которые приходится потратить отъ 70 до 100 тысячъ, — здѣсь вещь самая обыкновенная: «Сплошь и рядомъ преступленія почти явныя, недопускающія никакого сомнѣнія, остаются безнаказанными и даже не преслѣдуются правосудіемъ потому только, что не находится человѣка, который бы рѣшился завести дѣло, могущее обойтись ему очень дорого и кромѣ того навлечь на него тьму непріятностей. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ каждый, кто бы могъ и долженъ былъ явиться въ качествѣ истца, или обвиняющей стороны, умываетъ себѣ руки, предоставляя мошенникамъ и злодѣямъ свободу продолжать свои злодѣянія! Въ коммерческомъ мірѣ особенно имъ предоставленъ широкій просторъ. Когда банкирскіе, или торговые дома становятся жертвою какого-нибудь мошенничества, они обыкновенно записываютъ въ расходъ пропавшую сумму и тѣмъ поканчиваютъ съ этимъ, предпочитая даже крупную потерю непріятностямъ и еще болѣе крупнымъ расходамъ, сопряженнымъ съ преслѣдованіемъ виновнаго».

Что же касается до наказаній, опредѣляемыхъ англійскими законами за разныя преступленія и проступки, то онѣ отличаются не только жестокостью, но средневѣковымъ варварствомъ, самою возмутительною несправедливостью и беззастѣнчивою непропорціональностью между проступками и наказаніями. Часто за самый ничтожный проступокъ здѣсь приговариваютъ къ смертной казни, тогда какъ за тяжелое преступленіе нерѣдко присуждаютъ къ ничтожному денежному штрафу. Каждое судебное слѣдствіе даетъ этому множество примѣровъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: Томасъ Риккетъ, сбросившій свою жену съ лѣстницы, присужденъ къ штрафу въ 20 шиллинговъ, а Эллень Уингъ осуждена за кражу нѣсколькихъ занавѣсокъ на 10 мѣсяцевъ работъ. О'Нейлъ, нанесъ ударъ падчерицѣ, отъ котораго послѣдовала рана на животѣ въ 1½ дюйма длины, а затѣмъ параличъ всей ноги, — осужденъ на 4 мѣсяца тюремнаго заключенія, а Элиза Ральфъ, виновная въ воровствѣ простыни, — на 7 лѣтъ заключенія и т. п. до безконечности.

Приговоренныхъ къ смерти въ Англіи вѣшаютъ; но, кромѣ этой казни, тамъ существуетъ много самыхъ жестокихъ и самыхъ разнообразныхъ тѣлесныхъ наказаній.

Съченіе нигдѣ не примѣняется такъ щедро, какъ въ Англіи. Здѣсь сѣкутъ въ тюрьмахъ, сѣкутъ солдатъ за малѣйшую провинность, сѣкутъ во всѣхъ школахъ не только мальчиковъ, но и дѣвочекъ, нерѣдко даже вышедшихъ изъ дѣтскаго возраста. Пятнадцатилѣтняя дѣвушка—ученица старшаго класса въ чемъ-то провинилась передъ учителемъ музыки; ее зоветъ къ себѣ директриса школы: здѣсь съ нею снимаютъ нижнее платье, затѣмъ учитель музыки владетъ ее къ себѣ на колѣни, приподнимаетъ верхнее платье и не стѣсняяся производитъ экзекуцію.

Плеть до того часто гуляетъ по спинамъ солдатъ, что въ послѣднее время это возбудило даже въ обществѣ общее негодованіе. Чаше всего экзекуція производится «кошками». Одна изъ нихъ съ 120 узлами вырываетъ кусками тѣло со спины наказуемаго, а другая «кошка» съ 80 узлами, отъ ударовъ которой кровь только бѣжитъ ручьями. Въ прошломъ году, въ Гайдъ-Паркѣ, происходилъ огромный митингъ; онъ состоялъ преимущественно изъ рабочихъ, которые собрались, чтобы выразить свое порицаніе обычаю наказывать плетью, существующему въ арміи и флотѣ. На трибунѣ былъ устроенъ цѣлый складъ плетей; ораторы произносили рѣчи съ плетью въ рукахъ. Не смотря на ато, наказаніе кошками до сихъ поръ не отмѣнено.

К Л У Б Ы.

Характеръ прежнихъ клубовъ и ихъ вліаніе.—Нынѣшніе клубы.—Ихъ внѣшній видъ и замѣчательная роскошь.—Частные клубы.—«Греки и голуби».—Страсть къ пари и къ азартнымъ играмъ.—Чѣмъ объяснить пристрастіе англичанъ къ клубамъ.—Хорошія и дурныя стороны этихъ учрежденій.—Типъ «клубиста».—Его жизнь и надежды.—Таверны и клубы рабочихъ.

Ни въ одной европейской столицѣ нѣтъ ничего подобнаго англійскимъ клубамъ. Эти клубы прежде всего дають понятіе о странѣ, которая давно привыкла пользоваться свободными учрежденіями, граждане которой и въ мелочахъ не поступятся своими оригинальными нравами, привычками, а главное своею независимостью въ самомъ полномъ и широкомъ смыслѣ этого слова. Клубы въ Англіи существуютъ давно; устраивать ихъ прежде всего заставило желаніе каждаго англичанина какъ можно тѣснѣе сближаться съ людьми, сходными по своимъ убѣжденіямъ, наклонностямъ и характеру. Старинные лондонскіе клубы, также какъ и нынѣ существующіе, во многомъ наглядно представляютъ жизнь англичанъ различныхъ категорій. Въ исторіи клубовъ мы находимъ и исторію англійскаго національнаго характера и постепенный ходъ его развитія. Въ характерѣ прежнихъ клубовъ болѣе замѣтно веселое, остроумное, оживленное настроеніе старой «merry England» (веселой Англіи),—теперешніе клубы болѣе служатъ отраженіемъ практическаго современнаго англійскаго общества, съ его любовью къ роскоши и къ комфорту, съ его вполне сложившимися понятіями о самоуправленіи и дисциплинѣ.

Любовь къ клубу въ англичанинѣ такъ же сильна, какъ любовь къ семейству, къ отечеству, какъ и его потребность къ физическимъ и атлетическимъ упражненіямъ и наслажденіямъ. Клубы въ Англіи появились вмѣстѣ съ развитіемъ свободы. До царствованія Елизаветы ихъ не существовало. Первые клубы образовались въ Лондонѣ въ вѣкъ, называемый золотымъ вѣкомъ англійской поэзіи. Вѣроятно потому первыми клубами были клубы *литературные*. Вскорѣ послѣ нихъ явились *политическіе* клубы. Весь цвѣтъ интеллигенціи стремился какъ въ тѣ, такъ и въ другіе клубы: тамъ читали еще не появившіяся въ печати вещи, рассуждали о томъ или другомъ явленіи общественной жизни. Сдѣлаться членомъ клуба было уже достаточною рекомендаціей порядочности и таланта. На другой день послѣ собранія въ клубѣ въ городѣ только и говорили о томъ

или другомъ мѣткомъ словѣ, сказанномъ здѣсь, остротѣ или критикѣ. Эти первые клубы имѣли замѣчательно благотворное вліяніе: они способствовали къ возобновленію между гражданами общественныхъ связей, нарушенныхъ междуусобными войнами. Единодушіе и согласіе, почти совершенно исчезнушія въ пору народныхъ волненій, возстановились сперва въ клубахъ, а потомъ распространились на всю англійскую націю. Эти учрежденія были колыбелью свободы слова, которая составляетъ нынче главнѣйшую отличительную черту британскаго характера, которая, можно сказать, одно изъ славнѣйшихъ завоеваній этого народа. Мало того, клубы содѣйствовали развитію политической свободы, развитію самобытной личности англичанина, его терпимости къ чужому мнѣнію.

Объ эту пору въ клубахъ собирались побесѣдовать только вечеромъ. Рѣчи, остроты, нерѣдко ѣдкія замѣчанія порождали раздоры между членами. Тогда они рѣшились собираться между собой въ клубы обѣдать и завтракать. Появилось множество клубовъ съ названіями въ родѣ слѣдующихъ: «клубъ телячьей головы», «клубъ бифштекса», «клубъ угря». И дѣйствительно оказалось, что любовь къ хорошему мясу примиряла всѣ политическія, литературныя и философскія разногласія.

Съ каждымъ годомъ число клубовъ все возрастало, и скоро каждый англичанинъ, пріѣзжавшій въ Лондонъ, могъ выбрать себѣ клубъ, совершенно подходившій къ его привычкамъ, склонностямъ и понятіямъ. Если онъ имѣлъ флегматическій характеръ, онъ отправлялся въ «Hundrum Club». Тамъ при входѣ въ залу ему представлялась торжественная картина. Всѣ члены клуба сидѣли съ трубкою въ рукѣ, съ кружкою пива и хранили глубочайшее молчаніе. Между тѣмъ молчаніе это, какъ видно было, никого не стѣсняло. Можно было подумать, что это общество мудрецовъ или глухонѣмыхъ. Люди пообщительнѣе и любившіе поговорить вступали въ «клубъ болтливыхъ». Люди невѣрующіе или сомнѣвающіеся въ религіи или только въ нѣкоторыхъ ея догматахъ—вступали въ «клубъ философовъ». Но въ него допускались только тѣ, которые могли словесно представить какой нибудь серьезный доводъ, оправдывающій ихъ сомнѣнія. Удовлетворивъ этому требованію на первомъ собраніи, новый членъ вносилъ четыре пенса въ уплату за пуншъ и дѣлался постояннымъ членомъ клуба. Какими бы причудами не отличался человекъ, онъ всегда могъ найти товарищей, готовыхъ раздѣлять съ нимъ всѣ его странности. Любители птицъ собирались въ «клубъ птичниковъ», любители цвѣтовъ—въ «цвѣточномъ клубѣ», щеголи—въ «клубѣ красавцевъ», и тутъ болѣе всего говорилось о модахъ и нарядахъ; люди угрюмые и ворчливые записывались въ «угрюмый клубъ»,—тамъ они ворчали противъ всего и нападали другъ на друга. Ростовщики сходились въ тавернѣ, называвшейся «клубъ обрѣзаннаго фартинга» (мелкой монеты). Члены этого клуба изъ экономіи во время своихъ бесѣдъ сидѣли въ едва освѣщенной комнатѣ. Торговые люди, понесшіе потери, утѣшали другъ друга въ «несчастномъ клубѣ» (Infortunate Club). Нищіе собирались въ «нищенскомъ клубѣ». Рыночныя торговки въ «клубѣ плоскихъ чепцовъ». Разумѣется клубы людей бѣдныхъ не только не походили на нынѣшніе великолѣпные клубы, но по виду были хуже самыхъ плохихъ нынѣшнихъ тавернъ.

Было множество такихъ клубовъ, которые отличались необыкновенными странностями. Вотъ «клубъ лганья»: его первое правило непремѣнно лгать между шестью и десятью часами вечера. Кто скажетъ хоть слово правды, платитъ штрафъ; лгать требовалось чрезвычайно искусно. За неправдоподобный и грубовымышленный рассказъ точно также брали штрафъ. Президентъ клуба всегда сидѣлъ въ синей шапочкѣ съ краснымъ перомъ; но если кому нибудь изъ членовъ удавалось въ продолженіи вечера сказать ложь болѣе смѣлую и замысловатую, нежели ложь президента, онъ уступалъ своему побѣдителю кресло и знакъ своего достоинства. «Клубъ безобразныхъ» пользовался огромною

известностью. Онъ былъ основанъ въ Кембриджѣ въ царствованіе Карла II и начался обѣдомъ, къ которому были приглашены самые безобразные люди въ городѣ. Нѣкоторые изъ приглашенныхъ уклонялись отъ такой чести, тѣмъ не менѣе клубъ скоро состоялся. За пиршествомъ, которымъ открылся клубъ, одинъ изъ студентовъ королевской коллегіи, прозванный «ракомъ» вслѣдствіе своей невзрачности, принялъ званіе казначея. Выбрать президента было труднѣе, потому что всѣ отклоняли отъ себя эту честь. Правила клуба были написаны и вывѣшены на доскѣ. Никто не допускался въ члены, кто не имѣлъ какого нибудь поразительнаго физическаго недостатка. Новоизбранный, при своемъ вступленіи, угощалъ общество закускою изъ трески и произносилъ рѣчь въ похвалу Эзопа. Портретъ этого горбача вмѣстѣ съ другими знаменитыми уродами украшалъ залу собранія. Не меньшею популярностью пользовался «клубъ толстяковъ». Зала засѣданія этого клуба имѣла два входа: одинъ немного шире обыкновеннаго, а другой—большой, съ двустворчатыми дверями. Каждый, желающій сдѣлаться членомъ клуба, сначала проходилъ черезъ первый входъ; если по своей тучности онъ не могъ пройти въ него иначе какъ бокомъ, то его вели черезъ другой входъ, открывали для него двустворчатую дверь и онъ вступалъ въ залу при громкихъ рукоплесканіяхъ и при единодушныхъ крикахъ: «здравствуй, братъ».

Въ противоположность «клубу толстяковъ», былъ «клубъ худощавыхъ», затѣмъ «клубъ рослыхъ людей», «клубъ малорослыхъ». Во всѣхъ этихъ клубахъ всегда можно было слышать разсужденія о знаменитыхъ историческихъ личностяхъ, отличавшихся черезчуръ большимъ или малымъ ростомъ, тучностью, худобою или тѣмъ или другимъ безобразіемъ, названіе котораго носилъ клубъ. Всякое горе, несчастье, неудача, безобразіе не только находили себѣ товарища, вполне сочувствующаго, но и цѣлое общество себѣ подобныхъ несчастливцевъ, которые дружно, весело, отпуская направо и налево остроты, бодро смотрѣли въ глаза иногда зло подшутившей надъ ними природы. Многихъ, сильно унывавшихъ прежде и чуждавшихся общества вслѣдствіе своего безобразія, теперь ободряло сочувствіе другъ къ другу, шутовское отношеніе къ факту; а серьезныя разсужденія о знаменитыхъ историческихъ личностяхъ, страдавшихъ тѣми же недостатками, напоминали, что и имъ не закрытъ путь къ славѣ и величію.

Любовь служила также поводомъ образовывать клубы. Изъ нихъ особенно замѣчательные были: «клубъ обшитой кружевами перчатки» и «клубъ дыхателей». Чтобы быть принятымъ въ одинъ изъ этихъ клубовъ, необходимо было написать стихи, въ которыхъ кандидатъ обязанъ былъ излить свои чувства къ любимой особѣ. Членъ этого общества, входя въ залу, прежде чѣмъ раскланываться съ товарищами, кидался въ кресло, закрывалъ лицо руками и, съ отчаяннымъ паэосомъ произносилъ что нибудь въ этомъ родѣ: «Увы, что со мною! Я ее видѣлъ! Ничто не могло сравниться сегодня съ ея красотою! и т. п.». Другіе ничего не произносили, но, бросаясь въ кресло и испуская глубокій вздохъ, прижимали къ груди кусочекъ ленточки, кружевъ, перчатку. Послѣ этого вступленія членъ вскакивалъ и начиналъ опоражнивать рюмку за рюмкой и именно столько рюмокъ, сколько было буквъ въ имени особы, которую онъ любилъ.

Былъ клубъ (говорятъ онъ существуетъ и до сихъ поръ) «освистанныхъ театраловъ». Въ члены допускались только тѣ, которые имѣли какую нибудь неудачу на театрѣ, а именно драматическіе писатели и актеры. Чѣмъ полнѣе была неудача, чѣмъ сильнѣе былъ освистанъ актеръ или писатель, тѣмъ охотнѣе принимали его членомъ этого клуба. При своемъ вступленіи новый членъ имѣетъ право заказать на счетъ клуба самый прехвосходный, какой только задумается ему, обѣдъ. Президентъ общества носилъ въ петлѣ своего фрака серебряный свистокъ, составляющій гербъ клуба.

Вмѣстѣ съ описанными выше, совершенно безвредными, явились клубы, имѣвшіе

мрачный и опасный характер. Такъ напр. «клубъ дуэлистовъ», президентъ котораго въ разное время убилъ на дуэляхъ двѣнадцать человѣкъ. «Клубъ душегубцевъ», членами котораго допускались только лица, совершившія въ жизни хоть одно убійство. «Страшный клубъ», члены котораго носили необыкновенно длинныя шпаги. Къ счастью эти вредныя клубы существовали не долго: правительство и палачи скоро расправились съ ихъ отчаянными членами.

Нынѣшніе клубы во многомъ измѣнились. Прежнія скромныя, нерѣдко мрачныя и грязныя зданія клубовъ выросли теперь въ мраморныя дворцы. Нынѣшніе клубы раздѣляются на два разряда. Одни изъ нихъ устраиваются отдѣльными предпринимателями, которые, за известную плату при входѣ или за опредѣленный годовой взносъ, обязываются доставлять членамъ все для нихъ нужное. Другіе основываются на счетъ нарочно составившагося для этого общества; поэтому первые мы назовемъ частными, а вторые—общественными клубами. Частныя клубы называются по имени содержателя: клубъ Кроквфорда, Брукса, Уайта и Будля. Членами этихъ клубовъ нерѣдко бываютъ очень известныя личности въ парламентѣ и литературѣ и, не смотря на это, тутъ сильно распространены не только картежныя, но даже азартныя игры.

Хотя азартныя игры запрещены въ странѣ, но англичане всѣхъ слоевъ общества страстно любятъ посѣщать всевозможныя мѣста, гдѣ происходятъ такія игры, какъ наприм. пѣтушьи бои, травли крысъ, боксъ, бюро, гдѣ бьются объ закладъ и т. под. Трудно себѣ представить, до чего въ Англіи распространена страсть къ пари. Не только взрослые люди бьются объ закладъ, не только скачки даютъ возможность держать пари, но рѣшительно всякая малость даетъ къ этому поводъ, и даже между самыми маленькими дѣтьми распространена эта страсть. Завтракая, мальчикъ говоритъ товарищу: «угадай, сколько я съѣмъ хлѣбцевъ, будемъ биться объ закладъ на пенни.» «Пари-пенни», говоритъ дѣвочка, влѣзая на дерево, своему брату, «что въ этомъ гнѣздѣ три птенчика». И такъ до безконечности.

Вслѣдствіе картежной игры, въ этихъ клубахъ можно встрѣтить особый классъ людей, которыхъ называютъ «греками». Въ сущности они тоже англичане, только игроки по профессіи и люди далеко не безупречныя. Свое искусство они практикуютъ на глуповатыхъ сынкахъ богатыхъ родителей, которые посылаютъ въ эти клубы своихъ дѣтей, чтобы какъ нибудь заставить ихъ, завязать связи съ знатными людьми. «Греки» завязываютъ знакомство съ этими юношами, которые въ то же время выказываютъ желаніе играть, тѣмъ что въ началѣ нарочно проигрываютъ имъ. Дѣлаютъ это они для того, чтобы потомъ половче опутать ихъ; и дѣйствительно, эти юноши въ три, четыре года совсѣмъ увлекаются игрой и окончательно проигрываются. Молодыхъ людей, возлеченныхъ такимъ образомъ въ игру, называютъ «голубями». Содержатели клубовъ даютъ изрядное вознагражденіе «грекамъ» за то, что они приманиваютъ въ клубъ «голубей». Показывая въ началѣ простоватому юношѣ расположеніе и дружбу, «грекъ» начинаетъ обходиться съ нимъ съ пренебреженіемъ или вовсе его не замѣчаетъ, когда съ него нечего уже взять. Игрныя общества существуютъ также внѣ клубовъ, въ особыхъ помѣщеніяхъ, которыхъ не отыщешь безъ проводника, хотя они находятся обыкновенно въ самыхъ фешенебельныхъ улицахъ Вестенда. Одна такая компанія, только начавшая дѣло, не имѣла достаточно средствъ, чтобы нанять «грековъ» и принимать «голубей». Чтобы какъ нибудь поправить свои дѣла, они наняли отъ себя людей, которые играли съ посетителями и постоянно проигрывали. Несчастье этого игорнаго учрежденія сдѣлалось предметомъ общаго разговора въ салонахъ. «Голуби» рѣшились попробовать счастья и цѣлыми стаями слетѣлись въ этотъ игорный домъ: въ восемь недѣль ихъ обчистили здѣсь на 80 тысячъ ф. ст.

Гораздо болѣе распространены клубы общественные, члены которых собирают огромный капиталъ, нанимаютъ или строятъ домъ, приобрѣтаютъ все необходимое для общества. Хозяиство этихъ «клубныхъ домовъ», ихъ внѣшность и убранство, все поставлено здѣсь на аристократическую ногу. Путешественника, прихавшаго въ Лондонъ и посѣтившаго окрестности Сентъ-Джемскаго парка, болѣе всего поражаетъ видъ великолѣпныхъ зданій, возвышающихся въ недалекомъ разстояніи одно отъ другаго и придающихъ этой части столицы характеръ богатства и величія. Тутъ онъ найдетъ всѣ стили: греческій, римскій, итальянскій. Но его удивленію не будетъ границъ, когда онъ войдетъ въ улицу Пель-Мелль. Тутъ дворцы слѣдуютъ за дворцами, съ богатыми колоннадами, портиками, барельефами и другими архитектурными украшеніями. Это въ одно и то же время отели, кофейни, залы, мужскіе будуары, библіотеки, кабинеты для чтенія и для бесѣдъ. Болѣе другихъ поражаетъ своимъ великолѣпіемъ и грандіозностью «Карльстонскій клубъ», огромное зданіе котораго напоминаетъ библіотеку Св. Марка въ Венеціи. Колонны изъ краснаго полированного мрамора украшаютъ фасадъ зданія, надъ которымъ сдѣлана терасса, обнесенная баллюстрадой изъ обтесаннаго камня. Въ этой же самой улицѣ стоитъ «клубный домъ арміи и флота». Стѣны его украшены древними военными, сухопутными и морскими эмблемами.

Въ передней такихъ клубовъ два служителя: швейцаръ и его помощникъ. Они не впускаютъ никого, чье имя не внесено въ книгу. Эти два прислужника въ черномъ платьѣ и бѣломъ галстукѣ имѣютъ въ своемъ распоряженіи нѣсколькихъ пажей въ ливреяхъ, должность которыхъ исключительно состоитъ въ томъ, чтобы передавать письма и всякаго рода посланія членамъ клуба. Чтобы осмотрѣть зданіе внутри, нужна особая рекомендація. Входная зала въ «клубъ реформы» вся блеститъ мраморомъ и золотомъ. Съ мозаичнаго пола поднимаются колонны шафраннаго цвѣта, поддерживающія галерею и рѣзной потолокъ. Двери изъ дорогаго дерева ведутъ въ разные апартаменты: въ залу для чтенія, въ столовую, въ уборную. Окна всѣхъ комнатъ сдѣланы изъ цѣльнаго стекла, потолоки украшены фестонами и изящными карнизами, стѣны покрыты фресками, посреди висятъ блестящія люстры съ золотыми украшеніями, вездѣ стоитъ роскошная, удобная и подходящая къ назначенію комнаты мебель. Во второй, третій и четвертый этажи ведетъ лѣстница, на украшеніе которой строители не пожалѣли ни мрамора, ни денегъ.

Во всѣхъ клубахъ кромѣ залъ, гостинныхъ, библіотекъ и множества другихъ комнатъ, непременно существуютъ особыя комнаты для карточной игры, ванны и особыя курительныя комнаты. Курить дома считается у англичанъ высшихъ классовъ преступленіемъ, между тѣмъ какъ здѣсь это не только дозволено, но и совершается съ необыкновенными удобствами. Одинъ «союзный клубъ», извѣстный своимъ виннымъ погребомъ, истратилъ 50 тысячъ ф. ст. на устройство особаго колоссальнаго зданія для куренія. Вычислано, что въ продолженіи двухъ лѣтъ, съ 1852 до 1854, было истрачено клубами только на однѣ курительныя комнаты до 300 тысячъ ф. ст. Во всѣхъ клубахъ эти комнаты необыкновенно высоки и съ превосходно устроенною вентиляціею, которая дѣлаетъ массу дыма совершенно незамѣтною. Подлѣ этихъ комнатъ роскошныя умывальныя, гдѣ находятся разныя мыла и химическія вещества, чтобы умыться послѣ куренія и такимъ образомъ не оставить и слѣда запаха. Существуютъ даже особыя курительныя сюртуки.

Гостинныя въ большей части клубныхъ домовъ представляютъ такую роскошь убранства, что даже сами англичане считаютъ ее непомерною. Стѣны обтянуты парчею или бархатомъ, колонны изъ дорогаго мрамора, потолоки съ позолоченною лѣпною работою, полы устланы мягкими турецкими коврами. Во дворцѣ королевы Викторіи едва ли можно найти что нибудь болѣе изящное. Библіотеки отличаются множествомъ самыхъ избранныхъ книгъ, обширностью своихъ залъ, мраморными колоннами, украшенными

бронзовыми капителями. Въ третьемъ и четвертомъ этажѣ помѣщены биллиардныя. При постройкѣ клубовъ какъ будто имѣли задачей соединить въ нихъ характеръ аристократическаго замка со всеми подробностями самыхъ лучшихъ въ мірѣ гостинницъ. Поэтому среди роскоши не забыты и кухни, которыя представляютъ верхъ совершенства по чистотѣ, по особому устройству печей, вертѣловъ, по блеску и богатству кухонной посуды и по опрятности поваровъ. Однимъ словомъ, въ клубныхъ домахъ все устроено такъ, что люди живутъ въ нихъ точно въ волшебныхъ замкахъ.

Несмотря на множество клубныхъ домовъ, построенныхъ въ послѣднее время и ежегодно воздвигаемыхъ въ Лондонѣ, желающихъ сдѣлаться членами того или другого клуба въ пять разъ болѣе, чѣмъ это возможно по правиламъ. Въ каждое засѣданіе кандидаты толпами собираются въ эти дворцы. Лишь только открывается вакансія, назначается день баллотировки. Отъ выбираемыхъ въ члены джентльменовъ требуется ничѣмъ не запятнанное имя. Въ нѣкоторыхъ клубахъ достаточно одного чернаго шара на десять бѣлыхъ, а въ другихъ даже одного на все число бѣлыхъ, чтобъ быть отвергнутымъ. Среднимъ числомъ каждый членъ вноситъ при своемъ вступленіи 20 гиней и потомъ 10 гиней ежегодно. Разъ джентльменъ выбранъ членомъ клуба, онъ тамъ совершенно, какъ у себя дома: читаетъ, пишетъ, работаетъ, обѣдаетъ отдѣльно отъ другихъ, а когда хочетъ, то и съ кѣмъ нибудь вмѣстѣ, вступаетъ въ общій разговоръ или вѣчно молчитъ, какъ околдованный, пользуется всеми журналами и газетами. Къ своимъ услугамъ онъ имѣетъ каждую минуту толпу лакеевъ въ бархатныхъ ливреяхъ и въ шелковыхъ чулкахъ и множество пажей съ вызолоченными пуговицами на камзолахъ.

Клубъ управляется самъ собою при посредствѣ комитета, избираемаго изъ среды членовъ и состоящаго изъ тридцати или сорока человекъ. Всѣхъ членовъ отъ одной до полуторы тысячъ человекъ. Внутреннее устройство клубовъ и ихъ управленіе напоминаютъ представительное правленіе Англій. Хозяйственною частью распоряжаются сами члены, и такъ какъ запасы требуются въ большомъ количествѣ, то все покупается гораздо дешевле. Вслѣдствіе этого каждый изъ членовъ всегда можетъ имѣть по преісъ-куранту всѣ съѣстные припасы, всѣ жизненныя потребности, всѣ литературныя произведенія и всевозможную роскошь. Вотъ почему въ этихъ клубахъ самый превосходный обѣдъ можно получить за ту же цѣну, за какую даютъ самый скверный въ лондонскихъ гостинницахъ. А ужъ разумѣется ту сервировку, которою отличаются клубные дома, рѣдко имѣютъ лучшія гостинницы. Въ ярко освѣщенныхъ столовыхъ клубныхъ домовъ все блеститъ чистымъ золотомъ и серебромъ, вездѣ разставленъ настоящій хрусталь и фарфоръ. Кушанья подаются изъ кухни вверхъ посредствомъ машины, называемой подъемомъ. Въ составѣ служащихъ первую роль, разумѣется, играетъ поваръ. Это обыкновенно французъ, который живетъ чрезвычайно богато, ѣдитъ въ экипажахъ.

Клубъ, за небольшія средства, доставляетъ членамъ возможность окружить себя замѣчательною роскошью, комфортомъ, употреблять пищу лучшаго качества и наилучшимъ образомъ приготовленную, пить отиѣнные вина, слѣдить за всѣмъ, что выходитъ лучшаго въ литературѣ и въ наукѣ, какъ у себя такъ и во всемъ свѣтѣ. Уже одно пристрастіе англичанъ къ комфорту и хорошему столу заставляеть многихъ изъ нихъ искать возможности сдѣлаться членомъ какого нибудь клуба.

Нынѣшніе клубы, исключая развѣ немногихъ, носятъ уже менѣе оригинальныя названія. Какъ прежде, такъ и теперь, вмѣстѣ группируются люди болѣе или менѣе одного класса общества, однихъ понятій и убѣжденій. Вотъ «клубный домъ Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ». Тутъ собираются бывшіе воспитанники этихъ заведеній, люди посвятившіе себя наукѣ. Въ медальонахъ надъ окнами—барельефныя изображенія Гомера, Виргилія, Данта, Шекспира, Мильтона, Ньютона. Тамъ «клубный домъ

заповѣдовъ». Главный характеръ этого учрежденія состоитъ въ томъ, что оно имѣетъ особую залу для чтенія, гдѣ собраны всѣ журналы и множество сочиненій полезныхъ для юристовъ, кромѣ того есть еще особая библіотека избранныхъ книгъ и трактатовъ по разнымъ отраслямъ права. Въ «клубъ Атеней» сходятся всѣ знаменитости, люди науки и таланта. Право входа въ Атеней до сихъ поръ считается за особенную честь. Есть клубъ по преимуществу драматическій, члены котораго актеры, художники, пишущіе декорации, и драматическіе писатели.

Клубъ считается домомъ, семейнымъ святилищемъ, тайнъ котораго нельзя нарушить безнаказанно. Дерзость или насмѣшка надъ однимъ изъ членовъ, разглашеніе разговора, происходившаго въ клубъ, нарушеніе хотя однимъ словомъ довѣрія, которое, по мнѣнію англичанъ, должны имѣть люди благовоспитанные — служить поводомъ къ исключенію. Быть исключеннымъ изъ клуба за какія нибудь дразги считается позоромъ между порядочными людьми. Сближеніе съ людьми, болѣе или менѣе близкими по образу мыслей, пренія по всѣмъ вопросамъ литературы и политики — способствуютъ развитію краснорѣчія и поддержанію свободы слова. Какого бы мнѣнія ни держался клубъ, онъ въ глазахъ англійскаго закона такая же святыня, какъ и всякое частное жилище. Полиція, никогда не проникаетъ въ клубы; рѣшительно ни во что не вмѣшивается, хотя бы члены и высказывали мнѣнія совершенно антиправительственныя.

Сверхъ названныхъ клубовъ, члены которыхъ посвятили себя той или другой профессіи, есть еще «клубный домъ путешественниковъ». Въ него допускаются путешественники и иностранцы наиболѣе извѣстные своими общественными заслугами, или представляющіе уважительныя рекомендательныя письма. Англичане допускаются въ этотъ клубъ въ томъ случаѣ, когда представляютъ доказательства, что они путешествовали. Прежде чѣмъ сдѣлаться членомъ, каждый, хоть разъ въ жизни, долженъ по крайней мѣрѣ на 500 миль отъѣхать отъ Лондона. Чѣмъ болѣе человекъ путешествовалъ, тѣмъ скорѣе примутъ его въ этотъ клубъ. Страны, имъ посѣщенныя, путевыя приключенія, нравы жителей, встрѣча съ дикими животными — любимые предметы разговоровъ въ этомъ клубѣ. Здѣсь собираются наиболѣе образованные аристократы и цвѣтъ обоеихъ палатъ парламента. Въ «восточномъ клубѣ» собираются военные и гражданскіе чиновники, принадлежавшіе къ прежней Остъ-Индской компаніи; вышедши въ отставку, они встрѣчаются здѣсь со своими сослуживцами и вспоминаютъ свою прежнюю жизнь и свою службу. Любопытно взглянуть на нихъ, когда они въ сборѣ: ихъ смуглыя, загорѣлыя, грубыя и морщинистыя лица носятъ слѣды тропическаго солнца. Есть клубы различныхъ оттѣнковъ и партій: либеральныя, консервативныя и умѣренныя, хотя часто они и не носятъ этихъ названій. Существуетъ много клубовъ и безъ опредѣленнаго характера, члены которыхъ собираются только для того, чтобы быть въ обществѣ и хорошо пообѣдать. Есть клубы «актеровъ-любителей», члены которыхъ даютъ сценическія представленія не по ремеслу, а по любви къ искусству и непремѣнно съ благотворительною цѣлью. На ихъ представленіяхъ нерѣдко присутствуетъ весь дворъ. Молодые люди хорошихъ фамилій, получившіе университетское образованіе, посѣщаютъ «клубъ дебатовъ»: они прежде всего преслѣдуютъ здѣсь развитіе дара слова. Такіе клубы существуютъ во всѣхъ большихъ городахъ Англій. Они по большей части чужды вопросамъ политическихъ: въ нихъ разсуждаютъ о предметахъ права, нравственности, литературы. Въ одномъ изъ такихъ клубовъ былъ предложенъ вопросъ: какое чувство доставляетъ человеку больше удовольствія — обоняніе или вкусъ? Когда молодые ораторы истощили всѣ доказательства pro и contra и уже были утомлены, одинъ изъ нихъ, говорившій въ пользу вкуса, попросилъ вошедшаго слугу о стаканѣ пунша. Онъ выпилъ его залпомъ, и поднося пустой стаканъ

къ носу пріятеля, говорившаго за обоняніе, сказалъ: «а вы понюхайте и скажите, кто изъ насъ двоихъ теперь правъ». Всѣ зааплодировали и расхохотались.

Но никто не отличается теперь такою оригинальностью, какъ «альпійскій клубъ», девизомъ котораго служить, «кто выше ваберется». Каждый членъ клуба старается принести сюда какой-нибудь осколокъ скалы съ вершины той или другой гигантской горы. Изъ нихъ нѣтъ ни одного, который бы сотню разъ не подвергалъ свою жизнь величайшимъ опасностямъ. Члены клуба—все смѣльчаки, которые приводятъ въ изумленіе даже альпійскихъ проводниковъ и охотниковъ. Тутъ только и слышишь разговоры о неприступныхъ вершинахъ, по которымъ приходилось взбираться, о глубокихъ пропастяхъ, глетчерахъ и узкихъ ущельяхъ. Здѣсь вы хорошо можете познакомиться съ опасностями и страданіями, сопряженными съ подобными путешествіями.

Множество клубовъ, существующихъ въ Англіи, показываютъ, до какой степени эти учрежденія соотвѣтствуютъ потребностямъ и характеру британца. И дѣйствительно; они такъ устроены, что какъ нельзя лучше подходятъ къ понятіямъ и нравамъ англичанъ. Никто не умѣетъ такъ строго распредѣлить своего времени, какъ англичанинъ. Онъ чрезвычайно много работаетъ, но всегда находитъ время и отдохнуть. Въ часы, назначенные для труда, онъ работаетъ, не разгибая спины, напрягая всѣ умственные и физическія силы, въ свободное время — онъ вполне отдается удовольствіямъ. Поэтому весь день до обѣда, т. е. до пяти, шести часовъ, онъ занимается въ клубѣ, дома или въ конторѣ; вечеромъ онъ непременно отдыхаетъ въ клубѣ среди товарищей, и при этомъ какой стихъ на него найдетъ, такъ онъ и проводитъ свое время: или въ оживленной бесѣдѣ, или въ самомъ глубокомъ молчаніи. Англичанинъ все любитъ дѣлать основательно: примется говорить, такъ говоритъ много и красно, а ужъ начнетъ молчать, такъ не проронитъ ни слова. Разъ онъ замѣчаетъ, что сосѣдь его собирается промолчать весь вечеръ, — онъ ни за что не заговоритъ съ нимъ и отходитъ отъ него съ полнѣйшимъ уваженіемъ; точно также требуетъ онъ, чтобы и его молчаніе было уважено. Нигдѣ, кромѣ англійскихъ клубовъ, нельзя найти двухъ людей, встрѣчающихся каждый вечеръ въ продолженіи двухъ, трехъ лѣтъ и не проронившихъ между собою ни одного слова. Скажу еще больше: только въ одной Англіи можно найти людей, которые встрѣчаются другъ съ другомъ десятки лѣтъ чуть не каждый вечеръ и которые не говорятъ ни о себѣ, ни о своей семьѣ. Часто, вступая между собою въ споры по поводу различныхъ вопросовъ, они болѣе чѣмъ кто нибудь умѣютъ оставить въ тѣни свою личность. Англичанинъ чувствуетъ сильную потребность въ обществѣ, но никто лучше его не умѣетъ уединяться среди многочисленныхъ друзей. Не нарушая приличія, по понятіямъ своей страны, онъ умѣетъ отлично быть самъ собою среди огромной толпы, предаваться своимъ размышленіямъ, дѣлать все, что ему угодно, никогда не стѣсняя ни себя ни другихъ.

Распространеніе клубныхъ домовъ породило въ англійскомъ обществѣ чрезвычайно любопытный типъ «клубиста». Для него ничего не существуетъ внѣ его клуба, и человекъ, не принадлежащій ни къ какому клубу, для него не человекъ. Онъ изъ клубнаго дома сдѣлалъ свой родной кровъ, свое гнѣздо, свое общество. Онъ только не ночуетъ въ немъ, но за то проводитъ буквально весь день, съ девяти часовъ утра до полуночи. Тамъ онъ дѣлаетъ свой туалетъ по утру, работаетъ, получаетъ депеши, пишетъ письма, читаетъ журналы, прогуливается изъ зала въ залъ, стоитъ по цѣлымъ часамъ у окна. Если вамъ придется проходить мимо одного изъ клубовъ, вы всегда увидите въ окнѣ его самодовольное лицо. Такой человекъ скорѣе забудетъ, какъ идутъ его собственныя дѣла, но за то онъ всегда знаетъ до мелочей все, что относится къ его клубу. Онъ обращаетъ вниманіе на всѣ закупки и на всѣ хозяйственныя заботы, на все смотреть, какъ на свое личное дѣло, какъ на свой доходъ и убытокъ. Спросите его, въ какой годъ, въ какой

мѣсяцъ и день лучшее бордосское вино клуба разлито по бутылкамъ, и онъ отвѣтитъ вамъ безъ запинки. Для него нѣтъ ни завтраковъ, ни обѣдовъ лучше тѣхъ, которые подаютъ ему на мраморномъ столѣ его клуба, всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ; его долговременная опытность даетъ ему возможность съ точностью барометра угадывать тѣ бури и оживленные споры, которые должны будутъ возникнуть по поводу того или другого явленія, того или другого вопроса. Онъ превосходно изучилъ характеръ каждаго члена и, бросивъ только бѣглый взглядъ на собраніе, онъ въ ту же минуту угадываетъ результатъ спора и цифру большинства. Всѣ его разговоры начинаются словами: «клубъ полагаетъ», «клубъ хочетъ», «клубъ не согласится», «клубъ постановилъ». Если ему приходитъ мысль о смерти, онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что кто нибудь изъ членовъ позаботится о его погребеніи, что имя его будетъ красоваться въ клубѣ на доекѣ въ спискѣ «опочившихъ». Это его эпитафія, надгробное слово, тщеславіе и надежды.

Самые образованные люди страны считаютъ учрежденіе и распространеніе клубовъ наиболѣе полезнымъ введеніемъ въ общественную жизнь. Клубы даютъ возможность жить хорошо, дешево и беззаботно. Наслаждаясь всѣми выгодами цивилизаціи и самой комфортабельной житейской обстановкой, членъ клуба не имѣетъ нужды надзирать за слугами, заботиться о хозяйствѣ. Въ клубѣ онъ можетъ вести жизнь такую независимую, какая невозможна даже въ семействѣ, а англичанинъ прежде всего цѣнитъ въ жизни независимость. Онъ обѣдаетъ въ клубѣ, когда и какъ хочетъ, пользуется обществомъ, которое не налагаетъ на него никакихъ обязательствъ: ни визитовъ, ни приѣмовъ у себя и соединенныхъ съ этимъ расходовъ. Наиболѣе гуманные люди страны находятъ плодотворное вліяніе клубовъ въ томъ, что они постепенно сближаютъ людей различныхъ классовъ общества. Если теперь вы видите у камина клуба въ одушевленной бесѣдѣ епископа вмѣстѣ съ простымъ викаріемъ англійской церкви, ученаго, художника, литератора подлѣ пары королевства, то это сближеніе произошло только вслѣдствіе распространенія клубовъ. Еще тридцать лѣтъ тому назадъ, эти люди, столь различные по положенію, не могли сидѣть вмѣстѣ, не могли безъ особенной нужды вести общую бесѣду: тогда одна мысль о такомъ сближеніи была уже признакомъ скорого и бѣдственнаго общественнаго переворота. Постоянное сближеніе между джентльменами всевозможныхъ политическихъ отбѣнокъ нѣсколько сбило спѣсъ, которою такъ отличалось дворянство старой Англій.

Несмотря на желаніе весьма многихъ англичанъ, которые уже не разъ серьезно подымали объ этомъ вопросъ, женщины не допускаются въ клубы. Можетъ быть вслѣдствіе этого, а можетъ быть женщины имѣютъ и еще болѣе основательныя причины, но онѣ во многомъ отношеніи приписываютъ клубамъ дурное вліяніе на нравы общества. Болѣе всего онѣ обвиняютъ клубы за то, что они постепенно затягиваютъ мужчинъ въ клубную жизнь. Увлечшись клубами, говорятъ онѣ, мужчины все холоднѣе и равнодушнѣе относятся къ семейнымъ интересамъ, къ женѣ и дѣтямъ. Но самое серьезное и основательное обвиненіе заключается въ томъ, что клубы такъ удовлетворяютъ неженатыхъ людей, что у нихъ рождается склонность вѣчно вести холостую жизнь.

Что касается до мелкихъ торговцевъ и нисшихъ классовъ общества, то они проводятъ свое свободное время въ тавернахъ. Такихъ тавернъ въ Лондонѣ очень много. Въ эти таверны собираются люди простаго класса, чтобы потолковать о политикѣ, обмѣняться мыслями и выпить стаканъ пива. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, простой классъ изощряется въ краснорѣчіи и тутъ образуются молодые ораторы, которые впоследствии иногда играютъ видную роль на народныхъ митингахъ. Но оригинальнѣе всего то, что собравшіеся нерѣдко уговариваются между собой разыграть цѣлый процессъ. Одного изъ присутствующихъ выбираютъ играть роль президента, другіе берутъ на себя роли адвокатовъ и свидѣтелей. Къ такому процессу, точно также какъ и къ театральной

песѣ, дѣйствующія лица приготавливаются нѣсколько дней. О днѣ процесса актеры-адвокаты оповѣщаютъ своихъ товарищей, и публики во время процесса набирается такъ много, что устроители берутъ съ нея за входъ небольшую плату. Судья и адвокаты засѣдаютъ въ парадныхъ мантияхъ и парикахъ, совершенно такъ, какъ это дѣлается въ дѣйствительныхъ судахъ Англїи. Эти вымышленные процессы въ большинствѣ случаевъ берутъ содержаніе изъ дѣйствительныхъ судовъ Лондона или разыгрываютъ передъ публикой важные процессы, только что возбужденныя особенное вниманіе. Иногда дѣйствующими лицами попадаются люди талантливые, и тогда въ смѣшномъ, юмористическомъ видѣ вамъ представляется безпощадная критика англійскаго судопроизводства. Нерѣдко эти ораторы и въ серьезной формѣ высказываютъ дѣльные мысли по поводу того или другаго общественнаго явленія.

Рабочіе классы тоже начинаютъ все болѣе устраивать клубы. Въ такихъ клубахъ есть комната комитета, комната для бесѣдъ, умывальная комната, газетная, библіотека и зала, гдѣ читаютъ элементарныя лекціи по всѣмъ предметамъ. Конечно, тутъ нѣтъ блеска клубовъ Вестъ-Энда, но всѣ комнаты «клубовъ рабочихъ» чисты, хорошо освѣщены газомъ, доставляютъ рабочему возможность читать всѣ газеты и доступныя для него книги и ѣсть за дешевую цѣну хорошій обѣдъ. Эти клубы имѣютъ возможность доставлять все необходимое своимъ членамъ, потому что они, какъ и клубы высшихъ слоевъ общества, управляются выборными изъ среды членовъ, которые сами хозяйничаютъ и присматриваютъ за всѣмъ. Плата, которую вносятъ члены въ разныхъ клубахъ, различна: отъ одного пенни (около трехъ копѣекъ) въ недѣлю, до семи пенсовъ. Внешній эту небольшую плату рабочій можетъ имѣть чай, кофе, обѣдъ, по той же цѣнѣ, какъ они сами обходятся клубу. Эти учрежденія приносятъ особенную пользу холостымъ рабочимъ. Въмѣсто того, чтобы въ свободное время бѣжать въ питейный домъ, рабочій идетъ теперь въ такой клубъ, гдѣ онъ можетъ провести свое время не только пріятно, но и чрезвычайно полезно. Люди наиболѣе образованные и развитые, стараются о распространеніи этихъ рабочихъ клубовъ, такъ какъ ихъ до сихъ поръ еще весьма и весьма недостаточно.

Какъ проводятъ англичане воскресенье.—Проповѣди въ церквахъ и уличные проповѣдники.

Воскресенье единственный день, когда британская столица сдерживаетъ на нѣсколько часовъ свою неугомонную суету и движеніе и предается официальному умиленію, обязательной скукѣ. Въ эти дни запрещены музыка, танцы, театры, игра въ карты; всѣ магазины, всѣ лавки заперты крѣпко на крѣпко. По постановленіямъ англиканской церкви, въ этотъ день нельзя ни гулять, ни принимать никого у себя, ни играть на какомъ бы то ни было инструментѣ, ни брать картъ въ руки, однимъ словомъ нельзя ни развлекаться, ни заниматься чѣмъ бы то ни было. Это правило распространяется также и на дѣтей, которымъ въ этотъ день точно также запрещаются самыя невинныя игры и забавы.

Фанатическій педантизмъ, съ которымъ здѣсь празднуютъ воскресенье, превосходитъ даже фанатизмъ евреевъ, которые запрещаютъ въ субботній день работы, но допускаютъ удовольствія; англичане возстаютъ противъ того и другаго. Еще недавно нѣсколько знатнѣйшихъ фамилій королевства были осыпаны въ газетахъ бранью за то, что они, устраивая у себя концерты и балы по субботамъ, долго засиживались съ гостями за полночь, когда наступалъ уже воскресный день, и такимъ образомъ слѣдовательно оскверняли его при самомъ наступленіи.

Утромъ еще можно видѣть идущихъ въ церковь, но послѣ окончанія службы улицы совсѣмъ пустѣютъ. Богъ знаетъ куда исчезаютъ извозчики, многочисленные кэбы и омнибусы. Даже желѣзныя дороги не ходятъ до втораго часа. Мало того, всѣ теле-

графныя бюро, кромѣ двухъ, трехъ центральныхъ, закрываются; да и тѣ, которыя открыты, пожалуй и примуть телеграмму, но все равно не пошлютъ ее до понедѣльника. Почта тоже въ бездѣйствіи: вы можете опустить свое письмо, но будьте увѣрены, что оно пролежитъ до другого дня. Если вы иностранецъ и не закупите зелень, мясо, хлѣбъ въ субботу, — въ воскресенье вамъ нечего будетъ ѣсть. Въ очень многихъ семействахъ кушанья готовятъ наканунѣ и въ воскресенье подаютъ все холодное и сухое. Уличная музыка не раздается до самаго вечера, даже газеты не выходятъ, кромѣ трехъ, четырехъ специально воскресныхъ изданій. Кого крайняя необходимость заставляетъ выйти на улицу, тотъ идетъ тихо, нѣсколько опустивъ голову, точно желая выказать этимъ свое крайнее самоблѣзнованіе, что обстоятельства заставили его поступиться такимъ священнымъ обычаемъ.

Заунывный звонъ стонетъ надъ всѣмъ городомъ. Утромъ въ воскресенье каждый долженъ непременно отправиться въ церковь, слушать проповѣдь и затѣмъ проводить весь день въ чтеніи библіи и въ назидательныхъ бесѣдахъ между своими. И этому *заказному благоговію* предаются всѣ, и знатные и простые, и богатые и бѣдные, — никто не смѣетъ выйти изъ рамокъ чтенія этого дня, предписаннаго еще предками.

Зайдемъ съ другими въ церковь: читаютъ и поютъ пѣвчіе подъ звуки органа. Служба проходитъ чинно и холодно: англичане сидятъ неподвижно безъ всякаго участія. Удивительный контрастъ съ католическою службою и внѣшнею обстановкою ихъ храма. Тамъ все блеститъ украшеніями, картинами лучшихъ художниковъ, ужасающими изображеніями ада; женщина съ сверкающими глазами, нерѣдко съ вдохновеннымъ лицомъ, распростертая ницъ или на колѣняхъ, вся отдается молитвѣ: по щекамъ льются горячія слезы, она рыдаетъ, бьетъ себя въ грудь. Совсѣмъ не то у англичанъ: вы не замѣтите, какая часть службы ихъ болѣе трогаетъ; лица, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, вовсе время службы, остаются холодными, безъ движенія. Не даромъ въ книжкахъ для первоначальнаго чтенія авторы внушаютъ правила благопристойности своимъ дѣтямъ: «Въ церкви не вставай и не дѣлай поклоновъ не во время, а смотри, какъ дѣлаютъ это другіе».

Во всѣхъ церквахъ въ этотъ день говорятъ проповѣди: Англія по преимуществу страна проповѣдей, хотя, нужно сознаться, проповѣдей, нагоняющихъ сонъ. Но это относится лишь къ англійскимъ священно-служителямъ, уличныхъ же проповѣдниковъ чрезвычайно любопытно посмотрѣть и послушать. Проповѣди въ церкви говорятъ обыкновенно монотонно, торжественно и высказываютъ въ нихъ вещи, извѣстныя каждому, чуть не изъ прописей.

Въ воскресенье, особенно въ восточной части города, устраиваются разнаго рода молитвенныя выставки: въ одномъ мѣстѣ сидятъ члены какого нибудь общества и поютъ молитвы передъ глазами зѣвающей публики; въ другомъ, гдѣ нибудь подъ воротами, стоитъ передъ народомъ на колѣняхъ какой нибудь господинъ и, закрывши глаза, завывающимъ голосомъ произноситъ молитву, а тамъ евангелическій проповѣдникъ изъ Америки неистово бросается то въ одну сторону, то въ другую, подвигается то назадъ, то впередъ, описываетъ даже круги, такъ что только развѣваются фалды его сюртука, а онъ съ отчаянными жестами неистово проповѣдуетъ о вѣчной жизни. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него господинъ въ черномъ сюртукѣ, съ черной шляпой въ одной рукѣ, съ библіею въ другой, съ зонтикомъ подъ мышкою читаетъ ту или другую главу библіи многочисленной публикѣ, его окружившей. Другой, стоя на деревянной скамейкѣ и страшно жестикуючи, кричитъ: «васъ заставляютъ работать не въ мѣру, и въ тоже время эти господа, которые прежде всего благоденствуютъ вслѣдствіе вашихъ непомерныхъ трудовъ, презираютъ васъ. Почему? потому что у васъ нѣтъ круглой шляпы, перчатокъ и манжетъ... Вы

не джентльменъ, говорятъ они, и этого достаточно для нихъ, чтобы брезгать вами... Передъ Богомъ всѣ равны—джентльмены и неджентльмены, лордъ и ремесленникъ. Онъ отличаетъ только тѣхъ, кто больше трудится, а едва ли первый трудится больше второго».—Еще бы, кричать въ толпѣ.—Нерѣдко можно слышать и женщинъ проповѣдницъ той или другой секты. Уличныхъ проповѣдниковъ и проповѣдницъ можно встрѣтить въ этотъ день рѣшительно вездѣ: по дорогамъ, на улицахъ, въ Гайдъ-паркѣ. Публика, окружающая ихъ, состоитъ далеко не изъ одного простаго класса. Каждый, кто, проходя мимо, слышитъ слова псалма или проповѣди, считаетъ своею обязанностью благоговѣнно склонить голову и подойти послушать. Пусть предметъ, о которомъ говоритъ проповѣдникъ, еще съ дѣтства отлично знакомъ слушателю, тѣмъ не менѣе онъ съ полнымъ вниманіемъ будетъ слушать проповѣдь до конца. Какого бы пола и возраста ни былъ англичанинъ, на всѣ гимнастическія упражненія онъ смотритъ, какъ на главную поддержку здоровья, а на проповѣди и на душеспасительныя бесѣды, какъ на гимнастику души, какъ на поддержку доброй нравственности. Аккуратное посѣщеніе церквей по воскреснымъ днямъ, чтеніе библіи, слушаніе поученій,—все это не только обязательно для англичанина, но этого требуетъ даже приличіе. Щепетильные въ своихъ словахъ и выраженіяхъ, англичане дѣлаются особенно щепетильными по воскреснымъ днямъ. Боже сохрани употребить въ обыкновенномъ разговорѣ слова, встрѣчающіяся въ священномъ писаніи: рай, адъ, чистилище; употребленіе ихъ въ шутку считается верхомъ легкомыслія. Произносить эти слова англичане считаютъ необходимымъ не иначе, какъ подымая глаза къверху и выражая на своей физиономіи благоговѣніе. Эта религіозная чопорность ведетъ часто къ лицемѣрію. «Я знаю», говоритъ одинъ писатель, «одного толстаго англійскаго негодіанта, который пріѣзжаетъ два раза въ годъ въ Парижъ по своимъ дѣламъ: онъ тамъ очень веселъ и забавляется по воскресеньямъ, не стѣсняясь, также какъ всѣ другіе. Пріѣзжаетъ къ нему въ Лондонъ его парижскій знакомый; онъ былъ прекрасно имъ принятъ, и въ воскресенье, сойдя въ гостиную, вадумалъ толкнуть шаръ на билліардѣ. Встревоженный негодіантъ тотчасъ же остановилъ его: «какой скандалъ, что если сосѣди услышатъ!» Его религія официальный костюмъ».

Когда на городской башнѣ бьетъ пять часовъ, всѣ двери и балконы растворяются, отовсюду подымается шумъ и толпы народа высыпаютъ на улицу и отправляются на различныя гулянья. Но что-же однако дѣлаютъ англичане до пяти часовъ, когда главы библіи, предназначенныя для чтенія этого дня уже окончены? Въ эти дни, болѣе чѣмъ когда нибудь, обнаруживается страсть англичанъ къ ихъ садамъ. Въ хорошую погоду отецъ семейства почти безвыходно въ садикѣ. Если сырость не позволяетъ ему выйти изъ комнаты, онъ вмѣстѣ со всей семьей любитъ имъ изъ окна и составляетъ проекты о его улучшеніи и украшеніи. Въ будніе дни, если только онъ не на биржѣ, онъ цѣлый день копаетъ землю, подметааетъ дорожки, надрѣзываетъ и пересаживаетъ цвѣты и дѣлаетъ это съ чистосердечнымъ удовольствіемъ. Нѣтъ конца посѣву сѣмянъ и выкачанію надъ ними палочекъ съ билетиками, обозначающими названія этихъ цвѣтовъ. Вечеромъ, при заходѣннн солнца, онъ съ величайшимъ усердіемъ таскаетъ огромную лейку и поливаетъ ею куртинки. Въ воскресные дни онъ только вадыхаетъ, что не смѣетъ этого дѣлать и что на цѣлый день долженъ оставить садъ безъ призора. За то, тщательно выслѣдивъ, что его не наблюдаютъ сосѣди, и выславъ, какъ бы за дѣломъ, своихъ домочадцевъ, онъ украдкой поливаетъ цвѣты лейкою и также тайно прячетъ ее гдѣ-нибудь въ кусты.

Если въ воскресный день и англичанинъ скучаетъ, то тѣмъ болѣе хандра одолеваетъ туриста. Вадумаетъ ли онъ пораазвлечься игрою и откроетъ фортепіано,—хозяйка стучитъ въ дверь и проситъ «не забывать дня Господня». Если онъ примется читать

и знакомый англичанинъ застанеть его за чтеніемъ свѣтской книги, то тотчасъ начинается душеспасительное увѣщаніе; садеть ли женщина къ окну и возьметса за какую нибудь ничтожную работу, черезъ минуту, смотришь, передъ окномъ цѣлая толпа, осыпающая ее бранью; соберутся ли иностранцы между собой и затѣютъ игру въ карты, — дакей тотчасъ идетъ доносить ближайшему начальству.

Домъ и его убранство.—Порядокъ, дисциплина, чистота и комфортъ въ домашнемъ быту.—Прислуга, ея жизнь и отношеніе къ господамъ.—Гувернеры и гувернантки.—Что ѣдятъ и пьютъ въ Лондонѣ.—Подѣлка припасовъ.

Темносѣрые кирпичные дома, стоящіе по обѣимъ сторонамъ улицы, несмотря на свой мрачный видъ, необыкновенно уютны и комфортабельны внутри. Дома построены не въ уровень съ улицею, а стоятъ ниже на $1\frac{1}{2}$ и на 2 сажени, такъ что передъ ними по обѣимъ сторонамъ улицы образуются рвы. Эти рвы не покрыты и въ нихъ выходятъ окна нижняго, собственно подвального этажа. Чтобы въ туманъ или въ сумерки прохожій не свалился въ эти рвы съ тротуара, они огорожены желѣзными рѣшетками. Тротуаръ соединяется съ крыльцомъ дома узенькимъ мостикомъ, перекинутымъ черезъ ровъ. У многихъ домовъ даже мостикъ отдѣленъ отъ тротуара желѣзной рѣшетчатой каиткой, которая на ночь запирается на замокъ. Чтобы войти въ домъ, всегда приходится перейти мостикъ и взойти на двѣ, на три ступеньки крыльца. Позвонивъ или постучавъ молоткомъ, — тутъ звонки не у всѣхъ, — вамъ отворяютъ дверь въ сѣни.

Передъ англійскими домами вы не увидите дворовъ, а слѣдовательно и дворниковъ; каждая англійская квартира отдѣльный домъ въ 2, 3, а иногда даже и въ 4 этажа, — хотя въ каждомъ этажѣ нерѣдко только одна комната. Такимъ образомъ комнаты въ квартирѣ расположены не такъ, какъ у насъ, рядомъ, а идутъ снизу вверхъ. Каждое семейство имѣетъ совершенно отдѣльный домикъ, съ особымъ крыльцомъ; каждый квартирантъ такимъ образомъ полный хозяинъ всего дома и не находитъ нужнымъ держать для наблюденія за своей собственностью ни дворниковъ, ни привратниковъ. У кого лошади и экипажъ, тотъ держитъ ихъ обыкновенно въ смежныхъ переулкахъ, въ особо устроенныхъ конюшняхъ и сараяхъ, куда проведены звонки изъ квартиры. Вотъ и выходитъ, что въ дворѣ здѣсь нѣтъ никакой надобности. Для помой и сору устроены водосточныя трубы; вода вездѣ проведена въ стѣны домовъ, — это даетъ возможность избѣгнуть кадокъ, бочекъ и другихъ непріятныхъ украшеній нашихъ дворовъ. Но куда же кладутъ англичане топливо? Въ Англійю топятъ не дровами, а каменнымъ углемъ, а для угля не нужно много мѣста. Проходя по тротуару, вы замѣтите круглыя отверстія противъ крылецъ домовъ, прикрытыя чугунными заслонками. Черная каменноугольная пыль вокругъ этихъ отверстій показываетъ ихъ назначеніе. Подъ каменнымъ мостикомъ, ведущимъ къ крыльцу, устроенъ особый чуланчикъ, въ который и прячутъ каменный уголь. Подраженный угольщикъ пріѣзжаетъ въ извѣстное время и наполняетъ до верху этотъ чуланъ. Пространство такого чулана вымѣрено заранее и хозяину нѣтъ надобности терять время для проверки продавца. Тутъ даже во всѣхъ мелочахъ видна строгая экономія времени и денегъ.

Но вотъ вы вступили въ сѣни, называемыя у англичанъ «Hall», которыя служать въ тоже время и прихожей. Сѣни эти убраны, смотря по достатку хозяина: у богатыхъ онѣ сплошь обставлены цвѣтами и статуями, но какъ бы скромны ни были доходы жильцовъ, у cadaго полъ устланъ чистой толстой клеенкой. По лѣстницѣ, которая ведетъ въ другой этажъ, тянутся обыкновенно суконные и ковровые половики. Коворъ — первѣйшая необходимость англійскаго дома. У достаточныхъ людей ковры ра-

зосталаны по всѣмъ комнатамъ, а сверху еще клеенчатая полосу. Голый полъ безъ ковра и даже безъ клеенки—признакъ большого недостатка. Кромѣ лѣстницы, которая ведетъ изъ сѣней въ верхній этажъ, сюда же обыкновенно выходитъ и другая лѣстница, сообщающаяся съ нижнимъ, подвальнымъ этажемъ, гдѣ помѣщается кухня и живетъ прислуга.

Изъ прихожей, составляющей по большей части первый этажъ надъ подвальнымъ, вы поднимаетесь во 2-й, въ главную комнату дома, столовую или гостинную, которую англичане называютъ «*Parlour*», что буквально означаетъ разговорная. Тутъ прежде всего бросается въ глаза огромный каминъ, который горитъ зимою съ ранняго утра до поздняго вечера и служитъ центромъ, около котораго группируется вся семья. Здѣсь завтракають, обѣдаютъ, пьютъ чай; тутъ хозяйка раздаетъ приказанія, хозяйинъ, положивъ ноги на рѣшетку камина, слушаетъ игру на фортепиано, который стоитъ въ этой же комнатѣ. Яркій огонь камина озаряетъ спокойныя лица всего семейства и дорожную комфортабельную обстановку. Обыкновенно стѣны комнатъ съ свѣтлыми обоями украшены литографіями и акварелью. Мебель разставлена вдоль стѣнъ такъ, что середина комнаты остается незанятою. Диваны и кушетки расположены такимъ образомъ, что доступъ къ нимъ свободенъ, такъ какъ передъ ними никогда не стоятъ столы. Кому понадобится столъ, тотъ найдетъ его во всѣхъ углахъ и притомъ самой разнообразной величины и формы. Надъ каминомъ всегда большое зеркало, которое начинается отъ самаго потолка. Зеркалъ вообще очень много, даже и при обстановкѣ весьма скромной: вы видите ихъ не только надъ каминомъ, но надъ шифоньерками и надъ различными шкафчиками. Столы загромождены иллюстраціями, изящными альбомами и художественными изданіями. Желая достигнуть наибольшаго комфорта, англичане обыкновенно впадаютъ въ ту ошибку, что слишкомъ загромождаютъ мебелью не только гостинную, но и другія комнаты, что придаетъ убранству очень мало эlegantности.

На тѣхъ столахъ, на которыхъ не навалены альбомы и иллюстраціи, стоятъ вазы съ цвѣтами, а на окнахъ и на балконахъ ставятъ горшки съ зеленью. Къ дому обыкновенно примыкаетъ оранжерея, въ которую входятъ прямо изъ нижней комнаты. Подобную вещь здѣсь ни въ какомъ случаѣ не считаютъ роскошью, приличною только богатымъ людямъ, а напротивъ удовольствіемъ, которое могутъ позволить себѣ люди съ умѣренными средствами.

Большія, двухстворчатыя двери занимаютъ почти всю заднюю стѣну «*parlour*» и отдѣляютъ эту комнату отъ такъ называемой «библіотеки», которая впрочемъ у англичанъ имѣетъ совсѣмъ другое назначеніе, чѣмъ у насъ: здѣсь обыкновенно устраиваютъ классную комнату, кабинетъ хозяина или его контору. Вотъ и все помѣщеніе въ этомъ этажѣ. Въ 3-мъ этажѣ помѣщаются спальни, въ которыхъ болѣе всего сосредоточивается комфортъ и роскошь, не смотря на то, что по англійскимъ обычаямъ, въ спальню никогда не вводятъ посторонняго человѣка. Тутъ непремѣнно по всей комнатѣ разостланъ большой тяжелый коверъ. Подлѣ кровати, съ красивымъ балдахинномъ, другой коверъ поменьше, сверху котораго легкая клеенка; такіе небольшіе коврикы съ клеенками у всѣхъ мѣстъ, на которыхъ приходится сидѣть или стоять: у столиковъ, у туалета, у мраморнаго умывальника. Отличительная черта этихъ комнатъ — множество вещей, приспособленныхъ къ туалету. Обыкновенно два умывальника съ кружками различной величины: для горячей, для теплой и для холодной воды; нѣсколько умывальныхъ чашекъ, множество фарфоровыхъ чашечекъ для щетокъ самой разнообразной формы; нѣсколько мыльницъ, графиновъ, стакановъ. Одинъ изъ этихъ умывальныхъ столовъ очень низенькій, съ огромною чашкою и такимъ же кувшиномъ для утреннихъ обливаній. Вѣшалка съ четырьмя различными полотенцами: одно изъ нихъ толстое, другое

мохнатое, остальные обыкновенныя тонкія. Салфетки и полотенца подъ всѣми чашками и кружками. Нѣсколько паръ подсвѣчниковъ, нѣкоторые вдѣланы въ маленькіе переносные столы на колесахъ, которые подкатываются, куда угодно. Свѣчку никогда не задуваютъ: она всегда снабжена нѣсколькими гасильниками. У каждой свѣчки стоятъ различныхъ родовъ спички: деревянныя, восковыя. Столики съ различными подушечками и коробочками: различныхъ родовъ ножницы, ножки, щетки для чистки ногтей, флаконы. Все блеститъ чистотой, бѣлизной, свѣжестью, но болѣе всего отличается строго обдуманностью и самымъ точнымъ расположеніемъ.

Въ четвертомъ этажѣ дѣтскія комнаты и помѣщенія для гувернантокъ и нянекъ. Наконецъ, если домъ о пяти этажахъ, то обыкновенно небольшія горенки подъ кровлей назначаются для ночлега близкимъ знакомымъ или роднымъ, которыя пріѣхали издалека. Нерѣдко впрочемъ сѣни, которые тогда бываютъ малы, не составляютъ особаго этажа и изъ нихъ прямо вступаютъ въ parlour.

Лѣстница, ведущая изъ сѣней въ подвальный этажъ, гораздо уже той, которая проходитъ по остальнымъ этажамъ; но и здѣсь, въ кухню и въ людскихъ комнатахъ, васъ поражаетъ чистота и опрятность: и здѣсь полы обиты цвѣтною клеенкой, окна завѣшены кисеей, уставлены горшками цвѣтовъ. У прислуги тоже есть свой parlour; въ комнатѣ передъ кухнею огромный каминъ: въ немъ цѣлый день пылаетъ смолистый уголь и прислуга въ свободное отъ занятій время собирается вокругъ него. У каждого служащаго въ домѣ, мужчина это или женщина, своя, строго опредѣленная, обязанность. Работа строго и точно распределена между всѣми служащими. Каждый изъ нихъ знаетъ часъ и минуту, когда начинается его дѣло, въ чемъ именно состоитъ это дѣло и когда оно кончается; каждый знаетъ часы своего труда и часы отдыха и такимъ образомъ никто не можетъ сваливать свое дѣло на другого. Въ каждомъ домѣ очень много прислуги: есть слуги, специально обязанные мести полы, топить печи, зажигать лампы, встрѣчать посѣтителей. Въ нѣкоторыхъ домахъ одному изъ слугъ ввѣряютъ такую-то комнату, другому—другую. Слуга входитъ въ комнату известное число разъ: четыре, пять и много шесть разъ; утромъ онъ приходитъ, чтобы поднять шторы и занавѣсы, открыть внутреннія ставни, взять для чистки обувь и платье, принести большое ведро горячей воды съ шерстяною подстилкою, на которую ставить ноги; передъ завтракомъ и обѣдомъ онъ вноситъ воду помыться; наконецъ появляется передъ ночью, чтобы закрыть окна, постлать постель, приготовить ванну, пережѣнить бѣлье. Все это лавей дѣлаетъ съ почтительностью, молча и съ чувствомъ собственного достоинства; всѣ обязанности выполняетъ онъ добросовѣстно, съ безукоризненною точностью и правильностью, минута въ минуту. Слуги въ домахъ двухъ родовъ: высшіе и нисшіе. Высшіе отвѣтственны и передаютъ всѣ распоряженія господъ нисшимъ; но во главѣ всѣхъ ихъ стоитъ «butler» для мужчинъ и старшая горничная—для женщинъ. Если грумъ явится въ грязномъ платьѣ, господинъ ему ничего не замѣтитъ, но сдѣлаетъ выговоръ бутлеру; тоже самое относительно женской прислуги.

Разстояніе, существующее между господами и слугами въ богатыхъ домахъ, громадно. Англичанинъ почувствовалъ бы полнѣйшее омерзение къ господину, который кричитъ на своего лавей, топаетъ ногами, безпрестанно посылаетъ его то за тѣмъ, то за другимъ, но въ то же время широко бы раскрылъ глаза, если бы ему пришлось увидѣть простыя, дружескія отношенія между ними. Англичанинъ къ своему слугѣ относится совершенно, какъ къ машинѣ: холодно, покойно, никогда не выйдетъ изъ себя, требуетъ только то, что было выговорено въ условіи. Получивъ отъ слуги то, что ему было нужно и что онъ по условію имѣетъ полное право требовать, онъ знаетъ не хочетъ своей прислуги: не обратитъ ни малѣйшаго вниманія на характеръ того или другого слу-

жащаго, на его горе, божѣнь и страданія. Если прислуга *докладываетъ*, что больна, ее отправляютъ куда слѣдуетъ, берутъ другую и уже завтра никто въ семействѣ не вспомнить объ ней, хотя бы она передъ этимъ десять лѣтъ прослужила въ этомъ домѣ. Англичане считаютъ непростительною фамильярностью входить въ семейныя дѣла своихъ служащихъ. Въ ихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ никогда не проглянетъ братское, теплое чувство. Господинъ отдаетъ приказаніе своему слугѣ, выслушиваетъ отчетъ о дѣлѣ, которое ему повѣрилъ, но и двухъ словъ не скажетъ ни о чемъ постороннемъ. Англійская прислуга считаетъ въ порядкѣ вещей высококомѣрное отношеніе къ себѣ своихъ господъ, мало того, здѣсь нерѣдко бывають случаи, когда прислуга отказывается отъ мѣста только потому, что хозяйка не сдѣлала строгаго выговора провинціальной горничной, которая не тотчасъ встала съ своего мѣста при ея появленіи. Прислуга необыкновенно гордится важностью и высококомѣриемъ своихъ господъ. Не смотря однако на это, хозяинъ дома считаетъ долгомъ быть духовнымъ руководителемъ своей прислуги. Ясно, что такое руководство ограничивается чисто официальными обязанностями. Каждое воскресенье вся прислуга вереницею, женщины впереди, мужчины позади, чинно, почтительно и серьезно входятъ въ гостинную. Тутъ уже въ сборѣ все семейство. Хозяинъ громко читаетъ главу изъ Библии, затѣмъ молитву. Въ заключеніе онъ читаетъ «Отче нашъ», и всѣ присутствующіе повторяютъ за нимъ каждое слово. Затѣмъ прислуга отдаетъ хозяину глубокой поклонъ и точно также молча и почтительно возвращается къ себѣ.

Вслѣдствіе строгаго распредѣленія обязанностей, у служащихъ довольно свободнаго времени. Многіе изъ нихъ въ Лондонѣ имѣютъ свой клубъ и различныя общества, которыя они посѣщаютъ. Въ нѣкоторыхъ богатыхъ домахъ хозяева устраивають нарочно для нихъ бібліотеку и особую комнату для различныхъ игръ: въ шашки, въ шахматы. Послѣ обѣда они имѣютъ право уходить со двора, — въ домѣ по очереди остается только одинъ, чтобъ отворять двери, когда позвонятъ.

Кромѣ множества прислуги, въ семейномъ домѣ обыкновенно гувернеры и гувернантки. Тѣ же перегородки, которыя существуютъ здѣсь между прислугой и господами, вы замѣчаете и между хозяевами и воспитателями ихъ дѣтей. Гувернантка завтракаетъ за общимъ столомъ съ хозяевами, но непременно обѣдаетъ отдѣльно съ дѣтьми и пьетъ съ ними чай. Безъ особаго приглашенія гувернантка и гувернеръ никогда не присоединятся къ семейному кругу и къ нимъ никогда не обращаются какъ къ членамъ семьи. Они должны сидѣть непременно около своихъ воспитанниковъ, не принимать участія въ общемъ разговорѣ, развѣ только въ крайнихъ случаяхъ. Всѣ ихъ помысленія должны быть исключительно направлены на ихъ питомцевъ, и они должны тотчасъ послѣ завтрака отправляться съ ними въ особые апартаменты. «Н. англичанинъ, живущій во Франціи, пригласилъ къ дѣтямъ французскаго учителя. Однажды вечеромъ въ гостинной мистеръ Н. засыпаетъ, мистриссъ принимается читать. Молодой человекъ, не смѣя взять книгу и не имѣя съ кѣмъ сказать слово, послѣ немалого усилія также начинаетъ дремать. На другой день хозяйка говоритъ ему сухо: «М. г., ваше поведеніе вчера вечеромъ было весьма неприлично; надѣюсь, что этого впередъ не будетъ». — Черезъ нѣсколько времени молодая особа, съ которою онъ былъ знакомъ прежде, приглашена въ гости, онъ садится рядомъ съ нею. «М. г.», говоритъ ему громко мистриссъ Н., «ваше мѣсто не тутъ; потрудитесь сѣсть возлѣ вашего воспитанника». Такое обхожденіе не исключеніе, а въ порядкѣ вещей.

Въ семейномъ быту даже самыхъ образованныхъ людей много патріархальнаго. Расскажемъ, какъ они проводятъ свой день, но будемъ говорить не объ ихъ занятіяхъ, которыя чрезвычайно разнообразны и по большей части совершаются внѣ дома, а о томъ,

как и что они ѣдят и пьютъ, тѣмъ болѣе, что на этотъ актъ они смотрятъ необыкновенно серьезно.

Утромъ всѣ пьютъ чай, который сдѣлался теперь въ Англiи національнымъ напиткомъ, такъ что англiйское хозяйство немислимо безъ огромнаго чайника и безъ пылающаго камня. Всѣ дѣти аккуратно приучены вставать въ половинѣ седьмаго. Каждаго изъ нихъ купаютъ и одѣваютъ самымъ тщательнымъ образомъ. У англiчанъ вѣстѣ съ утреннимъ чаемъ сервированъ завтракъ, на которомъ присутствуютъ съ своей гувернанткой и дѣти по-старше. Самыя же маленькiя дѣти и въ это время остаются въ своихъ спальняхъ. Хотя ихъ утреннiй завтракъ состоитъ только изъ молока и бѣлаго хлѣба, но онъ такъ же тщательно сервированъ, какъ и для взрослыхъ. Лишь только малютка научилась держать въ рукахъ ложку, няня обязана строго слѣдить за тѣмъ, чтобы онъ дѣлалъ это, какъ предписываютъ это правила приличiя. Но возвратимся къ взрослымъ. Какъ для завтрака, такъ и для обѣда столъ покрытъ бѣлоснѣжною скатертью и уставленъ самою разнообразною посудой. Солидность и изобилiе — характерный признакъ домашняго хозяйства. Передъ стуломъ хозяйки дома — подносъ съ высокими чашками и чайникомъ; на полу, надъ горящими углями кипитъ огромный сосудъ съ водою. Англiчане скорѣе варятъ чай, чѣмъ завариваютъ его, какъ мы, и кладутъ его чрезвычайно много въ чайникъ. Все семейство: дѣти, отецъ, мать входятъ въ полномъ туалетѣ къ чайному столу. Какъ только вышла хозяйка дома, начинается завтракъ, который походитъ на какое-то священнодѣйствiе. У cadaго свое мѣсто, разъ навсегда опредѣленное. Пройдите всю Англiю съ одного конца до другого, вы найдете въ каждомъ порядочномъ домѣ каминъ съ зеркаломъ и по обѣимъ его сторонамъ ручки для звонковъ, точно такъ же за столомъ: съ одной стороны мѣсто хозяина, съ другой мѣсто хозяйки; направо отъ отца старшая дочь, слѣва — старшiй сынъ; справа и слѣва около матери дѣти. Какъ только семейство усѣлось, отворяются двери, и служанка, чисто одѣтая, въ бѣломъ передникѣ и въ бѣломъ чепчикѣ съ лиловыми лентами, несетъ большое блюдо съ серебряною крышкою. Чуть крышка снята, распространяется прiятный запахъ жареной говядины или рыбы. Между тѣмъ какъ тарелки наполняются, маленькiе серебрянные сосуды съ зажаренными кусочками хлѣба (toasts) обходятъ все общество. Любимымъ завтракомъ англiчанъ служатъ яйца, ветчина, телячьи котлеты и бифштексъ, у болѣе зажиточныхъ облиты соусомъ изъ шампиньоновъ. Хлѣбъ ѣдятъ непремѣнно пшеничный — бѣлый, черныи давно исчезъ даже со стола бѣдняковъ. На столѣ за завтракомъ непремѣнно также свѣжее молоко. Послѣ основательнаго утренняго завтрака въ 9 часовъ, англiчанинъ ничего не ѣстъ до обѣда, который у нихъ бываетъ чрезвычайно поздно, между пятью и семью часами вечера. Дѣти не могутъ такъ долго ждать, и имъ подаютъ обѣдъ между первымъ и вторымъ часомъ, который состоитъ изъ овощей, мяснаго блюда и пудинга. Мать, хотя часто и не принимаетъ немъ участiя, но присутствуетъ всегда при этомъ, не смотря даже на то, что вѣстѣ съ дѣтьми непремѣнно обѣдаетъ и гувернантка. Умѣнье держать себя за столомъ — наука первой необходимости для джентльмена и потому мать не щадитъ своего времени, лишь бы выучить дѣтей въ совершенствѣ всѣмъ этимъ тонкостямъ. Каждый долженъ сидѣть за столомъ прямо, не подымать локтей, не облокачиваться на столъ, извѣстнымъ образомъ держать вилку и ножъ, брать стаканъ, подносить его ко рту, полуразвернутая салфетка должна лежать на колѣняхъ. Относительно всѣхъ этихъ приличiй англiчане крайне строги, и самое ничтожное отклоненiе считается признакомъ дурнаго воспитанiя и низкаго происхожденiя.

Передъ 7—8 ч. вечера, когда накрываютъ обѣдъ для взрослыхъ, дамы, одна за другой, отправляются въ свои спальни, чтобы переодѣться. Обычай переодѣваться передъ обѣдомъ строго придерживаются всѣ англiчанки. Къ утреннему завтраку англiчанка

одѣвается въ легкое, простенькое, темное платье; для вечерняго туалета она не можетъ себѣ представить другаго наряда, какъ изъ атласа, рипса, или другой какойнибудь тяжелой, но въ то же время свѣтлой матеріи.

Супъ не считается, какъ у насъ, неизбѣжною принадлежностью всякаго обѣда; онъ является нарядка и большею частью бываетъ изъ черепахи, изъ бычачьихъ хвостовъ, угря т. п.; его подаютъ въ одно время съ рыбою, и обыкновенно выбираютъ то или другое. Кромѣ рыбы и жаркаго подаютъ много пудинговъ, тортовъ, паштетовъ. Здѣсь чрезвычайно много употребляютъ также устрицъ: ихъ начинаютъ ѣсть съ 1 августа. За нѣсколько дней передъ этимъ мальчики и дѣвочки бѣгаютъ по улицамъ съ устричными скорлупами и просятъ у прохожихъ денегъ на «гrotто». Гrotто—маленькая постройка изъ устричныхъ скорлупъ, которая воздвигается вечеромъ въ послѣдній день юлія на всѣхъ углахъ Лондона и освѣщается маленькими огарками. Это уличный праздникъ, елка бѣдныхъ дѣтей. Вотъ почему гrotто окружаютъ толпы уличныхъ торговцевъ и босоногихъ ребятъ.

Устрицы—не роскошь, доступная только богатымъ, но питательное и доступное большинству кушанье. На всѣхъ улицахъ стоятъ плоскія ручныя тележки, совершенно покрытыя устрицами. На деревянномъ столикѣ подлѣ торговца стоитъ перечница и бутылка уксуса. Бѣдный рабочій подходитъ и съѣдаетъ свою дюжину съ перцемъ и уксусомъ. Такая порція въ дюжину устрицъ стоитъ въ разное время года различно, но обыкновенно не болѣе двухъ пенсовъ. Люди побогаче идутъ ѣсть устрицы въ рестораны и потому платятъ за нихъ, разумѣется, гораздо дороже. Любимый напитокъ англичанъ эль и портеръ, и эти напитки употребляютъ въ Англіи въ неимоверныхъ количествахъ. Послѣ обѣда въ домахъ людей зажиточныхъ подаются десерты—сырые или вареные въ сахарѣ плоды. Дамы встаютъ изъ за стола раньше мужчинъ, особенно этому придерживаются, когда есть гости, и только спустя полчаса они присоединяются къ дамамъ. Но если нѣтъ гостей, послѣ обѣда вступаетъ въ свои права тихая, задушевная, семейная жизнь. У камина сидитъ отецъ съ вечернею газетою въ рукахъ; противъ него хозяйка дома съ работою или книгою, а юношество читаетъ, рассматриваетъ картинки, занимается музыкою или какиминибудь играми. Всѣ за дѣломъ, но въ это вечернее время никто не погружается настолько въ свое занятіе, чтобы не принять участія въ общемъ разговорѣ, который во весь вечеръ не прерывается окончательно, хотя иногда и бываетъ очень отрывочнымъ. Во время всего вечера не потушаютъ каминъ, этотъ домашній алтарь, который въ Англіи всегда зорко стерегутъ боги семейнаго счастья. И дѣйствительно, словами «очагъ», «каминъ» трудно передать то, что англичане связываютъ съ понятіемъ о «fireside». Каминъ (мы удерживаемъ это слово, какъ общеупотребительное) служитъ въ англійскихъ семействахъ сборнымъ пунктомъ. Зимой всѣ собираются у пылающаго камина, лѣтомъ его украшаютъ свѣжими цвѣтами и зелеными вѣтвями.

Въ половинѣ десятаго дѣти ложатся спать. Когда они ушли, подаютъ вино, ликеръ и бисквиты, и вечеръ заканчивается непринужденной бесѣдой между оставшимися членами семьи.

Теперь поговоримъ о поддѣлкѣ съѣстныхъ припасовъ, которая нигдѣ не достигаетъ такихъ ужасающихъ размѣровъ, какъ въ Лондонѣ. Тщетно образовалась комиссія для противодействія этому вредному промыслу, тщетно помѣщаетъ она въ медицинскихъ журналахъ извѣстія о различныхъ поддѣлкахъ,—это искусство достигаетъ въ Лондонѣ съ каждымъ годомъ все большаго совершенства. Трудно, чрезвычайно трудно, особенно непостоянному жителю, найти магазинъ, который продастъ бы ему чистый кофе: онъ обыкновенно получаетъ кофе, на половину смѣшанный съ цикоріей, да и то не настоящій цикорій, а изъ смѣси дикихъ каштановъ и земли. Честерскій сыръ красятъ кошенилью, но трудно доказать, что кошениль не была сначала подкрашена красной свинцовой

краской. Эту хитрую двойную подделку особенно часто встрѣчаютъ въ виноторговлѣ. Что вино подкрашиваютъ и смѣшиваютъ съ водкой, — это существуетъ почти всюду, но въ Англіи идутъ гораздо далѣе. Чтобы показать, что вино старое — поддѣлываютъ бутылку и пробку. Тутъ существуютъ цѣлыя фабрики, приготовляющія только тѣ бутылки, въ которыя наливаютъ будто бы старое вино: въ пробкѣ дѣлаютъ трещину, бутылку окрашиваютъ такимъ образомъ, что она имѣетъ видъ залежалый. Чай, продаваемый за китайскій, растетъ на терновыхъ деревьяхъ и боярышниковыхъ кустахъ въ Англіи. Зеленый чай — ничто иное, какъ черный, выкрашенный берлинскою лазурью. Но и черный чай ненадежный товаръ, такъ какъ въ Лондонѣ существуетъ не менѣе восьми фабрикъ, которыя скупаютъ уже употребленный чай изъ отелей, кофеенъ и клубовъ, подновляютъ его, подвиваютъ, подкрашиваютъ, подмѣшиваютъ къ нему листья терновника и боярышника и пускаютъ въ продажу во второй разъ. Песокъ и листья терновника, поташъ и табакъ еще не самое худшее, что ѣдятъ въ Лондонѣ. Упорно держится мнѣніе, не только у иностранцевъ, но и у мѣстныхъ жителей, что паштеты, пирожки, колбасы начинаютъ кошачьимъ и собачьимъ мясомъ. По этому поводу еще недавно описывали слѣдующій случай. Въ одной улицѣ Лондона было двѣ колбасныхъ, другъ противъ друга. Одна изъ нихъ отлично вела свои дѣла, другая, напротивъ, очень плохо. Хозяинъ послѣдней пустился на хитрость, чтобы навредить своему конкуренту. Однажды, когда посѣтителѣ ѣли свои паштеты, онъ послалъ своего пріятеля съ мѣшкомъ живыхъ кошекъ въ эту лавку. Посланный вошелъ, бросилъ мѣшокъ и сказалъ: «Поклонъ отъ моего господина: онъ посылаетъ вамъ теперь только двѣ дюжины кошекъ, а что не достаетъ до заказанной сотни, то онъ доставитъ сегодня вечеромъ». Кошки въ мѣшкѣ подняли страшный концертъ, публика съ проклятіями бросила паштеты, съ ужасомъ выбѣжала изъ лавки и уже больше никогда не возвращалась. Никакія рекламы и заявленія въ газетахъ не помогли: кошки сосѣда его разворили. Что кошачьимъ мясомъ начинаютъ колбасы и паштеты въ нѣкоторыхъ лавкахъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, но мясо здоровой кошки еще не такъ вредно, какъ испорченное; сгнившее мясо другихъ животныхъ. Такое мясо довольно часто употребляютъ и выдаютъ вмѣсто свѣжаго и хорошаго, — это безпрестанно подтверждается судебными процессами. Вотъ что еще недавно показалъ на судѣ одинъ лондонскій мясникъ: «Испорченное мясо покупается колбасными и пекарнями паштетовъ. Есть одна лавка, гдѣ каждую недѣлю употребляютъ 500 фунтовъ испорченнаго мяса. Все, что имѣетъ видъ мяса, можетъ быть продано по крайней мѣрѣ по пенни за фунтъ. Я увѣренъ, что если бы около Лондона нашли сотню полусгнившихъ коровъ, я бы могъ распродать ихъ въ четыре часа, отъ чего бы онѣ ни умерли». Санитарная лондонская комиссія, правда, очень усердно преслѣдуетъ эту постыдную торговлю, и не проходитъ одной недѣли безъ объявленія о конфискованіи и сожженіи многихъ центнеровъ дурнаго мяса. Но ловкость колбасниковъ и нужда бѣдныхъ кварталовъ Лондона такъ велики, что обманываютъ даже бдительный глазъ и тонкое обоняніе лондонской полиціи.

Журналистика въ Англіи. — Ея прошлое и настоящее. — Times. — Содержаніе этой газеты и ея значеніе въ странѣ. — Громадный запросъ на газеты. — Рабочій людъ редакціи.

Журнальная и газетная пресса — одинъ изъ величайшихъ двигателей цивилизаціи и прогресса. Торговля, промышленность, искусство, наука, политика — все это самымъ тѣснымъ образомъ связано съ печатью, все это живетъ и находитъ выраженіе и живой отголосокъ въ ея главныхъ органахъ, т. е. въ газетахъ и журналахъ. Чѣмъ болѣе въ странѣ издается журналовъ, газетъ, выходитъ въ свѣтъ книгъ, чѣмъ болѣе свободою

пользуется печать и чѣмъ вѣрнѣе она выражаетъ потребности всѣхъ классовъ общества, его желанія, надежды и разочарованія, — тѣмъ съ большимъ правомъ можетъ считаться стража цивилизованноу. Чѣмъ болѣе народъ дикъ и невѣжественъ, тѣмъ менѣе чувствуетъ онъ потребность въ периодической печати. Въ Китаѣ, гдѣ уже около двухъ тысячъ лѣтъ издается придворная пекинская газета, прекращеніе ея не произвело бы разумѣется волненія и не было бы чувствительнымъ лишеніемъ для страны. Причина этому та, что она не служитъ выраженіемъ интересовъ народа, не защищаетъ его правъ, а изображаетъ только жизнь придворныхъ. Но чѣмъ болѣе развивается народъ, тѣмъ болѣе онъ чувствуетъ истинную потребность обновлять свою мысль, слѣдить за ходомъ событій, какъ въ своей странѣ, такъ и въ цѣломъ мірѣ.

Ни въ одной европейской странѣ периодическая печать не получила такого широкаго развитія, какъ въ Англіи, и нигдѣ журналистика не играетъ въ жизни народа такой важной роли. Печать въ Англіи въ полномъ смыслѣ слова сдѣлалась органомъ общественнаго мнѣнія. Она глубоко уважается какъ людьми развитыми, такъ и тѣми, которые получили самое ограниченное образованіе, и очень многіе изъ свѣтилъ политическаго міра были обязаны своимъ высокимъ положеніемъ своему перу журналиста. Хотя свобода печати въ Англіи существуетъ уже давно, но своею независимостью, могущественною, дѣятельною ролью, силой и властью въ государствѣ и наконецъ льготами отъ различныхъ налоговъ она стала пользоваться только въ наше время.

Громадная польза свободной печати, свободной журналистики, гласности такъ очевидны теперь каждому англичанину, что другой порядокъ вещей ему просто не мыслимъ. Онъ видитъ въ свободной печати четвертую, послѣ короны и обѣихъ палатъ парламента, народную власть и считаетъ ее вѣрнѣйшимъ изъ средствъ противъ всякаго зла. Самые гениальные писатели и дѣятели Англіи уже давно внесли это убѣжденіе въ народное сознаніе. Но прежде чѣмъ англійская печать достигла своей полной свободы, она вынесла чрезвычайно тяжелую и жестокую борьбу, которая считаетъ сотнями павшихъ въ бою героевъ и жертвъ.

Въ 1622 г. появилась первая печатная газета, а черезъ 50 лѣтъ въ Лондонѣ издавалось уже около 70 газетъ. Но газеты этого времени ни по содержанію, ни по формѣ не напоминали нынѣшнія: онѣ были ничто иное какъ сборники извѣстій самыхъ разнокалиберныхъ, удовлетворявшихъ непрхотливому вкусу тогдашней публики. То появлялось извѣстіе, которое сообщалось какъ достовѣрный фактъ, засвидѣтельствованный очевидцами, о томъ, что на такомъ-то кораблѣ «явилось привидѣніе чудесной амазонки». Въ 1653 г. газеты извѣщали о «морской дѣвѣ», проплывшей мимо Гринвича, и подробно описывали ея наружность. Главный интересъ каждой газеты былъ направленъ на придворныя новости. Несмотря однако на эту неразборчивость въ выборѣ фактовъ, ихъ всетаки недоставало для цѣлаго нумера, поль-листа оставалось пустымъ и для пополненія на немъ печатали ту или другую главу изъ Библии. Объявленія и рекламы, которыя достигли теперь такой виртуозности и такого неимовернаго распространенія, стали уже тогда появляться на страницахъ газетъ.

Мало по малу общество старалось превратить газеты въ орудія для достиженія своихъ цѣлей. Духовенство, медики, купцы, промышленники начали издавать свои спеціальныя органы; появились газеты, посвященныя литературѣ и мореплаванію, но, какъ въ XVII, такъ и въ началѣ XVIII столѣтія, положеніе периодической печати было самое ужасное. За проступки и преступленія по дѣламъ печати существовали самыя безчеловѣчныя наказанія: смертная казнь, изувѣченіе, тюремное заключеніе, изгнаніе, выставка къ позорному столбу, выставка подъ висѣлицей, наказаніе палками, бичеваніе, каторжная работа въ рудникахъ, штрафы до 10 тысячъ ф. ст.

Прежде газеты выходили одинъ, два раза въ мѣсяцъ, въ 1702 году появилась первая ежедневная газета. Въ это время газеты начинаютъ уже служить интересамъ народа, торговли и промышленности. Цѣною многихъ усилій и жертвъ сотрудники газетъ извѣщаютъ страну о дѣятельности палатъ, которыя до тѣхъ поръ скрывались отъ общества и съ этою цѣлью ввели даже въ обычай засѣдать по ночамъ. Но о засѣданіи палатъ передавали съ большою осторожностью: не только имена парламентскихъ членовъ обозначали однѣми начальными буквами, но даже палату лордовъ называли не иначе, какъ, п. л-въ, а палату общинъ—п. о-нъ. Не смотря на это, парламентъ испугался такой гласности, объявилъ ее въ 1729 г. нарушеніемъ своихъ привилегій и постановилъ подвергать жесточайшимъ наказаніямъ всѣхъ виновныхъ въ обнародованіи его засѣданій. Но это не остановило журналистовъ: они собирали окольными путями свѣдѣнія о парламентскихъ засѣданіяхъ и удовлетворяли любопытству публики. Въ концѣ концовъ палата вынуждена была покориться общественному мнѣнію, и вошло въ обычай печатать отчеты парламентскихъ преній, что впрочемъ до сихъ поръ еще не подтверждено формальнымъ закономъ; но въ настоящее время это ни сколько не стѣсняетъ репортеровъ и они печатаютъ буквально все, что происходитъ въ палатѣ лордовъ и палатѣ общинъ.

Такимъ же путемъ долгой, упорной борьбы англійская журналистика завоевала себѣ и всѣ другія льготы. Всѣ газеты съ начала XVIII вѣка были обложены необыкновенно тяжелою пошлиною; но неудовольствіе самой образованной части общества и усилившаяся популярность газетъ наконецъ уничтожили налоги и притѣсненія.

Теперь въ Англии печать совершенно свободна: на страницахъ своихъ органовъ она сколько угодно можетъ порицать общественную дѣятельность государственныхъ людей, правительственныя распоряженія, даже членовъ королевскаго семейства. Но она не имѣетъ права оскорблять частныхъ лицъ и дорого платится за всякое неосторожное слово или нескромный намекъ на частную жизнь простаго гражданина. Но разъ этотъ скромный гражданинъ сдѣлался общественнымъ дѣятелемъ, — каждый писатель можетъ хвалить или порицать его дѣятельность, сколько душѣ угодно.

Примѣненіе пара къ книгопечатанію, отмена налоговъ, серьезная перемѣна къ лучшему въ содержаніи и во внѣшнемъ видѣ, все это быстро увеличило число подписчиковъ. Въ настоящее время въ Англии выходитъ болѣе 2 тысячъ періодическихъ изданій, утреннихъ и вечернихъ газетъ, недѣльныхъ журналовъ, двухнедѣльныхъ, мѣсячныхъ и трехмѣсячныхъ. Въ одномъ Лондонѣ печатается около трехсотъ различныхъ изданій этого рода. Кромѣ журналовъ на англійскомъ языкѣ, печатаются газеты французскія, нѣмецкія, испанскія, итальянскія, еврейскія. Каждая наука, профессія, искусство, издаютъ свою газету; каждый классъ общества: духовенство, юристы, фотографы, ремесленники, фабричныя имѣютъ свои органы. Есть журналы, специально посвященные интересамъ лицъ, желающихъ вступить въ законный бракъ, другіе специально занимаются интересами табачниковъ, нѣкоторые всецѣло служатъ интересамъ лѣсопромышленниковъ, кожевниковъ. Республиканцы, всевозможныя религіозныя секты и политическія направленія имѣютъ совершенно особые органы, или своихъ представителей въ печати. Въ настоящее время «Daily Telegraph» самая распространенная газета: она приблизительно расходится ежедневно въ количествѣ 170 тысячъ экземпляровъ; «Standart» такъ же распространена, какъ и «Daily Telegraph»; «Daily News» печатается въ 90 тысячъ, «Times» 30 тысячъ экземпляровъ. Въ дни, ознаменованные особенными событіями или интересными новостями, газеты печатаются въ двойномъ и даже тройномъ количествѣ. Во время франко-прусской и турецко-славянской войнъ, нѣкоторыя газеты ежедневно достигали 300,000 экземпляровъ. (Эти цифры мы заимствуемъ изъ доклада Бернгардта международному библиографическому конгрессу, за 1878 г.). Иллюстрированныя изданія идутъ

до такой степени бойко, что нередко на половину не могут удовлетворить ~~запрос~~ публики. Число читателей, разумеется, гораздо больше числа выпускаемых въ свѣтъ ~~экземпляровъ~~ различныхъ газетъ, хотя цифра всѣхъ экземпляровъ газетъ, взятыхъ вмѣстѣ, — громадна. Газеты, получаемыя семействами, прочитываются нѣсколькими лицами; затѣмъ огромное число ~~бѣдняковъ~~ читаетъ газету въ трактирахъ и кабакахъ; часто даже люди состоятельные не имѣютъ ~~рѣшительно~~ времени читать газеты днемъ и во время отдыха читаютъ ихъ въ клубахъ. Большинство ежедневныхъ газетъ вдвое больше по формату нашихъ, въ восемь страницъ, по шести столбцовъ мелкой убористой печати каждая, продается по одному пенни; есть и такія, и нужно замѣтить совершенно порядочныя газеты, которыя продаются по полъ пенни и даже по четверть пенни. Стоимость очень немногихъ газетъ превышаетъ одинъ пенни; «Times» стоитъ три пенни, но онъ даетъ двойное количество печатнаго матеріала.

Изданіе хорошей газеты стоитъ громадныхъ суммъ: на одни только объявленія о ~~новомъ изданіи~~ затрачиваютъ до 5 тысячъ ф. ст. Поэтому изданіе большихъ газетъ доступно только однимъ капиталистамъ или акціонернымъ компаниямъ.

Съ перваго ~~своего~~ шага «Times», самая большая по формату и самая популярная газета, вслѣдствіи старалась ~~доказывать~~ читателямъ, что она не принадлежитъ ни къ какой партіи, не подчиняется никакому ~~вліянію~~ и стоитъ только за общественные интересы. Два факта въ особенности подняли эту газету въ глазахъ англійской публики и много способствовали ея безпримѣрной популярности. Въ 1841 г. одинъ корреспондентъ «Times» получилъ секретное увѣдомленіе о томъ, что нѣсколько ловкихъ мошенниковъ имѣютъ намѣреніе обокрасть главнѣйшихъ европейскихъ банкировъ. «Times» немедленно сообщилъ объ этомъ своимъ читателямъ, хотя отсутствіе положительныхъ доказательствъ и общественное положеніе предприимчивыхъ мошенниковъ дѣлало ~~весьма~~ опаснымъ всякое обвиненіе. И дѣйствительно, нѣкто Богль, имя котораго упоминалъ корреспондентъ въ своихъ письмахъ, объявилъ себя оклеветаннымъ и затѣялъ процессъ. Во время процесса публика имѣла случай убѣдиться, сколько хлопотъ и расходовъ стоили редакціи всѣ розысканія по этому дѣлу, какъ неутомимо собирала она всѣ нужныя свѣдѣнія, не щадя никакихъ усилій для того, чтобы они были точны. Лондонское купчество было ~~этимъ~~ тронута и единогласно объявило, что «Times» оказалъ обществу великую услугу и что несправедливо было бы допустить издателя понести значительные убытки по дѣлу, касавшемуся общественной пользы. Тотчасъ была открыта подписка въ пользу газеты. Издатели «Times» отказались отъ этого великодушнаго пособія, и тогда на деньги, вырученныя подпискою, открыли двѣ стипендіи, чтобы постоянно держать въ университетѣ двухъ студентовъ, и въ память этого событія сдѣлали двѣ мраморныя доски съ надписями: одну доску положили на лондонской биржѣ, а другую передали редакціи газеты.

Другой фактъ, способствовавшій популярности «Times», относится ко времени споровъ о свободѣ торговли. Послѣ того, когда въ парламентѣ былъ предложенъ билль объ отиѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, чрезвычайно тяжелыхъ для торговли и народа, репутація «Times» утвердилась на прочномъ основаніи, такъ какъ она своими статьями много способствовала къ отиѣнѣ этого тяжелаго для страны закона. Съ тѣхъ поръ мнѣнія этой газеты въ глазахъ большинства англійской публики сдѣлались непогрѣшимыми. Во время каждаго кризиса, при каждомъ важномъ вопросѣ и затруднительномъ обстоятельстве, публика прежде всего справляется о мнѣніи «Times». «Что говорить» или «что скажетъ» объ этомъ Times», спрашиваютъ другъ у друга въ Сити, и слова «Times» принимаются какъ изрѣченіе оракула, съ полною въ нихъ вѣрою и съ благоговѣйнымъ уваженіемъ. То, что говорится въ этой газетѣ, или теперь уже мнѣніе большинства, или большинство будетъ убѣждено въ этомъ завтра, когда статья по тому или другому вопросу будетъ про-

читана. Съ другой стороны, всякій интересъ, не только общественный, но и частный, всякое правое дѣло находятъ себѣ въ «Times» надежные защитники и покровители. За рождается ли какое нибудь новое и полезное предпріятіе, и оно почти всегда имѣетъ успѣхъ, если только заслужитъ одобреніе и поддержку «Times»; оскорбленъ ли чиновникъ своимъ начальствомъ, прижатъ ли кто-нибудь правительствомъ — первая угроза, написать объ этомъ въ «Times», и мѣра эта производитъ спасительное дѣйствіе. Во время желѣзнодорожной маіи эта газета получала громадныя доходы отъ объявленій по желѣзнодорожнымъ операціямъ; но ничто не могло подкупить ее, и въ своихъ передовыхъ статьяхъ она постоянно вооружалась противъ этого пагубнаго увлеченія. Вслѣдствіе этого честнаго отношенія къ дѣлу «Times» имѣетъ огромное значеніе. Трудно себѣ представить, какое вліяніе имѣетъ разборъ въ ней той или другой книги. Если книга похвалена, то издатель можетъ быть увѣренъ, что все изданіе быстро разоидется.

Конечно и въ англійской журналистикѣ встрѣчаются примѣры безсовѣстной продажности и корыстнаго служенія дѣлу, но большинство журналовъ и газетъ представляютъ громадную прогрессивную силу. Не связанные никакими стѣснительными мѣрами, не поставленные въ необходимость курить ойміамъ, кому бы то ни было, они являются могущественными поборниками интересовъ своей родины, ея блага, прогресса и цивилизаціи.

Заглянемъ въ содержаніе «Times», которое можетъ служить образчикомъ содержанія и другихъ газетъ. Въ первомъ столбцѣ 1-й страницы вы находите извѣстія о рожденіяхъ, свадьбахъ и смертныхъ случаяхъ. Другая колонна отводится для выраженія отчаянья. Жалобы разбитаго сердца, послѣдніе вздохи умирающаго, печаль покинутыхъ родителей — наполняютъ цѣлыя колонны и несутъ привѣтъ любви и просьбы о возвращеніи тѣмъ, которые находятся нерѣдко на золотыхъ принцахъ въ Австраліи. «Т. Н. Г. усиленно проситъ Д. В. возвратиться домой, его отсутствіе причиняетъ страшную муку». «Т. Н. возвратитесь немедленно, — все устроилось къ лучшему». «О. Д. возвращайтесь въ недра повергнутаго въ отчаянье семейства. Дѣло устроилось, и несчастье, котораго вы опасались, можетъ быть устранено, въ случаѣ вашего немедленнаго возвращенія». «О, возвратись, возвратись, моя Лурмея! Когда я прижму тебя къ моему сердцу, — моя смертельная рана закроется»...

Такимъ образомъ этотъ столбецъ «Times» служитъ иногда завязкою и развязкою самыхъ разнохарактерныхъ романовъ, трагедій и трагикомедій. Однако нерѣдко открывали, что самая нѣжная переписка, слова любви, ласки и дружбы, все это ничто иное, какъ переговоры между собой ловкихъ мошенниковъ, по заранѣе условленнымъ выраженіямъ. Такимъ образомъ цѣлая шайка грабителей или мелкихъ ворюшекъ предпринимаетъ иногда новое похищеніе, уѣзжаетъ съ родины, возвращается, когда это болѣе удобно, предупреждаемая товарищами въ опасныя минуты. Говорятъ, одинъ государственный переворотъ въ Португаліи былъ веденъ посредствомъ подобной переписки и шифрованныхъ знаковъ въ Таймсѣ.

Затѣмъ въ томъ же 2-мъ столбцѣ идутъ извѣщенія о наслѣдствахъ, о различныхъ похищеніяхъ, потеряхъ, находкахъ. Третья и четвертая колонны заняты музыкою: тутъ дѣлаются объявленія о всевозможныхъ концертахъ дорогихъ, и цѣною въ пени, и о различныхъ увеселеніяхъ. Пятый столбецъ занятъ искусствомъ: здѣсь вы встрѣчаетесь съ публикаціями художественныхъ выставокъ, магазиновъ, въ которыхъ продаются картины, эстампы, о фотографіяхъ и хромофотографіяхъ, театрахъ. Шестой столбецъ предостерегаетъ противъ поддѣлки въ пищѣ и напиткахъ. Конечно, этого дѣленія по столбцамъ не всегда точно придерживаются, тѣмъ не менѣе въ большинствѣ случаевъ приблизительно существуетъ такой порядокъ.

Но вотъ вы на второй страницѣ. Тутъ первыя три столбца заняты объявленіями

о вновь прибывшихъ и отходящихъ корабляхъ: въ Бомбей, Калькутту, Гонъ-Конгъ, на Мысъ Доброй Надежды, въ Америку и Австралию. На послѣднихъ трехъ столбцахъ 2-й страницы слѣдуютъ объявленія о лошадахъ, экипажахъ, книгахъ. Третья страница начинается цѣлымъ рядомъ объявленій о гувернанткахъ, учительницахъ, конторщикахъ. Половина четвертой страницы бываетъ иногда загромождена извѣстіями о фондахъ и цѣнныхъ бумагахъ и затѣмъ уже начинаются статьи и нѣкоторыя корреспонденціи. Пятая страница посвящена самымъ новѣйшимъ политическимъ новостямъ и телеграммамъ. Въ важныхъ случаяхъ цѣлые столбцы газетъ состоятъ изъ одного какого нибудь извѣстія, переданнаго по телеграфу. По телеграфу передаются не только политическія извѣстія изъ-за границы: самыя разнообразныя городскія происшествія, отчеты о засѣданіяхъ суда, парламента, разныхъ ученыхъ обществъ. Главнѣйшія газеты имѣютъ свои собственные телеграфныя линіи, соединяющія нерѣдко редакторскій кабинетъ съ биржей той или другой страны. На пятой или шестой страницѣ вы можете замѣтить обыкновенно маленькую метеорологическую карту, съ обозначеніемъ состоянія погоды, числа градусовъ и направленія вѣтровъ. На седьмой—разныя торговыя извѣстія, статьи о состояніи рынка у себя и во всемъ свѣтѣ, отчеты о засѣданіи парламента. Часто эти отчеты занимаютъ двѣ страницы. Въ концѣ восьмой или въ началѣ девятой страницы вы видите изображеніе часовъ, а подъ ними читаете передовую статью. Передовыя статьи Таймса обыкновенно блестятъ остроуміемъ, живостью, иногда проникнуты глубокимъ паэосомъ, и непременно всегда написаны замѣчательно легкимъ и обработаннымъ языкомъ. Англичане читаютъ обыкновенно газету между дѣломъ, и потому требуютъ отъ статьи, о чемъ бы ей не пришлось трактовать, чтобы она излагала дѣло просто, ясно, увлекательно. Такихъ передовыхъ статей въ Таймсѣ бываетъ обыкновенно четыре, онѣ написанъ по разнымъ вопросамъ.

Какъ начинается, такъ и оканчивается Таймсѣ страницами объявленій: о книгахъ, о клубахъ, объ обществахъ, компаніяхъ, о продажѣ разныхъ вещей, объ отдающихся квартирахъ, о наймѣ домовъ. Здѣсь особенно часто встрѣчаете слово «ищутъ». Ищутъ поваровъ, кормилицъ, лакеевъ «въ 5 футовъ и 7 или 8 дюймовъ высоты, кроткаго характера, съ приличной осанкой». Нерѣдко ищущихъ мѣстъ можно насчитать до 800 человѣкъ. Затѣмъ слѣдуетъ воспитаніе. «Кэмбриджскій магистръ искусствъ ищетъ молодыхъ воспитанниковъ. Онъ опытный учитель, авторъ такой-то элегій, романа» и т. п. «Г. Н. тамъ-то обучаетъ еврейскому языку, рисованію масляными красками. Тутъ же продается нѣсколько прекрасныхъ картинъ и почти новая мебель». То или другое семейство предлагаетъ дать «основательное нравственное, протестантское воспитаніе», или наоборотъ заманиваютъ «воспитаніемъ, согласнымъ съ духомъ католической религіи».

Таймсѣ въ большинствѣ случаевъ состоитъ изъ 16 страницъ, каждая въ 6 столбцевъ или изъ 4-хъ огромныхъ листовъ.

Трудно себѣ представить какая масса рабочаго люда тѣсно связана съ интересами большихъ газетъ. Не преувеличивая можно сказать, что они составляютъ цѣлое особое министерство, съ высшими и низшими чиновниками. Изданіе газеты лежитъ главнымъ образомъ на редакторѣ, который просматриваетъ и сортируетъ статьи, переписывается съ сотрудниками, принимаетъ лицъ, имѣющихъ дѣло до редакціи, даетъ тонъ и направленіе всему изданію. Онъ отвѣчаетъ и передъ публикой, и передъ издателемъ за содержаніе газеты, даже за самыя ничтожныя опечатки. Редакторы обыкновенно завалены работой, остаются въ редакціи цѣлый день, до трехъ часовъ ночи. Среднимъ числомъ редакторъ получаетъ около тысячи ф. ст. Каждый редакторъ имѣетъ нѣсколькихъ помощниковъ, или соредакторовъ, но разнымъ отдѣламъ газеты.

Первое мѣсто въ ряду сотрудниковъ принадлежитъ авторамъ передовыхъ статей, за которыя платятъ иногда большія деньги. Но самую большую плату получаютъ «спе-

ціальные корреспонденты». Редакція посылаетъ ихъ отъ себя во Францію, Турцію, Индію, Америку, на край свѣта, всюду, гдѣ вспыхнетъ война или произойдетъ революція, случится какое-нибудь громкое событіе. Спеціальный корреспондентъ не живетъ на одномъ мѣстѣ, а постоянно разъѣзжаетъ съ одного края свѣта на другой. Онъ долженъ все изслѣдовать, бодрствовать, наблюдать, всюду ѣздить и писать подъ жгучимъ солнцемъ и въ зимнюю бурю. Онъ долженъ явиться немедленно всюду, гдѣ происходитъ что либо мало-мальски замѣчательное: онъ слѣдуетъ за арміей, переѣзжаетъ съ одного поля сраженія на другое, посѣщаетъ лазареты, слѣдитъ за настроеніемъ умовъ въ городахъ и деревняхъ, является на знаменитыя торжества. Жизнь этихъ людей преисполнена приключеній и опасностей. Во время послѣдней франко-прусской войны ихъ нерѣдко заподозривали въ шпіонствѣ, подвергали тюремному заключенію, арестовывали. Многіе изъ нихъ были убиты, другіе ранены. Всѣ расходы по путешествіямъ, которыя дѣлаетъ корреспондентъ, онъ ставитъ на счетъ редакціи. Жалованья эти корреспонденты въ большихъ газетахъ получаютъ до 160 ф. ст. въ мѣсяцъ. За спеціальными корреспондентами слѣдуютъ «собственные корреспонденты»; они живутъ въ разныхъ городахъ Европы и Америки и всегда сообщаютъ газетамъ свои извѣстія по телеграфу и только въ рѣдкихъ случаяхъ по почтѣ. Затѣмъ слѣдуютъ репортеры и стенографы, которые появляются на всѣхъ замѣчательныхъ засѣданіяхъ судовъ, на торжествахъ и митингахъ, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи. Газетнымъ репортерамъ открытъ входъ рѣшительно всюду, куда бы они ни пожелали: на всѣ митинги, празднества, торжественные обѣды. Ихъ приглашаютъ въ театры, на репетиціи новыхъ пьесъ, на концерты, на художественныя и промышленныя выставки, ранѣе, чѣмъ эти выставки открываются для публики. О всемъ, что они видятъ, они тотчасъ сообщаютъ въ газеты, но такъ какъ англійская публика любитъ, чтобы всѣ эти происшествія описывались въ яркихъ краскахъ и съ живыми подробностями, то репортеры нерѣдко приукрашиваютъ дѣйствительность.

Отмѣтчики, называемые «Penny-a-Liners», потому что они прежде получали по пенни за строчку, собираютъ по городу извѣстія о судебныхъ казусахъ, пожарахъ, самоубійствахъ и всякихъ мало-мальски выдающихся событіяхъ. Чуть гдѣ начинается пожаръ, собирается кучка народу, разбитаго человѣка поднимаютъ съ мостовой, — и сквозь толпу уже пробирается отмѣтчикъ. Онъ всегда съ записной маленькой книжечкой, переходитъ отъ одного человѣка къ другому, осматриваетъ каждаго съ ногъ до головы, расспрашиваетъ о событіи. Многіе отмѣтчики, чтобы не тратить много времени на составленіе отчета, готовятъ ихъ въ свободныя минуты на разныя житейскія случайности, оставляя въ нихъ пробѣлы для обозначенія, гдѣ произошло событіе. Когда полиція требуетъ у собравшейся кучки народа, чтобы она разошлась, отмѣтчику только слѣдуетъ сказать: «a gentleman of the press», и онъ можетъ уйти послѣднимъ или остаться на мѣстѣ, сколько ему угодно. Такой отмѣтчикъ цѣлый день бѣгаетъ по городу и получаетъ за свои извѣстія по полтора пенса за строчку, а такъ какъ онъ свои извѣстія передаетъ не въ одну, а обыкновенно въ нѣсколько газетъ сразу, то зарабатываетъ около 12 ф. ст. въ мѣсяцъ. Впрочемъ плата эта измѣняется, смотря по важности сообщаемого извѣстія.

Самый несчастный классъ тружениковъ при редакціи—это корректоры. Съ 8 часовъ утра до 3 ночи сидятъ они въ душной комнатѣ, не разгибая спины, при газовомъ освѣщеніи, и за этотъ каторжный трудъ получаютъ до 100 руб. въ мѣсяцъ. Мало кто изъ нихъ доживаетъ до старости: большинство преждевременно сходитъ въ могилу.

Положеніе типографскихъ рабочихъ теперь гораздо лучше прежняго; но работа наборщика тоже гибельно отзывается на здоровьи. Жалованье англійскаго наборщика гораздо выше того, которое этотъ классъ людей получаетъ у насъ. Главный изъ нихъ получаетъ отъ 140 до 190 руб., остальные до 80 руб. каждый.

Точную сумму дохода «Times» определить трудно, так как это всегда составляет секретъ редакціи. Главный доходъ эта газета получаетъ съ объявленій, которыхъ въ одномъ номерѣ бываетъ нѣсколько тысячъ. Редакторъ «Times», выдавая свою дочь замужъ, далъ, ей говорятъ, въ приданое два столбца объявленій, что соответствуетъ 10,000 годового дохода.

Англійская семья.—Отношеніе дѣтей къ родителямъ.—Авторитетъ отца.—Англійскіе юности.—Что такое «джентльменъ».—Гостепримство и отношеніе къ иностранцамъ.—Характеръ англичанъ.—Женщины и ихъ права.

На каждомъ англичанинѣ, гдѣ бы онъ ни жилъ, лежитъ печать его національности. Француза не всегда можно отличить отъ итальянца или отъ испанца, но англичанина трудно смѣшать съ кѣмъ бы то ни было. Въ Петербургѣ, въ Парижѣ, въ Неаполѣ, въ Мадритѣ, въ Берлинѣ его узнаешь между тысячами, до такой степени рѣзко выдается его типическая личность. Куда бы онъ ни явился, онъ всюду внесетъ свои обычаи, свою манеру жить, нигдѣ и ни для кого не измѣнитъ своихъ привычекъ, онъ вездѣ—у себя дома. Этотъ оригинальный, самостоятельный, въ высшей степени цѣльный характеръ отражается и въ его семейномъ быту. Семья и домашній очагъ имѣютъ въ глазахъ англичанина огромное значеніе, играютъ въ его жизни первую роль. Вотъ почему въ Англии существуетъ цѣлая литература о домашнемъ очагѣ. Лучшие люди страны стараются сдѣлать литературу этого рода какъ можно болѣе доступною для массы; романы, стихи и рассказы съ такимъ содержаніемъ продаются очень дешево, не смотря на то, что вообще англійскія книги чрезвычайно дороги. Какъ въ чужой странѣ или въ чужомъ домѣ, такъ и у себя, въ своемъ домашнемъ быту, англичанинъ холоденъ, сдержанъ, недоступенъ, но въ его отношеніяхъ къ окружающимъ видно доброе, великодушное сердце. Нигдѣ нѣтъ такой замкнутости семейнаго круга и въ то же время нигдѣ члены семьи не пользуются такою свободою; нигдѣ нѣтъ того порядка, комфорта, той взаимной дѣятельности на пользу семьи и общества, какъ въ англійскомъ семействѣ.

Семья достаточнаго англичанина состоитъ обыкновенно изъ множества членовъ: всегда очень много дѣтей, гувернантки, гувернеры, тетушки, масса прислуги. Не смотря на это, вы не встрѣтите здѣсь ни шума, ни гама, ни ссоръ, ни подпольныхъ семейныхъ интригъ. Все идетъ чинно, стройно, дѣльно. Хотя въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми много патриархальнаго, но не мало внесено въ ихъ семейную жизнь и здоровыхъ элементовъ. Всѣ члены семьи называютъ другъ друга «вы»; обращеніе на «ты» изгнано изъ англійскаго языка. По ихъ понятіямъ, со словомъ «ты» можно обращаться только къ Богу. Другая характерная черта ихъ отношеній—полнѣйшая самостоятельность дѣтей, разъ они достигли совершеннолѣтія. Родители не только не подавляютъ въ дѣтяхъ общественныхъ инстинктовъ, но стараются развить ихъ всѣми силами. Тутъ семейная обстановка не отталкиваетъ: здѣсь меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, сантиментальныхъ, пустыхъ дѣвушекъ, жизнь которыхъ посвящена только нарядамъ, чтенію пустыхъ и глупыхъ романовъ. Тутъ нѣтъ избалованныхъ до уродливости дѣтей, нерѣдко тирановъ всей семьи. Еще рѣже встрѣчаете вы самодуровъ отцовъ, которые для того, чтобы поставить на своемъ, портятъ жизнь жены и дѣтей. Въ урокъ дѣти рѣзвятся, шумятъ, играютъ свободно. Ребенокъ получаетъ отличное физическое воспитаніе, его стараются закалить къ житейскимъ невзгодамъ и суровой атмосферѣ страны. Онъ много плаваетъ, упражняется въ гимнастикѣ, съ самаго ранняго дѣтства влѣзаетъ на высокія деревья, мастерски скачетъ на лошади. И дѣти обоихъ половъ, какъ людей знатныхъ, такъ и простыхъ, очень рано развиваются физически и получаютъ страсть къ опасностямъ и отважнымъ забавамъ. Но за то англійскія дѣти не привлекутъ васъ къ себѣ живыми, умными

отвѣтами, которые вы встрѣтите у французскихъ дѣтей, смѣткою престопаднаго рускаго мальчика, черными, глубокими глазами итальянскаго ребенка, его замѣчательною остротою ума, его порывистыми движеніями, полными огня и страсти. Англійскіе дѣти— это голубоглазые херувимы, откормленные, какъ бульдоги въ барскомъ домѣ. Они, даже и въ аристократическихъ семьяхъ, поспорятъ съ дѣтьми всего свѣта въ умѣньи и ловкости лазить по деревьямъ и по корабельнымъ снастямъ, въ мужествѣ, терпѣньи и необыкновенной способности выносить всевозможныя лишения, физическія страданія и утомленіе. Приучаясь постепенно и съ ранняго дѣтства на глазахъ у матери бороться съ товарищемъ, упражняться въ боксѣ, плавать и купаться даже въ холодное и суровое время года, править лодкой, скакать на горячемъ конѣ черезъ рвы и заборы, жить болѣе тѣмъ $\frac{3}{4}$ дня на воздухѣ, а не въ комнатѣ, они совершенно закаляютъ свой организмъ и очень рано бываютъ готовы бороться съ житейскими бурями и невгодами и главное съ тяжелымъ трудомъ.

Мать и отецъ ведутъ хозяйство съ знаніемъ дѣла. Если они поженились, а на ихъ рукахъ очутилось большое помѣстье, они серьезно и научнымъ образомъ изучаютъ хозяйство, напередъ точно опредѣливъ между собою, какую отрасль хозяйства займетъ тотъ или другой изъ нихъ. Родители сдаютъ на руки дѣтямъ помѣстья не разоренныя, а приводятъ ихъ въ наилучшій видъ. Что же касается денегъ, они ставятъ себѣ въ первѣйшую обязанность наживать ихъ, какъ можно больше, но не съ тѣмъ, чтобы передавать ихъ въ наслѣдство, а чтобы жить самимъ съ семьею съ наибольшимъ комфортомъ. Юноши, дѣвушки, лишь только выступили на самостоятельную дорогу, не жалѣя своихъ силъ, стараются добывать какъ можно больше денегъ. Они любятъ деньги не ради денегъ, не ради того, чтобы обезпечить свое будущее, а чтобы въ свое удовольствіе, хорошо пожить въ настоящемъ. Хорошо пить, ѣсть, имѣть собственную, комфортабельно обставленную квартиру и добрую жену — первая мечта юноши. Англичанинъ или передаетъ своему сыну прекрасно устроенное имѣнье, въ свою очередь тоже полученное имъ отъ отца, или рѣшительно ничего не оставляетъ: какъ бы ни были велики деньги, которыя онъ зарабатываетъ, онъ не копитъ ихъ для дѣтей, а усиливаетъ роскошь и комфортъ своей обстановки. Его совѣсть по отношенію къ дѣтямъ совершенно покойна; при своей жизни онъ даетъ имъ такое воспитаніе, которое всегда дастъ имъ возможность сначала самостоятельно заработать свой насущный хлѣбъ, а потомъ также самостоятельно устроить роскошную и комфортабельную обстановку. Въ случаѣ внезапной смерти отца дѣти всегда получаютъ порядочный кушъ изъ какого нибудь страховаго общества, въ которое при жизни аккуратно вносили ихъ отецъ проценты за большой капиталъ, которымъ онъ нашелъ нужнымъ оцѣнить свою драгоценную жизнь. Да и зачѣмъ англичанину оставлять много денегъ своимъ дѣтямъ? Онъ убѣжденъ въ томъ, что деньги изнѣживаютъ человека въ ту пору, когда онъ только и долженъ думать о томъ, какъ бы больше приобрести новыхъ познаній, какъ бы лучше устроить себѣ свое хорошенькое гнѣздышко. Пока юноша не женился и не обзавелся собственнымъ домомъ, онъ долженъ во всемъ себѣ отказывать, долженъ копить, пока не скопитъ достаточно, чтобы имѣть возможность жениться. Отецъ прежде всего заботится, чтобы поскорѣе поставить сына на ноги, воспитать его здоровымъ и выносливымъ и дать ему основательныя научныя познанія. Въ 19—20 лѣтъ отецъ уже объявляетъ сыну, что съ этихъ поръ онъ совершенно свободенъ и самъ долженъ думать о себѣ. Даже и въ очень богатыхъ семействахъ, не только юношамъ, но и дѣвушкамъ съ 18, 19 лѣтъ приходится заботиться о себѣ самимъ: по англійскому закону большая часть состоянія переходитъ старшему въ родѣ. Молодые люди, дѣвушки и юноши, нерѣдко жившіе въ родительскомъ домѣ съ замѣчательною роскошью, въ 19, 20 лѣтъ безропотно отправляются, нерѣдко въ другую часть свѣта, само-

стоятельно зарабатывать свой хлѣбъ. Дѣвушки ѣдутъ гувернантками въ Америку, въ Индію, въ Новую-Зеландію; юноши точно также въ разные концы свѣта: конторщиками, управителями фермъ, корреспондентами, служителями въ ту или другую банкирскую контору. Чтобы понять вполне характеръ англичанина, его предприимчивость, рѣшимость, непреклонную желѣзную волю, которую онъ успѣваетъ такъ рано развить въ себѣ, нужно посмотрѣть на англійскихъ юношей наканунѣ ихъ разлуки съ родительскимъ домою. Они получили отъ родителей самую небольшую сумму для проѣзда и для скромной жизни въ новомъ мѣстѣ мѣсяца на полтора. Не смотря на это, лица ихъ дышатъ необыкновенной энергіей и отвагой. «Первый годъ въ конторѣ», говоритъ одинъ изъ юношей, «мнѣ обѣщали платить 100 фунтовъ, слѣдовательно, уже тогда можно будетъ отложить фунтовъ 20. Второй годъ удваиваютъ жалованье молодымъ людямъ, которые умѣютъ обратить на себя вниманіе, — слѣдовательно на второй годъ мнѣ легко будетъ отложить 100 фунтовъ. Да, я непременно долженъ столько откладывать, говоритъ онъ, что-то вспомнивъ и краснѣя, даже и въ такомъ случаѣ, если мнѣ придется самому стричь овецъ, рубить дрова, таскать воду. Такимъ образомъ черезъ пять, шесть лѣтъ я приобрету капиталъ въ тысячу фунтовъ. Я вернусь въ Лондонъ, по моимъ расчетамъ, когда мнѣ будетъ 27 лѣтъ. Миссъ Мери будетъ уже тогда 24 года»... глаза его при этомъ блестятъ мужествомъ, отвагой и счастьемъ. Вы можете быть увѣрены, что эти слова не бредъ юноши. Всѣ его мечты сбываются еще гораздо раньше. Какую бы тяжелую работу ни пришлось исполнять англійскому юношѣ и изъ какого бы богатаго семейства онъ ни происходилъ, — вы подумаете, что онъ привыкъ къ этой работѣ съ ранняго дѣтства. Вотъ эта-то подготовленность ко всякому практическому дѣлу, несмотря на комфортабельную обстановку и роскошь въ родительскомъ домѣ, — самая характерная сторона англійскихъ семействъ.

Оставляя родительскій кровъ, въ которомъ такъ безмятежно и счастливо прожилъ юноша девятнадцать лѣтъ, уѣзжая съ родины одинъ на другой конецъ свѣта, гдѣ молодой человѣкъ не имѣетъ ни одной знакомой души, гдѣ ожидаетъ его неизвѣстное будущее, юноша никогда не разрыдается, онъ всегда самъ себѣ господинъ. Да и какое право онъ имѣетъ на отчаянье? Участь его старшихъ сестеръ и братьевъ, кромѣ первенца въ семьѣ, была такая-же, тоже будетъ съ младшими членами его семьи, — такъ смѣетъ ли онъ роптать на судьбу за то, что пришла его очередь. Вся многочисленная семья проводитъ съ нимъ весь день наканунѣ отъѣзда. Отецъ даетъ совѣты, рассказываетъ объ условіяхъ жизни, которыя ждутъ его въ чужой странѣ... Всѣ члены семьи веселы, сестры острятъ, по поводу тѣхъ или другихъ происшествій, которыя могутъ случиться въ его предпріятіи. Отъѣзжающій самъ отлично знаетъ жизнь страны, въ которую онъ отправляется: онъ серьезно приготавлился къ отъѣзду, основательно изучалъ жизнь природы и людей, съ которыми ему придется встрѣтиться лицомъ къ лицу. Минута отъѣзда торжественна: всѣ лица серьезны, но никогда не происходитъ раздражительныхъ сценъ; отецъ холодно прощается съ отъѣзжающимъ, сынъ почтительно пожимаетъ ему руку, но безъ особенной нѣжности, — недаромъ же онъ, говоря объ отцѣ, называлъ его «*my governour*», т. е. мой правитель. Мать онъ обнимаетъ; подходя къ миссъ Мери, онъ крѣпко пожимаетъ ей руку и краснѣя спрашиваетъ ее: «увидимся ли мы съ вами, миссъ Мери, здѣсь черезъ пять, шесть лѣтъ?» — Да, я буду васъ ждать», отвѣчаютъ ему просто, безъ всякаго жеманства и сантиментальности. И миссъ Мери твердо сдерживаетъ свое слово: она много лѣтъ ждетъ юношу, котораго она полюбила, ждетъ его безъ всякихъ уворотовъ, даже безъ малѣйшей тѣни страха и сомнѣнія. Въ долгіе годы разлуки ей никогда не придетъ въ голову, что ея женихъ можетъ ее обмануть, — это бываетъ здѣсь такъ рѣдко и случается только съ юношами, которые уже съ раннихъ лѣтъ заявили себя множествомъ

дурныхъ поступковъ, а миссъ Мери дѣвушка хотя и очень молодая, но съ серьезнымъ образованіемъ, сама изъ порядочной семьи и не могла бы полюбить дурнаго юношу. Миссъ Мери серьезно, со всей чистотой молодой души, относится къ словамъ: «я буду васъ ждать...» Пусть тотъ, которому она сказала эти слова, остается на чужбинѣ долѣе назначеннаго ей срока, — такъ вѣроятно нужно для нашего будущаго счастья, его задержали обстоятельства», говоритъ она и продолжаетъ такъ же спокойно заниматься тѣмъ, что начала. Во время разлуки съ любимымъ человѣкомъ англійской дѣвушкѣ некогда сантиментальничать, некогда распѣвать пошлые романсы, некогда называть, передъ ней тоже серьезное дѣло, она также должна зарабатывать свой хлѣбъ. Она отправляется въ гувернантки или зарабатываетъ деньги уроками, переводами, литературнымъ трудомъ, и, чѣмъ бы она ни занималась, она всегда умудрится найти время познакомиться съ чѣмъ нибудь новымъ и такимъ образомъ расширить кругъ своихъ познаній; къ тому-же, сколько бы она ни зарабатывала, она всегда дѣлаетъ маленькія сбереженія, которыя увеличиваетъ съ каждымъ мѣсяцемъ. Теперь женихъ и она очень молоды, живутъ внѣ дома, слѣдовательно могутъ жить очень скромно, могутъ въ случаѣ надобности совсѣмъ обходиться безъ прислуги, но когда они возвратятся на родину, поженятся, обзаведутся семьей, — о, тогда совсѣмъ другое дѣло. Тогда уже нельзя будетъ думать о томъ, чтобы копить. Тогда, если они считаютъ себя порядочными людьми, они должны обставить свой домъ богато, комфортабельно, должны содержать большой штатъ прислуги. И молодые люди такъ проникнуты этими убѣжденіями, что свято и точно выполняютъ то, что отъ нихъ требуетъ общество и обычай страны: они будутъ испытывать всякія лишения внѣ родины, работать по 12 часовъ въ сутки, но непремѣнно вернутся домой богатыми людьми и заживутъ точь въ точь, какъ ихъ родители. Въ ранней самостоятельности англійской молодежи много хорошаго; но въ тоже время эта лихорадочная страсть къ наживѣ, суровая борьба и тяжелый трудъ только для того, чтобы свить себѣ теплое гнѣздышко, убиваютъ въ юношѣ наиболѣе симпатичныя стремленія, и онъ на всю жизнь остается прежде всего пріобрѣтателемъ.

У насъ, да и почти повсюду въ Европѣ, разбогатѣвъ, обыкновенно бросаютъ дѣла. Англичане же не отдыхаютъ и въ преклонныхъ лѣтахъ. Жизнь, полная самыхъ разнообразныхъ трудовъ для наживы денегъ, и въ тоже время дѣятельное участіе въ дѣлахъ общественныхъ, такая жизнь дѣлается второй натурою англичанина; всѣ они увлечены политикой, различными обществами, школами. Каждый англичанинъ членъ множества обществъ, а ни одно англійское общество не будетъ считать своимъ членомъ человѣка для себя бесполезнаго. Поэтому даже и въ преклонныхъ лѣтахъ, когда англичанинъ находитъ, что онъ можетъ меньше заниматься дѣлами для пріобрѣтенія, на его плечахъ множество заботъ общественныхъ. Одинъ изъ нихъ ведетъ протоколы, другой служитъ кассиромъ, пишетъ проекты, рефераты для обсужденія въ предстоящемъ собраніи; это дѣлается уже совершенно безкорыстно, для какого нибудь «общества покровительства бѣднымъ» такого-то квартала, для «общества присканія работъ бѣднымъ женщинамъ» или «общества покровительства животнымъ». Еще болѣе употребляетъ онъ времени на политику. Вотъ какъ одинъ писатель, долго изучавшій англійскія нравы, описываетъ одно знакомое ему семейство, которое можетъ служить образцомъ множества другихъ семействъ средней руки. «М., сынъ мелкаго коммерсанта, имѣетъ шестерыхъ дѣтей. Отецъ М. далъ ему образованіе практическаго инженера и, какъ только молодому человѣку минуло 18 лѣтъ, приказалъ ему, не изъ грубости или холодности, но по принципу, добывать самому себѣ средства къ жизни. М. отправился въ Шотландію и самъ нашелъ себѣ мѣсто въ 30 или 40 фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ отправленъ въ Индію ста- нить маякъ, — при этомъ онъ уже получалъ 300 фунтовъ въ годъ. Маякъ удался, его

посылают ставить второй, и тутъ уже ему назначаютъ 400 ф. въ годъ и 100 фунтовъ награды. По возвращеніи онъ строитъ мостъ, подаетъ о немъ отчетъ и за это его дѣлаютъ секретаремъ одной компаніи въ Лондонѣ и онъ получаетъ новую прибавку къ своему жалованью. Въ это время онъ женится на молодой гувернанткѣ, которую горячо полюбилъ, но у которой нѣтъ ни гроша. Теперь онъ еще молодой человекъ, но уже секретарь большаго учрежденія и получаетъ болѣе 600 фунтовъ въ годъ. Онъ ходитъ туда каждый день, работаетъ въ своемъ бюро, не поднимая головы; до девяти часовъ, затѣмъ возвращается домой, обѣдастъ и вечеромъ долженъ написать до 70 писемъ по дѣламъ, долженъ принять ежедневно до десяти посѣтителей, отдавать приказанія, принимать отчеты отъ множества лицъ по дѣлу службы и въ то же время считаетъ своимъ долгомъ неустанно слѣдить за семьей, за обученіемъ и воспитаніемъ своихъ шестерыхъ дѣтей! Трудно себѣ представить, сколько дѣлъ и обязанностей онъ исполнитъ въ одинъ вечеръ. Въ тѣ дни, когда у него менѣе посѣтителей и есть возможность не писать столько писемъ по дѣлу службы, онъ пишетъ для словаря греческихъ древностей. Для этого онъ сперва прочелъ древнихъ въ переводѣ; затѣмъ съ помощью своихъ ученыхъ друзей, издателей словаря, онъ добился того, что сталъ бѣгло читать классиковъ въ подлинникѣ. За этими занятіями онъ нерѣдко проводитъ ночи. Къ тому же онъ нашелъ время хорошо изучить нѣмецкій и французскій языки, музыку, слѣдить за всѣмъ вновь выходящимъ. Онъ говоритъ, что ему необходима такая дѣятельность; однажды, проведя два дня въ полной праздности, онъ чуть не умеръ со скуки. Онъ утверждаетъ, «что эта потребность труда—англійскій фондъ; машина перетираетъ самое себя, если вертится безъ перерабатываемаго матеріала». Его молодая жена, хорошо воспитанная и образованная, имѣла дѣдомъ слесаря, работавшаго при одной коллегіи. Ея отецъ, сынъ слесаря, принятый изъ милости въ коллегію, отлично учился и вышелъ наставникомъ. Онъ бралъ дѣтей пансіонерами къ себѣ и приобрѣлъ протекціей своихъ воспитанниковъ мѣсто пастора, дававшее въ годъ 500 фунтовъ. Затѣмъ онъ приобрѣлъ славу хорошаго проповѣдника и его достатокъ увеличился, такъ какъ сильно раскупали его проповѣди. Приобрѣвъ хорошую репутацію, онъ переехалъ въ Лондонъ, основалъ капеллу и сталъ получать около 1200 фунтовъ въ годъ. Онъ былъ женатъ два раза: въ первый разъ на женщинѣ, у которой ничего не было, во второй на особѣ съ состояніемъ; онъ имѣлъ 14 дѣтей отъ перваго брака и 6 отъ втораго. Всѣ его сыновья: профессора, юристы или священники, — почти всѣ очень достаточные люди и своимъ достаткомъ исключительно обязаны своему трудолюбію. Однѣ изъ дочерей остались дома воспитывать младшихъ братьевъ и сестеръ, другія сдѣлались гувернантками. Между прочимъ гувернанткой была до замужества и госпожа М., для того, *чтобы быть независимой*, какъ она сама выражается. М., его жена и ихъ дѣти, живутъ теперь комфортабельно; они нанимаютъ за 200 фунтовъ въ годъ котѣджъ въ окрестностяхъ Лондона; каждый годъ они путешествуютъ всей семьей. Они проживаютъ все, что зарабатываютъ, но отецъ обезпечилъ будущность семьи, застраховавъ свою жизнь».

Рано стать самостоятельнымъ, жениться по любви на небогатой и умной женщинѣ, имѣть много здоровыхъ дѣтей, зарабатывать много, но ничего не откладывать, жить съ полнымъ достаткомъ, работать какъ волъ, умѣть воспитать дѣтей, чтобы и они въ свою очередь умѣли работать и жить точно также, подчиняться всѣмъ общественнымъ требованіямъ, умны они или глупы, до глубокой старости приобретать новыя знанія, развлекаться отъ одного труда другимъ трудомъ, много путешествовать и при этомъ не терять ни минуты времени, провѣряя свои знанія, однимъ словомъ «всегда производить и всегда приобретать» — вотъ идеалъ англичанина, вотъ къ чему стремится каждый джентльменъ, чего онъ желаетъ для своихъ дѣтей... Люди другихъ странъ, если они разъ много перенесли и испытали въ своей жизни, обыкновенно стараются дѣтей своихъ избавить отъ

тѣхъ же испытаній и страданій, — англичанинъ никогда; какою бы борьбой онъ ни приобрѣлъ себѣ свое благосостояніе, онъ никогда не будетъ стараться избавить дѣтей отъ тяжелыхъ испытаній. Счастье только тогда счастье, по понятію англичанина, когда человекъ самъ себѣ его завоевалъ, и только трусь, говоритъ онъ, боится житейской борьбы, невзгодъ, труда и лишеній. Нравственный кодексъ англичанина: «работай, способствуй какому нибудь полезному дѣлу; иначе ты не человекъ, не имѣешь права на уваженіе». Атлетическія упражненія, воспитаніе, развивающее потребность движенія, и въ то-же время флегматическій темпераментъ даютъ возможность англичанину всегда довести до конца свою работу, какъ бы скучна и однообразна она ни была. Эти же качества помогли англійскому народу выработать твердую волю, характеръ и сдѣлаться замѣчательно хорошими рабочими на всѣхъ поприщахъ дѣятельности. Посмотрите на рабочихъ французскихъ, итальянскихъ, испанскихъ и англійскихъ. Уже со втораго, съ третьяго часа въ работѣ каждаго вы замѣтите утомленіе, нѣкоторую вялость. Англичанинъ, какъ машина, работаетъ ровно, какъ-бы безъ всякихъ усилій, какъ въ первый часъ, такъ и въ послѣдній.

Идеаль англичанина, къ которому онъ стремится всю свою жизнь и понятіе о которомъ онъ старается дать своему сыну съ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ, — это какъ слѣдуетъ жить и держать себя, чтобы удостоиться вполне названія *джентльмена*. Когда англичанинъ скажетъ про кого нибудь — «да, онъ настоящій джентльменъ», — это значитъ, что тотъ, о комъ идетъ рѣчь, во всѣхъ отношеніяхъ порядочный человекъ, конечно по его понятіямъ. Въ Англій, чтобы быть признаннымъ настоящимъ джентльменомъ, нужно имѣть не только прекрасныя умственныя и душевныя качества, но и значеніе въ обществѣ и жить съ извѣстной роскошью. Джентльменомъ называютъ въ Англій человека, хотя и не всегда принадлежащаго къ высшимъ слоямъ общества, но, во всякомъ случаѣ, отличающагося своимъ образованіемъ, тактомъ, изяществомъ манеръ, изысканною вѣжливостью. Джентльменъ долженъ имѣть величественную осанку, быть очень щедрымъ, но никакъ не показывать этого, а быть скромнымъ, гуманнымъ, мягкимъ и главное, имѣть въ высшей степени *self-respect*, т. е. то внутреннее чувство самоуваженія, которое вовсе не есть высокое понятіе о себѣ, а напротивъ строгое отношеніе ко всѣмъ своимъ поступкамъ. Джентльменъ — человекъ, достойный власти, честный, безкорыстный, для хорошаго дѣла всегда способный жертвовать своимъ временемъ и деньгами, умѣющій *руководить и подчиняться*. Онъ долженъ отличаться невозмутимымъ хладнокровіемъ, самообладаніемъ, настойчивостью въ преслѣдованіи хорошей цѣли, всегда и во всемъ сохранять чувство собственнаго достоинства; въ немъ должно быть полнѣйшее отсутствіе всякой аффектаціи, чванства или хвастливости — вотъ идеаль, къ которому лежатъ всѣ симпатіи страны. Англійское понятіе о джентльменѣ во многомъ сходно съ испанскимъ понятіемъ *кабалеро*, съ тою разницею, что испанцы прилагаютъ этотъ эпитетъ къ каждой порядочной личности, къ какому бы классу онъ ни принадлежалъ; въ Англій же идеаль джентльмена начинается только съ достаточныхъ классовъ, потому что у англичанъ онъ прилагается непременно только къ людямъ, имѣющимъ независимое положеніе. Кромѣ «джентльменства», свойственнаго преимущественно высшимъ классамъ, въ среднемъ классѣ общества, у людей торговыхъ свой идеаль — *respectability*. Для достиженія его человекъ средняго класса долженъ отличаться религіозностью, усердіемъ къ церкви, участвовать въ благотворительныхъ обществахъ; при этомъ онъ долженъ показывать примѣръ порядочности въ семейной жизни, иначе онъ можетъ остаться безъ занятій, маломальски обезпечивающихъ жизнь. Вотъ это-то и заставляетъ многихъ надѣвать маску *respectability*, т. е. ходить каждое воскресенье въ церковь, жертвовать на разныя благотворительныя общества, строго слѣдить не только за собой, но и за сосѣдями, чтобы они въ воскресный день не ударили палець о палець. Такіе люди въ большинствѣ случаевъ

отличаются ханжествомъ, нетерпимостью въ дѣлѣ религіи и какимъ-то мѣщанскимъ чванствомъ. Если въ идеалѣ джентльмена чувствуется нѣкоторое отраженіе рыцарства среднихъ вѣковъ, то при словѣ respectability вспоминаешь идеалъ мѣщанства.

Какъ однако проводить свое время дѣти подѣ родительскимъ кровомъ? Какое ихъ отношеніе къ родителямъ? Отецъ властелинъ и глава семейства, онъ пользуется въ семьѣ полнѣйшимъ авторитетомъ. Отъ него идутъ всѣ главные распоряженія, всѣ перемѣны въ семейной жизни. Онъ заботится о столѣ, о платьѣ, о воспитаніи, о здоровьѣ, объ удовольствіяхъ своего семейства, а прежде всего поддерживаетъ субординацію и согласіе. И дѣйствительно, большая англійская семья съ тетушками, бабушками, съ гувернерами, гувернантками, съ слугами и служанками, составляетъ цѣлое государство: отецъ его глава, его судья, высшая инстанція. При этомъ въ семействѣ отъ 15 до 20 выѣздныхъ лошадей, молочное хозяйство, — обо всемъ нужно подумать, распорядиться. Жена ему, конечно, во всемъ помощница, но хозяйство слишкомъ обширно, притомъ у жены такъ много дѣтей, такъ много хлопотъ и присмотра за всѣми домочадцами. Воля отца исполняется дѣтьми безпрекословно. Старшіе сыновья и дочери — уже взрослые, но пока они живутъ съ отцомъ, всѣ его привычки, всѣ его желанія выполняются съ полною готовностью. Дѣти рано начинаютъ понимать тяжелую обязанность быть отцомъ, распоряжаться большими помѣстьями; у нихъ передъ глазами его трудовая жизнь, и они снисходительно относятся къ его мелочнымъ требованіямъ. «Такъ хочетъ отецъ, такъ любитъ отецъ», и все это считается священнымъ. Впрочемъ, кромѣ нѣкоторыхъ мелочей, отецъ требуетъ отъ дѣтей разумнаго и даетъ имъ полнѣйшую свободу. Дочери нерѣдко однѣ совершаютъ большія прогулки, даже продолжительныя путешествія. Окончивъ курсъ своего образованія, дѣвушки, согласно своимъ способностямъ, свободно выбираютъ себѣ родъ занятій: устраиваютъ школы, вступаютъ въ различныя общества, дѣлаются учительницами, гувернантками, литераторами. Родители не находятъ, какъ во многихъ странахъ, что самостоятельная трудовая жизнь и общественная дѣятельность — униженіе для женщины. Напротивъ, здѣсь относятся къ подобнымъ женщинамъ съ уваженіемъ, а дѣвушку, наклонную къ пустой жизни, отецъ такъ же строго журитъ, какъ и сына. Англійскаго юношу увлекаетъ не пустая кукла, а дѣвушка занятая, которая будучи моложе его, сумѣла дать ему уже нѣсколько добрыхъ совѣтовъ. Серьезныя требованія, которыя англійское общество предъявляетъ женщинамъ, и выработали здѣсь раньше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, умныхъ женщинъ, которыя, кромѣ основательнаго общаго образованія, спеціально занимаются той или другой наукой. Въ семьяхъ достаточныхъ всѣ дѣвушки знакомятся съ нѣсколькими языками, французскимъ, нѣмецкимъ, итальянскимъ, при помощи иностранныхъ нянекъ и гувернантокъ. Мало-малышечки увеличивается достатокъ семьи, и воспитаніе дѣтей расширяется. Мало того, что всѣ образованныя дѣвушки бѣгло говорятъ на названныхъ языкахъ, дѣло этимъ никогда не ограничивается: онѣ читаютъ въ подлинникъ на этихъ языкахъ всѣхъ знаменитыхъ авторовъ. Можно смѣло сказать, что ни одна изъ нихъ не изучаетъ языкъ или пользуется имъ для того, чтобы блеснуть въ обществѣ; вы можете встрѣтить женщину, говорящую не только на важнѣйшихъ новыхъ, но и на древнихъ языкахъ, и только случайно узнаете, что она ихъ знаетъ; безъ нужды она не станетъ говорить на иностранномъ языкѣ. Весьма многія изъ нихъ серьезно изучаютъ естественныя науки: ботанику, минералогію, геологію. Страстныя любительницы природы и путешествій, онѣ во время своихъ прогулокъ старательно изучаютъ минералы, растенія, раковины, составляютъ огромныя коллекціи. Многія дѣлаются основательными учеными. Талантъ нерѣдко между женщинами-писательницами, — между ними есть таланты первостепенные, умы гениальные. Множество произведеній нѣмецкой, французской и другихъ литературъ — прекрасно переведены женщинами. Другія пишутъ въ журналахъ, издають популярныя

книги по разнымъ предметамъ, вступаютъ въ ассоціаціи, держатъ школы для бѣдныхъ дѣтей. Богатство, знатность, аристократическое происхожденіе не избавляютъ женщину отъ этихъ обязанностей. Лоттереи въ пользу бѣдныхъ, гдѣ розыгрышами служатъ картины, отлично выполненныя акварелью и женскія работы, нерѣдко все исполненное руками королевы и ея дочерей, живо говорятъ о томъ, что и королевская фамилія считаетъ для себя обязательнымъ выполнять общественныя требованія.

Дѣвушки чрезвычайно просты въ обращеніи, но, несмотря на свои обширныя познанія, чрезвычайно конфузятся въ обществѣ. Когда дѣвушка видитъ новое лицо, она застѣнчиво краснѣетъ и молчитъ, пока сильный интересъ не вызоветъ ее на живой споръ. Впрочемъ застѣнчивость отличительная черта и молодыхъ людей: вы нерѣдко встрѣтите многихъ изъ нихъ на томъ или другомъ митингѣ, произносящихъ краснорѣчивыя рѣчи, спичи за обѣдомъ и вспыхивающихъ, какъ дѣвочка, при входѣ новаго лица, неловко отвѣчающихъ на его вопросы. Богатая и знатная женщина, принимающая у себя множество посѣтителей, вдругъ страшно конфузится и становится втупикъ, если она встрѣчаетъ незнакомое лицо тамъ, гдѣ она этого не ожидала. Вообще англичанки скорѣе хорошія подруги, любящія сестры, добрые товарищи, прекрасныя хозяйки, но далеко не свѣтскія женщины. Онѣ не обдадутъ васъ потокомъ краснорѣчія, сарказмовъ и остроумія французенокъ и составляютъ имъ совершенную противоположность. Такъ какъ порядочныя, образованныя женщины обыкновенно выходятъ здѣсь замужъ по любви и взаимной склонности, то вы встрѣчаете много незамужнихъ женщинъ, но онѣ свою ролью никогда не тяготеютъ. Каждая пожилая дѣвушка вполне самостоятельна, нерѣдко зарабатываетъ своимъ трудомъ большія деньги и, если остается жить въ семьѣ, то только въ такомъ случаѣ, когда въ ней чувствуютъ положительную необходимость; тогда она помогаетъ въ хозяйствѣ, даетъ уроки дѣтямъ, завѣдуетъ садомъ и при всемъ этомъ непременно беретъ совѣтъ на свои руки одну какую нибудь отрасль въ хозяйствѣ. Виѣсть съ недостаткомъ свѣтскости, англичанки, особенно послѣ французенокъ, бросаются въ глаза тѣмъ, что не умѣютъ одѣться съ такимъ изяществомъ, граціею, миловидностью и вкусомъ. Богатыя англичанки наряжаются очень шикарно, женщины средняго состоянія стараются подражать имъ, — наряжаются даже черезъ-чуръ богато, но все это бросается въ глаза, все неловко шито, одѣто неумѣлою рукой. За то, какъ неподражаемо хороша англичанка на лошади. Простое безъ украшеній суконное платье ловко обхватываетъ гибкую талію; ея смѣлая посадка и привычка къ лошади — выказываютъ силу, здоровье, гибкость всѣхъ движеній; маленькая соломенная шляпа съ узенькой ленточкой, кожанныя высокія ботинки напоминаютъ вамъ, что она также хорошій ходокъ и чужда всякой изнѣженности. Неловкая въ роскошномъ платьѣ, амазонкой англичанка является передъ вами граціознымъ созданіемъ, полнымъ жизни.

Многіе иностранцы, вслѣдствіе холодности англичанъ и недостатка свѣтскости ихъ женъ, дикости и конфузости ихъ дочерей, сдѣлали совершенно ложное заключеніе, что англичане народъ негостепріимный. Правда, англичанинъ нерѣдко встрѣчаетъ своего гостя словами «радъ видѣть», и затѣмъ, сказавъ еще двѣ, три такихъ же банальныхъ фразы, тутъ же садится въ сторону, особенно если при этомъ васъ занимаетъ его жена, и погружается въ газеты. Хозяйка дома никогда не разсыпается въ любезностяхъ, она сдержанна и только привѣтлива. Но стоитъ узнать англичанину, что вы иностранецъ или человекъ неопытный въ той мѣстности, въ которую вы явились, и онъ встрѣчаетъ васъ съ радушіемъ и предупредительностью. Нужно однако замѣтить, что такимъ образомъ встрѣтить англичанинъ можетъ васъ только тогда, когда у васъ есть какое нибудь рекомендательное письмо. Иначе онъ считаетъ васъ первымъ встрѣчнымъ и очень сдержанъ съ вами. Но англичанинъ, къ которому вы явились съ рекомендательнымъ пись-

момъ, считаетъ долгомъ оказывать вамъ всевозможныя услуги, запросто вводитъ васъ въ свой семейный кругъ и во всё свои семейные интересы. Онъ приглашаетъ васъ на свои обѣды, доставляетъ вамъ всевозможныя книги и свѣдѣнія о мѣстности, которую вы изучаете, дѣлается путеводителемъ во всѣхъ вашихъ прогулкахъ, возитъ васъ въ свой клубъ, ведетъ въ свое общество, знакомитъ съ своею работою, представляетъ роднѣ и друзьямъ, приглашаетъ васъ къ себѣ гостить въ деревню и даетъ вамъ другія рекомендательныя письма. Тотъ же радушный приемъ вы встрѣтите и тамъ, куда онъ васъ откомендуетъ, и нерѣдко джентльменъ, котораго вы видите въ первый разъ, послѣ непродолжительнаго разговора, искренно упрасиваетъ васъ провести съ нимъ недѣлю въ его загородномъ домѣ. Если вы согласитесь на это, васъ примутъ тамъ, какъ члена семьи. И что васъ всего болѣе удивляетъ въ такихъ случаяхъ, такъ это то, что, послѣ двухъ, трехъ дней знакомства, вся семья съ вами совершенно откровенна, нисколько не стѣсняется, точно вы съ ними знакомы уже много лѣтъ. Болѣе радушный приемъ вы встрѣчаете у англичанина за городомъ, въ его помѣстьи. Въ Лондонѣ живутъ не долго, и въ два, три мѣсяца, которые проводятъ въ столицѣ, приходится вести болѣе разбѣнную жизнь. Наконецъ во время сезона такъ много выѣздовъ, концертовъ, что имъ въ это время и не до гостей.

Сближеніе молодыхъ людей совершенно свободно: они могутъ изучать и узнавать другъ друга, сколько имъ угодно, проводить цѣлые вечера въ разговорахъ и чтеніи безъ всякаго надзора, ѣздить вдвоемъ верхомъ въ теченіи нѣсколькихъ сезоновъ къ ряду. Когда молодой человѣкъ полюбитъ дѣвушку, онъ прежде всего дѣлаетъ предложеніе ей, а потомъ уже ея родителямъ.

Нѣтъ на свѣтѣ семейной жизни спокойнѣе и счастливѣе, чѣмъ въ Англіи, но нужно замѣтить, что это бываетъ только въ такомъ случаѣ, когда мужъ маломальски порядочный человѣкъ. И наоборотъ, трудно себѣ представить болѣе несчастное, безправное, беззащитное существо, какъ замужняя женщина въ Англіи, если только судьба связала ее съ дурнымъ человѣкомъ. Мужъ, по закону, полнѣйшій властелинъ жены, и вслѣдствіе этого, при несчастномъ бракѣ, женщина не только совершенно поработана, но и разорена. Даже и при счастливомъ бракѣ здѣсь нерѣдко случается, что женщина, богатая сегодня, завтра, потерявъ мужа, остается съ большою семьею на рукахъ и безъ всякихъ средствъ. Случаи такого печальнаго разоренія очень часты и причиною этому раздѣленіе труда, внесенное даже и въ семейный бытъ. Мужъ отдаетъ подъ надзоръ жены одну какую нибудь часть своего хозяйства. Жена дѣлаетъ всѣ усилія, чтобы вполнѣ добросовѣстно и современно вести отрасль хозяйства, порученную ей, но совсѣмъ не знаетъ, что дѣлается съ остальнымъ достояніемъ. Если мужъ дурно ведетъ дѣла и вдругъ умираетъ, женщина не знаетъ, какъ поправить ихъ, потому что въ остальныя отрасли хозяйства она совсѣмъ не вмѣшивалась.

Законъ нисколько не защищаетъ замужней женщины, и мужъ по своему произволу можетъ обращаться съ нею совершенно деспотично. Поэтому лучшіе умы Англіи, какъ напр. Джонъ Стюартъ Милль, такъ энергично возставали всю жизнь противъ закона, порабощающаго женщину въ Англіи гораздо болѣе, чѣмъ въ странахъ менѣе образованныхъ.

По англійскимъ законамъ женщина, вышедшая замужъ, теряетъ какъ всѣ свои имущественныя права, такъ и человѣческія. До тѣхъ поръ, пока дѣвушка или вдова не вышла замужъ, она можетъ устроить свою собственность, какъ ей вздумается: можетъ продать свое имѣніе и купить вмѣсто него новое, можетъ завѣщать его, кому захочетъ, имѣетъ право входить въ различныя обязательства и вчинать иски. Въ большинства другихъ государствъ эти права остаются при ней и послѣ того, какъ она вышла

замужъ; въ Англіи, напротивъ, женщина послѣ замужества теряетъ всѣ свои имущественныя права. Мало того, только шесть лѣтъ тому назадъ она получила право пользоваться и распоряжаться деньгами, заработанными личнымъ трудомъ. До 1870 г. прачки, актрисы, писательницы, швеи и всѣ остальные труженицы не могли за свою работу получить денегъ, если-бы мужъ заявилъ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ слѣдовала плата, что онъ самъ желаетъ получать ее. Тогда каждое учрежденіе, каждый частный человекъ обязаны были выдать деньги мужу, и тотъ имѣлъ право издержать ихъ хоть на свои прихоти и не дать женѣ ни копѣйки. Безъ согласія мужа жена не имѣетъ права входить ни въ какія обязательства, не можетъ заключать ни съ кѣмъ никакихъ условій, не смѣетъ сдѣлать даже самаго ничтожнаго распоряженія въ домѣ, закупокъ по хозяйству. «Она не можетъ, за нѣкоторыми рѣдкими исключеніями, отъ себя вести тяжбы на судъ; не можетъ принести жалобы на личное оскорбленіе постороннимъ лицомъ, если эта жалоба не поддерживается мужемъ. За то, правда, и къ ней не можетъ быть предъявленъ никакой искъ, и она не можетъ быть привлечена къ ответственности иначе, какъ вмѣстѣ съ мужемъ. Кромѣ случаевъ государственной измѣны и убійства, она не преслѣдуется судомъ ни за какія преступленія и проступки, если они были совершены въ присутствіи мужа. Она можетъ безнаказанно ограбить кого бы то ни было, такъ какъ законъ полагаетъ, что въ присутствіи мужа она совершила преступленіе подъ его вліяніемъ. Мужъ имѣетъ право принуждать жену къ повиновенію своей волѣ, всѣми законными средствами. Онъ можетъ выгнать жену изъ дому, и если докажетъ, что сдѣлалъ это потому, что она ему не повиновалась, то будетъ совершенно правъ».

Мать не имѣла права распоряжаться своими дѣтьми по достиженіи ими семилѣтняго возраста. Отецъ могъ обращаться съ ними самымъ жестокимъ образомъ и по закону она не могла освободить ихъ отъ тираніи отца. Но съ 1873 г. этотъ жестокой законъ измѣненъ, и мать имѣетъ нѣкоторое право вмѣшиваться въ судьбу дѣтей до 16-ти лѣтняго ихъ возраста. Но и теперь еще отецъ можетъ ловко обходить этотъ законъ. Онъ можетъ на случай смерти назначить опекуновъ и попечителей, и тогда послѣ него не только все его состояніе, но даже и его собственныя дѣти вполнѣ зависятъ отъ произвола этихъ опекуновъ. Мать при этомъ можетъ быть совершенно устранена отъ всякаго контроля надъ своими дѣтьми и надъ своимъ имуществомъ.

Но если незамужняя женщина во всѣхъ отношеніяхъ свободнѣе замужней, то относительно выбора труда та и другая стѣснены одинаково. Въ Англіи, также какъ и въ другихъ странахъ, женщинѣ отведена чрезвычайно узкая сфера дѣятельности. Правда, англійскія женщины, какъ въ заведеніяхъ, такъ еще скорѣе въ своихъ семействахъ, получаютъ гораздо болѣе широкое развитіе и образованіе, чѣмъ женщины другихъ странъ. Вслѣдствіе этого онѣ уже давно заявили свои таланты и знанія во всѣхъ отрасляхъ науки, литературы и искусства. Всѣми же другими сферами дѣятельности завладѣли исключительно мужчины. Они опасаются, что женщины явятся для нихъ опасными конкурентами по части добыванія денегъ и, не разбирая средствъ, всѣми силами стараются затруднить имъ доступъ къ той или другой отрасли труда. Для доказательства этого можно привести множество самыхъ осязательныхъ фактовъ изъ жизни, какъ нисшихъ слоевъ общества, такъ и самыхъ образованныхъ людей страны. Разрисовщики фарфора на всѣхъ фабрикахъ не допускаютъ женщинъ принимать участіе въ этой отрасли труда, опасаясь, что онѣ отобьютъ у нихъ хлѣбъ. На одной ковровой фабрикѣ, сговорившись между собою, работники вдругъ забастовали, т. е. перестали работать, заявивъ хозяину, что они только тогда опять примутся за дѣло, когда съ фабрики будутъ выгнаны всѣ женщины. И мужчины сдержали свое слово: послѣ того, когда вслѣдствіе ихъ требованія нѣсколько сотенъ женщинъ, безъ всякой причины, были выброшены на улицу безъ крова и хлѣба, —

они тотчасъ принялись за прерванныя работы. Нѣкоторые типографщики, желая дать у себя занятіе женщинамъ, приглашали ихъ къ себѣ въ качествѣ наборщицъ. Тогда всѣ рабочіе типографіи немедленно дѣлались ихъ заклятыми врагами. Своими грубостями, пошлыми выходками самаго безчеловѣчнаго свойства, они заставляли женщинъ немедленно оставлять типографію. Если же изъ нихъ попадалась какая нибудь настойчивая, энергическая женщина, которая дѣлала видъ, что не замѣчаетъ недоброжелательства, тогда рабочіе уже прямо заявляли своему хозяину, что они всѣ оставляютъ типографію, если тотчасъ не исключать изъ нея женщинъ. Добросовѣтность женщинъ, ихъ способность скорѣе мужчинъ примѣняться ко всякому труду, если только онъ не требуетъ особеннаго напряженія физическихъ силъ, — все это еще болѣе возбуждаетъ къ нимъ зависть работниковъ.

Теперь укажемъ дурныя и хорошія стороны въ отношеніяхъ между членами семьи.

Между дѣтьми нѣтъ равенства, и потому отношенія ихъ между собою холодны и натянуты. Въ аристократическихъ семьяхъ старшій сынъ — лордъ, съ доходомъ въ 100 и 200 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, а младшій живетъ своимъ трудомъ, занимаетъ должность пастора, юриста. Въ семьяхъ средней руки хотя общественное положеніе дѣтей и болѣе равное, но старшій братъ все таки и здѣсь гораздо богаче младшаго. Даже при одинаковомъ воспитаніи братья чувствуютъ между собою разстояніе и не могутъ относиться другъ къ другу искренно и дружелюбно. Дѣти, поженившись, никогда не живутъ въ домѣ родителей, точно также никогда не живутъ вмѣстѣ два женатыхъ брата. Тутъ каждое хозяйство должно быть независимо. Впрочемъ, еще живя подъ родительской кровлею, каждый сохраняетъ собственный уголокъ, уважаемый всѣми въ семьѣ; вторгнуться въ этотъ неприкосновенный уголокъ было бы насиліемъ. Этимъ я хочу сказать, что каждый англичанинъ любитъ быть съ своимъ горемъ, съ своей радостью, съ своимъ честолюбіемъ, дѣлать мечты, создавать планы, и родители и близкіе не считаютъ себя въ правѣ вторгаться въ этотъ завѣтный міръ непрощеннымъ гостемъ. И родители воздерживаются отъ этого, какъ отъ посягательства на свободу личности. Поэтому отецъ и мать здѣсь гораздо меньше знаютъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, чувства своихъ дочерей, дѣла или удовольствія своихъ сыновей. То-же и въ остальномъ: имъ чужды интимныя, безконечныя бесѣды, сердечныя признанія дочери, когда она впервые полюбила челоуѣка, планы юноши, когда онъ вступаетъ въ жизнь. Привычка къ сдержанности ведетъ къ своего рода стоицизму. Даже передъ людьми близкими бываютъ сдержанны; въ семьѣ, наванунгъ потерявшей родственника: отца, дочь, вы никогда не увидите и не услышите слезъ, рыданій. Всѣ сходятся въ обычный часъ къ обѣду, только меньше разговариваютъ другъ съ другомъ. Какое бы ни случилось горе, англичанинъ считаетъ своею обязанностью, какъ ни въ чемъ не бывало продолжать свою дѣятельность, прерывая ее только на время, когда нужно отдать какой нибудь долгъ усопшему. Когда королева Викторія, послѣ смерти своего мужа, поддалась сильному горю и хотѣла отказаться отъ пріемовъ и выѣздовъ, газеты стали обвинять ее, намекая, «что частный трауръ никого не избавляетъ отъ общественныхъ обязанностей».

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о характерѣ англичанъ вообще.

Англичанинъ имѣетъ врожденную склонность къ искательству приключеній. Холодный и флегматикъ по натурѣ, онъ способенъ страстно увлекаться всѣмъ великимъ, новымъ, оригинальнымъ. Эта черта его характера нерѣдко дѣлаетъ его смѣшнымъ, но въ тоже время не только англійская нація, но часто даже челоуѣчество обязано ей великими результатами: важными географическими открытіями, научными и промышленными изобрѣтеніями. Одаренный смѣлымъ воображеніемъ, замѣчательною, недостижимомъ для другихъ націй энергіею, желѣзною волею и невозмутимымъ спокойствіемъ и терпѣніемъ,

англичанинъ, рѣшившись на самое отчаянное, повидимому даже на самое неосуществимое предпріятіе, не отступить отъ него ни предъ какимъ препятствіемъ. Рядъ величайшихъ неудачъ не подѣйствуютъ даже на его всегда спокойное, ровное расположеніе духа, онъ только подзадориваютъ его, увеличиваютъ его мужество, и чѣмъ больше затрудненій встрѣчаетъ онъ на своемъ пути, тѣмъ настойчивѣе стремится онъ къ достиженію своей цѣли. Это до такой степени выдающаяся черта характера англичанина, что если жизнь его складывается такимъ образомъ, что онъ лишёнъ возможности вести тяжелую борьбу съ житейскими препятствіями, онъ начинаетъ страдать невыносимой хандрой, сплиномъ. Тогда отъ давящей его скуки онъ принимается искать развлеченія въ самыхъ странныхъ приключеніяхъ, и находитъ какое-то наслажденіе совершать несказанныя безумства. Всегда оригинальный, онъ дѣлается тогда величайшимъ эксцентрикомъ. Точно также и въ области искусства англичанинъ любитъ прежде всего грандіозность и оригинальность; то и другое прежде всего по его понятіямъ, заключается въ громадности. И потому, все что они создаютъ или строятъ, отличается этого рода величіемъ, т. е. громадностью. Взгляните на ихъ мосты, монументы, парки, корабли, доки, фабрики, — все это въ громадныхъ размѣрахъ. Другой красоты они не понимаютъ.

Выше всего на свѣтѣ англичанинъ ставитъ свое *отечество*, свое *семейство* и *домашній очагъ*. Умственное воспитаніе ребенка прежде всего направлено здѣсь къ тому, чтобы развить въ немъ до крайнихъ предѣловъ любовь къ родинѣ и національную гордость. Въ этомъ вы легко можете убѣдиться, взявъ наудачу первый учебникъ по исторіи или по географіи: въ нихъ вмѣстѣ съ изложеніемъ историческихъ событій, или болѣе или менѣе подробнымъ описаніемъ различныхъ странъ, непременно проведена параллель между Англіею и другими націями, и всѣ эти сопоставленія прежде всего клонятся къ тому, чтобы выставить Англію, какъ страну первую въ свѣтѣ по ея произведеніямъ, торговлѣ, богатству, какъ имѣющую наилучшее правительство, наилучшую религію, націю, которая можетъ гордиться наибольшимъ количествомъ гениальныхъ людей. Отсюда вытекаетъ тщеславіе, которымъ заражены всѣ англичане, къ какому бы классу общества они ни принадлежали. Англичанинъ увѣренъ, что въ его отечествѣ все идетъ лучше, чѣмъ въ остальномъ мірѣ. Онъ высококомѣрно утверждаетъ, что если у нихъ и есть что дурнаго, все таки это дурное еще недостижимо хорошо для другихъ націй, считающихся образованными. Поэтому онъ смотритъ на иностранца высококомѣрно, съ сожалѣніемъ и нерѣдко съ полнѣйшимъ презрѣніемъ. Этотъ недостатокъ у нихъ развился вслѣдствіе отсутствія общительности и преувеличеннаго сознанія своего превосходства надъ другими, какъ отдѣльной личности и какъ члена британской націи.

Правда, англичане много путешествуютъ, но во всѣхъ своихъ путешествіяхъ они, по свойству своего ума, всегда стараются узнавать больше факты: они провѣряютъ свои научныя познанія, приобретенныя изъ книгъ о той или другой странѣ, составляютъ всевозможныя коллекціи, изучаютъ положеніе земледѣлія, фабричной промышленности, составъ почвы, испещряютъ свои записныя книжки цифрами и фактами, но совсѣмъ мало сближаются съ народомъ страны, которую изучаютъ. Этикетъ, гордость, непониманіе, а вслѣдствіе этого и презрѣніе къ чужимъ обычаямъ не дозволяютъ имъ сближаться на чужбинѣ съ иностранцами. Этотъ недостатокъ вредитъ англичанамъ въ томъ отношеніи, что они у себя никогда ничего не введутъ, или даже не примутъ въ соображеніе при своихъ учрежденіяхъ того, что у другихъ націй выработано и идетъ хорошо, а къ англичанамъ еще не привилось. Это признаніе только своихъ силъ, эта увѣренность въ самомъ себѣ въ тоже время дѣлаетъ и великія чудеса. Ни одна страна въ мірѣ не выработала такихъ свободныхъ учрежденій, не пользуется такими морскими и военными силами, мануфактурной извѣстностью, не создала такой горной промышленности, какъ Англія. Но

въ тоже время ни одинъ народъ не держится такъ крѣпко за свои предрассудки и за свое прошлое, какъ англичане, хотя это не мѣшаетъ имъ иногда вводить разныя улучшения и нововведенія. Въ этой странѣ ничто не приходитъ въ развалины, ничто не отживается своей вѣкѣ: рядомъ съ преданіями тѣснятся нововведенія. Любовь къ свободѣ у англичанина идетъ рука объ руку съ деспотизмомъ общественнаго мнѣнія и рабскимъ ему подчиненіемъ. Глубоко уважая права общества и каждой отдѣльной личности, англичанинъ выноситъ совершенно покойно аристократическія привилегіи; отдавая должное заслугамъ, образованію и личнымъ достоинствамъ, онъ въ тоже время благоговѣетъ передъ титулами. Несмотря на то, что англичанинъ средняго сословія нерѣдко достигаетъ блестящей карьеры и огромнаго значенія въ странѣ, онъ въ тоже время съ почительностью и благоговѣніемъ относится къ старшему сыну аристократа, который будетъ лордомъ; безгая всякимъ бѣднякомъ и глубоко его презирая, онъ жертвуетъ милліоны на филантропическія цѣли. Ни одинъ народъ не содѣйствовалъ болѣе прогрессу и ни одинъ народъ не проникнуть болѣе англичанъ уваженіемъ къ принятымъ обычаямъ и преданіямъ. Ни въ одной странѣ не существуетъ столько высоко-образованныхъ людей, и нигдѣ вы не встрѣтите такой глубины невѣжества, какъ въ Англіи. Несмотря на множество чисто республиканскихъ учрежденій, трудно найти страну, гдѣ было бы такое уваженіе къ королевской власти, доходящее почти до обожанія, какъ въ Англіи. Эти контрасты точно также встрѣчаются и въ частной жизни, какъ и въ общественной. Люди, поглощенные торговлею, вѣчно сидящіе у своихъ конторокъ, любятъ природу, деревню и цвѣты. Вы постоянно слышите отъ нихъ: «время—деньги», и, несмотря на то, множество negociantovъ, обязанные цѣлый день проводить въ конторѣ въ Сити, живутъ далеко отъ Лондона, на 2 и на 3 часа ѣзды по желѣзной дорогѣ и совершаютъ это путешествіе каждый день. Холодные, сдержанные, они предаются необузданнымъ взрывамъ гнѣва, веселости и кутежа, возвращаясь съ Ипсомскихъ скачекъ. Необыкновенно гуманные англичане безпрестанно издають законы, покровительствующіе животнымъ и строго воспрещающіе мучить ихъ, и въ то же время—страстные любители посмотреть на борьбу сильнаго противъ слабаго, на боксъ, въ которомъ грубая кулачная расправа не рѣдко смѣняетъ одно кровавое зрѣлище другимъ.

Англичане ревностно заботятся объ уничтоженіи невольничества, между тѣмъ они не гнушались самыми варварскими средствами для сохраненія своей власти въ колоніяхъ и Ирландіи, не хотятъ предпринять радикальныхъ мѣръ для уничтоженія въ собственной странѣ нищенства и самаго ужаснаго пролетаріата, такъ какъ для устраненія этихъ бѣдствій привилегированные классы общества должны были бы отказаться отъ тѣхъ привилегій, жертвовать которыми они вовсе не расположены и за которыя они слишкомъ крѣпко держатся.

«Деньги», говорятъ обыкновенно всѣ, «кумиръ Англіи», и это справедливо, такъ какъ нигдѣ, какъ мы уже говорили, богатство не пользуется такимъ почетомъ, какъ здѣсь. Англія прежде всего нація торговая; въ ней преобладаетъ страсть къ приобрѣтенію и духъ расчета: каждый англичанинъ работаетъ съ утра до поздняго вечера и съ самыхъ раннихъ лѣтъ учитъ своихъ дѣтей отдыхать только послѣ труда. Каково бы ни было общественное положеніе англичанина, будетъ ли онъ ученый, адвокатъ, учитель, политическій дѣятель, или священнослужитель, онъ прежде всего коммерсантъ, на каждомъ поприщѣ много посвящаетъ времени добыванію денегъ, его первая забота всегда и вездѣ какъ можно больше нажить. Но при этой необузданной алчности и страсти къ наживѣ, онъ вовсе не скупъ: онъ любитъ жить съ большимъ комфортомъ и на широкую ногу и это болѣе всего поддерживаетъ стремленіе къ наживѣ. Столь преданный деньгамъ и матеріальнымъ благамъ, англичанинъ въ тоже время человекъ религіозный. Ревность къ

вѣръ и страсть къ религиознымъ преніянь находятъ здѣсь себѣ широкую арену. Преслѣдите парламентскія пренія, и вы увидите, что въ продолженіи 20-ти лѣтъ великіе вопросы, производящіе перемѣны въ правительствѣ, суть вопросы религиозныя. И религія здѣсь не только управляетъ общественнымъ мнѣніемъ, но и требуетъ жертвъ. Для всякой реформы, для всякаго предпріятія, въ которомъ религія играетъ хотя какую-нибудь роль, сейчасъ найдутся деньги и въ большомъ количествѣ. Библейское общество тратитъ каждый годъ до 500,000 рублей на распространеніе Евангелія во всемірѣ; для постройки церквей въ столицѣ англійское духовенство собрало въ 8 лѣтъ болѣе шести миліоновъ; методисты открыли кредитъ въ 5 миліоновъ для устройства школъ и вознагражденія учителей; даже работники маленькаго города Гайда въ одинъ годъ собрали по подпискѣ для сооруженія часовни болѣе 25,000 рублей, сумму огромную по ихъ средствамъ.

Что касается англійскаго ума и его направленія, то вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ ученый, долго изучавшій англійскій народъ. «Содержаніе англійской головы можно довольно точно сравнить съ путеводителемъ: много фактовъ и мало идей. Множество полезныхъ свѣдѣній, статистическія таблицы, множество цифръ, точныя и подробныя карты, нравственныя правила въ видѣ сентенцій, полное отсутствіе общихъ взглядовъ, — просто сводъ хорошихъ, достовѣрныхъ документовъ, удобная карманная справочная книжка, дающая возможность обходиться безъ посторонней помощи въ путешествіяхъ и дѣловыхъ сношеніяхъ». Такое опредѣленіе можно признать нѣсколько рѣзкимъ, но воиной справедливымъ по отношенію къ массѣ, къ англичанамъ вообще. Въ этой характеристикѣ мы, разумѣется, не говоримъ объ исключеніяхъ, такъ какъ каждому читателю извѣстно, что многіе англійскіе ученые и писатели — всесвѣтныя знаменитости, которыя внесли идеи, ставшія достояніемъ всего образованнаго свѣта.

Обыкновенная русская и французская молодежь (мы говоримъ о лучшей ея части), прежде чѣмъ выработать свои убѣжденія, долго колеблется, всматривается, наблюдаетъ, увѣчивается и нерѣдко сегодня сжигаетъ то, чему вчера поклонялась. Англійскому юношѣ не нужно всматриваться и колебаться: онъ принимаетъ взгляды, вѣрованія, убѣжденія отца, идетъ по давно проторенной дорогѣ. Идеаль джентльменства выработаны; всякій порядочный и воспитанный юноша непременно будетъ къ нему стремиться. Какъ для нравственной, такъ и для умственной жизни — рамки готовы; «Англія лучшая страна въ мірѣ», говоритъ каждый изъ нихъ, «путемъ религіи она выработала изъ себя великую націю», и вотъ готовы для юноши будущія вѣрованія.

ПРАЗДНИКИ И РАЗВЛЕЧЕНІЯ АНГЛИЧАНЪ.

Рождество. — Приготовленія къ этому дню. — Какъ англичанки украшаютъ въ этотъ день свои дома. — Рождественская литература. — Первый день праздника: игры, забавы, рассказы и пѣсни. — Англійскій театр. — Рождественскія пантомимы на лондонскихъ театрахъ и въ частныхъ домахъ. — Фантастическія превращенія. — Страстующіе актеры. — Канунъ Нового Года: приѣты и обычаи этого дня. — Какъ проводятъ Новый Годъ. — Праздникъ муга. — День св. Валентина. — Значеніе майскихъ праздниковъ. — Окончаніе жатвы.

Большіе церковныя праздники въ Англіи въ тоже время и праздники семейныя. Англичане во всемъ оказываются народомъ, глубоко уважающимъ преданія и обычаи. Многія религіозныя празднества совершенно исчезли въ Англіи, но тѣ, что остались, празднуются точно также и съ такимъ же благоговѣніемъ ко всѣмъ обычаямъ, какъ и прежде. Самый любимый праздникъ англичанъ — Рождество. Къ нему начинаютъ приготовляться за нѣсколько недѣль. Огромныя стада гусей важно шествуютъ по всѣмъ дорогамъ, съ сѣвера и съ юга Англіи, — къ Лондону. Быки мрачнымъ ревомъ возвѣщаютъ о своемъ

прибытіи, по всѣмъ направленіямъ желѣзныхъ дорогъ, на пароходахъ и баркахъ. Пирамиды говядины передъ мясными лавками становятся все выше и объемистѣе. Любопытно посмотрѣть на эти горы съѣстныхъ припасовъ вечеромъ, въ многолюдныхъ кварталахъ Лондона, среди густой толпы народа, при свѣтѣ тысячи газовыхъ рожковъ. Но еще болѣе любопытно заглянуть въ это время въ домъ семейнаго человѣка. Стѣны самой бѣдной хижины украшены зеленою чертополоха и лавра. Убирать зеленю комнаты въ этотъ день—самое любимое занятіе всѣхъ дѣвушекъ, какъ знатныхъ, такъ и простыхъ. Трудно представить, съ какимъ вкусомъ убраны стѣны всѣхъ комнатъ въ болѣе зажиточныхъ домахъ. Гирлянды, вѣнки, вензеля и букеты расположены по стѣнамъ такъ, что не видно пустаго мѣста, и каждая комната представляетъ необыкновенно фантастическій зеленый гротъ. Тутъ и здѣсь свѣшивается вьющійся зеленый плющъ, а на нѣжной зелени остролистника ярко выдѣляются красныя ягоды, которыя по словамъ старыхъ пѣсень, «увѣчиваютъ голову мрачной зимы». «Лавръ», говорится въ одной пѣснѣ, «всего приличнѣе воинамъ и поетамъ, дубъ — эмблема сильныхъ, миртъ нравится красавицамъ, а остролистникъ дорогъ сердцу каждаго добраго англичанина». И потому-то, убирая комнаты, каждая англичанка непременно старается добыть темную зелень остролистника съ его красными ягодами. Къ потолку прикрѣпляютъ вѣтку омелы, которая свѣшивается среди комнаты. Дѣвушка кончила свою работу и уже хочетъ отойти, но въ дверь вошелъ знакомый молодой человѣкъ, быстро подбѣжалъ къ вѣткѣ, и молодые люди звонко поцѣловались. Вѣтка омелы даетъ право мужчинѣ, хорошо принятому въ домѣ, поцѣловать каждую женщину, которую онъ застанетъ подъ ея священною зеленою. Этотъ обычай, повидимому не подходящий къ англійскимъ нравамъ, строго выполняется даже самыми чопорными дѣвушками и женщинами, но, конечно, только въ нисшихъ и среднихъ классахъ, — аристократы считаютъ для себя этотъ обычай слишкомъ вульгарнымъ. «Рождество пришло! здравствуй, старый дѣдушка Рождество! Ты опять пришелъ, добрый старикъ, съ твоею сѣдою бородою!» — вотъ крики дѣтей и молодыхъ дѣвушекъ раньше зари, раньше пѣнія пѣтуха. Въ нѣкоторыхъ англійскихъ деревняхъ еще до сихъ поръ вѣрятъ, что пѣтухъ въ день Рождества привѣтствуетъ зарю новой эры и приноситъ счастье на весь годъ, и потому дѣвушки и дѣти стараются проснуться раньше пѣтуха и прокричать поздравленіе, какъ они говорятъ: «доброму дѣдушкѣ Рождеству», — котораго они такъ искренно любятъ. Сѣдая борода «отца Рождества» — это снѣгъ. Иногда однако въ Англійи Рождество встрѣчаютъ безъ снѣга, но англичане не любятъ зеленого Рождества. «Зеленое Рождество — сѣрое, мрачное кладбище», говоритъ англійская пословица.

Опишемъ утро Рождества въ Лондонѣ. Улицы около восьми часовъ еще совсѣмъ пусты, слышится только звукъ тысячи колоколовъ въ сухомъ и холодномъ воздухѣ. Маленькіе выметальщики улицъ, съ босыми, красными ногами, бѣгаютъ по бѣлому снѣгу взадъ и впередъ, стараясь привести улицы въ болѣе порядокъ. Но вотъ раздраженный народъ потянулся въ церкви; въ толпѣ безпрестанно мелькаютъ горничныя, опрятно одѣтыя, съ огромными тортами въ рукахъ, покрытыми бѣлыми, какъ снѣгъ, салфетками. Сквозь занавѣсы даже самыхъ скромныхъ оконъ блеститъ огонь: это рождественское полѣно пылаетъ въ очагѣ и яркимъ пламенемъ освѣщаетъ веселыя лица. «Пылающій огонь въ каминѣ и добрая, улыбающаяся жена», по англійской пословицѣ, «лучшія сокровища каждаго человѣка». И дѣйствительно, въ Англійи въ Рождество мало найдешь очаговъ, которые не свѣтятся, мало женщинъ, которыя не улыбаются. Разумѣется, Рождество не уничтожаетъ волшебствомъ всѣ страданія несчастныхъ пролетаріевъ, которые въ этой замѣчательно богатой столицѣ бѣднѣе и несчастнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Тѣмъ не менѣе рѣдкій бѣднякъ не сидитъ въ этотъ день у пылающаго очага. Почти во всѣхъ деревняхъ и городахъ существуютъ «рождественскіе клубы» — родъ

экономических васс. Дѣлая въ нихъ вклады, по нѣсколькѣ шиллинговъ въ теченіи нѣ котораго времени года, большинство работниковъ получаетъ возможность отпраздновать этотъ великій для себя день гораздо лучше, чѣмъ всѣ остальные праздники въ году.

Часть ѣды—самая священная минута въ жизни англичанина; въ праздникъ же она дѣлается и необыкновенно торжественною. Но Рождество безъ дѣтей—плохой праздникъ, и тотъ англичанъ, у котораго нѣтъ дѣтей, или они взрослые и разбрелись по разнымъ концамъ свѣта, самъ отправляется на обѣдъ къ роднымъ или друзьямъ.

Вся семья чинно усаживается за столъ. На самомъ почетномъ мѣстѣ обыкновенно стоитъ пустое кресло, — на немъ какъ бы присутствуетъ предокъ, или какой нибудь покойный членъ семьи. Дѣти неподобья и съ благоговѣніемъ посматриваютъ на пустой стулъ, и никто изъ присутствующихъ не позволитъ себѣ по этому поводу никакой остроты. Обѣдъ проходитъ чинно и торжественно, но когда подають plumъ-пуддингъ*), всѣ сразу оживляются, дѣти кричатъ, хлопаютъ въ ладоши, топаютъ подъ столомъ ножками. Даже дѣдушка улыбается изъ подъ тяжелыхъ очковъ, и игривое голубое пламя вина, зажженного на этомъ любимомъ, національномъ блюдѣ, сразу превращаетъ молчаливую торжественность въ шумное веселье. Подають десертъ, а въ нѣкоторыхъ домахъ появляется и елка, начинаются танцы, игры. Всѣ шумятъ, веселятся, бѣгаютъ, играютъ... «А вы и забыли, дѣти, поиграть въ жмурки и въ прятки?» напоминаетъ имъ кто нибудь изъ старшихъ. Въ какія бы игры ни играли, каждое семейство считаетъ необходимымъ поиграть въ этотъ день въ жмурки и въ прятки. И вотъ не успѣлъ еще смолкнуть веселый шумъ младшихъ сестеръ и братьевъ, всѣ лица опять принимаютъ болѣе серьезное, мрачное настроеніе. «Разскажите намъ, дѣдушка, о молодомъ Ловелѣ и о его прекрасной невѣстѣ». Дѣдушка торжественно опускается въ тяжелое кресло, на минуту раздается скрипъ подвигаемыхъ стульевъ, но когда онъ поправляетъ свои очки, — все смолкаетъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла. «Давно, давно», начинается свой разсказъ дѣдушка, «въ одномъ старинномъ замкѣ, въ семействѣ одного богатаго барона, дѣти и молодые дѣвушки со своими подругами, какъ и вы, играли въ этотъ день въ жмурки и въ прятки. Прекрасная дочь барона уже была невѣстою, и просватана за молодого Ловеля. Желая помучить подругъ, молодая дѣвушка такъ спряталась, что прошли дни, мѣсяцы, годы въ самыхъ усердныхъ поискахъ, но ее нигдѣ не могли найти. Наконецъ, уже спустя нѣсколько лѣтъ, открыли тяжелый старинный сундукъ, и тамъ нашли скелетъ съ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ увядшихъ розъ на головѣ, — это была прекрасная невѣста молодого Ловеля». Послѣ грустнаго разсказа, общество не можетъ сразу перейти къ веселымъ забавамъ и играмъ, и потому старшая изъ молоденькихъ дѣвушекъ, еще подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, затанцуетъ пѣсню, сюжетомъ которой послужила та же самая легенда. Всѣ слушали ее стоя, съ мрачною торжественностью. Но громкія пѣсни съ улицы, которыя во все горло поютъ дѣти и старики, снова оживили всѣхъ. Рождественская ночь оканчивается тѣмъ, что вся семья сообща раскрываетъ бутылку бузиннаго вина. Его пьютъ теплымъ, густымъ и очень подслащеннымъ, чтобы вызвать, какъ говорятъ дѣвушки, хорошія фантастическія грезы.

Для взрослыхъ святки—праздникъ кутежа: балы, концерты, кристальный дворецъ

*) Plumъ-пуддингъ дѣлають изъ французской булки, муки, сахару, изюму, корицы, цуката и другихъ пряностей и сладостей. Чтобы связать всю эту разнородную массу и чтобы пуддингъ не рассыпался, въ него кладутъ мозги изъ костей. Въ мелочахъ, разумеется, это кушанье разнообразится до безконечности, но когда въ праздникъ его подають къ столу, всѣ почти обливають его ромомъ, который зажигаютъ и такимъ образомъ пылающимъ приносятъ къ столу. Это до такой степени любимое національное блюдо, что, говорятъ, во время Крымской войны, англійскія дамы посылали своимъ солдатамъ plumъ-пуддинги, запакованные въ оловянные ящики, чтобы напомнить войнамъ дорогу родину.

съ своими зимними увеселеніями, вечера, пикники, — все старается подольше удержать любимца «отца Рождество», увѣнчаннаго въ одно и тоже время и льдомъ, и листвою. Въ первые дни Рождества трудно найти хоть одного англичанина въ дурномъ расположеніи духа. Все, что только можетъ польстить желудку, выставлено во всѣхъ магазинахъ, съ истинно національною предусмотрительностью, все, начиная съ испанскаго лука огненнаго цвѣта до самыхъ громадныхъ кусковъ ростбифа. Въ продолженіе всѣхъ святокъ на столѣ каждаго появляются самыя любимыя національныя кушанья и питія: жареная индѣйка, ростбифъ, бифштексъ, у богатыхъ — паштеты изъ дичи и голубей, и у всѣхъ непремѣнно plumъ-пуддингъ, портеръ и эль. Кондитерскія и аптеки съ особеннымъ рвеніемъ публикуютъ въ эти дни о конфектахъ, способствующихъ пищеваренію, которыя онѣ предлагаютъ вниманію особъ, справляющихъ святки, какъ подобаетъ порядочнымъ людямъ. Если вы не предупредите въ лондонской кондитерской, то вамъ непремѣнно дадутъ извѣстнаго рода сласти съ ревенемъ. Англичанинъ привыкъ хорошо и много кушать; къ тому же онъ обыкновенно употребляетъ черезъ-чуръ питательную и тяжелую пищу, — поэтому ему необходимо принимать что нибудь, чтобы ускорить пищевареніе. Въ святки же онъ ѣстъ еще болѣе плотно, и потому магазины и лавки оспариваютъ другъ у друга первенство, приготовляя различныя снадобья для скорѣйшаго облегченія желудка.

Но святки главнымъ образомъ торжество дѣтей. Для нихъ игрушечные торговцы выставляютъ свои самыя блестящія игрушки, кондитеры — самыя вкусныя и затѣйливыя лакомства; у книгопродавцевъ оказываются для нихъ тысячи эстамповъ и раскрашенныхъ картинъ, множество дѣтскихъ книгъ, переплетенныхъ въ бархатъ и золото. Специально къ Рождественскимъ праздникамъ выходитъ до 300 изданій, и большинство изъ нихъ расходится въ изумительномъ, совершенно немислимомъ у насъ количествѣ экземпляровъ. Такія изданія къ праздникамъ выпускаютъ въ свѣтъ десятками тысячъ экземпляровъ, а очень многія изъ нихъ даже сотнями тысячъ. Въ 1879 г. иллюстрированный журналъ «Graphic» издалъ рождественскіе рассказы въ 550,000 экземплярахъ, и это громадное изданіе разошлось все до одного экземпляра въ первый-же день своего появленія въ свѣтъ. Вообще жизнь всѣхъ этихъ изданій рождественской литературы длится не болѣе 3-хъ, 4-хъ недѣль, но ихъ расходъ, въ большинствѣ случаевъ, превосходитъ годовою расходъ самыхъ распространенныхъ изданій въ другихъ странахъ. Конечно, и между англійскою рождественскою литературою немало появляется изданій съ цѣлями исключительно спекулятивными, но между ними и множество такихъ, которыя заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія. Первокласные таланты не стыдятся помѣщать на страницахъ этихъ изданій свои лучшіе рассказы и наиболѣе удачныя статьи для легкаго чтенія, что, безъ сомнѣнія, имѣетъ огромное вліяніе на распространеніе этихъ книгъ. Другая причина ихъ неимоверно блестящаго успѣха — дешевая цѣна. «Рождественская книга» съ прекрасными картинками и политипажами, въ изящномъ переплетѣ стоятъ шиллингъ и полтора шиллинга, что на наши деньги будетъ отъ 50 до 75 к. Даже небогатый человекъ можетъ купить такую книгу въ подарокъ своимъ дѣтямъ и самъ поразвлечься легкимъ чтеніемъ, такъ какъ между «рождественскими изданіями» далеко не всѣ предназначаются исключительно для дѣтей. Издатели, несмотря на скромную цѣну, получаютъ громадные барыши, такъ какъ изданіе расходится въ нѣсколько дней.

Кромѣ множества самыхъ разнообразныхъ изданій для дѣтей, во время святокъ открываются особые музеи, залы, гдѣ устраиваютъ всевозможныя игры, рассказываютъ сказки, показываютъ доступныя для нихъ опыты. Въ эти дни вы безпрестанно читаете публикаціи о дѣтскихъ маскарадахъ. Въ нихъ появляются люди - львы, люди - пѣтухи, люди - кувшины, люди - бутылки, люди - индюки, — и все это самаго ужасающаго размаѣра и вида. Нерѣдко въ этихъ маскарадахъ одѣваются въ костюмы различныхъ націо-

нальностей и выбираютъ самые характерные моменты и сцены изъ жизни и нравовъ того или другаго народа. Въ музеяхъ они знакомятъ съ прошлою судьбою различныхъ народовъ, съ житіемъ природы и съ явленіями всѣхъ странъ свѣта. Посредствомъ опытовъ они приобрѣтаютъ, хотя и въ элементарной формѣ, но уже научныя знанія. Правда, знанія эти покажутся очень отрывочны, но множество различныхъ музеевъ, разнаго рода утреннихъ и вечернихъ чтеній, всегда дадутъ возможность желающему пополнить пробѣлы.

Первый день Рождества, какъ мы уже говорили, каждое семейство проводитъ у себя, въ кругу своихъ близкихъ и домашнихъ, — на другой день дѣтей везутъ смотрѣть въ тотъ или другой театръ новое пантомимное представленіе. Но прежде, чѣмъ мы дадимъ о нихъ понятіе, скажемъ нѣсколько словъ объ англійскомъ театрѣ.

Въ Лондонѣ около тридцати пяти театровъ и болѣе полусотни различныхъ музыкальныхъ залъ, въ которыхъ, особенно во время сезона, даютъ концерты даже по два раза въ день. Вслѣдствіе этого съ перваго раза можно подумать, что англичане необыкновенно музыкальный народъ и что театръ ихъ стоитъ на высокой степени развитія. Въ дѣйствительности же выходитъ совсѣмъ другое. Странно, что нація, которая произвела такого великаго драматурга, какъ Шекспиръ, пересоздававшего театръ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ и подарившаго своему народу такое множество гениальныхъ произведеній для театра, не имѣетъ въ настоящее время хорошихъ театральныхъ представленій; нынѣшніе актеры ея только посредственности, и вѣроятно, вслѣдствіе этого, пьесы Шекспира идутъ очень рѣдко и далеко не удовлетворительно. Музыкальностью англійская публика, какъ сейчасъ увидимъ, несмотря на то, что она посѣщаетъ концерты сотнями тысячъ, тоже далеко не можетъ похвастаться. Аристократы не посѣщаютъ театра, кромѣ двухъ оперъ, гдѣ цѣны на мѣста громадныя. Народной комедіи въ Англии нѣтъ: авторы переводятъ или передѣлываютъ французскія пьесы. Это тѣмъ болѣе странно, что въ Англии нравы настолько своеобразны, что всегда могли бы дать превосходный сюжетъ для комедіи. Между тѣмъ въ Лондонѣ, иногда на нѣсколькихъ театрахъ сразу, даютъ какое-нибудь подражаніе французской драмѣ. Желая, чтобы эти передѣлки были болѣе по вкусу англичанамъ, авторы внесли въ нихъ, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, драку, зуботычны, нощечины, боксъ и колотушки. Но, такъ какъ нынѣшніе англійскіе актеры гораздо менѣе талантливы, чѣмъ французскіе, то эти театральныя пьесы выходятъ ни французскими, ни англійскими. Посмотримъ однако, какъ высшій слой общества относится къ представленіямъ, которыя онъ удостоиваетъ своимъ присутствіемъ. Лондонскіе директора оперъ платятъ громадныя суммы, приглашая на сезонъ европейскія знаменитости. Чтобы понять, какое впечатлѣніе производятъ на публику эти извѣстныя пѣвцы и пѣвицы, стоитъ посѣтить лондонскую оперу. Роскошно по балъному разодѣтые дамы и мужчины во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, наполняютъ ложи и партеръ, — но Боже, какія равнодушныя и серьезныя у нихъ фізіономіи, съ какою величавою важною сядятъ они! Стройныя, молодыя, красивыя, голубокія и бѣлокуроыя дочери Британіи блестятъ драгоценными камнями и пышными нарядами, но ихъ большіе, чудные глаза ни разу не блеснутъ огнемъ восторга или увлеченія! Онѣ, — это ясно написано на ихъ лицахъ, — пріѣхали въ оперу, чтобы выполнить долгъ, который предписываетъ имъ кодексъ приличій и ихъ высокое положеніе. Тѣмъ не менѣе артисты, которые поютъ передъ лондонскою публикой, нерѣдко слышатъ громкія рукоплесканія и вызовы, но это не значитъ, что англичане пришли въ восторгъ отъ той или другой пропѣтой аріи; они рукоплещутъ по степени знаменитости артиста. Слушаютъ они все съ большимъ вниманіемъ: они знаютъ, что передъ ними великія европейскія знаменитости и совершенно довольны, что присутствуютъ при ихъ пѣніи. Они также знаютъ, что весь свѣтъ приходитъ въ восторгъ отъ этихъ артистовъ; какъ-же имъ, столь

просвѣщенному народу, не выказать своего сочувствія? Точно также и относительно музыки. Англичане не создали ни одной музыкальной знаменитости, и молоденькія англичанки рѣдко артистически играютъ на фортепіано или поютъ, и еще рѣже съ увлеченіемъ.

Совсѣмъ не такъ относятся англичане къ рождественскимъ пантомимамъ. Хотя они и называютъ обыкновенно эти представленія дѣтскими и ѣдутъ на нихъ въ театръ подъ предлогомъ проводить дѣтей, но смѣхъ, шутки, остроты, восклицанія, громкія, восторженные аплодисменты во время представленія и ложи, болѣе чѣмъ на половину занятія взрослыми, — все это доказываетъ, что пантомимныя представленія любимое развлеченіе не только дѣтей, но и взрослыхъ. Пантомимы существуютъ въ Англіи издавна, но прежде онѣ были не то, что теперь. Самое названіе «пантомимъ» къ нынѣшнимъ рождественскимъ представленіямъ подходитъ только на половину. Онѣ состоятъ теперь изъ двухъ отдѣльныхъ частей: въ одной изъ нихъ говорятъ, и она всего чаще написана стихами; другая исполняется нѣмыми актерами. Прежде въ пантомимѣ актеры не говорили; но съ теченіемъ времени рѣшили, какъ можно болѣе оживить эти безмолвные представленія, хотя названіе за ними осталось прежнее. Пантомимы можно видѣть и у южныхъ народовъ, но у нихъ онѣ отличаются чрезвычайно живой игрой и необыкновенною экспрессіей фізіономіи; у англичанъ — отличительнымъ характеромъ является движеніе. Игры фізіономіи при этомъ не существуетъ, такъ какъ лица актеровъ покрыты огромными масками. Бѣшеные прыжки, скачки, въ которыхъ можно сломать себѣ шею, проявленіе необычайной силы, самыя необузданныя движенія, — вотъ что характеризуетъ нѣмую часть представленія. Ни одинъ не уходитъ со сцены не подравшись, а на маленькихъ театрахъ удары сыплются въ громадномъ изобиліи. Искусство завѣдывающихъ машинами весьма велико, такъ какъ для одной сцены нужно приготовить гигантское птичье гнѣздо, въ которомъ могла бы помѣститься взрослая дѣвушка, изображающая добраго генія, для другой — гигантскую паутину, въ которой живетъ злой духъ, изображаемый актеромъ высокаго роста. И все это, и гнѣздо, и паутина должны быть такія какъ въ дѣйствительности, только громаднѣе размѣровъ. Въ составъ пантомимы непременно входятъ представленія клоуновъ и кордебалетъ. Рождественское представленіе не можетъ быть безъ танцевъ, безъ процессій, безъ живыхъ картинъ, — для всего этого нужны женщины, поэтому каждый театръ и ангажируетъ ихъ до шестидесяти. Эти пантомимы напоминаютъ и оперу, и волшебную драму, и фарсъ, и итальянскую пантомиму, и между тѣмъ въ цѣломъ носятъ печать національности. Сюжеты пьесы обыкновенно самыя фантастическія: его берутъ изъ дѣтской сказки, изъ путешествія Гулливера, изъ приключеній Робинзона Крузо, прекрасной Розамунды, Джека, убивающаго гигантовъ, и другихъ исторій добраго стараго времени. Чѣмъ болѣе интрига запутана и фантастична, тѣмъ болѣе пригодна она для рождественской пантомимы, такъ какъ при этомъ въ пьесу удобно ввести и фантастическіе танцы, и магическія превращенія, эффектное освѣщеніе и самую затѣливую, роскошную обстановку. Но мы бы составили себѣ самое ложное представленіе объ этихъ пантомимахъ, если бы заключили по этому, что въ нихъ только и есть фантастическій вымыселъ съ грубыми выходками актеровъ въ родѣ бокса и драки. Англійская пантомима идетъ рука объ руку съ современною жизнью: въ ней всегда касаются смѣшныхъ сторонъ и явленій жизни, а иногда затрогиваютъ и политическія событія. Въ шестидесятыхъ годахъ въ ней на посмѣшище выставляли вдругъ вспыхнувшее пристрастіе общества къ вертящимся столамъ. Невидимые духи совсѣмъ выворачивали міръ на изнанку: въ стѣнахъ, въ столахъ и въ потолкѣ слышались стук и голоса, стулья съ сидящими на нихъ людьми поднимались на воздухъ и танцовали, музыкальные инструменты, безъ помощи пальцевъ, издавали всевозможные звуки; цвѣт-

ной дождь сыпался на головы присутствующих. Нерѣдко берутъ историческіе сюжеты и, хотя въ нихъ нельзя искать исторической правды, тѣмъ не менѣе тутъ, какъ и въ другихъ пантомимахъ, просвѣчиваетъ тонкій англійскій юморъ и подчасъ бываютъ затронуты серьезные вопросы. Для примѣра возьмемъ пьесу, которая называется: «Пантомима Понча, или армянскій король Іоанъ и «Magna Charta» *)».

Раздается веселая увертюра, въ которой рѣзко выдѣляются звуки Понча (полишинель, который даетъ на улицѣ представленія и замѣняетъ въ Англии нашего Петрушку). Занавѣсъ подымается. Сцена представляетъ развалины римскаго форума, на Кампо-Вакчино (классическое пастбище коровъ въ Римѣ), подъ которыми расположилась толпа мужчинъ и женщинъ. Это Титанія, Оберонъ, Пукъ и ихъ феи: бобовый цвѣтокъ, паутина, горчичное сѣмя, ночная бабочка и проч. **). Оберонъ посреди своихъ фей и духовъ, изъ которыхъ одни сидятъ у огня свѣтляка, другіе на софѣ изъ жгучей крапивы, жалуется окружающимъ, что онъ не можетъ болѣе царствовать въ Англии, долженъ оставить свой дворъ въ Лондонѣ и искать убѣжища въ Римѣ. Его изгнало изъ Англии: «общее стремленіе къ наживѣ», «повсемѣстныя желѣзныя дороги» и «пенсовые магазины». Прекрасные луга, танцевальныя залы фей — разрыты и уложены рельсами, и гдѣ прежде веселился Пукъ, тамъ теперь горятъ газовые огни и свистятъ машины. При этихъ словахъ феи вздыхаютъ и качаютъ головами. Между тѣмъ Пукъ ходитъ по развалинамъ и касается головы великана, которая тутъ валется. Оттуда выскакиваетъ блестяще одѣтый маленькій Пончъ, котораго представляетъ хорошо сложенная дѣвушка. Пончъ предлагаетъ присутствующимъ ѣхать изъ Рима въ Лондонъ, чтобы тамъ представить пантомиму. Онъ обѣщаетъ приготовить для этого представленія неисчерпаемый источникъ въ прозѣ и стихахъ, гдѣ будетъ все, начиная отъ подоходнаго налога и кончая новѣйшими изобрѣтеніями — вывода дымятъ посредствомъ пара. Пончъ касается колесницы фей своимъ волшебнымъ жезломъ, и она превращается тотчасъ въ поѣздъ желѣзной дороги. Они ѣдутъ и поютъ. Это прологъ, послѣ котораго начинается самая пантомима.

Первая сцена: митингъ англійскихъ бароновъ, собравшихся въ одномъ лондонскомъ кабацкѣ, подъ предсѣдательствомъ Фицъ-Вальтера (историческое лицо). На дверяхъ кабака большими буквами написано: «Наши страданія и наши права». Изъ кабака одинъ за другимъ выходятъ бароны, всѣ съ ужасно длинными носами и въ маскахъ. Носы этихъ бароновъ, посредствомъ удивительнаго механизма, сдѣланы чрезвычайно подвижно и смотря по тому, что они должны выразить — отчаянье, любопытство, презрѣніе, гордость — они сморщиваются, вздергиваются, опускаются или совершенно поднимаются вверхъ. Президентъ Фицъ-Вальтеръ ставитъ всѣхъ бароновъ въ рядъ и требуетъ, чтобы они открыли все, что у нихъ на сердцѣ. Тогда они растегиваютъ свои жилеты и показываютъ написанный у каждаго на рубашкѣ одинъ слогъ; все вмѣстѣ составляетъ слѣдующее: «Мы заставимъ Іоанна дрожать въ своихъ башмакахъ, если онъ не будетъ осторожнѣе». Въ эту минуту вбѣгаетъ еврей и показываетъ имъ свой зубъ, который у него приказалъ выдернуть король Іоаннъ за то, что онъ не хотѣлъ дать ему въ долгъ двадцать тысячъ фунт.

*) Въ XII столѣтіи, въ Англии началась борьба бароновъ съ королевскою властью. Когда королемъ сдѣлался Іоаннъ Безземельный, — человекъ необыкновенно коварный и жестокий, англійскіе бароны и горожане, введенные изъ терпѣнія его тиранническимъ правленіемъ, принудили его подписать такъ называемую *Великую хартию вольностей* (Magna Charta Libertatum). По этой хартии власть королей значительно уменьшалась, а дворянство, духовенство и горожане получали важныя права и льготы; напримѣръ: новыя подати не могли быть валагаемы безъ согласія духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ; никакой свободный человекъ не могъ быть посаженъ въ тюрьму или лишень имущества иначе, какъ на основаніи законовъ и по приговору судей, равныхъ ему по званію, и др. Вышеозначенная пьеса и беретъ содержаніе изъ этого времени.

***) Имена личностей и фей и отчасти самое содержаніе этого пролога заимствованы изъ пьесы Шекспира «Сонъ въ лѣтнюю ночь».

стердинговъ. Это окончательно возбуждаетъ неудовольствіе бароновъ, и они собираются подписывать петицію, содержащую ихъ жалобы и требованія. Но Фицъ-Вальтеръ выхватываетъ у нихъ чернильницу, бросаетъ ее въ сторону и заставляетъ ихъ засучить рукава и омочить перья въ собственной крови. Такъ какъ они на это не соглашаются, то онъ призываетъ одного изъ своихъ слугъ, сшибаетъ его съ ногъ и такимъ образомъ окровавленное лицо этого человѣка служитъ чернильницей баронамъ. Омакивая свои перья въ его щеки, они подписываютъ петицію.

«Слова безъ дѣлъ не лучше кофея безъ сливокъ», говоритъ Фицъ-Вальтеръ, «поэтому разверните священное знамя». Одинъ изъ бароновъ тотчасъ исполняетъ приказаніе и развертываетъ знамя, на которомъ нарисована голубая свинья и внизу подпись: «Все или ничего». (Существуетъ англійская поговорка: «to do the whole hog» — «пройти всю свинью», — это означаетъ получить все или ничего). Вмѣстѣ съ этимъ бароны маршируютъ и уходятъ.

Вторая сцена: Банкетная зала въ Виндзорскомъ дворцѣ. Накрыты приборы для королевскаго обѣда. Королевскій гофмейстеръ приказываетъ подавать кушанья. Маленькіе пажы въ огромныхъ парикахъ тащатъ блюда и на каждомъ изъ нихъ написано, что онъ содержитъ: «тетерева изъ палаты общинъ»; «лебедь съ двумя шеями лорда Б.»; «пирожное съ ромомъ, изъ общества трезвости»; «раки изъ общества просвѣщенія». Гофмейстеръ отвѣдываетъ каждое кушанья, бьетъ пажа ложкою, приказывая ему сказать повару, чтобы тотъ лучше готовилъ. Являются музыканты, между прочимъ одинъ изъ нихъ играетъ на нѣсколькихъ инструментахъ сразу: на барабанѣ, цимбалахъ, на тарелкахъ, на флейтѣ, скрипкѣ, на волынкѣ и треугольникѣ. Въ программѣ сказано, что онъ играетъ кадрили «Подходящій налогъ». Затѣмъ входятъ королевскіе министры, и прежде всего лордъ канцлеръ съ большою связкою ключей и печатей. Наконецъ появляются король Іоаннъ съ королевою, въ огромныхъ маскахъ съ большими носами. Оба надѣваютъ тотчасъ чехлы на свои скипетры и вѣшаютъ короны на гвозди. За королевою идетъ цѣлый штатъ ея придворныхъ дамъ — попугаи, обезьяны, лисицы, кошки, большой пудель бульдогъ, наконецъ на бархатной подушкѣ несутъ маленькую собаченку. Едва сѣли за столъ, королева захотѣла пить. «Замороженнаго шампанскаго», кричитъ король, и гофмейстеръ въ торопяхъ раскупориваетъ бутылку шампанскаго, пробка отскакиваетъ и падаетъ въ въ глазъ королевы, который тотчасъ ужасно распухаетъ, и вся физиономія принимаетъ смѣшное и свирѣпое выраженіе. Въ эту минуту королю подають письмо отъ бароновъ, но онъ рѣшается распечатать его только тогда, когда убѣждается, что оно франкированное. Король приходитъ въ ужасъ отъ дерзкаго письма, въ гнѣвъ и досадѣ бьетъ королеву, направо и налѣво отвѣшиваетъ пощечины и въ ту же минуту замѣчаетъ, что бароны уже штурмуютъ его дворецъ. «Въ Булонь», рѣшаетъ онъ, и занавѣсъ опускается.

Третья сцена: Дворъ въ Виндзорѣ. Шумъ и возстаніе вокругъ. Вбѣгаетъ король Іоаннъ: его лицо совершенно блѣдно и искажено отъ ужаса; онъ держитъ подъ мышкою свой скипетръ въ зонтичномъ чехлѣ, корону въ кордонкѣ отъ шляпы, а другой рукой тащитъ мѣшокъ съ надписью: «Король Іоаннъ пассажиръ въ Булонь. Не подмочить». Онъ бѣгаетъ въ отчаяннѣ туда и сюда, безпрестанно роняетъ то кордонку съ короной, то свой скипетръ въ чехлѣ и при этомъ приходитъ въ ужасъ, что онъ ихъ потерялъ, наклоняется, находитъ, выражая сильнѣйшую радость. Скоро онъ замѣчаетъ, что шумъ и смятеніе все увеличиваются, мечется изъ стороны въ сторону, не зная куда дѣваться, и наконецъ прыгаетъ въ дождевую кадку, думая что она пуста. Весь мокрый, онъ вылезаетъ изъ нея въ ту минуту, когда къ нему является вѣстникъ отъ бароновъ и подаетъ ему отъ нихъ приглашительную карту. На ней написано: «Бароны просятъ короля Іоанна принять участіе въ совѣщаніи въ Рунеймедѣ. Парадные костюмы. Просятъ дать немедленный отвѣтъ».

Іоаннъ не рѣшается, что отвѣчать, но замѣтивъ на обратной сторонѣ карты слова: «холодная закуска даромъ», онъ тотчасъ же съ радостью даетъ свое согласіе и начинаетъ распаковывать свой багажъ. Изъ кордонки вынимаетъ корону, изъ чехла скипетръ, изъ мѣшка—рубашку съ мѣткою «К. Д.» (Король Джонъ), щетку и бутылку лекарства.

Четвертая сцена: Виндзоръ въ отдаленіи. Большая процессія бароновъ съ ихъ гербами и знаменами, на которыхъ можно прочесть различныя девизы: «Наши жены и младенцы»; «обнажай свой мечъ съ кротостью»; «мы не пойдемъ домой до завтра»; «твердь какъ скала, но справедливъ, какъ треножникъ»; (англійская поговорка, которая значитъ: непогрѣшимъ, какъ оракулъ). «Magna Charta»—везутъ въ каретѣ съ надписью: «компанія перевозки пакетовъ», а подлѣ ѣдетъ экипажъ съ холодной закуской. Процессія двигается при звукахъ оркестра, въ которомъ ясно слышна музыка Понча. Король Іоаннъ и его канцлеръ ѣдутъ въ поѣздѣ, на которомъ написано: «шесть пенсовъ за весь путь». Канцлеръ безпрестанно засыпаетъ, клячетъ носомъ, король будитъ его оплеухами. Омнибусъ останавливается и казначей короля платитъ шесть пенсовъ. Являются бароны и поютъ угрожающую пѣснь: «Британцы, будьте тверды, какъ кирпичи». Затѣмъ они приглашаютъ короля сѣсть на большіе вѣсы. Онъ сначала отказывается, но затѣмъ садится. Такъ какъ онъ очень легокъ, то быстро поднимается на вѣсахъ вверхъ и затѣмъ, при общихъ крикахъ бароновъ, падаетъ на землю; при этомъ бароны разстилаютъ передъ нимъ Magna Charta, какъ средство противъ легковесности монарха. Іоаннъ читаетъ ее черезъ большую зрительную трубу, возмущается ея содержаніемъ, отказывается ее подписать и ломаетъ большое перо, которое ему подають. Бароны показываютъ ему тогда на свои мечи; послѣ этой угрозы король готовъ исполнить ихъ желаніе и проситъ новаго пера. Одинъ воинъ раскалываетъ свою пику и тутъ же превращаетъ ее въ стальное перо. Тогда король объявляетъ, что не можетъ писать не выпивши. Ему подають вино, но въ волненіи онъ обмакиваетъ перо въ вино, а выпиваетъ чернила. Оправившись, онъ объявляетъ, что не можетъ писать, такъ какъ на него смотрятъ бароны. Они отворачиваются и король пишетъ: «Джо» и лишь послѣ того, какъ бароны нѣсколько разъ оборачиваются въ нему, онъ прибавляетъ послѣднія буквы своего имени. Тогда бароны бросаются къ бумагѣ, сватываютъ ее въ свертокъ, чтобы король не могъ вычеркнуть написаннаго, затѣмъ строятся въ рядъ и издають радостные крики, — въ этомъ имъ помогаетъ также и лордъ канцлеръ. Король толкаетъ его за это на землю, канцлеръ падаетъ и толкаетъ со сѣда и такимъ образомъ падаютъ всѣ и король съ королевой. Въ эту минуту является Пончъ на своемъ локомотивѣ, дотрогивается своей волшебной палочкой до неподвижно лежащихъ и превращаетъ королеву въ Коломбину, короля въ клоуна, а остальныхъ въ Арлекина, Панталона и различныхъ лицъ своихъ уличныхъ представленій. Пончъ продолжаетъ свои превращенія, и скоро и люди, и вся обстановка сцены совершенно мѣняются.

Кулисы представляютъ теперь различныя улицы Лондона съ самыми разнообразными на нихъ сценами. При этомъ все до послѣднихъ мелочей сдѣлано, какъ въ дѣйствительности, только все въ карикатурномъ видѣ. Трудно и невозможно передать всю соль и юморъ, которые безпрестанно мелькають въ словахъ и движеніяхъ актеровъ этихъ пантомимъ. Это выражается въ словахъ, которыхъ невозможно перевести, въ намекахъ, объясненіе которыхъ заняло бы у насъ слишкомъ много мѣста. Въ нѣмыхъ сценахъ, которыя слѣдуютъ за превращеніями, нѣтъ особенной связи. На этой улицѣ представлены воры, которые, предлагая купить, вытаскиваютъ платки, часы, крадутъ даже дѣтей. Тамъ тридцать полицейскихъ, съ разныхъ угловъ бросаются на одного бѣднаго пьянаго. Здѣсь парикмахеръ, посредствомъ паровой машины, приводитъ въ движеніе сразу дюжину ножницъ и стрижетъ такимъ образомъ своихъ посѣтителей. Вотъ контора одной газеты, гдѣ конторщикъ звонитъ, чтобы привлечь покупателей. Все это разнообразится танцами.

Когда исчерпаны все дневные новости и все, что может представить действительность и изобрести фантазия, является еще раз волшебный король Пончъ въ позолоченной гондолѣ, при волшебномъ освѣщеніи и при звукахъ оркестра.

Эти пантомимныя представленія даются на лондонскихъ театрахъ въ продолженіи шести недѣль. Каждый театръ непременно приготавливаетъ къ Рождеству какую нибудь новую пьесу, и каждый разъ ее даютъ на второй день праздника. Все театры обыкновенно биткомъ набиты зрителями. Матери изъ Вестъ-Энда и Сити, въ превосходныхъ костюмахъ, торжественно сидятъ въ ложахъ, среди бѣлокурокъ головокъ. Глядя, во время этихъ представленій на публику, подумаешь, что это просто выставка прелестныхъ дѣтей: цвѣтущія здоровьемъ, съ голыми ножками, голубоглазыя, бѣлокурокъ, они скорѣй напоминаютъ херувимовъ. Трудно описать радость, восторгъ, удивленіе, наивныя восклицанія при видѣ чудесъ и блеска волшебнаго міра, алмазной долины, земли фей, острова летающихъ женщинъ, жемчужнаго фонтана, замковъ съ золотыми воротами, фантастическихъ гротовъ, бриллиантовыхъ горъ, освѣщенныхъ бенгальскими огнями всевозможныхъ цвѣтовъ, женщинъ, неподвижно расположенныхъ, какъ букеты искусственныхъ цвѣтовъ. Эти восторги доходятъ до крайняго предѣла въ сценахъ превращеній, для которыхъ обыкновенно приготавливаютъ всевозможные волшебные сюрпризы.

Уже съ начала августа начинаютъ готовить костюмы, картины и машины для этихъ пантомимныхъ представленій. И трудно представить, сколько рукъ, головъ заняты приготовленіями къ нимъ. Авторъ предлагаетъ директору сюжетъ для новой пантомимы. Это долго остается секретомъ между имъ и директоромъ. Тотъ и другой принимаются за работу. Авторъ пишетъ такъ называемое введеніе, или литературную часть арлекинады, а остальное представляетъ фантазіи распорядителя пантомимами. Директоръ собираетъ машинистовъ, костюмеровъ, артистовъ, — однимъ словомъ, весь театральный міръ, чтобы выслушать новую пьесу въ рукописи. Каждый изъ нихъ дѣлаетъ замѣчанія, даетъ совѣты и, когда пьеса принята, начинаютъ дружно работать. Вотъ огромная мастерская, гдѣ только готовятъ различные инструменты для воспроизведенія иллюзій; тамъ фабрикують сотнями маски; здѣсь фабрика различной мебели, которая отъ привожденія фей принимаетъ совершенно другой видъ: простой скромный стулъ становится золотою каретою; столъ — чудесной кроватью, которая подниметъ къ потолку волшебницу, какъ только она на ней растянется; маленькій рабочій ящикъ, изъ котораго вылетятъ нѣсколько прелестныхъ фей, которыя тотчасъ начнутъ танцовать различные фантастическіе танцы. . . . А вотъ и гардеробная. Тутъ швеи кроютъ и шьютъ день и ночь платья изъ кружевъ, устьяныхъ золотыми блестками для фей, ундины и нимфы. Но для этого требуется только изящный вкусъ; гораздо труднѣе приготовить костюмъ для паука, жука, для различныхъ птицъ, для живыхъ цвѣтовъ, для хмѣля, жимолости. Въ этихъ представленіяхъ дѣвушки безпрестанно играютъ роль того или другого насѣкомаго, птицы, живаго цвѣтка, и швейамъ нужно приготовить подходящій костюмъ. Цѣлый классъ художниковъ пишетъ картины, огромная армія плотниковъ, столяровъ и всевозможныхъ мастеровъ занята работами для этихъ представленій.

Эти рождественскія пантомимныя представленія проникли и въ самый народъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ театровъ, они даются странствующими актерами, которыхъ для этого зазываютъ въ частные дома. Во время святокъ, въ различныхъ мѣстечкахъ въ провинціи, вы безпрестанно можете встрѣтить толпу людей, очень фантастично и комично одѣтыхъ, — это и есть странствующіе актеры, изъ которыхъ большинство обыкновенно дѣти двѣнадцати, тринадцати лѣтъ; такихъ мальчиковъ называютъ «*minstrels*». Ихъ зазываютъ въ каждый домъ, мимо котораго они проходятъ: богатый ли то замокъ, или жилище фабричнаго рабочаго. Хозяинъ дома извѣщаетъ объ этомъ ближайшихъ сосѣдей

и своихъ служащихъ, и представленіе начинается. Характеръ этихъ представленийъ уже гораздо менѣе сложный, чѣмъ на лондонскихъ театрахъ, безъ фантастическихъ превращеній, безъ дорогихъ костюмовъ. Откуда же этотъ обычай въ народѣ, который не отличается ни артистическими, ни художественными дарованіями? Рождественскіе праздники, еще въ самыя отдаленныя отъ насъ времена, всегда и вездѣ очень шумно праздновались или различными представленіями, въ которыхъ актерами являлся народъ, или переодѣваньями, шутками, пѣснями. Въ древнемъ Римѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, происходили самыя распущенныя сатурналіи. Во Франконіи и Тюрингій дѣти ходили въ это время изъ дома въ домъ, переодѣтые въ самыя странныя костюмы, пѣли, отпускали различныя шутки и имъ давали за это подарки и деньги. Около этого же времени года, во Франціи, также совершались переодѣванія и даже, чтобы руководить этими шутками, выбирали «короля своеволія». Точно также въ Англіи эти переодѣванія и шутки во время святокъ существуютъ уже съ самаго давняго времени. Еще и теперь во многихъ глухихъ мѣстностяхъ Англіи сохранился обычай выбирать руководителя этими шутками; его называютъ «аббатомъ своеволія», «лордомъ безпорядка», «императоромъ игръ». Эти рождественскія шутки, игры, переодѣванія, пантомимы до такой степени были развиты въ Англіи, что исполнялись даже при королевскомъ дворѣ. Эти пантомимы, годъ отъ году становятся все болѣе блестящими и перенесены на лондонскіе театры, но и теперь еще, весьма во многихъ мѣстностяхъ, самъ народъ представляетъ ихъ, какъ мы уже говорили, въ лицѣ странствующихъ актеровъ. Сюжетомъ для такихъ представленийъ обыкновенно служатъ легенды, между которыми самая извѣстная—легенда «о святомъ Георгіи и о борьбѣ его съ дракономъ». Дѣйствующія лица: дѣдушка Рождество — грубый старикъ въ большой маскѣ и длинномъ парикѣ, съ толстою палкою въ рукахъ. Святой Георгъ — рыцарь въ широкихъ штанахъ, въ рубахѣ, которая украшена пестрыми лентами. Онъ носитъ постоянно вынутый, готовый къ бою мечъ. На головѣ — высокій шлемъ изъ папки, украшенный цвѣтною бумагою, бусами и кусочками зеркала. Съ его шлема свѣшиваются внизъ до земли полосы лыка, украшенныя разными цвѣтными тряпочками. Египетскій король и турецкій рыцарь — у того и другого на головѣ родъ тюрбана. Докторъ — одѣтъ весьма комично, въ родѣ паяца или арлекина; у него трехугольная шляпа и размазанное лицо. Драконъ и великанъ — одѣты пестро и напоминаютъ только что описанныхъ дѣйствующихъ лицъ. Игрушечная лошадка обыкновенно также является въ этихъ представленіяхъ. Дочь короля египетскаго — лице, которое во время всего дѣйствія остается безъ рѣчей и неподвижно; эта роль обыкновенно исполняется мальчикомъ.

Общество садится въ кресла, раздается стукъ въ дверь, — входитъ турецкій рыцарь. «Отворите дверь и впустите меня», говоритъ онъ, «я надѣюсь заслужить ваше одобреніе. Пусть мнѣ придется стоять, лишь бы только вамъ понравиться. Святой Георгъ здѣсь и клянется, что войдетъ сюда; если онъ это сдѣлаетъ, придетъ мой конецъ». Въ эту минуту входитъ египетскій король. «Это я, египетскій король, во всемъ своемъ величіи! Святой Георгъ, приди сюда, приди мой сынъ, мое единственное дитя!» Входитъ Георгъ. «Это я, святой Георгъ, британецъ по рожденію. Я хочу побѣдить дракона, по рыцарскому обычаю; я обрѣжу ему крылья, и онъ не станетъ болѣе летать. Я втопчу его въ грязь или погибну самъ». — «Кто ищетъ крови дракона?» кричитъ драконъ, «англійская собака хочетъ меня побѣдить; влянусь, онъ не уйдетъ отсюда живымъ, я съѣдаю такихъ по десятку». Святой Георгъ и драконъ дерутся, — послѣдній убитъ. «Нѣтъ ли тутъ доктора», говоритъ отецъ Рождество входя, «ученаго, разумнаго и искуснаго, который вылечитъ бы смертельную рану дракона, чтобъ міръ не потерялъ этого героя?» — «Я ученый, искусный, ловкій докторъ, и могу излечить смертельную рану, такъ что міръ не потеряетъ этого героя». — «Сколько же ты хочешь за это, сынъ мой?» — «Пятнадцать фун-

товъ—моя обыкновенная плата, но за такую презрѣнную собаку я могу взять и половину. Ну-ка парень, прими моего флипъ-флопъ», говоритъ докторъ поднося склянку дракону, «встань и дерись снова». Драконъ оживаетъ и битва возобновляется, но онъ опять убитъ. «Своимъ мечемъ я уже завоевалъ три короны, опять убилъ дракона, и такимъ образомъ приобрѣлъ прекрасную дочь египетскаго царя. Кто послѣ этого осмѣлится выйти сразиться со мной? — «Я, рыцарь чистой турецкой крови, пришелъ изъ Турціи, чтобы сразиться съ Георгомъ. Онъ тутъ очень заважничалъ и думаетъ, что его орудіе непобѣдимо. Я его сдѣлаю болѣе уступчивымъ». Георгъ и турецкій рыцарь дерутся; послѣдній побѣжденъ и падаетъ на колѣни. «Прости меня, святой Георгъ», говоритъ онъ, «сжался надо мною, только сегодня, и я сдѣлаю твоемъ рабомъ, всюду пойду за тобою». — «Нѣтъ милости, нѣтъ пощады», отвѣчаетъ Георгъ. «Встань и дерись, нечего хныкать, какъ баба». Дерутся, и турецкій рыцарь также убитъ. Снова является отецъ Рождество и призываетъ доктора; затѣмъ является великанъ Турпинъ. «У всѣхъ народовъ», говоритъ онъ, гремитъ моя слава. «Куда я ни приду, всѣ дрожатъ передо мною». С. Г.: «Тутъ найдется человѣкъ, который посмѣетъ взглянуть тебѣ въ лицо». Они дерутся, Турпинъ убитъ. Нѣмая египетская принцесса падаетъ въ объятія святаго Георга. О. Р.: «Ну, леди и джентльмены, ваша забава окончена. Прошу обратить теперь вниманіе на шляпу...» подставляетъ шляпу, въ которую публика бросаетъ деньги. «Сама шляпа заговорила бы, если бы она не была нѣма, какъ рыба, ну-ка бросайте сюда свои денежки».

Не смотря на невинность содержанія, публика, самая образованная, очень любитъ эти представленія, и воспитанники коллегіи нерѣдко сами представляютъ въ своихъ заведеніяхъ эти пьесы.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Англій, особенно у жителей верхней части Ланкашира, канунъ новаго года празднуется такъ сказать «сжиганіемъ стараго года». Съ этою цѣлью дѣти и молодежь собираютъ топливо: вѣтви, хворостъ и каменный уголь. Все это складываютъ въ кучи на перекресткахъ. Около каждой такой кучи къ девяти часамъ вечера, собирается огромная толпа народа. Ктонибудь изъ присутствующихъ поджигаетъ костеръ, и всѣ собравшіеся стараются бросить въ него какойнибудь новый кусокъ топлива. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти костры горятъ на холмахъ и отбрасываютъ фантастическій свѣтъ на близлежащую деревню. Огонь этихъ костровъ стараются поддерживать до полудня новаго года, такъ какъ въ этотъ день считается величайшимъ несчастьемъ дать комунибудь огня или вновь разводить его у себя. Когда наканунѣ новаго года очагъ потухаетъ, огонь стараются получить съ помощью горячей воды костра. Эти обряды остались въ странѣ, вѣроятно, еще отъ языческихъ временъ.

Въ Герфордширѣ, 31-го декабря, собирается къ очагу вся семья, и смотритъ, какъ догораетъ послѣднее рождественское полѣно. Бьетъ полночь. Всѣ бросаются изъ комнаты къ ближайшему роднику. Кому посчастливится принести въ домъ такъ называемыя «сливки колодца» и кто первый выпьетъ этой воды, того ждетъ удача въ продолженіи всего будущаго года.

Рано утромъ въ новый годъ, когда уже въ трактирахъ и погребяхъ кончились поминки по «старика Тому», такъ величаютъ здѣсь старый годъ, улицы наполняются дѣтьми и парнями. Они во все горло поютъ слѣдующую пѣсню:

«Желаемъ вамъ счастливаго новаго года, денегъ полный карманъ, погребъ полный пивомъ, откормленную свинью. Пусть все это будетъ у васъ круглый годъ. Люди и джентльмены, сидящіе у огня, пожалуйте насъ бѣдняковъ, стоящихъ въ грязи».

Въ послѣднее время первый день новаго года справляется безъ особенной торжественности, и единственнымъ выраженіемъ общественной радости служитъ веселый трез-

вонъ церковныхъ колоколовъ, провожающихъ старый годъ и возвѣщающихъ новый. Тѣмъ не менѣе обычаевъ и примѣтъ, связанныхъ съ этимъ днемъ, чрезвычайно много. Большинство считаетъ своею священною обязанностью надѣвать въ этотъ день все новое и серьезно опасается, что отступленіе отъ этого правила можетъ принести величайшія несчастія.

Въ сѣверной части Англійи и во многихъ мѣстностяхъ внутри страны считается предвѣстникомъ величайшей бѣды, если одинъ изъ домашнихъ выйдетъ изъ дому прежде, чѣмъ войдетъ кто нибудь изъ постороннихъ; при этомъ слѣдятъ съ величайшимъ безпокойствомъ за тѣмъ, кто первый переступилъ порогъ дома, такъ какъ счастье или несчастье дѣлаго года зависитъ отъ того, будетъ это мужчина или женщина.

Въ Ланкаширѣ, когда утромъ въ день новаго года первыми входятъ въ домъ женщина или бѣлокурый мужчина, — это приноситъ несчастье на весь наступающій годъ. Принимаютъ различныя мѣры во избѣжаніе такого неприятнаго случая, и хозяева не отворяютъ дверь до тѣхъ поръ, пока не убѣдятся по голосу, что гость принесетъ съ собою счастье, а такимъ можетъ быть только брюнетъ. Поэтому, мужчины съ черными волосами, стучатся въ этотъ день у дверей то одного, то другаго дома, ихъ вездѣ принимаютъ съ искреннею радостью, угощаютъ виномъ и дѣлаютъ даже подарки.

Почти во всей Англійи сильно распространенъ обычай въ день новаго года гадать по библіи. Гаданье должно происходить на тощакъ, и потому утромъ, передъ завтракомъ, торжественно вносятъ библію и кладутъ на столъ, который тотчасъ окружаетъ вся семья. Гадающій не имѣетъ права выбрать ту или другую часть книги, а открываетъ ее на удачу и указываетъ пальцемъ на какую нибудь главу. Англичане вѣрятъ, что содержаніе ея предскажетъ удачу или неудачу, счастье или бѣду, которыя встрѣтитъ человѣкъ въ слѣдующемъ году.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ обычай дарить своимъ друзьямъ въ день новаго года украшенные яблоки. Въ эти яблоки воткнуты три деревянныя палочки, которыя образуютъ родъ треугольника; по бокамъ яблоки усажены зернами овса, а верхушки ихъ украшены зеленью.

Молодежь изъ простонародья съ большимъ нетерпѣньемъ ждетъ *праздника плуга*. Такъ называютъ здѣсь сельскій праздникъ, справляемый въ первый понедѣльникъ послѣ крещенья. Такъ какъ этотъ праздникъ — канунъ возобновленія работъ послѣ рождественскихъ торжествъ, то еще прежде, во времена католичества, пахари имѣли обычай ставить въ этотъ день свѣчи въ церквахъ передъ нѣкоторыми образами, испрашивая этимъ благословеніе своему труду. Въ этотъ день имѣли также обыкновение дѣлать обходъ процессією, собирая при этомъ деньги на *свѣчи плуга*. Реформація вывела изъ употребленія свѣчи, но не могла уничтожить праздника. Парни и теперь, смотря по мѣстности, устраиваютъ процессію и собираютъ деньги, но употребляютъ ихъ уже не на свѣчи, а для того, чтобы въ компаніи прокутить ихъ въ трактирѣ.

Хотя торжество праздника плуга видоизмѣняется, смотря по мѣстности, но вотъ, какъ его устраиваютъ въ большей части случаевъ. Плугъ убираютъ разноцвѣтными лентами и иногда искусственными цвѣтами. Множество здоровыхъ и сильныхъ парней въ рубашкахъ и шляпахъ, украшенныхъ лентами огненнаго цвѣта, впрягаются въ этотъ, какъ они называютъ, «потѣшный плугъ» и съ музыкою тащатъ его отъ одного дома до другаго. Впереди «воловоу плуга», какъ называютъ этихъ разодѣтыхъ и тащущихъ плугъ парней, идутъ шутъ и Bessy; шутъ наряженъ въ телячью шкуру съ хвостомъ, болтающимся сзади, а Bessy большею частью парень въ платьѣ старухи и съ кружкою въ рукахъ, въ которую бросаютъ деньги хозяева тѣхъ домовъ, передъ которыми остановится эта веселая компанія. Эта процессія дѣлается особенно оживленною, когда къ ней при-

соединяются молотильщики съ цѣпами, жнецы съ серпами и ямщики съ длинными кнутами, которыми они пощелкиваютъ для увеличенія шума. Въ этой компаніи вы нерѣдко замѣчаете кузнеца и мельника, такъ какъ первый точитъ плугъ, а послѣдній мелеть зерна. Bessy нетерпѣливо гремитъ своею кружкою и, танцуя, дѣлаетъ такіе прыжки, что показываетъ публикѣ свои шерстяные чулки и полосатые плисовые панталоны. Ея увлеченіе доходитъ иногда до того, что у нея спадаютъ съ головы старушечій чепчикъ, локоны въ беспорядкѣ падаютъ на лицо и во время прыжковъ открываютъ усы, что болѣе всего приводитъ въ восторгъ публику.

Вездѣ, гдѣ останавливается эта веселая компанія, двери фермъ открываются, и имъ выносятъ деньги и вино; даже бѣднякъ, который остановится посмотреть, непременно броситъ хоть нѣсколько пенсовъ въ кружку Bessy. Но настоящая потѣха начинается подлѣ той фермы, хозяева которой считаются богатыми и которые въ то же время ничего не выносятъ «воламъ плуга». Тогда Bessy начинаетъ гремѣть кружкою со всей силы, одни изъ пахарей отплясываютъ все болѣе энергично, другіе пронзительно трубятъ въ воловыя рога и при этомъ вскрикиваютъ, что есть мочи. Но привѣтливый и богатый по внѣшности домикъ остается нѣмъ по прежнему. Тогда двадцать впряженныхъ парней дружно принимаютъ за дѣло, и земля передъ домомъ черезъ двѣ-три минуты покрывается бороздами и дѣлается обнаженною, какъ вновь вспаханное поле.

День Св. Валентина (14-го февраля)—праздникъ молодыхъ дѣвушекъ; онъ заставляетъ ихъ много мечтать, приносить имъ счастье или горькое разочарованіе. Въ этотъ день юноши имѣютъ обыкновеніе посылать по почтѣ дѣвушкамъ, которымъ имъ нравятся, анонимныя любовныя посланія въ прозѣ и въ стихахъ. Эти признанія написаны на прелестныхъ маленькихъ листикахъ, изящно разрисованныхъ и украшенныхъ девизами и эмблемами, нерѣдко аллегорическаго свойства. Эти любовныя посланія вкладываютъ въ пакеты изъ тисненнаго или посеребреннаго картона, тоже украшенные символическими цвѣтами и эпиграфами и непременно надушенные. вмѣстѣ съ этими пакетами посылаютъ и подарки: рабочіе ящики въ видѣ бесѣдки купидона, букеты съ вѣрами, цвѣточныя корзины съ духами.

Эти «валентиновы» посылаютъ самымъ таинственнымъ образомъ и нерѣдко употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы скрыть имя пославшаго: поручаютъ другому написать адресъ, а чтобы почтовый штемпель не навелъ на настоящій слѣдъ, опускаютъ въ ящикъ не въ той мѣстности, гдѣ живутъ. Наканунѣ этого многозначительнаго дня, начинается лихорадочная дѣятельность; кажется и конца не будетъ сортировкѣ и отправкѣ этихъ «валентиновъ». Тяжело нагруженные почталлоны оканчиваютъ свою работу въ этотъ день только къ двумъ часамъ ночи. Въ день Св. Валентина въ каждой семьѣ, гдѣ есть взрослые дѣвушки, замѣтно необыкновенное волненіе. Не менѣе дочери возбуждена и мать: ее сильно интересуетъ, многимъ-ли молодымъ людямъ она нравится. Когда слышится стукъ мать и дочь вспыхиваютъ и бросаются къ двери, все семейство встаетъ и окружаетъ ихъ. Молодая дѣвушка должна быть очень непривлекательна, если останется въ этотъ день съ пустыми руками или получить только нѣсколько пакетовъ. Молодая дѣвушка дрожащими руками вскрываетъ пакетъ, читаетъ вслухъ посланіе, умѣя отлично пропустить, что надо, и затѣмъ все семейство принимается отгадывать, отъ кого оно можетъ быть и что можетъ означать та или другая аллегорія или эмблема. Часто не успѣли еще справиться съ однимъ пакетомъ, какъ является уже другой, такъ какъ разноска «валентиновъ» продолжается весь день.

Не только съ днемъ перваго мая связано множество процессій, торжествъ и обычаевъ, но его начинаютъ праздновать еще наканунѣ. Во многихъ мѣстностяхъ юго-западной Англійи молодежь обоого пола собирается въ кавую нибудь гостиницу, или

трактиръ и ждётъ пока пробьётъ двѣнадцать часовъ. Тогда всё начинаютъ расхаживать по улицамъ города со скрипками, барабанами и другими инструментами, звуками музыки приглашая желающихъ присоединиться къ нимъ. Когда такимъ образомъ собралась огромная толпа народа, они съ пѣніемъ и музыкою отправляются на сосѣднія фермы, за четыре, пять миль отъ города, гдѣ ихъ угощаютъ разными простыми лакомствами и напитками. Затѣмъ они пьютъ чай съ неудобоваримымъ мѣстнымъ пирожнымъ, сдѣланнымъ изъ муки, сливокъ, сахару и коринки, запиваютъ все это ромомъ и молокомъ, и въ заключеніе танцуютъ. Угостившись такимъ образомъ, одни изъ нихъ отправляются «собрать май», другіе садятся гдѣ нибудь на лужайкѣ и готовятъ «майскую музыку», которая въ разныхъ мѣстностяхъ очень разнообразна, но обыкновенно напоминаетъ свистокъ. Въ пять или шесть часовъ утра, когда «май собранъ» и музыка готова, молодежь возвращается домой съ вѣтвями, наигрывая на различныхъ инструментахъ и свисткахъ. Когда толпа вступаетъ въ городъ, музыка усиливается и танцы возобновляются. Если первое мая случится въ воскресный день, то молодежь продѣлываетъ ту же церемонію до малѣйшихъ подробностей, кромѣ пляски по городу.

Въ Девонширѣ и окрестныхъ мѣстностяхъ дѣвушки осаждаютъ всѣхъ владѣльцевъ цвѣтниковъ, упрашивая ихъ подарить имъ нѣсколько хорошенькихъ цвѣтцовъ для «майскихъ куклодъ», которые обыкновенно и удовлетворяютъ этой просьбѣ, такъ какъ цвѣты растутъ здѣсь въ большомъ изобиліи, и къ тому же отказать дѣвушкамъ въ исполненіи этого обычая считается неприличнымъ. Дѣвушки устраиваютъ изъ цвѣтовъ нерѣдко гигантскія гирлянды, привязываютъ къ нимъ букеты, украшаютъ ихъ разноцвѣтными шелковыми лентами, къ букету прикрѣпляютъ куклу, великолѣпно одѣтую, которая изображаетъ флору, и носятъ ее изъ дома въ домъ съ разными обрядами.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Англіи (въ особенности въ Гунтингширѣ), парни, служащіе на фермахъ, отправляются наканунѣ перваго мая собирать «майскія вѣтки» и затѣмъ разносятъ ихъ по домамъ, оставляя въ каждомъ изъ нихъ столько вѣтокъ, сколько въ домѣ членовъ семьи. На другой день, а иногда и въ тотъ же день, та же толпа парней, украсивъ свои шляпы лентами, отправляется въ тѣ дома, гдѣ они оставили вѣтки. Этой компаніей предводительствуетъ «майскій лордъ» и «майская лэди» или «Мери». «Майскій лордъ» одѣтъ въ рубашку, убранныю лентами, а другой парень наряженъ дѣвучкой, и потому называется «лэди» или «Мери». У третьяго парня въ рукахъ шесть, на верхушкѣ котораго привязанъ платокъ въ видѣ флага, чтобы отгонять черезъ чуръ докучливую публику. Передъ каждымъ домомъ они останавливаются и поютъ «старую майскую пѣсню», смыслъ которой мы постараемся передать довольно точно.

«Лѣто приходитъ свѣжее, зеленое, веселое; мы пришли къ вамъ въ этотъ тихій вечеръ, чтобы раксказать о цвѣтахъ и почкахъ, которыя уже видны на каждомъ деревѣ. Близокъ веселый Май, — вставай хозяйинъ, одѣвай свою золотую цѣпь, лѣто приходитъ такое свѣжее, зеленое, веселое. Не прогнѣвайся, что мы вошли въ твой домъ, уже близокъ веселый мѣсяцъ Май. Вставай, хозяйка, укрась золотомъ свою грудь, — лѣто приходитъ такое свѣжее, зеленое, веселое. Вставайте, дѣти, приоденьтесь, — всякій волосокъ вашихъ головъ блеститъ, какъ серебро, — уже близокъ веселый мѣсяцъ Май. Благослови, Господи, этотъ домъ, ваши богатства и запасы. Богъ да будетъ вамъ помощникомъ отнынѣ и во вѣки вѣковъ, уже близокъ веселый мѣсяцъ Май. Прощайте, оставайтесь въ мирѣ и довольствѣ. Отгнавъ отъ васъ холодную зиму своими пѣснями, мы не будемъ вамъ пѣть о Маѣ до будущаго года. Лѣто приходитъ такое свѣжее, зеленое, веселое».

Въ улицахъ Лондона въ этотъ день, до самаго послѣдняго времени, встрѣчались процессіи трубочистовъ. Почему именно трубочисты празднуютъ первое мая, когда съ этихъ поръ уменьшаются ихъ работы — неизвѣстно. Трубочисты въ этотъ день выбираютъ

изъ своей среды «майскихъ лордовъ и лэди», украшаютъ себя и свои орудія весенними гирляндами и, странно переодѣвшись, распѣвая и приплясывая, двигаются по улицамъ. Посреди этой толпы виднѣется «Джэкъ въ зелени». «Джекомъ въ зелени» называется человекъ, весь обвитый зеленою цвѣтами. Въ Корнуалисѣ этотъ день празднуется очень оригинально: мальчики выходятъ изъ своихъ домовъ съ ведрами, кружками и маленькими насосами и окачиваютъ водой всякаго прохожаго, у котораго въ петлицѣ или на шляпѣ не окажется «Мая». Вѣтку боярышника или вяза, вѣроятно, принимаютъ въ этомъ случаѣ за доказательство того, что человекъ, имѣющій ее, всталъ въ этотъ день рано, соблюдая должное уваженіе къ майскому утру. Здѣсь, до сихъ поръ, сохранился старый обычай украшать двери и ворота зелеными вѣтвями дикой смоквицы и боярышника и сажать передъ домами деревья или древесные пни.

Въ другихъ мѣстностяхъ, на лужайкахъ нѣкоторыхъ деревень, можно видѣть майскіе шесты, украшенные гирляндами. Деревенскія красавицы поднимаются въ этотъ день съ восходомъ солнца, съ цѣлью умытъ себѣ лицо «майскою росой», и возвращаются домой въ полномъ убѣжденіи, что ихъ цвѣтъ лица улучшился отъ этой операціи.

Въ Ланкаширѣ каждый возница, имѣющій лошадей, по старинному обычаю, украшаетъ ихъ перваго мая цвѣтами и лентами. Каждый изъ нихъ старается перещегоолять другъ друга въ этомъ отношеніи. Всѣ лошади перваго мая великолѣпно разукрашены; на нихъ роскошная сбруя въ цвѣтахъ и лентахъ, блестящія бархатныя попоны, шитыя золотомъ и серебромъ; возницы въ новыхъ платьяхъ и щеголяютъ новыми кнутами. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Ливерпульская корпорація выставила 166 телѣгъ, запряженныхъ столькими же красиво убранными лошадьми. Въ одной изъ телѣгъ были самымъ артистическимъ образомъ расположены всевозможныя орудія, какія только употребляются въ этомъ округѣ. Желѣзнодорожныя компаніи, пивовары, виноторговцы, перевозчики тяжестей на докахъ и пр. послали своихъ лошадей съ различными образами предметовъ, относящихся къ ихъ производству. Всѣ эти экипажи и лошади въ торжественной процессіи обошли главныя улицы города, предшествуемые оркестрами музыки и знаменами.

Въ Вестморландѣ, вечеромъ въ этотъ день, собирается на лужку огромная толпа народа для состязанія. Призы уже выставлены; главный изъ нихъ—точильный камень; второй—брусокъ для бритвы, и т. п. Эти призы получаютъ тѣ изъ кандидатовъ, записавшихся на это состязаніе, которые превзойдутъ своихъ товарищей въ «искусствѣ вранья». Изъ публики выбираютъ судей. Каждый кандидатъ по очереди рассказываетъ исторію, подсказанную ему въ этотъ моментъ его собственной фантазіей. Чѣмъ фантастичнѣе рассказъ, чѣмъ болѣе въ немъ юморъ и соли, тѣмъ болѣе шансовъ на успѣхъ.

При окончаніи жатвы, въ Англіи до сихъ поръ совершаются оригинальныя процессіи и торжества. Когда послѣдніе снопы отвезены домой, украшаютъ телѣги и рабочіе снаряды лентами и вѣнками, и веселая толпа жнецовъ становится въ телѣгу. Посреди ихъ возвышается сплетенная изъ послѣднихъ сноповъ фигура, которую называютъ «богиней жатвы». Такимъ образомъ, стоя въ телѣгѣ, двигаются къ дому, при огромномъ стеченіи народа. Тамъ эту фигуру изъ сноповъ торжественно снимаютъ, ставятъ посреди площади, начинаютъ танцовать и пѣть пѣсни. Послѣ этого жнецы устраиваютъ сообща пиръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для этого дѣлаютъ палатки; въ другихъ, если погода позволяетъ, пируютъ подъ открытымъ небомъ. Для этого нарочно готовятъ изъ необыкновенно толстыхъ и прочныхъ досокъ столъ, чрезвычайно длинный, такъ какъ пирующихъ собирается иногда до пятисотъ человекъ. Предсѣдательствовать на пирѣ приглашаютъ обыкновенно духовное лицо. Огромное собраніе народа становится вокругъ стола и предсѣдательствующій читаетъ молитву «Господи, благослови все это къ нашей пользѣ, ради Іисуса Христа», заканчиваетъ онъ свою молитву торжественнымъ тономъ. Затѣмъ съ

словами: «Ну теперь», онъ втыкаетъ большой ножъ въ огромный кусокъ жареной говядины. Всѣ принимаются за жаркiя, разставленныя на столѣ, и такой величины, что всѣ столы сломались бы подъ ихъ тяжестью. Когда покончили съ говядиной, выступаетъ толпа женщинъ въ сопровожденiи музыкантовъ; онѣ раздѣляются на двѣ части: одна выступаетъ по одну сторону стола, другая по другую, приче́мъ у каждой изъ нихъ въ рукахъ дымящiйся плумъ-пудингъ. Когда покончили съ этимъ кушаньемъ, четыре чело́вѣка вносятъ на своихъ плечахъ громадный хлѣбъ въ восемьдесятъ фунтовъ вѣсомъ, испеченный изъ новыхъ зеренъ. Вслѣдъ за ними нѣсколько чело́вѣкъ несутъ еще болѣе колоссальный сыръ. Пиръ заканчивается обычными послѣобѣденными спичами.

Свадьба и похороны.

Въ былыя времена свадьбы праздновали съ большимъ великолѣпiемъ, но теперь въ этомъ отношенiи произошла большая перемена. Дѣвичникъ съ танцами, представленiями и т. п. совсѣмъ вышелъ изъ употребленiя, хотя до сихъ поръ еще, во многихъ мѣстностяхъ, родители невесты даютъ наканунѣ свадьбы парадный обѣдъ.

Невеста одѣвается въ день свадьбы, бѣлое платье съ длиннымъ воалемъ и вѣнкомъ изъ померанцевыхъ цвѣтовъ, мирты и жасмина. Подруги невесты ждутъ ее на церковной паперти. Когда онѣ заняли свои мѣста, отецъ невесты ведетъ ее подъ руку. Невеста вступаетъ въ храмъ, а зади нея попарно слѣдуютъ подруги до самаго алтара, гдѣ уже ожидается ее женихъ съ своимъ шаферомъ. Всѣ гости уже въ церкви и ждутъ церемонiи бракосочетанiя, что и начинается тотчасъ по приходѣ невесты. Если вѣнчаются люди знатные и богатые, вся церковь внутри украшена гирляндами изъ плющей и лавровыхъ листьевъ; престолъ буквально исчезаетъ подъ массою цвѣтовъ. По окончанiи вѣнчанiя, новобрачные идутъ въ ризницу, гдѣ въ книгу записываютъ ихъ имена, а также имена ихъ свидѣтелей, число и годъ когда совершено бракосочетанiе. Затѣмъ всѣ выходятъ изъ церкви; молодой ведетъ подъ руку молодую, ея подруги выходятъ попарно съ кавалерами. Новобрачные и гости отправляются въ домъ родителей невесты, гдѣ всѣ присутствующiе приносятъ ей поздравленiе, и здѣсь же ихъ ждетъ «свадебный завтракъ». Если свадьба происходитъ въ деревнѣ, и новобрачная чета принадлежитъ къ аристократической фамилии, то на границѣ владѣнiй той и другой стороны, имъ воздвигаютъ триумфальныя арки съ надписями вродѣ слѣдующихъ: «Да благословитъ Богъ счастливую чету! Долгую жизнь нашему лорду и нашей леди!» По обѣимъ сторонамъ дороги, по которой проѣзжаютъ молодые, собираются огромныя толпы народа и молодыя дѣвушки бросаютъ цвѣты подъ экипажъ. Домъ невесты, въ который вступаютъ молодые и приглашенные, весь украшенъ цвѣтами и гирляндами.

Подруги невесты выходятъ изъ экипажей раньше и посыпаютъ цвѣтами дорогу и крыльцо, по которымъ должна пройти брачная чета. Въ городѣ, гдѣ такая роскошь невозможна, цвѣты, тѣмъ не менѣе, являются въ изобилии на столѣ за свадебнымъ завтракомъ. Громадные букеты красуются въ вазахъ въ этотъ день во всѣхъ комнатахъ.

За этимъ «свадебнымъ завтракомъ» главную роль играетъ, какъ у людей богатыхъ такъ и бѣдныхъ, свадебный пирогъ. Величина и убранство этого свадебнаго пирога—различна, смотря по состоянiю и вкусу, но составъ его и значенiе, которое ему придаютъ почти вездѣ одни и тѣ-же. Онъ состоитъ изъ массы изюма, каринки, различныхъ сахаренныхъ плодовъ, изъ масла и яицъ, изъ разнообразныхъ пряныхъ приправъ съ самою незначительной примѣсью муки. Такой пирогъ украшенъ сахарною глазурью и посреди его возвышаются самыя разнообразныя украшенiя: бесѣдка купидона съ нишами, въ

которой покачиваются толстощекие боги любви, иногда храмъ Гиминей, или букетъ изъ миртъ и померанцевыхъ цвѣтовъ съ серебряными листьями.

По окончаніи завтрака новобрачные берутъ ножъ и втыкаютъ его въ пирогъ, который послѣ этого начинаютъ разрѣзать на мелкіе куски и разносить гостямъ. Свадебный пирогъ запиваютъ виномъ и при этомъ, первый начинаетъ священникъ, а за нимъ, одинъ за другимъ и всѣ гости, провозглашаютъ тостъ за здоровье молодыхъ. Молодыя дѣвушки прячутъ куски пирога и когда собравшіеся изъ за стола встаютъ, онѣ подходятъ къ молодой и каждая изъ нихъ проситъ ее продѣть ея кусочекъ пирога сквозь вѣнчальное кольцо. Такой кусочекъ пирога дѣвушка на ночь положить подъ подушку, чтобы увидѣть во снѣ своего суженаго. Родственникамъ, которые не могли явиться на свадьбу, куски свадебнаго пирога посылаютъ по почтѣ. Тотчасъ послѣ завтрака, невѣста уходитъ въ другую комнату, чтобы переимѣнить свадебный нарядъ на дорожное платье; послѣ этого она выходитъ къ гостямъ, которые еще не тотчасъ разрѣзаются, и прощается съ ними. Всѣ присутствующіе выходятъ на крыльцо провожать молодую чету, осыпаютъ ихъ рисовой крупой и бросаютъ вслѣдъ тую, какъ символъ обилія, домашняго покоя и счастья.

Къ погребенію въ Англіи приступаютъ не ранѣе, какъ черезъ семь или восемь дней послѣ смерти. Какъ только скончался человѣкъ, его моютъ, одѣваютъ и снова кладутъ на постель, гдѣ онъ испустилъ послѣдній вздохъ. Послѣ этого, дверь комнаты, гдѣ лежитъ покойникъ, запираютъ на ключъ, а всѣ члены семейства приступаютъ снова къ прерваннымъ занятіямъ и прежняя жизнь вступаетъ въ свои права. Черезъ семь, восемь дней — въ день похоронъ, комнату покойника открываютъ и въ нее, одинъ за другимъ, входятъ въ глубокомъ траурѣ приглашенные родственники и друзья. До начала религіознаго обряда каждому предлагаютъ стаканъ портвейна или хереса. Затѣмъ начинается раздача черныхъ шелковыхъ шарфовъ, которые прикрѣпляютъ къ шляпамъ приглашенныхъ лицъ. Расчетливые люди заботливо сохраняютъ эти шарфы, такъ какъ ихъ дѣлаютъ всегда изъ хорошей матеріи и затѣмъ послѣ похоронъ ихъ можно употребить на галстухи и на другія потребности.

Когда религіозная церемонія кончилась, гробъ выносятъ изъ дому и ставятъ на погребальныя дроги, ввидѣ длиннаго прямоугольнаго ящика. Когда хоронятъ человѣка знатнаго, эта погребельная колесница украшена множествомъ черныхъ султановъ, запряжена четверкою лошадей въ богатыхъ пополахъ и съ головами, убранными перьями. При похоронахъ знатныхъ людей нерѣдко можно наблюдать слѣдующее оригинальное зрѣлище: начинается сильный дождь; тогда дроги останавливаются, факельщики подходятъ къ лошадямъ, снимаютъ съ нихъ всѣ украшения, а также и султаны съ колесницы и, отворивъ сзади дверку, бросаютъ все это на гробъ къ покойнику, и послѣ этого какъ ни въ чемъ не бывало продолжаютъ похоронное шествіе.

Когда гробъ опущенъ въ могилу, кареты съ приглашенными возвращаются въ домъ покойника, гдѣ хозяинъ уже приготовилъ обильное угощеніе. Когда всѣ усѣлись за столъ, но прежде чѣмъ подать кушанье, въ Англіи существуетъ обычай, вскрывать завѣщаніе покойнаго, что иногда у многихъ отнимаетъ аппетитъ.

Погребеніе бѣдняка совершается еще съ большею простотою: тутъ уже нѣтъ ни экипажей, ни похороннаго обѣда и часто даже вмѣсто погребальныхъ дрогъ, гробъ помещаютъ въ простую извозничью карету, а не рѣдко его просто ставятъ рядомъ съ вучеромъ.

ИПСОМСКІЯ СКАЧКИ.

Ихъ огромное значеніе для англичанъ.—Приготовленія къ этому торжеству.—Пари.—Путешествіе въ Ипсомъ.—Необыкновенное оживленіе Дерби.—Возвращеніе.—Дубовыя и Аскотскія скачки.—Пьюмаркетскія кони шни.—Какъ воспитываютъ лошадей въ дрессировальныхъ школахъ.—Тренеры, груми и жокеи.—Ихъ жизнь и положеніе въ обществѣ.

Ипсомскія скачки каждый годъ начинаются съ 28-го мая и продолжаются цѣлую недѣлю; но главный день 30-е число. Эти скачки называются также Дерби, потому что въ 1780 году этотъ общественный праздникъ былъ открытъ графомъ Дерби, и съ тѣхъ поръ лугъ, на которомъ происходятъ скачки, сталъ носить названіе Дерби. 30-е мая—день самыхъ страстныхъ ожиданій англичанъ, ихъ первое удовольствіе, праздникъ праздниковъ. Дерби — единственный день во всемъ году, когда холодный, гордый, властолюбивый аристократъ не только смотритъ менѣе высокомерно на плебея, но даже дружественно относится къ нему. Дерби — день всеобщаго отдыха и веселья, который заставляетъ жить одною жизнью богатаго, могущественнаго лорда и его лакея, знатную леди и уличную торговку. Въ этотъ день—прощай дѣла, работы: парламентъ отдыхаетъ, тоже дѣлаетъ Сити, банкъ, лавки. Всѣ одинаково, съ лихорадочнымъ трепетомъ, начинаютъ ждать этого дня еще за цѣлую недѣлю: въ это время только и рѣчи, что о лошадяхъ и ихъ владѣльцахъ. Женщины, дѣти не избѣгаютъ «лихорадки Дерби.» Школьникъ, отправляющійся въ классъ съ нѣсколькими книгами, стянутыми ремнемъ, быть можетъ забылъ выучить урокъ, но спросите у него имена лошадей, о которыхъ большинство держитъ пари, онъ знаетъ ихъ наизусть. Въ салонахъ, тавернахъ, омнибусахъ, въ вагонахъ желѣзной дороги—толки, шумъ и споры о томъ, какая лошадь получитъ призъ. Къ скачкамъ заготавливаютъ костюмы, покупаютъ зеленыя вуали, вывѣшенныя у каждого магазина, и которыми необходимо закрыть лицо отъ страшной пыли—перваго спутника этого праздника. Нищіе, дѣти и старики, продавая на улицахъ пачки почтовой бумаги, букетики и другой мелкій товаръ, становятся назойливѣе съ каждымъ днемъ. «Купите, сэръ» говорятъ они умоляющимъ голосомъ, «завтра Дерби, а у меня нѣтъ ни одного пенса». Англичане придаютъ Ипсомскимъ скачкамъ нисколько не менѣе важное значеніе, чѣмъ древніе греки придавали своимъ играмъ.

Громадное значеніе, которое приобрѣли у англичанъ скачки, можно объяснить ихъ страстью къ лошадямъ и верховой ѣздѣ. Еще предки англичанъ, древніе британцы, страстно любили лошадей и необыкновенно искусно умѣли ихъ объѣзжать. Лошади эти были такъ хорошо выдрессированы, что скакали во весь опоръ по самой каменистой землѣ и даже въ лѣсу. Эти умныя животныя вполне понимали каждое слово своего сѣдока и повиновались ему даже въ пылу сраженія: они мгновенно останавливались и не трогались съ мѣста при первомъ звукѣ. Страсть къ скачкамъ и лошадямъ можно объяснить и любовью къ гимнастическимъ движеніямъ, которую англичане развиваютъ въ дѣтяхъ уже съ первыхъ дней жизни. Дурно или хорошо помѣщеніе, ни одинъ англичанинъ не проведетъ цѣлаго дня въ заперти: онъ съ ранняго дѣтства чувствуетъ потребность непременно гулять на свѣжемъ воздухѣ. Достаточные люди живутъ большую часть года въ деревнѣ, но такъ какъ въ этой сырой и грязной странѣ только и можно гулять верхомъ, то каждая мало-мальски зажиточная семья непременно держитъ лошадь, специально назначенную для верховой ѣзды. Красивый конь—мечта дѣвушки и единственное удовольствіе старухи, ея матери; объ немъ мечтаетъ щеголь и франтъ столько же, какъ и чловѣкъ, посѣдѣвшій въ трудахъ. Хорошая лошадь — первая необходимость каждого благоустроеннаго хо-

зяина, источникъ наслажденій его дѣтей, которыя съ трехъ, четырехъ лѣтъ скачутъ на лошадяхъ черезъ заборы. Все, что касается воспитанія верховыхъ лошадей, скачекъ и охоты, все, гдѣ только выказываются качества блестящихъ скакуновъ, становится дѣломъ національнымъ. Такая любовь къ лошадямъ ведетъ къ Дерби, который и является особымъ, необыкновенно торжественнымъ празднествомъ.

Трудно представить себѣ, какой шумъ, суматоха и движеніе наступаютъ на лондонскихъ улицахъ передъ отъѣздомъ въ Ипсомъ. На всѣхъ перекресткахъ улицъ стоитъ цѣлая армія продавщицъ букетовъ: мужчины покупаютъ ихъ, выдергиваютъ одинъ цвѣточекъ, втыкаютъ его себѣ въ петлицу, а букетъ подаютъ дамѣ. На скачки отправляется весь Лондонъ, кромѣ больныхъ и людей, которымъ нельзя оставлять домъ пустымъ.

Ипсомъ находится на разстояніи 22 километровъ отъ Лондона (около 20-ти верстъ). Нѣкоторые отправляются туда по желѣзной дорогѣ, но гораздо любопытнѣе сдѣлать это путешествіе на лошадяхъ. Вся дорога буквально покрыта народомъ и экипажами всевозможныхъ формъ и цѣнности: коляски въ четыре лошади съ почталыономъ на козлахъ, брички, кабриолеты, кэбы, омнибусы, фіакры, фэтоны и даже маленькія телѣжки, запряженные осломъ. Почти въ каждомъ экипажѣ виднѣются огромныя корзины съ бутылками и провизіей, такъ какъ скачки пробуждаютъ особенный аппетитъ. Тамъ и здѣсь движутся двухколесныя телѣжки — походныя лавочки торговцевъ инбирнымъ пивомъ; тяжелыя повозки — подвижныя магазины съѣстныхъ припасовъ; фургоны, наполненные громко хохочущими молодцами. Изъ эlegantныхъ экипажей виднѣются самыя свѣжіе туалеты. Для этого дня существуетъ свой особый костюмъ; мужчины — непременно въ свѣтлой парѣ, въ лакированныхъ ботинкахъ и въ сѣрой шляпѣ съ прикрѣпленнымъ синимъ вуалемъ. У нѣкоторыхъ еще черезъ плечо надѣтъ кожаный ремень, на которомъ виситъ бинокль въ футлярѣ. Дамскій туалетъ отличается преимущественно легкостью и нѣжными цвѣтами. Чѣмъ больше подвигаешься впередъ, тѣмъ болѣе дорога становится интереснымъ зрѣлищемъ. Босоногія дѣти преслѣдуютъ кареты, выдѣывая различныя прыжки, чтобы получить пенни; толпы черныхъ музыкантовъ дерутъ нещадно уши самыми дикими звуками, и такъ какъ англичане во всемъ стараются соединить полезное съ пріятнымъ, то передъ вами безпрестанно проѣзжаютъ шарабаны, украшенные знаменами, на которыхъ крупно написаны различныя объявленія. По дорогѣ вамъ приходится проѣхать нѣсколько деревень. Окна верхняго этажа этихъ домовъ, балконы гостинныхъ, сады и цвѣтники передъ домами — все наполнено народомъ, который съ любопытствомъ смотритъ на проходящихъ и присоединяется къ нимъ. На многихъ балконахъ дѣвушки выходятъ съ знаменами и привѣтствуютъ толпу, покачивая ими то въ одну, то въ другую сторону.

Таверна, которая расположена по дорогѣ къ Ипсому, представляетъ въ этотъ день оригинальныя сцены. Хозяинъ и служащіе въ ней дѣвушки не знаютъ, кому отвѣчать, тысячи голосовъ уже съ утра требуютъ освѣжительныхъ напитковъ, слышится звукъ стакановъ и оловянныхъ горшковъ, идетъ ожесточенный бой между протянутыми руками.

Гулъ и шумъ двигающагося впередъ народа и экипажей далеко разносится по окрестностямъ. Всѣ подсмѣиваются, острятъ, перекликаются; на всѣхъ лицахъ счастье и веселье. Это единственный день въ году, когда всѣ англичане бывають оживлены и когда отъ нихъ менѣе вѣетъ чопорностью и холодомъ.

Но вотъ и достигли наконецъ волнистой, зеленой равнины Дерби. Съ одного ея края возвышаются длинныя ряды мѣсть для публики. Напротивъ — палатки, бараки, сотни лавокъ, импровизированныя конюшни изъ полотна. Тамъ и здѣсь бродятъ цыгане, запряженные пони, обезьяны на лошадяхъ, дерутся боксеры. Здѣсь слѣпецъ читаетъ библію, тутъ проповѣдникъ говоритъ о необходимости любви къ ближнему; нѣсколько дальше фокусникъ проглатываетъ цѣлыя стопы бумаги и выкидываетъ другія штуки; маленькія

дѣвочки дуютъ въ кларнеты, акробаты кувыркаются; въ одномъ мѣстѣ идетъ стрѣльба въ цѣль, изъ луковъ и ружей, въ другомъ забавляются кеглями. Лошадей отпрягаютъ и привязываютъ; публика выходитъ изъ экипажей, вся покрытая бѣлою пылью. Маленькіе чистильщики, со щеткою въ одной рукѣ и съ ящикомъ въ другой, подбѣгаютъ предлагать свои услуги. Джентльмены ставятъ свои лакированные сапоги на ящики, въ которые прячутся щетки, и маленькіе чистильщики быстро и ловко чистятъ ихъ. Въ этотъ день всѣ съ удовольствіемъ принимаютъ услуги этихъ мальчиковъ, и если бы Дерби продолжался весь годъ, они были бы богатыми людьми, хотя они за свою работу получаютъ лишь нѣсколько пенсовъ.

Уже полдень, но бѣгъ долженъ начаться въ часъ, и потому вся публика приступаетъ къ завтраку. Небольшая часть луга, непокрытая экипажами и народомъ, теперь покрывается бѣлыми скатертями. Богатые люди завтракаютъ въ экипажахъ, изъ которыхъ то и дѣло мелькаютъ золотые подносы, севрскій фарфоръ и хрусталь. Среднее сословіе не особенно церемонится и расположилось закусывать наверху омнибуса и даже на подножкахъ. То къ тому, то къ другому кружку подходятъ молодые люди, которые предлагаютъ билеты. По такому билету вы можете выиграть послѣ бѣга. На нихъ написаны цифры, соотвѣтствующія нумерамъ, которыми обозначены лошади на программѣ скачекъ; тотъ, кому достанется нумеръ побѣдившей лошади, получаетъ всѣ ставки своихъ партнеровъ. Эта форма пари самая невинная изъ всѣхъ. Всюду идетъ оживленный разговоръ: «Ну, кажется, Мери (лошадь; тутъ дѣло идетъ все о лошадяхъ) провела дурную ночь; я узналъ это отъ человѣка, которому можно вѣрить». — «Неужели! — я тогда потеряю двѣсти фунтовъ стерлинговъ, такъ какъ ей ни за что тогда не придти первой». — «Говорятъ, Дунди не будетъ бѣгать, — это было бы ужасно!» Болѣзни лошадей, участвующихъ въ скачкахъ, держатся въ величайшемъ секретѣ, какъ болѣзни королей или султановъ. Такъ было и въ этотъ разъ: одинъ изъ героевъ дня, лошадь, называемая «Бомбардье», уже съ недѣлю тому назадъ была исключена изъ числа состязающихся вслѣдствіе болѣзни ноги, но никто не подозрѣвалъ этого, и множество джентльменовъ продолжали держать пари на эту лошадь. Даже владѣлецъ «Бомбардье» узналъ печальную новость только тогда, когда пріѣхалъ въ Ипсомъ.

Лошади являются въ этотъ день важными особами, о которыхъ всѣ говорятъ; на нихъ держатъ пари на громадныя суммы; за то онѣ не только испытываютъ всѣ неудобства величія, но нерѣдко платятся за него своею жизнью. Тутъ безпрестанно передаютъ другъ другу о попыткѣ умертвить ту или другую приготовленную для скачекъ лошадь. Вотъ поэтому за лошадьми, за нѣсколько времени до скачекъ, начинаютъ зорко наблюдать, и сторожа не оставляютъ ихъ ни днемъ, ни ночью. Въ нѣкоторыхъ конюшняхъ, въ эти дни, прежде чѣмъ поить лошадь, бросаютъ въ воду рыбу, чтобы узнать, нѣтъ ли въ ней ядовитыхъ веществъ. Тренеры, дрессирующие лошадей, сами отвѣдываютъ воду, которую они даютъ пить лошади.

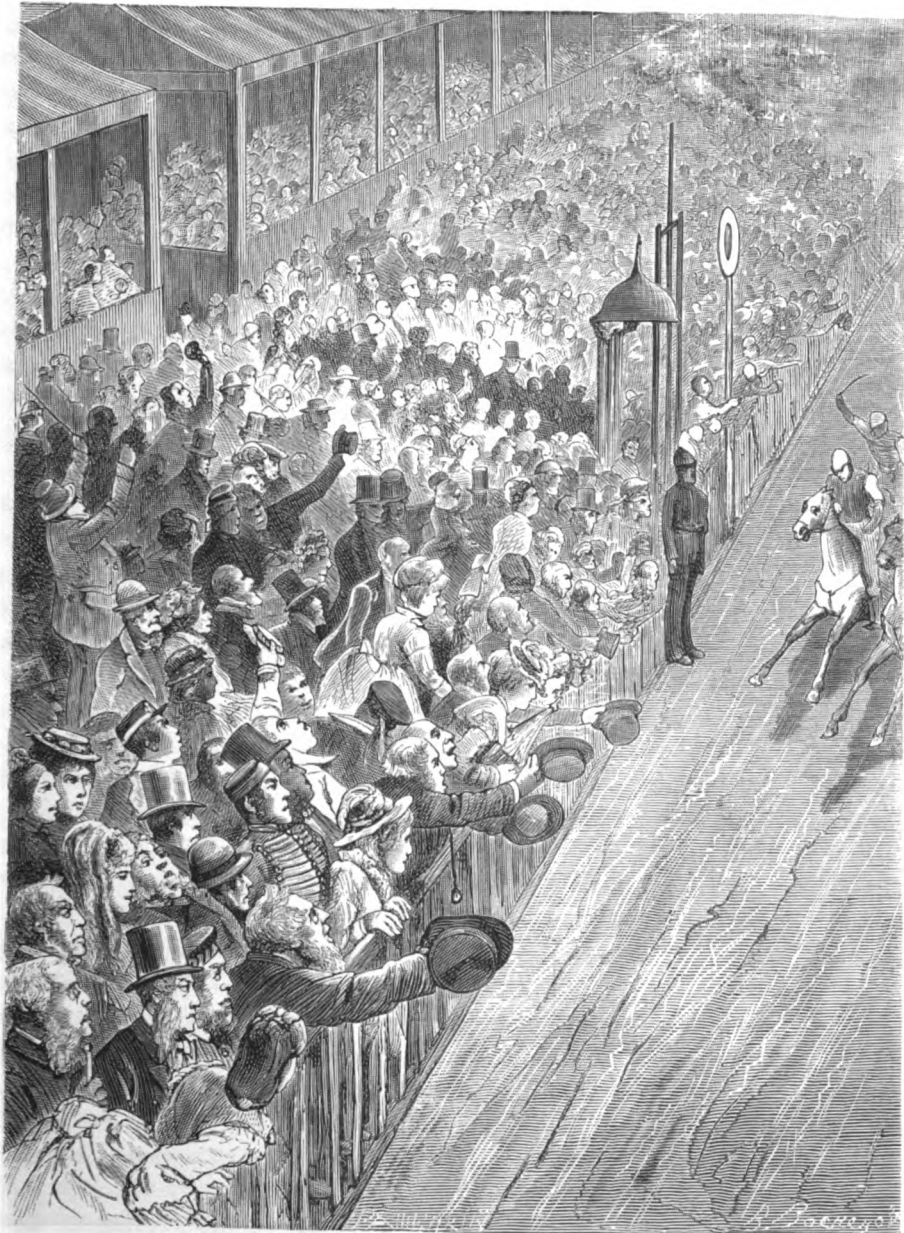
Между тѣмъ движеніе въ толпѣ даетъ знать, что первый бѣгъ скоро начнется. Ипсомская равнина тянется до самаго горизонта, и на всемъ ея протяженіи не видно теперь ни аршина дерна, непокрытаго толпою. Этотъ океанъ головъ или шляпъ, такъ какъ англичане снимаютъ ихъ только въ крайнемъ случаѣ, представляетъ по истинѣ величественное зрѣлище. Передъ вами простирается арена скачекъ, съ которой полисмены стараются удалить прогуливающихся, а съ другой стороны возвышается черная и плотная масса каретъ, на которыхъ народъ держится толпами, ухватившись другъ за друга. Издали видѣется Гретъ-Стрендъ, или, если можно такъ выразиться, зданіе, построенное изъ человѣческихъ головъ, такъ какъ въ эту минуту оно покрыто тысячами любопытныхъ. Вблизи — это огромное, легкое зданіе, нарочно построенное къ этому знаменитому дню

для зрителей. Тамъ въ галлерейхъ и ложахъ, обитыхъ богатыми малиновыми тканями, собрались аристократы и владѣльцы лошадей, которыя сейчасъ будутъ состязаться на аренѣ. Подъ Гретъ-Стрендомъ находится сводъ, который носить названіе «комнаты для взвѣшиванія». Тамъ собираются жокеи — необыкновенная раса маленькихъ людей, — легкихъ какъ перья, но въ тоже время чрезвычайно мускулистыхъ и здоровыхъ. На первый взглядъ ихъ можно принять за дѣтей, но цвѣтъ лица, а нерѣдко и морщины на лбу — показываютъ ихъ уже не молодые годы. Они являются сюда въ длинной темной одеждѣ, но, приближаясь къ вѣсамъ, сбрасываютъ ее и показываются въ оригинальныхъ, богатыхъ костюмахъ яркихъ цвѣтовъ. Одинъ за другимъ они садятся въ кресло, занимающее одну изъ площадокъ огромныхъ вѣсовъ. Эти жокеи во время скачекъ сидятъ на лошадяхъ, и успѣхъ той или другой лошади много зависитъ отъ нихъ. Между ними есть субъекты до такой степени легкіе, что вѣсятъ не болѣе 56 фунтовъ.

Звонокъ звонитъ — наступаетъ часъ сѣдлать лошадей. Толпа любопытныхъ бросается къ оградѣ, гдѣ стоятъ лошади, чтобы присутствовать при церемоніи ихъ послѣдняго туалета. И дѣйствительно, туалетъ этотъ совершается съ большою торжественностью: сначала снимаютъ со спины полотняное покрывало, затѣмъ покрывку съ живота и наконецъ покрывку съ головы. Люди, которые раздѣваютъ лошадей и потомъ ихъ сѣдлаютъ, просто священнодѣйствуютъ: съ такимъ важнымъ и серьезнымъ видомъ дѣлаютъ они все это. Всѣ эти лошади необыкновенно статныя, красивыя, съ гладкою, блестящею, какъ атласъ, кожею, онѣ не бѣгаютъ, а летаютъ. Ихъ ведутъ къ огороженному мѣсту, гдѣ начинается скачка. Лишь только онѣ появились, лихорадка держать пари возобновилась съ необузданною силою. Обширная поверхность Ипсомской долины становится теперь огромнымъ зеленымъ полемъ игорнаго стола, на которомъ сыплются золотыя монеты, мѣняются банковыми билетами огромной стоимости. «Пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ за коня барона Ривьера». — «А я на Кетледремъ!» — «На Діюфара!» — «На Дунди!» — «О какъ хорошо, что сегодня земля такая твердая», говорятъ дамы: «топотъ лошадей такъ славно будетъ раздаваться по твердой землѣ!» Черезъ минуту однако никто ни о чемъ не говоритъ, какъ только о пари. Многіе изъ присутствующихъ, которые не хотѣли принимать въ нихъ никакого участія, при видѣ золота, высокихъ кучъ ассигнацій, постепенно увлекаются общимъ потокомъ, и дѣло обыкновенно кончается тѣмъ, что и они ставятъ громадныя суммы.

Лошадь, которая одерживаетъ побѣду, получаетъ призъ, состоящій изъ серебрянаго блюда, цѣною въ 700 — 800 рублей на наши деньги, но владѣльцы блестящихъ скакуновъ считаютъ эту награду такой ничтожною, въ сравненіи съ другими выгодами, которыя они получаютъ, что тутъ же и отдають ее жокею. Бываютъ случаи, что здѣсь страшно раззоряются, и еще недавно послѣ скачки застрѣлился джентльменъ, проигравшій на пари все свое состояніе. Понятно, какой шумъ, гвалтъ, оживленіе происходитъ въ эту минуту! Какъ заинтересована вся публика и особенно тѣ, которые держатъ пари и чьи лошади несутся вдоль круга!

Лошадей подводятъ къ столбу, отъ котораго должна начаться скачка. Въ эту самую минуту на арену вбѣгаетъ собака и начинаетъ быстро бѣгать кругомъ, при громѣ насмѣшливыхъ рукоплесканій. Малѣйшее событіе, которое осталось бы въ другое время и при небольшомъ собраніи людей совсѣмъ незамѣченнымъ, теперь, среди огромной толпы, уже сильно возбужденной, становится событіемъ большой важности. «Смотрите, смотрите, ее положительно гложетъ бѣсъ самолюбія!» — «Опять она повторяетъ тотъ же маневръ, — она хочетъ увѣковѣчить свое имя»... слышится въ толпѣ, и на другой день о подвигѣ этой собаки, попавшей на арену передъ скачкой, говорятъ рѣшительно всѣ газеты, такъ какъ каждая изъ нихъ даетъ самый подробный отчетъ о празднествѣ Дерби.

Пунктъ, отъ котораго начинается скачка, дѣлается теперь предметомъ общаго любопытства. Управлять началомъ скачки дѣло весьма трудное, требующее большой опытности. Лошади, слыша шумъ, крики и смятеніе, сами приходятъ въ волненіе, и многія изъ нихъ становятся въ эту минуту такъ нетерпѣливы, что могутъ вылетѣть на арену, какъ стрѣла, не дождавшись другихъ. Опытная рука должна во время удержать такихъ нервныхъ, горячихъ лошадей. Когда наконецъ ихъ выровняли въ одну линію, человекъ, дающій сигналъ, втыкаетъ въ землю большую двухцвѣтную палку, которую онъ держитъ въ рукѣ и громко кричитъ «го!» т. е. пошелъ. «Выѣзжаютъ! ѣдутъ!» вотъ крики, которыми въ ту же минуту огласилась вся Ипсомская равнина. Эти чудные скакуны, съ легкими, блестящими жокеями на спинѣ, бросаются впередъ, потомъ заворачиваютъ, описываютъ на бѣгу кривую линію и наконецъ скрываются изъ виду. За палатками и бараками ихъ не видать въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, — но это цѣлая вѣчность для любопытныхъ, самая ужасная минута неизвѣстности для держащихъ пари. Настаетъ гробовое молчаніе, но, какъ и всегда передъ бурей, вслѣдъ за этимъ раздается оглушающій крикъ: «Онѣ, онѣ, шапки долой!» Всѣ обнажили головы... Изъ показавшейся кучи лошадей ни одна не выдѣлялась: шея къ шеѣ, голова къ головѣ, поздри къ поздрямъ, — въ эту минуту наступаетъ послѣдняя борьба. «Кетледремъ!» — «Нѣтъ, Дунди!» слышатся имена лошадей, нѣсколько опередившихъ другихъ... Раздаются неистовые аплодисменты, и флегматическія лица англичанъ вспыхиваютъ яркимъ огнемъ. Обѣ лошади достигаютъ столба, напротивъ котораго воздвигается кафедра судьи. Но кто изъ нихъ достигъ этого мѣста первый? Толпа, внѣ себя, бросается сюда со всѣхъ сторонъ, перепрыгиваетъ цѣпи, ограждающія арену и подбѣгаетъ къ постройкѣ, нѣсколько напоминающей эшафотъ, на которой выставляють нумеръ побѣдительницы. Сегодня верхъ одержала Кетледремъ. Эта новость была принята съ крайнимъ удивленіемъ, такъ какъ Кетледремъ, уже получавшая призъ на другихъ скачкахъ, теперь считалась не опаснымъ противникомъ. Удивленіе скоро смѣнилось энтузіазмомъ: аплодисменты раздавались за аплодисментами въ честь Кетледремъ и побѣдительницу съ яростью привѣтствовали тѣ самые люди, которыхъ она заставила потерять значительныя суммы.

Лошадь, выигравшая на Дерби, какъ бы низко она ни цѣнилась до скачекъ, дѣлается вдругъ знаменитостью, силою, предметомъ почитанія и золотымъ рудникомъ для своего владѣльца. Во первыхъ, онъ получаетъ всѣ ставки, т. е. суммы, выплаченныя впередъ тѣми, кто конкурируетъ на скачкѣ. Въ сложности сумма эта простирается на наши деньги до сорока, пятидесяти тысячъ руб. и нерѣдко гораздо болѣе; но эта сумма еще ничего не значитъ: съ этой минуты владѣлецъ лошади получаетъ множество приглашеній на другія скачки, которыя въ свою очередь сразу могутъ составить ему громадное состояніе. Наконецъ, уже самая ея репутація составляетъ капиталъ. Всѣ англійскіе журналы, съ большою точностью, сообщаютъ генеалогію выигравшей лошади, даютъ ея біографію, называютъ имя ея владѣльца, коннозаводчика и жокея, который за нею ходитъ. Портретъ лошади гравировается, фотографируется, пишется масляными красками лучшими художниками. Любители лошадей и скачекъ на расхватъ раскупаютъ эти портреты и вѣшаютъ на стѣну своего кабинета. Немало этихъ портретовъ раскупается клубами, редакціями листовъ, посвященныхъ скачкамъ, и даже тавернами, гдѣ ихъ нерѣдко вѣшаютъ рядомъ съ портретомъ герцога Веллингтона. При слѣдующихъ скачкахъ уже многіе будутъ держать пари на эту лошадь.

Послѣ скачки всѣ бросаются въ буфеты, гдѣ происходитъ страшнѣйшая давка: всюду крикъ, поздравленія, споры, самыя тонкія замѣчанія знатоковъ относительно бѣга той или другой лошади, пророчества тому или другому владѣльцу, что онъ получитъ призъ на слѣдующей скачкѣ. На лугу происходитъ еще болѣе любопытное зрѣлище: стаи

голубей, пущенные на воздухъ, описываютъ круги надъ океаномъ головъ и затѣмъ, узнавъ дорогу, бросаются по разнымъ путямъ, унося подъ своими крыльями имя побѣдившей лошади. Этихъ оригинальныхъ воздушныхъ почтальоновъ пускаютъ для того, чтобы какъ можно скорѣе сообщить редакціямъ и различнымъ друзьямъ имя побѣдительницы.

Опять принимаются за закуску. Пробки то и дѣло хлопаютъ изъ бутылокъ шампанскаго. Высчитано, что въ этотъ день болѣе милліона фунтовъ стерлинговъ переходитъ изъ однихъ рукъ въ другія. Что касается до бутылокъ, то ихъ выпивается здѣсь такъ много, что невозможно сосчитать. Между пирующими одни пьютъ въ честь своей побѣды, другіе, чтобы утѣшиться въ поражениі. На лицахъ не выражается однако ни мрачнаго разочарованія послѣ скачекъ, ни безпокойства за будущее, а между тѣмъ сколько обманутыхъ надеждъ! Потерявшіе деньги не лишились отъ этого аппетита и кажется еще съ большею яростью набрасываются на голубиные паштеты и на пирамиды холодной говядины, привезенныя въ каждой каретѣ. Нѣтъ человѣка, который бы не ѣлъ въ эту минуту, нѣтъ свободнаго мѣста, гдѣ бы кучка пріятелей или знакомыхъ не расположилась закусывать; ѣдятъ на открытомъ воздухѣ, ѣдятъ въ баракахъ, ѣдятъ въ Гретъ-Стрендѣ, ѣдятъ вездѣ. Въ Гретъ-Стрендѣ блестящая столовая зала сіяетъ всѣмъ великолѣпіемъ англійской кухни. Тамъ сливки высшихъ слоевъ общества: британская аристократія и даже иностранные принцы. Но что всего оригинальнѣе, такъ это то, что часто подлѣ блестящаго джентльмена можно видѣть и его кучера; часть тому назадъ они бились объ закладъ, а теперь пришли вмѣстѣ закусить и выпить.

День Дерби—день современныхъ британскихъ сатурналій. Эти праздники въ современной Англій имѣютъ много общаго съ римскими праздниками въ честь Сатурна (богъ времени). Когда наступалъ этотъ праздникъ, въ Римѣ прекращались всѣ работы. Музыка, танцы, маскарады, пиры, веселость и свобода общаго карнавала, овладѣвали всѣмъ городомъ, всѣми классами населенія. На это время исчезали границы, отдѣляющія бѣдныхъ отъ богатыхъ, патриціевъ отъ плебеевъ. Кто въ эти дни являлся мрачнымъ или даже грустнымъ, — считался дурнымъ, безбожнымъ гражданиномъ; кто былъ веселѣе и распушеннѣе, — тотъ былъ угоднѣе богамъ. Даже рабы во время сатурналій пользовались привилегіею свободы. Они одѣвались въ одежды своихъ господъ, а ихъ господа, надѣвъ платья своихъ рабовъ, служили имъ за столомъ. Развязавшійся языкъ рабовъ бичевалъ пороки вчера еще страшныхъ имъ господъ. Всякое ихъ обличеніе, всѣ шутки въ это время проходили для нихъ безнаказанно. То же самое мы видимъ и въ Англій, въ день Дерби. Англичане, которые на каждомъ шагу даютъ понять своимъ слугамъ разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ господъ, суровые и строгіе исполнители всѣхъ мелочныхъ приличій, теперь теряютъ свою суровость, относятся одинаково какъ къ людямъ знатнаго происхожденія, такъ и къ людямъ ниже себя поставленнымъ. Нѣкоторые вполне respectable, но молодые джентльмены сверху своихъ шарабановъ стрѣляютъ въ прохожихъ горохомъ изъ особыхъ трубочекъ. Дамы въ коляскахъ громко разговариваютъ, смѣются, пьютъ бокалами шампанское. Въ одну изъ такихъ каретъ входитъ совершенно незнакомый, изящно одѣтый молодой человѣкъ: онъ нѣсколько навеселѣ, хватаетъ у дамъ бокалы, чокается, шутитъ, остритъ и выскакиваетъ изъ экипажа. Затѣмъ онъ подбѣгаетъ къ другимъ дамамъ и начинаетъ также шутить: ему напоминаютъ, что съ нимъ незнакомы. «Сегодня Дерби», говоритъ онъ укоризненно и отходить.

Въ шесть часовъ вечера праздникъ кончается и всѣ возвращаются домой. Вскорѣ остаются только цыгане и старыя женщины, которыя шарятъ въ травѣ, чтобы собрать остатки отъ праздника, а иногда даже и деньги, проскользнувшія между пальцами игроковъ. На возвратномъ пути, въ тѣхъ же деревняхъ, гдѣ дѣвушки привѣтствовали

знаменами ѣхавшихъ на праздникъ, теперь осыпаютъ градомъ апельсиновъ и бросаютъ цѣфты. Въ коляскахъ, которыя ѣдутъ въ три и въ четыре ряда, у многихъ мужчинъ прикрѣплены къ шляпамъ деревянныя фигурки. Это дѣлаютъ тѣ, кто выигралъ. Но такъ какъ чрезвычайно много джентльменовъ, къ шляпамъ которыхъ прикрѣплены деревянные куклы, то можно подуматъ, что они украсили себя этимъ трофеемъ, чтобы скрыть свое поражение. Въ этотъ день продается безчисленное множество этихъ деревянныхъ фигуръ. Многіе омнибусы представляютъ въ это время въ высшей степени комической арѣяще: они обставлены пустыми бутылками и выложены куриными костями, раковую шелухою, кусочками дерна. Всѣ возвращаются грязными, пыльными и навеселѣ.

Такихъ скачекъ, хотя и не столь блистательныхъ, нѣсколько въ году. На той же недѣлѣ и въ томъ же Иисомѣ бывають такъ называемыя «Дубовыя скачки». Это день дамъ. Дамы въ роскошныхъ нарядахъ собираются сюда и съ такимъ же жаромъ, какъ и мужчины, держатъ пари на дюжину перчатокъ. Затѣмъ слѣдуютъ «Аскотскія скачки», — это день аристократіи. Прежде царствующій монархъ отправлялся въ Аскотъ въ торжественномъ поѣздѣ, и дамы, роскошно одѣтыя въ придворныя туалеты, прогуливались по аренѣ въ промежуткѣ между бѣгомъ. Еще и въ настоящее время на нихъ присутствуетъ королева. И до сихъ поръ экипажи и публика, которая съѣзжаются въ этотъ день въ Аскотъ, отличаются необыкновеннымъ шикомъ и богатствомъ. Этотъ фешенебельный праздникъ извѣстенъ еще и тѣмъ, что множество деревенскихъ парней и молодыхъ деревенскихъ дѣвушекъ стараются сыграть свадьбу за нѣсколько дней до этихъ скачекъ. Молодая женщина считаетъ высшею любезностью со стороны своего супруга, если онъ отправляется въ этотъ день съ нею смотрѣть скачки. Эта приманка, говорятъ, такъ соблазнительна, что ради ея составляется нѣсколько лишнихъ партій.

Чтобы лучше понять торжество скачекъ и значеніе лошади для англичанина, заглянемъ въ Ньюмаркетскія конюшни. Небольшой городъ Ньюмаркетъ находится недалеко отъ Кембриджа. Когда вы проѣзжаете по этому городу, васъ прежде всего поражаетъ, что вы не встрѣчаете здѣсь тѣхъ оборванныхъ ребятъ, которые попадаютъ во всѣхъ городахъ Англіи, не отличающихся промышленностью и торговлею. Это отъ того, что здѣсь очень много конюшенъ, и дѣти съ восьми, десяти лѣтъ находятъ при нихъ для себя какую нибудь работу. Ньюмаркетъ — городъ лошадей: онъ живетъ только скачками и промышленностью, съ ними связанною. Тутъ только и видишь жокеевъ, грумовъ, тренеровъ (trainers-дрессировальщики лошадей) и любителей скачекъ. Самое лучшее зданіе, которое вы находите въ этомъ городѣ, жокей-клубъ: тутъ множество портретовъ лошадей, получившихъ въ разное время призы на скачкахъ, календарь скачекъ и многоготовное сочиненіе о разведеніи лошадей. Тутъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Англіи, заведеній для дрессированія лошадей, и эти заведенія приобрѣли всесвѣтную славу. Нѣкоторые богачи и вельможи держатъ здѣсь конюшни, которыя по внѣшности напоминаютъ скорѣй дворцы, чѣмъ лошадиныя стойла. Сама природа содѣйствуетъ дрессированію здѣшнихъ лошадей. За городомъ тянется большое пространство, на полторы мили, по слегка наклонному склону, покрытому травой и чрезвычайно удобному, чтобы выѣзжать лошадей. Скачки здѣсь бывають шесть, семь разъ въ году.

Тренеръ — самая важная особа при конюшнѣ. У него множество прислуги, комфортабельно и изящно отдѣланный домъ, богато убранный салонъ. Прежде чѣмъ проникнуть въ конюшни, вы входите во дворъ, окруженный кирпичными постройками. Во всю длину зданія двери, которыя ведутъ въ комнаты лошадей. Каждая изъ нихъ имѣетъ свою отдѣльную, отлично устроенную спальню. Это обыкновенно чрезвычайно высокія и свѣтлыя комнаты, стѣны которыхъ хорошо выбѣлены и покрыты желѣзными пластинками; мраморныя ясли и постель изъ свѣжей соломы, которую мѣняютъ каждое утро.

У каждой лошади свой грумъ (конюхъ), или мальчикъ не моложе двѣнадцати и не старше четырнадцати лѣтъ, который убираетъ комнату и смотритъ за лошадыю. Эти грумы спятъ въ конюшняхъ на кроватяхъ, которыя днемъ поднимаются и принимаютъ форму комода. Туалетъ этихъ лошадей очень сложенъ: онъ требуетъ цѣлой связки губокъ, гребенокъ, щетокъ, полотенецъ и другихъ вещей, напоминающихъ будуаръ свѣтской дамы. Въ теплое время года лошади одѣты въ полотняныя покрывала, въ холодное—въ суконныя. Въ дрессировальныхъ школахъ всѣ лошади чистой арабской крови; однѣ родились здѣсь, другія въ Йоркширѣ—этомъ разсадникѣ лучшихъ лошадей. Прежде всего однако нужно объяснить, что называютъ здѣсь лошадыю чистой крови. Это лошадь, генеалогію которой можно прослѣдить черезъ многія поколѣнія и которой предки приобрѣли знаменитость на скачкахъ. Такія лошади происходятъ отъ арабской крови, варварійской или турецкой; но заботы, уходъ и даже климатъ Великобританіи еще значительно ихъ улучшили. Онѣ сдѣлались выше своихъ предковъ, длиннѣе, легче и въ тоже время выиграли въ мускульной силѣ. Всякій разъ, когда англійская бѣговая лошадь состязалась съ лучшими арабскими лошадьми, она непремѣнно одерживала побѣду. Лошадь, побѣдившая на многихъ скачкахъ и хотя разъ одержавшая верхъ въ Ипсомѣ, болѣе, чѣмъ всякая другая, даетъ громкое имя своимъ потомкамъ.

Каждая такая лошадь имѣетъ свой особый нравъ, привычки и капризы, которые тренеръ серьезно изучаетъ и на которыя онъ заставляетъ обращать вниманіе своихъ грумовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ лошадей любятъ послѣ ѣды получать лакомства: пирожки съ вареньемъ, яблоки, апельсины, пирожное; другія требуютъ, чтобы вмѣстѣ съ ними въ конюшнѣ жило какое нибудь животное: ягненокъ, кошка, къ которымъ многія изъ нихъ питаютъ необыкновенную нѣжность: осторожно поднимаютъ ихъ ртомъ себѣ на спину, безпрестанно задѣваютъ своимъ хвостомъ. Чудь не выполнишь каприза такой лошади, и она дѣлается печальна, перестаетъ ѣсть и слушаться.

Когда молодая лошадь чистой крови признается годною для скачекъ, ее посылаютъ въ дрессировальную школу, и въ большинствѣ случаевъ въ Ньюмаркетъ. По внѣшнему виду жеребенка трудно рѣшить, будетъ ли онъ годеиъ для скачекъ или нѣтъ. Самые опытные въ этомъ дѣлѣ тренеры часто ошибаются, и такія ошибки становятся источникомъ жестокихъ разочарованій. На жеребенка хорошей фамиліи и блестящихъ родителей нерѣдко вся семья смотритъ, какъ на будущаго спасителя своего, начинающаго приходить въ упадокъ, благосостоянія. Всѣ члены семьи, возлагая на него огромныя надежды, холятъ, нѣжатъ, ласкаютъ такого жеребенка. Чуть онъ подросъ, его отправляютъ въ Ньюмаркетскую дрессировальную школу, въ которую платятъ за его воспитаніе большія деньги. Здѣсь для жеребенка открывается новая жизнь: свобода и праздность, которыми онъ до сихъ поръ пользовался, замѣняются строгою дисциплиною и тяжелымъ трудомъ во время упражненій.

Хотя тренеры и получаютъ за воспитаніе лошадей большія деньги, но такъ какъ большинство изъ нихъ выбираютъ эту обязанность вслѣдствіе своей склонности и любви къ лошадямъ, то они всей душою отдаются этому дѣлу. Трудно представить, сколько безпокойства и волненій переживаютъ они передъ скачками. По этому поводу приводятъ въ примѣръ одного тренера, которому поручили приготовить къ ипсомскимъ скачкамъ одну лошадь, по имени Элеонору. По мѣрѣ того, какъ приближался день борьбы, тренеръ становился все безпокойнѣе. Онъ не ѣлъ, не спалъ и наконецъ совершенно заболѣлъ. Подумали, что онъ умираетъ и пригласили къ нему приходскаго священника. Тренеръ разсѣянно слушалъ наставленія пастора, безпокойно метался по кровати и стоналъ. Наконецъ пасторъ сказалъ ему: «Мой другъ, нѣтъ ли у васъ чего на совѣсти?»—«Да, есть», отвѣчалъ тотъ ему, и я это скажу только вамъ,—«Элеонора,—сомнительная

лошадь». Однако эта сомнительная лошадь скоро выиграла два большихъ приза, и при этомъ извѣстїи больной совершенно выздоровѣла въ нѣсколько дней. Но вернемся къ воспитанію молодой лошади въ школѣ. Жизнь ея здѣсь далеко не красна: на ея еще нѣжную спину теперь садится жокей, вѣсъ котораго легокъ, но руки и колѣна котораго даютъ себя чувствовать уже съ первой минуты. Поѣздивши мелкимъ галопомъ, ее учатъ форсированному бѣгу, который увеличивается по мѣрѣ того, какъ развиваются ея силы. Во все время ея воспитанія качество и количество пищи строго соразмѣряются съ ея работою. Если шея или плечи лошади слишкомъ покрыты мясомъ или жиромъ, то эти части покрываютъ теплымъ покрываломъ, чтобы ихъ уменьшить посредствомъ выпотѣнія. Благодаря упражненіямъ и постояннымъ заботамъ, мускулы лошади дѣлаются крѣпки, какъ сталь, кожа блестяща и мягка, какъ атласъ. Дрессированіе иногда такъ избѣгаетъ лошадь, что владѣлецъ часто самъ ее не узнаетъ. Когда молодая лошадь прошла весь курсъ своего обученія, для нея наступаетъ первое испытаніе, передъ небольшимъ числомъ знатоковъ. Когда она съ достоинствомъ выдержала свой первый экзаменъ, ее начинаютъ отправлять на сельскія скачки, затѣмъ она поднимается все выше и выше и наконецъ появляется на зеленой равнинѣ Дерби.

Успѣхъ лошади иногда зависитъ отъ самыхъ ничтожныхъ причинъ: нерѣдко она опережаетъ всѣхъ соперниковъ, но вдругъ въ самую рѣшительную минуту ей попадается подъ ногу маленькій камешекъ, и этого бываетъ достаточно, чтобы остановить ея стремительный бѣгъ. Много зависитъ успѣхъ отъ характера лошадей, которыя часто бываютъ капризны въ эти минуты. По этому поводу знатоки рассказываютъ слѣдующее. Когда одна лошадь, по имени «Независимость», бывала въ хорошемъ расположеніи духа, она бѣжала по аренѣ съ быстротою ядра, выпущеннаго изъ пушки; когда же она была не въ духѣ, она прыгала и устранялась отъ состязанія, не смотря на всѣ усилія своего жокея. У нѣкоторыхъ изъ этихъ лошадей такая странность: онѣ замѣчаютъ, что наканунѣ скачекъ ихъ подвергаютъ особой дисциплинѣ и проводятъ ночь въ такомъ безпокойствѣ, что теряютъ силы, нужныя для бѣга. Въ такихъ случаяхъ опытные тренеры избѣгаютъ всего, что можетъ возбудить подозрѣніе животнаго. Можно подумать, что послѣ того, какъ воспитаніе лошади закончено, ей уже нечего дѣлать въ промежутки между скачками, — но это ошибочно: упражненія для нихъ, какъ и для солдата, продолжаютъ всю жизнь. Хорошая бѣговая лошадь можетъ являться съ успѣхомъ на семи и восьми скачкахъ. Одна знаменитая лошадь участвовала въ 140 скачкахъ и побѣдила 71 разъ. Одержавши верхъ на блестящихъ турнирахъ, лошади переходятъ на скачки менѣе извѣстныя, призами которыхъ бываютъ какія нибудь бездѣлушки. Затѣмъ знаменитая лошадь падаетъ еще ниже и наконецъ, что нерѣдко случается, ее продаютъ подъ наемныя кареты. Нѣкоторымъ изъ нихъ, однако, судьба покровительствуетъ до послѣдняго издыханія. Обогативъ семью, такая лошадь становится идоломъ всѣхъ ея членовъ, и умираетъ въ холѣ и нѣгѣ, въ отличномъ помѣщеніи, на рукахъ благодѣтельствованныхъ ею людей. Въ журналахъ, посвященныхъ спорту, появляются ея некрологи: «Мы должны извѣстить о смерти одной знаменитости, происшедшей въ прошлую субботу 20-го апрѣля. Она долго страдала отъ нарыва, вслѣдствіе котораго она сдѣлалась настоящимъ скелетомъ. Никакое леченіе не могло остановить развитіе роковой болѣзни. Алисъ Хауторнъ (такъ какъ дѣло идетъ о ней) было 23 года: ея успѣхи принадлежатъ исторіи. Мы не будемъ подробно разсматривать ея продолжительную и почетную карьеру; вспомнимъ только, съ какимъ блескомъ она одержала побѣду на ипсомскихъ скачкахъ въ...» и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ длинный перечень ея побѣдъ.

Послѣ тренера, успѣху лошади всего болѣе содѣйствуетъ жокей. Когда еще только вачались скачки, этого класса людей не существовало. Многіе вельможи сами сѣдлали ло-

шадей и галопировали на нихъ по аренѣ. При этомъ, нерѣдко, лошадьми управляли даже и женщины высшаго круга. Однако со временемъ поняли, что такъ какъ успѣхъ лошади сильно зависитъ отъ личности, которая управляетъ ею во время скачки, то образовался особый классъ людей, которые основательно подготовлялись къ этому занятію и получали для этого специальное образованіе. Жокеи, какъ и лошади, приобретаютъ извѣстность, и чѣмъ искуснѣе жокей, управляющій лошадью, тѣмъ болѣе находится охотниковъ держать пари на эту лошадь. Большая часть жокеевъ начала свою службу грумами въ конюшняхъ тренера; въ четырнадцать, пятнадцать лѣтъ ихъ произвели въ жокеи, и теперь, вмѣсто того, чтобъ постоянно находиться при лошади, они стали галопировать на ней по два, по три часа по утрамъ. Эти жокеи проходятъ суровую школу. Они должны привыкнуть къ самому строгому молчанію, къ суровой дисциплинѣ, къ безпрекословному повиновенію, иногда даже къ системѣ шпіонства, царствующей въ дрессировальныхъ заведеніяхъ. При встрѣчѣ съ жокеями и грумами другихъ конюшенъ, они никогда не должны проговориться, что дѣлается у нихъ, и въ то же время выпытывать у товарищей, сколько лошадей и какая изъ нихъ подаетъ надежды. Жокеи обыкновенно не получаютъ никакого образованія, но непременно должны умѣть читать и писать. Ихъ главная школа — манежъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые тренеры, какъ они сами выражаются, считаютъ своею обязанностью нравственно вліять на своихъ подчиненныхъ. Такихъ въ праздничные дни можно видѣть отправляющимися въ церковь въ сопровожденіи цѣлой арміи жокеевъ и грумовъ. Между собою жокеи говорятъ на особомъ жаргонѣ, не лишенномъ энергіи и живописности. Ихъ фигура до такой степени типична, что ихъ тотчасъ отличишь между всѣми. Они крошечнаго роста, въ 5 футовъ и два или три англійскихъ дюйма; не смотря на это, они необыкновенно мускулисты и здоровы.

Когда грумъ выразитъ тренеру желаніе «идти дальше», т. е. сдѣлаться жокеемъ, его подвергаютъ особой дисциплинѣ и упражненіямъ. Всю свою жизнь онъ ѣстъ по строго определеннымъ порціямъ, и точно также какъ лошадь, на которой онъ ѣздитъ, его стараются освободить отъ лишней полноты и мяса посредствомъ теплой одежды, съ помощью которой вызываютъ обильный потъ. Смѣлый, ловкій, гибкій, граціозный на лошади, жокей становится смѣшнымъ, оставляя се. Если онъ женится, то въ большинствѣ случаевъ не иначе, какъ на дѣвущкѣ своего сословія. т. е. на дочери тренера или жокея. Если жокей пользуется извѣстностью, въ газетахъ и журналахъ, посвященныхъ скачкамъ, возвѣщаютъ о его бракосочетаніи, какъ это дѣлается относительно принцевъ крови. Знаменитые жокеи бывають иногда очень богаты, и нѣсколько лучшихъ домовъ въ Ньюмаркетѣ принадлежатъ этому классу людей. Не даромъ богатые джентльмены нерѣдко говорятъ, что «за столомъ ихъ жокеевъ больше серебра, чѣмъ за ихъ собственнымъ». И это понятно. Такъ какъ успѣхъ лошади сильно зависитъ отъ жокея, то въ интересѣ владѣльца лошади платить ему, какъ можно больше. Нерѣдко владѣльцы лошадей, назначенныхъ къ скачкѣ, предлагаютъ жокею чужой лошади огромную сумму денегъ, если та лошадь, на которой онъ долженъ состязаться на аренѣ, потерпитъ поражение. Уже для того только, чтобы поставить жокея внѣ подобныхъ соблазновъ, владѣльцамъ скакуновъ приходится давать имъ большое содержаніе и дарить богатые подарки. Призъ, который назначаютъ за успѣхъ лошади, хозяинъ ея обыкновенно отдаетъ жокею. При этомъ онъ всегда получаетъ въ подарокъ не менѣе 1000 ф. ст. Жалованья жокеи получаютъ отъ 500 до 1000 ф. ст. въ годъ.

Классъ жокеевъ живетъ не долго: это зависитъ отъ отчаянныхъ усилій, которыми они дѣлають на скачкахъ, отъ страшныхъ волненій во время ихъ и еще больше отъ того образа жизни, который они должны вести, чтобы сдѣлаться настоящими жокеями. Если жокею не удастся подъ старость сдѣлаться тренеромъ, онъ на скопленные деньги

береть ферму. Но кѣмъ бы онъ ни сдѣлался, онъ всегда будетъ самымъ аккуратнымъ посѣтителемъ всѣхъ скачекъ, и лишь только онъ на скачкахъ слышитъ сигналъ и крикъ «го», т. е. пошелъ, — сердце его начинаетъ сильно биться.

СПОРТЪ ВЪ АНГЛІИ.

Игры и гимнастическія упражненія. — Страсть англичанъ къ крикету. — Распространеніе этой игры англичанами по всему свѣту. — Скороходы. — Ихъ воспитаніе. — Плаваніе. — Гонка шлюпокъ на Темзѣ. — Боксъ — любимое развлеченіе англичанъ всѣхъ классовъ общества. — Боксеры: ихъ наружность и воспитаніе; ихъ жаргонъ и нравы.

То, что называется теперь общимъ именемъ спорта и игръ (sports and games), преимущественно обнимаетъ охоту во всѣхъ ея вѣтвяхъ, скачки, ѣзду въ яхтахъ, крикетъ, игры въ мячъ, боксъ, борьбу и стрѣльбу изъ лука. Большая часть этихъ игръ въ Англіи существуетъ уже съ древнихъ временъ; ихъ главное развитіе однако относится къ началу прошлаго столѣтія. На скачкахъ англичане имѣютъ въ виду усовершенствовать лошадь, въ охотахъ за звѣрями — улучшить породу собакъ, а въ цѣломъ рядѣ игръ и упражненій они преслѣдуютъ физическое развитіе человѣка. Эти тѣлесныя упражненія англичанъ — потребность ихъ организма. Къ этому принаровлена и вся система воспитанія юныхъ англичанъ. Они терпѣть не могутъ дѣтей-книжниковъ и стараются равномерно развивать, какъ физическія, такъ и умственныя силы. «Развѣ не значить оскорблять Создателя», говорятъ они, «если мы будемъ цѣнить и развивать только одну половину нашей природы». Во многихъ школахъ введена новая система, по которой учатся только одну половину дня, а другую цѣликомъ посвящаютъ играмъ и физическимъ упражненіямъ. Англичане приписываютъ успѣхъ своихъ государственныхъ дѣятелей, генераловъ, путешественниковъ, — привычкѣ, приобретаемой ими еще въ школѣ, — рано закалять свою волю, характеръ и мускулы въ различныхъ атлетическихъ упражненіяхъ. Идеаль британскаго воспитанія — развивать сильную душу въ здоровомъ тѣлѣ. Изъ всѣхъ игръ самая національная — игра въ крикетъ. Самыя популярныя изъ всѣхъ атлетическихъ упражненій — бѣгъ, кулачный бой и гребля въ лодкахъ.

Объ играхъ грековъ и римлянъ составлены многотомныя ученныя книги; развѣ не имѣютъ для насъ еще большаго интереса развлеченія современныхъ народовъ, особенно когда въ нихъ, какъ у англичанъ, отражаются черты народнаго характера?

Игра въ крикетъ распространена какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Великобританіи, какъ между богатыми, такъ и бѣдными классами, какъ въ большихъ городахъ, такъ и въ захолустьяхъ. Она требуетъ по одиннадцати человѣкъ съ каждой стороны, и такимъ образомъ состоитъ изъ борьбы между двумя соперничающими отрядами. Для этой игры отводится около города или деревни ровное и огороженное пространство. Трава на немъ тщательно сохраняется, и для этого ее поливаютъ отъ времени до времени; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ землю уравниваютъ каткомъ. На приготовленномъ такимъ образомъ мѣстѣ, передъ началомъ игры, въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, ставятъ двѣ загородки, которыя имѣютъ форму рѣшетки, въ три перекладины, настолько удаленныхъ другъ отъ друга, что онѣ могутъ пропустить шаръ. У одной изъ загоронокъ становится «bowler». т. е. тотъ, кто бросаетъ мячъ; у другой — «batter», или тотъ, кто длинною лопаткой защищаетъ загородку отъ удара мяча. Искусство «боулера» состоитъ въ томъ, чтобы пустить мячъ въ кольца и опрокинуть ихъ; искусство «баттера» въ томъ, чтобы встрѣтить этотъ мячъ лопаткой и ударить такимъ образомъ, чтобы онъ миновалъ цѣль и отлетѣлъ какъ можно дальше. Десять «fieldsmen», которыхъ можно назвать адъютантами боулера,

бросаются за мячемъ, и въ это время баттеръ быстро бѣжитъ отъ одной загородки къ другой. Отъ большаго или меньшаго числа этихъ перебѣжекъ зависитъ побѣда. Мы дали только самое общее понятіе объ этой игрѣ, между тѣмъ какъ она очень сложная, такъ какъ уставъ крикета заключаетъ въ себѣ не менѣе 38 статей.

Въ хорошій лѣтній вечеръ гдѣ-бъ вы ни проходили по деревнѣ, вы непременно услышите стукъ шара о деревянную палку. Вслѣдъ затѣмъ передъ вами открывается на лугу толпа веселыхъ дѣтей, которые, вырвавшись изъ школы, играютъ въ крикетъ. Не думайте однако, что эта игра — забава дѣтей или школьниковъ; напротивъ, это гораздо больше развлеченіе взрослыхъ. Въ субботу вечеромъ рабочіе отдыхаютъ отъ недѣльнаго труда, соперничая другъ съ другомъ въ ловкости. Эта игра возбуждаетъ сильный восторгъ между людьми всѣхъ профессій, всѣхъ классовъ общества; ее страстно любятъ молодые и старые, дѣти и даже женщины. Лѣтомъ вокругъ Лондона каждый лужекъ занятъ игроками, окруженъ любопытными и палатками, гдѣ игроки скрываются иногда отъ жара. Этимъ гимнастическимъ упражненіемъ развлекаются, какъ мы уже говорили, въ часы досуга рѣшительно всѣ англичане, но какъ и во всѣхъ упражненіяхъ этого рода, точно также и тутъ есть свои спеціалисты. Удары во время этой игры бываютъ иногда такъ опасны, что крикетеры должны вооружаться набитыми перстью перчатками и наколѣбниками, чтобы предохранить себя отъ нихъ. Эта игра, кромѣ вѣрности взгляда, сметки, подвижности, храбрости, требуетъ большаго самообладанія. Она укрѣпляетъ характеръ и силу воли—эти чисто британскія добродѣтели, такъ какъ хорошій крикетеръ не долженъ смущаться ни затрудненіемъ, ни увлекаться успѣхомъ. Это упражненіе чрезвычайно развиваетъ мускулы и такимъ образомъ поддерживаетъ здоровье. Еще важнѣе то, что эта игра служитъ связью между различными классами британскаго общества. Въ деревняхъ, нерѣдко можно видѣть за одной игрой англійскаго вельможу и крестьянина, священника и трактирщика, судью и цирюльника, которые играютъ, болтаютъ и шутятъ совершенно свободно.

Крикетъ въ Англіи цѣлая наука, которая требуетъ серьезнаго изученія, и не мало людей, которые посвящаютъ ей всю свою жизнь. Когда джентльмены устраиваютъ большую партію крикета, они всегда приглашаютъ къ себѣ нѣсколькихъ спеціалистовъ, т. е. игроковъ по профессіи, и хорошо платятъ имъ за ихъ участіе. Самыя большія партіи состояются въ окрестностяхъ Лондона, въ присутствіи многихъ тысячъ зрителей. Въ крикетъ не играютъ зимою: это чисто лѣтняя игра. Глубоко укоренившись въ обычаяхъ страны, крикетъ до такой степени возбуждаетъ общественный интересъ, что для него существуютъ особые газеты, журналы, альманахи и пр. Игроковъ по профессіи не только хорошо вознаграждаютъ, но ихъ подвиги заносятъ на столбцы журналовъ и газетъ, посвященныхъ этой игрѣ, а также и на столбцы Таймса. Различныя англійскія графства ставятъ себѣ за честь считаться мѣстомъ родины того или другого извѣстнаго крикетера и объ этомъ нерѣдко поднимаются споры въ журналахъ. Наиболѣе прославившимся въ этой игрѣ даютъ разныя прозвища: «Страшный», «Неумолимый», «Непобѣдимый», «Кентскій левъ». Энтузіазмъ англичанъ къ знаменитостямъ крикета объясняется, по ихъ словамъ, характеромъ игры, которая требуетъ не только ловкости и силы членовъ, но и всѣхъ силъ ума. Полетъ шара, по ихъ мнѣнію, зависитъ не столько отъ рукъ, сколько отъ соображенія. Нѣкоторые знаменитые крикетеры путешествуютъ изъ графства въ графство и поддерживаютъ такимъ образомъ эту любимую національную игру. При значительномъ числѣ игроковъ въ крикетъ въ какой-нибудь мѣстности составляются клубы, члены которыхъ избираются посредствомъ баллотировки и составляютъ подписку на содержаніе «cricket ground» (поле крикета). Клубовъ этихъ безчисленное множество; они носятъ самыя разнообразныя названія, какъ напримѣръ: «клубъ цыганъ», «джентльменовъ Анг-

ли, Оксфорда, Кембриджа, Гарро, Итона, и проч.» Провинціальные клубы дѣлають часто щедрыя подписки, чтобы пригласить къ себѣ извѣстныхъ крикетеровъ на партію крикета. Обыкновенно знаютъ день ихъ прїѣзда, и толпа народа бѣжитъ встрѣчать ихъ на желѣзную дорогу. Имъ дѣлають оваціи и окружають царскимъ гостепрїимствомъ.

При игрѣ въ крикетъ каждая партія назначаетъ судью, обязаннаго рѣшать всѣ спорные пункты. Эти судьи руководствуются въ своихъ рѣшеніяхъ предписанными правилами, но характеръ игры, какъ мы уже говорили, такой сложный, что, не смотря на предписанные законы, требуется много опытности и соображенія, чтобы рѣшить безпристрастно и согласно обычаю игроковъ.

Эта игра вызываетъ цѣлую вѣтвь промышленности. Нѣтъ ни одного большаго города въ Англіи, гдѣ бы не было нѣсколькихъ лавокъ, исключительно посвященныхъ экипированію игроковъ въ крикетъ и продажѣ предметовъ, необходимыхъ для этой игры. Куртка, фланелевыя панталоны цвѣта своего клуба, соломенная шляпа или легкая цвѣтная шапочка и большіе сапоги изъ бѣлой кожи—вотъ костюмъ крикетера.

Женщины не только аплодируютъ игрокамъ, но и сами нерѣдко являються на аренѣ. Въ Берри устроилась партія молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ въ присутствіи всей публики; женщины одержали верхъ надъ дѣвушками. Если женщина не имѣетъ особенной страсти къ крикету, тѣмъ не менѣе она сильно заинтересована въ этой игрѣ; тутъ всегда участвуетъ кто-нибудь изъ близкихъ ея сердцу: братъ, мужъ или сынъ. Нерѣдко можно видѣть дамъ, просиживающихъ по пяти часовъ сряду на скамейкахъ, подъ палящими лучами солнца, забывая о ѣдѣ и своей усталости, смотря на состязаніе двухъ клубовъ: въ нихъ участвуютъ ихъ сыновья, и материнская гордость сильно страдаетъ, если сынъ ея потерпитъ пораженіе.

Англичане стараются распространить и поддержать эту игру не только у себя, но и во всемъ свѣтѣ. Въ настоящее время всѣ казармы Великобританіи имѣють свой лужокъ для крикета и клубъ игроковъ. Всѣ военные англійскіе корабли снабжены шарами, загородками и палками для отбиванія. Поэтому вездѣ, гдѣ только высаживаются на берегъ англійскіе солдаты и моряки, они устраиваютъ партію въ крикетъ, рискуя нарушить покой черепахъ, испугать птицъ и удивить туземцевъ. Не только города и деревни соперничаютъ между собой, но цѣлыя графства вызываютъ другъ друга на бой; сѣверъ Англіи посылаетъ вызовъ югу; крикетеры переплываютъ океанъ, чтобы сразиться съ клубами Канады или Соединенныхъ Штатовъ. Почти каждую недѣлю въ спеціальныхъ журналахъ можно прочесть описаніе партіи крикета, составившейся на мысѣ Доброй Надежды, въ Индіи, въ Китаѣ, во всѣхъ концахъ свѣта. И этому всесвѣтному распространенію крикета прежде всего содѣйствовали и содѣйствуютъ англичане. Между прочимъ съ этою цѣлю, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было совершено англійскими крикетерами знаменитое путешествіе въ Австралію. Новая Голландія, эта могущественная колонія Англіи, уже давно заявляла желаніе помѣряться силами съ англичанами на полѣ крикета. Наконецъ въ 1861 году два богатыхъ жителя Мельбурна въ Австраліи ассигновали на это предпріятіе 7 тысячъ фунтовъ стерлинговъ и вступили въ переговоры съ англійскими крикетерами. Мельбурнцы предлагали одиннадцати англійскимъ игрокамъ, которые согласятся поѣхать въ Новую Голландію, взять всѣ расходы по путешествію на свой счетъ и кромѣ того дать каждому изъ нихъ по 150 ф. ст. Правда, для партіи крикета имъ приходилось сдѣлать путешествіе въ 17 тысячъ миль, но это не могло служить препятствіемъ англійскимъ крикетерамъ, и они рѣшились отправиться. Едва это рѣшеніе сдѣлалось извѣстнымъ, какъ всю страну охватила единодушная энтузіазмъ. Журналы придали этому факту даже государственное значеніе. Этому нечего удивляться. Великобританія владѣетъ во всѣхъ странахъ обширными колоніями, которыя скоро отдѣлились бы отъ нея, еслибы она порвала съ ними добрыя

отношенія. Англичане, какъ люди практическіе, стараются воспользоваться малѣйшимъ случаемъ, который могъ бы развить добрыя отношенія, укрѣпить связи между матерью и самою юною изъ ея дочерей—Австралію.

Въ основаніи почти всѣхъ удовольствій англичанъ легло главнымъ образомъ упражненіе ихъ физическихъ силъ. Они страстно любятъ устраивать зимой большія охоты на лисицъ, съ скачкой черезъ кустарники. Молодыя дѣвушки, беззаботно сидя на лошадахъ, перескакиваютъ черезъ заборы, рвы, черезъ пять барьеровъ заразъ, мчатся по лѣсамъ, галопомъ спускаются въ овраги. И несмотря на то, что имъ приходится перескакивать черезъ разныя преграды, вы находите ихъ всегда на своихъ лошадахъ стройными и самоуверенными. Онѣ галопируютъ по берегу моря всей семьей, начиная отъ семидесятилѣтняго дѣдушки до шестилѣтней внучки. Очевидно, что имъ необходимъ свѣжій воздухъ и движеніе. На берегу моря, во время сильнаго вихря, дѣвушки бѣгаютъ по отмели, вѣтеръ развѣиваетъ ихъ волосы, волны сыплютъ на нихъ брызги, но все это только веселитъ ихъ и тѣшитъ. Ясно, что имъ не только нужно движеніе, но и бури природы, препятствія. Идетъ дождь, лужи по колѣно, а старый джентльменъ настойчиво стоитъ надъ удочкой, чтобы добыть какую нибудь щученку. Огромныя денежныя затраты, даже опасности не останавливаютъ, но возбуждаютъ его: онъ отправляется за двѣсти лье въ Шотландію удить лососей, стрѣлять сернь или куропатокъ. Охотники, отправляющіеся на охоту далеко отъ родины, ѣдутъ по желѣзной дорогѣ съ лошадьми и собаками. Тотъ же характеръ видѣнъ и въ дѣтяхъ. Они не отличаются ни остроуміемъ, ни особенной сметкой, но зато превосходятъ всѣхъ своею смѣлостью, силой и твердостью воли. У тщедушнаго уличнаго мальчика болѣе развиты кулаки, чѣмъ языкъ. Дѣти богатыхъ людей не менѣе бѣдныхъ терпѣливы и выносливы. Они лезутъ по мачтамъ, нерѣдко отвязываютъ лодку и пускаются одни въ море, сбрасываютъ чулки и залѣзаютъ по колѣно въ воду, чтобы удить каракатицъ. Съ трехъ, четырехъ лѣтъ между англійскими дѣтьми, какъ между бѣдными такъ и богатыми, считается позоромъ расплакаться отъ ушиба, трусить въ темной комнатѣ.

Но возвратимся къ играмъ. Съ неменьшимъ нетерпѣніемъ, какъ и состязанія крикетеровъ, англичане ожидаютъ состязанія скороходовъ. Устраиваются эти состязанія обыкновенно на Копенгагенскомъ полѣ, недалеко отъ Лондона. Какая бы ни была погода, народа на это зрѣлище собирается обыкновенно нѣсколько тысячъ. Какъ и во всѣхъ состязаніяхъ, тутъ назначаются призы: это бываетъ обыкновенно прекрасная перевязъ стоимостью въ 30 или 35 ф. ст., а второстепенные призы состоятъ изъ соразмѣрнаго количества денегъ. Посреди бархатной пурпуровой перевязки сдѣланъ серебрянный щитъ съ рѣзными изображеніями, съ Меркуріемъ въ вѣнкѣ побѣды или съ группою скороходовъ, оспаривающихъ другъ у друга первенство. Перевязъ эта, по большей части, съ серебряной пряжкой и нерѣдко украшена лавровыми листьями, вышитыми серебромъ.

Въ извѣстный часъ выступаютъ на арену 18, 20 и болѣе скороходовъ; всѣ они выстраиваются въ шеренгу. Когда подають сигналъ начинать, они скорымъ шагомъ, а если бѣгуны—и они состязаются въ бѣгѣ,—то скорымъ бѣгомъ, въ томъ же порядкѣ, какъ они стали, подвигаются впередъ и такимъ образомъ нерѣдко дѣлають одинъ, два круга и между тѣмъ никто изъ нихъ не выдѣляется; но при третьемъ кругѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, образуются ряды; нерѣдко изъ всѣхъ выдѣляется одинъ, два. Недавно писали о скороходѣ, получившемъ первый призъ, который, несмотря на дождливую погоду и страшную слякоть, пробѣжалъ назначенныя десять миль въ невѣроятно короткое время, а именно въ 54 минуты и 21 секунду, а за нимъ двое, получившіе послѣдующіе призы, пробѣжали тоже пространство въ 1 часъ и 2 минуты.

Не только мужчины, но и женщины занимаются этимъ упражненіемъ. Неочень

давно улицы Лондона были загромождены зрителями, сбѣжавшимися со всѣхъ сторонъ посмотрѣть на дебютъ молодой женщины. Она обѣщала пройти въ 4½ часа пространство въ 20 англійскихъ миль. Она явилась одѣтая вся въ бѣломъ и, прижавъ локти къ бокамъ, держа прямо голову, — однимъ словомъ по всѣмъ правиламъ этого искусства, — двинулась впередъ. Нечего и говорить, что она точно исполнила свое обѣщаніе.

Перелистывая журналы спорта, можно насчитать въ одну недѣлю до 90 состязаній этого рода. Нерѣдко джентльмены уговариваются не только пробѣжать въ извѣстное время извѣстное пространство, но пробѣжать это пространство съ разными препятствіями, напримѣръ, перепрыгивая на разныхъ разстояніяхъ черезъ кучи хвороста. Между скороходами — свои знаменитости. Трудно представить себѣ, какую тяжелую школу проходить они, прежде чѣмъ стяжать себѣ славу. Первая забота профессора бѣганья — совершенно преобразовать діатезу организмъ своего воспитанника. Ученикъ прежде всего долженъ отказаться отъ всѣхъ своихъ старыхъ привычекъ: онъ не смѣетъ болѣе употреблять спиртныхъ напитковъ, курить, даже пить кофе: послѣ ѣды онъ долженъ выпить только полкружки чаю. Онъ долженъ ѣсть въ строго опредѣленное время, и его ѣда опредѣлена не только относительно количества, но и качества. Все что онъ пьетъ, все что онъ ѣсть — размѣрено, взвѣшено съ чрезвычайною точностью. Ученикъ долженъ подчиняться всѣмъ приказаніямъ, — малѣйшее отступленіе отъ правилъ считается преступленіемъ. Къ этому суровому образу жизни присоединяются и тяжелыя упражненія. Профессоръ бѣганья прежде всего старается избавить своего ученика отъ толстоты: толстый бѣгунъ почти вавѣрно потерпитъ пораженіе и возбудитъ насмѣшки публики. Чтобы уничтожить этотъ недостатокъ, прибѣгають къ потѣнью, которое бываетъ естественное, искусственное, общее или мѣстное, смотря по темпераменту. Если дѣло идетъ только о томъ, чтобы сдѣлать худощавѣе какую нибудь толстую часть тѣла, — ученикъ бѣгаетъ по нѣсколько часовъ сряду, закутавъ ее множествомъ теплыхъ одеждъ. Когда напротивъ того нужно дѣйствовать на всю массу тѣла, то ученика завертываютъ въ такихъ случаяхъ, какъ мумію, сначала въ мокрое сукно, потомъ въ льняное покрывало. Послѣ этого, оставивъ на свободѣ только лицо, его кладутъ подъ перину и даютъ пить потогонное. Когда ученикъ готовъ, т. е. когда онъ силенъ и худъ, учитель ведетъ его въ мѣсто, назначенное для опытовъ бѣга и куда постороннія зрители не допускаются. Тамъ учитель, который самъ долженъ быть отличнымъ бѣгуномъ, подаетъ примѣръ и возбуждаетъ соревнованіе ученика, не приводя его въ отчаянныя подавляющимъ превосходствомъ. Но вотъ для ученика наступаетъ критическій періодъ, который непосредственно предшествуетъ бѣгу. Самые лучшие бѣгуны часто проигрываютъ въ состязаніяхъ отъ безпокойства и волненія, которыя овладѣваютъ ими за нѣсколько дней до испытанія. Тутъ уже обязанность наставника придумать для своего молодого воспитанника развлеченія, которыя пришлось бы ему по вкусу, и главное внушить большую вѣру въ свои силы.

Послѣ такого обученія ученикъ становится совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Чудеса такого превращенія признаются всѣми докторами и физиологами. Дряблѣе, мягкое, вадутѣе тѣло дѣлается крѣпкимъ и упругимъ. Всѣ члены принимаютъ надлежащія размѣры, а кожа становится тонкою и гладкою. Послѣ этого обученія увеличиваются силы, уменьшается усталость. Холодъ, дождь, вѣтеръ — теперь не имѣютъ никакого вліянія на жѣлѣзные нервы и члены молодого человѣка. Любопытно видѣть скороходовъ, когда они являются на арену, сбросивъ свой коричневый плащъ. Не смотря на свою худобу, они отличаются отъ всѣхъ прочихъ людей крѣпкими, выдающимися мускулами, необыкновенною гибкостью и силою всѣхъ членовъ. Знаменитымъ скороходамъ даютъ имена животныхъ, и это нерѣдко можетъ повести къ недоразумѣнію. Читая въ специальныхъ журналахъ отчетъ о бѣгѣ, можно подумать, что дѣло идетъ о звѣринцѣ: «На Лондон-

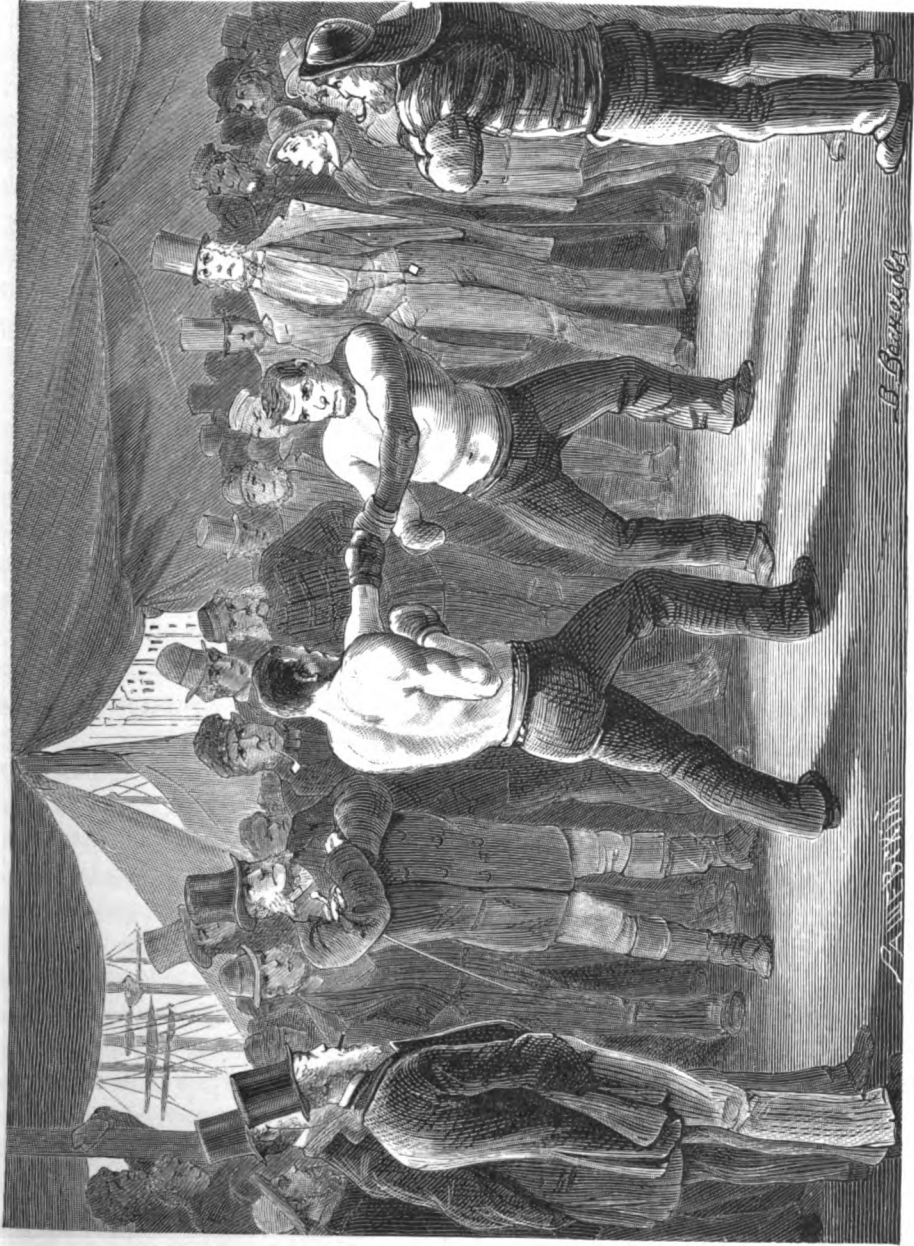
скомъ «Оленѣ» нѣтъ ни унціи лишняго мяса, «Американская лань» сложена удивительно пропорціонально, и ея тѣло твердо, какъ копыто, «Антилопа» никогда не была такъ граціозна, какъ...»

Правда, тутъ уже совсѣмъ забываютъ о человѣкѣ и рассматриваютъ его какъ животное, но нужно помнить, что таже самая нація, которая такъ обожаетъ физическую силу, имѣетъ своихъ Диккенсовъ, Байроновъ, Теккереевъ, Бовлей, уму которыхъ она приноситъ должную дань. Однако нѣкоторые въ настоящее время даже и въ самой Англїи начинаютъ возставать противъ этого излишняго развитія физики въ дѣтствѣ, и это совершенно справедливо. Конечно, теперь уже извѣстно каждому, что вполне здоровый умъ можетъ быть только въ здоровомъ тѣлѣ и что физическое развитіе имѣетъ громадное вліяніе на все будущее человѣка, — но англичане въ этомъ отношеніи вдаются уже въ другую крайность. Самымъ тщательнымъ образомъ укрѣпляютъ мускулатуру тѣла, развивая въ дѣтяхъ любовь только къ физическимъ играмъ, забавамъ и зрѣлищамъ, они совсѣмъ забрасываютъ развитіе ума. Вслѣдствіе этого англійскій юноша нерѣдко напоминаетъ собой прекрасно выхоленного и откормленного молодого бычка: его идеаль — одержать верхъ въ боксѣ, въ крикетѣ, въ греблѣ и полное отвращеніе къ чтенію и ко всякой другой умственной пищѣ.

Такъ какъ англичане живутъ на островѣ, окруженные со всѣхъ сторонъ водою, то неудивительно, что они отличные пловцы; тутъ также свои знаменитости, которыя выдѣлываютъ чудеса. Извѣстно, что Байронъ, знаменитый англійскій поэтъ, переплылъ Геллеспонтъ; недавно еще публиковали въ газетахъ, что одинъ англичанинъ переплылъ Ла - Маншъ. Переплывая огромныя пространства, специалисты показываютъ разныя штуки. Еще недавно одинъ англичанинъ, прежде чѣмъ поплыть, бросился съ высоты восьмидесяти футовъ, на пути выстрѣлилъ изъ пистолета два раза на воздухъ и одинъ разъ въ водѣ.

На морѣ и рѣкахъ бываетъ другой родъ состязаній, весьма распространенный у англичанъ. Я говорю о греблѣ на лодкахъ. Гонка шлюпокъ на Темзѣ — любимѣйшая ихъ забава. Поверхность рѣки въ такой день бываетъ сплошь усыяна шлюпками всѣхъ возможныхъ видовъ и размѣровъ; всѣ пристани унизаны толпами зрителей. Женщины и мужчины, отъ мала до велика, ожидаютъ гонки съ нетерпѣніемъ. Публика однако собирается сюда гораздо раньше начала, и поэтому въ эти дни въ близъ лежащихъ лавочкахъ и на подвижныхъ лоткахъ происходитъ, въ неимоверныхъ количествахъ, продажа пива и табаку. Группы лодочниковъ собрались у разныхъ пристаней и разсуждаютъ о достоинствахъ гребцовъ, вступающихъ въ состязаніе. Хоры музыкантовъ наигрываютъ веселые мотивы. Бьетъ два часа, и всѣ взоры съ безпокойствомъ устремляются къ мосту, изъ подъ котораго должны выступить соперники. Половина третьяго, и вниманіе публики начинаетъ утомляться, какъ вдругъ раздается выстрѣлъ, и громкое «ура» оглашаетъ оба берега рѣки. Зрители наклоняются впередъ. Шлюпки, стоявшія подъ мостомъ, какъ стрѣлы вылетаютъ оттуда. Крики восторга, аплодисменты, вырываются у всѣхъ окружающихъ. Гребцы одѣты въ легкіе костюмы разныхъ яркихъ цвѣтовъ и сообразно съ ними каждый изъ нихъ получаетъ извѣстную кличку. «Немного ходу, Розовый, и ты возьмешь...» кричитъ въ восторгѣ публика шлюбокѣ, которая на полвершка опередила другія. «Не теряй надежды, Красный...» «Сильнѣе, сильнѣе, Желтый!» «Браво, Джоржъ... Дай ей еще только немножко больше ходу!» «Эхъ, Томъ, какъ ты отсталъ! Закидывай дальше свои весла!» «Двадцать фунтовъ на Желтаго...» Вотъ что только и можно слышать въ эту минуту среди страшнаго шума. Каждый небольшой трактиръ безпрестанно стрѣляетъ изъ ружей и поднимаетъ флагъ надъ своимъ зданіемъ. Невозможно представить себѣ того шума, крика, брани, похвалъ, которыми заключается это

торжество: изъ описанія читатель получаетъ о немъ весьма слабое понятіе. Портреты взявшихъ призъ, какъ и всѣхъ побѣдителей на различныхъ физическихъ состязаніяхъ, фотографируются и пишутся масляными красками. Цвѣтъ одежды, въ которой побѣдитель состязался, становится моднымъ. Какъ и другіе борцы, гребцы приготавливаются къ этому публичному состязанію долгими, тяжелыми упражненіями.

Въ каждый хорошій теплый день вы можете видѣть во всѣхъ концахъ Англіи, какъ въ столицѣ, такъ въ деревняхъ и маленькихъ городахъ, — боксъ или драку на кулакахъ. Двое здоровыхъ мускулистыхъ мужчинъ, нерѣдко въ самомъ раннемъ юношескомъ возрастѣ, становятся другъ противъ друга, чтобы показать силу и ловкость своихъ кулаковъ. Боксъ — наиболѣе любимъ между всѣми физическими упражненіями англичанъ. Битвы боксеровъ уже издавна имѣютъ для нихъ такое же значеніе, какъ битва гладиаторовъ для римскаго народа, какъ бой быковъ для испанцевъ. Еще недавно американскій боксеръ Генанъ переплылъ моря, чтобы помѣряться силою и кулакомъ поддержать честь своей родины противъ англичанина Тома Сейерса, олицетворявшаго честь Англіи. Результатъ былъ тотъ, что хотя англичанинъ Сейерсъ былъ, сравнительно съ Генаномъ, не болѣе, какъ Давидъ передъ Голиафомъ, и хотя уже съ самаго начала боя Сейерсъ потерялъ возможность владѣть одною изъ своихъ рукъ, онъ все-таки остался, если не побѣдителемъ, то по крайней мѣрѣ и не побѣжденнымъ. Одно мгновеніе Генанъ едва не задушилъ своего противника, прижавъ его шею къ веревкѣ, протянутой вокругъ арены; тѣмъ не менѣе результатъ битвы былъ чрезвычайно радостный для англичанъ.

Кругомъ арены, на которой состязуются боксеры, вы всегда увидите несмѣтное число зрителей. Въ перемежку съ нисшимъ классомъ общества, вы тутъ всегда замѣтите людей, принадлежащихъ высшему классу, и даже духовныхъ особъ.

Битва между англійскимъ и американскимъ боксерами была чѣмъ то въ родѣ національнаго событія. Сейерса привѣтствовали какъ какого нибудь триумфатора въ древнемъ Римѣ. Когда онъ вернулся на свою родину — Ливерпуль, ему сдѣлали такой приѣмъ, какъ будто онъ былъ спасителемъ отечества. Городскія власти вышли къ нему на встрѣчу съ музыкой; женщины и дѣти бросали ему цвѣты. Между тѣмъ заслуга его заключалась въ томъ, что онъ подбилъ своему противнику глаза такъ, что тотъ почти ослѣпъ, хотя въ свою очередь Сейерсъ остался съ разможеннымъ носомъ.

Боксъ до такой степени любимое занятіе англичанъ, что имъ упражняются и развлекаются рѣшительно всѣ классы общества. Современные ученые и писатели, послѣ дня тяжелой умственной работы, считаютъ самымъ здоровымъ и полезнымъ развлеченіемъ провести два, три часа, боксируя съ пріятелемъ. Боксъ имѣетъ своихъ специалистовъ — борцовъ по профессіи, которые составляютъ совершенно особый классъ людей. Настоящаго боксера сейчасъ узнаешь въ толпѣ: у него низкій и узкій лобъ, страшно развиты затылокъ, плоскій носъ, торчащія уши, толстыя губы, плечи, какъ у насъ говорятъ, — косая сажень, богатырская грудь, шея — просто воловья. Еслибы современный художникъ пожелалъ изобразить Геркулеса, ему лучше всего для этого взять себѣ въ натурщику англійскаго боксера. Боксеры отличаются отъ прочихъ людей не только атлетическимъ сложеніемъ и геркулесовскою силою, но даже и особымъ языкомъ, нравами и образомъ жизни. Кровь они называютъ «кларетомъ» (напитокъ), голову «орѣхомъ», лобъ «фронтисписомъ», носъ «раковиной», волосы «льномъ», желудокъ «хлѣбной корзиной». Этотъ условный языкъ съ своими метафорами и аллегоріями скрываетъ для обыкновенныхъ смертныхъ нѣкоторыя подробности битвы, которыя на общеупотребительномъ языкѣ были бы возмутительны. Когда дѣло идетъ о томъ, что одинъ боксеръ выбилъ другому зубы кулакомъ, то на своемъ фигуральномъ языкѣ онъ выражается такъ: «Слоновая кость была вынута безъ помощи механическихъ снарядовъ». Когда отъ удара

глаза исчезаютъ подъ опухолью въѣкъ, онъ находитъ болѣе удобнымъ сказать, что «свѣ-
точа погасли подъ аркою фронтисписа».

Въ свободное время боксеры почти каждый день отправляются въ таверну, большая часть которыхъ украшена портретами знаменитостей бокса. Они заходятъ сюда не для того, чтобы выпить, такъ какъ боксеръ обыкновенно ведетъ чрезвычайно трезвую жизнь, но потому, что въ извѣстные часы дня они всегда найдутъ здѣсь кружокъ своихъ собратій и людей, себѣ сочувствующихъ. Боксеры обыкновенно имѣютъ о себѣ очень высокое мнѣніе, и дѣйствительно, никакое превосходство не доказывается такъ ясно, какъ превосходство физической силы. Ихъ тщеславіе особенно раздувается специальными журналами спорта, которые на своихъ страницахъ помѣщаютъ ихъ портреты и сравниваютъ ихъ съ средневѣковыми рыцарями. Но при всѣхъ недостаткахъ, боксеры имѣютъ и чрезвычайно много достоинствъ. Если у кого нибудь изъ нихъ заведутся деньжонки, онъ охотно помогаетъ каждому, кто обращается къ нему за помощью. Но всего удивительнѣе то, что, не смотря на крайне узкое развитіе своихъ мыслительныхъ способностей, они не глухи къ общественнымъ бѣдствіямъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время болѣзни картофеля, лучшіе боксеры Великобританіи дали въ пользу ирландцевъ, умирающихъ отъ голода, «чудовищное представленіе», имѣвшее огромный успѣхъ и сборъ съ котораго былъ посланъ несчастнымъ ирландцамъ.

Каждый, увидѣвшій геркулесовскую фигуру боксера и его въ высшей степени характерную фізіономію, непременно спроситъ: «Какъ произошелъ такой атлетъ?» Создала ли его такимъ сама природа, или онъ—произведеніе особаго воспитанія, специальныхъ упражненій. На это мы отвѣтимъ, что настоящіе боксеры должны непременно и родиться атлетами, но въ то же время совершенно особаго упражненія должны усовершенствовать ихъ атлетическія формы.

Не каждый атлетъ дѣлается боксеромъ; иногда онъ уже очень поздно пойметъ свое «призваніе». Пока оно ему неизвѣстно, онъ занимается какимъ нибудь другимъ ремесломъ—кузнечнымъ или плотничнымъ. Но въ одинъ прекрасный день или онъ надумаетъ самъ, или другіе наводятъ его на мысль, что онъ пошелъ не по своей дорогѣ. Онъ пытается свои силы въ стычкахъ передъ товарищами; тѣ поддерживаютъ всплывшее въ немъ стремленіе къ боксу. Въ такомъ случаѣ, какъ бы ни былъ онъ великъ ростомъ и годами, онъ поступаетъ мальчишомъ къ ветерану этого искусства, который обыкновенно держитъ таверну или гостиницу. Тамъ тотчасъ начинается воспитаніе будущаго геркулеса: его прежде всего учатъ здѣсь говорить на условномъ языкѣ боксеровъ, подавать шары во время крикета, пробѣгать милю все скорѣе и скорѣе, а главное выносить тумачи и колотушки безъ всякаго нетерпѣнія, безъ одинаго звука, не мѣняя при этомъ даже выраженія своей фізіономіи. Онъ долженъ прежде всего проникнуться мыслью, что его тѣло только затѣмъ и создано, чтобы по немъ колотили. Одно изъ самыхъ главныхъ правилъ боксерской науки—чтобы ученикъ всегда былъ въ наилучшемъ расположеніи духа и такимъ образомъ постепенно подготовлялъ бы себя къ высшему идеалу, къ которому считаетъ долгомъ стремиться каждый хорошій боксеръ. Идеаль этотъ—быть готовымъ умереть отъ побоевъ каждую минуту и притомъ умереть на иначе, какъ смѣясь.

Уже въ этихъ первоначальныхъ упражненіяхъ ученикъ все болѣе отличается отъ другихъ: его коротко-обрѣзанные волосы становятся жестки, какъ щетина; его скулы и челюсти выдаются все болѣе впередъ. Но до сихъ поръ онъ приобрѣталъ лишь элементарныя свѣдѣнія; теперь ему уже пора серьезно углубиться въ изученіе науки бокса. Для этого онъ прежде всего сводитъ знакомство съ міромъ боксеровъ: та или другая знаменитость бокса находитъ его человѣкомъ, подающимъ надежды, и беретъ его къ себѣ

въ учене или даетъ извѣстную сумму въ займы, чтобы нанять себѣ настоящаго учителя, который бы исключительно занялся имъ. Обученіе боксеровъ немногимъ отличается отъ обученія скороходовъ и бѣгуновъ. Главное различіе въ томъ, что у скороходовъ болѣе развиваются ноги, а у боксеровъ руки и плечи. Тѣ и другіе всегда ведутъ однообразно-правильную жизнь, держатъ строгую діету, встаютъ и ложатся вмѣстѣ съ солнцемъ. Каждое утро передъ завтракомъ борець долженъ ваять ванну, послѣ которой его вытираютъ съ головы до ногъ грубою волосяною перчаткою. По истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ такой жизни, учитель объявляетъ ему, что онъ совершенно подготовленъ къ своимъ обязанностямъ.

Боксеры, кажется, еще болѣе выносливы, чѣмъ скороходы. Жестокіе удары, отъ которыхъ другой истекъ бы кровью, у настоящаго боксера не вызываютъ обыкновенно никакого кровотеченія, а если и вызываютъ, то рѣдко, и притомъ самое ничтожное.

О днѣ борьбы листки и журналы спорта извѣщаютъ еще за недѣлю, но въ то же время они никогда не объявляютъ ни часа, ни мѣста дѣйствія. Тѣмъ не менѣе въ день бокса собирается громадная толпа народа, а полиція объ этомъ ничего не знаетъ. Да и что можетъ сдѣлать противъ бокса правительство, когда представители аристократіи, высшіе военные чины, члены палаты общинъ и палаты лордовъ, люди, болѣе уважаемые во всѣхъ сферахъ, — сочувствуютъ боксу и защищаютъ боксеровъ своимъ вліяніемъ. Вотъ почему, не смотря на то, что публичная борьба боксеровъ запрещена закономъ, они не боятся суда: ихъ защищаютъ противъ правительства и законовъ народный энтузіазмъ и сочувствіе.

Арена для бокса представляетъ четырехугольникъ, окруженный кольями и веревками. Каждый изъ боксеровъ появляется въ толпѣ въ сопровожденіи двухъ друзей или свидѣтелей, изъ которыхъ одинъ несетъ губку и полотенце, а другой держитъ въ рукѣ бутылку съ водою. Обязанности этихъ помощниковъ состоятъ въ томъ, чтобы вытереть покрытые потомъ члены борца и освѣжить его водою. Приблизившись къ аренѣ, боксеръ снимаетъ шапку. Если онъ уже извѣстенъ публикѣ, она встрѣчаетъ его громомъ аплодисментовъ, которые повторяются минуту спустя и въ пользу его противника. Если эти люди только въ первый разъ здѣсь встрѣтились между собой, они осматриваютъ другъ друга съ головы до ногъ, точно львы, встрѣтившіеся въ лѣсу. Затѣмъ борцы подходятъ другъ къ другу и обмѣниваются пожатіемъ руки, въ знакъ того, что они не чувствуютъ никакой личной вражды и пришли сюда лишь для того, чтобы поддержать честь своей націи. При этомъ пожатіи аплодисменты усиливаются. Затѣмъ боксеръ вынимаетъ жребій, кому какое занять мѣсто на аренѣ. Это послѣднее обстоятельство очень важно, такъ какъ невыгоды на сторонѣ того, кому въ глаза свѣтитъ солнце, дуетъ вѣтеръ, летитъ пыль. Когда всѣ формальности выполнены, боксеры обнажаются до пояса. Мускулистое тѣло борцевъ возбуждаетъ въ зрителяхъ новый взрывъ рукоплесканій. Еще секунда, и сраженіе начинается. Человѣкъ къ человѣку, кулакъ къ кулаку, они наносятъ удары и отражаютъ ихъ. Въ первую схватку боксеры знакомятся съ манерою и силою другъ друга; послѣ небольшого отдыха схватка слѣдуетъ за схваткой и удары кулакомъ раздаются на твердомъ тѣлѣ, какъ удары молотка по наковальнѣ. До какой степени разжигаются страсти этихъ борцевъ во время схватки, можно видѣть изъ того, что законъ бокса нашелъ нужнымъ запретить во время состязаній вырывать другъ у друга мясо ногтями и хватать противника за горло.

Едва посыпались удары, какъ глаза зрителей начинаютъ принимать дикое, звѣрское выраженіе. «Какъ можно смотрѣть безъ содроганія на такія возмутительныя зрѣлища? Вѣдь это во сто разъ хуже и отвратительнѣе, чѣмъ бои быковъ въ Испаніи», спросилъ однажды одинъ иностранецъ у своего знакомаго, въ высшей степени образо-

важнаго англичанина, который съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за борьбою и лице котораго, какъ и у другихъ, принимало звѣрское выраженіе. «Вы справедливы, — это ужасно, но это выше моей воли!.. это у меня въ крови... Мой отецъ былъ величайшій любитель бокса и эту любовь передалъ мнѣ въ наслѣдіе».

Пока длится борьба, зрители все съ большею яростью держатъ пари. Это соединеніе спекуляціи и жестокости имѣеть что-то отвратительное.

Кулачный бой можетъ составить бойцу карьеру. Побѣдитель, въ свою очередь тоже избитый и обезображенный, получаетъ ставку своего противника. Эти ставки иногда доходятъ до 500 ф. ст. Кроме того, у него есть друзья, которые держатъ на него пари и отъ нихъ онъ получаетъ награды за свою побѣду. Въ промежуткахъ между боями, которые бывають лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ, какъ профессоръ бокса, даетъ уроки своего искусства за весьма высокую цѣну.

Боксеры весьма недолговѣчны, и это естественно. Какъ бы ни былъ хорошо сложенъ человекъ, онъ не можетъ долго выдерживать подобныхъ схватокъ. Послѣ нѣсколькихъ блестящихъ побѣдъ, боксеръ, если только онъ не совсѣмъ искалѣченъ, оставляетъ свое ремесло и дѣлается содержателемъ таверны. Но охотнѣе всего онъ становится хозяиномъ или зрителемъ какого нибудь цирка или звѣринца.

Послѣ смерти друга воздвигаютъ памятникъ болѣе знаменитымъ боксерамъ, а въ журналахъ спорта съ такимъ восторгомъ описываютъ ихъ жизнь и походы, съ такою скорбью извѣщаютъ о ихъ кончинѣ, какъ будто Англія въ лицѣ того или другого изъ нихъ потеряла своего національнаго героя.

Народное образованіе.

Въ Англіи, какъ и въ большей части странъ, въ продолженіи многихъ столѣтій обращали вниманіе исключительно на высшія учебныя заведенія для классическаго образованія юношества, между тѣмъ, почти до настоящаго времени, совсѣмъ не заботились объ образованіи народа. Исслѣдованія, сдѣланныя въ 1803 году объ первоначальномъ образованіи, обнаружили самое жалкое его положеніе: оказалось, что только одинъ ребенокъ на 1,712 жителей посѣщаль школу. Правительство не принимало въ дѣлѣ народнаго образованія никакого участія: оно еще не сознавало, что развитіе народа ведетъ къ увеличенію его благосостоянія. Наконецъ мало по малу многіе англичане начали убѣждаться въ томъ, что сколько бы ни жертвовало общество на школы, при огромномъ народонаселеніи Англіи все это будетъ капля въ морѣ, пока правительство не приметъ участія въ этомъ дѣлѣ. На континентѣ, въ однихъ государствахъ болѣе, въ другихъ менѣе, самую дѣятельную роль въ дѣлѣ народнаго образованія всегда играетъ правительство. И первоначальнымъ происхожденіемъ, и послѣдующимъ своимъ существованіемъ, континентальныя университеты и другія образовательныя учрежденія обязаны преимущественно государственной власти и повсюду находятся болѣе или менѣе подъ ея сильнымъ вліяніемъ. Въ Англіи—наоборотъ; тамъ, до послѣдняго времени, народное образованіе не лежало на обязанности государства; народныя школы не были государственными учрежденіями. Всѣ онѣ (за немногими исключеніями, относящимися къ позднѣйшему времени) возникли, развились и существовали совершенно независимо отъ правительства. Всѣ англійскія школы, какъ богатая, такъ и бѣдная, были учреждены частными лицами и обществами: въ ихъ жизнь и дѣятельность правительство совсѣмъ не вмѣшивалось. Но въ 1833 году, когда страшное невѣжество народа стало пугать англичанъ и когда они стали сознавать, что необходимо тотчасъ что-нибудь пред-

принять для улучшения дѣла, въ парламентѣ удалось провести билль (проектъ закона), по которому правительство могло принимать участіе въ школьномъ дѣлѣ; но участіе это было ограничено и точно определено. Правительство назначило 20 тысячъ фунтовъ стерлинговъ на постройку школьныхъ зданій. Съ этого времени помощь правительства постоянно увеличивалась и теперь уже превышаетъ 6 милліоновъ рублей въ годъ. Народное образованіе съ тѣхъ поръ сдѣлало значительные успѣхи. Мы уже говорили выше, что въ 1803 г. одинъ учащійся приходился на 1,712 жителей, между тѣмъ, какъ черезъ семьдесятъ лѣтъ съ небольшимъ, а именно по отчетамъ за 1875 г., одинъ учащійся приходился уже на 12 жителей. Для такого промежутка времени, разумѣется, успѣхъ замѣчательный, — тѣмъ не менѣ Англія въ настоящее время въ дѣлѣ народнаго образованія отстала отъ многихъ цивилизованныхъ европейскихъ странъ. Въ другихъ протестантскихъ странахъ Европы одинъ учащійся приходится на 6 жителей, следовательно учащихся тамъ почти вдвое больше.

Такимъ образомъ въ настоящее время англійская система народнаго образованія представляетъ средину между тѣми странами, гдѣ все народное образованіе отдають въ руки правительства и тѣми, которыя предоставляютъ его инициативѣ частныхъ лицъ. Англія уже испытала, что значитъ исключительно частное народное образованіе: оно существовало много лѣтъ и дало самые плачевные результаты. Но въ то же время, если бы англійское правительство исключительно захватило въ свои руки дѣло народнаго образованія, то это, по всей вѣроятности, имѣло бы не менѣ гибельныя послѣдствія: оно безраздѣльно подпало бы тогда вліянію господствующей церкви или его захватила бы въ свои руки какая-нибудь политическая партія. Религіозная партія стала-бы стѣснять свободу религіозныхъ убѣжденій, тѣснила бы приверженцевъ противныхъ ей сектъ, а политическая партія, захвативъ въ свои руки народъ, сдѣлала бы его слугою своихъ интересовъ. Вотъ почему, можетъ быть, нельзя было бы придумать никакой лучшей системы для англійскаго народнаго образованія, какъ та система, которая теперь господствуетъ въ этой странѣ. Участіе общества и правительства въ дѣлѣ народнаго воспитанія, соревнованіе множества различныхъ сектъ въ этомъ дѣлѣ, все это даетъ надежду на большой успѣхъ въ будущемъ. Къ тому-же правительство поощряетъ усердіе учителей: за каждаго ученика, умѣющаго писать, читать и считать, оно даетъ награду.

Учителя въ деревняхъ играютъ значительную роль и имѣютъ положительное вліяніе. Любовь соединяться въ кружки и общества проникла и въ этотъ классъ и дѣйствуетъ очень благотворно. Во всѣхъ частяхъ Англіи учителя образуютъ общества, сходятся для обсужденія интересовъ своего сословія, для педагогическихъ преній и разговоровъ. Что въ Германіи дѣлается по приказанію и вслѣдствіе предписанія начальства, то въ Англіи устроивается само собой, по свободной инициативѣ самихъ учителей. Нерѣдко такія собранія дѣлаются въ домѣ священника, принимающаго на себя распоряженія по такому митингу; на подобные митинги часто съѣзжаются учителя цѣлаго графства или архіепiscopства. Все это обѣщаетъ народной школѣ большой успѣхъ въ будущемъ.

Всѣ школы въ Англіи дѣлятся на частныя и общественныя. Частныя школы устроены на средства частныхъ лицъ, и большая часть этихъ школъ отвергаетъ всякое правительственное вмѣшательство, отказывается принимать отъ него какое бы то ни было денежное пособіе. Народныя частныя школы, хотя и улучшены въ послѣднее время, но и теперь еще, вслѣдствіе недостатка средствъ, весьма неудовлетворительны; не смотря на это, онѣ большею частію полны учениками. Англичане такъ любятъ все независимое и свободное, что часто предпочитаютъ плохую частную школу хорошей общественной; къ тому же въ эти школы отдають дѣтей, часто по необходимости, такъ

какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ общественныя школы принадлежать той или другой сектѣ, которой родители не сочувствуютъ. Вообще здѣсь чрезвычайно мало совершенно даровыхъ школъ, такъ какъ въ нихъ отдають дѣтей только въ страшной крайности; по виной этому самыя школы, которыя дали ученикамъ своимъ особую форму, которая обращаетъ на нихъ вниманіе всѣхъ проходящихъ, и потому такія школы особенно не-навистны англійскому народу.

Многія школы въ Англій открываются духовными лицами. Въ этомъ, кромѣ желанія вліять на народъ, и ихъ прямая выгода. Священникъ болѣе всего испытываетъ на себѣ результаты невѣжества; между нимъ и необразованными людьми его прихода лежитъ цѣлая пропасть; они не идутъ къ нему ни зачѣмъ и не принимаютъ его, когда онъ приходитъ къ нимъ. Поэтому священники разѣзжаются по сосѣдямъ, собирають на школы деньги по подпискѣ и, если ихъ не хватаетъ, нерѣдко добавляють своихъ.

«Различныя англійскія народныя школы отличаются одна отъ другой уже по самой своей внѣшности. Вотъ жалкая каморка, въ которой живетъ цѣлая семья; тутъ же толпится и шумная масса постороннихъ ребятишекъ,—это бѣдная частная школа, едва сводящая концы съ концами изъ скудной платы учениковъ. Здѣсь не соблюдается никакихъ гигиеническихъ правилъ, здѣсь устройствомъ школьнаго помѣщенія не руководили никакія педагогическія соображенія, помѣщеніе такое, какое Богъ послалъ, какое позволяютъ имѣть жалкія средства содержателя школы. Здѣсь нечему научиться современному педагогу, такъ какъ дѣло ведется самымъ первобытнымъ образомъ: выучатся дѣти чему-нибудь — хорошо, не выучатся — и то не бѣда, благо походили въ школу. А вотъ довольно красивыя, но простенькія постройки, примыкающія къ капелламъ, окруженныя широкими дворами или садами,—это народныя школы различныхъ сектантовъ. Иногда онѣ помѣщаются въ самомъ зданіи капеллы, такъ что наверху совершается богослуженіе, а внизу идутъ классныя занятія. Вотъ готическія постройки, похожія на стоящія съ ними рядомъ готическіе храмы или иногда на дворцы,—это народныя школы господствующей церкви. Вотъ, наконецъ одноэтажные, довольно веселенькіе дома, помѣщающіеся въ менѣ шумныхъ мѣстностяхъ, но не особенно отдаленныя отъ жилищъ людей; ихъ строятъ преимущественно въ здоровыхъ мѣстностяхъ. Классная комната должна быть не менѣ 12 футовъ вышины, съ хорошей вентиляціей. Въ этомъ же домѣ или рядомъ находится и жилище учителя, меблированное на счетъ школы,—это образцовыя школы, вспомошествоемыя правительствомъ, построенныя по образцамъ и планамъ, рекомендованнымъ правительствомъ. Эти-то послѣднія школы и начинаютъ господствовать все болѣе и болѣе въ Англій».

СРЕДНЕУЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Извѣстнѣйшія грамматическія школы.—Время ихъ основанія.—Школьные порядки.—Полнѣйшая свобода воспитанниковъ.—Атлетическія забавы, ихъ значеніе и послѣдствія.—Стипендіаты и ихъ отличіе отъ своекоштныхъ.—Дисциплина и тѣлесныя наказанія.—Моноторіальная система и ея значеніе въ авглійскихъ школахъ.—Маленькіе школьники, замѣняющіе старшимъ воспитанникамъ прислугу.—Жестокія страданія дѣтей.—Учителя.—Тьюторы.—Преподаваніе.—Ученическія собранія и журналы.—Результаты воспитанія въ грамматическихъ школахъ.

Первое мѣсто между среднеучебными заведеніями занимають грамматическія школы, которыя нѣкоторымъ образомъ соотвѣтствуютъ въ Англій нашимъ гимназіямъ. Многія изъ этихъ школъ основаны въ давно прошедшія времена; нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ съ XIV вѣка, но есть и болѣе древнія; однако большинство изъ нихъ учреж-

дено въ XVI и въ XVII в. Главныя изъ этихъ школъ слѣдующія: Итонская, Рогби, Гарроуская, Св. Павла, Вестминстерская, Винчестерская и нѣкоторыя другія. Главную роль во всемъ преподаваніи этихъ школъ играютъ древніе языки греческій и латинскій. При своемъ основаніи школы эти были назначены для безвозмезднаго воспитанія дѣтей. Основывали ихъ частныя лица, иногда знатныя, иногда просто богатые ремесленники, которые обыкновенно завѣщали послѣ своей смерти, а нерѣдко дарили школамъ и при жизни земли, замки, усадьбы, капиталы. Въмѣстѣ съ обогащеніемъ страны, шло и обогащеніе этихъ школъ: земли возвышались въ цѣнѣ, доходы съ усадебъ удесятирились, капиталы, пущенные въ оборотъ, удвоились. Школы эти имѣютъ чрезвычайно много общаго между собой, но, сравнительно съ заведеніями подобнаго рода въ другихъ странахъ, носятъ на себѣ чрезвычайно оригинальный, самобытный характеръ. Поэтому, прежде чѣмъ описывать ту или другую знаменитую школу, мы дадимъ общее понятіе объ нихъ. Почти всѣ грамматическія школы расположены вдали отъ большихъ городовъ, въ сельской мѣстности, отличающейся хорошимъ мѣстоположеніемъ, обильно орошаемой водой, среди роскошныхъ луговъ, съ хорошо содержимыми рощами. Только двѣ школы составляютъ исключеніе изъ этого правила и находятся въ Лондонѣ; и то одна изъ нихъ пришла въ совершенный упадокъ, и это приписываютъ тому, что школа находится въ городѣ.

Англичане не могутъ представить себѣ воспитаніе юношества въ душевной атмосферѣ, въ четырехъ, крѣпко запертыхъ стѣнахъ. Англійскія школы, даже самыя извѣстныя изъ нихъ, не имѣютъ вида огромныхъ казармъ, какъ въ другихъ странахъ Европы; это обыкновенно веселый поселокъ, множество строеній котораго раскинуты тамъ и сямъ и группируются въ живописномъ безпорядкѣ вокругъ главнаго зданія, гдѣ находятся классныя комнаты. Вотъ капелла, рядомъ съ нею бібліотека, въ теченіи цѣлаго дня открытая для учениковъ; нѣсколько далѣе помѣщеніе для игры въ мячъ, обширныя мѣста для игры въ крикетъ. Здѣсь домъ старшаго учителя, тутъ помѣщеніе для стипендіатовъ, пансіоны, въ которыхъ живутъ своекоштные, красивые сельскіе котѣджи изъ кирпича, съ выступающими балконами. Все имѣетъ видъ необыкновенно чистый, веселый, дышитъ отсутствіемъ всякаго принужденія и казарменности. Вы не найдете здѣсь ни швейцара, ни привратника, и безъ всякихъ затрудненій можете войти въ классное зданіе, только не во время преподаванія, когда входъ посѣтителямъ строго запрещенъ и разрѣшается развѣ только вслѣдствіе личнаго знакомства съ учителями или рекомендательныхъ писемъ.

Какъ только кончаются классы, каждый воспитанникъ совершенно свободенъ и становится полнымъ хозяиномъ своего времени, которымъ онъ и располагаетъ по своему усмотрѣнію. Всѣ окрестныя поля ему открыты; всѣ игры въ его распоряженіи. Онъ можетъ выходить изъ дому, куда ему угодно, и возвращаться назадъ, когда ему вздумается; онъ долженъ только придти къ началу урока, обѣда и къ тому часу, когда запираютъ ворота. Но насколько здѣсь предоставлена воспитаннику безграничная свобода, на столько строго требуютъ отъ него выполненія предписанныхъ ему обязанностей. Онъ долженъ своевременно явиться, куда и когда приказано, отлично выполнить заданный урокъ; всякое увлеченіе, малѣйшая неточность, забывчивость влечетъ за собою строгое наказаніе. Такимъ образомъ, говорятъ англичане, человекъ рано узнаетъ, что назначеніе его на землѣ быть вполне свободнымъ, но отвѣтственнымъ за свои проступки.

Вокругъ каждой школы находятся нѣсколько пансіоновъ, въ которыхъ живутъ своекоштные воспитанники. Эти пансіоны содержатся учителями школъ. Пансіонеры, за извѣстную плату, живутъ въ семействѣ учителя, совершенно въ семейной обстановкѣ, и каждый изъ нихъ имѣетъ свою отдѣльную комнату. Къ обѣду, чаю и ужину воспитан-

ники встрѣчаются со всѣмъ семействомъ учителя, и такимъ образомъ продолжаютъ въ школѣ, какъ и дома, вести совершенно семейную жизнь. Глава дома или пансіона обыкновенно учитель школы, получившій высшее образованіе. Обыкновенно такой учитель бываетъ и *тьюторомъ*, т. е. репетиторомъ, руководителемъ умственного образованія живущихъ у него дѣтей. Старшіе учителя, какъ мы увидимъ ниже, играютъ самую видную роль въ грамматическихъ школахъ, и по множеству обязанностей часто не могутъ сами репетировать со своими пансіонерами; въ такомъ случаѣ они берутъ другаго тьютора, который приходитъ въ пансіонъ въ опредѣленные часы, прочесть съ воспитанниками молитву, исправить уроки, переспросить изустные и руководитъ необязательными занятіями, служащими дополненіемъ къ классному ученію. Тьюторъ имѣетъ большое вліяніе на воспитанниковъ, и они часто всѣ свои затрудненія и печали повѣряютъ ему.

Въ воспитаніи англійскаго юношества огромное значеніе имѣютъ атлетическіе игры, и не только въ глазахъ учениковъ, но и учителей. Комнатныя забавы, въ родѣ игры въ карты, куренія, попойки, строго запрещены, и воспитаннику, замѣченному въ этомъ, нерѣдко даже въ первый разъ, грозитъ совершенное исключеніе изъ школы. Любимѣйшими играми здѣшной молодежи, которыя поощряетъ не только начальство школы, но и все общество, служатъ: игра въ мячъ, гребля, бѣганье въ запуски и крикетъ. Отличившихся въ этихъ упражненіяхъ встрѣчаютъ съ такимъ почетомъ и энтузіазмомъ, какой воздавали въ древности побѣдителямъ на олимпійскихъ играхъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ два раза въ недѣлю, а въ другихъ и три раза классы оканчиваются въ полдень. Да не только въ эти дни, когда уроки кончаются раньше, но и во всѣ остальные, ученики по нѣскольку часовъ предаются играмъ: онѣ служатъ здѣсь не только развлеченіемъ, но составляютъ особый трудъ, часто обязательное занятіе, налагаемое обычаемъ и требуемое начальствомъ школы. Не только сами воспитанники, но даже и начальство смотритъ на отличившихся въ играхъ съ большимъ уваженіемъ. Въ очень многихъ школахъ начальство поощряетъ эти игры болѣе, чѣмъ занятіе науками, и рѣшительно вездѣ гораздо болѣе, чѣмъ склонность къ чтенію. Отличившіеся въ крикетъ или въ управленіи лодкой на Темзѣ пользуются во многихъ школахъ гораздо большимъ почетомъ, нежели ученики, отличившіеся въ главномъ конкурсѣ по словеснымъ и математическимъ наукамъ. И какое оживленіе бываетъ въ дни гимнастическихъ состязаній, какое соревнованіе между воспитанниками одной и той же школы, и еще болѣе одной школы передъ другой! Ученики Рогби посылаютъ вызовъ Итону, Гарроуская молодежь хочетъ померяться силами съ Итонскою. Въ библіотекѣ Гарроу, наряду съ портретами лорда Байрона, Пальмерстона и другихъ знаменитыхъ людей, бывшихъ учениковъ этого заведенія, вамъ съ гордостью указываютъ на почетный щитъ, въ третій разъ выигрываемый учениками школы Гарроу на состязаніи въ стрѣльбѣ. Эта склонность къ атлетическимъ играмъ переживаетъ дѣтскіе годы. Тотъ же пылъ, тоже соревнованіе, между студентами въ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ университетахъ. Ежегодно въ мартѣ оба большіе университета собираются въ Лондонѣ, для рѣшительнаго состязанія въ гонкѣ лодокъ на Темзѣ. Вся столица принимаетъ въ этомъ живѣйшее участіе. Дамы и дѣвицы наряжаются въ университетскіе цвѣта.

Страсть къ атлетическимъ играмъ имѣетъ свои дурныя и хорошія стороны. Не смотря на вѣчно туманное и влажное небо, англійское юношество отличается цвѣтущимъ здоровьемъ, необыкновенной силой и энергіей. Но за то умственные занятія нерѣдко сильно страдаютъ, такъ какъ на тѣлесныя упражненія удѣляютъ слишкомъ много времени. Къ тому же игры эти и состязанія до такой степени увлекаютъ многихъ юношей, что они только и думаютъ о нихъ, и если совсѣмъ не бросаютъ уроковъ, такъ какъ начальство за этимъ строго слѣдитъ, то ни сколько не развиваются умственно. Чрезмѣр-

ное поклоненіе физическому развитію въ школахъ служить также причиною почти болѣзненной склонности англичанъ къ кулачнымъ боямъ, къ бою пѣтуховъ и другимъ видамъ спорта.

Не всѣ ученики школы живутъ въ описанныхъ нами пансіонахъ. Стипендіаты отличаются отъ прочихъ своимъ положеніемъ, уставомъ, образомъ жизни, а нерѣдко и костюмомъ. Учреждая школу, основатели всегда имѣли въ виду дать образованіе хотя нѣсколькимъ бѣднымъ дѣтямъ. Однако не нужно думать, что стипендіаты совершенно освобождены отъ платы. Обыкновенно воспитаніе обходится имъ вдвое или втрое дешевле, чѣмъ своекоштнымъ, которые платятъ огромныя деньги. Впрочемъ въ Картезіанской школѣ и въ Винчестерѣ воспитаніе стипендіатовъ совершенно даровое. Въ маленькихъ и небогатыхъ школахъ всѣ стипендіаты помѣщаются въ особомъ зданіи, занимаютъ нѣсколько спаленъ; но въ большинствѣ школъ каждому стипендіату старшаго класса дается совершенно особая комната, а младшіе спятъ въ спальнѣ, раздѣленной на отдѣльныя каморки. Стипендіаты во всемъ отличаются отъ своихъ товарищей пансіонеровъ. Они не только носятъ обыкновенно другой костюмъ, но для нихъ отведено даже особое мѣсто въ капеллѣ; они мало дружатъ и сходятся съ пансіонерами, играютъ только между собой и гораздо менѣе предаются атлетическимъ забавамъ. Гораздо болѣе бѣдные и менѣе знатные, чѣмъ ихъ сверстники, они во всѣхъ заведеніяхъ занимаются науками несравненно лучше. Стипендіаты въ умственномъ отношеніи составляютъ обыкновенно отборную часть и цвѣтъ грамматическихъ школъ. Они являются въ университетъ гораздо болѣе подготовленными и получаютъ почти всѣ отличія за успѣхи въ наукахъ.

Во всѣхъ англійскихъ школахъ существуетъ необыкновенная дисциплина. Повиновеніе закону, разъ заведенному порядку, обычаю, всевозможнымъ предписаніямъ и общественнымъ требованіямъ всасывается, англичаниномъ еще съ молокомъ матери. Его братья и сестры подчиняются порядку, установленному родителями. Его родители, не смотря на всю тяжесть и очевидную несправедливость нѣкоторыхъ обычаевъ, мужественно и безропотно выполняютъ все, что предписано обществомъ. Ребенокъ съ дѣтства видитъ, что отецъ его преклоняется передъ всякимъ закономъ, какъ бы онъ ни былъ стѣснительнъ, жестокъ и даже несправедливъ. «Англичанинъ», говоритъ одинъ извѣстный писатель, «обсуживаетъ только *прочтѣ закона*; но съ того момента, какъ законъ принятъ, онъ слѣпо ему повинуется». Вслѣдствіе этого англійскіе мальчики въ школахъ легко подчиняются установленному порядку. Въ уставѣ своей школы они видятъ мѣстный законъ своего маленькаго отечества. Они привязываются даже къ странностямъ устава, если онѣ случаются, и уважаютъ ихъ такъ-же, какъ и серьезныя постановленія. Перемены и улучшенія въ уставѣ — дѣло трудное даже для властей, до такой степени извѣстныя постановленія обращаются въ привычку воспитанника. Этою привычкою и отчасти привязанностію къ разъ установленному закону, къ разъ обнародованному правилу и можно отчасти объяснить обветшалость многихъ учрежденій, неподвижность и устарѣлыя обычаи, несообразные съ духомъ времени, господствующіе до сихъ поръ въ грамматическихъ школахъ. Во главѣ школы стараются поставить лицъ, которые бы сумѣли пользоваться довѣріемъ молодежи, овладѣть сердцами воспитанниковъ. Учителя принадлежатъ обыкновенно къ духовному сословію, и они не только преподаютъ въ школѣ, но отправляютъ богослуженіе и говорятъ проповѣди въ церкви. Такимъ образомъ они имѣютъ возможность совершенно овладѣть душою своихъ воспитанниковъ. Дѣти, поступающіе въ школу, уже дома привыкли относиться съ глубокимъ уваженіемъ и покорностью ко всему религіозному. Еще въ самомъ раннемъ дѣтствѣ они усвоили привычку къ молитвѣ, еще сидя на колѣняхъ матери привыкли благоговѣнно слушать чтеніе библіи, никогда не слыхали ни малѣйшаго сомнѣнія въ религіи. Невѣрующій англичанинъ никогда не выскажетъ

въ семьѣ своихъ возрѣній на религію, и точно такъ же, какъ и глубоко вѣрующій, онъ выказываетъ передъ всѣми обрядами и религіозными обычаями совершенное почтеніе. Тоже отношеніе къ религіи и въ школѣ. Воскресенье и утро понедѣльника посвящены урокамъ закона Божія. Каждое утро и вечеръ совершаются общая молитва и чтеніе библіи.

За неисполненіе обязанностей наказываютъ и нерѣдко очень строго: лишаютъ отпуска, задаютъ выучить лишній урокъ, запираютъ въ карцеръ, прибѣгаютъ и къ разнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, между которыми до сихъ поръ главную роль играютъ розги, и наконецъ исключаютъ изъ заведенія. Полная свобода и самостоятельность воспитанниковъ, хорошее отношеніе къ учителямъ и другія порядки новыхъ временъ здѣсь, какъ и во всѣхъ явленіяхъ англійской жизни, идутъ бокъ о бокъ съ средневѣковыми обычаями. Какъ во всей школьной организаціи каждый знаетъ свое мѣсто, каждому выяснена его обязанность, точно также и обязанность съчь издавна предоставлена старшему учителю. Только старшій учитель и имѣетъ одинъ право собственноручно учинять эту расправу. Въ извѣстный часъ, назначенный для экзекуціи, онъ сѣчетъ всѣхъ мальчиковъ, которыхъ присылаютъ къ нему другіе учителя. Въ нѣкоторыхъ школахъ ведется штрафной журналъ: если мальчикъ, записанный туда три раза, за что бы то ни было, за то, что онъ опоздалъ на 10 минутъ въ классъ, не всталъ на молитву въ назначенный часъ, на четвертый разъ его уже наказываютъ розгами. По правиламъ школы этому наказанію подлежитъ всякій воспитанникъ, какого бы возраста онъ ни былъ, но на дѣлѣ розгами наказываютъ только воспитанниковъ младшихъ возрастовъ. По привычкѣ подчиняться всякимъ законамъ и уставамъ, сами воспитанники стоятъ за розгу и не хотятъ ее промѣнять на другое наказаніе. Однажды старшему учителю одной школы пришло въ голову замѣнить розгу денежной пеней. «Мы сильно воспротивились такому нововведенію», рассказываетъ одинъ англичанинъ въ своихъ воспоминаніяхъ о школьной жизни, «намъ не хотѣлось, чтобы у насъ отбирали собственные наши гроши. Розга казалась намъ весьма согласимой съ званіемъ джентльмена, но штрафъ никоимъ образомъ! Школа возстала съ крикомъ: «долой штрафъ, да здравствуетъ розга!» То было знаменитое возстаніе, и мы, старые картезианцы, до сихъ поръ еще вспоминаемъ о немъ. Розга была торжественно восстановлена. На другое утро послѣ отбѣны денежныхъ штрафовъ, при входѣ въ классъ мы увидѣли знатный лѣсъ розогъ, и два часа были употреблены на приложеніе ихъ къ дѣлу».

Во многихъ школахъ нерѣдко раздаются пощечины, а еще чаще удары по ладони. Учитель, вооруженной гибкою тростью, приказываетъ ученику протянуть руку. Мальчикъ получаетъ ударъ и тотчасъ протягиваетъ другую руку; чрезвычайно ловко онъ подставляетъ для ударовъ то одну, то другую руку, не показывая и вида, что хочетъ отвять ее, и такимъ образомъ хоть на минуту замедлитъ наказаніе. Видно, что воспитанники полагаютъ гордость свою въ томъ, чтобы не кричать, хотя глаза ихъ влажны и слезы катятся противъ ихъ воли.

Самое характерное явленіе школьной жизни — *мониторіальная система*. Мы уже говорили, что школьники пользуются полной свободой. Но разумно пользоваться этой свободой, по мнѣнію англичанъ, могутъ дѣти, которые провели въ школѣ одинъ, два года. При школахъ не существуетъ никакихъ классныхъ надзирателей, а потому лучшіе воспитанники старшихъ классовъ, мониторы, должны наблюдать за тѣмъ, чтобы школьная дисциплина выполнялась младшими воспитанниками. Они должны смотрѣть за маленькими, чтобы они не курили, не буйствовали, не бросали камней на улицу, не заходили въ питейныя заведенія, не злоупотребляли бы своей силой, однимъ словомъ никоимъ образомъ не нарушали уставъ школы. Такая система имѣетъ болѣе дурныхъ,

чѣмъ хорошихъ сторонъ. Юноша, наблюдающій за малолѣтними, имѣющій право его наказывать, нерѣдко очень строго, а въ иныхъ школахъ налагать даже тѣлесное наказаніе, часто увлекается своею обязанностию и портитъ свой характеръ; въ немъ развивается самодовольство, крутой нравъ, оффиціальныи, начальническій тонъ, страсть къ тирании. Шестнадцати, семнадцатилѣтніе юноши рѣдко обладаютъ разсудительностью и опытностью, которыя такъ необходимы для управленія другими: они или слишкомъ снисходительны, или чрезмерно строги. Нерѣдко они назначаютъ наказанія въ раздраженіи, такъ какъ не успѣли еще застѣись должнымъ терпѣніемъ и хладнокровіемъ. Между тѣмъ незаслуженный гнѣвъ и раздражительность со стороны власти всегда вызываютъ тѣже чувства со стороны подчиненнаго. Однако англичане не находятъ возможнымъ уничтожить мониторингальную систему, такъ какъ у нихъ не существуетъ классовыхъ надзирателей, которые могли бы смотрѣть за дѣтьми внѣ класса.

Одна изъ самыхъ печальныхъ сторонъ воспитанія въ этихъ школахъ *fagging* — отправленіе маленькими воспитанниками обязанностей прислуги (*fag* — служитель). Всякій ученикъ старшаго класса имѣетъ право на услуги одного или нѣсколькихъ мальчиковъ. Такимъ образомъ старшій воспитанникъ всегда господинъ, а младшій его слуга. Старшій воспитанникъ, замѣтивъ расторопнаго, умнаго мальчика младшаго класса, прямо говоритъ ему: «ты будешь мнѣ служить». Съ этой минуты маленькій воспитанникъ дѣлается въ полномъ смыслѣ слугою старшаго. «Fag» начинаетъ исполнять всѣ порученія своего господина, безпрестанно бѣгаетъ для него то за тѣмъ, то за другимъ, чиститъ его платье, сметаетъ пыль съ его стола, относитъ книги его въ классъ, будитъ его по утру въ назначенный наканунѣ часъ, приготовляетъ ему чай, поджариваетъ ломтики хлѣба, присутствуетъ при его играхъ, не имѣя права самъ принять въ нихъ участіе, а только для того, чтобъ подавать мячики своему господину; онъ долженъ быть постоянно готовъ прибѣжать и откликнуться на зовъ его. Поэтому жизнь младшихъ воспитанниковъ въ англійскихъ школахъ большою частью самая несчастная. Обычай прислуживать старшимъ отнимаетъ у нихъ не только все свободное время, но мѣшаетъ имъ даже учиться, нерѣдко порядкомъ поѣсть, лишаетъ ихъ забавъ, удовольствій, столь привлекательныхъ въ этомъ возрастѣ. Маленькій мальчикъ никогда не можетъ разсчитывать, что послѣ классовъ онъ часъ, два погуляетъ, отправится поиграть или учить урокъ. Его могутъ кликнуть каждую минуту и надавать ему массу порученій. Чуть мальчикъ зазѣвается, или не выполнить точно возложеннаго на него порученія, онъ немедленно получить звонкую оплеуху отъ своего господина. Маленькіе воспитанники утромъ должны вставать очень рано, за два, за три часа до пробужденія своихъ повелителей. Они должны все приготовить, согрѣть для нихъ воды, развести огонь. Нерѣдко юный *повелитель* заставитъ разбудить себя въ 4 часа, а между тѣмъ самъ встанетъ не ранѣе половины 8-го; въ такомъ случаѣ бѣдному мальчику нужно напоминать о вставаніи каждые четверть часа. Но этого мало: служба одному, мальчикъ всегда долженъ быть готовъ услужить и всѣмъ старшимъ воспитанникамъ, которымъ онъ попадаетъ на глаза. «Новичекъ», кричитъ одинъ изъ нихъ, и всѣ новички стремглавъ бросаются въ залу старшихъ. «Который часъ?» спрашиваетъ старшій. Ему отвѣчаютъ. Черезъ пять минутъ другой старшій воспитанникъ опять кричитъ: «Эй вы, новички, сюда! Который часъ?» Опять въ ту же залу бросаются всѣ новички, повторяется тотъ же вопросъ, слѣдуетъ тотъ же отвѣтъ.

Старшіе воспитанники очень любятъ чай и кофе, и младшіе по нѣскольку разъ въ день должны приготовлять имъ и то, и другое. Каждая двѣ минуты маленькій школьникъ долженъ доливать самовары старшимъ, и если кипятку не окажется, то мальчика безжалостно бьютъ. Пощечины, пинки, удары кулакомъ, ногою, палкою и линейкою по

рукамъ—тутъ дѣло самое обыкновенное. Трудно себѣ представить, какъ иногда безнаказанно, жестоко издѣваются старшіе воспитанники надъ младшими. Старшіе бьютъ маленькихъ не только тогда, когда они не совсѣмъ точно выполняютъ ихъ порученія, но и когда они не умѣютъ обращаться къ нимъ съ подобающимъ подобострастіемъ и вѣжливостью. Лексиконъ этихъ тонкостей и вѣжливостей младшихъ по отношенію къ старшимъ очень великъ. Напр., исполнивъ одно изъ порученій и объявляя объ этомъ своему повелителю, мальчикъ долженъ сказать слово въ слово: «угодно-ли вамъ получить еще что нибудь?» Если ребенокъ чуть измѣнить или переставить хоть одно слово, онъ сейчасъ же получить затрещину. Такъ какъ подобныхъ формулъ около 30-ти или 40, а новичкамъ ихъ трудно запоминать, то имъ даютъ часто пинки, даже и за ихъ неумѣнье говорить со старшими.

Каждый fag долженъ отлично изучить характеръ и привычки своего повелителя. Если онъ забывчивъ, то fag долженъ всегда носить при себѣ въ карманѣ чернильницу, кусокъ резины, перья и бумагу. Онъ долженъ имѣть это все, такъ какъ это часто требуется старшимъ. Особенно странно то, что юноши, подвергающіе подобнымъ наказаніямъ новичковъ, обыкновенно не злого характера. Они отлично помнятъ свое прошлое, помнятъ, какъ ихъ били и ими помыкали, и находятъ, что и они должны дѣлать то же въ свою очередь. «Эта система», говоритъ одинъ писатель, «влечетъ за собою настоящий терроризмъ. Новички дрожатъ и повинуются, характеръ ихъ надламывается, веселость исчезаетъ; нѣтъ въ нихъ расположенія ни къ ученію, ни даже къ игрѣ. Первый годъ мальчика служить ему не въ пользу, а во вредъ, такъ какъ онъ въ это время часто забываетъ даже и то, чему его выучили дома. Всѣ наперерывъ стараются уйти на нѣсколько недѣль, подъ предлогомъ болѣзни, въ лазаретъ или въ родительскій домъ, какъ въ мѣсто убѣжища, чтобы провести хоть часть этого роковаго перваго года внѣ школы. Одинъ изъ свидѣтелей рассказываетъ, что по вечерамъ въ субботу, день отпуска въ Вестминстерской школѣ, сынъ его, по приходѣ домой, прежде всего отправляется спать, такъ сильно онъ утомленъ бессонницей». Такое положеніе младшихъ воспитанниковъ англійскихъ школъ ничѣмъ не лучше нашего бывшаго крѣпостнаго права.

Учителя школъ принадлежатъ къ духовенству. Но духовный санъ англійской церкви не налагаетъ на тѣхъ, которые къ нему причисляются, ни безбрачія, ни особаго костюма, за исключеніемъ бѣлаго галстука. Не смотря на университетское образованіе, здѣшніе учителя не получаютъ специальной подготовки къ своему дѣлу и потому они примѣняютъ или собственные свои методы, или руководствуются опытомъ своего предшественника. Обязанности учителя чрезвычайно трудны. Онъ занятъ въ классѣ отъ 20 до 24-хъ часовъ въ недѣлю, кромѣ того каждый день по два, по три часа исправляетъ письменныя работы и внѣ классовъ занимается еще частными учениками. Здѣшніе учителя буквально заняты уроками или репетированіемъ ихъ съ 7-ми часовъ утра до 10-ти вечера. Они завтракаютъ и обѣдаютъ вмѣстѣ съ дѣтьми, и такимъ образомъ для нихъ самихъ не остается ни одной свободной минуты, и знанія, приобретенныя ими въ университетѣ, уже никакъ не могутъ пополняться. Какъ бы ни былъ преподаватель уменъ, какое бы превосходное образованіе онъ ни получилъ, но когда онъ перестаетъ приобретать новыя знанія и расширять свой кругозоръ, его умственный ростъ останавливается. Такъ здѣсь и бываетъ.

Вознагражденіе преподавателей очень велико, хотя собственно жалованье отъ школы они получаютъ небольшое. Нужно однако замѣтить, что доходы учителя, смотря по школѣ, различны. Въ Гарроу старшій учитель получаетъ: отъ правленія школы 187 р. жалованья и 125 р. на отопленіе. Кромѣ того онъ имѣетъ по 75 руб. отъ каждого своекоштного воспитанника за классное обученіе и отдѣльно за каждого пансионера. Когда пан-

сионеровъ бываетъ больше, и доходъ учителя увеличивается. Чистый доходъ старшаго учителя въ Гарроу простирается до 6,288 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, т. е. на наши деньги около 39 тысячъ руб.

Остальные учителя въ Гарроу получаютъ слѣдующее: одинъ изъ нихъ чистаго дохода получаетъ 15,937 р., другой 6,500 р. Одинъ изъ учителей французскаго языка, имѣющій только трехъ пансионеровъ, имѣетъ 4,175 р.; наконецъ учитель-ассистентъ, не имѣющій пансіона, получаетъ отъ старшаго учителя постоянное жалованье 300 фунтовъ стерлинговъ, т. е. около 1,800 р. сер. на наши деньги. Въ Итонѣ старшій учитель, за всѣми издержками, получаетъ чистаго дохода 4,500 фунтовъ (28,125 р.); при этомъ онъ имѣетъ бесплатно превосходный домъ. Остальные учителя въ Итонѣ, получая жалованья не болѣе 44-хъ фунтовъ (275 р.), имѣютъ болѣе 10 тысячъ руб. дохода, если въ ихъ пансіонахъ полное число воспитанниковъ. Отсюда ясно, что цифра дохода учителей совершенно измѣняется смотря потому, имѣютъ ли они пансионеровъ или нѣтъ. Въ школѣ св. Павла, устроенной только для экстерновъ, оклады таковы: старшему учителю 5,625 р.; другимъ учителямъ: 2,500; 2,175; 1,875; 1,250; 925 и наконецъ 625. Менѣе всѣхъ получаютъ учителя новыхъ языковъ; онѣ, впрочемъ, могутъ располагать своими свободными часами и почти всегда имѣютъ занятія въ нѣсколькихъ школахъ.

Главная задача грамматическихъ школъ приготовить учениковъ къ университету, и главные предметы, какъ здѣсь, такъ и въ университетахъ, древніе языки: латинскій и греческій. Науки математическія почти во всѣхъ грамматическихъ школахъ занимаютъ второе мѣсто, науки естественныя и изученіе новыхъ языковъ — самое послѣднее. На новые языки удѣляютъ очень мало времени и имъ не придаютъ особеннаго значенія. Прежде и совсѣмъ не преподавали новыхъ языковъ: даже французскій языкъ введенъ въ Итонской школѣ не болѣе 10-ти лѣтъ тому назадъ; говорить же на новыхъ языкахъ уже и подавно здѣсь совсѣмъ не выучиваютъ. Учителя новыхъ языковъ, видя, что все вниманіе обращено на языки древнее, ведутъ свое дѣло спустя рукава. Изученіе роднаго языка немногимъ лучше: его теоретическаго изученія, какъ отдѣльнаго предмета, почти не существуетъ; съ нимъ воспитанники знакомятся скорѣе практически: дѣлая переводы съ древнихъ и новыхъ языковъ на свой родной, чтеніемъ, сочиненіями не только въ прозѣ, но и въ стихахъ. За лучшія сочиненія и стихи нерѣдко награждаютъ преміями. Вотъ что говорятъ объ этомъ люди, спеціально изучившіе эти школы. «Посредствомъ необходимыхъ, а слѣдовательно безсвязныхъ и отрывочныхъ занятій, ученики узнаютъ кое-что и изъ отечественной литературы. Если бы не громкая извѣстность англійскихъ знаменитостей, если бы не внѣклассныя чтенія и не переводы лучшихъ мѣстъ изъ отечественныхъ поэтовъ латинскими и греческими стихами, то легко могло бы случиться, что молодой англичанинъ, окончивъ курсъ въ нѣкоторыхъ школахъ и даже въ университетѣ, въ которомъ заканчивается образованіе, не зналъ бы, что въ Англіи существовали Спенсеръ, Мильтонъ, Шекспиръ, Байронъ».

Хотя лучшіе воспитанники обыкновенно отлично знаютъ исторію, но ея вовсе не преподають, какъ отдѣльный предметъ, и для нея не существуетъ особыхъ учителей. Въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ совсѣмъ не учатъ исторіи, ни древней, ни новой, воспитанникамъ даютъ въ руки книги и говорятъ: «въ такой-то день задано будетъ сочиненіе о такой-то исторической эпохѣ, — приготовьтесь». Обыкновенно такія сочиненія задають на вакаціонное время. Тѣмъ не менѣе на этотъ предметъ устраиваются конкурсы, и воспитанники получаютъ награды за лучшее сочиненіе по исторіи. Несмотря на это, иногда подають отличныя сочиненія по исторіи. Такая система умственнаго воспитанія напоминаетъ физическое воспитаніе спартанцевъ: она укрѣпляетъ способныхъ и сильныхъ и безпощадно губитъ слабыхъ и менѣе способныхъ.

Математика введена только въ последнее время, лѣтъ 30 тому назадъ, а въ нѣкоторыхъ школахъ лѣтъ 20.

Къ естественнымъ наукамъ, въ большей части школъ, относятся съ такимъ же пренебреженіемъ, съ какимъ недавно еще относились къ математикѣ: довольствуются тѣмъ, что на извѣстное время приглашаютъ физика прочесть нѣсколько лекцій по этимъ предметамъ тѣмъ воспитанникамъ, которые пожелаютъ ихъ слушать. Впрочемъ Рогби составляетъ исключеніе, и естественныя науки въ этой школѣ идутъ весьма успѣшно.

Большая часть времени учениковъ посвящается сочиненію латинскихъ и греческихъ стиховъ. Методъ, по которому пишутъ стихи на этихъ двухъ языкахъ, чрезвычайно оригиналенъ. Какъ только воспитанникъ ознакомится съ правилами рописодіи, ему задаютъ собрать въ стихи, съ соблюденіемъ размѣра, всѣ знакомыя ему латинскія или греческія слова, не обращая ни малѣйшаго вниманія на ихъ смыслъ и значеніе. Такимъ образомъ ученикъ упражняется въ механизмѣ стихосложенія, ни мало не заботясь не только о мысли, но даже о смыслѣ стиховъ и о ихъ внутреннемъ содержаніи. Однако мало по малу, съ большимъ знаніемъ языка, лучшіе ученики набиваютъ такъ руку въ этомъ занятіи, что порядочно пишутъ стихи на этихъ двухъ языкахъ.

Изъ всего сказаннаго ясно, что кромѣ изученія классическихъ языковъ, преподаваніе въ англійскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ совсѣмъ заброшено. Тѣмъ не менѣе изъ этихъ самыхъ школъ выходятъ великіе умы, европейскія знаменитости по всѣмъ отраслямъ знанія. Хотя точными науками и естествознаніемъ почти совсѣмъ пренебрегаютъ, но воспитанники могутъ изучать и науки, не входящія въ учебный курсъ. Но серьезно изучаютъ эти науки только молодые люди, съ самыхъ раннихъ лѣтъ чувствующіе къ нимъ особенную склонность. Для поощренія этихъ склонностей, для побужденія юношей трудиться надъ тѣми или другими предметами существуютъ здѣсь могущественныя средства: конкурсы и цѣнныя награды. Можно сказать, что даже все ученіе представляетъ собою постоянный конкурсъ: каждый урокъ есть своего рода экзаменъ. Учитель вызываетъ и воспитанники становятся полукругомъ у его кафедръ. Тотъ, кто отвѣтилъ лучше всѣхъ, ставится первымъ сейчасъ же, и такая перестановка и пересадка учениковъ, въ нѣкоторыхъ школахъ, происходитъ почти каждый урокъ. Лучшія сочиненія награждаютъ медалями и книгами, отъ 18 р. до 300 руб. и болѣе. При этомъ выдаютъ воспитанникамъ даже и денежныя пенсіи. Всѣ грамматическія школы присуждаютъ своимъ лучшимъ ученикамъ годовой доходъ отъ 187 руб. до 600, а иногда даже и болѣе. Такія пенсіи воспитанники грамматическихъ школъ получаютъ иногда въ теченіи 4-хъ, 5-ти и даже 6-ти лѣтъ, но обыкновенно съ такимъ условіемъ, чтобъ ученикъ непремѣнно продолжалъ свои занятія въ одномъ изъ университетовъ. Награждая такими богатыми пенсіями школьниковъ, тутъ вовсе не принимаютъ въ расчетъ бѣдность ученика. Бѣдный или богатый, онъ получаетъ такую пенсію, если онъ отличится на экзаменѣ.

Не мало способствуетъ успѣхамъ въ предметахъ, на которые въ школѣ не обращаютъ вниманія, полная свобода воспитанниковъ старшихъ классовъ. Въ Гарроу, въ Рогби, въ Итонѣ воспитанники собираются для обсужденія разныхъ вопросовъ. Иногда юноши составляютъ кружки съ цѣлью подготовляться къ публичнымъ рѣчамъ. Въ одномъ кружкѣ обсуждаютъ дѣйствія правительства; въ другомъ любители естественныхъ наукъ читаютъ и обсуждаютъ послѣднюю книгу, проливающую новый свѣтъ на науку. Въ нѣкоторыхъ школахъ воспитанники издають журналы, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ школа короля Эдуарда въ Бирмингамѣ издавала еженедѣльную газету, содержащую краткіе очерки, поэмы и т. п. Въ Итонѣ вспоминаютъ еще о «Микрокосмѣ», въ которомъ обра-

гли на себя общее вниманіе многія статьи. И во всѣхъ этихъ журналахъ и газетахъ, во всякое время, какъ прежде, такъ и теперь, появлялись, не смотря на юность писателей, замѣчательныя статьи, авторы которыхъ дѣлались въ послѣдствіи извѣстными всему образованному міру. Самостоятельная жизнь въ дѣтствѣ, правильно развитой физическими упражненіями организмъ, жизнь, полная всевозможныхъ здоровыхъ впечатлѣній для ума и сердца, вотъ что, гораздо болѣе чѣмъ школа, подготавливаетъ англійскихъ юношей къ серьезному труду. Свободный доступъ въ громадныя бібліотеки по всѣмъ отраслямъ наукъ, богатѣйшіе музеи, наглядное знакомство еще въ раннемъ дѣтствѣ, во время прогулокъ, въ садахъ, съ жизнію растений и животныхъ, съ исторіею и современною жизнію народовъ, съ промышленностью и всевозможными искусствами, — все это еще рано развиваетъ въ даровитомъ ребенкѣ страсть къ серьезнымъ занятіямъ. Вспомнимъ хоть прогулки въ садахъ Кристалльнаго и Александровскаго дворцовъ. Въ школахъ занимаются формальною стороною его ума, но впечатлѣнія дѣтства не проходятъ даромъ, и онъ работаетъ самъ. Затѣмъ свободныя учрежденія, политическія интересы, общественная жизнь, свободное слово и свободный доступъ ко всѣмъ источникамъ знанія — даютъ возможность въ послѣдствіи работать еще основательнѣе. Вотъ поэтому и нечего удивляться, что въ Англій, несмотря на плохія школы, выходятъ такія всесвѣтныя знаменитости. За то юноши безъ особенныхъ дарованій выходятъ изъ англійскихъ школъ только съ знаніемъ классическихъ языковъ, вѣшнимъ образомъ усвоивъ элементарные предметы, и безъ всякаго развитія.

Итонъ.

Итонъ — большое аристократическое заведеніе съ 870 воспитанниками. Эта знаменитая англійская школа находится на берегу Темзы, въ разстояніи одного часа ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Лондона. Всѣ ученики итонской школы, какъ и въ большей части другихъ школъ, обязаны платить за свое воспитаніе, только съ тою разницею, что одни платятъ за него болѣе, а другіе менѣе. Коллегіалы за все воспитаніе платятъ 200 руб. сер., исключая платы, поѣздокъ и карманныхъ денегъ. Если принять въ расчетъ и эти издержки, то приведенная сумма удвоится. Тѣ, которые живутъ у тьютора, платятъ за свое содержаніе, за обученіе и за приватныя уроки до 1,400 руб. сер., не считая одежды, карманныхъ денегъ и расходовъ на удовольствія. Все же вмѣстѣ доходитъ у многихъ до 1700 руб. сер. Ясно, что англичанамъ нужно имѣть много денегъ, чтобъ воспитывать своихъ сыновей въ этихъ заведеніяхъ. Правда, что въ нѣкоторыхъ школахъ воспитаніе стоитъ нѣсколько менѣе, все таки оно недоступно бѣднымъ людямъ. Однако каждый англичанинъ нерѣдко отказываетъ себѣ въ столь дорогомъ для него комфортѣ, чтобы только помѣстить сына въ одну изъ аристократическихъ школъ. Онъ надѣется, что сынъ его, воспитываясь съ людьми знатнаго происхожденія, близко сойдется съ тѣмъ или другимъ изъ нихъ и такимъ образомъ въ будущемъ приобрететъ себѣ покровителя. Эти мечты обыкновенно сбываются, такъ какъ рѣдко кто болѣе англичанъ сохраняетъ такую привязанность къ своимъ товарищамъ и къ заведенію, въ которомъ они воспитывались.

Ни одна англійская школа не придерживается такъ старинныхъ преданій, не смотритъ такъ косо на нововведенія и улучшенія, какъ Итонъ. Всѣхъ наставниковъ она старается обыкновенно выбирать изъ своихъ бывшихъ воспитанниковъ, и это по всей вѣроятности одна изъ главныхъ причинъ консервативнаго духа, который вы встрѣтите здѣсь всюду. Директоръ — обыкновенно старый итонецъ, иногда предшественникъ стар-

шаго учителя, прежде всѣхъ сдерживаетъ людей, имѣющихъ какія бы то ни было полномочія къ нововведеніямъ. Зачѣмъ мѣнять что-нибудь, когда все это велось при немъ въ теченіи многихъ лѣтъ и дало хорошіе результаты? Учебники, быть Итона, метода преподаванія уже въ продолженіи многихъ столѣтій совсѣмъ не измѣняются, или измѣняются, такъ сказать дѣлаютъ уступку новѣйшимъ требованіямъ, въ самой незначительной степени. До сихъ поръ въ Итонѣ въ употребленіи старинная грамматика Эдурда шестаго, написанная на латинскомъ языкѣ; до настоящей минуты заучиваютъ наизусть разныя правила и опредѣленія.

Какъ въ Итонѣ, такъ и во многихъ другихъ школахъ, воспитанники элементарнаго отдѣленія собираются всѣ вмѣстѣ для слушанія урока, въ амфитеатрѣ, назначенномъ для преподаванія. Ихъ распредѣляютъ между собою преподаватели на нѣсколько группъ. Въ Итонѣ такихъ воспитанниковъ до 100 человекъ; ихъ раздѣляютъ на 7 группъ, и всѣ эти 7 группъ иногда въ одинъ и тотъ же часъ занимаются у учителей, въ одной и той же комнатѣ, раздѣленной занавѣсками. Каждая группа занимается по особой программѣ, соответственно своимъ познаніямъ. Конечно, дѣло не обходится безъ шума, потому, что въ одно и тоже время слышны голоса нѣсколькихъ преподавателей и нѣсколькихъ учениковъ; говорятъ однако, что къ этому вполнѣдствіи воспитанники привыкаютъ и не развлекаются.

Оригинальный обычай существуетъ между воспитанниками Итона, — онъ называется «бѣгство» (Shirking). Въ итонской школѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ, воспитанники свободно отлучаются изъ дому, тѣмъ не менѣе есть границы, которыя они не должны переходить. Когда воспитанникъ переступитъ это правило и въ это время встрѣчается съ учителемъ, онъ долженъ показать видъ, что хочетъ бѣжать и по обычаю дѣйствительно долженъ куда-нибудь скрыться: въ кусты, за дерево. Въ такихъ случаяхъ, если даже учитель и видѣлъ воспитанника, онъ его никогда не наказываетъ, такъ какъ учителю было оказано уваженіе — страхъ, отъ него укрывались, прятались. Но когда воспитанникъ былъ встрѣченъ учителемъ въ неприличномъ костюмѣ, въ подозрительномъ обществѣ и при томъ такъ, что онъ не могъ или не хотѣлъ скрыться, — онъ непременно подвергается строгому наказанію.

О К С Ф О Р Д Ъ

Видный видъ города.—Оксфордскій университетъ.—Коллегіи.—Какъ управляется университетъ.—«Стипендіаты», «служащіе» и «своекоштные» студенты.—Экзамены.—Правила и наказанія.—Жизнь, нравы, удовольствія, празднества и кутежи студентовъ.—Гордскіе торговцы и ихъ значеніе въ жизни учащейся молодежи.

Тотъ, кто воображаетъ себѣ Оксфордскій университетъ чѣмъ то въ родѣ другихъ европейскихъ университетовъ — громаднымъ зданіемъ, куда со всѣхъ концовъ свѣта образованная молодежь стекается слушать лекціи, съ собственными многочисленными слушателями въ аудиторіяхъ, — совершенно заблуждается. Прежде всего университетъ въ Оксфордѣ состоитъ не изъ одного или нѣсколькихъ зданій, а почти изъ цѣлаго города, и профессорскія лекціи, хотя и читаются, но далеко не имѣютъ того значенія для студентовъ, какъ въ остальной Европѣ. Студенты Оксфордскаго университета не живутъ въ городѣ, гдѣ имъ захочется, а непременно должны жить въ коллегіальныхъ зданіяхъ, гдѣ они находятся подъ строгимъ надзоромъ.

Приближаясь къ Оксфорду по желѣзной дорогѣ, путешественникъ видитъ передъ собою безчисленный рядъ готическихкихъ башенъ, церквей, куполовъ, шпировъ и другихъ

украшений. Весь городъ наполненъ различными университетскими зданіями, коллегіями, церквами, библіотеками, музеями, средневѣковая архитектура которыхъ въ высшей степени замѣчательна. Изрѣдка только, въ промежуткахъ коллегіальныхъ зданій, встрѣчаются магазины, лавки и нѣсколько частныхъ домовъ. Между магазинами чаще всего попадаются книжные, магазины картинъ, но болѣе всего табачныхъ лавокъ и лавокъ съ различными орудіями для крикета, рикета, крокета и другихъ англійскихъ игръ, которыя въ такомъ употребленіи между студентами. Народъ, съ почтеніемъ разступающійся передъ начальствомъ коллегій, магазины и лавки, наполненные предметами, какіе болѣе всего покупаютъ студенты, — все это уже въ первую минуту показываетъ вамъ, что весь городъ существуетъ университетомъ и находится въ полной отъ него зависимости.

Ни одинъ европейскій городъ не напоминаетъ такъ наглядно прошедшія времена, какъ Оксфордъ со своими средневѣковыми, почернѣвшими зданіями готической архитектуры. Нигдѣ на васъ не вѣетъ такъ средневѣковою исторіею, какъ здѣсь, среди этихъ мрачныхъ и угрюмыхъ, но величественныхъ коллегій, вполнѣ напоминающихъ средневѣковые монастыри. Но это удаленіе университета отъ столичной суеты, отъ лихорадочной дѣятельности новѣйшихъ городовъ даетъ возможность, какъ думаютъ англичане, жить въ полномъ смыслѣ интересами науки.

Существованіемъ своимъ Оксфордскій университетъ обязанъ не одной какой нибудь личности и даже не своему правительству: онъ создавался вѣками, и труды многихъ поколѣній, многихъ столѣтій должны были соединиться, чтобы произвести подобное учрежденіе, далеко выходящее изъ обыкновеннаго уровня. Ревнители просвѣщенія съ давнихъ временъ поддерживали существованіе этого университета, вносили богатые вклады, основывали все новыя и новыя коллегіи, библіотеки, музеи. Оксфордскій университетъ такимъ образомъ развивался мало по малу, и теперь довольно взглянуть на наружный видъ зданій, на ихъ громадность и многочисленность, чтобы понять, что этого нельзя было создать разомъ, что здѣсь нужна была работа многихъ вѣковъ. Исторія постепеннаго развитія Оксфордскаго университета тѣсно связана со всею прошедшею исторіею Англій. Каждое зданіе напоминаетъ вамъ иной вѣкъ, различныя историческія событія. Оксфордъ всегда игралъ важную роль въ англійской исторіи, съ одной стороны, какъ главный центръ умственной дѣятельности, съ другой, какъ значительный городъ, пользовавшійся выгоднымъ положеніемъ.

Въ настоящее время, какъ Оксфордскій, такъ и Кембриджскій университеты, ничто иное, какъ собраніе отдѣльныхъ общинъ, изъ которыхъ большія и богатѣйшія называются «College» (коллегіи), а меньшія «Halls» (подворья). Въ Оксфордѣ 19 коллегій и 5 подворій; въ Кембриджѣ 14 коллегій и 3 подворья. Прежде эти коллегіи имѣли религіозно-воспитательную цѣль. Богатые люди завѣщали дома и деньги членамъ той или другой коллегіи, съ тѣмъ, чтобы лица, въ пользу которыхъ сдѣлано завѣщаніе, и ихъ преемники отправляли по нѣсколько разъ въ день церковное богослуженіе и воспитывали дѣтей. Поэтому прежде коллегіи ходили на монастыри со школами для дѣтей. Мало по малу однако онѣ обратились въ помѣщенія для студентовъ, но религіозный характеръ удержался за ними до сихъ поръ. Богослуженіе и въ настоящее время совершается въ Оксфордскомъ университетѣ по нѣсколько разъ въ день, въ противномъ случаѣ коллегіи потеряли бы право на дома и капиталы, такъ какъ это условіе завѣщателей точно выговорено.

Во главѣ каждой коллегіи стоитъ начальникъ, котораго называютъ ректоромъ или деканомъ и который получаетъ отъ 1,000 до 3,000 ф. ст. въ годъ. Онъ выбирается въ свою должность адъюнктъ-профессорами (fellows) на всю жизнь. Ректоры пользуются большою властью въ коллегіяхъ и вмѣстѣ съ адъюнктъ-профессорами завѣдуютъ управ-

леніемъ. За ректоромъ или деканомъ слѣдуютъ адъюнкты - профессора (fellows), получающіе отъ 200 до 300 ф. ст. въ годъ. Ихъ въ Оксфордѣ до 500 человѣкъ, но они распределены по коллегіямъ неравномѣрно: въ однихъ ихъ больше, въ другихъ меньше. «Fellows», или «товарищи», управляютъ имуществомъ коллегіи, и несутъ различныя коллегіальныя обязанности. Въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ званіе адъюнкты - профессора дается только выдержавшему строгій экзаменъ и получившему по крайней мѣрѣ нисшую университетскую степень. Въ другихъ отъ кандидата на эту должность требуется только хорошее происхожденіе и умѣнье быть хорошо одѣтымъ. Изъ сословія «товарищей» выбираютъ декановъ, казначеевъ, экзаменаторовъ и наконецъ тьюторовъ. Нѣкоторые изъ «товарищей» отправляютъ богослуженіе въ сосѣднихъ мѣстахъ, произносятъ проповѣди.

За «товарищами» слѣдуютъ «тьюторы», родъ репетиторовъ-надзирателей. Обязанность тьютора заключается собственно въ томъ, чтобы заниматься съ тѣми студентами, которыхъ ему назначить деканъ, помогать имъ, наблюдать за ними, заботиться обо всѣхъ ихъ нуждахъ. Тьюторы поэтому живутъ въ зданіи коллегіи. Но все это, такъ сказать, *мѣстное начальство* — начальство той или другой коллегіи, между тѣмъ существуетъ еще одна общая корпорація — университетъ т. е. корпусъ профессоровъ. Во главѣ этой корпораціи стоитъ канцлеръ, избираемый на всю жизнь. Канцлеръ считается первымъ лицомъ университета и облеченъ гражданскою властью не только надъ университетомъ, но и надъ городомъ и графствомъ.

Общимъ управленіемъ университета завѣдуетъ еженедѣльный совѣтъ, состоящій изъ начальниковъ коллегій, профессоровъ, тьюторовъ, избираемыхъ всѣми членами университета. Такимъ образомъ университетъ — это совершенно особое государство въ государствѣ, которое пользуется правомъ самоуправленія: ни одинъ министръ не можетъ вмѣшиваться въ дѣла университета, развѣ только посредствомъ подачи голоса, наравнѣ со всѣми прочими членами университета. Еженедѣльный совѣтъ издаетъ и измѣняетъ университетскіе законы и собирается обыкновенно подъ предсѣдательствомъ вице-канцлера. Одной только власти покоряется университетъ, передъ которой преклоняются и всѣ остальные учрежденія, — власти парламента.

Главный элементъ каждой коллегіи, разумѣется, студенты, которые дѣлятся на студентовъ *стипендіатовъ* и *своекоштныхъ*. Студенты-стипендіаты — тѣ, которые получаютъ стипендію за успѣхи въ наукахъ. Такихъ студентовъ - стипендіатовъ въ Оксфордскомъ университетѣ до 400 человѣкъ. Ихъ стипендіи чрезвычайно разнообразны, отъ 20 до 100 ф. ст. въ годъ. Стипендіаты носятъ даже другое платье, чѣмъ студенты своекоштные. Кромѣ стипендій коллегія даетъ имъ еще столъ и квартиру. Но всего удивительнѣе то, что еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ существуетъ особый разрядъ нисшихъ студентовъ — «служащихъ» (servitors). Студентамъ-стипендіатамъ выдается извѣстная стипендія, которую они самостоятельно тратятъ на свое ученіе въ университетѣ и на собственныя издержки. Не хватило стипендій, — и онъ долженъ покрыть остальные издержки своими собственными деньгами. Служащіе студенты (servitors) не получаютъ стипендій, но коллегія даетъ имъ столъ, одежду и комнату. Это всегда очень бѣдный народъ, забитый и жалкій. Еще недавно прошло то время, когда эти студенты ждали, пока всѣ другіе кончатъ обѣдъ, и тогда уже имъ давали остатки съ «высокаго стола», за которымъ и до сихъ поръ обѣдаютъ тьюторы, «товарищи», магистры и самые знатные изъ студентовъ. Теперь они не испытываютъ болѣе этого униженія, но имѣютъ костюмъ, который ихъ нѣсколько отличаетъ отъ другихъ. Нужно замѣтить, что средства коллегіи такъ громадны и что стипендіи раздаются тамъ такою щедрою рукою, что въ «служащіе» студенты можетъ попасть

только лѣнивый или бездарный изъ небогатыхъ молодыхъ людей. Но это, разумѣется, недостаточная причина для того, чтобы однихъ возвышать на счетъ другихъ.

Кромѣ этихъ лицъ, которыя входятъ въ составъ коллегіи и пользуются ея доходами, при каждой изъ нихъ (кромѣ коллегіи «всѣхъ душъ») живетъ большее или меньшее число своекоштныхъ студентовъ. Самая большая и любимая коллегія въ Оксфордѣ, наиболѣе посѣщаемая аристократіей и богатыми людьми, — «коллегія Христовой церкви», гдѣ воспитывался принцъ Валлійскій. Тѣмъ не менѣе всѣ Оксфордскія коллегіи чрезвычайно богаты. Каждая изъ нихъ имѣетъ свою капеллу и свою библіотеку. Въ каждой изъ нихъ вы найдете прекрасно устроенную, огромную обѣденную залу, украшенную портретами знаменитыхъ лицъ, основателей, благотворителей, покровителей коллегіи, знаменитыхъ декановъ и вообще лицъ, бывшихъ студентами коллегіи и прославившихся впоследствии на политическомъ, литературномъ или духовномъ поприщѣ. Коллегіальныя зданія построены большею частью четырехугольниками и образуютъ въ серединѣ обширные, покрытые зеленью дворы. При нѣкоторыхъ коллегіяхъ вы найдете богатые сады и парки. Множество зданій предназначено исключительно для помѣщенія студентовъ. Въ нихъ цѣлыя ряды комнатъ расходятся по обѣ стороны крутыхъ и узкихъ лѣстницъ. Вообще каждая коллегія представляетъ много любопытнаго и притомъ каждая чѣмъ нибудь славится: одна — капеллою, другая — паркомъ, третья — обѣденною залою, библіотекою, башней, своей архитектурой, а есть и такія, которыя исключительно стяжали себѣ громкую славу тѣмъ или другимъ виномъ. Но кромѣ коллегій въ городѣ множество другихъ зданій и учреждений, принадлежащихъ университету: университетскія церкви, общія библіотеки, музеи, университетская типографія, ботаническій садъ и др.

Посѣщеніе профессорскихъ лекцій предоставлено на волю каждого студента. Въ Оксфордскомъ университетѣ существуетъ четыре кафедры по богословію, восемь — по филологіи, четыре — по философіи, три — по исторіи и политической экономіи, три — по праву, девять — по математикѣ, естественнымъ наукамъ и сельскому хозяйству, четыре — по физиологіи и терапевтикѣ, одна — по музыкѣ. Но англійскіе студенты чрезвычайно рѣдко посѣщаютъ профессорскія лекціи. Они прежде всего и болѣе всего заботятся о томъ, чтобы хорошо сдать экзаменъ, но чрезвычайно рѣдко кто изъ нихъ занимается наукою, которая не входитъ въ программу экзаменовъ. Такъ какъ у студентовъ, кромѣ профессорскихъ лекцій, есть еще лекціи воспитателей, которыя они обязаны слушать и на которыхъ главнымъ образомъ объясняются предметы, нужные для экзаменовъ, то изъ студентовъ развѣ только два, три человѣка въ каждой коллегіи посѣщаютъ профессорскія лекціи. Въ профессорахъ они не чувствуютъ ни малѣйшей надобности, такъ какъ тьюторы объясняютъ имъ всѣ уроки. Юношей же, увлекающихся наукой, здѣсь чрезвычайно мало: ими обыкновенно бываютъ особенно даровитые отъ природы, которые чувствуютъ влеченіе къ наукѣ уже съ раннихъ лѣтъ, здѣсь вполне отдаются занятіямъ и затѣмъ составляютъ себѣ громкую европейскую извѣстность. Нерѣдко весьма интересныя лекціи знаменитыхъ оксфордскихъ и эдинбургскихъ профессоровъ совсѣмъ остаются безъ слушателей. Поэтому профессора, за рѣдкими исключеніями, читаютъ свои лекціи неохотно, являются въ университетъ рѣдко, а не мало и такихъ, которые и совсѣмъ не являются, такъ что профессорскія кафедры здѣсь нерѣдко ничто иное, какъ жѣста, доставляющія профессорамъ даровой доходъ въ 500, а въ нѣкоторыхъ университетахъ и въ 600 ф. ст. въ годъ. (Нѣкоторые профессора, однако, получаютъ не больше 50—80 ф. ст.). Званіе профессора здѣсь не пользуется особеннымъ почетомъ, и профессоръ, какъ бы велики ни были его ученость и талантъ писателя, если у него нѣтъ порядочнаго годоваго дохода, не будетъ признанъ джентльменомъ. Не даромъ же студенты, и въ шутку, и не въ шутку, такъ часто повторяютъ другъ другу

слова Горация: «У тебя есть талантъ, нравственность твоя безукоризненна, ты красно-рѣчивъ и добросовѣстенъ, но у тебя нѣтъ ста тысячъ, значить ты — плебей».

Познакомившись съ внѣшнимъ устройствомъ коллегіи и университета, перейдемъ теперь къ его внутреннему строю: къ учебному курсу, къ экзаменамъ и къ жизни студентовъ.

Изученіе древнихъ классиковъ составляетъ главную основу, какъ средне-учебныхъ заведеній, такъ и университетскаго образованія. Но теперь уже въ обществѣ существуетъ сильная оппозиція этой классической системѣ. Еще недавно, множество перво-степенныхъ государственныхъ людей, самыхъ выдающихся педагоговъ, знаменитыхъ ученыхъ и, что особенно важно, специалистовъ по древнимъ языкамъ, подписали протестъ, направленный противъ классической системы образованія. Въ настоящее время существуетъ даже проектъ, который всѣми силами поддерживаетъ лучшая часть литературныхъ дѣятелей, сдѣлать необязательнымъ въ школахъ изученіе греческаго языка.

Но возвратимся къ описанію университетскихъ порядковъ. Курсъ продолжается около трехъ лѣтъ, но многіе остаются четыре года и больше. Тѣмъ не менѣе всякій студентъ, для полученія степени бакалавра (нѣчто въ родѣ нашего кандидата) долженъ выдержать четыре экзамена, не считая того, который требуется для поступленія въ одну изъ коллегій. Въ первый годъ въ коллегіи проходятъ и повторяютъ все, выученное въ школѣ. На двухъ первыхъ испытаніяхъ экзаменуютъ изъ грамматики, требуютъ знанія двухъ или трехъ авторовъ греческихъ и латинскихъ, задаютъ нѣсколько вопросовъ изъ библіи и евангелія. Третій экзаменъ обнимаетъ тѣ же предметы, но болѣе разработанные, взятые съ новой точки зрѣнія — критической, исторической и философской. Кромѣ того студентъ выбираетъ одинъ изъ слѣдующихъ предметовъ: изъ математики, изъ физики и естественныхъ наукъ, или изъ языковъ, исторіи, права и политической экономіи. Провалившійся на экзаменахъ обыкновенно переходитъ въ другую коллегію и уже долженъ начать курсъ съ начала. Если его постигнетъ вторая неудача, онъ обыкновенно совсѣмъ оставляетъ университетъ.

При поступленіи въ университетъ, студентъ прежде всего отыскиваетъ себѣ тьютора, который во всю его университетскую жизнь будетъ служить ему помощникомъ и наставникомъ при его занятіяхъ. Нѣкоторые тьюторы славятся тѣмъ, что быстро умѣютъ напичкать голову студента всѣмъ, что ему нужно для экзаменовъ. Такъ какъ экзамены играютъ такую важную роль въ жизни студента, то каждый изъ нихъ старается, раньше чѣмъ поступить, разузнать и найти себѣ опытнаго тьютора. Однако во многихъ коллегіяхъ самъ деканъ назначаетъ тьютора вновь принятому студенту. При этой системѣ столькихъ экзаменовъ, при строгомъ требованіи короткаго знакомства съ классиками, студенту приходится здѣсь очень много работать. Мы уже сказали выше, что студенты обязаны посѣщать лекціи тьюторовъ. Эти лекціи носятъ на себѣ совершенно школьный характеръ и ничуть не напоминаютъ профессорскія лекціи. Онѣ состоятъ въ чтеніи и разборѣ классическихъ произведеній древнихъ авторовъ, требуемыхъ для экзамена, причемъ студенты читаютъ, переводятъ, повторяютъ послѣ сдѣланныхъ учителемъ поправокъ, пока преподаватель не добьется отъ нихъ того, чего хотѣлъ.

Въ большей части европейскихъ университетовъ существуетъ полнѣйшая свобода студентовъ и уже рѣшительно нигдѣ не вмѣшиваются въ ихъ частную жизнь; здѣсь совсѣмъ другое. Англійскій студентъ подчиненъ множеству правилъ, несетъ, какъ малый ребенокъ, наказаніе за отступленіе отъ нихъ, подвластенъ коллегіальному и университетскому начальству относительно своей частной и общественной жизни, хотя, разумѣется, онъ отлично научился обходить всѣ эти правила и предписанія.

Каждый, желающій вступить въ университетъ, долженъ прежде всего произнести

присягу, написанную на латинскомъ языкѣ. Послѣ этого вице-канцлеръ объявляетъ ему тоже по латыни, что онъ можетъ теперь считать себя занесеннымъ въ списокъ, и вручаетъ ему книжку «университетскихъ правилъ».

Каждый студентъ обязанъ жить непременно въ коллегіи, и, послѣ того, когда онъ дастъ присягу и выдержитъ экзамень, тотчасъ получаетъ такую квартиру, какую ему позволяютъ имѣть его средства. Знатный и богатый занимаетъ въ коллегіи цѣлый рядъ комнатъ, убранныхъ со всею роскошью и комфортомъ богатыхъ людей; кромѣ того ему отводятъ конюшню для его лошадей и экипажей. Однако въ большинствѣ случаевъ квартиры эти состоятъ изъ трехъ комнатъ: кабинета, спальни и гостиной. Въ каждой такой квартирѣ вы непременно найдете коверъ, каминъ и въ стѣнѣ шкафчикъ для вина. Случается однако, что наплывъ желающихъ поступить въ университетъ такъ великъ, что нѣкоторымъ студентамъ не хватаетъ помѣщенія въ коллегіи; тогда имъ дозволяютъ (пока не отыщется квартира въ коллегіи) нанять ее въ частномъ домѣ, но никакъ не внѣ города. Всѣ студенты, какъ живущіе въ коллегіи, такъ и тѣ немногіе, которые живутъ на частныхъ квартирахъ, должны аккуратно являться въ извѣстный часъ къ обѣду въ общую залу коллегіи, каждый день присутствовать вмѣстѣ съ другими въ церкви при богослуженіи и посѣщать лекціи коллегіальныхъ тьюторовъ. Хозяева частныхъ домовъ, у которыхъ живутъ студенты, обязаны аккуратно каждый вечеръ записывать часъ; когда ихъ жильцы возвращаются домой, и этотъ ежедневный отчетъ подавать перваго числа каждаго мѣсяца декану коллегіи. За малѣйшую неаккуратность въ этомъ ихъ наказываютъ лишеніемъ права содержать студентовъ.

Состояніе студентовъ вы здѣсь узнаете не по одной квартирѣ, но и по одеждѣ. Правда, въ будни всѣ студенты носятъ черную мантию и четырехугольную плоскую шляпу, но въ праздники одежда богатыхъ людей отличается отъ бѣдныхъ. То же самое и за обѣдомъ: своекоштные обѣдаютъ отдѣльно отъ студентовъ стипендіатовъ и имѣютъ гораздо болѣе роскошный столъ.

Большая часть правилъ и постановленій университетскихъ, относится къ временамъ давно минувшимъ, но всѣ они и нынче свято соблюдаются, и измѣнить ихъ рѣшаются развѣ въ случаѣ крайней необходимости. Да и при этихъ измѣненіяхъ стараются удерживать первоначальный смыслъ и только внѣшнимъ образомъ примѣняются къ измѣнившимся обстоятельствамъ.

Вотъ краткое извлеченіе изъ книжки университетскихъ правилъ, точно также написанныхъ по латыни: «Такъ какъ первое украшеніе образованнаго человѣка скромность и чистота нравовъ, то мы опредѣляемъ, чтобы всѣ нисшіе вели себя относительно высшихъ почтительно и покорно: учащіеся относительно бакалавровъ, бакалавры относительно магистровъ и всѣ относительно главнаго начальника. Если кто нарушитъ это правило, будетъ наказанъ начальникомъ коллегіи, а въ его отсутствіе вице-магистромъ. Всякій долженъ въ присутствіи магистра снимать шляпу на дворѣ и въ коллегіи. Воспрещается студентамъ вводить въ университетъ какую-нибудь новую или необыкновенную моду въ одеждѣ, предписывается быть скромнымъ въ убранствѣ головъ, не завивать локоновъ и не носить длинныхъ волосъ. Воспрещается водить знакомство съ *городскими* и принимать участіе въ ихъ банкетахъ. Съ особенною строгостью запрещается входить въ табачныя лавки. Самострѣлы и другія орудія стрѣльбы находятся подъ строгимъ запрещеніемъ, но обыкновенный лукъ со стрѣлами позволено брать въ руки для *честной забавы*».

Отступившихъ отъ этихъ правилъ въ первый разъ обыкновенно наказываютъ лишеніемъ общаго стола на одинъ мѣсяць, во второй разъ — на три мѣсяца, а за третій проступокъ совсѣмъ исключаютъ; за нѣкоторые проступки, по усмотрѣнію начальства, налагаютъ штрафы. Тѣхъ, которые опаздываютъ явиться въ коллегію въ назначенный

часъ, наказываютъ тѣмъ, что заставляютъ на другой день придти нѣсколькими часами раньше. Точно также строго запрещено проводить ночь внѣ коллегіи, обѣдать въ своихъ комнатахъ, уѣзжать безъ позволенія начальника изъ города, выходить со двора не въ университетскомъ платьѣ. «Мы желаемъ и постановляемъ, чтобы каждый соблюдалъ чистоту въ своихъ комнатахъ, и неумѣреннымъ крикомъ, громкимъ смѣхомъ, пѣніемъ, шумомъ, танцами или музыкою не нарушалъ сна, покоя и занятій своего сосѣда, а также чтобы каждый воздерживался отъ позднихъ пировъ и попойекъ».

Но за молодежью трудно услѣдить, и большинство богатыхъ студентовъ пріятно проводить здѣсь время и нерѣдко только передъ разсвѣтомъ кончаетъ товарищескую попойку. Но прежде чѣмъ говорить о студенческихъ кутежахъ, скажемъ нѣсколько словъ, какъ они проводятъ время съ утра до вечера. Вотъ какъ студентъ коллегіи Чичестера, теперь извѣстный писатель, описываетъ свое времяпрепровожденіе. «Я вставалъ рано, чтобы поспѣть въ церковь къ утреннему богослуженію. Въ Чичестерѣ требовалось быть въ церкви разъ въ день, и я предпочиталъ посѣщать утреннее богослуженіе, чтобы потомъ мои занятія и развлечения не прерывались необходимостью отправится въ церковь въ половинѣ пятого по полудни. Чичестерскія власти были еще очень снисходительны на счетъ посѣщенія церкви студентами, такъ какъ предоставляли имъ на выборъ бывать у вечерняго или утренняго богослуженія; но одинъ разъ въ день необходимо быть каждому. Церковный колоколъ ударялъ за четверть часа до начала службы, т. е. въ три четверти седьмаго; послѣ семи часовъ еще давалось льготы пять минутъ, затѣмъ церковныя двери затворялись, и всякій, приходившій позже пяти минутъ восьмаго, подвергался штрафу. Забавно было смотрѣть, какъ съ послѣднимъ ударомъ колокола сбѣгались къ церкви молодые люди со всѣхъ сторонъ, наскоро оканчивая дорогою свой незатѣйливый туалетъ: кто застегивалъ сюртукъ, кто путался въ своемъ стихарѣ (въ Чичестерѣ всѣ обязаны носить сверху стихарь). Такъ какъ каждый старался пробыть въ постели до послѣдней минуты, то туалетъ присутствовавшихъ на утреннемъ богослуженіи бывалъ обыкновенно неполонъ и состоялъ изъ сюртука, застегнутаго на всѣ пуговицы, изъ панталонъ, туфель или спальныхъ сапоговъ и стихаря, накинутаго сверху.

Каждый въ коллегіи причащался разъ въ мѣсяцъ; кто не исполнялъ этого, на того начальники смотрѣли неблагоклонно и съ предубѣжденіемъ. Послѣ утренняго богослуженія завтракаютъ по своимъ комнатамъ. Время между девятью и часомъ посвящено урокамъ». Послѣ этого студентъ дѣлался хозяиномъ своего времени, но обязанъ былъ въ извѣстный часъ явиться къ обѣду въ общую столовую.

Въ огромной залѣ тянется множество длинныхъ столовъ; тутъ-же въ одномъ концѣ ея обыкновенно устроено возвышеніе въ 20 футовъ шириною — это «высокій столъ». Каждый столъ имѣетъ свое назначеніе: одинъ для своекоштныхъ, другой для стипендіатовъ, для бакалавровъ и т. д. Крайній къ двери назначается для новичковъ. Обѣдъ проходитъ, хотя и не въ полномъ молчаніи, но сдержанно. Однако и тутъ можно замѣтить ту или другую черту оригинальной университетской жизни. Новичекъ живо заговорилъ съ своимъ сосѣдомъ, сначала что-то очень оживленно ему рассказывалъ, а потомъ обратился къ нему съ вопросомъ. Сосѣдъ слушалъ его, нѣсколько сконфузившись, но когда новичекъ сдѣлалъ ему вопросъ, онъ пристально, долго смотрѣлъ ему въ глаза и, не издавъ ни звука, снова началъ ѣсть, какъ ни въ чемъ не бывало. Оказалось, что новичекъ, по закону приличій университета, не долженъ былъ первый начать разговаривать. Нигдѣ такъ строго, какъ здѣсь, не соблюдаютъ этикета. По студенческимъ правиламъ, кто желаетъ познакомиться съ новичкомъ, самъ первый придетъ къ нему, предложитъ ему прогуляться съ нимъ или выпить рюмку вина у него въ комнатѣ послѣ общаго обѣда.

Послѣ обѣда студенты обыкновенно катаются въ лодкѣ въ компаніи или въ одиночку, гуляютъ за городомъ, ѣздятъ верхомъ и занимаются всевозможными гимнастическими упражненіями, свойственными англичанамъ. Въ пять минутъ десятого начинаютъ ударять въ большой колоколъ Христовой церкви, отсчитывая ровно сто одинъ ударъ по числу основателей этой коллегіи. Этотъ звонъ разносится очень далеко, и при первомъ его звукѣ всѣ бросаются въ коллегію и на свои квартиры. Кто изъ студентовъ возвращается позже послѣдняго удара, тотъ платитъ небольшой штрафъ, который возрастаетъ съ каждымъ просроченнымъ часомъ; того же, кто возвращается въ коллегію послѣ двѣнадцати часовъ ночи, отсылаютъ къ декану, который дѣлаетъ ему выговоръ, но если онъ такимъ образомъ опаздываетъ уже нѣсколько разъ, то его наказываютъ тѣмъ, что запрещаютъ въ продолженіи двухъ или трехъ недѣль выходить за коллегіальныя ворота послѣ девяти часовъ. Если студентъ опаздываетъ уже много разъ, то ему воспрещаютъ выходить за ворота послѣ пяти часовъ пополудни и такимъ образомъ наказываютъ его «затворничествомъ» на мѣсяць, а иногда и на два.

Всѣ студенты вообще проводятъ время чрезвычайно весело: послѣ обѣда вы видите по лугамъ кучки молодыхъ людей, которые занимаются игрою въ крикетъ. У берега толпится множество молодежи; одни смотрятъ на катающихся, другіе вскакиваютъ въ лодку, начинаютъ грести съ необыкновенной ловкостью, силою и искусствомъ и затѣмъ вдругъ нарочно перевертываютъ лодку вверхъ дномъ, пускаются вплавъ, выдѣлывая въ водѣ разныя штуки руками и ногами. Не проходитъ недѣли, чтобы нѣсколько товарищей не уговорились отправиться на охоту или не устроили бы катанья за городомъ. По дорогѣ, въ одной изъ гостинницъ, они заказываютъ себѣ обѣдъ, пьютъ много тостовъ и только стараются въ назначенный часъ возвратиться въ стѣны коллегіи.

Самымъ большимъ и радостнымъ праздникомъ не только въ университетѣ, но и во всемъ городѣ, бываетъ *лодочная гонка*. Гонка совершается по вечерамъ и продолжается нѣсколько дней къ ряду: одна лодка помѣщается сзади другой въ совершенно равномъ другъ отъ друга разстояніи. Главная задача состязанія состоитъ въ томъ, чтобы первой лодкѣ удержать за собою свое мѣсто. Но каждая старается стать вмѣсто нея и такимъ образомъ перегнать ее. Призовъ при этомъ никакихъ не назначается. Честь и слава считаются достаточнымъ вознагражденіемъ за всѣ усилія. Нечего и говорить, что за долго до состязанія въ городѣ только и разговоровъ, что о будущемъ праздникѣ. Берега рѣки, на всемъ ея протяженіи, назначенномъ для гонки, бываютъ покрыты зрителями.

Послѣ гонки любимый праздникъ студентовъ «годовой университетскій праздникъ». Только въ этотъ праздникъ допускаются въ стѣны университета женщины, и тогда все необыкновенно оживляется. Въ этотъ день оксфордскій университетъ раздаетъ почетныя степени разнымъ лицамъ, отличившимся на различныхъ поприщахъ. Въ сонмѣ этихъ избранныхъ красуются имена мужей науки, доблестныхъ воиновъ, великихъ поэтовъ и знаменитыхъ государственныхъ людей. Для студентовъ этотъ праздникъ нѣчто въ родѣ сатурналіи. Имъ дается полная свобода, и они имѣютъ право высказывать въ этотъ день своимъ начальникамъ все, что имъ вздумается.

Входъ въ театръ, гдѣ раздаются эти почетныя степени, задолго до начала бываетъ осажденъ огромною толпою. Когда двери для входа распахнутся, давка бываетъ такъ сильна, что студенты падаютъ. Въ этотъ день они помѣщаются въ театрѣ на хорахъ.

«Старый Шельдонскій театръ представляетъ прекрасное зрѣлище, когда публика сидитъ по мѣстамъ и наступитъ время для начала акта. Вице-канцлеръ занимаетъ видное мѣсто; прокторы и пропрокторы стоятъ по обѣ его стороны, а онъ сидитъ по-

среди ихъ со всею гордостью и важностью самодержавнаго монарха. Доктора въ своихъ роскошныхъ красныхъ мантияхъ располагаются направо и налево отъ него длинною дугою, напоминая придворныхъ. Дамы въ самыхъ богатыхъ нарядахъ размѣщаются позади докторовъ». Театръ весь полонъ народомъ. Надъ сценою устроена галлерей, въ которой помѣщенъ органъ.

Публика и студенты собираются раньше высшаго начальства. Въ этотъ, иногда довольно длинный, промежутокъ, студенты начинаютъ забавлять публику. «Кто-нибудь изъ нихъ кричитъ: «троекратное ура въ честь такого-то министра, профессора, ученаго или поэта». Если имя популярно и вызываетъ симпатію большинства студентовъ, начинается неистовое выкрикиваніе «троекратнаго ура», аплодисменты, топанье ногами; личность, не пользующаяся сочувствіемъ, вызываетъ свистки и шиканье. Такимъ образомъ они нерѣдко перебираютъ весьма многихъ государственныхъ людей и своимъ свистомъ и аплодисментами выражаютъ свои политическіе взгляды. Потомъ начинаются ура болѣе интимныя: въ честь «дамъ въ розовыхъ шляпкахъ», въ честь «дамъ въ голубыхъ шляпкахъ», въ честь «голубоглазыхъ ангеловъ», въ честь «волнистыхъ кудрей» и т. п. до безконечности. Дамы смѣются и раскланиваются. Въ эти минуты со стороны студентовъ слышенъ громъ неистовыхъ рукоплесканій и еще болѣе неистовые ура. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока звуки органа не возвѣстятъ о приходѣ университетскихъ сановниковъ. Тутъ произносится небольшая латинская рѣчь, и лица, избранныя къ возведенію въ почетную степень представляются вице-канцлеру чрезъ публичнаго оратора, обязаннаго въ латинской рѣчи излагать ихъ достоинства и заслуги, вслѣдствіе которыхъ оказывается имъ почетъ отъ университета. Людей особенно извѣстныхъ студенты встрѣчаютъ при этомъ самыми шумными привѣтствіями. По окончаніи раздачи степеней начинается чтеніе сочиненій, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ, написанныхъ на призъ.

Кромѣ празднествъ, такъ сказать, установленныхъ университетомъ, студенты сами задаютъ себѣ празднества и пирушки. Каждый студентъ, когда онъ выдержалъ успѣшно экзаменъ, — считаетъ своимъ долгомъ задать пиръ товарищамъ. На этихъ пирушкахъ вино льется рѣкой, и послѣ нихъ разогрѣтая винными парами молодежь нерѣдко предпринимаетъ всевозможныя проказы. Бывали случаи, когда веселая компанія съ гикомъ и шумомъ врывается черезъ окно, а нерѣдко и выламывала дверь въ комнату товарищей и принималась, какъ говорятъ тамошніе студенты, за «сѣноворошеніе», т. е. просто на просто — переворачивать вверхъ дномъ всѣ пожитки. При этомъ происходятъ обыкновенно и драки. Случается, что такимъ образомъ добираются и до начальства. На другой день происходитъ расправа. Допрашиваютъ по одиночкѣ всѣхъ пострадавшихъ и затѣмъ не пострадавшихъ; но это дѣлается для проформы, такъ какъ здѣсь никто не выдастъ товарища, даже и сильно пострадавши отъ его проказъ; мало того: не выгородить виновнаго всѣми силами считается здѣсь такимъ позоромъ, котораго не смоешь потомъ никакими заслугами. Начальство дѣлаетъ самый тщательный обыскъ: у кого найдутъ улики, того, смотря по тяжести преступленія, исключаютъ изъ университета на время или совсѣмъ.

Городскіе торговцы играютъ чрезвычайно важную роль не только въ университетской жизни студента, но часто даже имѣютъ огромное вліяніе на его судьбу. Пріѣхавъ новичекъ въ университетъ и послалъ зачѣмъ нибудь въ лавочку: все присылается ему немедленно самаго лучшаго достоинства, а также и множество того, чего онъ не просилъ, только для того, чтобы онъ взглянулъ, чтобы познакомился съ товаромъ. Когда студентъ спрашиваетъ о цѣнѣ, ему отвѣчаютъ, чтобы онъ не беспокоился: «миѣ бы было очень пріятно, сэръ», говоритъ торговецъ, «услужить вамъ, не считается на пер-

выхъ порахъ въ мелочахъ и, если позволите, записать это на вашъ счетъ въ книгу.... но если вамъ хочется непременно платить, я представлю вамъ счетъ черезъ два, три дня». Между тѣмъ на другой день студентъ опять посылаетъ зачѣмъ нибудь къ торговцу, черезъ два дня счетъ забываютъ представить, просятъ еще подождать денъка два, а затѣмъ даже самый аккуратный студентъ махнетъ на все рукой, забираетъ разныя вещи у различныхъ торговцевъ, не платя никогда ни за что, и только передъ послѣдними экзаменами ему подають ужасный счетъ, отъ котораго онъ блѣднѣетъ и дрожить. Мало того, что это на первыхъ же порахъ нерѣдко совсѣмъ портитъ его будущность, но это даже и въ данную минуту можетъ лишить его возможности получить ученую степень, изъ за которой онъ бился столько лѣтъ.

Каждый торговецъ, которому долженъ студентъ, имѣетъ возможность, если только этого пожелаетъ, за долги лишить его ученой степени. Нужно однако замѣтить, что этимъ правомъ онъ рѣдко пользуется, такъ какъ этотъ поступокъ былъ бы извѣстенъ въ университетъ и студенты старались бы обходить его магазинъ. Да въ этомъ торговецъ и рѣдко нуждается: студентъ въ это время вполне въ его рукахъ и соглашается на все предложенныя ему условія. Но, если купецъ по чему либо боится выпустить изъ рукъ большой кушъ (сумма обыкновенно возрастаетъ до большой цифры не только оттого, что студенты, не платя денегъ, увлекаются, берутъ и нужное, и ненужное, но и потому, что эти вампиры безъ церемоніи записываютъ лишнее и при этомъ еще берутъ съ нихъ огромные проценты), тогда онъ поступаетъ слѣдующимъ образомъ: когда перечитываются имена всѣхъ лицъ, которыхъ предположено возвести въ степень, прокторъ ходитъ по залѣ взадъ и впередъ. (Этотъ курьезный старинный обычай каждый разъ совершается съ одинаковою торжественностью и въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени). При этомъ торговецъ, который желаетъ сдѣлать препятствіе студенту въ полученіи ученой степени, долженъ подойти къ проктору и въ ту минуту, когда онъ произнесетъ имя его должника, «рвануть» его за рукавъ, и студентъ не получитъ ученой степени. Отъ этого стариннаго обычая происходитъ слово «rиск—оборванный», при-мѣняемое къ тѣмъ изъ студентовъ, которые не выдержали экзамена или почему нибудь не получили степени.

Университетское начальство имѣетъ возможность положить конецъ чрезмѣрному кредиту студента; но оно рѣдко вмѣшивается въ это дѣло. Какъ ни страдают студенты отъ своихъ торговцевъ, но они стараются всѣми силами не допускать университетскихъ властей вмѣшиваться въ ихъ дѣла, они вооружаются противъ этого, какъ противъ посягательства на свободу.

Самая характерная черта Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ та, что они служатъ сборнымъ пунктомъ аристократической, богатой молодежи. Разбогатѣвшіе люди высшаго сословія отправляютъ сыновей своихъ туда единственно для того, чтобы сдѣлать блестящія связи. Многіе родители знаютъ, что на будущій годъ, когда они свезутъ своего сына въ университетъ, туда долженъ поступить NN, съ которымъ они и хотятъ свести своего сына. И вотъ юношѣ, раньше чѣмъ онъ вступаетъ въ «храмъ науки», дѣлають внушеніе, которое пятнаетъ его душу, развращаетъ его мечты. Однако, поступивъ въ университетъ, онъ скоро самъ соглашается съ мнѣніемъ своихъ родителей. «Прислуживаніе, страсть къ комфортабельной обстановкѣ и роскошной жизни», говоритъ одинъ англійскій ученый, — «вотъ пороки нашихъ университетовъ, наиболѣе распространенные и наиболѣе постыдные». Устройство коллегій и множество правилъ способствуютъ развитію этихъ пороковъ. Если-бы здѣшніе студенты жили такъ, какъ въ другихъ европейскихъ университетахъ, т. е., гдѣ и какъ имъ захочется жить, и собирались бы въ стѣны университета только для того, чтобы слушать лекціи, — различіе

состояній не бросалось бы такъ въ глаза. Тутъ совсѣмъ другое: студенты постоянно живутъ всѣ вмѣстѣ, между тѣмъ существуетъ страшное различіе въ ихъ жизни, въ ихъ обстановкѣ и въ ихъ отношеніяхъ между собой. Многіе изъ своекоштныхъ студентовъ тратятъ на свои карманные расходы до 4-хъ тысячъ рублей въ годъ на наши деньги, къ тому же все болѣе цѣнное, какъ напр.: платье, обувь, вина, сигары, они берутъ у торговцевъ въ кредитъ. Къ студенту извѣстной фамиліи, къ сыну вліятельныхъ родителей товарищи относятся совсѣмъ иначе, чѣмъ къ тому, родители котораго не имѣютъ никакого значенія въ обществѣ. Правда, когда самый родовитый студентъ подружился съ юношею, неимѣющимъ блистательной генеалогіи, они становятся совершенно на равную ногу; но у каждого помимо друзей есть множество знакомыхъ, и въ отношеніи къ нимъ существуетъ не мало самыхъ тонкихъ оттѣнковъ. Точно также, чѣмъ болѣе денегъ можетъ тратить студентъ, тѣмъ болѣе видную роль онъ играетъ, и каждый старается перещеголять товарища богато убранными комнатами, лошадьми, пирушками. «На своихъ пикникахъ они пьютъ ликеры по гиней за бутылку, курятъ сигары по пяти гиней за фунтъ; они угощаютъ другъ друга ананасами, самыми дорогими сладостями и винами. Они ѣздятъ въ дорогихъ экипажахъ, сѣютъ деньги во всѣхъ гостинницахъ Оксфорда, охотятся, играютъ на билліардѣ до той минуты, когда раздастся призывный колоколь, а затѣмъ, когда затворяются за ними двери коллегіи, они готовятъ въ своихъ комнатахъ пуншъ, который сваливаетъ ихъ съ ногъ. Множество бѣдняковъ, живущихъ стипендіями, впервые только здѣсь получаютъ понятіе о роскоши и полной наслажденіи жизни богача. И вотъ уже тутъ, въ храмъ науки, бѣдный юноша начинаетъ чувствовать свое разстояніе отъ богатаго, начинаетъ завидовать, и какой-то демонъ, чаще чѣмъ въ свѣтѣ, нашептываетъ ему, что бѣдность позоръ для англичанина».

Издержки студента, живущаго самымъ умѣреннымъ образомъ, простираются до 250 ф. ст. (около 1,500 рубл. на наши деньги), но такіе чувствуютъ здѣсь себя самыми несчастными и, если они не прислуживаютъ и не лакействуютъ передъ богатыми, то тѣ рѣдко примутъ ихъ въ свой кружокъ.

Несмотря на свою привычку хорошо поѣсть, комфортабельно обставиться и весело проводить время, англійскіе студенты все-таки не такъ развращены, какъ богатые юноши въ другихъ европейскихъ городахъ: ихъ спасаетъ ранняя любовь и ранній бракъ. Они влюбляются юношами, нерѣдко двадцати лѣтъ, и, вступая въ университетъ, очень часто даютъ слово дѣвушкѣ помнить ее, а это считается не менѣе серьезнымъ, чѣмъ у насъ сдѣлать предложеніе; затѣмъ, по окончаніи курса, тотчасъ женятся. Безкорыстная страсть юноши—самая свѣтлая сторона здѣшней молодежи, и она во время студенческой жизни много поддерживаетъ его и не даетъ окончательно погрязнуть въ студенческомъ омутѣ. Не малой поддержкой въ нравственномъ отношеніи служитъ также пристрастіе студентовъ къ физическимъ движеніямъ. Въ этомъ отношеніи университетъ продолжаетъ школу.

ДУХОВЕНСТВО.

Внѣшняя обстановка сельскаго священника.—Жизнь священника, его привычки, отношеніе къ окружающимъ и его общественное положеніе.—Церковь и церковная служба.—Клубы и удовольствія, устраиваемые священниками для поселянъ.

Англійское село имѣетъ свою особенную фізіономію: здѣсь живутъ не одни только земледѣльцы, но и представители другихъ классовъ общества. Англійскій аристократъ, хотя и ведетъ дѣловую, политическую жизнь, но не совсѣмъ пріурочиваетъ себя къ столицѣ;

онъ постоянно живетъ въ деревнѣ, въ столицу же или городъ уѣзжаетъ только на время по дѣламъ. Отъ этого въ каждомъ англійскомъ селѣ, по сосѣдству съ нищенскими крестьянскими домиками, возвышаются богатые дома зажиточныхъ людей и замки аристократовъ. Тутъ же недалеко, обыкновенно на самомъ возвышенномъ мѣстѣ близъ церкви, стоитъ домъ священника, почти всегда окруженный оградой и садомъ. Домъ этотъ по большей части въ два этажа, всегда убранъ очень чисто и комфортабельно, а нерѣдко и съ большою роскошью. Въ немъ не только есть мѣсто каждому члену большой семьи пастора, но найдется и уютная гостинная для пріема и отдѣльная комната для запоздалаго пріятеля. Дверь дома, противоположная фасаду, выходитъ въ садъ, за которымъ лежитъ лугъ, принадлежащій церкви, и тамъ пасутся овцы священника.

Домъ священника не собственность хозяина, а остался ему отъ его предшественника, который до него занималъ его мѣсто. Въ свою очередь онъ передастъ этотъ домъ своему преемнику, когда оставитъ свою должность. Это заставляетъ священниковъ въ необыкновенномъ порядкѣ содержать свои дома. Преемникъ имѣетъ право взыскать по суду съ предшественника или даже съ его наслѣдниковъ сумму, необходимую на поправку дома, которую тотъ долженъ былъ сдѣлать, но не сдѣлалъ по небрежности.

Всякій молодой человѣкъ, который хочетъ посвятить себя церковному служенію, проходитъ курсъ въ какомъ нибудь англійскомъ университетѣ и долженъ получить въ немъ по крайней мѣрѣ степень бакалавра словеснымъ наукъ. Такимъ образомъ хорошее классическое образованіе считается необходимымъ въ Англии и для священника. Университетское воспитаніе приноситъ священнику много пользы. Молодые люди, которые думаютъ посвятить себя духовному званію, представляютъ въ университетѣ не замкнутое сословіе, а живутъ и воспитываются одинаково со всѣми. Никто не принуждаетъ молодаго человѣка выбирать духовную карьеру: онъ останавливается на ней совершенно свободно, по своей склонности. Вслѣдствіе этого англійское духовенство не представляетъ какой нибудь исключительной, замкнутой касты: молодые священники считаются людьми, получившими наилучшее университетское образованіе; множество экзаменовъ, которые имъ пришлось сдавать, усиленные занятія, настойчивость и твердость, при которыхъ они только и могутъ добиться сана священника, свободный выборъ своей профессіи, ихъ родство и связи, нерѣдко съ самыми аристократическими фамиліями страны, — все это даетъ имъ полное право являться въ самомъ лучшемъ, избранномъ обществѣ и принимать его у себя. Къ тому же онъ можетъ привлечь къ себѣ сердца своимъ краснорѣчіемъ, своею религіозною ревностью, своею дѣятельностію на пользу народа и его образованія. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ духовенство въ Англии пользуется большимъ вліяніемъ и уваженіемъ. Жизнь, которую ведетъ англиканское духовенство, ничѣмъ не отличается отъ жизни свѣтскихъ людей. Такъ какъ бракъ имъ дозволяется, то въ обществѣ они, точно также какъ и всѣ молодые люди, ухаживаютъ за дѣвушками, танцуютъ и нерѣдко женятся на очень знатныхъ и богатыхъ. Черезъ подобные браки часть богатствъ высшихъ классовъ переходитъ въ руки священниковъ.

Если вы охотникъ и вамъ случится когда нибудь присутствовать на одной изъ великолѣпныхъ охотъ за лисицами, составляющихъ славу Англии, вы непременно встрѣтите тамъ какое нибудь духовное лицо, въ полномъ охотничьемъ вооруженіи, въ сапогахъ со шпорами и съ ножомъ на боку. Въ такіе часы, когда пасторъ вдругъ узнаетъ, что онъ можетъ опоздать къ богослуженію, онъ, не стѣняясь, надѣваетъ сверхъ охотничьяго платья свое длинное одѣяніе и идетъ проповѣдывать съ кафедры. Въ Гайдъ-паркѣ, въ тѣ часы, когда въ него со всѣхъ концовъ столицы стекаются блестящія амазонки, вы увидите и множество духовныхъ лицъ, любезно служащихъ дамамъ, поможая имъ садиться въ сѣдло.

Такая жизнь, ничѣмъ не отличающаяся отъ жизни свѣтскихъ людей, нерѣдко подвергаетъ духовныхъ лицъ столкновеніямъ съ правосудіемъ. Конечно, при ихъ образованіи и видномъ положеніи въ обществѣ, это случается рѣдко, тѣмъ не менѣе было не мало случаевъ, когда духовное лицо вызывали въ судъ по обвиненію за нарушеніе обѣщанія жениться, или за поступки совершенные въ пьяномъ видѣ и т. под.

Доходы англійскаго духовенства заключаются въ десятинахъ, въ платѣ за исправленіе церковныхъ требъ, въ платѣ за мѣста въ церкви и въ сборахъ, которые въ извѣстныхъ церквахъ дѣлаются послѣ пасхи. Всѣ эти доходы чрезвычайно различны въ различныхъ приходахъ. Есть приходы, которые дають священнику не менѣе 7 тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ, другіе 4 тысячи фунтовъ, 3 тысячи; а есть и такіе, гдѣ получаютъ не болѣе 50 фунтовъ. Во всякомъ случаѣ самый большой доходъ — это «десятины», т. е. десятая часть доходовъ съ поземельной собственности. Прежде налогъ этотъ брали натурою, теперь онъ собирается деньгами. Пасхальныя приношенія состоятъ въ слѣдующемъ: каждый годъ въ Пасху приходскій клеркъ (въ родѣ нашего причетника) отправляется по домамъ зажиточныхъ людей съ книжкою отъ священника, въ которую каждый вписываетъ сумму, которую онъ желаетъ пожертвовать на содержаніе священника. За исполненіе церковныхъ требъ священникъ получаетъ немного: за совершеніе таинства крещенія въ церкви не полагается никакого вознагражденія; точно также и причащающійся въ церкви не обязанъ платить ни на церковь, ни на священника, — каждый кладетъ въ кружку, что онъ пожелаетъ; тѣмъ не менѣе и этотъ сборъ принадлежитъ священнику. Многія семейства платятъ за мѣсто въ церкви отъ 10 до 12 фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Англичане и въ церкви хотятъ быть у себя дома, но черезъ это нерѣдко вытѣсняють изъ нея людей бѣдныхъ. Оттого-то при построеніи новыхъ церквей обыкновенно назначаютъ 100 мѣстъ для бѣдныхъ, безъ всякой съ ихъ стороны платы. Доходъ за сидѣнье въ церкви тоже идетъ, какъ мы сказали выше, въ пользу священника.

Какъ-бы много ни получалъ священникъ, ему рѣдко удастся что нибудь скопить. Это происходитъ и отъ привычки англичанина жить широко и много тратить, а также и потому, что ему приходится участвовать въ подпискахъ, помогать бѣднымъ своего прихода, очень много тратить на поддержку своего дома, на приличную, комфортабельную обстановку, которая имѣетъ такую цѣну въ глазахъ всякаго англичанина, на воспитаніе и образованіе своихъ дѣтей. Жена его и дѣти должны быть всегда хорошо одѣты, содержаться, какъ благовоспитанныя дѣти благородныхъ фамилій. Что касается самого священника, онъ обязанъ носить бѣлый галстухъ и костюмъ изъ тонкаго сукна, однимъ словомъ, долженъ имѣть почтенную важность «человѣка церкви».

Англійскій законъ запрещаетъ священнику заниматься торговлей, но вмѣсто этого ему дозволяется арендовать на семилѣтній срокъ землю, въ количествѣ 80 - ти акровъ. Такимъ образомъ въ Англій не рѣдкость встрѣтить священника, который въ то же время и фермеръ. Нѣкоторые изъ нихъ увеличиваютъ свой доходъ, принимая къ себѣ пансіонеровъ для обученія. Очень многіе не мало зарабатываютъ литературой. Бѣдныхъ священниковъ въ Англій гораздо меньше, чѣмъ богатыхъ, и какъ бы священникъ ни былъ бѣденъ, онъ непремѣнно старается, чтобы его дѣти получили университетское образованіе. Многіе изъ нихъ сами занимаются древними языками съ своими дочерьми, и тѣ нерѣдко помогаютъ отцу и увеличиваютъ его заработокъ своими переводами. Каждый священникъ помнитъ, что его окружающіе, прежде всего, ищутъ примѣра какъ въ его семейной жизни, такъ и въ общественной, и онъ старается устроить свою жизнь такъ, чтобы она дѣйствительно могла служить примѣромъ. Самый домъ священника долженъ отличаться безукоризненной чистотой и порядкомъ, потому что религіозныя обязанности,

по понятіямъ англичанина, начинаются съ жизни домашней. Уже по одному этому священникъ долженъ быть женатъ, — какой же примѣръ семейной добродѣтели можетъ показать холостой. Для англійскаго священника нѣтъ никакихъ мелочей въ семейной жизни, которыя бы онъ могъ оставить безъ вниманія. Время и занятія у него строго распредѣлены: въ 8 часовъ утра колоколъ звонитъ къ завтраку. Прежде чѣмъ сѣсть за столъ, священникъ читаетъ на колѣняхъ молитву, при которой присутствуетъ все его семейство и прислуга. Все утро онъ или работаетъ въ своемъ кабинетѣ, или посѣщаетъ больныхъ. Въ круглой шляпѣ, съ палкою въ рукахъ, онъ медленно пробирается между изгородями; кто бы ему ни встрѣтился на дорогѣ, всѣ ему кланяются, всѣхъ онъ знаетъ, со всѣми заговариваетъ: онъ знаетъ положеніе каждаго члена семейства своей паствы, ихъ взаимныя отношенія, ихъ недостатки, горе и радости. Встрѣтивъ одну женщину, онъ журитъ ее, что она долго не посылала своего сына въ школу, другой даетъ совѣтъ, чѣмъ облегчить недугъ старухи-матери. Такимъ же уваженіемъ, такимъ же нравственнымъ вліяніемъ пользуется священникъ и въ высшихъ слояхъ общества. Вотъ онъ встрѣтился съ молодой дѣвушкой, богато-одѣтой: она наслѣдница большихъ помѣстій. Священникъ радушно раскланивается съ ней и подробно спрашиваетъ ее, чѣмъ она занимается, какъ проводитъ свое время. Незамѣтно для нея онъ заинтересовываетъ ее судьбой той или другой заброшенной, бѣдной школы, проситъ ее удѣлить часть, другой свободнаго времени для занятій съ бѣдными дѣтьми. Разъ дѣвушка выразила свое желаніе заниматься, и онъ уже черезъ полъ часа шагаетъ къ ней съ листомъ въ рукахъ, чтобы она записала дни и часы, которые она можетъ посвящать школѣ.

Въ часъ полудни второй завтракъ, къ которому собирается все семейство пастора; тутъ опять молитва передъ ѣдой и послѣ нея. Послѣполуденное время священникъ отдаетъ визитамъ или какимъ-нибудь дѣламъ по приходу. За полъ часа до обѣда, который бываетъ въ 6 часовъ, все семейство священника расходится по своимъ комнатамъ, чтобы переодѣться. Колоколъ звонитъ къ обѣду, всѣ сходятся въ столовую, гдѣ обыкновенно уже нѣсколько постороннихъ посѣтителей, приглашенныхъ къ обѣду. Послѣ обѣда всѣ отправляются пить чай, и въ это время одна изъ дочерей пастора поетъ или играетъ на фортепяно. Въ 11 часовъ священникъ, прочитавъ вечернюю молитву въ присутствіи всей семьи, прощается со всѣми, и всѣ расходятся по своимъ комнатамъ. У нѣкоторыхъ священниковъ есть обычай назначать для приѣма гостей особые дни: одинъ разъ въ недѣлю они приглашаютъ рабочихъ своего прихода, въ другой — фермеровъ. Но есть не мало удовольствій и праздниковъ, въ которыхъ одинаково принимаютъ участіе, какъ деревенскіе богачи и знать, такъ и простой людъ; и этому сближенію высшаго общества съ нисшимъ болѣе всего помогаютъ священники.

Жена священника также имѣетъ огромное вліяніе на окружающихъ и старается подавать примѣръ дѣятельнаго участія въ общественной жизни. Она обыкновенно держитъ школу для бѣдныхъ дѣтей, въ которой сама преподаетъ, разсылаетъ вино и кушанье внезапно занемогшимъ, учитъ дѣвочекъ женскимъ рукодѣліямъ, приучаетъ ихъ къ кухнѣ. Вы нерѣдко здѣсь встрѣтите жену священника, которая черезъ каждые полгода, много черезъ годъ мѣняетъ прислугу. Это происходитъ не отъ сварливости хозяйки, а отъ того, что она набираетъ сразу по двѣ, по три молодыхъ дѣвушки, приучаетъ ихъ къ порядку и къ умѣнью справиться со всякимъ домашнимъ дѣломъ, а за тѣмъ сама же старается приискывать имъ хорошее мѣсто, согласно съ ихъ наклонностями. Послѣ этого она опять беретъ себѣ новую прислугу, а побывшія у нея дѣвушки никогда не останутся безъ мѣста: всѣ въ сосѣдствѣ наперерывъ стараются зазвать ихъ къ себѣ, такъ какъ увѣрены, что дѣвушка, пожившая въ семьѣ священника, хорошей нравственности и приучена къ дѣлу. Въ тоже время сами дѣвушки стараются отличиться своею чистотою и

порядочностью, чтобы их приняла къ себѣ пасторша, такъ какъ только такихъ она и беретъ къ себѣ.

Въ Воскресенье, въ 10 часовъ утра, раздастся церковный благовѣсть, призывающій прихожанъ къ церковной службѣ. Въ церковной оградѣ, гдѣ находится и кладбище, не видно крестовъ, а одни надгробные камни, большею частію поставленные стоймя въ 2, 3 фута вышиною. Въ этотъ день тутъ обыкновенно группами стоитъ по праздничному одѣтый сельскій людъ и толкуеть о своихъ дѣлахъ. Священникъ проходитъ черезъ кладбище въ церковь, останавливается на минуту между знакомыми и спрашиваетъ, почему не пришли ихъ братья и сестры. Онъ никогда не дѣлаетъ выговора за неакуратное посѣщеніе церкви, но старается удвоить свое вниманіе къ непришедшему, заходитъ самъ послѣ службы къ нему на домъ узнать о причинѣ и такимъ образомъ невольно возбуждаетъ рвеніе въ тѣхъ, у кого оно начинаетъ ослабѣвать. Въ одномъ приходѣ былъ сквайръ, который никогда не ходилъ въ церковь; однажды священникъ предложилъ ему молиться за него цѣлому собранію прихожанъ. «Для чего?» спрашиваетъ удивленный джентльменъ. «Потому что вы никогда не молитесь за себя, и съ вами можетъ случиться какое-нибудь несчастіе», отвѣчалъ ему священникъ.

Но вотъ главный входъ въ церковь открывается. Внутренность англійской церкви отличается необыкновенною простотою. Англичане не вѣшаютъ въ своихъ церквахъ образовъ и священныхъ изображеній. Церковь наполнена скамейками, которыя впрочемъ поставлены лицомъ не къ алтарю, какъ въ церквахъ католическихъ, а къ кафедрѣ, находящейся сбоку. Это прямой признакъ, что вся сущность богослуженія — въ проповѣди.

Одѣтый въ длинный, бѣлый, съ тысячами рукавами стихарь, священникъ всходитъ на кафедру и начинается богослуженіе. Время отъ времени, подъ сводами церкви раздается пѣніе церковныхъ пѣсней подъ аккомпаниментъ органа. Въ известную минуту священникъ сходитъ съ кафедры и направляется въ глубину церкви, къ алтарю, гдѣ онъ прочитываетъ заповѣди и символъ апостольскій, который обыкновенно тутъ же на стѣнѣ написанъ золотыми буквами, вмѣсто всякихъ священныхъ изображеній.

Англійскіе священники стараются поддерживать и развивать клубы въ деревняхъ. Эти сельскіе клубы устраиваются здѣсь съ цѣлью побудить бѣдняка къ сбереженіямъ, обезпечивая ему скорый и вѣрный барышъ. Каждый изъ этихъ клубовъ состоитъ изъ членовъ почетныхъ и членовъ дѣйствительныхъ. Первые, обыкновенно люди богатые, вносятъ къ кассу клуба опредѣленную сумму, которую они жертвуютъ въ собственность клуба, а проценты съ капитала предоставляютъ на его нужды; дѣйствительные члены тѣ, которые вносятъ по нѣскольку копѣекъ еженедѣльно. Въ концѣ года вся собранная сумма раздѣляется между дѣйствительными членами, соразмѣрно количеству ихъ вкладовъ. Такъ напр. если работникъ круглымъ числомъ вносилъ по пяти коп. въ недѣлю, то къ концу года взносъ его дойдетъ до 2 р. 60 коп., которые онъ и получитъ, приобретаая сверхъ того отъ 1 р. 25 к. до 2 р. 50 к., смотря потому, какъ богаты и щедры сосѣднія семейства, вписавшіяся въ число почетныхъ членовъ. Такимъ образомъ помогаютъ бѣдняку, не оскорбляя его человѣческаго достоинства. Есть клубы «каменнаго угля», «клубъ для одежды», «клубъ для больныхъ», «клубъ для обуви» и т. п. Эти клубы представляютъ поселянамъ чрезвычайныя выгоды: покупая оптомъ и по сходной цѣнѣ, клубъ продаетъ различные предметы первой необходимости своимъ членамъ гораздо дешевле, чѣмъ они могутъ получить ихъ въ лавкѣ. Такимъ образомъ поселяне получаютъ по сходной цѣнѣ и гораздо лучшаго качества каменный уголь, обувь, одежду. Самая существенная польза этихъ клубовъ въ томъ, что они развиваютъ въ рабочемъ и земледѣльческомъ классѣ привычку къ порядку и экономіи. Правительство не вмѣшивается въ эти клубы, и они устраиваются совершенно такъ, какъ того пожелаютъ жители каждаго села. Богѣе

всѣхъ дѣятельное участіе тутъ принимаетъ священникъ. Онъ, зная нужды своихъ прихожанъ, совѣтуетъ имъ устроить тотъ или другой клубъ. Они долго толкуютъ между собою по этому поводу, сообщаютъ священнику, который немедленно отправляется въ знакомыя семейства фермеровъ и аристократовъ, говорить о желаніи народа, краснорѣчиво излагаетъ, какую пользу можетъ принести такое новое общество и наконецъ склоняетъ ихъ принять участіе въ подпискѣ на новый клубъ. Не смотря однако на видную роль, которую онъ играетъ при учрежденіи этихъ клубовъ, все управленіе дѣлами священникъ предоставляетъ бѣднякамъ, подавая имъ отъ времени до времени совѣты, какъ вести дѣло. Священникъ твердо помнитъ взглядъ своихъ соотечественниковъ на всякое общественное дѣло, что оно тогда только приноситъ пользу, когда въ немъ самое дѣятельное участіе принимаютъ заинтересованныя стороны, когда весь ходъ дѣла и его устройство можетъ считаться плодомъ ихъ собственныхъ трудовъ и усилій. Зная, какъ народъ любитъ чай, сельскіе священники устраиваютъ собраніе въ 200, 300 человекъ, лѣтомъ, въ какой нибудь рошѣ, а зимою въ стѣнахъ зданія школы. Въ этихъ удовольствіяхъ принимаютъ участіе богатые и бѣдные, старые и малые. Цѣль этихъ вечеринокъ — сблизить между собою людей различныхъ классовъ общества. Тутъ всѣ чувствуютъ себя совершенно хорошо, бѣдный не стѣсняется передъ богатымъ, такъ какъ каждый одинаково платитъ за себя. Взносъ за такое удовольствіе доступенъ для каждаго: 6 пенни (около 5-ти коп.) съ большихъ и 3 пенни съ дѣтей. Въ то время, когда чайники съ горячей водою кипятъ и шумятъ, живая бесѣда огромной толпы народа идетъ своимъ чередомъ, и хотя подобныя удовольствія не могутъ, разумѣется, гордому аристократу вселить чувство равенства, но тѣмъ не менѣе даютъ ему возможность ближе знакомиться съ народомъ и узнавать его нужды.

Сельскіе священники обращаютъ вниманіе на всѣ стороны жизни своихъ прихожанъ. Зная потребность народа въ физическихъ упражненіяхъ, священники много содѣйствуютъ тому, чтобы въ деревняхъ все больше и больше распространялись клубы, въ которыхъ бы поселяне выказывали свою силу и ловкость. Такое же дѣятельное участіе они принимаютъ во всѣхъ празднествахъ поселянъ. Во многихъ мѣстахъ приходскіе священники въ то-же время и мировые судьи. Въ одной только Англіи и въ Валлисѣ около 1,200 мировыхъ судей-священниковъ. Это одно уже достаточно показываетъ уваженіе, которымъ пользуется духовенство и громадное вліяніе его на народъ.

Краткій очеркъ образованія англиканской церкви. — Ея отличіе отъ протестанской и католической религій. — Главнѣйшія основы англиканской церкви.

До XVI-го столѣтія англичане исповѣдывали римско-католическую религію. Въ 1529 г. они перестали подчиняться папскому престолу, но еще не перемѣнили религій.

Во всѣхъ странахъ реформація всегда вытекала изъ потребностей всего народа, была дѣломъ религіознаго убѣжденія большинства, а потому и имѣла обыкновенно огромный успѣхъ. Въ Германіи, напримѣръ, вопросъ о реформаціи былъ поднятъ частнымъ лицомъ — Лютеромъ. Въ Англіи напротивъ реформація начата сверху — королемъ, и не столько въ силу религіознаго убѣжденія, сколько вслѣдствіе его личныхъ столкновеній съ папою. Правда, народъ англійскій уже прежде чувствовалъ, какъ обременительны для страны притязанія папъ, такъ какъ злоупотребленій со стороны римскаго престола было весьма много, тѣмъ не менѣе король англійскій Генрихъ VIII первый далъ поводъ къ религіозной реформѣ.

Въ началѣ своего царствованія Генрихъ VIII до того былъ преданъ католичеству,

что написал даже противъ Лютера сочиненіе, за которое папа почтилъ его громкимъ въ то время титуломъ «защитника вѣры». Однако скоро этотъ король изъ жаркаго защитника папы, сдѣлался его злѣйшимъ врагомъ. У Генриха VIII былъ братъ Артуръ, который уже въ 12 лѣтъ былъ обрученъ съ дочерью Арагонскаго короля, Екатериною. Когда Артуру исполнилось 15 лѣтъ, онъ женился, но умеръ въ томъ же году; Генрихъ VIII задумалъ жениться на женѣ брата и, хотя такой бракъ по каноническимъ правиламъ не дозволяется, онъ испросилъ на него согласіе у папы Климента VII. Генрихъ прожилъ покойно 17 лѣтъ съ Екатериною, и въ это время у нихъ родилось пять чело-вѣкъ дѣтей (между ними Марія, впоследствии королева), какъ вдругъ король вздумалъ развестись съ своею супругою Екатериною Арагонскою и жениться на Аннѣ Болейнъ, которая была фрейлиною его жены. Онъ предполагалъ, что и на этотъ разъ ему удастся получить позволеніе папы на такой бракъ. Но папа отказалъ ему, и съ этого времени начинается реформація. Раздраженный отказомъ, англійскій король отложился отъ папы и сдѣлалъ самого себя главою церкви. Архіепископомъ былъ назначенъ Кранмеръ, который во все царствованіе Генриха былъ его послушнымъ орудіемъ. Кранмеръ, по желанію короля, пригласилъ его отказаться отъ «законопреступнаго брака» съ Екатериною и окончателно развестись съ нею. Архіепископъ, разумѣется по предварительному уговору съ королемъ, заявлялъ, что считаетъ бракъ этотъ незаконнымъ, потому что Екатерина была женою его брата. Король торжественно разыгралъ комедію, выказалъ сыновнее послушаніе церкви и пригласилъ архіепископа обсудить и рѣшить это дѣло по закону. Тогда Кранмеръ въ скоромъ времени объявилъ желанный для короля разводъ.

Однако, какъ ни сильно было участіе Генриха VIII въ дѣлѣ реформаціи, но было бы совершенно ошибочно приписывать перемѣну исповѣданія въ Англійи исключительно произволу этого деспота. Желаніе джентри, высшаго класса общества, присвоить себѣ богатые монастырскія имущества, не мало содѣйствовали реформаціи. Кранмеръ, безпрекословно исполнявшій желанія короля въ его брачныхъ дѣлахъ, не сопротивлялся и тутъ, хотя на этотъ разъ дѣло касалось церкви. Задумавъ разграбить монастыри и желая придать дѣлу приличную окраску, правительство отправило по 2 чиновника для ревизіи епархій. Эти чиновники нашли, что жизнь монаховъ и монахинь такъ стѣснительна и несчастна, что «къ славѣ Божіей лучше было бы монастыри упразднить». Мнѣніе этихъ людей, по желанію короля, обращено въ законъ, и 376 монастырей было уничтожено, а имущество ихъ обращено въ собственность короля и его наслѣдниковъ; множество церковныхъ участковъ было роздано высшему сословію.

Такимъ образомъ Генрихъ началъ реформацію безъ прямого участія народа. Отдѣлившись отъ папы, онъ не коснулся другихъ пунктовъ вѣроученія.

Въ 1547 г. вступилъ на престолъ сынъ Генрихъ VIII, Эдуардъ VI, расположенный къ протестантскимъ началамъ. Онъ ограничилъ права католическихъ служителей церкви, между тѣмъ какъ протестанты могли проповѣдывать свое ученіе всюду. Тогда протестанты изъ Германіи стали наводнять Англійю. Въ скоромъ времени были обнародованы 42 члена вѣры въ протестантскомъ духѣ.

Но по смерти Эдуарда на престолъ англійскій вступила Марія, ярая католичка. Она объявила римско-католическую религію господствующею. Протестанты подверглись страшному гоненію: они бросались въ Швейцарію и юго-западную Германію, а тѣ, которые остались на родинѣ, совершали свое богослуженіе и собирались для различныхъ совѣщаній въ подвалахъ и погребахъ. Они до того свыклись съ простою обстановкою мѣстъ, служащихъ имъ для богослуженія, что стали считать необходимымъ и храмы свои лишити всякой роскоши и «очистить» отъ всякой «папской пышности»; отчего и получили названіе пуританъ. Эти пуритане удалили изъ храма образъ Спасителя и другія

иконы и стерли живопись на стѣнахъ и окнахъ. Но Марія недолго царствовала. Въ 1559 году на престолъ взошла Елизавета и протестантизмъ былъ возстановленъ. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ 30 лѣтъ, англичане по отношенію своей религіи пережили три періода. Но ни въ одну изъ этихъ эпохъ не было составлено особаго вѣроисповѣданія. Не смотря ни на какія нововведенія правительства въ дѣлѣ вѣры, всегда оставались приверженцы старой религіи. Если нѣкоторые и оставляли что-либо изъ своихъ религиозныхъ убѣжденій, за то во многомъ другомъ никакъ не хотѣли отстать отъ прежняго вѣроисповѣданія. Вслѣдствіе этого разномыслія образовалась та смѣсь понятій, которая впоследствии вошла и въ самую религію преобразованной церкви. Новая англиканская или епископская церковь, какъ господствующая въ государствѣ, была признана при Елизаветѣ въ 1563 г. и 39 статей англиканскаго исповѣданія представляютъ смѣсь католицизма и протестантизма. Такое вѣроученіе было дѣломъ необходимости. Елизавета взошла на престолъ послѣ смуты преобразования и новаго обращенія къ католицизму. Умы еще слишкомъ волновались. Ей нужно было примирить враждебныя другъ другу партіи, изъ которыхъ каждая хотѣла взять верхъ. Поэтому она удержала многое изъ католичества для приверженцевъ римской церкви, а для успокоенія протестантовъ — внесла новыя формы въ обряды. Но такъ какъ въ ея время партія протестантовъ была сильнѣе, то и въ новое вѣроученіе она внесла болѣе протестантскихъ мыслей.

Эта неопредѣленная религія породила въ самомъ непродолжительномъ времени множество самыхъ разнообразныхъ сектъ. Явились *методисты, индепенденты, баптисты, квакеры, социніане* и множество другихъ. Непринадлежащихъ къ англиканской церкви стали называть *нонконформистами, диссидентами* или *диссентерами*, т. е. не соединившіеся, раскольники, разномыслящіе. Государственные законы признаютъ англиканскую епископальную церковь господствующею въ британскомъ королевствѣ. Но въ чемъ же заключаются главныя основанія, на которыхъ зиждется эта религія?

Прежде всего англиканская церковь совершенно не зависитъ отъ папы и признаетъ своимъ главою, какъ въ дѣлахъ свѣтскихъ, такъ и въ духовныхъ, своего короля. Но власть его, какъ главы, ограничивается только избраніемъ и утвержденіемъ епископовъ, но догматовъ и вообще церковнаго управленія онъ не касается. Управленіе это находится въ рукахъ двухъ архіепископовъ. Англиканская религія отвергаетъ преданія церкви и считаетъ, что и одного священнаго писанія совершенно достаточно для спасенія. Таинствъ она признаетъ только два: крещеніе и причащеніе. Остальныя пять таинствъ она считаетъ простыми обрядами. Признавая причащеніе, какъ таинство, она не вѣритъ въ то, что хлѣбъ и вино, которые при этомъ вкушаютъ, предлагаются въ дѣйствительное тѣло и кровь Христа. Относительно таинства крещенія, которое признаетъ англиканская церковь, она учитъ, что крещеніе не уничтожаетъ первороднаго грѣха. Религія англичанъ не считаетъ нужнымъ молиться за усопшихъ, не дозволяетъ обращаться съ молитвою къ святымъ и Богородицѣ, запрещаетъ поклоненіе иконамъ. Какъ мы уже сказали, вся англиканская религія проникнута противорѣчіями, вслѣдствіе подражанія то протестантской, то католической религіи. Отвергнувъ возложеніе на себя крестнаго знаменія и многіе молитвенные знаки, которые встрѣчаются въ римско-католическомъ богослуженіи, англиканская религія дозволяетъ осѣнять только что воспринятаго отъ купели младенца знаменіемъ креста. Не признавая святыхъ, она назначила однако особые дни для поминовенія нѣкоторыхъ великихъ сподвижниковъ и мучениковъ вѣры. Не признавая Богородицы, ангеловъ и святыхъ, она въ тоже время посвящаетъ въ честь ихъ нѣсколько дней. Такъ дни въ честь Богородицы: напр. Благовѣщеніе, въ честь архангела Михаила и всѣхъ святыхъ ангеловъ, въ честь Іоанна Предтечи, апостоловъ и евангелистовъ. Въ эти дни при богослуженіи читаютъ особенныя молитвы, въ

которых англиканская церковь просить Бога о тѣхъ или другихъ милостяхъ *ради празднуемыхъ святыхъ*. Отвергая миропомазаніе и рукоположеніе, какъ таинства, она сохранила ихъ, какъ назидательные обряды. Англиканская церковь не признаетъ исповѣди, но въ тоже время предлагаетъ умирающему исповѣдать свои прегрѣшенія священнику и уполномочиваетъ своихъ служителей утѣшать отходящую душу прощеніемъ грѣховъ. Англиканская церковь заимствовала изъ римско-католической образцы молитвъ; но у католиковъ литургія совершается на латинскомъ языкѣ, а въ церкви англиканской на языкѣ страны.

Мѣстомъ общественнаго богослуженія обыкновенно служитъ храмъ. Внутреннее устройство англиканскихъ храмовъ имѣетъ много сходнаго съ устройствомъ лютеранскихъ кирокъ. Одинъ запрестольный образъ распятія составляетъ все ихъ украшеніе. Такъ какъ англичане не поклоняются иконамъ, то до послѣдняго времени въ ихъ церквяхъ не было изображеній святыхъ. Но теперь все больше и больше сталъ распространяться обычай разрисовывать стекла въ окнахъ, которыя весьма напоминаютъ иконы. На одномъ окнѣ обыкновенно представлено распятіе Христа, на другомъ событія изъ жизни Спасителя, картины изъ ветхаго заветъа. Между тѣмъ въ самой церкви не дозволяется никакого изображенія, на престолѣ запрещено ставить крестъ.

Методисты.—Баптисты.—Квакеры.—Жизнь, понятія и вѣрованія этихъ сектаторовъ.

Ни одна секта по своему вліянію и распространенію не можетъ соперничать съ методистами. Методисты по численности слѣдуютъ немедленно за послѣдователями господствующей церкви. Въ Англійи и валлійскомъ княжествѣ англиканъ насчитываютъ около 12.700,000, а методистовъ болѣе 3-хъ милліоновъ. Секта методистовъ раздѣляется на много вѣтвей, изъ которыхъ двѣ главныя основаны были братьями: Джономъ и Карломъ Веслей и Витфильдомъ. Приверженцы Веслея носятъ имя методистовъ-веслеянцевъ. Методистами же, кажется, ихъ называютъ вслѣдствіе щепетильной правильности, точности и регулярности въ образѣ жизни и въ поступкахъ обоихъ братьевъ, что они старались внушить и своимъ послѣдователямъ.

Оксфордскій fellow Джонъ Веслей всюду проповѣдывалъ народу. Примѣтивъ нѣсколько человекъ, онъ влѣзалъ на тумбу, на телѣжку, на стогъ сѣна и начиналъ объяснять ученіе. Его голосъ былъ чистъ и ясенъ, его слова убѣдительны и вдохновенны, чѣмъ онъ немедленно и покорялъ сердца. Такъ какъ всѣ церкви закрыли ему двери, онъ избралъ небесный сводъ своимъ храмомъ, и нерѣдко собраніе въ 50 тысячъ человекъ пѣло подъ открытымъ небомъ составленные имъ гимны.

«Мое призваніе—спасать души, мой приходъ—весь міръ», говорилъ Джонъ Веслей, и для достиженія своей цѣли извѣздилъ въ свою жизнь до 200 тысячъ англійскихъ миль (болѣе 300 тысячъ верстъ) и произнесъ до 40 тысячъ проповѣдей. Между прочимъ онъ не прервалъ своей проповѣди даже и тогда, когда однажды кто-то изъ толпы бросилъ ему въ лобъ остроконечный камень. Обтирая платкомъ кровь, струившуюся изъ раны, онъ не прервалъ голоса ни на минуту и съ прежнимъ энтузіазмомъ продолжалъ свою рѣчь.

Главная причина успѣха и быстрого распространенія методистовъ та, что Веслей обращался непосредственно къ народу. При этомъ онъ положилъ начало огромному классу странствующихъ проповѣдниковъ, которые расходились по всѣмъ концамъ родины, а нерѣдко отправлялись и въ Новый Свѣтъ.

Мы упомянули выше, что основателями методистской секты, вмѣстѣ съ братьями Веслей, былъ и Витфильдъ (или Уайтфильдъ). Еще при жизни этихъ двухъ знаменитыхъ проповѣдниковъ произошли расколы въ ихъ сектѣ. Приверженцы Витфильда называются обыкновенно кальвинистскими методистами. Раздѣляя методистскія воззрѣнія, они склоняются къ ученію Кальвина, по понятію котораго человѣчскій родъ обреченъ проклятію еще до рожденія. Провозглашая болѣе милосердые догматы, Веслей не только имѣлъ за себя здравый смыслъ, но и перетянулъ на свою сторону людей робкихъ, запуганныхъ суровостью кальвинистскаго воззрѣнія. Въ этомъ также одна изъ главныхъ причинъ его успѣха.

Первою своею обязанностью методисты считаютъ проповѣдь. Проповѣдники методама большею частію не имѣютъ никакого богословскаго и часто даже общаго образованія; отъ нихъ требуется прежде всего неутомимое рвеніе, энергическій духъ миссіонерства, практическій умъ и умѣнье дѣйствовать рѣчью на массы слушателей. Женщины не лишены права проповѣдывать. Одна молодая дѣвушка 17-ти лѣтъ недавно еще привлекала огромныя толпы народа своими проповѣдями.

Кромѣ воскресенья у веслеянцевъ есть еще особые праздники, которые они проводятъ въ слушаніи безконечныхъ проповѣдей и въ чтеніи библіи. Чайныя собранія, на которыхъ бываетъ иногда до 2-хъ тысячъ человѣкъ, играютъ большую роль въ ихъ религіозныхъ дѣлахъ. Тутъ путемъ пожертвованій и подписки собираются иногда громадныя суммы. Со времени веслеянскаго юбилея, бывшаго въ началѣ 60-хъ годовъ, до 66-го года, въ продолженіи 5-ти, 6-ти лѣтъ, было собрано такимъ образомъ до 400 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Если вспомнить, что эти деньги идутъ по большей части изъ кармановъ бѣдняковъ, то нельзя отрицать значеніе ученія, которое вызываетъ такую горячую преданность и самопожертвованіе.

Существенное отличіе баптистовъ отъ всѣхъ прочихъ сектъ — особый взглядъ на обрядъ крещенія. Они проповѣдуютъ, что человѣкъ только тогда имѣетъ право принимать крещеніе, когда онъ можетъ самъ отвѣчать за свои убѣжденія, т. е. сдѣлавшись взрослымъ. Поэтому они ждутъ совершеннолѣтія человѣка и тогда уже допускаютъ его въ часовню, гдѣ священнослужитель и креститъ его. Но это еще не все. По ихъ мнѣнію, крестить должно не иначе, какъ погружая всего человѣка въ воду, а не возливаніемъ воды на голову, какъ это дѣлается по обрядамъ католической религіи.

Что это за зданіе съ греческимъ фронтономъ и съ коринфскими колоннами, которое возвышается въ Лондонѣ на Кесингтонъ-Роодъ? Это *табернаклъ* (скинія завѣта) господина Спорджона. Этотъ храмъ построенъ на деньги, собранныя этимъ проповѣдникомъ, послѣ того, какъ баптистскія часовни оказались слишкомъ тѣсными, чтобы вмѣстить всѣхъ желающихъ слушать этого знаменитаго проповѣдника. По внѣшнему виду это зданіе можно принять за театръ, и для дополненія сходства вы здѣсь встрѣтите каждое воскресенье вечеромъ огромную толпу народа, которая гораздо раньше начала богослуженія тѣснится передъ храмомъ. Наконецъ въ 6½ часовъ двери открываются, всѣ бросаются ко входу и находятъ уже три четверти залы занятою владѣльцами или нанимателями скамеекъ. Внутренность храма совершенно походитъ на концертную залу. Она состоитъ изъ партера, обставленнаго скамейками, и двухъ рядовъ галлерей, одна надъ другою, ярко освѣщенныхъ газовыми рожками, которые блестятъ у капителей колоннъ. Однимъ словомъ зала вовсе не отличается религіознымъ характеромъ; только огромный циферблатъ часовъ, висящій на стѣнѣ, постоянно долженъ напоминать баптистамъ скоротечность времени. Въ 7 часовъ вечера на высокой эстрадѣ появляется господинъ лѣтъ за 40, въ черномъ пальто и въ бѣломъ галстухѣ, очень обыкновенной наружности и не имѣющій на первый взглядъ ничего вдохновеннаго. Это и есть мистеръ Спорджонъ, про-

славленный баптистскій пасторъ. Все, какъ по мановенію жезла, смокаетъ въ ту же минуту: Онъ затягиваетъ гимнъ приличный дню; всѣ 6 тысячъ присутствующихъ присоединяются къ нему и такимъ образомъ составляется чудовищный хоръ. Голоса смолкли и наступаетъ торжественное молчаніе; всѣ подвинулись впередъ, начинается проповѣдь, полная неподдѣльнаго жара и краснорѣчія. Мистеръ Спорджонъ—настоящій ораторъ: его сбѣгается слушать весь Лондонъ, а такой успѣхъ никогда не дается даромъ. Онъ говоритъ на самыя разнообразныя темы. Рѣчь свою онъ сопровождаетъ въ высшей степени театральными жестами, говоритъ то трагическимъ, то угрожающимъ, то печальнымъ голосомъ; переходитъ отъ серьезнаго къ шутливому, отъ возвышеннаго къ тривіальному. Онъ превращаетъ нерѣдко свою проповѣдь въ драму, поражающую слушателей. Другіе проповѣдники скиніи стараются ему подражать, но остаются далеко позади его. Тѣмъ не менѣе мистеръ Спорджонъ даетъ часто поводъ къ карикатурамъ, и англійскіе художники не пощадилъ его. Три, четыре года тому назадъ была даже мода представлять Спорджона въ видѣ гориллы. Это былъ намекъ на то, что во время знаменитаго спора, который шелъ тогда въ Англии объ этой обезьянѣ, знаменитый ораторъ въ одной проповѣди отказался признать ее прародительницею своихъ предковъ. Точно также какъ и Сократъ, Спорджонъ имѣлъ честь быть живо представленнымъ на сценѣ.

Одна изъ наиболѣе интересныхъ сценъ въ скиніи—крещеніе взрослыхъ, что обыкновенно происходитъ въ четвергъ вечеромъ послѣ службы. Желающіе креститься, мужчины и женщины, стоятъ недалеко отъ каедръ. Молодые дѣвушки одѣты въ бѣлыя длинныя платья, въ бѣлый кружевной чепчикъ, плотно прилегающій къ головѣ, и въ длинную перелинку, покрывающую плечи. Онѣ стоятъ очень скромно, почти не двигаясь, и ихъ позы и костюмъ напоминаютъ статуи святыхъ въ старинныхъ церквахъ. Мужчины въ халатахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Посреди площадки открывается резервуаръ съ водою, при входѣ въ который становятся два дьякона въ обыденныхъ костюмахъ, между тѣмъ какъ Спорджонъ одѣтъ на этотъ разъ въ длинную духовную мантию съ широкими рукавами. Онъ сходитъ по ступенямъ въ бассейнъ. Тогда наступаетъ очередь крещаемыхъ. Одна изъ молодыхъ дѣвушекъ начинаетъ сходить по ступенькамъ въ купель. Священникъ, поддерживая ее за руку, говоритъ: «въ силу твоей вѣры и по твоему собственному желанію, крещу тебя во имя Отца и Сына и Святаго Духа», и въ тоже время погружаетъ ее въ воду. Также церемонія повторяется съ другими *сестрами* и всякій разъ, какъ одна изъ нихъ, совершенно мокрая, поднимается назадъ по ступенямъ бассейна, дьяконъ набрасываетъ ей на плечи плащъ, а назначенная для того женщина уводитъ ее тотчасъ въ сосѣдную комнату.

Общество друзей или квакеры—самыя рѣшительные протестанты. Основателемъ ихъ секты былъ Фоксъ, родившійся въ 1624 году въ Ланкастерскомъ графствѣ. Родители его были бѣдные ремесленники, и Георгъ не получилъ въ дѣтствѣ почти никакого воспитанія. Едва онъ началъ читать и чертить буквы, какъ отецъ отдалъ его на обученіе къ сапожнику, который держалъ небольшое стадо. Хозяинъ поручилъ молодому ученику присмотрѣть за овцами. Одинокая, пастушеская жизнь еще болѣе развила въ мальчикѣ уже прежде обнаружившуюся мечтательность и задумчивость. Онъ сталъ носить съ собою въ поле библію и жадно читалъ ее по цѣлымъ днямъ. Она послужила ему единственнымъ источникомъ знанія, но за то онъ зналъ ее наизусть отъ начала до конца, такъ изучилъ ее, что всѣ его разговоры были переполнены буквальными библейскими выраженіями. Но такъ какъ онъ многого не понималъ въ этой книгѣ, то нерѣдко отправлялся въ Лондонъ, къ англійскимъ и пресвитеріанскимъ священникамъ, съ просьбою разрѣшить его сомнѣнія, но они совсѣмъ не могли удовлетворить его, и онъ вынесъ отъ нихъ только крайнее недовѣріе ко всѣмъ богословскимъ преніямъ и даже къ наукѣ во-

обще. Тогда онъ рѣшился искать истины въ самомъ себѣ, и тутъ то настаеъ для него, періодъ несказанныхъ страданій и искушеній. Его разстроенному уму и раздраженной фантазіи представляются различныя привидѣнія. Наконецъ однажды ему представилось, что онъ чувствуетъ въ себѣ «необычайное движеніе Святаго Духа» и божественный голосъ, который повелѣвалъ ему всячески уклоняться отъ общаго растлѣнія и развращенности человѣчества. Этотъ голосъ указывалъ ему, что обращеніе къ Богу возможно только подъ условіемъ совершеннаго перерожденія. Съ этой минуты Фоксъ чувствуетъ себя призваннымъ свыше къ общественной проповѣди. Онъ усиливаетъ свои посты и молитвы, избѣгаетъ всякаго общества и ему все чаще слышится какой-то неземной голосъ, который побуждаетъ его начать реформу, возстановить христіанство, находящееся на краю гибели. Тогда Фоксъ окончательно рѣшается бросить свое ремесло, и въ 1648 году, на 23-мъ году своей жизни, выступаетъ на общественное служеніе. Онъ преодолеваетъ всѣ препятствія, голодъ и бѣдность, пренебрегаетъ оскорбленіями и насмѣшками и покрывается съ ногъ до головы простою кожею. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ высказывалъ свои мнѣнія, которыя его послѣдователями до сихъ поръ считаются главнымъ основаніемъ ихъ религіи. Онъ проповѣдывалъ, что христіане должны воздавать Богу почтеніе внутреннее, духовное, основанное на исполненіи добродѣтелей, а не на обрядахъ. Истинный духъ христіанства, по его понятіямъ, состоитъ въ укрощеніи своихъ страстей и въ любви къ своимъ братьямъ. «Я васъ спрашиваю, въ какомъ обществѣ вы найдете эту чистую, *внутреннюю* религію. Въ церкви римской или протестантскихъ обществахъ? Всѣ онѣ—возобновленіе Іудейства: ихъ литургія, таинства, обряды — все это остатки церемоній іудейскихъ, отмѣненныхъ и уничтоженныхъ Іисусомъ Христомъ. Всѣ они думаютъ, что пустыми внѣшними формальностями, обрядами и церемоніями они приобретутъ спасеніе. Они изгоняютъ изъ нѣдръ своихъ людей, не исполняющихъ пустыхъ формальностей и обрядовъ, не обращая вниманія, на сколько они сами ведутъ честную и добродѣтельную жизнь. Они принимаютъ въ лоно свое великихъ злодѣевъ, лишь бы они выполняли внѣшніе обряды, вели внѣшнимъ образомъ порядочную жизнь и исполняли общественныя предписанія. Всѣ ихъ школы и академіи распространяютъ ложь и тьму, такъ какъ ихъ наука и нравственность вся основана на внѣшности, такъ какъ они не учатъ, какъ жить, а изучаютъ искусство казаться, искусство мудрствовать лукаво. Служители Господни проповѣдуютъ только о необходимости обрядовъ, а почему? потому, что эти обряды составляютъ источникъ ихъ доходовъ. Уплата десятины духовенству—изобрѣтеніе дьявола: они должны слушать ученіе нравственности и въ свое время передавать его другимъ безъ всякой платы. Покупная нравственность не можетъ принести пользы. Кто не чувствуетъ въ себѣ призванія безкорыстно отдаться этому дѣлу, тотъ не долженъ братья за него. Надо возратить человѣка къ его первобытной чистотѣ и простотѣ, надо прекратить раздоры и войну, жить въ мирѣ, распространить вокругъ себя полнѣйшее равенство, никому не кланяться, говорить всѣмъ *ты*, никогда не давать клятвы ни правительству, ни королю, ни частному лицу. Правила для жизни и для вѣры, говорилъ онъ, не въ писаніи, а во внутреннемъ откровеніи, въ божественномъ освященіи, совершаемымъ тѣмъ самымъ духомъ, который далъ писаніе. Духъ святой низойдетъ на истинно вѣрующаго и божественный свѣтъ осѣнитъ его; такой человѣкъ и безъ помощи священниковъ можетъ сообщать этотъ свѣтъ другимъ. Всѣ вѣрующіе должны разливать вокругъ себя лучи этого свѣта и назидать взаимно другъ друга; для нихъ нѣтъ нужды ни въ храмахъ, ни въ праздникахъ, ни въ обрядахъ, ни въ пѣснопѣніяхъ и чтеніяхъ церковныхъ, ни въ учительствѣ, ни въ крещеніи, ни причащеніи. Внутреннее возношеніе къ Богу и тѣсное, духовное единеніе съ нимъ—вотъ христіанское служеніе!» Фоксъ говорилъ свои рѣчи, глубоко проникнутый убѣжденіемъ въ истинѣ своихъ словъ, возвышаясь до пафоса,

рыдая. Публичныя мѣста, площади и частныя дома оглашались его поученіями, и при этомъ онъ заканчивалъ всѣ свои проповѣди тѣмъ, что все, что онъ говорить, онъ говорить не отъ себя, а по внушенію божественнаго Духа.

Толпы народа стекались послушать его одушевленную проповѣдь и возвращались домой совершенно убѣжденные въ его словахъ. Число его послѣдователей, особенно между сельскими классами, возрастало съ такою быстротою, что въ 1649 году возбудило уже опасенія пресвитеріанскаго духовенства: Фокса приговорили къ тюремному заключенію и угрожали ему висѣлицею, если онъ не перестанетъ проповѣдывать. Но ни угрозы, ни тюрьма не утрашили его, онъ дѣлалъ своими послѣдователями всѣхъ служителей и тюремщиковъ, и его многочисленные приверженцы купили наконецъ ему свободу. По выходѣ его изъ тюрьмы число его приверженцевъ возросло еще болѣе, такъ какъ всѣ теперь смотрѣли на него, какъ на страдальца за идею, и онъ началъ проповѣдывать съ большею смѣлостью. Теперь онъ уже вступалъ открыто въ состязанія съ учеными протестантскими богословами, прерывалъ рѣчи проповѣдниковъ, которые ему не нравились и однажды вошелъ въ пресвитеріанскій храмъ и открыто изложилъ передъ цѣлымъ собраніемъ свое ученіе. Пресвитеріанскіе священники донесли объ этомъ начальству, и его потребовали на судъ, какъ нарушителя молитвенной тишины храма. Согласно съ своими убѣжденіями о безусловномъ и всеобщемъ равенствѣ, Фоксъ явился передъ судьей въ кожанной шапкѣ на головѣ. Одинъ изъ сержантовъ ударилъ его по щекѣ говоря: «невѣжа, развѣ ты не знаешь, что нужно являться передъ судьей съ непокрытой головой?» Фоксъ, не выражая никакого неудовольствія на это оскорбленіе, но и не снимая шапки, просилъ сержанта ударить его и по другой ланитѣ. Судья на первый разъ хотѣлъ только взять съ него клятву не проповѣдывать болѣе; но Фоксъ отвѣчалъ ему: «знай, мой другъ, что я никогда не призываю имени Господа всуе». Фамильярное *ты* и упорство Фокса оскорбили судью и онъ приговорилъ его къ заключенію въ исправительный домъ на шесть мѣсяцевъ. Однако скоро узнали, что никакая тюрьма не удерживаетъ его отъ проповѣди и снова вызвали его на судъ. Здѣсь вмѣсто всякихъ оправданій и отвѣтовъ онъ произнесъ сильную рѣчь въ защиту своего ученія, которая замѣчательна особенно тѣмъ, что дала поводъ назвать его и его послѣдователей квакерами. Когда Фоксъ заключилъ свою рѣчь словами: «трепещите передъ словомъ Божиимъ», то одинъ изъ судей сказалъ съ насмѣшкою: «смотрите, вотъ трепетатель» (*quaker*)! Впослѣдствіи это прозвище, данное въ насмѣшку, секта стала считать почетнымъ и объясняла, что «квакеры» значить: трепещущіе передъ величіемъ Божиимъ. Впрочемъ сами себя квакеры называютъ «исповѣдниками свѣта, народомъ Божиимъ», а чаще всего — «обществомъ друзей».

Судъ, видя, что ничѣмъ нельзя остановить проповѣдническую дѣятельность Фокса, рѣшилъ отдать его въ солдаты. Но по ученію Фокса ничто такъ не богоненавистно, какъ война. Тутъ, говорилъ онъ, люди, которыхъ первый долгъ любить своихъ ближнихъ, и даже враговъ, дѣлаются дикими и свирѣпыми звѣрями и напиваются кровью своихъ братьевъ. «Зачѣмъ мнѣ быть солдатомъ», сказалъ Фоксъ, когда его привели къ вербовщику солдатъ. «Я и безъ того уже воинъ, только никому не наношу смертельныхъ ранъ». И онъ громко сталъ говорить свою проповѣдь. «Какой выйдетъ изъ него солдатъ?» сказалъ вербовщикъ, и его опять заключили въ мрачную и грязную темницу. Иногда его били до полусмерти, но онъ все съ благодарностію принималъ отъ своихъ палачей, говоря что они этимъ доставляютъ великую пользу его душѣ. Много разъ онъ падалъ почти бездыханнымъ подъ ударами камней, но во всѣхъ своихъ страданіяхъ никогда не падалъ духомъ. Англія скоро наполнилась толпами его послѣдователей: землевладѣльцы, ремесленники, солдаты, священники, женщины, — словомъ люди всякаго пола, возраста и званія, принимали ученіе квакеровъ. Многочисленныя квакерскія общины образовались въ Валлисѣ,

Лейчестерскомъ графствѣ и въ другихъ мѣстахъ. Скоро число послѣдователей Фокса до того возрасло, что они нашли нужнымъ учредить общее собраніе для совѣщаній объ основаніи опредѣленнаго устройства квакерскаго общества.

Трудно себѣ представить, сколько гоненій и преслѣдованій вынесла секта квакеровъ. Ихъ били, сѣкли, заключали въ темницы и морили тамъ голодомъ, предавали томительной смерти, у нихъ дергали волосы, связывали руки и ноги, и въ такомъ видѣ ихъ выносили на поля, оставляя ихъ беззащитными жертвами дикихъ звѣрей, голода и непогоды. Но такія жестокия, безчеловѣчныя мѣры вмѣсто того, чтобы уничтожить ту или другую секту, всегда только ее распространяли, — такъ было и тутъ. Прежде послѣдователями Фокса былъ только простой народъ, теперь въ эту секту вступали люди высшихъ классовъ, богатые, вліятельные, образованные, и съ этихъ поръ положеніе сектантовъ начинаетъ замѣтно улучшаться. Посмотримъ же, какова ихъ жизнь и понятія въ настоящее время.

До сихъ поръ квакеры остались вѣрны вышеизложенному ученію своего проповѣдника.

Общество друзей не требуетъ отъ своихъ членовъ никакого исповѣданія вѣры. Оно имѣетъ очень мало догматовъ и управляется синодами, или митингами. Глубокое вѣрованіе въ непосредственное вліяніе Духа святаго на душу человѣка — самое характерное вѣрованіе этой секты. Названіе мѣсяцевъ и дней, по ихъ мнѣнію, происходитъ изъ языческаго источника, и потому «друзья», вмѣсто того, чтобы давать мѣсяцамъ и днямъ общепринятые названія: «Январь, Февраль, Понедѣльникъ, Вторникъ», говорятъ: первый мѣсяць, второй мѣсяць, первый день, второй день. Въ спорныхъ дѣлахъ и въ тяжбахъ квакеры никогда не обращаются къ общественнымъ судамъ. Смотря по важности тяжбы, они передаютъ ее на разсмотрѣніе двухъ, трехъ своихъ собратій, а иногда и большаго числа лицъ, непременно изъ своей секты. Если тяжущійся отказывается повиноваться рѣшенію третейскихъ судей, то «друзья» переносятъ дѣло на митингъ. Правдивость — первая добродѣтель квакеровъ: они вѣрятъ другъ другу на слово, никогда не употребляютъ ни клятвы, ни божбы, отказываются отъ присяги даже и тогда, когда къ этому побуждаютъ ихъ англійскіе законы. Ихъ стойкость въ этомъ отношеніи всегда была для нихъ источникомъ самыхъ жестокихъ преслѣдованій. Теперь, однако, ихъ слова принимаютъ на судъ и въ государственныхъ дѣлахъ безъ всякой присяги. Какъ при своемъ знаменитомъ проповѣдникѣ, такъ и теперь, они съ ужасомъ ратуютъ противъ войны и съ такою же силою порицаютъ всякое посягательство на свободу совѣсти. Ихъ часовни, или, лучше сказать, мѣста ихъ собраній, не имѣютъ другой роскоши, кромѣ ослѣпительной чистоты стѣнъ, пола, необыкновенно тщательно вымытаго, и опрятныхъ скамеекъ, на которыя садятся всѣ безъ различія званія и богатства.

У квакеровъ нѣтъ никакихъ формъ и обрядовъ при богослуженіи, нѣтъ особенныхъ молитвъ, которыя всѣ должны произносить въ извѣстную минуту, они не соблюдаютъ постовъ, не существуетъ у нихъ и исповѣди. Такъ какъ они утверждаютъ, что всѣ древніе символы уничтожены новымъ закономъ, то они принимаютъ только *духовное крещеніе*, и ихъ пращаніе есть только внутренній, душевный актъ безъ всякаго видимаго знака.

Мужчины и женщины, богатые и бѣдные, ученые и невѣжды — всѣ квакеры одинаково могутъ проповѣдывать, если только они чувствуютъ къ этому вдохновеніе. Когда они находятся въ сборѣ, каждый изъ нихъ, прежде чѣмъ начать говорить проповѣдь, считаетъ своею священною обязанностью почувствовать въ себѣ присутствіе Святаго Духа, а ждать этого приходится иногда очень долго. Поэтому нерѣдко огромное собраніе квакеровъ сидитъ по полчаса въ глубокомъ молчаніи; но когда и послѣ этого никто не

почувствуетъ въ себѣ присутствіе Святаго Духа, тогда встаетъ старшина и произноситъ рѣчь, чтобы поддержать порядокъ. Послѣ этого «друзья» тотчасъ расходятся въ глубокомъ молчаніи. Вотъ потому всякое молчаливое общество въ Англіи называется квакерскимъ митингомъ.

Бракъ между квакерами совершается также безъ всякаго участія священника и безъ всякаго формализма. Когда одинъ изъ членовъ общества вздумаетъ жениться, онъ предупреждаетъ объ этомъ митингъ мужчинъ, къ которому принадлежитъ, точно также невѣста сообщаетъ объ этомъ митингу своихъ подругъ. Затѣмъ митинги спрашиваютъ согласіе у родителей, жениха и невѣсты и, когда они убѣждаются въ томъ, что бракъ этотъ совершается безъ принужденія, выдаютъ свадебное свидѣтельство.

Похороны происходятъ съ тою же простотой: никакой погребальной пышности, никакого траура; мѣсто погребенія не обозначается у нихъ не только никакимъ памятникомъ, но даже и простымъ камнемъ.

Отличительная черта характера квакеровъ — совершенное безкорыстіе. Не даромъ Кромвель, который ихъ такъ сильно притѣснялъ, говорилъ объ нихъ: «Только на эту секту я не могъ дѣйствовать гинейми; это единственные люди въ мірѣ, которыхъ нельзя подкупить ни почестями, ни деньгами». Они считаютъ позоромъ получать какое бы то ни было вознагражденіе за выполненіе религіозныхъ обязанностей. Своимъ бѣднымъ они подаютъ щедрую милостыню, стараясь при этомъ, чтобы она доставалась не тунеядцамъ, а безпомощнымъ старикамъ и старухамъ, и въ особенности, чтобы она шла на воспитаніе дѣтей. Когда дѣла какого нибудь негодяя этой секты плохи, «друзья» являютъ къ нему на помощь и не даютъ ему раззориться. Гуманные къ людямъ, они также гуманны и къ животнымъ. «Не заставляй быка проводить борозду, которая приведетъ его въ изнеможеніе»... Вотъ одно изъ правилъ ихъ ученія. И они тщательно наблюдаютъ за дѣтьми, чтобы у нихъ еще въ раннемъ дѣтствѣ не укоренилась жестокость къ животнымъ, и не дозволяютъ имъ мучить ихъ.

Лучше всего можно изучить квакера въ его домашней жизни. Громадное большинство квакеровъ люди зажиточные. Причину своего благосостоянія они обыкновенно объясняютъ тѣмъ, что ихъ съ самаго ранняго возраста научили цѣнить время, и дѣйствительно квакеры отличаются необыкновеннымъ трудолюбіемъ и умениемъ внушить ребенку любовь къ труду и необходимость быть полезнымъ членомъ семьи. Обеспечить благосостояніе своего семейства въ глазахъ квакера не только благоразуміе, обязанность мужа и отца, но и религіозный долгъ. Не смотря однако на свою зажиточность, въ домахъ, даже самыхъ богатыхъ квакеровъ, вы не найдете особенной роскоши. Вы не увидите у нихъ ни фортепіано, ни изящной мебелировки. Самая большая роскошь, особенно въ деревняхъ, — сады и рѣдкія растенія. Впрочемъ, тотъ кто можетъ, держитъ карету и лошадей, но экипажи всегда безъ гербовъ.

Характерный костюмъ женщинъ: шляпа старинной формы, сѣрое или темное платье безъ всякихъ украшеній и непременно шаль, высоко заколотая. Все это иногда бываетъ изъ очень дорогой матеріи, но никогда не бросится въ глаза ни новымъ изящнымъ фасономъ, ни моднымъ рѣзкимъ цвѣтомъ. По одеждѣ иностранцы часто принимаютъ ихъ за сестеръ милосердія. Квакерши на столько же стараются уничтожить блескъ своего костюма, на сколько другія женщины обратятъ на себя вниманіе.

Въ разговорахъ между собой «друзья» избѣгаютъ говорить объ умершихъ членахъ семьи. По ихъ мнѣнію, умершіе принадлежатъ Богу, и людямъ не слѣдуетъ ихъ тревожить. Съ подчиненными и съ прислугою они обходятся не только гуманно, но ихъ отношенія нисколько не мѣняются съ людьми, какъ выше, такъ и ниже ихъ стоящими. Прислуга присутствуетъ два раза въ день, утромъ и вечеромъ, при чтеніи Библіи. Спокой-

ная, тихая семейная жизнь, гуманныя отношенія между собой, ровный характеръ, душевное спокойствіе, — все это ясно отражается на необыкновенно кроткихъ лицахъ квакеровъ.

«Друзья» мало заботятся о распространеніи своей секты. «Не всякій квакеръ, кто этого хочет», говорятъ они, и съ большою осмотрительностью принимаютъ новыхъ членовъ, поэтому общество «друзей» не возрастаетъ въ числѣ, но, какъ увѣряютъ, приходитъ даже въ упадокъ. Говорятъ, что нынче въ этой сектѣ образовалась новая партія, члены которой женскаго пола носятъ цвѣты и ленты, а юноши квакеры вступаютъ въ волонтеры и такимъ образомъ осмѣливаются носить оружіе. Называясь квакерами, они употребляютъ во зло довѣріе, которое приобрѣла эта секта, прижимаютъ и обманываютъ, чтобы скопить себѣ капиталъ. Эти новые квакеры, къ которымъ съ презрѣніемъ относятся настоящіе квакеры стараго закала, къ ужасу послѣднихъ встаютъ даже на собраніяхъ, когда пьютъ за здоровье королевы. Истинные же квакеры, согласно съ обычаями своей секты, всегда сидятъ въ такихъ случаяхъ. По ихъ мнѣнію, уваженіе къ людямъ должно носить въ сердцѣ, а не выражать его внѣшними знаками и словами, которые унижаютъ всякое глубокое чувство.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Почва и климатъ Англіи.—Важнѣйшія занятія по сельскому хозяйству: овцы, крупный скотъ, скаковая лошадь. — Турпизмъ и его огромное значеніе въ англійскомъ хозяйствѣ. — Разнообразіе удобреній. — Обработка почвы и огромное значеніе машинъ. — Ячмень и пшеница—главныя хлѣбныя растенія.

Между всѣми государствами Европы, Англія безъ сомнѣнія занимаетъ первое мѣсто въ промышленномъ отношеніи. Англійскій народъ какъ бы созданъ для промышленности: изобрѣтательность, предпримчивость, неутомимое преслѣдованіе цѣли, особенная положительность ума, который необыкновенно основательно усваиваетъ всякое практическое дѣло, быстро понимаетъ и отвергаетъ все несбыточное, замѣчательное стремленіе, развитое во всѣхъ классахъ общества, къ комфортабельной обстановкѣ,—вотъ наиболѣе характерныя качества англичанъ, которыя болѣе всего способствовали у нихъ развитію какъ промышленности, такъ и сельскаго хозяйства.

Въ этой статьѣ мы хотимъ поговорить о земледѣліи. Занимая въ этомъ отношеніи первое мѣсто въ мірѣ, Англія быстрыми шагами идетъ впередъ къ еще большому усовершенствованію.

Не смотря на то, что англійское земледѣліе занимаетъ первое мѣсто между всѣми государствами Европы, почва этой страны чрезвычайно бѣдна. Исторія англійскаго земледѣлія краснорѣчиво говоритъ намъ, какія сверхъ-естественныя усилія, какія жертвы, въ продолженіи послѣднихъ полутора столѣтій дружно приносили всѣ классы общества и приносятъ еще и теперь для улучшенія своей земли. Богачи жертвовали громадныя состоянія, чтобы только испытать ту или другую систему обработки или удобренія земли, образованный классъ теоретически и практически рѣшалъ этотъ вопросъ. Множество англійскихъ ученыхъ объѣздили весь свѣтъ, изучая земледѣліе, примѣняя видѣнное ими въ своей странѣ и въ обширныхъ сочиненіяхъ описывая результаты своихъ опытовъ. Англійскій рабочій людъ, особенно способный къ усидчивому труду, немало содѣйствовалъ успѣху.

Посмотримъ однако ближе, на сколько непроизводительна почва Соединеннаго Королевства. Одна половина Англіи покрыта или каменистыми горами, или торфяными бо-

лотами, другая половина представляет или глинистую волнистую мѣстность, или известково-песчаную. Торфяная почва покрываетъ большія пространства на востокѣ и отчасти даже на западѣ. Въ очень многихъ мѣстностяхъ воздѣлывать землю мѣшаютъ обширные пески, нанесенные океаномъ: такое песчаное пространство представляетъ между прочимъ почти все графство Норфолькское, гдѣ, кстати замѣтимъ, земледѣіе находится въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Весь бассейнъ Темзы состоитъ изъ глубокой, вязкой кирпичной глины, которая, правда, дала отличный матеріалъ для построекъ столицы, но которая требуетъ чрезвычайныхъ усилій отъ земледѣльца. На сколько такая земля неудобна для обработки, извѣстно всѣмъ, но здѣсь эти неудобства увеличиваются еще влажностью климата. Если такую землю оставить безъ ухода, глина никогда не высохнетъ; если ее совсѣмъ не измѣнить посредствомъ удобрения и не осушить дренажемъ (искусственное осушеніе), она всегда будетъ истиннымъ несчастьемъ для фермеровъ. Мѣловой хребетъ тянется по всему южному берегу Англіи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пересекаетъ эту огромную глинистую полосу. Нерѣдко чистый мѣлъ показывается здѣсь даже на поверхности земли. Княжество Валлійское представляетъ сплошную массу горъ съ бесплоднымъ грунтомъ.

Климатъ Великобританіи тоже не особенно привлекателенъ. Туманы и дожди ея вошли въ пословицу; чрезвычайная сырость неблагоприятна для пшеницы, которая составляетъ здѣсь предметъ особенной заботы земледѣльца, такъ какъ въ Англіи употребляютъ не ржаной, а пшеничный хлѣбъ. Подъ холоднымъ небомъ Англіи мало растений, которыя могутъ созрѣвать безъ искусственного ухода; оно благоприятствуетъ только травамъ и корнеплоднымъ, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ *турнепсъ*, т. е. бѣлая рѣпа. Однако англійскіе земледѣльцы удивительно хорошо сумѣли обратить въ свою пользу характеристическія особенности этого своеобразнаго климата. Дождливое лѣто, продолжительная осень, умѣренная зима — поддерживаютъ всегда зеленѣющую растительность, и англичане оставляютъ подъ лугомъ громадныя пространства земли. Зимой, даже въ нагорной части Шотландіи, снѣгъ скоро таетъ, и стада овецъ и рогатаго скота круглый годъ пасутся на пастбищѣ, а верхній слой земли рѣдко промерзаетъ болѣе нежели на два, на три дюйма.

Англія до такой степени сумѣла поборотъ всѣ препятствія, что еще до 1848 года она была лучше воздѣлана и болѣе производила, разумѣется, пропорціонально съ своею поверхностью, чѣмъ сѣверозападная часть Франціи; Нижняя Шотландія по меньшей мѣрѣ соперничала съ востокомъ Франціи; даже Ирландія, убогая Ирландія, была богаче произведеніями земли, чѣмъ южная часть Франціи. Одна только верхняя Шотландія, и то не по винѣ своихъ жителей, уступала соответствующимъ ей областямъ во Франціи. Послѣ же сорокъ восьмага года, въ эти двадцать девять лѣтъ, Англія сдѣлала громадные успѣхи въ земледѣліи.

Главное богатство сельскаго хозяйства англичанина — овцы. Если вамъ придется проѣхать, хотя по желѣзной дорогѣ, какое бы то ни было изъ англійскихъ графствъ, вы будете болѣе всего поражены громаднымъ количествомъ овецъ, пасущихся на поляхъ. Къ тому-же овцы эти чрезвычайно крупны, а слѣдовательно даютъ болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было мяса и шерсти. Разчетливый и практическій англичанинъ замѣтилъ, что овцу легче прокормить, чѣмъ всякій другой родъ скота. Кормъ, который идетъ на нее, она возвращаетъ сторицею, такъ какъ она даетъ самый лучший навозъ. Хорошо выкормленная овца, вмѣстѣ съ этимъ, даетъ и больше мяса, которое считается у англичанъ лакомымъ кушаньемъ, и больше шерсти. Вслѣдствіе этого англійскій землевладелецъ прежде всего старается развести большое число овецъ; въ Великобританіи часто попадаются огромныя фермы, которыя почти не имѣютъ другаго скота. Британскіе

острова еще во времена римлянъ славилась громадными стадами овецъ. Число этихъ животныхъ, необыкновенно свойственныхъ англійскому климату и почвѣ, чрезвычайно увеличилось съ тѣхъ поръ, а породы ихъ улучшились. Прежде въ Англии, какъ и въ другихъ мѣстахъ, гонялись больше за шерстью, и богатые земледѣльцы старались выписывать себѣ мериносовъ изъ Испаніи, но они гибли отъ сыраго климата Англии. Тогда одинъ англичанинъ, по имени Беквелль, развелъ въ своихъ помѣстьяхъ огромныя стада овецъ и предпочиталъ между ними породы, свойственныя англійскому климату. До него англійскія овцы годились къ бойнѣ не ранѣе четырехъ лѣтъ. Беквелль доказывалъ, что если-бы можно было сдѣлать овецъ годными къ бойнѣ къ концу втораго года, то однимъ уже этимъ можно было-бы удвоить доходъ, приносимый овцеводствомъ. На своей фермѣ, въ Дипли-Гренджъ въ Лейстерширѣ, онъ сталъ преслѣдовать осуществленіе этой мысли съ настойчивостью и энергіей, которыя такъ характеризуютъ англійскій народъ, и послѣ многихъ лѣтъ усилій и жертвъ достигъ-таки своей цѣли.

Беквелль сдѣлалъ для обогащенія своей страны не менѣе своихъ современниковъ Аркрайта и Уатта. Обогативъ свою страну, и самъ Беквелль получилъ громадные барыши. Богатство, доставленное этимъ человѣкомъ его отечеству, неисчислимо. Если-бы было возможно высчитать, что принесла англійскимъ землевладѣльцамъ въ теченіи 80 лѣтъ одна Диплійская порода, то результаты оказались бы изумительныя. 35 милліоновъ англійскихъ овецъ ежегодно даютъ шерсти 146 милліоновъ фунтовъ, а мяса 878 милліоновъ фунтовъ.

Англія славится также рогатымъ скотомъ и лошадьми. Въ то время, какъ въ Европѣ, кромѣ молочныхъ продуктовъ, требуютъ и работы, въ Англии думаютъ только о томъ, какъ бы изъ него извлечь побольше молока и мяса. Для работы же они употребляютъ лошадей. Можетъ быть вслѣдствіе того, что англійскія коровы совсѣмъ не работаютъ и почти круглый годъ пасутся на тучныхъ зеленѣющихъ пастбищахъ, онѣ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, отличаются здѣсь изобиліемъ молока. Англичане чрезвычайно любятъ молоко и употребляютъ въ своей кухнѣ во всѣхъ видахъ. Эта привычка къ молочной пищѣ восходитъ къ глубокой древности; еще Цезарь сказалъ о жителяхъ Великобританіи: «молокомъ и мясомъ живутъ они». У англичанъ нѣтъ обычая, какъ у французовъ, итальянцевъ и испанцевъ, готовить свои кушанья на оливковомъ маслѣ или салѣ, — они употребляютъ исключительно масло, и каждый день у нихъ является на столѣ сыръ. Трудно вообразить себѣ, какія огромныя количества сыра и масла производятся въ Соединенномъ Королевствѣ; одно графство Честеръ продаетъ сыру на милліонъ фунтовъ стерлинговъ. Но англичане не довольствуются своимъ собственнымъ производствомъ и привозятъ еще много иностранныхъ молочныхъ продуктовъ.

Изъ домашнихъ животныхъ мы еще скажемъ нѣсколько словъ о лошадяхъ и свиньяхъ. Что касается лошадей, то англійскіе заводы не имѣютъ себѣ равныхъ, и мы достаточно говорили объ этомъ въ предыдущихъ статьяхъ. Самою громкою и заслуженною славой между всѣми лошадьми пользуется англійская скаковая лошадь. За нихъ англійскіе леди и лорды, если не имѣютъ своего завода, платятъ баснословныя цѣны. Въ Англии есть не одинъ владѣлецъ, скаковая лошадь котораго стоитъ полтора-два тысячъ рублей на наши деньги и болѣе. Баснословныя цѣны, которыя бросаютъ англичане на своихъ скаковыхъ лошадей, доказываютъ, что представителей этого сорта животныхъ немного. Не преувеличивая, можно сказать, что все богатство англичанъ часто служитъ только для того, чтобы содержать заводы, откуда выходятъ животныя, столь высокаго цѣннаго. Красивый конь — мечта молодой дѣвушки и единственное удовольствіе старухи — ея матери; о немъ мечтаетъ щеголь и франтъ столько же, какъ и челоуѣкъ поспѣвшій въ трудахъ. Хорошая лошадь — первая необходимость всякаго благоустроен-

наго хозяйства, источникъ наслажденія для дѣтей, которыя съ трехъ, четырехъ лѣтъ скачутъ на лошадяхъ черезъ заборы. Однимъ словомъ лошадь въ Англіи — національная страсть.

Въ каждомъ европейскомъ хозяйствѣ прежде всего стараются посѣять какъ можно больше различныхъ хлѣбовъ, которые служатъ пищею человѣку; въ Англіи дѣлаютъ совсѣмъ наоборотъ. Здѣсь многолѣтняя опытность ученыхъ и сельскихъ хозяевъ показали, что почву болѣе всего истощаетъ зерновой хлѣбъ. Вслѣдствіе этого они стали придерживаться такого порядка: одинъ годъ они сѣютъ корнеплодные растенія, въ особенности бѣлую рѣпу — турнепсъ; во второй годъ — яровые хлѣба, т. е. овесъ и ячмень; въ третій годъ — травы, въ особенности клеверъ, и наконецъ въ четвертый годъ — пшеницу. Эта система называется четырехпольной. Англичане уже издавна замѣтили, что ихъ климатъ болѣе всего благоприятствуетъ лугамъ, и они нашли болѣе выгоднымъ для себя поддерживать это, такъ сказать, естественное стремленіе природы. Такъ какъ животное удобреніе скорѣе всего возвращаетъ почвѣ ея плодородіе, истощенное посѣвомъ хлѣбовъ, они рѣшили, что имъ нужно какъ можно больше держать скота. Такое хозяйство приноситъ имъ неисчислимыя выгоды, къ тому же англичанинъ, какъ житель сѣвера, болѣе нуждается въ мясѣ, чѣмъ житель юга. Вотъ почему они не довольствуются естественными лугами и занимаются травосѣяніемъ и разведеніемъ корнеплодныхъ растеній, употребляемыхъ въ кормъ скоту. Кромѣ того, съ каждымъ годомъ, все болѣе свои хлѣбныя поля они превращаютъ въ луга и пастбища, или засѣваютъ ихъ растеніями. вмѣстѣ съ этимъ число овецъ все увеличивается, а производство зерновыхъ хлѣбовъ уменьшается. Такимъ образомъ, относительно количества скота, разнообразія разводимыхъ породъ, высокаго достоинства молочныхъ продуктовъ, Англія достигла блестящихъ результатовъ. Но уменьшая съ каждымъ годомъ количество полей, страна эта прежде всего лишаетъ своихъ земледѣльцевъ подходящаго заработка и кромѣ того, не имѣя возможности самостоятельно снабжать свое населеніе хлѣбомъ, она находится въ большей зависимости отъ иностранныхъ государствъ, чѣмъ какая-либо другая страна Европы и съ каждымъ годомъ зависимость эта увеличивается.

Огромные луга, густая, сочная, вѣчно свѣжая зелень всюду — вотъ самое сильное впечатлѣніе, которое производитъ эта страна на путешественника, когда онъ впервые пробѣгаетъ по ней. Не смотря на громадные луга, англичане мало заготавливаютъ сѣна, такъ какъ кормятъ зимою скотъ турнепсомъ. Здѣшній скотъ приходится только прокармливать, такъ какъ онъ почти круглый годъ питается свѣжею травой на пастбищахъ. Только въ очень немногихъ мѣстностяхъ Англіи, и то только въ самое послѣднее время, стали держать скотъ въ заперти. Въ большей же части мѣстностей скотъ поѣдаетъ посѣянную траву и рѣпу на корнѣ. Двѣ трети поверхности страны предоставлены въ Англіи скоту. Вотъ причина совершенно особенной прелести англійскаго ландшафта. Кромѣ очень немногихъ мѣстностей въ Европѣ, нигдѣ не увидишь веселой картины зеленыхъ луговъ, покрытыхъ вольнопасущимися стадами, — картины, всюду представляющей взору въ Англіи.

Зеленныя изгороди и деревья, окаймляющія поля, придаютъ ландшафту много прелести. Такъ какъ скотъ пасется поочередно въ каждомъ участкѣ, то англичане и устраиваютъ эти изгороди, чтобы загонять скотъ въ огороженное со всѣхъ сторонъ пространство и оставлять его безъ всякаго присмотра. Намъ кажется страннымъ встрѣчать скотъ, особенно же овецъ, на лугахъ, довольно далеко отъ жилищъ ихъ хозяевъ. Но англичане давно истребили у себя волковъ, а отъ посягательства воровъ ихъ защищаетъ полиція. Такимъ образомъ эти изгороди, какъ и почти все въ Англіи, служатъ двѣ службы: и украшеніемъ, и полезною защитой.

Что же касается обычая пасти скотъ въ полѣ, то и изъ этого англичане опять-таки извлекаютъ огромныя выгоды: мѣстности неплодородныя такимъ образомъ унавоживаются и становятся постепенно производительными. Однако въ послѣднее время многіе стали оспаривать пользу живыхъ изгородей и находятъ болѣе полезнымъ запереть скотъ въ стойлахъ. Во многіхъ мѣстностяхъ хозяева стали замѣнять живыя изгороди простыми оградами: они утверждаютъ, что первыя гораздо больше занимаютъ мѣста, къ тому же своими корнями и тѣнью онѣ вредятъ хлѣбамъ и наконецъ въ своихъ вѣтвяхъ укрываютъ множество птицъ, пожирающихъ сѣмена во время посѣва.

Тѣ хозяева, которые находятъ болѣе выгоднымъ держать скотъ въ стойлахъ, устраиваютъ у себя такіе скотныя дворы, о какихъ мы не имѣемъ и понятія. Скотный дворъ здѣсь строятъ изъ досокъ. Но чтобы воздухъ въ стойлахъ былъ всегда чистъ, эти доски не плотно сколачиваютъ. Такія помѣщенія для скота обвѣшиваются внутри соломенными циновками, которыя, смотря по надобности, поднимаются и опускаются для защиты животныхъ отъ солнца и непогоды. Подъ ногами у нихъ полъ съ отверстиями, черезъ которыя навозъ проваливается въ яму. Тутъ же рядомъ стоятъ каменные корыта съ водой и кормомъ. Здѣшній хозяинъ прежде всего старается, чтобы всѣ помѣщенія для скота были необыкновенно чисты, свѣтлы, теплы зимою и прохладны лѣтомъ, избавлены отъ рѣзкихъ переизмѣненій температуры и всего того, что можетъ беспокоить особенно коровъ, проводящихъ дни свои въ полномъ, ненарушаемомъ спокойствіи и довольствіи, весьма важномъ для обильнаго отдѣленія молока. При входѣ въ здѣшній скотный дворъ всякаго поражаетъ отсутствіе зловонія. Навозъ сквозъ отверстія въ полу падаетъ прямо въ каналы и оттуда стекаетъ въ резервуаръ, гдѣ смѣшивается съ водой и съ разными удобряющими веществами. Отсюда эта жидкость течетъ по подземнымъ трубамъ, расходящимся по всѣмъ направленіямъ. Черезъ каждыя сто сажень отъ этихъ трубъ идутъ вертикально другія, доходящія до поверхности земли; верхнее отверстіе ихъ закрывается крышкою. Когда требуется удобрить какую нибудь часть поля, эта крышка отворяется, и къ трубкѣ привинчивается гуттаперчевая кишка. Насосъ, приводимый въ дѣйствіе паровою машиною, гонитъ жидкость по трубкѣ, а работникъ, направляя подвижную эластическую кишку, поливаетъ изъ нея кругомъ, какъ пожарною трубой. Одинъ взрослый работникъ, при помощи мальчика, можетъ такимъ образомъ въ одинъ день удобрить около двухъ десятинъ.

Поля и луга доведены у англичанъ до совершенства, такъ какъ никто въ мірѣ не знаетъ лучше ихъ осушать луга отводными канавами, искусственно поливать ихъ, выбирать подходящее къ свойствамъ почвы удобреніе, очищать ихъ отъ камней, размножать на нихъ питательныя растенія и истреблять дурныя; наконецъ нигдѣ такъ щедро не расточаютъ капитала на первоначальное устройство и постоянное улучшеніе луговъ, какъ здѣсь, если только есть какая нибудь надежда извлечь изъ нихъ соотвѣтственную выгоду. Такія упорныя усилія привели къ удивительнымъ результатамъ.

Изъ корнеплодныхъ растеній въ Англій болѣе всего разводятъ картофель и турнепсъ. Картофель употребляютъ люди, но болѣе всего имъ откармливаютъ скотъ; характеристическую же особенность англійскаго хозяйства составляетъ турнепсъ; благодаря ему, бесплодные пустыри обратились въ хорошія земли, и обыкновенно, при покупкѣ фермы, ее оцѣниваютъ по количеству земли, назначаемой подъ турнепсъ. Нерѣдко случается встрѣчать участки въ нѣсколько сотъ десятинъ, сплошь занятые имъ; куда ни взглянешь, вездѣ виднѣтся его яркая зелень. Давая средства держать много скота, такъ какъ онъ служитъ ему отличнымъ кормомъ, онъ даетъ возможность получать много удобренія, слѣдовательно обезпечиваетъ успѣхъ посѣва; кромѣ того съ увеличеніемъ количества скота увеличивается количество мяса, молока и шерсти. Но этого

мало: турнепсъ очищаетъ землю отъ тунядныхъ растений вслѣдствіе тщательной обработки, которой онъ требуетъ, и природныхъ свойствъ своихъ. За то воздѣлываніе его доведено до совершенства. Англійскіе хозяева не щадятъ трудовъ своихъ при уходѣ за нимъ. При обработкѣ поля подъ турнепсъ они кладутъ самое лучшее удобреніе, часто выпалываютъ негодную траву, дѣлаютъ все для успѣшнаго роста этого любимца. Турнепсъ любить сырое лѣто—вотъ почему онъ такъ успѣшно и родится въ Англіи.

На удобреніе земли англичане смотрятъ, какъ на самое вѣрнѣйшее средство улучшить свое хозяйство и, не смотря на громадное количество удобрения, которое они получаютъ отъ своихъ многочисленныхъ стадъ, они не считаютъ его достаточнымъ для своихъ полей. Все, что только можетъ удобрить землю: кости, кровь, тряпье, отруби, всякіе остатки отъ различныхъ производствъ, животныя и растительныя вещества, наконецъ гипсъ, известь и т. п. тщательно собираются и примѣшиваются къ землѣ. Каждый хозяинъ считаетъ своей первой обязанностью испытать тотъ или другой предметъ въ природѣ, то или другое неиспытанное еще вещество, и дѣлаетъ пробу гдѣ нибудь на небольшомъ клочкѣ земли, подъ фруктовомъ деревомъ или на небольшой грядкѣ. Мало того, каждый совершенно отдается такому изслѣдованію и не броситъ наблюденія при первыхъ неудачахъ. Англійскіе корабли отправляются на край свѣта за удобрениемъ. Гуано (птичій пометь), такъ прославившійся своею плодотворною силою, привозится изъ-за далекихъ морей. Химики постоянно трудятся, то составляя новыя удобрения, то изслѣдуя свойства прежнихъ и приравливая ихъ къ извѣстнымъ почвамъ, и всѣ подобныя изслѣдованія всячески поощряются практическими хозяевами. Каждый годъ въ бюджетѣ фермы находимъ расходъ на покупку удобряющихъ веществъ, и чѣмъ онъ больше, тѣмъ болѣе богатѣетъ ферма.

Такое же вниманіе обращаютъ здѣсь на разработку земли. Ее считаютъ нужнымъ взрыть, разрыхлить, уровнять, выдолоть, осушить, чтобы вода на ней не застаивалась, чтобы газы легко могли проникать въ глубину и корни растений свободно проникали бы въ землю. Для этихъ работъ изобрѣтено множество различныхъ машинъ. Сельско-хозяйственныя выставки, которыя бывають здѣсь отъ времени до времени, изумляютъ иностранца разнообразіемъ и практичностью машинъ и огромнымъ запросомъ на нихъ въ Англіи. Онѣ чрезвычайно сокращаютъ число рукъ, необходимыхъ для сельскихъ работъ. Изъ хлѣбныхъ растений здѣсь болѣе всего заботятся объ ячменѣ—для добыванія національнаго напитка портера, и о пшеницѣ, изъ которой здѣсь пекутъ хлѣбъ. Ржи здѣсь сѣютъ мало: англичане справедливо рѣшили, что хлѣбъ пшеничный гораздо вкуснѣе и здоровѣе ржаного; между тѣмъ рожь требуетъ столько же труда и почти столько же удобрения, сколько нужно для пшеницы. Но рожь болѣе свойственна англійскому климату, чѣмъ пшеница и, чтобы заставить пшеницу родиться на своихъ поляхъ, англичанамъ долго пришлось бороться и съ своей почвой, и съ своимъ климатомъ. Удобреніе известкой помогло имъ въ этомъ.

Жизнь фермеровъ. — Увеличеніе количества пастбищъ на счетъ хлѣбныхъ полей.—Ухудшеніе положенія земледѣльцевъ и ихъ эмиграція.—Крестьяне и ихъ жены; горькая судьба ихъ семействъ; ихъ жилища и заработокъ.—Сельская жизнь.—Различіе между англійскимъ городомъ и селомъ.—Любовь англичанъ къ деревенской жизни.

Въ Англіи земля находится въ рукахъ нѣсколькихъ тысячъ семействъ. Во Франціи, Соединенныхъ Штатахъ, въ Швейцаріи, Россіи—почти каждый владѣетъ хоть небольшимъ клочкомъ земли. Земля—главное богатство каждой страны; въ Англіи все это богатство сосредоточивается въ рукахъ небольшого числа лицъ—преимущественно ари-

стократіи, народъ же тамъ совѣмъ не имѣетъ земли. Вотъ почему въ Англіи такъ богаты, такъ могущественны, живутъ съ такимъ царскимъ великолѣпіемъ и блескомъ высшіе классы и почему такъ бѣдны, несчастны землепашцы, которые по найму обрабатываютъ землю богатыхъ землевладѣльцевъ и не имѣютъ собственного клочка земли. Англія — страна могущественной, замѣчательно богатой аристократіи и непримѣрнаго пролетаріата (нищенства)! Нація эта не только аристократична по своимъ учрежденіямъ, но по правамъ своихъ жителей и еще болѣе потому, что самые большіе капиталы, самыя громадныя помѣстья—все сосредоточено въ однѣхъ рукахъ. Мало того съ каждымъ днемъ страна эта становится болѣе аристократическою по дороговизнѣ жизни, слѣдовательно менѣе доступною для бѣднаго человѣка. Здѣсь дорого достать себѣ необходимые предметы для жизни, — еще дороже стоитъ пользоваться благосостояніемъ и исполнять всѣ тонкости приличія. Недаромъ же здѣсь одинъ налогъ на роскошь—на экипажи, на лошадей, на гербы, на собакъ и тому подобное — приноситъ казначейству по двадцати милліоновъ рублей на наши деньги. Сама аристократія начинаетъ беспокоиться несоразмѣрнымъ распредѣленіемъ богатствъ. Вотъ что еще въ 1844 г. говорилъ лордъ Джонъ Россель въ палатѣ общинъ, стараясь обратить вниманіе на положеніе страны. «Неудовольствіе, — говорилъ онъ, — какъ земледѣльческихъ, такъ и мануфактурныхъ округовъ—нынче уже фактъ, признанный всѣми. Вникая внимательно въ этотъ вопросъ, нельзя не сознаться, что, по недостатку ли законовъ, или вопреки законамъ, *рабочіе классы въ Англіи не сдѣлали тѣхъ успѣховъ въ довольствіи и благосостояніи какъ другіе классы*. Сравнивая настоящее положеніе Англіи съ тѣмъ, чѣмъ она была назадъ тому сто лѣтъ, нельзя не согласиться, что высшій классъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ роскоши и что средства, которыми располагалъ средній классъ для доставленія себѣ комфорта и жизненныхъ удобствъ, также значительно увеличились; рассматривая же положеніе рабочаго класса и сравнивая количество необходимыхъ въ жизни предметовъ, которые могъ доставить ему заработокъ въ серединѣ прошлаго столѣтія съ тѣмъ, что онъ можетъ добыть себѣ въ настоящее время, мы убѣдились, что народъ не принималъ участія въ прогрессѣ цивилизаціи и человѣческихъ познаній въ равной мѣрѣ съ другими классами общества». Другой представитель аристократіи идетъ дальше и дѣлаетъ передъ палатою самое искреннее и полное признаніе. «Главнѣйшая опасность въ настоящее время для таковой большой страны, какъ Англія—скопленіе собственности въ немногихъ рукахъ». Въ четверть столѣтія, которые протекли съ тѣхъ поръ, богатство богатыхъ и нищенство бѣдныхъ еще болѣе увеличились.

Землевладѣльцы, хотя и живутъ въ своихъ помѣстьяхъ, но отдають свои земли въ наемъ фермерамъ, иногда одному, а еще чаще нѣсколькимъ лицамъ. Фермеры хозяйничаютъ и для обработки земли, которую они взяли на аренду, нанимають рабочихъ въ года или на извѣстный только срокъ, а то и помѣсячно, и даже поденно. Есть, конечно, въ огромныхъ имѣніяхъ многихъ лордовъ отдѣльные участки, обрабатываемыя подъ личнымъ вѣденіемъ владѣльцевъ; встрѣчаются въ нѣкоторыхъ частяхъ Англіи и мелкіе владѣльцы (yeomen), сами воздѣлывающіе свои поля, но это только исключенія, и къ тому же эти мелкіе владѣльцы съ каждымъ годомъ все болѣе исчезаютъ. Кругомъ хорошо устроенныя хозяйства заставляютъ и мелкаго владѣльца, прежде чѣмъ что нибудь приобрести, дѣлать огромныя затраты на хозяйственное обустройство и различныя усовершенствованія: на дренажъ, на машины, на жилия постройки. Иначе хозяйство его въ этой странѣ и совѣмъ не можетъ пойти. Все это требуетъ большаго капитала, а его то обыкновенно и нѣтъ у мелкаго землевладѣльца, и онъ кончаетъ тѣмъ, что продаетъ свой участокъ и на эти деньги арендуетъ землю у крупнаго землевладѣльца. Землю отдають на аренду фермеру на двадцать одинъ годъ, но часто и на меньшій срокъ. Въ бо-

гатѣйшихъ частяхъ Англїи фермеры выручаютъ до 35 руб. съ гектара и получаютъ доходъ отъ 1,000 до 10,000 руб. Это сословіе имѣетъ большое значеніе въ странѣ, такъ какъ оно живетъ осѣдно на арендуемой землѣ, какъ и сами землевладѣльцы. Живутъ они хорошо, нерѣдко съ большимъ комфортомъ, и даже удостоиваются, что въ Англїи вовсе не шутка, называться джентльменами, хотя правда съ прибавленіемъ фермеръ (gentleman farmers). Они живутъ большею частью въ скромномъ довольствѣ, непременно подписываются на газеты и журналы, въ праздникъ подаютъ бутылку кларета (краснаго вина): дочери ихъ учатся играть на фортепiano. Если вы имѣете въ рукахъ рекомендательныя письма, то можете быть увѣрены, что васъ прекрасно примутъ въ этихъ простыхъ и добродушныхъ семействахъ. Чтобы ближе познакомиться съ бытомъ фермеровъ, войдемъ сначала въ скромную ферму, а затѣмъ и въ болѣе богатую. Вотъ этотъ фермеръ арендуетъ сто акровъ. Чистота въ домѣ и кругомъ, куда бы вы ни обернулись, — замѣчательная. Стѣны всѣхъ построекъ бѣлятся каждый годъ, полы блестятъ своею чистотой, у всѣхъ столиковъ разостланы небольшіе коврики, отъ дверей до дверей клеенки или чистѣйшіе половики. Домъ старинный, на дворѣ великолѣпныя сосны, хорошенкїй зеленый садъ окаймляетъ одинъ изъ флигелей, въ большой залѣ старинная мебель. Лѣстницы изъ массивнаго дерева и великолѣпный буфетъ XVI вѣка; отличный каминъ, у котораго грѣются въ холодные дни; нѣсколько прекрасныхъ эстамповъ по стѣнамъ и много хорошихъ и серьезныхъ книгъ. Этотъ фермеръ платитъ сто фунтовъ землевладѣльцу и кромѣ того разныя подати; у него обыкновенно дюжина великолѣпныхъ лошадей и паровая молотилка.

Теперь отправимся на ферму въ 600 акровъ. Фермеръ платитъ землевладѣльцу отъ 600 до 700 ф. стерлинговъ. Жена фермера отлично образованная, роскошно одѣтая женщина, вводитъ васъ въ большую гостинную. Вы поражены комфортомъ и изяществомъ: большія свѣжія занавѣси на золоченыхъ карнизахъ, зеркала въ изящныхъ рамахъ, превосходная мягкая мебель; посрединѣ столъ съ дорогими альбомами, съ книгами въ богатыхъ переплетяхъ, — словомъ настоящій салонъ. Рядомъ съ домомъ родъ теплицы, стеклянная терраса, убранная цвѣтами, съ прелестнымъ видомъ на луга и поля. Хозяйка дома много читаетъ, серьезно занимается какою нибудь отраслюю знанія, непременно имѣетъ лично для себя дорогую верховую лошадь, необыкновенно ловко умѣетъ ѣздить, и въ тоже время она отличная хозяйка, въ случаѣ надобности умѣетъ хорошо приготовить весь обѣдъ.

Совершенную противоположность всему этому представляетъ жизнь крестьянина. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ получаетъ за свой еженедѣльный трудъ отъ 7 до 8 шиллинговъ въ недѣлю и въ очень многихъ мѣстностяхъ 9 ш. Но въ самое послѣднее время эта плата почти всюду сильно понизилась и теперь не мало существуетъ мѣстностей, гдѣ она не превышаетъ 3-хъ, 4-хъ ш. въ недѣлю. Такимъ образомъ средній заработокъ до 10 руб. въ мѣсяцъ на наши деньги, при самомъ тяжеломъ трудѣ. Онъ получить въ годъ 120 р., если круглый годъ будетъ вполне здоровъ и никакія семейныя дѣла не помѣшаютъ ему работать каждый день съ утра до вечера. Крестьянина разумѣется нѣсколько выручаютъ его жена и старшія дочери, которыя выполняютъ у фермера различныя работы и въ особенности ходятъ полоть овощи. Но даже и при цвѣтущемъ здоровьи землешца, и въ томъ случаѣ, когда всѣ члены семьи могутъ что-нибудь зарабатывать, на свой мизерный заработокъ онъ можетъ жить только такъ, чтобы не умереть. «На югѣ и западѣ Англїи», говоритъ одинъ знаменитый экономистъ, серьезно изучившій жизнь англійскаго сельскаго рабочаго, «жизнь сельскихъ работниковъ полна непрестаннаго труда за жалованье, слишкомъ скудное для того, чтобы удовлетворять самымъ необходимымъ потребностямъ жизни. Никакая надежда не озаряетъ ихъ однообразнаго суще-

ствования; жизнь постоянного труда не представляет имъ никакой другой перспективы, кромѣ необходимости, по истощеніи силъ, прибѣгнуть въ качествѣ нищихъ къ вспомошествованію прихода». «Я видѣлъ на этихъ дняхъ», говоритъ другой писатель, «два рисунка одного сатирическаго журнала по этому предмету. Помѣщикъ показываетъ гостю свои конюшни—верхъ совершенства. «У меня, говоритъ хозяинъ, какъ видите, славныя стойла: много воздуха, много свѣта, дренажъ; лучшая вода и лучший кормъ—вотъ моя система». Затѣмъ они переходятъ въ коттеджъ, гдѣ помѣщаются работники-землепашцы: единственная комната—почти пустая; на полу три разбитыхъ тарелки и кривой чайникъ; жалкое подобіе человѣка, въ лохмотьяхъ, грѣется съ мрачнымъ видомъ передъ очагомъ, въ который брошена небольшая кучка хвороста; женщина со впалыми глазами лежитъ съ двумя дѣтьми на какомъ то грязномъ тряпѣ въ одномъ углу, въ другомъ видна молодая дѣвушка и молодой человѣкъ,—у всѣхъ ихъ истомленный замученный видъ и гость говоритъ помѣщику: «устройство вашихъ конюшенъ превосходно; не попробовать ли вамъ примѣнить эту систему и здѣсь»? Язвительно, но вполне заслуженная иронія.

При англійскомъ обычаѣ отдавать землю въ аренду, никто не заинтересованъ тѣмъ, чтобы предоставлять работнику порядочное помѣщеніе. Фермеръ не можетъ этого сдѣлать; онъ не имѣетъ права возводить постройки на землѣ, которая не ему принадлежитъ, къ тому же ему нѣтъ нужды особенно привязывать къ себѣ работниковъ, такъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ, а можетъ быть и черезъ годъ, онъ долженъ будетъ оставить аренду. Землевладелецъ, отдавая землю въ наемъ, думаетъ только о томъ, чтобы фермеръ аккуратно выплачивалъ ему аренду и не истощалъ, а все болѣе обогащалъ землю. Ему нѣтъ дѣла до того, какимъ способомъ достигнетъ этого фермеръ, такъ какъ онъ не вмѣшивается въ его хозяйственныя распоряженія, а только наблюдаетъ, чтобы онъ выполнялъ заключенныя съ нимъ условія. Если захочетъ, фермеръ можетъ очень мало нанимать рабочихъ, все обрабатывать посредствомъ машинъ. И дѣйствительно, чѣмъ фермеръ богаче, тѣмъ онъ считаетъ для себя болѣе выгоднымъ приобретать машины, которыя все болѣе вытѣсняють ручной трудъ. Настоящее сельскаго рабочаго плохо, будущее еще болѣе безнадежно; теперь онъ поденщикъ, который нисколько не заинтересованъ въ успѣхахъ земледѣлія; интересы фермера и землевладельца нисколько не связаны съ его интересами. Если онъ заявитъ малѣйшую претензію на своего хозяина, его завтра же расчитаютъ, такъ какъ тотчасъ найдется другой, желающій его замѣнить. Это происходитъ потому, что съ каждымъ годомъ все менѣе нуждаются въ его рукахъ, такъ какъ мелкія помѣстья, на которыя болѣе всего требовалось работниковъ, постепенно переходятъ въ богатыхъ землевладельцевъ. Небольшими же людьми отдѣльные участки весьма рѣдко покупаются; такая покупка сопряжена съ большими хлопотами и съ большими издержками. Покупатель не только платитъ при этомъ за гербовую бумагу, но долженъ вносить огромную пошлину разнаго рода. Высчитано, что покупатель обыкновенно долженъ нести расхода до 23 процентовъ стоимости имѣнія, которое онъ покупаетъ. Издержки продавца бываютъ еще гораздо значительнѣе. Ясно, что такія затрудненія, которыя являются при первыхъ же шагахъ, когда человѣкъ пожелаетъ приобрести себѣ собственность, отбиваютъ всякую охоту небогатымъ людямъ приобретать себѣ землю. Вотъ потому-то земли въ Англійи съ каждымъ годомъ соединяются въ болѣе и болѣе крупныя владѣнія, недоступныя для умѣренныхъ и маленькихъ капиталовъ; вотъ потому-то на поземельную собственность въ Англійи стали смотрѣть, какъ на раззорительную игрушку богачей, какъ на ихъ увеселительный паркъ, недоступный большинству вслѣдствіе своей дороговизны.

Такое положеніе дѣлъ ведетъ ко множеству самыхъ печальныхъ явленій. Крупное землевладѣніе и крупное хозяйство и въ настоящее время все увеличиваются въ размѣрѣ, а вмѣстѣ съ этимъ уменьшается и число мелкихъ фермъ. Въ послѣднее время особенно

возрасло число фермъ свыше 300 акровъ. Рука объ руку съ этимъ, мы замѣчаемъ и другое явленіе, которое уже оказываетъ и въ очень близкомъ будущемъ будетъ имѣть для земледѣльческаго класса этой страны самыя гибельныя послѣдствія. Мы уже говорили въ предыдущей главѣ, что хлѣбныя поля въ Англіи, съ каждымъ годомъ, все болѣе и болѣе замѣняются, или засѣваются ихъ растеніями. Такимъ образомъ, не только увеличивающееся количество все болѣе усовершенствованныхъ земледѣльческихъ машинъ постепенно лишаетъ работы множество рабочихъ, но это происходитъ еще несравненно болѣе вслѣдствіе паденія земледѣлія и замѣны его скотоводствомъ. Статистика служитъ этому неопровержимымъ доказательствомъ: еще 50 лѣтъ тому назадъ земледѣльческими работами въ Англіи занималась пятая часть населенія; теперь же имъ занята лишь десятая часть. Еще въ 1851 г. земледѣльческихъ рабочихъ въ Англіи было 1.110,311 ч., черезъ 20 лѣтъ, а именно въ 1871 г. ихъ уже насчитывали только 922,054 человекъ. Между тѣмъ, съ тѣхъ поръ только въ продолженіе 3-хъ лѣтъ, съ 1871 г. по 1873, количество земли, засѣваемой травами увеличилось на 34 милліона акровъ, а количество земли подъ пашней въ тоже время уменьшилось на 35,000 милліоновъ акр. Это повело къ тому, что и безъ того жалкая заработная плата земледѣльцевъ все уменьшается. Совершенная невозможность даже въ проголодь поддерживать существованіе своего семейства на такой ничтожный заработокъ, заставляетъ рабочихъ массами выселяться изъ Англіи. Въ этомъ году (т. е. въ 1879 г.) только изъ двухъ графствъ Кента и Сассекса, въ одномъ февралѣ, выселилось въ Новую Зеландію разомъ до двухъ тысячъ сельскихъ рабочихъ. За этимъ передовымъ отрядомъ, изъ тѣхъ же графствъ, готовятся послѣдовать еще до шести тысячъ человекъ. Трудно представить себѣ, какую глубокую ненависть къ родинѣ уносятъ съ собою эти высленцы.

Обстановка и жизнь земледѣльческаго люда въ Англіи самая неприглядная. Такое впечатлѣніе усиливается также и тѣмъ, что англичанинъ не можетъ похвастать, какъ французъ, изворотливостью въ хозяйственномъ отношеніи своей жены и дочерей. Мы видѣли (см. «Жизнь европейскихъ народовъ. Жители юга», т. I., ст. Франція и французы), съ какимъ искусствомъ француженка, жена какъ фабричнаго, такъ и сельскаго рабочаго изъ самой невообразимой дряни умѣетъ состряпать что-то съѣдобное; съ какимъ изяществомъ изъ разнаго тряпья она устраиваетъ старшей дочери прелестный костюмъ; съ какою экономическою расчетливостью, доведенною до виртуозности, она умѣетъ продать и купить, вывернуть платье на изнанку, сдѣлать изъ остатковъ новое кушанье. Крестьянки и вообще всѣ женщины низшихъ классовъ въ Англіи представляютъ совершенную противоположность француженкамъ: онѣ неповоротливы, неискусны, совсѣмъ не умѣютъ хозяйничать, плохо стряпаютъ, не одарены искусствомъ покупать и торговать, и тѣмъ болѣе умѣнемъ француженокъ дѣлать многое изъ малаго и что-нибудь изъ ничего.

Жилища этихъ несчастныхъ землепашцевъ ужасны, когда имѣешь возможность посмотреть на нихъ вблизи: всѣ онѣ чрезвычайно ветхи, покосились на бокъ, съ соломенной крышею, съ маленькими свинцовыми рамами и гранеными стеклами. Но издали наружный видъ жилища производитъ самое пріятное впечатлѣніе: покосившагося строения нельзя разсмотрѣть, маленькія окна и низенькія стѣны, все сплошь живописно драпировано жасминомъ, жимолостью и другими ползучими растеніями. Вотъ почему многіе путешественники съ восторгомъ говорятъ о роскошной прелести англійской сельской жизни. Жаль, что чудный пейзажъ и эстетическая внѣшность жилища мало облегчаютъ страданія англійскихъ крестьянъ, жизнь которыхъ такъ же тяжка и печальна, какъ и жизнь африканскихъ негровъ. Не смотря однако на это, англійскія села, сравнительно съ селами всѣхъ европейскихъ государствъ, изумляютъ царскою роскошью, замѣчательнымъ великолѣпіемъ и убранствомъ своихъ садовъ и парковъ.

Въ предыдущей статьѣ мы уже упоминали о томъ, что отличному состоянію сельскаго хозяйства въ Англіи, не смотря на ея дурную почву, чрезвычайно содѣйствовала дружная помощь всѣхъ классовъ общества. Кто занимается здѣсь усовершенствованіемъ почвы, кто увеличеніемъ продуктовъ, которые оплодотворяли бы землю и содѣйствовали богатой жатвѣ; одни жертвуютъ громадныя капиталы, чтобы примѣнить у себя тотъ или другой способъ земледѣлія, другіе изобрѣтаютъ машины, усовершенствуютъ породы и увеличиваютъ количество скота. Но болѣе всего, кажется, успѣху англійскаго земледѣлія содѣйствовала любовь самыхъ богатыхъ и знатныхъ людей Англіи къ сельской жизни. Любовь къ природѣ — историческая, національная черта этого народа. Саксонцы и норманны — дѣти лѣсовъ. Варварскія племена, изъ смѣшенія которыхъ образовался англійскій народъ, всѣ съ духомъ личной независимости соединяли врожденное влеченіе къ жизни уединенной. Совсѣмъ другое встрѣчаемъ мы у народовъ латинскихъ. Вездѣ, гдѣ сохранилось вліяніе римскаго духа, въ Италіи, въ Испаніи и до извѣстной степени во Франціи, города рано одержали верхъ надъ селеніями. Римскія поля были предоставлены рабамъ; между тѣмъ все, что только искало какого-нибудь отличія и развлечения, стекалось въ городъ. Эта черта и осталась въ обществахъ ново-латинскихъ. Еще и теперь для итальянца, испанца и въ особенности для француза село — нѣчто въ родѣ мѣста ссылки. Городъ — вотъ куда они всѣ стремятся: тамъ умственные наслажденія, развлечения, общественная жизнь, политика, вся роскошь страны, только тамъ они могутъ «сдѣлать карьеру». У народовъ германскихъ, и особенно у англичанъ, другіе вкусы: англичанинъ менѣе общежителенъ, чѣмъ французъ. Въ немъ, часто не смотря на его высокое образованіе и широкую общественную и политическую дѣятельность, все-таки остается что-то отъ тѣхъ дикарей, отъ которыхъ онъ произошелъ; онъ ни за что надолго не заключитъ себя въ стѣнахъ города, и свѣжій воздухъ — его природная стихія. Въ Англіи это стремленіе, общее всѣмъ племенамъ сѣвера, проявилось тѣмъ въ большихъ раздѣлахъ, что страна эта была менѣе заселена, менѣе видоизмѣнена римскимъ владычествомъ. Такъ какъ въ ней не было просвѣщенныхъ и цивилизованныхъ жителей, которые могли бы вести борьбу за жизнь образованную, такъ какъ города британскіе были не болѣе, какъ бѣдныя селенія, ничего не представлявшіе для грабежа, то завладѣть полями было первымъ стремленіемъ. Все имущество этихъ племенъ состояло въ землѣ и они только и боролись за нее. Саксонцы, въ свою очередь, бились съ норманнами, обороняя свои земли и, послѣ завоеваній XI-го вѣка, первое что было сдѣлано — это раздѣленіе земли побѣжденныхъ между побѣдителями.

Когда Генрихъ VIII уничтожилъ монастыри, онъ роздалъ знатнымъ часть отобранныхъ у монаховъ имѣній. Отсюда-то ведутъ свое начало необъятныя владѣнія нѣкоторыхъ домовъ. Когда его дочь Елизавета увидѣла, что знатные, оставляя свои замки, стекаются къ ея двору, она сама приглашала ихъ возвратиться въ ихъ имѣнія, гдѣ они будутъ имѣть болѣе значенія.

Какъ аристократы, такъ и всѣ богатые классы любятъ сельскую жизнь не только ради ея самой, ради свободы, удобства, мирной дѣятельности, домашняго счастья, этихъ благъ, такъ дорого цѣнимыхъ англичанами, но и потому, что она даетъ уваженіе, вліяніе, власть.

Человѣкъ, обладающій поземельною собственностью и живущій въ деревнѣ, пользуется многими преимуществами. Самый богатый землевладѣлецъ въ графствѣ бываетъ обыкновенно лордомъ намѣстникомъ, — титулъ разумѣется болѣе почетный, чѣмъ выгодный; но богатому англичанину не нужны деньги, — онъ думаетъ только о почетѣ, власти и общественной дѣятельности. Самые богатые послѣ лорда намѣстника землевладѣльцы бываютъ мировыми судьями, т. е. первыми и почти единственными администра-

тивными и судебными чиновниками, представителями общественной власти. Во Франціи чиновники почти все чужіе люди въ томъ департаментѣ, въ которомъ они управляютъ; они не знаютъ и часто не понимаютъ мѣстныхъ интересовъ. Въ Англіи сами землевладельцы бывають чиновниками въ своей мѣстности. Во Франціи человекъ, желающій играть какую нибудь роль, желающій имѣть какое либо общественное значеніе, серьезно работать на поприщѣ литературы или какой нибудь науки, долженъ бросить свою землю и домъ и ѣхать въ столицу страны — въ Парижъ; въ Англіи такіе люди могутъ оставаться въ деревнѣ. Поэтому, въ этой странѣ торговли и промышленности, все стремится къ сельской жизни. Правда, мелкій капиталистъ, какъ мы видѣли, не отваживается покупать себѣ землю, но за то всякій, кто приобретаетъ себѣ порядочное состояніе, покупаетъ землю; всякій, кто старается разбогатѣть, мечтаетъ только о томъ, какъ онъ со временемъ будетъ жить въ деревнѣ. У мало-мальски богатыхъ и значительныхъ людей предрасудокъ въ этомъ отношеніи доходитъ до того, что если кто имѣлъ несчастье родиться въ городѣ, онъ скрываетъ это, сколько можетъ: всѣмъ хотѣлось бы родиться въ деревнѣ, потому что жизнь въ деревнѣ служитъ признакомъ аристократическаго происхождения; если кто тамъ не родился, тотъ по крайней мѣрѣ хочетъ тамъ умереть, чтобы передать дѣтямъ своимъ благородное освященіе.

Прочтите въ официальныхъ объявленіяхъ списокъ членовъ палаты лордовъ: обозначивъ ихъ имя, никогда не приводятъ ихъ адресъ въ Лондонѣ, но всегда въ деревнѣ. Герцогъ Норфокъ означенъ пребывающимъ въ Арондель-Касслѣ въ графствѣ Соссексъ; герцогъ Девонширскій — въ Чатсвордъ-Паласѣ, въ графствѣ Дерби; герцогъ Портлендъ — въ Велльбекъ-Абби, графствѣ Ноттингемъ и т. д. Каждый англичанинъ знаетъ хотя по имени эти аристократическія жилища, столь же знаменитыя, какъ и самыя фамиліи. Сказанное о членахъ палаты лордовъ относится и къ членамъ палаты общинъ. Всякій изъ нихъ, кто имѣетъ сельскій домъ, непременно означаетъ его, какъ мѣсто постоянного своего пребывания. Члены обѣихъ палатъ живутъ въ Лондонѣ только во время парламентскихъ засѣданій, и слѣдовательно нанимають тамъ дома только на время. Остальное свое время они проводятъ въ деревнѣ или въ путешествіяхъ. Каждый бережетъ свою роскошь для деревни: тамъ болѣе всего они посѣщаютъ другъ друга, даютъ праздники, предпринимають различныя parties de plaisir и т. д.

Народная литература англійская вполне отчетливо обрисовываетъ отличительную черту этого народа — его любовь къ природѣ. Почти всѣ поэты англійскіе воспѣвають просторъ полей и свѣжесть лѣсовъ. Даже романы знаменитыхъ романистовъ проникнуты дивными описаніями красотъ природы и сельской жизни; въ нихъ вездѣ чувствуется живое впечатлѣніе, неподдѣльный глубокій восторгъ отъ красотъ природы. Герои романовъ обыкновенно всѣ живутъ въ деревнѣ. Всѣ искусства занимаются сельскою природою: живописцы то и дѣло рисуютъ тотъ или другой англійскій ландшафтъ или внутренность фермы. Прислушайтесь къ стихамъ любого англійскаго поэта и вы вездѣ найдете то же чувство: «О, Альбіонъ! о мой родимый островъ, дочь морей, въ твоихъ богатыхъ долинахъ кроткое солнце освѣщаетъ твою мураву; на холмахъ твоихъ, съ волнистыми скалами, эхо повторяетъ лишь голосъ стада; все улыбается и дремлетъ, и горы твои, и доли, за оплотомъ скалъ и водъ; и безбрежный океанъ, въ своемъ дикомъ шумѣ, говорить лишь о мирѣ твоему спокойному берегу».

Одинъ остроумный человекъ, путешествуя по Англіи, назадъ тому лѣтъ пятьдесятъ, говорилъ: «Я не совѣтовалъ бы здѣсь хижинамъ возставать противъ замковъ: онѣ были бы очень скоро подавлены, такъ какъ на одну хижину здѣсь приходится двадцать замковъ». Онъ еще скорѣе сказалъ бы это теперь, когда число роскошныхъ жилищъ еще болѣе увеличилось. Тотъ же наблюдатель замѣтилъ, что въ Англіи: «бѣд-

ныхъ сметають какъ соръ и собирають въ кучу въ углу». Это совершенно вѣрно обрисовываетъ наружный видъ англійскихъ селеній, гдѣ голь и бѣднота нигдѣ почти не показываются на ваши глаза. Самыхъ ужасныхъ бѣдняковъ всѣхъ согнали въ городъ, который служитъ для нихъ сорной кучей и угломъ, куда сметають этотъ соръ. Какъ въ другихъ европейскихъ земляхъ заботятся о лучшихъ частяхъ большихъ городовъ, такъ въ Англии заботятся о деревнѣ: ее очищаютъ отъ всего, что можетъ оскорбить зрѣніе и слухъ; въ ней хотятъ встрѣчать только картины мира и довольства.

Путешествуя по внутренней Англии, на каждомъ шагу поражаешься этою противоположностью города и деревни. Самые большіе города, какъ Бирмингамъ, Манчестеръ, Шеффилдъ, населены лишь работниками и торговцами: огромные кварталы имѣють видъ бѣдный и печальный. Въ этихъ городахъ мало, или совсѣмъ нѣтъ, памятниковъ искусства; немного, либо вовсе нѣтъ, роскоши; слышишь только стукъ фабричныхъ машинъ, видишь только замазанныхъ фабричныхъ или людей, нигдѣ не останавливающихся, а бѣгущихъ по дѣламъ. Каждый, кто сюда попадетъ, туристъ или мѣстный житель, старается скорѣе убѣжать отъ этого дыма и грязи, чтобы подышать за городомъ болѣе чистымъ воздухомъ и чтобы убѣжать отъ зрѣлища этого непрестаннаго труда.

Совсѣмъ другое въ англійскихъ селахъ. Громадные парки, гдѣ вы встрѣчаете столѣтніе дубы, липы, яворы, кипарисы и буки, стоятъ въ такомъ изобиліи листьевъ и цвѣта, о какомъ у насъ и понятія не имѣють. Въ центрѣ обыкновенно расположенъ садъ. Въ немъ высятся группы рододендроновъ въ полномъ цвѣту; кусты азалей, розъ, клумбы цвѣтовъ всѣхъ отгѣнковъ и переливовъ: ходишь окруженный ароматами. Вездѣ наблюдаютъ самую строгую послѣдовательность растений: одни цвѣтутъ пять, шесть недѣль, другіе послѣ нихъ, и три четверти года множество куртинъ въ полномъ цвѣту. Тутъ же и великолѣпный дворецъ владѣльца, изъ котораго прекрасный видъ на весь паркъ, имѣющій десятокъ верстъ въ окружности. Искусственные водопады, водоемы, драгоценныя статуи, соперничаютъ съ знаменитыми украшеніями загородныхъ дворцовъ европейскихъ влѣстителей. Нѣтъ скольконибудь зажиточнаго владѣльца, которому не хотѣлось бы имѣть свой паркъ. Число парковъ въ Англии огромно. Въ этихъ замкнутыхъ оградахъ, даже въ самыхъ скромныхъ изъ парковъ, разводятъ всякаго рода дичь, держатъ оленей, овецъ, коровъ. Изъ окна и съ крыльца своего дома счастливый владѣлецъ видитъ передъ собою пастушескую сцену; онъ можетъ, когда ему вздумается, скакать верхомъ по своимъ аллеямъ или охотиться въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего замка.

Держать у себя свору собакъ считается верхомъ изящества. Всѣ собираются у когонибудь изъ знакомыхъ и отправляются или на лисицу, или стрѣлять тетеревовъ на самыя неприступныя вершины верхней Шотландіи. Женщины тоже предпочитаютъ сельскія удовольствія городскимъ: предложите свѣтской дѣвушкѣ прогулку верхомъ или блестящій балъ, и она навѣрно предпочтетъ первое. Распустивъ свои длинныя волосы и одѣвшись амазонкой, она любитъ скакать черезъ изгороди и носиться какъ вѣтеръ. Кто такъ несчастливъ, что долженъ круглый годъ цѣлые дни проводить въ городѣ, постоянно мечтаетъ о томъ, чтобы какънибудь вырваться изъ его душной атмосферы, чтобы провести нѣсколько дней на фермѣ у пріятеля, или въ путешествіи по странѣ, знаменитой красотами природы. Всѣ мѣстности страны, скольконибудь живописныя, каждый годъ посѣщаются огромной толпой англичанъ, которые высмотрятъ каждый уголокъ, любятъ тѣмъ или другимъ зрѣлищемъ чуть не съ cadaго пригорка. Великимъ счастьемъ считается отправиться въ Шотландію, вволю надышаться запахомъ вересковъ.

Англійскіе монархи тоже предпочитаютъ жизнь въ деревнѣ: они живутъ въ городѣ лишь тогда, когда это необходимо. Королева, живя въ деревнѣ, сама смотритъ за птичьимъ

дворомъ, которымъ гордится, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ всѣ журналы объявили, что она открыла лекарство отъ мѣстной болѣзни у индѣйскихъ цыплятъ.

Понятно, какъ дѣйствуетъ на обогащеніе селеній это постоянное пребываніе въ нихъ самыхъ богатыхъ фамилій страны. Самая большая часть доходовъ отдается деревнѣ. Никто не захочетъ, чтобы сосѣди видѣли у него развалившіяся строенія, непроходимую дорогу, дурную упряжь, тощій скотъ, запущенныя поля; всякій гордится производительными издержками, какъ въ другихъ странахъ гордятся издержками суетными. Между тѣмъ какъ по крайней мѣрѣ треть бюджета французовъ остается въ Парижѣ, а другая треть — въ большихъ провинціальныхъ городахъ, въ Англій три четверти расходовъ изливаются на селенія.

МАТРОСЫ.

Возвращеніе судна. — Вербовщикъ. — Жизнь, характеръ и привычки англійскаго матроса. — «Sailor's home». — Стремленіе англійскихъ юношей сдѣлаться моряками.

Англія прежде всего нація морская, такъ она смотритъ и сама на себя, и лучшіе люди страны постоянно утверждаютъ, что для того, чтобы она могла удержать за собой свои обширныя колоніи, ей слѣдуетъ исключительно господствовать на морѣ. Богатство Англіи главнымъ образомъ зависитъ отъ ея цвѣтущей торговли, торговля же страны тѣсно связана съ ея флотомъ, вотъ почему флотъ составляетъ первѣйшую заботу этой страны.

Въ Англій считается болѣе 300 тысячъ человѣкъ, постоянно плавающихъ на большихъ, мелкихъ и рыболовныхъ судахъ и вообще живущихъ моремъ. Такое огромное число моряковъ въ странѣ заставляетъ насъ ближе познакомиться съ жизнью, нравами и положеніемъ въ обществѣ этихъ людей.

Едва корабль возвратится изъ дальняго плаванія и, поднимаясь по Темзѣ, достигнетъ Гравезенда, какъ его уже начинаютъ осаждать со всѣхъ сторонъ съ предложеніемъ всевозможныхъ услугъ. Сидя въ лодкахъ, люди самой подозрительной наружности приближаются къ судну и забрасываютъ матросовъ самыми ласковыми привѣтствіями и совѣтами, куда имъ слѣдуетъ направить свои стопы. Эта шумная и жаждающая добычи толпа состоитъ обыкновенно или изъ квартирныхъ хозяевъ, извѣстныхъ на матросскомъ языкѣ подъ именемъ «акулъ», или изъ ихъ помощниковъ, «вербовщиковъ». Залучивъ въ квартиру нѣсколькихъ матросовъ, вербовщикъ получаетъ за каждого изъ нихъ извѣстное вознагражденіе. Такимъ образомъ матросъ, прежде чѣмъ ступить на землю, ничего не подозрѣвая, бываетъ уже проданъ и купленъ.

Бѣдный Джекъ (такъ называется большая часть матросовъ) не знаетъ кого слушать посреди этой оглушительной, суетливой толпы, и по своему простодушію, которое даже вошло въ поговорку, на первыхъ же порахъ попадаетъ въ ловушку. И это понятно. Многіе изъ матросовъ входятъ въ первый разъ въ лондонскій портъ: друзья и родные не выходятъ къ нимъ на встрѣчу, а отъ шума, гвалта и движенія у матроса, привыкшаго къ тихой, однообразной жизни на водѣ, кружится голова; между тѣмъ онъ видитъ передъ собою людей, которые такъ дружески болтаютъ съ нимъ, такъ охотно предлагаютъ ему квартиру, гдѣ за дешевую цѣну онъ найдетъ себѣ радушный пріютъ и пищу. Впрочемъ къ «береговымъ акуламъ» часто идутъ и тѣ изъ матросовъ, которые уже были въ ихъ когтяхъ. Но Джекъ самое легкомысленное и самоувѣренное существо; онъ думаетъ, какъ могутъ его надуть во второй разъ. Иной идетъ потому, что уѣзжая

даже обѣщаніе опять помѣститься у своихъ прежнихъ хозяевъ. «Береговая акула» отлично изучила нравъ матроса: она знаетъ, что если разъ матросъ что нибудь пообѣщаль, то безъ всякихъ письменныхъ документовъ считаетъ первѣйшимъ долгомъ порядочнаго человѣка свято выполнить свое слово. И «акула» подстерегаетъ удобную минуту, когда матросъ навеселѣт и беретъ съ него слово. Вотъ почему матросъ, обыкновенно нагло обманутый и обкраденный, нерѣдко прехладнобровно отправляется въ тѣ же вертепы, которые мало по малу окончательно втягиваютъ его въ свои болота. И не одни домохозяева пользуются довѣрчивостью матросовъ. Харчевни въ морскомъ кварталѣ Лондона, гдѣ обыкновенно останавливаются матросы, украшаются къ этому времени всѣмъ, что можетъ польстить моряку. Хозяева этихъ заведеній отлично знаютъ, что ничто не веселитъ такъ сердца Джека, какъ изображенія, напоминающія ему о его ремеслѣ. Они и стараются воспользоваться этими слабостями матросовъ и украшаютъ свои дома мачтами, пушками и расписываютъ наружныя стѣны флагами морскихъ націй, ихъ эмблемами и цвѣтами. Несмотря однако на эти вывѣски, льстящія такъ самолюбію матросовъ, большинство изъ этихъ лачужекъ съ ихъ темными корридорами, мрачными и еле пропускающими свѣтъ окнами, похожи скорѣе на разбойничьи притоны, чѣмъ на увеселительные дома. Такъ какъ Джекъ до страсти любитъ всякую музыку, изъ этихъ трущобъ всегда раздается раздражающій ухо звукъ испорченной скрипки или голосъ охрипшей пѣвицы. Танцы, пьянство и табакъ — вотъ слабость матроса, и въ этомъ отношеніи эти грязныя закоулки вполне доставляютъ ему возможность удовлетворить этимъ потребностямъ. Морская жизнь на долго лишила Джека общества себѣ подобныхъ, поэтому здѣсь на землѣ онъ чувствуетъ себя совсѣмъ чужимъ; тотъ, кто еще вчера защищалъ другихъ отъ бури, не умѣетъ защитить себя отъ вѣроломства лжи и коварства. Къ тому же, щедрый по природѣ, матросъ часто доходитъ до безразсудной расточительности, бросая деньги на вѣтеръ. Онъ любитъ при случаѣ показать, что онъ богатъ, и что служба на морѣ оплачивается хорошо. Онъ любитъ дать почувствовать «береговому олуху» (такъ моряки называютъ всѣхъ не моряковъ), что золотое руно можно найти только въ морѣ, а безкорыстіе и доброе сердце только въ морякѣ, и потому въ первые дни послѣ своего приѣзда онъ бросаетъ деньги направо и налево. За это легкомысліе онъ расплачивается дорогою цѣною. По прошествіи нѣсколькихъ дней его кошелекъ дѣлается совершенно пустымъ. Этой-то минуты и ждетъ «земная акула», чтобы совершенно завладѣть матросомъ. Матросъ съ деньгами — хорошая добыча, но матросъ безъ денегъ еще выгоднѣе. Прокутившемуся матросу хозяинъ тотчасъ предлагаетъ деньги, разумѣется за огромные проценты. Послѣ долгаго путешествія Джекъ нуждается въ новомъ платьѣ, старое сильно пострадало отъ морской воды и смолы. Его другъ «акула» и тутъ беретъ ему помочь и для этого входитъ въ сношенія съ ветошникомъ, торгующимъ матросскимъ платьемъ. Такимъ образомъ онъ получаетъ отъ своего хозяина или посредствомъ его все, что пожелаетъ, но все за двойную цѣну. За эти услуги «акула» выговариваетъ себѣ у пріятеля его будущее жалованье. Бѣдный, задолжавшій матросъ ѣстъ и пьетъ у своего хозяина и все болѣе и болѣе дѣлается его рабомъ. Это нерѣдко приводитъ его къ тому, что онъ продаетъ хозяину заработокъ нѣсколькихъ лѣтъ и въ концѣ концовъ дѣлается его должникомъ на всю жизнь. Въ такихъ случаяхъ безсовѣстный хозяинъ разыскиваетъ такого же бессовѣтнаго капитана какого нибудь частнаго судна и сдаетъ ему за свой долгъ несчастнаго. Съ этихъ поръ матросъ уже не принадлежитъ болѣе себѣ.

Матросы отличаются необыкновенною честностью: разъ они займутъ что нибудь, пообѣщаютъ или дадутъ честное слово, можно вполне на нихъ разсчитывать. Какъ бы долго они ни пространствовали въ морѣ, по возвращеніи они свято сохраняютъ свои обязательства. Первою своею обязанностью они считаютъ уплатить самыя ничтожныя долги,

на которые съ нихъ не брали даже и росписокъ, о которыхъ забыли часто и тѣ, передъ кѣмъ они обязались. Если кто изъ товарищей кого надулъ, узнавши объ этомъ, матросы считаютъ своею священною обязанностью сложиться и уплатить его долгъ. Рассказываютъ, что, разбивъ въ харчевнѣ, даже въ пьяномъ видѣ, стекло или посуду, матросъ, возвратившись послѣ нѣсколькихъ лѣтъ странствованія, разыскиваетъ хозяина, напоминаетъ ему о себѣ и расплачивается. И однако онъ, который не можетъ спать спокойно, если у него хоть шиллингъ на сердцѣ, не прочь обмануть капитана купеческаго корабля. Но при этомъ онъ дѣйствуетъ обыкновенно не самостоятельно, а по совѣту или вслѣдствіе угрозъ «акулы». Бывали случаи, что эти эксплуататоры матросовъ продѣлывали такія вещи: продавъ однажды матроса и получивъ за него задатокъ, они тотчасъ ведутъ его къ другому хозяину корабля и во второй разъ получаютъ за него деньги. Если въ такое дѣло вмѣшается судъ, то преслѣдуютъ не того, кто втянулъ въ проступокъ, а того, кто его совершилъ.

Рыцарскія чувства, давно исчезнушія въ наше время, еще до сихъ поръ живутъ въ сердцѣ моряка. Стоитъ только увидѣть или услышать матросу, что женщину оскорбляютъ, и онъ защищаетъ ее нерѣдко съ опасностью жизни. Ни одна женщина въ затруднительномъ положеніи не встрѣтитъ отказа матроса. Встрѣчаясь въ холодномъ вагонѣ съ матерью семейства, онъ сбрасываетъ свою суконную куртку, чтобы покрыть ее, беретъ на колѣни дѣтей, ухаживаетъ и смотритъ за ними всю дорогу. Легко понять, какую выгоду извлекаютъ низкіе спекуляторы изъ такого добродушнаго существа, какъ матросъ. У него нѣтъ недостатка ни въ здоровомъ смыслѣ, ни въ умѣ, но ему не хватаетъ практичности. Его морская карта не даетъ ему понятія о тѣхъ подводныхъ камняхъ, какіе существуютъ въ городахъ. Гигантъ въ борьбѣ со стихіями, онъ какъ ребенокъ относится къ окружающимъ его людямъ. Вотъ почему въ англійскомъ простонародѣ вошло въ поговорку, что драконовъ океана нерѣдко кусаютъ пискари. И не только англійскихъ матросовъ обманываютъ въ Лондонѣ, но и съ матросами другихъ странъ обходятся не лучше. «Акулы» бываютъ всевозможныхъ цвѣтовъ. Одна изъ нихъ, черная, промышляетъ матросами африканской расы.

Вслѣдствіе этого въ 1827 году три капитана королевскаго флота Гамбье, Эллиотъ и Жюстисъ рѣшили положить конецъ этой гнусной промышленности. Отчасти на свои собственные средства, отчасти на средства своихъ друзей, они купили землю и построили зданіе, которое назначили для помѣщенія матросовъ, когда они пріѣзжаютъ въ столицу. Зданіе это выходитъ съ одной стороны на Велль-стритъ, а съ другой на Докъ-стритъ; послѣдній изъ фасадовъ отличается особымъ великолѣпіемъ. Это обширное, прекрасное зданіе называется «Sailor's home». Слово «home» означаетъ у англичанъ собственно не домъ, но мѣсто, въ которомъ человекъ чувствуетъ, что онъ «у себя», или говоря иначе въ своей семьѣ. Желая чтобы моряки смотрѣли на это зданіе, какъ на свой собственный уголокъ, ему и дали такое названіе. Въ нижнемъ этажѣ помѣщаются украшенныя массивными колоннами сѣни, въ которыхъ каждый день выставляютъ имена судовъ, отправляющихся въ море; длинныя корридоры ведутъ изъ этихъ сѣней въ различныя конторы.

«Sailor's home» представляетъ всѣ выгоды для останавливающихся въ немъ матросовъ. Въ одной изъ конторъ этого заведенія получаютъ и сохраняютъ письма къ матросамъ. Такъ какъ расчетъ съ капитаномъ корабля по окончаніи плаванія дѣлается не тотчасъ, но черезъ нѣсколько дней по приходѣ судна въ портъ, то на первыхъ порахъ кошелекъ матроса бываетъ обыкновенно пустъ. «Sailor's home» выдаетъ ему sovereignъ въ счетъ ожидаемаго имъ жалованья, и, не извлекая никакой для себя выгоды, предлагаетъ радушное гостепримство. Въ тоже время заведеніе старается сохранить отъ

разграбленія деньги моряка, такъ тяжело имъ добываемыя. Особое бюро принимаетъ всѣ деньги, которыя жильцы захотятъ ему довѣрить. Кромѣ того по ихъ желанію кассиръ занимается исковыми дѣлами, отправленіемъ денегъ ихъ семействамъ и другими хлопотами, требующими практическихъ знаній. Здѣсь заботятся также и объ образованіи матроса. Въ заведеніи находится школа, въ которой преподаются начальныя основанія геометріи, алгебры и астрономіи въ примѣненіи къ мореплаванію. Рядомъ съ «Sailor's home» церковь, которую жильцы могутъ посѣщать, не выходя изъ дому.

Въ часъ пополудни звонъ колокола призываетъ живущихъ въ заведеніи къ обѣду. Широкая каменная лѣстница ведетъ во второй этажъ, въ которомъ помѣщаются двѣ столовыя залы: одна для офицеровъ, другая для матросовъ. «Sailor's home» предназначается для матросовъ всѣхъ націй, и потому тутъ можно встрѣтить моряковъ всевозможныхъ цвѣтовъ: сыны жаркой Африки сидятъ подлѣ бѣлокурыхъ жителей Альбіона. Входятъ группы людей, загорѣвшихъ отъ солнца и вѣтра. Матросъ на материкѣ любитъ показать себя, похвастать, щегольнуть и потому даже свою грубую одежду одѣваетъ по возможности съ шикомъ. Галстукъ въ золотомъ или въ серебряномъ кольцѣ—верхъ матросскаго щегольства. Другіе приходятъ въ грубой бѣлой курткѣ, которую они не снимаютъ какъ на морѣ во время бури, такъ и на сушѣ.

Огромная столовая матросовъ украшена статуей основателя заведенія. Покрытые бѣлыми скатертями и уставленные въ изобиліи кушаньями столы тянутся по всему протяженію залы. За такой обѣдъ, какимъ пользуется матросъ въ своемъ «home», нужно заплатить въ лондонскихъ тавернахъ не менѣе одной кроны (около 1 р. 75 к.), а между тѣмъ каждый изъ живущихъ въ немъ можетъ привести съ собою къ обѣду одного пріятеля, платя за это только одинъ шиллингъ. Прислуга заведенія состоитъ преимущественно изъ бывшихъ матросовъ, которыхъ тотчасъ узнаешь по ихъ аккуратности и чистотѣ. Ъсть дають четыре раза въ день: завтракъ, обѣдъ, чай и ужинъ. Обѣдъ весьма порядочный и при этомъ каждый получаетъ по стакану вѣя. Кромѣ того заведеніе заботится о томъ, чтобы дать моряку удобную постель и помѣщеніе. Между дортуарами особенно замѣчательнъ одинъ, внутренность котораго совершенно похожа на внутренность четырехъ - дечнаго корабля. Сто шесть спаленъ, изъ которыхъ въ каждой вы найдете кровать, стулъ и библію, какъ каюты слѣдуютъ одна за другой въ каждомъ этажѣ. Легкія деревянныя галереи въ видѣ палубъ соединены между собою лѣстницами. Заснувъ въ одной изъ такихъ каютъ, матросу не трудно вообразить, что онъ и не оставляетъ моря. Кромѣ нѣкоторыхъ увеселительныхъ игръ, матросъ пользуется библіотекой и помощью доктора. Онъ имѣетъ право выходить, куда ему угодно, и, хотя въ половинѣ двѣнадцатаго вечеромъ входъ въ заведеніе запирается, но онъ во всякое время можетъ быть впущенъ сторожемъ. Всего удивительнѣе въ этомъ заведеніи дешевизна платы: офицеры флота за пищу, помѣщеніе и мытье бѣлья платятъ 17 шиллинговъ (около 7 рублей) въ недѣлю; матросы же по 14 шиллинговъ (около 5 рублей).

«Sailor's home» содержится обществомъ, члены котораго вносятъ ежегодно не менѣе 1 ф. ст.; но только этимъ, разумѣется, заведеніе не можетъ существовать. Главный доходъ составляетъ плата матросовъ за помѣщеніе. Но и этого не всегда хватаетъ, и приходится прибѣгать къ благотворительности. Теперь по образцу лондонскаго «Sailor's home» открыто уже въ главнѣйшихъ городахъ королевства 24 такихъ заведеній. Однако, не смотря на прекрасную мысль этихъ заведеній, на безкорыстіе и дѣйствительную пользу, которую они приносятъ матросамъ, нельзя не сознаться, что успѣхъ этихъ «homes» далеко не оправдалъ возлагавшихся на нихъ надеждъ. Причинъ этому чрезвычайно много, и этимъ заведеніямъ приходится бороться съ немалыми препятствіями. Прежде всего вербовщики, завидѣвъ матросовъ въ ту минуту, когда они при-

члнваются къ берегу, стараются сдѣлать все, чтобы отвратить ихъ отъ этихъ заведеній и заманить въ свои притоны. «Смотрите, не ходите только въ «Sailor's home», тамъ отъ желтой лихорадки мрутъ какъ мухи». — «Какая въ «Sailor's home» оспа, на той недѣлѣ переболѣло болѣе половины». И простодушный матросъ вѣритъ всѣмъ этимъ розсказаньямъ и бросается къ «акулѣ», подальше отъ этого заведенія. Къ тому же матросъ гордъ и независимъ по природѣ; многіе его пороки, какъ напр. безопасность и расточительность, происходятъ прежде всего отъ увѣренности въ собственныхъ своихъ силахъ. Такія убѣжденія, понятно, не позволяютъ многимъ изъ нихъ останавливаться подъ кровлею дома, въ которомъ они чувствуютъ себя кому-то обязанными. Хлѣбъ, въ которомъ есть хоть крошка благотворительности, кажется имъ горькимъ. Поэтому хорошее мнѣніе о «Sailor's home» можетъ утвердиться между матросами только тогда, когда они будутъ видѣть въ немъ не болѣе какъ гостиницу. Но и помимо вліянія вербовщиковъ, матросъ имѣетъ не мало поводовъ избѣгать этихъ заведеній. Подчиняясь въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а иногда и лѣтъ, строгой дисциплинѣ, люди эти, входя въ портъ, ничего такъ не желаютъ, какъ воспользоваться, хоть на нѣсколько дней, возможностью дѣлать, что имъ захочется. «Мы не затѣмъ», говорятъ они, «оставили корабль, чтобы идти опять въ общество тѣхъ же офицеровъ и видѣть тѣ же самыя лица. Мы не затѣмъ оставили судно, чтобы запереться въ монастырь». «Морской воронъ не любитъ клѣтки», отвѣчалъ одинъ старый матросъ джентльмену, старавшемуся вразумить его, что онъ поступитъ благоразумнѣе, отправившись въ «Sailor's home», а не въ грязную конуру «акулы», гдѣ онъ будетъ дурно помѣщенъ и плохо накормленъ. Хотя «Sailor's home» и не подвергаетъ своихъ жильцовъ строгой дисциплинѣ, тѣмъ не менѣе онъ заставляетъ ихъ подчиняться нѣкоторымъ правиламъ: въ стѣнахъ заведенія запрещено клясться или употреблять скверныя слова, къ чему такъ привыкаютъ моряки на суднѣ; внутри дома запрещаютъ торговать спиртными напитками, а курить трубку, къ чему особенно привыкъ морякъ, можно только въ извѣстныхъ комнатахъ. Потому-то морякъ, ненавидящій и тѣнь надзора, предпочитаетъ вертепы «акулъ» чистымъ каютамъ «Sailor's home'a»; тамъ онъ можетъ дѣлать, что ему заблагоразсудится. До тѣхъ поръ, пока директоры этихъ учрежденій будутъ стремиться сдѣлать изъ нихъ школы нравственности, имъ придется проповѣдывать только однимъ добродѣтельнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что привыкшіе уже къ порядочной и трезвой жизни будутъ видѣть вѣрное убѣжище въ «Sailor's home» противъ обмановъ и оболъщений большихъ городовъ, но вѣрно и то, что остальные матросы будутъ лишены возможности пользоваться благодѣянiями этихъ учрежденій.

Среди какого класса населенія набираютъ англійскихъ моряковъ? Прежде всего скажемъ о важномъ различіи между флотомъ и арміей. Въ арміи чины покупаются, во флотъ же повышенія зависятъ отъ образованія, заслугъ и продолжительности службы. Въ сухопутной арміи непереступаемая грань между нисшими и офицерскими чинами, напротивъ во флотѣ разница совсѣмъ не замѣтна. Нѣкоторые изъ англійскихъ адмираловъ были простыми матросами. Въ спискѣ флотскихъ офицеровъ читаешь иногда громкія фамиліи, однако-же видно, что преимущественно средній классъ составляетъ учениковъ морскихъ школъ, а нисшій даетъ матросовъ. Многіе вступаютъ на корабль потому, что не знаютъ другого ремесла, другіе же, и такихъ большинство, чувствуютъ уже съ раннихъ лѣтъ призваніе къ морской жизни. Между дѣтьми, рожденными по берегамъ Великобританіи, есть много такихъ, на которыхъ море производитъ особое обаяніе. О далекихъ странахъ, о парусахъ, блѣднющихъ на голубомъ небѣ, о борьбѣ со стихіями они начинаютъ мечтать съ первыхъ лѣтъ своей жизни. Многіе уже съ семи, восьми лѣтъ начинаютъ просить родителей отпустить ихъ на корабль. Разсказы моряковъ, любовь къ нимъ народа, ихъ

сильная, мощная фигура, страсть бросать деньги, все это разжигает фантазію юношей, воспламеняемую чтеніемъ романовъ и разсказовъ о различныхъ морскихъ приключеніяхъ. Нерѣдко юноши, упрашивая родителей отпустить ихъ въ море, не получая согласія, убѣгаютъ потихоньку изъ родительскаго дома. Многіе долго, но тщетно уговаривая сына бросить фантазію, говорятъ: «онъ околдованъ моремъ», или «море зоветъ его къ себѣ». Послѣ этого они считаютъ уже грѣхомъ отговаривать юношу и отпускаютъ его на всѣ четыре стороны. Но скоро приходитъ и разочарованіе. Жизнь на морѣ однообразна и прозаична. Безъ сомнѣнія юношѣ приходится встрѣчаться съ замѣчательными явленіями природы, но у него нѣтъ времени ихъ наблюдать. Тяжелыя обязанности и механическій трудъ поглощаютъ все вниманіе юнга (молодой матросъ). Голосъ океана говоритъ ему о свободѣ, а онъ нашелъ здѣсь только суровое рабство. Въ каждый часъ дня и ночи по голосу капитана онъ долженъ оставить кровать и броситься на палубу, когда буря и непогода требуютъ большей рабочей силы. Матросъ всегда находится въ полной зависимости отъ своего начальниа и отъ стихій. Стоитъ только къ этому прибавить ночные караулы въ самое холодное время, самую грязную и тяжелую работу на суднѣ, суровыя приказанія, строгія наказанія и вы поймете, что чудная поэзія и свобода въ морѣ, о которыхъ такъ мечталъ юноша, скоро исчезаютъ въ соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Вычищая каюту, вымывая полы, сто разъ въ день поднимаясь и опускаясь вверхъ и внизъ по канатамъ и лѣстницамъ, въ одномъ и томъ же платьѣ въ теплой каютѣ и на палубѣ на открытомъ воздухѣ, днемъ въ тихую погоду и ночью во время урагана, усталый, озябшій и промокшій до костей, онъ какъ снопъ сваливается на свой матрасъ. Но лишь только онъ успѣлъ согрѣться, строгій голосъ капитана кричитъ «на палубу». Онъ не смѣетъ отказаться тѣмъ, что не слышалъ во снѣ. Въ нѣсколько дней своей жизни на морѣ онъ долженъ приучиться и во снѣ и на яву, въ ту же секунду слышать голосъ капитана и ревъ бури и быть всегда на готовѣ. Въ первую свободную минуту, когда юноша день за днемъ переберетъ въ своей памяти уже нѣсколько проведенныхъ мѣсяцевъ и ясно увидитъ, какъ однообразно тяжело проходитъ его жизнь, онъ съ отчаяньемъ говоритъ морю: «ты меня обмануло». Но разъ юноша сдѣлалъ выборъ самостоятельно, онъ уже ни за что не вернется къ родителямъ и знакомымъ, онъ побоится ихъ насмѣшекъ и прозвища фантазера. Онъ остается на суднѣ, грустный и разочарованный, пока болѣзнь не надломитъ преждевременно его силы. Однако другимъ матросамъ лучше живется на морѣ и они легче свыкаются съ своею суровою жизнью. Есть семейства, которыя нарочно посылаютъ своихъ дѣтей въ море, чтобы исправить въ нихъ нѣкоторыя порочныя наклонности. Такіе молодые люди становятся прекрасными моряками. Они ничего не ждали и потому имъ не приходится разочаровываться, и они бодро принимаются лазить по канатамъ, стараясь извлечь выгоду изъ того положенія, на которое обрекла ихъ судьба. Это обстоятельство дало возможность устроить морскую школу на водѣ для уличныхъ бродягъ, съ цѣлью приготовить ихъ въ моряки. Тамъ дѣти улицы, еще недавно выкрикивавшіе «картофель» или чистившіе сапоги, одѣтые въ синіе панталоны, въ толстую полотнянную рубашку того же цвѣта, занимаются различными маневрами. И дѣйствительно, оказывается, что эти уличные торговцы и маленькіе бродяги пригоднѣе другихъ для флота. Предприимчивые, закаленные всякими лишеніями, привыкшіе съ самаго нѣжнаго возраста полагаться только на самого себя, они дѣлаются самыми лучшими матросами. Съ кровью бродяги въ жилахъ, они легко мѣняютъ одно мѣсто на другое, дѣлаютъ далекія путешествія. Въ продолженіе перваго года ихъ выучиваютъ читать, писать и считать, но дальше ихъ образованіе не идетъ. Кромѣ работъ на суднѣ, имъ приходится выучиться названіямъ орудій, употребляемыхъ въ мореплаваніи, свыкнуться съ обычаями морской жизни, понять многія явленія. Когда два корабля приближаются другъ къ другу, они разговари-

вають не съ помощью голоса: въ бурное время и на извѣстномъ разстояніи это очевидно было бы невозможно; поэтому необходимо научиться разговаривать знаками. Когда англійскій корабль хочетъ завязать разговоръ съ другимъ, онъ поднимаетъ на извѣстномъ разстояніи флаги, которыхъ число, положеніе, форма и цвѣтъ измѣняются, смотря по тому, что нужно передать. Всего на всего бываетъ восемнадцать флаговъ, по числу восемнадцати согласныхъ алфавита; гласные же въ этомъ языкѣ исключены. Благодаря этому, небольшому числу буквъ, нашли средство обозначать имена 50 тысячъ кораблей и выражать около 20 тысячъ словъ. Разговоры между кораблями — первое развлеченіе матросовъ, и каждый разъ послѣ такой встрѣчи это даетъ имъ матеріалъ для разговоровъ и горячихъ споровъ на цѣлую недѣлю.

Каково же будущее молодого юнга, добровольно вступающаго въ государственный флотъ? По закону ему не прегражденъ путь къ повышеніямъ, но лишь очень немногіе матросы безъ протекціи достигаютъ почетнаго званія. Немало моряковъ, прослужившихъ 50 лѣтъ на морѣ, участвовавшихъ во многихъ морскихъ сраженіяхъ, умираетъ унтеръ-офицерами и совершенными бѣдняками. На торговомъ флотѣ положеніе матроса ничуть не лучше: платятъ имъ не всегда аккуратно, помѣщаютъ въ мрачныхъ и вонючихъ каютахъ, кормятъ сухою и грубою пищею. Теперь однако, болѣе чѣмъ когда нибудь, страна занята положеніемъ моряковъ и вѣроятно въ близкомъ будущемъ, по крайней мѣрѣ на государственномъ флотѣ, оно измѣнится къ лучшему.

ЧЕРНЫЕ АЛМАЗЫ

Громадное значеніе каменнаго угля.—Исторія его введенія.—Ньюкэстль.—Видъ города.—Жилища рудокоповъ.—Ихъ трудъ и жизнь, полная лишений.—Дѣти и жены рудокоповъ.

Кто не видалъ или по крайней мѣрѣ не слышалъ о драгоценныхъ алмазахъ! Они украшаютъ собою самыхъ знатныхъ и богатыхъ людей; даже властители міра спорятъ о томъ, въ чьей коронѣ алмазъ больше и цѣннѣе. Но на свѣтѣ существуютъ и другіе алмазы, которые содержатъ въ своихъ нѣдрахъ мать-земля. Правда, они не имѣютъ ни чистоты, ни прозрачности, ни замѣчательнаго блеска и игры драгоценныхъ камней, зато ихъ назначеніе гораздо болѣе высшее и полезное: они вносятъ тепло и благосостояніе въ хижины бѣдняковъ, служатъ единственнымъ заработкомъ сотни тысячъ трудовыхъ рукъ, доставляютъ удовольствія и дарятъ несмѣтными богатствами богачей, содѣйствуютъ наконецъ успѣху наукъ и промышленности, — короче всему ходу цивилизаціи. Мы говоримъ о каменномъ углѣ, который англичане называютъ «черными алмазами» своей страны.

Одна изъ самыхъ главныхъ причинъ безпримѣрнаго могущества торговли Англійи и ея промышленности заключается въ богатствахъ, скрытыхъ подъ землею. Каменный уголь, несмотря на свою ничтожную цѣнность, приводитъ въ движеніе тысячи паровыхъ машинъ, которыя нынче замѣняютъ силы многихъ милліоновъ рабочихъ; это онъ заставляетъ прысть и ткать для всѣхъ частей свѣта американскій хлопокъ, китайскій шелкъ, австралійскую шерсть; наконецъ это онъ въ Англійи производитъ самое дешевое жезъво въ несравненно большемъ количествѣ, чѣмъ всѣ остальные страны въ мірѣ, вмѣстѣ взятыя. Представьте себѣ, что Англія завтра, по мановенію волшебнаго жезла, лишилась всего своего каменнаго угля, и завтра же весь этотъ грохотъ тысячурукихъ машинъ сразу смолкаетъ; уныніе и отчаянье на всѣхъ лицахъ во всемъ соединенномъ королев-

ствѣ, — затѣмъ не болѣе какъ черезъ года два многіе источники англійскаго богатства иссякнутъ, торговля падетъ.

Не говоря уже о протяженіи каменноугольныхъ пластовъ въ Англии и южной Шотландіи, которые превышаютъ все количество угля, разсѣянаго на гораздо большемъ пространствѣ въ Германіи, Нидерландахъ и Франціи, самое положеніе и свойство пластовъ здѣсь гораздо болѣе удобно для разработки, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Въ Англии и Шотландіи каждое поле, сколько нибудь богатое каменнымъ углемъ, рѣдко удалено отъ другой такой же мѣстности, обильной этимъ сокровищемъ, дальше тридцати англійскихъ миль. Съ помощью безчисленнаго множества желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, слѣдовательно безъ большихъ издержекъ на перевозку, вся страна можетъ запасаться для своихъ потребностей этимъ горючимъ матеріаломъ. Восточные и западные берега страны нигдѣ не отстоятъ отъ ближайшихъ каменноугольныхъ копей далѣе 50 миль, и даже на крайнихъ пунктахъ Англии, Шотландіи и Ирландіи получаютъ уголь никакъ не далѣе, какъ изъ-за 150 миль. Ни одна страна въ мірѣ не пользуется такими благоприятными условіями. Но величайшее достоинство здѣшнихъ каменноугольныхъ копей составляетъ ихъ близость къ морю, такъ что во многихъ мѣстахъ уголь самыхъ разнообразныхъ и лучшихъ сортовъ нагружается на корабли прямо изъ копей, откуда его добываютъ. Это преимущество, котораго лишены французскія, бельгійскія и нѣмецкія копи, даетъ Великобританіи возможность снабжать имъ не только свои прибрежные города, но почти всѣ гавани въ мірѣ. Многія страны, въ которыхъ есть свои собственные каменноугольныя копи, получаютъ англійскій уголь гораздо дешевле своего. Даже въ Остенде и Антверпенѣ, гдѣ бельгійскій уголь дорожаетъ отъ перевозки по каналамъ, онъ вытѣсненъ англійскимъ, который привозятъ моремъ, и Гамбургъ получаетъ свой горючій матеріалъ не изъ Германіи, а изъ Ньюкэстля.

Каменный уголь имѣетъ громадное значеніе и вліяніе на распредѣленіе народонаселенія. Салисбери, Винчестеръ и Кентербери—на югѣ Англии, бывшіе въ средніе вѣка значительными городами, теперь считаются самыми ничтожными вслѣдствіе того, что они болѣе другихъ удалены отъ всякихъ каменноугольныхъ копей; между тѣмъ Ньюкэстль, Лидсъ, Манчестеръ, Шеффилдъ, Бирмингамъ и многіе другіе значительные фабричныя города обязаны своимъ исполинскимъ ростомъ исключительно близости этого горючаго матеріала. Гдѣ лежатъ большія каменноугольныя копи, тамъ оживленіе, мануфактурная дѣятельность, торговля, городская и фабричная жизнь, стеченіе народа всѣхъ классовъ общества. Каменноугольныя копи нельзя сравнить по цѣнности съ самыми плодородными пахатными полями даже въ томъ случаѣ, когда послѣднія занимаютъ пространство въ двадцать или тридцать разъ больше ихъ.

Не смотря на доисторическое происхожденіе каменнаго угля, онъ вошелъ во всеобщее употребленіе только во второй половинѣ XVIII столѣтія. Правда, разработка его началась гораздо раньше, но еще въ началѣ XIV столѣтія его употребляли только кузнецы, красильщики, мыловары и еще нѣкоторые другіе промышленники. Но однажды густой, черный дымъ поднялся изъ небольшого еще тогда числа дымовыхъ трубъ и привелъ въ ужасъ весь Лондонъ. Простой народъ заволновался, всѣ стали громко роптать и сравнивать густой черный дымъ съ нечистой силой; тотчасъ явились пророки и пророчицы, которыя предсказывали, что это привлечетъ на городъ проклятіе и гибель. Богатые городскіе жители тоже сильно выражали свое неудовольствіе, опасаясь, что дымъ отъ каменнаго угля повредитъ ихъ здоровью, а еще болѣе цвѣту лица ихъ женъ и дочерей. Вслѣдствіе общаго неудовольствія парламентъ отправилъ королю прошеніе, въ которомъ высказалъ, что если «его величество дорожитъ жизнью своихъ вѣроподанныхъ, прелестью своихъ садовъ, бѣлизной, нѣжностью и румянцемъ голубоокихъ дщерей Альбіона, бѣлоснѣж-

ностью своего бѣлья, и если не хочетъ, чтобы его вѣрноподанные задохнулись или закотели подобно дурной ветчинѣ», — парламентъ убѣдительноше просить совершенно запретить употребленіе этого новаго горючаго матеріала, называемаго каменнымъ углемъ.

Король призналъ исполнѣ справедливой такую просьбу и тотчасъ издалъ декретъ, строго запрещающій «употреблять впредь это вредное топливо». Но пивовары, кузнецы и нѣкоторые другіе промышленники, которые узнали по опыту выгоду и пользу отъ употребленія каменнаго угля, рѣшили между собой, что, несмотря на королевскій декретъ, они будутъ употреблять его, только съ большими предосторожностями. Они совсѣмъ забыли, что никакія предосторожности не скроютъ злодѣйскаго дыма. Но на этотъ разъ не дымъ выдалъ ихъ, а шпіоны дали знать парламенту о намѣреніи промышленниковъ. Когда этотъ заговоръ открылся, король приказалъ взять большой денежный штрафъ съ пивоваровъ и кузнецовъ и кромѣ того за неповиновеніе велѣлъ срыть до основанія ихъ очаги и печи. Это приказаніе было въ точности исполнено, но всѣ эти мѣры ни къ чему не привели. Употребленіе каменнаго угля сопровождалось такими блестящими результатами, что промышленники рѣшили пользоваться для топки исключительно каменнымъ углемъ, не смотря ни на какія послѣдствія. Трубы по прежнему стали выкидывать столбы чернаго дыма, правительство не переставало строго карать за ослушаніе и неутомимо срывало до основанія очаги и печи ослушниковъ.

Мало по малу народъ сталъ убѣждаться, что отъ дыма никто не можетъ задохнуться, никто не закопѣлъ, бѣды надъ городомъ никакой не стряслось, а потребители и ослушники, несмотря на разорительныя кары, все богатѣли и богатѣли. Можно было ожидать, что съ той минуты, когда народъ пойметъ всю выгоду отъ употребленія каменнаго угля, онъ войдетъ во всеобщее употребленіе. Но не тутъ-то было: не смотря на полное признаніе выгодъ, онъ продолжалъ подвергаться со стороны правительства запрещенію, преслѣдованіямъ и тяжкимъ налогамъ. Этотъ повсемѣстно употребляемый теперь горючій матеріалъ, эти истинные алмазы Англій, обогатившіе и постоянно обогащающіе страну, могли завоевать себѣ свободу только гораздо позже.

Вслѣдствіе примѣненія въ фабричныхъ округахъ паровыхъ машинъ, особенно между Ливерпулемъ и Манчестеромъ и въ окрестностяхъ Лидса, явился такой запросъ на уголь, что пришлось начать разрабатывать много новыхъ копей. По причинѣ все большаго и большаго приложенія пара, торговля каменнымъ углемъ достигла въ наше время самаго блестящаго состоянія. Разработка его громадная и въ настоящее время страшно увеличивается съ каждымъ годомъ. Въ 1845 г. добыто было 35 милліоновъ тоннъ (тонна — 61 пудъ), а черезъ три года 68 милліоновъ тоннъ. Цѣнность угля, который теперь добываютъ въ Англій, простирается до 150 милліоновъ рублей на наши деньги.

Ньюкэстльскій каменно-угольный округъ, какъ мы упомянули выше, пользуется извѣстностью уже съ давнихъ временъ. «Можетъ быть, нигдѣ въ мірѣ, исключая развѣ значительныхъ главныхъ городовъ, человѣческая дѣятельность не проявляется такъ неутомимо и въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, какъ въ области этихъ огромныхъ сѣверо-англійскихъ каменно-угольныхъ копей. И днемъ, и ночью нескончаемые ряды нагруженныхъ вагоновъ катятъ по желѣзнымъ дорогамъ къ рѣкамъ и океану и выгружаются тамъ съ помощью исполинскихъ подъемныхъ машинъ. Сотни постоянно дѣйствующихъ паровыхъ машинъ извлекаютъ изъ глубины уголь и выкачиваютъ оттуда воду. Подъ землею цѣлыя тысячи людей роются и работаютъ молотами, а на поверхности ея другія тысячи принимаютъ выломанные куски и нагружаютъ ими отправляемые дальше вагоны. Куда ни посмотришь, всюду видишь передъ собою цѣлую сеть маленькихъ желѣзныхъ дорогъ, которыя, повидимому, перекрещиваются въ большомъ безпорядкѣ, но въ дѣйствительности всѣ идутъ къ одному общему пункту на берегу рѣки или океана. Куда ни

пойдешь, вездѣ видишь низкіе ряды черныхъ навѣсовъ, надъ которыми поднимаются исполинскія трубы. Подойдешь ближе, и мимо тебя проходятъ черные, какъ негры мужчины и мальчики и смотрятъ испытующимъ взоромъ».

Для угольныхъ копей, которыя лежатъ выше по рѣкѣ Тайну и къ желѣзнымъ дорогамъ, къ которымъ не могутъ подъѣзжать морскіе корабли, употребляютъ легкіе суда, перегружаемые въ Ньюкэстльской гавани. Набережная этого оригинальнаго и замѣчательнаго города служитъ главнымъ центромъ сѣверо-англійской каменно-угольной торговли. Длинными рядами тѣснятся другъ подлѣ друга конторы разныхъ владѣльцевъ копей. Передъ ними вы видите еще болѣе тѣсныя ряды кораблей для перевозки угля, а въ серединѣ между ними черную улицу, оживленную густою толпою черныхъ людей; здѣсь все носить цвѣтъ того вещества, которое всѣхъ кормить.

Ньюкэстль, этотъ главный городъ каменно-угольной промышленности, лежитъ на холмѣ на сѣверномъ берегу Тайна. Болѣе богатая часть жителей живетъ въ верхнемъ городѣ, хорошо построенномъ; крутыя улицы идутъ къ нижнему городу — онѣ узкі, грязны, мрачны, закопчены дымомъ, густо заселены бѣднымъ народомъ, который живетъ здѣсь въ несчастныхъ баракахъ. Владѣлецъ рудника для большей прибыли строитъ, или лучше сказать кое-какъ сколачиваетъ, ужасныя жилища, въ которыхъ рабочіе должны жить поневолѣ, такъ какъ это входитъ въ условіе ихъ найма. Нерѣдко такіе бараки, длинныя многоэтажныя зданія, чрезвычайно сыры. Многія помѣщенія даже текутъ и рѣшительно всѣ грязны, холодны, сквозятъ, такъ какъ щели вездѣ свободно пропускаютъ воздухъ. Въ одной крошечной комнатѣ, гдѣ, казалось бы, могутъ растянуться только двое, спать отъ 8 до 12 человекъ. И за эту ужасную комнату хозяинъ вычитаетъ изъ жалованья рабочаго отъ 4 до 6 ф. ст. въ годъ. «Жилища горно-рабочихъ самыя скверныя и самыя дорогія изъ всѣхъ жилищъ этого рода, которыхъ такъ много въ Англій. Крайняя неудовлетворительность ихъ происходитъ отъ большаго числа лицъ, населяющихъ каждую комнату, отъ недостатка воды и отсутствія отхожихъ мѣстъ, наконецъ, отъ самаго способа постройки домовъ одного надъ другимъ. Каждый рабочій въ большинствѣ случаевъ нанимается на 12 мѣсяцевъ къ арендатору или владѣльцу рудника. Если онъ заявитъ свое неудовольствіе до истеченія этого срока, на него не обратятъ ни малѣйшаго вниманія, а если по прошествіи его, то ему откажутъ. Такимъ образомъ рудокопъ принужденъ брать часть своей рабочей платы въ видѣ помѣщенія, окруженнаго заразительными миазмами. Хозяинъ снабжаетъ также рабочаго водой. Хороша она или дурна, получаетъ ли онъ ее или нѣтъ, онъ все-таки долженъ платить за нее, или, лучше сказать, онъ долженъ дозволить вычесть изъ рабочей платы».

Такимъ ужаснымъ жилищемъ пользуется рудокопъ за свой невообразимо тяжелый трудъ, сопряженный со всевозможными опасностями. Съ зарею отправляясь на дневную работу въ рудникъ, рудокопъ не знаетъ, вернется ли онъ оттуда или нѣтъ. Онъ ведетъ борьбу не на жизнь, а на смерть со всѣми стихіями: съ огнемъ, съ землею, водою и воздухомъ. Его жизнь каждую минуту въ рукахъ капризнаго случая, — вотъ почему такое глубокое, знаменательное значеніе имѣютъ пожеланія рудокоповъ товарищу, когда онъ для ежедневныхъ работъ спускается въ штольню *). Каждый разъ всѣ дружно привѣтствуютъ его словами «въ добрый часъ». Рудокопъ входитъ въ штольню, или въ подземную галерею, посредствомъ колодца (шахты). Если рудокопъ новичекъ и въ первый разъ пришелъ въ штольню, то чѣмъ болѣе онъ оглядывается кругомъ себя, тѣмъ

*) Штольни, ходы къ горѣ, или подземныя галереи, бывають иногда такъ длинны, что тянутся въ одномъ направленіи на расстояніи трехъ-четырехъ часовъ пути.

сильнѣе бьется его сердце, тѣмъ болѣе охватываетъ его ужасъ за будущее. Огромное мрачное пространство, въ которомъ онъ очутился, едва освѣщенное слабо-мерцающими лампами, не даетъ ему ничего рассмотреть. Но черезъ нѣсколько минутъ глаза уже привыкають къ темнотѣ. Впереди и позади тянутся узкіе корридоры. Гдѣ-то вдали небольшое пространство рудника освѣщено болѣе яркимъ огнемъ, и тѣни какихъ-то странныхъ существъ то появляются на стѣнѣ, то снова исчезаютъ въ ночномъ мракѣ. Съ трудомъ передвигая ноги, онъ подвигается все впередъ и впередъ, и на каждомъ шагу ему попадаются какія-то рытвины, какіе-то камни. Между тѣмъ нужно идти, держась какъ можно прямѣе: чуть наткнешься на стѣну,—пребольно расшибешься о каменную, холодную и сырую глыбу. Съ потолка торчатъ тоже холодные, сырые камни. Кругомъ тишина, какъ въ могилѣ, прерываемая какимъ-то глухимъ гуломъ впереди, звонкими и рѣзкими ударами молота, журчаньемъ воды, трескомъ и гуломъ колесъ, однообразнымъ стукомъ машинъ. Чу! что это? страшный ударъ, точно изъ какого-то страннаго испанскаго орудія, потрясъ стѣны этихъ подземныхъ жилищъ. Потомъ, томяно пушечные выстрѣлы, нѣсколько разъ повторяемые эхомъ, пока и они не потерялись въ отдаленныхъ отголоскахъ.

Тяжела жизнь рудокопа: онъ работаетъ цѣлый день до изнеможенія въ сырости и духотѣ, не видя свѣта божьяго, а когда доберется до своего несчастнаго жилья, уже спускаются сумерки. Такъ роются рудокопы всю свою жизнь, какъ кроты. Къ тому же при этой работѣ на каждомъ шагу смертельная опасность. Не смотря на то, что вентиляція подземныхъ галлерей уллучшена, и теперь воздухъ этихъ норъ чрезвычайно вреденъ. Страшный рудниковый газъ, который выходитъ изъ незамѣтныхъ трещинъ, производитъ взрывы и грозитъ смертью; при этомъ во всѣ стороны летятъ осколки камней и сплошь и рядомъ увѣчатъ, а то и до смерти убиваютъ рабочихъ. Когда за пластомъ угля, твердаго какъ скала, неожиданно слѣдуетъ другой пластъ, рыхлый, какъ гнилое дерево, происходятъ обвалы, которые убиваютъ рабочихъ цѣлыми десятками. Нѣкоторые проходы такъ низки, что рабочему нужно сгибаться въ три погибели, а иногда по полчаса ползти на брюхѣ между обвалившимися обломками и прямо черезъ нихъ. Надъ его головой висятъ громадные камни, которые грозятъ обрушиться на него каждую минуту. И эту-то работу, при которой нельзя ни на минуту забыть, или отдаться другимъ мыслямъ, рудокопы начинаютъ вести съ самаго ранняго возраста.

Рабочіе въ рудникахъ дѣлятся на нѣсколько категорій, и если они поступаютъ въ рудокопы съ дѣтства, то проходятъ послѣдовательно всѣ ступени рудокопной работы.

Каменоломни выламываютъ уголь кирками и при случаѣ взрываютъ его порохомъ: ими бывають обыкновенно самые сильные и коренастые изъ рабочихъ. Они, часто лежа на спинѣ, разбиваютъ угольную жилу и затѣмъ собирають отломанные куски угля въ тачки. Второй классъ работниковъ называютъ *носильщиками*. Они переносятъ выломанный уголь въ другія штольни, откуда уголь перекадываютъ на вozy. Работа носильщиковъ самая тяжелая. Телѣжки, тяжело нагруженныя углемъ, они тянутъ за веревки, а тамъ, гдѣ ходы низки, обвязываютъ веревки вокругъ своего тѣла и цѣлыми днями проводятъ, ползая съ этими телѣжками взадъ и впередъ на четверенькахъ или на брюхѣ. Но и тѣмъ, которымъ не приходится ползать, а просто возить, едва-ли легче, такъ какъ они должны толкать впередъ телѣжку, вѣчно нагнувшись всѣмъ тѣломъ. Еще очень важный классъ работниковъ въ каменно-угольныхъ копяхъ—*привратники*. Они приставлены къ безчисленнымъ дверямъ и клапанамъ, и ихъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобы запирать и открывать эти двери и вентиляціонные клапаны, когда это будетъ нужно. Привратниками обыкновенно бывають дѣти. Во всѣхъ рудникахъ вообще работаетъ чрезвычайно много дѣтей. Хотя по нынѣшнему закону работы на фабрикахъ

и въ рудникахъ должны продолжаться для взрослыхъ не болѣе 10 часовъ, а для дѣтей, которымъ не минуло еще 12 лѣтъ, — шесть часовъ, но на дѣлѣ всѣ эти законы мало исполняются. Какъ взрослые, такъ и огромная толпа женщинъ и дѣтей уже съ ранняго утра бѣгутъ къ рудникамъ. Тѣхъ, которые постарше, снаряжаютъ таскать уголь; помоложе должны стоять у дверей и клапановъ. Трудно себѣ представить, какой страшный сквознякъ испытываютъ эти маленькіе привратники. Въ рудникѣ невыносимый жаръ, но чуть отворишь двери, и въ штольню врывается струя холоднаго, пронизывающаго до костей воздуха, и врывается она съ такой силой, что съ ногъ валитъ. Этотъ сквознякъ дѣти испытываютъ каждую минуту, такъ какъ они безпрестанно должны отворять дверь, чтобы пропустить телѣжку съ углемъ и затѣмъ тотчасъ затворить ее. Забылъ ребенокъ вовремя затворить дверь, отворить или затворить клапанъ, и газы, образующіеся въ рудникѣ, могутъ произвести взрывъ и убить рабочихъ. Прибавьте къ страшной, тяжелой отвѣтственности, которая лежитъ на маленькомъ существѣ, вѣчную темноту, въ которой онъ живетъ, смертельный воздухъ, которымъ онъ дышетъ, — и вы поймете, почему между маленькими рудокопами страшная смертность. Но кто бы ни умиралъ, работая въ каменно-угольныхъ копанияхъ, будь то взрослый или ребенокъ, если только онъ проработалъ въ нихъ два, три года, при вскрытіи, послѣ его смерти, оказывается, что его легкія до того пропитаны угольною пылью, что они кажутся обугленными; отсюда такъ называемая каменно-угольная чахотка. Кромѣ того одинъ изъ 250 рабочихъ погибаетъ отъ взрывовъ, удушливыхъ газовъ, обваловъ и т. п. 50-ти лѣтній старикъ между рудокопами необыкновенная рѣдкость. Безкровныя, блѣдныя съ желтымъ отливомъ лица, нетвердая походка, тощее тѣло прежде всего отличаютъ этихъ рабочихъ отъ всѣхъ другихъ.

МАНЧЕСТЕРЪ.

Видъ города и его блестящая хлопчатобумажная промышленность.— Усовершенствованныя машины, вереворотъ, производимый ими въ судьбѣ фабрикантовъ, рабочихъ и самаго производства.— Хлопчатобумажные лорды и бѣдняки Манчестера.— Шьянство.— Рабочая семья.

Еще издали, прежде чѣмъ вступить въ городъ, вы видите необыкновенно высокія трубы, множество фабрикъ Манчестера, сплошь закутанныя туманомъ. Онѣ высятся сотнями и тысячами и точно вулканы не знаютъ покоя: вѣчно извергаютъ клубы дыма, непроницаемую тканью заволакивающіе небо и всѣ предметы кругомъ. Хотя въ настоящее время и нашли средство устраивать трубы такъ, что онѣ гораздо меньше дымятъ, тѣмъ не менѣе еще и теперь воздухъ и почва Манчестера насквозь пропитана туманомъ и сажею. Туманъ, испаряемый этою болотистою странною, и облака чернаго дыма, извергаемаго мастерскими, придаютъ здѣшней фабричной работѣ какой-то особенно мрачный характеръ.

Манчестеръ не отличается ни оригинальностью архитектуры, которая такъ характеризуетъ средневѣковые города, ни правильностью построекъ. Фабрики тянутся одна возлѣ другой обнаженными фасадами изъ грязныхъ кирпичей, съ окнами безъ ставень, точно колоссальныя тюрьмы. Большая часть этихъ зданій имѣютъ форму прямоугольника, очень часто въ шесть этажей и больше. Въ нихъ непрерывный, оглушающій и одуряющій шумъ станковъ, тысячи рабочихъ не сходятъ съ своего мѣста, сами, какъ заведенная машина, двигаютъ машину или наблюдаютъ за ея ходомъ.

Болѣ всего развитію своей промышленности Манчестеръ, обязанъ близости его къ каменноугольнымъ копямъ. Манчестеръ приготовлялъ и ткалъ шерсть еще до фабрикаціи хлопчатобумажныхъ тканей и уже съ XV вѣка былъ мануфактурною столицей Соединеннаго королевства. Трудно себѣ представить, какъ быстро росла промышленность Манчестера. Въ XVII столѣтіи весь годовой ввозъ хлопчатой бумаги простирался на сумму въ 2 милліона ф. ст., а теперь матеріалъ на такую сумму перерабатывается на здѣшнихъ фабрикахъ не болѣе, какъ въ 24 часа. Нынче нерѣдко какой нибудь торговый домъ и даже одинъ какой нибудь фабрикантъ только за ежегодный провозъ хлопка для переработки его на своихъ фабрикахъ платитъ 200 тысячъ руб. сер. на наши деньги. Можно себѣ представить, на какую сумму такой купецъ долженъ дѣлать каждый годъ оборота, когда только за провозъ груза онъ платитъ такія громадныя деньги. Не даромъ одинъ здѣшній фабрикантъ, показывая однажды иностранному богачу свои фабрики и замѣчая его все возрастающее изумленіе къ несмѣтнымъ богатствамъ Манчестера, воскликнулъ съ неподдѣльнымъ пафосомъ: «о, только бы открыть доступъ на другую планету и, вѣрьте мнѣ, однѣ наши фабрики въ 24 часа доставятъ одежду всѣмъ небожителямъ».

Все, что мы сказали о необыкновенно быстромъ увеличеніи оборотовъ и приращеніи капиталовъ, можно сказать и относительно самой промышленности. Въ началѣ прошлаго столѣтія жители Манчестера состояли изъ мелкихъ купцовъ и фабрикантовъ, которые скупали грубое простое тканье въ сосѣднихъ деревняхъ и предмѣстьяхъ, окрашивали его и доставляли на лошадяхъ на разные рынки. Торговля этого времени производилась на не большіе капиталы и вся состояла въ разныхъ мелочныхъ операціяхъ. Фабриканты жили очень просто и экономно, работали и ѣли вмѣстѣ съ своими слугами; у кого изъ нихъ былъ каменный домъ, тотъ считался богачомъ. Самое производство было разсѣяно по избамъ. Еще въ началѣ XIX столѣтія, а именно около 1802г., мы находимъ въ Манчестерѣ только 32 машины. Онѣ приводились въ движеніе на фабрикахъ сначала лошадьми или ослами и управлялись дѣтьми. Замѣчательно, что вмѣстѣ съ развитіемъ машинъ и ихъ усовершенствованіемъ, дѣти все болѣе привлекаются къ фабрикамъ. Первый изобрѣтатель прядильни, Уаттъ, производилъ работы въ своемъ заведеніи съ помощью молодыхъ дѣвушекъ. Первыми работниками Аркрайта были маленькія дѣти. Молоденькія дѣвушки и дѣти отъ шести до двѣнадцати лѣтъ въ буквальномъ смыслѣ воздвигли своими слабыми руками храмъ мануфактуры. Не смотря на замѣчательно быстрое улучшеніе прядильныхъ и ткацкихъ машинъ со временъ Аркрайта, Уатта, Ватнея, Кромптона и др., способствовавшихъ своими открытіями улучшенію хлопчатобумажнаго производства, — усовершенствованія продолжаютъ до настоящаго времени, и каждое десятилѣтіе вносило и вноситъ въ это производство какое нибудь новое улучшеніе и изобрѣтеніе. Одно изъ важныхъ изобрѣтеній, сдѣланныхъ въ 30-хъ годахъ, — это такъ называемая самопрядильная машина. Прежде все производство хлопка исполнялось руками рабочихъ, а теперь имъ приходится только связывать оборвавшіяся нити и наблюдать за ходомъ машины. Все остальное, какъ очистка хлопка, чесаніе, пряжа, крученіе, размотка и все необходимое для ткани, точно также разумѣется, какъ и самое тканье, исполняется машинами. Прядильщикъ производитъ теперь въ одинъ день столько же, сколько онъ въ былое время не могъ произвести въ 4 года. Въ настоящее время мануфактура сдѣлалась чисто машинною, и человѣку осталось только наблюдать за дѣйствіемъ воды и пара. Даже подкидка каменнаго угля въ печь паровой машины совершается въ настоящее время безъ посредства рабочихъ, машиною, которая называется самоподкидыватель.

Power-loom — станокъ, приводимый въ движеніе паровою силою, дѣйствуетъ не только въ десять разъ скорѣе ручнаго станка, но и гораздо лучше. Ткань выходитъ значительно ровнѣе, потому что ударъ машины гораздо равномернѣе ручнаго удара.

Съ развитіемъ хлопчатобумажнаго производства мгновенно возвысились многіе города. Моря кишмя кишатъ судами, нагруженными хлопчатой бумагою; надъ обработкой хлопчатой бумаги трудятся цѣлые милліоны людей. Въ Англіи еще въ 1860 г. насчитывали 1.400,000 душъ, занимающихся производствомъ хлопчатобумажныхъ товаровъ. Кромѣ того сотни тысячъ занимаются продажей и перевозкой этихъ товаровъ. Увеличеніе числа машинъ, улучшеніе ихъ механизма, необыкновенно усиленная и все еще усиливающаяся быстрота работы произвели полнѣйшій переворотъ въ судьбѣ капиталистовъ-фабрикантовъ, рабочихъ, въ самомъ производствѣ, въ торговлѣ и въ промышленности. вмѣстѣ съ этимъ удвоились обороты, а слѣдовательно и доходы капиталистовъ-фабрикантовъ. Капиталы все болѣе и болѣе стекаются въ однѣ руки. Чѣмъ богаче фабрикантъ, тѣмъ легче и скорѣе онъ можетъ обзавестись усовершенствованной машиной. Эта усовершенствованная машина, скоро возвратитъ затрату, сдѣланную на ея покупку, даетъ возможность купившему ее гораздо менѣе тратить денегъ, чѣмъ прежде, на рабочую плату фабричному, однимъ словомъ, она даетъ ему возможность производить все болѣе, и все болѣе увеличивать свои капиталы.

Судьба же рабочихъ, напротивъ того, значительно ухудшилась во всѣхъ отношеніяхъ. Мы уже говорили, что, съ увеличеніемъ числа машинъ, уменьшилась потребность въ рабочихъ рукахъ. Къ тому же, чѣмъ болѣе совершенствуется механизмъ машинъ, тѣмъ менѣе требуется для фабричной работы ловкость, знаніе, опытъ, — а вслѣдствіе этого все менѣе нуждаются во взрослыхъ работникахъ и все болѣе берутъ на фабрики дѣтей. Мало того, что взрослые гибнутъ на фабрикахъ вслѣдствіе тяжелаго труда и антигигіеническихъ условій, дѣти ихъ должны или падать подъ бременемъ этого труда, или совершенно терять здоровье, не достигши еще зрѣлаго возраста.

Усиленная быстрота машинъ принесла народу новыя страданія, болѣзни, увеличила число несчастныхъ случаевъ. Колеса, валы, веретена, ткацкіе станки дѣйствуютъ теперь все быстрѣе и быстрѣе; пальцы должны быстро и ловко схватывать перерванные нити, потому что, при медленности и неосторожности, можно тотчасъ же лишиться ихъ. Между тѣмъ вся судьба рабочаго — въ его рукахъ. *Желающихъ получить работу въ настоящее время вдвое болѣе, чѣмъ ихъ нужно*, и фабрикантъ всегда предпочтетъ рабочаго со всѣми десятью пальцами тому, у кого ихъ недочетъ. Съ увеличеніемъ быстроты машинъ усиливается и число несчастныхъ случаевъ. Кромѣ того, что рабочій теряетъ пальцы, руки и ноги во время работы, несчастія происходятъ еще чаще при чисткѣ машинъ на ходу. Каждая остановка, хотя бы на одну минуту, производитъ большой ущербъ карману хозяина, а такъ какъ онъ этимъ дорожитъ гораздо болѣе, чѣмъ жизнью своего рабочаго, то и приказываетъ чистить машины на ходу, хотя это формально запрещено закономъ. Вслѣдствіе одного этого въ 1869 г. въ продолженіи шести мѣсяцевъ было 906 несчастныхъ случаевъ. Хотя чистка производится почти каждый день, но по пятницамъ и въ особенности по субботамъ назначается генеральная чистка всѣхъ частей машины. Поэтому число несчастныхъ случаевъ по пятницамъ и въ особенности по субботамъ болѣе, чѣмъ во всѣ остальные дни недѣли. Надсмотрщики фабрикъ находятъ болѣе удобнымъ посылать чистить машины дѣтей, которымъ для этого приходится подползать подъ нихъ. Это сильно увеличиваетъ и безъ того огромный процентъ смертности дѣтей на фабрикахъ.

Рабочіе Манчестера на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ подвержены множеству болѣзней. Невыносимый запахъ при открываніи тюковъ хлопка производитъ страшную тошноту. Въ чесальнѣ и другихъ мастерскихъ поднимающаяся пыль и грязь вредно дѣйствуютъ на дыхательные органы, возбуждаютъ кашель, затрудняютъ дыханіе. Вслѣдствіе этого рабочіе на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ постоянно страдаютъ разстрой-

ствомъ пищеваренія, тошнотою, воспаленіемъ глазъ и гортани; дѣти страдаютъ различными накожными болѣзнями вслѣдствіе раздраженія кожи нечистотами. Съ усиленіемъ скорости машинъ и эти болѣзни усилились, такъ какъ пыль и волокна отдѣляются теперь въ большемъ количествѣ. Наконецъ однообразныя занятія и наблюденія, однообразный шумъ и стукъ машинъ возбуждаютъ нервы, притупляютъ и утомляютъ умъ и чувства. Въ нѣсколько лѣтъ такого труда, особенно ребенокъ, не только теряетъ здоровье, но становится полудіотомъ, «одною ничтожною частицею части машины», — какъ удачно выразился одинъ ученый.

Усилилась промышленность—увеличилось и увеличивается вмѣстѣ съ этимъ и народонаселеніе. Въ XVII столѣтіи въ Манчестерѣ было только около 6 тысячъ жителей; въ 1801 г.—уже 94 тысячи, а въ 1865 г.—345 тысячъ. Кроме того, въ Сальфордѣ, который лежитъ на другомъ берегу и составляетъ съ Манчестеромъ какъ бы одинъ городъ,—121,580 жителей, такъ что во всемъ Манчестерѣ—466 тысячъ.

Въ Манчестерѣ находится теперь болѣе 2 тысячъ промышленныхъ заведеній, 120 паровыхъ ткацкихъ машинъ, 250 заведеній для набивки ситца.

Въ старой части города улицы узкія и грязныя; въ новой можно встрѣтить даже блестящія улицы. Самая оживленная изъ нихъ — Маркетъ: она начинается у рѣки Ируэлль и идетъ прямо черезъ центръ города; по обѣимъ ея сторонамъ богатые магазины. Тѣмъ не менѣе лучшую улицу считается Mosley-Street, пересѣкающая Маркетъ, гдѣ пріютилась мѣстная аристократія и въ которой сосредоточены главные конторы. На углахъ этихъ двухъ лучшихъ улицъ построены громадныя склады сырыхъ произведеній и заготовленныхъ товаровъ. Въ этомъ царствѣ промышленности, какъ и нужно было думать, мало площадей, фонтановъ, красивыхъ мѣстъ для прогулки, однимъ словомъ не достааетъ всего того, что создалъ человекъ для отдыха и наслажденія. Тутъ все напоминаетъ не только суровый трудъ бѣдняка, но и чрезвычайно усидчивый трудъ людей богатыхъ. Прежде всего и больше всего видна забота сохранить время: трудно еще болѣе приблизить произведенія къ рынку и къ мѣстамъ сбыта, машины къ ихъ двигателямъ и фабрики къ средствамъ перевозки. Каналы проходятъ подъ улицами, развѣтвляются по всѣмъ кварталамъ и подвозятъ барки съ углемъ до самыхъ воротъ прядильни или до самага жерла печи.

Въ продолженіи большей части дня въ городѣ совершенная тишина и онъ кажется пустымъ. Грузы съ углемъ тихо проходятъ по каналамъ мимо прядильенъ, точно гондолы въ Венеціи мимо ряда дворцовъ. Только свистъ локомотива нарушаетъ общую тишину, и его черный дымъ, вырываясь вмѣстѣ съ пламенемъ изъ высокихъ трубъ, несетъ прямо къ небу стоны и проклятыя тысячи людей, погибающихъ отъ непосильнаго труда, голода и лишеній.

Самое большое оживленіе въ городѣ бываетъ около шести часовъ утра, когда на фабрикахъ начинаются работы. Шумная, нестройная толпа, точно на пожаръ, сразу врывается на улицу. Мужчины, женщины, дѣти кишатъ въ дымномъ воздухѣ. Одежда рабочихъ рваная, грязная, дѣти больныя, изнуренныя и съ совершенно тупыми лицами. Всѣ бѣгутъ по улицамъ въ страшномъ волненіи: они торопятся, чтобы не опоздать и не поплатиться за это штрафомъ. Между рабочими, которые тысячами наполняютъ въ это время улицы, то взадъ, то впередъ безпрестанно пробѣгаютъ прикащики, надсмотрщики, инспектора фабрикъ, но это оживленіе улицъ чисто дѣловое: у всякаго, кого вы ни встрѣтите, озабоченный видъ, ускоренная походка. Полъ часа спустя все сразу смолкаетъ, и городъ кажется опустѣлымъ. Всѣ фабричныя англійскіе города замѣчательны тѣмъ, что, несмотря на огромное число жителей, они оживляются періодически, въ извѣстные часы дня, а послѣ этого въ улицахъ сразу наступаетъ гробовая тишина. Въ часъ по по-

лудни опять слышенъ шумъ, говоръ и движеніе: двери вездѣ отворяются и захлопываются. Открывается биржа и въ нее стекаются капиталисты и хозяева фабричныхъ рабочихъ.

Биржа—одно изъ лучшихъ зданій Манчестера,—это своего рода *парламентъ хлопчатобумажныхъ лордовъ*. Но въ немъ, въ противоположность всѣмъ парламентамъ въ мірѣ, дѣлаютъ много, а говорятъ мало. Чрезвычайно важныя операціи производятся киваніемъ головы, прищуриваніемъ глазъ или пожиманіемъ плечъ. Когда *лорды биржи* расходятся послѣ засѣданія, въ городѣ опять все стихаетъ до окончанія работъ на фабрикахъ.

Въ Манчестерѣ, какъ и въ Лондонѣ, богатые люди, если имъ и приходится жить въ городѣ, устраиваютъ свое городское житье такъ, чтобы оно какъ можно больше напоминало деревню: такія жилища и здѣсь (хотя ихъ въ Манчестерѣ немного) напоминаютъ деревенскіе замки, окруженные садами. Но большинство богачей только работаютъ въ Манчестерѣ въ своихъ конторахъ, а проводятъ вечеръ въ своей семьѣ, которая живетъ въ предмѣстьяхъ за городомъ.

Трудно себѣ представить, съ какой роскошью живутъ здѣшніе богачи, какими невѣроятно громадными капиталами они ворочаютъ, какіе баснословные барыши получаютъ они отъ своихъ предпріятій. Фабрикантъ Б., узнаете вы, получилъ этотъ годъ чистаго барыша шесть милліоновъ, а его сосѣдъ восемь, девять милліоновъ. Часто отъ одного человѣка здѣсь зависитъ судьба пяти, шести тысячъ человѣкъ рабочихъ. Это въ своемъ родѣ могущественные, державные властители человѣческаго труда! Они пользуются здѣсь такимъ же значеніемъ, властью, вліяніемъ, какъ и государи въ своемъ государствѣ. Какъ тѣ, такъ и другіе имѣютъ своихъ уполномоченныхъ и представителей во всѣхъ частяхъ свѣта. Они обязаны знать каждый день положеніе, ресурсы и политику какъ окружающихъ, такъ и далекихъ странъ. Свои громадные капиталы они кладутъ во всевозможныя предпріятія, тѣсно связанныя съ жизнью народовъ различныхъ государствъ. Но рабочій людъ, увеличивающій ихъ капиталы, ненавидитъ ихъ отъ всей души.

Улицы въ рабочихъ кварталахъ чрезвычайно бѣдны и грязны. Тутъ на каждомъ шагу встрѣтите пивныя, кабаки, переполненные народомъ, низенькіе грязные домики, совершенно пустыя, такъ какъ изъ нихъ только что выгнаны жильцы за невзносъ наемной платы, или хижины, переполненныя народомъ. Такъ же часто, какъ кабаки, въ улицахъ этихъ кварталовъ вы встрѣтите тряпичныя лавки, — въ нихъ продаютъ остатки отъ всевозможнаго рода тканей. Всѣ матеріи на фабрикахъ должны имѣть опредѣленную длину; на ткацкихъ станкахъ чрезвычайно трудно выдержать эту длину; къ тому же равныя процессы: крашеніе, бѣленіе — укорачиваютъ матерію. Поэтому каждый кусокъ стараются выткать нѣсколько длиннѣе, чѣмъ его должно пустить въ продажу. Когда матерія готова, кусокъ перемѣриваютъ, излишекъ отрѣзаютъ и отдаютъ въ эти тряпичныя лавки для продажи по удешевленной цѣнѣ.

Вечеромъ въ этихъ улицахъ всегда много народу. Огромныя толпы и въ дождь, и въ холодъ всегда направляются къ кабакамъ. Черезъ полуоткрытое окно чрезвычайно низенькихъ жилищъ вы видите бѣдную каморку рабочаго, въ уровень съ землею и даже часто ниже ея; при этомъ непремѣнно множество дѣтей на порогѣ въ грязныхъ рубищахъ и съ истомленными лицами. Домашній очагъ фабричнаго рабочаго непривлекателенъ для него. Наскоро пообѣдавъ, онъ выходитъ на улицу или въ кабакъ. Англійскіе работники ходятъ небольшими группами и отъ времени до времени флегматично, вяло разговариваютъ между собой, ирландцы же, которыхъ въ Манчестерѣ до 50 тысячъ, цѣлыми сотнями собираются на углу улицъ и горячо спорятъ между собой, сопровождая свои слова живыми движеніями и жестами.

Пьянство сильно развито во всѣхъ фабричныхъ городахъ Англійи. Кабаки и водоч-

ныя лавки здѣсь на каждомъ шагѣ. Пьянство распространилось не болѣе какъ лѣтъ тридцать тому назадъ; до этого времени оно считалось величайшимъ порокомъ. Въ кабаки ходили тайкомъ, особыми ходами, и многія заведенія этого рода не имѣли даже вывѣски, а ставили за окно свѣчку, чтобы отличить это зданіе отъ другихъ. Теперь же, когда пьянство вошло въ нравы, привычка побѣдила стыдъ, и что еще такъ недавно заставляло краснѣть мужчинъ, нисколько не стѣсняетъ даже женщинъ. Мало по малу кабаки стали освѣщаться газомъ, входъ сдѣлался шире, и зданія, занимаемыя ими, теперь чрезвычайно просторны и бросаются въ глаза съ перваго взгляда. Сначала музыка играла только въ дурную погоду, теперь звуки органа, фортепіано или скрипки слышатся каждый вечеръ. Нерѣдко по воскресеньямъ, послѣ самой веселой музыки и сильной попойки, кто нибудь изъ компаніи вспоминаетъ, что сегодня праздникъ, и тогда на органѣ или фортепіано вдругъ раздаются величественные звуки псалмовъ религіозныхъ гимновъ.

Женщины не менѣе мужчинъ напиваются джиномъ и нерѣдко, напившись до безчувственности и желая заставить замолчать плачущее дитя, поятъ его виномъ. Страсть къ крѣпкимъ напиткамъ окончательно разрушаетъ семейныя отношенія, которыя и безъ того не особенно прочны вслѣдствіе работы на фабрикахъ. Кабаки въ Манчестерѣ открываются раньше другихъ заведеній и закрываются послѣдними. Отправляясь въ прядильню въ пять, шесть часовъ утра, работникъ прежде всего заходитъ выпить джину, возвращаясь, онъ идетъ туда же. Мужъ, жена, дѣти постарше всѣ отправляются на фабрику; дома остаются калѣки и самыя крошечныя дѣти. Мать принуждена разлучиться съ ребенкомъ, а ея полубезчувственное состояніе нерѣдко и совсѣмъ заставляетъ забыть о немъ, когда она возвращается съ работы. Вотъ поэтому здѣсь такъ часты случаи пропажи дѣтей. Насчитываютъ что въ годъ приходится разыскивать до 800 дѣтей отъ году до пятилѣтняго возраста. Вслѣдствіе этого тутъ такъ часты и несчастные случаи съ дѣтьми: до 250 дѣтей ежегодно обвариваются кипяткомъ, обжигаются, стараются, тонуть въ грязной и чистой водѣ, умираютъ отъ ушибовъ. Женщины, работающія на фабрикахъ, не только заражены пьянствомъ, онѣ не умѣютъ и присмотрѣть за ребенкомъ. И это понятно! никто никогда не приучалъ ихъ позаботиться о маленькомъ существѣ, и сами онѣ выросли на фабрикѣ, не зная родительской ласки и заботы о себѣ. Десять лѣтъ проводитъ дѣвушка, связывая нити или наблюдавая за машинными работами. Когда наступаетъ время выходить замужъ, она уже достаточно подготовлена для фабрики, получаетъ свое небольшое жалованье, но не умѣетъ ни шить ребенку, ни занять, ни накормить его, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о хозяйствѣ. Мужъ этого и не требуетъ: онъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ ея заработокъ, слѣдовательно желаетъ болѣе увеличить свои доходы, а не думаетъ о семейномъ счастьѣ. Когда рождаются дѣти или заболѣваетъ жена, и ея заработокъ прекращается, въ домѣ начинается нищета. Мужъ, и прежде не находившій счастья въ семьѣ, теперь встрѣчая горе, слезы, холодъ и голодъ, ищетъ развлеченія въ кабакѣ. Сильное пьянство происходитъ отъ очень многихъ причинъ: холоднаго климата, черезъ чуръ утомительной и однообразной работы, строгой дисциплины на фабрикахъ и, самое главное, страшной жары въ мастерскихъ, которая совсѣмъ уничтожаетъ аппетитъ и возбуждаетъ жажду.

Распределеніе рабочихъ часовъ.—Алчность фабрикантовъ.—Рабство рабочихъ.—Смертность дѣтей, нравственное увѣче и употребленіе опиума.—Стачки.—Эмиграція рабочихъ.—Заработокъ.—Отращеніе къ рабочимъ домамъ.—Характеръ англійскихъ рабочихъ.—Внутренній бытъ мастерскихъ.—Какъ рабочий проводитъ субботній и воскресный день.—Казино.—Танцы и удовольствія рабочихъ.—Парикмахерская и ея значеніе.

Взрослый рабочий по закону работаетъ теперь на фабрикѣ отъ 7-ми часовъ утра до 7-ми вечера, или отъ 6 утра до 6 вечера, при этомъ два часа полагается ему на завтракъ.

обѣдъ и отдыхъ, слѣдовательно онъ работаетъ ежедневно 10 часовъ въ сутки; суббота же признается поупраздникомъ, и въ этотъ день фабричные работаютъ только до 2 часовъ по полудни. За выполнениемъ этого закона наблюдаютъ фабричные инспектора, которые даютъ отчетъ въ своей дѣятельности парламенту. Несмотря на строгій надзоръ за фабрикантами, они постоянно стараются, какъ это видно изъ отчетовъ инспекторовъ, заставить рабочаго трудиться хоть нѣсколькими минутами долѣе. «Плутоватый фабрикантъ», такъ говорится въ одномъ изъ отчетовъ, поданныхъ въ парламентъ три года тому назадъ, «начинаетъ работы за 15 и за 20 минутъ до шести часовъ утра и продолжаетъ ихъ на четверть часа позже шести часовъ вечера. Точно также урѣзываетъ онъ пять или десять минутъ отъ времени, опредѣленнаго по закону на завтракъ, и отхватываетъ 10 и 15 минутъ отъ часа, опредѣленнаго на обѣдъ. Въ субботу рабочаго заставляютъ работать на четверть часа долѣе послѣ двухъ часовъ по полудни». Каждая пять минутъ, урѣзанная отъ рабочаго, приносятъ большія выгоды фабриканту. «Если вы мнѣ позволите», сказалъ одинъ фабрикантъ, «заставлять моихъ работниковъ работать ежедневно только десять лишннихъ минутъ въ теченіи года, — вы положите мнѣ въ карманъ тысячу ф. ст.» «Алчность владѣльцевъ заводовъ и жестокости, совершаемыя ими ради пріобрѣтенія прибыли, едва ли уступаютъ жестокостямъ, которыя были совершены испанцами послѣ покоренія Америки, ради пріобрѣтенія золота». Когда на фабрикантовъ подають жалобы и представляютъ достаточныя улики въ томъ, что они не выполняютъ обязательствъ, установленныхъ закономъ относительно рабочихъ, тогда ихъ подвергаютъ штрафамъ, но весьма ничтожнымъ, а выгоды, которыя они получаютъ, прижимая и эксплуатируя рабочаго, такъ велики, что они смѣло продолжаютъ изощрять свой умъ на томъ, какъ бы урвать у рабочаго нѣсколько минутъ.

Законъ, по которому рабочій долженъ работать на фабрикѣ десять часовъ, только теперь входитъ въ силу, и можетъ быть скоро въ Англии не останется ни одного промышленнаго уголка, въ которомъ бы рабочій трудился болѣе 10 часовъ. Фабричное законодательство, дѣйствующее въ настоящее время, еще не распространяется на нѣкоторыя отрасли промышленности, да и тамъ, гдѣ оно дѣйствуетъ, существуетъ много лазеекъ для лицъ, не желающихъ подчиняться этому закону. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ царствовалъ полнѣйшій произволъ. Президентъ одного митинга рабочихъ, происходившаго въ 1860 г., заявилъ, что въ той части населенія, которая занимается выдѣлкою кружевъ, лишенія и страданія доходятъ до такой ужасной степени, какая неизвѣстна остальному цивилизованному міру. Девяти и десятилѣтнихъ дѣтей стаскиваютъ съ ихъ грязныхъ постелей въ 2, 3 часа утра, и за самую жалкую плату заставляютъ работать до 10, 11 и даже 12 часовъ ночи. Вслѣдствіе такого безчеловѣчно-продолжительнаго труда, члены дѣтей мало по малу теряютъ свой естественный объемъ, все тѣло какъ будто съжигается, черты лица получаютъ тупое выраженіе и все ихъ человеческое существо цѣпенѣетъ и переходитъ въ такое безжизненное, камне-подобное состояніе, одинъ видъ котораго внушаетъ ужасъ.

Не менѣе приходилось выносить не только взрослымъ, но также дѣтямъ и женщинамъ въ *гончарномъ производствѣ* (приготовленіе посуды). Это ясно можно видѣть изъ краткаго извлеченія изъ свидѣтельскихъ показаній, поданныхъ въ парламентъ въ 63-мъ году и данныхъ дѣтьми, работавшими въ гончарняхъ: «Вильямъ Вудъ, мальчикъ 9-ти лѣтъ, началъ работать, когда ему было 7-мъ лѣтъ и 10-ть мѣсяцевъ. Сначала все его занятіе состояло въ томъ, что онъ относилъ въ сушильню только что вылѣпленную посуду и затѣмъ приносилъ назадъ пустую форму. Онъ приходилъ на фабрику каждый день въ 6 часовъ утра, а кончалъ работу приблизительно около 9 часовъ вечера». Хотя трудъ не тяжелый, но чрезвычайно однообразный и требующій точнаго исполненія. И

такой 15-ти часовой трудъ для семилѣтняго мальютки! Мюррей—мальчикъ 12-ти лѣтъ показаль: «я верчу колесо. Прихожу въ 6 часовъ, ухожу въ 8 или въ 9 ч. веч. Часто случается, что меня заставляютъ проводить за работой всю ночь. Я не былъ въ постели прошлую ночь; кромѣ меня проработало всю ночь еще 9 мальчиговъ. Я получаю въ недѣлю 3 шиллинга 6 пенсовъ, но мнѣ ни гроша не прибавляютъ за то, когда заставляютъ работать всю ночь. Въ теченіе послѣдней недѣли я провелъ за работой двѣ ночи». И когда такимъ образомъ ихъ заставляютъ работать по цѣлымъ суткамъ, они работаютъ почти безъ перерывовъ. У этихъ несчастныхъ дѣтей стараются отнять даже полчаса, назначенные на завтракъ, и часть на обѣдъ. Гукъ—мальчикъ 10-ти лѣтъ: «Мнѣ не всегда дается для обѣда цѣлый часъ; по четвергамъ, пятницамъ и субботамаъ дается только полчаса».

Вотъ что показываютъ врачи, изучавшіе людей, посвятившихъ себя этому ремеслу. «Каждое послѣдующее поколѣніе гончаровъ малорослѣе и слабѣе предъидущаго», говоритъ одинъ. «Я началъ свою практику между гончарами 25 лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ я не перестаю замѣчать поразительное и непрерывное вырожденіе этого класса, проявляющееся между прочимъ въ уменьшеніи роста и вѣса», говоритъ другой. А вотъ и еще показаніе извѣстнаго англійскаго врача и ученаго: «разсматриваемые какъ классъ, гончары, мужчины и женщины, представляютъ населеніе, выродившееся и физически, и нравственно. Они обыкновенно малорослы, плохо сложены и очень часто представляютъ уродливое образованіе грудной кѣтки. Они недомговѣчны и старѣютъ преждевременно; флегматичные и малокровные, они обнаруживаютъ слабость своего тѣла нервными припадками и ревматическими болями, страданіями печени и почекъ. Больше же всего они подвержены груднымъ болѣзнямъ: воспаленію легкихъ и дыхательныхъ вѣтвей, чахоткѣ и отдышкѣ. Существуетъ даже болѣзнь, специально свойственная гончарамъ и извѣстная подъ названіемъ *гончарнаго удущья*, или *гончарной чахотки*. Золотухою страдаютъ болѣе двухъ третей всѣхъ гончаровъ... Если вырожденіе населенія этихъ округовъ не достигло еще болѣе значительныхъ размѣровъ, то этимъ они обязаны исключительно тому, что вербуютъ рабочихъ изъ окрестныхъ округовъ и вступаютъ въ бракъ съ болѣе здоровыми».

Производство зажигательныхъ спичекъ началось съ 1833 г., съ тѣхъ поръ, какъ открыто искусство наводить фосфоръ на кончики спичекъ. Промышленность эта развивалась въ Англійи чрезвычайно быстро, изъ Лондона перешла постепенно въ Манчестеръ, Бирмингамъ, Ливерпуль, Бристоль, Норвичъ, Ньюкэстль, Глазго и т. д.; а вмѣстѣ съ нею распространилось и судорожное сжатіе челюстей, которое и сдѣлалось съ тѣхъ поръ специальною болѣзнью работниковъ на спичечныхъ фабрикахъ. Спичечное производство до такой степени прославилось своимъ вреднымъ дѣйствіемъ на рабочихъ и своею отвратительною обстановкой, что только самая несчастная часть рабочаго класса, безпомощныя старыя женщины и нищія отдають своихъ дѣтей на эти фабрики. По изслѣдованіямъ, сдѣланнымъ въ 1863 г., здѣсь оказались даже дѣти 5 и 6 лѣтъ. Какъ дѣти, такъ и юноши, всѣ работали здѣсь еще въ 63-мъ году не менѣе 12-ти, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не менѣе 14-ти и даже 15-ти часовъ въ сутки. Можно себѣ представить, какимъ болѣзнямъ должна была подвергаться молодежь на этихъ фабрикахъ, работая по 15-ти часовъ въ сутки, нерѣдко даже ночью, всегда въ атмосферѣ, отравленной фосфоромъ.

Вотъ при какихъ условіяхъ еще недавно работалъ и въ большинствѣ случаевъ до сихъ поръ еще трудится англійскій рабочій. Несправедности, которыя онъ выноситъ отъ хозяина, огромные штрафы (нерѣдко за опаздываніе на фабрику на 10 минутъ фабриканты вычитаютъ изъ жалованья рабочихъ цѣлый шиллингъ, и даже больше), которые совершенно разоряютъ его, — все это рано пробуждаетъ въ душѣ фабричнаго не-

ненависть къ своему эксплуататору. Подышавъ въ дѣтствѣ нѣсколько лѣтъ фабричную атмосферу, онъ рано развращается. Фабричныя женщины пользуются такою дурною репутаціею, что, разъ потерявъ возможность работать на фабрикѣ, онѣ уже никогда не получаютъ мѣста въ семействѣ, гдѣ ихъ избѣгаютъ, какъ чумы. Духота и жаръ въ мастерскихъ уничтожаютъ аппетитъ и возбуждаютъ жажду, которую рабочіе, какъ мужчины, такъ и женщины, рано привыкаютъ удовлетворять непомѣрнымъ употребленіемъ крѣпкихъ напитковъ. Ясно, что при такомъ положеніи дѣль трудно сохранить нравственность и еще труднѣе уберечь здоровье. Всѣ органы чувствъ рано повреждаются: въ душевой атмосферѣ, пропитанной міазмами вслѣдствіе того, что въ одной и той же комнатѣ много народу, но еще болѣе отъ перерабатываемыхъ матеріаловъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой особый запахъ, подымается пыль, которая засоряетъ дыхательные органы, возбуждаетъ тошноту, портитъ пищевареніе, производитъ воспаленіе глазъ и легкихъ, притупляетъ обоняніе. Постоянный шумъ губительно дѣйствуетъ на органъ слуха, быстро и вѣчно движущіяся колеса лишаютъ рабочаго членовъ и нерѣдко уже въ молодости калѣчатъ его на всю жизнь. Не даромъ одинъ ученый называетъ англійскія фабрики «умѣренною каторгою», другой находитъ, «что англійскіе рабочіе терпятъ на фабрикахъ мученія, которыхъ не можетъ существовать и въ аду».

Работы на фабрикахъ, продолжавшіяся какъ мы видѣли 18, 19 и 20 часовъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, теперь сокращены до 10-ти. Въ настоящее время запрещено также работать дѣтямъ до наступленія 8-ми лѣтняго возраста. Съ 8-ми до 13 лѣтн. возраста дѣти могутъ работать только 6½ часовъ въ сутки. Но, несмотря на всѣ эти предписанія и законы, эксплуатація со стороны фабрикантовъ существуетъ и теперь. Это болѣе всего происходитъ потому, что рабочихъ, желающихъ трудиться всегда больше того, сколько ихъ нужно для владѣльцевъ фабрикъ. Фабрикантъ-капиталистъ знаетъ, что если сегодня отъ него отойдетъ рабочій вслѣдствіе его несправедливости, то завтра на его мѣсто найдется новый, котораго голодъ заставитъ помириться съ самыми вопіющими несправедливостями. Къ тому же молодое поколѣніе нынѣшнихъ работниковъ еще долго будетъ нарождаться отъ людей, совсѣмъ выродившихся въ физическомъ отношеніи. Нынѣшнее поколѣніе рабочихъ заморено долгими часами работы на фабрикахъ, дурною пищею, плохимъ уходомъ матерей и опіумомъ, которымъ ихъ безпрестанно пичкали въ дѣтствѣ и который въ огромномъ количествѣ подмѣшивали въ ихъ пищу, лишь бы они были спокойнѣе, когда останутся дома одни. Относительно опіума замѣтимъ, что его даютъ въ огромномъ количествѣ не только дѣтямъ, но потребленіе его даже между взрослыми работниками и работницами съ каждымъ днемъ распространяется сильнѣй, какъ въ *земледѣльческихъ округахъ, такъ и въ фабричныхъ*. Развить продажу опіума радужная мечта нѣкоторыхъ предприимчивыхъ крупныхъ торговцевъ. Дрогисты (москательные торговцы) считаютъ опіумъ главной статьей своей торговли. Грудныя дѣти, принимая его, превращаются въ маленькихъ старыхъ человѣчковъ, сморщиваются, какъ обезьяны.

Чѣмъ же можетъ фабричный юноша вспомнить годы дѣтства? Онъ не зналъ семьи, не зналъ родительскихъ ласкъ: до семи, восьми лѣтъ онъ, холодный и голодный, бѣгалъ по улицамъ, роясь въ навозныхъ кучахъ; съ семи, восьми лѣтъ онъ началъ работать и уже не переставалъ до старости. При этомъ ему никогда не оставалось свободной минуты порѣзвиться, подышать свѣжимъ воздухомъ; у него старались даже оттянуть время отъ сна и ѣды. Когда наконецъ наступалъ воскресный день, онъ, разбитый и утомленный непосильной работой за цѣлую недѣлю, бросался въ постель и проводилъ въ ней весь воскресный день, удрученный по привычкѣ только одной мыслію, какъ бы не проспять урочнаго времени.

Какъ могла ухудшиться жизнь рабочаго въ Англии, говорятъ многіе, когда заработная плата, взятая въ среднихъ числахъ, стоитъ въ Соединенномъ королевствѣ выше, чѣмъ въ остальной Европѣ?

Англійскій рабочій получаетъ свой заработокъ и самъ со всѣми расплачивается поведѣльно. Къ концу каждой недѣли онъ получаетъ отъ хозяина жалованье и въ тотъ же день платитъ за квартиру, въ лавку и т. д. На желѣзныхъ фабрикахъ и въ угольныхъ копяхъ хорошіе работники зарабатываютъ отъ 33 до 36 шиллинговъ въ недѣлю (шиллингъ—30 копѣекъ на наши деньги, не принимая во вниманіе курса); на бумагопрядильныхъ мануфактурахъ мужчина получаетъ отъ 16 до 28 шиллинговъ въ недѣлю; женщины и дѣти выручаютъ отъ 7 до 12 шиллинговъ. Слѣдовательно, самая высшая плата англійскаго работника на желѣзныхъ фабрикахъ 43 руб. въ мѣсяцъ, а на бумагопрядильныхъ для мужчины 33 руб., а для женщины 14, 15 руб.; къ тому же ребенокъ уже съ 10-ти лѣтняго возраста можетъ зарабатывать до 8 руб. въ мѣсяцъ, а нерѣдко столько, сколько и женщины. Представьте себѣ семью на одной изъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ, состоящую изъ трехъ членовъ: отецъ получаетъ 33 руб., жена 15, 12-ти, 13-ти лѣтній сынъ тоже 15 руб.; вмѣстѣ они будутъ получать въ мѣсяцъ около 63 руб. Разумѣется, это заработокъ весьма порядочный для рабочаго человѣка, и семья, которую мы только что представили, каждый членъ которой получаетъ самую высшую плату, какая только существуетъ, можетъ жить (даже въ Англии, гдѣ жизнь дороже, чѣмъ гдѣ бы то ни было) — не только безбѣдно, но даже откладывая копѣйку на черный день. И въ Англии дѣйствительно существуютъ семьи, гдѣ всѣ члены вмѣстѣ зарабатываютъ порядочную сумму, — но это только счастливыя исключенія. Если мужъ получаетъ высшую заработную плату, женѣ не всегда удастся такъ хорошо пристроиться и наоборотъ. Нужно помнить, что семья англійскаго рабочаго рѣдко состоитъ изъ трехъ членовъ, какъ мы это представили. Семьи здѣшнихъ рабочихъ отличаются своею многочисленностью и состоятъ обыкновенно изъ 10, 12 и даже 18 человѣкъ. Понятно, что при такой многочисленной семьѣ, только половина ея можетъ зарабатывать деньги, другая же половина ничего не производитъ, а только потребляетъ. Затѣмъ, кромѣ содержанія громадной семьи, отложите хоть самую ничтожную часть дохода на болѣзни матери, отца и маленькихъ дѣтей (при большой семьѣ, особенно у фабричнаго рабочаго, всегда кто нибудь боленъ), выкиньте изъ жалованья хотя три, четыре шиллинга на штрафы за опаздываніе, и доходъ тотчасъ сократится на весьма значительную сумму. Но это все частныя причины, между тѣмъ надъ всѣми рабочими тяготѣютъ бѣдствія и несчастья общія всѣмъ. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. 1) Климатъ Англии очень дуренъ и рабочіе должны много тратить на уголь, который теперь страшно поднялся въ цѣнѣ, на освѣщеніе, на спиртные напитки. Чтобы вполне подкрѣпить себя, онъ долженъ здѣсь гораздо болѣе ѣсть, чѣмъ рабочіе въ другой странѣ. Вѣчные дожди, грязь, слякоть и холодъ заставляютъ его и одежды изнашивать несравненно болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Правда съ развитіемъ промышленности, цѣны на обувь и платье чрезвычайно понизились, но расходы на одежду всегда составляютъ наименьшій расходъ въ бюджетѣ рабочаго. Гораздо болѣе тратитъ онъ на мясо, хлѣбъ, уголь и квартиру, — а эти предметы первѣйшей необходимости вездѣ чрезвычайно поднялись въ цѣнѣ за послѣднее время. 2) Еще большее несчастье англійскаго рабочаго люда состоитъ въ томъ, что желающихъ получить работу здѣсь всегда гораздо больше, чѣмъ требуется рабочихъ. Вслѣдствіе этого конкуренція здѣсь очень сильна и каждый долженъ работать до истощенія силъ. Чуть что хозяину не по праву, и онъ безъ боязни и безъ всякаго ущерба для себя прогоняетъ рабочаго съ фабрики и сію же минуту найдетъ десять другихъ, которые пожелаютъ его замѣнить. Обыкновенно внезапно заболѣвшій рабочій, возвращаясь на фабрику черезъ двѣ, три недѣли послѣ болѣзни, находитъ свое

мѣсто уже занятымъ. По самому умѣренному расчету въ теченіи послѣднихъ 25 лѣтъ шесть милліоновъ человекъ, вслѣдствіе недостатка работы, покинули эту страну. Но теперь, при улучшеніи машинъ и постоянно увеличивающемся населеніи, рабочихъ эмгрируетъ еще большій процентъ. 3) Въ промышленномъ строѣ остановки работъ неизбежны. Во время американской войны прекратился подвоз хлопка и множество рабочихъ остались безъ всякихъ занятій и безъ хлѣба. Часто сбытъ, на который рассчитываютъ, бываетъ отнятъ развитіемъ промышленности соперничающей націи; то онъ закрытъ голодомъ или перемѣной моды. Во всѣхъ этихъ случаяхъ рабочіе тысячами остаются на улицѣ безъ крова и хлѣба. 4) Наконецъ всего сильнѣе страдаютъ англійскіе фабричныя рабочіе во время стачекъ, которыя происходятъ въ Англійи чаще, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Онѣ происходятъ тогда, когда рабочіе одной какой нибудь фабрики или нѣсколькихъ вмѣстѣ недовольны существующей платой за свой трудъ, большими штрафами, или желаютъ уменьшить число рабочихъ часовъ, сговариваются между собою прекратить сообщая работы на фабрикахъ, пока хозяева не согласятся повысить имъ плату или уменьшить число рабочихъ часовъ. Эта борьба между хозяевами и рабочими продолжается иногда очень долго: алчные фабриканты часто находятъ для себя болѣе выгоднымъ потерпѣть убытокъ въ данный моментъ, лишь бы оставить прежнія условія. Они рассчитываютъ на то, что рабочіе, потерявъ работу, будутъ принуждены голодомъ взяться за нее на прежнихъ условіяхъ. Страданія рабочихъ въ это время бываютъ ужасны. Множество семействъ, жившихъ безъ особенной нужды три, четыре мѣсяца тому назадъ, теперь дѣлаются совершенными нищими, продаютъ все съ себя и весь свой домашній скрабъ, и надолго, а иногда на всегда, становятся въ ряды многочисленнаго англійскаго пролетаріата. Однако не смотря на страшныя бѣдствія, которыя приходится выносить рабочимъ во время стачекъ, онѣ дали возможность имъ добиться нѣкоторыхъ улучшеній и служить главнымъ орудіемъ борьбы противъ эксплуатаціи со стороны фабрикантовъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соединенныхъ причинъ очень немногіе изъ здѣшнихъ рабочихъ достигаютъ хотя нѣкотораго довольства: одни считаютъ пропорцію этихъ счастливецъ три на сто, другіе одинъ на сто человекъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ расхворавшемуся рабочему обыкновенно остается одно прибѣжище — рабочій домъ, но мысль идти туда его ужасаетъ и онъ отправляется просить помощи у городского управленія. На свою просьбу онъ обыкновенно получаетъ отвѣтъ: «если вы хотите работать, ступайте въ рабочій домъ». Когда несчастный испробуетъ всѣ средства отыскать себѣ какое нибудь занятіе и ничего не найдетъ, и послѣ того, когда онъ уже долго и много голодалъ, онъ, проклиная часъ, въ который родился, идетъ туда, куда его послали.

Что же это за рабочіе дома, въ которые идутъ съ такими проклятіями? Вотъ какъ ихъ описываютъ: «Зданіе обширно, безукоризненно чисто; большіе двory, кругомъ сады, открытый видъ на поля и большія деревья, церковь, огромная зала, вышиной въ 20 фут.; кажется основатели и администраторы положили все свое самолюбіе на то, чтобы сдѣлать красивое зданіе полезнымъ и цѣлесообразнымъ. Нигдѣ ни малѣйшаго запаха. Постели почти бѣлы, покрыты одѣялами съ разводами; самыя старыя женщины, самыя болѣзненныя въ бѣлыхъ чепцахъ и въ новой одеждѣ. Все предусмотрено, рассчитано, чтобы поддерживать хорошій воздухъ.

Кухня монументальна. Восемь или десять котловъ, гдѣ варится овсянка. Это главная пища. Каждый получаетъ въ день по два фунта овсянки, 1½ ф. картофеля, ½ ф. хлѣба, и четыре раза въ недѣлю по 4 унціи мяса безъ костей. Сравнительно съ трущобами, въ которыхъ живутъ бѣдные — это дворецъ. Представьте, что работникъ въ Манчестерѣ или Ливерпулѣ можетъ ѣсть говядину только разъ въ недѣлю, работая по 10 часовъ въ сутки! Здѣсь работаютъ по 6 часовъ въ день, читаютъ газеты, библію, хо-

рошія книги, живутъ въ чистомъ воздухѣ и видятъ деревья. А между тѣмъ рабочій домъ почти пустъ. Откуда же это отвращеніе?» Дѣло въ томъ, что всѣ живущіе здѣсь подчинены самой строгой дисциплинѣ, между тѣмъ англичанинъ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, предпочитаетъ свободу хорошо устроенной тюрьмѣ. Онъ считаетъ позоромъ идти въ рабочій домъ, такъ какъ лишиться свободы для него значитъ перестать быть человекомъ.

Каждый фабричный городъ имѣетъ свою специальность: Манчестеръ прядетъ, ткеть и набиваетъ бумагу, Лидсъ — прядетъ ленъ и ткеть сукно, Ноттингамъ имѣетъ первенство въ колпачномъ ремеслѣ, Ковентри — въ ленточномъ, Шеффилдъ — производитъ сталь, Вольвергамптонъ — желѣзо, Бурслемъ — добываетъ глину, Ньюкэстль — каменный уголь. Среди этихъ рѣдко измѣняющихся занятій работники усваиваютъ, отъ постоянного повторенія однихъ и тѣхъ же движеній, однихъ и тѣхъ же работъ, привычки, которыя кладутъ неизгладимую печать на выраженіе ихъ фізіономіи, на ихъ физическую и нравственную природу. Каждый промыселъ производитъ, такъ сказать, свою породу людей: изъ тысячи узнаешь вольвергамптонскаго слесаря, манчестерскаго ткача, ньюкэстльскаго рудокопа. «Выраженіе лица вольвергамптонскаго слесаря дико; весь онъ грязенъ; члены длинны и страдаютъ англійской болѣзнью. Можно подумать, что кожа ихъ высохла и отвердѣла въ дымѣ. Суставы выдаются впередъ и какъ будто связаны. Правая рука особенно искривлена, можно подумать, что она выворочена. Лѣвое колѣно выдается впередъ, какъ наростъ на деревѣ; нижняя губа отвисла — знакъ отчаянья и отсутствія мысли. Глаза, при трезвомъ состояніи, тусклы, боязливы; у молодыхъ людей лицо часто обвислое и какъ будто вспухло отъ спиртныхъ напитковъ; въ зрѣломъ возрастѣ и старости черты лица обыкновенно суровы и неподвижны; какъ будто отъ постоянного разсматриванія внутреннихъ пружинъ замка, лицо приняло отпечатокъ этой работы».

А вонъ толпами идутъ манчестерскіе ткачи: они не разговариваютъ между собой, а какъ-то безжизненно и вяло посматриваютъ по сторонамъ или впередъ безъ всякаго проблеска мысли въ глазахъ. Лица ихъ чрезвычайно блѣдныя, истомленные, движенія методичны.

Только между рабочими на желѣзныхъ фабрикахъ можно, хотя изрѣдка, встрѣтить людей здоровыхъ, сильныхъ, высокаго роста, съ богатырскою грудью и плечами.

Что касается усидчивости въ трудѣ, англійскіе рабочіе лучшіе въ мірѣ. Французскій работникъ съ начала работаетъ съ жаромъ и съ необыкновенною энергіею два, три часа; послѣ этого энергія быстро падаетъ, и онъ начинаетъ работать все болѣе вяло, а въ послѣдніе часы уже еле двигается. Иногда впрочемъ, передъ окончаніемъ работы, движенія его дѣлаются вдругъ неровны, раздражительны, слова проклятія и брани безпрестанно срываются съ устъ, даже и тогда, когда никого нѣтъ подлѣ. Англичанинъ работаетъ совсѣмъ иначе: какъ началъ, такъ и кончитъ. Онъ ни на одну минуту не обнаружитъ ни признаковъ нетерпѣнія, ни гнѣва, не выкажетъ также особенной энергіи ни въ началѣ, ни въ концѣ. Это въ полномъ смыслѣ совершенная машина, отлично принаровленная къ потребностямъ своей мастерской. Однако, видимая холодность и безучастность ко всему окружающему не мѣшаетъ англійскому рабочему, разъ, онъ человекъ грамотный, имѣть довольно разнообразныя свѣдѣнія: его занимаетъ политика, положеніе рабочихъ въ другихъ городахъ его родины и за границей, часто даже научные вопросы. Это, вѣроятно, происходитъ оттого, что онъ безпрестанно слышитъ о крупныхъ интересахъ страны, читаетъ газеты, ходитъ въ свободное время въ клубы рабочихъ, которыхъ теперь распространяется все болѣе и болѣе, гдѣ можетъ читать серьезныя книги. Не мало этому способствуютъ литературныя чтенія и лекціи,

которые устраивают для рабочих. Известные литераторы, ученые и даже просто люди умѣющіе хорошо передавать, хорошо читать, безвозмездно читают на этихъ вечерахъ. Не мало также нынче устраиваютъ и концертовъ съ платою нѣсколькихъ пенсовъ за входъ. Эти литературныя чтенія, лекціи и концертныя залы во всѣхъ городахъ Англіи, всегда бываютъ биткомъ набиты фабричными рабочими.

Какъ высшіе, такъ и нисшіе классы Англіи чрезвычайно расточительны, и англійскій фабричный вѣренъ характеру своей націи. Даже и тѣ счастливыя, которые имѣютъ небольшую семью, съумѣли пристроить всѣхъ своихъ домочадцевъ на фабрику и получаютъ порядочное вознагражденіе, не любятъ думать о завтрашнемъ днѣ и истрачиваютъ все, что получаютъ. Во Франціи сильно распространена въ народѣ страсть копить деньги, и эту черту легко объяснить возможностью для французскаго простолюдина купить въ послѣдствіи небольшой клочекъ земли и сдѣлаться собственникомъ. Въ Англіи—крупное землевладѣніе, нѣтъ надежды сдѣлаться землевладѣльцемъ; всю свою жизнь рабочей долженъ будетъ ходить съ фабрики на фабрику и считаетъ ненужнымъ стѣснять себя теперь, чтобы быть впослѣдствіи болѣе обеспеченнымъ бродягой.

Между англійскими рабочими чрезвычайно сильно развито чувство товарищества, въ силу котораго онъ считаетъ величайшею подлостью не подѣлиться послѣдней копѣйкой съ товарищемъ, не принять самое дѣятельное участіе въ несчастіи собрата по ремеслу, когда тотъ по какимъ-нибудь обстоятельствамъ потерялъ работу. Лишь только является въ мастерскую фабричный и объявляетъ, что онъ оставляетъ фабрику, всѣ до одного принимаютъ участіе въ складчинѣ. Нерѣдко случается, что многіе холостые люди, когда находятъ мѣсто гдѣ-нибудь на фабрикѣ, въ глухую пору производства, рекомендуютъ вмѣсто себя семейнаго человѣка, а сами остаются безъ хлѣба.

Но самая замѣчательная черта англійскихъ рабочихъ — умѣнье отстаивать свои права. Разъ сговорившись съ товарищами прекратить работу и не начинать ее до тѣхъ поръ, пока хозяинъ фабрики не уступитъ ихъ требованіямъ, — онъ не пойдетъ по тихоньку отъ товарищей просить работы, будетъ день за днемъ геройски голодать и при этомъ, какъ бы ни страдали жена и дѣти, какъ бы онъ не любилъ ихъ, ему даже и въ голову не придетъ измѣнить общему дѣлу. Онъ сдастся только тогда, когда всѣ сообщаютъ это сдѣлать. Въ этомъ умѣнии отстаивать общіе интересы—ему нѣтъ равныхъ въ мірѣ. Только въ этой геройской высокой добродѣтели—прочный залогъ его будущаго счастья.

Не менѣе своеобразенъ внутренній бытъ мастерскихъ. Мы уже говорили, какъ тяжела жизнь мальчиковъ въ младшихъ классахъ англійскихъ школъ, — участь новичка въ мастерской имѣетъ съ ними много общаго. Каждый ученикъ играетъ въ мастерской роль всеобщаго слуги. Не достанетъ мастеру табаку, захочется водки, за всѣмъ этимъ въ мигъ долженъ сбѣгать новичекъ. Но такъ какъ изъ мастерской нельзя выходить безъ основательной на то причины, онъ всегда долженъ найтись отвѣтить начальству, никогда не долженъ выдать старшаго, если бы даже за это онъ рисковалъ своей спиной. Онъ долженъ умѣть протащить водку, не возбудивъ ни малѣйшаго неудовольствія, долженъ смѣло перебраться черезъ стѣну, не поморщиться, если ему придется оборвать штаны и кожу.

Каждому новичку приходится испытать цѣлый рядъ продѣлокъ, въ которыхъ онъ, вслѣдствіе своего незнакомства съ новымъ бытомъ, играетъ роль посмѣшища. Въ первый день вступленія мальчика въ мастерскую, его тотчасъ окружаютъ и закидываютъ вопросами: кто онъ, чѣмъ живутъ его родные, надѣется ли онъ со временемъ сдѣлаться Уаттомъ или Стефенсономъ. Затѣмъ его обыкновенно подсылаютъ къ какому-нибудь сержанту рабочему, приказывая ему при этомъ сказать то или другое слово, которое маль-

чикъ не понимаетъ, но которое служить въ мастерской обидной кличкой. Тотъ, разумеется, не разспрашивая, колотитъ его въ отвѣтъ. Затѣмъ кто-нибудь, выражая сожалѣніе и сочувствіе, предлагаетъ ему научить его обращенію съ молоткомъ и долотомъ или съ другимъ какимъ-нибудь инструментомъ. Одинъ даетъ ему въ руки молотокъ, другой, поддравшись сзади, такъ ловко подталкиваетъ его руку, что молотокъ ударяетъ по лбу злополучнаго новичка.

Глаза рабочихъ нерѣдко засоряются пылью желѣза, дерева и другихъ матеріаловъ ихъ работъ. Большинство изъ нихъ чрезвычайно искусно умѣютъ избавить товарища отъ этой боли. Операція совершается самымъ допотопнымъ образомъ. Пострадавшаго усаживаютъ лицомъ къ свѣту и перочиннымъ ножомъ вынимаютъ соринку. Многіе ремесленники, въ особенности каменщики, достигаютъ удивительнаго искусства такимъ образомъ очищать глаза. Такую операцію новичекъ увидитъ прежде, чѣмъ успѣетъ пробить въ мастерской нѣсколько часовъ. И этимъ не брезгаютъ, чтобы надъ нимъ подшутить, въ попыткахъ вбѣгаетъ какой-нибудь рабочій и проситъ товарища вынуть у него соринку. «Экое несчастіе, отвѣчаетъ тотъ, и радъ бы помочь, да руки грязны. Ну, премудрость то не велика, обращается онъ къ новичку, посмотри-ка, что тамъ у него». Очень довольный тѣмъ, что имѣетъ возможность оказать товарищу услугу, новичекъ усаживаетъ пациента въ надлежащую позу, вынимаетъ ножъ и уже готовится произвести операцію, какъ вдругъ мнимо больной обдаетъ ему лицо водой, которую онъ предварительно набралъ въ ротъ. При этомъ обыкновенно раздается дружный взрывъ хохота всѣхъ присутствующихъ.

Большинство рабочихъ большіе охотники до табаку и истребляютъ его въ громадномъ количествѣ; между тѣмъ въ мастерскихъ строго запрещено курить въ рабочіе часы. Поэтому рабочіе прячутся во всевозможные закоулки, чтобы только затынуться въ тихомолку и ставятъ на стражу въ это время новичковъ. Завѣвается бѣдняга, и его осыпаютъ градомъ колотушекъ.

Ознакомившись путемъ горькаго опыта съ мелочами быта мастерской, юный рабочій перестаетъ быть новичкомъ и самъ становится въ такое же отношеніе къ вновь поступившему. Черезъ годъ, полтора, онъ самъ дѣлается строгимъ послѣдователемъ и хранителемъ всѣхъ обычаевъ и преданій мастерской. Одинъ изъ обычаевъ, характеризующихъ внутренній бытъ мастерской, — «налогъ на выпивку». Эта подать весьма часто налагается не во время и отличается подь-часъ крайнимъ легкомысліемъ. Существуетъ правило, въ силу котораго каждый вновь поступающій рабочій обязанъ угостить товарищей. Нерѣдко передъ этимъ этотъ самый рабочій нѣсколько недѣль или даже нѣсколько мѣсяцевъ къ ряду сидѣлъ безъ работы. Его жена и дѣти голодаютъ въ какомъ-нибудь отдаленномъ городѣ, на немъ самомъ остались лишь лохмотья, тѣмъ не менѣе онъ, во что бы то ни стало, обязанъ пропить съ товарищами часть своего только что полученнаго заработка. И это происходитъ вовсе не вслѣдствіе жестокости рабочихъ, которые очень хорошо видятъ, въ какое положеніе они ставятъ человѣка этимъ требованіемъ. Стоило бы только вновь прибывшему сказать: «хорошо, братцы, я устрою выпивку, но помните, что она лишаетъ мое семейство необходимаго куска хлѣба».... и послѣ этого навѣрно никто бы изъ рабочихъ не сталъ приставать къ нему съ выпивкою. Но обычай — законъ, и никто въ Англіи, къ какому бы классу общества онъ ни принадлежалъ, не посмѣетъ обойти его.

Точно также давно существуетъ обычай устраивать попойку по случаю женитьбы. Молодаго, въ первый разъ послѣ свадьбы пришедшаго на работу, товарищи встрѣчаютъ оваціей. По случаю свадьбы рабочій прогуливаетъ обыкновенно нѣсколько дней, и когда соберется наконецъ приняться за работу, является въ мастерскую не раньше завтрака.

Между тѣмъ, кое-кто изъ близкихъ его пріятелей, узнавшихъ, когда онъ возвратится, сообщаютъ объ этомъ остальнымъ и въ мастерской начинаются приготовления. У дверей становится «сигнальный», который при входѣ молодаго подаетъ знакъ товарищамъ. Всѣ рабочіе запасаются тѣмъ попало, только непременно металлическимъ: одинъ беретъ молотокъ, другой кочергу, щипцы, сковороду, разбитую посудину, однимъ словомъ, что подвернется подъ руку. Съ приходомъ *молодаго* сигнальный даетъ знакъ, всѣ становятся на мѣста и въ ту минуту, когда виновникъ торжества показывается, въ дверяхъ раздается оглушительный звонъ. Иногда ему нужно пройти цѣлый рядъ комнатъ, чтобы добраться до той, въ которой онъ работаетъ. Въ такомъ случаѣ рабочіе каждой комнаты встрѣчаютъ молодаго звономъ, идутъ сади него, пока всѣ не соберутся общей артелью въ его комнатѣ, и тогда то этотъ концертъ, и безъ того ужасный, дѣлается просто оглушительнымъ. Представьте себѣ, что 500, 600 человекъ въ одно и тоже время, что есть мочи, вызваниваютъ на импровизированныхъ инструментахъ, и вы составите нѣкоторое понятіе о характерѣ подобной оваціи. Вечеръ этого дня кончается пирушкой, которую товарищи задаютъ въ честь молодаго. При этомъ у рабочаго на первомъ планѣ тосты. Пьютъ тосты въ честь молодаго и молодой, за здоровье будущихъ чадъ, «которые непременно должны быть Уаттами, Стефенсонами и Робинзонами Крузе», — этотъ послѣдній герой чрезвычайно популяренъ и любимъ въ средѣ простаго люда.

Когда рабочіе работали на фабрикахъ по 15 и даже по 18-ти часовъ, — самымъ любимымъ ихъ днемъ было воскресенье, что и выражалось въ пѣснѣ, которую они каждый разъ дружно затягивали, оставляя фабрику поздно вечеромъ въ субботу.

«Изъ всѣхъ недѣль дней
Воскресенье мнѣ милѣй».

Но теперь во многихъ мѣстахъ, гдѣ рабочій людъ пользуется льготами субботнихъ полупраздниковъ, взглядъ ихъ въ этомъ отношеніи совершенно измѣнился. Теперь рабочіе самую лучшую порою считаютъ субботній досугъ уже по одному тому, что за нимъ слѣдуетъ праздникъ, слѣдовательно, въ субботу вечеромъ можно вполне отдаться удовольствіямъ и совсѣмъ забыть про фабрику.

За часъ или за два до окончанія субботнихъ работъ, на фабрикѣ поднимается чиства: моютъ полы и скамейки, чистятъ инструменты и машины. Наконецъ, все кончено, и флегматическія фізіономіи дѣлаются вдругъ оживленными, поднимаются шутки, остроты, смѣхъ. Рабочіе бѣгутъ помыться и затѣмъ съ фартуками на одной рукѣ группируются въ кружки, ожидая звонка. Въ будній день каждый молча старается, какъ можно скорѣе, направить свои шаги домой, теперь никто не торопится. Каждого изъ нихъ охватываетъ веселое расположеніе духа, любовь къ товарищу. Въ разныхъ кучкахъ поднимаются воаня и говоръ. Одни бросаются за появившейся крысой, другіе обступаютъ телѣжку мясника и пытаются прокатиться на ней, несмотря на протестъ хозяина.

Рабочіе получили сегодня свою плату за цѣлую недѣлю и по дорогѣ внимательно осматриваютъ въ окна магазиновъ и лавокъ, воображая, что имъ нужно будетъ купить, когда, пообедавъ дома, черезъ часа полтора, они явятся сюда со своими хозяйками. И Боже, сколько передъ нимъ сегодня соблазна! Въ этотъ день всѣ торговцы самымъ заманчивымъ образомъ раскладываютъ свои товары и соперничаютъ другъ съ другомъ въ ихъ дешевизнѣ. На окнахъ лавокъ и книжныхъ магазиновъ лежатъ объявленія, еще сырыя, только-что изъ подъ печати, и украшенные различными картинками: всѣ они рекомендуютъ свои товары «небывалой дешевизны и прочности».

Возвратившись домой, съ блуждающей улыбкой на устахъ, садится рабочій за

обѣдъ и старается въ этотъ блаженный полупраздникъ все устроить съ особеннымъ комфортомъ. Въ его манерѣ сидѣть, пить, ѣсть видно счастье рабочаго человѣка, что наконецъ-то и на его улицѣ праздникъ. Послѣ обѣда нашъ Вильямъ или Генрихъ, съ трубкою въ зубахъ, погружается въ сладкую полудремоту. Тѣ изъ нихъ, кто успѣлъ себя кое-какъ образовать, садятся за чтеніе книгъ и газетъ. Въ это время жена торопливо убираетъ посуду. Затѣмъ начинается туалетъ всего семейства. Въ эту минуту по всей комнатѣ только и слышенъ плескъ воды, стукъ отъ упавшей гребенки да взвизги малыхъ ребятъ, мать которыхъ энергично подергиваетъ ихъ во всѣ стороны, желая поскорѣ прибрать. Послѣ этой операціи рабочій принимаетъ совсѣмъ другой видъ.

Англійскій рабочій обыкновенно носить бѣлую куртку, широкіе шаровары изъ порыжѣлаго рубчатаго плиса, подвязанныя вмѣсто ремня пестрымъ бумажнымъ платкомъ, уголь котораго неуклюже болтается гдѣ нибудь сзади или съ боку; на головѣ — помятая войлочная низенькая шляпа. Онъ одѣтъ тоже платье, только воротнички его рубашки блестятъ сегодня бѣлизной; послѣ этого однимъ изъ главныхъ его украшеній служатъ небольшія стеклянныя и металлическія побрякушки, которыя онъ любитъ привѣшивать къ своимъ часамъ сомнительнаго серебра.

Дѣти, разумѣется, скоро исчезаютъ съ родительскихъ глазъ, а мужъ и жена отправляются на базаръ дѣлать закупки къ завтрашнему празднику. Уже довольно темно и вездѣ зажигаютъ газъ. Въ этотъ вечеръ улицы, въ которыхъ сосредоточены конторы, фабрики, склады, представляютъ необыкновенно мрачный видъ. Высокія трубы не выбрасываютъ клубовъ дыма; огни вездѣ погашены; окна и двери наглухо заперты. Но заверните въ другую улицу, и все измѣняется передъ вами, какъ по мановенію волшебнаго жезла. Здѣсь стоитъ несмолкаемый шумъ, прохожіе то и дѣло толкаютъ другъ друга и снуютъ взадъ и впередъ. Всѣ лавки ярко освѣщены. Въ каждой булочной огромными буквами вывѣшено разноцвѣтное объявленіе о томъ, что «чайное пирожное» (наиболѣе любимый хлѣбъ рабочихъ, которымъ они лакомятся обыкновенно въ этотъ день, — цѣна его кажется 1¹/₂, пенса дороже на фунтъ обыкновеннаго хлѣба), въ этой лавкѣ продается сегодня неизмовѣрно дешево. Передъ ворохами мяса расхаживаютъ мясники и зазываютъ покупательницъ. Возвратившись домой со множествомъ закупокъ, вся семья усаживается вокругъ стола, на которомъ уже лежитъ чайное пирожное. Къ чаю нерѣдко заходятъ знакомые и уговариваются, какъ имъ сообща провести вечеръ. Этотъ вечеръ проводятъ самымъ разнообразнымъ образомъ, каждый сообразно своему характеру, склонностямъ и стремленіямъ. Еще до сихъ поръ не мало народу отправляется въ кабаки, но очень многіе уже и теперь бѣгутъ на лекціи, на литературные вечера, на концерты, — которыхъ въ этотъ вечеръ по нѣскольку во всѣхъ фабричныхъ городахъ. Большинство однако отправляется въ театръ. Театральные райки въ этотъ день бываютъ биткомъ набиты фабричнымъ людомъ. Они обыкновенно отправляются туда, словно въ дальній путь: соберутся вмѣстѣ нѣсколько человѣкъ, возьмутъ съ собою двѣ, три бутылочки пива и цѣлую закуску и посиживаютъ себѣ въ театрѣ, угощаясь отъ времени до времени.

Холостая молодежь любитъ въ этотъ вечеръ посѣщать недорогіе танцевальныя вечера. На нихъ приходятъ также фабричныя дѣвушки, но еще болѣе швей и горничныя. Здѣсь рабочій устраиваетъ свои сердечныя дѣла и, потанцовавъ съ одною и тою же дѣвушкою два, три раза, онъ, глядишь, черезъ мѣсяцъ, другой и женится на ней.

Казино «храмъ поэзіи и пѣснопѣнія», такъ объявляютъ въ этотъ день нѣкоторыя газеты о аданіи предназначенномъ въ одно и тоже время для концертовъ и для сценическихъ представленій, для танцевъ, бесѣдъ и даже для выпивки. Казино чуть ли не самое любимое субботнее мѣстопрепровожденіе рабочихъ. Войти въ казино можно не иначе, какъ

заплативъ за входный билетъ нѣсколько пенсовъ. Этотъ билетъ непремѣнно обязываетъ васъ что нибудь купить въ буфетѣ, а такъ какъ цѣна винъ, прохладительныхъ и закуска стоятъ здѣсь довольно дорого, то это и вознаграждаетъ устроителей за ничтожную, въ большинствѣ случаевъ, входную плату. На одномъ концѣ залы устроена сцена съ декорациями. Вверху и внизу—буфеты, въ которыхъ продается рѣшительно все, что только можетъ пожелать человѣкъ безъ особенныхъ претензій. Все освѣщено газомъ; отъ лампъ свѣшиваются газовыя трубочки, у которыхъ можно закуривать сигары и трубки. Скамьи устроены такъ, что на нихъ можно поставить бутылки и стаканы. Казино потому такъ любимо рабочими, что они представляютъ для нихъ множество самыхъ разнообразныхъ удовольствій и удобствъ. Тамъ рабочій и выпьетъ стаканчикъ эля, и выкурить съ прохладженіемъ трубочку, и испытаетъ разнаго рода эстетическія наслажденія: онъ увидитъ балетъ, и тутъ же незатѣйливую пляску, прослушаетъ дурно выполненную арію и хорошенькую комическую пѣсенку, до которыхъ онъ такой любитель. Однимъ словомъ тутъ все: чего хочешь, того просишь. Такіе казино вмѣщаютъ иногда до двухъ и даже до трехъ тысячъ посѣтителей. Больше всего вы встрѣтите здѣсь молодыхъ людей обоюга пола. Въ партерахъ рабочіе ѣдятъ, пьютъ, играютъ въ какую то игру, бесѣдуютъ между собой. Не мало тутъ также и пожилыхъ женщинъ: онѣ болтаютъ другъ съ другомъ и тутъ же подлѣ нихъ стоитъ бутылка портера со стаканомъ, — многія изъ нихъ даже кормятъ здѣсь грудью своихъ дѣтей. Общество состоитъ не изъ однихъ только рабочихъ: тамъ и сямъ сидятъ кучками конторщики, прикащики, мелкіе буржуа. Чу! раздаются звуки оркестра, — но они заглушаются взрывомъ шипящихъ напитковъ и перекрикиваніемъ половыхъ, прислуживающихъ то тому, то другому. Но вотъ звонитъ колокольчикъ и шумъ стихаетъ; всѣ устремляютъ взоры на сцену, на которой идетъ какое-нибудь представленіе или пѣвица поетъ какую-нибудь арію. Затѣмъ среди огромной залы начинаютъ танцовать. Простой народъ въ Англии всѣ танцы танцуетъ какъ то скачками, порывисто и топорно, но безъ малѣйшаго цинизма, который такъ свойственъ французскимъ баламъ этого рода.

Воскресный день проходитъ гораздо болѣе покойно. Полнѣйшая тишина въ улицахъ утромъ представляетъ совершенный контрастъ со всѣми остальными днями недѣли. Самое любимое наслажденіе этого праздника—какъ можно дольше поваляться утромъ въ постелѣ. И это очень естественно: каждый день рабочему приходится такъ рано вставать, работа такъ утомила его за цѣлую недѣлю, — какъ же не воспользоваться единственнымъ днемъ, въ который онъ можетъ выспаться, сколько душѣ угодно.

Оглушительные крики разнощиковъ около десяти часовъ утра заставляютъ наконецъ вставать. Первымъ движеніемъ мужчинъ, когда они отопьютъ чай, — поскорѣ бѣжать въ парикмахерскую. Многіе изъ рабочихъ, которые имѣютъ привычку бриться только разъ въ недѣлю, избираютъ для этой операціи воскресное утро. У парикмахеровъ, въ районѣ которыхъ скученъ рабочій людъ, въ этотъ день страшно много дѣла. Къ нимъ заходятъ не только побриться и постричься, — есть и между рабочими франты, которые за полпенса приходятъ сюда припомадиться, пощеголеватѣ причесаться, даже завиться и надушиться. Однако парикмахерская въ этотъ день набита не одною молодежью: даже женатые люди, у которыхъ въ это время поднимается страшня, прибѣгаютъ сюда въ этотъ часъ послушать новости, поболтать и почитать газеты, такъ какъ даже маленькія парикмахерскія всегда покупаютъ въ этотъ день нѣсколько дешевенькихъ газетъ. Но что это за блѣдые, худые и задумчивые люди, которые сидятъ въ сторонкѣ, порознь, и къ которымъ, таинственно наклонясь, подходятъ какіе то субъекты? Это несчастные пьяницы, у которыхъ нѣтъ силъ отстать отъ вина и которые заходятъ отъ

времени до времени въ циркульню, чтобы посовѣтываться съ «докторами, лечащими отъ запоя».

Между тѣмъ женщины, оставшись однѣ, суетятся, сколько хватаетъ силъ, чтобы не только все, какъ можно лучше, приготовить сегодня къ обѣду, но и подать кушанье въ большемъ изобиліи и лучше сервированное, чѣмъ обыкновенно. Рабочій готовъ голодать пять дней въ недѣлю, лишь бы свой субботній чай выпить съ чайнымъ пирожнымъ и хорошо отобѣдать въ воскресенье. Картофель съ сыромъ и зелень съ какимъ нибудь мучнымъ соусомъ считаются превосходнымъ обѣдомъ для будняго дня, но для воскресенья такой столъ не годится. Въ этотъ день за обѣдомъ рабочаго появляются жаркое и два, три блюда изъ разнаго рода зелени, дешевенкій плумъ-пуддингъ и непременно пиво. Однако не думайте, что такой кутежъ уже Богъ знаетъ чего стоитъ. Прекрасный и обильный по понятіямъ рабочаго воскресный обѣдъ обходится наиболѣе богатымъ изъ нихъ не дороже девяти пенсовъ на брата (какъ и всегда мы беремъ здѣсь среднюю цифру). А что это такъ, видно изъ того, что холостые люди, которые нерѣдко за извѣстную плату обѣдаютъ въ семействѣ, платятъ за воскресный столъ всего 9 пенсовъ, между тѣмъ, какъ въ будни они получаютъ его гораздо дешевле.

Воскресный обѣдъ играетъ видную роль въ жизни рабочаго не по одному только обилію блюдъ: его подаютъ обыкновенно въ комнатѣ, которая наканунѣ утромъ вымыта и убрана съ большимъ стараніемъ; на столѣ, покрытомъ бѣлою скатертью, появляется лучшая посуда, какого нибудь цвѣтнаго стекла солонка, блестящія, оловянные ложки, все это тщательно сохраняется въ комодѣ во всѣ остальные дни недѣли. Отобѣдать стараются въ своемъ семействѣ и приглашаютъ гостей только въ рѣдкихъ случаяхъ. Если къ рабочему заходятъ вечеркомъ знакомые и пріятели, онъ непременно оставляетъ ихъ пить у себя чай. Да и безъ приглашенія гости сами приходятъ къ чаю. Забраться же къ кому нибудь на обѣдъ безъ особаго приглашенія имѣетъ видъ наглаго, невѣжественнаго поступка. Послѣ обѣда, одѣвъ самое лучшее платье, всѣ высыпаютъ пошататься по городу. По дорогѣ они то и дѣло киваютъ попадающимся на встрѣчу знакомымъ, а съ иными изъ нихъ останавливаются на минуточку, чтобы пригласить къ себѣ на чай или перекинуться двумя, тремя словами. Въ лѣтнее время рабочіе устраиваютъ прогулки за городъ и принимаютъ другія удовольствія. Для этого они стараются пораньше отобѣдать и затѣмъ нѣсколько семействъ нанимаютъ въ складчину лодку или отправляются погулять въ паркъ, а то даже по желѣзной дорогѣ ѣдутъ куда нибудь въ окрестности.

Наконецъ наступаетъ столъ любимый молодежью вечерній чай, на который въ каждомъ семейномъ домѣ собирается нѣсколько человекъ гостей. Здѣсь, еще скорѣе чѣмъ на танцевальныхъ вечерахъ, молодые люди сближаются между собой, и результатомъ обыкновенно бываютъ браки. Женщины разодѣваются на этотъ вечерній чай въ свое самое лучшее платье, мужчины въ сюртукъ, который до этого дня лежитъ у нихъ въ комодѣ, тщательно завернутый. Но такъ какъ этотъ сюртукъ одѣвается только разъ въ недѣлю и на нѣсколько часовъ, то при этомъ рабочій безпрестанно оглядывается съ страшною боязнью, какъ бы его не замарать и не облить, и этотъ страхъ и опасенія нѣсколько портятъ его веселое праздничное настроеніе. Вчера онъ былъ одѣтъ въ свою простую куртку и чувствовалъ себя гораздо свободнѣе, но возстать противъ этого обычая невозможно: уже съ давнихъ поръ между рабочими ведется, чтобы въ воскресенье каждый изъ нихъ пилъ, ѣлъ, накрывалъ на столъ, проводилъ время, одѣвался иначе, чѣмъ въ будни, и этотъ обычай выполняется ими съ полнымъ благоговѣніемъ.

Рабочіе союзы и ихъ значеніе для фабричныхъ.

Объемъ нашей книги не позволяетъ намъ дать полную картину положенія англійскаго рабочаго. Здѣсь, какъ и вездѣ, мы старались представить только самыя характерныя стороны его быта, чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе о его заработкѣ, о положеніи его семьи, о его характерѣ, трудахъ, заботахъ и отдыхѣ. Хотя содержаніемъ этихъ статейъ послужили разныя стороны быта рабочихъ, тѣмъ не менѣе общая картина его жизни невольно вышла мрачною. Однако нельзя не сознаться, что политическій бытъ Англій, въ основѣ котораго лежитъ начало свободы, подѣйствовалъ могучимъ образомъ и на несчастный, подавленный рабочій людъ этой страны и развилъ въ немъ обычаи, понятія и умѣнье дѣйствовать, гораздо менѣе извѣстные на материкѣ Европы. Вотъ объ этомъ то лучѣ въ темномъ царствѣ гнета, невѣжества и нищеты, въ которыхъ еще до сихъ поръ утопаетъ англійскій рабочій людъ, мы и хотимъ сказать теперь нѣсколько словъ. Мы представимъ факты, которые покажутъ, что, несмотря на его грустное положеніе въ данную минуту, если не его, то его дѣтей ждетъ лучшая доля. Въ послѣдніе годы много было сдѣлано въ видахъ улучшенія участи рабочихъ. Нынѣшніе рабочіе пользуются многими благами, которыхъ такъ тщетно добивались ихъ несчастные отцы. Законъ о 10-ти часовой работѣ примѣненъ теперь уже въ большинствѣ фабрикъ. Прежде вознагражденіе за трудъ выдавали товарами и жизненными продуктами: то и другое было, разумѣется, самаго сквернаго качества, при чемъ хозяинъ имѣлъ возможность увеличить свой доходъ и на половину удержать изъ скуднаго жалованья фабричнаго. Теперь рабочій повсемѣстно получаетъ вознагражденіе за свой трудъ деньгами. Еще недавно жалованье за недѣльную работу раздавали въ трактирахъ. При этомъ хозяева трактира и хозяева рабочихъ были между собою въ стачкѣ. Вредъ отъ этого повидимому ничтожнаго обстоятельства происходилъ ужасный. Получить рабочій плату за недѣлю въ трактирѣ и тутъ же оставить половину. Нынче и этотъ обычай уничтоженъ повсемѣстно. Теперь гораздо менѣе утомляютъ дѣтей тяжелыми работами, и часы ихъ занятій на фабрикахъ на столько сокращены, что дозволяютъ ихъ родителямъ хотя нѣсколько подумать объ ихъ обученіи. Правда, и теперь еще обученіе фабричныхъ дѣтей идетъ весьма туго, такъ какъ они бываютъ сильно утомлены даже и шестичасовой работой, но прежде при 18-ти часовомъ трудѣ, когда они нерѣдко проводили за работой цѣлыя ночи, не было никакой физической возможности думать объ ихъ образованіи. Но хотя законодательство и подавило уже много злоупотребленій, а при горячей преданности рабочему людю лучшихъ людей страны и улучшилось нѣсколько ихъ образованіе и матеріальное состояніе, но самымъ важнымъ средствомъ для дальнѣйшаго улучшенія ихъ положенія являются *рабочіе союзы*.

Главная цѣль «Рабочихъ Союзовъ» направлена къ тому, чтобы возвышать плату за трудъ и помогать рабочимъ переживать тяжелыя минуты ихъ жизни. Основной капиталъ каждаго такого союза образуется изъ членскихъ взносовъ. Каждый членъ, при вступленіи въ союзъ, платитъ не менѣе 15-ти шиллинговъ, а затѣмъ еженедѣльно, но только въ то время, когда у него есть работа, онъ обязанъ вносить поль-шиллинга (иногда нѣсколько больше, иногда дозволяется вносить нѣсколько меньше — смотря по обстоятельствамъ). Такимъ образомъ образуется капиталъ, который значительно увеличивается въ счастливые годы и назначается на поддержку членовъ общества, когда у нихъ нѣтъ работы, или они уже не могутъ болѣе работать вслѣдствіе болѣзни, дряхлости, стачки и всякаго другаго несчастья, какое можетъ постигнуть того или другаго члена.

Хотя права рабочихъ прежде и попирались еще болѣе безчеловѣчно чѣмъ теперь, но стачки устраивались гораздо рѣже. Прежде, бывало, рабочіе, устроивъ стачку, т. е. прекративъ работу на фабрикѣ и лишившись заработка, крѣпились до тѣхъ поръ, пока ихъ дѣти, въ ихъ глазахъ, одинъ за другимъ, не умирали отъ голода и лишеній. Но когда впереди не видно было ни откуда поддержки, а хозяйева твердо стояли на своемъ и будущее сулило рабочимъ только отчаянье и смерть всѣхъ близкихъ, тогда рабочіе бросались къ хозяевамъ и брали назадъ свои требованія. Трудно себѣ представить, какія ужасныя послѣдствія были для рабочихъ въ томъ случаѣ, когда стачки кончались уступкою съ ихъ стороны: хозяйева теперь уже мстили и еще болѣе чѣмъ прежде отягощали работами, уменьшали вознагражденіе за трудъ, увеличивали штрафы. Они очень хорошо знали, что теперь рабочіе уже долго не будутъ въ состояніи устроить новую стачку.

Вслѣдствіи организациі «Рабочихъ Союзовъ», которые нынче распространены въ Англии всюду и главная цѣль которыхъ поддерживать рабочаго, когда онъ потеряетъ работу вслѣдствіе стачки, — теперь самыя стачки происходятъ гораздо чаще. Правда и теперь онъ приноситъ съ собою въ семью рабочихъ нищету, голодь, разореніе, отчаянье и болѣзни, но въ то же время рабочіе союзы представляютъ хотя какое нибудь приближеніе и помощь. «Рабочіе Союзы» даютъ возможность рабочимъ долше вести борьбу съ хозяевами, смѣлѣе и настоятельнѣе быть въ своихъ требованіяхъ; вслѣдствіе этого весьма многія притѣсенія и несправедливости хозяевъ стали немислимы.

Наиболѣе могущественная и сильная по своей организациі ассоціациі известна подъ названіемъ «Соединеннаго общества инженеровъ, механиковъ, строителей мельницъ и кузницъ». Въ члены этого общества не могутъ быть приняты рабочіе, которые занимаются своимъ ремесломъ менѣе пяти лѣтъ или мало преуспѣваютъ въ немъ. Каждый, желающій поступить, долженъ быть рекомендованъ двумя членами, которые обязаны поручиться, а иногда и доказать, что рекомендуемое ими лицо хорошо знаетъ свое дѣло, хорошаго поведенія и что онъ челоуѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ честный. Попавшій въ члены, не ранѣе какъ черезъ годъ имѣетъ право пользоваться выгодами новаго положенія. Каждый членъ обязанъ въ случаѣ нужды помогать товарищамъ всѣми зависящими отъ него средствами.

Вотъ что сказано въ уставѣ относительно членовъ, остающихся на нѣкоторое время безъ работы. «Если кто либо изъ членовъ потеряетъ работу при обстоятельствахъ, благоприятныхъ для его ремесла (т. е. когда въ производствѣ не произошло никакого кризиса), то получаетъ въ первыя 14 недѣль по 5 шиллинговъ въ каждую, въ слѣдующія 30 по 3½, и затѣмъ по 3 до истеченія года, когда всякая выдача пособій прекращается. Если оставшійся безъ работы членъ общества вадумаетъ поискать счастья въ другой мѣстности, онъ получаетъ отъ секретаря подорожную, которая, удостовѣряя личность предъявителя, даетъ ему возможность получить слѣдующую пенсію въ любомъ городѣ, гдѣ есть отдѣленіе ассоціациі».

«Въ случаѣ болѣзни, рабочій увѣдомляетъ о томъ секретаря и получаетъ въ теченіи 26 недѣль по 5 шиллинговъ каждую недѣлю и затѣмъ по 2½, вплоть до самаго выздоровленія. Такое же пособие получаетъ членъ, заболѣвшій въ пути для принсканія работы. Въ случаѣ нужды, администраціа общества увѣдомляетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ друзей и родныхъ больного, или даже отправляетъ его къ нимъ на счетъ общества. Членъ «Соединеннаго общества», если онъ вслѣдствіе тяжелой болѣзни или увѣчья навсегда потерялъ способность исполнять какую бы то ни было работу, получаетъ одновременно сумму въ 100 ф. ст. Члены старѣе 50-ти лѣтъ, если они состояли въ обществѣ не менѣе 18-ти лѣтъ сряду и не имѣютъ никакихъ занятій, получаютъ, въ случаѣ просьбы съ ихъ стороны, пожизненную пенсію въ объемѣ 3½, шилл-

лингговъ въ недѣлю. Въ случаѣ смерти члена, его вдова или ближайшіе родственники, а равнымъ образомъ и всякій членъ, въ случаѣ смерти его жены, имѣютъ право на получение суммы, необходимой на покрытие погребальныхъ расходовъ».

Такимъ образомъ, благодаря «Соединенному обществу», рабочій, внося единовременно 15 шиллинговъ, а затѣмъ еженедѣльно $\frac{1}{4}$ шиллинга, не только не гарантируетъ себя на случай болѣзни, неимѣнія работы и проч., но и получаетъ право на пенсію, когда съ лѣтами не въ состояніи будетъ добывать насущный хлѣбъ.

Въ концѣ перваго года существованія «Соединеннаго общества», т. е. въ 1852 г., оно состояло изъ 11,829 человекъ, а въ 1865 г. оно разрослось уже до 30,978 человекъ. Теперь общество состоитъ изъ 295 отдѣленій; изъ нихъ 230 въ Англіи и Валлисѣ, 31 въ Шотландіи, 11 въ Ирландіи, 8 въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, 6 въ Австраліи и затѣмъ въ Канадѣ, въ Новой Зеландіи, во Франціи и на островѣ Мальтѣ. Капиталъ общества простирался въ 1865 г. до 77,373 ф. ст. Въ годы мало-мальски сноснаго процвѣтанія промышленности, общество, по удовлетвореніи нуждъ членовъ, имѣетъ возможность откладывать болѣе или менѣе значительную сумму въ свой запасный капиталъ.

Большинство хорошихъ фабрикантовъ предпочитаютъ обыкновенно нанимать членовъ общества, такъ какъ они расчитываютъ найти въ нихъ искусныхъ мастеровъ и порядочныхъ людей, которые, хотя и не дадутъ себя въ обиду, но за то не станутъ затѣвать неудовольствій изъ-за пустяковъ. Болѣе независимое и прочное положеніе членовъ ассоціаціи развиваетъ въ нихъ чувство самоуваженія, а строгій выборъ членовъ даетъ фабрикантамъ хорошихъ работниковъ.

Англійская конституція — Парламентъ и его могущественное значеніе въ странѣ.— Высшій видъ парламента.— Палата лордовъ.— Англійская аристократія.— Любовь къ ней народа.— Право первородства.— Старшіе и младшіе сыновья лордовъ.— Составъ палаты лордовъ.— Палата общинъ, ея члены и значеніе въ странѣ.— Открытіе парламента королевой.— Выборы въ палату общинъ.

Англія славится въ цѣломъ мірѣ своими свободными учрежденіями и личною свободою своихъ гражданъ. Каждый англичанинъ можетъ совершенно свободно жить, гдѣ ему вздумается, можетъ проживать и ѣздить по всей странѣ безъ всякаго паспорта, имѣетъ полное право, оставляя свое мѣсто жительства, никого объ этомъ не предупреждать, если это только ему самому не нужно для личныхъ дѣлъ. Правда, въ теоріи король можетъ запретить своему подданному выѣхать за границу, но уже болѣе 150 лѣтъ англійскіе короли не пользуются этимъ правомъ. Англичанинъ не можетъ быть противъ своей воли высланъ правительствомъ съ своего мѣстожительства куда-нибудь въ отдаленныя мѣста, въ особенности за море; исключеніе составляютъ солдаты и матросы.

Всѣ промыслы открыты для всѣхъ гражданъ: желѣзныя дороги, каналы, доки строятся частными лицами или компаніями и составляютъ ихъ собственность. Даже постройка военныхъ кораблей, выдѣлка пороха, литье пушекъ — частный промыселъ. Англичане пользуются свободою совѣсти и богослуженія.

Государственною церковью признается англиканская, но множество сектъ, которыя породила эта религія, совершенно терпимы въ Англіи, и всѣ сектанты пользуются одинаковыми правами со всѣми другими гражданами; каждый изъ нихъ можетъ пропагандировать свой взглядъ на религію, писать брошюры, издавать книги и какія бы они ни высказывали убѣжденія, никто не будетъ ихъ преслѣдовать за это.

Ни одна страна въ мірѣ не славится такъ свободою печати, какъ Англія. Литература и газеты относятся не только свободно къ каждому политическому вопросу, но также свободно разсматриваютъ всѣ дѣйствія министерства, существующіе законы, судебныя

рѣшенія. Случалось, что ирландскія газеты печатали безнаказанно просто воззванія къ возстанію. Во время крымской войны «Times» назвалъ въ одной статьѣ тогдашнее министерство шайкой разбойниковъ, и прибавилъ, что та страна, которая терпитъ подобное правительство недостойна названія свободной. И однако редакторъ не подвергся никакой карѣ, ни даже штрафу, газета выходила безпрепятственно и также свободно, какъ и прежде. Такъ какъ личность неприкосновенна, то свобода прессы не распространяется на частную жизнь. Всякое оскорбленіе въ печати частнаго лица — строго преслѣдуется закономъ.

Въ Англіи каждый гражданинъ пользуется полною личною свободой: невольничество не существуетъ на всемъ пространствѣ великобританскихъ владѣній; всякій рабъ, вступивъ на англійскую почву, становится свободнымъ человѣкомъ.

Домъ англичанина неприкосновененъ, какъ крѣпость. Произвести обыскъ въ домѣ можно только на основаніи спеціальнаго постановленія суда. Тайна писемъ такъ уважается въ Англіи, что только министерство можетъ дать приказаніе вскрыть письмо и то обыкновенно по подозрѣнію въ какомъ нибудь важномъ мошенничествѣ. Вскрываютъ письма только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Лучше всего это видно изъ того, что съ 1799 г. по 1844 г. было вскрыто всего 372 письма, — слѣдовательно среднимъ числомъ по 8 въ годъ.

Всѣ классы общества имѣютъ полное право гдѣ имъ угодно собираться между собой и такимъ образомъ составлять митинги и собранія для обсужденія политическихъ и общественныхъ вопросовъ; они могутъ говорить на этихъ собраніяхъ, произносить рѣчи, читать, что и какъ имъ вздумается, проводить взгляды, какіе кто изъ нихъ пожелаетъ, только съ однимъ условіемъ, чтобы они не нарушали спокойствія гражданъ, т. е. не подымали бы особеннаго шума, беспорядка и т. п.

Всѣ эти льготы пріобрѣтены англійскимъ народомъ постепенно, путемъ продолжительной борьбы. Вспомнимъ, какими тяжелыми усиліями пріобрѣла себѣ свободу англійская періодическая печать, — такъ было и во всемъ другомъ. Важнѣйшія льготы англичанъ можно выразить въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) свобода движенія по своей странѣ и свободный выѣздъ за границу, 2) свобода труда и промысла, 3) религіозная свобода, 4) свобода печати и слова, 5) неприкосновенность личности, 6) тайна писемъ, 7) право подачи прошеній королю и парламенту, 8) право ассоціацій.

Кромѣ личной свободы гражданъ, главнѣйшей основой англійской свободы служить также и мѣстное самоуправленіе. Англійскія графства и города управляются совершенно самостоятельно, сами собой. Полиція, пути сообщенія, народное здравіе, продовольствіе, просвѣщеніе, — вообще все, что въ другихъ странахъ составляетъ дѣятельность правительства, всѣмъ этимъ въ Англіи завѣдуютъ частныя лица или ассоціаціи. Отсутствіе правительственной опеки развиваетъ самостоятельность, силу характера, привычку во всемъ полагаться только на самаго себя.

Форма правленія Англіи — монархія, ограниченная парламентомъ: король присягаетъ «царствовать по статутамъ парламента, по законамъ и обычаямъ страны, блюсти правду и правосудіе». Король Англіи долженъ быть англиканскаго исповѣданія и не имѣетъ права жениться на католичкѣ. Права короля чрезвычайно обширны *въ теоріи*. 1) Ему принадлежитъ все государственное имущество, всѣ государственные доходы считаются по закону его доходами. 2) Только онъ одинъ имѣетъ право объявлять войну и заключать миръ. 3) Онъ одинъ можетъ заключать трактаты и союзы; имѣетъ право посылать пословъ и принимать ихъ. 4) Одинъ король можетъ вооружать арміи и флоты и воздвигать крѣпости. 5) Король верховный судья страны; всякое судопроизводство исходитъ отъ него. 6) Король имѣетъ право прекратить процессъ и помиловать осужден-

наго. 7) Онъ глава церкви и обладаетъ по закону многими другими правами. Ниже однако мы увидимъ, что весьма многія права короля въ дѣйствительности не имѣютъ никакого значенія. На дѣлѣ вся власть находится въ рукахъ парламента.

Парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ: 1) палата лордовъ, или, какъ ее иначе называютъ, верхняя палата, и 2) палата общинъ, или палата депутатовъ. Религіозная, законодательная, судебная, административная власть—все въ рукахъ парламента. Выше парламента въ Англіи нѣтъ никакой законодательной власти. Власть парламента распространяется рѣшительно на всѣ сферы общественной жизни,—все можетъ быть измѣнено и уничтожено ею. Всѣ, какъ крупныя, такъ и мелкія реформы, какъ важныя, такъ и менѣе важныя законы обновлены, усовершенствованы, измѣнены или вновь созданы парламентомъ. Парламентъ отмѣнилъ нѣкоторые догматы церкви, положилъ конецъ холостой жизни священниковъ. Сегодня парламентъ измѣняетъ извощичью таксу въ Лондонѣ, завтра преслѣдуетъ издателей газеты за диффамацию, послѣ завтра даетъ разрѣшеніе провести новый каналъ. Парламентомъ можетъ быть измѣнена и конституція. Финансовая часть точно также вполнѣ находится въ его рукахъ и именно въ рукахъ палаты общинъ. Только палата общинъ имѣетъ право улучшать законы о налогахъ, устанавливать новыя, опредѣлять ихъ размѣръ.

Судебная власть парламента весьма значительна. Палата лордовъ есть высшее судебное мѣсто,—въ ней можно апеллировать во всѣхъ процессахъ, гдѣ только допускается аппеляція на главныя судилища Англіи. Кромѣ того палата лордовъ служитъ уголовнымъ судомъ для лордовъ, ихъ женъ, для принцевъ и супруги короля. Этому же суду подлежатъ и лица, обвиняемыя нижней палатой въ государственномъ преступленіи.

Свою верховную власть парламентъ проявляетъ чрезъ посредство *министерства*. Въ Англіи министерство служитъ посредникомъ между королемъ и парламентомъ. По теоріи король имѣетъ полное право выбирать себѣ министровъ согласно своему желанію. На практикѣ однако выходитъ совсѣмъ другое и король выбираетъ только тѣхъ министровъ, которыхъ желаетъ парламентъ, очень часто людей и по политическимъ взглядамъ, и по направленію съ нимъ совершенно несогласныхъ. Министерство совершенно подчинено парламенту. Точно также и многія другія права короля теперь существуютъ только въ теоріи. Право короля утверждать или отвергать законодательные проекты, принятые парламентомъ, уже давно не существуетъ. Право объявлять войну и заключать миръ тоже перешло къ парламенту, такъ какъ парламентъ утверждаетъ ежегодный бюджетъ, а безъ денегъ нельзя вести войну. Даже право помилованія, которое вездѣ принадлежитъ монарху, въ Англіи на практикѣ принадлежитъ министерству, а въ политическихъ преступленіяхъ палатѣ общинъ: когда депутаты палаты выражаютъ желаніе помиловать преступника,—это желаніе всегда выполняется. Въ преступленіяхъ не государственныхъ, а такъ называемыхъ общихъ, король не даетъ болѣе прощенія.

Хотя по закону королю принадлежитъ все государственное имущество и всѣ государственныя доходы, однако на дѣлѣ королевскій бюджетъ строго опредѣленъ. Королева Викторія получаетъ на содержаніе своего двора 325,000 ф. ст. и 60,000 ф. ст. на ея личныя расходы. Если ея издержки будутъ превышать назначенную ей сумму, то это должно заявить въ парламентъ. Когда года два тому назадъ въ парламентъ поднять былъ вопросъ о томъ, чтобы увеличить содержаніе наслѣднаго принца, то множество членовъ высказалось противъ этого, доказывая, что его содержаніе и безъ того велико.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о внѣшнемъ видѣ обѣихъ палатъ и о зданіи парламента, этого древнѣйшаго и могущественнѣйшаго учрежденія Англіи. Парламентъ—громадное зданіе, замѣчательно богатое, великолѣпное снаружи и удобное внутри. Оно

бросается въ глаза множествомъ всякаго рода готическихъ украшеній и своею башнею Викторіа, которая возвышается надъ всѣмъ Лондономъ.

Съ рекомендабельнымъ письмомъ иностранецъ можетъ проникнуть въ засѣданіе *палаты лордовъ*. Лорды обыкновенно засѣдаютъ раннимъ вечеромъ или послѣ полудня, часто даже въ полдень и никогда ночью. Напротивъ того *палата общинъ*—камера труда, тяжелой борьбы партій, служебной работы и ночнаго бодрствованія англійскаго правительства. Палата лордовъ—для однихъ мѣсто покоя, куда собираются люди уже по своему рожденію пользующіеся привелегіей наслаждаться всю жизнь, для другихъ гавань, въ которую удаляются заслуженные государственные люди, когда ихъ работа сдѣлана или силы истощены бурною борьбою въ палатѣ общинъ, съ которой многіе изъ нихъ начинаютъ свою дѣятельность.

Прежде чѣмъ вступить въ залу палаты лордовъ, вамъ приходится пройти цѣлый рядъ корридоровъ и проходовъ, пока вы не дойдете до того изъ нихъ, въ которомъ на мраморныхъ пьедесталахъ стоятъ изображенія великихъ англійскихъ государственныхъ людей отъ Кларендона до Чатама, Питта и Фокса. Здѣсь дороги расходятся: направо въ *палату общинъ*, направо въ *палату лордовъ*. Направо все на стѣнахъ и потолкахъ дѣлается проще, напротивъ того, направо—все дороже, изыщнѣе и массивнѣе. Искусство соединяется съ богатствомъ, чтобы украсить даже и корридоры, по которымъ придется пройти лордамъ. Стѣны комнаты, которая служитъ преддверіемъ палаты лордовъ, украшены фресками изъ англійской исторіи. Вотъ одинъ за другимъ поднимаются пары Англій, часто богѣе могущественные, чѣмъ иные короли, люди, владѣющіе безчисленными замками, живущіе почти съ царскимъ великолѣпіемъ въ своихъ громадныхъ помѣстьяхъ.

Всякій наслѣдственный лордъ, если онъ въ то же время и членъ палаты лордовъ, называется *пэромъ*. Старшій сынъ пэра будетъ лордомъ до тѣхъ поръ, пока не наслѣдуетъ мѣста отца въ верхней палатѣ. Всѣ эти члены палаты лордовъ одѣты очень скромно и держатъ себя чрезвычайно просто. Эта скромность и простота, вѣроятно, происходятъ оттого, что въ Англій гораздо важнѣе быть джентльменомъ, чѣмъ лордомъ и пэромъ. Есть старая пословица: «король можетъ сдѣлать лорда, но не джентльмена». Въ Англій, чѣмъ выше стоитъ человекъ по своему рожденію и общественному положенію, тѣмъ болѣе обязательнымъ считаетъ онъ для себя быть джентльменомъ. Аристократы находятъ, что идеаль джентльмена вполне хорошо опредѣленъ любимымъ англійскимъ писателемъ Теккеремъ. «Быть джентльменомъ» говоритъ онъ, «это значить имѣть возвышенныя цѣли, вести чистую жизнь, хранить свою честь незапятнанною, пользоваться уваженіемъ своихъ согражданъ и любовью своего семейства, нести счастье со скромностью, а несчастье съ непоколебимою твердостью». Порядочность здѣшнихъ аристократовъ много зависитъ отъ того, что англійское общество, несмотря на ихъ богатство и высокій титулъ, представляетъ имъ требованія, гораздо болѣе строгія, чѣмъ другимъ. И это вполне логично; чѣмъ богаче человекъ, тѣмъ болѣе блестящее образованіе онъ можетъ дать своимъ дѣтямъ. Его независимое положеніе даетъ ему возможность болѣе другихъ заботиться о судьбѣ народа. Нечего и говорить, что и между англійскими аристократами много людей совершенно ничтожныхъ, которые только и думаютъ о томъ, какъ бы больше пожуировать, но очень многіе изъ нихъ проникнуты самыми гуманнѣйшими идеями и большинство отличается своимъ блестящимъ образованіемъ. Наболѣе знаменитые англійскіе аристократы всегда были впереди другихъ во всякомъ движеніи, въ каждой важной реформѣ. Аристократія этой страны точно также много содѣйствовала развитію свободы и распространенію образованія въ массахъ. Дочери лучшихъ семействъ до сихъ поръ считаютъ своимъ главнѣйшимъ долгомъ устраивать школы и преподавать въ нихъ; наболѣе талантливые ихъ братья, окончивая курсъ въ университетахъ, прежде всего стараются примѣнить

свои знания, читая безвозмездно лекции рабочимъ въ разныхъ фабричныхъ городахъ. О щедрости англійской аристократіи мы уже достаточно говорили. Наибольше знаменитые изъ нихъ считаютъ обыкновенно своимъ долгомъ жертвовать на бѣдныхъ одну десятую или одну двѣнадцатую часть своихъ доходовъ.

По закону первородства здѣсь, какъ извѣстно, только старшій сынъ наследуетъ титулъ своего отца и его недвижимую собственность. Такой порядокъ вещей, говорить, порождаетъ зависть съ самыхъ юныхъ лѣтъ. И дѣйствительно, въ то время какъ старшій сынъ, богатый, знатный и независимый отъ рожденія, приходитъ и поселяется въ готовомъ роскошномъ замкѣ, посреди прекраснаго парка, громаднаго штата прислуги, всегда готовой къ его услугамъ, младшій долженъ *сдѣлать свою карьеру*. Англичане однако утверждаютъ, что такой порядокъ вещей оскорбляетъ ихъ гораздо менѣе, чѣмъ это предполагаютъ иностранцы: они сживаются съ этими понятіями съ дѣтства; такъ какъ обычай этотъ древній, національный, то они и подчиняются ему вполне и принимаютъ его, какъ нѣчто неизбежное. Допустимъ однако и то, что обычай первородства порождаетъ зависть въ младшихъ членахъ аристократическихъ родовъ, — за то онъ вноситъ въ этотъ классъ общества и много обновляющихъ элементовъ. Аристократы знаютъ, какаю часть предстоить ихъ младшимъ сыновьямъ, и они стараются прежде всего приучить ихъ къ труду, дать имъ основательное образованіе. Младшіе сыновья не хотятъ отстать отъ старшаго брата, и если тому предстоитъ играть высокую роль въ обществѣ въ силу своего рожденія, они стремятся занять не менѣе блестящее положеніе своими талантами и знаниями. Къ тому же, привыкнувъ съ дѣтства къ роскоши и удовольствію, они трудятся съ утра до поздней ночи, лишь бы жить съ прежнимъ комфортомъ. Въ правѣ первородства англичане видятъ силу, которая удерживаетъ множество молодыхъ людей отъ праздности, принуждаетъ ихъ къ серьезной дѣятельности и слѣдовательно приноситъ пользу странѣ. Большая часть младшихъ дѣтей лордовъ поступаетъ въ армію, флотъ, въ адвокаты, въ духовное званіе и болѣе всего въ военную службу. Какъ младшіе сыновья, такъ и будущіе пэры, женятся по любви на простыхъ дѣвушкахъ изъ джентри. Нерѣдко также младшіе сыновья пэровъ женятся на дочеряхъ высшихъ сановниковъ, а будущіе пэры, рождаются съ банкирами. «Хлопчатобумажнымъ князьямъ», какъ ихъ здѣсь называютъ, не трудно породниться со старою титулованною аристократіею. Изъ этого ясно, что *mésalliance* (неровный бракъ) у нихъ не имѣетъ никакого значенія, и аристократическій родъ считается по отцу, а не по матери. Какъ бы то нибыло, изъ этого видно, что англійская аристократія не представляетъ собой замкнутой касты: въ нее постоянно вступаютъ новые люди посредствомъ брака, таланта и богатства, и на оборотъ, она постоянно выпускаетъ изъ себя отрасли въ народъ. Къ тому же нынѣшнее родовое перство не особенно древняго происхожденія. Въ XV столѣтіи было всего 25 пэровъ, въ XVI—51, въ XVII—98. Каждый король черезъ пожалованье увеличивалъ число пэровъ, и чѣмъ дальше тѣмъ все болѣе увеличивалось число пожалованій. Въ теченіи послѣднихъ полутора столѣтій было дано 840 перствъ, въ томъ числѣ королевой Викторіей 60.

При всѣхъ достоинствахъ англійской аристократіи, сосредоточеніе поземельной собственности въ ея рукахъ имѣетъ въ высшей степени печальные результаты, такъ какъ даетъ возможность богатымъ все болѣе богатѣть, а бѣднымъ все болѣе нищать. Такой порядокъ вещей не оставляетъ на долю рабочаго ни клочка земли, гдѣ бы онъ на старости лѣтъ, больной и изнуренный тяжелой работой, могъ приклонить свою голову. Такимъ образомъ громадная масса англійскаго рабочаго люда весь свой вѣкъ остается бездомными бродягами, батраками фабрикантовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ.

Войдемъ однако въ залу палаты лордовъ. Чтобы вступить въ это святилище, ино-

странцу необходимо предъявить рекомендательное письмо, или ордеръ, на которомъ обыкновенно значится: «допустить подателя въ галерею палаты лордовъ». Солнечные лучи, рѣзко проникающіе черезъ высокія стекла, необыкновенно эффектная игра и отраженіе свѣта на мозаичномъ полу, — вотъ первое сильное впечатлѣніе, которое производитъ зала палаты лордовъ. Но когда, черезъ мгновеніе, вы оглянетесь вокругъ, васъ необыкновенно поразитъ замѣчательная роскошь и блескъ этой залы въ готическомъ стилѣ. Эта высокая, круглая зала со сводомъ имѣетъ просто волшебный видъ! Несмотря на полдень, въ ней темно: кругомъ горятъ лампы, и при этомъ солнце все таки проникаетъ черезъ толстыя, ярко раскрашенныя стекла. Голубые, зеленые и красные лучи смѣшиваются съ желтымъ свѣтомъ лампы, исчезаютъ, вновь появляются и наполняютъ этимъ мерцаніемъ, этимъ блескомъ, этими оригинальными тѣнями всю комнату. Фрески на стѣнахъ и потолокѣ изображаютъ главнѣйшія событія изъ исторіи Англій, а на разрисованныхъ окнахъ блестятъ яркими красками гербы и девизы старыхъ королевскихъ родовъ и изображены портреты всѣхъ королей и королевъ Великобританіи, начиная съ Вильгельма Завоевателя до нынѣшней королевы Викторіи. Въ нишахъ между оконъ стоятъ статуи бароновъ, выравнившихъ великую хартію у Іоанна Безземельнаго; позолота и яркія краски гербовъ и другихъ символическихъ и національныхъ украшеній карниза и потолка придаютъ много блеска комнатѣ.

Особенный блескъ залѣ палаты лордовъ придаетъ тронъ, съ котораго короли англійскіе открываютъ и закрываютъ засѣданія парламента. Государство не пожалѣло расходовъ, чтобы придать особенный блескъ и роскошь этому трону; онъ обитъ краснымъ бархатомъ и щедро украшенъ золотомъ и брилліантами. Много также вносятъ разнообразія и придаютъ блеска два другіе находящіеся здѣсь трона.

Господинъ съ золотымъ гербомъ Великобританіи и Ирландіи на груди беретъ обыкновенно отъ иностранца ордеръ и ведетъ его наверхъ въ галерею. Когда отсюда помотришь внизъ въ палату, глазамъ представится неподвижная масса краснаго цвѣта, тамъ и здѣсь блистающая золотомъ и брилліантами. Въ первую минуту изъ присутствующихъ въ палатѣ болѣе другихъ бросаются въ глаза репортеры газетъ: они сидятъ впереди галлерей, разговариваютъ между собой и смѣются иногда такъ громко, что какой нибудь лордъ внизу подниметъ голову и посмотритъ на нихъ. Изъ всѣхъ присутствующихъ въ палатѣ лордовъ репортеры болѣе всѣхъ оживлены. Чтобы дѣло шло какъ можно скорѣе, позади каждаго репортера сидитъ помощникъ, готовый замѣнить его каждую минуту.

Прежде чѣмъ говорить о составѣ палаты лордовъ, нужно имѣть возможно ясное понятіе о сословномъ дѣленіи англійскаго народа. Многочисленные титулы и разнообразныя названія англійскаго дворянства чрезвычайно запутаны. Мы легко знакомимся съ іерархическою лѣстницею французскаго дворянства, съ его «дюками», «маркизами», «контами», «виконтами», «баронами» и «шевалье»; между тѣмъ для англійскаго сословія нужно особенное изученіе и помощь различныхъ справочныхъ книгъ. Болѣе всего здѣсь затрудняетъ то, что глава семьи, а иногда и старшій сынъ, носятъ особый титулъ и прозвище, чѣмъ всѣ остальные члены семьи. Такъ напр. родовое имя герцога Ньюкестля, бывшаго министра колоній, было Генри Пельгамъ Клинтонъ, а его старшій сынъ назывался графъ Линкольскій. Сынъ герцога Бедфордскаго называется маркизъ Тавистонъ. Глава знаменитаго дома Монтэгю называется графъ Сандвичъ, а его старшій сынъ носитъ титулъ виконта Гинчинброка; старшій сынъ графа Дерби называется лордомъ Стенли и т. д. во всѣхъ 300 — 400 фамиліяхъ, изъ которыхъ состоитъ англійское дворянство. Для самихъ англичанъ было бы невозможно найти въ этомъ генеалогическомъ лабиринтѣ, если бы у нихъ не выходило каждый годъ множество картъ и росписей, нѣсколько различныхъ справочныхъ книгъ, изданныхъ обыкновенно съ особенною роскошью, въ бар-

хатныхъ переплетахъ съ золотыми украшеніями, которыя всегда красуются на письменномъ столѣ мало-мальски знатнаго человѣка.

Въ Англіи существуетъ два главныхъ сословія: nobility (дворянство) и commonalty (среднее сословіе). Къ сословію nobility принадлежать герцоги, маркизы, графы, виконты, бароны. Старшіе сыновья этихъ пяти классовъ получаютъ титулъ лорда и все недвижимое имущество; только они одни и считаются настоящими дворянами. Между тѣмъ какъ младшіе сыновья тѣхъ же 5-ти классовъ не причисляются даже къ дворянству. Правда, младшіе сыновья герцоговъ, маркизовъ и графовъ, т. е. трехъ первыхъ высшихъ классовъ дворянства, въ уваженіе къ ихъ родителямъ, носятъ титулъ лордовъ, но съ этимъ титуломъ не соединяется никакихъ правъ. Commonalty распадается на верхній и нижній слой. Верхній слой образуетъ *джентри*; къ нему принадлежатъ младшіе сыновья высшихъ классовъ дворянства, и затѣмъ также три класса нисшаго дворянства: knights, которые получаютъ это званіе въ военныхъ или гражданскихъ должностяхъ, *баронеты* и *эсквайры*. Въ баронеты производитъ король прикосновеніемъ меча и словами «встаньте, сэръ!» Они поправу имѣютъ титулъ сэра и гербъ, и передаютъ свое достоинство по наслѣдству. Баронетовъ въ Англіи очень много, и это особенно потому, что прежде короли безпрестанно вознаграждали баронетскимъ патентомъ всякаго, кому они были чѣмъ нибудь обязаны. Одно время даже торговали баронетскими патентами. Одна женщина просила у короля Карла II 30 тысячъ ф. ст. или два баронетскихъ патента «за помощь, оказанную ему во время бѣгства». Эта просьба даетъ намъ приблизительный масштабъ для вычисленія цѣнности баронетскаго патента того времени. Въ *эсквайры* производятся королемъ выдачею патента. Этотъ титулъ носятъ также сыновья баронетовъ. Всѣ самостоятельные крупные землевладѣльцы, рантье и т. д. пользуются титулами эсквайра, котораго не лишается никто изъ принадлежащихъ къ лучшему обществу. Къ джентри причисляются всѣ члены нижней палаты, адвокаты, высшіе чиновники, ученые и художники, офицера, духовныя лица, крупные коммерсанты и фабриканты; въ обширномъ смыслѣ въ составъ джентри входятъ всѣ образованные и воспитанные люди. Не принадлежатъ къ джентри и не имѣютъ титула сэра: мелочные торговцы и лавочники, мелкіе фабриканты и ремесленники, арендаторы, фабричныя рабочіе, поденщики, матросы, солдаты и т. п., — всѣ они принадлежатъ къ нисшему слою комональти.

Въ палату лордовъ (члены которой со вступленіемъ въ нее называются пэрами) входятъ, послѣ принцевъ королевской крови, всѣ наслѣдственные англійскіе лорды. Однако вы встрѣтите здѣсь не только наслѣдственныхъ пэровъ, но и такихъ, которые получили этотъ титулъ отъ короля. Третью категорію людей, входящихъ въ составъ палаты лордовъ, составляютъ епископы и архіепископы. Четвертую категорію доставляетъ Ирландія, и наконецъ шотландскіе пэры — члены палаты лордовъ. Въ 1872 г. палата лордовъ состояла изъ 478 человѣкъ. Во главѣ списка членовъ палаты лордовъ прежде всего стоитъ принцъ Уэльскій, который въ качествѣ герцога Корнваллійскаго имѣетъ мѣсто въ палатѣ. За нимъ слѣдуетъ его братъ герцогъ Единбургскій, потомъ герцогъ Кумберландскій и герцогъ Кембриджскій. За ними слѣдуютъ по іерархической лѣстницѣ: архіепископъ Кентерберійскій, лордъ канцлеръ, архіепископы Йоркскій и Дублинскій, президентъ совѣта, хранитель печати. Уже за ними перечисляются герцоги: ихъ 20; маркизовъ тоже 20; графовъ 127. За графами идутъ виконты, затѣмъ епископы и наконецъ бароны. Половина членовъ верхней палаты состоитъ изъ бароновъ, между тѣмъ какъ духовныя пэры составляютъ одну пятнадцатую часть всѣхъ членовъ.

Рѣдко десятая часть всѣхъ членовъ бываетъ на лицѣ, и иногда въ присутствіи трудно насчитать даже 20 человѣкъ. Это происходитъ, вѣроятно, потому, что каждый

перъ можетъ поручить свой голосъ другому, на что не имѣютъ права члены палаты общинъ. Поэтому засѣданіе палаты лордовъ можетъ быть законнымъ даже въ присутствіи только 5 человекъ съ порученными имъ голосами, тогда какъ въ палатѣ общинъ нужно для этого не менѣе 50-ти человекъ. Такимъ образомъ большая часть мѣстъ въ палатѣ лордовъ обыкновенно бываетъ не занята, зала почти пуста. Пустымъ стоитъ тронъ королевы Викторіи, роскошно отдѣланный брилліантами, также не занятъ и тронъ, налѣво, ступенькой пониже, со страусовыми перьями—принца Уэльскаго, съ девизомъ «я служу». Пусть и останется пустымъ тронъ направо, на которомъ сидѣлъ принцъ Альбертъ, супругъ королевы Викторіи. Средину залы занимаетъ обитый краснымъ столъ, который нельзя себѣ представить безъ трехъ клерковъ въ черныхъ мантияхъ и въ большихъ парикахъ. Парикъ въ Англии вообще имѣетъ огромное значеніе. Президенты палаты лордовъ и общинъ сидятъ въ огромныхъ напудренныхъ парикахъ и замѣчательно, чѣмъ больше парикъ, тѣмъ онъ имѣетъ болѣе важное значеніе. Судьи тоже засѣдаютъ въ парикахъ, но парики ихъ уже менѣе парика лорда-канцлера, а парики адвокатовъ менѣе судейскихъ.

Президентъ палаты лордовъ—глава закона, называемый *лордомъ-канцлеромъ*, сидитъ за большимъ столомъ, но не на креслѣ, а на красномъ бархатномъ диванѣ безъ ручекъ и спинки, подушку котораго составляетъ мѣшокъ съ шерстью «wolsack»—бывшій когда-то символомъ главнаго богатства Англии. Члены палаты не обращаются къ предсѣдателю, когда говорятъ рѣчи, или высказываютъ свои мнѣнія, а начинаютъ просто обращеніемъ ко всѣмъ присутствующимъ словами: «my lords». Кромѣ лорда канцлера и клерковъ (секретари) у стола сидятъ 12 государственныхъ судей (оберегающіе интересы короны—les gens du roi). По обѣимъ сторонамъ трона тянутся мѣста пэровъ. Несмотря на то, что лордъ-канцлеръ глава закона, онъ менѣе необходимъ въ палатѣ лордовъ, чѣмъ *спикеръ* въ палатѣ общинъ. Это видно изъ того, что если собралось установленное закономъ число лордовъ, засѣданіе можетъ происходить и безъ лорда-канцлера; однако обычай требуетъ, чтобы лордъ-канцлеръ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, когда лорды соберутся въ палату. Въ палатѣ лордовъ, какъ и вездѣ въ Англии, обычай прежде всего. Гласность засѣданія парламента не опредѣлена закономъ, и если бы члены палаты пожелали, они могли бы изгнать всѣхъ репортеровъ; но печатать отчеты о засѣданіяхъ уже давно вошло въ обычай, и репортеры могутъ спокойно оставаться на своихъ мѣстахъ.

Послѣ перваго общаго взгляда, брошеннаго вами на скамьи пэровъ, вы чувствуете полнѣйшее разочарованіе. Развалившись на скамьяхъ, обитыхъ красною кожею (красный цвѣтъ—принадлежность палаты лордовъ: куда ни взглянешь, столъ, скамьи, все обтянуто и обито краснымъ; напротивъ того, въ палатѣ общинъ преобладаетъ зеленый цвѣтъ), вы видите передъ собою десятка два усталыхъ сонныхъ джентльменовъ. Взглянувъ на эти чуть не пустые диваны, никто не сказалъ бы, что это одно изъ основныхъ государственныхъ учрежденій Англии. Однако не дѣлайте изъ этого поспѣшнаго вывода: вы увидите, черезъ часа полтора эти люди совсѣмъ измѣнятся. Къ концу присутствія лица ихъ обыкновенно оживляются. Оставайтесь еще немного, и вы, быть можетъ, услышите замѣчательныя вещи. Вотъ водворяется молчаніе; со скамьи медленно поднимается величавая фигура маститаго старца и начинаетъ говорить. Глубокое молчаніе, которое воцаряется въ ту же минуту, и жадное вниманіе, съ которымъ всѣ слушаютъ оратора, показываютъ вамъ, что это долженъ быть человекъ недюжинный. Слушая его рѣчь, вы удивляетесь, какъ человекъ въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ могъ сохранить всю ясность мысли, всю живость и чутье современныхъ интересовъ. Между тѣмъ и въ той, и въ другой палатѣ вы нерѣдко встрѣтите весьма пожилыхъ людей, поль-

звующихся всесвѣтнымъ авторитетомъ. Такія явленія свойственны только одной англосаксонской расѣ. Лучшіе ораторы парламента говорятъ съ какой-то величавой скромностью, что составляетъ совершенную противоположность французамъ, гдѣ рѣдкій ораторъ не впадаетъ въ декламаторство, не сопровождаетъ свою рѣчь классическими жестами. Англичанинъ всегда говоритъ что-нибудь дѣльное, практическое, онъ занятъ тѣмъ, что онъ скажетъ, а не тѣмъ, какъ онъ скажетъ.

Нужно однако замѣтить, что палата лордовъ далеко не имѣетъ своего прежняго значенія и въ управленіи страной занимаетъ теперь только второстепенное мѣсто. Главная сила и значеніе заключается въ настоящее время въ палатѣ общинъ. До изданія билля о реформѣ въ 1832 г. пѣры косвенно, черезъ своихъ уполномоченныхъ, управляли палатою общинъ. Но съ тѣхъ поръ палата лордовъ почувствовала, что политическая власть ускользаетъ отъ нея, что взоры народа и его надежды устремлены на палату общинъ, члены которой выбраны народомъ, и она скромно покорилась своей участи и преклонилась передъ настоятельнымъ требованіемъ общественнаго мнѣнія.

Перейдемъ же теперь къ палатѣ общинъ. Засѣданіе въ палатѣ общинъ происходитъ по вечерамъ и ночью. Такъ какъ нынче въ Лондонѣ обѣдаютъ обыкновенно въ 6 или 7 часовъ вечера, то рабочее время въ нижней палатѣ начинается въ 9 ч. вечера. Хотя официально засѣданія начинаются гораздо раньше—отъ 4 часовъ, тѣмъ не менѣе до 9 ч. вечера зала почти пуста.

Если вы желаете видѣть нижнюю палату въ полной дѣятельности, то нужно посѣтить ее въ 10 часовъ вечера. Для того, чтобы иностранецъ могъ сюда проникнуть, онъ долженъ, какъ и для палаты лордовъ, имѣть рекомендательное письмо, или ордеръ отъ одного изъ членовъ. Хотя въ обѣихъ палатахъ есть мѣста для публики, но помѣститься въ нихъ можетъ очень немного народа. Въ палатѣ общинъ эти мѣста отведены въ верхней галлерей, противъ президента, и помѣститься въ ней могутъ не болѣе 70, 80 человекъ. Въ той же галлерей, со стороны президента находятся мѣста для стенографовъ и газетныхъ репортеровъ. Когда вы входите въ галерею для иностранцевъ, васъ прежде всего поражаетъ свѣтъ, падающій сверху. Не видишь ни лампы, ни люстры, а только бѣлый потолокъ изъ матоваго стекла, который равномерно распределяетъ свѣтъ на всю залу.

Зала имѣетъ необыкновенно уютный, спокойный видъ. Тутъ нѣтъ ни пурпура, ни брилліантовъ, ни троновъ, ни гербовъ, ни девизовъ,—все несравненно проще, чѣмъ въ палатѣ лордовъ и какъ-то болѣе современно. Въ палатѣ лордовъ прежде всего бросается въ глаза красная обивка, между тѣмъ какъ скромный зеленый цвѣтъ уже прежде всего придаетъ простоту залѣ. Вмѣсто трона здѣсь стоитъ огромное кресло съ деревяннымъ рѣзнымъ багдахиномъ: это кресло *президента палаты общинъ*, котораго называютъ *спикеромъ*. На немъ длинная, черная, старинная мантия и огромный парикъ. Можно себѣ представить, какъ трудно спикеру въ такомъ громадномъ парикѣ сидѣть во время июльскихъ жаровъ! Въ такіе дни, когда палата полна, потъ градомъ льется съ его лица. Прежде всѣхъ качествъ спикеръ долженъ обладать неимовѣрнымъ здоровьемъ. Предсѣдательствуя въ палатѣ обыкновенно отъ 5 или 6 часовъ вечера и до глубокой ночи, онъ въ послѣдніе мѣсяцы сессій предсѣдательствуетъ еще отъ 12 утра до 4 часовъ. При этомъ замѣтите, что спикеръ не можетъ даже на минуту выйти, чтобы освѣжиться; для этого онъ долженъ прервать засѣданіе, такъ какъ палата общинъ безъ своего президента не имѣетъ никакого значенія. Онъ можетъ выйти только тогда, когда палата обращается въ комитетъ; но это бываетъ не часто. Правда, парламентъ открытъ не цѣлый годъ, однако же главная сессія продолжается съ половины февраля до половины августа.

Передъ спикеромъ стоитъ столъ, на который кладутъ бумаги и портфели. Мѣста членовъ окружаютъ залу многими рядами. Направо засѣдаетъ министерская партія, на-

лѣво оппозиція, т. е. члены, неодобряющіе политику министерства. Если оппозиція получитъ большинство при голосованіи какого нибудь важнаго вопроса, тогда министерство выходитъ въ отставку, а новые министры выбираются уже изъ среды оппозиціи. Когда же король не пожелаетъ переимѣнить министерства, онъ имѣетъ право распустить парламентъ; тогда производятся новые выборы членовъ палаты общинъ, и затѣмъ, если большинство и новой палаты выскажется противъ министерства, тогда оно должно уже непремѣнно выйти въ отставку.

Въ залѣ палаты общинъ, послѣ того, когда осмотришься кругомъ, болѣе всего поражаетъ какая то особенная непринужденность членовъ. Большая часть изъ нихъ сидятъ полулежа или совершенно растянувшись, а то, нисколько не стѣсняясь, и положивъ ноги на передніе диваны, — каждый точно совершенно одинъ, у себя дома и послѣ сытнаго обѣда. Члены не имѣютъ форменной одежды, поэтому вы встрѣтите въ этомъ отношеніи необыкновенное разнообразіе. «Когда я пришелъ въ палату, говоритъ одинъ писатель, спикера еще не было, но онъ скоро показался, предшествуемый двумя носителями жезла, на одномъ концѣ котораго сдѣлана большая золотая корона, символъ королевской власти. Жезлъ положили на столъ передъ спикеромъ; онъ сѣлъ на свое кресло и проговорилъ: «Order, order». Это значить, что засѣданіе открыто, и что дѣла, назначенныя на это засѣданіе, должны идти своимъ чередомъ. Изъ всѣхъ членовъ только одинъ спикеръ былъ безъ шляпы; онъ сидѣлъ въ длинномъ парикѣ, концы котораго спускались ниже плечъ. Въ это время вошелъ человекъ въ сѣрой шляпѣ, съ чисто еврейскимъ лицомъ и первическою, озабоченною и усталою фізіономіей... Я тотчасъ узналъ его по карриатурамъ въ «Punch», — это Дизраэли, (тогда первый министр). Палата быстро наполнялась членами; засѣданіе между тѣмъ шло своимъ порядкомъ: въ это время представлялись прошенія. Членъ, желавшій подать прошеніе, подходилъ съ нимъ къ столу и прочитавъ клалъ его на столъ. Въ палатѣ стоялъ шумъ и говоръ, и никто этихъ прошеній не слушалъ. Наконецъ, представленіе петицій (прошеній) прекратилось. Въ это время палата была полна и вверху, и внизу. Изъ министровъ, которые всѣ сидѣли по лѣвую сторону стола, всталъ одинъ, снялъ шляпу и подошелъ къ столу. «Sir», началъ онъ, по обычаю обращаясь къ спикеру, но первыхъ словъ его невозможно было явственно слышать за шумомъ разговоровъ; только черезъ нѣсколько минутъ, когда увидѣли, что онъ началъ говорить, въ палатѣ настала совершеннѣйшая тишина».

Полулежаніе, а нерѣдко и самое безцеремонное спанье продолжается до тѣхъ поръ, пока не явится какой нибудь вопросъ, который живо принимаютъ къ сердцу разныя партіи. Странную картину представляютъ тогда члены: они живо поднимаются съ своихъ мѣстъ, протираютъ глаза, и черезъ четверть часа засѣданіе дѣлается бурнымъ. Иногда уже и въ началѣ засѣданія видно общее оживленіе: въ залѣ нѣтъ ни одного нустаго мѣста и засѣданіе походитъ на волнующееся море, на которомъ, какъ громъ и молнія, раздаются рѣчи *за* и *противъ*. Для этихъ минутъ каждая партія бережетъ свои силы, и потому въ остальное время засѣданія, бѣольшая часть членовъ, какъ мы видѣли выше, почти спитъ. Когда рѣчи *pro* и *contra* выслушаны, приступаютъ къ голосованію. Воскличаніе спикера «иностранцы должны удалиться» раздается еще и теперь, какъ въ старое время, но никто этому не повинуется. Практика оказывается снисходительнѣе теоріи, и иностранцы, не смотря на приказаніе спикера удалиться, могутъ спокійно оставаться въ галлерей и смотрѣть на дальнѣйшую процедуру. Члены нижней палаты вдругъ встаютъ съ своихъ мѣстъ, выходятъ изъ залы и потомъ опять входятъ въ залу черезъ двѣ двери по обѣимъ сторонамъ спикера. Голосованіе состоитъ въ томъ, что одни говорятъ *да*, другіе *нѣтъ*. Смотра по числу голосовъ, объявляютъ: «*да* одержали верхъ», «*нѣтъ* одержали верхъ». Затѣмъ члены

опять садятся на свои зеленые скамьи, и заседание продолжается. Впрочем обыкновенно голоса подаются со своих мест, и только в случае сомнения, на чьей стороне большинство, голосование производится таким образом, как мы только что описали.

Каждый билль (проект закона), внесенный в палату общин, рассматривается в ней три раза, и если он прошел, то он переходит в палату лордов; если его там отвергают, то его просто откладывают в сторону, в противном случае он поступает к королю на утверждение, что он делается или лично в палате лордов, или заочно, прикладывая печать с надписью «le roi le veut». Король имеет право отвергнуть билль, но ни один король из дома Ганноверского не пользовался этим правом. Прежде же отвергали билли: Елизавета отвергла 48 биллей в одну сессию. Если король отвергнет билль два раза, а он пройдет через обе палаты и в третий раз, то он имеет законную силу и без королевского утверждения. Следовательно опять и тут королевская власть более прозрачна, чем действительна. Что касается палаты лордов, то она в большинстве случаев утверждает билли, которые прошли в палате общин, так как принимает ее желание за желание нации. Билль, поступивший сначала в палату лордов, отсылается оттуда на обсуждение палаты общин.

Первое заседание парламента открывается тронною речью королевы, которая является с большим штатом в верхней палате, к перилам которой приглашают тогда и членов палаты общин. Когда королева не является, парламента открывается королевскими комиссарами.

Вот как происходило в 1876 г. торжество открытия парламента королевой Викторией.

«Пестрая гирлянда разодетых женщин охватывала пурпуровую толпу лордов. Яркие красные мантии перов, обшитые горностаем, украшенные орденовыми орденами, их головы, покрытые париками и сѣдинами, составляли вторую, так сказать, внутреннюю кайму. Посредине же залы, как раз перед тронномъ, была знаменитая скамья «woolsack», покрытая краснымъ бархатомъ. Это сѣдалище лорда-канцлера теперь было удлинено и предназначено для более высокихъ гостей.

Одна часть галлерей отведена для лицъ дипломатическаго корпуса (не пословъ, послы внизу); около нихъ торжественно помещены на видномъ мѣстѣ, облеченный въ свое средневѣковое блестящее одѣяніе лордъ мэръ, безпрестанно заглядывающій внизъ.

Тронъ куда пусть, королевская мантия раскинута по немъ широко въ ожиданіи монархини и ниспадает бѣлою волной на яркочерный коверъ, усыпанный мелкими изображениями львовъ и розъ. Вправо отъ него сгруппировались посланники.

Было почти два часа: говоръ и шумъ сдѣлались нѣсколько сдержаннѣе; собраніе встало; въ залу вошла герцогиня Эдинбургская въ голубомъ бархатномъ платьѣ, съ брилліантовою небольшою короною и вуалемъ на головѣ; вмѣстѣ съ нею принцесса Марія. Обѣ принцессы опустили на «Woolsack» лицомъ къ трону. Все снова сѣли. Въ это время мощный звукъ извнѣ слегка потрясъ зданіе; за нимъ другой, третій... Это королевскій салютъ, знающъ, что ея величество вступила въ зданіе парламента. За тронномъ распахнулась дверь, за ней видна была зала, уставленная кирасирами, закованными въ металлъ, съ надвинутыми на глаза касками. Между ихъ яркою линіей показались средневѣковые герольды, раздался звукъ трубъ, возвѣщавшихъ королеву. Герольды, войдя, низко поклонились герцогинѣ Эдинбургской и сгруппировались въ глубинѣ троннаго балдахина; дальше, первые чины государства въ мантияхъ, парикахъ, золотыхъ цѣпяхъ шли одинъ за другимъ. Герцогъ Ричмондскій несъ государственный жезлъ, Нортумберландскій — корону на подушкѣ, лордъ канцлеръ — государственную печать, первые члены

двора въ блестящихъ одѣянiяхъ. Всѣ они быстро сгруппировались на ступеняхъ трона, къ которому наконецъ приблизилась Викторiя.

Она полная женщина съ правильными, но покрупнѣвшими отъ полноты чертами лица, не то что съ строгимъ, но съ какимъ то суровымъ и усталымъ выраженiемъ въ глазахъ; длинный бѣлый вдовiй вуаль покрывалъ ея голову, увѣчанную невысокой бриллиантовой короной, которую скорѣй можно назвать діадемой; черное платье было отдѣлано бѣлымъ мѣхомъ. Взойдя на пурпурныя ступени трона, она величаво встала лицомъ къ палатѣ и отвѣтила на поклоны, съ которыми ея встрѣтили. Сначала герцогинямъ Единбургской и Марiн, потомъ парамъ и публикѣ, направо и налево. Принцесса Уэльская, вошедшая за королевой, заняла мѣсто прямо противъ трона, на «Woolsack», противъ герцогини Единбургской.

Королева сѣла на тронъ. Ея дочь, принцесса Луиза, обложила ее подготовленною на тронѣ порфирой, которая, не будучи надѣта на королеву, казалась надѣтою. Викторiя, слегка приподнявъ руку, опустила ее, приглашая присутствующихъ сѣсть. Зашуршали дорогiя одежды и опять водворилась глубокая тишина.

Тогда то носитель чернаго жезла былъ посланъ въ палату общинъ пригласить спикера и членовъ для выслушанiя королевской рѣчи.

Между этимъ моментомъ и появленiемъ спикера зала положительно представляла живую, яркую, богатую красками картину. Ни звука, ни движенiя. Всѣ словно боялись дышать. Королева сидѣла недвижима, опустивъ глаза, и всѣ какъ будто ей подражали.

Но тишина была нарушена извнѣ. Въ корридорѣ слышались торопливые шаги, и носитель чернаго жезла ввелъ въ залу и поставилъ къ барьеру спикера въ его мантии и парикѣ и членовъ палаты общинъ. Спикеръ низко поклонился королевѣ.

Когда опять все погрузилось въ общее безмолвiе, лордъ-канцлеръ опустился на колѣни передъ королевою и поднесъ ей тронную рѣчь. Ея величество протянула руку къ подаваемой ей бумагѣ и затѣмъ какъ бы отвела ее отъ себя. Канцлеръ всталъ, развернулъ документъ и, обратясь къ палатамъ, громкимъ, отчетливымъ голосомъ произнесъ: «по повелѣнiю королевы, я прочту рѣчь ея величества подлинными ея величества словами». Между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что тронная рѣчь принадлежитъ не самой королевѣ Викторiи, а ея министрамъ. Но уже принято испоконъ вѣка, чтобы все дѣлать и говорить, какъ разъ заведено.

Рѣчь была прочитана. Викторiя встала, а за ней и всѣ остальные. Ея пажи, герольды и проч. двинулись длинною, средневѣковою процессiею, а за ними двинулась обратнo и королева, оставивъ и рѣчь, и порфиру въ палатѣ».

Однако возвратимся къ палатѣ общинъ. Въ Англiи нѣтъ общественнаго положенiя, къ которому бы болѣе стремились, которое бы выше цѣнилось, и котораго бы такъ искали съ помощью влiянiя и денегъ, чѣмъ званiе члена палаты общинъ. Нужно быть хотя только разъ свидѣтелемъ избирательной борьбы въ Англiи, чтобы составить себѣ понятiе о хлопотахъ и громадныхъ издержкахъ, съ которыми еще и теперь сопряжены выборы въ парламентъ.

Палата общинъ, какъ мы уже упоминали, состоитъ изъ депутатовъ, т. е. представителей, выбранныхъ отъ графствъ, городовъ, избирательныхъ мѣстечекъ и университетовъ. Въ сессiю 1872 г. число членовъ палаты общинъ было 658 человекъ (изъ нихъ отъ Англiи съ Уэльсомъ — 493, отъ Шотландiи — 60 и отъ Ирландiи 105 человекъ). Теперь дѣйствуетъ законъ 1867 г., по которому каждый англичанинъ, къ какому бы классу общества онъ ни принадлежалъ, имѣетъ право выбрать депутата въ палату общинъ. Чтобы быть избирателемъ, человекъ долженъ прожить цѣлый годъ въ одномъ и томъ же городѣ или мѣстечкѣ, имѣя или нанимая въ продолженiи всего этого времени квар-

тиру, съ платою за нее не менѣе 10 ф. ст. въ годъ, и уплачивая слѣдующія съ нея пошлины въ пользу бѣдныхъ. Чтобы быть избирателемъ въ графствѣ (т. е. въ сельскихъ округахъ), надо или владѣть недвижимымъ имуществомъ, или быть арендаторомъ его съ тѣмъ, чтобы владѣемое или арендуемое имущество приносило не менѣе 5 ф. ст. чистаго годоваго дохода, сверхъ податей и сборовъ. Изъ этого мы видимъ, что избирателями не могутъ быть англійскіе пролетаріи, тѣмъ не менѣе число избирателей сильно увеличилось. До закона 67 г. избирателей было 1.357,000, а послѣ закона возрасло до 2.476,000. И теперь еще при выборахъ не совсѣмъ уничтожены подкупы, но въ какой силѣ они были до 1872 г., даже и представить себѣ трудно. Еще съ XVII столѣтія въ Англій было много небольшихъ мѣстечекъ, которыя сохранили право посылать депутатовъ въ палату общинъ. Съ теченіемъ времени многія изъ нихъ пришли въ упадокъ, а право представительства сохранили. Между тѣмъ возникали новые многолюдные и богатые города, и въ то время, какъ ничтожныя мѣстечки имѣли своихъ представителей, большіе города вовсе не имѣли защитниковъ своихъ интересовъ. Къ тому же большинство этихъ мелкихъ мѣстечекъ, имѣвшихъ право посылать депутатовъ, принадлежало богатымъ лордамъ, такъ что они собственно и назначали депутатовъ. Напримѣръ мѣстечко Ольдъ-Сарумъ пользовавшееся правомъ выбора, состояло всего изъ 5 скверныхъ домишекъ, населенныхъ 12-ю чел. и посылало двухъ депутатовъ. Разаумѣется они выбирали тѣхъ, кого имъ приказывалъ ихъ владѣлецъ. Небольшое мѣстечко Винчельзи имѣло трехъ избирателей, а Боссиней въ Корнваллисѣ только одного. Случалось, что такія мѣстечки продавались съ публичнаго торга за громадныя суммы и ихъ покупали самые богатые люди въ странѣ. Поэтому многія аристократическія фамиліи имѣли двоякое наследственное представительство: и въ верхней, и въ нижней палатѣ, одно въ силу своего рожденія, другое вслѣдствіе владѣнія мѣстечкомъ. Притомъ выборы производились подкупами. Желающій сдѣлаться депутатомъ, т. е. кандидатъ, угощалъ избирателей въ продолженіе 40 дней: всѣ трактиры были для нихъ открыты на его счетъ. Расходы на избраніе доходили до невѣроятныхъ цифръ. Въ 1784 г. Фоксу, кандидату въ Вестминстерѣ, выборы стоили 18 тысячъ ф. ст. (около 150 тысячъ руб. на наши деньги). Былъ даже примѣръ выбора, стоившаго 150 т. ф. ст. (около милліона руб. сер.). Когда изданъ былъ законъ противъ подкупа и парламентъ началъ уничтожать такіе выборы, открыли множество уловокъ обходить законъ. Если избиратель былъ сапожникъ, клеветы депутата покупали у него одну пару сапоговъ по 30, по 40 ф. ст.; если избиратель былъ аптекарь, ему платили за ненужный пластырь 10 гиней, за замшевыя штаны 50 ф. ст., за кустъ крыжовника 800 ф. ст., женъ избирателей цѣловали съ гинеями во рту. Эта безнравственная система произвела то, что палата общинъ потеряла всякое значеніе. Наконецъ, въ 1832 г. прошелъ, послѣ величайшаго сопротивленія, знаменитый билль о реформѣ. По этому биллю 1) всѣ мѣстечки съ населеніемъ менѣе 2 тысячъ душъ теряютъ право выбора. При этомъ потеряли право выбора 56 мѣстечекъ, выбиравшихъ 111 депутатовъ. 2) 30 городовъ отъ 2 до 4 тысячъ жителей получили право вмѣсто 2 депутатовъ выбирать по одному. 3) Оставшіеся за этими сокращеніями депутатскія мѣста предоставлены были 43 новымъ городамъ, которые прежде не имѣли представительства.

Для избранія въ члены палаты общинъ законъ не установилъ никакого ценза; всякій, родившійся въ соединенномъ королевствѣ, по достиженіи 21 года, можетъ быть избранъ въ члены палаты общинъ, если онъ, по своей должности, не принадлежитъ къ лицамъ, неспособнымъ вступать въ палату общинъ (всѣ духовные англійской, шотландской и католической церкви, судьи, чиновники министерства финансовъ, казенные подрядчики и проч. не имѣютъ права быть членами палаты общинъ). По теоріи выходитъ, что почти всякій, кромѣ небольшого числа лицъ, имѣетъ право сдѣлаться депутатомъ

палаты общинъ; между тѣмъ и въ настоящее время, да это, вѣроятно, останется на долго и въ будущемъ, составъ палаты общинъ мало отличается отъ палаты лордовъ. Прежде всего, каждый изъ старшихъ сыновей пэровъ начинаетъ свое политическое поприще обыкновенно съ палаты общинъ и затѣмъ въ большинствѣ случаевъ только послѣ смерти отца переходитъ въ палату лордовъ. Затѣмъ членами палаты общинъ являются младшіе сыновья пэровъ, потомъ въ ней засѣдаетъ поземельная и денежная аристократія и аристократія таланта, если онъ соединяется съ деньгами. Если перебрать всѣхъ членовъ палаты общинъ, то окажется, что большинство ихъ состоитъ въ самыхъ близкихъ и родственныхъ связяхъ съ пэрами и высшею аристократію. Словомъ, здѣсь также, какъ и въ палатѣ лордовъ—сливки англійскаго общества. Билль о реформѣ 32 г. нисколько не сдѣлалъ ее болѣе демократической, какъ это обыкновенно происходитъ при реформахъ на континентѣ, но англійская палата общинъ послѣ реформы стала гораздо болѣе независимой, даже господствующей. Въ 1872 г. прошелъ законъ о тайной подачѣ голосовъ на выборахъ. Теперь избиратели пишутъ имена выбранныхъ ими депутатовъ и опускаютъ эти записки въ закрытый ящикъ. Этотъ законъ сильно уменьшилъ подкупы, тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ кандидаты угощаютъ своихъ избирателей. Но почему же, спросятъ читатели, разъ не существуетъ опредѣленнаго ценза, не попадаетъ въ депутаты простой народъ? Прежде всего потому, и что до сихъ поръ выборы стоятъ порядочныхъ денегъ. Помимо угощеній, которыя, какъ мы сказали, существуютъ еще до сихъ поръ, нужны большія деньги на объявленія, которыя наклеиваютъ на всевозможныя экипажи, на стѣны домовъ, на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ. Приходится нанять цѣлую армію разнощиковъ, которые разносятъ и разбрасываютъ прокламаціи кандидатовъ, гдѣ изложены ихъ политическія воззрѣнія. Но самая главная причина того, что все управление страной находится въ рукахъ аристократіи, заключается въ томъ, что общественное мнѣніе въ Англии сильно стоитъ за этотъ образъ правленія. «Вы можете уничтожить титулы», сказалъ однажды одинъ извѣстный англійскій ораторъ, «вы можете сжечь мантии и горнастаи, но аристократія будетъ такъ же сильна, какъ и прежде, потому что ея власть зависитъ не отъ цвѣта обоевъ палаты, не отъ мѣшка, набитаго шерстью и покрытаго бархатомъ, не отъ лентъ и орденовъ, не отъ коронъ и дворянскихъ титуловъ. Власть ея, мои друзья, въ васъ самихъ; она заключается въ томъ аристократическомъ духѣ и въ той симпатіи къ знатнымъ, которою вы всѣ дышите. Вы уважаете только богатыхъ людей и высоко ставите званіе; если бы вамъ завтра пришлось постановить республику, то это была бы республика, основанная на аристократіи. Въ каждомъ республиканскомъ правленіи вашего изобрѣтенія собственникъ, имѣющій обширныя помѣстья и огромные доходы, будетъ стоять выше всего».

Но какъ бы ни были плохи разныя стороны соціальной жизни англійскаго народа, какъ не велики промахи правительства, какъ бы ни возбуждало оно антипатію къ себѣ своими отсталыми и буржуазными взглядами, все таки страна эта пользуется въ цѣломъ мірѣ славою свободныхъ учреждений и великою, личною свободою своихъ гражданъ. Не даромъ англійское юношество, въ лучшую пору своей молодости, съ полнымъ сознаниемъ своего превосходства и съ непоколебимою вѣрою въ истинный смыслъ своей національной пѣсни, гордо распѣваетъ:

«Пусть преломляютъ всѣ народы
Чело предъ деспотомъ своимъ,
Но ты—въ величій свободѣ—
Цвѣти на страхъ и зависть имъ!
Правъ, правъ, Британія, и царствуй надъ морями!
Твоимъ сынамъ не битъ рабами!

Тебѣ-ль тирановъ устрашиться?
Едва ихъ иго зазвучитъ,
Твой жаръ сильнѣе возгорится
Тебѣ на славу, имъ на стыдъ!
Правъ, правъ, Британія, и царствуй надъ морями!
Твоимъ сынамъ не быть рабами!
Въ тебѣ поля твои просторны,
Цвѣтутъ торговлей города,
Моря земли тебѣ покорны
И ихъ открыты берега!
Правъ, правъ, Британія, и царствуй надъ морями!
Твоимъ сынамъ не быть рабами!
Греметь свободныхъ музъ напѣвы
На счастливыхъ брегахъ твоихъ:
Въ тебѣ цвѣтутъ красою дѣвы
И храбрыхъ сонмъ стоитъ за нихъ.

ШОТЛАНДІЯ.

Природа страны.—Горная Шотландія.—Гэлы.—Ихъ языкъ, одежда и нравы прежняго времени.—Жилища, обстановкѣ, пища, жизнь и суевѣрія нынѣшнихъ гэловъ.—Ихъ пѣсни и музыкальные инструменты.—Различіе между англичанами и шотландцами.—Шотландскіе солдаты.—Забавы, праздники и занятія горцевъ.

Шотландія представляетъ одинъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ побѣды генія человѣка, его силы и могущества надъ природой. Нѣтъ еще и ста лѣтъ, какъ страна эта считалась самою бѣдною, дикою и необработанною во всей Европѣ, а ея народъ самымъ неразвитымъ, необразованнымъ и суевѣрнымъ. Въ ея замѣчательномъ успѣхѣ болѣе всего поражаетъ быстрота, съ какою развилось благосостояніе на такой жалкой, скудной почвѣ. Трудно себѣ представить, сколько ума, энергіи, желѣзнаго терпѣнія, денегъ—пришлось потратить, прежде чѣмъ природа этой страны сдѣлалась послушнымъ орудіемъ для достиженія человѣческихъ цѣлей. Въ этой тяжелой борьбѣ одна Голландія можетъ сравниться съ нею, даже Швейцарія не представляла такихъ препятствій къ водворенію промышленности. Хотя большая часть мѣстностей Шотландіи, вслѣдствіе своего суроваго величія и поразительныхъ красотъ природы, воспѣта поэтами и прославлена художниками, но съ этими ужасающими красотами, особенно въ сѣверной т. е. въ Горной Шотландіи невообразимо трудно было справиться земледѣльцу. Стоитъ бросить самый поверхностный взглядъ на общую фізіономію страны, чтобы вполнѣ убѣдиться въ справедливости этихъ словъ.

Какъ всѣмъ извѣстно, Шотландія раздѣляется на три части: на *сѣверную*, *среднюю* и *южную*. Въ Шотландіи преобладаютъ горы, но ихъ болѣе всего въ ея сѣверной части (Highlands), которая въ тѣсномъ смыслѣ слова представляетъ горную страну. Вся эта часть—одна громадная гранитная скала, изрѣзанная острыми вершинами и глубокими безднами. Эта горная часть Шотландіи лежитъ противъ Норвегіи, которую она и напоминаетъ во многихъ отношеніяхъ. Сѣверный океанъ, который окружаетъ ее и врѣзывается въ нее со всѣхъ сторонъ, безпрестанно тревожитъ ее своими бурями; склоны горъ, постоянно обуреваемые вѣтрами и орашаемые неизсякающими источниками, которые у подошвы ихъ сливаются въ обширныя озера, только кое-гдѣ покрыты растительностью. Только и видишь голыя и крутыя скалы, озера, водопады, пѣнистыя ручьи,

обширные трясины, снѣга. Это страна вѣчныхъ дождей и ужасныхъ вѣтровъ сѣвернаго океана. Зима здѣсь длится почти цѣлый годъ, а близъ лежащіе острова: Гебридскіе, Оркадскіе и Шетлендскіе носятъ уже на себѣ мрачную печать исландской природы.

Однако преобразованія, совершившіяся во всей Шотландіи вообще, не обошли и сѣверной ея части. Эта страна, прежде совершенно замкнутая, теперь сдѣлалась доступною съ моря и съ суши; употреблены громадныя деньги на проложеніе дорогъ по всѣмъ на- правленіямъ, гдѣ только была какая-нибудь физическая возможность; перекинуто множе- ство мостовъ черезъ потоки, выстроено нѣсколько прекрасныхъ гостинницъ и почтовыхъ станцій, не мало употреблено денегъ на улучшение приморскихъ гаваней, которыя стали теперь доступнѣе и надежнѣе. Прежде, когда начинали возводить какую-нибудь постройку, матеріалы привозили изъ разныхъ мѣстностей; точно также приходилось выписывать ин- женеровъ, каменщиковъ, рудокоповъ, матросовъ, однимъ словомъ, рабочихъ по всѣмъ отраслямъ промышленности и искусства. Теперь мѣстные жители научились сами справ- лять свои дѣла, и въ этой дикой и сѣверной странѣ явилось множество прекрасныхъ школъ. Можно смѣло сказать, что та часть сѣверной Шотландіи, которая и теперь остается невоздѣланною, вѣроятно, долго останется въ этомъ положеніи, такъ какъ она совер- шенно уже неудобна для обработки. Тѣмъ не менѣе рѣшительно вездѣ было сдѣлано все, что только возможно; даже въ графствѣ Сотерландскомъ, гдѣ болота особенно многочис- ленны, а утесы обнажены болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Горной Шотландіи, теперь тянется вдоль берега узкая полоса обработанной земли. Вересняки вездѣ выжжены, бо- лота осушены посредствомъ сточныхъ рвовъ, а воды собраны въ искусственныя каналы и распределены вдоль горъ. Вслѣдствіе этого горныя верхушки, также какъ и глубокія до- лины, покрылись густою, тонкою травой.

Точно также и Нижняя Шотландія далеко не вездѣ представляла возможность об- работки; много горныхъ цѣпей проходятъ по ней и соединяютъ горы Нортумберланда съ горами Грампіенскими. Изъ четырехъ милліоновъ гектаровъ (гектаръ — немного менѣе десятины), составляющихъ ее, два милліона почти совершенно бесплодны, другіе же два милліона почти всюду, а въ особенности около Эдинбурга и Перта представляютъ чудеса обработки, доведенной до высшей степени совершенства: хотя и тутъ богатой и тучной почвы не болѣе половины. Что же касается климата, то достаточно будетъ вспомнить, что Эдинбургъ лежитъ подъ одинаковою широтою съ Копенгагеномъ и Москвою. Снѣгъ и дождь идутъ тамъ почти непрерывно, впродолженіи трехъ четвертей года. Лѣто бываетъ короткое и чрезвычайно измѣнчивое.

Въ прежнія времена, къ сѣверу отъ залива Клайдскаго и Фордскаго, жилъ особый народъ, который называли сначала каледонцами, а впослѣдствіи пиктами. Въ началѣ VI-го столѣтія, къ нимъ присоединилась ирландская колонія, которая заняла южную часть нынѣшняго Арджилъшира. Отъ этихъ древнихъ народовъ происходитъ нынѣшнее кельтское населеніе Шотландіи. Сами себя кельты до сихъ поръ называютъ гѣлами. На- родъ этотъ, въ прежнее время, былъ чрезвычайно воинственный, и Горная Шотландія, какъ всѣ страны съ неприступными горами, представляла для него много удобствъ. Вотъ что сказалъ извѣстный англійскій поэтъ объ этихъ горныхъ жителяхъ:

•За грозными скалами, въ дикихъ лощинахъ
Издавна могучее племя живетъ:
Богатя села сосѣдей, равнины
Оно безнаказанно грабятъ и жжетъ•.

Этотъ народъ рѣшительно во всемъ рѣзко отличался отъ остальнаго міра: языкомъ, одеж- дою, нравами. Они говорили только на гѣльскомъ языкѣ, носили самую характерную

одежду. Национальная одежда горныхъ шотландцевъ состояла изъ короткой куртки съ воротникомъ, отворотами и обшлагами. Въмѣсто штановъ они надѣваютъ нѣчто въ родѣ женской короткой юбки изъ тартана (тартанъ шерстяная матерія, съ большими клѣтками самыхъ яркихъ цвѣтовъ). Эта часть одежды, напоминающая женскую юбку, называется *килтотомъ*; множествомъ своихъ складокъ онъ охватываетъ талию, но не доходитъ до колѣнъ, которые остаются голыми. На ногахъ—клѣтчатые чулки, подвязанные у колѣнъ лентами. Поверхъ чулокъ одѣваютъ *сандалин*, прикрѣпляя ихъ къ ногѣ ремнями. Но главная часть одежды горца — *плэдъ*, который переняли теперь путешественники всѣхъ странъ: онъ служилъ имъ плащомъ въ дождь и холодъ, въ него заворачивался горецъ, когда ему приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ; въ хорошую погоду плэдъ, сложенный нѣсколько разъ, прикрѣпляютъ ремнемъ къ плечу, такъ что онъ представляетъ нѣчто въ родѣ широкаго шарфа, которымъ обвиваютъ талию, а концы перекидываютъ на руку. Синяя шапка съ пестро-клѣтчатымъ краемъ и съ бѣлымъ или чернымъ перомъ покрываетъ голову. За поясомъ виситъ кинжалъ. Послѣ плѣда не менѣе существенную часть шотландской одежды составляетъ *сумка*, которая виситъ на килтѣ спереди. Она сдѣлана изъ лисьей, выдровой или барсучьей шкуры и нерѣдко украшена головой того или другаго животнаго, снурками и кисточками. Въ этой сумкѣ хранятъ деньги и табакъ.

Геніальный англійскій романистъ Вальтеръ-Скоттъ хорошо познакомилъ насъ съ этимъ замѣчательно своеобразнымъ народомъ. Въ яркихъ, поэтическихъ картинахъ онъ представилъ намъ ихъ любовь къ приключеніямъ, ихъ безпощадную месть и ненависть къ людямъ равнинъ, которые терпѣли отъ ихъ хищническихъ набѣговъ и потому всегда старались стереть ихъ съ лица земли. Горцы въ свою очередь не пропускали случая заплатить имъ за это страшную местью. Какъ и всѣ дикія племена, они съ презрѣніемъ относились къ мирнымъ занятіямъ: къ земледѣлію, къ искусствамъ, ремесламъ и промышленности. Всѣ занятія и работы, кромѣ охоты, грабежа и войны, они считали ниже человѣческаго достоинства. Ихъ жалкія поля производили лишь плохой овесъ, да и то въ самомъ ничтожномъ количествѣ; стада быковъ и овецъ, такихъ же дикихъ, какъ и ихъ хозяева, доставляли имъ очень немного шерсти, молока и мяса. Вотъ почему имъ часто приходилось покидать свои утесы, спускаться въ долины и грабить мирныхъ жителей. Нерѣдко они собирались въ огромномъ количествѣ, раздѣлялись на шайки и грабили въ разсыпную. Страна, въ которой производилась эта правильная система грабежа, была въ высшей степени удобна для подобной дѣятельности. Она не имѣла въ то время хорошихъ дорогъ, была окружена горами, пропастями, непроходимыми ущельями и болотами, всѣ тропинки, проходы которыхъ были хорошо извѣстны отважнымъ горцамъ. Такимъ образомъ горцы жили въ постоянной борьбѣ съ сосѣдями и не только грабили ихъ имущество, но и брали плѣнницъ, которыхъ они считали самою лучшею своею добычею. Горецъ, которому правилась плѣнница, предлагалъ ей тотчасъ руку, и несчастная не могла безопасно отказаться отъ такого предложенія. Однако, несмотря на это, трудно себѣ представить, съ какою нѣжностью относился дикій и воинственный горецъ къ своей женѣ. Этотъ обычай похищенія женъ былъ до того общепринятымъ въ Горной Шотландіи, что послужилъ источникомъ множеству пѣсней и балладъ.

Всѣ горцы дѣлились на множество клановъ, или родовъ, что отчасти существуетъ еще и теперь. Каждый отдѣльный родъ, согласно своему происхожденію и мѣсту жительства, управлялся своимъ собственнымъ предводителемъ, котораго называли также начальникомъ, главою или вождемъ. Первѣйшею добродѣтелью горецъ считалъ любовь къ своему начальнику и оказывалъ ему слѣпое повиновеніе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда тотъ заставлялъ его сопротивляться правительству. Члены одного и того же

клана любили другъ друга, какъ родные братья, враждовали съ другими кланами, но сходились съ ними только въ ненависти и презрѣніи къ жителямъ равнинъ, грабить которыхъ они считали не только своимъ правомъ, но геройствомъ; такой взглядъ они основывали на преданіи, которое говорило имъ, что равнины въ давнія времена были имъ подвластны. Начальникъ клана имѣлъ огромную власть надъ своими подчиненными. Онъ предводительствовалъ стычкой или сраженіемъ, въ которомъ принимали участіе члены его клана, улаживалъ всѣ споры, происходившіе между ними, и налагалъ при нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ случаяхъ поборы, какъ напр. при выдачѣ замужъ дочери или при постройкѣ дома. Если кто изъ членовъ клана отказывался внести этотъ налогъ, его подвергали суровому наказанію; если же и послѣ того онъ упорно настаивалъ на своемъ отказѣ, то съ общаго согласія его совсѣмъ выключали изъ клана. Начальникомъ клана могъ быть только потомокъ древняго родоначальника.

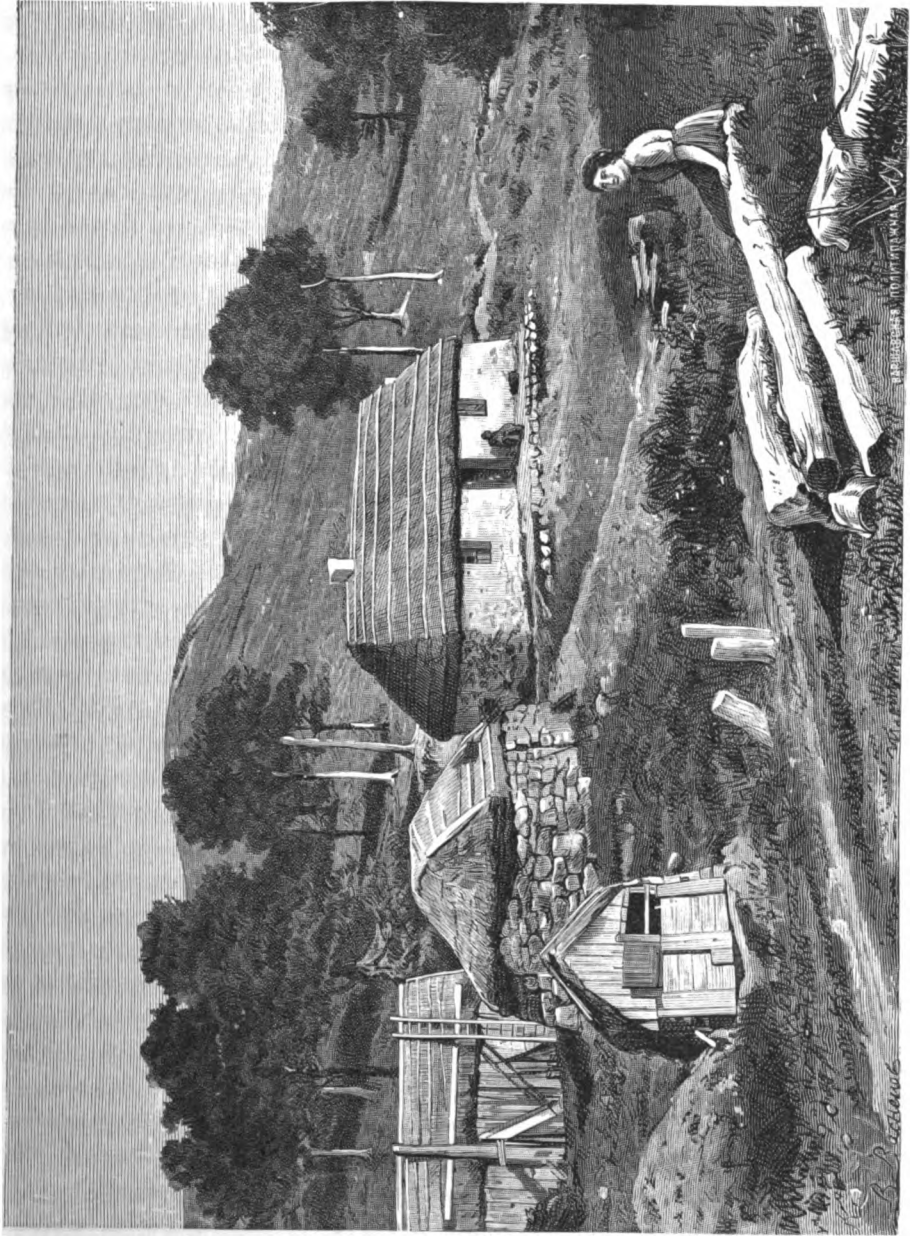
Болѣе всего несчастій причиняли горцамъ вѣчныя распри между кланами, которыя переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе. У каждаго клана было мѣсто собранія, куда каждый членъ, способный носить оружіе, долженъ былъ тотчасъ явиться по первому зову. Знакомъ, по которому всѣ члены должны были немедленно явиться на собраніе, была палка, обугленная на одномъ концѣ и обмазанная кровью на другомъ. Эту палку пересылали отъ одного члена клана къ другому и она должна была вызвать позоръ на голову того, кто не являлся по первому зову. Обугленный конецъ грозилъ ему огнемъ, а окровавленный — убійствомъ.

До сраженія при Коллодонѣ въ 1746 г., начальники клана болѣе всего заботились о томъ, чтобы какъ можно больше навербовать себѣ воиновъ: могущество, силу и значеніе они пріобрѣтали не влѣдствіе своихъ богатствъ, а числомъ вооруженныхъ людей. Послѣ окончательнаго изгнанія Стюартовъ, царствующаго королевскаго дома въ Шотландіи, все измѣнилось. Начальники клановъ, которые прежде не имѣли ни малѣйшаго понятія о комфортѣ и жили съ необыкновенной простотой, теперь стали стыдиться своей бѣдности, старались всѣми силами увеличить свои доходы. Чѣмъ болѣе видѣли они, что дѣлалось въ остальномъ мірѣ, какъ жили при дворѣ англійскомъ и французскомъ, тѣмъ болѣе стали они измѣнять свои привычки, нравы и обстановку. Но у нихъ было только одно средство къ обогащенію — увеличить доходъ своихъ земель. Между тѣмъ при этомъ они безпрестанно сталкивались съ двумя страшными препятствіями: съ одной стороны съ суровостью почвы и климата, съ другой — съ дикостью населенія. Однако они скоро убѣдились, что прилежаніемъ и стараніемъ они могутъ улучшить свои земли; но за то люди оказались упорнѣе природы. Ихъ вассалы, хотя и обязаны были повиновеніемъ своему начальнику, но были воины: по первому знаку всегда готовые идти туда, куда онъ имъ прикажетъ, они не могли не выказать полнѣйшаго отвращенія къ земледѣлю, которое шло въ разрѣзъ со всѣми ихъ вкусами, привычками и понятіями. Какъ могъ воинственный горецъ взяться за соху, когда онъ уважалъ только войну, жаркія схватки съ врагомъ, хищническія набѣги! Горцы и теперь не чувствовали никакой потребности улучшать свой бытъ: отцовская хижина вполнѣ удовлетворяла ихъ. Между тѣмъ населеніе Горной Шотландіи все увеличивалось и, чтобъ ихъ прокормить, скоро не стало хватать произведеній почвы. При всемъ навыкѣ къ лишеніямъ, горцы рѣшительно умирали съ голоду, и часто случалось, что они пускали кровь своимъ чахлымъ коровамъ, чтобы питаться этою кровью. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ возможно было лучшее хозяйство, его не стоило заводить, пока сосѣднія горы были еще заняты старыми кланами, отъ хищности которыхъ ни хлѣбъ, ни скоть не могли укрыться. Такимъ образомъ начальники клановъ мало по маху пришли къ убѣжденію, что невозможно извлечь какую-либо пользу изъ этихъ горъ, если не выселить оттуда дикихъ и воинственныхъ жителей.

Въ этихъ видахъ они и начали стараться всевозможными средствами, сначала тайными, потомъ уже открытыми и даже варварскими, уменьшать народонаселеніе. Англійское правительство очень искусно помогало имъ въ этомъ: оно начало съ того, что подъ разными предлогами вызывало горцевъ въ Лондонъ, чтобы они мало по малу теряли національное чувство и принимали новыя понятія и новыя привычки. Чтобы найти исходъ для воинственной части шотландскаго народонаселенія, образовали цѣлыя полки, составленные изъ членовъ каждаго клана подъ предводительствомъ наслѣдственнаго ихъ начальника. Эти полки храбро поддерживали честь своего новаго знамени; во время войны противъ французской имперіи воины Горной Шотландіи, отличившіеся своимъ оригинальнымъ костюмомъ, считались лучшими въ англійской арміи. Однимъ изъ горцевъ предлагали переселиться въ долины, другимъ—на берегъ моря; тѣхъ, которые на это не соглашались, насильно выселяли въ Америку; хижины же этихъ бѣдняковъ тотчасъ разрушали или сжигали до основанія. Такъ какъ вся земля, занимаемая какимъ-нибудь кланомъ, принадлежала одному главѣ, то вся Горная Шотландія очутилась раздѣленною на нѣсколько огромныхъ помѣстій. Начальникъ каждаго клана началъ самъ изгонять своихъ вассаловъ, которыхъ онъ еще такъ недавно набиралъ съ такимъ усердіемъ. Горцы громадными партіями продолжали уѣзжать съ родины, а на развалинахъ ихъ несчастныхъ хижинъ выстраивались огромныя фермы, назначенныя преимущественно для разведенія барановъ. Это было въ самомъ началѣ XIX столѣтія, въ то самое время, когда вся Европа съ восторгомъ читала произведенія Вальтеръ Скотта. Въ его чудныхъ разсказахъ живо представляется намъ поэтическій образъ горца древней Шотландіи, въ своемъ тартановомъ плащѣ и съ своимъ страшнымъ *клейморомъ* (палашомъ). Читатель невольно прощалъ этому дикому воину всѣ пороки и кровавыя преступленія его племени; онъ видѣлъ, что тотъ поступаетъ такъ потому, что считаетъ это своимъ священнымъ долгомъ, что онъ каждую минуту готовъ отдать свою жизнь не только за общее дѣло, но и за всякаго, кто оказалъ ему малѣйшую услугу, къ кому онъ чувствуетъ симпатію. Вы дрожите за того, кому онъ старается мстить, и въ то же время отлично знаете какое геройское, рыцарское сердце бьется подъ суровою наружностью этого отчаяннаго и дикаго храбреца. И вотъ, въ то время, когда гениальный романистъ вызывалъ такое горячее сочувствіе къ этому народу, его начинаютъ самымъ варварскимъ образомъ выгонять съ родины, чтобы увеличить барыши нѣсколькихъ владѣльцевъ. Тогда со всѣхъ сторонъ посыпались проклятыя на этихъ шотландскихъ владѣльцевъ и стали даже оспаривать ихъ право на обладаніе землею; многіе утверждали, что она принадлежала столько же ихъ вассаламъ, сколько и имъ самимъ. И дѣйствительно, наслѣдники большихъ шотландскихъ помѣстій отнесли весьма негуманно къ тѣмъ самымъ людямъ, которые еще недавно жертвовали для нихъ своею жизнью.

Тѣ, которые остались на родинѣ, до сихъ поръ отличаются своею замѣчательною бѣдностью, тѣмъ не менѣе всѣ они, нѣкогда столь страшные для своихъ сосѣдей, теперь утратили свои разбойничьи нравы и ведутъ совершенно правильную жизнь.

Какъ только Горная Шотландія перестала быть театромъ междоусобицъ и вѣчныхъ стычекъ различныхъ клановъ между собою, она приняла совершенно другой видъ. Дурныя земли были очищены отъ камня и разработаны, гавани, каменноугольныя копи, рыболовство, все улучшалось съ необыкновенной быстротой. Землевладѣльцы, находясь теперь въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, ввели въ свое хозяйство многіе улучшенные способы; тучныя поля, засѣянные ячменемъ и пшеницей, гряды турнепса (бѣлой рѣпы) и искусственные дуга скоро замѣнили болота, пустыри и непроходимыя дороги, столь драгоценныя для прежнихъ жителей. Повсюду, откуда только можно было выселить первоначальныхъ жителей, ихъ выселяли и мѣсто ихъ заступали овцы.

Вмѣсто прежнихъ разрушенныхъ хижинъ высятся теперь удобные дома. На развалинахъ прежнихъ избушекъ не только потомки шотландскихъ вождей выстроили себѣ замки, но и нѣкоторые богатые англичане купили цѣлыя помѣстья и устроили здѣсь свои резиденціи. На всемъ протяженіи Горной Шотландіи теперь нѣтъ почти ни одной сколько нибудь замѣчательной мѣстности, гдѣ бы не стоялъ замокъ новѣйшей постройки. Превосходныя дороги и пароходы на озерахъ и заливахъ облегчаютъ доступъ въ самыя глухіе закоулки страны. Тысячи туристовъ наѣзжаютъ туда въ лѣтнее время и тѣмъ доставляютъ расчетливымъ шотландцамъ новую статью дохода.

Но подобныя улучшенія въ мѣстномъ сельскомъ хозяйствѣ и промышленности были куплены цѣною самыхъ тяжелыхъ страданій народа. Много выиграли отъ этого землевладѣльцы въ Шотландіи, но не слѣдуетъ забывать, что для того, чтобы приготовить тучное пастбище для овецъ, было изгнано съ родины съ возмутительною жестокостью множество народа.

Гэльское населеніе Шотландіи ограничивается теперь лишь низшими классами общества. Всѣ получившіе образованіе и достигнувъ высшаго положенія, совершенно англичанятся, совсѣмъ забывая при этомъ свое кельтское происхожденіе. Такимъ образомъ къ англо-саксонскому элементу постоянно примѣшивается гэльская кровь. Между тѣмъ обратное явленіе встрѣчается гораздо рѣже. Никто не находитъ для себя выгоднымъ пристать къ вымирающему народу, который поѣтому въ національномъ отношеніи остается до настоящаго времени въ большей чистотѣ, чѣмъ англо-саксонская нація. Правда, на окраинахъ Гебридовъ есть нѣкоторые примѣры, что скандинавскія поселенія, совершенно отдѣленные отъ своей родины и не имѣвшія оттуда никакой поддержки, приняли гэльскій языкъ, но это лишь исключеніе.

Гѣлы населяютъ теперь большую часть Горной Шотландіи; ихъ мы находимъ также ниже, къ югу отъ Каледонскаго залива до горы Бенномонтъ; тутъ они населяютъ болѣе западную часть и совсѣмъ не живутъ въ восточной части средней Шотландіи; они занимаютъ также острова западной Шотландіи. Гѣловъ насчитываютъ теперь въ Шотландіи немного болѣе 200,000 человекъ. Но, какъ мы уже сказали выше, даже въ тѣхъ частяхъ Шотландіи, которыя исключительно населены гѣлами, они составляютъ лишь высшій классъ общества. Всѣ они живутъ чрезвычайно бѣдно, нанимаются обыкновенно въ пастухи, дѣлаются мелкими арендаторами и ремесленниками въ маленькихъ городахъ. Вмѣсто жалованья они получаютъ хижину для жилья и при ней немного земли, на которой они разводятъ картофель, овесъ и рѣпу. Нѣкоторые изъ нихъ держатъ при этомъ нѣсколько коровъ или козъ, которыхъ они пасутъ вмѣстѣ съ овцами. Не уродился картофель или овесъ, и эти люди впадаютъ въ крайнюю нужду и рассыпаются по сосѣднимъ городамъ просить милостыню.

Въ Шотландіи весьма мало селеній; по всѣмъ полуобнаженнымъ горамъ и долинамъ разбросаны хижины, стоящія совершенно уединенно и только изрѣдка маленькими группами. Это характерный признакъ горной шотландской страны. Эти хижины горцевъ, прежде столь воинственныхъ, а теперь такихъ жалкихъ и мирныхъ, принадлежатъ къ самымъ несчастнымъ человѣческимъ жилищамъ во всей образованной Европѣ. Правда, число этихъ ужасныхъ жилищъ годъ отъ году уменьшается, но и теперь еще ихъ не мало.

Хижины гѣловъ чрезвычайно похожи другъ на друга. Четыре стѣны такого жилья сдѣланы изъ грубыхъ полевыхъ камней безъ цемента; щели и трещины заткнуты мохомъ и верескомъ; худо сколоченныя двери изъ гнилыхъ досокъ — безъ замка и засова. Окна такія маленькія, что ихъ изъ далека трудно замѣтить, — немало однако хижинъ и совсѣмъ безъ оконъ, и тогда свѣтъ проходитъ черезъ двери и щели. Кровля, выведенная на нѣсколькихъ тонкихъ деревянныхъ стропилахъ, имѣетъ нѣсколько округлен-

ную вершину и напоминает хижины дикихъ. Такъ какъ крыша покрыта дерномъ, то лѣтомъ она весело зеленѣетъ, и если она прислонена къ горѣ, то на ней пасутся овцы. Передъ хижинной, на трехугольничкѣ, сколоченномъ изъ планокъ, виситъ нѣсколько седедокъ для сушки; позади хижины приготовлена на зиму большая куча торфа.

Войдемъ въ хату. Поля изъ утопанной земли очень неровенъ. Во многихъ хижинахъ вмѣсто деревянной двери виситъ ивовая, плетеная изъ вѣтвей, занавѣска. Порога нѣтъ, и вслѣдствіе этого нерѣдко лужи грязи и воды вбѣгаютъ въ жилище и остаются въ немъ по нѣсколькимъ днямъ. Все жилище представляетъ одну комнату, разгороженную обыкновенно пополамъ. Тамъ гдѣ есть дымовыя трубы и печи, эти хижины имѣютъ еще видъ жалкаго человѣческаго жилья, а тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, а такихъ большинство, они похожи на хлѣва. На землѣ между двумя камнями тлѣетъ, распространяя страшный дымъ, торфъ, надъ которымъ, на желѣзномъ крюкѣ, виситъ котелъ. Дымъ наполняетъ все жилье и покрываетъ чернымъ, блестящимъ налетомъ стѣны и скудную утварь. Для выхода его въ кровлѣ сдѣлана дыра, надъ которою иногда, чтобы усилить тягу, ставятъ старый, бездонный сельдяной боченокъ. Люди и животныя мирно уживаются подъ одною кровлею, раздѣленные между собой легкою перегородкой изъ старыхъ досокъ. Стулъ, столъ, сундукъ съ мѣшкомъ, набитымъ соломой, служатъ постелью; простой грубый стѣнной шкафъ для сохраненія немногихъ вещей стоитъ у стѣны; въ немъ вы всегда найдете библію на гальскомъ языкѣ. На Гебридахъ хижины гѣловъ еще хуже. Если такая хижина совершенно развалится, то владѣлецъ покидаетъ ее и строитъ недалеко отъ нея новую. Старая постепенно разваливается и отъ нея остается лишь куча камней и глины. Въ горахъ можно видѣть сотни такихъ развалинъ, и, кажется, никто не думаетъ ихъ убирать.

Черты лица хозяевъ чрезвычайно выразительны, особенно васъ поражаетъ въ первую минуту необыкновенно грустное выраженіе. Они образованнѣе, чѣмъ можно подумать по первому впечатлѣнію. Никому изъ нихъ не чужда исторія ихъ отцовъ и героическія пѣсни. На вопросъ, что вы дѣлаете зимой, дѣвушки отвѣчаютъ: «мы молимся и приходимъ». Люди въ этой странѣ живутъ очень долго. Въ шестьдесятъ лѣтъ они еще не чувствуютъ старости. «Мы видѣли», говоритъ одинъ путешественникъ, «человѣка 103 лѣтъ, котораго сосѣди обвиняли въ томъ, что онъ молодится, и доказывали, что ему никакъ не менѣе 115 лѣтъ. Между тѣмъ его можно было принять за 60-ти-лѣтняго. Незадолго передъ этимъ онъ впервые женился на 40-ка-лѣтней женщинѣ и при этомъ танцевалъ и игралъ на волынкѣ».

Главная пища нынѣшнихъ горцевъ лѣтомъ и зимою — сельди, картофель и сухія горьковатыя овсяныя лепешки. Этотъ овсяный хлѣбъ употребляютъ по всей Шотландіи, обыкновенно въ видѣ лепешекъ и пироговъ, и хотя онъ чрезвычайно непріятенъ на вкусъ, но питателенъ и здоровъ. Такъ какъ овсяныя лепешки національное кушанье, то ихъ подаютъ даже и въ отеляхъ, точно также, какъ и замѣчательный шотландскій супъ «годжъ-почъ» (всякая всячина). Въ этотъ супъ кладутъ всякаго рода крупы съ примѣсю разныхъ протертыхъ овощей; вкусъ этого кушанья немного страненъ, но не дуренъ.

Всѣ шотландцы, какъ гальскаго, такъ и англо-саксонскаго происхожденія, — большіе любители виски. Этотъ напитокъ у нихъ ни что иное, какъ водка, смѣшанная съ медомъ. Нужно замѣтить, что въ Шотландіи чрезвычайно развито пьянство, и въ большихъ городахъ по субботамъ, несмотря на множество уличныхъ ораторовъ, которые проповѣдываютъ противъ пьянства, — пьяные встрѣчаются такъ же часто, какъ и трезвые. Глазго въ этомъ отношеніи пользуется особенною извѣстностью. Среднимъ числомъ тамъ пьютъ 7 человѣкъ изъ 10-ти. Между женщинами также сильно развито пьянство, какъ

и между мужчинами. Шотландцы первые пьяницы въ мірѣ, въ этомъ отношеніи они пошли даже дальше англичанъ. На сколько пьянство здѣсь приводитъ къ печальнымъ результатамъ, видно изъ заявленія одного глазговскаго судьи. Онъ говоритъ, что 80 преступниковъ изъ 100 созналось ему, что пьянство составляетъ главную причину ихъ преступленія.

Всѣ шотландцы, а въ особенности гѣлы, до сихъ поръ страшно заражены грубыми суевѣріями. Правда, этому противодѣйствуютъ всюду распространенныя теперь школы; но не прошло еще и 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ во многихъ мѣстностяхъ, населенныхъ гѣлами, не было ни школы, ни церкви. Поэтому подрастающее поколѣніе страдаетъ еще отъ невѣжества родителей, но можно надѣяться, что въ будущемъ распространятся болѣе здравыя понятія. Несмотря на очень раннее введеніе христіанства въ Шотландію (уже въ 563 г. былъ устроенъ монастырь на одномъ изъ здѣшнихъ острововъ) и на продолжительное его вліяніе среди гѣльскаго населенія, между ними сохранилось множество суевѣрныхъ представленій, связанныхъ со старою языческою религіею. Гѣльскіе горцы вѣрятъ въ чудесныя, подобныя феямъ существа, которыхъ они называютъ «Daoine-shit», и затѣмъ большую роль у нихъ играетъ ясновидѣніе. Многіе изъ нихъ утверждаютъ, что они обладаютъ даромъ предвидѣнія и пророчества во снѣ и рассказываютъ объ этомъ необыкновенныя вещи. Жителямъ равнинъ, на которыхъ горцы и теперь еще смотрятъ свысока, они отказываютъ въ такомъ необыкновенномъ дарѣ. Они считаютъ также нѣкоторые дни особенно священными, не связывая съ этимъ христіанскихъ идей, такъ напр.: 1-е мая и 1-е ноября. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохранились еще курганы, въ которыхъ находятъ пустыя пространства, — простой народъ вѣритъ, что теперь въ нихъ живутъ феи.

Знахарство играетъ большую роль среди гѣльскаго населенія. Чтобы излечить человека, одержимаго падучею болѣзнью, его кладутъ на одну кровать съ мертвецомъ, такъ какъ вѣрятъ, что въ этомъ случаѣ болѣзнь переходитъ на мертвого. Въ Ростширѣ и на Гебридскихъ островахъ одержимаго этою болѣзнью заставляютъ пить собственную кровь или воду, въ которой былъ вымытъ умершій родственникъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ еще недавно употребляли при этомъ для питья вмѣсто кубка черепъ женщины-самоубійцы. Тамъ гдѣ эпилептикъ (одержимый падучею болѣзнью) упалъ въ первый разъ, тотчасъ зарываютъ живаго чернаго пѣтуха, вмѣстѣ съ прядью волосъ и кусочками ногтей пациента. Этотъ обычай очень древній и сильно распространенъ въ гѣльской горной странѣ. Во всей сѣверо-западной Шотландіи до сихъ поръ вѣрятъ, и этого суевѣрія не избѣгли даже многія весьма почтенныя и образованныя семейства, что седьмой сынъ однимъ прикосновеніемъ можетъ вылечить золотуху. Онъ кладетъ руку на голову больного и при этомъ говоритъ: «во имя Отца, Сына и Св. Духа». Такъ какъ, по понятію шотландца, седьмой сынъ уже судьбою предназначенъ лечить, то его обыкновенно, даже въ семействахъ людей образованныхъ, стараются послать изучать медицину. Но ни одинъ родъ суевѣрія не распространенъ такъ сильно въ сѣверо-западной Шотландіи, какъ вѣра въ дурной глазъ. Всѣ несчастія, имъ причиняемая, излечиваются золотой и серебряной водой. Для этого кладутъ цѣнную золотую или серебряную монету въ стаканъ съ водою и этою водою впрыскиваютъ пациента, произнося въ то же время слова молитвы. Даже духовенство, несмотря на свое огромное значеніе въ странѣ, до сихъ поръ не могло уничтожить нѣкоторыхъ странныхъ обычаевъ и обрядовъ. И теперь еще пастухи совершаютъ жертвоприношеніе, называемое «Pel-tein». Для этого они собираются 1-го мая на какуюнибудь гору. При этомъ каждый приноситъ разные припасы: одинъ овсяныя лепешки, другой пива, виски; никто не долженъ являться съ пустыми руками. Когда всѣ соберутся, молодые люди, вооруженные лопатами, нарѣзаютъ большими кусками дернъ и

складываютъ изъ него нѣчто въ родѣ алтаря, на который они кладутъ нѣсколько слоевъ торфу; торфъ зажигаютъ, а на огонь ставятъ большой котелъ, въ который наливаютъ молоко, кладутъ яйца, масло, овсяную муку. Когда эта смѣсь прокипитъ, каждый изъ присутствующихъ наполняетъ ею свою посудину и, разливая жидкость вокругъ себя, громко взываетъ къ невидимымъ духамъ вселенной. Затѣмъ каждый изъ присутствующихъ вытаскиваетъ изъ сумки лепешку изъ овсяной муки съ девятью четырехугольными возвышеніями, изъ которыхъ каждое посвящено особому духу, покровителю стадъ, или животнымъ, приносящимъ ущербъ въ хозяйствѣ. Они оборачиваются спиной къ огню и, отламывая хлѣбные узлы одинъ за другимъ, бросаютъ ихъ черезъ плечо въ огонь съ слѣдующими словами: «это тебѣ, духъ, чтобы ты сохранилъ моихъ лошадей», «а это тебѣ, чтобы ты поберегъ моихъ коровъ», «тебѣ, чтобы охранилъ моихъ барановъ». Окончивъ обращеніе къ добрымъ духамъ, горцы обращаются такимъ же образомъ къ злымъ и стараются расположить ихъ къ себѣ дарами: «вотъ для васъ, мыши и крысы, не ѣшьте только моихъ пироговъ и моего сыра», «а это вамъ, ласочки, не разбивайте моихъ яицъ», «это тебѣ, черный воронъ—не трогай ржи на моемъ полѣ и т. д.». Когда эти жертвы и пожеланія окончены, всѣ участвующие садятся кругомъ на дернъ и раздѣляютъ остатки провизіи, запивая элемъ и виски.

Вотъ какъ встрѣчаютъ горцы новый годъ. Наканунѣ этого дня они оканчиваютъ свои ежедневныя занятія гораздо раньше обыкновеннаго, и мужчины, вооружившись топорами и веревками, толпами отправляются за вѣтками можжевельника. Черезъ нѣсколько часовъ они возвращаются домой, нагруженные вѣтками, которыя они и раскладываютъ для просушки гдѣ нибудь у огня. Послѣ этого одинъ изъ нихъ отправляется зачерпнуть «мертвой и живой воды». Горцы вѣрятъ, что вода, почерпнутая наканунѣ новаго года изъ какого нибудь источника кувшиномъ, который въ это время не коснулся земли, получаетъ чудодѣйственную силу. Когда посоль возвратился, кувшинъ съ водой благоговѣнно ставятъ на столъ и всѣ отправляются спать.

Въ первый день новаго года, рано утромъ, пока всѣ еще спятъ, подымается тотъ, кто наканунѣ черпалъ «мертвую и живую воду», въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ для этого непременно назначаютъ другаго. Онъ беретъ кисть или вѣнникъ, опускаетъ въ кувшинъ и кропитъ водой стѣны и всѣхъ спящихъ; затѣмъ зажигаютъ кучи собраннаго наканунѣ можжевельника. Подымается страшный, удушливый дымъ: всѣ начинаютъ чихать, кашлять, просыпаться, дѣти подымаютъ ужасный крикъ и плачь, но это нисколько не смущаетъ исполнителя обряда: онъ продолжаетъ поджигать вѣтви и еще болѣе наполняетъ хижину дымомъ. Когда онъ самъ не въ состояніи уже болѣе стоять на мѣстѣ, тогда онъ отворяетъ дверь и отправляется окуривать лошадей, коровъ и остальной скотъ. Этой операціей горцы надѣются оградить на цѣлый годъ всѣхъ, кто имъ дорогъ, отъ колдовства, дурнаго глаза и адскихъ силъ.

Лишь только всѣ встали и очнулись отъ кашля, дверь открывается и входитъ какой нибудь посѣтитель. Тотъ, кто поклонится первый, говоритъ: «вы въ долгу у меня за мою встрѣчу», другими словами, «такъ какъ я поклонился первый, я имѣю право рассчитывать на подарокъ и на угощеніе».

Когда горецъ умираетъ, его тѣло кладутъ на доску и покрываютъ толстымъ холстянымъ платкомъ. На грудь ему кладутъ деревянную тарелку съ солью и съ землей. Земля служитъ тутъ символомъ тлѣннаго тѣла, а соль — безсмертнаго духа. Всѣ родственники и знакомые тотчасъ приходятъ въ домъ покойника и приносятъ съ собою волюнку, чтобы съ музыкою и пляскою отпраздновать обрядъ *бдннѣ надъ усопшимъ*. Ближайшіе родственники, жена, дочь или сынъ умершаго, встрѣчаютъ плясками этотъ странный обрядъ. Оригинальный видъ представляетъ тогда комната, гдѣ лежитъ покой-

никъ: въ одномъ углу играетъ волынщикъ, въ другомъ женщины всхлипываютъ и причитаютъ, а подлѣ пляшутъ подъ звуки инструмента.

Однако гэльскіе обычаи мало по малу исчезаютъ, точно также, какъ и гэльскій языкъ. Людей, говорящихъ по-гэльски и совсѣмъ непонимающихъ по-англійски, можно найти только на Гебридахъ. На гэльскомъ языкѣ не пишется ни одно официальное заявленіе, и все дѣлопроизводство совершается на англійскомъ языкѣ. Впрочемъ, никому изъ шотландцевъ гэльскаго племени даже и въ голову не пришло требовать официального признанія своего роднаго языка. Напротивъ, они сами внѣ дома обыкновенно говорятъ по-англійски. Во всей горной странѣ не найдешь ни одной вывѣски на гэльскомъ языкѣ; даже на Гебридахъ, населенныхъ шотландцами гэльскаго племени, виднѣются лишь англійскія вывѣски. Но, путешествуя въ западныхъ частяхъ Шотландіи, вы и теперь нерѣдко услышите при встрѣчѣ привѣтствіе на гэльскомъ языкѣ. Но ни одинъ бѣднякъ въ гэльскихъ округахъ не обратится съ нимъ къ хорошо одѣтому чело-вѣку, — онъ полагаетъ, что кромѣ его, священника, да чело-вѣка очень бѣдно одѣтаго, никто не понимаетъ его роднаго языка, даже и на его родинѣ. О литературѣ собственно у шотландскихъ кельтовъ не можетъ быть и рѣчи; въ наукахъ и искусствахъ они ничего не сдѣлали, такъ какъ всѣ мысли бѣднаго народа исключительно сосредоточены на томъ, какъ бы добыть себѣ кусокъ насущнаго хлѣба. На гэльскомъ языкѣ нѣтъ ни одной газеты, на немъ печатается теперь только библія, катехизисъ и другія религиозныя книги. За то тѣмъ дѣятельнѣе живое слово, и до сихъ поръ еще въ народѣ по преданію живутъ древнія эпическія пѣсни.

Дѣла предковъ были облечены въ эпическую форму и такимъ образомъ дошли, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, до нашихъ временъ. Это особенно проявляется у шотландскихъ горцевъ, такъ какъ природная склонность къ поэзіи этого пастушескаго и воинственнаго народа была еще болѣе возбуждена романтической прелестью ихъ страны, которая должна была производить особенно сильное впечатлѣніе на умы, способные къ фантазіи. Старыя народныя пѣсни еще существуютъ до сихъ поръ. Это прежде всего Оссіановскія пѣсни, которыя въ свое время возбудили большое вниманіе. Эта Оссіановская поэзія получила первое начало въ Ирландіи, но она развилась блестящимъ образомъ среди жителей Гебридъ и западной Шотландіи и наконецъ сдѣлалась исключительнымъ достояніемъ гѣловъ шотландскихъ горъ. Шотландскій герой называется Фингаломъ, поэтому и пѣсни называются фингаловскими или оссіановскими. Хотя Макферсонъ, издавшій пѣсни Оссіана, и сдѣлалъ въ нихъ весьма значительныя измѣненія, но главною основою для него все-таки послужили пѣсни народа.

До сихъ поръ, какъ любовь къ музыкѣ, такъ и любовь къ поэзіи сильно развита между горцами. Они и теперь по вечерамъ всей семьей собираются вокругъ очаговъ своихъ мрачныхъ жилищъ и рассказываютъ другъ другу о событіяхъ своей молодости, о жизни и приключеніи своихъ отцовъ: при этомъ они, сами того не замѣчая, дѣйствительные факты сильно разукрашиваютъ самыми сверхестественными приключеніями. Что шотландцы и теперь еще имѣютъ не мало способностей къ поэзіи, это доказываетъ шотландскій поэтъ Робертъ Бернсъ, который въ своихъ уединенныхъ долинахъ, обязаный только окружающей природѣ, своимъ чуднымъ горами и преданіямъ своего народа, сдѣлался извѣстнымъ и любимымъ народнымъ поэтомъ. Горцы издавна имѣли также большую склонность къ музыкѣ. Горныя мелодіи весьма оригинальны, необыкновенно просты, но при этомъ дики и проникнуты сильнымъ чувствомъ. Арфа была древнимъ національнымъ инструментомъ шотландцевъ; объ ней упоминается еще въ очень древнихъ извѣстіяхъ. Еще и теперь въ шотландскихъ музеяхъ показываютъ старыя арфы, которыя украшены разными красивыми камнями. Но самымъ сильнымъ доказательствомъ ея древ-

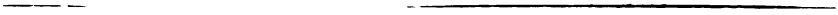
ности служить то, что изображеніе ея встрѣчается на старыхъ каменныхъ памятникахъ, изъ которыхъ многіе были поставлены до введенія христіанства. Въ XVII-мъ столѣтіи, когда въ Шотландіи начались сильныя междоусобныя войны, арфа постепенно выходила изъ употребленія, и наконецъ ея мѣсто заступила болѣе воинственная волынка. Такъ какъ инструментъ этотъ былъ разсчитанъ на игру при шумѣ битвъ, то онъ звучитъ чрезвычайно рѣзко и пронзительно. Волынка чрезвычайно любима шотландцами. Въ богатыхъ дворянскихъ семействахъ волынщики до сихъ поръ содержатся на годовомъ жалованьи, а въ старину для нихъ было устроено множество особыхъ школъ. Странствующие волынщики попадаютъ теперь все рѣже и рѣже, но между ними еще и теперь можно встрѣтить весьма оригинальныхъ стариковъ, напоминающихъ старыхъ оссіановскихъ бардовъ. Въ шотландскихъ пѣсняхъ прежде всего выражается печаль и любовь къ родинѣ. Въ нихъ все естественно, первобытно, ни въ чемъ не видно искусственной обработки. Шотландскія пѣсни глубоки и мощны, дики и бурны, какъ волнующееся море, которое ударяетъ о скалистые берега этой страны.

Вмѣстѣ съ оригинальною музыкою и пѣніемъ, вы увидите здѣсь и въ высшей степени оригинальные танцы. Ихъ «*риль*» и «*флингъ*» трудно описать, — ихъ нужно видѣть, чтобы понять. Въ какую бы страну ни пріѣхалъ шотландецъ, онъ всюду, гдѣ только найдетъ нѣсколько другихъ соотечественниковъ, непременно затѣетъ «*риль*» и «*флингъ*», точно также, какъ всюду перенесетъ свою національную игру въ «*гольфъ*» и «*керлингъ*».

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о шотландцахъ вообще. Различіе между англичанами и шотландцами чрезвычайно велико. Ихъ разная судьба, неравенство, даже и въ настоящее время, законовъ, обычаевъ, учреждений и религіозныхъ убѣжденій — должны, конечно, броситься въ глаза каждому чужестранцу, который посѣтитъ обѣ страны. Сила характера шотландцевъ видна уже изъ того, что, несмотря на соединеніе съ болѣе богатою и могущественною сосѣдкою, ихъ родина еще не поглощена ею. Въ религіи и законахъ англичане и шотландцы совершенно противоположны. Шотландскія газеты постоянно наполены церковными спорами. Въ Англіи, хотя этотъ элементъ и существуетъ тоже, но не въ такой степени. Хотя въ большей части Шотландіи распространился англійскій языкъ, но англичанинъ Лондона, въѣхавъ въ Шотландію, будетъ себя чувствовать въ ней совершенно чуждымъ. Благодаря тому, что англичане предоставили наконецъ шотландцамъ полную свободу пользоваться своими національными законами и религіозными особенностями, они гораздо крѣпче привязали къ себѣ страну по ту сторону Твида, чѣмъ это было прежде, когда ей силою навязывали англійскіе законы. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ Ирландія, которая почти вполнѣ приняла англійскія учрежденія, но до сихъ поръ имѣетъ еще видъ завоеванной провинціи. Каждый изъ двухъ народовъ — шотландцы и англичане ревностно наблюдаютъ за сохраненіемъ своихъ законовъ.

Пріѣзжая въ Лондонъ, даже образованный шотландецъ прежде всего ищетъ шотландской гостинницы; заболѣвъ, онъ призываетъ врача шотландца и всего охотнѣе ведетъ свои дѣла съ своими земляками. Англичанинъ смотритъ на шотландца отчасти съ гордостью, такъ какъ его родина принадлежитъ ему, отчасти съ любопытствомъ, съ которымъ онъ вообще относится къ чужестранцу. Во всякомъ случаѣ замѣчательно, что оба эти народа живутъ въ полномъ согласіи, подъ властью одного правительства, хотя законы ихъ совершенно различны.

Национальное чувство шотландцевъ очень сильно: его нельзя выразить сильнѣе, какъ словами одного стараго шотландца: «я заявляю, что я истый шотландецъ; какъ у всякаго порядочнаго человѣка моей родины, у меня сильное національное пристрастіе, — назовите это, если хотите, національнымъ предразсудкомъ. Я питаю сильную любовь къ

старому шотландскому языку, интересуюсь прежде всего и болѣе всего всѣмъ шотландскимъ. Я считаю для себя большою честью и величайшимъ счастьемъ, что родился въ Шотландіи».... Такъ думаетъ большинство шотландцевъ, и любовь къ родинѣ сопровождаетъ ихъ и на чужбину. Они отправляются всюду, разсѣяны по всей землѣ, какъ евреи, но при этомъ вполнѣ сохраняютъ свои національныя чувства. Шотландецъ нигдѣ не живетъ праздно и, если онъ разъ за что возьмется, — ему рѣдко что не удается. Гдѣ бы ни жилъ шотландецъ, какіе бы страны онъ ни увидалъ, онъ всегда говоритъ, что Шотландія лучше всѣхъ странъ, которыя онъ объѣхалъ. Шотландцы гордятся тѣмъ, что ихъ земляки всегда сумѣютъ быть полезными не только себѣ, но и всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ имъ придется жить.

Прежняя національная одежда горныхъ шотландцевъ все болѣе и болѣе исчезаетъ и сдѣлалась теперь военною формою нѣкоторыхъ полковъ. Проѣзжая по Шотландіи, вы нерѣдко увидите на площади передъ тѣмъ или другимъ замкомъ ученіе рекрутъ того или другаго шотландскаго полка. Они маршируютъ подъ звуки волынки и при этомъ пестрыя ленты на ихъ чулкахъ и волынкахъ развѣваются по вѣтру. На головѣ солдатъ большія медвѣжьи шапки, украшенныя перомъ. Армія ея британскаго величества — единственная, въ которой введенъ этотъ допотопный инструментъ. Эти солдаты въ національной шотландской одеждѣ имѣютъ оригинальный видъ. Впрочемъ, они не всегда ходятъ въ короткомъ килтѣ и съ обнаженными ногами. Обыкновенно же они носятъ красную или бѣлую куртку и пестрые клѣтчатые штаны.

Своими національными играми шотландцы считаютъ «керлингъ» и «гольфъ». Такъ какъ въ «керлингъ» можно играть только на льду, то это чисто шотландская игра, — такъ какъ изъ всей Великобританіи только въ одной Шотландіи можно найти ледъ. Прекрасная, гладкая поверхность льда, которая образуется на шотландскихъ озерахъ и на и на затопленныхъ берегахъ рѣкъ, подала поводъ къ изобрѣтенію этой игры, которая состоитъ въ томъ, что бросаютъ въ цѣль круглые и плоскіе камни. «Керлерсы», т. е. участники въ этой игрѣ, въ извѣстный день сходятъ съ своихъ горъ, изъ различныхъ мѣстъ и городовъ, въ нарочно приготовленное для игры мѣсто. Все это красивые и ловкіе парни и многіе изъ нихъ нарочно для этого одѣваютъ народную одежду горцевъ. Всѣ они приходятъ съ своими камнями для «керлинга». Эти камни можно видѣть и купить въ каждой лавкѣ всѣхъ шотландскихъ городовъ. Это круглые, плоскіе камни отъ 40 до 50 ф. вѣсу; ихъ очень чисто отдѣлываютъ и хорошо полируютъ. На верху придѣлана желѣзная ручка, за которую берутъ, чтобы бросить камень. Задача игры состоитъ въ томъ, чтобы камень попалъ въ цѣль и остался тамъ. При тяжести камня и гладкости льда, это требуетъ большой силы, ловкости и хорошаго зрѣнія. Маленькая яма въ снѣгу представляетъ цѣль, вокругъ которой проведены круги различнаго діаметра. Въ игрѣ принимаютъ участіе отъ 20 до 30 человекъ; самая трудная минута наступаетъ тогда, когда цѣль окружена камнями, и своимъ камнемъ приходится проскользнуть по узкимъ промежуткамъ или попасть въ камень, которому нужно дать толчокъ. На это игру собирается смотрѣть много народа; со всѣхъ сторонъ слышится смѣхъ, остроты и крики одобренія. Поле, на которомъ играютъ, напередъ тщательно метутъ и очищаютъ. Оно должно прежде всего не имѣть продольныхъ трещинъ, которыя болѣе чѣмъ поперечныя заставляютъ камень уклоняться въ сторону. Эту игру одинаково любятъ какъ богатые, такъ и бѣдные. Нѣкоторые богатые шотландскіе жители держатъ для нея даже особые пруды. Игра эта иногда такъ долго затягивается, что ее продолжаютъ при свѣтѣ факеловъ. Для нея существуютъ даже особые клубы; они распространены по всей Шотландіи. Величайшій и знаменитѣйшій изъ нихъ «керлингъ-клубъ» въ Эдинбургѣ.

Другая знаменитая національная шотландская игра «гольфъ». Хотя короли часто

страстно ей предавались, однако государственная власть всегда старалась охладить пристрастие къ ней народа. Боялись, что эта игра сильно разовьется, а вмѣстѣ съ нею придетъ въ упадокъ и упражненіе въ стрѣльбѣ изъ лука, гораздо болѣе необходимое для юношества. Однако никакія запрещенія и правительственныя распоряженія не помогли, и въ 1744 г. городъ Эдинбургъ назначилъ отличившимся въ этой игрѣ серебрянный кубокъ въ видѣ ежегоднаго приза, а теперь побѣдители получаютъ даже медали въ 200 ф. ст. Игра эта состоитъ въ томъ, чтобы возможно меньшимъ количествомъ ударовъ загнать маленькій твердый мячъ въ дыру, сдѣланную на большомъ разстояніи. Шары эти дѣлаютъ изъ твердой кожи, которую напередъ размачиваютъ въ горячей водѣ. Внутренность мячей туго набиваютъ перьями посредствомъ маленькой машинки. Послѣ этого кожу мяча покрываютъ нѣсколькими слоями бѣлой краски. Эти мячи бьютъ палками въ 3—4 фута длины, съ нѣсколько загнутой головкой. Внутри палка налита свинцомъ; тамъ, гдѣ за нее берутся, ее обматываютъ шелкомъ—иначе рука будетъ соскальзывать.

Ежегодно, въ концѣ іюля, бываетъ въ Дункельдѣ огромное собраніе горцевъ, на которое сходятся до 6 тысячъ человѣкъ. На этихъ собраніяхъ шотландцы танцуютъ, играютъ въ «керлингъ» и упражняются въ борьбѣ и фехтованіи. При этомъ обыкновенно играетъ національная волянка и раздаются призы тѣмъ, кто явится въ лучшей горной одеждѣ. Благодаря герцогу Аттолы, который покровительствуетъ всему шотландскому, въ окрестностяхъ Дункельда и Блеръ-Аттола, шотландская одежда встрѣчается чаще, чѣмъ гдѣ-бы то ни было въ Шотландіи. Дворяне, которые сочувствуютъ старымъ народнымъ обычаямъ, пріѣзжая на время охоты въ свои шотландскія помѣстья, надѣваютъ родовой семейный тартанъ. Покойный герцогъ всегда ходилъ въ темно красномъ тартанѣ, и потому этотъ клѣтчатыи тартанъ съ красными полосами нерѣдко встрѣчается въ Дункельдѣ. Объ особенной одеждѣ женщинъ теперь уже не можетъ быть и рѣчи: онѣ носятъ общеупотребительную одежду; только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можно встрѣтить женщинъ въ коротенькихъ тартановыхъ юбочкахъ, въ плѣдахъ и въ оригинальномъ головномъ уборѣ,—но это весьма рѣдко. Знатныя дамы въ большихъ городахъ Шотландіи очень рѣдко носятъ тартаны, гораздо рѣже даже, чѣмъ въ въ Германіи, и Шотландія большую часть своихъ клѣтчатыхъ тартановъ отправляетъ въ Германію, особенно въ Саксонію. Изъ сказаннаго ясно, что старая одежда горцевъ уже почти совершенно исчезла, и если мы и теперь еще встрѣчаемъ ее, то она поддерживается искусственно любителями шотландской старины. Въ 1746 г. англичане, какъ мы уже упомянули выше запретили шотландцамъ носить килты, и съ этихъ поръ національная одежда горцевъ стала постепенно выходить изъ употребленія. Но если въ народѣ шотландскомъ эта одежда стала все болѣе и болѣе терять свое значеніе, за то она въ большомъ почетѣ въ богатыхъ шотландскихъ семействахъ. Почти всѣ мальчики изъ достаточныхъ семействъ до 13, 14 лѣтъ ходятъ въ килтѣ, въ пестрыхъ чулкахъ съ обнаженными колѣнями. Въ большихъ городахъ очень рѣдко встрѣтишь взрослога человѣка въ килтѣ и плѣдѣ; но за то англичане, путешествуя по шотландскимъ горамъ, непремѣнно стараются ходить въ горной одеждѣ, чтобы придать себѣ мѣстный оттѣнокъ и характеръ горца. Каждый изъ нихъ, кто побываетъ въ Шотландіи, а путешествовать въ ней хоть разъ въ жизни обязанъ каждый джентльменъ, непремѣнно снимаетъ съ себя фотографическую карточку въ национальной шотландской одеждѣ. Прислуга, егеря и дрессировальщики собакъ у шотландскихъ дворянъ ходятъ въ ихъ помѣстьяхъ по большей части въ горной одеждѣ, но простой народъ почти никогда. Любимое украшеніе шотландцевъ обоюго пола, какъ прежде, такъ и теперь, — разные красивые камни, которые они находятъ въ своихъ родныхъ горахъ. Большіе, свѣтложелтые и дымчатые топазы, агаты, аметисты и яшмы, отдѣланныя въ серебро, служатъ брошками и другими украшеніями. Близъ Абердина шлифу-

ютъ также гранитъ различныхъ цвѣтовъ и готовятъ изъ него брошки, браслеты и т. д. Эти украшенія не всегда отличаются большимъ вкусомъ, но чрезвычайно оригинальны, а для шотландца довольно и того, что они найдены и отдѣланы въ родимыхъ горахъ. Многое въ домахъ украшено этими камнями и прежде всего огромныя табакерки, которыя дѣлаютъ изъ бараньяго рога и которыя переходятъ за столомъ отъ одного къ другому.

Прежде горы Шотландіи были совершенно безлѣсны,—это обстоятельство болѣе всего приписывали тому, что скотъ пасся на полной свободѣ и такимъ образомъ портилъ еще молодыя деревья. Когда множество жителей выселилось на чужбину, то часть земель тотчасъ же отдѣлили подъ пастбища, а другую—подъ лѣсъ; начальники шотландскихъ клановъ, сдѣлавшись крупными землевладѣльцами, завели у себя огромныя лѣсныя плантаціи. Послѣдній герцогъ Аттольскій насадилъ около 5½ тысячъ десятивъ лиственницы. Этотъ великолѣпный лѣсъ, которому теперь уже болѣе 70-ти лѣтъ, выросъ съ необычайною силой и застилаетъ горы своимъ темнымъ покровомъ.

Лѣса эти отличаются необыкновеннымъ изобиліемъ дичи: бѣлая куропатка, тетеревъ, множество другихъ птицъ и въ особенности особая порода куропатокъ, называемыхъ «grouse», водятся здѣсь въ необыкновенномъ количествѣ; оленей и ланей разводятъ искусственно. Богатые англичане болѣе всего любятъ охотиться въ этихъ лѣсахъ и не жалеютъ расходовъ и денегъ, сопряженныхъ съ этою охотою. Среди самыхъ отдаленныхъ скалъ настроено множество охотничьихъ павильоновъ, изъ которыхъ каждый отдается въ наемъ съ правомъ охотиться въ окрестныхъ горахъ по 500 ф. ст. за павильонъ на одинъ сезонъ. Что же касается собственно до лѣса, то здѣсь есть нѣсколько тысячъ десятивъ земли, исключительно отданной оленямъ и козамъ,—ей и цѣны нѣтъ. Всѣ шотландскіе владѣльцы обширныхъ помѣстьевъ развели въ своихъ имѣніяхъ много подобныхъ лѣсовъ. Сѣверная Шотландія сдѣлалась наиболѣе цѣннымъ мѣстомъ охоты какъ шотландской, такъ и англійской аристократіи, и она доставляетъ громадныя барыши здѣшнимъ землевладѣльцамъ.

Не меньше дохода получаютъ они и отъ барановъ. Въ настоящее время 200,000 барановъ прокармливаются на такомъ пространствѣ, на которомъ прежде не могла существовать и четвертная часть ихъ. Они ежегодно даютъ хозяевамъ по 5 фунтовъ хорошей шерсти и съ 3 лѣтъ не знаютъ другого корма кромѣ того, что зиму и лѣто находятъ у себя подъ ногами. Ихъ мясо идетъ на продажу и служитъ также лакомымъ блюдомъ здѣшнихъ жителей. Лѣтомъ они пасутся въ горахъ, а зимою въ долинахъ. Даже въ долгія ночи стада барановъ остаются подъ открытымъ небомъ, не имѣя другой защиты отъ непогоды, кромѣ кое-гдѣ встрѣчающихся березъ; только въ октябрѣ ихъ иногда намазываютъ масломъ съ примѣсью дегтя, чтобы защитить отъ чрезмѣрной сырости.

Городъ Вижъ и ловля сельдей.

Рыболовствомъ Горная Шотландія славится не менѣе, чѣмъ охотой за дичью, и это естественно, такъ какъ страна эта необыкновенно обильна водами. Послѣ того какъ Горная Шотландія успокоилась отъ воинственныхъ кликовъ дикихъ клановъ, каждый, кто имѣлъ какой нибудь доступъ къ рѣкѣ, немедленно наживалъ себѣ огромное состояніе. Форель—царица здѣшнихъ водъ и, вмѣстѣ съ лососями и сельдями, которыя водятся здѣсь въ огромномъ количествѣ, служитъ предметомъ огромной торговли. Ловлю рыбы занимается большая часть здѣшнихъ жителей.

Ето хочетъ посмотрѣть на настоящую рыбную ловлю, пусть отправится въ горо-

докъ Викъ (на восточномъ берегу Шотландіи), самый значительный городъ въ странѣ по своей торговлѣ сельдями и по огромному улову этой рыбы. Если вы приѣдете сюда въ іюль или въ августѣ, когда происходятъ самыя громадныя ловли, то увидите, что горе и счастье болѣе чѣмъ 8,000 людей совершенно зависятъ отъ этого дара моря.

Ловля сельдей развилась только въ XVIII столѣтіи, но теперь она въ Шотландіи стоитъ на высшей степени развитія; здѣсь ежегодно добываютъ до 800 тысячъ бочекъ сельдей, и правительство обращаетъ большое вниманіе на эту отрасль торговли. Викъ—городъ селедокъ: здѣсь, куда вы ни взгляните, — вездѣ сельди. Несмотря на то, что маленькая и узкая гавань города не совсѣмъ удобна для большой ловли, здѣсь въ іюль собирается такая толпа народу и кипитъ такая дѣятельность, что можно въ это время принять этотъ городокъ за какой нибудь огромный промышленный и торговый городъ.

По вечерамъ нѣсколько сотъ лодокъ покрываютъ поверхность воды, вездѣ раздаются пѣніе подъ аккомпаниментъ волынки, и вмѣстѣ съ ударами веселъ раздаются оригинальныя пѣсни. Но настоящая сельдяная ловля происходитъ утромъ. Какъ бы вы рано ни отправились къ гавани посмотрѣть на ловлю, вы всегда увидите сельдяной флотъ въ тысячу лодокъ и болѣе, уже подѣзжающій къ берегу послѣ ловли, которая начинается здѣсь съ зарею. Трудно представить себѣ, какое движеніе и какая толкотня происходитъ въ это время на суши и на морѣ! Поверхность зеленыхъ волнъ сплошь покрывается точно черными муравьями. Одна лодка за другой, наполненная сѣтями и сельдями, медленно подплываетъ къ берегу. Всѣ начинаютъ толкаться къ пристани, гдѣ и безъ того уже не видно свободнаго мѣста. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ подвигающагося и напирющаго другъ на друга народа, жители и жительницы Вика расположились живописными группами. Отовсюду идетъ гулъ, шумъ, дѣловой говоръ, стукъ молота, ударъ топора. Въ одной группѣ женщины наваливаютъ въ корзины трепещущихъ селедокъ съ серебристымъ голубымъ и розовымъ оттѣнкомъ на спинѣ; въ другой — мужчины ловко дѣлаютъ надрѣзъ короткимъ ножомъ и вынимаютъ внутренности; въ одну сторону они бросаютъ селедки, которыя принимаютъ отъ нихъ женщины. Съ какою живостью и какъ аккуратно тѣ укладываютъ ихъ въ бочку: одинъ рядъ кладутъ всю рыбу животомъ вверхъ, другой—спинками вверхъ. Каждый рядъ посыпаютъ крупною солью. Тутъ же стоятъ бочары, тотчасъ забиваютъ каждую бочку и закрѣпляютъ на ней обручи. Въ другой группѣ женщины горстями подбираютъ внутренности селедокъ и сбрасываютъ ихъ въ корзины: изъ нихъ потомъ вывариваютъ масло и даже послѣ этого эти выжимки внутренностей идутъ въ дѣло, — ихъ употребляютъ, какъ удобреніе. Но Боже васъ сохрани подойти близко къ кому нибудь изъ собравшагося здѣсь люда. Всѣ, какъ женщины съ высоко подвязанными передниками, такъ и мужчины, — сплошь забрызганы кровью и покрыты чешуей. Да и пробраться новичку въ этой толпѣ чрезвычайно трудно: здѣсь стоятъ бочки съ солью, тамъ навалены доски для новыхъ бочекъ, между ними съ необыкновенно дѣловымъ видомъ пробѣгаютъ бочары, торговцы, матросы большихъ кораблей.... Ни верхка свободнаго мѣста. и отовсюду несетъ запахъ, хуже котораго нельзя ничего себѣ представить. Сельди и ихъ внутренности вездѣ разбросаны на грязной землѣ, пропитанной лужами крови и сплошь усыпанной чешуей. Двухколесныя телѣжки, запряженныя маленькими лошадами «пони», тянутъ въ городъ огромныя сѣти, которыя, чтобы просушить, разстилаютъ на лугахъ, и тогда они опоясываютъ весь Викъ широкимъ чернымъ поясомъ.

Образованіе въ Шотландіи.—Религія шотландцевъ.—Шотландская пресвитеріанская церковь.—Бого-
служеніе.—Воскресный день.

Хотя Шотландія присоединилась къ Англіи въ политическомъ отношеніи съ 1603 г., а въ отношеніи административномъ съ 1707 г., однако страна эта всегда сохраняла свой національный отпечатокъ. Она не такъ плодородна и не такъ густо населена, какъ ея могущественная сосѣдка; различіе между знатными и рабочими, богатыми и бѣдными здѣсь далеко не такъ рѣзко, какъ въ Англіи; точно также и въ образованіи нѣтъ такого рѣзкаго различія между высшими и нисшими классами общества. Въ то время, когда Шотландія присоединилась къ Англіи, это государство было бѣднѣйшимъ въ мірѣ, но уже и тогда оно соперничало во всѣхъ отрасляхъ знанія съ самыми благословенными краями. Шотландцы, жилища и пища которыхъ были такъ же плохи, какъ жилища и пища нынѣшнихъ ирландцевъ, писали, какъ говоритъ знаменитый англійскій историкъ Маколей, «самые изящные стихи и дѣлали научныя открытія, которыя возвысили бы славу Галилея».

Въ 1560 г. знаменитый шотландскій проповѣдникъ Джонъ Ноксъ и нѣкоторые изъ его самыхъ ревностныхъ собратій начертали «Наказъ», въ которомъ они изложили проектъ приходскихъ школъ; съ этого времени по всей Шотландіи быстро стало распространяться народное образованіе. Скоро послѣ этого окончательно возложили на церковь обязанность заботиться объ образованіи бѣдныхъ, основывать школы и даже принуждать родителей посылать туда своихъ дѣтей.

Въ настоящее время въ Шотландіи, особенно на сѣверо-востокѣ, всѣ дѣти, къ какому бы классу общества они ни принадлежали, могутъ получить даровое образованіе, могутъ безъ матеріальныхъ издержекъ подготовиться къ университету, и такимъ образомъ высшее образованіе въ Шотландіи одинаково доступно, какъ для бѣдныхъ, такъ и для богатыхъ, какъ для знатныхъ, такъ и для простыхъ. Понятно, что бѣднякъ, на нисшей ступени общественной лѣстницы, не пойдетъ въ университетъ: ему нужно съ 12, 13 лѣтъ уже кормить себя и часто всю семью, тѣмъ не менѣе высшее университетское образованіе здѣсь доступно большому числу лицъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Въ настоящее время по народному образованію Шотландія уступаетъ только Германіи и Скандинавскимъ государствамъ. Образованіе, полученное шотландцемъ, развиваетъ въ немъ особенную наблюдательность ума и даетъ ему возможность найтись вездѣ, куда бы его ни бросила судьба. «Въ какой бы отдаленной странѣ шотландецъ ни очутился», говоритъ одинъ писатель, «за какое бы занятіе онъ ни принялся, въ Америкѣ или въ Индіи, въ торговлѣ или на войнѣ, его тотчасъ замѣтятъ и отличать передъ всѣми другими. Если онъ поступилъ въ магазинъ носильщикомъ, его въ скоромъ времени дѣлаютъ подмастерьемъ, если онъ опредѣлился въ армію, его скоро производятъ въ сержанты».

Дисциплина въ шотландскихъ школахъ менѣе строгая, чѣмъ въ Англіи: въ Шотландіи молодые люди развиваются быстро и мальчикъ уже рано самъ приучается думать о будущемъ. Родители прежде всего стараются внушить ребенку, что онъ самъ долженъ пробить себѣ дорогу и что въ будущемъ онъ долженъ надѣяться только на свою собственную голову и руки. Нечего уже и говорить о дѣтяхъ простаго народа, но даже и мальчики людей средняго класса, дѣти людей весьма зажиточныхъ, не видятъ въ домѣ той роскоши и комфорта, какъ въ Англіи; ихъ родители чрезвычайно дѣятельны, набожны и суровы до того, что не одобряютъ даже театральныхъ представленій (въ самомъ Эдинбургѣ всего только 2 театра, очень небольшіе и то рѣдко когда бываютъ полны). Такимъ обра-

зомъ, по примѣру окружающихъ людей, складывается и характеръ юноши: онъ рано становится серьезнымъ работникомъ, чрезвычайно усердно занимается въ школѣ и даже въ первые годы юности съ презрѣніемъ относится къ свѣтскимъ и легкимъ удовольствіямъ и считаетъ расточительность — преступленіемъ. Поэтому, хотя тѣлесное наказаніе не исключено изъ школьной дисциплины, къ нему здѣсь прибѣгаютъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. По отчетамъ видно, что за лѣность совсѣмъ почти не приходится наказывать воспитанниковъ. За шалости и за нарушеніе школьнаго устава, что впрочемъ бываетъ тоже чрезвычайно рѣдко, провинившагося бьютъ ремнемъ по рукѣ. Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ вмѣсто ремня бьютъ тростью.

Почти три четверти всего народонаселенія въ Шотландіи, составляющаго около 3½ милліоновъ, принадлежитъ къ пресвитеріанской церкви; затѣмъ около ста тысячъ исповѣдуетъ римско-католическую религію и около 60 тысячъ англиканскаго вѣроисповѣданія. Остальные раздѣлены между протестантскими сектами: интпендентами, методистами, квакерами, баптистами и другими. Люди всѣхъ исповѣданій и различныя секты пользуются полною религіозною свободою.

Въ Шотландіи реформація появилась въ одно и то же время съ сосѣднею Англіею; но на первыхъ же порахъ приняла здѣсь свой особенный характеръ, который удержала до настоящаго времени. Главное и существенное отличіе шотландской пресвитеріанской церкви—это ненависть къ католической религіи и ко всѣмъ ея церковнымъ порядкамъ и учрежденіямъ. Нигдѣ, кажется, съ такимъ фанатизмомъ не разрушали древнихъ католическихъ храмовъ съ ихъ украшеніями, чтобы не оставить никакихъ слѣдовъ папства, какъ дѣлали это въ Шотландіи въ первыя времена реформаціи. Другая отличительная черта пресвитеріанской религіи—стремленіе передѣлать всю жизнь, не только церковно-религіозную, но и семейную, гражданскую и государственную на основаніи буквального смысла священнаго писанія. Пресвитеріане во всемъ, и въ особенности въ своемъ церковномъ богослуженіи, стараются слѣдовать буквальному смыслу Св. Писанія и отвергаютъ все, на что въ немъ нѣтъ прямого и яснаго указанія. При этомъ болѣе всего придерживаются ветхаго завѣта. Это стремленіе преобразовать жизнь по идеалу церкви, начертанному первыми ея реформаторами, проявляется во всей исторіи шотландской церкви и выражается въ самомъ ея устройствѣ.

Прежде чѣмъ окончательно утвердилась въ Шотландіи пресвитеріанская церковь, шотландцы долго вели борьбу противъ католичества, потомъ противъ усилій правительства распространить англиканскую религію въ ихъ странѣ. Но въ 1690 г. пресвитеріанская церковь была признана и до настоящаго времени остается господствующею.

Пресвитеріанскія храмы, какъ по внѣшнему виду, такъ и по внутреннему устройству, мало отличаются отъ обыкновенныхъ домовъ. Нѣкоторые изъ нихъ украшены иногда башнями, колокола же совсѣмъ не употребляютъ. Внутреннее устройство и обстановка храма еще болѣе простая; это ничто иное, какъ прекрасная, свѣтлая, огромная зала, заставленная скамейками или стульями. Всѣ украшенія строго изгнаны. Нѣтъ ни иконъ, ни картинъ, ни статуй, ни органа, ни алтаря, ни свѣчъ, ни купели для крещенія, ни креста. Эта зала со скамейками, думаетъ посѣтитель, была бы чрезвычайно удобна для публичныхъ совѣщаній; и въ самомъ дѣлѣ, богослуженіе здѣсь ни что иное, какъ бесѣда о высоконравственныхъ предметахъ. Противъ главнаго входа устроена кафедра; нѣсколько ближе ко входу—налой для запѣвалы. Вокругъ налож оставлены почетныя мѣста для духовныхъ лицъ. Прочія мѣста занимаютъ прихожане, но точно также, какъ и во многихъ другихъ западныхъ церквахъ, каждый за свое мѣсто въ церкви платитъ нѣвѣстную сумму и это доставляетъ церкви большой доходъ, который идетъ въ пользу школъ и бѣдныхъ.

Шотландская церковь не признает никакихъ праздниковъ, кромѣ воскресенья, но за то и соблюдаетъ его даже болѣе строго и сурово, чѣмъ Англія: воскресенье въ Лондонѣ сравнительно съ эдинбургскимъ можетъ быть названо веселымъ. Но возвратимся къ пресвитеріанскому богослуженію. Въ пресвитеріанской церкви не существуетъ никакихъ опредѣленныхъ правилъ, ни опредѣленной росписи, въ какое время, въ какомъ порядкѣ и какіе отдѣлы Св. Писанія и молитвы должно читать во время того или другаго богослуженія. Все предоставляется личному усмотрѣнію и способности духовнаго лица, который отправляетъ богослуженіе. Относительно церковныхъ пѣсней постановлено только не допускать при богослуженіи пѣсни человѣческія, т. е. небиблейскія. Ихъ выбираютъ обыкновенно изъ псалмовъ Давида и для нихъ составлены особыя мелодіи. Всѣ присутствующіе могутъ пѣть подъ руководствомъ запѣвалы.

Въ назначенный часъ прихожане сходятся въ церковь для богослуженія; мужчины нерѣдко входятъ съ шапками на головахъ. Черезъ нѣсколько минутъ на каедрѣ всходитъ проповѣдникъ въ черномъ плащѣ и съ узенькимъ воротникомъ, кланяется собранію и читаетъ псаломъ, который онъ назначаетъ въ этотъ разъ для пѣнія. Запѣвало, стоя у своего наоя, начинаетъ пѣніе, за нимъ затягиваютъ и присутствующіе. По окончаніи псалма проповѣдникъ произноситъ молитву собственнаго сочиненія, которую присутствующіе выслушиваютъ стоя, затѣмъ опять пѣніе. Послѣ этого проповѣдникъ читаетъ ту или другую главу Св. Писанія по своему выбору; на это отвѣчаютъ пѣніемъ и затѣмъ начинается проповѣдь, которая продолжается полчаса и болѣе. Проповѣди эти чрезвычайно однообразны, сухи и скучны. Несмотря на чувство глубокаго уваженія ко всему, что дѣлается вокругъ, шотландцы во время длинныхъ проповѣдей начинаютъ покачиваться и дремать. Проповѣдники замѣчаютъ это, но нисколько не смущаются и продолжаютъ. Послѣ проповѣди опять молитва, пѣніе и наконецъ богослуженіе заканчивается благословеніемъ проповѣдника.

Довольно оригинально крестятъ у нихъ дѣтей: крещеніе происходитъ во время богослуженія, передъ всѣми, на каедрѣ. Восприемниковъ здѣсь не бываетъ; малютку держитъ отецъ, которому священникъ и объясняетъ, «что по смыслу шотландской, какъ и всякой другой реформатской церкви, окропленіе крещаемаго водою есть знакъ очищенія кровію Іисуса Христа». Послѣ этого духовное лицо троекратно окропляетъ голову ребенка обмоченными въ воду пальцами.

Къ причастію приступаютъ обыкновенно два раза въ годъ, въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ и по одному разу. Въ богослуженія передъ таинствомъ предметомъ проповѣди бываетъ обыкновенно увѣщаніе въ покаянію и къ примиренію съ Богомъ, и только; больше не существуетъ передъ причастіемъ никакого особаго покаянія. Въ назначенный воскресный день, когда происходитъ причащеніе, въ церкви стоятъ одинъ, а иногда и нѣсколько узкихъ столовъ, покрытыхъ бѣлою скатертью. Около нихъ на скамейкахъ садятся причащеники, мужчины и женщины; духовное лицо садится на переднемъ мѣстѣ. Передъ нимъ ставятъ хлѣбъ, наръзанный на тонкіе длинные ломтики, и красное вино въ серебряныхъ кубкахъ. Послѣ кражкой рѣчи священнослужитель прочитываетъ Евангеліе объ учрежденіи таинства. Во время чтенія словъ: «преломилъ и далъ ученикамъ», онъ беретъ ломтики хлѣба, разламываетъ на двѣ половины и подаетъ на обѣ стороны сидящимъ рядомъ съ собою. Затѣмъ тарелки съ хлѣбомъ разносятъ по обѣимъ сторонамъ. Тоже дѣлаютъ и съ чашей съ виномъ: сначала священнослужитель подаетъ на обѣ стороны двѣ чаши, которыя затѣмъ тотчасъ переходятъ изъ рукъ въ руки. Послѣ этого происходитъ пѣніе псалмовъ.

Съ тою же простотою совершаются бракъ и погребеніе. Бракъ совершается духовнымъ лицомъ не въ церкви, безъ обрядовъ и даже безъ обмѣна колецъ. Погребеніе со-

вершается безъ пѣнія, безъ молитвъ и рѣчей, и духовныя особы слѣдуютъ за гробомъ въ качествѣ друзей въ обыкновенномъ свѣтскомъ платьѣ. Гробъ опускаютъ въ землю безмолвно и съ покрытою головой. Надгробные памятники рѣдки, и всего рѣже въ видѣ креста; простыя надписи означаютъ только имя, годъ, день рожденія и смерти умершаго.

Воскресные дни соблюдаютъ, какъ мы уже замѣтили, чрезвычайно строго. Самыя нужныя дѣла откладываютъ въ этотъ день. Самые большіе города по воскресеньямъ точно вымираютъ: не видно ни движенія на улицахъ, не слышно шума, крика и брани, ни стука машинъ; даже желѣзныя дороги и пароходы на время прекращаютъ въ этотъ день свою шумную дѣятельность. Улицы оживляются только въ тѣ часы, когда народъ идетъ въ церковь или возвращается изъ нея. Въ этотъ день богослуженіе совершается обыкновенно два раза: въ одиннадцать часовъ и въ два часа по полудни; но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ многіе жители понимаютъ одинъ только какой нибудь языкъ, или по англійски, или только по гальски, богослуженіе совершается и три раза. Въ такихъ случаяхъ можно видѣть, что старики обыкновенно идутъ на богослуженіе, которое будетъ совершаться на гальскомъ языкѣ, а молодежь на то, которое идетъ на англійскомъ. Это еще болѣе подтверждаетъ, что гальскій языкъ положительно вымираетъ и молодежь все меньше разговариваетъ на немъ даже и между собою. Большинство шотландцевъ отправляется и къ утреннему, и къ послѣобѣденному богослуженію. Поѣхать въ воскресенье въ гости, отправиться на прогулку или на катанье — величайшее преступленіе, и за это нарушитель подвергнется общественному порицанію. Время, которое остается отъ посѣщенія церкви, посвящается чтенію библіи. Все семейство нерѣдко собирается въ одну комнату и затягиваетъ вмѣстѣ псалмы или духовныя пѣсни, проникнутыя глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Впрочемъ чтеніе библіи и пѣніе псалмовъ происходитъ въ семействахъ и въ другіе дни недѣли. За этимъ строго слѣдитъ отецъ семейства. Въ каждомъ семействѣ передъ обѣдомъ хозяинъ читаетъ молитву; когда есть кто нибудь въ гостяхъ и когда этотъ гость чело­вѣкъ почтенный и уважаемый въ семействѣ, тогда ему предоставляютъ произнести молитву передъ пищей. Общественное мнѣніе, которое строго слѣдитъ за всѣми и жестоко караетъ всѣхъ, мало мальски отступающихъ отъ разъ принятыхъ религіозныхъ обычаевъ, порождаетъ не мало пустаго формализма, ханжества и фарисейства. Шотландцы считаютъ преступленіемъ выйти въ воскресенье на улицу, прогуляться, посѣтить родныхъ и друзей, поиграть на какомъ нибудь музыкальномъ инструментѣ, — все это могутъ увидѣть или услышать сосѣди и прохожіе, за все это потомъ ихъ забросаютъ грязью. Поэтому, собравъ нѣсколькихъ вѣрныхъ пріятелей и закрывъ ставни, многіе въ этотъ день предаются попойкѣ и разгулу.

ИРЛАНДІЯ.

Природа, жизнь и нравы сѣверной и западной части страны.—Жилища, одежда и пища ирландцевъ.

Ничто не характеризуетъ такъ природу, нравы и жизнь ирландцевъ, какъ сѣверная и западная части Ирландіи. Дикій бурный океанъ въ вѣчной борьбѣ изрѣзалъ скалистые берега и придалъ имъ самыя причудливыя, фантастическія формы. Почти всѣ горы возвышаются вдоль приморскихъ береговъ, а внутренность страны представляетъ волнистую низменность, покрытую множествомъ озеръ, болотъ и топей. Пробираясь по окраинамъ, путешественникъ видитъ, какъ возвышаются то тамъ, то здѣсь горные хребты и отдѣльныя вершины въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и въ необыкновенно красивыхъ очертаніяхъ, но дикіе, скалистые и большею частью безлѣсные. Когда цвѣтеть верескъ, всѣ эти вершины и шпицы сіяютъ на солнцѣ темною пурпуровою окраскою и придаютъ странѣ что-то сказочное и таинственное. Самыя высокія вершины круто поднимаются на узкихъ полуостровахъ, на которые разорванъ весь юго-западный берегъ. Не менѣе чудный ландшафтъ представляютъ посреди обширныхъ равнинъ прозрачныя озера, которыя питаются многочисленными горными ручьями, быстро, съ шумомъ падающими со скалъ. На сколько можетъ обхватить взоръ, простираются равнины полей и пастбищъ, зеленоватый отливъ которыхъ рѣзко выдѣляется изъ пурпура чудныхъ горъ, синевы озеръ и мрачнаго цвѣта океана. Но эти прелестныя мѣстности совсѣмъ не оживлены: фантастическія горы не увѣнчаны лѣсомъ, — даже кустарники не растутъ на нихъ, и только дикій тернъ, характерное растеніе ирландскихъ холмовъ, украшаетъ ихъ въ весенніе мѣсяцы своими ярко-желтыми цвѣтками. Заливы и озера совершенно пустынно и только изрѣдка показывается на нихъ рыбацья лодка или маленькое парусное судно, которое везетъ жалкую провизію къ какому нибудь полузаснувшему городу, лежащему недалеко отъ берега. Море съ страшною силою, съ глухимъ шумомъ и ревомъ разбиваетъ свои пѣнящіяся волны о пустой берегъ и равнины. Тамъ и здѣсь на низменныхъ мѣстностяхъ зеленые луга перемежаются съ черными болотами и съ лужами грязной воды, или тянутся громадныя залежи торфа. Большая часть ирландской почвы состоитъ изъ торфяныхъ болотъ и торфъ играетъ важную роль въ жизни бѣднаго ирландскаго люда. Ирландскій крестьянинъ вмѣсто денегъ часто расплачивается торфомъ, готовитъ на немъ свой скудный обѣдъ и согрѣвается имъ. Чѣмъ ближе та или другая мѣстность расположена отъ залежей торфа,

тѣмъ дороже платитъ ирландскій крестьянинъ землевладѣльцу за арендуемый клочекъ земли. Воздухъ Ирландіи весь пропитанъ запахомъ торфа; всѣ кушанья болѣе или менѣе отзываются имъ и ирландецъ такъ привыкъ къ этому, что считаетъ джинъ и виски только тогда хорошими, когда они распространяютъ тонкій торфяной аромать.

Впечатлѣніе безжизненности, безлюдности и пустынности, которое васъ охватило при первомъ вступленіи въ Ирландію, даетъ себя чувствовать повсюду. На склонахъ горъ, вмѣсто веселыхъ деревень съ садиками или группами деревьевъ, вы встрѣчаете отдѣльно стоящіе жалкія землянки, — жилища ирландскаго люда, напоминающія скорѣе звѣриныя норы. Вмѣсто многочисленныхъ стадъ крупнаго скота съ веселыми бубенчиками, вы видите худыхъ и малорослыхъ коровъ, овецъ и козъ, а иногда и страшно исхудалыхъ лошадей. Съ большимъ трудомъ выбираютъ они траву изъ-подъ вереска, и ихъ наружный видъ ясно говоритъ, что этотъ скудный кормъ служить имъ единственною пищею большую часть года. Большія невоздѣланныя пространства лишь изрѣдка перемежаются маленькими обработанными полями. Вмѣсто оживленнаго говора, стука молотовъ и мельничныхъ колесъ около жилища человѣка, вы услышите гоготанье гусей, которые расхаживаютъ большими стадами около хижинъ, и хрюканье довольно многочисленныхъ свиней. Всюду, какъ въ горахъ, такъ и близъ озеръ, въ верескѣ и вблизи хижинъ, недостаетъ лучшаго украшенія природы — пѣвчихъ птицъ: изрѣдка раздаются крики чаекъ, но очень рѣдко слышно веселое пѣніе жаворонка и никогда не раздается пѣсня соловья. И это очень понятно: тутъ существуютъ громадныя пространства, на которыхъ птицы не найдутъ для себя не только дерева, но ни одной вѣточки для гнѣзда, ни даже куста. Западныя и сѣверо-западныя бури здѣсь такъ сильны и такъ часты, что ни одно молодое деревцо не можетъ подняться выше человѣческаго роста. Оно лишается своей верхушки и умираетъ или остается маленькимъ и уродливымъ. Даже внутри страны всѣ вершины деревьевъ согнуты къ востоку или юго-востоку. Но не одни бури виною ирландскаго безлѣся. Извѣстно, что въ XIV и XV столѣтіяхъ и даже позже Ирландія имѣла довольно значительные лѣса. Ихъ безразсечно истребляли, чтобы пріобрѣтать новую землю для обработки и чтобы уничтожать притоны преступниковъ, которыхъ такъ много было въ Ирландіи.

Не менѣе характерное явленіе природы въ Ирландіи — громадное количество камней, которые такъ покрываютъ страну, что нерѣдко дѣлаютъ недоступными обработкѣ большія пространства. Хотя эти камни употребляли на постройку валовъ въ нѣсколько миль длины для защиты полей и пастбищъ, хотя хижины и лучшіе домики построены изъ нихъ, — они портятъ ландшафтъ: нѣкоторыя мѣстности представляются путешественнику какою-то пустыней съ горами камней, въ беспорядкѣ набросанныхъ тамъ и сямъ. Очень часто встрѣчаются клочки самой плодородной земли, на которыхъ лежатъ каменные глыбы, неуступающія никакимъ человѣческимъ усиліямъ. Такимъ образомъ изъ-за камней остается много необработанной земли.

Подойдемъ ближе и посмотримъ кучи, называемыя жилищами этого несчастнаго, угнетеннаго въ продолженіи столѣтій и до сихъ поръ угнетаемаго ирландскаго люда. Когда вы приближаетесь къ такой кучѣ, то вы только потому догадываетесь, что это человѣческое жилище, что вблизи замѣчаете небольшой жалкій кустарникъ или плетень, а то увидите поднимающуюся струйку дыма или какое нибудь живое существо, которое тутъ копошится. Это жилище такого же цвѣта, какъ земля, на которой оно стоитъ, и только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ оно бываетъ выбѣлено. Вся хижина сложена изъ кусковъ торфа и кое какъ набросанныхъ другъ на друга камней, до которыхъ никогда не касался ни молотокъ, ни рѣзецъ; щели между камнями наполнены смоченной землей. Высота отъ земли до крыши рѣдко достигаетъ выше пяти футовъ; крыша состоитъ изъ

соломы, дрока или вереска, который привѣшенъ къ стропиламъ посредствомъ ивовыхъ прутьевъ. Въ такомъ жилищѣ обыкновенно два входа: двери встрѣчаются очень рѣдко и ихъ обыкновенно замѣняетъ толстый плетень изъ соломы или дрока. Тотъ входъ, который находится на сторонѣ, обращенной къ вѣтру, всегда забитъ плетнемъ. Если въ какойнибудь хижинѣ и встрѣчаются окна, то въ нихъ въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ вставлено стекло; обыкновенно они обтянуты высушенной бараньей шкурой, или заткнуты соломой и грязнымъ тряпьемъ, а то и совершенно открыты. Въ большинствѣ случаевъ вмѣсто трубы въ крышѣ оставлено отверстіе, надъ которымъ опрокинута старая, полуразвалившаяся бочка безъ дна, которая едва держится однимъ или двумя обручами; гораздо рѣже встрѣчаются трубы, грубо выдѣланныя изъ камня. При громадной массѣ камней въ странѣ не трудно было бы выстроить порядочную хижину, но вѣковѣчное рабство, угнетеніе, нищета и самыя неслыханныя лишенія убили въ ирландцахъ всякую энергію. Каждый изъ нихъ устраиваетъ самъ свое жилище и не думаетъ о томъ, чтобы помочь другъ другу при постройкѣ. Ничего этого не приходитъ въ голову ирландцу и онъ ко всему относится спустя рукава: обрушится крыша—онъ набросаетъ чтонибудь сверху, и то только тогда, когда непогода дѣлается невыносимой; въ теплое же время года онъ по долгу живетъ съ развалившеюся крышею. Нерѣдко новую хижину пристраиваютъ къ старой, полуразвалившейся, только для того, чтобы воспользоваться одной готовой стѣной. Передъ домомъ не существуетъ и одного вершка свободного пространства, ни даже узкой тропинки: чтобы пробраться въ домъ, крестьяне принуждены каждый разъ переходить черезъ кучи навоза и мусора.

Но войдите въ жилище, и вы непременно остановитесь въ ужасѣ, такой страшный беспорядокъ и нищета представятся вамъ во всей своей наготѣ. Тамъ валяются сваленныя въ одну кучу лопата, кирка, старая метла, сломанная лѣстница, старый сапогъ, разорванная перина, спинка стула, разбитый горшокъ, связка хвороста и все это трудно различить сразу, такъ какъ глазъ только понемногу привыкаетъ къ полумраку, господствующему въ такомъ жилищѣ. Свѣтъ нерѣдко проникаетъ только черезъ одну дверь, и жилище съ утра до вечера наполнено густымъ дымомъ. Но вотъ вы наконецъ замѣчаете въ одномъ концѣ хижины очагъ: на крякѣ, вбитомъ въ стѣну, виситъ желѣзный котелъ, а подъ нимъ наложенъ торфъ. Кругомъ очага разставлено нѣсколько скамеекъ на трехъ ножкахъ или разложено нѣсколько кучекъ торфа или пучковъ льна, которые также служатъ сидѣньемъ. Только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ недалеко отъ очага находится нѣчто въ родѣ кровати, пустое пространство подъ которой служитъ для сбереженія запасовъ картофеля. На кровати валяется нѣсколько изорванныхъ мѣшковъ, набитыхъ соломой, и нѣсколько большихъ полотняныхъ или шерстяныхъ тряпокъ, служащихъ одеялами, но въ большинствѣ случаевъ не существуетъ и этихъ убогихъ кроватей. Иногда одинъ конецъ хижины отгороженъ для животныхъ, но и такой комфортъ могутъ позволить себѣ очень немногіе, и большая часть ирландскаго люда живетъ вмѣстѣ въ одной хижинѣ, ѣстъ одну пищу и дѣлитъ горе и радость съ своими домашними животными. Козы, свиньи, гуси, собаки и кошки совершенно свободно разгуливаютъ по хижинѣ, на полу которой сидятъ дѣти и очень дружатъ между собою. Они вмѣстѣ играютъ, бѣгаютъ, дерутся, залѣзаютъ подъ кровать и только когда сильно надоѣдятъ своей бѣготней и визготней старшимъ, разыгравшагося ребенка выталкиваютъ изъ этой разношерстой толпы друзей и сажаютъ въ одинъ уголъ, а животныхъ отгоняютъ въ другой. Но часто не дѣлаютъ и этого: хозяйка для усмиренія какъ дѣтей, такъ и животныхъ пускаетъ въ нихъ ложкой или какимънибудь другимъ кухоннымъ снарядомъ. Въ углу единственной комнаты, гдѣ живетъ вся семья съ мелкими домашними животными, не рѣдкость встрѣтить и лошадь. Въ отверстіе хижины, которое служитъ окномъ,

очень часто выглядывают рядомъ маленькій ирландецъ и молодая свинья. Однимъ словомъ ирландскія жилища ничто иное, какъ жалкіе хлѣва, гдѣ не только вмѣстѣ живутъ разнаго рода птицы и домашнія животныя, но даже и люди.

Эти жилища почти всегда стоятъ отдѣльно другъ отъ друга и только изрѣдка можно встрѣтить двѣ-три хижины вмѣстѣ, а деревень въ Ирландіи совсѣмъ не знаютъ. Крайне жалкій и убогій видъ ирландскихъ жилищъ увеличивается еще тѣмъ, что они совершенно обнажены, и что только въ рѣдкихъ случаяхъ можно видѣть подлѣ нихъ дерево, плетень или кустарникъ. Только на большихъ пространствахъ въ нѣсколько миль, изрѣдка встрѣчаются болѣе красивые бѣлые домики арендаторовъ, или богатая жилища землевладельцевъ.

Въ грязныхъ жалкихъ хижинахъ, которыя увеличиваютъ суровость ландшафта, живутъ люди, образъ жизни которыхъ вполне соответствуетъ бѣдности ихъ жилищъ и дикости ихъ страны. Посмотримъ прежде всего, какова одежда ирландца. Платье, которое онъ носитъ, какъ въ своей хижинѣ, такъ и на полевыхъ работахъ, имѣетъ самый жалкій видъ. Оно какого-то землянистаго цвѣта самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ и такъ оборвано, что даже придаетъ ирландцу живописный видъ. Менѣе другихъ частей одежды оборвана его коричневая, но совершенно выцвѣтшая шляпа, принявшая рыжий цвѣтъ, или широкая шапка безъ козырька съ пуговкою наверху. Верхняя одежда—нѣчто въ родѣ фрака, или лучше сказать остатки фрака съ свѣтлыми пуговицами,— всегда самая разорванная часть одежды. Если рукава еще сохранились, что случается рѣдко, если руки не обнажены у плечъ, то въ такомъ случаѣ рукава или полы фрака разорваны на нѣсколько продольныхъ полосъ, которыя, какъ ленты, живописно развѣваются по воздуху. Всѣ швы на спинѣ и на бокахъ распороты и изъ подъ нихъ сквозитъ нижнее бѣлье и еще чаще голое тѣло. Иногда одна фалда оторвана на столько, что виситъ до самыхъ пятокъ. Очень часто, куда сегодня вдѣвали ноги, завтра будутъ вдѣвать руки, т. е. свои штаны ирландецъ употребитъ на рукава. Двѣ, три пуговицы виднѣются на фракѣ, и то всѣ онѣ оборваны; петли связаны ремешкомъ или тоненькой веревкой, которая употребляется также вмѣсто пояса. И эти ужасающія лохмотья вы встрѣчаете на людяхъ въ странѣ, которая ежегодно вывозитъ полотна на нѣсколько милліоновъ рублей, каждый житель которой могъ бы получить съ англійскихъ мануфактуръ цѣлый костюмъ за два шиллинга.

Но ирландцы не имѣютъ ни новой одежды, хотя бы даже очень скромной и простой, ни мало-мальски порядочной домашней обстановки. Первѣйшія житейскія потребности—одежда, жилище, домашняя утварь, орудія, уже въ самомъ началѣ заводятся въ такомъ видѣ, который заставилъ бы покраснѣть любое дикое племя. При томъ, во всемъ проглядываетъ беспорядокъ, нищета, беспечность, грязь. Въ каждой образованной странѣ домашнія животныя живутъ лучше, комфортабельнѣе и чище, чѣмъ большинство народа въ Ирландіи.

Англичане, когда говорятъ о беспорядочности ирландцевъ, то, желая показать, до чего вкоренились въ нихъ вкусъ и привычки дикарей, обыкновенно приводятъ множество случаевъ, доказывающихъ, какъ трудно развить въ ирландцѣ любовь къ порядочной домашней жизни. Вотъ одинъ изъ подобныхъ разсказовъ. Одна англійская филантропка вышла замужъ за ирландскаго землевладельца и рѣшила ввести разныя англійскія улучшения въ своемъ новомъ отечествѣ. Съ этой цѣлью она построила въ своемъ имѣніи въ Ирландіи нѣсколько новенькихъ коттеджей, которые обставила новой домашней утварью и простенькой, но новой мебелью. Эти жилища она раздала ирландцамъ, которые арендовали землю у ея мужа. Благодарственная леди объяснила каждому семейству новаго домика, какъ нужно вести хозяйство, поддерживать домашній порядокъ, обращаться съ

утварю. Нѣсколько дней все шло порядочно, но въ это время лѣди должна была уѣхать въ Англію, и когда она черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратилась, то уже не узнавала своихъ коттѣжей: свиньи рылись въ картофелѣ подѣ кроватью, горшокъ, который предназначался для варки каши, стоялъ на полу съ грязнымъ бѣльемъ, корыто раскормилось на солнцѣ и было брошено въ печь, а тамъ, гдѣ прежде былъ разведенъ хорошенькій садикъ, стояла лужа грязной воды, въ которой полоскались утки. Большинство хозяекъ этихъ коттѣжей жаловались на то, что трубы вытягиваютъ дымъ и людямъ чрезвычайно холодно въ этихъ жилищахъ. И многія изъ нихъ уже распорядились по своему: чтобы оставить въ хижинѣ дымъ, къ которому онѣ такъ привыкли, онѣ закрыли трубы каменными плитами. Къ несчастью всѣ эти рассказы вполне справедливы, но мы увидимъ ниже, что не въ характерѣ ирландца лежитъ склонность къ беспорядочной жизни нищаго.

Что касается пищи ирландцевъ, то она вполне соответствуетъ ихъ одеждѣ и всей обстановкѣ ихъ домашняго быта. До болѣзни картофеля они исключительно имъ питались. Въ настоящее время, кромѣ него, употребляютъ еще «stirabout», т. е. нѣчто въ родѣ густой каши изъ овсяной муки и овсяныя лепешки. Любопытно приготовленіе этого кушанья: въ горшокъ, наполненный водою, насыпаютъ, постоянно мѣшая палкою, грубую овсяную муку; эту массу варятъ до известной густоты, пока она не превратится въ липкій густой клейстеръ или мучную кашницу, которую и ѣдятъ ложкой съ сывороткой отъ масла. Ихъ лепешки и stirabout сильно отзываются овсомъ и еще больше дымомъ. Но картофель и до сихъ поръ составляетъ главную пищу жителей и часто въ гостиницахъ небольшихъ ирландскихъ городковъ вы кромѣ него ничего не найдете.

Городская жизнь въ Ирландіи.—Лимерикъ и Дублинъ.

Лимерикъ, этотъ древнѣйшій городъ Ирландіи, производитъ грустное впечатлѣніе. Онъ лежитъ на Шаннонѣ, величайшей рѣкѣ страны, раздѣляетъ большія провинціи Лейнстеръ и Коннаутъ и соединяетъ озера средней Ирландіи съ Атлантическимъ океаномъ, въ который шумно впадаетъ эта рѣка.

Лимерикъ лежитъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ устье начинаетъ расширяться, такъ что большіе корабли могутъ доходить до самой каменной набережной. Городъ этотъ имѣетъ одну изъ прекрасныхъ гаваней западнаго берега, которая защищена самой природой отъ опасностей моря и въ то же время пользуется всѣми выгодами его близости. Но гавань Лимерика, какъ и всѣ другія, очень тиха и не оживлена.

Шаннонъ величественно протекаетъ подѣ городомъ и одинъ изъ его рукавовъ раздѣляетъ его на двѣ части: на ирландскій и англійскій городъ. Всю запущенность, грязь и нищету ирландскаго быта вы можете сразу окинуть однимъ взглядомъ въ ирландской части Лимерика, особенно если вы войдете въ базарный день въ одну изъ главныхъ торговыхъ улицъ. Лишь только вы въ нее входите, васъ тотчасъ обдаетъ неописанною вонью и голова идетъ кругомъ отъ шума и гама нищенски одѣтаго народа. Дома, которые вы встрѣчаете здѣсь, напоминаютъ затхлыя пещеры и погреба. Передъ дверями стоятъ бочки сельдей, залитыя какимъ-то грязнымъ отваромъ. Въ открытыхъ лавченкахъ разложены заплесневѣлыя ломти ветчины и разставлены чашки съ телячьими потрохами и ногами; кругомъ развѣшаны заячьи шкурки и гусинья крылья. Улица загромождена телѣжками, запреженными ослами, и каждую изъ нихъ окружаетъ толпа полуобнаженныхъ людей.

Нижніе этажи почти всѣхъ домовъ заняты ветошниками и черезъ три, четыре

дома можно найти закладчика. И какія вещи здѣсь можно увидѣть! Сюртуки, рукава которыхъ висятъ только на одной ниточкѣ, мундиры, которые перебивали на плечахъ нѣсколькихъ поколѣній солдатъ, сапоги безъ подошвъ и т. п. Не лучше и тѣ, которые покупаютъ эти вещи: мужчины въ продавленныхъ шляпахъ и во фракахъ-лохмотьяхъ, женщины съ густыми всклокоченными волосами, — тѣ и другіе съ глубокими черными глазами, съ одушевленной фізіономіей, граціозные и красивые, но истомленные и едва прикрытые. Кажется все собралось сюда, чтобы представить во очю всю отчаянную нищету ирландскаго народа. А между тѣмъ Лимерикъ одинъ изъ четырехъ самыхъ большихъ и извѣстныхъ городовъ Ирландіи. Геймаркетъ, рыночная площадь, находится на границѣ между ирландскимъ и старо-англійскимъ городомъ. Но и въ англійской части Лимерика вы не найдете гордыхъ фронтоновъ домовъ, окружающихъ лондонскій Геймаркетъ, ни порталовъ и колоннадъ, ни всемірной торговли, такой богатой и оживленной, какъ въ Лондонѣ. Ничего этого нѣтъ здѣсь. Глазамъ прежде всего представляется большое пустое пространство, окруженное съ четырехъ сторонъ деревяннымъ навѣсомъ на деревянныхъ столбахъ, уже давно сгнившихъ въ болотистой почвѣ. На всемъ этомъ пространствѣ ничего не видно, кромѣ стараго платья, развѣшаннаго для продажи. Внутри четырехугольнаго двора, на телѣгахъ, запряженныхъ ослами, въ большихъ кадкахъ и жестянныхъ мискахъ стоитъ главный предметъ торговли—сыворожка, которую тутъ же покупаетъ и пьетъ народъ. Видъ старо-англійскаго города (существуетъ еще ново-англійскій городъ Ньютоунъ-Пери, въ которомъ живетъ высшее сословіе Лимерика въ нѣсколькихъ хорошенькихъ домахъ) нисколько не лучше, чѣмъ ирландской части. Здѣсь также вы прежде всего попадаете въ улицу, наполненную ветошниками; въ подвалахъ та же вонь; на улицахъ тѣ же толпы грязныхъ людей и огромныя кучи грязныхъ вещей. Даже на набережныхъ, которыя идутъ здѣсь вдоль Шаннона и одного изъ его рукавовъ Сальмонъ-Ривера, та же вонь; свѣжій воздухъ недалекаго океана не можетъ разогнать затхлый воздухъ лохмотьевъ.

Во всемъ городѣ, кромѣ улицы Джоржъ-стритъ, хорошо обстроеной, вы рѣдко встрѣтите вполнѣ порядочный домъ: непременно или крыша сломана, или дверь, или нѣсколько разбитыхъ стеколъ. Даже въ Ньютоунъ-Пери, этой лучшей части города, нерѣдко встрѣчаются развалины.

Для чего такое множество лавокъ ветошниковъ на всѣхъ улицахъ, отчего эти развалины посреди оживленнаго города? — вотъ вопросъ, который прежде всего является у каждаго, побывавшаго въ Лимерикѣ, — но мы ниже отвѣтимъ на это, а теперь поговоримъ о Дублинѣ.

Дублинъ производитъ уже другое впечатлѣніе. Это первый и величайшій городъ Ирландіи и третья столица Великобританіи. До XII столѣтія городъ этотъ совсѣмъ почти не былъ извѣстенъ: дома въ немъ были выстроены изъ плетня и глины и занимали собою небольшое пространство около мила въ окружности. Только со временъ Елизаветы начали здѣсь строить настоящіе дома: сначала они были деревянные, но вскорѣ появились и каменные.

До XVI столѣтія Дублинъ былъ главнымъ городомъ той небольшой части Ирландіи, которая принадлежала англичанамъ, и только въ XVII и XVIII вѣкѣ, вслѣдствіе завоеванія всей Ирландіи, значеніе Дублина стало постепенно возрастать, такъ что въ теченіи двухъ столѣтій изъ незначительнаго города съ 25.000 жителей онъ сдѣлался однимъ изъ извѣстнѣйшихъ городовъ съ 300.000 жителей. Дублинъ—новый городъ и поэтому въ немъ нѣтъ ни стараго «City» съ узкими кривыми улицами, какъ въ Лондонѣ, ни древнихъ частей города, говорящихъ о прошлой жизни.

Дублинъ отстроенъ англичанами и потому его внѣшность почти ничѣмъ не отли-

чается отъ внѣшности англійскихъ городовъ. Частные дома здѣшнихъ зажиточныхъ людей такъ же невелики, опрятны и построены въ томъ же стилѣ, какъ частные дома всѣхъ англійскихъ городовъ вообще. Публичныя зданія такъ же богаты колоннами и портиками, какъ публичныя зданія всѣхъ англійскихъ городовъ. Устройство набережныхъ и гавани здѣсь такое же, какъ въ Лондонѣ, Ливерпулѣ и другихъ англійскихъ портахъ; здѣсь такія же широкія и удобныя тротуары, какъ въ Лондонѣ, такіе же прелестные зеленые скверы посреди города, какъ и въ англійскихъ городахъ. Наконецъ тотъ же, какъ и въ Лондонѣ, рѣзкій переходъ отъ роскоши къ крайней бѣдности, богатая восточная часть города не имѣетъ ничего общаго съ грязной западной его частью, наполненной нездоровыми жилищами и какъ въ Лимерикѣ полуобнаженными людьми.

Если вы захотите познакомиться съ знаменитыми памятниками Дублина и попросите какого нибудь ирландца помочь вамъ въ этомъ, онъ прежде всего укажетъ вамъ на могилу Даниэля О'Коннея. «Непремѣнно взгляните на его могилу, онъ нашъ великій человекъ», прибавитъ каждый. Дублинское кладбище обсажено деревьями, образующими множество длинныхъ аллей; въ каждой изъ нихъ можно видѣть доску, на которой начерченъ указательный палецъ и подъ нимъ подпись: «къ памятнику О'Коннея». Изъ этого ясно, какая масса народа всегда стремится къ памятнику этого знаменитаго человека, защитника угнетенныхъ ирландцевъ, стяжавшаго такую громкую извѣстность и страстную любовь народа. Этотъ памятникъ имѣетъ видъ огромной башни въ 160 фут. высоты и сдѣланъ изъ гранитнаго камня.

Климатъ Ирландіи, ея почва и пути сообщенія. — Нищета народа; причина ея бѣдственнаго положенія. — Пршлая судьба ирландцевъ. — Древніе обитатели и памятники, сохранившіеся съ того времени. — Обезземеленіе народа. — Его страданія и нищета. — Религіозныя преслѣдованія. — Митежи. — Уладокъ земледѣлія, промышленности и торговли. — Жестокое отношеніе землевладѣльцевъ къ народу. — Смертельная ненависть ирландцевъ къ англичанамъ. — Бѣлыя парни. — Уступки со стороны Англій. — Положеніе Ирландіи въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. — Болѣзнь картофеля и положеніе страны въ 40-хъ годахъ. — Эмиграція. — Положеніе ирландскаго народа въ настоящее время. — Тайный союзъ феніевъ.

Прочитавъ предъидущіе очерки, читатель, вѣроятно, прежде всего задастъ вопросъ: почему ирландскіе города и мѣстности имѣютъ такой жалкій видъ? Почему народъ этотъ такъ бѣдствуетъ на своей родинѣ? Гдѣ кроется причина этого ужаснаго нищенства? Въ природѣ, окружающей этотъ народъ, или въ дряблости и неспособности самой націи? Ни въ томъ, ни въ другомъ. Рѣдкая страна въ Европѣ поставлена въ такія счастливыя условія, какъ Ирландія. Сами англичане сознаются, что ирландская почва превосходитъ англійскую. Правда, около четверти поверхности страны покрыто скалами, озерами и болотами; другая четверть состоитъ изъ посредственныхъ земель; но за то все остальное, т. е. около половины всего пространства, — земля чрезвычайно тучная и плодородная. Ровный, умѣренный и влажный климатъ Ирландіи способствуетъ хорошей растительности. Луга, покрытые превосходной зеленью, даютъ богатыя пастбища. Здѣшній климатъ еще влажнѣе и умѣреннѣе чѣмъ въ Англій: по крайней мѣрѣ въ трехъ четвертяхъ острова совсѣмъ не извѣстно ни сильныхъ жаровъ, ни чрезмѣрнаго холода. Благодаря теченіямъ океана, идущимъ отъ тропиковъ, юго-западное побережье наслаждается непрерывною весною: тутъ видны мирты на открытомъ воздухѣ, и самое обыкновенное дерево, — такъ называемое, земляничное дерево.

Относительно навигаціи, какъ внутренней, такъ и внѣшней, и сообщенія съ другими странами, Ирландія въ лучшемъ положеніи, чѣмъ какава бы то ни было страна. Внутри — огромныя озера представляютъ большія удобства для перевозки и сбыта про-

изведеній. Шаннонъ, въ половину рѣка, въ половину озеро, пересѣкаетъ почти всю Ирландію съ востока на западъ, на протяженіи 300 верстъ, и прежде всего отличается тѣмъ, что отъ самаго устья онъ судоходенъ вездѣ, кромѣ нѣсколькихъ перерывовъ, которые легко исправить. Она имѣетъ обширный портъ, который можетъ сдѣлаться важнымъ торговымъ пунктомъ. Благодаря желѣзнымъ дорогамъ и каналамъ, рѣка имѣетъ сообщеніе со всѣми частями Ирландіи. На всемъ своемъ теченіи, рѣка проходитъ по странѣ богатой, какъ въ минеральномъ, такъ и въ земледѣльческомъ отношеніи. Тамъ въ изобиліи каменный уголь и богатѣйшая желѣзная руда, здѣсь онъ течетъ по самымъ плодороднымъ землямъ въ Ирландіи. Другія рѣки, также судоходныя, вытекаютъ изъ различныхъ озеръ, идутъ по всѣмъ направленіямъ. Наконецъ Ирландія находится на большой дорогѣ океана, между Европой и Америкой, и лежитъ недалеко отъ богатѣйшихъ угольныхъ копей Англій, что также могло бы имѣть громадное значеніе для страны. Атлантическій океанъ и море со всѣхъ сторонъ вдаются въ берега и создали такимъ образомъ безчисленныя бухты и порты, изъ которыхъ одинъ портъ, именно Коркскій, можетъ приютить всѣ флоты Европы. Поверхность почвы не менѣе способна для сухопутныхъ сообщеній; обыкновенныя и желѣзныя дороги проводятъ здѣсь съ меньшими трудами и издержками, чѣмъ въ Великобританіи.

Природа, какъ видите, не была мачихой для этой страны; столько же сдѣлала она и для народа, одаривъ его большими умственными способностями, живостью, воспримчивостью и понятливостью къ труду. Теперь однако большинство путешественниковъ по Ирландіи много говорятъ о лѣни ирландцевъ, ихъ невоздержности, пьянствѣ, о грязи и нечистотѣ ихъ жилищъ. Все это совершенно справедливо, и ирландецъ является дѣйствительно такимъ на своей родинѣ. Вотъ, что говоритъ одинъ извѣстный американскій писатель, который особенно порицаетъ ирландца за лѣность: «ирландцы самый лѣнивый народъ изъ всѣхъ націй въ мірѣ; но, попавъ въ Америку вслѣдствіе эмиграціи, нищеты, тифа и голода на своей родинѣ, онъ становится у насъ такимъ же трудолюбивымъ, такимъ же хорошимъ гражданиномъ американской республики, какъ и всякій другой, родившійся въ предѣлахъ владѣній этого государства. Праздность ирландскаго народа не его вина. Это видно изъ того, что, разъ ирландцы являются въ Англію или эмигрируютъ въ Соединенные Штаты, они оказываются самымъ работающимъ народомъ въ свѣтѣ. За хорошую плату они работаютъ такъ же хорошо, такъ же достойны довѣрія, спокойны и расположены подчиняться закону, какъ и народъ нашей страны». Съ такой же хорошей стороны отзываются американцы объ ихъ умственныхъ способностяхъ: «ирландцы въ Америкѣ постоянно развиваются, идутъ впередъ, улучшаютъ свое положеніе, и вообще, оставляя свое отечество, они очень много выигрываютъ. Во всѣхъ отрасляхъ жизни они замѣтны здѣсь, — какъ купцы, банкиры, фабриканты, адвокаты, медики, инженеры, архитекторы, изобрѣтатели, литераторы, ученые, артисты, учителя, войны, какъ люди, мудрые въ совѣтѣ и страшные въ битвѣ, какъ государственные мужи».

Ирландія наконецъ, составляетъ часть богатаго, образованнаго государства, которое съ полнымъ правомъ можетъ гордиться тѣмъ, что стоитъ во главѣ цивилизаціи, пользуется полною свободою и что народъ ея никогда не испыталъ рабства, отъ котораго остальные первостепенныя европейскія государства освободились только очень недавно.

Однако не смотря на всѣ эти благопріятныя условія, бѣдность ирландскаго народа уже давно обратилась въ пословицу. Въ большихъ европейскихъ городахъ жертвами нищеты бываетъ извѣстный процентъ рабочаго сословія; тутъ же нищія почти всѣ безъ исключенія. Въ Ирландіи считаютъ четыре большихъ первостепенныхъ города: Дублинъ, Коркъ, Бельфасть и Лимерикъ. Дублинъ, какъ мы видѣли, имѣетъ полное право счи-

таться первымъ городомъ страны; своимъ богатствомъ и постройками онъ обратилъ бы на себя вниманіе не только въ Ирландіи, но и во всякой другой странѣ. Остальные города далеко не имѣютъ такого вида и значенія, какъ Дублинъ, а Лимерикъ, какъ мы видѣли, имѣетъ чрезвычайно жалкій видъ. Въ Ирландіи вообще чрезвычайно мало городовъ, а ея деревни носятъ слѣды страшной нищеты, которая проникаетъ даже и въ предмѣстья большихъ городовъ. Ея удобныя и безопасныя гавани, судоходныя рѣки и озера, которыя должны были бы вносить повсюду жизнь и движеніе, почти совершенно покинуты торговлей. Огромная, красивая рѣка Шаннонъ во многихъ отношеніяхъ превосходитъ Темзу: она между Киллало и Лимерикомъ падаетъ съ высоты ста футовъ на пространство 15-ти миль и обладаетъ такою массою воды, что могла бы дать огромную механическую силу, но въ настоящее время ею почти никто не пользуется и на всемъ ея протяженіи едва встрѣчаются двѣ, три мельницы. А какіе бы могли быть устроены заводы и фабрики при такой рѣкѣ! Часть рѣки съ наибольшою силою течения пропадаетъ даромъ, а въ мѣстахъ болѣе тихаго теченія, она зачастую вмѣсто плодородія приноситъ своими наводненіями лишь одни опустошенія: затопляетъ жатвы, поля, дѣлаетъ окончательно безплодными огромныя пространства земли. Благодаря этимъ условіямъ главной рѣки, ея притоки производятъ подобныя же опустошенія. Тоже случается и съ меньшими потоками, такъ что по близости ихъ, болѣе низменныя земли остаются ежегодно нѣсколько мѣсяцевъ подъ водою. Это только самые ничтожныя примѣры того, какъ пренебрегаютъ въ Ирландіи преимуществами природы.

Какъ на одну изъ главныхъ причинъ застоя и нищеты Ирландіи, кромѣ лѣни и апатіи націи, англичане обыкновенно указываютъ на католическую религію. Они приписываютъ ей расслабляющее вліяніе, а ирландскіе католики, чего дѣйствительно нельзя отрицать, фанатично преданы своей религіи. Такое замѣчаніе имѣетъ у англичанъ нѣкоторое основаніе: католическая религія, въ большей части странъ, гдѣ она исповѣдывалась скорѣе распространяла мракъ и невѣжество, чѣмъ просвѣщеніе и умственное развитіе. Она предоставляла менѣе простора для свободы слова, мысли и чувства, чѣмъ протестантская религія. Наконецъ, въ настоящее время протестантскія націи нынѣшней Европы болѣе образованны и отличаются болѣе положительнымъ и твердымъ характеромъ, чѣмъ націи католическія. Но это далеко не всегда такъ было: теперь отсталыя, Испанія и Италія предупредили однако въ цивилизаціи Голландію, Англію и Германію. Но всѣ путешественники и писатели единогласно утверждаютъ, что внѣ родины ирландцы являются далеко не такими фанатиками. «Пользуясь для самихъ себя религіозною свободою», говоритъ одинъ ученый, «они начинаютъ уважать другія вѣроисповѣданія и охотно устраняются отъ исключительнаго вліянія своего духовенства, которое на родной землѣ они принимаютъ съ такою страстностію».

Въ послѣднее время, когда ирландцамъ дарована полная свобода вѣроисповѣданія, ирландскій католицизмъ даже и въ Ирландіи потерялъ свой острый характеръ.

И такъ, причину нищеты, фанатизма и лѣни ирландцевъ должно искать глубже, именно въ социальныхъ условіяхъ, въ которыя была поставлена Ирландія съ самаго начала своего покоренія англичанами. Семивѣковой гнетъ завоевателей, ихъ жестокіе законы, варварскія предписанія и самое возмутительное преслѣдованіе религіи побѣжденныхъ, — вотъ что въ конецъ разорило ирландцевъ, сдѣлало ихъ лѣнливыми, лживыми и фанатичными.

Безъ сомнѣнія, если бы Ирландія была брошена providѣніемъ на болѣе отдаленную точку и не была бы въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ могучею Англіею, она была бы страной сильной и самостоятельной. «Все несчастіе Ирландіи», говоритъ одинъ ученый, «происходитъ оттого, что, будучи въ близкомъ сосѣдствѣ съ Англіею, она оказалась

слабѣйшею страной, а между тѣмъ она не была ни на столько близка, ни на столько слаба, чтобы Англія безъ сопротивленія могла поглотить ее. Шотландія тоже боролась противъ совершеннаго сліянія своего съ Англіей; но кромѣ того, что между этими двумя народами было сродство по племени и по вѣрѣ, не существовавшее между англичанами и ирландцами, сосѣдство ихъ было такъ непосредственно, неравенство такъ велико, что Шотландія уступила въ самую пору. Ирландія же оставалась побѣжденною, но непокоренною».

Къ тому же англичане по своему характеру были совершенно противоположны ирландцамъ и ни въ чемъ не могли сойтись съ ними: на католическую религію прежде всего они смотрѣли, какъ на религію, несовмѣстную съ свободой, поэтому Ирландію они считали не только своею опасною сосѣдкой и естественнымъ врагомъ, но и смотрѣли на нее съ національною ненавистью и презрѣніемъ.

Ирландцы, въ теченіи семивѣковаго рабства подъ игомъ Англіи, терпѣли постоянныя притѣсненія, испытывали всевозможныя преслѣдованія своей религіи и національности, раззоренія, нищету, голодъ, лишенія, болѣзни и изгнаніе съ родины. Ихъ усилія отстоять себѣ какія-нибудь права и свое имущество, часто добытое тяжелымъ трудомъ всей жизни,—все это навлекало на нихъ жестокія преслѣдованія, насилія и хладнокровное изгнаніе съ родины.

Первоначальные жители страны кельтскаго происхожденія называли Ирландію «Эриномъ», т. е. западною страной. Островъ этотъ отличался своими чудными лугами и травами, поэтому его уже давно называли и до сихъ поръ называютъ «зеленымъ островомъ» «зеленымъ Эриномъ». Но для ирландцевъ всѣ эти названія еще слишкомъ холодны и въ своей поэзіи, гдѣ они прежде всего выражаютъ свою страстную любовь къ родинѣ они называютъ ее «жемчужиной морей», «изумруднымъ островомъ», «роскошнымъ цвѣткомъ вселенной», «красой океана».

Предпринимая разбойничьи набѣги на шотландскіе острова и Валлисъ, гдѣ они захватывали много рабовъ, ирландцы въ свою очередь подвергались частымъ набѣгамъ скоттовъ, датчанъ и норманновъ. Но лѣса и болота зеленого Эрина мѣшали завоевателямъ прочно утвердиться на островѣ. Даже римляне не рѣшались двинуться въ глубь страны для ея покоренія.

Древніе ирландцы занимались скотоводствомъ и вели самую патриархальную жизнь. Они жили въ гористыхъ мѣстностяхъ или около озеръ, въ убогихъ лачужкахъ изъ плетня, обмазаннаго глиною. Въ минуту опасности они бросали свои хижины и уходили въ лѣса. Въ странѣ до настоящаго времени сохранилось много памятниковъ древней Ирландіи. Круглыя башни въ видѣ колоннъ, которыя находятъ здѣсь почти вездѣ, остались со временъ язычества: ихъ, вѣроятно, употребляли для поклоненія огню. Это высокія круглыя зданія, кверху суживающіяся, нерѣдко до 100 фут. вышины. Эти башни, слошныя у своего основанія, на 10 фут. надъ землею представляютъ внутри пустое пространство, къ которому ведетъ узкій входъ. На верхушкѣ такой башни находится четыре маленькихъ оконныхъ отверстія. Подобныхъ зданій насчитываютъ въ Ирландіи въ настоящее время до 118; отъ многихъ изъ нихъ впрочемъ остались только фундаменты; нѣкоторыя сохранились вполне, большая же часть лежитъ въ видѣ развалинъ. Путешествуя по странѣ, можно встрѣтить также много холмовъ, состоящихъ изъ большихъ массъ валуновъ, которые служили, какъ думаютъ ученые, могильными холмами отличившимся начальникамъ племенъ. Холмы эти разнаго рода и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ даже внутренніе ходы и комнаты. Одинъ холмъ, находящійся у оврага Лиссердоулинскаго, въ 40 фут. вышиною и 500 ф. въ окружности, по преданію, былъ жилищемъ одного героя,

воспѣваемаго древнею ирландскою поэзію. Не менѣе извѣстенъ холмъ Нью-Гренжъ близъ Дрогеда, напоминающій холмъ Костюшки въ Краковѣ.

Уже въ началѣ V-го столѣтія въ Ирландію стало проникать христіанство, и этотъ островъ, который уже ранѣе назывался «святымъ», сдѣлался средоточіемъ христіанской жизни и христіанской науки, главнымъ пунктомъ миссіонеровъ.

Ирландскіе набѣги на Валлисъ и морскіе разбои заставили англичанъ серьезно подумать о покореніи острова, сосѣдство котораго было невыгодно для Англіи. Папа Адрианъ IV, англичанинъ по происхожденію, рѣшился покорить островъ английскому королю, вмѣстѣ съ тѣмъ и подчинить его своей верховной власти. Въ 1156 г. своею буллою онъ подарилъ Ирландію Генриху II, королю английскому, и тринадцать лѣтъ спустя англо-норманны предприняли завоеваніе произвольно отданной имъ страны. Замѣчательно, что папа отдавалъ ирландцевъ въ подданство англичанамъ, потому что онъ встрѣчалъ въ Ирландіи сопротивленіе своей власти и находилъ, что народъ ея недостаточно преданъ католической религіи. Кто бы могъ подумать, что эти самыя ирландцы, которыхъ въ то время считали плохими католиками, сдѣлаются впоследствии мучениками католичества, а ревностные католики-англичане, перемѣнивъ религію, будутъ ихъ палачами и гонителями той самой религіи, которую они прежде исповѣдывали.

Завоевать Ирландію считалось дѣломъ легкимъ, но расчетъ оказался невѣрнымъ. Завоеваніе, начавшееся въ 1169 г., кончилось только въ 1603 г., т. е. черезъ четыреста с лишкомъ лѣтъ. Дикость Ирландіи, независимый духъ ея жителей, страстная любовь къ родинѣ и ихъ религіозное одушевленіе, наконецъ собственныя внутреннія и вѣшнія дѣла Англіи, — все мѣшало англичанамъ быстро покорить островъ. Англичане овладѣли восточною частью страны, но въ продолженіи столѣтій не могли подвинуть далѣе своихъ завоеваній.

Однако исторія страданій народа начинается не со времени полнаго покоренія страны, а съ перваго завоеванія, т. е. съ 1169 г. Генрихъ II, начавшій завоеваніе Ирландіи, не могъ покорить и удержать ее безъ своихъ вассаловъ; имъ нужно было платить за службу, а такъ какъ платить было нечѣмъ, то онъ началъ раздавать имъ громадныя земли въ Ирландіи. Между тѣмъ прежде земля въ Ирландіи принадлежала народу, но онъ обязанъ былъ выплачивать своимъ вождямъ извѣстную долю изъ собранной жатвы, — плата эта однако была самая ничтожная и необременительная. Теперь же наступилъ совсѣмъ другой порядокъ вещей: начали постепенно отнимать у жителей ихъ землю и они мало по малу превращались въ простыхъ сѣмщиковъ, или арендаторовъ. Такимъ образомъ ирландцы должны были, это существуетъ и до сихъ поръ, брать клочекъ земли у богатаго землевладѣльца и платить ему за это извѣстную аренду, — поэтому они и стали называться арендаторами, сѣмщиками, или фермерами. Они уже не имѣли теперь ни малѣйшаго права на землю, которую они обрабатывали и съ которой землевладѣлецъ могъ согнать ихъ по своему произволу. За каждый клочекъ земли арендаторамъ приходилось платить теперь тяжелые налоги и повинности. Тѣ, которые не хотѣли подчиниться этому, или находили налоги для себя черезъ чуръ обременительными, бросали родную землю и выселялись, а землевладѣльцы въ такомъ случаѣ тотчасъ старались заселить ее переселенцами изъ Англіи. Обѣднѣніе народа и его ненависть къ завоевателямъ обнаружилась очень скоро.

Бѣдствія и нищета страны усиливались съ каждымъ годомъ также оттого, что тѣ изъ англо-норманновъ, которые получили или приобрѣли земли въ Ирландіи, никогда не оставались въ ней жить; они, въ большинствѣ случаевъ, въ то же время имѣли собственность и въ Англіи и жили въ ней или въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ все, что они приобрѣтали съ ирландскихъ помѣстій, они проѣдали и проматы-

вали въ Англіи, въ Парижѣ или въ другой странѣ, только не въ Ирландіи. Этотъ «абсентеизмъ» (т. е. систематическое отсутствіе) землевладѣльцевъ имѣлъ страшно гибельныя послѣдствія для страны. Зло заключается не только въ томъ, что страна лишается такимъ образомъ пользованія чистымъ доходомъ съ своей земли, что ея богатства не остаются въ ней, а вывозятся изъ нея, но кромѣ того отсутствіе богатыхъ землевладѣльцевъ останавливаетъ прогрессъ и цивилизацію, даетъ заработокъ рабочимъ чужой страны и постепенно оставляетъ своихъ безъ дѣла.

Богатый землевладѣлецъ, который постоянно живетъ въ своемъ помѣстьи, будетъ всѣми силами стараться о проведеніи хорошихъ дорогъ и о правильномъ почтовомъ сообщеніи: получать аккуратно письма, легко сообщаться съ сосѣдями — потребность каждаго маломальски зажиточнаго человѣка. Такимъ образомъ своимъ вліяніемъ и деньгами онъ устраиваетъ хорошія дороги и правильное почтовое сообщеніе. Вслѣдствіе этого окрестная страна мало по малу выходитъ изъ своего уединеннаго положенія и первобытнаго состоянія. Помѣщикъ выписываетъ хорошія земледѣльческія орудія, улучшаетъ породу скота и малу по малу все земледѣльческое положеніе страны совершенно измѣняется. Если помѣщикъ постоянно живетъ въ своемъ имѣніи, ему нужны отъ времени до времени хорошіе ремесленники: столяръ, кузнецъ, портной, плотникъ и т. п. Онъ сначала выписываетъ ихъ къ себѣ, многіе изъ нихъ остаются въ странѣ, и такимъ образомъ распространяется классъ ремесленниковъ и устанавливается новый источникъ заработка для народа. Трудно перечислить всѣ выгоды, проистекающія отъ жительства богатыхъ землевладѣльцевъ въ своихъ помѣстьяхъ, и указать несчастія и бѣдствія, постигающія страну вслѣдствіе ихъ отсутствія. Къ тому же ирландскіе землевладѣльцы, или ландлорды, никогда не живя въ странѣ, не знали нужды народа, не были связаны съ нимъ ни малѣйшею симпатіею.

Не имѣя возможности наблюдать за своими помѣстьями вслѣдствіе своего отсутствія, ландлорды, за извѣстную сумму, сдавали свои имѣнія на долгіе сроки разнымъ спекулянтамъ, которые въ свою очередь передавали ихъ «миддльменамъ», т. е. посредникамъ между землевладѣльцами или спекулянтами и мелкими земледѣльцами. Эти «миддльмены» были настоящими піявицами народа: они только и думали, какъ бы увеличить свои барыши, и одинаково безцеремонно относились и къ несчастнымъ арендаторамъ, и къ землямъ, ничуть не безпокоясь о послѣдствіяхъ. Чтобы еще болѣе увеличить свои доходы, они раздробили землю на самыя маленькіе участки и каждый изъ нихъ отдавали въ наемъ за возвышенную цѣну. Дробленіе дошло до того, что было устроено множество такихъ участковъ, аренда плата которыхъ была не болѣе 40 шиллинговъ. Нечего и говорить о томъ, что одинъ такой участокъ не могъ прокормить и маленькаго ребенка. Ландлорды не заботились ни о чемъ, лишь бы только «миддльмены» аккуратно выплачивали имъ деньги.

Между тѣмъ, при подобной дробности земли, правильное земледѣліе и хорошее хозяйство были невысказаны. Земля истощалась, способности земледѣлія оставались въ первобытномъ видѣ, арендаторы нищали съ каждымъ днемъ, питались однимъ картофелемъ, а между тѣмъ аренда плата каждаго участка поднималась все выше и выше. «Миддльмены» знали очень хорошо, что народъ не имѣлъ другаго средства заработать себѣ кусокъ хлѣба, кромѣ арендованія этихъ жалкихъ участковъ, и смѣло увеличивали ихъ арендную плату.

Гнетъ распространялся на всѣ стороны жизни ирландцевъ. Колонисты изъ Англіи жили по большей части въ ирландскихъ городахъ и занимались торговлей и промышленностью. Англійское правительство скоро дало разныя привилегіи этимъ городскимъ общинамъ; къ тому же эти колонисты образовали разныя муниципальныя корпораціи и

цехи, въ которые ирландцы не имѣли доступа; дѣлали это они съ цѣлью, чтобы упрочить за собой монополію торговли и промышленности. Изъ этихъ англійскихъ колонистовъ составилъ также ирландскій парламентъ, который участвовалъ въ рѣшеніи судьбы этой страны; лица, ставшія во главѣ его, направляли всѣ силы не на то, чтобы усилить благосостояніе Ирландіи, а чтобы постепенно стереть ее съ лица земли. Естественно, что смертельная ненависть къ англичанамъ все сильнѣе и сильнѣе охватывала ирландскую націю. Не разъ возставала она противъ своихъ притѣснителей, и каждое возстаніе англичане подавляли, проливая цѣлые потоки ирландской крови. Послѣдствіями такихъ возстаній были громадныя конфискаціи земли, которую раздавали за разные заслуги богатымъ англичанамъ. Всѣ усилія англійскаго правительства были направлены къ тому, чтобы всю поземельную собственность ирландцевъ отдать въ руки англійскихъ землевладѣльцевъ. Такъ какъ каждое возстаніе въ Ирландіи страшно обогащало богатыхъ и знатныхъ англичанъ, то правительство, хотя и подавляло всякое вспыхнувшее возмущеніе, но охотно допускало его. Кто-то поэтому поводу чрезвычайно мѣтко замѣтилъ: «Возстаніе въ Ирландіи — это гусь, который кладетъ золотыя яйца, а лорды-верховные судьи не такъ глупы, чтобы убить его».

Угнетенія, преслѣдованія и желанія обангличанить ирландцевъ — все усиливались. Англійскій король Эдуардъ III (1327—1377 г.) запрещаетъ браки между англичанами и ирландцами, подѣ страхомъ смертной казни, и дѣйствительно были примѣры, что казнили смертью даже самыхъ высшихъ лицъ изъ англійской аристократіи, вступившихъ въ бракъ съ ирландцами. Всякій, кто носилъ ирландскій костюмъ, кто говорилъ на языкѣ ирландцевъ, придерживался ихъ обычаевъ, носилъ какъ ирландцы усы, назывался ирландскимъ именемъ, — подвергался тюремному заключенію и конфискаціи имущества. Никто изъ англичанъ не имѣлъ права дозволить какому нибудь бѣдному ирландскому семейству пасти скотъ на своихъ земляхъ, — за это также ослушника подвергали строгому взысканію. Запрещено было принимать ирландцевъ на общественную и государственную службу. Мало того: англичанамъ, жившимъ въ странѣ ирландцевъ, запрещено было не только торговать съ ними, но и посѣщать ихъ. Ирландецъ, зашедшій на территорію англійской колоніи, подлежалъ аресту и суду. Наконецъ, каждый «вѣрнопопданный» имѣлъ право убить каждаго ирландца, котораго онъ считалъ завѣдомымъ «воромъ», хотя бы онъ ни разу не поймалъ его на мѣстѣ преступленія.

Къ довершенію неслыханныхъ бѣдствій и страданій народа начинаютъ жестоко преслѣдовать его религію. Англія, перемѣнивъ свою религію, непремѣнно хотѣла заставить Ирландію послѣдовать ея примѣру. Конечно, это желаніе проистекало не столько изъ религіознаго рвенія, сколько изъ корыстныхъ политическихъ и сословныхъ расчетовъ и изъ матеріальныхъ интересовъ, удовлетворять которымъ было такъ удобно подѣ предлогомъ искорененія богопротивной ереси. Предлогъ же не трудно было найти, благодаря фанатизму и постояннымъ мятежамъ ирландцевъ. Какъ бы то ни было, но съ 1535 по 1691 г. религіозная война почти не прерывалась. Всѣ короли и правители Англій въ продолженіи всего этого времени старались превзойти другъ друга въ жестокостяхъ, и одинъ за другимъ опустошали и отнимали земли у ирландскихъ католиковъ. Но ирландцы, чѣмъ болѣе выносили преслѣдованій за свои религіозныя убѣжденія, тѣмъ упорнѣе оставались католиками. Отстаивать свою религію ихъ побуждалъ не только фанатизмъ, но ненависть къ англичанамъ, естественное желаніе противиться всему, чего требуютъ враги и еще болѣе врожденный патріотизмъ ирландцевъ, ихъ страстное желаніе сохранить независимость своей родины и право собственности на землю. Король англійскій Генрихъ VIII (1509—1547) отдалъ католическія церкви англійскому духовен-

ству, заставилъ подвергать строгому наказанію каждаго, кто хотя наружно не исповѣдывалъ англиканской религіи.

Наконецъ, англійская королева Елизавета довершила завоеваніе Ирландіи въ 1603 году. Вотъ, что говорятъ объ Ирландіи того времени: «Страна, прежде богатая, плодородная, весьма населенная, покрытая богатыми пажитями и стадами, — нынѣ сдѣлалась пустынно и бесплодна. Она ничего не производитъ: нѣтъ болѣе жатвы на поляхъ, нѣтъ стадъ на пастбищахъ, нѣтъ птицъ въ воздухѣ, нѣтъ рыбъ въ рѣкѣ, — словомъ точно проклятіе легло на эту страну».

Однако, несмотря на то, что Ирландія была до послѣдней степени истощена и измучена, она не сдѣлалась англиканской; тогда Англія прибѣгла къ другимъ средствамъ: къ конфискаціи земель громадными массами, къ изгнанію католиковъ изъ страны десятками тысячъ и заселенію Ирландіи протестантами.

Усмиряя мятежи ирландцевъ, Елизавета конфисковала 600,000 акровъ въ провинціи Мюнстеръ и раздала ихъ въ собственность своимъ любимцамъ и другимъ лицамъ на различныхъ условіяхъ, изъ которыхъ главное состояло въ томъ, что ни одинъ ирландскій земледѣлецъ или фермеръ никогда не будетъ допускаемъ на эти земли. Прежніе собственники этой земли должны были удалиться теперь въ дикіе лѣса и горы. Здѣсь, отвыкая отъ земледѣлія, они превращались въ охотниковъ, пастуховъ и отчаянныхъ храбрецовъ, которые, постепенно увеличиваясь въ числѣ, дѣлались грозой англійскихъ колоній.

Послѣ Елизаветы на англійскій престолъ вступаетъ Іаковъ I, который продолжаетъ въ Ирландіи политику своей предшественницы; подъ предлогомъ новаго заговора, онъ конфисковалъ въ шести сѣверныхъ графствахъ около 500,000 акровъ земли и роздалъ ее въ собственность англичанамъ и шотландцамъ. Открыто продолжать конфискацію земель онъ находилъ для себя, вѣроятно, неудобнымъ и потому изобрѣлъ новый способъ, посредствомъ котораго онъ сразу лишилъ огромное число ирландцевъ своихъ поземельныхъ участковъ. Съ этою цѣлью онъ потребовалъ у ирландскихъ землевладѣльцевъ ясныхъ доказательствъ ихъ правъ на владѣніе, и при этомъ магійшая неправильность въ формѣ актовъ влекла къ конфискаціямъ. Такимъ образомъ было конфисковано еще 450,000 акровъ. Преемникъ Іакова I, Карлъ I, въ началѣ царствованія продолжалъ ту же систему: лордъ Страфордъ ограбилъ всѣхъ жителей Коннаута, позволяя себѣ самыя безчеловѣчныя поступки противъ присяжныхъ, осмѣлившихся противиться его захватамъ; ихъ подвергли за это ужаснымъ пыткамъ: жгли раскаленнымъ желѣзомъ, прокалывали языки иголками, обрѣзали уши. И все это произошло только потому, что лордъ Страфордъ, желая придать своимъ захватамъ законный видъ, отдалъ дѣло на судъ 12-ти присяжнымъ, предоставивъ имъ рѣшить, принадлежитъ ли земля графства королю Англіи или нѣтъ. Ни подкупъ, ни угрозы — ничто не могло заставить присяжныхъ дать на этотъ вопросъ отвѣтъ, вымогаемый Страфордомъ.

Путемъ этихъ систематическихъ конфискацій, изъ 11 милліоновъ акровъ ирландской земли къ началу XVIII вѣка во владѣніи католиковъ остался только 1 милліонъ акровъ, да и тѣ принадлежали не болѣе, какъ пяти, шести католическимъ фамиліямъ англійскаго происхожденія.

Вмѣстѣ съ этимъ усиливается и религіозныя преслѣдованія католиковъ. Оливеръ Кромвель, имя котораго до сихъ поръ съ ужасомъ произносится ирландцами, опустошилъ весь островъ огнемъ и мечемъ. Дрогэда, Уэксфордъ были взяты, а жители совершенно вырѣзаны. Мало того, 20,000 ирландцевъ были проданы въ рабство въ Америку и всѣмъ оставшимся католикамъ, подъ страхомъ смертной казни, не дозволено нигдѣ жить, кромѣ провинціи Коннаута. Всѣ разоренные, обнищавшіе, гонимые, всѣ считав-

шіе преступленіемъ даже и по наружности измѣнять своей религіи, однимъ словомъ весь отчаянный ирландскій пролетаріатъ съ своими невообразимыми лохмотьями, но съ своей вѣчно страстной любовью къ родинѣ и съ своей пламенной ненавистью къ угнетателямъ, бросились въ Коннаутъ. Коннаутъ въ то время былъ жалкой провинціей, — масса бѣдныхъ, изнуренныхъ ирландцевъ придава этой мѣстности по истинѣ ужасный видъ. Не даромъ съ этихъ поръ вошло въ пословицу: «въ адъ или въ Коннаутъ». Несчастье ирландцевъ увеличилось еще тѣмъ, что имъ совершенно былъ запрещенъ переходъ границы этой провинціи. Каждого ирландца, встрѣченнаго на лѣвомъ берегу рѣки Шаннонъ, бывшей границею, всякій могъ убить совершенно безнаказанно. Но и на этомъ тѣсномъ пространствѣ несчастныхъ не оставили въ покоѣ: англичане нашли нужнымъ и въ этой провинціи утвердить господство протестантовъ. Оставивъ католикамъ деревни, они рѣшили сдѣлать протестантскими города, изъ которыхъ съ страшною жестокостію и были немедленно изгнаны всѣ католики.

Ирландія сдѣлалась такимъ образомъ протестантскою собственностью: протестанты владѣли землей, господствовали въ городскихъ общинахъ, выбирали протестантскихъ депутатовъ въ ирландскій парламентъ и наконецъ протестантско-англиканская церковь, на содержаніе которой давала средства католическая Ирландія, сдѣлалась господствующею. Такое положеніе дѣлъ вызывало постоянные мятежи, при усмиреніи которыхъ тысячами грабили несчастныхъ ирландцевъ-католиковъ. Первый большой мятежъ былъ при Елизаветѣ: четыре ирландскихъ провинціи возстали сначала по одиночкѣ, и каждый разъ ихъ усмиряли въ высшей степени жестоко; потомъ онѣ, поддерживаемыя иностранными католиками, возстали всѣ разомъ, и снова были усмирены, разорены, залиты кровью. Второй великій мятежъ начался въ 1641 г. Ожесточенные и раззоренные ирландцы возстали подъ предводительствомъ О'Нейля и дали клятву не оставить въ странѣ ни одного англичанина. Трудно себѣ представить, сколько было пролито крови съ той и съ другой стороны: тѣ и другіе по отношенію другъ къ другу доходили до самаго возмутительнаго варварства. Ирландцы выгоняли протестантовъ, отнимали все ихъ имущество, самымъ варварскимъ образомъ умерщвляли дѣтей, жгли фермы, убивали скотъ, часто даже не пользуясь имъ. Это была месть со стороны ирландцевъ, взрывъ страшнаго негодованія. Захвативъ плѣнниковъ, они нерѣдко запирали ихъ въ какое нибудь зданіе, поджигали его и въ то время, когда несчастные испускали вопли отчаянія, они радовались ихъ мученіямъ, издѣвались надъ ними самымъ дикимъ образомъ. Многихъ плѣнниковъ топили въ рѣвахъ. Ирландскіе священники поощряли эту бойню. Даже женщины осыпали англичанъ своими проклятіями и обагрjali руки въ крови ихъ. Въ первый годъ мятежа было истреблено около 37,000 англичанъ. Тѣ изъ нихъ, которые избѣгли смерти, бѣжали въ Дублинъ, умирая дорогой съ голоду и разнося повсюду эпидемію, жертвами которой, въ одномъ только Дублинѣ, было наполнено два новыхъ кладбища. Общественное мнѣніе Англіи стало громко требовать совершеннаго истребленія ирландскаго народа. Многие англичане, власть имѣющіе въ Ирландіи, нарочно раздували мятежъ и старались впутать въ него какъ можно болѣе лицъ, чтобы поживиться конфискованными богатствами ирландцевъ. Не на жизнь, а на смерть готовилась война Англіи съ Ирландіей. Англійскій парламентъ торжественно заявилъ, что онъ истребитъ всѣхъ ирландцевъ или совершенно уничтожитъ католическую религію въ Ирландіи. Для того, чтобы исполнить свою угрозу, парламентъ собралъ 50 тысячъ войска и занялъ огромную сумму денегъ, въ обезпеченіе которой впередъ роздалъ заимодавцамъ земли ирландскихъ католиковъ. Война совершалась съ ожесточеніемъ и ненавистью, до сихъ поръ неизвѣстной. Начальникамъ англійской арміи было совершенно открыто предписано «поражать, убивать, истреблять всѣхъ бунтовщиковъ, ихъ соучастниковъ и при-

верженцевъ; сожигать, опустошать, раззорять, грабить, разрушать всё мѣста, города, дома, въ которыхъ мятежники находятъ убѣжище или помощь, истреблять съѣстные припасы, каждаго встрѣченнаго съ оружіемъ въ рукахъ убивать на мѣстѣ». Измученной и совершенно разоренной Ирландіи трудно было защищаться противъ Англіи, и послѣдняя имѣла рѣшительный успѣхъ. Ужасамъ не было конца. Англичане поголовно избивали жителей, оскверняли святые мѣста, превращали въ конюшни и казармы католическія церкви и монастыри, разрывали и грабили даже могилы, умерщвляли жителей, спрятавшихся въ церкви, продавали ирландцевъ въ рабство въ Вестъ-Индію по 20 фунтовъ за душу. Мятежь 1641 г. и его усмиреніе стоили Ирландіи около 600,000 человѣческихъ жизней. Послѣ этого черезъ 40 лѣтъ въ Ирландіи опять вспыхнуло возстаніе. И эти возстанія и мятежи продолжались вплоть до половины XVIII вѣка, когда они потеряли свой преимущественно религіозный характеръ.

Не смотря на то, что во время этихъ мятежей ирландцы гибли тысячами, бѣжали за границу и совершенно разорились, они не вымирали окончательно, а напротивъ все болѣе размножались. Когда англійское правительство увидало, что не можетъ силою оружія истребить ирландцевъ, оно избрѣло законы, которые должны были окончательно подавить Ирландію. Эти законы въ одно и то же время посягали на частную и публичную жизнь ирландцевъ, на ихъ состояніе, на ихъ личность и на ихъ національное достоинство. «Всѣ высшія лица католическаго духовенства должны были навсегда покинуть Ирландію, чтобы католическій культъ палъ самъ собою, какъ скоро вымрутъ всѣ наличные священники. Если кто изъ высшаго католическаго духовенства оставался въ Ирландіи послѣ упомянутаго срока, то подлежалъ тюремному заключенію. Тяжкія наказанія, начиная съ денежныхъ штрафовъ и кончая изгнаніемъ, ожидали каждаго, кто помогалъ этимъ лицамъ или скрывалъ ихъ въ своемъ жилищѣ. Колокольный звонъ и религіозныя процессіи были запрещены безусловно; чудотворныя иконы, кресты, статуи, святые могилы, — все подлежало истребленію, а ходившіе поклониться имъ пилигримы — бичеванію. Всѣ католическія школы были закрыты, учителя изгнаны, и въ случаѣ возвращенія, подвергались смертной казни. Посылать дѣтей за границу для обученія тоже запрещено было ирландцамъ, подъ страхомъ тяжкихъ наказаній. «Каждый чиновникъ имѣлъ право требовать отъ католика, чтобы тотъ представилъ ему своихъ дѣтей, и тѣмъ доказалъ, что они не отосланы за границу. Мировой судья могъ всегда потребовать отъ католика отчета, какъ онъ провелъ день, гдѣ былъ у обѣдни, кто служилъ ее и кто присутствовалъ на ней; если допрашиваемый не отвѣчалъ или отвѣчалъ не вѣрно, то подлежалъ штрафу въ 20 фунтовъ стерлинговъ, или же годичному тюремному заключенію. Католикъ не имѣлъ права ни наследовать своимъ протестантскимъ родственникамъ, ни принимать отъ нихъ подарки, ни быть опекуномъ, какъ своихъ собственныхъ, такъ и чужихъ дѣтей. Ирландскіе католики не имѣли права вступать въ супружество съ лицами другаго исповѣданія. Священникъ повѣнчавшій католика и протестантку, или наоборотъ, подлежалъ смертной казни. Только тотъ католикъ, который переѣхалъ свою религію на протестантскую, могъ сдѣлаться собственникомъ всего родительскаго имущества. Католикъ не могъ быть ни избирателемъ, ни избираемымъ въ члены парламента; онъ не могъ занимать никакихъ государственныхъ и общественныхъ должностей, не могъ быть ни адвокатомъ, ни стряпчимъ, ни присяжнымъ. Не имѣя права быть повелѣннымъ собственникомъ, ирландецъ могъ быть только арендаторомъ земли протестанта, и то не долѣе, какъ на срокъ въ тридцать одинъ годъ и съ платою за землю не менѣе ², валоваго дохода. Щедрая награда ожидала доносчика, который укажетъ правительству католика, арендующаго землю на болѣе выгодныхъ для него условіяхъ».

Если католикамъ оставались нѣкоторыя второстепенныя занятія земледѣліемъ, про-

мышленностью и торговлей, то и тутъ законодатели постарались устроить такъ, чтобы католикъ не могъ обогатиться.

«Эти законы», говоритъ одинъ извѣстный писатель, «самое ловкое и самое сильное орудіе угнетенія, которое когда либо изобрѣталъ развратный гений человѣка, для того, чтобы раззорить, опозорить, унижить до послѣдней степени, окончательно развратить народъ и заглушить въ немъ самые чистые источники человѣческой природы».

Если бы Англія могла поддерживать во всей строгости и безусловно выполнять эти законы, то окончательная гибель ирландскаго народа была бы неизбежна. Но сила этой системы оказалась столько же недействительною, какъ и сила оружія. Невозможно было превратить въ острогъ цѣлую страну, въ арестантовъ цѣлую націю, въ сыщиковъ и неумолимыхъ тюремщиковъ всѣхъ жившихъ въ Ирландіи англичанъ. Законы выполнялись съ неумолимою строгостью во времена смутъ, но затѣмъ энергія протестантовъ ослабѣвала, а католики, посредствомъ интригъ, ваятокъ, угрозъ и пользуясь ослабленіемъ гнета, обходили упомянутые законы, которые вдобавокъ ко всему нерѣдко противорѣчили одинъ другому. Во время этихъ періодическихъ послабленій католики являлись въ роли адвокатовъ, купцовъ, землевладѣльцевъ; возобновлялись монастыри, снова звонили колокола католическихъ церквей, снова устраивались публичныя процессіи и пилигримства, страна наполнялась монахами и монахинями, архіепископы и епископы въ глазахъ правительства дѣлали свое дѣло, толпы дѣтей посѣщали католическія школы, всякій истый ирландецъ имѣлъ на всякій случай достаточный запасъ оружія. Сбравшись съ силами, ирландцы оказывали явное сопротивление англичанамъ; тогда снова наставалъ терроръ: разрушались церкви, изгонялись священники, исполнялись во всей своей строгости уголовные законы, пока опять все это не кончалось новымъ послабленіемъ до какого-нибудь повода къ возобновленію террора. Но ни та, ни другая система управленія не примиряла ирландцевъ съ ихъ властителями. Терроръ только усиливалъ ихъ патріотическій и религиозный фанатизмъ, доводившій ихъ до бѣшеныхъ, отчаянныхъ мятежей, а временемъ послабленій они пользовались для организаціи болѣе правильныхъ возстаній и болѣе систематической борьбы съ англичанами. Уголовные законы, какъ и управленіе силою оружія, достигли только того, что примиреніе ирландцевъ съ англійскимъ владычествомъ сдѣлалось невозможнымъ, а Ирландія обратилась въ язву, ослаблявшую британское государство.

Народъ возмутительно обнищалъ: земледѣліе, торговля, промышленность, все было окончательно убито. Громадное количество земель, принадлежавшихъ крупнымъ собственникамъ, не воздѣлывалось и не приносило пользы ни имъ, ни народу, между тѣмъ какъ крестьяне нищали прежде всего отъ обезземеленія. Крупные собственники нерѣдко бросали огромныя пашни и превращали ихъ въ пастбища и такимъ образомъ земледѣліе мало по малу исчезало изъ страны. Участки дробились все мельче и мельче, сельское хозяйство приходило въ большой упадокъ и миниатюрные участки все возвышались въ цѣнѣ.

Въ XVII вѣкѣ постепенно усиливавшійся вывозъ ирландскаго скота въ Англію былъ главнымъ источникомъ богатства Ирландіи. Но въ 1663 г. вывозъ скота изъ Ирландіи былъ запрещенъ. Владѣльцамъ конныхъ заводовъ тоже было запрещено воспитывать породистыхъ лошадей долѣе пятилѣтняго возраста, а по истеченіи этого срока всякій англичанинъ, заплативъ 5 ф. ст., имѣлъ право отнять лошадь, чего бы она ни стоила своему хозяину.

Ирландскія мануфактуры шерстяныхъ издѣлій были убиты. Вильгельмъ III не постыдился объявить въ парламентѣ, что онъ сдѣлаетъ все, что отъ него будетъ зависѣть, для того, чтобы убить ирландскія шерстяныя фабрики, которыя начинали нѣсколько

развиваться. Такимъ образомъ вывозъ большей части ирландскихъ произведеній, особенно тѣхъ изъ нихъ, которыя могли дѣлать хотя слабую конкуренцію Англїи, былъ запрещенъ.

Торговля была стѣснена еще болѣе: вслѣдствіе правительственныхъ распоряженій иностранные корабли и суда могли приставать къ Ирландіи не иначе, какъ побывавъ прежде въ какой нибудь англійской гавани; точно также и корабли ирландскіе, отправляющіеся въ американскія колонїи. Результатомъ этихъ запрещеній было то, что и въ настоящее время, не смотря на число и удобство ирландскихъ гаваней и на большую свободу, которою они теперь пользуются, вся внѣшняя торговля Ирландіи не превосходить внѣшней торговли какого нибудь второстепеннаго порта Шотландіи.

Въ Ирландіи начали развиваться полотняныя мануфактуры, но лишь только онѣ достигли важнаго значенія, какъ Англїя уничтожила и ихъ, запретивъ вывозъ ирландскихъ полотенъ въ колоніи и обложивъ ввозимыя въ Англїю такими пошлинами, которыя равнялись запрещенію. Точно также постепенно запрещалось вывозить изъ Ирландіи пиво, солодъ, стекло, производство котораго начинало было развиваться. Ирландскій народъ долженъ былъ заниматься исключительно земледѣліемъ безъ земли и пріобрѣтать мануфактурныя произведенія только изъ Англїи.

Только одно ремесло оставлено было за ирландскимъ народомъ безъ конкуренціи, — это ремесло поденщика; но и тутъ англичане сумѣли стѣснить личную свободу ирландца и оскорбить его религиозное чувство: поденщикъ, который отказывался работать въ праздникъ, непризнанный протестантской религіей, подвергался строгому наказанію.

Ирландскіе католики не только были угнетены англійскими законами. Угнетеніе ирландцевъ перешло въ нравы англичанъ и, имѣя въ своихъ рукахъ съ одной стороны огромную власть, признанную законами, съ другой угнетенный народъ, — они безъ стѣсненія пользовались своею силою. Вотъ что говоритъ Артуръ Юнгъ, знаменитый путешественникъ, посѣтившій Ирландію въ концѣ XVIII вѣка. «Въ Ирландіи — землевладелецъ совершенный деспотъ; въ отношеніяхъ съ своими арендаторами онъ не признаетъ другаго правила, кромѣ своего произвола. Нѣтъ приказанія, котораго бы его служитель или земледѣлецъ осмѣлился не исполнить. Онъ требуетъ безпредѣльной покорности, и при малѣйшемъ ослушаніи безбоязненно употребляетъ бичъ или палку. Несчастный, который осмѣлился бы показать хоть признакъ сопротивленія, былъ бы мгновенно уничтоженъ подъ ударами. Такого рода убійства совершаются безъ опасенія суда присяжныхъ. Путешественникъ нерѣдко видитъ на дорогахъ Ирландіи, какъ служители какого нибудь англійскаго джельтмена сталкиваютъ въ ровъ своихъ бѣдныхъ собратьевъ-ирландскихъ крестьянъ только для того, чтобы расчистить дорогу своему господину. Пусть телѣги падаютъ и ломаются... Что за важность! ирландцы безмолвно подымутъ и исправятъ ихъ, а если который нибудь изъ нихъ и возвыситъ свой голосъ, ему отвѣтятъ ударами. Если бѣднякъ осмѣлится подать на джентльмена жалобу, то, вмѣсто того чтобы взыскать съ обвиняемаго, онъ самъ непременно будетъ обвиненъ. Впрочемъ ирландскій бѣднякъ слишкомъ хорошо знаетъ свое положеніе, чтобы заводить дѣло съ богатымъ».

Понятно, что система правленія Ирландіею, ея совершенное разореніе и униженіе все болѣе ожесточали ирландцевъ, развивая въ нихъ смертельную ненависть къ англичанамъ и пороки, неизбежныя при такомъ возмутительномъ гнетѣ. Ирландцы выработали совершенно особую мораль по отношенію къ англичанамъ; обокрасть, ограбить, убить, поджечь — все это преступленія по отношенію къ своему собрату, но величайшее геройство, если только это сдѣлано съ англичаниномъ. Убійство англичанина, сожженіе его фермы, угонъ скота и тому подобныя преступленія постепенно усиливались и въ

XVIII вѣкѣ начали принимать форму систематической, организованной борьбы. Этихъ исполнителей народной мести, которые существуютъ въ Ирландіи и до настоящаго времени, называли, смотря по времени, въ которое они появлялись и сигналу, ими принятому, разными названіями: въ 1760 г. ихъ называли «бѣлыми ребятами», «заступниками» и «уравнителями»; въ 1772 г. они принимаютъ названіе «стальныхъ малыхъ», затѣмъ «молотильщиковъ», потому что оружіемъ ихъ былъ цѣпъ, «чесальщиковъ», потому что они обдирали своихъ жертвъ чесальными инструментами, «лохмотниковъ» и т. п. Шайки эти съ самаго своего появленія обозначали свой путь страшными жестокостями.

«Бѣлые парни» появились въ 1760 г. и назывались такъ потому, что носили поверхъ платья бѣлыя рубашки. Они, говоритъ Артуръ Юнгъ, «рыскаютъ по странѣ, соединенные въ отряды, заставляютъ сельскихъ жителей давать клятву, что не выдадутъ ихъ, наказываютъ лицъ, спекулирующихъ землею или чрезмѣрно возвышающихъ арендную плату, заставляютъ хозяевъ облегчать положеніе работниковъ. Нерѣдко они сожигаютъ жилища и истребляютъ все движимое имущество людей, которые имъ сопротивляются». Организациія общества «бѣлыхъ парней» была раскинута по всей странѣ. Каждый членъ ихъ общества обязывался, подъ страхомъ смертной казни, хранить тайну и безпрекословно исполнять возложенное на него порученіе, хотя бы оно было и уголовнымъ преступленіемъ. Народъ былъ обложенъ налогомъ, который «бѣлые парни» собирали для покупки оружія, веденія процессовъ, найма адвокатовъ, подкупа свидѣтелей и обезпеченія тѣхъ, которые специально занимались ихъ профессією. Если землевладелецъ чрезмѣрно возвышалъ арендную плату, то могъ быть увѣренъ, что черезъ нѣсколько дней на дверяхъ его дома, или другаго какого нибудь зданія будетъ прибито объявленіе въ родѣ слѣдующаго: «симъ вы извѣщаетесь, что мы не будемъ болѣе терпѣть несправедливости, обязывающей насъ платить вамъ аренду, возвышенную вдвое противъ надлежащаго. Кто не приметъ во вниманіе сего заявленія, будетъ наказанъ съ примѣрною строгостію». Если гдѣ нибудь ирландскіе работники получали слишкомъ низкую задѣльную плату, точно также являлся подобный таинственный декретъ: «начиная съ сего дня, ни одинъ рабочій не будетъ работать менѣе, чѣмъ за 10 шиллинговъ въ день. Горе тому, кто согласится работать за меньшую плату». Когда эти предписанія не выполнялись тѣми, къ кому были адресованы, «бѣлые парни», собирались ночью для совѣщанія, назначали наказаніе послушнику и бросали жребій, кому изъ нихъ быть исполнителемъ воли ихъ общества. Тотъ, на кого палъ жребій, долженъ былъ обыкновенно или поджечь домъ эксплуататора, или убить его. Такіе агенты «бѣлыхъ парней» иногда выслѣживали свою жертву въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ и умерщвляли ее самымъ варварскимъ образомъ. «Бѣлые парни» наводили ужасъ на самыхъ знатныхъ и богатыхъ людей страны. Судьи, присяжные, свидѣтели, — всѣ боялись ихъ и въ большинствѣ случаевъ держали ихъ сторону. Едва только начинался какой нибудь процессъ объ одномъ изъ нихъ, какъ ихъ шайка пускала въ ходъ всѣ средства, чтобы помѣшати дѣйствию закона. По обыкновенію являлись тотчасъ прокламаціи: «Того, кто покажетъ противъ «бѣлыхъ парней», ждетъ смерть». При этомъ приложенъ рисунокъ гроба. И они большею частью точно выполняли свои угрозы.

Такъ или въ этомъ родѣ дѣйствовали всѣ эти шайки, хотя клички онѣ носили разныя, и появлялись не только въ XVIII столѣтіи, но и въ самое послѣднее время нынѣшняго столѣтія. Нѣкоторые изъ нихъ убивали не только землевладельцевъ, требующихъ слишкомъ высокой платы за свой участокъ, но и фермера, который соглашался ее платить. «Недавно (въ концѣ шестидесятихъ годовъ) въ Атлонѣ», говоритъ одинъ писатель, «вывѣшено было объявленіе на дверяхъ католической церкви, въ которомъ арендаторы мистера Кука предупреждались, что, если они бу-

дутъ платитъ болѣе 30 шиллинговъ за акръ, то могутъ заказывать себѣ гробы. Поселянинъ Крофордъ убитъ съ женою и ребенкомъ; онъ самъ никому не причинилъ вреда, но отецъ его выселилъ изъ страны нѣсколькихъ арендаторовъ, и этого довольно. Торнтонъ отказалъ одному изъ пастуховъ, и его вскорѣ находятъ зарѣзаннымъ днемъ въ полѣ, гдѣ работали поселяне, и убійца никогда не былъ отысканъ. Мистеръ Дарси Ирвинъ, въ графствѣ Арманакъ, намѣревался сдѣлать нѣкоторыя перемены въ своемъ помѣстьи. Когда это сдѣлалось извѣстно, онъ получилъ слѣдующее письмо: «М. Г., если вы приведете въ исполненіе свой планъ удаленія арендаторовъ, то знайте, что васъ ожидаетъ: гробъ готовъ, ружье заряжено и жребій брошенъ, кому васъ застрѣлить. Это послѣднее предостереженіе. Если вы не хотите отправиться къ чорту, вашему повелителю, то откажитесь отъ вашего плана. Иначе вотъ этимъ (слѣдуетъ рисунокъ ружья) этотъ (рисунокъ человѣка) отправить васъ въ ваше жилище (рисунокъ гроба), — подписавъ одинъ изъ 20,000». Мистеръ Дарси не испугался и, отличаясь большою энергіей, укрѣпилъ свой замокъ и не выходилъ на поля иначе, какъ съ заряженнымъ штуцеромъ или пистолетомъ; но постоянные вызовы и неприятности довели его до такого нервнаго разстройства, что доктора боятся за его жизнь».

Это печальное состояніе Ирландіи, народныя возмущенія, шайки грабителей, наводящія страхъ на всѣхъ жителей, вліяніе публицистовъ Ирландіи и особенно Свифта, который въ своихъ памфлетахъ самыми яркими красками обрисовывалъ бѣдствія Ирландіи и съ демонскою ироніей совѣтывалъ нищимъ ирландцамъ ѣсть своихъ дѣтей, описывая способы приготовленія различныхъ блюдъ изъ дѣтскаго мяса, вліяніе рѣчей О Коннела, этого идола ирландскаго народа и горячаго защитника его правъ, наконецъ вліяніе американской революціи на европейскія мнѣнія и множество другихъ причинъ заставили наконецъ англійскій парламентъ пересмотрѣть и измѣнить уголовные законы Ирландіи. Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ въ 1778 г. Законъ, по которому сынъ, сдѣлавшійся протестантомъ, получалъ право завладѣть всѣмъ имуществомъ своего отца католика, былъ отмѣненъ. Дозволено католикамъ законтрактывать земли на 99 лѣтъ и сдѣланы нѣкоторыя облегченія промышленности и торговлѣ Ирландіи. Католики приобрѣли право адвокатства и другихъ общественныхъ службъ, право имѣть работниковъ, право не соблюдать наружно англиканскихъ обрядовъ, право воспитывать своихъ дѣтей, какъ угодно, и жениться, на комъ угодно, наконецъ право голоса на выборахъ. вмѣстѣ съ восстановленіемъ имущественныхъ и общественныхъ правъ католиковъ, отмѣнили запрещенія, лежавшія на духовенствѣ, учителяхъ и богослуженіи и дозволили носить оружіе. Наконецъ въ 1782 г. Ирландія была объявлена независимымъ королевствомъ, состоящимъ въ федераціи съ Англіею. Въ теченіе четверти столѣтія Ирландія имѣла свой національный независимый парламентъ, но этотъ національный назависимый парламентъ Ирландіи состоялъ на содержаніи у Англіи, всегда имѣвшей за себя большинство, подкупленное пенсіями, должностями, титулами.

Въ это время вспыхнула французская революція; понятно какой сильной отголосокъ должна была она найти въ сердцахъ ирландскаго народа. До того времени Ирландія искала реформы, какъ уступки со стороны Англіи, теперь она стала требовать ее, какъ права. Сначала Англія, желая усмирить народныя страсти Ирландіи и сама невольною увлеченная идеями, брошенными французской революціей, спѣшила сдѣлать уступки, но вида, что онѣ порождаютъ новыя требованія, испуганная попытками Франціи высадить въ Ирландіи войско и въ особенности возстаніемъ ирландцевъ 1798 г., возвратилась къ своей прежней политикѣ и налегла на Ирландію съ жестокостью, напоминающею времена Елизаветы и Кромвеля. Ирландцы отвѣчали англичанамъ тою же монетою: грабили, рѣзали и разоряли протестантовъ.

Уже прежде англійское правительство мечтало объ уничтоженіи ирландскаго парламента и о полномъ присоединеніи Ирландіи къ Англіи; но въ мирное время осуществленіе этого плана было невозможно. Теперь же, когда страна послѣ возстанія 1798 г., была разорена и подавлена, серьезнаго сопротивленія присоединенію не могло быть, и Англія потребовала отъ ирландскаго парламента акта самоотреченія. Сперва отвергнутый съ негодованіемъ, этотъ актъ, вслѣдствіе всевозможныхъ подкуповъ и множества выгодъ, предложенныхъ ирландскимъ собственникамъ, былъ принятъ въ 1800 г. Этотъ-то актъ, вырванный самымъ позорнымъ образомъ, Англія называетъ добровольнымъ соединеніемъ Ирландіи съ Англіею.

Положеніе Ирландіи въ нынѣшнемъ столѣтіи такъ же печально, какъ и въ прошломъ. Въ 1829 г. была объявлена эмансипація католиковъ, но повторяемъ, современная освобожденная Ирландія находится въ большей нищетѣ и униженіи, чѣмъ прежде Ирландія угнетенная. Зло, посѣянное семью вѣками, оставило глубокіе слѣды. Мануфактура и торговля, подавленные вѣковымъ гнетомъ, не могутъ развиваться и въ настоящее время. Лѣса давно уже истреблены въ Ирландіи, но главная причина всѣхъ несчастій, — это то, что народъ до сихъ поръ не имѣетъ земли. Пока ирландецъ не будетъ имѣть собственнаго клочка земли, его положеніе будетъ такое же бѣдственное, какъ и въ то время, когда Ирландія была угнетена и совершенно задавлена Англіею. Къ тому же ирландецъ помнить, что земля, которая нѣкогда принадлежала ему, путемъ частыхъ конфискацій и передачи, перешла въ руки небольшого числа ландлордовъ англійскаго происхожденія. Пока ирландецъ не будетъ владѣть землею, всякій другой порядокъ онъ будетъ считать неправильнымъ и съ ненавистью относиться къ англичанамъ, которые поставили его въ эти условія.

Вотъ какъ описываютъ положеніе Ирландіи въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. «При непоимѣрной конкуренціи наемщиковъ земли, маленькія поля, раздѣленные до одного акра, отдаются крестьянамъ за огромную плату отъ 6 до 14 ф. ст. акръ. Одежда ирландца — жалкія лохмотья. Жилище его хуже палатки кочующаго араба: та далеко свѣтлѣе и чище смрадной лачуги ирландскаго арендатора. Стѣны этой лачуги (если ихъ можно только назвать стѣнами) подперты палками, печи въ ней нѣтъ никакой; всевозможные миазмы наполняютъ такую жалкую хижину.

Усилія полиціи и суда не могутъ усмирить населенія: беззаконныя сборища и гнусныя преступленія продолжаютъ позорить страну. Чернь ходитъ толпами по графствамъ, требуя уменьшенія рентъ и увеличенія заработной платы, угрожая убійствомъ судьямъ и знати, всѣмъ, кто осмѣлился бы имъ не покориться, и возбуждаютъ къ противодѣйствію. Народъ умираетъ отъ дурной пищи и впадаетъ въ болѣзни отъ недостатка одежды во время суровой зимы. Только въ двухъ баронскихъ помѣстьяхъ графства Майо въ половинѣ февраля было до 20,000 человекъ, не имѣвшихъ никакихъ средствъ достать себѣ пищу. На всемъ западномъ берегу Ирландіи — неурожай картофеля, такъ что въ этой части острова насчитываютъ 200,000 человекъ, пострадавшихъ отъ недостатка пищи и средствъ къ добыванію ея. Эта страшная крайность не въ одномъ Майо; она здѣсь проявилась прежде и сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Голодъ свирѣпствуетъ въ графствахъ Гальуэ и Слайго и постепенно захватываетъ и другія части острова»

Бѣдность ирландскаго народа сильно увеличилась съ годами также и потому, что участки, которые арендовалъ крестьянинъ, дѣлались все меньше и меньше. И это понятно: количество вoadѣлываемой земли оставалось почти одно и то же, между тѣмъ народонаселеніе страшно увеличивалось и жило исключительно земледѣльческимъ трудомъ. Естественно, что земля при этомъ должна была дробиться все на болѣе и болѣе мелкіе участки. Въ 1672 г. жителей въ Ирландіи было 1.320,000 человекъ; въ 1792 г. уже болѣе

4-х миллионъ; въ 1834 г. 7.943,000, а въ 1841 г. 8.175,000. Пропорціонально съ этимъ увеличеніемъ народонаселенія и участки дробились все мельче и мельче, а также увеличился и спросъ на нихъ. Несмотря на всю строгость собиранія арендой платы, народъ такъ обнищалъ, что съ него рѣшительно нечего было взять. Чтобы увеличить доходъ ландордовъ съ ихъ земель, былъ изданъ законъ, запрещающій ввозъ иноземнаго хлѣба. Законъ этотъ, поднявъ цѣны на хлѣбъ, увеличилъ доходы собственника, но заставилъ въ тоже время земледѣльца питаться исключительно дешевымъ картофелемъ, а хлѣбъ сѣять только на продажу для уплаты аренды. Хлѣбные законы довели Ирландію до ужаснаго состоянія.

1846 годъ, неурожайный во всей Европѣ, былъ особенно тяжекъ для Ирландіи. Болѣзнь картофеля, уже показывавшаяся съ нѣкотораго времени, въ этомъ году чрезвычайно усилилась и погубила три четверти сбора. Овесъ тоже не уродился. Нужно помнить, что картофель въ это время былъ единственной пищей народа. Можно себѣ представить, какое страшное бѣдствіе ожидало страну въ виду болѣзни картофеля, что случилось и прежде, но не въ такой сильной степени. Такъ какъ картофель и до сихъ поръ представляетъ почти исключительную пищу ирландцевъ и болѣзнь на него является въ странѣ отъ времени до времени, то мы считаемъ необходимымъ сказать объ этомъ явленіи нѣсколько словъ. Вотъ какъ описываетъ очевидецъ это явленіе. «Перваго августа бѣдственнаго 1846 г. я былъ пораженъ страннымъ слухомъ, что всѣ поля картофеля въ округѣ сваяли и что поднимается вонь отъ его гнѣющихъ стеблей. Я немедля поѣхалъ верхомъ на поля. Листья картофеля на многихъ поляхъ, мимо которыхъ я проѣзжалъ, совсѣмъ сваяли, и странный вонючій запахъ, котораго я никогда прежде не чувствовалъ, но который вскорѣ сдѣлался извѣстенъ на многіе годы, какъ отличительный признакъ болѣзни, наполнял атмосферу около каждаго картофельнаго поля.

На слѣдующій день я сдѣлалъ новыя справки и увидѣлъ, что болѣзнь быстро распространялась, и, вырвавъ нѣсколько картофелинъ изъ подъ завявшихъ стеблей, я увидѣлъ, что онѣ заражены гніеніемъ. Картофель быстро чернѣлъ и размякалъ. Въ поляхъ, только-что тронутыхъ болѣзью, особенный вонючій запахъ былъ первымъ признакомъ ея; черезъ день или два листь начиналъ вянуть. Ужасъ охватилъ всю окрестность; арендаторы смотрѣли въ отчаянны другъ на друга, съ сознаниемъ собственной безпомощности и съ мрачнымъ отчаяніемъ въ виду совершеннаго исчезновенія единственной пищи, на которую они могли рассчитывать.

6-го августа я по обыкновенію поѣхалъ верхомъ въ свои горныя поля и, можно себѣ представить мои чувства, когда я, еще прежде нежели увидѣлъ поле, почувствовалъ страшный запахъ, теперь хорошо извѣстный и признанный, какъ приговоръ къ смерти каждаго картофельнаго поля. Чѣмъ далѣе я подвигался, тѣмъ менѣе могъ выносить этотъ странный запахъ, который поднимался съ роскошныхъ полей, разстилавшихся по обѣимъ сторонамъ дороги. Но, что всего оригинальнѣе, это то, что не было замѣтно ни малѣйшей перемѣны въ цвѣтущей зелени листьевъ, ни въ крѣпости стеблей; ничего кромѣ страшнаго запаха; но опытъ предъидущихъ дней сказалъ мнѣ, что все погибло. И дѣйствительно, богатые стебли скоро завали, листья обвалились и сгнили, и болѣзнь дошла до клубней».

Испуганное правительство приняло самыя дѣятельныя мѣры къ доставленію хлѣба и денегъ; но это запоздалое великодушіе не принесло пользы: голодъ былъ повсемѣстный и продолжался нѣсколько лѣтъ. Когда въ 1851 г. произведена была десятилѣтняя народная перепись, вмѣсто увеличенія народонаселенія, какъ это было до сихъ поръ, оказался страшный недочетъ въ одинъ миллионъ человекъ, — такимъ образомъ восьмая часть населенія погибла въ эти года отъ нищеты и голода.

Это ужасное бѣдствіе сдѣлало то, чего не могли сдѣлать цѣлые вѣка войны и кру-
тых мѣръ, — оно побѣдило Ирландію. Когда народъ увидалъ, что онъ теряетъ свою
главную пищу, онъ только тутъ началъ сознавать, что ему нѣтъ мѣста на родинѣ.
Правда, и прежде народъ ирландскій уже переселялся въ Америку, но теперь сотни ты-
сячъ ирландскихъ семействъ начали эмигрировать на чужбину. Съ 1806 до 1851 г.
эмигрировало 4½, милліона; между тѣмъ съ 52-го до 59-го, только въ семь лѣтъ, эми-
грировало 2.041,260 человекъ. Тѣ, которые находятъ работу въ Соединенныхъ Шта-
тахъ, тотчасъ пишутъ своимъ роднымъ, нерѣдко посылаютъ имъ деньги для проѣзда, и
такимъ образомъ эмиграція продолжается. Землевладѣльцы не только не противятся
этому, но даже помогаютъ эмиграціи. Если фермеръ неаккуратно выплачиваетъ имъ
ренту, они стараются согнать его съ участка, а если это невозможно, то даютъ средства
эмигрировать въ Америку. Мы видѣли уже, что съ 1672 по 1841 г. народонаселеніе
Ирландіи постоянно увеличивалось; теперь же вслѣдствіе эмиграціи, голода и болѣзни
оно стало страшно уменьшаться. Въ 1841 г. было 8.175,000 жителей, а въ 1851 г.
жителей было только 6½, милліоновъ; въ 1861 г. 5.798,967 человекъ; въ 1865 г.
5.700,000; въ 1869 г. 5.546,343. Бъ тому же ирландцы переселяются не только въ
Америку: эмиграція въ Англію и Шотландію также достигла въ настоящее время значи-
тельныхъ размѣровъ. Ирландское населеніе Манчестера, Ливерпуля, Глазго и другихъ
большихъ городовъ доходитъ до нѣсколькихъ милліоновъ душъ. При постройкахъ и дру-
гихъ работахъ они представляютъ массу рабочихъ рукъ; точно также и мѣста служако-
въ, исполняющихъ въ домѣ всю черную работу, преимущественно заняты ирландскими дѣ-
вушками. Огромное количество римско-католическихъ священниковъ и капеллѣ во всѣхъ
большихъ городахъ Англіи, и преимущественно въ большихъ мануфактурныхъ центрахъ,
служитъ нагляднымъ доказательствомъ и огромнаго числа этихъ несчастныхъ переселен-
цевъ и ихъ благочестиваго рвенія.

Ирландія и въ настоящую минуту носитъ на себѣ слѣды страшнаго угнетенія. Ея
жители не имѣютъ клочка земли и арендуютъ ее у ландлордовъ. Ирландія и теперь страна
безграничной бѣдности и невѣжества; здѣсь вы безпрестанно можете быть свидѣтелемъ
сцены эмиграціи ирландцевъ съ родины.

Множество народа, прощаясь съ матерями, мужьями, сестрами и братьями, стоитъ
на берегу, съ отчаяніемъ во взорѣ. А тамъ, дальше, около несчастныхъ хижинъ, про-
даютъ все имущество арендаторовъ, чтобъ покрыть долгъ ландлорду за крошечный ку-
сокъ земли, нанимаемый бѣднякомъ. За исключеніемъ небольшого числа ландлордовъ,
масса народа, по прежнему остается въ нищетѣ. Случаи голодной смерти бываютъ по-
стоянно. Тифъ, черная оспа и другія эпидеміи не перестаютъ поражать народъ, вслѣд-
ствіе дурнаго питанія и отвратительныхъ помѣщеній, въ которыхъ люди живутъ вмѣстѣ
со свиньями и другими животными. Въ центральной Ирландіи вездѣ, въ горахъ, селахъ
и вдоль дорогъ вы встрѣчаете разоренныя хижины. Но въ графствѣ Майо вы проѣзжаете
округа, совершенно лишеныя народонаселенія. Это теперь просто пустыня, и не видно
ни людей, ни домашняго скота на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ еще недавно существовали
сотни маленькихъ фермъ. Такъ описываютъ нынѣшнее положеніе Ирландіи даже англій-
скіе корреспонденты. Каждое крестьянское семейство, неимѣющее достаточно земли для
своего содержанія, поддерживаетъ одного или нѣсколькихъ изъ своихъ членовъ посред-
ствомъ милостыни; понятно, что оно съ радостью ухватывается за каждый клочекъ земли,
который можно взять въ аренду, не обращая вниманія не только на неплодородность
почвы, но даже и на то, будетъ ли онъ въ состояніи уплатить ренту. Ренту, на которую
соглашаются эти бѣдняки, они почти никогда не въ состояніи уплачивать; вслѣдствіе этого
они немедленно, какъ только успѣютъ взять клочекъ земли въ аренду, дѣлаются должни-

ками тѣхъ, у кого сняли ее. Въ уплату ренты они отдають всю сумму продуктовъ земли, за исключеніемъ извѣстнаго количества картофеля, необходимаго для ихъ пропитанія; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже наибольшее количество продуктовъ, какое только можетъ дать ихъ земля, или какое, при своей системѣ земледѣлія они могутъ добыть въ самое благопріятное для нихъ время, не можетъ окупить требуемой ренты. Впрочемъ вся сумма аренды рѣдко уплачивается. Крестьянинъ постоянно остается въ долгу своему ландлорду; все его жалкое имущество—лохмотья, которыми прикрыты онъ и его семейство, два или три стула да нѣсколько горшковъ—не могутъ при продажѣ покрыть его вѣчнаго и постоянно возрастающаго долга. Когда выпадаетъ урожайный годъ или когда крестьянину посчастливится добыть что нибудь лишнее, его жизнь все-таки не улучшается, такъ какъ прибрѣтенное должно идти кредитору, у котораго онъ арендуетъ землю; случайно добытая лишняя сумма даетъ ему только возможность заплатить долгъ и избавиться отъ изгнанія съ фермы.

Причина нищеты ирландцевъ не только въ ужасной существующей тамъ системѣ землевладѣнія, а также и въ плачевномъ состояніи мануфактурной промышленности. Фабричная промышленность могла-бы дать заработокъ множеству рабочихъ рукъ и при несчастномъ сельскомъ хозяйствѣ была-бы подспорьемъ сотни тысячъ людей.

Мы уже знаемъ, что шерстяное и полотняное производства существовали въ Ирландіи съ самыхъ давнихъ временъ. Даже въ концѣ XVII столѣтія ирландцы не только имѣли цвѣтущую промышленность, но производили даже многія шерстяныя издѣлія, которыхъ Англія еще не умѣла выработывать. Но эта цвѣтущая ирландская промышленность была такъ подавлена и уничтожена запретительными законами Англіи, что она не можетъ подняться и въ настоящее время. Изъ 2,655 хлопчатобумажныхъ фабрикъ во всей Великобританіи почти съ полмилліономъ рабочихъ (такъ было въ 1874 г.), на долю Ирландіи приходится всего 8 фабрикъ и 3,000 рукъ. Какое сравненіе даже съ Шотландіею, гдѣ одинъ Лэнеркъ имѣетъ 83 фабрики! Изъ 1,800 фабрикъ шерстяныхъ мануфактуръ въ Великобританіи, въ Ирландіи всего 60 фабрикъ такого рода. Многихъ производствъ, напр. металлическихъ, въ Ирландіи совсѣмъ не существуетъ; даже ирландская національная и самая крупная по размѣрамъ мануфактура—полотняная, и та уступаетъ шотландской.

Тоже можно сказать и относительно другихъ занятій и промысловъ. Одну изъ важнѣйшихъ вѣтвей народнаго хозяйства въ Ирландіи составляетъ рыбная ловля. Въ 1846 г. тамъ насчитывали 19,883 рыболовныхъ судовъ, которыя доставляли занятіе 93,073 человѣкамъ; черезъ 20 лѣтъ, т. е. въ 1866 г. уже гораздо болѣе половины ирландскихъ рыболововъ потеряли занятіе. Такимъ образомъ на родинѣ ирландцу предоставлено теперь только одно земледѣліе. Крошечный клочекъ земли, который онъ и можетъ только арендовать, не прокармливалъ его даже и въ то время, когда народъ этотъ имѣлъ возможность засѣвать его преимущественно зерновымъ хлѣбомъ; но теперь система хозяйства во всей Великобританіи совершенно измѣнилась: засѣвъ хлѣба уменьшился и пашни теперь все болѣе замѣняютъ лугами для откармливанія скота и пастбищами для его выгона. Это послѣднее обстоятельство дѣлаетъ и безъ того всегда скудную и въ полномъ смыслѣ нищенскую пищу ирландцевъ совсѣмъ не питательною; по крайней мѣрѣ замѣчено, что количество питательныхъ веществъ съ каждымъ годомъ все болѣе уменьшается въ ихъ пищѣ.

Но не только крайне плохо экономическое положеніе ирландцевъ, но и политическою свободою наравнѣ съ англичанами они скорѣе пользуются въ теоріи, чѣмъ въ дѣйствительности. Прежде всего англійская политика въ Ирландіи держится на покровительствѣ и потворствѣ обангличавшимся высшимъ классамъ, въ ущербъ народнымъ

массамъ. Личность въ Ирландіи вовсе не обезпечена, какъ въ Англіи, отъ полицейскаго произвола. Свобода собраній то и дѣло нарушается вмѣшательствомъ полиціи. То, что можно свободно печатать въ Англіи, въ Ирландіи подвергается строгой карѣ. Ирландцу нужно имѣть особое разрѣшеніе, чтобы владѣть какимъ бы то ни было огнестрѣльнымъ оружіемъ. Правда, Ирландія имѣетъ своихъ представителей въ англійскомъ парламентѣ, но съ какимъ бы единодушіемъ ирландскіе представители ни настаивали на той или другой мѣрѣ для улучшенія положенія Ирландіи, парламентъ никогда не удовлетворитъ ихъ требованіямъ. Каждый годъ вносятъ они проэктъ въ палату общинъ о распространеніи на Ирландію англійскаго избирательнаго права и каждый разъ это остается безъ всякихъ послѣдствій. Никакого вниманія также англійскій парламентъ не обращаетъ на требованіе реформы поземельнаго законодательства. Никакъ не могутъ также ирландскіе представители добиться права имѣть свой вполнѣ національный университетъ и многого другаго...

Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, довели ирландскій народъ до самой возмутительной нищеты, которая съ каждымъ годомъ заставляетъ его все большими массами выселяться съ родины. При этомъ всѣми замѣчено, что не рѣшаются эмигрировать и остаются на родинѣ наиболѣе вялые, тупые, слабые и неэнергичные, а наиболѣе интеллигентные, предприимчивые и дѣятельные навсегда покидаютъ страстно-любимую, несчастную родину, унося въ своемъ сердцѣ самую пламенную ненависть, никогда непримиримую вражду къ своимъ угнетателямъ. Вслѣдствіе этого, какъ прежде, такъ и теперь, рука объ руку съ нищетою, идутъ въ Ирландіи самыя разнообразныя партіи, тайныя общества и союзы, которые очень нерѣдко угрожаютъ даже смертію своимъ врагамъ. Теперь, какъ и прежде, эти угрозы почти всегда приводятъ въ исполненіе. Одна партія желаетъ добиться мѣстнаго самоуправленія, но масса народа въ настоящее время мечтаетъ о полномъ отдѣленіи отъ Англіи. Съ половины прошлаго дѣсятилѣтія Англія преслѣдуетъ тайный союзъ и заговоръ феніевъ. Этотъ союзъ распространенъ въ настоящее время не только въ Ирландіи, но также въ Америкѣ и въ Англіи. Отправляются ли ирландцы въ Америку, оставляя свою родину навсегда или только на время, или идутъ на заработки въ Англію, — все равно, большая часть изъ нихъ поступаетъ въ союзъ феніевъ. Главное стремленіе феніевъ, гдѣ бы они ни находились, на родинѣ или на чужбинѣ, — какъ можно болѣе вредить англичанамъ и сдѣлать «зеленый островъ», эту всегда страстно любимую ирландцемъ «жемчужину морей», самостоятельнымъ государствомъ. Трудно сказать, когда ирландцы болѣе ненавидѣли англичанъ: тогда, когда они были совершенно поработаны, или теперь, когда они всѣ сдѣлались нищими. Они всасываютъ эту ненависть съ молокомъ матери, пылаютъ гнѣвомъ и желаніемъ мести въ дѣтствѣ, слушая рассказы своихъ отцовъ и матерей; обучаясь грамотѣ, они и изъ книжекъ выучиваются ненавидѣть англичанъ. Книги, употребляемыя для первоначальнаго чтенія въ католическихъ школахъ, обыкновенно переполнены рассказами, описывающими тиранію англичанъ въ Ирландіи, Америкѣ и Индустанѣ.

Характеръ, обычаи и примѣтки ирландскаго народа. — Майскіе и іюньскіе праздники.

Характеръ ирландцевъ представляетъ смѣсь различныхъ качествъ, часто противоположныхъ другъ другу, при чемъ дурныя качества развились сильнѣе, вслѣдствіе несчастнаго положенія народа и его угнетенія въ продолженіи многихъ вѣковъ. Страстный, увлекающійся, подвижный, вѣтренный нравъ составляетъ главное основаніе ирландскаго характера, въ которомъ мы находимъ, какъ всѣ достоинства, такъ и недостатки,

соотвѣтствующіе этимъ качествамъ. Ирландецъ одаренъ поэтической натурой, богатой фантазіей, простосердечіемъ и довѣріемъ ко всѣмъ, кто съ нимъ скажетъ доброе слово, разумѣется, кромѣ англичанъ. Онъ готовъ оказать всякому всевозможную услугу, подѣлиться послѣднимъ кускомъ хлѣба, но въ то же время за малѣйшее противорѣчіе, за одно слово, которое ему не нравится, онъ сейчасъ вспылитъ, наговоритъ дерзостей и лѣзетъ въ драку. Несмотря на систематическую ненависть къ англичанамъ, жажду мести по отношенію къ нимъ, онъ по своему характеру вовсе не мстителенъ. Съ человекомъ, съ которымъ онъ только что горячо повздорилъ, онъ съ удовольствіемъ будетъ сидѣть черезъ минуту въ веселой шумной компаніи, которую онъ такъ любитъ, и болтаетъ по прежнему.

Рѣдкій человекъ на столько довольствуется малымъ, какъ ирландецъ: онъ совершенно счастливъ, если у него есть небольшой запасъ картофеля на зиму, глиняная хижина, въ которой онъ живетъ вмѣстѣ съ животными, и лохмотья, которые кое-какъ прикрываютъ его тѣло. Онъ ропщетъ только тогда, когда ему совсѣмъ уже негдѣ преклонить голову, нѣтъ ни лохмотьевъ, ни картофеля. Несмотря на всю свою отвроченность и чистосердечіе, онъ хитеръ съ своими врагами, можетъ принять на себя маску большого простодушія и глупости, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. При всевозможныхъ обстоятельствахъ жизни, куда бы онъ ни былъ брошенъ судьбою, онъ вездѣ выказываетъ понятливость и любознательность; но при недостаткѣ школъ на родинѣ и вслѣдствіе вопіющей нищеты, ирландцы не имѣютъ возможности развивать свой умъ. Поэтому большая часть ихъ невѣжественны и грубы, а ихъ богатая фантазія дѣлаетъ ихъ склонными къ суевѣрію.

Въ западной Ирландіи громадное большинство браковъ справляется въ недѣлю передъ постомъ и особенно въ заговѣнье, день, когда католическіе священники съ трудомъ успѣваютъ исполнять свою обязанность. Вслѣдствіе этого въ первое воскресенье поста существуетъ такой обычай. Дѣвушки потихоньку вымазываютъ мѣломъ кафтаны молодыхъ людей, которые остались холостыми. «Отмѣченные» юноши показываютъ видъ, что они не замѣчаютъ и спокойно расхаживаютъ въ толпѣ. Но между ними вы тотчасъ замѣтите мальчиковъ на возрастѣ, которымъ сдѣланъ такой знакъ и которые цѣлый день ходятъ, не помня себя отъ радости, что и ихъ уже считаютъ женихами.

Въ Ирландіи, какъ и во всей Великобританіи, особенно много праздниковъ и торжествъ выпадаетъ на Май мѣсяцъ. Наканунѣ 1-го Мая и Иванова дня (23 Іюня) во многихъ мѣстностяхъ Ирландіи зажигаютъ костры на небольшомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Когда они уже пылаютъ, народъ перегоняетъ черезъ нихъ свой скотъ. Затѣмъ сами, схвативъ своихъ дѣтей за руки, они перебѣгаютъ и перепрыгиваютъ черезъ огонь.

Въ Дублинѣ и его окрестностяхъ 1-го Мая существуетъ такой обычай: дѣти и юноши въ этотъ день, рано утромъ, отправляются за нѣсколько миль отъ города искать «майскаго куста». Это большею частью бѣлый тернъ, около 4-хъ или 5-ти фут. вышиною. Выкопавъ среди площади или передъ своею хижиною яму, они садятъ въ нее кустъ, и затѣмъ цѣлою гурьбою отправляются изъ дому въ домъ собирать деньги на «майскій кустъ». На собранныя деньги они покупаютъ свѣчи, которыя прикрѣпляютъ къ различнымъ частямъ дерева или куста, какъ мы это дѣлаемъ съ нашими рождественскими елками, и такимъ образомъ, чтобы вѣтки не могли загорѣться. На остальные деньги они покупаютъ груды торфа для большого костра, и если послѣ всѣхъ этихъ расходовъ у нихъ остается еще какая нибудь мелочь, они покупаютъ старую смоляную бочку.

Въ сумерки начинаютъ украшать кустъ и зажигаютъ на немъ свѣчи. За тѣмъ дѣти, прокричавъ три раза «ура», начинаютъ плясать и прыгать вокругъ куста. Черезъ нѣсколько времени зажигаютъ груды торфа и, когда свѣчи окончательно догорятъ, кустъ

вырываютъ изъ земли и бросаютъ его въ пламя. Игры продолжаются кругомъ костра, пока онъ не потухнетъ; затѣмъ всѣ возвращаются по домамъ, чѣмъ и заканчивается праздникъ 1-го Мая.

На большой сѣверной дорогѣ, около двухъ, трехъ миль отъ Дублина, находится деревня, называемая Финглассъ. Здѣсь ставятъ перваго мая высокій шестъ, украшенный гирляндами. Подъ вечеръ народъ съ разныхъ мѣстъ стекается къ этому шесту и танцуетъ вокругъ него подъ звуки самой неприхотливой музыки. По окончаніи танцевъ, лучшаго танцора и танцорку выбираютъ «королемъ» и «королевой», сажаютъ въ кресло и несутъ въ ближайшую гостинницу. Тамъ компанія угощается ветчинной, пуншемъ, виски, элемъ и портеромъ, послѣ чего нерѣдко опять начинаются танцы; затѣмъ всѣ расходятся по домамъ.

ГОЛЛАНДІЯ.

Внѣшній видъ страны: природа и люди.—Внѣтрянныя мельницы.— Ихъ значеніе и польза.—Каналы и ихъ разнообразныя услуги.

Есть въ мірѣ страна, въ которой рѣки текутъ выше головъ ея жителей, гдѣ многочисленные богатые города стоятъ ниже морскаго уровня, гдѣ нивы и луга постоянно служатъ мѣстомъ борьбы человѣка съ силою волнъ, гдѣ рѣки своимъ намывнымъ пескомъ связали цѣлые острова, находившіеся близъ ихъ устьевъ, съ твердою землею и гдѣ наконецъ сила морская оторвала отъ береговъ отдѣльныя возвышенности и образовала изъ нихъ новые острова съ многочисленнымъ населеніемъ. Страна эта называется Голландіею или Нидерландами, т. е. низменною странюю.

Путешественникъ, который пріѣдетъ въ Голландію изъ другихъ странъ Европы, послѣ того, какъ онъ уже осмотрѣлъ множество цвѣтущихъ городовъ, стяжавшихъ себѣ всеобщую славу своимъ блескомъ, торговлею и промышленностью, будетъ пораженъ этимъ уголкомъ міра, гдѣ все—природа, народъ, его нравы, обычаи, одежда, произведенія рукъ человѣка — носятъ на себѣ отпечатокъ въ высшей степени оригинальный. Чѣмъ болѣе вглядываешься въ Голландію и узнаешь ея прошлую судьбу, тѣмъ болѣе изумляешься энергіи, упорной дѣятельности, геркулесовской силѣ этого народа. Съ горстью людей страна эта сумѣла отстоять свою независимость, безъ всякихъ каменоломенъ — создала громадныя города и зданія, почти совершенно обдѣленная глѣсомъ, она уже съ давнихъ временъ имѣла громадныя корабли, ходившіе по всѣмъ морямъ и нѣкогда оспаривавшіе первенство у другихъ морскихъ державъ; несмотря на неплодную почву, въ ея городахъ уже давно образовались богатѣйшіе рынки рогатаго скота и значительнѣйшіе склады хлѣба. Но всего изумительнѣе то, что все, что вы видите въ Голландіи, ея богатая земля, ея роскошные города и замѣчательно опрятныя села, которыя имѣютъ видъ городовъ, обязаны своимъ происхожденіемъ исключительно своему народу; онъ создалъ все это изъ болотъ, отнятыхъ у моря. Ровная и плоская, изрѣзанная заливами и бухтами, со множествомъ внутреннихъ озеръ, омываемая рѣками, которыя развѣтвляются на множество маленькихъ рѣчекъ, — страна эта, какъ это кажется уже съ перваго взгляда, вѣчно была театромъ жестокой борьбы между землею и водою. Голландцы и до сихъ поръ ведутъ со стихіями вѣчную, неустанную борьбу

за свое существованіе. Ихъ колоссальныя шлюзы, каналы, плотины и множество другихъ построекъ защищаютъ ихъ отъ моря и рѣкъ, которыя въ первую минуту оплошности грозятъ тотчасъ ихъ затопить. Эти замѣчательныя голландскія постройки поглотили гораздо болѣе труда, денегъ и человѣческихъ жизней, чѣмъ всѣ пирамиды и вавилонскія башни, взятая вмѣстѣ.

Несмотря однако на то, что человѣкъ борется здѣсь съ незапамятныхъ временъ, мощныя и грозныя силы нидерландской природы и теперь часто преодолеваютъ его, и воды, пренебрегая всѣми человѣческими усиліями и затратами, пролагаютъ себѣ новые пути и погребаютъ людей вмѣстѣ съ земляной глыбой, которую они такъ долго отстаивали. Путешественника по Италіи обыкновенно поражаетъ, какимъ образомъ жители городовъ и селъ, лежащихъ у Этны и Везувія, не обращая никакого вниманія на опаснаго сосѣда, усердно воздѣлываютъ свои сады и поля, живутъ безопасно и весело. Въ Голландіи, по крайней мѣрѣ въ большей части ея мѣстностей, народъ живетъ въ постоянной борьбѣ съ моремъ, выказываетъ не меньшую отвагу и всегда одинаковое присутствіе духа. Океанъ во время бури сильно напираетъ своими волнами, глубоко врѣзывается внутрь страны и дѣйствуетъ несравненно разрушительнѣе и неумолимѣе потоковъ лавы огнедышащихъ горъ. Какъ въ нынѣшній вѣкъ, такъ еще чаще въ прежнія времена, здѣсь нерѣдко затопляло цѣлыя области. Лѣтописи Нидерландской исторіи наполнены наводненіями, страшными бѣдствіями и гибелью цвѣтущихъ и многолюдныхъ городовъ. Во время бурь море съ корнями выворачиваетъ деревья, какъ пыль сметаетъ съ поверхности земли кустарники и растительность, тысячами губитъ людей, сноситъ ихъ жилища, стираетъ съ лица земли многолюдные острова. Богатыя области превращаются послѣ этого въ песчаную отмель или опасное болото. Когда море вгоняетъ внутрь земли совершенно новый, глубокій рукавъ, жители обыкновенно стараются воспользоваться имъ для судоходства; на новыхъ берегахъ возникаютъ торговые города и продолжаютъ существовать, пока рукавъ не высохнетъ.

Въ какой бы мѣстности Голландіи вы ни путешествовали, вы вездѣ будете чувствовать въ воздухѣ легкой запахъ торфа. Голландія—отечество торфа, и въ ней почти всюду, гдѣ больше, гдѣ меньше, подъ слоемъ глины или песку — можно встрѣтить эту черную и смолистую землю, которую жители употребляютъ, какъ топливо.

Въ жаркій, лѣтній день, вы не отдохнете здѣсь подъ тѣнью вѣтвей какого нибудь дерева. За исключеніемъ окрестностей Гарлема, Гаги и еще двухъ, трехъ мѣстностей, гдѣ вы встрѣтите лѣсъ, Нидерланды можно назвать совершенно безлѣсною страню. Если вы путешествуете съ юга Фландріи и подвигаетесь къ сѣверу Голландіи, васъ прежде всего поразитъ постепенное исчезновеніе лѣсовъ. Вблизи Антверпена вы замѣчаете ихъ послѣдніе остатки. Къ сѣверу отъ Шельды вовсе нѣтъ лѣсовъ и вся Зеландія совершенно безлѣсна. Бельгія, въ которой тоже мало лѣсовъ, сравнительно съ безлѣсною Голландіею является лѣсною страню. Главная причина этого — сильныя западные вѣтры, которые приносятъ съ моря много соляныхъ частицъ, разрушительно дѣйствующихъ на растенія. Это прежде всего видно изъ того, что чѣмъ болѣе приближаешься къ берегу, тѣмъ очевиднѣе уменьшается число деревьевъ. Наконецъ ихъ можно встрѣтить только маленькими группами въ деревняхъ, въ садахъ близъ небольшихъ домиковъ, но чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ рѣже вы ихъ встрѣчаете, и наконецъ онѣ совершенно исчезаютъ; тогда начинаются пустыни дювъ, а за ними безконечное воляное пространство.

Посмотрите вокругъ себя: ландшафтъ, который въ большинствѣ случаевъ представляется здѣсь вашему взору, — ровная и плоская мѣстность безъ холмовъ. Васъ вездѣ преслѣдуетъ одна картина — безконечныя зеленые дуга, длинныя каналы и ряды какихъ то

странныхъ стѣнъ у береговъ. Блѣдное небо не ослѣпляетъ здѣсь южнымъ блескомъ: оно обыкновенно совершенно безцвѣтно и не сливается вдали съ туманными очертаніями горъ. На широкой равнинѣ вездѣ стоятъ вѣтряныя мельницы, какъ стражи страны, махающія своими длинными, неуклюжими крыльями. За то, гдѣ бы вы ни стояли, вы на далекое пространство обхватите вашимъ взоромъ разстилающуюся передъ вами картину мѣстной природы. Вотъ тамъ рѣзко выдается церковная колокольня или хлѣбная мельница, и затѣмъ вы не найдете ни одного высокаго пункта: ни горы, ни зеленаго холма, ни крутой тропинки, ведущей на вершину, съ которой вы могли бы полюбоваться хорошимъ видомъ, ни скалъ, ни грохочущихъ и падающихъ водопадовъ, ни ущелій, ни шумящихъ родниковъ. Вы очень много встрѣчаете большихъ и маленькихъ рѣкъ, еще чаще каналы, тамъ и сямъ подернутые водяною растительностью: вамъ кажется, что корабли на нихъ плывутъ точно среди луговъ. Красивые, чистые, маленькіе, большею частью одноэтажные домики чрезвычайно похожи другъ на друга. Чаще всего плоская зеленѣющая равнина усѣяна овцами и коровами. Вездѣ ивы, вода, но стоячая вода въ узкихъ ложахъ, безъ извивовъ, такъ разнообразящихъ всякую мѣстность. На днѣ этихъ длинныхъ, прямыхъ нидерландскихъ каналовъ вы не увидите чистыхъ камешковъ. Здѣсь вода не шумитъ и не журчитъ, не течетъ быстро, а какъ то беззвучно скользитъ; она не говоритъ чувству, не возбуждаетъ фантазіи. На днѣ ея не живутъ нимфы, онѣ не влекутъ къ себѣ въ свои стеклянные дворцы, не засматриваются на юныхъ рыбаковъ. Даже вода здѣшнихъ озеръ представляетъ мутную лужу безъ всякой таинственности. Вода и земля въ Голландіи не такъ отдѣлены другъ отъ друга, какъ у насъ: въ самомъ центрѣ предѣстнаго зеленаго лужка, гдѣ блеститъ сочная трава, выглядываютъ стебли тростника. Вода повсюду, вода вездѣ. Вы видите кругомъ овраги, каналы, рѣки, пруды и озера. Глядя на эту картину, каждый готовъ спросить: да что такое Голландія—суша или вода? Она скорѣе всего представляется необъятнымъ пространствомъ воды—океаномъ, перерѣзаннымъ нѣсколькими полосами твердой земли. Какое наслажденіе лѣтомъ представляетъ эта страна для дѣтей! Они полощутся, скорѣе они живутъ цѣлыми днями въ водѣ,—какія катанья и рыбныя ловли предпринимаютъ они! Зимой эти необъятныя пространства воды покрываются льдомъ, и тогда всѣ, отъ мала до велика, скользятъ на конькахъ по гладкой поверхности. Вотъ летитъ безконечная цѣпь молодыхъ граціозныхъ дѣвушекъ, которыя крѣпко держатъ другъ друга за руки. По замерзшимъ каналамъ на конькахъ скользятъ люди всѣхъ возрастовъ и всѣхъ классовъ общества: взрослые и малые, богатые и бѣдные, высокопоставленные и простые, ремесленники и торговки,—и они бѣгаютъ по льду не только для удовольствія: рабочіе спѣшатъ на фабрики и въ мастерскія, торговки мелочью и молочницы несутъ на головахъ свой товаръ, пасторъ спѣшитъ къ одру умирающаго, докторъ къ своему пациенту, всѣ какъ стрѣла, летятъ на конькахъ по гладкой поверхности. Группы дѣтей съ кожанными ранцами за спиной бѣгутъ на конькахъ въ свои школы. Еще болѣе оживленной и веселой гурьбой скользятъ дѣти во время рекреаций. Послѣ каждаго класснаго колокольчика каналъ покрывается цѣлой толпою учащихся обоого пола. Десятки дѣтей бѣгаютъ на конькахъ, сталкиваются другъ съ другомъ, догоняютъ одинъ другаго. Маленькія дѣти, едва начинающія ходить, тоже бѣгутъ на конькахъ, цѣпляясь за юбки своихъ матерей; крестьянки съ грудными дѣтьми не отстаютъ отъ другихъ, не смотря на то, что за плечами привязаны яркими шальями ихъ крошки съ разжумившимися щечками. По временамъ между скользящими на конькахъ пролетаетъ кресло на полозьяхъ, заваленное подушками и грѣлками, въ которомъ сидитъ дама, богато одѣтая; это кресло подталкиваетъ лакей. А это же что? Да это настоящій корабль мчится на всѣхъ парусахъ. Какъ же онъ мчится по льду? Эти корабли, которые зимою летятъ по всѣмъ большимъ пространствамъ, покры-

тымъ льдомъ, устроены на полозьяхъ и снабжены огромными парусами, нерѣдко большихъ размѣровъ, нежели паруса судовъ, плавающихъ по водѣ. Эти суда управляются рулемъ и кромѣ того для остановки или уменьшенія ихъ хода устроена особая машина. Нѣкоторые изъ этихъ судовъ раззолочены, раскрашены яркими красками и снабжены флагами, которые развѣваются на вершинѣ ихъ мачтъ. Другіе бѣлые какъ снѣгъ, съ такими же бѣлыми парусами, напоминаютъ лебедей, которые плывутъ по теченію. А вотъ и самой разнообразной формы и величины лодки на полозьяхъ. Онѣ подвигаются впередъ съ распущенными знаменами и на всѣхъ парусахъ.

Здѣсь, куда вы ни оглянетесь, на первомъ мѣстѣ—геній человѣка, его терпѣніе и предусмотрительность, а природа послушное орудіе въ его рукахъ. Плотины и запруды, которыя онъ насыпалъ, каналы, которые онъ вырылъ, доказываютъ, что человѣкъ, какъ предусмотрительный школьный учитель, взялъ всю природу подъ свой надзоръ. Вода течетъ по его желанію, гдѣ и какъ это ему понадобилось; деревья онъ насадилъ вдоль дорогъ, и онѣ, какъ солдаты, тянутся рядами; трава растетъ до предписанной ей высоты и садовыя растенія стоятъ однообразно, какъ вымуштрованные школьники; сорныхъ травъ, этихъ свободныхъ дѣтей природы, въ Голландіи почти не существуетъ. Но все это не слѣдуетъ понимать слишкомъ буквально. Въ сѣверныхъ и восточныхъ провинціяхъ тянутся торфяныя болота. Березовыя роши и дикіе пустыри перемежаются съ хорошо обработанными оазисами деревень и неразлучно съ ними степныя пространства съ цвѣтущими травами, распространяющими въ воздухъ чудное благоуханіе, съ сосновыми и дубовыми лѣсами, представляющими прелестные виды среди однообразной и печальной степной плоскости. Тамъ и здѣсь вы встрѣчаете и роши изъ сосенъ и маленькихъ дубовъ, а иногда и пространства, покрытыя верескомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Нидерландовъ найдете и глубокія воды съ извилистыми берегами, кое гдѣ даже водопады въ шесть, семь футовъ высоты. Чаше всего однако взору путешественника представляется картина, которую мы описали выше. Но за то вездѣ и всегда вы встрѣчаете здѣсь замѣчательно чистенькіе, красивые домики, которые привѣтливо выглядываютъ изъ за зелени деревьевъ. Хотя вода здѣсь въ большинствѣ случаевъ не окаймляется извилистыми берегами, она все таки оживляетъ и разнообразитъ мѣстность. Какъ серебряннымъ поясомъ опоясываетъ она богатые луга и заманчиво мелькаетъ черезъ листву ивъ. Голландія похожа на картинку, на прелестно снятую фотографію — такая она чистенькая, аккуратная, красивая. Тѣмъ не менѣе вы чувствуете, что и надъ этой прелестной страной-картинкой паритъ геній торговли и промышленности.

А какой лѣсъ вѣтряныхъ мельницъ! Разсмотримъ ихъ поближе. Изъ земли, нерѣдко на небольшомъ возвышеніи, подымается толстый, обыкновенно безобразный конусъ, сильно съуживающійся къверху. По срединѣ его находится неуклюжая галлерея, наверху круглая безобразная крыша - шапка, точно обрубленная съ одной стороны; здѣсь выдаются крылья, широкая поверхность которыхъ обращена въ разныя стороны. Эти крылья рѣдко бываютъ короче 80-ти футовъ, за то многія длиннѣе 120-ти футовъ. Когда они медленно и тяжело двигаются, то имѣютъ видъ огромнаго паука. Нѣкоторыя изъ этихъ мельницъ похожи на твердо укрѣпленныя башни, другіе поменьше выстроены изъ кирпича или изъ дерева и при этомъ нерѣдко ярко разрисованы золотомъ.

Тамъ, гдѣ почва болѣе разнообразна, главною двигательною силою для подобныхъ построекъ обыкновенно служитъ протечная вода, но здѣсь большею частью вода стоячая и поэтому ихъ двигаетъ вѣтеръ. Эти вѣтряныя черпальныя мельницы вычерпываютъ лишнюю воду и такимъ образомъ высушиваютъ почву. Безъ нихъ многія мѣстности до сихъ поръ были бы покрыты болотами. Вся сѣверная Голландія отъ одного конца до другаго покрыта такими мельницами. Онѣ самой разнообразной формы и величины и ока-

зываютъ странѣ громадныя и весьма разнообразныя услуги. Однѣ изъ нихъ, какъ мы уже говорили, вычерпываютъ огромное количество воды, другія мелютъ хлѣбъ, нѣкоторыя пилятъ дрова, выдавливаютъ масло, растираютъ табачныя листья, дѣлаютъ бумагу, выколачиваютъ пенку, мелютъ кофе и шоколадъ. Чтобы построить мельницу, принаровленную къ большому промышленному предпріятію, необходимъ огромный капиталъ, иногда въ 100 тысячъ рублей на наши деньги и болѣе. Ни одно легкое дыханіе вѣтерка не можетъ ускользнуть отъ нихъ. Ихъ движеніе комически медленное, точно толстая старая голландка дѣлаетъ торжественный скачекъ и все общество подражаетъ ея движенію. Нѣкоторыя впрочемъ вертятся живо и весело, но такихъ меньше.

Художники часто изображаютъ мельницы, но берутъ обыкновенно для своихъ картинъ одинъ родъ ихъ, именно хлѣбныя мельницы. И это не безъ причины: кругомъ ихъ кипитъ дѣятельная голландская жизнь, онѣ построены обыкновенно на болѣе красивыхъ мѣстностяхъ. Въ большихъ хлѣбныхъ мельницахъ нерѣдко мельникъ живетъ съ своею семьею, между тѣмъ какъ черпальныя мельницы—машины безъ всякаго человѣческаго жилья. Къ хлѣбной мельницѣ подходитъ обыкновенно голландскій крестьянинъ съ своимъ осломъ, который непремѣнно навьюченъ мѣшкомъ съ мукою. Мельникъ, весь покрытый бѣлымъ, облокотившись на мѣшокъ, болтаетъ съ собравшимися вокругъ него крестьянами. Вообще около хлѣбной мельницы вы можете наблюдать самыя живописныя сцены голландской жизни. Къ нимъ стекается не только трудовой людъ, но и гуляющіе, такъ какъ хлѣбныя мельницы строятся на самыхъ возвышенныхъ мѣстахъ этой ровной страны.

Еще чаще чѣмъ мельницы вы встрѣчаете въ Голландіи каналы. Голландцы устраиваютъ каналы въ каждомъ уголкѣ, который природа забыла снабдить рѣкою или ручьемъ. Поэтому каналы тянутся во всѣ стороны и перекрещиваютъ страну по всѣмъ направленіямъ. Куда бы вы ни шли — впереди, сзади, направо или налево, передъ вами всегда какой нибудь каналъ. Эти водныя улицы идутъ отъ города въ городъ, проходятъ почти мимо всякой деревни, даже отъ одной дачи къ другой. Каждый городъ, каждое мѣстечко соединяется съ своими окрестностями цѣлою сѣтью каналовъ. Они служатъ не только путями сообщенія, но и стокомъ лишней воды, оградой для полей, луговъ и садовъ; даже дома часто окружены этими водяными улицами. Какъ въ другихъ странахъ имущество защищаютъ изгородями, заборами, стѣнами, здѣсь его охраняютъ каналами. Голландія—страна каналовъ; въ ней ихъ не только болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, но они здѣсь больше и шире, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ. Въ каналахъ другихъ странъ едва могутъ развѣхаться два корабля, здѣсь же нѣкоторыя изъ нихъ шириною въ 60 футовъ и въ 6 футовъ глубины. Тѣ каналы, которые впадаютъ въ море, снабжены огромными шлюзами, защищающими ихъ отъ вторженія морскихъ волнъ во время прилива. Большая часть каналовъ лежитъ выше прилегающихъ къ нимъ полей и луговъ. Гуляя поднимите голову вверхъ и вы часто не только не увидите воды въ каналѣ, но даже кораблей на нихъ; развѣваются только бѣлые, красные паруса, которые точно разгуливаютъ по лугамъ и полямъ. Чудо Голландіи—«Сѣверо-Голландскій каналъ», который шириною можетъ поспорить съ любую рѣкою; онъ считается самымъ большимъ не только въ Голландіи, но и во всей Европѣ.

Вѣчная борьба голландцевъ съ природою. — Наводненія и несчастія.

У истоковъ трехъ большихъ рѣкъ: Рейна, Мааса и Шельды—расположена страна, называемая Голландіею или Нидерландами. Большая часть этой области—продуктъ напосовъ этихъ рѣкъ. Голландія защищена отъ прибоа морскихъ волнъ искусственно и сдѣ-

лалась годною для обитанія только благодаря неусыпному труду человѣка. Вода служила началомъ существованія страны и отъ воды же она испытала, и теперь еще нерѣдко испытываетъ, множество перемѣнъ, которыя нерѣдко придаютъ совершенно другой характеръ ея мѣстностямъ.

Мы уже упоминали о томъ, что лѣтописи Нидерландъ переполнены описаніями наводненій и несчастій, которыя слѣдовали за ними. Даже въ нашемъ столѣтіи уже было три наводненія въ Голландіи, которыя произвели страшныя опустошенія въ этой странѣ. Первое было въ 1809 г., второе въ 1820, а третье въ 1855 г. Вотъ какъ описываютъ послѣднее изъ этихъ наводненій. Зима въ этомъ году стояла очень холодная; Рейнъ замерзъ. Весна началась внезапно, ледъ сталъ сразу таять въ верховьяхъ Рейна и Мааса, между тѣмъ какъ устья этихъ рѣкъ были еще скованы льдомъ. Когда ледъ вазомало на верховьяхъ, теченіе повнесло его со всею силою къ Нидерландамъ, гдѣ рѣки еще были покрыты льдомъ. Столкновение произошло ужасное: ледяныя глыбы надвигались другъ на друга, громоздились и съ каждымъ мгновеніемъ готовы были рухнуть. Вдругъ ледъ съ трескомъ и стономъ разсѣлся; вода, подавляемая тяжелыми льдинами, усиленная напоромъ съ верховьевъ, — не знаетъ болѣе границъ. Рѣка реветъ, льдины сталкиваются, трещатъ, падаютъ и опять встаютъ; вода растетъ съ каждой минутой и наконецъ съ необыкновенной быстротой и силой хлынула изъ своихъ береговъ. Это была страшная минута. Самыя прочныя и высокія плотины были опрокинуты, какъ карточные домики, вся страна потонула въ водѣ; это былъ уже не разливъ могучей рѣки, а настоящій потопъ. Льдины бѣшено мечутся, сталкиваются, опрокидываютъ и уничтожаютъ все, что встрѣчаютъ на пути. Огромные дубы поломаны и съ трескомъ падаютъ въ воду, которая все подымается, все прибываетъ. Со всѣхъ сторонъ волны ревуть, какъ стада голодныхъ волковъ. Четверть провинцій Гельдерна и Утрехта уже потонула въ водахъ Рейна; часть сѣвернаго Брабанта исчезла въ водахъ Мааса. Нѣтъ болѣе красивыхъ рошъ, зеленыхъ луговъ, отлично воздѣланныхъ голландскихъ нивъ: все погибло, все потонуло, что было ниже уровня этихъ двухъ рѣкъ. Во многихъ мѣстахъ вода стоитъ надъ крышами домовъ; легкія лодки борются съ волнами посреди плавающихъ и сталкивающихся льдинъ. Всѣ плотины, всѣ мосты снесены. Унылый звонъ набата раздается въ воздухѣ; одинъ пушечный выстрѣлъ слѣдуетъ за другимъ. Народъ съ плачемъ и отчаяніемъ мечется во всѣ стороны. Съ наступленіемъ ночи ужасъ жителей увеличивается съ каждой минутой; а врагъ все идетъ впередъ—мрачный, грозный, свирѣпый. Жители бѣгутъ, куда попало: прячутся въ церквахъ и мельницахъ, построенныхъ на возвышенностяхъ, взираются на холмы и съ крикомъ отчаянія слѣдятъ за гибелью своихъ домовъ, гдѣ у нихъ остались жены и дѣти. Посреди пѣны разъяренныхъ волнъ и блестящихъ льдинъ мелькаютъ то здѣсь, то тамъ крыши домовъ, столы, стулья, тѣла потонувшихъ людей и животныхъ.

Наводненія прежнихъ временъ, когда искусство голландца защищать себя не было еще доведено до такого совершенства, имѣли гораздо болѣе несчастныя послѣдствія. Въ 1421 году море затопило плодороднѣйшую и населеннѣйшую полосу земли между южною Голландіею и сѣвернымъ Брабантомъ; при этомъ погибло 62 цвѣтущихъ деревни и 100 тысячъ жителей. Теперь на этомъ мѣстѣ находится необозримая, болотистая, состоящая болѣе чѣмъ изъ сотни островковъ страна, называемая «Бисбошъ», т. е. ситниковый лѣсъ. Въ настоящее время голландцы все суживаютъ это пространство, съ каждымъ годомъ отрываютъ у царства воды по клочку земли. Но до сихъ поръ еще 22 деревни и 2 монастыря съ своими церквами, кровли которыхъ еще виднѣются во время отлива, ждуть своего освобожденія изъ темной пучины. Если море постоянно старается расширить свое царство, то и люди съ своей стороны принимаютъ всѣ мѣры, чтобы ограни-

чить его владѣнія. Вслѣдствіе этого приморскіе округа значительно измѣнили свой видъ. Такъ напр. Брюгге до XII столѣтія былъ морскою гаванью и окрестности его были болотами; теперь океанъ далеко отбѣжалъ отъ этого города.

Кромѣ естественныхъ наводненій, которыя повторялись черезъ каждыя 10, 15 лѣтъ, еще происходили наводненія, сдѣланныя нарочно, съ военными цѣлями, чтобъ защитить страну отъ чужеземнаго вторженія. Такія наводненія продолжались очень долго и причиняли вредъ еще болѣе чувствительный, чѣмъ опустошеніе, причиняемое естественнымъ наводненіемъ.

Тяжелый опытъ заставилъ нидерландцевъ уже давно усердно заняться улучшеніемъ своихъ плотинъ. Несмотря однако на всѣ усовершенствованія, случалось, что неумолимая стихія вновь являлась во всеоружіи своей силы: такъ было въ 1682 году. Тогда сломаны были самыя крѣпкія плотины, погибли цѣлыя деревни и было найдено до 6 тысячъ труповъ. Отъ наводненія 1717 года сильно пострадала Фрисландія, Гронингенъ и Оверъ-Иссель: оно погубило 12 тысячъ человѣкъ, 16 тысячъ лошадей, 30 тысячъ овецъ, 50 тысячъ рогатаго скота и безчисленное множество болѣе мелкихъ животныхъ. Наводненіе въ 1739 и 1740 годахъ покрыли въ провинціяхъ Голландіи и Гельдернѣ 165,550 моргеновъ земли (моргенъ—около четверти нашей десятины). Съ тѣхъ поръ, какъ астрономы могутъ точно опредѣлять наступленіе прилива и отлива и среднюю высоту моря страхъ передъ моремъ сталъ постепенно все болѣе исчезать. Къ тому же бдительный надзоръ за плотинами оказался лучшимъ средствомъ противъ наводненій. Но когда происходятъ какія нибудь особенно неблагоприятныя явленія природы, тогда всякая наука уступаетъ силѣ разъяренной стихіи. Въ февралѣ 1825 года опасный сѣверо-западный вѣтеръ такъ взволновалъ море, что его волны съ ревомъ перебрасывались черезъ плотины. На этотъ разъ море застало жителей ночью, въ кроватяхъ, и воды такъ быстро разошлись по Зеландіи, что не только жители не успѣли спастись, но даже зайцы и другія животныя потонули тысячами. Провинціи: Голландія, Оверъ-Иссель, Зеландія и Фрисландія—страшно пострадали. Плотины—эта единственная надежда приведенныхъ въ отчаяніе жителей—были разрушены. Семь тысячъ домовъ стояли подъ водою, множество людей потонуло.

Море, кажется, никогда не можетъ забыть, что Нидерланды нѣкогда произошли изъ ея пучины, и потому никогда не отказывается отъ попытки вновь завоевать эту страну. Для этого пригодны всѣ средства: не только рѣки, но даже медленный Рейнъ дѣлается страшнымъ союзникомъ. Окончательно губить страну еще помогаетъ морю вода, которая нерѣдко подымается на воздухъ на довольно большую высоту, чтобы оттуда сразу низвергнуться на несчастныхъ жителей. Такъ въ 1839 году надъ Брабантомъ разразился огромный водяной смерчъ, разрушилъ 22 зданія, потопилъ 74 человѣка. Послѣ этого 12 лѣтъ продолжалось обманчивое спокойствіе, когда въ концѣ 1849 года одинъ англійскій астрономъ предсказалъ на 28-е и 29-е декабря чрезвычайно высокій приливъ. Чтобы не быть захваченнымъ въ расплохъ, были приняты всевозможныя предосторожности, но астрономъ нѣсколько обсчитался: наводненіе, котораго ожидали съ 28-го на 29-е—наступило 27-го. Это было страшное наводненіе: приливъ былъ не одинъ, но, что совершенно непримѣрно, произошло 6 приливовъ одинъ за другимъ. Однако вредъ, благодаря принятымъ мѣрамъ, былъ не очень значительный. Жители стали надеяться на благоприятный исходъ, какъ въ одну изъ ночей пошелъ сильный снѣгъ, который накопился въ огромныхъ количествахъ на Шварцвальдѣ и Арденнахъ. «Что будетъ съ нами», спрашивали другъ у друга жители, «если внезапная оттепель сразу растопитъ этотъ снѣгъ?» Несчастіе превзошло всѣ ожиданія. Сильные дожди содѣйствовали внезапной оттепели, и отъ растаявшихъ сразу массъ снѣга вода въ ручьяхъ и рѣкахъ

переполнилась и вышла из береговъ. Рейнъ и Маасъ излили на страну огромное количество воды. Наводненіе было такъ велико, что обширныя мѣстности были сплошь затоплены, и среди неизмѣримо громадной грязной равнины водъ видѣлись только дымовыя трубы и верхушки деревьевъ. Народу погибло не много, но многія тысячи людей лишились всего своего имущества.

Споръ между водою и землею еще не кончился и теперь. Не наступитъ ли вновь когда нибудь день, когда океанъ поглотитъ Голландію? Можно надѣяться, что прогрессъ и цивилизація будутъ ея надежными руководителями въ будущемъ, увеличатъ и улучшатъ средства самозащиты страны, но положительно отвѣтить на этотъ вопросъ ни кто не можетъ. Жители Голландіи не разъ видѣли, какъ почва исчезала у нихъ изъ подъ ногъ, какъ зіяли морскія пучины тамъ, гдѣ еще недавно зеленѣли ихъ луга, цвѣли ихъ нивы. Взглянемъ на берега Зюдерзее... Какъ прекрасны они лѣтомъ, какъ покойны! Между тѣмъ это необозримое водяное поле было нѣкогда землею, которая была сплошь покрыта богатыми деревьями и городами.

Первые обитатели Голландіи: батавы и фризы.—Плотины, шлюзы и дюны.—Ихъ значеніе въ странѣ.

Жители Голландіи состоятъ изъ смѣси весьма различныхъ народовъ. Первоначальные обитатели — батавы и фризы — германскаго происхожденія. Батавы были храбрѣйшими изъ германцевъ: крѣпкіе, сильные и чрезвычайно воинственные. Въ теченіи вѣковъ къ нимъ присоединились переселенцы изъ всѣхъ странъ Европы, особенно изъ Франціи, откуда многіе бѣжали во время религіозныхъ преслѣдованій и находили для себя въ Голландіи убѣжище и защиту. Что же нашли въ Нидерландахъ ея первые жители? Несчастную болотистую почву, которая къ тому же постоянно подвергалась наводненіямъ: если море не заливало ее, то она тонула подъ слоемъ ила и песку.

Во всѣхъ странахъ Европы, исключая Нидерландовъ, жители имѣютъ по крайней мѣрѣ подъ ногами твердую почву: ихъ дворцы и хижины стоятъ на прочномъ основаніи. Совсѣмъ другое мы видимъ въ Голландіи, провинціи которой большею частію лежатъ ниже уровня моря и гдѣ волны Нѣмецкаго моря затопили бы жителей, если бы ихъ умъ и трудолюбіе не поставили этому преграды. Въ этой странѣ почва ускользаетъ изъ подъ домовъ, и голландецъ принужденъ посредствомъ вбитыхъ свай дѣлать искусственный фундаментъ. Всѣ постройки цивилизованнаго міра, всѣ монументальныя сооруженія старины, — что онѣ въ сравненіи съ шлюзами Катвика или Гельдерскою плотиною? Пирамиды Египта — памятники деспотизма и рабства, водяныя же постройки голландцевъ громко говорятъ объ искусствѣ, настойчивомъ терпѣніи и энергіи свободнаго народа.

Характеръ жителей Нидерландовъ окрѣпъ въ постоянной борьбѣ со стихіями. Постепенно, шагъ за шагомъ они отнимали свою почву у воды. Такимъ образомъ жители Голландіи сами создали свое теперешнее отечество, — безъ нихъ оно бы не существовало. Трудно себѣ представить, какія средства употребляли эти труженики, чтобы заставить море и рѣки оставаться въ назначенныхъ имъ границахъ, какихъ усилій стоило имъ построить города на сыпучихъ пескахъ, превратить древнюю Голландію — эту безобразную смѣсь воды съ землею — въ прекраснѣйшую и плодороднѣйшую землю на свѣтѣ.

Первые жители Нидерландовъ кое-какъ устроили себѣ среди болотъ холмы и поселились на нихъ; но и тутъ они были не въ безопасности: то рѣки, то море безпрестанно беспокоили ихъ, уничтожая постоянно первые попытки земледѣлія. Жители скоро поняли, что для того, чтобы наслаждаться покоемъ, имъ необходимо указать рѣкамъ границы, а это требовало сооруженія плотинъ.

Устройство плотинъ для ограниченія рѣчныхъ разливовъ было извѣстно въ глубокой древности; но что касается до морскихъ плотинъ, устраиваемыхъ съ цѣлью положить предѣлъ морскимъ наводненіямъ или освободить землю изъ подъ морскихъ водъ, то мы не знаемъ, чтобы подобнаго рода работы, въ размѣрахъ сколько нибудь значительныхъ, были гдѣ либо предприняты ранѣе, чѣмъ въ Нидерландахъ. Полагаютъ, что устройство плотинъ для огражденія отъ затопленія побережныхъ островковъ и для ограниченія разлива пресныхъ водъ началось въ Нидерландахъ уже въ 8-мъ или 9-мъ столѣтіи, но сооруженіе большихъ морскихъ плотинъ не восходитъ далѣе 13-го столѣтія.

По вычисленію разныхъ ученыхъ, вслѣдствіе устройства плотинъ и осушенія мелкихъ бухтъ и озеръ, нидерландское земледѣліе пріобрѣло 877,240 акровъ земли, что равняется почти десятой части всего нидерландскаго королевства.

Нерѣдко случалось однако, что море мѣстами прорывало плотины или, лучше сказать, пробивало въ ней брешь и вновь затопляло пространства, на осушеніе которыхъ были затрачены громадныя деньги. Нерѣдко затопленные пространства снова освобождались изъ подъ водъ посредствомъ выкачиванія и поправки плотинъ, но иногда онѣ навсегда гибли для земледѣлія.

Сооруженіе плотинъ требуетъ громадныхъ капиталовъ и затраты времени; но голландцы ничего не жалѣютъ: множество тяжелыхъ испытаній дали народу возможность ясно понять, что безъ этихъ искусственныхъ сооруженийъ Голландія навсегда осталась бы необитаемою странюю.

Голландскія плотины устроены очень разнообразно, смотря по характеру препятствій, которыя имъ придется преодолѣвать. Въ большинствѣ случаевъ онѣ состоятъ изъ простыхъ насыпей земли, песку и глины, служащей при этомъ отличнымъ цементомъ; нерѣдко онѣ состоятъ изъ насыпей, укрѣпленныхъ сваями и каменными стѣнами. При этомъ прежде всего стараются, чтобы плотина была построена на прочномъ фундаментѣ, и потому землю, которая находится подъ ними, крѣпко утрамбовываютъ. Считаютъ также не менѣе необходимымъ, чтобы плотины были достаточно широки и высоки, чтобы не допускать наводненія во время прилива. Впрочемъ высота и толщина плотинъ мѣняется, смотря по высотѣ охраняемаго мѣста, по направленію господствующихъ вѣтровъ и по другимъ мѣстнымъ соображеніямъ: большею частью ихъ дѣлаютъ отъ 15 до 20 футовъ выше уровня воды во время прилива. На откосахъ рѣчныхъ плотинъ разводять ивнякъ или другія растенія; ихъ также всегда скрѣпляютъ камнемъ или фашинами. Нерѣдко плотины устраиваютъ на сваяхъ, которыя глубоко вколачиваютъ въ морское дно. Вдоль Фрисландскаго берега, гдѣ нѣтъ дювъ, на пространствѣ 150 миль вколочены тройной рядъ свай изъ сосны. Сваи соединены одна съ другой толстыми поперечными перекладинами и закрѣплены желѣзными скобами. Промежутки между сваями наполнены камнями. За этими сваями устроена земляная насыпь, подошва которой выложена камнемъ. Большая Гельдерская плотина идетъ на 5 миль въ длину. Самый сильный приливъ не достигаетъ ея вершины, подошва же ея всегда омывается волнами, даже при самомъ сильномъ отливѣ. На нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго устроены громадныя быки, которыхъ высота и ширина пропорціональны высотѣ и ширинѣ плотинъ. Эти быки даже прочнѣе построены, чѣмъ плотина, и вдаются въ море на нѣсколько сотъ футовъ.

Можно себѣ представить, какіе капиталы приходится затрачивать на эти плотины голландцамъ, которые не имѣютъ ни лѣсовъ, ни каменоломень. Весь гигантскій искусственный берегъ Гельдерской плотины состоитъ изъ норвежскаго гранита, лѣсъ же привозятъ изъ Швеціи и Германіи. Кромѣ того плотины требуютъ постоянной починки; сваи приходится пережѣвывать лѣтъ черезъ 5, 6, а плетень каждые 3, 4 года. Вы встрѣтите

въ Голландіи очень много ивъ: ихъ нарочно разводятъ на большихъ пространствахъ, для починки плетня плотинъ. Большая часть провинціи Зеландіи защищена плотинами и одна починка ихъ въ счастливые годы, т. е. когда не случается большихъ наводненій, обходится ежегодно болѣе милліона гульденовъ. Что же онѣ обходятся странѣ въ годы наводненій? Между тѣмъ наводненія здѣсь очень часты. Гербъ этой провинціи лучше всего изображаетъ опасное и низменное положеніе земли; на немъ изображенъ плывущій левъ съ девизомъ: «я борюсь и остаюсь на поверхности».

Цѣлая армія инженеровъ занята въ Голландіи только надзоромъ за состояніемъ водъ и предупрежденіемъ прорыва плотинъ. Чтобы вполне понять опасность, которою Голландіи постоянно угрожаетъ океанъ, пройдите въдоль основанія морской плотины. Вы услышите надъ своею головою шумный прибой волнъ, которыя одна за другой, не переставая, насквакиваютъ на плотину, разбиваются и снова на нее набѣгаютъ.

Когда бури морскія собираются взять приступомъ плотины, вся страна ополчается на ихъ защиту. При первомъ признакѣ опасности, набатные колокола гудятъ на всѣхъ башняхъ, безпрестанно раздаются выстрѣлы изъ пушекъ и тогда всѣ бѣгутъ изъ городовъ и деревень къ наиболее угрожаемому мѣсту съ лопатами и заступами, паклею и тряпками. Боязливо слѣдятъ сбѣжавшіеся за движеніями бушующаго и пѣнящагося моря. Какъ только появляется свѣжина въ плотинѣ, ее тотчасъ забиваютъ паклею, тряпками, соломой и глиной. Если вода размываетъ и это, то за трещиной дѣлаютъ полукругомъ другую земляную насыпь, чтобы вода, прорвавшая плотину, нашла себѣ новое препятствіе. Но не всегда удается задержать воду: она нерѣдко размываетъ какъ песокъ всякія преграды и въ минуту уничтожаетъ цѣлыя деревни и города.

Для охраненія отъ наводненій, кромѣ плотинъ, служатъ и шлюзы. Національная архитектура голландцевъ—гидравлическія постройки—достигли у нихъ большаго совершенства, чѣмъ гдѣ бы то ни было. При этомъ голландцы забываютъ объ изяществѣ формъ этихъ сооружений, а думаютъ только, какъ бы ихъ сдѣлать прочнѣе и солиднѣе. Циклопы и гиганты вѣроятно точно такъ же исполнили бы эти постройки.

Первыя шлюзы были сдѣланы изъ дерева, теперь онѣ изъ камня и являются цѣлымъ рядомъ монументовъ, которые сдерживаютъ воды. Чтобы понять всю силу человѣческаго генія, нужно осмотрѣть «большія шлюзы» въ Амстердамѣ и особенно въ Катвикѣ. Тутъ построено три ряда шлюзовъ, въ самомъ устьѣ Рейна, въ каналѣ, который помогаетъ ему добраться до моря и защищаетъ здѣсь страну отъ напора морскаго. Эти шлюзы—настоящая грозная и несокрушимая крѣпость. Когда бываетъ сильная буря, волны бѣшено врываются въ первыя ворота шлюзовъ, но, не имѣя возможности идти далѣе, разбиваются о вторыя ворота. Удивляешься сложному механизму, съ помощію котораго ворота открываются и сами закрываются, смотря по силѣ прибоа, по направленію вѣтра и по высотѣ волнъ. Во время полнѣйшаго отлива ворота открываютъ и набравшаяся вода съ громомъ падаетъ въ море, производитъ сильное волненіе и размываетъ песокъ, принесенный къ устью.

Вся изобрѣтательность жителей, какъ видно изъ этого, направлена на охраненіе своей родины, и всѣ изобрѣтенія ихъ приспособлены къ нуждамъ своей страны.

На безконечномъ протяженіи идутъ вдоль берега Голландіи и Фландріи однообразныя, сѣровато-зеленыя дюны; эти застывшіе, песчаные холмы напоминаютъ волны. Это—горы Нидерландовъ, возвышающіяся отъ 50 до 250 футовъ. Океанъ, дикая, разрушительная сила, самъ положилъ себѣ первыя границы: онъ набросалъ вдоль береговъ цѣлыя ряды песчаныхъ холмовъ (дюнъ). Человѣкъ тотчасъ воспользовался этою первою помощію, укрѣпилъ эти естественные песчаные холмы и такимъ образомъ поставилъ океану новую преграду. Серьезный характеръ, который онѣ придаютъ берегу, особенно поражаетъ

путешественника, когда онъ въ первый разъ видитъ эти голые холмы, покрытые тощею растительностью. Подъ ногами хруститъ песокъ и шумитъ темная, сухая, косматая трава. Взойдите на вершину дюнъ, и передъ вами откроется безконечное море, а цѣпь дюнъ какъ бы составляетъ къ ней громадную рамку. На этихъ высотахъ воздухъ свѣжѣе, легче дышется; внизу вода сверкаетъ всевозможными переливами. Надъ зеркаломъ воды проносятся чайки, а вверху надъ вашей головой летаютъ большія вороны съ распушенными крыльями. Дюны все болѣе и болѣе подвигаются внутрь страны и часто даже засыпаютъ заселенныя мѣста. Вслѣдствіе этого жители нѣкоторыхъ мѣстностей должны были выселиться внутрь страны и построить себѣ новыя жилища.

Въ Голландіи три ряда дюнъ: внѣшній рядъ холмовъ, ближайшій къ морю, состоитъ изъ рыхлаго песку, на которомъ кое-гдѣ виднѣется тростникъ и верескъ. Средній рядъ — самый высокій и самый широкій изъ всѣхъ. Между вторымъ и третьимъ рядомъ дюнъ почти непрерывно идетъ полоса садовъ и луговъ со множествомъ крестьянскихъ домиковъ. Эта тройная гряда холмовъ, образовавшаяся отъ дѣйствія вѣтра и волнъ, служитъ естественными плотинами; тамъ, гдѣ онѣ защищаютъ берегъ, не нужно строить дорогихъ и искусственныхъ построекъ для защиты. Вслѣдствіе этого ихъ старательно поддерживаютъ: засыпаютъ трещины, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обкладываютъ валунами. Чтобы вѣтеръ не разносилъ песка дюнъ и не покрывалъ имъ соседнія поля и луга, на нихъ сажаютъ особаго рода камышъ, извѣстный подъ названіемъ песчаного камыша. Его сажаютъ весною или осенью и защищаютъ слоемъ соломы отъ вѣтра; когда это растеніе пуститъ корни, оно связываетъ сыпучій песокъ и даетъ ему прочность. Растенія, которыя появляются здѣсь отъ времени до времени, разлагаются и образуютъ слой земли, пригодный для разведенія самаго лучшаго картофеля. Опасными врагами дюнъ, кромѣ вѣтра, являются кролики, которые водятся здѣсь въ безчисленномъ количествѣ и подтачиваютъ почву. Поэтому ихъ сильно преслѣдуютъ, тщательно выматриваютъ норки и ходы этого маленькаго животнаго и тотчасъ стараются ихъ задѣлать.

Осушеніе озеръ и болотъ.—Гарлемское озеро: его прошлое и настоящее.

Для защиты отъ внѣшняго врага — моря, голландцы построили свои плотины и шлюзы, но къ несчастію имъ не менѣе приходилось бороться и съ внутреннимъ врагомъ, т. е. съ своими рѣками, озерами, болотами и лужами, которыя дѣлали земледѣліе совершенно невозможнымъ. Вслѣдствіе дождей, приливовъ и наводненій эти водныя пространства и непроходимыя болота все увеличивались въ объемъ и захватывали все большія и большія полосы обрабатываемой земли.

Въ Голландіи часто бываютъ сильныя холода; приходится много топить, а дровъ нѣтъ. Такимъ образомъ уже съ давнихъ временъ необходимость заставила голландца рыть торфъ, котораго здѣсь очень много. На мѣстахъ, гдѣ вырывали торфъ, образовались глубокія ямы: въ нихъ накоплялась вода, которая все увеличивалась наводненіями, и очень часто впоследствии превращала ихъ въ озера и въ громадныя лужи. Чтобы вся земля не превратилась въ одно озеро, голландцы стали придумывать разные средства, какъ осушивать свои болота. Осушенные болота, топи и озера, сдѣлавшіяся годными для обработки, называютъ *польдерами* (польдеръ на древне-голландскомъ языкѣ означаетъ: земля, замкнутая плотинами). Въ прежнее время, когда освобождали землю изъ подъ воды, о машинахъ не имѣли и понятія. Въ 13 и 14-мъ столѣтіяхъ уже было осушено нѣсколько мѣстностей, и изъ болотъ и топей образовались полосы плодородной земли.

При впаденіи рѣкъ въ море, во время прилива осаждаются слой мелкаго или круп-

наго песку. Каждый приливъ оставляетъ новый слой, они соединяются другъ съ другомъ и во время отлива, когда дно остается на нѣкоторое время непокрытымъ водою, блестятъ на солнцѣ, поэтому и называются *бликенз*. Когда эти «бликенз» дѣлаются очень высокими, они еще болѣе задерживаютъ осаждающійся илъ и на нихъ вскорѣ появляется растительность. Тогда ихъ окружаютъ плотинами для защиты отъ наводненій и обрабатываютъ, какъ плодородныя пашни. Такимъ образомъ образовались первые польдеры, но когда впоследствии научились пользоваться силою вѣтра, то построили вѣтряныя мельницы и изъ обнесенныхъ уже плотинами топей и озеръ стали вычерпывать воду. Съ этихъ поръ земледѣліе въ Голландіи дѣлаетъ громадныя успѣхи. Первые водочерпальныя мельницы были очень плохи; онѣ могли дѣйствовать только при известномъ направленіи вѣтра, но мало по малу онѣ усовершенствовались. Въ концѣ 15-го столѣтія осушеніе болотъ шло уже весьма успѣшно: низменныя земли окаймляли плотинами, строили вѣтряныя мельницы, дѣлали каналы и резервуары для стока вычерпанной воды. Съ усовершенствованіемъ вѣтряныхъ мельницъ осушеніе начали производить въ большихъ размѣрахъ и этимъ было положено начало развитію сельскаго хозяйства. Въ 1480 году въ провинціи Зеландіи было только 93,000 моргеновъ земли, годной для обработки; 50 лѣтъ спустя ее ужъ было 150,000 моргеновъ. Но самые блестящіе результаты были получены посредствомъ паровыхъ двигателей. Если теперь хотятъ осушить или сдѣлать годнымъ для обработки какое нибудь болото или внутреннее озеро, — его сначала обводятъ плотинами, а на углахъ ставятъ вѣтряныя мельницы. При болѣе значительныхъ предпріятіяхъ дѣйствуютъ паровыя машины. Изъ большой глубины воду выкачиваютъ иногда насосами. На плотинѣ, въ опредѣленныхъ мѣстахъ, ставятъ дома, въ которыхъ живутъ подрядчики и инженеры, неутомимо слѣдящіе за работами вѣтряныхъ и паровыхъ мельницъ. Воду, вычерпанную мельницами, отводятъ въ каналъ, посредствомъ котораго она стекаетъ въ рѣку. Когда осушеніе окончено, подрядчики раздѣляютъ землю на нѣсколько правильныхъ участковъ, прокладываютъ на ней дороги, проводятъ каналы, насаживаютъ деревья. Вскорѣ здѣсь начинаютъ разрабатывать землю и строить жилища. Ничто такъ не удивляетъ иностранца, какъ видъ этихъ большихъ польдеровъ. На ихъ границахъ, какъ испанскіе сторожа, стоятъ цѣлыя ряды вѣтряныхъ мельницъ и постоянно вычерпываютъ лишнюю воду. Большой Беемстеръ-польдеръ въ сѣверной Голландіи имѣетъ 49 черпальныхъ мельницъ, которыя поднимаютъ воду на высоту отъ 1 до 4 футовъ и посредствомъ 12 каналовъ отводятъ ее въ разныя стороны. Польдеры лежатъ обыкновенно ниже остальной земли на 14, 15 футовъ; такъ какъ хорошая илистая почва ихъ не требуетъ удобренія или требуетъ его очень мало, то они даютъ прекрасные урожаи и цѣнятся очень дорого. Особенно плодородны тѣ изъ нихъ, которые осушены въ недавнее время и находятся недалеко отъ моря. Иногда польдеры затопляетъ водой на всю зиму, но это имъ не вредитъ, и къ концу Мая ее уже устраняютъ.

Удачная осушка небольшихъ озеръ и топей породило желаніе попытаться свои силы и надъ большими препятствіями. Въ 17 столѣтіи удалось осушить много болотъ, и тогда приступили къ большимъ озерамъ: Беемстеръ, Пермеръ и Шермеръ. Осушивъ Беемстеръ, освободили изъ подъ воды 7,214 гектаровъ прекрасной земли; озеро Пермеръ дало 3,000 моргеновъ, Шермеръ болѣе 6,000 моргеновъ. Всѣ эти полосы теперь покрыты прекрасными стадами скота и обращены въ такія богатыя пастбища и поля, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за одинъ моргенъ такой земли платятъ 3,000 гульденовъ.

Отъ 1608 до 1640 года было осушено 26 озеръ; въ 1820 году около 6,000 десятинъ земли было отнято у воды; въ 1844 году—29,000 десятинъ и затѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого осушили одно громадное болото Ноотдорпъ. Постройкою плотинъ и осушеніемъ отодвинули Зюдерзее дальше въ море и такимъ образомъ приоб-

рѣли 3,250 бундеровъ земли. Высокая морская плотина защищаетъ молодую землю отъ наводненій, а колоссальная шлюза Эвиксъ-Луизъ закрываетъ и открываетъ входъ въ широкій каналъ, раздѣляющій польдеръ на 2 части и на берегу котораго уже возникаетъ деревня. Количество годной земли точно также увеличивается и въ Зеландіи.

Въ Фрисландіи море нѣкогда поглощало одинъ участокъ земли за другимъ и такимъ образомъ образовало заливъ, простиравшійся отъ сѣверной границы до Лейвардена, теперешней столицы Фрисландіи; этотъ заливъ нѣкоторыми своими частями доходилъ также до города Шнекъ и Больсварда и назывался Мидельзее. Теперь, когда этотъ заливъ высушенъ, онъ превратился въ прекрасныя пастбища и плодороднѣйшія поля, засѣянные пшеницею. Много прекрасныхъ деревень съ зажиточными жителями стоятъ теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде бушевали морскія волны. Эта мѣстность отличается такимъ плодородіемъ, что ее смѣло можно назвать вторымъ Ханааномъ съ молочными, медовыми рѣками.

Обратимся теперь къ Гронингену. Изъ оконъ домовъ деревни Варсумъ видно море. Но недалеко то время, когда на самомъ этомъ мѣстѣ увидятъ пасущіяся стада. Море отступаетъ все дальше и дальше и постоянно мельчаетъ вдоль береговъ Гронингена и Фрисландіи. Въ сосѣдствѣ съ деревнею Варсумъ лежитъ сѣверный польдеръ—большая полоса земли съ плодороднѣйшею илистою почвою; онъ обнимаетъ пространство въ 400 голландскихъ моргеновъ. Гдѣ прежде корабли бороздили соленую воду и весело играли рыбы, тамъ теперь играютъ ягнята и плуги бороздятъ землю. Многія сотни овецъ и коровъ ѣдятъ тутъ траву, которая родится здѣсь въ замѣчательномъ изобиліи; болѣе полу-сотни лошадей обрабатываютъ пашни. Повсюду поднимаются хозяйственные строенія, похожія на дворцы. Дома и сады окружены рвами и каналами, служащими мѣстомъ стока подземной воды и путями сообщенія. Между тѣмъ прежде здѣсь лежало огромное пустынное болото: не было ни жилищъ, ни людей, ни стадъ; раздавались только крики водяныхъ птицъ и вой дикихъ животныхъ. Посреди находилось озеро, пользовавшееся самою дурною славою, вслѣдствіе чего и называлось «чертовымъ озеромъ». Вода бурлила въ немъ съ ужаснымъ шумомъ; къ этому примѣшивалось кваканье милліона лягушекъ, ужасные концерты которыхъ раздавались на цѣлыя мили вокругъ. Посреди тысячи разнообразныхъ голосовъ животныхъ и шума воды вы легко могли различить жалобный крикъ оленя и вой волковъ, которыхъ въ XIII-мъ столѣтіи было здѣсь такъ много, что они не только нападали на живыхъ людей, но и выкапывали трупы. Въ продолженіи многихъ столѣтій люди избѣгали этой мѣстности, надъ которой какъ-бы тяготѣло проклятіе. Но «Чертово озеро» и болото вокругъ — исчезли. Когда вода стекла и мѣстность нѣсколько просохла, тутъ вскорѣ были открыты торфяники, которые стали приносить не менѣе дохода, чѣмъ золотые прінски. Каждое торфяное поле, изъ котораго уже извлекли торфъ, обращали мало-по-малу въ обработанную землю, которую засѣвали сначала гречихой, потомъ рожью, овсомъ и наконецъ картофелемъ.

Такія-то богатства находятъ повсюду въ Голландіи, гдѣ пробовали осушать землю, прежде затопленную водою.

До нынѣшняго столѣтія всѣ польдеры были осушены вѣтряными водокачальными машинами; и только позже, при осушеніи Гарлемскаго озера, употребили силу пара. Но и послѣ примѣненія пара къ осушенію земли, въ Голландіи не вывелись и вѣроятно долго не выведутся вѣтряныя мельницы; онѣ дешевле и по своей постройкѣ, и по матеріалу, приводящему ихъ въ движеніе.

Посмотримъ на исторію образованія Гарлемскаго озера.

Въ 1531 г., въ окрестностяхъ Гарлема существовало четыре маленькихъ озера, и три деревни отражались въ ихъ водахъ. Однако послѣ нѣсколькихъ большихъ наводне-

нѣ эти деревни исчезли одна за другой. Сначала каждое изъ этихъ озеръ было отдѣлено другъ отъ друга, но въ 1647 году всѣ четыре озера соединились въ одно огромное, которое вслѣдствіе этого и было названо Гарлемскимъ моремъ. Оно имѣло въ окружности до 33-хъ верстъ и 14 фут. глубины и лежало между Амстердамомъ и Лейденомъ, параллельно морскому берегу, на разстояніи отъ моря около пяти миль, и занимало поверхность въ 17,774 бундера. Черезъ Ижу оно сообщалось съ Зюдерзее, этимъ Средиземнымъ моремъ Нидерландъ. Берега озера были низки и, хотя въ теченіи 80-ти лѣтъ (съ 1767 по 1848) для ограниченія его разливовъ было израсходовано болѣе 3-хъ миліон. руб., но оно часто прорывало всѣ препятствія и производило страшныя наводненія и опустошенія. Съ годами озеро все росло и росло. Во время бури на немъ подымались высокія волны, которыя съ ужасающей силой разбивались о плотины и перебрасывали черезъ нихъ пѣну на далекое разстояніе. Гарлемское море стажи считать самымъ бурнымъ и опаснымъ моремъ; суда, чаще чѣмъ гдѣ-бы то ни было, гибли на немъ. И чѣмъ болѣе оно увеличивалось, тѣмъ болѣе опаснымъ сосѣдомъ становилось оно для Амстердама, Лейдена и Утрехта; и дѣйствительно, въ 1836 г., во время бѣшеннаго урагана, вода въ немъ поднялась выше плотинъ и разлилась до самыхъ воротъ Амстердама. Стали серьезно бояться, что это море, не сегодня-завтра, сотретъ съ лица земли всѣ кругомъ лежащіе величайшіе города Голландіи, зальетъ водой громадное пространство плодородной земли и можетъ, наконецъ, совершенно погубить значительную часть тѣхъ земель, которыя въ теченіи многихъ столѣтій завоеваны были у океана цѣной громадныхъ усилій. Стали серьезно думать, какъ-бы избавиться отъ такого опаснаго сосѣда. Уже гораздо ранѣе являлись проекты осушенія Гарлемскаго моря, а въ 1643 г. одинъ инженеръ, строитель мельницъ—Ли-Уатеръ, издалъ сочиненіе, въ которомъ доказывалъ самыми убѣдительными фактами всю необходимость, какъ можно скорѣе, приступить къ осушенію Гарлемскаго моря. Онъ предлагалъ и проектъ осушенія; по его мнѣнію, 140 мельницъ въ состояніи будутъ вычерпать воду изъ озера. Но его планъ не имѣлъ успѣха, и народъ скоро опять пришелъ къ убѣжденію, что уничтожить озеро рѣшительно невозможно. Но съ тѣхъ поръ, когда былъ открытъ паръ и примѣненъ къ разнымъ житейскимъ потребностямъ, дѣло объ осушеніи Гарлемскаго моря, на которое смотрѣли, какъ на несбыточную мечту, стало подавать надежды. Множество ученыхъ и инженеровъ были отправлены въ Англію, чтобы осмотрѣть тамъ всѣ паровыя машины, употребляемыя въ рудникахъ для выкачиванія воды. Однако для Гарлемскаго озера ни одна не оказалась годною и пришлось изобрѣтать совсѣмъ новую. Прежде чѣмъ приступить къ работѣ, было сдѣлано множество опытовъ, и наконецъ остановились на исполинской машинѣ, которую и назвали Ли-Уатеръ, въ память человѣка который первый написалъ проектъ объ осушеніи Гарлемскаго озера.

Въ іюнѣ 1848 г., машина Ли-Уатеръ начала свою работу и черезъ четыре года опасное море совсѣмъ исчезло. Трудно себѣ представить, какой голый и печальный видъ имѣлъ первое время пустой бассейнъ исчезнувшаго озера. Странно было видѣть дикихъ утокъ и другихъ водяныхъ птицъ, которыя съ началомъ весны прилетѣли на давно знакомое, родное озеро и не нашли его. Онѣ дико кружились надъ осушеннымъ пространствомъ, кричали, испускали протяжные, жалобные звуки, улетали и опять возвращались, не вѣря своимъ глазамъ и дивясь щебетанію лѣсныхъ птицъ тамъ, гдѣ только гудѣлъ вѣтеръ, шумѣли волны и раздавалось нестройное криканье и крикъ ихъ водяной братіи.

Множество жителей Амстердама, Лейдена и Утрехта собирались и днемъ, и ночью на осушенное ложе искать кладовъ, монетъ, золота и драгоценныхъ вещей отъ разбитыхъ кораблей. Однако отъ поглощенныхъ водами Гарлемскаго озера деревень и кораб-

лей, нашли чрезвычайно мало; вѣроятно, все потонувшее и теперь лежитъ подъ густымъ слоемъ наноса и будетъ открыто черезъ многія тысячелѣтія. Въмѣсто этого на днѣ озера оказалась необыкновенно богатая земля, которая покупалась на расхватъ. Всѣ работы по осушенію озера были произведены на счетъ государства. Расходъ этотъ простирался до 5-ти милліоновъ рублей, но за то теперь десятина этой земли продается отъ 600 до 700 р. на наши деньги.

Конечно въ другомъ государствѣ затрата такого громаднаго капитала была бы нерасчетлива, но мы знаемъ, какимъ опасностямъ подвергались сосѣдніе города Голландіи при существованіи озера, какія громадныя деньги тратились для ограниченія его разливовъ; къ тому же въ этой странѣ капиталовъ много, а земли мало при чрезвычайно густомъ населеніи. Поэтому здѣсь постоянно чувствуется потребность въ увеличеніи земель, годныхъ для воздѣлыванія. При такихъ условіяхъ, нельзя не признать, что осушеніе Гарлемскаго озера было весьма полезной и выгодной операціей. Оно дало заработокъ тысячѣ рабочихъ рукъ, капиталъ пошелъ на самое производительное дѣло въ государствѣ. Если-бы нидерландское правительство употребило эти деньги на увеличеніе войска, его обмундировку, на постройку какого-нибудь громаднаго корабля—все это едва-ли бы увеличило силы королевства. Между тѣмъ какъ, увеличивъ количество годной для земледѣлія земли, улучшивъ ея качество, устроивъ нѣсколько новыхъ хозяйствъ и, что еще болѣе важно, открывъ новый источникъ заработка для рабочаго люда, голландское правительство весьма улучшило экономическій бытъ рабочихъ своей страны.

Осушеніе Гарлемскаго озера не только имѣло громадное экономическое значеніе, но открыло глаза всему свѣту и наглядно во всемъ величій показало силу науки, ея практическое значеніе и современное развитіе.

Теперь на этомъ, прежде бурномъ морѣ, вездѣ возвышаются деревни и церкви; каналы, улицы и ряды деревьевъ пересѣкаютъ однообразную равнину. Такимъ образомъ голландцы, осушивъ озеро, пріобрѣли огромное пространство необыкновенно плодородной земли, цѣна на которую съ каждымъ годомъ все возвышается и которая даетъ каждый годъ богатую жатву, такъ что это прежде бывшее озеро приноситъ теперь странѣ валовой доходъ въ одинъ милліонъ руб. сер.

ЖИЗНЬ НА ВОДѢ.

Ѣзда въ трешкотѣ.—Хижинны на водѣ.—Картины голландской жизни и природы.

Въ Голландіи совершенно своеобразный образъ жизни. Между всѣми другими странами свѣта Голландія первая могла бы обойтись безъ желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ она имѣетъ чрезвычайно много каналовъ. Эти водяные пути не только ведутъ отъ города къ городу, отъ деревни къ деревнѣ, но даже отъ одного сельскаго дома къ другому.

Въ извѣстное время года, когда въ городахъ мѣняють квартиры, странный видъ принимаютъ каналы: они всюду запружены барками, на которыхъ мебель разставлена въ такомъ порядкѣ, будто ей придется здѣсь всегда оставаться. Молоко тоже доставляютъ здѣсь на лодкахъ. По утрамъ около 6 и 7 часовъ и въ три часа пополудни, всѣ каналы въ городахъ наполнены лодками молочницъ, на которыхъ симметрично разставлены дубовыя ведра съ мѣдными, ядро вычищенными, какъ золото блестящими на солнцѣ, обручами и ушками. Молочницы — чрезвычайно красивыя молодыя дѣвушки, съ здоровымъ, свѣжимъ цвѣтомъ лица, въ оригинальномъ головномъ уборѣ, въ кораллахъ на шеѣ или ожерельѣ и въ большихъ коралловыхъ серьгахъ. Въ каналахъ Амстердама молочныя

лодки часто встрѣчаются съ водяными, которыя привозятъ воду для питья изъ Утрехта. Несмотря на то, что Амстердамъ окруженъ со всѣхъ сторонъ водою, жителямъ его нечего пить, такъ какъ вода каналовъ совсѣмъ непригодна для питья. Поэтому привозятъ воду изъ Утрехта и добываютъ дождевую воду изъ дюнь, которую проводятъ въ городъ посредствомъ трубъ.

Главнымъ путемъ сообщенія, не только до города или до деревни, но даже до порога своего очага — служить вода. Между тѣмъ какъ постройка желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе многочисленныхъ мостовъ, здѣсь обходится очень дорого, матеріалъ для каналовъ — вода существуетъ здѣсь всюду, а почву легко раскапывать. Земля, выброшенная по бокамъ канала давала возможность съ меньшимъ трудомъ проводить улицы и дороги. Но и пѣшеходы, и тѣ, которые ѣдутъ въ экипажахъ, ни на одну минуту не теряютъ изъ виду воды.

Путешественнику, который пріѣхалъ въ Голландію не на долго и хочетъ поскорѣе ознакомиться съ особенностями ея жизни, слѣдуетъ сѣсть на одну изъ барокъ и бичевою странствовать по каналамъ, вдоль и поперекъ по цѣлому государству. Все, что въ другихъ странахъ перевозятъ на телегахъ, здѣсь доставляютъ водою; это требуетъ меньше времени отъ рабочаго и обходится гораздо дешевле. На моряхъ, озерахъ и рѣкахъ ходятъ пароходы или маленькія парусныя суда, которыя отходятъ въ извѣстные дни; на каналахъ же — трешкоты. Но вездѣ, гдѣ есть вода, видны также и лодки различной величины и формы. Садовникъ самъ тянетъ на рынокъ свою лодку, наполненную овощами, плодами и цвѣтами, которые онъ располагаетъ съ большимъ вкусомъ. Крестьяне доставляютъ водою на рынокъ продукты своихъ полей: зерновой хлѣбъ, сыръ и неподобное масло. Такое сообщеніе способствуетъ развитію промышленности. А отъ сколькихъ мученій при этомъ избавляются животныя и люди! Ломовой извозчикъ не принужденъ впрягать въ свою фуру дюжину покрытыхъ потомъ и пылью лошадей; пѣшій разнощикъ не тащитъ здѣсь съ подгибающимися колѣнями тяжелой корзинки на своей спинѣ и головѣ. Самыя большія тяжести, гонимыя вѣтромъ, легко переносятся съ одного мѣста на другое. Толстые тюки легко скользятъ по водѣ до самыхъ дверей складочныхъ магазиновъ, не сгибая въ три погибели спишы рабочаго люда. Крестьянинъ не только возитъ водою свои домашнія сбереженія, но онъ даже отправляетъ водою сѣмена на поля и тѣмъ же путемъ везетъ домой снятый съ полей зерновой хлѣбъ. Кнутъ здѣсь вездѣ замѣненъ всломъ. Даже скотъ избавленъ отъ трудныхъ переходовъ: для него устраиваютъ пловучія стойла, въ которыхъ его перевозятъ до самыхъ боенъ. Поэтому здѣсь такъ мало пыли на большихъ дорогахъ и въ городахъ, и животнымъ и людямъ приходится меньше страдать.

Самымъ національнымъ средствомъ для перевозки людей были и, вѣроятно, долго будутъ «трешкоты». На пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ въ Голландіи вы встрѣтите пубliku самую разнообразную и скорѣе услышите даже французскій говоръ, чѣмъ растянутые горловые звуки голландскаго парчія. Въ трешкотахъ вы рѣдко толкнетесь на иностранца, — тутъ все голландцы съ своими оригинальными обычаями, объясняющиеся между собою не иначе, какъ на родномъ языкѣ.

Но что такое трешкотъ? Трудно объяснить это въ нѣсколькихъ словахъ. Иностранцы, въ первый разъ увидавшіе «трешкотъ», говорятъ, что Ноевъ ковчегъ прежде всего служилъ для него образцомъ: онъ напоминаетъ и корабль, и омнибусъ, и даже барку. Обыкновенно этотъ голландскій ковчегъ, длиною до 30 фут., выкрашенъ зеленою краскою и вмѣщаетъ отъ 30 до 40 человекъ. Во всю длину идетъ каюта; крыша на ней плоская, такъ что по ней можно ходить, а чтобы не было скользко, она покрыта слоемъ толченыхъ раковинъ, смазанныхъ лакомъ или маслянной краской. Каюта раздѣлена на двѣ части, или комнаты, изъ которыхъ самая большая передняя часть назы-

вается «Roeim» и служитъ для помѣщенія людей и багажа. Задняя, болѣе парадная часть называется «Roef»; здѣсь плата дороже, чѣмъ въ первой, такъ какъ она обставлена съ большимъ вкусомъ и комфортомъ. Чтобы попасть изъ одной части въ другую, нужно перейти черезъ палубу, или лучше сказать черезъ крышу ковчега. «Roef», назначенный для привилегированнаго класса общества, имѣетъ 4 или 5 окошекъ, украшенныхъ синими или красными занавѣсками. Посреди комнаты стоитъ столикъ, на которомъ вы видите мѣдную лампочку и такую же пепельницу. И та, и другая блестятъ, какъ золото, потому что они вычищены такъ, какъ только умѣютъ чистить одни голландцы, при своей опрятности и чистоплотности. Коверъ, зеркало и вдоль стѣнъ деревянные скамейки съ подушками для пассажировъ составляютъ главное убранство этого воднаго дилижанса. Предметомъ первой необходимости здѣсь считается деревянная нагрѣвательница, съ фаянсовымъ тазомъ внутри, въ которомъ во время холодовъ тлѣетъ торфъ. Иногда на полкѣ стоитъ нѣсколько книгъ, которыя составляютъ бібліотеку корабля. Въ этой простой, но удобной обстановкѣ высказывается весь національный характеръ голландца. «Roef» трешкота можно нанять за нѣсколько дней до предполагаемаго путешествія, потому что онъ приходитъ и отходитъ въ извѣстные дни и часы. «Roeim», для публики попроче, имѣетъ три ряда скамеекъ, идущихъ вдоль всего помѣщенія. Небольшое свободное мѣсто на носу корабля служитъ складочнымъ мѣстомъ для тюковъ, ящиковъ и бочекъ, и тутъ стоитъ рулевой, не переставая дымить свою трубку. На носу трешкота—шесть, который имѣетъ громкое названіе мачты; его постоянно приходится поднимать и опускать, потому что по дорогѣ встрѣчается множество мостовъ. Отъ верхушки мачты протянуть къ берегу длинный канатъ, къ которому припряжена одна или двѣ лошади: лошади идутъ по берегу и такимъ образомъ тащатъ за собой трешкотъ. На лошади сидитъ мальчикъ, который погоняетъ ее и трубитъ въ рогъ.

Часъ отъѣзда наступаетъ, колокольчикъ сзываетъ запоздавшихъ; приводятъ лошадь съ сутуловатымъ мальчикомъ на спинѣ. Въмѣсто сѣдла подъ нимъ коврикъ, плетенный изъ соломы. Истомленный ребенокъ изо всѣхъ силъ трубитъ въ свою оригинальную трубу, звуки которой напоминаютъ кваканье лягушки. Онъ подаетъ сигналъ для отхода трешкота, при открытіи шлюзъ, при поднятіи мостовъ, или чтобы предупредить другой, идущій на встрѣчу трешкотъ.

Наконецъ несчастная кляча, съ торчащими ребрами, трогается; чувствуется толчекъ, и за туго-натянутымъ канатомъ начинается плыть трешкотъ. Эти водяные голландскіе дилижансы нельзя упрекнуть въ излишней скорости, да и путешествующіе голландцы были бы сильно возмущены этимъ; по темнымъ водамъ канала подвигаются медленно, и трешкотъ тихо и покойно скользитъ, такъ что не чувствуешь никакого движенія, не слышишь никакого шума, кромѣ плеска воды о судно.

Заглянемъ теперь въ «Roeim». Васъ прежде всего встрѣчаютъ здѣсь волны табачнаго дыма, такъ что вы сначала ничего не разглядите, но когда протрете глаза, то увидите мужчинъ и женщинъ, рабочій людъ Голландіи; они смѣются, болтаютъ, спятъ или курятъ. Въ этомъ отдѣленіи трешкота лежатъ не только зонтики, мѣшки и кладь, но и бочки съ жиромъ, дегтемъ и сыромъ. Все это издаетъ такой ужасный запахъ, что въ первую минуту вы просто задыхаетесь. Вдругъ неожиданный толчекъ. Кладь катится на пассажировъ, женщины кричатъ, мужчины смѣются. Одинъ трешкотъ столкнулся съ другимъ, шедшимъ на встрѣчу. Матросы перебраниваются нѣсколько минутъ и послѣ этого водяной дилижансъ продолжаетъ снова мирно скользить далѣе. По временамъ трешкотъ причаливаетъ, чтобы высадить на берегъ пассажировъ или принять къ себѣ новыхъ. Когда надобно проѣзжать черезъ городъ или большую деревню, лошадь отпрягаютъ и подвигаются шестью.

Нѣкоторые трешкоты плаваютъ только на небольшомъ разстояніи; другіе поддерживаютъ сообщеніе между болѣе отдаленными мѣстами. Если переѣздъ продолжителенъ, каждый старается устроиться какъ можно удобнѣе и продолжаетъ заниматься дѣломъ, начатымъ еще дома. Мужчины читаютъ, пишутъ, ѣдятъ, прогуливаются по палубѣ, наслаждаются картинами окружающей природы, непременно покуривая при этомъ трубочку. Каждый дѣлаетъ здѣсь все тоже, что и дома, продолжаетъ въ трешкотѣ работу, начатую въ кабинетѣ, и старается даже и во время своего водянаго путешествія дѣлать все въ тѣ самые часы и минуты, какъ это онъ привыкъ съ давнихъ поръ. Женщины шьютъ, вяжутъ чулки, спятъ, ѣдятъ и варятъ кофе, какъ дома. Нѣкоторыя изъ нихъ столько разъ ѣздили по извѣстнымъ каналамъ, что такъ опредѣляютъ пространство: «отъ такого то города до такого—поль-чулка, четверть чулка, цѣлый чулокъ разстоянія», это значитъ, что въ дорогѣ отъ такого то города до такого можно связать столько то чулка. Если между пассажирами случится шарманщикъ, онъ забавляетъ ихъ своею игрою. По воскреснымъ днямъ, во время обѣдни, всѣ пассажиры одѣты по праздничному, не работаютъ, не смѣются, не болтаютъ между собой, а чинно и торжественно поютъ священные гимны.

Если на трешкотѣ приходится провести ночь, хозяинъ его приглашаетъ пассажировъ на чашку чаю. Онъ достаетъ изъ маленькаго стѣннаго шкафа чашки, чайникъ и сахарницу изъ чернаго фаянса; ставитъ на столъ деревянную кадучечку, ярко расписанную китайскими фигурами, въ которой стоитъ сосудъ, наполненный пылающимъ торфомъ, а надъ нимъ чайникъ съ кипяткомъ. Къ ночи каждое отдѣленіе трешкота превращается въ общую спальню и представляетъ одну общую постель, которая занимаетъ всю ширину каюты; ее покрываютъ чистымъ бѣлымъ и бѣлымъ фланелевымъ одѣяломъ. Всѣ ложатся одѣтые, одинъ подлѣ другаго, и ночь проходитъ мирно. Между тѣмъ лошадь тихо тянетъ свой грузъ, сзади котораго остается только серебристый слѣдъ на водѣ.

По дорогѣ часто попадаются гостинницы для желающихъ выпить и закусить. Если въ томъ мѣстѣ перепрягаютъ лошадь, корабельщикъ однимъ прыжкомъ соскакиваетъ на землю и исчезаетъ. Пассажиры напрасно ждутъ его возвращенія и наконецъ сами отправляются на поиски за нимъ. Они вбѣгаютъ въ первую гостинницу, съ разрисованной вывѣской, въ сѣняхъ которой лежитъ нѣсколько окрашенныхъ зеленою краскою бочекъ и съ бутылками разставленными на полкахъ по стѣнамъ. Бочки и бутылки наполнены «jenever» — можжевеловой водкой — національнымъ напиткомъ голландцевъ. Пассажиръ, пришедшій на поиски, заглядывается на любимый напитокъ, передъ драгоценной влагой вмигъ забываетъ о цѣли своего прихода и самъ садится на лавку. Но вдругъ слышится рогъ погонщика и всѣ бросаются къ трешкоту. Такія сцены повторяются до десяти разъ впродолженіи дня, и, когда наступитъ наконецъ вечеръ, узнаешь, что проѣхалъ въ это время столько же, сколько можно было пройти пѣшкомъ. Только чужестранцу можетъ придти при этомъ мысль замѣтить хозяину трешкота, что ѣдутъ чрезвычайно медленно. За то тотъ и отвѣчаетъ ему только взглядомъ безпредѣльнаго состраданія, покойно перекладывая при этомъ свой жевательный табакъ изъ за одной щеки на другую. Его покойное, открытое и широкое лицо оживляется только въ ту минуту, когда онъ собираетъ въ свой кожаный мѣшокъ плату за проѣздъ. Эта плата здѣсь очень ничтожна и ее берутъ всегда сообразно съ печатнымъ тарифомъ, привѣшеннымъ на каждомъ трешкотѣ; за то сборщикъ не пропускаетъ случая попросить прибавку для себя и погонщика.

Медленная ѣзда на трешкотѣ даетъ возможность наблюдать окружающую мѣстность и разнообразныя картины, развертывающіяся передъ вами. Мимо проходятъ бѣлые, красные паруса, оживляющіе одиночество каналовъ. У вашихъ ногъ растилается оживленная сельская картина. Весною на прекрасной зелени луговъ бродятъ коровы, покрытыя тол-

стыми попонами, которыя защищают ихъ отъ холода и отъ сырости. По берегамъ каналовъ летаютъ утки, журавли, бекасы и другія болотныя птицы; женщины полощатъ бѣлье, но даже и при этомъ отличаются безукоризненной чистотой и опрятностью своего наряда. Мимо тянутся деревни, похожія на маленькіе города, съ величественными рядами деревьевъ на пабережныхъ, красными домами съ зелеными дверями и ставнями. А вотъ и цѣлый лѣсъ вѣтряныхъ мельницъ дружно выстроенныхъ одна воагъ другой. За ними опять необозримый зеленый дугъ съ стадами коровъ, лошадей и еще чаще громадныхъ овецъ. А тамъ далѣе, по берегамъ, окруженные свѣжею зеленью загородныя замки и дачи съ небольшими зелеными рощами и предестными клумбами цвѣтовъ. По небу несутся разнообразныя, разноцвѣтныя, постоянно мѣняющіяся облака. Хотя въ цѣломъ все какъ то монотонно, но вообще пельзя жаловаться на однообразіе. Вода въ нѣкоторыхъ каналахъ покрыта очень красивыми и цвѣтущими водорослями. Поля, огороды и сады со всею роскошью зелени лежатъ передъ вами, какъ на ладони: они отдѣлены другъ отъ друга не загородками и заборами, а только рвами и канавками, наполненными водою. По берегамъ сторбленая старуха или маленькій мальчикъ бичевою тянетъ судно, надъ которымъ устроено пѣчто въ родѣ деревяннаго домика, — это пловучія хижины, въ которыхъ живутъ мужъ и жена съ своими дѣтьми. Дѣти играютъ на палубѣ, жена управляетъ рудемъ, а мужъ матросъ и капитанъ въ одно и тоже время. При безвѣтріи, когда паруса печально висятъ на мачтахъ, мужъ и жена соскакиваютъ на землю, впрягаютъ себя въ канатъ и силою собственныхъ плечъ и погъ тянутъ такую хижину. Въ сѣверной Голландіи можно видѣть группы изъ 10, 20 и 30 барокъ, съ деревянными домиками, въ которыхъ живутъ цѣлыя семейства, — это деревня на водѣ. Внутренность этихъ пловучихъ хижинъ довольно удобна: кусокъ листоваго желѣза служитъ очагомъ, постель устроена въ видѣ выдвигаемыхъ ящиковъ, крошечныя окошки непремѣнно съ чистенькими занавѣсками. Жители этихъ домиковъ рыбаки или вдовы рыбаковъ, съ своими семьями. Такъ же, какъ кочевыя народы степей, сегодня на одномъ мѣстѣ, завтра на другомъ ищутъ новыхъ мѣстъ для пастбищъ, такъ и эти кочевники водѣ переходятъ съ одного мѣста на другое. Въ этихъ корабельныхъ домикахъ вмѣстѣ съ ними живутъ и ихъ домашнія животныя, и замѣчательно: у нихъ такія же серьезныя физиономіи, какъ и у ихъ хозяевъ. Пѣтухъ гораздо важнѣе выкрикиваетъ свое кукареку на каналѣ, нежели на твердой землѣ. Въ этихъ домикахъ — весь міръ этихъ людей, ихъ счастье и горе. На твердую землю они смотрятъ, какъ на гостинницу; вода качаетъ ихъ колыбель, а вѣтеръ папѣваетъ имъ колыбельную пѣсню. Здѣсь они рождаются, играютъ дѣтьми на палубѣ, борятся съ житейскими невзгодами и тутъ же умираютъ стариками. Только для вѣчнаго сна ихъ предають землѣ, отъ которой они такъ упорно отказывались всю свою жизнь. Изрѣдка можно встрѣтить на берегу канала домикъ, выстроенный изъ старыхъ досокъ надъ остовомъ старой лодки и для защиты отъ дождя и снѣга обтянутый грубой клеенкой или парусиною, пропитанной дегтемъ. Небольшой клочекъ земли обращенъ въ садъ и окруженъ живою изгородью; онъ доставляетъ бѣдной семьѣ овощи, а нѣсколько куръ — яйца. Другія обращенныя въ жилища барки и лодки остаются на водѣ; онѣ привязаны канатомъ къ берегу, на которомъ находится также принадлежащій имъ огородъ. Такія жилища большею частію служатъ убѣжищемъ для отдѣльныхъ лицъ — женъ моряковъ, мужья которыхъ не возвратились съ моря.

Дороги и экипажи.

Нѣтъ въ мірѣ другой страны, въ которой бы пути сообщенія были такъ удобны, какъ въ Голландіи. Большая часть сухопутныхъ дорогъ въ ней вымощены твердыми, маленькими коричнево-красными кирпичами; поэтому всѣ дороги очень ровны и прочны, и путешественникъ, какъ и по каналамъ, не испытываетъ здѣсь никакой тряски. За то эти пути сообщенія стоятъ чрезвычайно дорого странѣ, нерѣдко одна миля обходится около 30,000 гульденовъ; но такъ какъ самые тяжелые товары и вещи перевозятъ водою, то они рѣдко требуютъ поправокъ. Сухопутныя голландскія дороги состоятъ обыкновенно изъ узкой тропинки для лошади, которая тянетъ трешкотъ; другая подлѣ не тропинка, посыпана пескомъ и предназначается для пѣшеходовъ; третья самая широкая дорога для экипажей вымощена кирпичами; нерѣдко бываетъ и еще тропинка—для всадниковъ. Не только большія дороги, но даже и тропинки всѣ расположены въ Голландіи по точному, строго обдуманному плану, ровны и очень гладки. Каждая тропинка имѣетъ свою исторію. Много препятствій нужно было преодолѣть, пока жители деревни согласились дозволить провести тропинку по тому направленію, какое нужно было согласно съ планомъ. Какъ много нужно было денегъ для вознагражденія за эту землю и для необходимыхъ издержекъ при ея проведеніи.

На здѣшнихъ дорогахъ мало пыли и мало нищихъ, но много собакъ, перевозящихъ разныя тяжести (особенно между Гагою и Шевенингеномъ), что нѣсколько напоминаетъ Лапландію. Эти собаки имѣютъ чрезвычайно дурной видъ, страшно алы, искусаютъ всякаго незнакомаго, кто къ нимъ приблизится, всегда голодны и тащатъ иногда невѣроятныя тяжести: рыбу, дрова, молоко, плоды и овощи.

Настоящее вьючное животное здѣшняго рыбака — его жена и собака. Вы рѣдко встрѣтите здѣсь осла, навьюченнаго какою нибудь тяжестью. Между тѣмъ собаки здѣсь безпрестанно попадаютъ. Часто передъ вами несется телѣжка, нагруженная до верху, и въ нее впряжены три, четыре собаки другъ подлѣ друга, да нерѣдко еще впереди ихъ одна, двѣ собаки. Въ такой телѣжкѣ, кромѣ тяжести, часто сидятъ два, три человѣка и нѣсколько дѣтей.

Другіе голландскіе экипажи, которые попадаютъ вамъ по дорогѣ, тоже обратятъ на себя ваше вниманіе. Особенно оригинальны дрожки въ сѣверной Голландіи. На двухъ большихъ колесахъ покоится экипажъ, нѣсколько напоминающій раковину; онъ разрисованъ золотою или свѣтлозеленою краскою и украшенъ рѣзьбою. Кучеръ сидитъ на страшной высотѣ. Зимомъ сани не менѣе старомодный экипажъ: это нѣчто въ родѣ огромной, старинной, неуклюжей кареты на обитыхъ желѣзомъ полозьяхъ. По всѣмъ главнымъ дорогамъ проѣзжаютъ дилижансы, которые отходятъ въ назначенное время, чуть не каждый часъ. Эти дилижансы и почтовые экипажи—устраиваются частными людьми, но подъ надзоромъ почтовой администраціи и съ разрѣшенія короля. Дилижансы могутъ перевозить только людей и вещи, но не имѣютъ права принимать письма, такъ какъ ихъ пересылкою исключительно занимается государственное учрежденіе.

Несмотря на то, что въ Голландіи разстоянія не велики, чрезвычайно много сухопутныхъ и водяныхъ путей сообщенія, которые чрезвычайно дешевы и покойны, тѣмъ не менѣе въ послѣднее время съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе устраиваютъ желѣзныхъ дорогъ. Теперь уже по всей странѣ проходятъ желѣзныя дороги между главными городами, и желѣзнодорожная сѣть связана съ желѣзными дорогами сосѣднихъ странъ. Желѣзныя дороги стоятъ странѣ страшныхъ денегъ. Онѣ проходятъ нерѣдко по полямъ и почти гездѣ по рыхлой, губчатой почвѣ. Поэтому на землю всадъ навалены

кучи хвороста, потомъ онѣ засыпаны слоемъ земли и песку и скрѣплены фашинами. Необходимый песокъ и земля вырыты изъ дюнь и привезены на челнокахъ по каналамъ, проходящимъ близъ линіи желѣзной дороги. Часто приходилось вновь создать ту землю, по которой проходитъ дорога. Во многихъ мѣстахъ Голландіи, тамъ гдѣ теперь шумятъ локомотивы, прежде квакуали лягушки въ болотной водѣ.

Климатъ.—Знаменитое голландское садоводство.—Страсть къ цвѣтамъ.—Тюльпанная горячка.

Климатъ здѣсь не слишкомъ суровъ, но сыръ и переменчивъ. Гдѣ бы вы ни жили въ Голландіи, вы никогда не забудете, что живете у моря, такъ какъ вся масса голландскихъ провинцій къ сѣверу выдается угломъ почти въ видѣ полуострова въ Нѣмецкое море. Сѣверо-восточныя бури, которыя несутся изъ Ютландіи и Скандинавіи, разражаются надъ Голландією; сѣверныя и сѣверо-западыя бури безпрепятственно проносятся по Батавской землѣ. Она также совершенно открыта восточному вѣтру со стороны Германіи.

Погода въ Голландіи такая же оригинальная, какъ ея исторія, происхождение и обычай. Весною прекрасный день часто начинается холоднымъ туманомъ, который осаждается въ видѣ бѣлыхъ иглъ на вѣтвяхъ деревьевъ. Около 9-ти часовъ утра эти иглы начинаютъ таять отъ лучей солнца и падаютъ съ деревьевъ въ видѣ капель. Чѣмъ сильнѣе грѣетъ солнце, тѣмъ замѣтнѣе подымается паръ отъ деревьевъ, такъ что издали даже кажется, что онѣ дымятся.

Чаще, чѣмъ гдѣ бы то ни было, облака закрываютъ здѣсь луну. Особенно это случается въ холодныя ночи. Лѣтомъ температура мѣняется два и три раза въ день. Даже и въ это время года воздухъ долго бываетъ сыръ, хотя цѣлыя арміи вѣтряныхъ мельницъ уже вычерпали весною наводненные въ продолженіи зимы польдеры. Даже и въ прекрасный лѣтній день вечеромъ отъ земли подымается паръ и разстилаетъ свое прозрачное покрывало надъ зелеными лугами. Впрочемъ, сравнительно съ древнею Батавією, климатъ Голландіи значительно измѣнился къ лучшему: вмѣстѣ съ тѣмъ какъ почва была высушена, и онъ сдѣлался теплѣе и суше. Вслѣдствіе осушенія болотъ и внутреннихъ озеръ воздухъ сдѣлался гораздо здоровѣе. Но такъ какъ въ настоящее время море и рѣки еще не потеряли своего вліянія надъ Голландією и безпрестанно бываютъ наводненія, то здѣшній климатъ довольно сыръ и воздухъ напитанъ водяными парами. Вычислено, что въ году едва бываетъ 40, 50 ясныхъ дней. Зима до того сурова и холодна, что каналы обыкновенно замерзаютъ и льдомъ покрывается даже Зюдерзее.

Вглядываясь въ голландскую природу и небо, начинаешь понимать, почему въ излщныхъ искусствахъ, особенно въ живописи, художники прежде всего любятъ изображать домашнюю жизнь, сельскія картины голландскаго быта и гораздо рѣже берутъ природу. Въ ней нѣтъ ничего грандіознаго и таинственнаго и если она является на полотнѣ, то въ большинствѣ случаевъ на второмъ планѣ. Солнце здѣсь не свѣтитъ такъ ярко, какъ на югѣ; оно не льетъ потоковъ ослѣпительнаго свѣта, хотя освѣщаетъ довольно сильно каждый предметъ. Здѣсь прежде всего бросаются въ глаза необыкновенно зеленые луга съ баснословно высокой и густой травой; изъ нея выглядываютъ пастухи и пастушки, красивыя, молодыя, свѣжія и непремѣнно одѣтыя чрезвычайно опрятно. Чудные ландшафты и здоровая, замѣчательно опрятная семейная обстановка голландца—вотъ что прежде всего привлекаетъ художника. Однако многіе изъ нихъ и въ голландской природѣ счумѣли отыскать и живо изобразить своего рода оригинальную прелесть и красоту. Знаменитый Рембрандтъ особенно любилъ изображать дюны въ ихъ рѣзкихъ

переходахъ отъ свѣта къ тѣни; онъ любилъ представлять эти сыпучіе пески, мѣстами обнаженные, мѣстами съ бѣдною, печальною растительностью, съ морскими чайками, летающими надъ ними, и какъ контрастъ этимъ песочнымъ горамъ — бѣшено плещущее море.

Голландія лишена осеннихъ удовольствій; ей знакома только холодная, сырая весна, непостоянное лѣто и упорная, длинная зима. Несмотря на такія неблагоприятныя условія природы, садоводство здѣсь въ самомъ блестящемъ состояніи. Голландецъ самъ создаетъ себѣ осень, такъ какъ искусственнымъ образомъ заставляеть дозрѣвать прекрасные плоды. И они здѣсь часто роскошнѣе, чѣмъ въ странахъ съ счастливою природою.

Голландскіе садовники уже издавна прославились искусствомъ разводить тепличныя растенія, и ихъ тепличная осень дѣйствительно богата фруктами и овощами всевозможныхъ сортовъ, которые безъ замѣчательнаго искусства не могли бы произростать на холодной и сырой почвѣ Голландіи. Увѣряють, что вывозъ винограда изъ Голландіи доставляетъ ей ежегодно доходъ въ 40,000 гульденовъ. Этотъ виноградъ растетъ въ теплицахъ, въ особенности въ окрестностяхъ Дельфта. Маленькія ягоды вырѣзають ножницами, чтобы дать болѣе свободы и мѣста для крупныхъ и сильныхъ. Поэтому голландскій виноградъ самый крупный, сладкій и служитъ украшеніемъ стола въ Гагѣ и Лондонѣ. Подъ этимъ сѣвернымъ небомъ созрѣвають даже фрукты Италіи. Рядомъ съ гиляндами изъ виноградныхъ лозъ свѣтятся апельсины, какъ звѣзды въ темную ночь. Сочныя дыни разнообразныхъ формъ заманчиво выглядываютъ изъ зелени и персики рдѣють здѣсь, какъ въ самыхъ южныхъ странахъ. Яблоки и груши, вишни и громадная земляника вездѣ разложены въ корзинкахъ торговцевъ. Ягоды обыкновенной красной смородины такъ же велики, какъ вишни, а кружевникъ величиною со сливу. Главное условіе садоводства, кромѣ величины и качества плодовъ, ихъ раннее созрѣваніе; многимъ искуснымъ садовникамъ было отказано за то, что они доставляли овощи на кухню и плоды на столъ своихъ господъ нѣсколькими днями позже сосѣднихъ садовниковъ.

Голландцы отъ мала-до-велика, мужчины и женщины, богатые и бѣдные, уже съ давнихъ поръ извѣстны своей страстью къ цвѣтамъ. Подъ суровымъ небомъ Голландіи растутъ также самыя нѣжные и роскошныя цвѣты, но болѣе ими славится Гарлемъ и его окрестности. Вѣтеръ далеко разноситъ сильный и прятный ароматъ и наполняетъ воздухъ окрестностей Гарлема запахомъ тысячи цвѣтовъ. Здѣсь вездѣ цвѣты: въ садахъ, въ цвѣтникахъ и даже на поляхъ вы нѣрѣдко увидите тюльпанъ недалеко отъ гіацинта. Величина, разнообразіе формъ и роскошь красокъ, какіе вы найдете здѣсь, вы рѣдко встрѣтите и въ болѣе благоприятномъ климатѣ. Цвѣты разцвѣтають уже въ самыхъ первыхъ числахъ мая и далеко распространяють свое благоуханіе. Только голландецъ любитъ цвѣтокъ ради его самаго: онъ не требуетъ отъ него ни опьяняющаго благоуханія, не украшаетъ имъ роскошныя волосы своей дочери. Его любимый цвѣтокъ — тюльпанъ.

Голландскіе тюльпаны имѣють свою исторію. Въ 17 столѣтіи любовь къ нимъ превратилась въ манію, а стремленіе разводить ихъ вдругъ охватило всѣ классы общества. Богатые буржуа оставляли свои прибыльные занятія, чтобы покупать и продавать луковицы тюльпановъ за неслыханныя цѣны. Они думали воспользоваться модой и общимъ увлеченіемъ, чтобы нажить себѣ состояніе. Но это удалось немногимъ. Въ то время за тюльпаны платили баснословныя цѣны: одна тюльпанная луковица «Viceroi» цѣнилась не менѣе 25,000 гульденовъ. За одну луковицу «Semper Augustus» платили 13,000. Собраніе луковиць тюльпановъ продавалось за 100 тысячъ гульденовъ. Одинъ

Амстердамъ продалъ этихъ луковицъ въ это время, въ теченіи одного года, на 10 мил. гульденовъ. Говорятъ, одинъ житель Амстердама нажилъ такимъ образомъ въ 4 мѣсяца 70,000 гульденовъ. Одинъ любитель далъ за рѣдкую луковицу двѣ фуры ячменя, четыре фуры ржи, четыре жирныхъ быка, 8 поросятъ, 12 овецъ, 4 бочки пива и столько же вина, 2 бочки масла, тысячу фунтовъ сыра, полный мужской костюмъ и серебряный кушакъ. Рассказываютъ, что однажды во всей Голландіи существовало только два экземпляра луковицъ «Semper Augustus»; одна изъ нихъ находилась въ Гарлемѣ, другая въ Амстердамѣ. За одну изъ нихъ напрасно предлагали прекрасную коляску съ двумя лошадьми и съ полною упряжью, за другую 12 моргеновъ земли.

Одному моряку долго пришлось ожидать хозяина своего корабля. Онъ увидалъ на полкѣ нѣсколько луковицъ и отъ скуки рѣшилъ позавтракать ими. Онъ вынулъ кусокъ хлѣба изъ кармана и сталъ ѣсть его съ луковицею, которую снялъ съ полки. Но она показалась ему очень горькою, онъ бросилъ ее и взялъ другую, и такимъ образомъ перепробовалъ нѣсколько луковицъ, пока наконецъ явился хозяинъ, пришелъ въ страшную ярость и отчаяніе и выгналъ палкою удивленнаго матроса. Этотъ завтракъ изъ простаго хлѣба и луковицъ тюльпана стоилъ болѣе 30,000 гульденовъ.

Въ 1637 году правительство объявило, что долги за цвѣточныя луковицы равносильны всякимъ другимъ долгамъ и должны быть выплачиваемы, какъ всякій другой долгъ. Это подѣйствовало, какъ холодная вода на сумашедшія головы. Цѣны на тюльпаны сильно упали и купцы снова принялись за процентныя бумаги.

Гордый тюльпанъ, такъ дорого цѣнившійся прежде, теперь украшаетъ дома простыхъ гражданъ и цѣна «Semper Augustus» пала съ 13,000 на 50 гульденовъ. Хотя тюльпаны теперь и не записываются по номерамъ въ книги, какъ государственныя бумаги, хотя торговля луковицами не ведется уже болѣе на милліоны и тюльпанная горячка 17-го столѣтія совсѣмъ прошла, но разведеніе цвѣтовъ въ Гарлемѣ все еще имѣетъ большое значеніе. Торговля цвѣтами и теперь еще приноситъ голландцамъ значительныя выгоды. Гарлемскіе тюльпаны-луковицы до сихъ поръ распространены во всемъ свѣтѣ, гдѣ желаютъ съ особенною роскошью украсить цвѣтникъ или садъ. Но эти луковицы—истыя дѣти Голландіи; на чужой почвѣ они скоро вырождаются, ихъ снова приходится выписывать изъ Гарлема, а это и даетъ ему возможность и теперь еще получать большія выгоды съ цвѣтовъ этого рода.

Такимъ образомъ многіе милліоны гульденовъ притекли въ Голландію вслѣдствіе разведенія цвѣтовъ. Голландцы превзошли въ этомъ отношеніи всѣ европейскіе народы. Не менѣе также славятся они своею гвоздикой; ихъ садовники умѣютъ также отлично разводить разныя породы далій и придать гіацинту всевозможные оттѣнки. Трудно сказать, какимъ образомъ искусные садовники умѣютъ такъ распорядиться природой, что она совсѣмъ пересоздаетъ форму, цвѣтъ и величину. Какъ бы то ни было, но цвѣты и плоды доведены здѣсь до совершенства.

Дома.—Ихъ внѣшній видъ и внутреннее устройство. — «Шпіоны». — Крестьянскіе дома. — Стояла у простонародья и у людей зажиточныхъ.—Любовь къ анстамъ.—Голландская опрятность.—Пристрастіе къ китайскимъ бездѣлушкамъ и фарфору. — Кухня и домашнее хозяйство.—Что ѣдятъ голландцы.— Ихъ загородные дома.

Въ Голландіи постоянно чувствуется недостатокъ земли: города и деревни чрезвычайно близко отстоятъ другъ отъ друга. Голландскіе дома вообще, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, небольшія зданія, скромныя, но чрезвычайно уютныя. На нихъ лежатъ отпечатокъ неприхотливаго характера ихъ жильцовъ. Но голландецъ, даже самый

небогатый, любить имѣть отдѣльный домъ, только для себя и своего семейства, и потому здѣсь устраиваются домики только на одну семью. Этимъ голландецъ напоминаетъ англичанина, который говоритъ: «мой домъ—моя крѣпость». Голландецъ, человекъ семейный, но необщительный. У него нѣтъ способности француза къ общезитію, къ жизни на улицахъ,—напротивъ онъ любитъ быть всегда въ своей семьѣ, принимаетъ гостей очень рѣдко.

Маленькіе домики никогда не носятъ казарменнаго вида. Голландцы не штукатурятъ ихъ и они сохраняютъ темнокрасный цвѣтъ гладкихъ кирпичей и премило выглядываютъ изъ густой зелени, которая ихъ всегда окружаетъ. Красная или голубая крыша, множество свѣтлыхъ оконъ съ зелеными ставнями, выкрашенными пестрою краской, всегда закрытая дверь съ большимъ мѣднымъ молоткомъ дополняютъ внѣшній видъ голландскаго домика. Большая часть изъ нихъ украшены цѣпями, которыя идутъ вдоль фасада и не даютъ пѣшеходу близко подойти къ дому. Красный цвѣтъ домиковъ, между зеленою деревьею, перемеживается съ темною синевою каналовъ и свѣтлыми лучами солнца, что придаетъ городамъ и деревнямъ какой-то праздничный, веселый видъ.

Даже и крестьянскіе дома имѣютъ здѣсь уютный и веселый видъ: стѣны ихъ, тоже темнокрасныя, обыкновенно окружены группами деревьею, и если стоятъ подлѣ канала, у берега непременно привязана лодка хозяина дома. Дома въ деревняхъ одноэтажные; люди и скотъ почти вездѣ живутъ подъ одною и тою же соломенною крышею. Но здѣшнее стойло отличается такой чистотой, какую рѣдко вы найдете даже въ домахъ крестьянъ другихъ европейскихъ странъ. Чистая тропинка, напоминающая узкое шоссе, ведетъ къ стойлу; ни подлѣ, ни зади его вы не встрѣтите ни кучь мусора и навоза, ни даже помойной ямы. Вся площадка передъ стойломъ вымощена «клинкерсами», т. е. маленькими, коричнево-красными, твердыми кирпичами. Скотъ отъ Мая до Сентября проводитъ день и ночь подъ открытымъ воздухомъ на пастбищахъ. Когда его выгоняютъ изъ стойла въ Маѣ, хозяева тотчасъ приступаютъ къ чисткѣ этого стойла, хотя оно и въ то время, когда скотъ тутъ находится, всегда бываетъ чрезвычайно опрятно. Когда все убрано, хозяева переходятъ на лѣтнее время въ стойла, и такимъ образомъ пользуются прохладой, которую бы они не могли имѣть въ своихъ зимнихъ помѣщеніяхъ. Войдите въ это стойло въ то время, когда въ немъ помѣщается семья, и вы не повѣрите, что оно зимою служитъ жилищемъ для скота. Это огромная, свѣтлая комната, съ прекраснымъ, чисто вымытымъ поломъ, со множествомъ разставленной домашней посуды; молитвенникъ и библія съ серебрянными застежками занимаютъ на полкѣ свое обычное мѣсто. Все въ голландскомъ домикѣ тщательно прибрано, живетъ-ли семейство въ стойлѣ или въ своемъ зимнемъ помѣщеніи: каждая вещь непременно имѣетъ свое заранѣе точно опредѣленное мѣсто, повсюду царствуетъ необыкновенная чистота. Окна, стѣны, внутреннія и внѣшнія, непременно моютъ каждую недѣлю, а домашнюю утварь чистятъ и вытираютъ каждый день. Даже и въ крестьянскомъ помѣщеніи, кухня, ради большей опрятности, находится обыкновенно, въ отдѣльномъ, маленькомъ домикѣ, недалеко отъ общаго жилья. Каково жилище, таковы люди и животныя: крестьянки и крестьяне одѣты каждый день такъ чисто, какъ въ другихъ странахъ это дѣлаютъ, собираясь идти въ праздничный день въ церковь.

Надъ крышею каждаго дома, какъ корона, возвышается большое гнѣздо изъ соломы и вѣтвей, въ которомъ каждый годъ живетъ аистъ, возвращая весну. Аистъ считается въ Голландіи священной птицею; никто не осмѣлится убить его, и тотъ домъ считается счастливымъ, на кровлѣ котораго онъ строитъ свое большое гнѣздо. Въ этомъ отношеніи голландцы походятъ на нашихъ малороссовъ: и здѣсь, и тамъ, для нихъ заготавливаютъ искусственныя гнѣзда и всѣми средствами стараются заманить къ себѣ мимо-

летнаго гостя. Такая привязанность къ аистамъ вѣроятно развилась вслѣдствіе той пользы, которую эта птица приноситъ людямъ; она уничтожаетъ лягушекъ, жабъ, ящерицъ и змѣй. Аисты легко привыкають къ человѣку и особенно часто встрѣчаются въ рейнской дельтѣ. Здѣсь ихъ второе отечество, отсюда они нерѣдко громадными стаями перелетаютъ на дельту Нила. Не только въ деревняхъ — на каждомъ домѣ, у каждой трубы можно увидѣть семью аистовъ, но ихъ нерѣдко встрѣчаютъ и на городскихъ домахъ. Городъ Гага имѣетъ въ своемъ гербѣ аиста и поэтому на казенныхъ зданіяхъ этого города вырѣзанъ или нарисованъ аистъ. На рыбномъ рынкѣ, среди торговцевъ, всегда прогуливаются отъ трехъ до четырехъ ручныхъ аистовъ, которыхъ содержитъ городъ Гага, какъ Бернъ своихъ медвѣдей въ городскомъ рвѣ. Иногда аистъ нечаянно сломить себѣ ногу: сострадательные горожане ухаживаютъ за нимъ, лечатъ его, безпрестанно спрашиваютъ о его здоровьи и придѣлываютъ ему искусственную деревянную ногу. Аистъ оживляетъ нидерландскій ландшафтъ и потому голландскіе художники часто изображаютъ эту птицу на своихъ картинахъ.

Голландская любовь къ чистотѣ вошла въ пословицу. Любовь эта—слѣдствіе географическаго положенія, климата и изобилія воды, которая даетъ возможность мыть до чиста и прибѣгать къ норядку каждую минуту, когда это вздумается, безъ всякихъ затрудненій. Извѣстно, что туманный воздухъ Голландіи очень быстро разлагаетъ дерево и окисляетъ металлы. Чтобы предохранить отъ разрушенія и то, и другое, дерево необходимо красить настоящими металлическими красками, а металлическія вещи чаще чистить и полировать.

Крайняя чистота тутъ необходима болѣе чѣмъ гдѣ нибудь и для здоровья. Зима, какъ мы видѣли, бываетъ очень холодная, весна сырая, а лѣто жаркое. Народъ живетъ чрезвычайно тѣсно, соблюдаютъ крайнюю экономію относительно каждого клочка земли, который достается здѣсь такъ дорого. Скопленіе народа на небольшихъ пространствахъ при нечистотѣ легко могло бы породить всевозможныя болѣзни и воздухъ сдѣлался бы вреднымъ для дыханія. Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, и сдѣлали голландца человекомъ замѣчательно чистоплотнымъ, такъ что онъ теперь, поставленный даже и въ другія условія, вездѣ сохраняетъ это прекрасное качество. Какъ-бы то нибыло, но чистота благотвительно дѣйствуетъ на здоровье здѣшняго люда и даже на домашнихъ животныхъ. Посмотрите на улицу: народъ идетъ такой здоровый, веселый, краснощекій, въ чистыхъ платьяхъ. Голландки передъ всѣми другими европейскими женщинами отличаются мужественнымъ сложеніемъ, крѣпкою грудью и прекраснымъ цвѣтомъ лица.

Чистота и опрятность въ Голландіи замѣтны въ каждомъ углу, на каждомъ шагу, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ. На улицахъ мѣдные молотки у дверей всегда блестятъ, какъ звѣзды на небесномъ сводѣ. Наружныя и внутреннія стѣны домовъ моютъ, трутъ и чистятъ съ неумолимой заботливостью. Въ этой странѣ чистятъ и моютъ стѣны, какъ въ другихъ мѣстахъ чистятъ свое платье. Но средамъ, пятницамъ и субботамъ производится генеральная чистка. Въ эти дни улицы въ городахъ съ утра запружены служанками: онѣ черпаютъ воду, носятъ ее, поливаютъ вправо, влево, все моютъ и чистятъ—и стѣны домовъ, и домашнюю утварь, и заборы, и крыльцо, и даже улицу. Одна изъ нихъ бѣжитъ со щетками, съ метлами, съ суконными и шерстяными тряпками, другая—ручнымъ насосомъ обливаетъ домъ съ улицы, третья стоитъ на подоконникѣ и выливаетъ на стѣны сверху внизъ воду, ведро за ведромъ, точно будто во время пожара. Эти здоровыя и опрятныя дѣвушки въ деревянныхъ башмакахъ и плетенныхъ чепчикахъ воодушевляются до того, что иностранцы называютъ ихъ «вакханками опрятности».

Эту чистоту и опрятность въ полномъ блескѣ мы встрѣчаемъ въ стойлахъ не только людей богатыхъ, но и у крестьянъ во всей Голландіи безъ исключенія. Зайдите въ лю-

бую усадьбу, и вы тотчас замѣтите, что предметъ первой гордости каждой хозяйки ея хлѣвъ. Въ Сѣверной же Голландіи для коровъ и лошадей устраиваютъ настоящіе салоны. Полъ въ стойлахъ вымощенъ клинкерсами и покрытъ слоемъ мелкаго и бѣлаго песку. Нечистоты стекаютъ посредствомъ трубъ, и въ этихъ громадныхъ, свѣтлыхъ жилищахъ для скота, вы не услышите ни малѣйшаго запаха. Но что особенно оригинально и болѣе всего поражаетъ здѣсь путешественника, это то, что хвосты коровъ привѣшиваютъ здѣсь къ потолку этихъ скотныхъ салоновъ посредствомъ шнурковъ и такимъ образомъ, что корова можетъ свободно имъ двигать и отмахивать мухъ, когда она стоитъ. Когда же она ложится, она не можетъ разбрасывать имъ нечистоты и пачкать ими себя*). Это придумано очень остроумно, просто и практично и не заставляетъ нисколько страдать корову; тогда какъ нечистота коровъ отражается на здоровьѣ этихъ животныхъ, а посредствомъ молока вредитъ и людямъ.

Если вы расхаживаете по стойлу богатыхъ людей, вы легко можете вообразить себя въ богатомъ, оригинальномъ салонѣ. У стѣнъ стоятъ столы и поставцы, на которыхъ разложены серебряныя вещи и старый китайскій фарфоръ, бережливо переходящій по наслѣдству отъ отца къ сыну, съ XVII и XVIII столѣтій. Горшки съ пунцовыми и яркими цвѣтами и земледѣльческія орудія, тщательно выполированныя, довершаютъ убранство этихъ замѣчательныхъ хлѣвовъ. Въ теченіи всего лѣта, днемъ и ночью стада остаются на лугу (этотъ обычай существуетъ въ большей части Голландіи, но тоже не вездѣ); чтобы предохранить коровъ отъ простуды имъ на спины привязываютъ нѣчто въ родѣ попоны; это даетъ поводъ нѣкоторымъ острякамъ говорить, что въ Голландіи коровы ходятъ въ пальто. Такимъ образомъ лѣтомъ хлѣва остаются совсѣмъ пустыми и множество семействъ переходитъ жить въ нихъ на это время года.

Внѣшній видъ хлѣвовъ вполне соответствуетъ внутреннему убранству. Стѣны его прорѣзаны маленькими окнами, сплошь покрытыи занавѣсками изъ муслина, и все строгіе напоминаетъ скорѣе жилище богатаго человѣка, чѣмъ жилище скота. — Ту же чистоту находимъ мы и на корабляхъ. Голландскіе матросы метутъ свой корабль съ такою же любовью, какъ хозяйки свои жилища. И голландскіе корабли своимъ порядкомъ и опрятностью внутри отличаются отъ всѣхъ кораблей другихъ мореходныхъ націй, не говоря уже о классической грязи итальянцевъ и грековъ.

Войдемъ въ домъ зажиточнаго голландскаго буржуа.

Мы уже говорили о томъ, что почти каждый голландецъ имѣетъ отдѣльный домикъ и старается устроить свое гнѣздышко какъ можно лучше и уютнѣе. Этому много способствуетъ то обстоятельство, что дома эти обыкновенно собственные и переходятъ отъ отца къ сыну. Жильцы въ немъ не временные, а постоянные; въ томъ домѣ, гдѣ голландецъ родился, онъ старается и умереть и потому прежде всего заботится передать сыну домъ, полученный имъ самимъ отъ своего отца, какъ можно въ большемъ порядкѣ. Вслѣдствіе этого каждый хозяинъ тщательно поддерживаетъ солидную прадѣдовскую мебель и домашнюю обстановку, постоянно дополняетъ свое хозяйство и передаетъ домъ сыну въ буквальномъ смыслѣ слова «полную чашу», то есть самое благоустроенное хозяйство. Вы очень рѣдко найдете здѣсь въ домахъ зажиточныхъ людей легкую, изящную, нынѣшнихъ фасоновъ мебель, бронзу, часы, вазы. Напротивъ здѣсь все очень старо, хотя и прекрасно сохранилось, тяжело, массивно, прочно, но въ то же время и нѣсколько мрачно. На небольшихъ свободныхъ пространствахъ между домами и на дворѣ—

*) Этотъ обычай привязывать хвосты коровъ къ потолку существуетъ во многихъ мѣстностяхъ Голландіи, но болѣе всего въ Фрисландіи.

зеленѣютъ у стѣнъ абрикосовыя и миндальныя деревья, и виноградная лоза граціозно обвиваетъ и закрываетъ всякое голое мѣсто.

Переступивъ порогъ дома, входишь въ сѣни, чрезвычайно хорошо убранныя и которыя служатъ здѣсь мѣстомъ дѣтскихъ игръ. Полъ выложенъ мраморомъ и во всю его длину разосланъ мягкій коверъ. Съ потолка спускается домашній фонарь, иногда очень древній, свѣтъ котораго освѣщаль дѣтскія игры еще прапрадѣдушки нынѣшняго хозяина. На стѣнахъ развѣшаны портреты предковъ, въ углахъ нерѣдко стоятъ статуи и бюсты. Противъ дверей висятъ домашніе часы въ большомъ футлярѣ краснаго дерева. Нерѣдко вся эта комната уставлена самыми рѣдкими, дорогими растеніями и цвѣтами.

Семейство, если есть нѣсколько этажей, живетъ непремѣнно въ нижнемъ этажѣ, который считается въ Голландіи бель-этажемъ. Только панимающіе дома живутъ во второмъ этажѣ. Изъ сѣней идетъ прямо жилая комната, потомъ столовая и зало. Для почлега друзей и родныхъ есть еще боковая комната рядомъ съ сѣнями. Чѣмъ богаче хозяева, тѣмъ болѣе виситъ въ комнатѣ картинъ, писанныхъ масляными красками, — произведенія отечественныхъ художниковъ. Если нѣтъ средствъ купить хорошо нанисанную картину, комнату не станутъ украшать литографіями и плохими копіями.

Голландцы отличаются также необыкновеннымъ пристрастіемъ къ китайскимъ бездѣлушкамъ и къ китайскому фарфору. Въ каждомъ богатомъ домѣ вы найдете множество китайскихъ куколъ и разныхъ бездѣлушекъ, выточенныхъ изъ слоновой кости. Шкапы наполнены китайскимъ фарфоромъ.

Великолѣпный коверъ изъ Смирны покрываетъ полъ зала; на потолкѣ висятъ бронзовая люстра, а по стѣнамъ бронзовыя канделябры. Во всѣхъ комнатахъ мраморныя каминныя съ широкими зеркалами. Мебель изъ краснаго дерева не отличается изяществомъ, но всегда чрезвычайно удобна и дорога. Въ углахъ стоятъ плевательницы въ видѣ кувшиновъ съ узкимъ отверстіемъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ эти сосуды служатъ въ тоже время и для выколачиванія трубки и ихъ подаютъ за столъ вмѣстѣ съ чайной и кофейной посудой. Но самая необходимая мебель, которую вы найдете, какъ въ домѣ богача, такъ и въ домѣ бѣдняка, — *грѣлки*. Ими снабжены не только частныя дома, но и общественныя мѣста, ихъ вы найдете также и въ церквахъ. Когда женщина садится на стулъ, ей ставятъ подъ ноги грѣлку съ тлѣющимъ торфомъ. Этотъ обычай вѣроятно дурно дѣйствуетъ на здоровье, такъ какъ горящій торфъ выдѣляетъ сильный, удушливый, сѣрный запахъ. Однако эти грѣлки болѣе всего употребляютъ люди зажиточные, можетъ быть поэтому у женщинъ этого класса къ старости выраженіе лица бываетъ чрезвычайно вялое, а цвѣтъ кожи — свинцовый.

Вездѣ и всегда, какъ на улицѣ, такъ и въ домѣ, выгадываютъ мѣсто: шкафы вдѣланы въ стѣны, ставни непремѣнно внутреннія; ночью ими закрываютъ окна, а днемъ ихъ опять вдвигаютъ внутрь стѣны. Чтобы открыть окно, его нужно поднять вверхъ; оно почти цѣлый день завѣшано двойными занавѣсками, такъ что въ комнатѣ всегда царитъ таинственный полумракъ. Изъ за цвѣтущихъ растеній на окнѣ и изъ за густыхъ занавѣсей нерѣдко выглядываетъ цвѣтущее личико молодой дѣвушки. Но часто смотрѣть въ окно ей не удобно и считается здѣсь даже неприличнымъ, а голландки очень любопытны, вотъ онѣ и придумали зеркала, укрѣпленныя въ простѣнкахъ такимъ образомъ, что въ нихъ отражается вся улица и видны всѣ проходящіе. Молодая голландка сидитъ въ продолженіи многихъ часовъ въ своемъ мягкомъ креслѣ, усердно занимается своимъ дѣломъ и только отъ времени до времени броситъ взглядъ въ «шпіона» — (такъ называются эти зеркала) и видитъ все, что дѣлается на улицѣ и на каналѣ.

Мебель, посуда и другіе предметы обстановки, какъ мы уже говорили, обыкновенно чрезвычайно старинныя. Голландецъ имѣетъ страсть къ древностямъ, но, какъ человѣкъ

практической, онъ не любитъ, чтобы предметы, собранные имъ служили, только коллекціею для праздныхъ зрителей. Въ каждомъ зажиточномъ домѣ вы непременно найдете нѣсколько креселъ и столовъ того отдаленнаго времени, когда Голландія входила еще въ составъ Бургундіи. Вотъ диванъ временъ испанцевъ, а этотъ кубокъ и сервизъ напоминаютъ времена Людовика XIV. Всѣ эти предметы тщательно сохраняются, но всѣ они несутъ практическую службу, хотя многіе изъ нихъ употребляются только въ торжественныхъ случаяхъ.

Во второй этажъ ведетъ узкая, витая и крутая лѣстница, но непременно покрытая мягкимъ прекраснымъ ковромъ, заглушающимъ шаги. Въ верхнемъ этажѣ устроены кабинетъ хозяина дома, подлѣ нерѣдко прекрасная библіотека и тутъ же нѣсколько комнатъ, изъ которыхъ одна, двѣ превосходно убранныя, остаются совсѣмъ безъ всякаго употребленія. Нѣкоторыя изъ этихъ комнатъ отведены для спаленъ гостей, которые посѣщаютъ домъ нѣсколько разъ въ годъ, другія служатъ парадными комнатами для приема гостей въ торжественныхъ случаяхъ. Всѣ комнаты оклеены обоями и устланы коврами. Въ этихъ наиболѣе парадно убранныхъ комнатахъ 2-го этажа никто не живетъ, ихъ открываютъ только для гостей въ высокаторжественные дни.

Самая святая-святыхъ хозяйки — кухня. Голландская кухня скорѣе походитъ на гигантскую аптеку: на полкахъ блеститъ безчисленное множество мѣдной и оловянной посуды; въ большихъ шкафахъ симметрично разставлены серебряные сосуды, кубки и драгоцѣнный китайскій фарфоръ. Мраморный полъ блеститъ, какъ зеркало. Рядомъ съ кухней въ свѣтлой кладовой, въ большомъ порядкѣ разставлены жестяныя коробочки, бутылки и разные запасы въ глиняныхъ горшкахъ.

Вы спускаетесь въ погребъ. Несмотря на сырую почву, здѣсь все сухо и свѣтло, какъ въ жилой комнатѣ. Нигдѣ ни одной паутины, такъ какъ голландки немилосердно преслѣдуютъ пауковъ. Вино, уксусъ, масло всегда въ запасѣ, все стоитъ на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ.

Посмотримъ теперь на образъ жизни въ этомъ хорошо устроенномъ домѣ. Утромъ вся семья въ 7 или 8 часовъ, въ чистыхъ утреннихъ платьяхъ собирается къ завтраку. Когда отецъ видитъ, что всѣ на лицѣ, онъ читаетъ молитву, послѣ которой всѣ принимаютъ за приготовленный завтракъ. Онъ состоитъ изъ чая, хлѣба, сухарей, масла, сыра и холодной говядины разнаго рода. Послѣ завтрака отецъ семейства читаетъ небольшую главу изъ библіи и каждый принимаетъ за свое дѣло. Дѣти отправляются въ школу, мужъ и старшіе сыновья въ контору, находящуюся въ домѣ или въ другомъ мѣстѣ, а хозяйка въ кухню или въ кладовую, гдѣ она выдаетъ кухаркѣ припасы на этотъ день. Дѣло кухарки почти исключительно ограничивается кухней, она даже рѣдко ходитъ на рынокъ, такъ какъ въ Голландіи существуетъ обычай рѣшительно все приносить на домъ. Мясникъ, булочникъ, торговки овощами и фруктами каждый день доставляютъ все нужное. Въ домѣ средней руки кромѣ кухарки есть еще горничная. Она должна убирать домъ и служить за столомъ, если нѣтъ лакея. Относительно прислуги голландцы составляютъ совершенную противоположность англичанамъ; тѣ окружаютъ себя цѣлою арміею служителей, для всякаго дѣла имѣютъ особаго слугу. Здѣсь на оборотъ, стараются какъ можно болѣе сократить штатъ прислуги. Если живущая въ домѣ прислуга не справляется съ дѣломъ, для этого нанимаютъ постороннихъ людей, приходящихъ только въ известную часть. Часто одинъ и тотъ же мальчикъ приходитъ утромъ въ нѣсколько сосѣднихъ домовъ поочередно, на часа полтора, только для того, чтобы почистить платье, башмаки и сапоги, и получаетъ за то помѣсячно. Если семейство живетъ не въ самомъ городѣ, оно поручаетъ дѣлать покупки фактору, которому и платитъ точно такъ же помѣсячно, но который въ домѣ тоже не живетъ.

Голландцы любят жить комфортабельно и уютно, но не позволяют себѣ удовлетворять всѣмъ своимъ прихотямъ, хотя и не отличаются скупостью и строгой экономіею нѣмцевъ. Устраивая себѣ уютное гнѣздо, голландецъ никогда не справляется съ указа­ніями моды, а принимаетъ въ расчетъ прежде всего то, чтобы все, что онъ сдѣлалъ, могло пригодиться не только его дѣтямъ и внукамъ, но и его правнукамъ. Онъ любитъ жить въ своей семьѣ, рѣдко выѣзжаетъ, а также рѣдко приглашаетъ къ себѣ гостей. Несмотря однако на свою любовь къ уединенію и къ семейной жизни, въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова, каждый голландецъ считаетъ своимъ долгомъ дать въ годъ нѣсколько баловъ и званыхъ обѣдовъ. Эти балы, обѣды и выѣзды устраиваются съ необыкновеннымъ торжествомъ и на нихъ расходуютъ очень много денегъ, хотя они не доставляютъ особеннаго удовольствія ни хозяевамъ, ни гостямъ. Это обычай, котораго долженъ держаться всякій порядочный человѣкъ.

Маломальски зажиточный голландецъ имѣетъ своихъ лошадей и экипажъ, но онъ всетаки отправляется по своимъ дѣламъ пѣшкомъ, или беретъ наемный экипажъ. Лошади и упряжь существуютъ здѣсь не для удобства ихъ владѣльца, а для торжественныхъ выѣздовъ по воскресеньямъ въ церковь, на балы, на загородныя собранія и въ другихъ рѣдкихъ случаяхъ.

Когда богатый банкиръ, землевладѣлецъ или купецъ даетъ балъ или торжественный обѣдъ, что бываетъ не больше трехъ, четырехъ разъ въ году, тогда жена его отворяетъ двери всѣхъ парадныхъ комнатъ. Она снимаетъ чехлы съ мебели, картинъ и люстръ, вынимаетъ изъ шкафовъ китайскій фарфоръ, серебро, золото и всѣ рѣдкости, собранныя въ семействѣ въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій. Гости ѣдятъ и пьютъ изъ древнихъ золотыхъ и серебрянныхъ сосудовъ и кубковъ, лакомятся изъ массивныхъ серебрянныхъ вазъ самой древней формы.

Праздникъ кончился и хозяйка на другой день надѣваетъ чехлы на шелковую и штофную мебель; хрусталь, серебро и золото исчезаетъ въ шкафахъ, парадныя апартаменты запираются, а семья опять спускается въ уютныя комнаты нижняго этажа.

Кто имѣетъ рекомендацію, можетъ смѣло отправляться въ голландскій домъ и быть увѣреннымъ въ радушномъ приѣмѣ. Если иностранецъ хочетъ скорѣе приобрѣсти дружбу голландца, онъ долженъ выкуривать трубку, которую ему предложить, до конца, выпивать рюмку до дна, никогда ничего не оставлять на тарелкѣ. Онъ долженъ стараться больше слушать, чѣмъ говорить, всегда долженъ быть во фракѣ и въ безукоризненномъ галстухѣ и не плевать, гдѣ попало, а непременно въ урну, которая стоитъ въ углу. Все противное этому—признакъ дурнаго тона, неумѣнья держать себя съ порядочными людьми, и голландецъ рѣзко, безъ всякихъ обиняковъ, запретъ передъ вами двери своего дома. Но возвратимся къ описанію будничнаго, ежедневнаго времяпрепровожденія.

Когда наступаетъ время для втораго завтрака, между 12-ю и часомъ, — пьютъ кофе, «*jeenever*» и ликеры и ѣдятъ холодное кушанье. Первый завтракъ почти ничѣмъ не отличается отъ втораго, развѣ только тѣмъ, что на послѣднемъ подаютъ болѣе яствъ. Около 4-хъ часовъ—обѣдъ, который совершается у голландцевъ торжественно и отъ котораго они не позволяютъ себя оторвать безъ особенно уважительной причины. Вечеромъ вся семья собирается около главы семейства, который что нибудь рассказываетъ или читаетъ вслухъ, сидя на старинномъ креслѣ, среди облаковъ дыма и въ бѣломъ каленкоровомъ колпакѣ на головѣ. Точно такъ же и головы всѣхъ остальныхъ членовъ семьи мужскаго пола, когда они проводятъ вечеръ въ своей семьѣ, покрыты бѣлыми, остроконечными каленкоровыми колпаками. Когда наступаетъ вечеръ, вся семья собирается около чайнаго котла. Всѣ садятся вокругъ стола, покрытаго бѣлоснѣжной скатертью, на которой разставлены синія тарелки для сыра, масляница и синія чашечки.

Голландская кухня не имѣетъ своеобразныхъ національныхъ кушаньевъ, но представляетъ смѣсь англійской, французской и нѣмецкой: тутъ вы найдете и англійскіе ростбифы, и французскія котлеты, и нѣмецкую капусту, и компоты изъ фруктовъ, клецки и множество кушаньевъ изъ яицъ, но все это, разумѣется, приготовлено чисто на голландскій ладъ. Суповъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы это понимаемъ, не существуетъ въ Голландіи; отваръ, который голландцы называютъ супомъ, скорѣе напоминаетъ теплую мыльную воду, чѣмъ нашъ супъ. Это происходитъ оттого, что на большое количество воды здѣсь кладутъ очень немного телячьихъ костей и больше ничего. Мясо никогда не ѣдятъ варенымъ, а только жаренымъ; овощи такъ же играютъ второстепенную роль. Болѣе всего употребляютъ цвѣтную капусту въ разныхъ видахъ, маленькій, зажаренный вкусный картофель дюнь бываетъ за каждымъ столомъ. Очень любятъ тоже голландцы рыбу, которую и готовятъ съ особеннымъ искусствомъ, съ сельдереемъ и чеснокомъ. Изъ рыбныхъ кушаній особенно извѣстностью у голландцевъ пользуется «Waterzoodje» — окунь, сваренный въ соленой водѣ съ петрушкой. Его ѣдятъ съ хлѣбомъ, намазаннымъ масломъ. Масло и сыръ подаютъ непременно за каждымъ столомъ и всякій разъ, когда только накрываютъ столъ: за чаемъ, завтракомъ и обѣдомъ. Каждый голландецъ начинается и оканчиваетъ день сыромъ. Національный напитокъ — «jenever» и многіе сорта «naagbitter», который употребляютъ ежедневно въ большемъ количествѣ. Хотя въ Голландіи существуетъ «общество трезвости», состоящее уже изъ многихъ тысячъ членовъ, но программа его вѣроятно никогда не осуществится. Сырой, суровый климатъ требуетъ возбуждающихъ и согрѣвающихъ напитковъ. Голландцы также очень любятъ ликеры и готовятъ ихъ съ особеннымъ стараніемъ. Много употребляютъ также «advocatenborrel», который состоитъ изъ рома, яичнаго желтка и сахара. Вина привозятъ изъ Франціи, пиво изъ Баваріи и Англии. Чай голландскаго приготовления не вкусенъ и горекъ и даже въ гостинницахъ его не разливаютъ по чашкамъ и не подаютъ приготовленнымъ, а каждый завариваетъ его самъ. Желаящему привносятъ порцію сухаго чая, горячую воду, пылающій торфъ въ особомъ сосудѣ, большой чайный котелъ, чайныя принадлежности, и каждый свою порцію чаю можетъ заварить на двѣ чашки или на 12, по своему усмотрѣнію. Сахаръ никогда не подаютъ кусками, а толченный. При этомъ мужчинѣ непременно предлагаютъ глиняную трубочку.

Богатые люди имѣютъ свои собственные дома, не только въ городѣ, но и въ деревнѣ. Когда приходится имѣть только одинъ домъ, его предпочитаютъ выстроить за городомъ, вблизи оживленной большой дороги. Эти голландскіе загородные дома, или дачи, находятся въ красивыхъ мѣстностяхъ и напоминаютъ китайскіе павильоны. Голландецъ чрезвычайно любитъ свой загородный домъ, какъ мѣсто отдыха и тихой семейной жизни, и даетъ ему самыя оригинальныя прозвища, которыя онъ большими буквами надписываетъ на воротахъ. Вотъ эти названія: «Welte vreden» (будь доволенъ); «Mijn genoegen» (мое удовольствіе); «Больше ничего не нужно»; «Моя отрада», «Удовольствіе и покой»; «Радость и моя жизнь»; «Безъ заботы радость и миръ», «Честный человекъ живетъ безъ долговъ» и т. п.

Здѣсь голландецъ отдыхаетъ по воскресеньямъ отъ работы цѣлой недѣли и занятій въ конторѣ. Тутъ цѣлыми днями сидятъ его жена и дочери, занимаясь шитьемъ и поглядывая на барки, экипажи и путешественниковъ. Когда съ ними сидятъ и мужчины, ихъ еле можно различить въ густыхъ облакахъ табачнаго дыма. Тутъ еще рѣже чѣмъ въ городѣ посѣщаютъ своихъ знакомыхъ, и если когда и забредетъ гость, то остается не долго: выпьетъ вмѣстѣ нѣсколько чашекъ кофею или чаю (нѣкоторые пьютъ по дюжину чашекъ и бокаловъ) и отправляются восвояси.

Сады этихъ пригородныхъ жилищъ отличаются необыкновеннымъ бо-

гатствомъ цвѣточныхъ куртинъ и прекрасными аллеями. Наибольшимъ удовольствіемъ дачной жизни служить охота. Въ Голландіи, какъ мы уже говорили, чрезвычайно мало лѣсовъ, кое гдѣ встрѣчаются только рощи, въ которыхъ попадаются зайцы, слѣдовательно объ охотѣ на животныхъ не можетъ быть и рѣчи. Въмѣсто этого здѣсь сильно распространена охота на птицъ. Болота, луга, равнины и острова, все способствуетъ размноженію въ громадномъ количествѣ дикихъ утокъ, гусей, куликовъ, бекасовъ, чаекъ, береговыхъ и водяныхъ птицъ, которыя оживляютъ однообразную низменную мѣстность. Когда весною молодая трава покрываетъ землю, по ней съ крикомъ бѣгутъ стаи пугалыцъ и другихъ птицъ. Чайки безконечными стадами носятся надъ моремъ и берегами и залетаютъ даже въ города. Въ воздухѣ длинными вереницами проносятся перелетныя птицы, въ тростникѣ раздаются криканье дикихъ утокъ, почти на всѣхъ водяныхъ поверхностяхъ граціозно плаваютъ лебеди, въ болотахъ важно расхаживаютъ длинноногія, береговья птицы и глотаютъ лягушекъ, а журавли быстро проносятся надъ долинами. — Охота на птицъ не только служитъ удовольствіемъ для богатыхъ, но и промысломъ, которымъ занимается множество бѣдняковъ.

Не менѣе предаются голландцы и *уженію рыбы*. Вся страна покрыта водами, богатыми рыбою, и опоясана моремъ, точно поясомъ. Здѣсь много морскихъ заливовъ, каналы и рѣки идутъ, какъ вдоль городовъ, такъ и вдоль деревень, и почти каждый крестьянинъ и большая часть горожанъ имѣютъ челнокъ или рыбацкую лодку у самаго дома. Поэтому голландцы страстные охотники ловить рыбу удочкою и неводомъ. Даже и писшіе классы народа не только сдѣлали изъ уженія рыбы полезный для себя промыселъ, но и въ свободное время предаются съ увлеченіемъ этому удовольствію.

Лица, не имѣющія средствъ выстроить за городомъ домъ съ садомъ, нерѣдко устраиваютъ одинъ садикъ вблизи того города, въ которомъ они живутъ. Въ такихъ садикахъ семья голландца проводитъ цѣлые дни, если только это позволяетъ погода. Васъ поразишь въ нихъ аккуратность, симметрія, роскошь зелени и самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Всѣ дорожки усыпаны золотистымъ пескомъ и по краямъ искусно убраны раковинами. Кромѣ куртинъ и клумбъ съ цвѣтами, стоитъ множество глазированныхъ горшковъ съ болѣе дорогими луковичными растеніями. На вѣткахъ деревьевъ висятъ клѣтки съ пѣвчими птицами. Но болѣе всего поражаетъ въ этихъ садахъ оригинальный видъ деревьевъ. Почти всюду существуетъ обычай красить деревья въ красный и синій цвѣтъ и такимъ образомъ сгибать ихъ и подстригать, что онѣ представляютъ самую разнообразную форму: обелиска, пирамидъ, вазъ и животныхъ. Прежде любили придавать имъ даже человеческую форму: то цѣлая группа деревьевъ, вмѣстѣ и порознь, напоминали аркадскую пастушку, то голландскаго бургомистра. Впрочемъ теперь все меньше и меньше уродуютъ деревья.

Кто не имѣетъ ни дачи, ни сада, тотъ беретъ свой патріархальный дождевой зонтикъ и отправляется послѣ обѣда въ общественный садъ, съ своей женой, дѣтьми и собакой. Странно смотрѣть тогда на голландцевъ: женщины разгуливаютъ въ бѣлыхъ чепчикахъ, мужчины въ бѣлыхъ галстукахъ и съ бѣлыми трубками. Каждый подходит раскурить свою трубку у громадной жаровни. Передъ всѣми чашки или бутылки: здѣсь кофе, тамъ чай или жeneverъ. Всѣ заняты покойнымъ созерцаніемъ или тихими, семейными разговорами. Здѣсь никогда не услышите ни горячихъ споровъ, не замѣтите оживленной, южной мимики и жестикюляцій. Все тихо, спокойно, иногда торжественно молчаливо, но нисколько не вяло.

Крестьяне тоже веселятся по воскресеньямъ. Они или отправляются въ увеселительныя мѣста сосѣднихъ городовъ, или бросаютъ въ цѣль кожаными мячиками, или играютъ въ кегли у трактира.

Семейные обычаи.—Свадьба.—Крестины.—Похороны.

Когда молодому парню нравится дѣвушка, онъ, не долго думая, просить позволенія у ея родителей посѣщать ихъ домъ. Если ему не отказываютъ въ этомъ, молодыхъ людей начинаютъ называть женихомъ и невѣстой. Но это еще не значитъ, что парень и дѣвушка поженятся, хотя въ большинствѣ случаевъ это обыкновенно кончается бракомъ. Молодой человѣкъ, если хочетъ, можетъ каждый вечеръ ходить къ своей невѣстѣ, но онъ ни минуты не долженъ оставаться долѣ двѣнадцати часовъ ночи. Въ окрестностяхъ Гронингена и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, крестьяне производятъ нѣчто въ родѣ тайнаго суда надъ молодымъ человѣкомъ, который пренебрегаетъ этимъ обычаемъ. Но для того, чтобы произвести такую расправу, его непременно нужно застать, когда онъ выходитъ отъ невѣсты. Есть всегда любители, которые садятся въ засаду нѣсколько раньше 12-ти часовъ и ждутъ когда Гансъ идетъ отъ своей Гретель. Если онъ возвращается позже 12-ти, на него со всѣхъ сторонъ нападаетъ нѣсколько человѣкъ, связываютъ его крѣпкой веревкой и тащатъ окунуть въ первую попавшуюся лужу. Если вода замерзла, его окачиваютъ изъ ведеръ. Таковъ народный обычай, и пострадавшій никогда не жалуется въ судъ.

За 8 дней до свадьбы происходятъ поздравленія. Въ этотъ день въ домъ невѣсты собираются всѣ родственницы до 7-го колѣна. Въмѣсто пригласительныхъ писемъ, тому, кого желаютъ пригласить, посылаютъ вино и сладкое печенье въ красивомъ сверткѣ. Каждый знаетъ, что это означаетъ и торопится въ домъ невѣсты въ назначенный день.

Бракъ здѣсь совершается чрезвычайно просто. Онъ считается законнымъ, если брачный контрактъ заключенъ передъ начальствомъ. Желаютъ ли новобрачные получить благословеніе церкви или нѣтъ, — это вполне предоставляется на ихъ усмотрѣніе. Если свадебная церемонія здѣсь очень проста, то свадебный пиръ требуетъ большихъ издержекъ и празднуется на славу. Сельское населеніе живетъ здѣсь очень просто и тихо, но семейные праздники справляетъ съ большою пышностью. Свадьба же считается самымъ большимъ семейнымъ праздникомъ, и потому на нее не только ничего не жалѣютъ, но затрачиваютъ часто заработокъ нѣсколькихъ лѣтъ. Особенно прежде крестьяне такъ тратились на свадьбы, что нерѣдко совсѣмъ разорялись. Это принудило правительство опредѣлить закономъ, сколько можетъ тратить крестьянинъ на музыкантовъ, сколько на свадебные подарки, какое количество блюдъ подавать за обѣдомъ и т. д. Этимъ правиламъ не слѣдуютъ, но все таки теперь не такъ на это разоряются.

Крестьяне, хотя и не имѣютъ особенныхъ комнатъ для торжественныхъ случаевъ, какъ негоціанты и буржуа, но за то у cadaго изъ нихъ непременно двѣ входныхъ двери; одна изъ нихъ, черезъ которую ходятъ каждый день, а другая, запертая въ обыкновенные дни, открывается только ради трехъ торжественныхъ случаевъ: для новорожденнаго, когда его несутъ крестить; для жениха, когда онъ отправляется вѣнчаться и для покойника, когда его отвозятъ на кладбище.

Когда у крестьянки умираетъ мужъ, а она еще молода, она обыкновенно выходитъ замужъ за своего старшаго работника, если онъ еще не слишкомъ старъ. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: въ тотъ день, когда служащіе получаютъ жалованье, крестьянка отзывается въ сторону работника и отдаетъ ему его жалованье. Тотъ отказывается принять его, она настаиваетъ, но наконецъ уступаетъ, и работникъ вскорѣ дѣлается хозяиномъ. Если же хозяйка твердо стоитъ на томъ, чтобы работникъ взялъ свое жалованье, это означаетъ другими словами, что она ни за что не выйдетъ за него замужъ. Такой работникъ послѣ этого не остается въ домѣ и прощается на всегда съ хозяйкою.

Причиною отказа вдовы отъ новаго брака часто бываетъ честолюбіе. Есть много крестьянскихъ семействъ, которыя тщеславятся тѣмъ, что онѣ произошли изъ древняго крестьянскаго рода и стараются родниться съ людьми не менѣе древняго происхожденія.

Женскій золотой головной уборъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Голландіи играетъ важную роль при сватовствѣ. Когда женихъ приходитъ свататься къ молодой дѣвушкѣ, онъ, прежде чѣмъ вздумаетъ сказать ей объ этомъ слово, узнаетъ, можетъ ли онъ на это рѣшиться или вѣтъ. Если дѣвушка при входѣ его выходитъ изъ комнаты и черезъ нѣсколько минутъ возвращается въ своей сіяющей діадемѣ, — это означаетъ, что она ему не откажетъ. Если же она чопорно сидитъ передъ нимъ безъ діадемы, то ему не стоитъ и дѣлать предложенія. Когда дѣвушка согласилась на бракъ, женихъ даритъ ей шелковыя подвязки, на которыхъ вытканы изрѣченія, въ родѣ слѣдующихъ: «о ты, супружескій союзъ! Только смерть можетъ тебя нарушить!» — «Супружеская любовь только тогда достойна уваженія, когда ее раздѣляютъ обѣ стороны» и т. п.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ большомъ ходу при сватовствѣ такой обычай: молодой человекъ завязываетъ въ уголокъ носоваго платка серебряную монету и передаетъ этотъ узелокъ дѣвушкѣ, которой онъ хочетъ сдѣлать предложеніе. Если дѣвушка развязываетъ узелокъ, это означаетъ, что она желаетъ быть его женою. На этихъ платкахъ также множество изрѣченій, въ томъ же родѣ какъ и на подвязкахъ, со всевозможными варіаціями. «Любовь хороша, когда она вознаграждается взаимностью; гдѣ ея нѣтъ, тамъ всѣ старанія напрасны». «Хвалите Бога».

Мать молодой, еще за долго до появленія новаго члена семьи, дѣлаетъ будущему ребенку и своей дочери большія приготовленія. Конечно, чѣмъ богаче мать молодой, тѣмъ богаче приданое новорожденнаго, но, какъ бы она ни была бѣдна, обычай заставляетъ ее, задолго до появленія на свѣтъ малытки, отослать въ домъ своей дочери: колыбель, грѣлку, какъ можно больше бѣлья, нарядное платье для крестинъ, ремень, укрупную воду и т. п. Вмѣстѣ съ этимъ она должна заготовить засахаренный анисъ, личный глинтвейнъ и чайное печеніе съ корицей. Этими сладостями угощаютъ женщинъ, посѣщающихъ молодую мать. Бѣда тому, кто сдѣлаетъ малѣйшее отступленіе отъ этого обычая. Языки посѣтительницъ употребятъ все стараніе, чтобы подорвать авторитетъ семейства, совершившаго такое преступленіе.

Самое важное угощеніе въ это время «*muisjes*» — засахаренное анисовое сѣмя. Его ѣдятъ слѣдующимъ образомъ: берутъ бисквиты, родъ тоненькихъ круглыхъ сухариковъ, намазываютъ ихъ масломъ или посыпаютъ «*muisjes*» и ѣдятъ съ чаемъ.

Люди болѣе или менѣе богатые вывѣшиваютъ каждое утро на своихъ дверяхъ бюллетень о состояніи здоровья матери и новорожденнаго. Знакомый, который подойдетъ къ двери, чтобъ навѣстить семейство, не постучитъ въ дверь, если на ней объявленіе, такъ какъ въ это время считается неприличнымъ беспокоить хозяевъ.

Въ Гарлемѣ и въ очень многихъ другихъ мѣстностяхъ существуетъ странный обычай. Какъ только родится ребенокъ, къ дверямъ прибиваютъ «*kraamklopper*» — символъ радости и страданія матери. Онъ состоитъ изъ дощечки, обтянутой розовой шелковой матеріей и покрытый кружевами, сложенными на углахъ въ складочки, но черезъ которыя просвѣчиваетъ розовая подкладка. Если новорожденный — дѣвочка, то половину дощечки обтягиваютъ бѣлой шелковой матеріей, такъ что фонъ такого «*kraamklopper*» на половину бѣлый, на половину розовый. Если же родился мальчикъ, бѣлой матеріи не подкладываютъ и весь фонъ клоппера, изъ подъ тонкихъ кружевъ, просвѣчиваетъ розовымъ. У нѣкоторыхъ клопперы бываютъ очень роскошныя. Богатые употребляютъ для нихъ самыя драгоценныя кружева и самую дорогую шелковую матерію, даже и бѣдныя нерѣдко отказываютъ себѣ въ самомъ существенномъ, чтобы только сдѣлать клопперъ

у своей двери болѣе роскошнымъ. Если ребенокъ умираетъ вскорѣ послѣ своего рожденія, клопперъ дѣлають траурный: дощечку обтягиваютъ черной шелковой матеріей и покрываютъ кружевами; при глубокомъ траурѣ оборку дѣлають не изъ кружевъ, а изъ черного кембрика. Когда клопперъ портится отъ дурной погоды, на другой день вывѣшиваютъ новый.

Употреблять клопперъ, какъ говоритъ преданіе, начали съ 1573 года, когда городъ Гарлемъ былъ занятъ испанцами. Говорятъ, что командующій испанскими войсками, предписалъ щадить семейства, въ которыхъ находится родильница, и съ этою цѣлью такіе дома обозначали посредствомъ какого-нибудь знака на двери. Съ этихъ поръ и вошли въ употребленіе клопперы. Но ни одинъ изъ современныхъ историковъ не упоминаетъ о такой чертѣ великодушія испанцевъ, и всѣ рассказы того времени переполнены извѣстіями о жестокостяхъ, какія они себѣ позволяли. Какое-бы ни было происхожденіе клоппера, но достовѣрно извѣстно, что въ прежнія времена кружевная роза на двери обезоруживала даже руку закона; ни судьи, ни сыщики не смѣли войти въ домъ, на дверяхъ котораго висѣлъ этотъ знакъ; онъ освобождался даже отъ военныхъ постоевъ. Теперь эта кружевная роза не имѣетъ такого значенія; она извѣщаетъ проходящихъ о событіи, живо интересующемъ всю семью, и напоминаетъ имъ о томъ, чтобы они не потревожили какъ нибудь больной.

Точно такъ-же домъ дѣлается неприступнымъ и тогда, когда кто нибудь заболѣваетъ. Звонокъ у дверей умолкаетъ до тѣхъ поръ, пока больной совѣмъ не оправится. Нѣкоторые и при этомъ точно такъ-же вывѣшиваютъ къ дверямъ бюллетень съ подписью доктора и такимъ образомъ избавляются отъ посѣтителей.

Когда въ домѣ кто нибудь умираетъ, о его смерти извѣщаетъ сосѣдей, родныхъ и друзей «аанспрекеръ». Это живое объявленіе объ смерти одѣто во всемъ черномъ: въ черномъ фракѣ, въ короткихъ штанахъ, въ длинныхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками. На головѣ у него круглая шляпа съ большими полями, на которой развѣвается черный крестъ, такой же длинный, какъ корабельный флагъ. Онъ говоритъ глухимъ, замогильнымъ голосомъ: «я возвѣщаю о смерти такого-то (при этомъ называетъ его чинъ, имя и адресъ)». Этотъ-же самый герольдъ возвѣщаетъ иногда и о рожденіи: такимъ образомъ онъ встрѣчаетъ только-что вошедшаго въ міръ и провожаетъ его въ послѣднее жилище.

Вступать въ новый бракъ въ тотъ годъ, когда умеръ одинъ изъ супруговъ, считается верхомъ неприличія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ перваго брака остаются дѣти. Если кто и пренебрегаетъ этимъ обычаемъ, что случается здѣсь крайне рѣдко, то это ставитъ всѣхъ родственниковъ въ чрезвычайно неловкое положеніе.

Погребеніе происходитъ утромъ, весьма скромно. Друзья, слѣдовавшіе за гробомъ, возвращаются въ домъ покойника и всѣ вмѣстѣ завтракають въ торжественномъ молчаніи.

Конскій бѣгъ.—Бѣганье на конькахъ.

Прекрасныя голландскія лошади дали случай ко множеству удовольствій и празднествъ. Между національными увеселенія одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ *конскій бѣгъ*. Но ни въ одной голландской мѣстности такъ страстно не увлекаются этимъ удовольствіемъ, какъ въ Фрисландіи, можетъ быть потому, что эта провинція—родина самыхъ лучшихъ лошадей въ Голландіи. Огромными толпами отправляется народъ къ ристалищу, гдѣ будетъ происходить бѣгъ и гдѣ за деньги можно получить мѣста на стульяхъ и скамейкахъ. Лошадей, назначенныхъ для бѣга, выставляютъ парами. На каждой изъ нихъ

сидитъ наѣздникъ въ короткой курткѣ и вмѣсто сѣдла подѣ нимъ коверъ, прикрѣпленный ремнемъ. Сразу могутъ выѣзжать только два ѣздока. Они пускаются къ цѣли съ страшнымъ крикомъ и гикомъ, отчасти чтобы этимъ заставить скорѣе бѣжать лошадь, такъ какъ кнутъ запрещенъ, отчасти чтобы смутить своего соперника. Принято объѣзжать три раза весь кругъ и только тѣ лошади считаются побѣдительницами, которыя во всѣ три объѣзда достигли цѣли въ числѣ первыхъ. Побѣдные призы состоятъ обыкновенно изъ серебряннаго кубка, дорогаго кнута и серебряныхъ шпоръ.

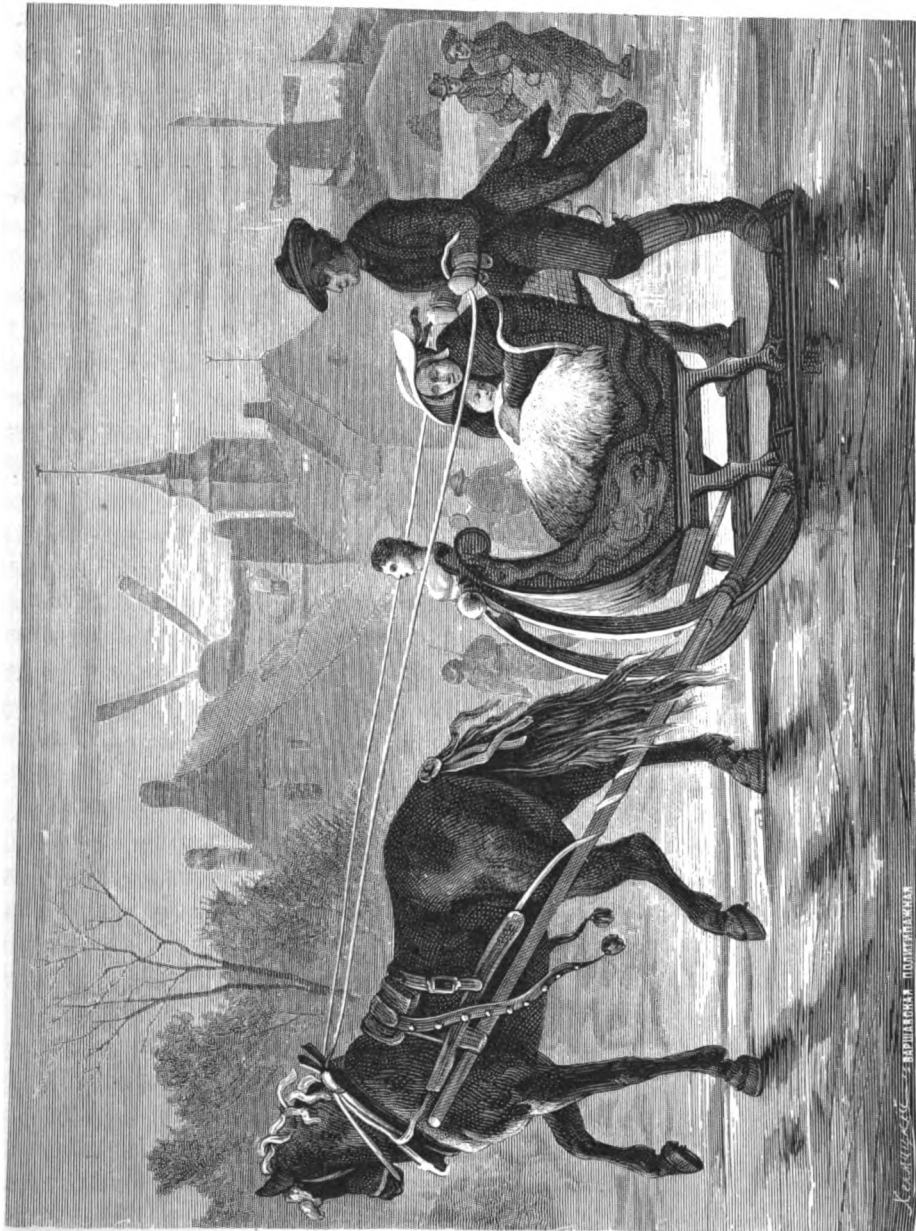
Нѣтъ ничего болѣе любопытнаго, какъ смотрѣть зимой, когда молодыя дѣвушки, съ разумяннвившимся отъ холода щеками, съ блестящими отъ удовольствія глазами, скользятъ на конькахъ по льду. Когда онѣ, въ сопровожденіи брата или жениха, летятъ съ одного конца канала до другаго, то граціозно наклоняясь впередъ, то выпрямляясь во весь ростъ, то нѣсколько откидываясь назадъ, дѣлая зигзаги, описывая круги, гордо и увѣренно покачиваясь, — трудно вѣрить, что это живыя существа! Кажется, невидимыя созданія или сказочныя феи собрались праздновать на поверхности льда праздникъ въ честь граціи, молодости и красоты.

Страсть кататься на конькахъ—повсемѣстна въ Голландіи: безконечныя равнины, озера, польдеры и безчисленное количество каналовъ—все покрывается зимой ледяной корой, по которой такъ удобно скользить на конькахъ. И дѣйствительно, нигдѣ страсть къ бѣганью на конькахъ не охватываетъ такъ всѣ классы общества, нигдѣ умѣнье и ловкость къ этому упражненію не доходятъ до такого совершенства, какъ здѣсь. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ мороза, съ наступленіемъ котораго всѣ эти неудобныя водныя пространства превращаются въ прекрасныя ледяныя равнины. Сколько удовольствій, наслажденій и удобствъ судить они голландцу! Съ какимъ восторгомъ встрѣчаютъ тутъ первый морозъ! Первый вопросъ каждое утро—старика, молодой дѣвушки и ребенка—одинъ и тотъ же: «Есть ли сегодня морозъ, окрѣпъ ли ледъ?» Какой шумъ, оживленіе происходитъ по всѣмъ деревнямъ въ тотъ день, когда на поверхности замѣтитъ смѣльчака, который первый на своихъ конькахъ испробовалъ прочность льда. Всѣ выбѣгаютъ: старики, женщины, юноши, дѣвушки, дѣти, молодые и старые, — всѣ толпятся на льду, не обращая вниманія на рѣзкій вѣтеръ.

Начиная ходить, здѣшній ребенокъ въ то же время уже учится держаться на льду. Каждый изъ нихъ, гораздо раньше чѣмъ приняться за азбуку, отлично знаетъ бѣгать на конькахъ. Только что каналы успѣютъ покрыться льдомъ, — нельзя болѣе удержать въ домѣ молодежь. Мальчики убѣгаютъ изъ школы, никто не сидитъ дома, и веселая толпа, съ ранняго утра до поздняго вечера, одинъ за другимъ, по всѣмъ направленіямъ каналовъ, скользитъ по ледяной поверхности.

Голландцы по справедливости считаются лучшими конькобѣжцами въ мірѣ. Они, какъ мы видѣли, начинаютъ упражненія съ самаго ранняго дѣтства, и съ каждымъ годомъ увеличивается ловкость, быстрота, легкость и грація ихъ бѣга. Здѣсь есть люди, пробѣгающіе пять миль въ часъ, и самая скорая лошадь не можетъ ихъ догнать. Умѣнье бѣгать на конькахъ служить не только удовольствіемъ. Женщины и дѣвушки доставляютъ такимъ образомъ на рынки и въ города, находящіяся отъ нихъ иногда довольно далеко, свои домашнія сбереженія: молоко, масло, капусту, плоды. На вырученныя деньги онѣ покупаютъ другіе товары и такимъ же образомъ возвращаются съ ними домой. Эти гордыя, красивыя дѣвушки точно такъ же легко и непринужденно пролетаютъ громадныя поверхности на конькахъ, съ тяжелыми ведрами или корзинами на головахъ, какъ и тогда, когда онѣ скользятъ по блестящей поверхности только ради своего удовольствія. При этомъ самая маленькая дѣвочка никогда ничего не уронитъ, не прольетъ и не разобьетъ. Самыя цѣнныя и хрупкія вещи поручаютъ дѣтямъ доставить въ ту или

С. ПЕТЕРБУРГЪ — ВЪ ПУТИ КЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГУ — ПОДЪ ПЕРЬЯНЫМЪ

другую мѣстность, и они съ гордостью держать ихъ на головѣ, всегда умѣя сохранить центр тяжести.

Пріятно смотрѣть на молоденькихъ дѣвушекъ утромъ, когда онѣ летятъ по разнымъ направленіямъ: золотыя украшенія ихъ головъ, точно средневѣковые шлемы, придаютъ какую-то особенную, мужскую энергію ихъ лицамъ и какъ блуждающіе огоньки мелькаютъ сквозь туманный воздухъ. Но еще болѣе любопытно наблюдать молодую дѣвушку рано утромъ, когда она только что собирается пуститься въ путь. Высокая, красивая, гордая и увѣренная, съ своимъ блестящимъ уборомъ на головѣ, она выходитъ изъ дому съ коньками въ рукахъ. Съ блуждающею улыбкою на губахъ она нагибается, чтобы одѣть ихъ, но въ ту же минуту къ ея услугамъ бросается молодой паренъ. Онъ уже давно за изгибами канала ждалъ этой минуты, притаивъ дыханіе, опасаясь, чтобы кто нибудь его не опередилъ. Вотъ почему онъ съ такою живостью бросается къ ея ногамъ. Привязать коньки къ ногамъ красавицы — честь, которой добиваются всѣ парни, такъ какъ за эту услугу имъ платятъ поцѣлуемъ.

Въ Голландіи коньки стали употреблять уже много столѣтій тому назадъ. Вездѣ, гдѣ только приходилось разрывать холмы, на большой глубинѣ находили костяные коньки, которые, какъ доказывали ученые, нерѣдко принадлежали не только жителямъ X столѣтія, но и VIII-го. Коньки въ Голландіи, смотря по мѣстности, устраиваютъ различно: въ Фрисландіи они состоятъ изъ желѣзной, совершенно прямой пластинки, тогда какъ пластинки голландскихъ коньковъ нѣсколько согнуты у носковъ.

Тамъ, гдѣ жители собираются кататься и гдѣ устраиваютъ «бѣги» для состязающихся, поднимаются деревянные постройки, въ которыхъ конькобѣжцы согрѣваютъ оконченнѣе члены ѣдой или питьемъ. Тутъ музыка играетъ разные танцы, варятъ кофе для желающихъ, продаютъ вино и жарятъ вафли. Въ день, назначенный для бѣга, о чемъ жители узнаютъ по печатнымъ объявленіямъ, рѣшительно все юношество стремится къ мѣсту, гдѣ онъ будетъ происходить. Желающихъ состязаться чрезвычайно много, и такъ какъ сразу не могутъ всѣ принять участіе, то бѣгутъ въ нѣсколько приѣмовъ, партіями въ 80 и въ 100 человекъ. Награда, назначенная побѣдителямъ, обыкновенно состоитъ изъ дорогихъ коньковъ или изъ золотой монеты. На эту монету все семейство выигравшаго смотритъ съ нѣмымъ, почти религіознымъ благоговѣніемъ, и существуетъ не мало мѣстностей въ этой странѣ, гдѣ выигравшій, при самыхъ критическихъ обстоятельствахъ, не рѣшится пустить ее въ ходъ. Выиграть во время такого бѣга чрезвычайно трудно: всѣ такъ хорошо бѣгаютъ, да и состязающихся чрезвычайно много. Дамы тоже участвуютъ въ бѣгѣ.

Когда бѣгъ состязающихся конченъ, вся толпа одѣваетъ коньки и летитъ какъ молнія, разсѣкая воздухъ. Кажется, что конькобѣжцы стоятъ не двигаясь, а посторонняя сила носитъ ихъ по поверхности съ неимоверною быстротой. Тамъ и здѣсь въ этой громадной толпѣ десять, двадцать человекъ держатся за руки и, представляя такимъ образомъ живую цѣпь, быстро скользятъ, не отставая, не перебивая другъ друга, какъ одинъ человекъ. Но еще чаще мелькаютъ передъ вашими глазами отдѣльныя пары: дѣвушка крѣпко держитъ за руку молодаго парня и, забывая весь міръ, показываются то тамъ, то здѣсь. Это своего рода бѣшенный, національный танецъ. А вотъ и веселые ребята: держа длинную палку, то гуськомъ, то въ линію, подвигаются они впередъ по всѣмъ направленіямъ.

Затѣмъ появляются ручныя сани «l'ijssleede»: въ нихъ сидятъ молодыя дѣвушки, окутанныя въ дорогіе мѣха. Братъ, мужъ или женихъ толкаетъ передъ собой эти сани. Черезъ минуту показываются низкіе стулья на полозьяхъ: ихъ толкаютъ впередъ палкою. Но самымъ изящнымъ экипажемъ для катанья по льду считаются позолоченныя сани,

расписанныя самыми яркими цвѣтами: въ нихъ виряжена лошадь, оригинально украшенная шумными позвонками и красными кисточками. Пестрота и движеніе въ это время — невообразимые: все шумитъ, летитъ, мелькаетъ; отовсюду раздаются смѣхъ, остроты, шутки. Это самое любимое національное удовольствіе.

Еще недавно употребляли трешкоты на полозьяхъ, которые съ большою быстротою подвигались впередъ посредствомъ парусовъ. Одинъ такой трешкотъ могъ вмѣстить до 30-ти человекъ, и проѣзжать вдоль берега въ два часа девятичасовое разстояніе, но и теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Голландіи попадаются сани, построенныя въ видѣ судовъ съ парусами.

Керемесь: необыкновенное оживленіе народа и обычаи въ эти дни.

Какъ Италия имѣетъ свой шумный народный праздникъ — карнавалъ, такъ Голландія — керемесь (ярмарка). Каждый городъ, каждое мѣстечко и каждая деревня имѣетъ свой керемесь, и всѣ они бываютъ лѣтомъ. Эти народные праздники въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Голландіи продолжаются 4, 5 дней, въ другихъ цѣлую недѣлю, а есть мѣстности, гдѣ ихъ празднуютъ въ продолженіи 2-хъ недѣль. Эти ярмарки обыкновенно бываютъ въ храмовой праздникъ той или другой мѣстности и стеченіе народа изъ окрестностей бываетъ очень многочисленно. Туда, гдѣ на другой день долженъ быть храмовой праздникъ, а слѣдовательно и керемесь, водою и на лошадяхъ ѣдутъ голландцы съ своими семействами. Мы говоримъ ѣдутъ, а не идутъ, такъ какъ голландецъ не можетъ себя представить удовольствія, на которое онъ долженъ отправиться пѣшкомъ. Смѣшно видѣть по дорогамъ тѣлги, точно кладью наполненныя людьми и вмѣщающія иногда до 20 человекъ и болѣе.

Невообразимый шумъ, гамъ, крикъ, смѣхъ, звуки скрипки, удары въ барабанъ, рѣзкія взвизгиванія палцовъ — все это раздается со всѣхъ сторонъ, и вы будете оглушены еще гораздо раньше, чѣмъ вы вступите въ деревню или городъ, гдѣ празднуютъ керемесь. Необыкновенное оживленіе, которое вы замѣтите съ перваго шага, васъ совсѣмъ ошеломитъ. Вы съ изумленіемъ невольно будете спрашивать себя: «да полно, Голландія-ли это?» Весь запасъ юныхъ силъ, жизни, молодости, веселья холодные, практическіе голландцы приберегаютъ для этихъ праздниковъ. И дѣйствительно, въ живомъ, бойкомъ, веселомъ до разнузданности человекѣ трудно узнать голландца, котораго вы цѣлый годъ знали такимъ сдержаннымъ, скромнымъ, никогда не улыбающимся, необщительнымъ и такимъ расчетливымъ. Физиономія этого праздника, съ нѣкоторыми ничтожными исключеніями, бываетъ одна и та-же. Очень чистенькія улицы наполнены продавцами плодовъ, табаку, пироговъ и въ особенности копченыхъ угрей, что считается здѣсь большимъ лакомствомъ. Вездѣ устраиваются временные театры, цирки, кукольные комедіи. Сюда съѣзжаются къ этому времени всевозможные шарлатаны, показываютъ всевозможныхъ звѣрей, великановъ, карликовъ. Клоуны выкидываютъ разныя шутки на канатѣ, какъ въ циркѣ, такъ и на открытомъ воздухѣ. Молодые дѣвушки, оглядываясь кругомъ, тихонько идутъ въ холщевую палатку, гдѣ старуха ворожея гадаетъ имъ. А что это за красивый деревянный домикъ на колесахъ? Снаружи онъ выкрашенъ яркою краской, внутри убранъ зеркалами, люстрой, фарфоровыми вазами; вездѣ позолота и прекрасная мебель. Посреди залы, на высокомъ стулѣ, передъ пылающимъ огнемъ сидитъ чисто одѣтая, обыкновенно красивая женщина. Она черпаетъ тѣсто изъ большой мѣдной, ярко вычищенной миски и готовитъ блины или вафли. Въ залѣ, гдѣ она сидитъ, множество посѣтителей; они отправляются въ боковыя комнаты этого помѣщенія и спра-

шиваютъ себѣ порцію вафель. Въ нѣкоторыхъ домикахъ продаютъ огурцы и овощи, маринованные въ уксуѣ, до которыхъ голландцы большіе охотники.

Крестьяне въ праздничныхъ одеждахъ, со своими невѣстами и женами подъ руку, прогуливаются по всѣмъ улицамъ ярмарки, посѣщаютъ театры, и, насладившись до сыта зрѣлищами, заходятъ въ шиннокъ: тамъ закуриваютъ они трубку, заказываютъ пиво или женеверъ для себя, а жидкій кофе для жены.

Веселѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, эти праздники проводятъ въ Амстердамѣ и Роттердамѣ, гдѣ они продолжаются по двѣ недѣли. Во время ихъ даже плата за проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ уменьшается на половину. Фокусники въ огромныхъ кибиткахъ толпами съѣзжаютъ сюда еще за долго до праздниковъ. Во время керемеса оживленіе становится неосузданнымъ, особенно по субботамъ. Шумная толпа наполняетъ всѣ улицы и увлекаетъ въ своемъ водоворотѣ всѣ классы населенія; крикъ и гамъ въ городѣ, съ утра до вечера, невообразимый; пѣсни, танцы, самая разнообразная музыка.

Простой народъ съ нетерпѣніемъ ждетъ этого праздника и любитъ его отъ всей души. Каждая служанка, нанявшаяся въ услуженіе, непременно выговариваетъ себѣ совершенно свободную недѣлю во время храмоваго праздника. При этомъ существуетъ обычай, который выполняютъ чрезвычайно строго и точно, какъ и всѣ обычаи въ Голландіи. Здѣсь считается неприличнымъ дѣвушка гулять одной по ярмаркѣ или даже въ обществѣ своихъ подругъ. Женщина или дѣвушка должна гулять по улицамъ во время керемеса непременно въ сопровожденіи мужчины. Если у дѣвушки нѣтъ ни брата, ни знакомаго, который бы предложилъ ей своей услуги водить ее по ярмаркѣ, она нанимаетъ себѣ господина, который сопровождаетъ ее всѣ дни праздника. Такому проводнику дѣвушка платитъ по днямъ и по часамъ, какъ извозчику за дрожки. Если господинъ, который предлагаетъ свои услуги для праздниковъ, имѣетъ приличную физиономію, нарядное платье, бѣлую рубашку, безукоризненныя перчатки, новую поярковую шапку и дождевой зонтикъ, бѣдной дѣвушкѣ приходится дорого платить за его услуги. Иногда за нѣсколько прогулокъ съ нимъ она отдаетъ ему сбереженія цѣлаго года. Когда такой провожатый запрашиваетъ слишкомъ дорого, тогда нѣсколько дѣвушекъ сообща нанимаютъ его.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Гронингена крестьянскія дѣвушки имѣютъ право въ эти дни сами свататься къ мужчинамъ, и рѣшительно вездѣ въ Голландіи во время керемеса допускается полная свобода не только для мужчинъ, но и для женщинъ. Женщина, позволившая себѣ что нибудь, хоть нѣсколько похожее на то, что ей вполне дозволено въ эти праздники, — опозорила бы себя навѣки и безвозвратно.

ЗАНЯТІЯ ЖИТЕЛЕЙ.

Ловля сельдей и трески. — Городъ Флардингенъ. — Рыбаки и ихъ жены. — Страхъ и надежда несчастныхъ женщинъ. — Одежда мѣстныхъ жителей.

Обиліе лѣсовъ въ странѣ дѣлаетъ жителей охотниками; сосѣдство озеръ, рѣкъ и морей — рыболовами и моряками. Поэтому рыбная ловля въ Нидерландахъ извѣстна уже съ древнихъ временъ и была главнымъ источникомъ благосостоянія страны и ея торговли. Нидерландамъ всегда недоставало много различныхъ предметовъ первой необходимости, но море постоянно поддерживало ея жителей въ години голода и несчастій. Оно всегда съ избыткомъ доставляло рыбу, которую голландцы отвозили въ другія страны, и взамѣнъ ея получали для своихъ построекъ лѣсъ, котораго у нихъ было такъ мало, зерновыя хлѣбъ и даже золото и брилліанты.

Изъ рыбъ болѣе всего ловятъ сельдей; этимъ промысломъ заняты въ Голландіи огромный классъ населенія. Онъ не только даетъ заработокъ тысячамъ рукъ, но и пропитываетъ множество народа. Сельдей здѣсь ѣдятъ свѣжими, когда ихъ только что поймаютъ, солеными и копчеными, въ то время года, когда ихъ нельзя ловить. Но еще въ большемъ количествѣ ихъ вывозятъ въ другія страны.

Уже съ незапамятныхъ временъ главное мѣсто сельдяной ловли было, какъ и теперь, во Флардингенѣ, на правомъ берегу Мааса. По набережной нынѣшняго Флардингена, среди роскошной зелени, тянутся конторы и магазины, окна которыхъ закрыты деревянными ставнями: тутъ хранятся всѣ орудія рыбной ловли. Въ отверстіяхъ нѣкоторыхъ построекъ нѣтъ ни стеколъ, ни ставней, и въ нихъ видны просушивающіяся сѣти, которыя развѣшаны въ длину всего помѣщенія. Черные, загорѣлые отъ вѣтра и солнца мужчины катятъ бочки изъ гавани, гдѣ только что успѣли выгрузить корабли.

Улицы Флардингена узки, съ покосившимися, какъ корабли во время вѣтра, кирпичными домиками рыболововъ. Эти жилища, въ которыхъ чистота составляетъ все богатство, имѣютъ хотя скромный и простой видъ, но нисколько не жалкій. Во время лѣта вы встрѣчаете здѣсь только женщинъ и дѣтей: всѣ мужчины на морѣ. Женщины сушатъ передъ домами бѣлье или вяжутъ сѣти. Вся фізіономія города, его внѣшній видъ, привычки, обычай и работы его жителей, — все говоритъ о томъ, что всѣ тутъ живутъ моремъ.

Теперешній Флардингенъ принадлежитъ къ нидерландскимъ провинціямъ Южной Голландіи и считается болѣе 10,000 жителей. Сельдяная ловля, въ которой принимаетъ участіе большая часть этихъ жителей, начинается 24-го Іюня и кончается 30-го Октября. Этотъ городъ, чрезвычайно покойный въ продолженіи всего года, необыкновенно оживляется передъ отъѣздомъ рыбаковъ въ море. Уже въ началѣ Іюня смолзятъ и красятъ сельдяныя лодки, челноки и корабли, набираютъ рыболововъ и приводятъ въ порядокъ паруса и снасти. 10-го или 12-го Іюня всѣ офицеры и капитаны отправляются въ ратушу и присягаютъ точно слѣдовать всѣмъ законамъ о рыбной ловлѣ и того же требовать отъ подчиненныхъ. По выходѣ изъ ратуши, на корабляхъ поднимаютъ флаги, чтобы всѣ приготовились къ отъѣзду. 14-го Іюня въ такъ называемый «день флаговъ», и тѣ, которые рѣшились пуститься въ море, и ихъ родные, друзья и знакомые, всѣ собираются въ церковь помолиться за отъѣзжающихъ.

Сельдяной флотъ стоитъ въ гавани, уже готовый къ отъѣзду. На корабляхъ развѣваются флаги и на одномъ изъ нихъ золотыми буквами написано имя корабля. Наконецъ наступаетъ день отъѣзда. Съ ранняго утра жители города, въ праздничныхъ одеждахъ, толпятся у гавани, и множество крестьянъ изъ окрестностей еще увеличиваютъ давку. Въ эту минуту путешественника болѣе всего поражаетъ разнообразіе и оригинальность костюмовъ. Здѣсь онъ видитъ и южно-голландскаго крестьянина, въ синей курткѣ, въ короткихъ штанахъ, въ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками, въ грубой полярковой шляпѣ, ленточка которой прикрѣплена маленькой серебрянной пряжкой. Въ рукахъ онъ держитъ длинную палку. Рядомъ съ нимъ крестьянинъ одѣтъ въ современную городскую одежду; его можно узнать только по плоской суконной шапкѣ, которую онъ не снимаетъ въ продолженіи цѣлаго дня. Тутъ же и южно-голландская крестьянка съ карими глазами, румяными щеками и двумя рядами бѣлыхъ, блестящихъ зубовъ. На ней шапочка съ прекрасными настоящими кружевами, золотой ободокъ на лбу, золотыя украшенія на вискахъ. Поверхъ шапочки одѣта соломенная шляпа, которая снаружи и изнутри покрыта цѣлымъ садомъ искусственныхъ цвѣтовъ, и надъ которой, кромѣ того, развѣвается еще большое зеленое перо съ красными точками. Въ толпѣ этихъ чрезчуръ нарядныхъ деревенскихъ дѣвушекъ то тамъ, то здѣсь толпятся городскія дѣвушки, которыя, къ на-

шему удивленію, одѣты гораздо проще: онѣ не безобразятъ себя шляпой, а носятъ только шапочки съ кружевными вуалями, съ золотымъ ободкомъ на лбу, съ бляхами на вискахъ и съ серьгами въ ушахъ. Чѣмъ богаче женщина, тѣмъ драгоценнѣе ея ободокъ и украшеніе на шеѣ, состоящее изъ нѣсколькихъ нитокъ жемчуга или коралловъ.

Но вотъ наступила минута отъѣзда. Всѣ ли возвратятся?—написано на всѣхъ лицахъ; и тамъ, и здѣсь раздаются рыданія женщинъ, заглушаемые принужденнымъ смѣхомъ и остротами мужей.

Сельдяной флотъ въ 80, 90, а иногда въ 150 судовъ, въ сопровожденіи двухъ военныхъ кораблей, направился въ путь. Послѣ отъѣзда рыбаковъ въ гавани наступаетъ совершенная тишина, которая царствуетъ до самаго ихъ возвращенія. Рыбаки всегда стараются закинуть первыя сѣти 24-го Іюня, въ день св. Івана, который считается счастливымъ днемъ. Въ этотъ самый день во Флардингенѣ семейства рыбаковъ вмѣстѣ съ кораблевладельцами ньютъ за удачу экспедиціи, за завтракомъ или за обѣдомъ, который они устраиваютъ на общій счетъ. Рыбакамъ строго запрещено продавать рыбу по берегамъ. Чѣмъ глубже забрасываютъ сѣти въ морѣ, тѣмъ лучшаго качества можно поймать селедку. Когда наловлено, очищено и посолено 100 бочекъ селедокъ, этотъ первый уловъ спѣшатъ отправить въ гавань во Флардингенъ. Между тѣмъ въ городѣ уже съ 1-го Іюля начинаютъ съ нетерпѣніемъ ожидать возвращенія первыхъ дощевъ. Чтобы весь городъ могъ въ одну минуту собраться къ пристани и тотчасъ по возвращеніи свидѣться съ отсутствующими, на городскую башню ставятъ двухъ человѣкъ, которые цѣлыми днями должны тамъ стоять и смотрѣть на море, не появится ли корабль. Какъ только они замѣтятъ движущуюся точку, они тотчасъ вывѣшиваютъ красный шаръ. «Шаръ на верху, шаръ на верху!» неистово кричатъ дѣти со всѣхъ сторонъ; ихъ крикъ подхватываютъ взрослые, и черезъ минуту народъ съ необыкновеннымъ шумомъ бросается къ гавани. Черезъ четверть часа послѣ того, какъ замѣтили шаръ, уже на многихъ домахъ подняты флаги, украшенные зелеными вѣтками.

Боченокъ сельдей перваго улова везутъ въ подарокъ королю въ колесницѣ, самымъ причудливымъ образомъ разукрашенной флагами. Король благодаритъ за вниманіе подаркомъ въ 500 флоринтовъ.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ сельди перваго улова цѣнились чуть не на вѣсъ золота. Хотя и теперь находятъ, что эти сельди гораздо вкуснѣе тѣхъ, которыхъ вылавливаютъ потомъ, но на это, какъ и на луковницы тюльпановъ, была своего рода мода. За такую селедку платили по дукату. Купцы изъ всѣхъ городовъ Голландіи торопились къ этому времени во Флардингенъ, чтобы на мѣстѣ купить подешевле и въ первые же дни сбыть товаръ въ другихъ городахъ, съ выгодой для себя. На этомъ тоже наживались. Хотя эта мода прошла, тѣмъ не менѣе и теперь селедка перваго улова цѣнится по крайней мѣрѣ въ 4 раза дороже той, которая будетъ доставлена въ городъ въ слѣдующій уловъ. Богатые купцы Гаги посылаютъ въ подарокъ въ эти дни маленькіе боченки селедокъ своимъ друзьямъ въ Дрентъ и Оверъ-Иссель, которые, въ свою очередь, отдариваются тетерьками и глухарями.

Возвращеніе кораблей часто вноситъ смертельное горе во многія семейства. Въ особенности корабли, которые возвращаются съ зимней рыбной ловли, изъ Нѣмецкаго моря, въ которомъ они въ это время ловятъ треску, — привносятъ часто глубокую печаль.

Ловля трески зимой сопряжена съ страшными опасностями, и во время ея гибнетъ много людей. Самые крѣпкіе корабли нерѣдко не выносятъ зимнихъ бурь, и не проходитъ ни одной зимы, чтобы во время этой ловли не потонулъ одинъ или другой корабль. Съ какой мучительной тревогой жены ждутъ возвращенія своихъ мужей во время зимнихъ экспедицій. При крикѣ дѣтей «шаръ на верху», лица ихъ покрываются мертвенной

блѣдностью, платокъ, который онѣ накидываютъ наскоро на голову, дрожить въ рукахъ, и, приблизившись къ гавани, онѣ нѣсколько минутъ боятся поднять глаза вверхъ. Но вотъ наконецъ все взоры обратились на палубу. Вдругъ крикъ ужаса раздался въ толпѣ...

Нѣсколько женщинъ не замѣтили своихъ мужей, а ясно различили только, что на этотъ разъ на мачтѣ входящаго корабля не развѣвается флагъ. Это признакъ, что нѣкоторые изъ экипажа погибли, или, по выраженію моряковъ, «остались». Если же корабль не все сразу возвращается, то оставшіеся въ городѣ никогда не узнаютъ отъ прибывшихъ, живы ли ихъ родные или нѣтъ, такъ какъ между моряками во Флардингенѣ существуетъ обычай не рассказывать о несчастіи и гибели близкимъ.

Треску ловятъ не сѣтями, а совершенно особымъ образомъ. Для этого употребляютъ длинный канатъ; къ нему прикрѣпляютъ множество веревокъ съ удочками, на которыя накалываютъ морскихъ миногъ.

Всю свою жизнь голландскіе рыболовы посвящаютъ на служеніе морю; эти люди проводятъ на землѣ всего 2, 3 недѣли въ году. Жизнь рыбака и его семейства на морѣ преисполнена опасностей, а на сушѣ всевозможныхъ лишеній. Ихъ обычная пища — каша и селедки, ихъ питье — кофе и женеверъ. Жалованья они получаютъ въ годъ не болѣе 150 руб. Многіе изъ нихъ начинаютъ свою службу на морѣ съ ранняго дѣтства. Родители уже въ 9 лѣтъ начинаютъ посылать своихъ дѣтей зимою въ школу, а лѣтомъ на рыбную ловлю.

Рыбаки отличаются даже большею храбростью, чѣмъ моряки. Хотя большинство изъ нихъ знаетъ только нѣсколько читать и писать, но они одарены большими способностями и тонкимъ чутьемъ къ мореплаванію. Ихъ перѣдко безъ всякой предварительной подготовки посылаютъ въ Индію, въ Калифорнію, и они находятъ туда дорогу безъ затрудненій.

Физиономія голландскихъ береговъ чрезвычайно однообразна: цѣли дюны, вода, небо, вотъ все, что вы видите, перѣдко на пространствѣ нѣсколькихъ миль. На всемъ берегу западной Голландіи, отъ Гельдера до Мааса, раскиданы деревни рыбаковъ. Только въ этихъ бѣдныхъ хижинахъ и можно видѣть особенности нравовъ и привычекъ береговыхъ жителей. Рыбаки вдоль голландскаго побережья лучше всего сохранили настоящій типъ старыхъ батавовъ. Мужчины — плотны, широкоплечи, обнаруживаютъ могучую мускульную силу, необходимую для ихъ тяжелаго ремесла. Женщины также хорошо сложены: высокія и сильныя, онѣ работаютъ не менѣе своихъ мужей. Ихъ самый характерный признакъ — обиліе дѣтей. Возлѣ каждой рыбацкой хижины валяется и играетъ въ песку не менѣе десятка дѣтей, а очень часто и еще гораздо больше. Грустно смотрѣть, когда рыбакъ, одѣтый въ лохмотья, промоченный съ головы до ногъ соленой водой, тяжело дыша подъ тяжестью сѣтей, возвращается въ свою несчастную хижину; первое, что онъ встрѣчаетъ у пылающаго очага, — цѣлая куча оборванныхъ, разнаго возраста и пола дѣтей. Онъ не прижимаетъ ихъ страстно къ груди, въ немъ не развиты нѣжныя родительскія чувства, — обиліе дѣтей его слишкомъ одоѣло. Промокшій до костей, онъ думалъ только, какъ обогрѣется у пылающаго огня, какъ удобно усидится отдохнуть, между тѣмъ тутъ нѣтъ свободнаго мѣста, все занято дѣтьми. И первое чувство послѣ долгой разлуки — злоба и проклятіе судьбѣ, которая надѣлила его такой многочисленной семьей.

По праздникамъ рыбаки имѣютъ торжественный видъ и расхаживаютъ въ одеждѣ своихъ отцовъ, которую тѣ носили еще за 400 лѣтъ до нашего времени. Прежде всего на немъ одѣто красная или синяя рубашка изъ байки съ длинными рукавами; сверху сѣрая матросская фуфайка, изъ подъ которой видны рукава рубашки. Остальной его костюмъ дополняютъ коричневые штаны, красные чулки и деревянные башмаки. На

головѣ шляпа съ узкими напередѣ полями, которыя сзади гораздо шире и какъ навѣсъ закрываютъ затылокъ отъ дождя. На загорѣлой шеѣ небрежно повязанъ цвѣтной галстукъ, во рту непременно короткая, глиняная трубка. Одежда женщинъ: полосатая, коричневая, байковая юбка, корсажъ, сверху котораго накинута кофта, и передникъ, обшитый красною или синею обшивкою. На головѣ—чепчикъ, отдѣланный кружевами, сверху котораго шляпа, подбитая ситцемъ. На ногахъ у нея, такъ-же какъ у мужа, деревянные башмаки; кожаная обувь здѣсь большая рѣдкость. Характеристическая черта голландскаго рыбака — совершенная независимость характера. Какъ-бы онъ ни былъ бѣденъ — онъ никогда не станетъ служить; онъ слишкомъ гордъ, чтобы имѣть надъ собою господина. Онъ весь вѣкъ свой лучше будетъ бороться съ бурями моря, ежечасно рисковать своею жизнію, чѣмъ, навившись работникомъ, въ безопасности ѣсть питательную и обильную пищу хозяина. Такое же чувство независимости одушевляетъ и женщинъ. Онѣ будутъ носить всевозможныя тяжести, таскать мокрая сѣти, вязать ихъ, безъ всякой помощи справлять все домашнія работы, вести хозяйство, дѣтей, но никогда не пойдутъ ни къ кому служить. Онѣ считаютъ это величайшимъ униженіемъ своего достоинства. Рыбаки ненавидятъ также военную службу и всячески стараются избѣжать набора. Тѣмъ не менѣе они вовсе не презираютъ военное ремесло само по себѣ, нисколько не боятся, разумѣется, опасностей войны, но для ихъ свободнаго духа военная дисциплина и слѣпое повиновеніе начальству — ужасны и невыносимы.

Рано берутъ они съ собою на океанъ своихъ сыновей. Море они считаютъ для нихъ самую лучшую школою, и ихъ дѣти впоследствии точно такъ-же одѣваются, думаютъ, ѣдятъ, такъ-же смотрятъ на жизнь, какъ ихъ отцы и прадѣды. У рыбака свои предразсудки, но онъ не подчиняется предразсудкамъ другихъ. Какъ бы онъ ни былъ бѣдно одѣтъ, онъ съ чувствомъ собственного достоинства относится, какъ къ знатному, такъ и къ простому. Для него все люди между собою равны, но болѣе достойны уваженія тѣ, которые презираютъ житейскія опасности и смотрятъ прямо въ глаза смерти, т. е. рыбаки и моряки. Ихъ суровое ремесло мѣшаетъ развитію нѣжныхъ чувствъ. Рыбаки очень рано женятся и всегда на женщинѣ своей среды, съ которой они бѣгали и играли еще въ дѣтствѣ. Вѣроятно это раннее знакомство другъ съ другомъ даетъ имъ возможность отлично понимать одинъ другаго: они тихо сидятъ у пылающаго огня своей хижины, и мужу стоитъ только поднять глаза, задуматься, сморщить лобъ, какъ жена его уже понимаетъ и догадывается, объ чемъ онъ думаетъ, что ему нужно. Но это давнишнее знакомство супруговъ и въ тоже время ихъ суровая жизнь, полная лишеній и заботъ, въ кругу многочисленнаго семейства, развиваетъ какое-то равнодушіе. Они рѣдко разговариваютъ между собою, и мужъ, даже въ то время, когда онъ сидитъ у камина и ничего не дѣлаетъ, никогда не предложитъ женѣ своихъ услугъ, никогда не подниметъ за нее никакой тяжести, хотя бы она совѣмъ изнемогла подъ ея бременемъ: онъ не выполнитъ вмѣсто нея работы, даже и въ то время, когда она больна. «Мое дѣло море», говоритъ онъ, «жена должна думать о семьѣ, и каждый пусть думаетъ о своемъ».

Самыя оживленныя минуты въ этихъ рыбацкихъ мѣстечкахъ наступаютъ тогда, когда корабль возвращается. Въ это время отовсюду сбѣгаютъ женщины съ круглыми корзинками. Если корабль не можетъ близко подойти къ берегу, дѣти засучиваютъ штанишки и перетаскиваютъ рыбу съ корабля на берегъ. Женщины наполняютъ тотчасъ свои корзины и бѣгутъ въ городъ съ криками: «угрей покупайте, рыбу покупайте!» Другія наполняютъ рыбою телѣжки, запряженныя собаками, и везутъ на продажу лучшую рыбу, а попроче оставляютъ для себя и для своихъ собакъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что хотя собаки служатъ здѣсь вмѣсто рабочаго скота, но голландцы мало думаютъ о ихъ прокормленіи. Когда они приготавливаютъ себѣ кушанье изъ рыбы, то бро-

саютъ несчастнымъ собакамъ только голову, хвостъ, жабры и кишки. Вслѣдствіе этого собаки имѣютъ чрезвычайно тощій видъ и постоянно голодаютъ.

Кромѣ рыбы, жены рыбаковъ продаютъ въ городѣ морскихъ раковинъ. На вырученныя деньги онѣ покупаютъ жизненные припасы: большіе хлѣбы и тонкія полѣвныя дровъ. Топливо стоитъ особенно дорого: вблизи не растетъ ни одного деревца, исключая искусственно разводимыхъ; нѣтъ также по близости и торфа, — поэтому горючій матеріалъ здѣсь одинъ изъ самыхъ дорогихъ жизненныхъ потребностей. Дѣти рыбаковъ всегда бродятъ у моря и подбираютъ деревянные обломки, которые они съ необыкновенною радостью, какъ самую цѣнную находку, приносятъ домой. Несмотря однако на то, что топливо здѣсь такъ дорого и что всѣ рыбацкія семейства не особенно богаты жизненными припасами, женщины никогда не забываютъ, на вырученныя въ городѣ деньги, принести, вмѣстѣ съ предметами первой необходимости, какія-нибудь сласти для себя. Голландскія рыбацкія первыя лакомки въ мірѣ, и какъ-бы ни голодало ихъ семейство, какъ-бы плохо ни были одѣты онѣ сами и ихъ дѣти, если только остается нѣсколько копѣекъ отъ покупки хлѣба и соли, онѣ непремѣнно покупаютъ пряники, пирожное и другія сласти.

Скотоводство. Сѣверная Голландія. — Городъ Алькмаръ и сыровареніе. — Земледѣліе и положеніе земледѣльцевъ.

Въ Голландіи нигдѣ нѣтъ рѣзкаго различія между городомъ и деревнею. Почти у каждаго голландскаго города есть общее пастбище, на которомъ пасутся сотни быковъ и коровъ. Каждый горожанинъ, кромѣ портняжнаго или сапожнаго ремесла, въ тоже время обыкновенно занимается и скотоводствомъ. Гдѣ только поднимаются башни голландскихъ городовъ, вы непремѣнно найдете тамъ громадныя стада скота, бродящія на лугахъ и мычаніе которыхъ постоянно слышно даже на самыхъ богатыхъ улицахъ города. Скотъ большую часть года совершенно свободно пасется на жирныхъ пастбищахъ. Кромѣ большихъ городскихъ выгоновъ, каждая деревня, каждый дворъ имѣютъ свои особыя маленькія пастбища и небольшія мѣста, окруженныя канавами и насыпями, поросшими кустарниками. Здѣсь бродитъ и лежитъ скотъ и днемъ, и ночью. Даже лошадей выпускаютъ послѣ работы на ночь не спутанными и безъ привязи. Постоянное общеніе челоуѣка съ пасущимися стадами породило въ немъ уже издавна необыкновенное расположеніе къ природѣ. Пастушеская жизнь всегда вдохновляла поэтовъ и художниковъ. Многіе изъ тѣхъ, что пользовались въ странѣ громкою извѣстностью, были сыновья и ученики горожанъ, владѣющихъ стадами.

Скотъ — первая забота голландца. Онъ выстраииваетъ ему стойла, которыя отличаются такой чистотой и богатствомъ постройки, какую вы рѣдко найдете въ жилищахъ простаго народа другихъ странъ. Онъ откармливаетъ быковъ и продаетъ ихъ на рынкѣ въ Амстердамѣ; не мало также гонитъ онъ коровъ въ Бельгію и Францію, гдѣ и продаетъ ихъ очень дорого; множество прекраснаго, здороваго скота даетъ возможность голландцу готовить огромное количество сыру, которымъ такъ славится эта страна. Болѣе всего сыровареніемъ занимаются въ Сѣверной Голландіи. Благодаря плодородію почвы и сырости климата, травы въ этой провинціи растутъ особенно хорошо, сами собой, такъ что хозяину приходится не много о нихъ заботиться.

Сѣверная Голландія отличается разнообразіемъ и прелестью ландшафта, архитектуры и обычаевъ. На небольшомъ разстояніи она представляетъ много контрастовъ: здѣсь длинная равнина, усѣянная хорошенькими садами, огромными полями хлѣба, тамъ

богатыя пастбища съ многочисленными стадами; здѣсь веселенькія деревни, а за ними тянется пустынный рядъ дюнь съ жалкими хижинами бѣдныхъ береговыхъ жителей. Тамъ роскошный домъ царя биржи, подпись котораго имѣеть такое же значеніе во всемъ свѣтѣ, какъ наличный капиталъ, дальше скромная хижина рыбака, принужденнаго добывать свою невѣрную добычу въ постоянной борьбѣ съ моремъ и волнами. Вдоль сѣвернаго канала одна деревня лежитъ возлѣ другой. Всѣ дома хорошенькіе и чистенькіе, на половину изъ дерева, на половину изъ кирпича; одни изъ нихъ крыты черепицей, другіе соломой, которая вырѣзана чрезвычайно оригинально. Парадная дверь, открывающаяся только во время крестинъ, свадьбы и похоронъ, нерѣдко украшена позолоченною рѣзбою. Въ обыкновенные дни въ домъ входятъ черезъ стойла, которыя соединены съ нимъ. Болѣе всего бросаются въ глаза выкрашенные краской деревья, которыя вы встрѣчаете, проѣзжая по этой провинціи.

Между Гарлемомъ и крайней оконечностью сѣверной Голландіи, почти ровно на половинѣ пути, лежитъ городокъ Алькмаръ, съ 11,700 жителей: почти всѣ они занимаются значительной торговлей хлѣбомъ и еще болѣе торговлей сыромъ. Городокъ этотъ образецъ порядка и чистоты, — какъ на улицахъ, такъ и въ домахъ. Его ратуша, построенная въ XVI-мъ столѣтіи, и большая церковь — великолѣпныя постройки въ готическомъ стилѣ, съ неизбѣжнымъ деревяннымъ потолкомъ. Но самое замѣчательное въ этомъ городѣ — сырный рынокъ. Со всей сѣверной Голландіи крестьяне приносятъ въ Алькмаръ свой сыръ на продажу, а оттуда его разсылаютъ во всѣ части свѣта: въ Вестъ-Индію и южную Америку, въ Лондонъ, Парижъ и Россію. Возможность легко и выгодно сбывать свои домашнія произведенія, обилію которыхъ прежде всего способствуетъ природа мѣстности, — чрезвычайно обогатила здѣшнихъ крестьянъ. Встрѣтить крестьянина, владѣющаго тонной (на наши деньги до 54,000 р. с.), — здѣсь вовсе не рѣдкость. Сначала удивляешься, встрѣчая въ маленькихъ городкахъ и нерѣдко въ деревняхъ Голландіи, а особенно въ ея провинціи Сѣверной Голландіи, выставленные въ окнахъ магазиновъ великолѣпную серебряную посуду и коралловыя ожерелья, цѣною въ 400 и 500 р. Невольно спрашиваешь себя, кто носить, кто покупаетъ эти предметы необыкновенной въ деревнѣ роскоши? Войдите въ домъ крестьянина, и у очень многихъ изъ нихъ вы найдете не только серебрянную посуду, тарелки и чайники изъ серебра, но даже массивныя вазы. Есть и такіе, у которыхъ въ шкафахъ блеститъ небольшой золотой сервизъ. Эту тайну необыкновенной зажиточности крестьянъ сѣверной Голландіи только тогда вполне постигаешь, когда побываешь въ этой провинціи въ базарный день. Площади и улицы въ такіе дни буквально завалены сырами, сложенными на подобіе ядере въ арсеналѣ.

Сѣверная Голландія производитъ ежегодно до 11 милліоновъ фунтовъ сыра, который взвѣшиваютъ на городскихъ вѣсахъ Алькмара. Большая площадь передъ старыми вѣсами вся покрыта сложенными одинъ на другой круглыми, желтыми и красными сырами. Ежегодный оборотъ отъ сыра простирается до 3-хъ милліоновъ рублей. Въ Голландіи готовятъ сыръ двухъ родовъ: изъ цѣльнаго и изъ снятаго молока. Сыръ послѣдняго рода употребляется въ самой странѣ. Сыръ 1-го сорта называется *эдамскимъ* и предназначается для вывоза; онъ отличается своею круглою формою и красной коркой.

Большую часть земли въ Голландіи оставляютъ подъ постоянными лугами. Слѣдовательно Голландія, какъ и Швейцарія, принадлежитъ къ числу тѣхъ странъ, гдѣ луга занимаютъ наибольшее мѣсто. Оказывается, что среднимъ числомъ на прокормленіе домашнихъ животныхъ отведено до 1,280 тысячъ десятинъ, т. е. вдвое болѣе чѣмъ сколько предназначено подъ пашни, которыя занимаютъ здѣсь около 600 тысячъ деся-

тинъ, т. е. около одной четверти всей страны. За исключеніемъ горныхъ странъ, нигдѣ въ Европѣ пахатныя поля не занимаютъ такъ мало мѣста, какъ въ Голландіи. Огромное количество луговъ даетъ возможность голландцамъ производить въ изобиліи молоко и мясо, т. е. такіе продукты, цѣны на которые возрастаютъ гораздо быстрее, чѣмъ на хлѣбъ. Вслѣдствіе этого тѣ страны, гдѣ преобладаютъ пастбища, какъ мы это видимъ въ Голландіи, быстро богатыютъ.

Однако и до сихъ поръ еще пустыри въ Голландіи занимаютъ очень много мѣста— около $\frac{1}{4}$ всей территоріи, тогда какъ въ Бельгіи подъ ними считаютъ лишь $\frac{1}{5}$.

Какъ ни мало употребляютъ голландцы хлѣба, тѣмъ не менѣе туземное производство зерноваго хлѣба не въ состояніи удовлетворить потребности населенія, и потому ежегодно изъ за границы ввозится до $\frac{1}{2}$ мил. четвертей хлѣба.

Здѣсь чрезвычайно много употребляютъ картофеля: за обѣдомъ и за ужиномъ онъ замѣняетъ хлѣбъ. Даже у людей весьма достаточныхъ, за столомъ которыхъ подаютъ много блюдъ, картофель составляетъ необходимую принадлежность почти всякаго кушанья. Поэтому и производство картофеля здѣсь очень велико; его получаютъ до 3 мил. четвертей, такъ что приходится около 2 четвертей на каждаго жителя. По доходу, который Голландія получаетъ съ своего сельскаго хозяйства, эта страна можетъ быть причислена къ самымъ передовымъ націямъ: съ каждаго обработаннаго гектара земли она получаетъ валоваго дохода 150 фр., тогда какъ Великобританія только 135 фр., а Франція 100 фр., но она уступаетъ этимъ странамъ только потому, что въ ней, какъ мы уже сказали, много пустырей.

Увеличеніе народонаселенія этой страны тоже служитъ доказательствомъ ея сельскохозяйственнаго прогресса. «Съ этой точки зрѣнія Голландія представляетъ поразительные примѣры: въ ней есть провинціи, которыя, можно сказать, были созданы земледѣльческимъ трудомъ; таковы, напримѣръ, Гронингенъ и Оверъ-Иссель. Нужно вспомнить, что вся тяжесть громадныхъ войнъ, сначала противъ Испаніи, а потомъ противъ Англіи и Франціи, была выдержана почти исключительно только тремя провинціями: Голландіей, Зеландіей и Фрисландіей. Гельдеръ, Гронингенъ и Оверъ-Иссель — эти три провинціи состояли по большей части изъ пустырей, изъ земель, на половину занятыхъ торфяниками, болотами и летучими песками. Только изрѣдка можно было встрѣтить одинокую деревушку среди болотъ и пустырей, которая едва себя прокармливала. Даже еще въ концѣ прошлаго столѣтія въ провинціи Гронингенъ считалось только 110,000 жителей, въ Оверъ-Иссель 120,000, а въ Дрентѣ 40,000 жит. Въ теченіе послѣдняго полустолѣтія народонаселеніе въ Дрентѣ болѣе чѣмъ удвоилось и въ тоже время положеніе жителей значительно улучшилось. И это увеличеніе народонаселенія было слѣдствіемъ не развитія фабричной промышленности и торговли, а земледѣльческаго прогресса. Благодаря завоеваніямъ у моря, укрѣпленію летучихъ песковъ и осушкѣ торфяниковъ, пространство производительной земли увеличивалось быстрее народонаселенія. Въ настоящее время Голландія принадлежитъ къ числу государствъ густо населенныхъ». Положеніе земледѣльческаго класса гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Это можно видѣть уже изъ того, что въ деревняхъ даже самыхъ отдаленныхъ и въ семействахъ, которыя считаются наиболѣе бѣдными, вы встрѣтите болѣе роскоши, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Въ самой скромной хижинѣ все деревянное выкрашено, вычищено, а вся мѣдная и оловянная посуда, которой довольно много, блеститъ, какъ золото или серебро. Въ рѣдкомъ семействѣ вы не найдете китайскаго фарфора и хотя немного серебра. Въ одномъ чувствуется здѣсь сильнѣйшій недостатокъ: здѣшній простой людъ не можетъ имѣть ни винограднаго вина, ни пива; они обыкновенно пьютъ жидкій кофе, чай и можжевеловую водку, которою во многихъ мѣстахъ весьма злоупо-

требляютъ. Пиво въ Голландіи принадлежитъ къ предметамъ роскоши и стоитъ довольно дорого, а во многихъ деревняхъ Гронингена и Фрисландіи его вовсе нельзя найти.

Главная причина благосостоянія Голландіи—это громадное количество домашняго скота. Этимъ она прежде всего обязана своимъ несравненнымъ и необытнымъ зеленымъ лугамъ.

Много способствуютъ богатству народа разнообразные пути сообщенія. Крестьянину въ самомъ глухомъ закоулкѣ Голландіи ничего не стоитъ доставить свои сбереженія на главные рынки страны. Разнообразные способы сообщенія водой даютъ ему возможность тратить на проѣздъ и мало времени, и мало денегъ. Не менѣе способствуетъ развитію голландскаго земледѣлія и множество самыхъ разнообразныхъ земледѣльческихъ обществъ, число которыхъ простирается до 20 тысячъ.

На засѣданіяхъ этихъ обществъ встрѣчаются между собой богатые и бѣдные земледѣльцы, фермеры и землевладѣльцы—лица одинаково заинтересованныя въ успѣхахъ сельскаго хозяйства. Каждый изъ нихъ говоритъ о произведенныхъ имъ въ томъ или другомъ уголкѣ опытахъ и его результатахъ. Члены выслушиваютъ доклады съ необыкновеннымъ интересомъ, дѣлаютъ замѣчанія и такимъ образомъ увеличиваютъ свои знанія по сельскому хозяйству. Эти земледѣльческія общества по нѣскольку разъ въ годъ устраиваютъ выставки земледѣльческихъ продуктовъ, домашнихъ животныхъ и орудій. Много способствуютъ успѣху этого дѣла журналы и брошюры о земледѣліи, которыя выходятъ въ Голландіи въ громадномъ количествѣ.

Торфъ и его значеніе въ странѣ.

Почти во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ человѣкъ, уничтоживъ лѣса, ищетъ подъ землею какихъ нибудь другихъ средствъ, чтобъ согрѣвать свои жилища. Каменный уголь, антрацитъ и торфъ служатъ какъ топливо и такимъ образомъ замѣняютъ недостатокъ лѣса, котораго становится все меньше и меньше. Торфяники находятся во многихъ странахъ Европы: въ Англіи, во Франціи, въ Германіи, въ Швейцаріи, въ Италіи; но нигдѣ ихъ нѣтъ въ такомъ количествѣ, какъ въ Нидерландахъ. Здѣсь почти всюду подъ слоемъ глины или песку можно встрѣтить эту черную и смолистую землю, которую жители употребляютъ какъ топливо. Вырывая канавы, ставя фундаменты домовъ, всегда открываютъ вены и артеріи этого горючаго матеріала, уже вѣка тому назадъ зарытаго подъ землею. Его находятъ также на днѣ морскомъ. По берегу Нѣмецкаго моря, при отливѣ, почти вездѣ видѣнъ слой торфа. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ сильныя бури, море выбрасываетъ куски торфа на берегъ; но онъ не могъ образоваться въ морѣ; слѣдовательно земля, на которой находятъ обильныя залежи торфа, опустылась послѣ того, какъ образовался торфъ.

Торфъ доставляетъ заработокъ милліонамъ рукъ. Почти все населеніе Голландіи отапливаетъ свои жилища этимъ горючимъ матеріаломъ и варитъ на немъ свою пищу. Самый лучший торфъ стораветъ очень медленно. Иностранецъ едва переноситъ этотъ чрезчуръ скромный домашній огонь, который такъ медленно согрѣваетъ его члены. Но разъ торфъ разгорѣлся, онъ горитъ очень ярко. Многіе находятъ и въ этомъ сходство съ народнымъ характеромъ, который не такъ легко приходитъ въ энтузіазмъ, но разъ что зашло ему въ душу, онъ долго будетъ таить въ себѣ.

Торфъ употребляли какъ топливо уже въ самой глубокой древности. Теперь его добываютъ, разумѣется, съ большею легкостью, чѣмъ прежде, и самое приготовленіе его весьма усовершенствовали. Однако, несмотря на всѣ улучшенія, онъ не даетъ ни

веселаго огня дровъ, ни сильнаго жару каменнаго угля; поэтому въ большихъ морскихъ путешествіяхъ каменный уголь употребляютъ болѣе торфа. Но во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ нужно топливо, въ Голландіи исключительно употребляютъ торфъ, почему въ немъ съ каждымъ годомъ чувствуютъ все болѣе потребности и все болѣе его добываютъ. Въ 1834 году получили 22½ мил. тоннъ, черезъ 12 лѣтъ уже 34 милліона, теперь его извлекаютъ уже болѣе 50 милліоновъ тоннъ.

Когда собственникъ торфяной степи рѣшилъ добывать торфъ, ему прежде всего нужно освободить свою землю отъ воды, которою она пропитана, какъ губка. Рабочіе, собираясь работать въ этой степи, должны прежде всего приготовить себѣ особые снаряды для погъ, называемые по голландски «брэдены» и которые не даютъ этимъ несчастнымъ людямъ провалиться или совсѣмъ завязнуть въ этой вязкой почвѣ. Разъ поверхность приготовлена, начинаютъ рыть ямы. Вода постоянно мѣшаетъ работѣ, и чтобы ее устранить существуетъ цѣлая наука. Ее удаляютъ въ рвы, сдерживаютъ шлюзами и мало по малу направляютъ къ каналамъ. Ямы прокапываютъ на разстояніи 24 футовъ другъ отъ друга. Когда поле приготовлено, воды удалены, приступаютъ къ добычанію торфа. Одинъ рабочій поднимаетъ заступомъ торфяныя глыбы, другой беретъ ихъ у перваго и выбрасываетъ на поверхность; тотъ накладываетъ ихъ въ тачки, этотъ отводитъ въ открытое поле и сваливаетъ тамъ. При этомъ необходимо такъ искусно перевернуть тачку, чтобы не дотронуться руками до торфяныхъ глыбъ, такъ какъ онѣ въ это время бываютъ очень вязки и на нихъ остаются слѣды всего того, чѣмъ до нихъ дотрагиваются.

Когда извлекли торфъ, его начинаютъ просушивать и для этого его переворачиваютъ съ одной стороны на другую. Когда положить просушивать торфяныя глыбы, болѣе всего опасаются дожда, который можетъ превратить ихъ въ жидкую грязь и такимъ образомъ совершенно уничтожить. Чтобы это предупредить, глыбы торфа собираютъ въ огромныя кучи и покрываютъ сѣномъ или соломой. Не менѣе опасаются огня, который, проникнувъ туда, можетъ быть причиною величайшихъ несчастій. Этотъ горючій матеріалъ загорается тогда медленнымъ огнемъ и такой пожаръ можетъ продолжаться очень долго, такъ какъ огонь постоянно находитъ для себя нищу. Такіе пожары приносятъ жителямъ окрестныхъ мѣстностей неисчислимыя бѣдствія. Они продолжаются иногда 12 и 14 дней. Близъ лежащія жилища людей и хижины рабочихъ, которые занимаются добычаніемъ торфа, все тогда превращается въ пепель. Эти пожары могли бы продолжаться цѣлыя годы, если бы не находили средства ихъ прекращать. Когда сложенный торфъ загорается, на него бросаютъ землю и мало по малу тушатъ огонь.

Нидерландскіе крестьяне обращаютъ эксплуатированные торфяники въ обработанныя поля и богатыя нивы. Торфъ, когда онъ только что вынутъ, имѣетъ цвѣтъ табака: онъ смѣшанъ со сгнившими корнями и вѣтками деревьевъ. Когда торфяникъ уже эксплуатированъ, на его мѣстѣ видна только вода. Видъ этихъ громадныхъ лужъ, или лучше сказать озеръ, на мѣстѣ которыхъ еще недавно были зеленыя поля, чрезвычайно печальный. Но за то земля торфяниковъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ обработки цѣнится чрезвычайно дорого. Если вычерпать торфяное озеро или лужу слишкомъ дорого и затруднительно, собственники превращаютъ ее въ прудъ, или озерко, наполняютъ его прекрасной рыбой, и такимъ образомъ получаютъ новый источникъ дохода.

Всѣ величайшія рѣки Голландіи запружены длинными кораблями, которые перевозятъ этотъ національный горючій матеріалъ. Эти оригинальные огромные корабли, необыкновенно древняго вида, имѣютъ въ Голландіи историческое значеніе. На нихъ когда то голландцы побѣдили могущественный испанскій флотъ. Когда корабль съ торфомъ достигъ мѣста своего назначенія, его выгружаютъ мужчины, а въ нѣкоторыхъ мѣстно-

стях исключительно женщины. Выгрузивъ корабль, онѣ развозятъ торфъ въ тачкахъ. Разнощипки и разнощипцы торфа составляютъ въ Голландіи особый классъ народа: они имѣютъ свои особыя правила и привычки. При публичныхъ церемоніяхъ и національныхъ торжествахъ носильщики торфа устраиваютъ между собою чрезвычайно оригинальные маскарады. Подъ страхомъ большаго штрафа, имъ запрещаютъ курить, когда они нагружаютъ корабли.

Торфъ бываетъ разныхъ родовъ: есть тяжелый и легкій, болѣе и менѣе деревянистый, одинъ изъ нихъ болѣе, другой менѣе соответствуетъ тому или другому употребленію, той или другой промышленности. Извѣстный родъ торфа болѣе всего употребляютъ для кухни, другой для камина, третій исключительно для фабрикъ. Голландія имѣетъ громадную выгоду въ томъ, что она употребляетъ горючій матеріалъ, который ей даетъ почва своей страны. И въ этомъ не одна только экономическая выгода: съ этимъ тѣсно связаны и политическіе интересы страны. Если бы Голландія употребляла каменный уголь, ея фабрики, желѣзныя дороги, мореплаваніе, осушеніе озеръ и блестящія побѣды, которыя она постоянно одерживаетъ надъ моремъ, — все это зависѣло бы отъ иностранцевъ. Теперь голландскій народъ вполне самостоятеленъ и благосостояніе его страны зависитъ отъ него самаго.

Торфъ оказалъ странѣ громадныя услуги: онъ одинъ согрѣвалъ народъ въ продолженіи многихъ столѣтій. Его давнишнее употребленіе породило въ голландцахъ чисто національную привычку согрѣвать ноги. Зимой женщины во всѣхъ комнатахъ, и даже въ храмѣ во время проповѣди, держатъ подъ своими платьями грѣлки съ тлѣющимъ торфомъ. Когда ученые изобрѣтутъ средство, которое уничтожитъ вредный и дурной запахъ, выделяемый торфомъ, они окажутъ странѣ громадную услугу.

Первое житейское правило голландцевъ — извлекать какъ можно больше пользы изъ всего, что подъ руками; поэтому они не только пользуются самимъ торфомъ, но даже золою, которую онъ оставляетъ послѣ себя, его сажкою и копотью. Зола они употребляютъ, какъ самое богатое и надежное удобреніе, и до сихъ поръ горюютъ, что они научились это дѣлать только въ послѣднее время. Сажа торфа служитъ въ хозяйствѣ для чистки различныхъ инструментовъ и металлической посуды. Дымъ даетъ возможность готовить разные копченые припасы и между прочимъ сельди, которыя ловятъ въ Голландіи въ такомъ громадномъ количествѣ и которыми такъ славится эта страна. Торфъ доставляетъ главный матеріалъ при фабрикаціи бумаги, чернилъ и черной краски. Изъ него можно было бы даже добывать свѣтильный газъ. Во многихъ болотистыхъ мѣстностяхъ торфъ служитъ фундаментомъ при постройкѣ домовъ: онъ разбухаетъ въ водянистой почвѣ, не поддается ни сырости, ни разрушенію, однимъ словомъ представляетъ прочное основаніе. Когда, столѣтіе спустя, домъ падаетъ отъ дряхлости, его торфяной фундаментъ находятъ въ томъ видѣ, какимъ онъ былъ при постройкѣ этого дома.

Хотя до сихъ поръ еще въ Голландіи много торфа, но прежде, какъ видно, его было несравненно больше. Теперь все чаще и чаще поговариваютъ о томъ, что придетъ день, и что этотъ день не за горами, когда жителямъ не будетъ хватать торфа на свои потребности. Предсказываютъ, что это должно случиться приблизительно черезъ 2, 3 столѣтія. Однако теперь его еще очень и очень много въ странѣ. Болѣе всего его находятъ въ провинціяхъ: Фрисландіи, Гронингенѣ, Дрентѣ и Оверъ-Исселѣ. Съ исчезновеніемъ торфа, который играетъ такую важную роль, не только должны измѣниться экономическія условія, но даже и самый характеръ жителей. Привычка всюду встрѣчать торфъ, употребленіе его при всѣхъ домашнихъ потребностяхъ, постоянныя занятія въ торфяникахъ, все это породило въ народномъ языкѣ множество поговорокъ, пословицъ и сравненій, исключительно основанныхъ на торфѣ. Про человѣка благоразумнаго и

практическаго, который богатѣеть, такъ какъ знаетъ, что и когда нужно сбыть, въ какое время приобрести то или другое въ хозяйствѣ, говорятъ: «О! онъ всегда сдѣлаетъ хорошій запасъ торфа на зиму», и множество другихъ выраженій, которыхъ нельзя передать. Но что болѣе всего должно измѣниться съ исчезновеніемъ торфа, такъ это благосостояніе жителей, развитіе ихъ промышленности, земледѣліе, привычки домашней жизни, а слѣдовательно и самые нравы.

Ловля утокъ.

Охота на птицъ въ Голландіи даетъ большія выгоды. Наибольшую извѣстностію въ этомъ отношеніи пользуется Фрисландія, гдѣ особенно много ловятъ утокъ.

Во время своего перелета осенью съ сѣвера на югъ, дикія утки проносятся стаями надъ Фризскими островами, — ихъ и ловятъ здѣсь совершенно особымъ образомъ. Дикія утки во время своего долгаго путешествія выбираютъ себѣ мѣста, гдѣ онѣ отдыхаютъ и запасаются кормомъ. Для этого онѣ выбираютъ обыкновенно небольшія водныя пространства, защищенныя частымъ кустарникомъ и удаленныя отъ всякаго человѣческаго жилья. Этимъ обыкновеніемъ утокъ воспользовались голландцы: чтобы заманить ихъ въ свои сѣти, они устраиваютъ имъ искусственныя воды. Далеко отъ жилища, въ низменныхъ мѣстностяхъ, вырываютъ большіе пруды и обсаживаютъ ихъ кустами и даже деревьями. Такое предпріятіе требуетъ большихъ денегъ, и потому за него берутся общества и вносятъ необходимый капиталъ. Чтобы защитить воду и кустарники отъ бурь, прудъ выкапываютъ такой глубокой, что онъ никогда не высыхаетъ, и окружаютъ его высокимъ валомъ. Отъ этого пруда, или озера, расходятся въ разныя стороны отъ 6 до 8 каналовъ. Прудъ служитъ для того, чтобы на немъ собирались птицы, ловятъ же ихъ въ каналахъ. Выходя изъ озера, такой каналъ довольно широкъ, но къ концу онъ постепенно суживается и заворачиваетъ въ сторону такимъ образомъ, что уткамъ на озерѣ не видно, что дѣлается на этомъ концѣ, гдѣ и происходитъ настоящая ловля. Оба берега каналовъ густо покрыты кустарникомъ. Сверху надъ ними натянуты сѣти, которыя совершенно незамѣтны, такъ какъ онѣ густо покрыты разросшейся зеленью. Эти сѣти натянуты тѣмъ ниже, чѣмъ каналъ уже. Каналъ оканчивается ящикомъ, къ внѣшнему краю котораго придѣлана сѣтка въ видѣ мѣшка, откуда уже нѣтъ выхода.

Какъ завлечь утокъ на озеро, а потомъ въ каналы и въ сѣтки? Все это сдѣлалось бы само собой, безъ посторонней помощи, такъ какъ дикія утки, привлеченныя уединеннымъ мѣстоположеніемъ пруда, сами на него опустились бы и затѣмъ уже имъ легко было бы попасть въ каналы и сѣти; но чтобы вѣрнѣе достичь цѣли и наловить ихъ, какъ можно больше, нѣсколькихъ пойманныхъ утокъ оставляютъ покойно жить на этомъ пруду, приручаютъ ихъ и употребляютъ для приманки. Приручаютъ ихъ такимъ образомъ: прежде всего, разумѣется, имъ подрѣзаютъ крылья и держатъ въ одномъ изъ загороженныхъ каналовъ. Человѣкъ, который приручаетъ ихъ, часто приходитъ къ нимъ, по долгу стоитъ на берегу канала и бросаетъ имъ кормъ. Отъ времени до времени онъ оставляетъ ихъ безъ пищи, а потомъ, когда приходитъ съ кормомъ, то манитъ ихъ къ себѣ свисткомъ. Тѣмъ, которыя къ нему приближаются, онъ бросаетъ пищу. Когда такимъ образомъ утки совершенно привыкнутъ къ смотрителю, онъ изъ канала выноситъ ихъ на озеро, гдѣ онѣ продолжаютъ мирно жить, получая каждый день пищу отъ человека. Во второй періодъ своей жизни, т. е. когда онѣ находятся уже на озерѣ, онѣ съ живостью бросаются каждый разъ на свистокъ смотрителя, такъ какъ каждый разъ при этомъ получаютъ отъ него пищу. Нѣкоторыхъ изъ этихъ ручныхъ утокъ смотритель

отпускаетъ вмѣстѣ съ дикими. Онѣ улетають съ ними въ далекія страны, кладутъ яйца, выводятъ дѣтенышей и на слѣдующій годъ приводятъ цѣлыя стаи своихъ друзей и птенцовъ къ знакомому, богатому пищею пруду, и такимъ образомъ предають ихъ въ руки зрителя. Другихъ же оставляють на искусственномъ озерѣ съ двойкою цѣлю: нѣкоторыя изъ нихъ летаютъ по низменнымъ мѣстностямъ и на берегу моря, смѣшиваются съ дикими и приводятъ ихъ тоже въ западню. Остальныя остаются на озерѣ и своимъ крикомъ заманивають пролетающія стаи. Дикія утки дружно плаваютъ съ ручными на искусственномъ озерѣ, которое во время лова совсѣмъ бываетъ покрыто ими. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ изъ озера выходятъ каналы, сторожъ выбрасываетъ кормъ; ручныя утки жадно бросаются туда, дикія слѣдуютъ за ними. Сторожъ при этомъ долженъ болѣе всего опасаться, чтобы птицы его не увидѣли и не почували, такъ какъ дикія утки обладаютъ превосходнымъ чутьемъ и постоянно на сторожѣ. Поэтому для лова назначаютъ только тѣ каналы, которые расположены противъ вѣтра, чтобы его испаренія уносились отъ озера. Кромѣ того онъ пострянно держитъ въ рукѣ маленькій горшечекъ пылающаго торфа, чтобы уничтожить собственныя испаренія. Съ этимъ горшечкомъ, наполненнымъ глѣющимъ торфомъ, онъ никогда не разстается и потому похожъ на движущійся дымовой столбъ. Болѣе всего поражаютъ при этомъ тонкость обонянія утокъ и сила испареній человека, который на разстояніи двухсотъ шаговъ безъ всякаго шума и движенія можетъ спугнуть цѣлыя стаи. Во время лова берега озера и каналовъ уставлены кулисами изъ деревьевъ, черезъ маленькія отверстія которыхъ охотникъ наблюдаетъ за всѣми движеніями утокъ. Охотникъ можетъ подойти къ каждому мѣсту канала, незамѣченный утками. Прежде всего онъ тихо поплзетъ между двумя кулисами къ устью канала и сыплетъ тамъ немного ячменя. Ручныя утки, привыкшія получать кормъ, тотчасъ приплывають и ѣдятъ, а дикія спѣшатъ за ними. Сторожъ прокрадывается теперь за слѣдующія кулисы и также выбрасываетъ ячмень. Съ крикомъ плыветъ за нимъ стая въ нѣсколько дюжинъ. Когда такимъ образомъ онъ ихъ завлекъ до послѣдней кулисы, гдѣ каналъ дѣлаетъ поворотъ, онъ съ шумомъ выходитъ позади ихъ. Ручныя утки, которыя его знаютъ, не пугаются; онѣ смѣло поворачивають назадъ и обратно плывутъ въ озеро, дикія, напротивъ, бросаются въ каналъ, который все болѣе суживается и надъ которымъ протянута сѣть. Толкая другъ друга, онѣ наконецъ попадаютъ въ мѣшокъ, прикрѣпленный на концѣ ящика. Охотникъ быстро подскакиваетъ къ нимъ, стягиваетъ мѣшокъ, снимаетъ его и убиваетъ одну утку за другой, свертывая имъ шею. Для этого тоже нужна большая сноровка: нужно не дать имъ кричать, чтобы не напугать остальныхъ на озерѣ и поскорѣе покончить съ ними. Не прошло и получаса, охотникъ только успѣлъ покончить съ добычей, какъ ручныя утки опять захотѣли поѣсть и опять предательски привели съ собою къ каналамъ нѣсколько сотенъ своихъ друзей. Охотникъ повторяетъ тотъ же маневръ, и такимъ образомъ, въ продолженіи дня, ему удается наловить отъ 800 до 1,000 утокъ. Сторожа разсказываютъ, что дикія утки такъ пугаются человека, который внезапно появляется передъ ними, что, потерявъ голову, безъ всякаго звука, бросаются впередъ, но если, что случается здѣсь очень рѣдко, одна изъ нихъ закричитъ, всѣ находящіяся на озерѣ обращаются въ бѣгство.

Впродолженіи охоты ихъ ловятъ отъ 20 до 30 тысячъ; отсюда ихъ разсылають въ сосѣднія мѣстности, а также въ Копенгагенъ и въ Гамбургъ. Отправляя въ дальніе города, ихъ маринуютъ въ уксусъ и укладываютъ въ бочки. Главная охота на утокъ на Фризскихъ островахъ происходитъ отъ половины августа до конца сентября. Можетъ показаться страннымъ, что на утокъ охотятся только во время ихъ перелета съ сѣвера на югъ, т. е. осенью, и даютъ имъ возможность свободно возвращаться весною съ юга на сѣверъ. Это дѣлается по многимъ причинамъ: осенью бываетъ много

молодыхъ утокъ и мясо ихъ чрезвычайно нѣжно, къ тому же въ это время года онѣ гораздо многочисленнѣе, тогда какъ весной ихъ гораздо меньше и мясо ихъ чрезвычайно жестко. Но главная причина, вѣроятно, та, что во время зимы, къ веснѣ, эти птицы забываютъ своихъ дѣтенышей, молодыя дѣлаются совершенно самостоятельными и теряютъ всякую склонность къ общежителности, между тѣмъ какъ осенью молодое поколѣніе слѣдуетъ за родителями и они перелетаютъ громадными стаями. Охотники, отпуская съ дикими утками ручныхъ, слѣдятъ за полетомъ этихъ птицъ до крайнихъ предѣловъ стараго свѣта. «Когда я однажды», рассказываетъ одинъ путешественникъ, «нечаянно спугнулъ у охотника цѣлую стаю дикихъ утокъ, я со страхомъ сталъ разсыпаться передъ нимъ въ извиненіяхъ, но онъ спокойно отвѣчалъ мнѣ: «ничего сударь, онѣ могутъ быть недалеко улѣтели, но если даже онѣ отпавились на сѣверный полюсъ, онѣ все-таки должны возвратиться на будущій годъ, потому что съ ними улѣтѣло нѣсколько моихъ ручныхъ утокъ».

Государственное устройство. — Отношеніе короля къ подданнымъ. — Общественная и религіозная жизнь народа. — Характеръ церквей. — Благотворительность.

Исторія учитъ, что вездѣ и во всѣ времена образъ правленія находится въ зависимости отъ устройства почвы, климата и географическаго положенія страны. Прежде чѣмъ люди созрѣютъ до политической и нравственной независимости, они гораздо раньше должны умѣть защищать себя отъ вліянія природы. Въ Голландіи, вслѣдствіе постоянной борьбы противъ враждебныхъ стихій и необходимости защищать страну общими силами, естественно развилось общинное, мѣстное управленіе. Этому способствовали и причины историческія. Каждый городъ уже давно составлялъ особое цѣлое, каждая провинція представляла самостоятельную, самодержавную страну и это прежде всего зависѣло, разумѣется, отъ географическихъ условій. Нидерланды рѣзко дѣлятся на многія большія группы: приморскіе округа и провинціи имѣли совершенно другіе интересы, чѣмъ провинціи, лежащія внутри страны; сѣверныя провинціи иныя, чѣмъ южныя. Уже при первомъ взглядѣ на карту, мы видимъ, что въ странѣ, разорванной моремъ, перерѣзанной рѣками и каналами и такимъ образомъ распадающейся на небольшіе округа, гораздо труднѣе создать политическую централизцію, чѣмъ въ другихъ континентальныхъ странахъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ такихъ разрозненныхъ мѣстностяхъ, мало сходныхъ по интересамъ провинціяхъ, необходимо было мѣстное управленіе: поэтому до сихъ поръ оно сохранило въ странѣ огромное значеніе. Власть короля въ Голландіи ограничена *генеральными штатами* (парламентъ, который состоитъ изъ двухъ палатъ: верхней или первой—39 членовъ—и нижней—80 членовъ). Королевская корона наследственна въ домѣ оранско-нассаускомъ по праву первородства; въ случаѣ отсутствія мужскаго поколѣнія она переходитъ къ дочерямъ короля. Король вступаетъ въ бракъ съ согласія генеральныхъ штатовъ. Королева, вступившая въ бракъ безъ ихъ согласія, этимъ самымъ слагаетъ съ себя корону. Содержаніе короля опредѣляется закономъ каждый разъ при вступленіи его на престолъ. Нынѣшній король нидерландскій герцогъ Люксембургскій Вильгельмъ III, кромѣ доходовъ съ королевскихъ имѣній, получаетъ изъ государственной казны 600,000 гульденовъ и 50,000 для содержанія своихъ дворцовъ. Вновь вступившій на престолъ король принимаетъ присягу въ Амстердамѣ, во время засѣданія обѣихъ камеръ генеральныхъ штатовъ. Но прежде этого онъ самъ долженъ принести слѣдующую присягу: «клянусь нидерландскому народу, что я буду всегда соблюдать и руководствоваться основнымъ закономъ государства. Клянусь,

что я буду всѣми силами защищать и охранять независимость и цѣлость государства, что я общественную и частную свободу и права моихъ подданныхъ буду защищать и употреблю всѣ средства къ поддержанію и развитію общаго и частнаго благосостоянія, на сколько это мнѣ дозволено закономъ, какъ это обязанъ дѣлать хорошій король. Помоги мнѣ во всемъ этомъ Богъ».

Личность короля неприкосновенна; министры отвѣтственны. Король имѣетъ исполнительную власть, имѣетъ право объявлять войну, но съ нѣкоторыми ограниченіями, заключаетъ мирныя и другіе договоры, начальствуетъ надъ сухопутнымъ войскомъ и даже флотомъ. Однако договоры, которые содержатъ въ себѣ постановленія относительно цѣлости государства въ Европѣ или въ другихъ частяхъ свѣта, а также и относительно финансовъ, должны утверждаться и королемъ, и генеральными штатами. Высшее управленіе колоніями также принадлежитъ королю, однако чеканка монеты, бюджетъ и другія важныя дѣла — должны быть опредѣлены закономъ. Король долженъ ежегодно давать генеральнымъ штатамъ подробный отчетъ о внутреннемъ управленіи и объ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ.

Члены второй палаты генеральныхъ штатовъ выбираются по одному изъ 45,000 жителей. Выбраннымъ можетъ быть всякій совершеннолѣтній голландецъ, пользующійся всѣми гражданскими правами и который платитъ налогъ. Налоги въ Голландіи весьма тяжелы и чрезвычайно различны. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ голландецъ платитъ налогу всего 20 гульденовъ, въ другихъ 30, 40, а есть провинціи, гдѣ ему приходится выплачивать 160 гульденовъ.

Первая палата состоитъ изъ 39 членовъ, которые принадлежатъ къ числу людей, платящихъ самыя большіе налоги. Въ члены второй палаты выбираетъ самъ народъ, въ члены первой палаты выбираютъ провинціальныя штаты. Члены второй палаты, кромѣ путевыхъ издержекъ, получаютъ жалованья 2,000 гульденовъ въ годъ. Члены первой палаты получаютъ только путевыя издержки и квартиру, или квартирные деньги. Духовныя лица не могутъ быть членами палаты.

Король посылаетъ свои предложенія во вторую палату, которая можетъ сдѣлать въ нихъ измѣненія. Если вторая палата принимаетъ предложенія короля, то она передаетъ ихъ со своимъ одобреніемъ въ первую палату, а если не принимаетъ, то возвращаетъ королю. Законы, предложенныя второй палатой, первая палата можетъ принять или не принять, но не можетъ ихъ измѣнять или передѣлывать.

Кромѣ генеральныхъ штатовъ, которые управляютъ всѣмъ государствомъ, въ каждой провинціи есть свои штаты, которые завѣдуютъ мѣстными дѣлами.

Человѣка прежде всего цѣнятъ здѣсь на столько, на сколько туго набить его карманъ. Дворянство, чинъ и рожденіе совершенныя пустяки по понятіямъ голландца. Въ этой странѣ всегда преобладало вліяніе средняго класса, затѣмъ большимъ значеніемъ пользовались ремесленники, дворянство же никогда не играло въ странѣ важной роли. Родовыхъ дворянъ и аристократовъ здѣсь очень мало. Буржуа только тогда уважаетъ аристократа, когда у того есть деньги; безденежнаго онъ называетъ «голымъ барономъ». Единственная признанная здѣсь аристократія — аристократія капитала. Государственныя денежныя бумаги единственные дипломы, которые уважаетъ голландецъ. Незапятнанная фирма купца здѣсь болѣе уважается, чѣмъ родовой гербъ знатнаго аристократа. Названіе сіятельство, превосходительство, въ сношеніяхъ одного лица съ другимъ, здѣсь было бы принято за насмѣшку. Каждый называетъ другаго «мингеръ» т. е. сударь, не прибавляя никакихъ титуловъ. Такъ какъ добываніе денегъ въ Голландіи первое стремленіе всякаго, то и всѣ роды промысловъ одинаково уважаемы. Мѣста, поступить на которыя въ другихъ странахъ порядочные люди считаютъ для себя унижительнымъ, въ

Голландіи замѣщаются лицами самыхъ первыхъ фамилій въ странѣ. Званіе гробовщика считается здѣсь почетнымъ и ими дѣлаются люди высоко поставленные, хотя гробы приготавливаютъ за нихъ другіе за небольшую плату. Самые почетные люди не брезгаютъ надзоромъ за чисткою улицъ, заготовленіемъ каретъ на продажу и т. п. Вывозомъ нечистотъ для приготовления искусственнаго гуано завѣдуетъ теперь въ Амстердамѣ извѣстный докторъ. Каждый членъ семьи, если только онъ взрослый, долженъ зарабатывать здѣсь свою долю на хозяйство и въ тоже время; уже очень рано, онъ начинаетъ понемногу откладывать себѣ капиталъ. Мужъ—корабельный маклеръ, или занимается какимъ нибудь ремесломъ; жена ведетъ хозяйство и кромѣ того непременно чѣмъ нибудь торгуетъ: полотномъ, сыромъ, нитками; дочери содержатъ школы для шитья; сынъ занимается въ конторѣ. Жены проповѣдниковъ многихъ сектъ ведутъ въ домѣ мелочную продажу. Всѣ здѣсь непременно *работаютъ, приобретаютъ и копятъ*. Поэтому вы вездѣ встрѣтите здѣсь зажиточность и богатство, и *Голландія въ букввальномъ смыслѣ слова страна ссидей, сыра и звонкихъ, блестящихъ червонцевъ*.

Вслѣдствіе своей зажиточности и самостоятельности, голландецъ держитъ себя естественно, открыто и непринужденно. Какъ съ богатымъ, такъ и съ бѣднымъ, съ знатымъ и простымъ онъ всегда ровень въ обращеніи. Недостаткомъ многихъ скорѣе является грубость, высокомеріе и жесткость, но никогда раболопство. Это разумѣется слѣдуетъ объяснять не только общимъ благосостояніемъ всѣхъ классовъ, но еще болѣе неограниченною свободою совѣсти, политическою свободою страны и отсутствіемъ привилегированнаго родового дворянства.

Объ этикетѣ, важныхъ официальныхъ выѣздахъ здѣсь нѣтъ рѣчи даже и при дворѣ. Часто къ королевѣ являются жены лицъ, служащихъ въ колоніи, и являются какъ имъ угодно, въ самыхъ скромныхъ и даже фантастическихъ костюмахъ. Короля не окружаетъ себялюбивое дворянство, и онъ одинаково внимателенъ какъ къ простолюдину, такъ и къ знатному челоуѣку. Тронъ его прочно стоитъ на демократической основѣ. Между народомъ и королемъ простыя и непосредственныя отношенія. Въ опредѣленные дни, назначенные для аудіенцій, король въ простомъ фракѣ выслушиваетъ каждаго подданнаго, который пожелаетъ его видѣть. Такимъ образомъ завязываются какъ бы семейныя отношенія между королемъ и его подданными, которые искренно считаютъ его отцемъ и главой всей голландской семьи. Въ предложеніяхъ, которыя онъ дѣлаетъ палатѣ, видно истинное пониманіе нуждъ народа, и это естественно, такъ какъ онъ самъ видитъ положеніе своихъ подданныхъ, самъ слышитъ ихъ жалобы. Каждый гражданинъ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, пастухъ также, какъ и первое лицо въ странѣ, имѣетъ возможность говорить съ королемъ лично, представить ему свое положеніе, просить его защиты и помощи. Какъ на аудіенціяхъ, такъ на улицѣ и въ общественныхъ собраніяхъ король держитъ себя чрезвычайно просто.

Во время праздниковъ, народныхъ собраній и увеселеній особенно поражаетъ отсутствіе полиціи. Въ подобныхъ случаяхъ никогда не приходится слышать о беспорядкахъ и уличныхъ скандалахъ. Слѣдовательно народъ не только свободенъ, но, что не менѣе важно,—онъ твердо стоитъ на своихъ собственныхъ ногахъ и достоинъ своей свободы.

Въ Голландіи полная религіозная свобода. Преобладающее вѣроисповѣданіе *реформатское*; изъ 2-хъ милліоновъ протестантовъ здѣсь 1.800,000 реформатовъ *), кото-

*) Процентное отношеніе населенія по вѣроисповѣданіямъ можно выразить такимъ образомъ: 60% протестантовъ; 38% католиковъ и 2% евреевъ. Относительно происхожденія населеніе состоитъ изъ 71% голландцевъ (батавы) — въ провинціяхъ: Голландія, Зеландія, Утрехтъ и Гельдертъ; 14% фризцовъ: въ Фрисландіи, Гронингенѣ, Дренгѣ и Оверъ-Несселѣ; 13% фламандцевъ: въ Сѣверномъ Брабантѣ и Лимбургѣ; 2% нижне-нѣмецкаго племени: въ Нидерландскомъ Лимбургѣ.

рые живут преимущественно на сѣверѣ. На югѣ около 1.200,000 жителей римско-католическаго исповѣданія.

Голландскій народъ чрезвычайно религіозенъ. Эту религіозность прежде всего поддерживаютъ пасторы, которые имѣютъ большое вліяніе на народъ, такъ какъ это люди обыкновенно образованные и развитые. Въ числѣ 1,600 пасторовъ—ученыхъ большинство. Болѣе половины реформатскаго народонаселенія каждое воскресенье собирается въ церквахъ. Усердіе голандцевъ къ церковной службѣ такъ велико, что вѣроятно собиралось бы и гораздо больше, но недостаетъ мѣстъ въ церквахъ. Какъ ни обширны церкви въ большихъ голландскихъ городахъ: въ Роттердамѣ и въ Амстердамѣ, онѣ не могутъ все-таки вмѣстить и четвертой части реформатскаго народонаселенія. Часто бываетъ въ нихъ такая тѣснота, что невозможно дышать; многимъ нельзя даже хорошо слышать проповѣдника. Дурной обычай, существующій въ Голландіи, какъ и во многихъ другихъ протестантскихъ странахъ,—платить за мѣста въ церкви, мѣшаетъ весьма многимъ ее посѣщать. Тѣмъ не менѣе церкви бываютъ всегда полны, особенно тамъ, гдѣ является искусный проповѣдникъ. Уже за часъ и за полтора до начала службы, со всѣхъ сторонъ стекается народъ къ церкви, съ толстыми библіями въ рукахъ и съ сборниками церковныхъ пѣсень, которые отдѣланы въ бархатъ и золото. Мужчины сидятъ во время проповѣди со шляпами на головахъ и обнажаютъ ихъ только во время пѣнія молитвъ и чтенія священнаго писанія. Въ нѣкоторыхъ городахъ билеты на стулья въ церковь продаются въ театрахъ. При выходѣ изъ церкви роздаютъ милостыню, и чѣмъ болѣе проповѣднику удалось тронуть сердца своихъ слушателей, тѣмъ болѣе щедрое даваніе получаютъ бѣдные.

Реформатскія церкви не имѣютъ религіознаго характера, хотя нѣкоторыя изъ нихъ великолѣпно построены въ готическомъ стилѣ. Онѣ обыкновенно окружены жилищами, лавочками и очень недалеко отъ нихъ иногда даже находятся трактиры и питейные дома. Внутри церковь имѣетъ вмѣсто великолѣпныхъ сводовъ, какъ того требовалъ бы готическій стиль,—деревянные потолки, подъ которыми нерѣдко проходятъ грубыя балки. Такой потолокъ, къ тому же сильно закопченный, не производитъ внушающаго впечатлѣнія. Но своды въ здѣшнихъ церквахъ совсѣмъ невозможны: земля этой страны слишкомъ рыхла, чтобы выдержать тяжесть высокихъ каменныхъ построекъ. Послѣ потолка болѣе всего бросается въ глаза то, что здѣшнія церкви чрезвычайно голы. Входящій видитъ только голыя бѣлыя стѣны безъ всякихъ украшеній. Внутри стоятъ стулья, и тѣ изъ нихъ, которые предназначены для богатыхъ, окружены перилами, а бѣдняки или стоятъ въ проходахъ церкви, или сидятъ на простыхъ стульяхъ позади. За то почти во всѣхъ голландскихъ церквахъ вы найдете превосходные органы.

Богослуженіе по воскресеньямъ въ многолюдныхъ мѣстахъ совершается до четырехъ разъ, въ другихъ три раза и даже въ самыхъ небольшихъ приходахъ—по крайней мѣрѣ два раза. Кромѣ того, въ городскихъ церквахъ, какъ и во многихъ сельскихъ, богослуженіе бываетъ нѣсколько разъ на недѣлѣ. Тѣ, которые не могутъ пойти въ церковь, во время службы собираются всѣмъ семействомъ въ комнатѣ, читаютъ молитвы, священное писаніе, библію. Такъ проводятъ воскресный день семейства всѣхъ голландцевъ безъ исключенія, какъ бѣдныхъ ремесленниковъ, такъ и знатныхъ негоціантовъ. Чтобы поддерживать въ юношествѣ религіозное рвеніе, устраиваютъ публичныя лекціи, предметомъ которыхъ бываетъ богословское объясненіе того или другаго мѣста священнаго писанія. Эти лекціи посѣщаются огромнымъ числомъ слушателей всѣхъ классовъ общества.

Пасторы не допускаютъ къ причастію очень молодыхъ людей. Первый разъ у нихъ причащаются юноши и дѣвушки между 15-ю и 19-ю годами. Прежде чѣмъ причащаться,

выдерживаютъ экзаменъ изъ религіи, и при недостаточныхъ познаніяхъ причастіе откладываютъ на извѣстный срокъ. Юноши и дѣвушки, пока не выдержатъ экзамена, должны посѣщать уроки закона Божія въ особыхъ школахъ, такъ называемыхъ дьяконскихъ училищахъ и воскресныхъ школы.

Здѣсь существуетъ много учрежденій и обществъ съ религіозными цѣлями: одни изъ нихъ распространяютъ религіозныя сочиненія на родинѣ, другія христіанское ученіе у многочисленныхъ народовъ, окружающихъ голландскія колоніи въ Азіи. Одно изъ такихъ учрежденій называется «библейское общество». Оно ежегодно раздаетъ даромъ до 30,000 экземпляровъ библіи; не щадитъ никакихъ издержекъ и трудовъ, чтобы сдѣлать хорошій переводъ библіи на языки разныхъ народовъ, въ средѣ которыхъ оно водворяетъ христіанство. Есть общества для распространенія чтенія библіи между бѣдными; существуетъ множество обществъ, которыя исключительно заботятся объ улучшеніи нравственнаго и религіознаго состоянія арестантовъ, особенно молодыхъ, — однимъ словомъ общества со всевозможными цѣлями.

Религіозное развитіе народа особенно замѣтно въ семейной жизни голландцевъ. Мать прежде всего даетъ своему ребенку глубоко религіозное воспитаніе. Утромъ и вечеромъ изъ всѣхъ оконъ слышится общая, громкая молитва. Ни одно семейство не сядетъ за столъ, не прочитавъ вслухъ молитву. Религіозныя чувства открыто выражаются не только въ семействахъ протестантовъ, но и католиковъ. Католикъ не стыдится открыто перекреститься и въ постные дни отказывается ѣсть мясныя кушанья, не вызывая улыбки иновѣрца. Словомъ, каждый здѣсь открыто исповѣдуетъ свою вѣру.

Несмотря на безусловную свободу совѣсти, множество различныхъ сектъ и большое число католиковъ, страна все-таки носитъ прежде всего протестантскій отпечатокъ. На всѣхъ общественныхъ памятникахъ видно вліяніе кальвинизма. Политическая исторія Голландіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія ея религіи, въ которой насчитываютъ не одного мученика, павшаго въ борьбѣ за вѣру. Вся исторія борьбы противъ Испаніи есть въ то же время и исторія церкви въ Голландіи. Ея страницы, написанныя кровью, изложены популярно и ихъ читаютъ во всѣхъ мѣстныхъ школахъ дѣти, проникаясь такимъ образомъ съ самаго перваго возраста глубокимъ уваженіемъ къ тѣмъ, которые умерли за независимость ихъ страны. Патріотизмъ голландца неразрывно связанъ съ его протестантской религіей. Исключительно католическая Голландія была бы невысказана. Кальвинисты стараго покроя и до сихъ поръ еще съ ненавистью смотрятъ на голландскихъ католиковъ. «Ихъ ноги», говорятъ они, «на почвѣ Голландіи, а сердце въ Римѣ». Ихъ ненависть прежде была такъ велика, что католики, во избѣжаніе преслѣдованій, должны были вывѣшивать на своихъ молитвенныхъ домахъ трактирныя вывѣски. Но теперь голландскіе католики пользуются полною свободою религіознаго исповѣданія.

Какъ примѣръ полной религіозной свободы Голландіи, мы можемъ привести слѣдующій фактъ: здѣсь существуетъ множество людей, которые остаются некрещенными до самой глубокой старости и въ то же время занимаютъ въ государствѣ разные должности. Государство смотритъ на религію, какъ на частное дѣло каждаго, и потому здѣсь существуетъ множество сектъ, которыя появляются, исчезаютъ и всѣ имѣютъ полное право гражданства.

Существуетъ немного странъ, гдѣ бы число благотворительныхъ обществъ было такъ велико, какъ въ Голландіи. При населеніи въ 4 милліона здѣсь насчитываютъ около 6,000 благотворительныхъ заведеній и различныхъ благотворительныхъ обществъ, между которыми въ 1857 году существовало 3,708 заведеній для вспомошествованія бѣднымъ, но не обращающимся за милостынею. Частныя благотворительныя общества заботятся о бѣдныхъ, начиная отъ ихъ рожденія до гроба. Есть заведенія и общества

для дѣтей, для стариковъ, больныхъ и даже для умершихъ, такъ какъ они хоронятъ бѣдныхъ на свой счетъ; существуетъ множество пріютовъ для маленькихъ дѣтей, которые содержатся добровольными пожертвованіями. Въ Амстердамѣ насчитываютъ 20 дѣтскихъ пріютовъ, стоющихъ ежегодно 25,000 гульденовъ, и все это добровольныя пожертвованія. Въ этомъ самомъ городѣ существуетъ нѣсколько домовъ для прислуги, приходящей изъ маленькихъ городковъ или изъ деревень искать себѣ мѣсть. Здѣсь, за небольшую плату, они могутъ оставаться безъ опасности для своего имущества и своей нравственности. Кроме того въ Голландіи существуетъ болѣе 130 обществъ, которыя раздають вспомошествованіе жизненными припасами, 150 обществъ дають пристанище бѣднымъ, 800 госпиталей и лечебницъ, 107 обществъ для доставленія работы бѣднымъ, 11 заведеній для умалишенныхъ и т. п. Ежегодные расходы всѣхъ этихъ заведеній можно обозначить только милліонами. Нужно помнить, что все это существуетъ въ очень маленькой странѣ, населеніе которой едва достигаетъ 4-хъ милліоновъ. Между тѣмъ богатѣльни и больницы скорѣе похожи на дворцы, чѣмъ на убѣжища нищеты. Теперь много думаютъ также объ улучшеніи жилищъ бѣдныхъ классовъ. Уже во многихъ городахъ существуютъ общества, которыя строятъ здоровыя дома съ необходимою вентиляціею и чистою водою и отдають ихъ въ наемъ бѣднымъ классамъ за ту же цѣну, которую имъ приходилось платить за дурное помѣщеніе. Стараются также улучшить участь бѣдняковъ отминою пошляивъ на зерновой хлѣбъ, уничтоженіемъ налога на помоль и хлѣбной таксы.

Голландскій народъ. — Мужчины, женщины, дѣти. — Ихъ внѣшній видъ, характеръ, понятія, привычки. — Одежда. — Цѣнность и значеніе головнаго женскаго убора.

Характеристическая черта французскихъ юношей, какъ въ серьезномъ трудѣ такъ и въ забавахъ — непостоянство. Они любятъ какъ можно чаще перемѣнять игры, не выносятъ усидчивыхъ занятій однимъ и тѣмъ же предметомъ. Перемѣна и разнообразіе поддерживаютъ ихъ хорошее настроеніе. Голландскіе юноши въ этомъ отношеніи составляютъ имъ совершенную противоположность: цѣлые часы могутъ они заниматься одною и тою же игрою, однимъ и тѣмъ же занятіемъ. Они не понимаютъ даже смысла словъ «отвращеніе къ однообразію», которыя такъ часто слетаютъ съ устъ французскихъ юношей. Тоже самое мы замѣчаемъ у голландцевъ относительно общественныхъ работъ: фабричныхъ и земледѣльческихъ. Сила этого маленькаго народа, который произвелъ столько великаго, заключается въ терпѣнн и неустанной дѣятельности. Голландецъ дѣятеленъ, но это не лихорадочная дѣятельность француза, а правильная, упрямая, безъ всякихъ вспышекъ, ровная, какъ машина одна и таже, какъ въ первый часъ работы, такъ и въ послѣдній передъ отдыхомъ. Своимъ отношеніемъ къ труду голландецъ, болѣе чѣмъ какой нибудь другой народъ, напоминаетъ англичанина.

Отличительныя качества голландца лежатъ въ основѣ характера его предковъ: батавовъ и фризовъ, окрѣпшія еще болѣе отъ постоянной борьбы съ окружающею суровою природою. Всю свою страну, какъ мы это уже говорили, голландцы создали сами; и въ этой-то вѣчной борьбѣ, которая продолжалась нѣсколько столѣтій, голландцы развили въ себѣ замѣчательное хладнокровіе, рѣшимость и непоколебимую силу воли, качества столь драгоценныя при тяжеломъ трудѣ. Чтобы защитить, сохранить и расширить то, что было такъ упорно и съ такимъ трудомъ завоевано, нужно было имѣть много мужества, энергіи, разсудительности и глубокой обдуманности. Голландцы выка-

зали въ полномъ блескѣ всѣ эти качества, и онѣ издавна легли въ основу ихъ характера. Слабый народъ давно бы бросилъ эту безконечную борьбу, мало того, — онъ никогда бы ее и не началъ.

Содержаніе, поддержка и постоянное открытіе шлюзовъ, огромныхъ каналовъ, плотинъ и всевозможныхъ оградъ противъ своихъ естественныхъ враговъ, все это всегда требовало и требуетъ огромныхъ издержекъ. Слѣдовательно, чтобы жить въ безопасности и быть маломальски покойнымъ, голландецъ постоянно чувствовалъ и чувствуетъ потребность имѣть много денегъ. Такимъ образомъ быть богатымъ и скорѣе обогатиться всегда было первымъ желаніемъ голландца, его любимую мечтою. Однако это стремленіе къ наживѣ развилося въ жителяхъ гораздо позже. Ихъ предки батавы не могли мечтать о богатствѣ; скудная природа не всегда ихъ прокармливала, да и гораздо позже голландцы не могли много разсчитывать на свои фабрики. Для этого имъ всегда недоставало двухъ матеріаловъ, которые составляютъ, такъ сказать, душу промышленности, — желѣза и угля. Вообще нидерландская почва въ минеральномъ отношеніи самая скудная въ Европѣ: въ ней никогда не находятъ драгоценныхъ камней, блестящихъ на солнцѣ, да и какихъ минеральныхъ богатствъ можно ожидать отъ этой земли, произведенной совершенно искусственно. Но природа — мачиха сама указала странѣ на безконечное поле дѣятельности. Владѣя устьями трехъ большихъ рѣкъ, которыя протекаютъ по Германіи, Франціи и Бельгіи, Голландія держитъ въ своихъ рукахъ торговлю Рейна, Мааса и Шельды. Кромѣ этихъ большихъ торговыхъ артерій для сношенія съ большею частью промышленной Европы, торговля облегчается еще цѣлою сѣтью каналовъ во всѣхъ частяхъ страны; море, съ сокровищами въ своихъ нѣдрахъ, съ богатствами Индіи на другомъ берегу, не мало также обогащаетъ страну. Голландцы поняли свое назначеніе. Съ чужбины они привозили лѣсъ для своихъ кораблей, которыми скоро были унижены всѣ моря. Смѣлые рыбаки, они давно уже открыли свою Перу въ ловлѣ сельдей. Неустрашимые мореходы, они вездѣ завязали торговые сношенія. Во всѣхъ государствахъ Старого и Нового Свѣта, голландцы учреждали свои конторы; страна эта стала складочнымъ мѣстомъ, и сахаръ, чай, кофе, брилліанты, зерновой хлѣбъ, однимъ словомъ всѣ богатства стали притекать въ ея порты. Цѣлая плеяда моряковъ-героевъ смела съ поверхности воды силы неприятелей, какъ ураганъ сметаетъ облака. Скоро однако могущество Голландіи и господство ея на морѣ перешло къ Англіи, но ея торговля и до сихъ поръ имѣетъ огромное значеніе. Она даетъ средства жителямъ защищать отъ воды свои конторы и свои семейства. Чего же удивляться, что голландцы такъ любятъ деньги, что они такъ усердно стремятся къ наживѣ? Имѣть деньги или нѣтъ — для голландца — быть или не быть.

Голландецъ, хотя и любитъ простоту, живетъ, одѣвается и ѣсть чрезвычайно просто и скромно, тѣмъ не менѣе онъ всегда стремится къ комфорту. И это весьма естественно. Въ этой странѣ такъ мало того, что дѣлаетъ жизнь пріятною и удобною; голландецъ не имѣетъ возможности восторгаться красотами природы и искусства, онъ въ полномъ смыслѣ слова — матеріалистъ и со всею энергіею стремится къ житейскому комфорту. Страна, которая почти никогда не бываетъ суха, которая отъ каждаго дождя превращается въ грязную лужу, заставила голландца употребить всю свою природную дѣятельность для того, чтобы придать ей необходимыя удобства. Посредствомъ порядка и чистоты онъ защитился отъ излишней грязи, которая грозила потопить его на только что завоеванной имъ почвѣ, въ тинѣ и въ болотныхъ испареніяхъ, въ дымѣ и въ торфяной пыли. Когда эта попытка удалась и опрятность вошла въ привычку, онъ хватилъ черезъ край и довелъ ее въ своей домашней жизни до послѣдней степени педантизма, перѣдко даже до смѣшнаго. Такъ какъ суровая природа вмѣсто солнечнаго свѣта, зеленыхъ лѣсовъ и яркихъ красокъ, дала жителямъ только суровыя облака, голландецъ

самъ рѣшился вознаграждать себя за этотъ недостатокъ: онъ окружилъ себя чудными садиками, пестрыми, пахучими цвѣтниками, раскрасилъ свои дома и стѣны. Желаніе пополнить недостатокъ природы повело его къ безвкусію: онъ слишкомъ пестро и грубо раскрасилъ жилища; желая имѣть чудныя деревья, онъ, придавъ имъ искусственную форму, совсѣмъ изуродовалъ ихъ.

Бережливость—другая характерная черта голландца. Его благосостояніе и богатство основываются на ней; только съ помощью ея онъ можетъ платить тяжелые налоги безъ ущерба для своего пропитанія. Только бережливость даетъ возможность этой маленькой странѣ дѣлать столько великаго; только благодаря ей, народъ можетъ приносить такія огромныя денежныя жертвы; она одна наконецъ даетъ возможность голландцу уснуть покойно. Если у него существуетъ хоть какое-нибудь сбереженіе, онъ можетъ думать, что если завтра волны и сотрутъ его жилище съ лица земли, онъ не умретъ съ голоду. Этими понятіями сильно проникнуть голландецъ и онъ рано старается научить своего сына бережливости. Уже съ 6, 7-ми лѣтъ, вмѣсто того, чтобы дарить ребенку ломкія игрушки, отецъ даетъ ему въ руки деньги и строго наблюдаетъ, чтобы тотъ, расходуя самую небольшую часть на удовольствія, рано приучался бы откладывать. Родители съ ранняго возраста толкуютъ дѣтямъ, что конить, отказывая себѣ въ удовольствіяхъ, первый долгъ порядочнаго человѣка, который не хочетъ никогда и въ будущемъ сѣсть на руки приходу, нищенствовать, пользоваться благотворительностью. Когда ребенокъ скопитъ небольшую сумму, отецъ относитъ ее въ сберегательную кассу. Такимъ образомъ голландскія дѣти сами дѣлаются капиталистами, получаютъ проценты, увеличиваютъ свой капиталъ новыми вкладами, сами считаютъ и видятъ, какъ съ каждымъ мѣсяцемъ растетъ ихъ капиталъ. Пройдетъ 10, 15 лѣтъ, и ребенокъ дѣлается молодымъ человѣкомъ, прививается уже за занятія, имѣя небольшой капиталъ, но онъ его не растратитъ, онъ хорошо знаетъ цѣну каждому гульдену и навсегда застрахованъ противъ расточительности. Однако, при всей бережливости, голландецъ вовсе не скупъ. Тѣже люди, которые такъ высоко цѣнятъ золото, не колеблясь отдають его, когда дѣло идетъ объ общественномъ благѣ, или о человѣколюбивыхъ цѣляхъ. Ни одна страна въ мірѣ, съ такимъ количествомъ жителей, не имѣетъ столько прекрасныхъ учреждений, домовъ для бѣдныхъ и сиротъ и столько бесплатныхъ школъ, какъ маленькая Голландія. И всѣ эти учрежденія основаны и содержатся на частныхъ средствахъ.

Голландія, какъ мы уже говорили, глубоко религіозная страна. Ея религія очищена отъ излишней обрядности, а образованные пасторы стараются объяснить дѣйствительный духъ ея. Вслѣдствіе этого голландецъ не довольствуется только чтеніемъ евангелія но старается и примѣнять его правила къ жизни. Какъ только гдѣ-нибудь прорветъ плотину и воды опустошаютъ страну, раздается призывъ къ сострадательности, и ни одинъ поденщикъ не откажется внести свою лепту для облегченія несчастныхъ. Когда поднимается сильная буря, всѣ оставляють свои занятія и спѣшатъ къ тому мѣсту, гдѣ волны грозятъ сдѣлать бремя. И знатные, и бѣдные, всѣ работаютъ иногда въ это время цѣлые дни, забывая объ отдыхѣ, снѣ и прибыльности своихъ собственныхъ занятій.

Какъ голландцы забываютъ о бережливости, когда нужно помочь бѣдняку и странѣ, точно такъ-же не боятся они выйти изъ границъ своего обыкновеннаго бюджета, когда приходится купить произведеніе искусства или дорогую книгу. Мало такихъ богатыхъ семействъ, которыя не хранили бы съ незапамятныхъ временъ и не считали бы священнымъ что-нибудь изъ домашней утвари, нѣкоторыя картины и предметы, перешедшіе по наслѣдству. Они не покупаютъ модной мебели, роскошныхъ и дорогихъ украшеній женѣ и дочери, но прибавляютъ къ коллекціи, полученной уже по наслѣдству, новыя картины, новыя произведенія искусства. Нѣкоторыя частныя лица имѣють собраніе кар-

тинъ и драгоценныхъ старинныхъ предметовъ, которые бы сдѣлали честь владѣтельному князю.

Простой народъ, который живетъ еще болѣе разсчетливо, нѣсколько дней въ году проводить очень расточительно. Когда земледѣлецъ, фабричный или мастеровой выдаетъ зѣмужь свою дочь, онъ дѣлаетъ такія издержки на угощеніе и подарки, что верѣдко въ эти дни праздника проматываетъ все, что онъ съ такими лишеніями и трудомъ копиалъ цѣлые годы.

Такіе разорительные обычаи, празднества, благотворительность бѣднымъ краснорѣчиво говорятъ, что скромность голландцевъ и ихъ умѣренная жизнь происходятъ не отъ скупости, но вслѣдствіе привычки вести правильную жизнь, постоянно трудиться и ихъ искренняго убѣжденія въ необходимости имѣть копѣйку на черный день, чтобъ когда-нибудь не прибѣгнуть къ подаенію. Голландецъ человѣкъ далеко не общественный, и его тихую, скромную жизнь можно объяснить любовью къ семейству и домашнему очагу. Сама природа наконецъ часто напоминаетъ, что ему не слѣдуетъ привыкать къ роскоши и богатству, — онъ завтра можетъ все потерять.

Иностранцы, и въ особенности французы, итальянцы, испанцы и другіе южные жители, съ пренебреженіемъ относятся къ голландцу. Они описываютъ его, какъ человѣка, въ жилахъ котораго течетъ лягушечья кровь, вялаго, неповоротливаго, натянутого, холоднаго педанта и формалиста, однимъ словомъ, скучнаго во всѣхъ отношеніяхъ. И дѣйствительно, съ перваго раза голландецъ производитъ неблагопріятное впечатлѣніе: онъ сдержанъ, несловоохотливъ, неповоротливъ и неуклюжъ. Все его воспитаніе направлено не къ тому, чтобы блеснуть по внѣшности, вести разговоры въ обществѣ и въ салонѣ. Тяжелый воздухъ его страны дѣлаетъ его умъ неспособнымъ къ легкой игрѣ остроумія, его языкъ не пригоденъ къ пустой болтовнѣ. Но познакомьтесь съ нимъ поближе, и эти внѣшніе недостатки вы легко простите ради дѣйствительно хорошихъ сторонъ и его великихъ добродѣтелей. Этотъ неуклюжій, вялый, чопорный народъ создалъ цвѣтущую страну, которая имѣла великую исторію, давно уже добился свободы и самостоятельности. Надо долго и пристально изучать голландцевъ, чтобы вполнѣ ихъ понять и оцѣнить. Когда войдешь въ городъ, село или просто въ домъ голландца и взглянешь на этихъ людей съ такими покойными лицами, медленными движеніями, вась до того поразить чистота и опрятность ихъ одежды, что вы невольно спросите себя: неужели они могутъ и умѣютъ справляться съ черной работой? Когда крестьянинъ, словно аистъ, медленно и осторожно шагая въ своихъ высокихъ деревянныхъ башмакахъ, обратится къ вамъ съ своимъ довольнымъ лицомъ, вамъ легко придетъ въ голову мысль, что такое спокойное, тихое племя не въ состояніи было создать такую землю, эти колоссальныя, величавыя сооруженія. Невольно подумаешь, что эти стѣны, башни, насыпи, шлюзы, плотины соорудили древніе циклопы, которые уже давно сами вымерли, а мѣсто ихъ заняли выродившіеся современные, самодовольные, разсчетливые голландцы. Но, поживъ въ странѣ, вы измѣните ваше мнѣніе и скажете, что только такой человѣкъ, какъ голландецъ, и могъ быть творцемъ и властителемъ этой страны.

Сколько бы ни было въ голландцѣ неловкости, сухости, флегматичности и необщительности, тѣмъ не менѣе въ общемъ это все-таки цѣльная, здоровая натура, одаренная большою энергіею. Такъ какъ голландецъ постоянно борется съ природой, то онъ и привыкъ быть всегда насторожѣ: ему не трудно быть господиномъ своихъ страстей, онъ любитъ больше думать, чѣмъ говорить. Подъ этой флегмой можно видѣть энергическій характеръ и въ тоже время истинную любовь къ родинѣ и къ независимости. Разъ затронута національное чувство голландца, онъ дѣлаетъ чудеса. Вы это можете видѣть изъ всей его исторіи. Когда грозило иностранное вторженіе, голландцы возставали про-

тивъ врага, какъ одинъ человѣкъ, и противопоставляли имъ, какъ и своимъ водамъ, простыя, но непреодолимыя препятствія. Въ XVI-мъ вѣкѣ, эта маленькая нація воздвигала преграды противъ самой могущественной въ то время испанской націи. Эту землю, которую они создали своими собственными руками, они охотнѣе согласились затопить въ нѣсколько часовъ, чѣмъ жить на ней, когда она обезчещена иностраннымъ владѣтельствомъ.

Несмотря однако на свою глубокую преданность родинѣ, голландцы прежде всего нація практическая. Ихъ особенно упрекають въ томъ, что даже лучшіе представители ихъ страны не выработали себѣ никакого идеала. Это къ сожалѣнію вполнѣ справедливо, но въ тоже время совершенно естественно. Чѣмъ болѣе природа угрожаетъ собственности, тѣмъ менѣе имѣеть человѣкъ времени думать объ идеалахъ, тѣмъ болѣе занять онъ земнымъ. Вѣрно и то, что помыслы о житейскомъ дѣлають изъ многихъ замѣчательныхъ скопидомовъ и скрягъ. Въ Фрисландіи не мало богатыхъ фермеровъ, которые, скопивъ капиталъ, не пускають его даже въ оборотъ: они боятся выпустить деньги изъ рукъ. Поэтому они охотнѣе прячуть деньги въ кубышки, вмѣсто того чтобы отдавать ихъ въ чужія руки или класть въ банки, о которыхъ они имѣють мало понятія. Национальный характеръ этой страны возбуждаетъ болѣе удивленія и глубокаго уваженія, чѣмъ симпатіи. У голландца мало недостатковъ, а что касается его качествъ, то онъ болѣе солиденъ, чѣмъ блестящъ. Кто-бы вы ни были, вы можете рассчитывать на помощь голландца, даже на такую, которая потребуеть съ его стороны самопожертвованія. Онъ, ни минуты не задумываясь и не колеблясь, бросится за вами въ воду, когда вы будете тонуть, вытянетъ васъ изъ огня, хотя бы всѣ силы природы каждую минуту при этомъ грозили уничтожить его самого. Онъ раздѣлитъ съ вами послѣдній кусокъ хлѣба, какъ-бы онъ ни былъ бѣденъ, если только узнаеть, что ваша нищета происходитъ не отъ лѣни, иначе онъ рѣзко и холодно васъ оттолкнетъ. Но насколько гостеприимно онъ приметъ васъ, когда вы пришли къ нему за дѣломъ или хотите обратиться къ нему за помощію, настолько онъ съ вами сухъ и непривѣтливъ, когда вы приходите къ нему въ гости безъ приглашенія, а такъ—покалякать, вечерокъ провести. Онъ не только не любитъ принимать иностранца, но и земляка. Онъ назначаетъ особые дни въ году, два, три раза для приѣма гостей, остальные дни онъ любитъ проводить въ кругу своего семейства, гдѣ вечеромъ шумитъ мѣдный, чисто вычищенный котель. Крестьяне точно такъ-же, какъ и жители городовъ, созываютъ гостей на свадьбы, крестины и въ другіе торжественные дни, а въ остальные дни отдыхаютъ у себя дома, въ кругу своихъ близкихъ. Они точно такъ-же одушевлены любовью къ труду, къ порядку, трезвости и бережливости.

Главное поле дѣятельности голландца въ его конторѣ, въ его складѣ товаровъ, на кораблѣ. Тутъ вы всегда найдете его на своемъ мѣстѣ: онъ читаетъ, считаетъ, пишетъ, думаетъ, завѣшиваетъ, завязываетъ знакомства, изобрѣтаетъ. Онъ любитъ свою работу, свою контору, до страсти привязанъ къ своему дому и семейству.

Голландцы высоки ростомъ, крѣпкаго сложенія, широкоплечи, скорѣе рыхлы, чѣмъ мускулисты, ходять переваливаясь съ боку на бокъ. Водянистая почва имѣеть вліяніе на ихъ тѣлосложеніе. Во рту у нихъ постоянно трубка, и это опять таки происходитъ отъ климатическихъ условій: подъ туманнымъ небомъ Голландіи чувствуется потребность много курить, и каждый чужестранецъ испытываетъ это на себѣ.

Женщины полны, высоки ростомъ; сырой климатъ придаетъ имъ прозрачный, очень бѣлый и нѣжный цвѣтъ лица. Яркія, красныя губы, тонкіе, гладкіе волосы, рѣзко очерченныя брови, голубые глаза, длинныя рѣсницы, величественный ростъ, но большія руки и ноги и дурные зубы, — вотъ портретъ настоящей голландки. Такъ какъ нѣтъ

правила безъ исключенія, то и въ Голландіи можно встрѣтить женщинъ небольшого роста, съ курчавыми волосами, маленькими руками и ногами. Встрѣчаются красивыя, можно даже сказать величественныя женщины, но очень много сутуловатыхъ, съ опущенными углами рта, съ одутловатыми, отвислыми щеками и съ громаднымъ подбородкомъ. Климать отказалъ также голландскимъ красавицамъ въ мелодическомъ голосѣ, но за то въ ихъ карманахъ отлично звенятъ дукаты. У дѣвушекъ безстрастныя лица и видъ чрезвычайно скромный и тихій, но это только по вѣщности; онѣ глубоко скрываютъ свои страсти, прикрывая ихъ покойными движеніями и чрезвычайно простымъ обхожденіемъ.

Существуетъ убѣжденіе, что Голландія одна изъ немногихъ странъ, сохранившихъ свою національную одежду, однако въ настоящую минуту модный французскій костюмъ и здѣсь распространяется съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Почти всѣ горожане носятъ фракъ и огромный бѣлый галстукъ, на головѣ неизбѣжный черный цилиндръ. Голландія родина фраковъ, въ Амстердамѣ особенно рѣдко встрѣтите мужчину иначе одѣтаго. Только между рыбаками вы рѣдко, даже и въ праздникъ, встрѣтите челоуѣка, одѣтаго во фракъ. Настоящую національную одежду можно найти только у женщинъ. Нѣкогда женщины сѣвера носили золотыя ободки на своихъ золотистыхъ, бѣлокурыхъ волосахъ. Діадемы, или пластинки изъ серебра, золота или вызолоченной латуни на лбу и до сихъ поръ считаются въ Голландіи главнымъ національнымъ украшеніемъ женщины. Различная форма этого украшения служитъ отличіемъ жительницъ различныхъ провинцій. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти пластинки, то шире, то уже, идутъ поперегъ лба и покрываютъ всю средину его; иногда узкая пластинка украшаетъ только одну половину лба, но почти вездѣ она оканчивается на вискахъ различными украшениями, то въ формѣ розетки, то въ формѣ пуговицы, что и производитъ такое же впечатлѣніе, какъ наглазники лошадей. Эти пластинки нерѣдко украшены самыми цѣнными и дорогими камнями. Смотря по провинціи, къ которой принадлежатъ женщины, онѣ носятъ самыя разнообразныя чепчики, обшитыя настоящими кружевами. Вообще голландки имѣютъ обыкновеніе тратить на свой головной уборъ все свое приданое.

Языкъ голландцевъ.—Народное образованіе.—Лейденскій университетъ.—Студенты.—Профессора нидерландскихъ университетовъ и ихъ лекціи.

Языкъ голландцевъ есть вѣтвь древняго германскаго языка. Въ теченіи многихъ столѣтій онъ былъ общимъ языкомъ во всѣхъ нидерландскихъ и въ прилегающихъ къ нимъ нѣмецкихъ земляхъ. Только политическія вліянія извнѣ раздѣлили его на многіе діалекты. Во время бургундскаго господства въ Нидерландахъ, французскій языкъ не только былъ введенъ при дворѣ, но сдѣлался и языкомъ ученыхъ. Повятно, что онъ оставилъ слѣдъ на голландскомъ языкѣ. Сношенія Нидерландъ съ Нижнею Германіею тоже имѣли вліянія на этотъ языкъ.

Въ настоящее время въ Нидерландахъ можно различить пять діалектовъ: 1) *голландскій языкъ*—языкъ литературный, научный, — языкъ, которымъ говорятъ всѣ образованные голландцы, гдѣ бы они ни жили. Народъ говоритъ на немъ только въ провинціяхъ: Утрехтъ, въ Южной и Сѣверной Голландіи. 2) Фризскій, которымъ говоритъ народъ въ Фрисландіи. 3) Гронингскій вмѣстѣ съ Оверъ-Иссельскимъ—въ Гронингенѣ, Оверъ-Исселѣ и Дрентѣ. 4) Гельдернскій—въ Гельдернѣ и 5) Фламандскій—въ Сѣверномъ Брабантѣ, Зеландіи и Лимбургѣ.

Въ прошломъ столѣтїи, когда почти еще ни одно европейское государство не имѣло яснаго понятїя о томъ, какое громадное значеніе для государства имѣеть образованіе простаго народа, въ Нидерландахъ вокругъ протестантскихъ церквей уже возникло множество школъ. Въ 1685 г. въ Фрисландїи была даже основана образцовая школа, и образованіе среди народа въ это время было распространено здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Однако нужно замѣтить, что здѣсь были школы исключительно для протестантовъ, католики же вовсе не имѣли никакихъ учрежденїй для воспитанїя своихъ дѣтей. Въ 1784 г. стали устраиваться общества съ спеціальною цѣлью распространять образованіе среди нисшихъ классовъ народа. Они имѣли громадный успѣхъ, такъ какъ слѣдовали школьной программѣ, которой въ то время сочувствовало большинство. Въ это время общество сознало, что школы не будутъ давать никакихъ результатовъ, пока въ нихъ будетъ господствовать нетерпимость и сектантскїй духъ. Школы исключительно для лютеранъ, католиковъ или евреевъ не имѣютъ, — начали говорить въ то время, — никакого смысла. Образованіе, развитіе и нравственность для всякаго человѣка, къ какой бы религіи онъ ни принадлежалъ, должны быть одинаковы. Поэтому школы слѣдуетъ устраивать для всѣхъ безъ различїя религіи. Учителямъ предоставлено наблюденіе за развитїемъ, образованїемъ и нравственностью, а пасторамъ область религіи. Въ каждой школѣ должны быть свободные часы, когда каждый воспитанникъ, согласно своей религіи, отправляется брать урокъ закона Божїя у своего законоучителя. Такія понятїя быстро распространились по всему королевству, вездѣ встрѣтили необыкновенное сочувствїе и всюду стали устраиваться школы, основной характеръ которыхъ удержался до сихъ поръ. И теперь на одной и той же скамейкѣ вы встрѣчаете нѣмца, католика, еврея и всевозможныхъ сектантовъ, которыхъ такъ много въ Голландїи.

Знаменитые иностранные ученые, посѣщавшіе нидерландскїя школы въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтїя, всѣ говорятъ объ нихъ съ большой похвалой. Вотъ что говорилъ одинъ иностранный ученый въ 1811 году, когда народныя школы во всей Европѣ были въ самомъ зачаточномъ состоянїи: «Трудно выразить то впечатлѣніе, какое произвело на меня первая народная школа, въ которую мнѣ пришлось войти въ Голландїи. Я увидѣлъ на одной и той же скамьѣ: евреевъ, католиковъ и протестантовъ всѣхъ наименованїй; они всѣ получаютъ одно воспитаніе, проникнутое духомъ христіанства, а не духомъ секты. Докматы строго исключены изъ программы обученїя. Никакая религіозная вражда не раздѣляетъ дѣтей, и это чисто свѣтское обученіе создаетъ людей религіозныхъ и нравственныхъ».

Введя принципъ вѣротерпимости въ свои школы, сначала затруднялись, какую читать молитву передъ началомъ классовъ. Но теперь уже давно покончили съ этимъ вопросомъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ, въ началѣ и въ концѣ классовъ, учителя читаютъ молитву, составленную изъ общихъ всѣмъ религіямъ выраженїй и заимствованную изъ сборника, находящагося въ употребленїи съ давняго времени. Въ другихъ школахъ совсѣмъ не произносятся никакой молитвы.

Нидерландскїя школы заслуживаютъ и въ наше время тѣхъ похвалъ, которыя имъ расточали иностранные ученые, посѣщавшіе ихъ въ началѣ нынѣшняго столѣтїя. Учителя очень преданы своему дѣлу, всегда весьма знающїе и образованные люди, такъ какъ имъ дозволено учительствовать въ народныхъ школахъ только послѣ строгаго экзамена. Методы преподаванїя они, какъ и всѣ образованные учителя, заимствуютъ у знаменитыхъ педагоговъ разныхъ національностей, но никогда не примѣняютъ ихъ цѣликомъ въ своей школѣ, а стараются переработать согласно съ духомъ своего времени, съ развитїемъ и понятїями своего народа. Въ Нидерландахъ 1 школа на 1,000

жителей и на одного учителя приходится 44 ученика; на 8 жителей—одинъ учащійся,— все это какъ видите цифры весьма удовлетворительныя. Первоначальное обученіе въ Нидерландахъ находится на той же высотѣ, какъ въ Цюрихѣ, Саксоніи и Виртембергѣ. Но самая грустная сторона здѣшняго народнаго образованія заключается въ томъ, что число учениковъ, посѣщающихъ школы, очень мало увеличивается, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже уменьшается,—фактъ чрезвычайно печальный. Поэтому очень многіе люди въ Нидерландахъ, искренно сочувствующіе дѣлу народнаго образованія, весьма сожалѣютъ, что голландскій парламентъ до сихъ поръ еще не рѣшился ввести обязательнаго обученія. Въ пользу своего убѣжденія они обыкновенно ссылаются на слѣдующій фактъ, происшедшій въ самой Голландіи. Въ провинціи Гронингенъ, самой образованной во всемъ королевствѣ, замѣчено было, что число учениковъ, особенно въ деревняхъ, постоянно уменьшалось. Въ 1839 г. издано было постановленіе, по которому каждый отецъ семейства обязанъ былъ вносить за своего ребенка отъ 6-ти до 12-ти лѣтняго возраста опредѣленную плату въ школу. Эту плату родители обязаны были вносить за своихъ дѣтей даже и въ то время, когда они не посѣщали школы. Они избавлялись отъ этого налога только въ томъ случаѣ, когда фактически могли доказать, что воспитываютъ своего ребенка дома или въ частной школѣ. Результатъ такой мѣры превзошелъ всѣ ожиданія. Число учениковъ въ продолженіи немногихъ лѣтъ увеличилось съ 20-ти тысячъ до 30 тысячъ, число дѣтей не посѣщавшихъ школы было самое незначительное.

Въ Нидерландахъ, въ этой небольшой странѣ, меньше чѣмъ съ 4-мя мил. жителей, существуетъ 3 университета: Лейденскій, Утрехтскій и Гронингенскій, и два атенея (высшихъ училищъ) одинъ въ Амстердамѣ, другой въ Девентерѣ. Каждый изъ этихъ университетовъ имѣетъ свой особый характеръ, но всѣ они служатъ средоточіемъ жизни литературной и ученой. Мало того: съ ними неразрывными узами связана нравственная, религіозная и политическая жизнь всей страны. Можетъ быть вслѣдствіе этого ни въ одной странѣ университеты не имѣютъ такого значенія какъ въ Нидерландахъ, особенно на Лейденскій университетъ даже простой народъ смотритъ съ какимъ-то благоговѣніемъ. Это происходитъ потому, что университетъ этотъ—историческій памятникъ не только города Лейдена, но всей страны: онъ ея гордость и слава.

Нидерланды со времени Карла V подпали подъ тяжелое иго Испаніи. Но самыя возмутительныя злоупотребленія, гнетъ и религіозныя преслѣдованія испытала эта страна при его сынѣ Филиппѣ II, королѣ испанскомъ. Свобода совѣсти въ Голландіи была нарушена въ это время испанцами самымъ оскорбительнымъ образомъ. Деспотизмъ религіозный и политическій, инквизиція, произвольные налоги, все это до крайности оскорбляло національное чувство голландцевъ. Испанцы преслѣдовали всѣхъ безъ различія пола и возраста. Повсюду были видны лишь орудія казни и пытки. Наконецъ висѣлицъ и колесъ стало недостаточно. Деревья, окаймлявшія дорогу, были покрыты трупами. По всей Голландіи запылали безчисленные костры, на которыхъ жгли всѣхъ, не только не принадлежащихъ къ католической религіи, но кто, по мнѣнію инквизиторовъ, былъ даже недостаточно надежнымъ католикомъ. Каждый день воздвигались эшафоты, на которыхъ кровь текла рѣкой. Тогда-то эта несчастная страна, возмущенная несправедливостями и жестокостями, представила зрѣлище, единственное въ исторіи. Нѣсколько сотенъ людей, приведенныхъ въ отчаяніе, рыболовы, пастухи и негоціанты, соединились чтобы бороться противъ угнетенія испанскихъ армій, считавшихся тогда непобѣдимыми. Слѣдуя примѣру другихъ голландскихъ городовъ, жители Лейдена заявили желаніе присоединиться къ храбрецамъ, но на нихъ напали испанцы и окружили ихъ городъ. Тогда граждане Лейдена дали клятву скорѣе погребсти себя подъ развали-

нами своихъ домовъ, чѣмъ сдать ся неприятелю. Хотя съ самаго начала осады изъ города были высланы всѣ безпомощные и слабые люди, голодъ скоро началъ свирѣпствовать между лейденцами. Впродолженіи семи недѣль въ городѣ совсѣмъ не было хлѣба. Они въ буквальномъ смыслѣ слова умирали съ голоду: собаки, кошки, крысы и другая нечисть считались роскошью. «Небольшое число коровъ, которыхъ старались держать какъ можно долѣе ради молоба, еще были цѣлы, но иногда нѣсколькихъ изъ нихъ убивали и раздавали въ крошечныхъ размѣрахъ, недостаточныхъ для поддержанія жизни населенія. Несчастные, умирающіе съ голоду ежедневно толпились вокругъ боенъ, на которыхъ убивали эту скотину, борясь за каждый кусокъ, который случайно падалъ, и жадно облизывая кровь, текущую по полу; шкуры, изрубленные и сваренныя, пожирались съ жадностью. Женщины и дѣти по цѣлымъ днямъ рылись въ сточныхъ трубахъ и сорныхъ кучахъ, отыскивая куски пищи, которые они яростно оспаривали у голодныхъ собакъ. Зеленые листья, трава превращались въ человѣческую пищу. Но эти средства не могли отвратить голодной смерти. Ежедневная смертность была ужасна. Дѣти умирали съ голоду, на материнской груди, которую голодъ истощилъ и изсушилъ. Матери падали мертвыя на улицахъ, съ своими мертвыми дѣтьми на рукахъ. Во многихъ домахъ сторожа, дѣлая обходъ, находили трупы цѣлыхъ семей: отца, мать и дѣтей, лежащихъ рядомъ. Болѣзнь, называемая моровой язвой, естественно порожденная лишеніями и голодомъ, пришла теперь, какъ будто для того, чтобы изъ жалости сократить агонію народа. Зараза ходила по городу и обреченные жители падали, какъ трава, подъ ея косой». Изъ 16-ти тысячъ жителей, которые держались въ крѣпости, половина погибла. Живые только и занимались погребеніемъ мертвыхъ. Трудно даже представить себѣ, какъ могли эти несчастные, которые сдѣлались теперь скелетами, потерявъ и теряя каждую минуту своихъ близкихъ, мучимые всѣми ужасами голода, ожидая каждую минуту смерти, — держаться противъ сильныхъ неприятельскихъ армій. Еще болѣе возбуждаетъ удивленіе то, какимъ образомъ эта небольшая горсть измученныхъ людей могла противостоять искушеніямъ въ такую отчаянную для себя минуту? Когда испанскіе солдаты кричали имъ: «вы умираете съ голоду, сдайтесь и вы получите съѣстные припасы... Слышите ли вы это, крысоѣды и собакоѣды?» — «Вы зовете насъ крысоѣдами и собакоѣдами», кричали несчастные имъ въ отвѣтъ, «и это правда. Пока вы будете слышать лай собакъ и мяуканье кошекъ въ этихъ стѣнахъ, знайте, что городъ нашъ держится, а когда все, кромѣ насъ самихъ, погибнетъ, будьте увѣрены, что каждый изъ насъ съѣстъ свою лѣвукъ руку, сохраняя правую, чтобы защищать нашу свободу противъ иностраннаго тирана. Если Богъ въ своемъ гнѣвѣ обречетъ насъ на гибель и откажетъ намъ во всякой помощи, даже и тогда мы останемся твердыми и не дадимъ вамъ войти. Когда придетъ послѣдній часъ, своими собственными руками мы зажжемъ городъ и скорѣй погибнемъ съ нашими женами и дѣтьми въ пламени, нежели потерпимъ, чтобы наши дома были осквернены и наши вольности уничтожены».

Не видя ни откуда помощи, рѣшились прорвать плотину. Это былъ страшный шагъ, тѣмъ не менѣе старая батавская пословица: «пусть лучше страна будетъ раззорена чѣмъ покорена», восторжествовала. Вода затопила поля и поглотила жатву. Море, этотъ природный врагъ Голландіи, шло теперь Лейдену на помощь, но очень медленно. Въмѣсто съ минуты на минуту ожидаемой опасности, на волнахъ появились барки съ пушками. Эти барки безъ весель и парусовъ, двигавшіяся посредствомъ колесъ, несли на себѣ страшныхъ зеландскихъ моряковъ, израненныхъ, изрубленныхъ и даже изувѣченныхъ въ безпрестанныхъ битвахъ за свою независимость. Несмотря на свои жестокія раны и увѣчья, они шли чтобы освободить своихъ братій. Эти зеландскіе моряки были извѣстны тѣмъ, что никому никогда не давали и сами ни отъ кого не принимали по-

щады и ходили только въ *смертный бой*. Они поклялись не щадить ни знатныхъ, ни простыхъ, ни короля, ни императора, ни папы, если-бъ они попали въ ихъ руки. Они готовы были драться за всѣхъ своихъ братій, когда имъ угрожала иностранная тиранія. Видь этихъ страстныхъ патріотовъ, этихъ героевъ-дикарей былъ свирѣпъ и ужасенъ. На ихъ шапкахъ, украшенныхъ серебрянными полумѣсяцами, была надпись: «скорѣ туркамъ, нежели папѣ».

Вмѣстѣ съ храбрыми людьми и стихія рѣшилась придти на помощь лейденцамъ. Вѣтеръ перемѣнился; вода вдругъ стала прибывать съ необыкновенною быстротой и разразилась страшная буря. Потокъ всюду несъ съ собой ужасъ и опустошеніе, а для лейденцевъ — спасеніе. Изумленные и затопленные, оцѣпенѣлые отъ ужаса, испанцы шумно оставляютъ свои посты и бросаютъ свои пушки въ воду. Тотъ же приливъ воды, который уноситъ враговъ, приводитъ храбрую зеландскую флотилію, снабженную провизією, къ самымъ воротамъ Лейдена. Между свирѣпыми зеландцами и отступающими испанцами завязывается ужасная борьба, отчасти на шлюзахъ, отчасти на баркахъ. Схватка была отчаянная и кровопролитная и дала понятіе о томъ, что рѣшились сдѣлать эти люди, которые шли на освобожденіе своихъ братій, жертвуя своей жизнью. Она показала также, какую безконечную, античеловѣческую ненависть питали угнетенные къ испанцамъ, своимъ угнетателямъ. Одинъ изъ зеландскихъ моряковъ, поразивъ испанца на плотинѣ, сталъ колѣномъ на своего истекающаго кровью врага, вырвалъ сердце изъ его груди, на минуту вцѣпился въ него зубами и потомъ бросилъ его собакѣ съ словами: «слишкомъ горько». Вотъ какое страшное возмездіе и свирѣпость вызываетъ война за оскорбленное національное чувство!

Моряки-освободители вступаютъ въ городъ, но на радости какое печальное зрѣлище представляется ихъ глазамъ! Люди, распростертыя на обоихъ берегахъ большаго канала, со стономъ требуютъ пищи и хватаютъ ее съ необыкновенною жадностью. Имъ раздають хлѣбъ, сельди, но многіе изъ нихъ, перенесшіе полнѣйшій голодъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, умираютъ отъ пищи.

Такое освобожденіе походило на чудо. Грозная испанская армія, атакующая, отчасти потонувшая, разсѣянная по землѣ морскими водами, которая точно невидимую рукою были устремлены на нее, исчезла, какъ армія Фараона. Въ этомъ внезапномъ разсѣяніи вражьихъ армій нидерландцы видѣли прямое благоволеніе къ нимъ Бога. Когда принцъ Оранскій, который всю свою жизнь посвятилъ своимъ согражданамъ нидерландцамъ, который даже въ страшной болѣзни не забывалъ свою родину и, лежа въ постели, писалъ лейденцамъ, ободряя ихъ и умоляя продержаться еще нѣкоторое время, чтобъ освободить себя и всю страну отъ позорной испанской тираніи, — когда онъ явился въ этотъ городъ, народъ окружилъ его со всѣхъ сторонъ. «Что вы хотите?» спросилъ онъ: «основать протестантскій университетъ или снять нѣкоторые налоги». Граждане Лейдена не колебались въ выборѣ: «Университетъ»! былъ общимъ ихъ крикомъ, и въ 1575 г., слѣдовательно черезъ два года послѣ осады, которую выдержалъ Лейденъ, былъ сооруженъ въ этомъ городѣ университетъ.

Такимъ образомъ основаніе лейденскаго университета тѣсно связано съ освобожденіемъ страны. Это обстоятельство навсегда породило въ лейденскихъ студентахъ любовь къ историческимъ празднествамъ и процессіямъ. Въ различныхъ процессіяхъ они изображаютъ инквизицію, свирѣпаго Альбу, принца Оранскаго, которому они столько обязаны своей свободой, и другихъ историческихъ знаменитостей этого ужаснаго періода ихъ жизни. Но въ этихъ процессіяхъ часто нѣтъ ни особенной роскоши, ни исторической вѣрности въ костюмахъ. Впрочемъ студенты въ разныхъ аллегорическихъ формахъ нерѣдко также изображаютъ разныхъ языческихъ боговъ и богинь,

древнихъ ученыхъ и мудрецовъ. Платонъ, Цицеронъ, Аристотель, Виргилій, Музы, Минерва, Аполлонъ—являются у нихъ попеременно, нерѣдко въ очень живописныхъ группахъ, но большею частью въ самыхъ современныхъ костюмахъ.

Лейденскій университетъ скоро послѣ своего основанія приобрѣлъ такую славу, какой еще не достигалъ ни одинъ изъ университетовъ. Призывая частныхъ людей Голландіи и иностранныхъ ученыхъ, онъ скоро сдѣлался истиннымъ средоточіемъ образованія. Свою громкую извѣстность онъ приобрѣлъ строгимъ классическимъ образованіемъ и основательнымъ изученіемъ древности, которое выносили юноши изъ его стѣнъ. За то въ настоящее время, какъ лейденскій университетъ, такъ и другіе университеты Голландіи мало идутъ впередъ. Существуютъ профессора, которые до сихъ поръ держатся стараго обычая и читаютъ свои лекціи на латинскомъ языкѣ. Еще недавно одинъ професоръ читалъ такую живую науку, какъ политическая экономія, на этомъ мертвомъ языкѣ. «Рутина», говоритъ одинъ ученый, изучившій нидерландскіе университеты, «педантизмъ и апатія ярко выдавались всюду. Большая часть профессоровъ читали по тетрадкамъ, составленнымъ ими разъ навсегда и, сами не имѣя сочувствія къ предмету, не могли возбудить его и въ слушателяхъ. Личность талантливая, симпатичная, дѣйствующая на слушателей, появлялась рѣдко. Неподвижность университетовъ невольно заставляла предполагать о неподвижности нравственной жизни голландцевъ. Неподвижность эта была такъ замѣтна, что не могла не обратить на себя вниманіе. И вотъ въ 1849 г. назначена была комиссія для обзоренія университетовъ. Въ отчетахъ этой комиссіи прямо говорится о большомъ нерадѣніи въ преподаваніи литературы, права и медицины, объ упадкѣ всѣхъ наукъ вообще и о бездѣйствіи и апатіи всѣхъ профессоровъ». Комиссія эта указала и на главную причину упадка университетовъ. Профессора назначались отъ правительства и зависѣли отъ него. Вступивъ на кафедру нерѣдко въ молодыхъ годахъ, они оставались профессорами даже и тогда, когда, состарѣвшись и облѣнившись, они уже совсѣмъ не занимались наукою. Эти профессора сами старались, чтобы на кафедру не попалъ человѣкъ талантливый и серьезно занимающійся наукою, — тогда бы ихъ дрянность и бесполезность бросались въ глаза. И вотъ они остаются на кафедрахъ всю свою жизнь, а если смерть кого нибудь изъ нихъ и даетъ возможность вступить новому лицу, то они стараются подобрать человѣка, который будетъ вести дѣло такъ же, какъ они. Комиссія не отрѣшала отъ должности старыхъ профессоровъ, но дала имъ названіе *официальныхъ* и постановила открыть другія *частныя* кафедры, которыя могъ занимать всякій, имѣющій ученую степень. Мѣра эта одобрена была правительствомъ и въ настоящее время свободное преподаваніе вполнѣ установилось въ Голландіи. Частныя профессора невольно возбудили соревнованіе въ официальныхъ. Видя, что ихъ аудиторіи пустѣютъ, что частныя профессора умѣютъ увлекать слушателей, и профессора официальные принялись за дѣло болѣе ретиво. Въ настоящее время преподаваніе идетъ гораздо лучше, чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ, но три четверти профессоровъ все таки плохи. Это происходитъ вслѣдствіе того, что молодые ученые, желающіе поступить на частныя кафедры, должны держать экзаменъ, который производятъ профессора официальные; эти послѣдніе всегда отдають преимущество *своимъ* слушателямъ, вслѣдствіе чего бездарность часто ставится выше таланта.

АМСТЕРДАМЪ.

Видъ этого города и его прошлая судьба. — Уличная жизнь и движеніе. — Каналы. — Амстердамскіе купцы. — Характеръ домовъ. — Замѣчательныя постройки. — Ратуша. — Клубы и ихъ значеніе. — Театры. — Недостатокъ воды. — Погода. — Предмѣстье города. — Евреи: ихъ прошлое и настоящее положеніе въ Голландіи. — Шлифованіе алмазовъ.

Если къ Амстердаму приближаешься отъ Гарлема, то улица, каналъ или желѣзная дорога, которые всѣ идутъ рядомъ, проходятъ мимо большой равнины, окруженной со всѣхъ сторонъ каналами. На ней возвышается множество самыхъ разнообразныхъ, прелестныхъ домиковъ. Эта равнина — громадный бассейнъ осушеннаго Гарлемскаго моря. Когда вы узнаете объ этомъ отъ проводника, вы останавливаетесь еще на одну минуту и удаляетесь отсюда съ самымъ глубочайшимъ уваженіемъ къ батавской націи, превознося ея предприимчивость и энергію.

На половинѣ дороги между Гарлемомъ и Амстердамомъ мы видимъ исполинскія могучія шлюзы, отдѣлявшія нѣкогда воды Гарлемскаго моря отъ залива Эй (его также называютъ *И*). Хотя Гарлемское море теперь осушено и такимъ образомъ опасность отчасти устранена, но все таки это мѣсто и теперь требуетъ строжайшаго надзора. Если бы заливу Эй удалось прорваться, онъ быстро затопилъ бы всю окрестность на нѣсколько миль вокругъ, а слѣдовательно и уничтожилъ бы польдеръ Гарлемскаго моря со всѣми его домами и распашками.

Еще издали, прежде чѣмъ вступишь въ Амстердамъ, вы замѣчаете неуклюжія крылья вѣтряныхъ мельницъ. Они, точно сторожа, стоятъ на всѣхъ старыхъ валахъ города (а ихъ здѣсь до 26-ти) и постоянно размахиваютъ своими длинными руками. Эти большія вѣтряныя мельницы снабжаютъ мукой всѣхъ жителей города.

Чѣмъ больше приближаешься къ городу, тѣмъ чаще встрѣчаешь на пути группы дачъ съ прелестными цвѣтниками, въ которыхъ на далекое пространство благоухаютъ и пестрѣютъ гіацинты, гвоздика, розы, анемоны, знаменитые тюльпаны. Наконецъ, вы переправляетесь черезъ городской ровъ шириною въ 80 футовъ и вступаете въ Амстердамъ — главный городъ страны, послѣ Лондона второй торговый городъ всего свѣта, какъ и столица Англіи, покрытый туманами и дымомъ.

Видъ Амстердама совершенно оригинальный. Онъ не напоминаетъ ни одинъ изъ городовъ западной Европы. Амстердамъ поднимается изъ середины водъ въ видѣ полумѣсяца, вогнутая сторона котораго обращена къ заливу Эй. На цѣлый часъ тянется онъ вдоль этого залива; оба рога полумѣсяца, какъ двѣ исполинскія руки, выдаются въ самое море и какъ бы хотятъ обнять и крѣпко сжать этотъ городъ. Море, этотъ широкій міровой путь, вдается въ городъ множествомъ большихъ и малыхъ каналовъ и раздѣляетъ его на 90 острововъ, соединенныхъ между собою 300 мостами. Нигдѣ не увидишь ничего подобнаго! Амстердамъ не подавляетъ, какъ Лондонъ, своею величиною и необъятностью; напротивъ, кажется, будто безчисленное множество маленькихъ, красивыхъ, уютныхъ, чистенькихъ мѣстечекъ и крошечныхъ городковъ соединились между собою.

Амстердаму чрезвычайно дорого обходится содержать въ исправности это безчисленное множество мостовъ и каналовъ. Амстердамскіе каналы (кромѣ двухъ-трехъ) весьма не глубоки и не отлоги и потому они легко засоряются. Кромѣ того въ нихъ вливается огромная масса нечистотъ, которая распространяютъ вредныя и отвратительныя испаренія. По временамъ особенно скверно становится лѣтомъ и по всей вѣроятности было бы очень тяжело, если бы морскіе вѣтры не освѣжали воздухъ. Вред-

ное вліяніе испареній уничтожають и искусственно. Черпательныя машины постоянно заняты очищеніемъ каналовъ отъ ила, который употребляютъ потомъ какъ удобрение. Кромѣ того, чтобы вода не застаивалась въ каналахъ и чтобы искусственнымъ образомъ привести ее въ движеніе, дѣйствуютъ нѣсколько мельницъ.

Положеніе Амстердама чрезвычайно удобно для страны: посредствомъ Амстеля онъ соединяется съ южными провинціями. Эй и Зюдерзее даютъ ему возможность водянымъ путемъ сносятся съ провинціями: Фрисландією, Гронингеномъ, Оверъ-Исселемъ и съ Гельдерномъ, а посредствомъ Сѣверо-Голландскаго канала съ Нѣмецкимъ моремъ. Сухимъ путемъ Амстердамъ соединяется со всѣми городами Европы посредствомъ желѣзныхъ дорогъ. Внутри города, какъ мы уже говорили, существуетъ множество мостовъ.

Городъ имѣетъ почти двѣ нѣмецкихъ мили въ окружности, 400 улицъ, 23 тысячи домовъ, 41 церковь, 4 синагоги, 3 театра и 243,800 жителей. Самая оригинальная черта этого города—то, что онъ со всѣми своими домами, постройками всякаго рода, каналами и плотинами стоитъ на сваяхъ. Прежде чѣмъ городъ явился въ своемъ настоящемъ видѣ, въ его торфяную болотистую почву пришлось вбить цѣлыя лѣса Германіи. Ни одно прочное строеніе въ Амстердамѣ невозможно безъ этого деревяннаго основанія и потому фундаментъ дома стоитъ здѣсь гораздо дороже, чѣмъ осталая часть надъ землею. За то тяжелыя, каменные постройки стоятъ твердо на этихъ сваяхъ и представляютъ сухія, здоровыя жилища даже въ своихъ подвальныхъ этажахъ.

Амстердамъ производитъ на иностранца чрезвычайно пріятное и сильное впечатлѣніе. Широкіе каналы, обсаженные высокими деревьями и усѣянные кораблями, идутъ вдоль улицъ и пересѣкаютъ другъ друга. Множество высокихъ мостовъ съ перилами, выкрашенными въ бѣлую краску, переброшены черезъ мутныя воды каналовъ. Одинъ магазинъ возлѣ другаго, а за большими зеркальными стеклами все такъ привлекательно блеститъ и сіяетъ! Безчисленныя выдающіяся кладовыя, безконечныя ряды лавокъ, стоекъ и столовъ мелкихъ торговцевъ. Изъ вафельныхъ лавочекъ, которыя здѣсь на каждомъ шагу, васъ обдаетъ заманчивымъ паромъ. Чрезвычайно много самыхъ разнообразныхъ пекаренъ, въ которыхъ расхаживаютъ женщины въ кружевныхъ чепчикахъ. Передъ шинками и кофейнями сидятъ пьющіе. На мостахъ букинисты выставляютъ свой товаръ, и вы только что остановились и успѣли перевернуть первый листъ книги, какъ уже чистильщикъ чиститъ ваши сапоги и дѣлаетъ ихъ блестящими, какъ зеркало; при этомъ съ боку къ вамъ прокрадывается еврей и, держа въ рукѣ лотерейный билетъ, въ длинной рѣчи сулитъ вамъ богатство. Тутъ войска загораживаютъ вамъ улицу, въ другомъ мѣстѣ вы встрѣчаетесь съ похороннымъ шествіемъ, отправляющимся въ церковь.

Когда расхаживаешь по тротуарамъ города, каждую минуту встрѣчаешь что нибудь новое. Въ одномъ мѣстѣ вы увидите деревянныя раскрашенныя головы турокъ и мавровъ, которыя обыкновенно служатъ вывѣсками москательныхъ лавокъ. А это что за диковинка? У многихъ домовъ, мимо которыхъ вы проходите, привѣшено что то въ родѣ корзинки, которая наполнена шелковыми тряпочками и золотой бумагой. Сверху кой-гдѣ воткнуты зеленые листья и хлѣбныя колосья. Это означаетъ, что въ этихъ домахъ получены свѣжія сельди. На нѣкоторыхъ домахъ красуется надпись: «здѣсь продаютъ крѣпкіе напитки», или коротко: «аррегіј»,—это означаетъ кабакъ.

Дѣловой шумъ смѣшивается съ шумомъ гавани и ревомъ моря. А какой непропицаемый лѣсъ мачтъ въ гавани. Флаги такъ и пестрѣютъ на солнцѣ! Въ глаза бросается множество парусовъ бѣлыхъ и красныхъ. Вдали Зюдерзее, и на берегу дѣя-

тельная толпа матросовъ, протяжные крики которыхъ смѣшиваются съ шумомъ, ревомъ и скрипомъ. Толпы народа окружаютъ васъ, и вы сразу чувствуете присутствіе торговаго, промышленнаго духа націи. Масса маклеровъ и носильщиковъ съ атлетическими плечами снуютъ между биржевиками и купцами. Банки, торговья заведенія и фабрики—мѣста наиболѣе оживленныя.

Шумъ и движеніе въ улицахъ необыкновенны. Въ этомъ гвалтѣ трудно, кажется, различить чей нибудь голосъ, между тѣмъ отчетливо раздается со всѣхъ сторонъ крикъ безчисленныхъ разнощиковъ, между которыми особеннымъ искусствомъ отличаются молочницы и торговки овощами. Между разнообразнымъ выкрикиваньемъ мелодично раздается звоиъ курантовъ (часы съ музыкою), заунывный мотивъ музыканта на арфѣ, звуки тамбурина и веселые танцы, подъ которые пляшутъ уличные маріонетки.

«А это что за шутовская процессія?» спрашиваете вы у сосѣда. «Никакой,—сегодня не можетъ быть никакой процессіи въ городѣ», отвѣчаетъ онъ вамъ, остолбенѣвъ отъ удивленія. «Такъ что же это за люди?» опять спрашиваете вы, указывая на длинные ряды мужчинъ и женщинъ въ необыкновенно странной одеждѣ, которые въ строгомъ порядкѣ тянутся по улицамъ. Оказывается, что эти странные существа—сироты, воспитывающіяся на счетъ прихода. Но Боже, какая странная на нихъ одежда! Одна половина ихъ длиннаго платья совсѣмъ черная, другая красная. Лиць открытый, но грудь и шея закрыты бѣлымъ батистовымъ платкомъ. Волосы закручены сзади въ одну косу, туго свернутую въ комокъ, и вся голова плотно обхвачена чепчикомъ. На голыхъ рукахъ, такъ какъ рукава платья короткіе, громадныя кожанныя перчатки, которыя закрываютъ не только всю кисть, но и руку почти до локтя, и скорѣе напоминаютъ рукавицы воиновъ въ 30-ти лѣтнюю войну, чѣмъ эlegantную дамскую перчатку. Мальчишки-сироты одѣты въ черную шапку и такую же куртку съ краснымъ.

Ряды дѣвушекъ въ странной одеждѣ смѣняются группами дѣтей, одѣтыхъ въ черное съ ногъ до головы, за исключеніемъ бѣлыхъ передниковъ и платковъ. Волосы отъ висковъ гладко зачесаны къ затылку и прикрыты плотною черною шапочкою, украшенною рядами булавокъ. У нихъ тоже короткіе рукава и длинныя перчатки. Это сироты евангелическихъ лютеранскихъ приходоу.

Здѣсь, какъ и во всякомъ большомъ городѣ, живетъ всякій людь, разной степени зажиточности, образованія и умственнаго развитія; тѣмъ не менѣе преобладающее населеніе составляютъ богатые купцы. По блѣдному лицу и мѣрной походкѣ вы ихъ сейчасъ узнаете среди вертлявыхъ евреевъ, которыхъ здѣсь такъ много, и суетливаго уличнаго люда. Это народъ, который можетъ страдать только вслѣдствіе разстройства своихъ торговыхъ дѣлъ, жить и надѣяться только на нихъ. Амстердамскій купецъ—типъ купца барышника, которому дороги исключительно только его торговые интересы. Этимъ торговымъ промышленнымъ духомъ онъ отличался уже давно. Въ самое тяжелое время для страны, подъ испанскимъ игомъ, этотъ богатый и сильный городъ былъ на сторонѣ своихъ враговъ. Онъ желалъ любить свое отечество только въ такомъ случаѣ, если это не приносило ущерба карману. Расчетливый амстердамскій купецъ понималъ очень хорошо, чѣмъ грозитъ ему война, и твердо держался выгодной политики. Другіе города были обращены въ дымящіяся, покрытыя кровью развалины, но торговый городъ Амстердамъ продолжалъ торговать. Только когда власть испанцевъ была уничтожена во всей голландской провинціи, онъ высказался за принца Оранскаго, считавъ, что такъ теперь будетъ выгоднѣе. Печальнымъ доказательствомъ его меркантильнаго духа можетъ служить слѣдующій фактъ: когда была сдѣлана неудавшаяся попытка отнять у испанцевъ Антверпенъ, принцъ Оранскій узналъ, что испанцы купили въ Амстердамѣ 300 тысячъ фунтовъ пороху, чтобы доставить его на корабли въ

Антверпенъ, для защиты этого города. По настоянію принца, совѣтъ произвелъ слѣдствіе, которое подтвердило, что одинъ изъ амстердамскихъ купцовъ дѣйствительно нагрузилъ порохомъ и оружіемъ 4 испанскихъ корабля. Когда его обвинили въ государственной измѣнѣ, онъ хладнокровно сослался на свое право, дарованное ему, какъ амстердамскому гражданину, торговать, съ кѣмъ онъ захочетъ. Въ то же время онъ чистосердечно объявилъ, что ради наживы онъ готовъ проплыть адъ, даже и въ томъ случаѣ, еслибъ ему пришлось вернуться изъ него съ сожженными парусами. Кромѣ того, онъ обратилъ вниманіе совѣта на то обстоятельство, что не онъ одинъ пренебрегаетъ патриотическими чувствами ради наживы, но что и сотни другихъ уважаемыхъ въ Амстердамѣ купцовъ дѣлаютъ тоже самое. Тогда принцъ Оранскій съ отвращеніемъ воскликнулъ: «мой величайшій врагъ — городъ Амстердамъ! Пусть только Антверпенъ будетъ въ моемъ владѣніи, тогда я унижу Амстердамъ такъ, что онъ никогда не поднимется».

Изъ ряда домовъ и деревьевъ вездѣ торчатъ башни съ маленькими арками, колоннами, шпицами. Все это съ богатою позолотою, и когда солнечные лучи ярко падаютъ на эти выдающіяся постройки, блеститъ тысячами огней надъ массою домовъ. Если вы хотите полюбоваться городомъ, то лучше всего наблюдать его съ одного изъ многочисленныхъ мостовъ, переброшенныхъ черезъ каналы. Но дѣйствительно волшебную картину представляетъ этотъ городъ ночью, если вы въ это время пройдетесь по улицѣ Кальверстратъ, которая прорѣзываетъ центръ города и идетъ къ гавани. Это самая лучшая и богатая улица Амстердама. Многочисленные богатые магазины въ ней представляютъ ночью, при газовомъ освѣщеніи, великолѣпный видъ; она еще болѣе оживлена ночью, чѣмъ днемъ. Повсюду мелькаютъ спущенныя ракеты, вездѣ музыка, серенады, радостные крики, — все заставляетъ васъ забыть въ эту минуту, что вы находитесь въ «городѣ купцовъ и барышниковъ».

Тутъ нѣтъ, какъ въ Лондонѣ, домовъ, которые напоминали бы дворцы. Амстердамскіе дома узки, но довольно высоки; ихъ устраиваютъ такъ потому, что жалѣютъ земли, да и фундаментъ на большомъ пространствѣ стоитъ здѣсь очень дорого, потому и стараются увеличить объемъ дома въ высоту. Эти высокіе, узкіе дома смотрятъ своими оригинальными фронтонами (фронтономъ называютъ переднюю часть стѣны надъ карнизомъ, подъ кровлею, образующую треугольникъ) на улицу. Когда множество домовъ стоятъ въ линію, они кажутся еще болѣе узкими, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ. Фронтоны на домахъ людей небогатыхъ нѣсколько напоминаютъ наши голубятни, а иногда наши деревенскія жилища: ихъ деревянная треугольная кровля тоже, какъ и у насъ, нерѣдко украшена рѣзбой. Обычай строить такимъ образомъ дома произошелъ отъ того, что купцы прежде жили въ тѣхъ же домахъ, въ которыхъ держали склады своихъ товаровъ и подымали тюки на блокахъ до самыхъ фронтоновъ. Хотя теперь богатые купцы имѣютъ отдѣльные складочные магазины, но обычай строить такимъ образомъ дома остался и до сихъ поръ. Нижній этажъ дома обыкновенно занятъ магазиномъ и потому въ немъ огромныя зеркальныя окна. Если вы смотрите съ улицы, то васъ поражаетъ прежде всего то, что съ лицевой стороны одно окно расположено надъ другимъ чрезвычайно правильно и симметрично и въ очень близкомъ разстояніи одно отъ другаго. Домъ, который имѣетъ съ каждой стороны входной двери по два окна, принадлежитъ уже къ самымъ большимъ. Всѣ дома отличаются страшною пестротой; въ большинствѣ случаевъ они окрашены въ темно-красный цвѣтъ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ каемками. Ставни блѣдно-зеленыя. Передъ входной дверью крыльцо съ широкими ступенями изъ мрамора или изъ песчаника и съ зелеными перилами. Но болѣе всего владѣлецъ дома обращаетъ вниманіе на фронтоны. Онъ украшаетъ его самымъ фантастическимъ образомъ: разными рожицами, фестопами, завитками, цвѣтами, которые при-

даютъ дому чрезвычайно оригинальный видъ. Нѣкоторыя зданія построены съ претензіею на итальянскій стиль, но весьма неудачно. Вездѣ видна печать голландскаго вкуса, любовь къ бросающимся въ глаза и оригинальнымъ украшениямъ. Но все-таки амстердамская улица съ рядомъ такихъ домовъ представляетъ необыкновенно живописную картину. Эти вычурные фронтоны такъ весело смотрятъ на толпу народа внизу, разгуливающаго по чистенькой мостовой изъ мелихъ камешковъ и на тротуарахъ изъ плитняка.

Изъ замѣчательныхъ построекъ Амстердама первое мѣсто занимаетъ бывшая рагуша, теперешній королевскій дворецъ, построенный на 13,659 сваяхъ. Это крѣпкое, четырехугольное строеніе изъ плитняка, съ высокими коринфскими колоннами, принадлежитъ XVII-му столѣтію. Положеніе и части этого зданія гармоничны, но въ немъ замѣтно смѣшеніе всѣхъ стилей: греческаго, римскаго, итальянскаго, французскаго и нѣмецкаго. Какъ снаружи, такъ и внутри, прежде всего бросается въ глаза множество украшеній, нерѣдко безъ всякаго вкуса и, при настоящемъ назначеніи комнатъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго значенія.

Надъ большимъ строеніемъ возвышается башня съ сквознымъ куполомъ и съ богатыми курантами; вмѣсто шпица и флюгера вы замѣтите позолоченный корабль. Передній и задній фронтоны украшены скульптурой, изображающей морскихъ чудовищъ, и разныя аллегорическія фигуры, прославляющія могучій морской городъ. На вершинѣ фронтона и на углахъ карниза стоятъ три колоссальныхъ мѣдныхъ статуи. Строеніе это стоило громадныхъ денегъ: самое зданіе, его украшенія внутри и снаружи почти столько же, сколько и фундаментъ. Несмотря на это, оно не производитъ особенно сильнаго впечатлѣнія. Такое же тяжелое чувство охватываетъ васъ, когда проходишь по пустымъ холоднымъ комнатамъ этого зданія, обдающимъ васъ затхлымъ запахомъ гнили и сырости. Что это за королевскій дворецъ, съ кораблемъ вмѣсто флюгера? Къ чему эти тяжелые металлическіе прутья въ окнахъ нижняго этажа? Еще менѣе идутъ для королевскаго дворца аллегорическія изображенія торговли и мореплаванія.

Представители наукъ, различныхъ искусствъ, торговли, промышленности, разныхъ благотворительныхъ обществъ, каждый имѣетъ свои особые клубы. Есть клубы, въ которыхъ дается три, четыре бала и только нѣсколько блестящихъ ужиновъ въ одинъ сезонъ, въ другихъ собираются только сливки буржуазіи.

Многіе голландцы ходятъ въ клубы исключительно только читать, такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ существуютъ замѣчательныя библіотеки; въ другіе собираются только чтобы поиграть въ карты. Нѣкоторые изъ этихъ клубовъ существуютъ издавна и владѣютъ громадными денежными средствами. Одному клубу принадлежитъ великолѣпный зоологическій садъ, другому ботаническій. Почти каждый клубъ помѣщается въ собственномъ домѣ, прекрасно устроенномъ. Члены избираются большинствомъ голосовъ, но такъ какъ годовые членскіе взносы чрезвычайно высоки, то членами могутъ быть только люди весьма и весьма богатые. Буржуа средней руки, не принадлежащіе ни къ какому клубу, отправляются по вечерамъ искать развлеченія въ маленькіе народныя театры. Эти народныя театры устроены здѣсь совершенно особымъ образомъ. Зала, гдѣ помѣщается публика и которая собственно называется театромъ, представляетъ прежде всего комнату, въ которой симметрично расположены множество маленькихъ столовъ одинъ за другимъ. Тутъ же, кромѣ маленькой сцены, глазамъ представляется другое зрѣлище, не менѣе любопытное, — буфетъ съ дымящимся чайнымъ котломъ, съ грудями кусковъ телятины и ветчины и съ другой скромной закуской и выпивкой. За входъ въ это святилище каждый платитъ самую ничтожную плату и испытываетъ за это множество самыхъ разнообразныхъ наслажденій. Къ тому же нужно замѣтить, что кромѣ

духовной пищи, каждый получает здѣсь и матеріальную: за 75 центовъ *) каждый не только наслаждается зрѣлищемъ, но и получаетъ при входѣ, согласно своему желанію, стаканъ пуншу или большую чашку чаю. Вошедшій въ театрѣ глава семейства садится съ своими дѣтьми и женой къ столику, съ достоинствомъ беретъ изъ рукъ служителя длинную глиняную трубку, которую онъ также получаетъ безъ особой платы. Потомъ онъ заказываетъ своей семьѣ ужинъ, смотритъ представленіе, слушаетъ пѣніе и музыку, и при этомъ съ большимъ аппетитомъ ѣсть, пьетъ и куритъ. Какъ зданія этихъ народныхъ голландскихъ театровъ, такъ и пьесы, которыя на нихъ идутъ, музыка и пѣніе не имѣютъ рѣшительно никакого національнаго значенія, и это относится не только къ народнымъ театрамъ, но и къ театрамъ, существующимъ въ Голландіи для высшаго слоя общества. Національной голландской оперы совсѣмъ не существуетъ; не существуетъ и знаменитыхъ голландскихъ композиторовъ, пѣвцовъ и пѣвицъ. Самые звуки голландскаго языка производили бы смѣшное впечатлѣніе во время пѣнія, и потому въ Амстердамѣ и Роттердамѣ слушаютъ то нѣмецкую, то итальянскую оперу, въ которыхъ, впрочемъ, главную роль играетъ балетъ. Въ тѣхъ голландскихъ городахъ, гдѣ кромѣ народныхъ театровъ существуютъ и другіе, — представленіе большею частью идетъ на французскомъ языкѣ, даютъ французскія пьесы, и только изрѣдка на голландскомъ, да и то переведенныя съ французскаго. Такіе театры въ большихъ голландскихъ городахъ устроены въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, очень не велики и, сравнительно съ другими европейскими театрами, очень бѣдно отдѣланы внутри.

Самое характерное явленіе Амстердама — недостатокъ воды. Здѣсь и тамъ въ каналахъ города лежатъ закрытыя со всѣхъ сторонъ большія лодки, такъ называемыя *легерсы*, къ которымъ люди торопятся съ посудой, какъ къ колодцу. И дѣйствительно, это плавающіе амстердамскіе колодцы, такъ какъ въ этомъ большомъ городѣ совсѣмъ нѣтъ ключевой воды. Окруженный со всѣхъ сторонъ водою, Амстердамъ тѣмъ не менѣе не имѣетъ воды, годной для питья, и потому около домовъ и на дворахъ устроены водоемы для дождевой воды, которую употребляютъ для питья; и этой воды не хватаетъ жителямъ. Только лѣтъ 20 тому назадъ устроенъ водопроводъ, который посредствомъ подземныхъ трубъ снабжаетъ Амстердамъ водою изъ громаднаго водохранилища, лежащаго въ дюнахъ, въ полутора-часовомъ разстояніи отъ Гарлема, слѣдовательно, приблизительно въ 20-ти верстахъ разстоянія отъ Амстердама. Это водохранилище вбираетъ въ себя воду дюнь, которая сама по себѣ тоже ничто иное, какъ дождевая вода, но прозрачная и свѣтлая, такъ какъ песокъ, черезъ который она проходитъ, служитъ ей естественнымъ фильтромъ. Особые предприниматели снабжаютъ жителей водою и продаютъ ее въ городѣ. Бѣдные не могутъ платить за каждую бадью воды и потому предпочитаютъ имѣть свои лодки — *легерсы*, въ которыхъ они привозятъ для себя воду изъ окрестностей Утрехта. Эти *легерсы* представляютъ большія лодки, крытыя со всѣхъ сторонъ; все внутреннее пространство, назначенное для воды, устроено очень чисто и плотно. Эти водяныя лодки стоятъ съ своимъ грузомъ очень глубоко въ водѣ канала; на верху ихъ, посреди палубы, устроенъ насосъ и воду выкачиваютъ, какъ изъ колодца.

Вода для питья составляетъ важный предметъ торговли не только въ Амстердамѣ, но и на Зеландскихъ островахъ. Можно себѣ представить, каково бѣднякамъ, которые должны покупать даже воду. Бѣдняки Амстердама не только лишены хорошей свѣжей воды, но и сильно страдаютъ отъ холоднаго, сыраго климата; квартиры при-

*) Цента на наши деньги не много болѣе полукопейки.

ходится топить не только въ продолженіе длинной зимы, но весною и осенью. Особенно вредно дѣйствуетъ быстрая переѣна температуры въ Амстердамѣ. Лѣтомъ, въ полдень, вслѣдствіе отраженія лучей солнца отъ поверхности безчисленнаго множества каналовъ, находящихся между высокими рядами домовъ, стоитъ такая же жара, какъ въ Остъ-Индіи, а вечеромъ морскіе вѣтры приносятъ съ собою холодъ и проливные дожди. Тутъ помнятъ о такихъ переѣнахъ, когда весной, послѣ чудной, теплой погоды, наступалъ такой холодъ, что черезъ день или два можно было уже переходить по замерзшему заливу Эй. И наоборотъ: нерѣдко утромъ переходятъ по замерзшему заливу, а къ вечеру ледъ совершенно растаетъ и проходятъ уже корабли. Путешественникъ поблагодаритъ себя, если онъ, пріѣзжая на лѣто въ Амстердамъ, да и вообще въ Голландію, запасется зимней одеждой.

Эти быстрыя переѣны температуры, необходимость долго отапливать дома, недостатокъ воды—все это подвергаетъ здѣшнихъ бѣдняковъ страшнымъ лишениамъ и невзгодамъ. Изъ нихъ только немногіе счастливы имѣютъ возможность купить себѣ въ праздникъ на нѣсколько центовъ горячей воды и немного торфа, чтобы сварить себѣ чай или еще болѣе жидкій кофе. Но за то ни въ одномъ городѣ Европы нѣтъ столько благотворительныхъ заведеній, какъ въ этой сѣверной Венеціи, гдѣ торговля играетъ самую главную роль въ жизни населенія. Въ Амстердамѣ все живетъ торговлею, начиная отъ купца, получающаго тысячные барыши, до едва прикрытаго еврея, тяжело дышащаго подъ тяжестью чрезмѣрной ноши. Кстати поговоримъ о евреяхъ, такъ какъ еврейскій элементъ въ Амстердамѣ чрезвычайно значителенъ.

Амстердамскіе евреи живутъ въ особыхъ кварталахъ, которые въ опрятной Голландіи представляютъ единственное грязное пятно. Грязь евреевъ и нечистота ихъ кварталовъ до такой степени противны голландцамъ, что въ прежнія времена еврейскій кварталъ всякую ночь запирали тяжелыми воротами.

И дѣйствительно, послѣ здоровыхъ лицъ голландцевъ, необыкновенной чистоты, опрятности и уютности ихъ домиковъ, васъ поражаютъ лица, встрѣчающіяся вамъ въ еврейскихъ кварталахъ. Здѣсь тѣснится исхудалое, блѣдное населеніе, въ стоптанныхъ башмакахъ, въ помятыхъ шляпахъ, въ дырявыхъ платьяхъ. Въ душныхъ, вонючихъ улицахъ, старыя, пожелтѣвшія тряпичницы разложили всякую всячину—утварь, платья всѣхъ столѣтій и со всѣхъ странъ свѣта, рваную обувь и всевозможный хламъ,—все это распространяетъ сырой, гнилой запахъ. На нѣкоторыхъ лавочкахъ—еврейскія надписи, на другихъ голландскія слова написаны еврейскими буквами. На сковородахъ кипитъ прогорѣлое масло, на которыхъ съ шипѣніемъ жарится рыба. Грязныя, оборванныя дѣти, исхудалыя и блѣдныя, но съ чудными черными глазами и необыкновенной красоты, копаются въ кучахъ мусора и сельдяныхъ костей. Дѣвочки хриплымъ голосомъ выкрикиваютъ спички и другія мелочи. Передъ домами сидятъ старухи на еще болѣе старыхъ стульяхъ, желтыя и сухія, какъ муміи, и смотрятъ на толпу безучастнымъ, неподвижнымъ взглядомъ. Изъ оконъ домовъ на шестахъ развѣвается рваная одежда и несется отвратительный паръ, происходящій отъ соединенія грязи и сырости. Лишь только здѣсь появляется мало-мальски порядочно одѣтый чело-вѣкъ, его тотчасъ обступаютъ толпа нищихъ съ горбатыми носами и сѣдыми бородами. Однако, не смотря на то, что люди живутъ здѣсь въ такой тѣснотѣ и бѣдности, тутъ встрѣчаются самые старые люди. Это результатъ необыкновенной воздержности евреевъ въ пищѣ и питьѣ.

Но почему въ Амстердамѣ столько евреевъ? Чтобы съ этимъ познакомиться, нужно рассказать обыкновенный эпизодъ изъ исторіи этого отовсюду изгоняемаго, скитальческаго народа. 1492 г. былъ самый несчастный годъ для испанскихъ евреевъ. Король

испанскій Фердинандъ подписалъ въ Альгамбрѣ эдиктъ объ изгнаніи изъ своей страны евреевъ, если они не захотятъ принять христіанство. Эта новость повергла въ ужасъ и несчастье всѣхъ евреевъ. 160,000 еврейскихъ семействъ, жившихъ въ странѣ съ незапамятныхъ временъ, должны были быть изгнаны теперь только потому, что они не исповѣдовали католической религіи. Между изгоняемыми евреями было множество семействъ, которые считались въ странѣ самыми зажиточными людьми. Указъ запрещалъ имъ вывозить изъ Испаніи золото и серебро. Но бѣглецы скрывали огромныя суммы подъ сѣдлами лошадей и ословъ, а нѣкоторые изъ нихъ даже проглатывали дукаты, когда ихъ невозможно было скрыть инымъ путемъ. Нечего и говорить о томъ, что проглатываніе золота имѣло очень печальныя послѣдствія. Изгнанные изъ страны евреи направились ко всѣмъ приморскимъ пунктамъ: въ Италію, въ Морокко, въ Турцію, въ Алжиръ, но большая часть ихъ отправилась въ Португалію, которая по своему климату, правамъ жителей и ихъ языку имѣла много общаго съ Испаніей. Къ тому же въ Португаліи уже многіе евреи и раньше ихъ нашли себѣ родину. Такимъ образомъ слѣпой фанатизмъ правительства сразу лишилъ Испанію множества рабочихъ силъ, которыя подняли промышленность страны на высокую степень развитія, людей науки и таланта, которые распространяли образованіе среди невѣжественныхъ испанцевъ. Съ изгнаніемъ евреевъ испанцы лишились большей части своихъ докторовъ, которые всѣ почти были изъ евреевъ. Фабрикамъ Испаніи былъ нанесенъ тоже смертельный ударъ. Съ изгнаніемъ евреевъ пали многія академіи, школы, ученныя общества.

Евреи, поселившіеся въ Португаліи раньше появленія евреевъ испанскихъ, занимались торговлею, ремеслами и разбогатѣли. Но когда, вслѣдствіе появленія въ Португаліи множества евреевъ изъ Испаніи, еврейское населеніе страшно увеличилось, король португальскій испугался и сталъ принимать изгнанниковъ подъ самыми тяжелыми условіями. Каждый прибывшій еврей, послѣ уплаты значительной суммы, могъ оставаться въ Португаліи не болѣе 8 мѣсяцевъ, а затѣмъ правительство бралось достать имъ корабли и отвезти ихъ туда, куда они пожелають, разумѣется, съ уплатою за переѣздъ. Каждый, кто по истеченіи означеннаго срока не будетъ въ состояніи выѣхать изъ Португаліи, дѣлался рабомъ.

Короткая отсрочка скоро прошла и страданія евреевъ снова начались. Многіе изъ нихъ теперь уже такъ обѣднѣли, что не могли пуститься въ новый путь, и ихъ безъ сожалѣнія дѣлали рабами, отнимали у нихъ дѣтей, крестили ихъ и цѣлыми толпами посылали на островъ св. Фомы для его колонизаціи. Когда въ 1494 г. на престолъ португальскій вступилъ Эммануилъ, они нѣкоторое время пользовались королевскимъ расположеніемъ, но это было не долго. Вліяніе Испаніи сразу переѣвило политику Эммануила. Въ декабрѣ 1496 г. король португальскій издалъ эдиктъ, которымъ повелѣвалось всѣмъ евреямъ, не желавшимъ принять христіанство, покинуть Португалію въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ. Изгнаніе изъ страны нѣсколько тысячъ богатыхъ, прилежныхъ семействъ сильно повредило народному благосостоянію. Эммануилъ скоро это понялъ и старался поправить свою ошибку новымъ жестокимъ приказомъ удержать въ странѣ всѣхъ еврейскихъ дѣтей моложе 14-ти лѣтъ, крестить ихъ и дать имъ христіанское воспитаніе. Эта безчеловѣчная мѣра привела къ еще болѣе печальнымъ результатамъ. Евреи встрѣтили этотъ эдиктъ съ ужасомъ и отчаяннымъ негодованіемъ; родители бросались на своихъ дѣтей, убивали ихъ и бросали ихъ въ колодцы, а потомъ убивали и себя. Но этимъ еще не кончились страданія евреевъ. На корабляхъ безжалостные капитаны обращались съ ними, какъ съ рабами, какъ съ негоднымъ балластомъ; высаживали ихъ на необитаемыхъ островахъ, гдѣ они были

растерзаны дикими звѣрями, бросали ихъ въ море за малѣйшее противорѣчіе себѣ. Многіе изъ евреевъ въ это путешествіе умерли отъ голода и холода, отъ побоевъ сопровождавшей ихъ стражи, отъ горя и отчаянія. Большинство изъ тѣхъ, которые остались въ живыхъ, отправились въ Нидерланды и занялись торговлею и промышленностью. Но и здѣсь въ началѣ имъ пришлось испытать много гоненій и они удержались только подъ маскою христіанства. Они крестились, но съ твердымъ намѣреніемъ открыто возвратиться къ религіи своихъ отцовъ, какъ только перемѣнятся политическія обстоятельства. Въ 1594 г., сто лѣтъ спустя послѣ изгнанія ихъ изъ Испаніи, они снова приняли свои еврейскія имена и построили въ Амстердамѣ первую синагогу; черезъ лѣтъ 10—15 явилась другая синагога, а затѣмъ и третья. Амстердамъ съ этихъ поръ дѣлается обѣтованною страной евреевъ. Множество евреевъ изъ Германіи, Брюсселя и въ особенности перекрещенные евреи изъ Мадрида стали тысячами стекаться въ Амстердамъ и селиться въ этомъ городѣ. Но такъ какъ нѣмецкіе евреи были большею частію все бѣдняки и ничего съ собою не приносили кромѣ голода и твердаго намѣренія барышничать, то эти непрошеные гости привели въ ужасъ совѣтъ Амстердама и ихъ бы не впустили, еслибы португальскіе евреи не заступились за своихъ соплеменниковъ. Они обѣщались, что нѣмецкіе евреи не будутъ обременять города, и имъ позволили поселиться на старомъ кладбищѣ Мюдербанкъ, которое они купили и которое находилось въ то время нѣсколько въ сторонѣ отъ города. Нѣмецкіе евреи были такъ же плодородны, какъ и ихъ южные братья, кромѣ того число ихъ увеличилось новыми переселенцами изъ Польши. Нѣмецкіе и польскіе евреи, которые были одинаково бѣдны, скоро слились между собою, и въ Амстердамѣ образовалось двѣ совершенно отдѣльныхъ еврейскихъ общины: португальская и нѣмецкая. Съ 1795 г. евреи въ Голландіи получили полное право гражданства. На всѣхъ ступеняхъ государственной лѣстницы, во всѣхъ отрасляхъ искусства и науки, многіе евреи съ достоинствомъ занимаютъ не послѣднее мѣсто.

Евреи составляютъ $\frac{1}{10}$ часть населенія Амстердама и имѣютъ въ этомъ городѣ теперь уже 4 синагоги. Многіе изъ нихъ богатые банкиры и купцы, живутъ въ лучшихъ улицахъ и кварталахъ, но большая часть изъ нихъ ведетъ жалкое существованіе въ особыхъ еврейскихъ кварталахъ, какъ мы это видѣли выше.

Больше всего въ амстердамскомъ еврейскомъ кварталѣ занимаются шлифованіемъ алмазовъ; нѣсколько шлифоваленъ алмазовъ находятся близъ португальской синагоги. Искусство шлифовать алмазы было долго тайной, извѣстной только евреямъ Амстердама и Антверпена. Эта тайна была открыта въ 1475 г. Въ настоящее время въ Амстердамѣ много шлифоваленъ (ихъ также называютъ гранильнями алмазовъ), въ нихъ работаютъ большею частью евреи. Самыя гранильни также нерѣдко принадлежатъ евреямъ. На нихъ обшлифовываютъ алмазовъ ежегодно на 4 милліона 700 тысячъ гульденовъ. Недавно пытались завести такія шлифовальни въ Лондонѣ и Парижѣ, но эти попытки не имѣли успѣха, такъ какъ для этой отрасли промышленности необходима большая ловкость и умѣнье пользоваться опытомъ наиболѣе искусныхъ рабочихъ. Первое условіе этого ремесла состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить по виду еще необработаннаго алмаза, что изъ него можно сдѣлать при шлифовкѣ. Нешлифованный алмазъ похожъ на кусочекъ мутнаго гумми-арабика и шлифовка должна придать ему настоящій цвѣтъ, прозрачность и чистоту воды. Для этого нужна не только долгая практика и ловкость, но особаго рода чутье, которое сильно развито у евреевъ. Поэтому шлифованіе алмазовъ нигдѣ и никогда не достигало такого совершенства, какъ въ Амстердамѣ.

БЕЛЬГИЯ.

Фламандцы и валлоны.—Природа страны.—Сходство Бельгии с Ломбардіею.—Язык.—Фламаноманы и ихъ стремленія.—Религія и вліяніе на народъ католическаго духовенства.—Характеръ народа, его суевѣрія и одежда.—Различіе между Голландіею и Бельгіею.

Какъ извѣстно, Бельгія*) состоитъ изъ двухъ элементовъ, совершенно различныхъ между собою: изъ населенія *фламандскаго*, принадлежащаго германскому племени и говорящаго однимъ языкомъ съ своими сосѣдями голландцами (съ нѣкоторыми, иногда значительными измѣненіями въ правописаніи и произношеніи), и изъ населенія *валлонскаго*, принадлежащаго романскому племени. Фламандцы въ числѣ почти 2½ мил. занимаютъ преимущественно сѣверную часть государства: обѣ Фландріи, Антверпенъ и большую часть Брабанта. Валлоновъ 1.827,200 ч.; они занимаютъ провинціи: Лютихъ, Лимбургъ, Геннегау, Намюръ и Люксембургъ. Остальное число жителей принадлежитъ разнымъ націямъ, между которыми болѣе всего нѣмцевъ, затѣмъ англичанъ и т. д.

Бельгія страна красиво построенныхъ большихъ городовъ и хорошенькихъ деревень, которыя своею величиною и кирпичными постройками скорѣе напоминаютъ города. Кромѣ того вездѣ разбросано безчисленное множество дворовъ и мызь. Болѣе одной трети бельгійскаго населенія живетъ въ городахъ, которые нигдѣ въ Европѣ не расположены такъ близко одинъ отъ другаго, какъ въ Бельгіи. Бельгійскіе города занимаютъ важное мѣсто въ исторіи развитія европейской культуры. Здѣсь впервые возникла свобода въ то время, когда вся западная Европа находилась подъ гнетомъ кулачнаго права. вмѣстѣ съ цвѣтущимъ состояніемъ городовъ и ихъ блестящею торговлею, развивались образованіе и искусства. Послѣ безлѣсной Голландіи, Бельгію можно назвать страню прекрасныхъ лѣсовъ. Ея первобытныя лѣса нигдѣ не вырублены совершенно, а только разчищены, такъ что мѣстами отъ нихъ уцѣлѣли даже небольшія полосы, тамъ и здѣсь впрочемъ иногда довольно значительныя. Кромѣ лѣсовъ, вы безпрестанно встрѣчаете въ Бельгіи прекрасныя деревья, стоящія отдѣльно или группами; деревьями обведены луга и пашни, окружены дома и цѣлыя деревни, подъѣзжая къ

*) Бельгія занимаетъ пространство въ 535 квадр. миль. Народонаселеніе въ 1870 году считалось въ 5.087,105 челов., слѣдовательно 9,508 ч. на квадратную милю. Между второстепенными государствами Европы Бельгія имѣетъ самое большое населеніе.

которымъ, вы вездѣ встрѣчаете роскошные сады и цвѣтники. Съ высоты птичьяго полета вся фландрская земля, на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ моря, имѣетъ видъ богатаго лѣса, тамъ и здѣсь прорубленнаго и разчищеннаго. Мѣстами, на большомъ протяженіи, тянутся длинныя полосы, образующія какъ бы непрерывный лѣсъ фруктовыхъ деревьевъ.

По своей роскошной зелени, по необыкновенному изобилію богатыхъ садовъ и пашенъ, Бельгія представляетъ большое сходство съ Ломбардіею. И если бы эта послѣдняя страна не имѣла такъ много виноградниковъ и маисовыхъ полей, то, находясь въ Бельгіи, можно было бы подумать, что видишь передъ собою Ломбардію. Шельда съ своими притоками имѣетъ такое же значеніе для страны, какъ По для Ломбардіи: она орошаетъ ее и облегчаетъ сообщенія.

Богатая, роскошная Бельгія похожа на Ломбардію и въ томъ отношеніи, что въ обѣихъ странахъ съ незапамятныхъ временъ одинаково процвѣтали всѣ сословія, всѣ классы, всякаго рода ремесла и занятія. Города въ обѣихъ странахъ были богаты и обширны, а граждане ихъ такъ же горды и сильны, какъ дворяне и князья. Въ этихъ богатыхъ городахъ процвѣтали всѣ искусства и полезныя ремесла: торговля — въ Антверпенѣ, промышленность въ Лувенѣ, Брюггѣ и Гентѣ, а науки и искусства почти вездѣ.

Бельгія—театръ замѣчательной борьбы между племенами и нарѣчіями. Французскій элементъ до новѣйшаго времени былъ преобладающимъ. Древнія нѣмецкія названія городовъ все болѣе и болѣе уступали французскимъ и оффиціальныи языкъ, по предписанію Наполеона, былъ и теперь остается французскій. При этомъ болѣе всего поражаетъ слѣдующее обстоятельство: несмотря на то, что фламандцевъ въ странѣ большинство, не смотря на то, что болѣе половины бельгійскаго народа говоритъ по фламандски, (изъ 1,000 горожанъ 630 говоритъ по фламандски; изъ 1,000 деревенскихъ жителей 556; даже въ Брюсселѣ 62% говоритъ по фламандски), —несмотря на все это, все таки восторжествовалъ французскій языкъ.

Такимъ образомъ два съ половиною милліона ниже-германцевъ имѣютъ французское законодательство и управленіе. Въ отправленіи правосудія, въ образованіи, во всѣхъ оффиціальныхъ сношеніяхъ въ Бельгіи употребляютъ, какъ мы сказали, французскій языкъ. Этотъ фактъ останавливаетъ наше вниманіе также и потому, что Бельгія отъ 1815 до 1830 г. была соединена съ Голландіею и что подъ голландскимъ управленіемъ фламандскій языкъ, совершенно однородный съ голландскимъ, не потерпѣлъ въ это время никакихъ измѣненій. Почему же французскій языкъ сдѣлался въ странѣ языкомъ оффиціальнымъ? Со временъ Филиппа Августа и Филиппа Красиваго, стремленіе французовъ распространить свою власть на Нидерланды не прекращалось, а вмѣстѣ съ этимъ распространялся и французскій языкъ. Тѣмъ не менѣе оффиціально все таки еще придерживались языка страны, и до 1795 года брабантскій совѣтъ составлялъ свои постановленія по фламандски. Когда же явились французскіе проповѣдники свободы и равенства, тогда въ Бельгіи постоянно стали раздаваться такія воззванія: «свободные люди! бросьте языкъ рабовъ и примите языкъ вашихъ представителей, языкъ свободы! Различныя нарѣчія, на которыхъ вы говорите, вышли изъ нечистаго источника феодализма». Въ 1803 году декретъ Наполеона предписывалъ употреблять французскій языкъ въ оффиціальной сферѣ. Однако въ 1822 году (въ то время Бельгія была присоединена къ Голландіи), вдругъ появилось предписаніе, чтобы всѣ общественныя дѣла, и въ особенности судебныя, производились на языкѣ страны. Эта мѣра какъ громомъ поразила всю армію чиновниковъ. Уже болѣе 20-ти лѣтъ всѣ привыкли къ французскому языку; большинство съ трудомъ выучилось ему, между тѣмъ какъ фламандскій

языкъ сдѣлался для нихъ теперь чуждымъ, и вдругъ все это должно было измѣниться. Можно себѣ представить, сколько возникло неудовольствій вслѣдствіе этого и какія подозрѣнія стали распространяться въ народѣ. Многіе стали даже говорить, что имъ хотять навязать чужой языкъ, т. е. голландскій, несмотря на то, что предписаніе, о которомъ мы только что упомянули, касалось только фламандскихъ частей страны и обязывало употреблять въ нихъ фламандскій языкъ, но не голландскій. Къ противникамъ голландскаго правительства присоединились не только бельгійскіе чиновники, но и вліятельное духовенство. Католическому духовенству и іезуитамъ не нравилось соединеніе католической Бельгіи съ протестантской Голландіею и они съ радостію пользовались каждымъ случаемъ, чтобы разшатать и уничтожить эту связь.

Когда въ 1830 году до Бельгіи достигла вѣсть объ Іюльской революціи, тамъ тотчасъ образовался многочисленный лагерь недовольныхъ и противниковъ голландскаго правительства, готовыхъ у себя устроить продолженіе этой революціи. Правительство не подумало въ первую минуту выступить противъ своихъ враговъ и такимъ образомъ въ Бельгіи совершился переворотъ, который болѣе всего былъ необходимъ для интересовъ чиновниковъ и духовенства.

16-го Октября 1830 года, временное правительство обнародовало слѣдующее: «такъ какъ французскій языкъ былъ до сихъ поръ наиболѣе распространенъ въ Бельгіи, то онъ одинъ и будетъ теперь употребляться при официальныхъ сношеніяхъ». Послѣ этого начались всевозможныя стѣсненія фламандскаго языка и фламандской національности. Многіе съ необыкновенною энергіею стали возставать противъ этихъ злоупотребленій и такимъ образомъ постепенно образовалась агитація (иначе «*mouvement fl. mand*»). Вслѣдствіе этого составилось множество кружковъ и обществъ, которые явно вставали противъ вытѣсненія всего фламандскаго. Начали издавать на фламандскомъ языкѣ книги, основывать журналы, устраивать драматическія и другія общества, и такимъ образомъ фламандскій языкъ, особенно въ литературномъ отношеніи, былъ снова возстановленъ. Уже въ 1851 году насчитывали 1,100 фламандскихъ произведеній и 56 періодическихъ изданій. Фламандцы имѣли и до сихъ поръ имѣютъ талантливыхъ романистовъ и поэтовъ; но все это нисколько не помѣшало успѣху французскаго языка, какъ въ официальныхъ сношеніяхъ, такъ и въ обществѣ. При этомъ каждый успѣхъ французскаго элемента былъ несомнѣннымъ вредомъ для фламандскаго. Особенно роковымъ для фламандскаго движенія оказалось то обстоятельство, что фламандскій языкъ не находилъ поддержки и сочувствія въ высшихъ кругахъ общества. Даже въ старыхъ фламандскихъ городахъ: въ Гентѣ, Брюггѣ и другихъ давно считалось хорошимъ тономъ говорить по французски.

Фламандскій языкъ въ Бельгіи считается въ настоящее время языкомъ простонародья, а французскій—языкомъ образованныхъ и знатныхъ. Мало того, каждый мало мальски зажиточный человекъ старается научить своего сына французскому языку, каждая горничная, поступаая въ порядочный домъ, изо всѣхъ силъ выбивается достигнуть того же.

Несмотря на всѣ усилія фламаномановъ (почитателей фламандскаго языка и литературы), такое положеніе вещей едва ли скоро измѣнится. Фламаноманы и теперь стремятся усилить знаніе фламандскаго языка, а многіе изъ нихъ даже сдѣлать его преобладающимъ. Изъ нихъ въ Антверпенѣ образовалось цѣлое общество, члены котораго поставили себѣ задачею способствовать возстановленію фламандской національности въ Бельгіи противъ сильнаго натиска всего французскаго. Это общество издало цѣлый рядъ правилъ, которымъ строго должны подчиняться его члены. Согласно съ ними каждый членъ обязанъ употреблять *только* фламандскій языкъ при воспитаніи своихъ дѣ-

тей, въ перепискѣ съ своими родными и знакомыми, въ общежитіи, въ торговыхъ сношеніяхъ и даже въ сношеніяхъ съ властями государства. Кто нарушаетъ эти постановленія, тому сначала предсѣдатель напоминаетъ объ его обязанностяхъ, а потомъ, если тоже повторится, его исключаютъ изъ общества.

За исключеніемъ 15,000 протестантовъ и 3,000 евреевъ (большая часть тѣхъ и другихъ находится въ провинціяхъ Антверпенъ и Брабантъ), Бельгія вполнѣ католическая страна. Хотя въ бельгійской церкви существуютъ различныя направленія и ученія, но въ сознаніи народа, его привычкахъ и нравахъ католицизмъ несомнѣнно пустилъ глубокіе корни.

Бельгія—государство конституціонное: оно предоставляетъ народу свободу ассоціацій, совѣсти и печати, неприкосновенность личности и дома, воспрещаетъ конфискацію имущества, гарантируетъ тайну писемъ и распространяетъ всѣ эти права не только на свой народъ, но и на иностранцевъ, живущихъ въ Бельгіи. Однако, хотя конституція и признаетъ полную свободу религіи, но, установленная подъ католическимъ вліяніемъ, эта свобода не мало служитъ папскимъ интересамъ и сдѣлала изъ Бельгіи притонъ самыхъ фанатическихъ ультрамонтантовъ (то есть поборниковъ папской власти).

Если мы вспомнимъ исторію страны, намъ будетъ понятно, какимъ образомъ католическое духовенство пустило такіе глубокіе корни въ Бельгіи. Католическо-церковная іерархія въ этой странѣ уже съ давнихъ поръ имѣла громадное значеніе. Кардиналъ - архіепископъ Мехелнскій былъ въ прежнее время самостоятельнымъ государемъ Люттиха; епископство гентское и брюггское имѣли важное значеніе для Рима, какъ пограничные пункты противъ протестантскихъ движеній Англій и Голландіи. Не только высшія лица и представители духовенства пользовались громаднымъ значеніемъ, властію и привилегіями, но и все это сословіе имѣло громадное вліяніе на народъ, и его значеніе еще болѣе усилилось при испанскомъ владычествѣ, когда правительство опиралось такъ сильно на религіозный элементъ.

Служители церкви были вмѣстѣ и законодателями, и администраторами; они владѣли обширными имуществами, носившими на себѣ феодальный характеръ. Такой порядокъ вещей такъ утвердился въ Бельгіи, что и впослѣдствіи властители ея должны были считаться съ такимъ вліяніемъ. Когда императоръ Іосифъ II задумалъ свои преобразованія, когда онъ захотѣлъ подчинить церковь государству, вспыхнула брабансонская революція, произведенная нисшимъ сословіемъ по наущенію духовенства. Правда, французская революція нанесла сильный ударъ духовенству: имущества церквей и монастырей были отобраны на государство, старинныя привилегіи были уничтожены, феодально-сословное значеніе духовенства стерто окончательно и подведено подъ общій уровень гражданъ,—первое мѣсто заняла свѣтская, политическая власть. Впослѣдствіи однако духовенство воспользовалось реставраціею 1814 года, чтобы избавиться отъ государственной зависимости.

Въ настоящее время католическое духовенство совершенно самостоятельно: въ Бельгіи правительство страны не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла церкви, въ богослужебные обряды или процессіи, которыя повсюду и всѣми могутъ быть совершаемы съ полной свободой, не имѣетъ право также назначать ни на какія духовныя должности. Но государство не устранено однако отъ пособія церквамъ, напротивъ, отъ него требуются весьма значительныя пожертвованія, и онѣ еще болѣе усиливаютъ католическую власть. Изъ государственнаго бюджета 4½ милл. идетъ на содержаніе духовенства. Пользуясь съ одной стороны неограниченной свободой, а съ другой щедрымъ пособіемъ государства, это духовенство находится вполнѣ въ своей сферѣ, сохра-

няетъ громадное вліяніе на народъ, противодѣйствуетъ всѣмъ прогрессивнымъ мѣрамъ и если не успѣло удержать населеніе въ грубомъ невѣжествѣ, то только благодаря обезпеченной конституціею же политической свободѣ, настойчиво поддерживаемой правительствомъ и помогающей государству безостановочно идти впередъ.

Въ Бельгіи до сихъ поръ чрезвычайно много мужскихъ и женскихъ монастырей; по официальнымъ даннымъ за 1866 годъ ихъ считаютъ 993, съ 2,383 монахами и 12,247 монахинями. Такимъ образомъ болѣе 14¹/₂ тысячъ здоровыхъ рукъ ежегодно отрываются отъ производительной работы для государства.

Характерною чертою бельгійцевъ, какъ фламандцевъ, такъ и валлоновъ, является прежде всего необузданная страсть къ процессіямъ, которыя всегда поощряло духовенство, вѣра въ небывалыя и безчисленныя чудеса святыхъ, число которыхъ оно все увеличивало, и, какъ естественное послѣдствіе того и другаго, множество суевѣрій. Назовемъ наиболѣе распространенныя изъ нихъ:

Если въ канунъ крещенія—холодный день, но свѣтлый, бельгіицы ждуть счастливаго года; дождь—вѣстникъ всевозможныхъ несчастій. Три зажженныя свѣчи передъ домою въ канунъ крещенія отгоняютъ отъ него злыхъ духовъ.

По 2-му февралю можно узнать погоду и жатву цѣлаго года.

Со вторникомъ на масляной недѣлѣ особенно связано много примѣтъ. Если въ этотъ день хорошая погода—будетъ богатый сборъ гороха. Если солнце ярко свѣтитъ—будетъ хорошей ленъ и пшеница. Кто выпьетъ въ этотъ день стаканъ молока, тому нечего бояться цѣлый годъ яркихъ солнечныхъ лучей и солнечнаго удара. Кто желаетъ избавиться отъ лихорадки на цѣлый годъ, не долженъ ужинать во вторникъ на масляной. Вода, освященная наканунѣ Пасхи, тоже избавляетъ отъ лихорадки.

На голову новорожденнаго, надъ которымъ въ 1-й день Пасхи совершаютъ обрядъ крещенія, надѣваютъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ. По глубокому убѣжденію народа, дѣти, которымъ при крещеніи могли надѣть вѣнокъ на голову, находятся подъ особымъ покровительствомъ неба и народъ относится къ такимъ счастливымъ во время всей ихъ жизни съ особеннымъ благоговѣніемъ.

Кто не употребляетъ говядины въ воскресенье на святой недѣлѣ, у того цѣлый годъ не будутъ болѣть зубы. Моряки даютъ обѣтъ не ѣсть говядины въ этотъ день, чтобы не подвергаться опасностямъ бури.

Кто постоитъ въ день св. Марка, 25-го апрѣля, у церкви этого святого между 12 и 1 ч. ночи, тотъ увидитъ тѣни всѣхъ друзей и сосѣдей, которые умрутъ въ этотъ годъ.

Въ 12-мъ часу ночи въ Ивановъ день можно видѣть на всѣхъ набережныхъ и на берегахъ рѣкъ любопытное зрѣлище: дѣти, выстроившись въ рядъ безконечной линіей у берега той или другой рѣки, стоятъ совершенно голыя и ждуть удара 12 часовъ. Тогда всѣ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, бросаются въ воду; это дѣлаютъ, чтобы укрѣпить ноги. Взрослые, страдающіе слабостью ногъ, ставятъ ихъ тоже въ воду, другіе моютъ себѣ лицо и грудь. Тотъ, кто не желаетъ совершать омовенія публично, приноситъ себѣ для этого воду на домъ. Однимъ словомъ, можно сказать безъ преувеличенія, что каждый бельгіецъ въ 12-ть ч. Иванова дня непременно моется. Ивановской водой наполняютъ сосуды и бутылки и сохраняютъ, такъ какъ народъ вѣритъ, что эта вода не портится въ продолженіи цѣлаго года и помогаетъ при невзгодахъ. Изъ разныхъ травъ, сорванныхъ въ день Ивана, дѣлаютъ букеты и вѣшаютъ ихъ у погребовъ, у конюшенъ, а нерѣдко и при домахъ: они избавляютъ отъ молніи. Чернобыльникъ сорванный въ этотъ день и повѣшенный у дверей комнатъ и конюшенъ, предохраняетъ отъ колдовства и приноситъ счастье. Эта трава, положенная въ обувь пѣшехода, избавляетъ его отъ усталости. Божья ко-

ровка, которая, по понятіямъ бельгійцевъ, всегда приноситъ счастье тому, кто ее найдетъ въ этотъ день, избавитъ нашедшаго на цѣлый годъ отъ головныхъ и зубныхъ болей. Точно также стараются найти въ этотъ день свѣтящихся червячковъ, которые принесутъ счастье всѣмъ, кто ихъ подержитъ. Когда ленъ уже снятъ, во многихъ мѣстностяхъ молодыя дѣвушки танцуютъ вокругъ поля, затѣмъ всѣ сразу скидаютъ съ себя всю одежду и начинаютъ рѣзвиться по полю, — отъ этого ждуть на будущій годъ урожая льна. Однимъ словомъ примѣтамъ и повѣрьямъ въ Ивановъ день нѣтъ конца.

Служащіе люди: лакеи, повара и т. п., праздновали прежде день св. Іакова, 25-го іюля; теперь хотя его уже не празднуютъ, тѣмъ не менѣе они считаютъ его своимъ днемъ. Кто изъ нихъ, выходя въ этотъ день изъ дому, встрѣтитъ на дорогѣ старуху, будетъ несчастливъ цѣлый годъ, и тогда онъ предпочитаетъ какъ можно скорѣе отказаться отъ мѣста, чтобы не накликать на себя пущей бѣды. Овцы на дорогѣ въ этотъ день предвѣщаютъ счастье, свиньи же опять худая примѣта. Трудно пересчитать всѣ суевѣрія народа.

Однако, несмотря на множество суевѣрій, бельгійскій народъ, и это мы говоримъ о всѣхъ элементахъ, изъ которыхъ сложилась бельгійская національность, отличается здоровою, крѣпкою натурою и многими прекрасными качествами.

Бельгійцы очень трудолюбивы, промышленны, бережливы и весьма склонны къ торговой дѣятельности. Это общія характерныя черты, какъ фламандцевъ, такъ и валлоновъ, тѣмъ не менѣе между ними чрезвычайно много и различія.

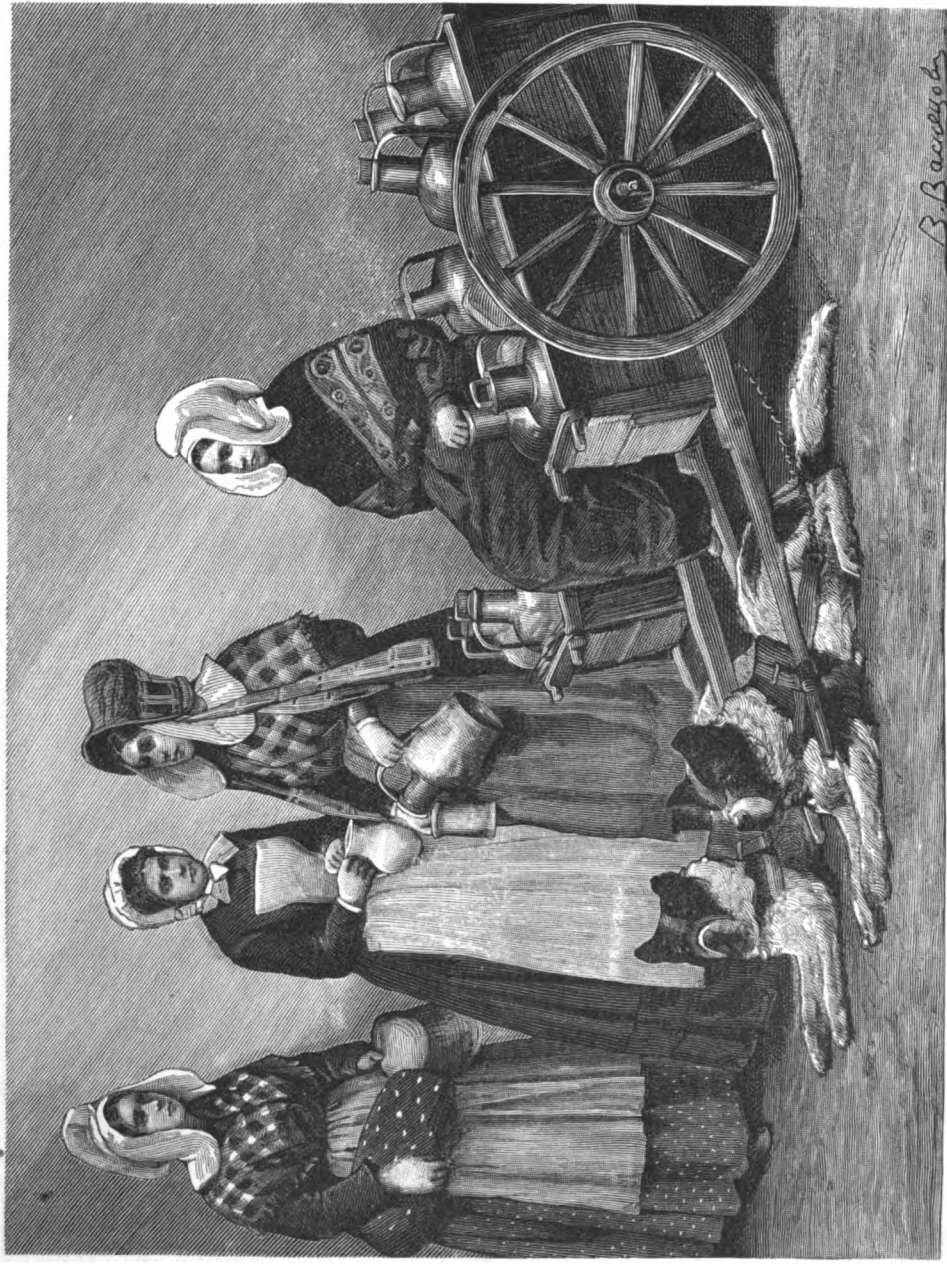
Фламандецъ имѣетъ всѣ отличительныя черты германскаго племени: свѣтлые волосы, голубые глаза, бѣлый цвѣтъ лица. У валлона напротивъ: черные волосы, темные глаза, смуглый цвѣтъ лица.

Фламандцы большею частью средняго роста, коренасты; валлонцы — стройны и гибки. Фламандцы — флегматичны, вялы на видъ и тяжелы на подъемъ, но настойчивы и неутомимы въ работѣ. Они не отличаются смѣлостью и предприимчивостью, но за то крѣпко привязаны къ своей родинѣ, къ воспоминаніямъ домашняго очага, къ стариннымъ обычаямъ и обрядамъ и вообще ко всему, что они унаслѣдовали отъ своихъ предковъ. Фламандецъ приметъ и введетъ въ свою жизнь только то, что нисколько не противорѣчитъ его понятіямъ, которыя сложились у него еще въ раннемъ дѣтствѣ.

Валлоны обладаютъ живымъ, бойкимъ, вспыльчивымъ и рѣшительнымъ характеромъ. Доказательствомъ этому служить то, что они, составляя меньшую часть населенія Бельгій, играютъ въ ней главную роль.

Нѣжныя дѣти фламандцевъ, съ бѣлою кожею, съ румяными щечками и золотистыми, роскошными волосами, обыкновенно напоминаютъ головы херувимовъ, но съ ростомъ, особенно мальчики, быстро грубѣютъ и начинаютъ развиваться скорѣе въ ширину, чѣмъ въ высоту. У валлона же напротивъ — грубость, дикость и сила, мало гармонирующія съ дѣтскимъ выраженіемъ лица, придаютъ ему, по мѣрѣ того какъ онъ дѣлается юношей, рѣшительное выраженіе, необыкновенную красоту и мужество. Тоже можно сказать и относительно женщинъ: стройныя, граціозныя, живыя валлонки съ блестящими глазами и быстрыми, смѣлыми движеніями обыкновенно гораздо привлекательнѣе фламандскихъ красавицъ, съ правильными чертами лица, медленными движеніями и плавною, обдуманною рѣчью.

Оба народа враждебно относятся другъ къ другу и имѣютъ постоянный запасъ бранныхъ словъ и прозвищъ другъ для друга, что нерѣдко даетъ поводъ къ кровавымъ ссорамъ и потасовкамъ. Опытная хозяйка ни за что не возьметъ къ себѣ въ домъ въ одно время фламандку и валлонку: брани и ссорамъ не будетъ конца.

Въ одеждѣ этихъ двухъ народовъ не существуетъ почти никакой разницы: блуза сравняла всѣхъ. Это обыкновенно общая одежда всѣхъ нисшихъ и даже среднихъ сословій въ Бельгіи: крестьяне, ремесленники, торговцы, арендаторы и даже мелкіе землевладѣльцы прикрываютъ блузою различіе своего положенія.

Женщины въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бельгіи болѣе мужчинъ сохранили одежду прежнихъ временъ. Въ Антверпенѣ до сихъ поръ бросается въ глаза огромный, бѣлый чепчикъ, съ большими лопастями, а жительницы Брабанта и теперь еще одѣваютъ *бай.не*—родъ чернаго шелковаго плаща, закрывающаго голову и верхнюю часть тѣла. Этотъ нарядъ придаетъ женщинамъ видъ монахинь и дѣлаетъ бѣлый цвѣтъ фламаноукъ еще болѣе ослѣпительнымъ. *Фай.не* — остатокъ испанскаго господства, а блуза перешла въ Бельгію изъ Франціи. Голландцы и бельгійцы такіе близкіе сосѣди, ихъ прошлая судьба такъ тѣсно связывала ихъ между собой, что невольно дѣлаешь сравненіе между ними.

Голландскій бытъ производитъ болѣе пріятное впечатлѣніе на путешественника вслѣдствіе необыкновеннаго комфорта, замѣчательной чистоты и опрятности ихъ жилищъ. Совершенно на англійскій манеръ, каждое голландское семейство занимаетъ свой отдѣльный, собственный домикъ. Жить подъ одною кровлею съ чужими, хотя бы даже и въ разныхъ квартирахъ, для голландца невысказано и невыносимо. Эта сильная любовь къ своему уголку и къ самостоятельной семейной жизни отчасти объясняетъ и ихъ постоянное стремленіе къ независимости въ государственной жизни, въ чемъ ихъ сосѣди бельгійцы далеко имъ уступаютъ.

Кто пожелаетъ въ одинъ и тотъ же день побывать въ Роттердамѣ и Антверпенѣ, что теперь не особенно трудно, такъ какъ эти два торговые пункта отдѣлены другъ отъ друга только на 5 часовъ ѣзды, тому тотчасъ бросится въ глаза различіе между голландцами и бельгійцами. Роттердамъ, болѣе чѣмъ какой нибудь другой городъ, носитъ на себѣ печать голландскаго характера; но все совершенно измѣняется, лишь только вы вступаете въ стѣны Антверпена. Нигдѣ не видно голландской опрятности, и высокія узкія голландскія дома въ три окна производятъ болѣе пріятное впечатлѣніе, нежели древнія и величественныя зданія Антверпена.

Даже въ устройствѣ голландскихъ и бельгійскихъ шинковъ можно видѣть различіе въ характерѣ этихъ двухъ національностей. Въ Амстердамѣ и Роттердамѣ они устроены самымъ первобытнымъ образомъ: рядами разставлены скамейки, къ спинкамъ которыхъ придѣланы узкія дощечки, замѣняющія столы, на которыя голландецъ можетъ поставить свой стаканъ чаю или вина. Простому голландскому работнику больше ничего и не нужно въ трактирѣ. Въ Антверпенѣ, напротивъ, матросы и простые работники сидятъ на прекрасной удобной мебели и расхаживаютъ въ огромныхъ залахъ, которыя сдѣлали бы честь второстепенному отелю въ лучшихъ городахъ Европы.

Въ улицахъ первостепенныхъ городовъ Бельгіи васъ поражаетъ блескъ и роскошь магазиновъ; Брюссель на примѣръ многіе называютъ даже «маленькимъ Парижемъ», въ улицахъ же первостепенныхъ голландскихъ городовъ ваше вниманіе останавливаютъ прежде всего уютные, семейные домики, дѣловитость жителей и ихъ серьезное знакомство съ чужими, далекими, странами. Вы безпрестанно встрѣчаете магазины, вывѣски которыхъ предлагаютъ вамъ различные предметы для путешествія въ Остъ-Индію или Вестъ-Индію; здѣсь объявленія отъ пароходнаго общества Америки, тамъ контора принимаетъ порученія въ Бразилію и т. д. Въ окнахъ книжныхъ магазиновъ выкладываютъ не плохенькіе французскіе романы, какъ это мы обыкновенно встрѣчаемъ въ большихъ бельгійскихъ городахъ, а преимущественно книги, специально трактующія о мореплаваніи и о колоніяхъ. Незнакомое названіе Малайскаго архипелага здѣсь у каж-

даго на языкѣ, и въ лучшихъ голландскихъ салонахъ нерѣдко услышишь мягкіе звуки явскаго нарѣчія, на которомъ разговариваютъ женщины и мужчины.

Почти всѣ принадлежащіе къ высшему сословію въ Голландіи побывали хотя разъ въ Индіи. Сыновья богатыхъ людей отправляются въ Яву или Бразилію, чтобы изучить торговыя дѣла, или на острова восточной Азіи, поступая на государственную или военную службу, и матери не ужасаются ни тяжелаго путешествія для своихъ сыновей, ни долгой разлуки съ ними. Голландецъ — человѣкъ бывалый, и когда вамъ удастся разговориться, что впрочемъ не легко, онъ сообщитъ вамъ много любопытнаго. Бельгіецъ же, особенно валлонецъ, напоминаетъ въ этомъ отношеніи француза: онъ говоритъ охотно, легко, увлекательно, но въ тоже время, проговоривши нѣсколько часовъ, знаетъ искусство ничего не сказать, и вы часто ничего не выносите изъ его краснорѣчивой болтовни. Такому различію характеровъ этихъ двухъ народовъ прежде всего содѣйствовала природа ихъ странъ и ихъ историческое прошлое.

Въ Нидерландахъ (разумея подъ этимъ обѣ страны, т. е. Голландію и Бельгію), какъ и вездѣ, сѣверъ является болѣе суровымъ и притомъ младшимъ и болѣе сильнымъ братомъ юга. Такъ напримѣръ: климатъ Голландіи гораздо холоднѣе климата Бельгіи. Бельгія гораздо болѣе защищена и закрыта, чѣмъ Голландія. На сѣверо-западѣ передъ нею лежитъ Британія, которая защищаетъ ее отъ сѣверо-западныхъ бурь. Такимъ образомъ первую ярость морскихъ бурь выдерживаетъ за нее сама Голландія. Наконецъ къ востоку отъ Бельгіи тянутся германскія горы, которыя сильно защищаютъ Бельгію.

Такое различіе въ климатѣ отражается и на всѣхъ условіяхъ жизни и характерѣ природы въ той и другой сторонѣ: на растительности, земледѣліи, характерѣ мѣстности и на одеждѣ, на обычаяхъ и особенностяхъ жителей. Флора Бельгіи гораздо богаче флоры Голландіи. Въ Бельгіи удалось акклиматизировать множество деревьевъ и растений, которыя не переносятъ климата Голландіи. Голландія больше принадлежитъ къ приморскимъ государствамъ, къ разряду острововъ; Бельгія больше къ континентальнымъ странамъ. Въ Бельгіи уже рѣдко встрѣтишь такія безлѣсныя мѣстности, которыя преобладаютъ на сѣверѣ Голландіи.

«Въ составъ фламандской національности, правда, вошло много южныхъ (романскихъ) элементовъ, но не одному этому обстоятельству, а скорѣй тому, что они живутъ въ климатѣ болѣе благорастворенномъ, менѣе суровомъ и бурномъ, фламандцы обязаны тѣмъ запасомъ веселости и довольства, тою мягкою, пѣвучею и поэтической натурою юга, которою они отличаются предъ своими братьями голландцами. Въ Нидерландахъ, какъ и во всей Европѣ, сѣверъ моложе юга, и это обстоятельство также способствовало тому, чтобы фیزیономіи Голландіи придать особенный характеръ, который такъ отличаетъ ее отъ Бельгіи. Вездѣ просвѣщеніе шло по направленію съ юга на сѣверъ, гдѣ оно уже созрѣвало медленнѣе. Какъ на югѣ Италіи и Германіи просвѣщеніе водворилось нѣсколькими столѣтіями раньше, чѣмъ на сѣверѣ этихъ же областей, такъ и культура Бельгіи несравненно старѣе культуры Голландіи. Прошло много времени прежде чѣмъ голландцы осилили дикую природу своего отечества и образовали въ немъ такую почву, на которой могутъ жить образованные люди.

Исторія бельгійскихъ городовъ восходитъ почти на 500 л. далѣе, чѣмъ исторія голландскихъ. Въ то время какъ у голландцевъ почти еще не было городовъ, Брюгге, Антверпенъ, Лувенъ и Люттихъ давно уже пользовались всемірною извѣстностью; что касается до Роттердама, Амстердама, Гааги и др., то они приобрѣли значеніе не болѣе, какъ 400 лѣтъ тому назадъ. Могущество и благосостояніе голландцевъ на столько же моложе бельгійскаго, на сколько Пруссія моложе Австріи и Баваріи. Поэтому бельгійскіе

города представляют гораздо больше интереса въ историческомъ отношеніи, чѣмъ голландскіе; послѣдніе менѣе живописны, прозаичнѣе и однообразнѣе первыхъ. Въ Бельгіи разныя стили архитектуры представляютъ собою цѣлый рядъ эпохъ; въ Голландіи все по одному образцу, все произведенія одной и той же эпохи.

Различіе религій, исповѣдуемыхъ въ Голландіи и Бельгіи, также не мало способствуетъ тому, чтобы придать внутренней и внѣшней фizioноміи обѣихъ странъ совершенно противоположный характеръ. Протестантизмъ можно назвать религіею сѣверной, а католицизмъ—религіею южной Европы; южная Германія (Баварія и Австрія), южная Британія (Ирландія) и вообще вся южная Европа остались вѣрными папѣ. Въ Нидерландахъ образовалась такая же противоположность между югомъ и сѣверомъ: южные жители, т. е. бельгійцы (валлоны и фламандцы) удержали католицизмъ, между тѣмъ, какъ сѣверные голландцы совершенно предалися религіи сѣверной Европы. Вотъ почему не только церкви и богадѣльни, но и самые города протестантскихъ голландцевъ проще, однообразнѣе бельгійскихъ и почти совершенно лишены историческихъ достопримѣчательностей. Великолѣпныхъ готическихъ храмовъ здѣсь всегда было меньше, чѣмъ въ Бельгіи, да и тѣ немногіе храмы, которые здѣсь существуютъ, голы и пусты. Монастыри, которые ни числомъ, ни внѣшнимъ своимъ видомъ не могли сравняться съ южными, обращены теперь въ больницы и школы. Отъ живописныхъ процессій и празднествъ, которыми такъ богата католическая церковь, на сѣверѣ, конечно, не осталось и слѣда. Но не только внѣшній видъ голландскихъ городовъ, но и самый народъ вслѣдствіе церковной реформы сдѣлался проще и безыскусственнѣе, и изъ общественной городской жизни постепенно исчезли всѣ болѣе или менѣе живописныя ея элементы.

Между сѣверо-нидерландскою, или голландскою, и южно-нидерландскою, или фламандскою, школами живописи существуетъ огромная разница, и эта разница тоже произошла по причинамъ вышеизложеннымъ. Вообще же можно сказать, что вкусъ къ художествамъ болѣе распространенъ и развитъ въ исторической, католической и живописной Бельгіи, чѣмъ въ прозаичной протестантской и бѣдной живописными видами Голландіи. Величайшіе геніи, какъ напр. Ванъ-Эйкъ, Рубенсъ, всѣ были съ юга, и хотя нѣкоторые таланты сѣвера и могутъ быть поставлены на ряду съ ними, все-таки, уже по многочисленности ихъ, перевѣсъ остается на сторонѣ южанъ. Притомъ фламандская эпоха живописи обнимаетъ болѣе продолжительный періодъ въ исторіи искусства; она образовалась сто лѣтъ раньше голландской школы, въ новѣйшее время принесла новыя богатые плоды и всегда шла впереди сѣверной школы, указывая ей путь».

Свобода сходокъ и устройство различныхъ обществъ.—Цѣль и средства этихъ обществъ.—Ихъ гражданное значеніе въ странѣ и увеселенія.—Бельгійская пивная.—Состязанія обществъ между собой и призы.—Общества стрѣлковъ и преимуществъ, которыми они пользовались въ государствѣ.—Ихъ процессія въ прежнее время.—Короли стрѣлковъ и ихъ права.—Нынѣшнія общества стрѣлковъ и болдерсовъ.—Состязаніе дамъ.—Общества поощренія игры въ шахматы, въ шашки и кости.—Состязаніе между собою членовъ общества въ подражаніи пѣтушьему крику и куриному влохтавью.—Цвѣточныя выставки.—Ихъ значеніе для бельгійцевъ.—Выставки скота —Головы быковъ, увѣчанныя лавровыми вѣнками.—Общества распространенія голубей и канареекъ.

Самое характерное явленіе общественной жизни бельгійцевъ — полное, безконтрольное право сходокъ, ассоціацій и всевозможныхъ обществъ. И дѣйствительно трудно найти другую страну, въ которой бы существовали такія оживленныя, развѣтвляющіяся на разныя подраздѣленія и категоріи общества, какъ въ Бельгіи вообще, но особенно во Фландріи и въ Брабантѣ. Особеннымъ разнообразіемъ въ этомъ отношеніи отличается Гентъ — столица фландрскихъ графовъ. Древніе цехи ткачей и ваяльщикова,

ровъ и мясниковъ, корабельщиковъ и рыбаковъ, которые отъ времени до времени играли такую видную роль въ исторіи среднихъ вѣковъ западной Европы, теперь уже не существуютъ. Французская революція уничтожила ихъ послѣдніе остатки, а въ настоящее время уже никто не пожелалъ возвратиться къ цехамъ: всѣ предпочли свободу ремесла для жителей страны и для иностранцевъ. Въмѣсто старыхъ цеховъ и привилегированныхъ братствъ появилось множество новыхъ учреждений, обществъ и собраній, которыя самымъ разнообразнымъ образомъ преслѣдуютъ различныя цѣли. Существуютъ торговыя, ремесленныя и земледѣльческія общества, общества скотоводства, зоологическихъ и ботаническихъ садовъ, общества разведенія плодовыхъ деревьевъ и цвѣтовъ, общества поощренія наукъ и искусствъ, благотворительности, обученія, религій, политики, безопасности и вспомошествованія, для чтенія книгъ и газетъ, игры, охоты, рыболовства, верховой ѣзды и стрѣльбы, танцевъ и пѣнія, общества для шутокъ, болтовни и серьезнаго дѣла, однимъ словомъ въ Бельгій для всего существуютъ общества, на все распространилась страсть къ обществамъ и товариществамъ. Каждый полезный и даже бесполезный проэктъ тотчасъ находитъ дружное содѣйствіе; образуются митинги или простое собраніе членовъ въ какой-нибудь пивной (*estaminet*). На членскій взносъ или на деньги, собранныя по подпискѣ, начинаютъ издавать журналъ, печатаютъ брошюры, читаютъ лекціи. Иное общество имѣетъ по нѣскольку сотенъ членовъ, другое—имѣетъ ихъ очень небольшое число, смотря по цѣли, которую оно преслѣдуетъ и по сочувствію къ нему народа. Въслѣдствіе этого одно общество существуетъ съ давнихъ поръ, другое—умираетъ на слѣдующей недѣлѣ, а его члены пристають къ новой корпораціи или измѣняютъ свою первоначальную цѣль.

Лѣтъ десять тому назадъ, въ Гентѣ насчитывали три общества для поощренія художествъ, болѣе полдюжины филологическихъ и литературныхъ кружковъ, 4 драматическихъ общества любителей и цѣлый рядъ обществъ для музыки и пѣнія; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ пѣли только фламандскія пѣсни, другія собирались только для того, чтобы разыгрывать пьесы Бетховена. Число гентскихъ обществъ неизвѣстно точно, но ихъ навѣрно болѣе сотни. Если столько обществъ существуетъ въ одномъ городѣ, сколько же ихъ должно быть во всей Бельгій.

Во время праздниковъ, въ дни ярмарокъ (керемеса), въ день юбилея каждаго изъ обществъ, по случаю выигрыша приза тѣмъ или другимъ членомъ,—это безчисленное множество обществъ составляютъ различныя процессіи и торжественно проходятъ по улицамъ города. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ маленькомъ городкѣ Сантъ-Николаусъ, молодого писателя, возвратившагося съ состязанія и получившаго премію, торжественно встрѣтило болѣе 30 обществъ. До 300 знаменъ развивалось по улицамъ Сантъ-Николауса: литераторы и блузники, ученые и поденщики, члены обществъ для игры, забавы, музыки, ученыхъ и промышленныхъ предпріятій, однимъ словомъ всѣ общества, которыя существуютъ въ этомъ небольшомъ городкѣ, собрались подъ своими знаменами. Въ торжественной процессіи проходили онѣ другъ за другомъ, точно въ этотъ день въ странѣ совершалось какое-нибудь важное событіе.

Также свободно и по первому желанію могутъ собираться гдѣ угодно общества, кружки и цѣлыя толпы народа и разсуждать, объ чемъ вздумается: объ уменьшеніи задѣльной платы и числа рабочихъ часовъ, объ улучшеніи квартиръ для рабочихъ и т. п. Въслѣдствіе этого бельгійцы съ гордостью указываютъ на 20-ю статью своей конституціи, въ которой сказано: «*les belges ont le droit de s'associer; ce droit ne peut être soumis à aucune mesure préventive*» (бельгійцы имѣютъ право составлять ассоціаціи; это право не можетъ быть ограничено никакими предупредительными мѣрами). Это право—одно изъ самыхъ древнихъ на почвѣ бельгійской: оно удержалось

въ странѣ и во время жестокаго владычества испанцевъ, и во время австрійскаго гнета, и тогда, когда ея судьбою распорядилась Франція. Въ свободѣ ассоціацій, въ возможности дружно служить нерѣдко наиболее полезнымъ и благороднымъ цѣлямъ, лежитъ разгадка тѣхъ быстрыхъ успѣховъ, которые оказала Бельгія въ послѣдніе годы. Изъ четырехъ университетовъ бельгійскихъ два обязаны своимъ существованіемъ праву свободной ассоціаціи. Прежде другихъ имъ воспользовалось духовенство и въ 1834 г. основало католическій университетъ. Тогда партія либераловъ, чтобы противодѣйствовать монополіи духовенства и распространенію клерикальныхъ принциповъ, основала въ Брюсселѣ свой собственный университетъ. Городское общество даетъ суммы на его содержаніе, особый комитетъ назначаетъ предметы преподаванія, выбираетъ профессоровъ, однимъ словомъ государство представляетъ полную инициативу обществу и вовсе не вмѣшивается въ его дѣла. Такого полнаго проявленія права ассоціацій достигла, кромѣ Англии и Америки, только Бельгія.

Страсть къ сходкамъ и обществамъ распространена въ Бельгіи не только между взрослыми и зажиточными людьми, но между молодыми и старыми, между богатыми и бѣдными, между людьми высокопоставленными и простыми гражданами, и даже между дѣтьми.

Когда въ XIV-мъ, XV-мъ и XVI-мъ столѣтіяхъ брюгентцы и гентцы то и дѣло должны были браться за оружіе, мальчики составляли вооруженныя толпы съ знаменами и трубами во главѣ. Въ 1488 г. мальчики города Брюгге, отъ 10-ти до 14-ти лѣтъ, раздѣлились на приверженцевъ и противниковъ Максимилиана и дали другъ другу настоящее сраженіе, причѣмъ было убито пять человѣкъ дѣтей и множество раненыхъ. Теперь мальчики 13-ти и 14-ти лѣтъ составляютъ общества для забавы. Въ Гентѣ особенно замѣчательны общества, или союзы, молодыхъ работниковъ и работницъ. Эта трудящаяся молодежь пришла къ мысли, что общими усиліями она гораздо больше доставитъ себѣ удовольствій, чѣмъ можетъ пользоваться ими каждый изъ нихъ отдѣльно. Молодые рабочіе и составляютъ кружки отъ 10-ти до 20-ти паръ въ каждомъ, т. е. поровну—сколько мужчинъ, столько и женщинъ. Во главѣ каждаго такого кружка находится избранный членами начальникъ, которому всѣ повинуются безпрекословно. Такимъ образомъ эти кружки, или общества, посѣщаютъ танцевальныя залы, вечеринки, пивныя, устраиваютъ прогулки за городъ, присутствуютъ на народныхъ театрахъ и представленіяхъ, устраиваютъ въ складчину обѣды,—и все это имъ обходится гораздо дешевле, да и веселѣе въ большой компаніи. Съ большимъ нетерпѣніемъ ждутъ они ярмарочныхъ празднествъ и еще болѣе трехъ дней масляницы, къ которымъ члены начинаютъ приготовляться за нѣсколько мѣсяцевъ заранѣе. Они терпятъ всякую нужду, лишь бы прикупить лишнюю копѣйку къ этому столь дорогому и желанному времени. Въ дни ярмарокъ и масляницы денегъ понадобится много, — болѣе всего онѣ нужны для костюмовъ, которые обходятся иногда весьма дорого. Но бельгіецъ скорѣе вынесетъ всякія лишенія, а въ дни процессіи непременно одѣнетъ какой-нибудь оригинальный костюмъ. Не обратитъ вниманія публики во время процессіи на свой костюмъ и на ту роль, которую онъ выбралъ для себя,—рѣшительно невозможно для бельгійца! Это причинило бы ему слишкомъ тяжелое страданіе.

Каждый членъ кружка или общества обязанъ вносить извѣстную сумму изъ своего недѣльнаго заработка въ общую кассу. За нѣсколько недѣль до предстоящаго праздника, начальникъ собираетъ всѣхъ членовъ на особое засѣданіе, гдѣ толкуютъ о томъ, какую роль играть въ процессіи и какой приготовить себѣ костюмъ. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, гдѣ рѣчь идетъ все о томъ же предметѣ, дѣло рѣшаютъ съ общаго

согласія. Начальникъ забираетъ въ долгъ матеріалъ, кое-что покупаетъ на чистые деньги, дѣвушки начинаютъ кроить и шить, и такимъ образомъ все готовится къ празднику.

Нерѣдко приходится слышать, что такое-то общество рѣшило себѣ приготовить такой-то нарядъ для предстоящей процессіи, но не приведетъ въ исполненіе своего рѣшенія и совсѣмъ не будетъ участвовать въ процессіи, такъ какъ приготовленные деньги оно употребило на леченіе внезапно заболѣвшихъ членовъ общества или снабдило ихъ деньгами въ постигшемъ ихъ несчастіи. Нѣкоторыя общества имѣютъ свои собственныя блестящія залы, напримѣръ, всѣ игорныя и читальныя общества, изъ которыхъ каждое насчитываетъ по 1,000 членовъ и болѣе; другія имѣютъ драгоценныя собранія книгъ и произведеній искусствъ. Члены общества собираются разъ въ недѣлю или разъ въ мѣсяцъ на засѣданіе, въ которомъ разсуждаютъ о дѣлахъ или на которыхъ выборные даютъ отчетъ членамъ въ расходахъ и приходахъ общественныхъ суммъ. Богато общество или бѣдно, но послѣ засѣданія его члены непременно отправляются въ пивную (*estaminet*), чтобы освѣжиться. Существуетъ очень мало обществъ, которыя бы не имѣли своей пивной. Бельгіецъ не можетъ жить безъ нея: окончивъ дѣло или серьезное совѣщаніе, онъ непременно отправляется съ товарищами въ пивную, гдѣ въ компаніи курить трубку, пьютъ пиво и весело болтаютъ. Особенно веселый фламандецъ, тотъ ужъ рѣшительно не понимаетъ отдыха безъ трубки, пива и непринужденной болтовни среди хорошо знакомаго круга пріятелей. Въ началѣ 60-хъ годовъ, въ Брюсселѣ было 943 заведенія продающихъ пиво, такъ что на 200 жителей приходилась одна пивная.

Но особенно оригинально въ бельгійскихъ «*estaminets*» то, что почти въ каждой изъ нихъ устроены кружки съ благотворительною цѣлью. Власти выдаютъ награды и похвальные отзывы тѣмъ заведеніямъ и пивнымъ, которыя представляютъ большой сборъ. Вслѣдствіе этого происходитъ соревнованіе между пивными и каждая старается заманить къ себѣ общество побогаче, чтобы члены его дѣлали позначительнѣе вклады для бѣдныхъ. Бельгійцы съ гордостью указываютъ на этотъ обычай и такъ какъ они въ торжественныхъ случаяхъ никогда не обходятся безъ рѣчей, то нерѣдко въ своихъ «*estaminets*» передъ вышивкою, оканчивая рѣчь, ораторъ говоритъ: «и такъ, друзья, *выпьемъ честнымъ образомъ* свою пинту пива». Другими словами это означаетъ, мы будемъ пить на свои трудовыя деньги, и при этомъ не будемъ забывать тѣхъ, кому нечего пить.

Съ жизнью обществъ соединено множество состязаній. Нигдѣ не раздаютъ такое количество призовъ, нигдѣ не устроятъ такое множество состязаній, нигдѣ такъ часто не увеличиваютъ побѣдителей, какъ въ Бельгіи. Начиная отъ королевской академіи до самой незначительной деревенской школы, отъ общества литераторовъ и художниковъ до общества разведенія и усовершенствованія канареекъ—вездѣ вопросы о назначеніи призовъ обсуждаются безъ конца.

Нѣкоторыя учрежденія этого рода, какъ напримѣръ, выставка произведеній искусства и промышленности, преміи академіи за лучшія сочиненія, правильные конкурсы разныхъ учебныхъ заведеній и т. п. находятъ покровительство въ самомъ государствѣ; другія поощряютъ общинныя власти, въ большинствѣ же случаевъ призы и преміи—естественное проявленіе жизни обществъ, обычай, который существуетъ уже пять столѣтій и передается изъ поколѣнія въ поколѣніе, хотя со многими измѣненіями.

Мы уже говорили выше, что право составлять общества одно изъ самыхъ древнихъ въ общественной жизни Бельгіи. Различныя общества въ этой странѣ были уже извѣстны въ XIII-мъ и XIV-мъ столѣтіи. Особенно много было обществъ стрѣлковъ: они устраи-

вали состязанія между своими членами или съ такими же обществами въ другихъ городахъ, выдавали призы за ловкость. Члены этихъ обществъ еще болѣе другихъ устраивали процессій, на которыхъ они являлись въ одинаковыхъ костюмахъ, стоявшихъ имъ громадныхъ денегъ. Какъ въ нынѣшнее время, такъ и тогда, награждалась не только ловкость, но и особенная роскошь и оригинальность костюма.

Въ 1394 г. въ Доорникѣ (въ провинціи Геннегау) происходила общая стрѣльба въ цѣль изъ луковъ, въ которой принимали участіе общества тридцати городовъ и восемнадцати мѣстечекъ. Во время этого состязанія призъ получило брюггенское общество. Онъ состоялъ изъ двухъ серебрянныхъ позолоченныхъ кружекъ; 2-ой призъ тоже изъ двухъ кружекъ, но меньше вѣсомъ. Члены брюггенскаго общества стрѣлковъ были одѣты въ платья изъ дороговаго шелка и ихъ шейныя золотыя цѣпи были украшены дорогими каменьями.

Въ 1442 г. состязаніе происходило въ Антверпенѣ; при этомъ герцогъ Іоаннъ сдѣлалъ самый удачный выстрѣлъ. Онъ подарилъ антверпенскому обществу золотого попугая съ тѣмъ, чтобы «короли» стрѣлковъ (т. е. тѣ изъ стрѣлковъ, которые получили призы за ловкость) носили его на золотой цѣпи при торжественной раздачѣ призовъ.

Особенно блестящія процессіи стрѣлковъ происходили въ 1498 г. въ Гентѣ. При этомъ брюггенцы явились съ 5-ю экипажами, съ 216-ю лошадьми и 40 трубачами, съ своимъ послѣднимъ «королемъ» стрѣлковъ, герцогомъ Филиппомъ Красивымъ, и съ магистратомъ во главѣ. Былъ тутъ также и шутъ общества: онъ ѣхалъ на телѣжкѣ, запряженной двумя собаками. Антверпенское общество явилось съ 600-ми лошадями, со 100 экипажами, съ 1,700 человекъ. Каждый экипажъ былъ обитъ краснымъ сукномъ; одежда членовъ состояла изъ красныхъ плащей. Кромѣ того на тѣхъ, которые должны были состязаться, были одѣты коричневые шляпы и бѣлые шарфы. Празднества по этому поводу продолжались отъ 6-ти до 7 недѣль.

Общества стрѣлковъ имѣли громадныя значенія и пользовались прежде большими правами и преимуществами. Онѣ раздѣлялись на четыре разряда: 1) на общество стрѣлковъ изъ самострѣловъ, 2) на стрѣлковъ изъ лука, 3) на стрѣлковъ холоднымъ оружіемъ и 4) стрѣлковъ изъ ружей. Эти общества стрѣлковъ занимали первое мѣсто во фландрскомъ войскѣ. Князья, епископы и аббаты записывались ихъ членами, такъ напримѣръ: императоръ Максимилианъ, Маргарита Іоркская, Фердинандъ австрійскій—братъ Карла V, Филиппъ II и множество другихъ королей, королевъ, графовъ и герцоговъ. Нужно замѣтить, что эти высокопоставленные лица очень часто не только записывались членами стрѣлковыхъ обществъ, но и сами принимали участіе въ состязаніяхъ. Фердинандъ сбилъ птицу, графъ Гаврскій попалъ три раза къ ряду въ птицу и поэтому не только былъ названъ «королемъ», но даже «царемъ» стрѣлковъ.

Эти общества пользовались различными льготами и правами, такъ какъ они должны были быть готовыми къ бою, и часто оказывали большія услуги не только городамъ, но и государямъ. Вслѣдствіе этого ихъ освобождали отъ обычныхъ налоговъ, и имъ сильно покровительствовали государи и высшія лица страны. Одинъ «царь» гентскихъ стрѣлковъ былъ освобожденъ отъ податей на всю свою жизнь. Даже жены «королей» стрѣлковъ пользовались иногда особыми правами и во всякомъ случаѣ были окружены большимъ вниманіемъ и почтеніемъ, чѣмъ другія женщины.

Какъ теперь, такъ и тогда, каждое общество имѣло извѣстныя правила, свои цвѣта и гербы, установленный костюмъ, свой домъ для собраній, свое собственное мѣсто для упражненій; нѣкоторыя даже имѣли свои больницы. Какъ каждое общество стрѣлковъ, такъ и другія общества выбирали непременно своимъ покровителемъ какого нибудь свя-

того, выбивали золотомъ или вышивали шелками его имя или изображеніе на знаменахъ и хоругвяхъ, которыя носили во время процессій и празднествъ. Дни, посвященные памяти святаго, праздновались съ особеннымъ торжествомъ тѣмъ обществомъ, которое выбрало его своимъ покровителемъ. Многія общества имѣли свои собственные часовни и даже церкви, посвященные обыкновенно памяти своего патрона. Этимъ обстоятельствомъ только и можно объяснить существованіе многочисленныхъ часовенъ въ Бельгійи и множество запрестольныхъ образовъ, которыхъ въ нѣкоторыхъ церквахъ бывало до двухъ дюжинъ. Въ Гентѣ ткачи, стрѣлки изъ самострѣловъ, стрѣлки изъ луковъ и др. имѣли свои собственные часовни и маленькія церкви, на которыя они тратили огромныя суммы. Даже у дровосѣковъ были свои собственные часовни съ богатою, серебряною богослужебною утварью, съ серебрянными лампадами и другими драгоценностями. Въ назначенный для процессіи день и въ извѣстномъ мѣстѣ, всѣ члены должны были явиться въ костюмѣ, заранѣе опредѣленномъ, съ знаменами, со свѣчами, иногда съ факелами и почетными знаками своей корпораціи. Неявившагося строго наказывали, и только серьезная болѣзнь могла извинить его отсутствіе.

Въ одной процессіи въ началѣ XVI столѣтія въ Антверпенѣ принимали участіе всѣ общества съ своими знаменами; ихъ окружала цѣлая армія факельщиковъ съ испанскими свѣчами. Трубачи съ серебрянными трубами, флейтчики и барабанщики шли во главѣ. За ними слѣдовали различныя общества, отчасти верхами, отчасти пѣшкомъ, за которыми длинными рядами тянулись монахи, потомъ горожане, общество вдовъ, одѣтыхъ съ головы до ногъ въ бѣлое, а за ними духовенство въ блестящемъ облаченіи; впереди ихъ 20 человекъ несли богато украшенную статую Дѣвы Маріи. Наконецъ слѣдовали громадныя колесницы и корабли съ различными изображеніями изъ библіи. Множество людей несли на своихъ рукахъ корабли, нерѣдко почти въ настоящую величину, на которыхъ сидѣло множество лицъ въ разныхъ позахъ. Носильщиковъ, разумѣется, не было видно и, казалось, корабль двигался по морю. Обязанности большинства носильщиковъ были обыкновенно очень утомительны, и потому подлѣ нихъ несли кружки съ виномъ, чтобы они могли отъ времени до времени подкрѣпиться. Сзади процессіи шелъ драконъ, котораго св. Маргарита вела на великолѣпной уздѣ, за нимъ слѣдовалъ св. Георгій со множествомъ рыцарей.

Объ одной процессіи въ Брюсселѣ, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, одинъ путешественникъ рассказываетъ изумительныя вещи. Дома и зданія улицъ, по которымъ шло шествіе, были заново выбѣлены, разрисованы, лакированы, позолочены и вычищены. Въ этой процессіи было множество колесницъ съ различными представленіями и живыми картинами, запряженныя восемью или двѣнадцатью лошадьми. Шло и ѣхало множество рыцарей, историческихъ и сказочныхъ личностей, въ превосходныхъ костюмахъ. Всѣ общества при этомъ старались превзойти другъ друга въ роскоши. Эта процессія привлекла массы народа на 30 часовъ ѣзды въ окрестности.

Въ настоящее время тоже происходятъ такія же торжественныя процессіи стрѣлковъ, особенно въ дни ярмарочныхъ праздниковъ и на страстной недѣлѣ; но къ нимъ, т. е. къ этимъ обществамъ стрѣлковъ, уже не относятся теперь съ такимъ живымъ участіемъ. Власти теперь не вмѣшиваются въ ихъ дѣла и современныя общества стрѣлковъ не имѣютъ болѣе такого общественнаго значенія и не пользуются никакими преимуществами. Это скорѣе союзы для упражненія въ стрѣльбѣ и для другихъ увеселеній. Даже старыя названія не вездѣ сохранились. Въ Остендѣ одно общество стрѣлковъ называется «Вильгельмъ Тель», въ Брюсселѣ «Добрая Надежда». Праздники и процессіи стрѣлковъ нынче происходятъ съ меньшимъ блескомъ, и къ тому же черезъ болѣе долгіе промежутки времени. Тѣмъ не менѣе и въ настоящее время существуетъ множество

общество стрѣлковъ изъ самострѣловъ, изъ которыхъ многіе имѣютъ болѣе 200 членовъ, и не только регулярно упражняются въ стрѣльбѣ между собою, но отъ времени до времени устраиваютъ и общія состязанія. Впрочемъ при особенныхъ торжествахъ, по случаю какого нибудь политическаго событія, важнаго для страны, — эти стрѣлковыя общества устраиваютъ процессіи съ роскошью и пышностью прежняго времени. Въ послѣднее время лица высшихъ классовъ страны опять стали записываться членами стрѣлковыхъ обществъ. Герцогъ Брабантскій и графъ Фландрскій сдѣлались почетными председателями нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ 1856 году, общество «Добрая Надежда», во главѣ котораго находился сынъ брюссельскаго бургомистра, получило отъ своего почетнаго председателя, герцога Брабантскаго, блестящее знамя съ гербами герцога и герцогини. При богослуженіяхъ, имѣющихъ государственное значеніе, какъ напримѣръ: при молебнахъ въ дни рожденія короля, постоянно присутствуютъ представители стрѣлковыхъ обществъ съ своими знаменами.

Самыя многочисленныя въ настоящее время общества во Фландріи—*болдерсовъ*, или игроковъ въ дискъ. На одномъ концѣ ровнаго пространства поставлена поперекъ толстая доска съ 10-ю надрѣзами. Каждый надрѣзъ снабженъ номеромъ и, смотря по тому, чрезъ какое отверстие и съ какимъ номеромъ проскакиваетъ дискъ, и считается выигрышъ. *Болдерсовы* устраиваютъ состязанія, и игра въ дискъ чрезвычайно любима въ западной Фландріи. Въ восточной Фландріи, впрочемъ только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, предпочитаютъ игру въ *кегли*. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одно общество для поощренія игры въ кегли торжественно праздновало въ Гентѣ юбилей своего «короля». При этомъ юбиляру поднесли золотую табакерку; послѣ обѣда состязались въ кегли на дорогіе призы; вечеромъ устроили фейерверкъ и т. п. Женщины точно также принимаютъ участіе въ увеселеніяхъ, устраиваемыхъ обществами, и въ состязаніяхъ, на которыхъ выигрываютъ призы.

Вѣнцомъ ежегодныхъ увеселеній и празднествъ служитъ балъ, который бываетъ въ Остендѣ каждый годъ и называется *флинсъ-балъ*, потому что каждый получаетъ на счетъ общества стаканъ теплаго напитка, называющагося *флинсъ* и состоящаго изъ пива, рома, сахара и яицъ. Изъ другихъ обществъ для игры, устраивающихъ состязанія, можно назвать: общество поощренія игры на билліардѣ, въ шахматы, шашки и даже въ кости, которыя отъ времени до времени приглашаютъ другъ друга на состязаніе.

Весной въ 1859 году въ Оденардѣ происходило даже состязаніе въ подражаніе *птущьему крику* и *куриному клохтанью*. Первый призъ состоялъ изъ серебряной медали и живаго пѣтуха. На слѣдующій день побѣдителя торжественно почтили серенадой *кукуреку*. Въ этомъ заключался своего рода юморъ, такъ какъ жители этого стараго города съ давнихъ временъ носятъ прозвища «de kiekens van Audenarde».

Самую замѣчательную и поэтическую картину представляютъ состязанія обществъ поощренія садоводства и цвѣтоводства, или цвѣточные выставки, которыя ежегодно бываютъ во всѣхъ большихъ городахъ, а особенно въ Гентѣ и Брюсселѣ. На этихъ выставкахъ дѣйствительно можно видѣть самыя лучшія и прекрасныя цвѣты, самыя дорогія и нѣжныя растенія. Гентъ въ этомъ отношеніи считается первымъ городомъ, любимымъ отечествомъ самыхъ изысканныхъ и рѣдкихъ цвѣтовъ и растеній. Его цвѣты отправляютъ во всѣ части свѣта. Одинъ изъ 10 огромныхъ садовъ Гента занимаетъ площадь болѣе, чѣмъ въ 40 моргеновъ, на которой ежегодно разводятъ около 75,000 розовыхъ кустовъ, что даетъ занятіе 80 садовникамъ и множеству рабочихъ рукъ. Въ нѣкоторыхъ садахъ Гента, во всякое время года, можно найти свѣжія камеліи, альпійскія розы и азалии всевозможныхъ родовъ. Въ разведеніи тепличныхъ растеній никто

не может сравниться съ садоводами Гента. Тутъ существуетъ множество обществъ садоводства, которыя занимаютъ цвѣтами цѣлыя поля. Можно себѣ представить, какой видъ имѣетъ цвѣточная выставка въ Гентѣ! Зрители приходятъ тысячами полюбоваться и посмотреть новыя экземпляры. Нѣкоторыя общества садоводства тратятъ по 100,000 франковъ для пріобрѣтенія новыхъ растений. Когда на выставкѣ появляется какое нибудь новое, замѣчательно роскошное растеніе, то такое событіе способно взволновать весь городъ. Всѣ по нѣскольку разъ прибѣгаютъ на выставку взглянуть на чудный цвѣтокъ и затѣмъ долго въ своихъ домахъ разсуждаютъ объ немъ. Нерѣдко въ такихъ случаяхъ послѣ выставки можно видѣть слѣдующее: нанимаютъ большую парадную коляску, ставятъ въ нее пьедесталь, покрытый какой нибудь шелковой матеріей, а на него цвѣтокъ въ разукрашенной вазѣ, и въ сопровожденіи безчисленной толпы народа и съ музыкой торжественно провозятъ по всѣмъ улицамъ города.

Болѣе прозаичны, но имѣютъ еще болѣе значенія — выставки скота. Онѣ даютъ поводъ къ соревнованію хозяевъ и различныхъ обществъ и такимъ образомъ имѣютъ хорошее вліяніе на сельское хозяйство Бельгіи. За самый жирный и тяжелый убойный скотъ въ различныхъ провинціяхъ правительство каждый годъ выдаетъ призы, отъ 50 до 800 франковъ за каждую голову скота. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ раздачи награды, головы телятъ, свиней, великолѣпныхъ барановъ и быковъ уже побѣдоносно выставлены въ окнахъ самыхъ извѣстныхъ мясниковъ города. Прежде чѣмъ поставить за стекла своихъ магазиновъ головы побѣдителей, мясники выстригаютъ имъ шерсть и украшаютъ ихъ цвѣтами, лавровыми вѣнками и пестрыми флагами, съ медалями или съ похвальными отзывами во рту въ честь ихъ воспитателей. Существуютъ любители и гострономы, которые тотчасъ являются въ магазины, въ окнахъ которыхъ выставлены увѣнчанныя головы, и покупаютъ, за необыкновенно возвышенную плату, мясо этихъ животныхъ. Купившій такое мясо съзываетъ своихъ пріятелей на обѣдъ, при этомъ много пьютъ и еще больше говорятъ рѣчей. Нечего и говорить о томъ, что мясники въ это время чрезвычайно наживаются, часто продавая мясо животныхъ не получившихъ никакой награды.

Съ особенною любовью разводятъ также голубей. Антверпенъ — главное средоточіе любителей этихъ птицъ, имѣющихъ громадную опытность въ улучшеніи ихъ породы. Впрочемъ, не только антверпенцы, но вообще всѣ бельгійцы съ такою страстью занимаются разведеніемъ голубей и ихъ воспитаніемъ, что въ одной пьесѣ на фламандскомъ языкѣ главную роль играетъ любитель голубей. Нечего и прибавлять, что существуетъ много обществъ поощренія разведенія этихъ птицъ, происходятъ выставки, раздаются призы.

Съ такою же любовью разводятъ канареекъ въ Антверпенѣ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Бельгіи. На всеобщей выставкѣ въ Гентѣ въ 1858 году было назначено 32 приза: нѣсколько призовъ для пестрыхъ самцовъ, нѣсколько — для пестрыхъ самокъ, для желтыхъ самцовъ и желтыхъ самокъ. Изъ нихъ 12 призовъ получили канарейки, выставленныя гентскимъ обществомъ, 9 — брюссельскимъ и т. д. «Я видѣлъ», говоритъ одинъ писатель, «этихъ побѣдоносныхъ птичекъ; но, не будучи посвященъ въ таинство разведенія птицъ, я не могъ понять, за что именно онѣ получили призъ. На другихъ выставкахъ со мной случалось тоже самое. Одинъ изъ экспонентовъ замѣтилъ, что я съ недоумѣніемъ смотрю на его увѣнчанную канарейку; онъ снялъ клѣтку съ подставки, поставилъ ее на самый яркій свѣтъ и потомъ началъ выводить правою рукою какія то линіи и круги въ воздухѣ, прищелкивалъ языкомъ и зубами и производилъ какой-то свистящій звукъ. Когда птица, по его мнѣнію, находилась въ самомъ

выгодномъ положеніи, онъ посмотрѣлъ на меня молча, но взглядъ его ясно говорилъ: «развѣ эта птица не стоитъ всѣхъ призовъ?»

Раздача призовъ. — Съ какии искреннии восторгомъ и торжествомъ чувствуютъ побѣдителя. — Рѣчи и аплодисменты. — Торжественныя встрѣчи королей прежде и теперь. — Юбилейныя торжества новѣйшаго времени.

Всѣ выставки и раздачи призовъ сопровождаются различными торжествами. Залы украшаютъ національными и городскими флагами, выставляютъ изображеніе короля и его семейства. Но болѣе всего при этомъ говорятъ рѣчей, высказывая въ нихъ патріотическія чувства. Ни одно празднество не обходится въ Бельгии безъ рѣчей и ни одна рѣчь безъ выраженія патріотическихъ чувствъ. И такъ какъ каждый разъ выраженія этихъ чувствъ встрѣчаются громомъ аплодисментовъ, то можно себѣ представить, сколько говорятъ рѣчей и сколько аплодируютъ въ этой странѣ. Право, можно повѣрить тому, что аплодисменты—бельгійское изобрѣтеніе. По крайней мѣрѣ такъ утверждаютъ бельгійскіе историки, говоря, что уже войско крестоносцевъ, подъ предводительствомъ Балдуина въ 1204 году, начало аплодировать, когда замѣтило, что на Константинопольскихъ стѣнахъ воздвигнутъ фландрскій левъ. Наиболѣе удачныя рѣчи, произнесенныя на томъ или другомъ празднествѣ, и имена ораторовъ тотчасъ дѣлаются извѣстными публикѣ. Всѣ бельгійскія газеты охотно печатаютъ ихъ, такъ какъ это нравится публикѣ, хотя бельгійскіе ораторы произносятъ свои рѣчи всегда на одинъ ладъ, перемѣняя въ нихъ одно напыщенное выраженіе на другое. Все равно, имъ бываютъ особенно рады во время политическаго затишья, когда газеты не знаютъ, чѣмъ наполнять свои столбцы, и не въ мѣру расширяютъ отдѣлъ приключеній и мѣстныхъ городскихъ новостей.

Когда имена побѣдителей, т. е. людей получившихъ призы на состязаніяхъ, конкурсахъ или выставкахъ, объявлены, ихъ друзья и знакомые говорятъ объ нихъ съ гордостью и торопятся выразить имъ свое искреннее сочувствіе. Каждому побѣдителю непременно устраиваютъ пиръ, задаютъ серенаду, дѣлаютъ его почетнымъ членомъ какого нибудь общества, къ которому онъ еще не принадлежалъ, заказываютъ даже медали, на которыхъ выбиваютъ число и годъ или начальныя буквы имени побѣдителя, стараются выдумать какія нибудь новыя признаки вниманія и каждый разъ говорятъ при этомъ рѣчи, рѣчи безъ конца. Если герой торжества богатъ или щедръ, онъ съ своей стороны старается отблагодарить людей, оказавшихъ ему лестное вниманіе: устраиваетъ пиръ, созываетъ друзей, опять говорятъ рѣчи, сопровождаемыя громомъ рукоплесканій. Иногда нѣтъ конца обоюднымъ выраженіямъ признательности, благодарности, удивленія таланту и способностямъ, всевозможнымъ пожеланіямъ. Фламандецъ высоко цѣнитъ остроуміе и веселость, и если побѣдитель съумѣетъ отвѣтить живою, бойкою и веселою рѣчью, изъясненіямъ чувствъ нѣтъ конца.

Вы иногда случайно вѣзжаете въ какой нибудь маленькій бельгійскій городокъ. Дома улицы, по которой вы должны проѣзжать, сплошь украшены флагами, коврами, вѣнками. Тамъ и здѣсь устроены триумфальныя арки, и вы навѣрно подумаете, что въ этотъ день сюда ждуть короля или кого нибудь изъ членовъ его семейства. Между тѣмъ все это устроено въ честь мальчика, получившаго призъ за лучшую школьную работу. Черезъ дня два-три въ этомъ городѣ будетъ украшена другая улица, а можетъ быть и рынокъ, такъ какъ на дняхъ долженъ произойти конкурсъ учениковъ Атенея и торжество будетъ происходить тамъ, гдѣ живетъ ученикъ, оставшійся побѣдителемъ. Нерѣдко улица украшена арками и дома убраны флагами и цвѣтами только

потому, что въ ней живетъ мясникъ, купившій быка, получившаго призъ на выставкѣ. И такъ, чтобы привести въ волненіе всю улицу, разукрасить ее триумфальными арками, дома зеленью и флагами, устроить вечеромъ иллюминацію, — здѣсь не нужно быть ни значительнымъ сановнымъ лицомъ, ни геніемъ, ни знаменитостью. Виновникомъ всевозможныхъ торжествъ здѣсь можетъ быть всякій, хотя нѣсколько отличившійся на какомъ нибудь поприщѣ дѣятельности, или просто даже въ игрѣ: ребенокъ бѣдно одѣтый, литераторъ, художникъ, мясникъ, стрѣлокъ, однимъ словомъ всякій, получившій призъ. Всѣ эти торжества бельгійцы устраиваютъ чрезвычайно быстро. Только что сдѣлалось извѣстнымъ, что ученикъ, который живетъ въ такой-то улицѣ, получилъ награду, и черезъ полчаса, когда онъ будетъ возвращаться домой, улица будетъ имѣть праздничный видъ. Это происходитъ потому, что каждый домъ имѣетъ извѣстныя украшенія, каждая улица свои триумфальныя арки, флаги, вѣнки, вензеля, ленты, все это уже давно существуетъ, легко можетъ быть возобновлено, и потому часто вполне достаточно часа времени, чтобы украсить весь городъ. Молодой поэтъ Билле получилъ первый призъ, состоящій изъ позолоченной медали и 200 франковъ деньгами за весьма посредственное стихогвореніе «Несравненный бельгіецъ». Когда этотъ поэтъ послѣ торжественной раздачи наградъ возвращался назадъ, — жители маленькаго города, въ которомъ онъ родился, устроили ему торжественную встрѣчу. Въ процессіи принимало участіе болѣе 30 обществъ съ распущенными флагами, около 40 экипажей выѣхали ему на встрѣчу. Люди, принявшіе участіе въ этомъ торжествѣ, были не только его друзья и знакомые; напротивъ: тутъ на лицо были многія власти города, національной гвардіи и гарнизона; дома улицъ, по которымъ должна была пройти эта процессія съ почетомъ во главѣ, были по обыкновенію украшены. Затѣмъ его торжественно повезли въ одно «большое литературное общество», гдѣ онъ снова долженъ быть прочесть свое стихотвореніе; послѣ этого его опять также торжественно проводили до самаго жилища. Вечеромъ его повезли въ залу, въ которой уже собрались всѣ общества и представители власти поднесли ему золотое перо.

Надо сознаться, что такое живое участіе и проявленіе радости, несмотря на преувеличеніе, чрезвычайно симпатично. Эти торжества, эту безумную радость, которую проявляетъ общество, когда одинъ изъ его членовъ хотя чѣмъ нибудь отличился, нельзя конечно исключительно приписать глубокому сочувствію бельгійскаго народа къ наукамъ, поэзіи, искусствамъ и промышленности; въ нихъ болѣе всего выражается страсть народа къ зрѣлищамъ, веселью, пирамъ, къ дружнымъ сходкамъ. Эта страсть къ зрѣлищамъ и ко всевозможнымъ процессіямъ имѣетъ свои преданія и проходитъ по всей исторіи Бельгіи.

Тѣ, кому удалось видѣть въ Бельгіи церковныя процессіи, приписываютъ ихъ религіозному рвенію бельгійцевъ; кто былъ свидѣтелемъ, съ какимъ торжествомъ встрѣчаютъ бельгійцы своего короля, какъ безъ сожалѣнія бросаютъ они цѣлыя милліоны на юбилейныя торжества, процессіи и праздники при брасокочетаніи кого нибудь изъ королевскаго семейства, — приписываетъ ихъ глубокой преданности престолу. Бельгійцы, правда, народъ религіонный и глубоко преданный своему королю Леопольду, но мы бы сдѣлали грубую ошибку, если бы объяснили эти торжественныя процессіи и трату милліоновъ исключительно религіозностью бельгійцевъ и ихъ вѣрнопоподданническими чувствами, такъ какъ въ этомъ прежде всего видна природная склонность народа къ блестящимъ зрѣлищамъ. Бельгійцы всегда торжественно встрѣчали своихъ государей. Ихъ «*joyeuses entrées*» извѣстны всѣму свѣту и они устраивали ихъ не только королямъ, которыхъ они любили, но и тѣмъ, которыхъ ненавидѣли. При этомъ, какъ прежде, такъ и теперь, на эти торжественныя вѣзды тратились безумныя деньги, и

дамы и мужчины старались перещеголять своими роскошными нарядами. Прекрасныя гражданки Брюгге явились однажды въ такомъ блескѣ, при вѣздѣ королевы Іоанны, что она съ досадою воскликнула: «я думала, что буду здѣсь одна королевой, но тутъ всѣ королевы, кого я вижу». Въ самыя тяжелыя времена фламандцы никогда не могли поборотъ свою страсть къ зрѣлищамъ. Хотя они скоро и рѣшительно брались за оружіе для защиты родины, но еще охотнѣе вмѣсто военнаго знамени поднимали гербовый щитъ праздниковъ.

Филиппъ Добрый въ 1453 году обошелся очень строго съ возмутившимися, но уже усмирёнными гентцами: двѣ тысячи самыхъ знатныхъ гражданъ за полмили должны были выйти къ нему на встрѣчу, босикомъ, съ непокрытыми головами и на колѣняхъ умолять его о прощеніи. Знамена должны были быть выданы, ворота, черезъ которыя вышли возмутившіеся, были забиты навсегда и гентцы потеряли многія права; но, не смотря на все это, тому же Филиппу былъ устроенъ блестящій пріемъ. Передъ воротами его встрѣтили старшины цеховъ съ зажженными факелами, и при приближеніи королевскаго поѣзда стали на колѣни. Всѣ улицы, по которымъ королю пришлось проѣзжать, были обвѣшаны сукномъ цвѣтовъ герцога: чернымъ, сѣрымъ и краснымъ и уставлены 760 зажженными свѣчами.

Точно также отнеслись къ нему брюггенцы: они помирились съ своимъ герцогомъ и выказали при этомъ самыя рабскія чувства. Они молили герцога, въ знакъ полного прощенія, посѣтить ихъ городъ. Герцогъ согласился и его вѣздъ былъ отпразднованъ рядомъ замѣчательно блестящихъ торжествъ и процессій. На перекресткахъ всѣхъ улицъ были устроены триумфальныя арки и другія украшенія; во многихъ мѣстахъ стояли группы трубачей и музыкантовъ съ арфами, люгнями, флейтами, свирѣлями, тамбуринами, — которые старались изо всѣхъ силъ выказать свое искусство и получить призы, назначенные городомъ. Послѣ окончанія молебна, надъ входными воротами заиграла музыка, состоящая изъ 80 серебрянныхъ трубъ и тромбоновъ.

На этотъ разъ было то, чего до сихъ поръ не было во Фландріи, — живыя картины съ объяснительными надписями, которыя были устроены на подмосткахъ на всѣхъ углахъ улицъ. Нѣкоторыя изъ картинъ отличались своею необыкновенною наивностью, такъ на примѣръ былъ представленъ Іовъ, сидящій на навозной кучѣ; съ одной стороны его стояли музыканты, съ другой его сварливая жена. Брюггенцы хотѣли этимъ выразить, что они находятся въ самомъ затруднительномъ положеніи и надѣются только на своего повелителя. Въ другомъ мѣстѣ видна была Марія Магдалина, упавшая къ ногамъ Спасителя. При этой картинѣ была надпись, въ которой заключался намекъ на провинившихся, но покаявшихся брюггенцевъ. Далѣе былъ видѣнъ Іоаннъ Креститель въ пустынѣ. Вездѣ видно было стараніе все устроить какъ можно разнообразнѣе: здѣсь стоитъ Давидъ съ арфой, тамъ Есфирь и т. п. Въ бассейнѣ на рыночной площади плавали наяды и морскія божества. Надъ фонтаномъ бассейна были устроены подмостки, на которыхъ сидѣли мальчики и пѣли хоромъ. На канатѣ, протянутомъ между двумя башенками, акробаты продѣлывали разные фокусы. Особенно было замѣчательно при этомъ изобиліе, съ которымъ въ продолженіи дня и ночи поили всѣхъ жаждающихъ. Передъ одной гостинницей былъ устроенъ фонтанъ, изъ котораго билъ настоящий рейнвейнъ. Въ другомъ мѣстѣ сидѣлъ маленькій арабъ съ бутылкой, изъ которой текло прекрасное вино, дальше можно было отвѣдать вина изъ палицы дикаго человѣка. Вечеромъ городъ былъ великолѣпно иллюминированъ: на шпицахъ самыхъ высокихъ башенъ были придѣланы большіе фонари со свѣчами, которые горѣли всю ночь и видны были на далекомъ разстояніи.

Герцогъ съ своей свитой и со всѣмъ придворнымъ штатомъ сдѣлалъ прогулку

верхомъ, по всѣмъ улицамъ, при чемъ жители проявляли все новые знаки своего восторга. Представленіямъ, танцамъ, музыкѣ, аплодисментамъ—не было конца. Въ слѣдующіе дни герцогъ устроилъ на площади нѣсколько турнировъ.

Еще болѣе блестящія торжества устраивали бельгійцы во время правленія Карла Смѣлаго, при Маріи и Максимилианѣ, а также и во время короткаго, но блестящаго правленія Филиппа Красиваго.

Но болѣе всего торжественныхъ процессій, представлений, состязаній, праздниковъ и всевозможныхъ зрѣлищъ было во время царствованія Карла V. Несмотря на его жестокость, онъ былъ самымъ популярнымъ государемъ Нидерландъ. Это болѣе всего можно объяснить себѣ тѣмъ, что онъ, почти послѣ двухъ столѣтій, былъ первымъ изъ графовъ, который свободно и охотно говорилъ на языкѣ своего народа, не чувствовалъ антипатіи къ зрѣлищамъ и нисколько не стѣснялъ бельгійцевъ устраивать ихъ. Напротивъ, чувствуя, что любовь къ зрѣлищамъ величайшая страсть народа, онъ выказывалъ къ нимъ большое расположеніе. Онъ требовалъ только, чтобы народъ оставилъ свои мечты о свободѣ и аккуратно доставлялъ ему денежныя средства. И болѣе всего потому, что Карлъ V хорошо понималъ «свои упрямые фламандскія головы», какъ онъ называлъ бельгійцевъ, онъ пользовался и большимъ расположеніемъ народа, и твердо держалъ власть въ своихъ рукахъ. Когда его чрезмѣрные налоги выводили народъ изъ терпѣнія, Карлъ скоро подавлялъ всякое возмущеніе и по прежнему оставался въ странѣ могучимъ властителемъ.

Вся жизнь Карла V, отъ колыбели до отреченія отъ престола, давала постоянно поводъ ко всевозможнымъ торжествамъ. Рожденіе Карла, объявленіе его совершеннолѣтія и торжественное принятіе присяги, его избраніе, коронованіе императорскою короною, его бракосочетаніе, рожденіе сына, его вѣзды и побѣды, заключеніе мира и возвращеніе, — рѣшительно все давало поводъ къ безконечнымъ празднествамъ. Но всего этого казалось еще мало бельгійцамъ, и они кромѣ ежегодныхъ мѣстныхъ праздниковъ, которыхъ всегда у нихъ было множество, устраивали большіе съѣзды стрѣлковыхъ обществъ для стрѣльбы въ цѣль и для другихъ состязаній, которыя вызывали собою новыя безконечныя торжества.

Однако, не смотря на любовь къ Карлу V, какъ мы уже упоминали, гентцы были возмущены постояннымъ увеличеніемъ податей для непрерывныхъ войнъ. Произошло возстаніе, но Карлъ скоро усмирилъ непослушныхъ. Гентцы должны были просить у него прощеніе на колѣняхъ, босикомъ и *съ веревками на шеѣ*. Вслѣдствіе этого они получили прозвище «веревочниковъ».

Почти всѣ фландрскіе города съ давнихъ временъ имѣютъ различныя прозвища: «лакомки масломъ Диксмюде», «сони Вѣрна», «Ньюпортскіе обжоры трески», «лгуны Арденбурга», «обжоры кроликами Дюнкирхена», «Тораутскіе хвастуны»,—гентцы же назывались «гентскими господами»... И вдругъ эти «господа» сдѣлались теперь «веревочниками».

Карлъ ограничилъ также нѣкоторыя права народа, главныхъ зачинщиковъ возмущенія казнилъ, а другихъ изгналъ изъ страны. Даже большой колоколъ Бельфрида, Роландъ, который такъ часто сзывалъ бельгійцевъ къ возстанію, на этотъ разъ былъ также осужденъ: его сняли, и онъ былъ объявленъ конфискованнымъ. Но раздоръ продолжался недолго: Карлъ находилъ болѣе выгоднымъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ своими подданными. Въ 1544 году старый Роландъ былъ помилованъ, торжественно повѣшенъ на башнѣ, и когда осенью того же года былъ заключенъ миръ между императоромъ и королемъ французовъ, вся Бельгія праздновала устраненіе французскихъ притязаній на Фландрію и Артуа.

Карлъ V заблаговременно приказалъ нидерландцамъ присягнутьъ своему сыну Филиппу II. Это событіе повлекло за собою рядъ празднествъ и торжествъ. Но молчаливый и сдержанный молодой человекъ мало находилъ для себя удовольствія въ выраженіи радости своихъ будущихъ подданныхъ. Несмотря на предостереженія и совѣты своего отца, Филиппъ держалъ себя сурово и угрюмо во время всѣхъ процессій, устраиваемыхъ въ честь его. Но брюссельцы придумали однако средство, которое поколебало даже суровость Филиппа. На одномъ изъ многочисленныхъ экипажей праздничнаго поѣзда находился органъ, трубы котораго были замѣнены ящиками, гдѣ сидѣли кошки и при томъ такимъ образомъ, что ихъ хвосты были соединены съ клавишами органа. Когда музыкантъ, наряженный медвѣдемъ, ударялъ по клавишамъ, раздавалась настоящая кошачья музыка, подъ которую плясала цѣлая толпа маленькихъ ребятъ, переряженная обезьянами, собаками и медвѣжатами.

Во время волненій и войнъ при Филиппѣ II, обычные празднества часто приостанавливались. Многія общества были запрещены, другія ограничены или находились подъ строгимъ надзоромъ. Но врожденная склонность народа проснулась снова, когда король рѣшился отрѣчься отъ Нидерландъ въ пользу своей дочери Изабеллы. Несмотря на долготѣннѣ застой промысловъ, на безконечныя бѣдствія и притѣсненія, которыя пришлось вынести странѣ во время правленія Филиппа II, въ процессіяхъ и торжествахъ, которыми встрѣтили въѣздъ Изабеллы съ ея супругомъ, бельгійцы вездѣ проявляли замѣчательную роскошь. Между послѣдующими правителями Нидерландъ, императоръ Іосифъ II не покровительствовалъ бельгійскимъ торжествамъ. Онъ особенно не любилъ, когда празднества устраивались лично для него. Когда въ 1781 году онъ посѣтилъ Бельгію, чтобы познакомиться съ положеніемъ страны, онъ старался дѣлать все, чтобы не обращать на себя вниманія: выходилъ изъ дворца черезъ заднія двери и старался быть не узнаваемъ. Во время его правленія сокращали расходы для празднествъ и въ виду этого отиѣнили фейерверки. Многіе объясняютъ, что преобразования и нововведенія Іосифа встрѣтили въ Нидерландахъ такое сопротивление прежде всего потому, что онъ стѣснялъ проявленія веселаго темперамента народа, его страсть къ зрѣлищамъ. Доказательствомъ этому служить то, что даже упраздненіе монастырей при этомъ государѣ не произвело такого впечатлѣнія, какого можно было ожидать, какъ запрещеніе и ограниченіе нѣкоторыхъ ярмарочныхъ празднествъ, процессій и зрѣлищъ, что послѣдовало въ 1786 году. Когда костюмы и знамены гильдій подвергались опалѣ, когда во время процессій была запрещена музыка и сказочныя представленія, когда бельгійцы не смѣли болѣе возить по улицамъ во время процессій своихъ любимыхъ великановъ, тогда недовольство сдѣдалось общимъ. Послѣ этого скоро созрѣла и брабантская революція.

Когда во время правленія французовъ Наполеонъ посѣтилъ Брюссель, его встрѣтили блестящими праздниками, которые продолжались нѣсколько дней, и затѣмъ они устраивались безпрепятственно при Леопольдѣ I *) и при настоящемъ ихъ королѣ Леопольдѣ II.

Король Леопольдъ I отлично понималъ своихъ бельгійцевъ, ихъ достоинства и недостатки, никогда не вмѣшивался въ ихъ общественную жизнь, не ограничивалъ ихъ празднествъ. Онъ покойно дозволилъ растратить милліоны на различныя торжества въ честь вступленія своего на престолъ и не уставалъ раскланиваться на обѣ стороны, благодарить и по 30 разъ въ день выслушивать *брабансону* («la brabançonne»), національную пѣснь бельгійцевъ. Сначала онъ принялъ всѣ оваціи и торжества, дѣлае-

*) Леопольдъ I былъ первый бельгійскій король, вступившій на престолъ въ 1831 году, — отецъ нынѣшняго короля Леопольда II-го, вступившаго на престолъ въ 1865 году.

мыя въ честь его Брюсселемъ, затѣмъ отправился для того же въ Брюгге, въ Намюръ, въ Динантъ, въ Антверпенъ, въ Гентъ и въ очень многіе другіе города и мѣстности и вездѣ, съ благодарностью и терпѣніемъ, выслушивалъ безконечныя рѣчи и столь любимую народомъ «брабансону», смотрѣлъ на сотни зрѣлищъ и въ концѣ концовъ, въ приказѣ, изданномъ правительствомъ, выразилъ свое сожалѣніе, что не могъ посѣтить каждый городъ, каждую деревню.

Нынѣшній король бельгійцевъ Леопольдъ II-й съ успѣхомъ подражаетъ своему отцу. Когда въ 1853 г. праздновали его бракосочетаніе, а въ 1856 г. 25-ти лѣтнее царствованіе его отца, бельгійцы не могли нахвалиться его добродушіемъ и простотою. Онъ не измѣнился и сдѣлавшись королемъ.

Въ настоящее время съ особеннымъ торжествомъ бельгійцы встрѣчаютъ юбилейныя празднества. Вотъ какъ они праздновали въ 1856 г. юбилей своего короля Леопольда I-го.

Въ процессіи приняла участіе вся страна. Каждая провинція выслала громадный экипажъ, пѣшій или верховой отрядъ, которые должны были олицетворить какое нибудь событіе изъ ея исторіи или изъ ея своеобразной жизни; были здѣсь также экипажи, изображавшіе отдѣльные города. Знамена, гербовые щиты, національные цвѣта, древнія изреченія, оружіе, надписи, — однимъ словомъ описаніе всего того, что даже только украшало процессію, потребовало бы цѣлой книги, но мы расскажемъ о ней въ главныхъ чертахъ.

Экипажъ Лимбурга олицетворялъ времена франковъ. Впереди ѣхали воины въ древнихъ одеждахъ и латахъ, сзади шли переселенцы, и каждый изъ нихъ велъ краснобурого громаднаго быка.

Люксембургъ выслалъ блестящій охотничій экипажъ, передняя часть котораго оканчивалась исполинской оленьей головой, по бокамъ были придѣланы изображенія, напоминавшія разные факты изъ исторіи страны. Верхняя часть этого экипажа представляла часовню на скалѣ, кругомъ которой торчали различныя головы дикихъ животныхъ. Лошади, везшія экипажъ, были великолѣпно украшены и покрыты гербами Люксембурга. Впереди шла свора многочисленныхъ охотничьихъ собакъ; сзади ѣхалъ Готфридъ Бульонскій съ своими рыцарями и съ своею свитою, — всѣ въ костюмахъ первыхъ крестоносцевъ. Еще болѣе сильное впечатлѣніе производилъ громадный экипажъ восточной Фландріи, олицетворявшій процвѣтаніе городской жизни этой страны. Четыре статуи на углахъ экипажа олицетворяли представителей цеховъ и стрѣлковыхъ обществъ. Посреди поднималась могучая фигура Іакова Ванъ-Артевельде, съ знаменемъ Фландріи въ рукѣ, который возвелъ Гентъ и всю Фландрію на высшую ступень свободы и благосостоянія. Впереди верхомъ ѣхали трубачи. Самые извѣстные и заслуженные люди страны сопровождали экипажъ въ костюмахъ того времени.

Брюггенскій поѣздъ изображалъ времена Филиппа Добраго. Впереди шелъ знаменосецъ, сзади его трубачи, литаврички, герольды, рыцари Золотаго Руна, съ ихъ пажами, рыцари съ короной, со скиптромъ и съ мечемъ, герцогъ Филиппъ Добрый съ пажами и придворными, а за нимъ стрѣлки изъ лука, аллебардчики и т. д.

А вотъ и экипажъ Геннегау, въ которомъ впряжено 12 лошадей въ великолѣпной упряжи: каждую изъ нихъ ведетъ особый конюхъ. Балдуинъ въ полномъ облаченіи, со скиптромъ и шаромъ въ рукѣ сидитъ на тронѣ; около него его братъ, а кругомъ храбрые и извѣстные воины государства. Впереди 60 мнестрелей съ своими инструментами, герольдъ и трубачи.

Экипажъ Брабанта, построенный въ видѣ корабля, изображалъ времена Карла V. Императоръ съ Маргаритой Австрійской, Маргаритой Пармской и Филиппомъ II пред-

ставляли главную группу. Другая группа состояла из известнѣйшихъ нидерландцевъ того времени. При этомъ, конечно, не было недостатка въ знаменахъ, гербахъ, трофеяхъ. На заднемъ планѣ 4 женщины изображали четыре части свѣта, въ которыхъ находились владѣнія императора. — Антверпенъ избралъ время Альберта и Изабеллы. Въ его великолѣпномъ экипажѣ рядомъ съ эрцгерцогомъ, эрцгерцогиней, съ ихъ блестящей свитой изъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновниковъ — стояли: Рубенсъ, Вандикъ и другія знаменитости.

Потомъ слѣдовалъ экипажъ города Нивеля самый привлекательный изъ всѣхъ. Онъ олицетворялъ и прославлялъ земледѣліе и былъ построенъ въ видѣ исполинскаго плуга. Этотъ громадный плугъ блестѣлъ своей позолотой, былъ украшенъ гирляндами изъ полевыхъ цвѣтовъ и колосевъ, и на немъ были живописно размѣщены группы рабочихъ. Тамъ и здѣсь были мифологическія божества: Церера, Аполлонъ и др. Изреченіе «le travail nobilit» (трудъ облагораживаетъ) высоко красовалось надъ плугомъ. Сзади его тянулись длинные ряды деревенскихъ рабочихъ, съ различными земледѣльческими орудіями, пѣшкомъ и на лошадяхъ. Въ плугѣ было впряжено 48 прекрасныхъ фландрскихъ лошадей по 4 въ рядъ. Ихъ вели молодые поселяне въ синихъ блузахъ, и вся эта группа, вмѣстѣ съ экипажемъ, производила чрезвычайно сильное впечатлѣніе.

Лувенцы вспомнили, что любимый напитокъ ихъ города, а также и всѣхъ бельгійцевъ, — пиво, и экипажъ, присланный ими, прославлялъ пивоваренное производство ихъ города.

Люттихъ выслалъ два экипажа, олицетворявшихъ главнѣйшія отрасли производства этой провинціи. 1,100 всевозможныхъ рабочихъ этой провинціи шли каждый въ своемъ рабочемъ костюмѣ и каждый изъ нихъ несъ необходимый инструментъ для своего ремесла. Здѣсь были даже носильщицы коробовъ и корзинъ.

Экипажъ Геннегау былъ построенъ въ видѣ локомотива, съ безчисленнымъ множествомъ рабочихъ.

Гентъ, какъ и всегда, прославлялъ свое цвѣтоводство. 12 лошадей, роскошно украшенныхъ гирляндами изъ зелени и цвѣтовъ, тянули исполинскій экипажъ, наполненный великолѣпными цвѣтами и растеніями.

Брюссель изображалъ настоящее время. Въ его экипажѣ сидѣли молодая и красивая дѣвушка, олицетворявшія всѣ провинціи Бельгіи, искусства и науки, процвѣтающія въ ней, а надъ ними развивалось изображеніе короля — покровителя этихъ плодовъ 25 лѣтняго мира.

Все шествіе тянулось по городу впродолженіи 6-ти часовъ, что при Іюльской жарѣ было не легко для лицъ, которыя должны были изображать разныхъ величествъ и сановниковъ и держать себя въ одномъ и томъ же заранѣе предписанномъ положеніи. Улицы, по которымъ долженъ былъ идти этотъ поѣздъ, были опредѣлены заранѣе, такъ какъ не всѣ онѣ на столько широки, чтобы вмѣстить такое громадное шествіе. Послѣ этихъ празднествъ назначено было состязаніе поэтовъ на французскомъ и фламандскомъ языкахъ для прославленія всѣхъ торжествъ; при этомъ однимъ изъ главныхъ условій было, чтобы каждый изъ нихъ представилъ не менѣе 150 стиховъ. Впрочемъ въ Бельгіи при состязаніи поэтовъ обыкновенно на первомъ планѣ выставляютъ известное количество стиховъ, мало заботясь о качествахъ.

Мы описали празднества по случаю юбилея 1856 года и не считаемъ нужнымъ описывать болѣе позднѣйшихъ празднествъ, такъ какъ въ главныхъ чертахъ онѣ сохраняютъ тотъ же характеръ. Это мы видимъ уже изъ того, что коммисія, разсылая свою программу предстоящихъ празднествъ на 1856 годъ, прямо ссылалась на древнія преданія.

Относительно всѣхъ юбилейныхъ торжествъ можно замѣтить, что бельгійцы гораздо болѣе бы почтили извѣстный для себя памятный день или уважаемую личность, если бы вмѣсто того, чтобы бросать милліоны на празднества, отъ которыхъ не останется и слѣда, они увѣковѣчили бы эти священные для себя дни болѣе прочнымъ памятникомъ. Развѣ Европа была бы менѣе удивлена и развѣ бельгійцы выказали бы меньше уваженія къ своему королю, еслибы въ день, посвященный его памяти или его тезоименитству, они, вмѣсто того, чтобы тратить эти деньги на процессіи, употребили бы ихъ на народное образованіе.

Церковныя братства.—Религіозныя процессіи.—Шествіе великановъ.—Святые бельгійцевъ и путешествія къ святымъ мѣстамъ.—Процессіи въ честь святыхъ.—Процессія въ Верне.—Проглатываніе живой рыбки.

До сихъ поръ мы обращали вниманіе только на свѣтскую сторону жизни бельгійскихъ обществъ, но въ Бельгій существуютъ и церковныя общества, или, точнѣе выразиться, братства.

Много монашескихъ братствъ было уничтожено при Іосифѣ II-мъ и во время французскаго владычества, но нѣкоторыя изъ нихъ сохранились и до настоящаго времени. Кромѣ монашескихъ братствъ, въ Бельгій существовало прежде много церковныхъ братствъ, или конферей. Члены соединялись для разныхъ цѣлей: для возстановленія алтаря, для украшенія изображенія какого нибудь святаго, для вспомоствованія вслѣдствіе болѣзни или смерти. Иногда причина, по которой составлялось то или другое братство, было очень оригинально. Такъ напр. вблизи обводной стѣны Брюсселя, въ началѣ XIII-го стол., находилось дерево съ изображеніемъ Богородицы, которое было у народа въ большомъ почитаніи. Это дерево было окружено другими деревьями и кустами, гдѣ гнѣздились множество птицъ. Чтобы еще болѣе освятить это мѣсто, устроилось братство, которое построило на этомъ мѣстѣ часовню во имя Богородицы. Папы, по обыкновенію, стали снабжать индульгенціями, которыми прощали настоящіе и будущіе грѣхи тѣхъ, кто приходилъ на поклоненіе къ этой святынь. Такимъ образомъ эта часовня стала привлекать толпы народа, и ей начали приписывать всевозможныя чудеса. Во время волненій XVI столѣтія она была сломана, но когда потомъ ее возобновили, то устроили чрезвычайно оригинально. Клетки съ птицами висѣли у потолка въ видѣ люстръ и голосистыя пѣвуньи щebetали во время богослуженія.

Члены такихъ братствъ вырѣзали свои имена на доскахъ, привѣшенныхъ къ колоннамъ или на стѣнахъ церквей. Иногда во главѣ такихъ списковъ можно было прочесть имена высокопоставленныхъ духовныхъ лицъ. Къ обязанностямъ членовъ такихъ братствъ, между которыми были и сестры, относилось главнымъ образомъ то, что всѣ они вмѣстѣ должны были выслушивать обѣдню въ извѣстные дни и участвовать въ торжественныхъ процессіяхъ. Были братства, которыя учреждались исключительно съ цѣлью устроить какую нибудь процессію, живыя картины, или какое нибудь драматическое представленіе.

При различныхъ церковныхъ процессіяхъ прежде происходилъ столь любимый народомъ, такъ называемый «омегангъ», т. е. шествіе великановъ, что впрочемъ можно видѣть и въ наше время, но уже далеко не такъ часто. Каждую изъ этихъ исполнскихъ фигуръ несетъ спрятанный подъ нею человекъ, которому отъ времени до времени необходимо подкрѣплять себя виномъ. Для того, чтобы носить великановъ, выбираютъ чрезвычайно сильныхъ людей, такъ какъ ихъ нужно при пѣніи народа повертывать чуть ли не каждую минуту, что весьма трудно для носильщиковъ. Бывало не мало

случаевъ, когда они совершенно изнемогали. По объясненію однихъ, это и служило поводомъ къ запрещенію «омеганговъ» отъ времени до времени; другіе видятъ въ этомъ желаніе правительства сократить расходы при процессіяхъ. Едва-ли найдется городъ во Фландріи и Брабантѣ, который бы не имѣлъ своихъ великановъ. Ихъ до сихъ поръ можно видѣть даже въ нѣкоторыхъ деревняхъ. Для бельгійца праздникъ не въ праздникъ, если не устроены «омегангъ» и верхомъ блаженства для себя онъ считаетъ такое шествіе великановъ, на которое приглашены великаны другихъ городовъ. Трудно изобразить какой эффектъ въ публикѣ производитъ объявленіе въ программѣ фламандскаго сельскаго праздника, «что великаны появятся на этотъ разъ въ новыхъ костюмахъ».

По случаю особенно торжественныхъ празднествъ, приглашаютъ, какъ мы уже упоминали, въ гости великановъ съ ихъ семьями изъ другихъ городовъ. Каждый городъ славится своимъ особымъ великаномъ и нерѣдко вмѣстѣ съ своею многочисленною семьею. Такъ въ Брюсселѣ громкую славу стяжалъ «Janneken en Miekeken» (Жанъ и его супруга Микенъ); въ Лувенѣ—Геркулесъ и жена его Мегера, въ Ати—Голиафъ съ женою и дѣтьми; въ Малины—семья великановъ, состоящая изъ дѣда, отца, матери и трехъ дѣтей обоего пола; чудовищный Друонъ—въ Антверпенѣ. Этотъ великанъ такого громаднаго роста, что въ дни праздничныхъ торжествъ его никогда нельзя посылать въ другіе города уже потому что всѣ ворота для него слишкомъ низки. Онъ изображенъ въ видѣ римскаго воина съ вызолоченнымъ шлемомъ на головѣ, и считается мастерскимъ произведеніемъ знаменитаго архитектора и живописца Кукса, временъ Карла V. Жена этого великана должна была сначала изображать городъ Антверпенъ, но потомъ превращена была въ Минерву. Обѣ эти фигуры самыя выдающіяся лица шествія, которое до сихъ поръ совершается во вторникъ, послѣ Успѣнія Божьей Матери.

Прежде всего это шествіе открываютъ музыканты; за ними появляется китъ, на которомъ сидитъ купидонъ. Онъ одѣтъ въ розовое платье съ зеленымъ вѣнкомъ на головѣ и вмѣсто лука и стрѣлы у него въ рукахъ мѣхъ съ водою. Онъ направляетъ струю воды то въ толпящійся кругомъ народъ, то въ окна домовъ, которыя переполнены зрителями. За китомъ слѣдуютъ дельфины, на которыхъ сидятъ дѣти, одѣтыя ангелами. Сади нихъ кони тащутъ трех-мачтовое судно, окруженное маленькими шляпками. Дѣти, которыя сидятъ въ нихъ и какъ будто управляютъ ими, одѣты въ бѣломъ, какъ и матросы на кораблѣ, и въ такихъ же соломенныхъ шляпахъ, убранныхъ красными лентами. Затѣмъ выступаетъ вторая группа музыкантовъ: она идетъ впереди двухъ великановъ, за которыми слѣдуютъ парадныя кареты; въ нихъ сидятъ группы людей, которыя изображаютъ въ аллегорической формѣ различныя искусства, науку, литературу или историческія событія.

Слонъ, верблюдъ, колесо счастья, сирены, адъ, Донъ-Кихоть, сопровождаемый своею Дульцинею и слугою Санхо-Панчо, которые нѣкогда были неизбѣжною принадлежностію каждаго подобнаго шествія, теперь уже почти вездѣ вышли изъ употребленія. Но до сихъ поръ во время этихъ шествій можно видѣть коня Баярда. Въ нѣкоторыхъ городахъ его выводятъ съ четырьмя жеребятами; но самый знаменитый и огромный конь хранится въ Термондѣ, въ домѣ городской ратуши, гдѣ его показываютъ съ гордостію. Его въ высшей степени художественная голова принадлежитъ, какъ говорятъ, рѣзцу одного приговореннаго къ смерти узника, которому будто-бы за эту работу возвратили жизнь и свободу. Этого коня, во время шествія великановъ, несутъ болѣе 30-ти чело-вѣкъ, которые совершенно скрыты подъ богатымъ покрываломъ, покрывающимъ коня. Какъ-бы много людей ни взялось нести этого коня, ихъ обязанность все-таки оказывается въ высшей степени тяжелой, такъ какъ на немъ, въ огромномъ сѣдлѣ, сидятъ еще четыре юноши, одѣтыхъ въ латы. Конь останавливается передъ домами знатныхъ

гражданъ города и дѣлаеть поклонъ. На площади, въ разныхъ мѣстахъ, стоитъ нѣсколь-
ко маленькихъ пушекъ, изъ которыхъ стрѣляютъ въ Баярда и въ сидящихъ на немъ
всадниковъ. Благородный конь становится на дыбы и дѣлаеть то направо, то направо
фронтъ врагамъ. Послѣ долгой борьбы онъ остается побѣдителемъ и отправляется въ
обратный путь къ ратушѣ, среди радостныхъ криковъ окружающаея его толпы. Музыка
во время всего шествія наигрываетъ мелодію пѣсни, которую въ это время поютъ ты-
сячи человѣческихъ голосовъ: «вотъ поднялся конь Баярдъ, вышелъ подъ огонь непріа-
тельскій, а конь Баярдъ—простая лошадь съ веревкою на хвостѣ». И дѣйствительно
хвостъ коня Баярда чрезвычайно длинный и сдѣланъ болѣе, чѣмъ изъ тридцати обыкно-
венныхъ лошадиныхъ хвостовъ, связанныхъ веревкою.

Все шествіе великановъ, взятое вмѣстѣ, производитъ необыкновенное впечатлѣніе,
описание котораго можно прочесть развѣ у Гомера, Виргилія или Овидія.

Пѣснь великановъ, которую поютъ при такихъ шествіяхъ, оканчивается припѣ-
вомъ: «вернись одинъ разъ»; при этомъ фигуру заставляютъ повернуться или плясать.

Мы уже упоминали о томъ, что папы своими индульгенціями сильно поддерживали
путешествія народа къ святымъ мѣстамъ. Эти путешествія къ святымъ мѣстамъ суще-
ствуютъ въ Бельгіи до сихъ поръ, и совершаются очень часто, такъ какъ у бельгійцевъ
безчисленное число святыхъ и вѣра въ нихъ не изсякла и въ настоящее время. Каждое
общество, каждая отрасль труда, ремесла, промысла, сословія—каждый имѣетъ своего
собственного святаго—патрона или патронеса. Множество святыхъ специально защи-
щаютъ человѣка противъ той или другой напасти или болѣзни, покровительствуютъ ему
во время путешествія, войны и т. п. Болятъ глаза,—отправляются на поклоненіе къ
одному святому, заболѣть зубы—совсѣмъ въ другую мѣстность и къ другому святому,
надеть скоть—къ третьему, и такъ до безконечности. Иногда впрочемъ одинъ и тотъ же
святой или святая сразу исцѣляютъ отъ трехъ, четырехъ болѣзней.

Св. Блезъ чудесно исцѣляетъ горло, къ нему прибѣгаютъ также родители идиотовъ,
которымъ онъ, по понятіямъ бельгійцевъ, можетъ открыть разумъ. Св. Антуанъ, кото-
рому посвящено въ Бельгіи болѣе 40 церквей, избавляетъ скоть отъ чумы и разныхъ
другихъ болѣзней. Въ церкви, специально посвященной памяти этого святаго, 17-го
Января, приносятъ со всѣхъ сторонъ головы свиней. Въ тотъ же день послѣ службы
эти головы публично продаютъ въ пользу церкви. Бѣдные крестьяне, которые не
могутъ купить голову свиини, приносятъ этому святому въ даръ голубей, куръ, утокъ.

Св. Берленда—покровительница деревьевъ. Кто боится неурожая фруктовъ, обра-
щается съ молитвою къ этой святой.

Св. Аполлина исцѣляетъ зубную боль. Подлѣ церквей, посвященныхъ ея имени,
продаютъ шнуры изъ краснаго шелка, которые носятъ на шеѣ противъ зубной боли.
Еще недавно въ Брюсселѣ въ одной изъ ея церквей хранился зубъ этой святой который,
по понятію народа, тотчасъ исцѣляетъ всякую зубную боль, когда имъ потрешь ротъ и
щеку снаружи. Въ праздникъ св. Аполлины, который продолжается восемь дней, этотъ
зубъ привлекаетъ огромныя толпы народа.

Къ святой Валентинѣ прибѣгаютъ, когда кто нибудь изъ близкихъ одержимъ паду-
чею болѣзнью.

Св. Гертруда патронеса странствующихъ и путешествующихъ. Къ этой святой
стекаются на поклоненіе тысячи крестьянъ, берутъ воду, которая стоитъ въ церкви,
посвященной ея памяти, и, возвратившись домой, брызгаютъ ею въ поляхъ и огородахъ.
Народъ вѣритъ, что вода этой святой избавляетъ землю отъ крысъ и мышей, а этому
придаютъ здѣсь огромное значеніе. Для уничтоженія мышей, кротовъ и различныхъ га-
довъ, вредныхъ для полей, здѣсь во многихъ селахъ существуютъ даже особыя общества

«мышинныхъ и кротовыхъ цеховъ». Каждое такое общество имѣетъ своего распорядителя и ежемѣсячныя собранія, на которыхъ каждый членъ обязанъ представить покрайней мѣрѣ двѣ мышинныхъ головы или столько же кротовыхъ хвостовъ въ доказательство, что онъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ преслѣдуетъ этихъ животныхъ. Неисполнившій этого обязанъ заплатить штрафъ, а тотъ кто въ концѣ года представитъ наибольшее количество головъ и хвостовъ, получаетъ премію и титулъ «короля». Народъ который такъ энергично преслѣдуетъ гадовъ, приносящихъ вредъ его полямъ, естественно питаетъ глубокое уваженіе къ святой, которая, по его понятіямъ, избавляетъ отъ нихъ. Вотъ потому-то св. Гертрудѣ и посвящено въ странѣ болѣе 40 церквей. Въ Брюсселѣ подлѣ церкви ея имени находится колодезь, который называютъ колодеземъ Гертруды и которому приписываютъ чудотворную силу. Въ церковь, гдѣ хранятся останки святой, стекаются тысячами матери съ своими безпокойными грудными дѣтьми на рукахъ: онѣ надѣются, что св. Гертруда успокоитъ ихъ и они будутъ меньше кричать. Вода въ колодцахъ, посвященныхъ памяти этой святой, предохраняетъ отъ лихорадки.

Св. Макаръ изцѣляетъ отъ чумы.

Св. Георгій—покровитель воиновъ; 39 церквей въ странѣ посвящены его памяти и нѣтъ ни одного города и даже ни одной деревни, которая бы не имѣла часовни въ память этого святаго или гдѣ бы онъ онъ не былъ покровителемъ того или другаго общества. Онъ преимущественно предохраняетъ и изцѣляетъ отъ водянки.

Св. Фораннанъ изцѣляетъ и предохраняетъ отъ укушенія бѣшенными собаками.

Св. Іовъ помогаетъ людямъ, одержимымъ меланхоціею, раненымъ и тѣмъ, кто страдаетъ нарывами.

Св. Урбанъ—покровитель виноградниковъ. Св. Анна—мать Богородицы. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что въ Бельгій, гдѣ почитаніе дѣвы Маріи, такъ сильно распространено среди народа, ея мать пользуется большимъ почитаніемъ. Ей посвящено въ странѣ 37 церквей; она патронесса множества братствъ. Но преимущественно портнихи, прачки, кружевницы считаютъ ее своею покровительницею. Св. Варвара предохраняетъ отъ скоропостижной смерти.

Св. Николаю, самому популярному изъ всѣхъ святыхъ, посвящено 106 церквей: лодочники, красильщики, маляры, бочары и множество другихъ ремесленниковъ считаютъ его своимъ патрономъ. Онъ исправляетъ также капризныхъ дѣтей.

Св. Никезъ выгоняетъ изъ дому крысъ и мышей. Кто хочетъ имѣть дѣтей, ставитъ свои ноги въ слѣды св. Ремаклуса.

Въ Гентѣ существуетъ даже Богоматерь «наступи на ногу». Во второе воскресенье послѣ пасхи молодежь обоого пола собирается къ воротамъ и молодые парни выбираютъ себѣ на лѣто подругу «Zomeghef»; о своемъ желаніи они даютъ знать дѣвушкамъ, наступая ей на ногу. Поэтому и существуетъ Богоматерь «наступи на ногу».

Небольшой городокъ Гааль, недалеко отъ Брюсселя, привлекаетъ бездѣтныхъ родителей, которые желаютъ имѣть дѣтей. Многочисленные изображенія дѣтей и другіе знаки обѣтовъ, которые мы находимъ въ тамошней часовнѣ, доказываютъ намъ, что слава Богородицы вполнѣ заслужена. Одна семья почувствовала однажды на себѣ излишнее благоволеніе Богородицы, и послѣ 7-го ребенка мужъ сталъ уговаривать жену взять обратно съ Галльской Богоматери всѣ пожертванія, опасаясь, что иначе ея благодать сдѣлается сущимъ горемъ для него.

Особенно много святыхъ и колодцевъ, которые защищаютъ противъ лихорадки: это служить доказательствомъ, что жители низменныхъ частей страны, и особенно западной Фландріи, сильно страдаютъ отъ этой болѣзни.

Вѣра въ святость этихъ ключей должна быть очень древняя. Еще Карлъ V. запретилъ языческое поклоненіе родникамъ и деревьямъ. Христіанскіе священники придали этому народному повѣрью другое направленіе, другую внѣшность, но сущность осталась почти безъ измѣненія.

Въ процессіяхъ, въ память того или другаго святаго или святой, принимали также участіе драматическія общества, которыя устраивали представленія и живыя картины изъ жизни того святаго, котораго чествовали. Нерѣдко обращеніе къ святымъ во время этихъ процессій было чрезвычайно оригинально. Въ день св. Михаила, во время процессіи, когда носили изображеніе этого святаго, принято было останавливаться нѣсколько разъ. При этомъ, при каждой остановкѣ, изображеніе святаго поворачивали во всѣ стороны, и одни голоса изъ толпы кричали во все горло: «св. Михаилъ, обрати благосклонный взоръ на мою рѣпу», другіе просили обратить вниманіе на морковь и т. п.

По окончаніи этихъ процессій, нерѣдко заходили въ какую нибудь пивную, вмѣстѣ съ изображеніемъ святаго. Однажды при этомъ предались такому неумѣренному пьянству, что хозяинъ пивной хотѣлъ взять въ залогъ изображеніе святаго, такъ какъ присутствующимъ уже нечѣмъ было болѣе расплатиться. Въ вербное воскресенье и во многіе другіе дни, по улицамъ таскали на веревкахъ большія картины, изображавшія тотъ или другой моментъ изъ жизни Иисуса. При этомъ обыкновенно происходили драки за честь тащить картину. Кромѣ того, во время церковныхъ празднествъ происходили въ церквахъ разныя представленія. Вплоть до нынѣшняго столѣтія въ праздникъ Благовѣщенія спускали со сводовъ маленькаго пѣвчаго въ видѣ ангела. Это представленіе было запрещено только тогда, когда веревка оборвалась и бѣдный ангелъ, несмотря на свои крылья, сломалъ себѣ шею. Въ большинствѣ случаевъ церковныя процессіи состояли изъ множества колесницъ съ разнообразными группами, представлявшими событія изъ жизни святыхъ, времена года, стихій и т. п. Въ нихъ участвовали и животныя: павлинь, орелъ, левъ, драконъ, единорогъ, пеликанъ, крокодилъ, верблюды и др. Въ большинствѣ случаевъ эти животныя имѣли подходящую свиту: единорогъ слѣдовалъ за колесницею, изображавшею парнасъ съ девятью музами и т. п.

Эти церковныя процессіи происходят и въ настоящее время, но несравненно рѣже, и хотя въ главныхъ чертахъ сохранили тотъ же характеръ, но уже съ большими измѣненіями въ мелочахъ. Одна только церковная процессія въ Вѣрне остается почти неизмѣненною и въ настоящее время совершается ежегодно. Она происходитъ въ послѣднее воскресенье Іюля мѣсяца и привлекаетъ многочисленныя толпы любопытныхъ. Происхожденіе этой процессіи соединено съ слѣдующими событіями. Графъ Робертъ Фландрскій получилъ послѣ завоеванія Іерусалима въ 1100 году крестъ, который, какъ говоритъ преданіе, былъ сдѣланъ изъ настоящаго креста Спасителя. Во время его возвращенія началась сильная буря. Его товарищи предлагали бросить крестъ въ море для успокоенія бури, какъ это дѣлалось уже раньше, но Робертъ думалъ, что Богу будетъ угодно, если онъ сохранитъ крестъ. Онъ далъ обѣтъ, если онъ будетъ спасенъ, передать его первой церкви, которую онъ встрѣтитъ во Фландріи. Это была церковь св. Валбурга въ Вѣрне.

Вотъ какъ происходитъ эта процессія: кромѣ членовъ братства «страданія Христа» и мѣстнаго духовенства, въ ней принимаютъ участіе и другія лица, въ особенности кающіеся, какъ мужчины такъ и женщины, приходящіе изъ окрестностей. Постороннія лица, если они хотятъ участвовать въ процессіи, должны заплатить 32 сантима, за что они получаютъ всѣ предметы для участія въ ходѣ. Только роли евреевъ, на которыя обыкновенно нѣтъ охотниковъ, раздаются бесплатно.

Эта процессія продолжается около 3-х часовъ и проходитъ по всѣмъ главнымъ улицамъ города. На кающихся мущинахъ надѣта власяница съ капюшономъ, которая дѣлаетъ ихъ совсѣмъ неузнаваемыми, такъ какъ только глаза остаются открытыми. Кающіяся женщины идутъ босикомъ, въ темныхъ платьяхъ, съ платкомъ, наброшеннымъ на голову, который закрываетъ имъ все лицо, кромѣ глазъ, и съ крестомъ въ рукахъ. Мужчины, обыкновенно около 100 человекъ, идутъ подъ тяжестью различныхъ орудій и ташутъ за собою тяжелые кресты и большіе желѣзные шесты. Нѣкоторые изъ этихъ орудій покаянія вѣсятъ до 80 фунтовъ и потому ихъ не несутъ, а ташутъ. Другіе участвующіе идутъ съ орудіями пытки и съ различными предметами изъ исторіи страданія Спасителя: одинъ съ терновымъ вѣнкомъ, другой несетъ три гвоздя, третій копье, губку, багряницу, кости, которыми метали жребій объ одеждѣ Спасителя, факелы, желѣзную перчатку, веревки, лѣстницы, фонари, рукомоиникъ Пилата, кошелекъ Иуды, 30 сребренниковъ, разорванную завѣсу и т. д. При этомъ несутъ также испанскую трещетку, смыслъ которой совершенно непонятенъ. Впрочемъ можетъ быть она напоминаетъ тѣ трещетки въ католическихъ церквяхъ, которыя употребляютъ въ пятницу на Страстной недѣлѣ, вмѣсто церковныхъ колоколовъ. Эту трещетку несутъ передъ гробомъ, за которымъ слѣдуютъ три дѣвушки, изображающія трехъ Марій съ горшечками елѣя. Нѣкоторые несутъ изображенія и щиты съ надписями, или представляютъ различныхъ лицъ изъ библейской исторіи. При этомъ носятъ также слѣдующія картины: «Тайная вечеря», «Иисусъ въ саду Гефсиманскомъ, утѣшаемый ангеломъ» (несутъ 6 кающихся и 1 трубачъ), «Иуда, цѣлующій Спасителя», «Апостолъ Петръ съ пѣтухомъ», «Пилать», «Марфа», «Поруганіе Спасителя», «Его бичеваніе» и «Пригвожденіе на голову терноваго вѣнца». Многія изъ этихъ картинъ появились только въ самомъ концѣ XVII-го ст., и потому на ангелахъ и на многихъ другихъ личностяхъ замѣтенъ испанскій покрой платья. Деревянное же изваяніе Дѣвы сильно подвергается вліянію моды. Всѣ картины выставляются въ церкви за нѣсколько дней до хода, при этомъ одна изъ нихъ, а именно «Поруганіе Спасителя», въ которой между прочимъ изображенъ еврей, высовывающій языкъ Спасителю, — подвергается неистовству огромной толпы мальчиговъ; когда ее несутъ, они показываютъ жида языкъ, кричатъ, топчутъ ногами.

Прежде въ этой процессіи носили и выставляли также гробъ, въ которомъ лежала увѣчанная Смерть. Когда пружину ящика нажимали, изъ него внезапно выскакивалъ скелетъ. Это возбуждало необыкновенное вниманіе дѣтей, тѣмъ болѣе, что въ то время, когда носили этотъ ящикъ, съ нимъ останавливались на всѣхъ углахъ улицъ, заставляя каждый разъ скелетъ выскакивать. Поэтому, лишь только начинали останавливаться, толпы дѣтей бѣжали къ ящику, съ крикомъ: «выскочи, Петерхень», «покажись, Петерхень».

Уже въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія оставили этотъ обычай, и въ настоящее время носятъ только пустой гробъ. Но вмѣсто этого въ процессіи является теперь живой человекъ, на сѣрой одеждѣ котораго сверху до низу разрисованъ скелетъ, — онъ изображаетъ чуму. Чортъ также появляется при этихъ процессіяхъ, какъ и при другихъ церковныхъ представленіяхъ. Если для ролей евреевъ мало желающихъ, то на роли чертей ихъ всегда болѣе, чѣмъ нужно.

Въ этой процессіи появляются также и колесницы съ представленіями. На первой изъ нихъ изображенъ вифлеемскій хлѣвъ, въ которомъ сидятъ Іосифъ и Марія; подлѣ нихъ — быкъ и оселъ, а въ ясляхъ лежитъ куля, которую Марія отъ времени до времени показываетъ народу. Вторая колесница служитъ для изображенія главнѣйшихъ добродѣтелей. На третьей везутъ гробницу Спасителя, окруженную молодыми дѣ-

вупками, одѣтыми въ бѣлыя платья, съ черными вуалями. Послѣднія двѣ колесницы везутъ лошади, а вифлеемскій хлѣвъ тащутъ кающіеся.

Кромѣ колесницъ, можно видѣть группы людей, изображающихъ слѣдующихъ личностей: 8 пророковъ, Давида и три его кары, три волхва съ арабомъ, курящимъ фиміамъ, Иродъ съ 4-мя князьями, Симеонъ съ ребенкомъ Иисусомъ, Іосифъ и Марія, Святое семейство во время бѣгства, Иисусъ у фарисеевъ, Марія Магдалина съ двумя сопровождающими ее женщинами, Спаситель, отправляющійся на ослѣ въ Іерусалимъ, въ сопровожденіи 12-ти учениковъ и народа, кричащаго ему «Осанна», Иисусъ, несущій свой крестъ вмѣстѣ съ Симеономъ, кающійся и нераскаившійся разбойники, нѣсколько евреевъ, Марія и Іоаннъ, Вероника съ покрываломъ и двумя провожатыми, Пилатъ и др. Къ этому нужно еще прибавить нѣсколько дюжинъ ангеловъ, молодыхъ дѣвушекъ, многочисленныхъ курильщиковъ фиміама, знаменосцевъ, барабанщиковъ, люттаврщиковъ, вооруженныхъ людей и всадниковъ.

Нѣкоторыя роли, въ продолженіи многихъ лѣтъ, исполняются одними и тѣми же лицами. Очень часто нѣтъ никакой возможности узнать, кто изображаетъ того или другаго, такъ какъ они скрываютъ это даже отъ самыхъ близкихъ. Говорятъ, что чело-вѣкъ, который еще недавно изображалъ вѣзжающаго Спасителя, исполнялъ эту роль въ продолженіи 20 лѣтъ, и всѣ называли его «неизвѣстнымъ», такъ какъ никто не зналъ, кто онъ такой. Кающуюся Магдалину долгое время представляла дѣвушка, которая продолжала исполнять эту роль и послѣ своего замужства, и по прежнему такъ таинственно, что объ этомъ даже мужъ ея узналъ только послѣ ея смерти. Правила процессіи строго опредѣляютъ каждому свое мѣсто, предписываютъ, какъ держать себя всѣмъ, исполняющимъ ту или другую роль, что, кому, какъ и когда говорить. Нужно замѣтить, что въ XVII столѣтіи одинъ монахъ написалъ нѣсколько пьесъ, которыя и теперь еще, съ небольшими измѣненіями и прибавленіями, произносятся участвующіе во время процессіи. Каждый говоритъ, разумѣется, сообразно съ тою ролью, которую онъ играетъ. Если не достаетъ стиховъ, то ихъ начинаютъ сначала, и такимъ образомъ повторяютъ пока не пройдутъ всего пути. Даже маленькіе дѣти, которые изображаютъ ангеловъ и идутъ передъ различными группами, имѣютъ строго опредѣленную задачу; между прочимъ они тоже должны говорить стихи, но произносятъ ихъ такъ, что жители Вѣрне, когда они проходятъ, говорятъ: «а вотъ и блеяніе малютокъ».

На рынкѣ, гдѣ устроенъ алтарь, дѣлается остановка: три волхва приближаются къ Иисусу и подносятъ ему свои дары; при этомъ происходитъ и нѣсколько другихъ сценъ. Наконецъ, въ заключеніе этой процессіи, въ церкви передъ алтаремъ идетъ представленіе пьесы, состоящей изъ двухъ отдѣленій, въ которой главными дѣйствующими лицами являются: Іосифъ и Марія, три волхва, ангелы и пастухи. Можно себѣ представить, какое волненіе производитъ эта процессія между жителями, и какую массу народа привлекаетъ она изъ окрестностей.

Вѣрне—не единственное мѣсто, которое славится обладаніемъ куска отъ креста Спасителя; другой кусокъ находится въ Ваверенѣ, недалеко отъ Лувена, третій—очень большой кусокъ—въ Брюсселѣ, въ церкви св. Гудуаллы. Когда Петръ Великій осматривалъ достопримѣчательности этой церкви, то спросилъ, какой величины этотъ кусокъ настоящаго креста Господня. Духовенство отвѣчало ему, что онъ длиною въ 15 дюймовъ и шириною въ 7-мъ дюймовъ, но Петру это должно было показаться невѣроятнымъ, онъ вынулъ свою плотничью мѣрку изъ кармана, смѣрилъ дерево со всѣхъ сторонъ и увѣрилъ изумленнаго декана, который показывалъ ему достопримѣчательности, что въ немъ 18 дюймовъ длины и 11-ть ширины.

Однако, несмотря на то, что въ церкви св. Гудуаллы хранится самый большой ку-

сокъ креста Спасителя, наибольшимъ поклоненіемъ пользуется кусокъ креста, сохраняемый въ Ваверенской церкви, такъ какъ на немъ сохранились капли крови Іисуса Христа.

Кромѣ того, этотъ кусокъ находится въ ящикѣ, въ которомъ хранится большая часть одеждъ І. Х., ножницы и иглока дѣвы Маріи, нѣсколько ея волосковъ и поясъ, который она носила во время своей беременности. Нечего и говорить о томъ, что все это привлекаетъ массы народа, его горячія молитвы, поклоненіе и богатые, щедрые приношенія.

Сюда, т. е. въ Ваверенъ, тянется процессія съ духовенствомъ во главѣ. Это происходитъ въ день заговѣнья. Рано утромъ крестьяне изъ всѣхъ окрестностей, въ своихъ лучшихъ одеждахъ приходятъ въ городъ. Въ два часа начинается шествіе, во главѣ котораго идетъ духовенство, а за нимъ несутъ множество огромныхъ корзинъ съ сельдями и печеньемъ. Это шествіе происходитъ при звонѣ колоколовъ и въ сопровожденіи музыки. Оно направляется къ холму, на которомъ стоитъ ваверенская часовня. Народъ вмѣстѣ съ духовенствомъ входитъ въ нее, чтобы отслужить молебенъ Богоматери. Оставшіеся на площадѣ мальчики кричатъ, бѣгаютъ вокругъ часовни и разбрасываютъ во всѣ стороны срѣзанный дернъ. По окончаніи службы, народъ выходитъ изъ церкви, но останавливается и ждетъ выхода священника. Лишь только тотъ показывается, какъ народъ окружаетъ его и ведетъ его на вершину холма. Тамъ торжественно подаютъ ему кубокъ вина, который онъ долженъ выпить передъ всею толпою. При этомъ, какою бы стойкостью и христіанскимъ смиреніемъ ни отличался священникъ, на его лицѣ всегда замѣтно нѣкоторое смущеніе. И это очень естественно. По обычаю, въ кубокъ вина, который подносятъ ему въ эту минуту, пускаютъ живую рыбку, которую онъ и долженъ проглотить. Говорятъ, что священники, на которыхъ ляжетъ эта тяжелая обязанность, всѣми мѣрами хлопчутъ передъ распорядителями, чтобы рыбка эта была, какъ можно меньше, но избѣгнуть необходимости проглотить ее нѣтъ никакой возможности. Послѣ этого вынимаютъ все изъ корзинъ и раздаютъ собравшемуся народу.

Происхожденіе этого праздника объясняютъ различно. Одни говорятъ, что онъ устроенъ въ память насыщенія І. Х. двумя рыбами и пятью хлѣбами пяти тысячъ народа; нѣкоторые объясняютъ его поклоненіемъ германскому божеству, покровительствующему рыбной ловлѣ.

Фламандскія и валлонскія игры на ярмаркахъ.—Карнавалъ, балы, увеселенія и обычаи этого времени.—Праздники дѣтей.—28-го Декабря.—День св. Фомы.—6-го Января.

Бельгійцы любятъ праздники столько же, сколько и процессіи; они пользуются для этого каждымъ случаемъ. Бельгія въ широкомъ смыслѣ слова—страна праздниковъ.

Ярмарки, называемыя въ Голландіи и Бельгіи керемесами, уже давно приняли характеръ національныхъ праздниковъ и ихъ всегда народъ ожидаетъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ.

На бельгійскихъ ярмаркахъ любопытно посмотрѣть на игры, въ которыхъ рельефно выступаетъ характеръ народа. Фламандскія игры стремятся возбудить смѣхъ, а валлонскія представляютъ нѣчто въ родѣ состязанія въ физической силѣ и ловкости, хотя строгую границу между ними провести трудно, такъ какъ у тѣхъ и другихъ много общихъ игръ.

Зайдите наудачу въ одинъ изъ городовъ Фландріи, Антверпена и большей части Брабанта, и вы непременно встрѣтите огромную толпу народа, занятую странной игрой. На огромномъ ровномъ пространствѣ стоитъ множество деревенскихъ парней. Пожилой человекъ завязываетъ имъ глаза и отверстія затыкаетъ ватой, чтобы ничего не было видно. Затѣмъ эта внезапно ослѣпшая кампанія молодежи становится въ сторону, а завязывавшій имъ глаза отправляется за бургомистромъ. Тотъ съ своей стороны подходитъ къ парнямъ и еще разъ осматриваетъ ихъ, дѣйствительно ли они ничего не видятъ; затѣмъ по данному знаку барабанщикъ начинаетъ бить въ барабанъ, и вся толпа слѣпцовъ, одинъ за другимъ, начинаетъ кувыркаться, чтобы достичь такимъ образомъ границы, обозначенной заранѣе связками соломы. Но какъ бы хорошо ни знали парни дороги, они очень скоро сбиваются и начинаютъ ковылять по разнымъ направленіямъ. Возгласы и совѣты множества собравшихся зрителей окончателно спутываютъ ихъ. Смѣхъ, остроты, шутки слышны со всѣхъ сторонъ. Однако игроки совсѣмъ разбрелись въ разныя стороны и далеко отошли отъ назначенной имъ границы. Тогда выходитъ впередъ барабанщикъ и бьетъ въ барабанъ. Тутъ начинается настоящая потѣха: состязающіеся, увѣренные теперь въ направленіи, съ новымъ жаромъ начинаютъ кувыркаться, падаютъ одинъ черезъ другаго, угощаютъ другъ друга пиньками, въ то время какъ зрители хохочутъ во все горло. Такимъ образомъ рѣдко одинъ изъ играющихъ достигнетъ цѣли, и для этого необходимы предварительныя упражненія. При этой игрѣ конечно дѣло не обходится безъ разбитыхъ носовъ и сильныхъ ушибовъ, но чтобы предохранить отъ серьезныхъ увѣчій, всѣ играющіе должны быть босикомъ.

Въ другой разъ эта толпа развлекаетъ себя совсѣмъ иначе. На ровномъ мѣстѣ стоитъ большой чанъ съ водою, въ которомъ плаваютъ огарокъ свѣчки. Тутъ игра состоитъ въ томъ, чтобы схватить ртомъ свѣчку изъ воды, и при этомъ руки должны быть совершенно неподвижны. Схватить такимъ образомъ свѣчку совсѣмъ не такъ легко, какъ это кажется, такъ какъ она постоянно выкальзываетъ изъ зубовъ. Тотъ, кому удастся это сдѣлать, получаетъ въ награду башмаки или штаны.

Совсѣмъ другой характеръ имѣютъ ярмарочныя игры у валлоновъ. Да и ярмарка здѣсь шумнѣе, пестрѣе и оживленнѣе, нежели у фламандцевъ. Самая любимая ихъ игра слѣдующая: на крѣпкой веревкѣ виситъ кусокъ дерева, вырѣзанный въ родѣ птицы и снабженный стальнымъ остриемъ вмѣсто клюва. Эту птицею бросаютъ въ цѣль, гдѣ она и должна воткнуться. Самые ловкіе игроки получаютъ призы, состоящіе изъ сала и ветчины, которыя и выставлены недалеко отъ играющихъ.

Недѣля, которая предшествуетъ посту, или масленица, а въ особенности три послѣдніе дня въ недѣли, считаются настоящимъ карнаваломъ въ Бельгіи. Но бельгійскій карнавалъ не имѣетъ ничего характернаго. Съ утра до вечера, люди, разодѣтые въ самыя разнообразныя маски, бѣгаютъ по улицамъ толпами и въ одиночку и издаютъ рѣзкіе звуки и свистъ изъ различныхъ домашнихъ грошовыхъ инструментовъ, которыми въ обыкновенные дни тѣшатся дѣти. Шуты гримасничаютъ и отпускаютъ далеко не остроумныя шутки и обыкновенно неимѣющія никакого ни политическаго, ни общественнаго значенія. Болѣе всего оживленія придаютъ деревенскія телѣги, которыя отъ времени до времени прѣзжаютъ изъ за города съ замаскированными людьми и потомъ катаются по всѣмъ улицамъ. И въ настоящее время, въ карнавальныя дни, нерѣдко устраиваютъ блестящія кавалькады, которыя представляютъ какое нибудь историческое событіе или сценку изъ общественной жизни; но при этомъ нѣтъ сердечнаго веселья и увлеченія итальянцевъ. Въ Бельгіи главная цѣль карнавальныхъ процессій собрать какъ можно больше денегъ для бѣдныхъ.

Любопытнѣе всего въ карнавальныя дни—балы для простонародія. Бала, въ кото-

рой ихъ устриваютъ, обыкновенно вмѣщаетъ до 4,000 чел., а иногда и болѣе. Около 10-ти часовъ вечера эта зала въ такіе дни представляетъ чрезвычайно оригинальный видъ. Огромная комната биткомъ набита парнями и дѣвушками, мужчинами и женщинами самыхъ низшихъ слоевъ общества. Весь собравшійся здѣсь людъ—въ самыхъ странныхъ и оригинальныхъ костюмахъ: въ маскахъ, съ трещетками, рогами, трубами, дудками, хлопушками и другими предметами въ рукахъ и во рту. Трудно себѣ представить тотъ безобразный гвалтъ и дикій шумъ, которые оглушаютъ васъ въ первую минуту, когда вы входите. Всѣ другъ друга задѣваютъ, кривляются, свищутъ одинъ другому въ уши, звонко хохочутъ; нѣкоторые скачутъ, трубятъ на всѣ тоны, поютъ разными голосами и все это смѣшивается въ одномъ дикомъ, бурномъ ревѣ. Къ этому прибавьте еще паръ и дымъ отъ ихъ трубокъ, который носится надъ ними и заволакиваетъ ихъ густымъ облакомъ, и вы получите нѣкоторое понятіе о картинѣ, которая открывается передъ вами у входныхъ дверей. Но соберитесь съ духомъ и войдите, заплативъ при входѣ ничтожную плату (обыкновенно 10—15 сантимовъ). Никто не подвинется дать вамъ дорогу и ее пужно проложить вамъ самимъ настойчивостью и терпѣніемъ, медленно подвигаясь впередъ шагъ за шагомъ. На другомъ концѣ зала находится небольшое возвышеніе, гдѣ, заплативъ еще 10 сантимовъ, вы можете отдохнуть на стулѣ и удобнѣе смотрѣть на окружающее. Оглядѣвшись вокругъ, вы увидите возвышенное мѣсто для музыкантовъ. Но пройдетъ много времени, прежде чѣмъ до вашихъ ушей донесется хоть одинъ звукъ музыки. Наконецъ до васъ долетаютъ нѣсколько рѣзкихъ аккордовъ, раздается барабанная дробь и звукъ рога. Толпа какъ будто становится тише, тамъ и здѣсь появляются отдѣльныя группы людей и пары, которыя вертятся и топчутся на одномъ мѣстѣ. Эти движенія впередъ и назадъ становятся все бѣшенѣе, имъ все бѣшенѣе акомпанируетъ смѣхъ, крикъ, свистъ, оглушительный шумъ трубъ, барабановъ, трескъ хлопушекъ и трещетокъ, такъ что нельзя понять, кто хочетъ перешеголять другъ друга въ этой бѣшеной сатурналіи: музыканты ли танцующихъ или танцующіе музыкантовъ. У зрителя голова идетъ кругомъ. Наконецъ музыка смолкаетъ, но какъ въ этомъ хаосѣ не сразу услышишь ее, точно также нельзя тотчасъ замѣтить, когда она прекращается.

Можно подумать, что теперь вслѣдствіе утомленія наступитъ отдыхъ, но чрезъ двѣ минуты снова начинается неистовый шумъ и гвалтъ. Толпа свиститъ, пальцами прищелкиваетъ, хлопаютъ хлопушками и скачетъ на одномъ мѣстѣ, припѣвая каковойнибудь припѣвъ простонародной пѣсни, которая замѣняетъ музыку. Въ ту же минуту во всѣхъ концахъ зала начинаютъ напѣвать, но каждый свою собственную плясовую и вся публика снова пускается въ плясъ, или, лучше сказать, дѣлаетъ неистовые скачки на одномъ мѣстѣ.

На этихъ балахъ болѣе всего поражаетъ то, что, несмотря на громадную толпу народа, беспорядокъ, попойки, шумъ и гвалтъ, вы не услышите ни одного неприличнаго слова, не увидите ни одного непристойнаго движенія, не будете свидѣтелемъ ни ссоры, ни скандала, не замѣтите нигдѣ, ни въ залѣ, ни въ домѣ, и слѣда полиціи.

Въ деревняхъ послѣдніе дни карнавала проводятъ очень скромно: дѣти съ пѣніемъ и музыкой ходятъ изъ одной деревни въ другую и ждуть у дверей дома, пока имъ чтонибудь не вынесетъ хозяйка: топливо, яйца и т. п.; когда они обойдутъ всѣ дома, они весь свой сборъ несутъ въ самую бѣдную хижину, къ вдовѣ или безпомощной старухѣ, которой они и отдаютъ все, что собрали. Женщина, получившая отъ дѣтей ихъ сборъ, обязана угостить ихъ завтракомъ.

Первое воскресенье поста—самый любимый день карнавала. Всѣ маски и каваль-

вады, которыя можно было видѣть на улицахъ въ дни карнавала, снова появляются въ этотъ день.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бельгій существуетъ обычай попробовать въ этотъ день семь сортовъ хлѣба; поэтому всѣ отправляются другъ къ другу въ гости, вездѣ съѣдая по кусочку хлѣба. Въ мѣстностяхъ, гдѣ занимаются производствомъ сыра, — существуетъ обычай попробовать семь сортовъ сыра.

Отъ перваго дня карнавала до послѣдняго, который празднуютъ въ четвертое воскресенье въ посту, бельгійцы постоянно устраиваютъ попойки, на которыя принято приглашать родителей, немѣющихъ дѣтей, но желающихъ ихъ имѣть. При этомъ ньютъ за здоровье будущихъ новорожденныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуютъ еще особые кубки: когда въ нихъ нальютъ вино, изъ нихъ тотчасъ выскакиваетъ маленькая, голенькая куклолка. Начинаются поздравленія и безконечныя рѣчи. Если кто отказывается пить, его упрасиваютъ и произносятъ стихи, въ которыхъ высказывается такая мысль: «если я много пью, я могу погибнуть; если-же я не буду пить, я долженъ буду умереть; поэтому лучше погибнуть, нежели не пить и умереть».

Четвертое воскресенье поста — день, страстно любимый и съ нетерпѣнiемъ ожидаемый всѣми бельгійскими дѣтьми. Это точно воскресенье карнавала, но преимущественно для дѣтей, хотя многочисленныя маски съ утра бѣгаютъ по улицамъ, а вечеромъ отправляются на балы, которые мы описали выше.

Въ этотъ день существуетъ обычай дѣлать дѣтямъ сюрпризы и дарить подарки. Наканунѣ его каждый ребенокъ, прежде чѣмъ ложиться спать, несетъ корзину, наполненную сѣномъ и корками, и ставитъ ее куда нибудь въ сѣни или въ уголокъ камина. Какъ бьется дѣтское сердце, когда онъ отходитъ отъ этой завѣтной корзинки! Онъ положилъ въ нее сѣно и корки, такъ какъ няня говорила ему, что «дѣдушка Грефъ» придетъ завтра на своей бѣлой лошади. Послушнымъ дѣтямъ дѣдушка наложитъ въ корзину гостинцевъ и игрушекъ, а дурнымъ оставитъ въ ней розги.

Дитя вспоми аеть свои шалости и капризы и кладетъ въ корзинку сѣно и корки, чтобы задобрить хотя бѣлую лошадь «дѣдушки Грефа». Если дѣдушка оставитъ розги, то ихъ привѣшиваютъ куда нибудь въ уголь и онѣ остаются тамъ висѣть до дня Св. Николая. Наканунѣ этого дня, т. е. 5-го декабря, дѣти тоже всячески стараются задобрить этого Святаго: кладутъ въ корзину или въ башмакъ сѣно и хлѣбъ для осла, на которомъ онъ поѣдетъ, и, наконецъ, прежде чѣмъ лечь спать въ этотъ день, они затягиваютъ такую пѣсню: «Св. Николай, будь такъ добръ, дай мнѣ что нибудь, тогда я буду служить тебѣ всю свою жизнь. Если не дашь — не буду тебѣ служить и не буду тебя любить». Однако, несмотря на эту угрозу, Святой иногда остается неумолимъ и приносить розгу непослушнымъ дѣтямъ.

Но не только эти дни предназначены для торжества дѣтей. Въ день Св. Мартына (11-го ноября), вдругъ открывается дверь въ комнату, гдѣ сидятъ дѣти, и невидимая рука святаго бросаетъ направо и налево разныя лакомства: яблоки, пряники, орѣхи. Иногда онъ является къ дѣтямъ одѣтый епископомъ.

28-го декабря, въ день избіенія младенцевъ, во всѣхъ домахъ дѣти дѣлаются полными хозяевами. Съ утра мальчики наряжаются въ желеты и колпаки отца и дѣда, а дѣвочки — въ кофты и чепчики матери; тѣ и другія цѣлыми толпами весело бѣгаютъ изъ дома въ домъ съ криками: «я сегодня папа! я сегодня мама!» Или поютъ пѣсню, которая начинается: «мама и папа! развѣ у васъ ничего не найдется для насъ?» Подаренныя имъ пряники и гостинцы дѣвочки прячутъ въ большіе мѣшки, которые иногда привязываютъ себѣ на спину.

Въ каждомъ домѣ въ этотъ день дѣти заказываютъ обѣдъ, а тамъ, гдѣ въ семьѣ есть прислуга, она обязана исполнять всѣ ихъ приказанія, всѣ ихъ прихоти.

Другой такой счастливый день устраиваютъ себѣ дѣти въ день Св. Фомы (21-го декабря). Дѣти утромъ вбѣгаютъ къ родителямъ и объявляютъ имъ, чтобы они вышли изъ комнаты и не возвращались въ нее, пока не пообѣщаютъ имъ устроить пирушку и заказать любимое кушанье. Учителя и учительницы въ этотъ день обыкновенно находятъ классную комнату запертою, и ихъ впускаютъ только въ такомъ случаѣ, если они пообѣщаютъ не заниматься въ этотъ день и принести имъ гостинца или пива.

Во многихъ мѣстностяхъ Бельгіи 6-го января, т. е. въ праздникъ Крещенія, существуетъ обычай покупать у булочниковъ круглый хлѣбецъ, въ которомъ запечонъ черный бобъ. Когда этотъ хлѣбъ принесенъ домой, его разрѣзаютъ на ровныя части, по числу членовъ семейства. Кто получить кусокъ съ бобомъ, тотъ *король* и долженъ цѣлый день разыгрывать эту роль. Чтобы это было болѣе естественно, всѣ остальные члены семьи дѣлаются его свитой: они вынимаютъ жребій, кто въ какой должности долженъ состоять при немъ. Этотъ вновь произведенный дворъ состоитъ изъ совѣтника, доктора, кондитера, шута, музыканта, пекаря, секретаря, швейцара и нѣсколькихъ лакеевъ. Каждый долженъ стараться въ продолженіе всего вечера выдержать свою роль, и когда король, который сидитъ все время въ бумажной коронѣ, начинаетъ пить, всѣ приближенные кричатъ: «король пьетъ» и т. п.

Кампина. — Характеръ мѣстности и нравы жителей. — Крестяны, похороны, свадьба, торжественный переѣздъ служащихъ. — Геель. — Колонія сумашедшихъ. — Ихъ жизнь и отношеніе къ окружающимъ.

Кампина (la Campine) занимаетъ огромное пространство въ провинціяхъ Брабанта, Антверпена и Лимбурга; она уже давно славится своимъ бесплодіемъ и напоминаетъ собою жалкія, пустынные и песчаныя ланды Гасконіи.

Необъятныя пространства Кампины представляютъ огромную равнину, которая только въ нѣкоторыхъ пунктахъ возвышается до 80 метровъ надъ уровнемъ моря. Передъ взоромъ путешественника разстилается безконечный верескъ. Дикій тернъ, дрокъ, мелкая сосна и верескъ единственные представители растительнаго царства. Отъ Мааса до Антверпена, по всей Кампинѣ тянется безконечная линія совершенно обнаженныхъ дюнь, бѣлый песокъ которыхъ волнуется отъ малѣйшаго вѣтерка, засыпая часто дороги и обработанные участки по сосѣдству. Тамъ и здѣсь, въ болѣе низменныхъ мѣстахъ, дождевая вода, задержанная на одномъ мѣстѣ непроницаемой почвой, образовала множество болотъ, которыя привлекаютъ къ себѣ своей свѣжею зеленью и различными растеніями. Но бѣда тому, кто, пораженный этимъ чуднымъ зеленымъ ковромъ среди пустынныхъ ландъ, вздумаетъ по нимъ прогуляться: корни растительности быстро разрываются подъ ногами, и человекъ легко и безвозвратно можетъ провалиться въ ужасную трясины. Такія болота покрываютъ здѣсь собой нерѣдко громадныя пространства. Но онѣ въ то же время приносятъ огромную пользу, такъ какъ даютъ возможность извлекать торфъ, котораго здѣсь такъ много.

Огромныя пространства, покрытыя верескомъ и пересѣченныя дюнами и болотами, почва, главнымъ образомъ состоящая изъ чистаго песку, все это представляетъ сущее несчастье для агронома; но Бельгія издавна прославилась умѣньемъ и необыкновеннымъ прилежаніемъ превращать голыя пустыни въ цвѣтуція мѣстности. Кампина служитъ этому лучшимъ примѣромъ. Чтобы улучшить землю въ этой части Бельгіи, правительство провело множество каналовъ и сдѣлало громадныя денежныя затраты. Вслѣдствіе этого, еще недавно, огромныя пространства бесплодной земли превращены теперь въ луга

и сѣнокосы. Кампину можно раздѣлить на двѣ части: на *западную*, теперь уже совершенно воздѣланную, и *восточную*, въ которой еще далеко не все воздѣлано. До сихъ поръ еще въ восточной части много песчаныхъ пустынь, но тѣмъ не менѣе и здѣсь вась нерѣдко поражаютъ замѣчательные контрасты: подлѣ самыхъ печальныхъ пустынь песку и сухого вереска передъ вами разстилаются роскошныя поля ржи и картофеля.

Въ жителяхъ Кампины ярко отразились всѣ выдающіяся черты характера бельгийцевъ: условная вѣжливость, страсть къ процессіямъ и религиозныя суевѣрія, доведенныя до диваго фанатизма.

Въ отношеніяхъ другъ къ другу низшаго класса существуетъ не то особая какая-то вѣжливость, но скорѣе церемонность, предписывающая множество правилъ, отъ которыхъ никто не имѣетъ права отступить ни на шагъ. Проходя мимо поля, необходимо сказать рабочимъ: «помогай вамъ Богъ»; на это вамъ должны отвѣчать «благодарствуйте, сударь». Дѣвушка, подавая стаканъ пива или водки въ трактирѣ, непремѣнно должна сказать: «благослови вась Богъ, сударь», на это ей должны отвѣчать: «сдѣлай мнѣ одолженіе, дѣвушка, отвѣдай изъ стакана» и т. п.

Религиозныя свои чувства они прежде всего выражаютъ своимъ участіемъ въ религиозныхъ процессіяхъ и тѣмъ, что безпрестанно, въ попадъ и не въ попадъ, осѣняютъ себя знаменіемъ креста. Они не только крестятся, начиная ѣсть, пить и что нибудь дѣлать и по окончаніи этого, но получая деньги и выдавая ихъ, садясь за столъ и вставая, входя въ комнату и выходя изъ нея. Возница, остановившись передъ кабакомъ, чтобы выпить стаканчикъ можжевельной водки, правой рукой крестится, а лѣвой, въ то же время, принимаетъ поднесенный ему стаканъ; служанка, принимаясь рѣзать хлѣбъ, креститъ его и себя, это входитъ въ привычку, отъ которой впоследствии даже трудно отвыкнуть. Развиваетъ здѣсь эту привычку безпрестанно крестить себя — множество изображеній Богородицы, которыя вдѣланы въ нишахъ на всѣхъ перекресткахъ, прибиты на дощечкахъ къ колодцамъ, на столбахъ у дороги, привѣшаны даже на деревьяхъ. Большинство этихъ изображеній освѣщаются вечеромъ лампами. Вотъ поэтому, когда мушина идетъ здѣсь по дорогѣ, онъ безпрестанно снимаетъ шляпу и крестится, дѣвушки, даже на ходу, преклоняютъ колѣна и тоже крестятся.

Не менѣе любопытны ихъ наиболѣе важныя обычаи. По возвращеніи изъ церкви послѣ крестинъ, крестная мать вноситъ дитя въ комнату родильницы и передаетъ ей его со словами: «мать, приношу вамъ христіанина!» Самымъ характернымъ явленіемъ этого праздника служитъ обыкновеніе варить кушанье, которое дѣлаютъ изъ теплаго пива, яицъ, булки и значительнаго количества сахару и угощаютъ имъ сосѣдокъ. Еще большимъ обиліемъ угощенія отличаются похороны.

Лишь только человекъ скончается, у воротъ его дома выставляютъ деревянный стулъ, а на немъ ставятъ небольшое распятіе или сложенные накрестъ два пучка соломы. На спинку стула вѣшаютъ маленькій фонарь, который освѣщаютъ вечеромъ, и, такимъ образомъ, всѣ проходящіе мимо, во всякое время дня, знаютъ, что тутъ есть покойникъ и не упустятъ случая, конечно, чтобы перекреститься. Вечеромъ, когда весь домъ запертъ, у одного изъ оконъ вѣшаютъ фонарь. Во многихъ мѣстностяхъ Бельгіи, въ домѣ, гдѣ есть покойникъ, вывѣшиваютъ соломенный крестъ, приглашая этимъ прохожихъ къ обычной молитвѣ объ усопшихъ.

Если покойникъ при жизни занимался пчеловодствомъ, то тотчасъ послѣ его кончины кто нибудь изъ его домашнихъ идетъ къ пчеламъ, стучится въ каждый улей и говоритъ: «пчелки, не спите, вашъ хозяинъ уходитъ!» Если онъ занимался молочнымъ хозяйствомъ, то идутъ къ его коровамъ, и, обращаясь къ каждой изъ нихъ, говорятъ: «корова, не спи, твой хозяинъ уходитъ».

Когда покойника обмоютъ и одѣнутъ, его кладутъ на ворохъ свѣжей соломы, называемой «мертвецкой соломой». Собравшіеся родные и друзья вечеромъ молотся непрерывно въ той комнатѣ, гдѣ скончался покойникъ. Въ церковь тѣло везутъ на двухъ лошадяхъ, запряженныхъ въ большую телѣгу, и кучеру не позволяютъ при этомъ брать плетки. Пизъ погребальныхъ дорогъ устилаютъ «мертвецкой соломой», на которой лежалъ покойникъ. Впереди у ногъ покойника, на тѣхъ-же дорогахъ, сидитъ его вдова, вся въ черномъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тропинка пересѣкаетъ дорогу, или икона виситъ на деревѣ или на столбѣ, — тамъ бросаютъ пучекъ соломы; никто не дотрогивается до нея, потому что она всѣмъ говоритъ, что тутъ провозили покойника, и каждый при этомъ обязанъ осѣнить себя знаменіемъ креста. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бельгіи эту солому не бросаютъ на полъ, а пучки ея втыкаютъ между вѣтвей дерева, или въ землю ставятъ маленькіе деревянные кресты.

У кладбища гробъ снимаютъ съ телѣги и несутъ на рукахъ: при этомъ соблюдаютъ такой обычай: гробъ молодой дѣвушки несутъ на плечахъ неженатые парни, а гробъ молодого человѣка — дѣвушки. Затѣмъ всѣ приглашенные отправляются въ трактиръ на чрезвычайно обильный обѣдъ. Здѣсь хотя и прочитываютъ вначалѣ, по срединѣ и въ концѣ пиршества нѣсколько молитвъ за упокой души усопшаго, но, несмотря на это, гости чрезвычайно весело болтаютъ между собой и ѣдятъ съ большимъ аппетитомъ.

Могилы на деревенскомъ кладбищѣ отличаются разными украшеніями, по которымъ можно узнать кто похороненъ: на могилѣ ребенка—три вѣнца изъ пестрой бумаги; на могилѣ молодой дѣвушки — бѣлые вѣнцы съ черной каймой; у молодого человѣка— три креста изъ бѣлой бумаги; у пожилыхъ людей—кресты изъ пестрой бумаги.

Дѣти, умершія послѣ крещенія, по понятіямъ фламандцевъ, на небѣ ничего другого не дѣлаютъ, какъ ѣдятъ золотыми ложками молочную, рисовую кашу; если-же они умрутъ некрещенными, то души ихъ остаются на землѣ въ видѣ блуждающихъ огней. Крестьянинъ, завидя ночью блуждающій огонь, считаетъ необходимымъ перекрестить ту сторону, откуда онъ ему показался, и произносить при этомъ слова, установленныя при крещеніи.

2-го ноября вспоминаютъ всѣхъ умершихъ родныхъ и друзей заупокойной обѣдней. Эта «заупокойная обѣдня» глубоко почитается людьми пожилыми и ее съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ молодежь, такъ какъ она даетъ поводъ молодымъ людямъ встрѣтиться между собой и окончателно переговорить на счетъ сватовства. Если сватовство принято, то парень имѣетъ право весною три раза посѣтить свою невѣсту и съ глазу на глазъ проводить съ нею очень долгое время. Болѣе зажиточные молодые люди выказываютъ свое расположеніе дѣвушкѣ тѣмъ, что въ майскую ночь, передъ окнами ея комнаты, ставятъ шесть, украшенный бумажными вѣнками, блестящими лентами, мишурой, — этотъ украшенный шесть называютъ «майскимъ деревомъ». Если дѣвушка тщеславна, любитъ ухаживанья и если найдутся молодые люди, оскорбленные ею, которые пожелаютъ ей отомстить, то ставятъ передъ окнами ея комнаты шесть, съ привязанною чучелою изъ соломы, въ человѣческой ростъ и одѣтою въ мужское платье. Иногда случается, что подобную фигуру, но только въ женскомъ платьѣ, ставятъ въ майскую ночь подъ окнами тщеславнаго парня, который ухаживаетъ не за красивыми и добрыми дѣвушками, а за богатыми.

Свадьбу празднуютъ въ домѣ невѣсты или въ одномъ изъ большихъ трактировъ того села, въ которомъ она живетъ. Наканунѣ свадьбы парни сосѣднихъ дворовъ цѣлый вечеръ стрѣляютъ изъ ружей и мортиръ, за что въ награду получаютъ отъ жениха нѣсколько бочекъ пива. По возвращеніи изъ церкви, прислуга невѣсты спѣшитъ обтереть новобрачнымъ сапоги бѣлымъ носовымъ платкомъ и посыпаетъ имъ дорогу пескомъ и обрѣзками пестрой бумаги; за то и другое имъ дарятъ деньги.

За свадебнымъ столомъ молодыя должны садѣть другъ противъ друга, и между ними ставятъ фаянсовую тарелку съ двумя стаканами: одинъ изъ нихъ наполненъ сладкимъ бѣлымъ виномъ, другой—уксусемъ. Молодой, не отвѣдавъ вина, подаетъ его женѣ; та принимаетъ его лѣвой рукой, а правой беретъ уксусъ, отпиваетъ немного и передаетъ стаканъ мужу; затѣмъ, отвѣдавъ также и вина, она передаетъ мужу, который съ своей стороны выпиваетъ по глотку изъ обоихъ стакановъ, это означаетъ готовность супруговъ дѣлить другъ съ другомъ все сладкое и горькое въ жизни.

Послѣ свадебнаго обѣда всѣ отправляются въ трактиръ танцовать, если только мѣстный священникъ не запрещаетъ это, считая танцы изобрѣтеніемъ дьявола, что въ Бельгii случается нерѣдко.

Чрезвычайно сильно вкоренился въ Бельгii почти всюду, и особенно въ Кампинѣ, обычай торжественно перевозить всѣхъ служащихъ людей, когда они мѣняютъ одно мѣсто на другое. Срокъ найма прислуги въ деревняхъ большею частію годовой, и она мѣняется, смотря по мѣстности: въ день Св. Петра (22-го Февраля), въ серединѣ Марта или въ день Петра и Павла (29-го Юня). Всѣ работники по сосѣдству узнаютъ, когда дѣвушка или парень мѣняютъ мѣсто. Въ складчину они нанимаютъ прекрасную повозку, украшаютъ ее, а также и лошадей цвѣтами, вѣнками и бантами изъ пестрой бумаги и мишуры, впрягаютъ 5, а иногда даже 6 лошадей и перевозятъ служащаго человѣка изъ прежняго жилища на новое мѣсто. Во время этого переѣзда все общество усаживается въ одну повозку, на сундуки и ящики виновника торжества, при этомъ ѣдутъ рысью, во все горло распѣвая пѣсню: «хотимъ ѣхать въ страну розъ; смѣло возьмемъ путь на востокъ, черезъ зеленые степи, —тамъ найдемъ лучшія мѣста». Эту старинную «пѣсню переселенцевъ» поютъ всегда въ такихъ случаяхъ. У каждаго шинка, который попадаетъ на дорогѣ, вся компанія останавливается для выпивки и затѣмъ снова отправляется въ путь и затягиваетъ «пѣсню переселенцевъ».

Точно такимъ же способомъ совершается переѣздъ арендаторовъ на новыя мѣста; ихъ перевозятъ будущіе сосѣди и угощаютъ кофеемъ, пивомъ, яйцами, ветчиной и буттербродами. Но съ особеннымъ торжесгвомъ устраиваютъ «переѣздъ» любимаго священника, когда онъ оставляетъ старое свое мѣсто, мѣняя его на новое. Въ такихъ случаяхъ работники выпрашиваютъ у своихъ хозяевъ лошадей и тѣ считаютъ непрослительною скупостью отказать имъ въ этомъ. Экипажъ и лошадей великолѣпно украшаютъ, сами рабочіе надѣваютъ въ такихъ случаяхъ свой лучшій праздничный нарядъ и убираютъ свои соломенные шляпы красными лентами, длинные концы которыхъ развѣваются по вѣтру.

Посреди пустынь Кампины лежатъ селеніе Геель, прославившееся своею колонією умалишенныхъ. Это учрежденіе для страждущихъ разстройствомъ умственныхъ способностей вовсе не напоминаетъ ни одно изъ подобныхъ заведеній въ другихъ образованныхъ странахъ. Большая часть обитателей Гееля состоитъ изъ людей бѣдныхъ, но совершенно здоровыхъ и тѣломъ и душою; меньшую часть населенія составляютъ сумасшедшіе, которые живутъ среди здоровыхъ на полной свободѣ, исполняютъ вмѣстѣ съ ними всѣ домашнія и полевые работы, гуляютъ, гдѣ имъ вздумается, и участвуютъ даже вмѣстѣ со всѣми въ религиозныхъ процессіяхъ, торжествахъ и праздникахъ. Вслѣдствіе того, что эти несчастные, лишенные ума люди, живутъ постоянно среди здоровыхъ, всегда заняты вмѣстѣ съ ними полезною работою, въ Геелѣ господствуетъ такое же спокойствіе и безопасность, какъ и въ другомъ мѣстѣ.

Это спокойствіе поражаетъ тѣмъ болѣе, что умалишенныхъ здѣсь отъ 700 до 800 человѣкъ; всѣхъ же жителей отъ 9,000 до 10,000, слѣдовательно почти двѣнадцатая часть населенія состоитъ изъ сумасшедшихъ.

Чѣмъ ближе къ Геелю, тѣмъ чаще попадаются фермы, наружность которыхъ уже не такъ бѣдна; растительность съ каждымъ шагомъ становится богаче; тамъ и здѣсь ручеекъ освѣжаетъ иссохшую землю и все чаще попадаются среди этой пустыни, хотя маленькіе, но прелестные оазисы. Вотъ наконецъ и множество домиковъ, окруженныхъ садами, и вы думаете, что вы среди большого трудолюбиваго населенія, которое и въ такой мѣстности нашло какой нибудь особенный источникъ благосостоянія.... Вы въ Геель, который считается самымъ значительнымъ пунктомъ бельгійской Кампины.

Геель основанъ, какъ говоритъ народное преданіе, въ первыхъ вѣкахъ христіанства. Уже въ VII столѣтіи, въ пустыняхъ Кампины находилась часовня въ честь св. Мартина. Часовню окружало нѣсколько келій, которыя и послужили началомъ нынѣшнему Геелю. Сюда пріѣхала молодая дочь ирландскаго короля Димфна, бѣжавшая отъ преслѣдованій своего преступнаго отца. Здѣсь надѣялась она прожить свой вѣкъ въ покоѣ и одиночествѣ и умереть, забытая свѣтомъ. Однако отецъ открылъ ея убожище и собственноручно отрубилъ ей голову. По нѣкоторымъ легендамъ, нѣсколько умалишенныхъ, которые были очевидцами мученической смерти принцессы, тотчасъ получили исцѣленіе; другія же говорятъ, что умалишенные исцѣленіе получали тогда, когда приходили на могилу Димфны. Какъ бы то ни было, но народная молва стала приписывать исцѣленіе сумасшедшихъ этой несчастной принцессѣ, которую съ этихъ поръ стали считать святой и покровительницею умалишенныхъ.

Когда распространилась эта молва, многія семейства стали привозить сюда своихъ родственниковъ, одержимыхъ помѣшательствомъ. Вскорѣ это вошло въ обычай. Желая окончателно исцѣлить больнаго, родственники, возвращаясь домой, оставляли его здѣсь на попеченіе мѣстныхъ жителей. По прошествіи нѣкотораго времени группа бѣдныхъ лачугъ разрослась въ село, а потомъ и въ значительный городъ, важнѣйшій пунктъ Брабантской Кампины. Фермы и хижины быстро размножились въ окрестностяхъ и наконецъ образовали общину.

Хотя родственники, оставляя больнаго въ томъ или другомъ семействѣ, и вносили за него небольшую плату, но ея обыкновенно не хватало на содержаніе, такъ какъ мѣстность была чрезвычайно неплодная. Между тѣмъ, по понятіямъ жителей, они обязаны были принимать къ себѣ каждаго умалишеннаго, котораго къ нимъ привозили, такъ какъ св. Димфна, въ мѣстности, въ которой они жили, покровительствовала этого рода больнымъ. Бѣдность поселянъ, ихъ расчетъ, вѣра въ св. Димфну, какъ покровительницу умалишенныхъ, и небольшая плата, которую они получали за больныхъ, все это заставило ихъ жить очень дружно съ помѣшанными, обходиться съ ними очень гуманно и въ то же время приучать ихъ дѣлать съ ними всѣ труды въ домѣ, полѣ и въ саду. Такъ какъ здоровые никогда не оставляли больныхъ, то за ними прежде всего былъ всегда бдительный надзоръ; постоянный физическій трудъ былъ лучшимъ лекарствомъ противъ ослабленія или излишняго раздраженія нервовъ. Умалишенные, находящіеся въ заведеніяхъ для больныхъ этого рода или дома подчиненные строгому надзору, всегда чувствуютъ себя въ возбужденномъ, нервномъ состояніи. Въ Геель же устроилось иначе. Умалишенный пьетъ, ѣстъ, одѣвается, работаетъ, гуляетъ, какъ и здоровые, окружающіе его люди, и потому онъ въ болѣе нормальномъ состояніи духа.

Личныя выгоды «кормильцевъ» — (такъ называются хозяева дома, въ которомъ содержится умалишенный) заставили ихъ уже давно относиться къ своимъ сумасшедшимъ гораздо гуманнѣе, чѣмъ это предписывали имъ различныя постановленія. Въ 1676 г. имъ приказывали употреблять цѣпи и веревки, чтобы мѣшать сумасшедшимъ наносить вредъ окружающимъ. Но цѣпи и веревки мѣшали работать, и каждый «кормилецъ» говорилъ про своего больнаго, «помилуйте, мой сумасшедшій вовсе не золъ,

онъ никому не дѣлаетъ вреда, это, напротивъ, добрѣйшее существо въ мірѣ». Новый законъ 1851 года, которымъ руководствуются и въ наше время, составляетъ новую эру для этого заведенія. По этому закону правительство совсѣмъ не вмѣшивается въ дѣла колоній и вполне предоставляетъ дѣло присмотра за больными общинѣ и учрежденію медицинскаго надзора изъ трехъ врачей-спеціалистовъ и инспектора.

Когда путешественникъ вѣзжаетъ въ Геель, онъ не найдетъ здѣсь рѣшительно ничего такого, что могло бы заставить его думать, что онъ въ колоніи умалишенныхъ. Улицы почти совершенно пусты; въ садахъ трудятся нѣсколько работниковъ; изъ оковъ выглядываютъ любопытные; немногіе праздные толкуются на площади и сидятъ въ кабакахъ: вообще наружность самая спокойная, доказывающая отсутствіе дѣятельной фабричной или торговой жизни. Но если путешественникъ заранѣе знаетъ, куда онъ пріѣхалъ, если онъ знакомъ съ симптомами сумасшествія, то замѣтитъ странность, которая невольно останавливаетъ на себѣ его вниманіе: вотъ человекъ, занятый, какъ и всѣ остальные полевой работой; онъ отличается отъ другихъ только тѣмъ, что безпрестанно улыбается; другой, прогуливаясь, отдаетъ направо и налево элегантныя поклонны; третій внезапно и рѣзко обращается къ вамъ, какъ человекъ власть имѣющій. Не смотря на все отвращеніе здѣшнихъ жителей къ цѣнямъ и веревкамъ, вы иногда все таки встрѣчаете сумасшедшихъ въ цѣняхъ.

Въ Геель принимаютъ помѣшанныхъ всякаго рода, исключая тѣхъ, болѣзнь которыхъ требуетъ постояннаго употребленія укротительныхъ мѣръ, какъ напр. помѣшанныхъ на самоубійствѣ, убійствѣ, поджигательствѣ, однимъ словомъ такихъ, дѣйствія которыхъ могли бы нарушить общественную безопасность. Что касается до иступленныхъ, которые отъ времени до времени впадаютъ въ страшное бѣшенство, то ихъ крестьяне принимаютъ къ себѣ съ особенною охотою. Это, повидимому, странное явленіе объясняется очень просто; бѣшенство доказываетъ физическую силу организма; въ періоды спокойствія эти сумасшедшіе бываютъ сильными и здоровыми работниками и потому чрезвычайно полезны для хозяина. Напротивъ идіоты или параличные, обыкновенно чрезвычайно тихіе и спокойные, только обременяютъ его, и труды ихъ едва вознаграждаютъ расходы на ихъ содержаніе. Понятно, что послѣдняго сорта больныхъ всего болѣе избѣгаютъ «кормильцы». Главный контингентъ умалишенныхъ составляютъ неизлечимые больные. Когда умопомѣшаннаго долго лечили дома, или въ томъ, или другомъ заведеніи для больныхъ этого рода, и никакія медицинскія пособія не помогли ему, его посылаютъ въ Геель, надѣясь на чудотворную силу святой покровительницы. Но такой больной и здѣсь остается неизлечимымъ; характеръ болѣзни мѣняется только въ томъ отношеніи, что онъ быстро крѣпнетъ физически и, цѣлый день занятый какою нибудь работой, не дѣлаетъ никому вреда.

При приѣмѣ больныхъ не обращаютъ никакого вниманія ни на ихъ образованіе, ни на религію, ни на національность, ни на возрастъ, ни на полъ, ни на состояніе. Всѣхъ принимаютъ съ одинаковою охотою и всѣ пользуются одинаковыми гигиеническими и медицинскими пособіями, кромѣ пищи и квартиры, которыя различны по состоянію больныхъ. Послѣ бельгійцевъ, которые, разумѣется, составляютъ большинство, болѣе другихъ здѣсь голландцевъ и нѣмцевъ; за ними слѣдуютъ французы и небольшое число англичанъ и шведовъ.

Жители общины католики, но свобода вѣроисповѣданія, существующая въ Бельгіи для всѣхъ и cadaго, еще болѣе священна относительно помѣшаннаго. Всѣмъ оказываютъ здѣсь одинаковое братское гостепріимство: старикамъ и дѣтямъ, богатымъ и бѣднымъ, ученымъ и необразованнымъ. Впрочемъ въ Геелѣ есть нѣсколько семействъ, гдѣ богатые умалишенные встрѣчаютъ если не изыщество, то по крайней мѣрѣ гораздо

больше удобствъ, чѣмъ могутъ пользоваться другіе. При болѣе высокой платѣ за содержаніе, больные могутъ имѣть прислугу, зкипажъ, и все это, нужно замѣтить, за цѣну, несравненно меньшую, чѣмъ гдѣ либо. Еще недавно въ числѣ умалишенныхъ былъ богатый англичанинъ, который жилъ здѣсь очень весело и тратилъ свое огромное состояніе на праздники, охоту и разныя удовольствія.

Мы уже сказали, что сумасшедшіе здѣсь люди разныхъ національностей; поэтому существенное неудобство, съ которымъ здѣсь сталкиваются, это различіе языковъ; природные жители говорятъ на фламандскомъ нарѣчій, а этотъ языкъ мало извѣстенъ въ другихъ странахъ. Впрочемъ сходство его съ нѣмецкимъ и голландскимъ языками нѣсколько облегчаетъ разговоръ для больныхъ этихъ двухъ сосѣднихъ націй. Французовъ обыкновенно помѣщаютъ въ достаточныя семейства Гееля, гдѣ всегда говорятъ по французски. При распредѣленіи сумасшедшихъ по семействамъ не дѣлаютъ никакого раздѣленія по свойству и важности болѣзни; запрещаютъ только помѣщать въ одномъ домѣ мужчинъ и женщинъ, да и этому правилу не всегда строго слѣдуютъ.

Дома, гдѣ живутъ сумасшедшіе, во всякое время дня совершенно открыты для родственниковъ, друзей и всѣхъ желающихъ посѣтить больныхъ или заинтересованныхъ ихъ судьбою. У каждаго больного есть своя особая комната, различной величины, смотря по состоянію, но всегда отлично провѣтренная и чистая. Нѣкоторыя изъ этихъ комнатъ дѣйствительно очень малы и напоминаютъ монашескія кельи, но всѣ безъ исключенія отличаются необыкновенною чистотою. При постройкѣ новаго дома въ Геелѣ лучшая его часть всегда предназначается для умалишенныхъ.

Постель больного, согласно съ мѣстными обычаями, состоитъ изъ чистаго соломеннаго матраца, весьма часто перемѣняемаго. Больной ѣсть вмѣстѣ съ своимъ «кормильцемъ» простыя деревенскія кушанья, и каждый разъ сколько ему вздумается, и только въ крайнихъ случаяхъ, когда требуетъ здоровье больного, онъ получаетъ кушанье по порціямъ. Одежда не отличается ни формою, ни цвѣтомъ отъ одежды другихъ жителей и потому не обращаетъ на себя вниманія. Они могутъ ложиться спать и вставать, работать и отдыхать, читать и писать, пѣть или говорить, когда и какъ угодно. Мѣстные жители сами выработали въ высшей степени разумное правило—ни въ чемъ не противорѣчить больному, исполнять даже его прихоти, лишь бы онѣ не были вредны для него самого и для окружающихъ. Хотя «кормильцы» ни къ чему не принуждаютъ насильно своихъ больныхъ, но просятъ ихъ сдѣлать то или другое ласково и достигаютъ этимъ того, что они работаютъ, пьютъ. Ѣдятъ и отдыхаютъ въ одно время съ здоровыми, и такъ какъ они постоянно находятся вмѣстѣ, то и не требуютъ за собой особаго надзора,—онъ устанавливается самъ собой. Сумасшедшій не только свободно выходитъ здѣсь изъ дому, гуляетъ по дорогамъ, садамъ и полямъ, но посѣщаетъ даже публичныя гулянья, заходитъ въ кофейни, играетъ въ карты, читаетъ журналы, пьетъ пиво вмѣстѣ съ своими сосѣдями и товарищами. Но куда бы ни пошелъ больной, содержатели кофеенъ и другихъ заведеній этого рода должны знать въ лицо каждаго больного. Если онъ попроситъ подать вина или какихъ нибудь другихъ крѣпкихъ напитковъ, то ни подъ какимъ видомъ не должны исполнять этого (безъ особаго на то разрѣшенія); но въ тоже время они должны сдѣлать отказъ ему, не раздраживъ его. За продажу спиртныхъ напитковъ больнымъ съ продавца взимается большой денежный штрафъ.

Многіе утверждали, что подобная свобода можетъ повести помѣшанныхъ къ самоубійству, но факты совершенно разсѣяли эти опасенія, и въ десятки лѣтъ, а то и еще гораздо рѣже, едва насчитываютъ одинъ подобный случай. И это понятно: самоубійцами обыкновенно дѣлаются меланхолики, а такіе больные имѣютъ гораздо болѣе слу-

чаевъ предаваться меланхолии и отчаянью въ заведеніяхъ, гдѣ они живутъ подѣ строгимъ надзоромъ и ничѣмъ не заняты. Тутъ, напротивъ, они цѣлый день работаютъ на чистомъ воздухѣ, и это подѣ вечеръ такъ утомляетъ ихъ, что они отлично спятъ, а на завтра опять тотъ же здоровый и дѣятельный образъ жизни. Что касается покушенія на жизнь другихъ лицъ, то это случилось всего два раза, въ теченіи полулѣтка, и то одинъ изъ этихъ двухъ случаевъ былъ совершенъ, какъ нашель судъ, въ тѣ минуты, когда больной находился въ здоровомъ разсудкѣ, и потому убійца приговоренъ былъ даже въ каторжной работѣ на всю жизнь. Такія преступленія до того рѣдки въ Геель, что жители и не думаютъ никогда объ опасности. Конечно, бываютъ случаи, когда тотъ или другой больной подвергается припадку бѣшенства, но тогда все семейство съ помощью своихъ сосѣдей легко укрощаетъ его. Если такіе припадки дѣлаются хроническими, то на больного надѣваютъ особаго рода одежду, которая мѣшаетъ ему сдѣлать себѣ или другимъ какой-нибудь вредъ; въ случаяхъ сильнаго припадка бѣшенства ему одѣваютъ мѣдныя и желѣзныя цѣпи, связываютъ руки или ноги; впрочемъ, это дѣлаютъ такъ, чтобы не мѣшать свободному движенію.

Можно подумать, что при такой свободѣ больнымъ часто удается бѣжать изъ заведенія; но эти случаи здѣсь также чрезвычайно рѣдки: ихъ насчитываютъ не болѣе шести въ годъ, и при этомъ совсѣмъ убѣжать изъ колоніи все таки не удается. Лишь только помѣшанный исчезнетъ, его «кормилецъ» тотчасъ даетъ знать объ этомъ въ управленіе, которое немедленно поднимаетъ на ноги сторожей, полицію, жандармовъ и мѣстныя власти. Но это обыкновенно оказывается совершенно лишнимъ: окрестные жители, лишь только замѣчаютъ лицо, въ которомъ обнаруживаются признаки сумасшествія, а они знакомы съ ними до тонкости, тотчасъ отправляютъ его въ Геель. Къ тому же управленіе выдаетъ всякому, кто приведетъ бѣжавшаго сумасшедшаго, награду, смотря по разстоянію, въ одинъ франкъ съ милі. Понятно, что при такихъ мѣрахъ, попытки къ побѣгу удаются чрезвычайно рѣдко.

Женщины, страдающія умопомѣшательствомъ, занимаются здѣсь приготовленіемъ кружевъ; кто зналъ прежде какое-нибудь мастерство или здѣсь научился ему, дѣлается портнымъ, сапожникомъ и т. п.; больные изъ сельскаго сословія занимаются садовыми и полевыми работами; земледѣльцевъ стараются размѣщать по фермамъ. Есть не мало такихъ больныхъ, которые до такой степени превосходно исполняютъ то или другое, ремесло, что находятъ себѣ заказчиковъ. Чтобы еще болѣе побудить больныхъ къ труду, имъ назначаютъ небольшое денежное вознагражденіе: обыкновенно платятъ еженедѣльно отъ 50 сантимовъ до франка, даютъ бутылку пива или немного табаку, смотря по желанію.

Больные развлекаютъ себя здѣсь также музыкой и между ними нерѣдко являются замѣчательные виртуозы и таланты. Въ Геель жилъ одинъ помѣшанный, извѣстный подѣ названіемъ «великаго Кольбера». Онъ былъ необыкновенно талантливымъ скрипачемъ и, не смотря на разстройство умственныхъ способностей, основалъ геельское общество пѣнія. Члены этого общества до сихъ поръ сохраняютъ память о немъ и не затруднились украсить залу общества портретомъ этого талантливаго помѣшаннаго. Въ концертахъ общества пѣнія, на религиозныхъ торжествахъ и патріотическихъ празднествахъ—вездѣ участвуютъ сумасшедшіе; роли распределены между всѣми, смотря по таланту каждаго, не обращая никакого вниманія на состояніе его разсудка. На клиросѣ церкви св. Димфы поютъ всѣ, у кого есть голосъ, какъ помѣшанные, такъ и здоровые. Вы нерѣдко замѣчаете въ церкви, какъ многіе изъ нихъ, искренне ватолики, горячо и съ глубокимъ чувствомъ, па колѣняхъ, молятся Богу. Другіе, на-

противъ, когда всѣ преклоняють колѣна, гордо стоять: они воображаютъ себя богами, королями или принцами и считаютъ для себя унижительною преклонить колѣна.

Такая обстановка жизни нерѣдко совершенно излечиваетъ такихъ больныхъ, которые долго и тщетно лечились въ разныхъ заведеніяхъ Европы. Конечно, здѣсь, какъ и вездѣ, безпокойные и бѣшеные выздоравливаютъ скорѣе, чѣмъ тихіе, которые иногда доходятъ до идиотства. Мономанія рѣдко излечивается, въ особенности религіозная: Склонность къ разрушенію, если и не уничтожается совершенно, то по крайней мѣрѣ значительно ослабляется. Одна дѣвушка, которая, въ теченіи цѣлаго года, въ большомъ заведеніи умалишенныхъ уничтожала все, что попадалось ей въ руки, въ Геелѣ стала постепенно излечиваться отъ этой несчастной мономаніи. Полюбивъ своихъ хозяевъ и вида, какой она дѣлаетъ имъ убытокъ, она стала выходить изъ дому и постоянно ломать кусочки дерева.

И такъ, если упомѣшательство въ Геелѣ не всегда проходитъ, то больной имѣетъ случай окрѣпнуть здѣсь физически и нравственно, и жизнь его, вмѣсто вреда, приноситъ большую пользу.

Блестящіе успѣхи земледѣлія въ Бельгіи и тяжелый трудъ здѣшняго землепашца. — Провинція Фландрія и зажиточность ея жителей.

Въ Бельгіи существуетъ чрезвычайно мелкое землевладѣніе: въ среднемъ на цѣлый участокъ приходится около полудесятины земли; фермы въ сто акровъ считаются здѣсь очень крупными и ихъ не болѣе сотни во всемъ королевствѣ. Хотя дробленіе участковъ и въ настоящее время не уменьшается, а все увеличивается, но, не смотря на это, Бельгія достигла въ сельско-хозяйственномъ отношеніи самыхъ блестящихъ результатовъ, которые ставятъ ее на первое мѣсто въ ряду всѣхъ другихъ государствъ Европы. И дѣйствительно, она затрачиваетъ на свое земледѣліе наибольшее количество капиталовъ, чѣмъ какая нибудь другая страна въ Европѣ, конечно, сравнительно съ объемомъ своего королевства. Точно также она имѣетъ въ настоящее время самое большое количество скота, употребляетъ болѣе другихъ удобрительныхъ веществъ. Хотя и въ настоящее время въ странѣ этой немало бѣдныхъ землепашцевъ, но въ послѣдніе 30 лѣтъ они стали пользоваться несравненно большимъ благосостояніемъ. Успѣхи въ сельскомъ хозяйствѣ, сдѣланные въ теченіи этихъ послѣднихъ 30 лѣтъ, дѣйствительно изумительны: общая цифра непроизводительныхъ земель страны уменьшилась болѣе, чѣмъ на четверть; пространство земель, ежегодно засѣваемыхъ пшеницею, увеличилось на 34,000 гектаровъ; урожай улучшился на 20%; длина путей сообщенія увеличилась вдвое, что, конечно, вдвое облегчило сбытъ и оказало немедленно благотворное вліяніе на улучшеніе быта землепашцевъ. Такіе быстрые и блестящіе успѣхи земледѣлія изумляютъ еще болѣе, когда вспомнишь, что Бельгія принадлежитъ къ числу странъ съ наименѣе плодородной почвой: около трети ея занято песками, громадные пространства приходится на долю холодныхъ глинистыхъ или каменистыхъ почвъ. И несмотря на это, большинство мѣстностей въ настоящее время представляютъ что-то въ родѣ роскошнаго сада и огорода.

Но такіе блестящіе результаты при жалкой почвѣ даютъ себя чувствовать землепашцу. Трудно себѣ представить, какимъ трудомъ добываетъ бельгійскій рабочій свой хлѣбъ, часто выполняя то, что въ другихъ странахъ дѣлаетъ за него рабочій скотъ. Здѣсь сплошь и рядомъ попадаются мѣстности, при обработкѣ которыхъ не можетъ помочь ни плугъ, ни лошадь, и мушны, женщины и дѣти вскапываютъ землю желѣзными лопатками. Иногда представляется вамъ и болѣе любопытное зрѣлище: мужчины

и женщины на веревкахъ тянутъ по полю борону. Но еще тяжелѣе жизнь земледѣльцевъ, поселенныхъ около болотистыхъ мѣстъ, которыхъ здѣсь такъ много. Чтобы сдѣлать какую нибудь сажень земли удобною для обработки, нерѣдко множество рабочихъ проводятъ дни и мѣсяцы, стоя по грудь въ гнилой землѣ. Столько-же, а можетъ быть еще и болѣе труда и невзгодъ для тѣхъ изъ землепашцевъ, которымъ приходится превращать на огромныхъ пространствахъ зыбучіе пески въ пахатныя поля, роскошные луга и пастбища. Такимъ образомъ грунтъ земной здѣсь прежде всего искусственный: глина привезена изъ отдаленныхъ мѣстъ, гуано и другія удобрения покрыли песокъ и произвели землю, вполне удобную для обработки. Тамъ-же, гдѣ земля плодородна отъ природы, обработка ея въ этой странѣ доведена до совершенства и она даетъ баснословную жатву. Положеніе земледѣлія и прежде всего самихъ рабочихъ было бы еще лучше, если-бы въ Бельгій каждый имѣлъ свой собственный клочекъ земли. Между тѣмъ, въ настоящее время, здѣсь въ среднемъ на каждые 100 челоувѣкъ населенія приходится только 21 землевладелецъ. (Однако въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Люксамбургѣ, на 100 жителей—48 земледѣльцевъ, но за то въ западной Фландріи 14 землевладельцевъ на 100 жителей). Въ Бельгій огромное количество людей, арендующихъ землю у другихъ лицъ за недостаткомъ своей собственной.

Несмотря на всѣ неблагоприятныя условія, въ этой странѣ существуютъ мѣстности, которыя поражаютъ и своимъ изумительнымъ богатствомъ, и плодородіемъ, и зажиточностію своего населенія. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ Фландрія—самая значительная и большая провинція католическихъ Нидерландъ. Эта чудесная и богатая страна производитъ рѣшительно все, что только можетъ пожелать себѣ челоувѣкъ, и притомъ въ изумительномъ изобиліи. Особенно много получаютъ здѣсь зернового хлѣба всевозможныхъ родовъ. Здѣсь разводятъ также лучшій въ свѣтѣ скотъ. Сыръ и масло въ громадномъ количествѣ и превосходнаго качества, такъ что самая обыкновенная пища фламандца состоитъ изъ очень хорошаго блага хлѣба, молока, свѣжаго масла, говядины, свинины свѣжей или свѣже-просольной.

Хотя почва Фландріи песчаная, но она доведена до высшей степени плодородія, такъ какъ рѣшительно вездѣ воздѣлана, какъ роскошнѣйшій въ мірѣ садъ. Въ этой странѣ вы буквально не найдете ни одного дюйма запущеннаго пространства. Такого плодородія и высокой степени совершенства въ земледѣліи фландрцы достигли многими средствами. Здѣшніе земледѣльцы необыкновенно старательно собираютъ каждый атомъ городскихъ нечистотъ. Они охраняютъ свое удобреніе, какъ первѣйшее въ мірѣ сокровище, и возводятъ надъ нимъ крышу для предохраненія его отъ дождя и солнечныхъ лучей. Они собираютъ илзъ изъ рѣкъ, грязь изъ каналовъ, по большимъ дорогамъ—пометь животныхъ, а кости ихъ превращаютъ въ фосфорно-кислую соль. Коровьей мочей, собираемой въ ведрахъ, они поливаютъ рѣпу, которая безъ того тутъ никогда не произрастала бы, и расходуютъ неимоверныя суммы на гуано и искусственныя удобрения. Эти громадныя суммы фламандецъ пріобрѣтаетъ воздѣлываніемъ тончайшаго льна, заслуженно пользующагося уже съ давнихъ поръ громадною извѣстностію; много также онъ продаетъ сурѣпицы, хмѣля и цикорія. Фландрія вывозитъ приготовленный цикорій въ Германію, Голландію и во многія другія страны, а корнями посылаетъ его въ Варшаву; она вывозитъ хмѣль въ Парижъ, Лондонъ и Шотландію, лёнъ во Францію и Англію, табакъ въ Америку, сурѣпное и маковое масло въ южную Францію. Фландрія имѣетъ также большое количество фабрикъ, хотя знаменитые мануфактурныя центры Бельгій находятся не во Фландріи, а въ землѣ валлоновъ.

Другая причина блестящаго земледѣлія во Фландріи—это замѣчательное искусство и опытъ давнихъ дѣтъ фламандца, которые онъ получилъ въ наслѣдіе отъ своихъ

дѣдовъ; къ тому же то и другое, т. е. искусство и опытъ все болѣе совершенствуются.

Самые древніе историческіе памятники доказываютъ намъ, что земледѣліе во Фландріи давно было на высокой степени совершенства. Еще во времена римлянъ жители береговъ Шельды уже добывали изъ Англіи удобрение для своихъ неплодородныхъ полей. Въ IX-мъ вѣкѣ, въ окрестностяхъ Гента разводили лёнъ и виноградъ. Многочисленные документы говорятъ о томъ, что въ средніе вѣка здѣсь существовали способы земледѣлія почти такіе-же совершенные, какъ и въ наше время, и тогда первое вниманіе было обращено на удобрение, котораго вездѣ было въ изобиліи; поля были окружены великолѣпными изгородами, для домашняго скота разводили кормовыя травы и корни. Блестящее земледѣліе быстро развивало сельскую промышленность: полотняныя и шерстяныя фабрики достигли скоро громкой извѣстности. Сначала ткачи жили въ деревняхъ, а потомъ стали стекаться въ города. Вывозъ товару за границу поднялъ городскую промышленность, а вслѣдствіе этого городское населеніе стало быстро увеличиваться; вмѣстѣ съ этимъ увеличивалось и число городовъ. Эта маленькая страна начинаетъ постепенно преобразовываться въ чисто городское государство. Уже по народной переписи 1850 г. на двухъ бельгійцевъ приходился одинъ горожанинъ. Города и въ настоящее время царствуютъ здѣсь надъ странюю, городская промышленность надъ крестьянскою. Возрастаніе городовъ и теперь идетъ здѣсь съ изумительною быстротою. Народонаселеніе Брюсселя, въ теченіи 45 лѣтъ, почти удвоилось, Гента — болѣе чѣмъ удвоилось, Антверпена — увеличилось по крайней мѣрѣ на одну треть. Между тѣмъ въ этомъ преобладаніи городской жизни нѣтъ ничего произвольнаго или искусственнаго: оно коренится въ исторіи страны и ея природѣ. Народное богатство, обязанное еще въ средніе вѣка своимъ происхожденіемъ хорошей обработкѣ земли, уже тогда создало замѣчательно большіе и извѣстные города, какъ Гентъ, Брюгге, Ипръ, Лувенъ, Брюссель и Антверпенъ. Въ свою очередь богатство городовъ содѣйствовало развитію земледѣлія и процвѣтанію селъ. Чтобы показать, какой высокой степени умственнаго развитія достигла фламандская деревня въ средніе вѣка, достаточно указать на тотъ фактъ, что въ такое отдаленное время, какъ 1400 годъ, въ деревняхъ происходили драматическія представленія, и авторами этихъ пьесъ, какъ и актерами, были исключительно люди сельскаго населенія. Правда, что въ XVI-мъ вѣкѣ эти драматическія общества были уничтожены испанцами, а промышленность была убита войной и религіозными преслѣдованіями. Земледѣліе и народная образованность не только были остановлены въ своемъ быстромъ ходѣ и развитіи, но даже сдѣлали шагъ назадъ.

Несмотря на все это, преданія прошлаго пустили слишкомъ глубокіе корни, и имъ-то Фландрія обязана своимъ теперешнимъ благосостояніемъ и блестящимъ положеніемъ земледѣлія.

Большая часть восточной Фландріи раздѣлена на очень мелкія помѣстья; несмотря на это, онѣ очень богаты. Обыкновенно думаютъ, особенно въ Англіи, что при небольшомъ хозяйствѣ, дающемъ малые доходы, нельзя много затрачивать на усовершенствованіе земледѣлія, но хозяйство во Фландріи совершенно опровергаетъ эту мысль. Паровую молотилку, одну изъ самыхъ дорогихъ земледѣльческихъ машинъ, которая въ общемъ употребленіи въ Англіи, вы встрѣтите вездѣ и во Фландріи. Чтобы всѣ могли пользоваться этою машиною, здѣсь употребляютъ разныя средства: то нѣсколько фермеровъ соединяются вмѣстѣ и, купивъ машину, употребляютъ ее поочередно; то одинъ какой-нибудь поселянинъ, большею частью мельникъ, заводитъ паровую молотилку и раздѣляетъ съ нею отъ одного мелкаго фермера къ другому, молотя на мѣстѣ зерно за

извѣстную плату въ день или за извѣстное количество зерна. Тоже самое происходитъ, и съ паровымъ плугомъ.

Мы уже упоминали о томъ, что Фландрія производитъ чрезвычайно много хмѣля; чтобы получить хмѣль хорошаго качества, необходима прессовка его чрезвычайно дорогими машинами. Въ Поперингенъ, который считается центромъ производства хмѣля, община купила необходимыя машины, и фермеры платятъ положенный налогъ за прессовку своего хмѣля.

Но усовершенствованныя земледѣльческія орудія и паровыя машины были введены во Фландрію уже тогда, когда ея земледѣліе было на высокой степени совершенства; его первоначальнымъ развитіемъ и усовершенствованіемъ она обязана простымъ земледѣльческимъ орудіямъ. Лопата, плугъ и борона уже давно вывозились изъ Фландріи въ Англію. Земледѣлецъ съ лопатою въ рукѣ воздѣлалъ необыкновенно бесплодныя пространства, превратилъ дюны и пески, окаймляющіе опасные берега, въ плодоносныя поля, однимъ словомъ, этимъ первобытнымъ орудіемъ онъ преобразилъ бесплодную по природѣ почву Фландріи въ роскошнѣйшій въ мірѣ садъ.

Успѣху земледѣлія много способствовало и то, что фламандецъ придалъ каждому полю ту форму, которая лучше всего способствуетъ дренажу и обработкѣ почвы. Наконецъ, все его хозяйство до мельчайшихъ подробностей такъ устроено, что не знаешь, чему больше приписать совершенство его земледѣлія и замѣчательное плодородіе его земель. Онъ чрезвычайно аккуратно распредѣляетъ всевозможныя удобрения, такъ что ничего не теряется ни въ городѣ, ни въ деревняхъ. Всѣ фермеры и даже самыя бѣдныя арендаторы, кромѣ удобрения отъ своего собственнаго скота, покупаютъ его у особыхъ торговцевъ. Если нѣтъ наличныхъ денегъ, такой торговецъ всегда охотно одождаетъ навозъ съ тѣмъ, чтобы уплату за него произвели тогда, когда получаютъ жатву; онъ знаетъ, что земледѣлецъ не прокутитъ его въ кабакѣ, а непременно положитъ въ землю, которая въ свою очередь дастъ ему возможность получить долгъ.

Впрочемъ, не одно земледѣліе, а всѣ условія жизни этой благословенной страны способствуютъ обогащенію народа. Въ рѣкахъ и моряхъ здѣсь такъ много рыбы, что ее можно получить на всѣхъ городскихъ рынкахъ Фландріи за совершенный безцѣнокъ. Въ странѣ совершенно достаточно дѣса и кромѣ того немало торфа и превосходнаго каменнаго угля; есть здѣсь довольно много и желѣзныхъ рудниковъ, но разумѣется, не находятъ ни золота, ни серебра.

Жители страны въ высшей степени зажиточны и въ тоже время чрезвычайно трезвы и умѣренны. Ихъ главная характерная черта—умѣнье соразмѣрять свои доходы съ расходами; къ тому же они обладаютъ замѣчательною способностью вести свои торговыя дѣла такъ умно, какъ никакая другая нація на землѣ.

Фламандцы Фландріи высоки ростомъ, чрезвычайно сильны, красивы, превосходно сложены и лица ихъ прежде всего бросаются въ глаза своею необыкновенною веселостью и довольствомъ. Одни путешественники говорятъ, что на веселое открытое лицо фламандца завидно смотрѣть, другіе, привыкнувъ вездѣ встрѣчать недовольство, страданіе, полнѣйшее равнодушіе къ жизни или пламенныя страсти юга, находятъ, что всегда веселая физиономія фламандца производитъ непріятное впечатлѣніе, такъ какъ въ выраженіи ея прежде всего бросается въ глаза полное довольство своею судьбою и своею особой. Самый образованный фламандецъ Фландріи не идеалистъ и не мечтатель: онъ не знаетъ отрицанія, не испытываетъ раздѣлающаго анализа, не пролагаетъ новыхъ путей въ жизни, а идетъ по дорогѣ, превосходно разчищенной и проложенной его дѣдами. Это человѣкъ воли, энергій, несокрушимаго труда, и въ тоже время онъ необыкновенно гуманнѣйшій человѣкъ, который считаетъ долгомъ подѣлиться съ бѣднымъ. Эти практич-

ные люди въ тоже время ревностные друзья свободы и отъявленные враги рабства. Отъ нихъ ничего не добьешься силою и уломать ихъ можно только почтительнымъ къ нимъ отношеніемъ и кроткою просьбою. Они легко мирятся со всеми невзгодами, утѣшая себя мыслию, что могло бы случиться и хуже. Когда имъ говорятъ, что сгорѣлъ домъ, что впрочемъ случается здѣсь чрезвычайно рѣдко, они радуются, что той же участи не подверглось и стойло; когда погибло то и другое, они утѣшаютъ себя мыслию, что у нихъ здоровыя руки и голова. А фламандки Фландріи, — онѣ еще красивѣе своихъ мужей и братьевъ: ихъ полныя, бѣлыя лица съ прекраснымъ румянцемъ на щекахъ дышатъ здоровьемъ и спокойствіемъ. Фландрія — одинъ изъ тѣхъ немногихъ уголковъ Европы, гдѣ еще возможно семейное счастье.

И мужчины, и женщины въ этой странѣ превосходно одѣваются; особенно женщины всегда одѣты изысканно, хотя ихъ нарядъ имѣетъ видъ старины. Онѣ носятъ въ ушахъ огромныя серьги, на шеѣ фермуары съ дорогими каменьями и даже съ брилліантами, массивныя золотыя цѣпочки, драгоценныя украшенія, оставшіяся имъ въ наследство отъ предковъ и переходящія изъ рода въ родъ со временемъ, часто весьма отдаленныхъ. Маленькая соломенная шляпка украшена шелковыми лентами яркихъ цвѣтовъ и прикрываетъ большой кружевной чепчикъ, напоминающій собою чепчикъ нормандскихъ женщинъ. Когда наступаетъ ярмарка, фермеръ и его жена, во всемъ блескѣ здоровья, красоты и своего наряда, въѣзжаютъ въ сосѣдній городъ въ своихъ кабриолетахъ на высокихъ колесахъ.

Хотя вся фландрская страна едва имѣетъ немного болѣе десяти миль въ длину, но въ ней насчитываютъ тридцать большихъ красивыхъ городовъ и 1000 богатыхъ мѣстечекъ, которыя чрезвычайно мало удалены другъ отъ друга. Теперь понятно будетъ фраза спутниковъ Филиппа II, когда король посѣтилъ эту страну: «Фландрія — это одинъ непрерывный городъ».

Дюны и жилища въ нихъ. — Прибрежные жители, ихъ жизнь и занятія. — Ловля креветокъ, рыбы, устрицъ, ракушекъ.

Вездѣ, на всемъ фландрскомъ и голландскомъ побережьѣ, тянутся однообразныя цѣпи дюнъ, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышаются на 50 и даже на 80 футовъ надъ уровнемъ моря. Тутъ, какъ и въ Голландіи, морскія волны съ помощью буръ и растительности сами устроили защиту противъ океана. Такая помощь природы тѣмъ болѣе здѣсь кстати, что нерѣдко тотчасъ за дюнами почва лежитъ ниже уровня воды во время прилива, а здѣсь и тамъ находятся даже болота, которыя нѣкогда были покрыты моремъ, какъ это видно изъ находимыхъ въ нихъ остатковъ раковинъ. (Объ образованіи дюнъ и объ услугѣ, которую онѣ оказываютъ странѣ см. ст. «Голландія»).

Когда во время отлива надъ побережьемъ проносится рѣзкій вѣтеръ, песокъ тотчасъ приходитъ въ движеніе и несется надъ поверхностью земли длинными, бѣлыми полосами. Чѣмъ сильнѣе и суше вѣтеръ, тѣмъ бѣшенѣе его бѣгъ. Иногда потоки песку такъ велики, что они наполняютъ воздухъ на большомъ разстояніи. Дышать въ такую минуту, если находишься на открытомъ воздухѣ, — чрезвычайно тяжело, а идти противъ вѣтра можно только съ большимъ трудомъ, такъ какъ песчинки ударяютъ о кожу, какъ ледяныя иглы. Если при этомъ свѣтитъ солнце, то весь берегъ между водою и дюнами покрытъ свѣтлымъ облакомъ, и видъ моря, песка и неба представляетъ въ эту минуту прекрасную, величественную картину. Но для жителей побережья такіе потоки песку — величайшее несчастье, такъ какъ они заносятъ луга, поля и сады, обыкновенно об-

работанные и разведенные съ большимъ трудомъ. Чтобы хотя нѣсколько защитить себя отъ этихъ бѣшеныхъ потоковъ песку, прибрежные жители окружаютъ свои обработанные земли рвами и насыпями, которыя они скрѣпляютъ разными травами. Растенія, которыя разводять на естественныхъ и искусственныхъ дюнахъ и насыпяхъ, отличаются своими необыкновенно длинными корнями, глубоко пронизывающими песчаный холмъ. Такъ какъ растенія оказываютъ громадную пользу при устройствѣ насыпи и образованіи дюнъ, то на нихъ обращаютъ серьезное вниманіе. Эти травы извѣстны подъ разными названіями: «песчаный ячмень», «песчаный овесъ», «песчаный ситникъ». Но и тутъ природа помогаетъ людямъ, и кромѣ растеній, разведенныхъ жителями, вы найдете здѣсь множество сѣмянъ, занесенныхъ вѣтромъ, какъ на примѣръ: «морская горчица», «репейникъ», «тронцынъ цвѣтъ», «тысячелистникъ», — все это цвѣтеть и зелѣеетъ до глубокой осени и такимъ образомъ скрашиваетъ однообразный пейзажъ дюнъ. Между растеніями дюнъ особенно обращать на себя вниманіе песчаный тернъ, но онъ встрѣчается только со стороны суши и на вершинѣ болѣе широкихъ холмовъ. Онъ достигаетъ здѣсь не болѣе двухъ локтей высоты, но очень вѣтвистъ, имѣетъ густую листву и особенно необходимъ для защиты другихъ нѣжныхъ растеній. Его ягоды, величиною съ горошину, принимаютъ позднѣю осенью красноватый цвѣтъ и придаютъ оживленіе и оригинальную окраску дюнамъ. Эти ягоды съ продолговатою косточкою совѣмъ не употребляются людьми, но приманиваютъ къ себѣ перелетныхъ птицъ. Густота и роскошь растительности на тощихъ песчаныхъ холмахъ чрезвычайно удивляетъ многихъ, но это явленіе можно легко себѣ объяснить тѣмъ, что всѣ эти травы вообще отлично растутъ въ чистомъ пескѣ и особенно тамъ, гдѣ песокъ плотнѣе. Къ тому же дюны вовсе не такъ сухи, какъ объ этомъ можно подумать. Вслѣдствіе осажденія паровъ онѣ всегда прохладны и сыры внутри. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только разрыть гдѣ нибудь ихъ поверхность. Въ самые жаркіе лѣтніе дни, даже послѣ продолжительныхъ засухъ, у подножія дюнъ вы непременно найдете свѣжій ключевой источникъ. Вотъ почему прибрежные жители нерѣдко прибѣгаютъ къ колодцамъ въ дюнахъ.

Склоны дюнъ чрезвычайно различны: со стороны моря они подвергаются дѣйствию приливовъ и разрушительныхъ бурь, поэтому они круто обрываются, обнажены и только на поверхности поросли травами. Со стороны суши дюны болѣе защищены и потому онѣ вездѣ поросли растительностью, и здѣсь и тамъ между холмами или у подножія ихъ разведены довольно хорошіе дуга. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дюны состоятъ изъ двухъ, трехъ и даже больше рядовъ холмовъ, раздѣленныхъ глубокими долинами, въ которыхъ здѣсь и тамъ встрѣчаются небольшія пастбища и озера.

Въ этихъ дюнахъ и долинахъ царствуютъ уединеніе и покой. Если вы хотите избавиться отъ городского шума и движенія, пройдите въдоль цѣпи дюнъ и остановитесь въ одной изъ низменныхъ долинъ. Васъ окружаютъ только насѣкомые, трещитъ кузнечикъ, жужжитъ пчела, порхаетъ бабочка или жукъ блеститъ въ пескѣ, и только въ дали раздается глухой шумъ морскаго прибоя... Это уединеніе иногда нарушаетъ кроликъ, который пробѣгаетъ между холмами и такъ же тихо и быстро исчезаетъ, какъ и появляется.

Между пустынными холмами попадаются иногда крохотные, чрезвычайно бѣдные домики, — это жилища прибрежныхъ жителей, которые занимаются ловлею рыбы, креветокъ, ракушекъ и разныхъ другихъ даровъ моря.

Чтобы войти въ такое жилище, нужно сильно нагнуться, — такъ не высоки его двери. Днемъ хижина обыкновенно пуста. Двое, трое маленькихъ дѣтей валяются въ пескѣ передъ дверью и стерегутъ ее; но вотъ они увидѣли приближающееся незнакомое лицо, подходятъ къ нему съ любопытствомъ и осматриваютъ его съ головы до ногъ. На

вопросъ, гдѣ родители, они отвѣчаютъ, что отецъ — на рыбной ловлѣ, мать, четвертая братьевъ и столько же сестеръ ушли собирать ракушекъ и креветокъ.

Семейства рыбаковъ отличаются необыкновеннымъ количествомъ дѣтей. Семья въ 12 человекъ не считается еще многочисленною. Когда вы узнаете это, вы начинаете съ удивленіемъ разсматривать небольшое пространство, занятое хижиной. Все жилище состоитъ только изъ одной комнаты; она имѣетъ около 20 футовъ длины и нѣсколько менѣе въ ширину. Полъ изъ песка дюнь, крыша изъ черепицъ, а стѣны изъ голыхъ кирпичей. Крошечное окно едва освѣщаетъ маленькую комнату, возлѣ двери очагъ для варки кушанья, — около него также согрѣваются члены семьи въ холодное время года. Противъ двери отгорожено мѣсто отъ 5 до 6 футовъ ширины, служащее большою кроватью для родителей и для самыхъ маленькихъ дѣтей. Надъ нею придѣлано нѣсколько досокъ, одна надъ другою, и на каждой изъ нихъ брошено нѣсколько связокъ сѣна или травы дюнь. На этихъ доскахъ, которыя расположены въ родѣ полокъ, спятъ дѣти средняго возраста.

Рядомъ съ этими постелями стоитъ шкафъ и ларь; пара прорванныхъ стульевъ и простой обѣденный столъ дополняютъ мебель. Лопата, нѣсколько горшковъ, мисокъ, но прежде всего сѣтъ для ловли креветокъ — наиболѣе драгоценное имущество такого жилья. Но гдѣ же спать ваши старшіе братья? невольно спрашиваете вы у маленькихъ дѣтей, которые такъ довѣрчиво ввели васъ въ свою хижину.

Ребенокъ выходитъ за дверь и показываетъ вамъ рукою на крошечный шалашъ, прислоненный къ хижинѣ, или, лучше сказать, на нѣчто въ родѣ собачьей конуры, сложенной изъ обломковъ кирпича. Въ эту конуру можно пролѣзть только ползкомъ, чрезъ низенькое отверстіе. Тутъ устроена на соломѣ постель для дѣтей, которымъ нѣтъ мѣста на кровати родителей или надъ ними. Здѣсь они дерутся изъ-за обрывковъ одѣялъ, которыя имъ даютъ на зиму, и кончаютъ тѣмъ, что мирно засыпаютъ, прижимаясь другъ къ другу, чтобы согрѣться.

Можно себѣ представить, какова эта постель, когда надъ дюнами проносится буря съ дождемъ или снѣгомъ. Хотя климатъ у побережья Бельгіи умѣреннѣе, чѣмъ внутри страны, но иногда бываютъ сильные морозы и непогода, и тогда жестоко страдаютъ прибрежные жители, а въ особенности обитатели этихъ несчастныхъ конуръ. И это понятно: они только со стороны моря нѣсколько защищены песчаными холмами, но съ другой стороны до нихъ достигаетъ каждый порывъ вѣтра, каждая капля дождя, такъ какъ о деревьяхъ нѣтъ и помину.

Несмотря на все это и на очевидную бѣдность, эти люди бодры и веселы. Хотя открытое положеніе ихъ хижинъ имѣетъ много неудобствъ, но за то они дышатъ прекраснымъ, чистымъ воздухомъ побережья и обыкновенно пользуются здоровьемъ. Ихъ организмъ не подвергается разрушительному дѣйствию гнилаго воздуха городскихъ улицъ и болотистыхъ испареній низменныхъ мѣстъ. Море рѣдко отказывается помочь имъ въ бѣдѣ; если нѣтъ креветокъ, оно доставляетъ раковинъ и рыбу, а нерѣдко даже и топливо, такъ какъ вдоль всего побережья тянутся торфяныя залежи: во время бури волны отламываютъ куски торфа и выбрасываютъ ихъ къ подножію дюнь. Находить торфъ можно также во время отлива, и кто во время позаботится объ этомъ, тотъ можетъ посредствомъ солнца и вѣтра насушить себѣ большой запасъ топлива на всю зиму. Нерѣдко прибрежные жители разводять между песчаными холмами или у подножія дюнь маленькіе садики, устроить которые чрезвычайно трудно. Поэтому они ухаживаютъ за ними съ необыкновенною любовью и разводять въ нихъ картофель, который отлично родится; нѣсколько калусты и рѣпы. Вы непременно встрѣтите тутъ одну, двѣ хорошенькихъ цвѣточныхъ клумбы.

Въ самыхъ бѣдныхъ домикахъ, среди жалкой домашней обстановки, вы замѣчаете любовь къ украшениямъ. Въ каждой хижинѣ на окнѣ стоитъ букетъ цвѣтовъ, кровать родителей съ пестрыми занавѣсками; нѣсколько изображеній святыхъ и распятіе такъ размѣнены, что ясно показываютъ, что они служатъ столько же для молитвы, сколько и для украшенія. Когда въ семействѣ, кромѣ огорода, есть и коза, то оно считается весьма зажиточнымъ, хотя это животное ничего не стоитъ хозяевамъ, такъ какъ оно само добываетъ себѣ пищу на склонахъ холмовъ. Болѣе бѣдные имѣютъ всегда нѣсколько кроликовъ и только самые нерадивые или, лучше сказать, несчастные не имѣютъ и ихъ. Когда вы осматриваете жилище прибрежнаго жителя, дѣти непремѣнно покажутъ вамъ своихъ любимыхъ кроликовъ, которые живутъ не только въ главной избѣ, но и въ конурѣ. Но кроликовъ разводятъ здѣсь не для удовольствія дѣтей: во всей Фландріи производится значительная торговля этими животными и ихъ ежегодно тысячами вывозятъ въ Англію. Такимъ образомъ эти бѣдные семейства добываютъ кое-что и на кроликахъ, и это имъ достается безъ особеннаго труда и затраты, такъ какъ дѣти съ любовью ухаживаютъ за ними. Иногда, въ дни большихъ праздниковъ, вы находите за столомъ этихъ жителей кушанья изъ кроликовъ.

Жители береговъ преимущественно занимаются рыбнымъ промысломъ, но не одна рыба даетъ имъ заработокъ, — море полно безчисленными дарами. Несмотря на это, они обыкновенно бѣдны, такъ какъ не всегда легко и возможно добывать скрытыя въ море сокровища. Они проводятъ всю свою жизнь въ трудахъ и опасностяхъ и имѣютъ столько, сколько нужно, чтобы едва поддержать скудное существованіе. Правда, бывають случаи, что нѣкоторые изъ нихъ вдругъ начинаютъ много зарабатывать и богатѣть, но и тутъ нерѣдко является какое-нибудь несчастье — буря или крушеніе корабля, — и все добытое быстро исчезаетъ въ волнахъ, а нерѣдко море и совершенно превращаетъ дальнѣйшую борьбу за существованіе.

Ловля креветокъ — одинъ изъ самыхъ скудныхъ заработковъ. Бѣдные люди, которые занимаются этимъ, часто должны стоять по поясъ въ водѣ по нѣсколькимъ часамъ въряду, двигая передъ собою тяжелую сѣть для улова.

Креветка — это маленькое, стройное черепокожее животное, которое особенно любить плоскія песчаныя побережья и ловится вездѣ въ Нѣмецкомъ морѣ въ большомъ количествѣ. Особенно благопріятствуютъ этой ловлѣ весенніе и осенніе мѣсяцы.

Креветокъ сначала варятъ, а потомъ уже несутъ на рынокъ или изъ дома въ домъ: онѣ составляютъ любимую пищу бельгійцевъ.

Креветокъ легко можно разсмотрѣть на днѣ воды, и когда ихъ спугнуть, онѣ быстро прячутся въ песокъ. Ловлю производятъ согласно ихъ привычкамъ. Сѣтку устраиваютъ такъ, что ею легко можно двигать посредствомъ шеста по дну моря, т. е. по поверхности песка. Испуганныя животныя попадаютъ въ сѣтку вмѣстѣ съ морскими звѣздами; ихъ выбираютъ и бросаютъ черезъ плечо въ корзину, висящую на спинѣ.

Креветокъ на фландрскомъ берегу обыкновенно ловятъ женщины. При этомъ онѣ одѣваютъ родъ мужскаго костюма, на спину подъ корзинку кладутъ подкладку, чтобы ноша не надавливала; на голову надѣваютъ шляпу. Большею частью это самыя бѣдныя, покинутыя созданія, которыя такимъ образомъ добываютъ себѣ пропитаніе.

Гораздо большее значеніе, чѣмъ ловля креветокъ, имѣетъ рыбная ловля. Въ прежнія времена на фландрскомъ побережьи производилась ловля сельдей, которая однако никогда не достигала такихъ размѣровъ, какъ въ Голландіи. Въ послѣднее время ловля сельдей во Фландріи, и въ особенности въ Остендѣ, стала незначительною, хотя дѣлали всевозможныя усилія, чтобы поднять ее. Гораздо значительнѣе здѣсь ловля трески, и

въ 60-хъ годахъ нашего столѣтія ею занималось болѣе 160 судовъ. Ловля трески начинается весною и продолжается до конца октября. Обыкновенно въ это время совершается два или три плаванія, смотря по обстоятельствамъ. Первое плаваніе предпринимаютъ тотчасъ послѣ пасхи, не обращая вниманія на время, когда бываетъ пасха. Каждое плаваніе продолжается отъ 6 до 8 недѣль. Незадолго до отхода этихъ маленькихъ флотилій набережная сильно оживляется. Одни убираютъ неводы и ящики, выгружаютъ камни, служащіе балластомъ, повсюду чинятъ паруса и снасти, на судна доставляютъ соль, провіантъ и бочки съ водою, — однимъ словомъ дѣлаютъ всевозможныя приготовленія для продолжительнаго плаванія. Въ понедѣльникъ на святой происходитъ месса и рыбаки съ своими семействами наполняютъ церковь; по выходѣ изъ нея народъ начинаетъ прогуливаться по набережной, а мужчины отправляются въ пивныя, специально назначенныя для рыбаковъ.

Въ путь пускаются при первомъ попутномъ вѣтрѣ, и когда день уже назначенъ, набережная кишитъ женщинами и дѣтьми, которыя провожаютъ отплывающихъ криками и поклонами.

Каждое судно съ парусами и снастями обходится отъ 16 до 18 тысячъ франковъ. Согласно съ установившимися обычаями, рыбаки дѣлятъ добычу между собою и владѣльцемъ корабля. Прежде всего изъ общей выручки уплачиваютъ маклеру мѣстные пошлины, за право торговли, комиссіонеру, который устраиваетъ это дѣло между владѣльцемъ судна и рыбаками, вносятъ извѣстную сумму во вдовью кассу, дѣлаютъ вычеты за соль, бочки, отопленіе, потери, за порчу снастей и сѣтей и т. п. Такимъ образомъ выходитъ очень крупная сумма, которую приходится вычестъ, прежде чѣмъ приступить къ дѣлежу между хозяиномъ и рыбаками. Чистую прибыль дѣлятъ на три части: одну часть получаетъ владѣлецъ корабля, другую — служащіе при кораблѣ, и третью — рыбаки.

Часть наловленной рыбы солятъ, а другую привозятъ живою. Чтобы привезти на рынокъ живую рыбу, употребляютъ судно, въ которомъ одна часть трюма продырявлена, такимъ образомъ постоянно наполняется морскою водою, и рыба сохраняется живою до самаго возвращенія.

Кромѣ трески, уловъ состоитъ изъ разнаго рода рыбы: камбалы, скаты, бѣлорыбицы, — ихъ тотчасъ раскладываютъ по сортамъ, кладутъ въ продырявленные ящики и такимъ образомъ привозятъ живую рыбу всевозможныхъ сортовъ.

Рыбаки продаютъ рыбу поштучно или корзинами, но то и другое дѣлается въ такомъ случаѣ, когда она остается послѣ аукціона, который устраиваютъ тотчасъ послѣ возвращенія. Продавецъ, окруженный покупателями, указывая на ту или другую рыбу, громко выкрикиваетъ ей цѣну. Если она оказывается слишкомъ высокою, онъ получаетъ въ отвѣтъ гробовое молчаніе. Оглядѣвшись кругомъ, онъ назначаетъ другую цѣну, болѣе низкую. Часто и послѣ этого его встрѣчаютъ взрывами смѣха; онъ начинаетъ браниться, говорить о трудности путешествія, о тяжести податей и налоговъ и кончаетъ тѣмъ, что опять сбавляетъ цѣну, увѣряя при этомъ, что болѣе не уступаетъ ни полупушки.

Не меньшій заработокъ доставляютъ устрицы. Устрицы встрѣчаются на глубинѣ 5—20 фут., ниже поверхности моря. Ихъ находятъ у всѣхъ европейскихъ береговъ, начиная съ Средиземнаго моря и кончая берегами Норвегіи. Но самыя замѣчательныя и наиболѣе славящіяся въ торговлѣ — это остендскія и англійскія. Ихъ собираютъ съ августа до середины апрѣля, во первыхъ потому, что лѣтомъ устрицы плодятся; и слѣдовательно промышленникамъ невыгодно вынимать ихъ изъ воды и не давать имъ

размножаться, а во вторыхъ потому, что въ холодное время гораздо легче перевозить ихъ въ отдаленныя мѣстности.

Если молодая устрица послѣ появленія своего на свѣтъ не найдетъ себѣ удобнаго мѣста для прикрѣпленія на какомъ нибудь подводномъ предметѣ, то она умираетъ; вслѣдствіе этого ловцы устрицъ вбиваютъ въ мѣстности, гдѣ онѣ водятся, колья или опускаютъ въ море пучки хворосту, къ которымъ и прикрѣпляются молодыя животныя. Когда устрица достаточно выросла, ее снимаютъ съ кола или съ хворостинки и опускаютъ на дно, гдѣ она продолжаетъ жить, пока не сдѣлается годною для продажи. Ихъ нельзя продавать, прямо вынимая изъ моря, такъ какъ онѣ имѣютъ непріятный иловатый вкусъ. Прежде чѣмъ пустить ихъ въ торговлю, ихъ готовятъ въ особыхъ вмѣстителяхъ. Вмѣстителица эти состоятъ изъ ряда неглубокихъ прудовъ, лежащихъ близъ берега моря и заливаемыхъ морскою водою во время каждаго прилива. Тутъ живутъ устрицы и мало по малу теряютъ свой непріятный вкусъ.

Прибрежные жители рѣдко сами употребляютъ ихъ, а берегутъ для продажи, такъ какъ знаютъ, что всегда найдутъ для нихъ покупателя; за то бѣдный людъ много ѣстъ ракушекъ.

Ракушки встрѣчаются на берегу во время отлива и покрываютъ балки гавани безчисленными массами. Гдѣ только найдется предметъ, который можетъ служить точкой опоры, къ нему прикрѣпляются ракушки и покрываютъ его точно мозаикой. Во время отлива онѣ остаются на сушѣ и по нимъ можно ходить, нисколько не вредя этой живой мостовой. Свою привычку собираться большими массами въ одномъ мѣстѣ, эти съѣдобныя слизняки приносятъ большую пользу водянымъ постройкамъ, такъ какъ быстро наполняютъ въ нихъ всѣ щели и отверстія, предохраняя ихъ отъ разрушенія.

Размножаются ракушки чрезвычайно быстро, и въ срединѣ лѣта вода у тѣхъ береговъ, гдѣ онѣ живутъ, иногда окрашивается въ красный цвѣтъ; это происходитъ отъ громаднаго числа только что развившихся молодыхъ животныхъ.

Ракушекъ собираютъ и истребляютъ милліонами: ихъ можно встрѣтить за столомъ какъ бѣдняка, такъ и перваго богача.

Въ большихъ бельгійскихъ и голландскихъ городахъ ракушки составляютъ важный предметъ разносной торговли. Продавецъ тащитъ маленькую тележку самъ или впрягаетъ въ нее собакъ, и такъ переходитъ отъ одного дома къ другому, громко выкрикивая свой товаръ, но при этомъ съ такой интонаціей и съ такимъ выговоромъ, что только мѣстные жители понимаютъ, что онъ продаетъ.

Жизнь и характеръ бельгійскихъ городовъ.—Гентъ.—Первое впечатлѣніе.—Памятники прошлаго и нынѣшняго постройки.—Прошлое и настоящее этого города.—Цвѣтоводство.—Хлопчатобумажное производство.—Жизнь бегиненъ, ихъ нравы, обычаи и заповѣди.

Гентъ (Gant) въ XIII в. былъ столицею графовъ фландрскихъ, а въ 1500 г. считался самымъ населеннымъ городомъ въ Европѣ. Этотъ городъ прежде всего пробуждаетъ историческія воспоминанія. Жители Гента не только горячо отстаивали свои права, но, подобно всѣмъ великимъ республикамъ древности, стремились къ господству надъ цѣлыми областями. Императоръ Карлъ V любилъ свой родной городъ, хорошо зналъ свободолюбивый нравъ его жителей, но не побоялся строго наказать ихъ за неповиновеніе. Послѣ упорнаго отказа жителей выплатить назначенную имъ сумму, въ городѣ вспыхнуло возстаніе. Когда Карлъ приблизился къ Генту съ арміей, жители упали духомъ. Они хотѣли умолять императора прежде, чѣмъ онъ вступитъ въ городъ, и послали къ нему на встрѣчу

депутацию, но онъ отвѣчалъ, что явится къ нимъ, какъ властелинъ со скипетромъ въ одной рукѣ и съ мечомъ въ другой. Не рѣшивъ еще, какъ поступить, императоръ обратился къ герцогу Альбѣ съ просьбою дать ему совѣтъ, какую кару совершить ему надъ мятежнымъ городомъ. Герцогъ посовѣтывалъ совершенно разорить Гентъ. Тогда Карлъ повелъ его на высокую башню и, указывая ему оттуда на живописно разстилающійся у ногъ его городъ, спросилъ его съ гнѣвомъ: «сколько нужно испанскихъ шкуръ, чтобы выкроить такую перчатку» (Gant)? Герцогъ не осмѣлился возражать. Императоръ произнесъ другой приговоръ, правда строгій, но все-таки менѣе жестокой, въ сравненіи съ тою участью, которой подверглись въ это время многіе города. Онъ отнялъ у Гента его привилегіи, казнилъ мятежниковъ, наложилъ на жителей контрибуцію и велѣлъ выдать оружіе и колоколъ Роландъ, который прежде такъ часто призывалъ ихъ къ возстанію. Часть денежнаго штрафа онъ употребилъ на постройку цитадели, чтобы держать такимъ образомъ жителей Гента въ повиновеніи, и съ тѣхъ поръ уже ни одинъ городъ въ Бельгіи не возставалъ болѣе противъ Карла. Самою чувствительною потерю для города было то, что у него были отняты его привилегіи и ограничена его свобода; это скоро отозвалось на его промышленности и торговлѣ. Нужно замѣтить, что Гентъ своимъ цвѣтущимъ положеніемъ былъ обязанъ своей промышленности. Производство сукна въ XVI столѣтіи достигло здѣсь такого развитія, что имъ было занято болѣе 40,000 чело-вѣкъ. Но когда гентцы потеряли свои привилегіи, промышленность стала быстро клониться къ упадку. Въ нынѣшнемъ столѣтіи однако она снова начала развиваться. Самую существенную часть ея въ настоящее время составляютъ бумагопрядильныя фабрики и ткацкое производство. Введеніемъ въ 1803 году англійскихъ машинъ на бумагопрядильныхъ Гентъ обязанъ одному изъ своихъ гражданъ, по имени Бовену, который тридцать пять разъ ѣздилъ для этого въ Англію и съ опасностью жизни вывезъ оттуда бумагопрядильныя машины. Высшаго же развитія своихъ бумажныхъ мануфактуръ этотъ городъ достигъ не ранѣе 1819 г. Въ то время эти мануфактуры давали среднимъ числомъ 45% прибыли. Такой барышъ вскружилъ всѣмъ головы и число фабрикъ стало увеличиваться съ каждымъ днемъ. Развилась необузданная страсть къ предпріятіямъ этого рода: землевладѣльцы продавали свои помѣстья, купцы распро-давали свои товары, чтобы цѣлыми компаніями заводить бумагопрядильни. Хотя въ настоящее время эти фабрики не даютъ уже такихъ барышей и бумагопрядильная лихорадка прошла, но и теперь положить капиталъ на бумагопрядильную фабрику или войти съ кѣмъ нибудь въ часть или ея устройствѣ, считается вѣрнымъ помѣщеніемъ денегъ; при этомъ всегда можно рассчитывать получить хорошій процентъ. Гентъ совершенно справедливо называютъ бельгійскимъ Манчестеромъ.

Высшей степени процвѣтанія достигло также цвѣтоводство, о которомъ мы упоминали выше. Кромѣ замѣчательнаго городского ботаническаго сада, въ Гентѣ насчитываютъ около 415 теплицъ, которыя ежегодно производятъ оборота на 1½ милліона франковъ. Здѣсь каждый годъ происходятъ большія выставки цвѣтовъ, превосходящія все, что только можно себѣ представить. Кромѣ ежегодныхъ общихъ выставокъ, бываютъ и малыя выставки. Можно даже сказать, что каждое воскресенье утромъ происходитъ выставка цвѣтовъ, такъ какъ въ этотъ день у Каутера, самой большой площади города, устраивается огромный цвѣточный базаръ и при этомъ нерѣдко за лучшей цвѣтокъ раздають призы.

Гентъ расположенъ на множествѣ острововъ, соединенныхъ мостами, число которыхъ, говорятъ, достигаетъ до ста. Первый видъ на старыя, развалившіеся валы, на темныя и узкія улицы, на высокія садовыя стѣны и на дома съ высокими и остроко-нечными фронтонами производитъ на путешественника мрачное впечатлѣніе, пока онъ

не ознакомится съ красотою новѣйшихъ построекъ. Чѣмъ дальше подвигаешься впередъ, тѣмъ чаще встрѣчаются каналы, мосты, аллеи, общественныя зданія, театры, церкви, колокольни и часовни, которыя говорятъ въ пользу дѣятельности и прекраснаго вкуса народа. Древнія готическія постройки, памятники и остатки искусства свидѣтельствуютъ о могуществѣ и богатствѣ этого города въ прежніе вѣка. Своеобразный характеръ Гента болѣе всего происходитъ отъ множества острововъ: куда вы ни пойдете, передъ вами вездѣ темная поверхность водъ. Выдающіеся балконы домовъ, высокія каменные стѣны, отбрасывающія тѣнь, богатые скульптурныя украшенія, древнія строенія, полуразрушенныя сводчатыя галлерей, множество лодокъ у набережной, здѣсь и тамъ поэтическія развалины, обросшія плющемъ, все это придаетъ городу живописный видъ и уничтожаетъ мрачное впечатлѣніе, какое онъ произвелъ въ первую минуту.

Изъ построекъ Гента особенно замѣчателенъ соборъ св. Баво, — одна изъ самыхъ великолѣпныхъ церквей въ Бельгіи. Въ соборѣ находится подземная церковь 941 года. Въ числѣ замѣчательныхъ произведеній искусства въ этомъ храмѣ хранятся многія знаменитыя картины.

Почти въ самой срединѣ города стоитъ башня Бельфридъ или Бельфруа *), возведенная въ XII столѣтіи. Сооруженіе этой башни считалось одной изъ самыхъ важныхъ привилегій, данныхъ Генту. Лишь только съ ея высоты раздавался колокольный звонъ, какъ граждане съ оружіемъ въ рукахъ спѣшили въ собраніе. Тоже самое гласить и надпись, находящаяся на одномъ громадномъ колоколѣ, который отлитъ былъ для этой башни въ XIV вѣкѣ и которому дали названіе Роланда: «имя мое Роландъ; когда я звоню—значитъ пожаръ; когда я трезвоню—Фландрія въ опасности».

На мѣсто этого колокола были въ XVII ст. устроены куранты—часы, очень любимыя бельгійцами. Эти куранты въ Гентѣ состоятъ изъ 28 колоколовъ и каждую четверть часа провожаютъ протекшее время какою нибудь пѣсней или наигрываютъ разныя аріи изъ новѣйшихъ оперъ.

Къ вершинѣ шпица Бельфрида прирѣзанъ драконъ, который былъ нѣкогда на церкви Софіи въ Константинополѣ и подаренъ Генту Балдуиномъ 9-мъ въ XIII столѣтіи. Спину этого крылатаго чудовища въ торжественныхъ случаяхъ украшаютъ флагами и смоляными плошками.

Въ Гентѣ сильно развита общественная жизнь. Какъ прежде, такъ и теперь тамъ существуетъ много различныхъ обществъ: братской любви, покровительства фламандскому языку, стрѣлковаго общества, общества садоводства, цвѣтоводства и т. п. Почти не проходитъ мѣсяца, чтобы не случилось какое нибудь празднество, которое справляютъ всѣ горожане и ремесленники.

Въ Гентѣ находится пользующійся громадною извѣстностью Бегиненгофъ—цѣлый городокъ въ городѣ, основанный въ XIII столѣтіи, со стѣнами, рвами, съ нѣсколькими сотнями домиковъ, нѣсколькими монастырями, или, какъ тамъ называютъ, конвентами, и двумя церквами. Тутъ живутъ *бегини*—незамужнія женщины, которыя соединяются вмѣстѣ для общаго сожительства, труда и молитвы. Ихъ цѣль—тихая религіозная жизнь и благотворительность. Это нѣчто вродѣ полумонахинь, однако съ тою разницею, что бегини живутъ въ этихъ монастыряхъ на свои собственныя средства или на свой собственный заработокъ и только на время своего пребыванія въ общинѣ даютъ обѣдъ цѣломудрія и полного подчиненія предписаннымъ правиламъ. Обитательницы этихъ монастырей чрезвычайно оригинально соединяютъ монашескій образъ жизни съ евѣтскимъ,

*) Подъ этимъ именемъ мы находимъ во многихъ другихъ бельгійскихъ городахъ древнія, высокія сторожевыя башни.

свободу съ рабскимъ подчиненіемъ, общественность съ полнѣйшимъ уединеніемъ, повиненіе и молитву съ проявленіемъ власти, простоту и скромность жизни съ блескомъ и тщеславіемъ. Изъ всѣхъ городовъ Бельгіи учрежденія бегинъ достигли наибольшаго развитія въ Гентѣ. Женщинъ насчитываютъ здѣсь отъ 800 до 900 человекъ.

Бегиненгофъ раздѣляется на двѣ общины: *большую общину* бегинъ, которая лежитъ вблизи брюггенскихъ воротъ и канала, и на *малую общину* въ противоположной сторонѣ, недалеко отъ желѣзной дороги; эти общины окружены стѣнами и рвами и каждая изъ нихъ имѣетъ ворота, которыя ночью закрываются и открываются только по какой нибудь особой причинѣ. Въ большой общинѣ изъ жилища священника устроенъ особый входъ черезъ ровъ и стѣну, чтобы облегчить ему посѣщеніе больныхъ и умирающихъ во время ночи. Устройство въ обѣихъ общинахъ, за исключеніемъ мелочей, почти одинаковое.

Каждая община имѣетъ свою собственную церковь, подлѣ которой находится лужайка, обсаженная липами. Кругомъ, на нѣкоторомъ разстояніи, стоитъ множество отдѣльныхъ домиковъ, между ними проходятъ маленькія, необыкновенно чистыя улицы и переулки. Домики построены изъ красныхъ кирпичей, около оконъ и дверей виднѣются бѣлыя зубчатая украшенія, что придаетъ имъ веселый видъ. Каждый домъ отдѣляется отъ улицы и отъ сосѣднихъ строеній маленькимъ переднимъ дворомъ, окруженнымъ стѣною. Ворота во дворѣ держатся на запорѣ, они снабжены звонкомъ и рѣшеткою, чрезъ которую можно смотрѣть и говорить. Тамъ и здѣсь на дворѣ нѣсколько хорошенькихъ цвѣточныхъ клумбъ, а иногда и нѣсколько плодовыхъ деревьевъ, ягодныхъ кустовъ. По стѣнамъ вьется виноградъ, плющъ или жимолость, сообразно со вкусомъ обитательницъ. Каждый домъ, кромѣ городского нумера, имѣетъ еще духовное названіе, которое можно прочесть на наружныхъ воротахъ, напр. «домъ св. Ливепа», «св. Креста», «св. Алексѣя», «св. Варвары» и т. п. Конвенты точно также носятъ особыя названія: «св. Ангела», «Іоанна Крестителя»; но нѣкоторые имѣютъ и совершенно свѣтскія названія, напр. «подъ дубами», эти уже, вѣроятно, позднѣйшаго происхожденія.

Большая община состоитъ изъ 18 конвентовъ и 103 отдѣльныхъ домиковъ, малая община имѣетъ 7 конвентовъ и около 90 домиковъ. Каждый конвентъ имѣетъ свою настоятельницу, которую выбираютъ всѣ сестры, или обитательницы этого конвента. Выбранная не имѣетъ права отказаться отъ должности, которую она должна исполнять впродолженіе года, но она обыкновенно остается настоятельницей на всю жизнь; ее называютъ «*juifrow*» (дѣва), между тѣмъ какъ остальные обитательницы называютъ другъ друга «сестра». Настоятельница наблюдаетъ за хозяйствомъ и за порядкомъ, руководитъ молитвами, даетъ разрѣшеніе выходить со двора, принимать посѣтителей и т. п. Настоятельницы всѣхъ конвентовъ выбираютъ между собою *старшую* (*groot juifrow*, т. е. старшая дѣва), которая начальствуетъ надъ всей общиной и имѣетъ еще двухъ помощницъ, а въ большой общинѣ кромѣ того и двухъ совѣтницъ. Власть *старшей* относительно порядка общины и внутренняго ея устройства почти неограниченна. Она должна два раза въ годъ пересмотрѣть всѣ конвенты и дома, конфисковать у монахинь все, что найдетъ недозволеннаго въ утвари, платьѣ и убранствѣ комнаты.

Чтобы сдѣлаться членомъ одной изъ общинъ бегинъ, необходимо католическое вѣроисповѣданіе, незапятнанный дѣвичій или вдовій образъ жизни и кромѣ того нужно предъявить извѣстный доходъ на свое содержаніе. Последнее требованіе дѣлается въ виду того, чтобы не обременить кассу бѣдныхъ и больныхъ. Хотя каждая монахиня обязана сама содержать себя, но о немощныхъ, старыхъ и обѣднѣвшихъ заботится

община. Въ большой общинѣ каждая бегина должна вносить ежегодно 110 франковъ за свое содержаніе, а въ малой общинѣ 60 гульденовъ, что почти то же самое; монахини со средствами кромѣ того должны при своемъ вступленіи пожертвовать сумму по крайней мѣрѣ въ 54 гульдена.

При поступленіи не опредѣлено строго возраста и потому часто встрѣчаются даже 15 лѣтнія послушницы. Вступающія должны выдержать два года искуса въ конвентѣ; послѣ перваго года бываетъ *малое посвященіе*, при чемъ, какъ и при вступленіи, монахиня устраиваетъ пирь для сестеръ. Если и второй годъ проходитъ благополучно и послушница остается при своемъ прежнемъ намѣреніи, то происходитъ *церковное посвященіе*—«bruiloft», т. е. свадьба. Это громкое и веселое событіе въ Бегиненгофѣ, въ которомъ принимаетъ участіе не только *невѣста*, ея семейство и конвентъ, въ которомъ она живетъ, но и вся община. Въ этотъ день всѣ домики общины выглядятъ еще опрятнѣе, чѣмъ обыкновенно. Дорога отъ конвента въ церковь вся усыпана цвѣтами и разноцвѣтными бумажными обрѣзками. Месса въ этотъ день носить на себѣ печать особенной торжественности; на невѣстѣ надѣта корона изъ жемчуга и блесокъ. До начала богослуженія «сестры» подносятъ ей букеты, вѣнки и стихотворенія, въ которыхъ на разные лады превозносятъ счастье мирной жизни бегинъ и блаженство удостоившейся чести стать невѣстой Христа. Однимъ словомъ все имѣетъ видъ свадьбы, только жениха нужно вообразить. Есть даже подружки: двѣ маленькія дѣвочки, которыя не покидаютъ невѣсту въ продолженіе цѣлаго дня, во время службы сидятъ рядомъ съ нею, передъ главнымъ алтаремъ, держатъ концы покрывала въ то время, когда она принимаетъ причастіе. Въ концѣ богослуженія читаютъ нѣчто въ родѣ наставленія на латинскомъ языкѣ, чего, разумѣется, ни невѣста, ни окружающія ее сестры не понимаютъ. Когда богослуженіе совсѣмъ оканчивается, одна изъ сестеръ подноситъ невѣстѣ стаканъ вина, чтобы подкрѣпить силы, такъ какъ она ничего не ѣла съ утра. Затѣмъ священники, снявъ облаченіе, окружаютъ невѣсту и ведутъ ее въ сопровожденіи всѣхъ гостей, родныхъ и сестеръ въ домъ конвента, гдѣ уже приготовленъ свадебный обѣдъ, устроенный на счетъ невѣсты или ея родныхъ. При торжественныхъ обѣдахъ имѣетъ право присутствовать только извѣстное число родственниковъ: во время малаго посвященія ихъ допускаютъ 8 человекъ, при «bruiloft» 12. Въ церковь же во время торжественнаго обряда свадьбы, кромѣ священниковъ, постороннихъ мужчинъ не допускаютъ. Что же касается до ограниченаго числа гостей во время обѣда, то это правило никогда почти не соблюдается и настоятельница всегда умѣетъ придать законность всѣмъ отступленіямъ отъ предписанныхъ постановленій. Невѣста должна помнить во время обѣда о всѣхъ сестрахъ ея конвента, которыя почему нибудь не явились на этотъ пирь, или которыя живутъ внѣ общаго дома: каждое кушанье, которое подаютъ, она откладываетъ на особую тарелку и посылаетъ то той, то другой сестрѣ. Послѣ обѣда, который часто проходитъ очень весело, устраиваютъ прогулку или что нибудь въ этомъ родѣ. На сколько эти пиры всегда происходили соотвѣтственно тихой, мирной, скромной монастырской жизни, видно изъ различныхъ предписаній, въ которыхъ порицаютъ чрезмѣрную роскошь и веселіе бегинъ въ тѣ дни, когда невѣсты посвящаютъ себя Богу. Въ XVII столѣтіи аббатъ Ванъ-Рикель прямо говоритъ: «онѣ не ищутъ счастья и радости въ Богѣ, не думаютъ о Христѣ, которому посвящаютъ свою жизнь, но о винѣ, обжорствѣ, тщеславіи и безуміи. Онѣ не думаютъ о томъ, какъ бы сдѣлаться болѣе угодными Христу, но вся ихъ мысль направлена на то, какъ бы перещеголять другъ друга золотою, серебрянною и фаянсовой посудой». Говорятъ, въ большой общинѣ въ настоящее время этотъ обрядъ носить болѣе строгій характеръ.

Послѣ свадьбы обвѣнчанная обязана прожить еще четыре годы въ конвентѣ, слѣ-

довательно всего 6 лѣтъ; послѣ этого ей предоставляется право поселиться въ одномъ изъ отдѣльныхъ маленькихъ домиковъ, которые устроены для двухъ или нѣсколькихъ человекъ. Если бегина и прожила уже въ конвентѣ 6 лѣтъ, но не достигла еще 28 лѣтняго возраста (а въ большой общинѣ 30 лѣтняго возраста), она должна остаться въ конвентѣ. Никто изъ сестеръ не имѣетъ права жить въ этихъ домикахъ совершенно отдѣльно, а непременно съ кѣмънибудь вмѣстѣ: съ сестрой, которой тоже вышелъ срокъ жить внѣ общины, съ какоюнибудь родственницею, даже съ свѣтскою подругою или съ служанкою. Каждая сестра имѣетъ въ такомъ домикѣ свою постель, свою собственную мебель, утварь, однимъ словомъ свое собственное хозяйство и пользуется большей свободой и самостоятельностью, чѣмъ въ конвентѣ. Въ этихъ мирныхъ домикахъ можно найти даже бутылки отъ вина; но строго воспрещается богатая мебель, ковры, вышитыя занавѣски и т. п. Роскошные предметы непременно конфискуются настоятельницею, когда она посѣщаетъ эти домики. Въ этихъ комнаткахъ вы увидите только голыя стѣны, простые столы и стулья, но все блеститъ необыкновенной чистотой и опрятностью. Даже самые маленькіе изъ домиковъ просторны для немногихъ лицъ, которыя въ нихъ живутъ. Вы въ нихъ найдете не только двѣ спальни, (ихъ всегда устраиваютъ по числу обитательницъ), ледникъ, чердакъ, но часто двѣ кухни и одну общую комнату. Въ комнатахъ нѣтъ печей, а вмѣсто этого употребляютъ грѣлки.

Въ конвентахъ, кромѣ общей комнаты и молитвенной залы, существуютъ еще прачешныя и кухни съ многочисленными очагами, зала, назначенная для различныхъ торжествъ, другая для посѣщеній и наконецъ общая столовая. Эта послѣдняя особенно замѣчательна тѣмъ, что въ ней вы наглядно можете видѣть самостоятельна хозяйства каждой монахини, несмотря на общую жизнь. Здѣсь каждая пьетъ свой собственный кофе, имѣетъ свое отдѣльное мѣсто для ѣды. Вдоль стѣнъ столовой стоятъ маленькіе дубовые шкапы (впрочемъ въ малой общинѣ въ большинствѣ конвентовъ общіе столы), въ которыхъ сохраняютъ столовую посуду, хлѣбъ, соль, пиво и т. п. Если отворить обѣ половинки дверей такого шкафа, то на известной высотѣ можно выдвинуть доску, которая служить столомъ. Такимъ образомъ обѣдающія сидятъ близко одна отъ другой, но повернувшись спинами и отдѣленные другъ отъ друга открытыми половинками дверей шкафа.

Домашній и церковный порядокъ бегинъ подчиненъ строгимъ правиламъ. Все, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней, проходитъ въ ненарушимой тишинѣ и однообразіи. Монахини, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Бегиненгофѣ, превращаются въ дѣтей: бѣгаютъ въ свободное время по лугу, затѣиваютъ маленькія игры, ссоры, которыя онѣ тотчасъ забываютъ, и ждутъ съ нетерпѣніемъ праздниковъ, особенно св. Петра, когда вечеромъ на небольшой лужайкѣ зажигаютъ огни въ честь этого святаго и когда онѣ гуляютъ и веселятся болѣе обыкновеннаго. Жизнь этихъ монахинъ не нужно представлять себѣ мрачной, сосредоточенной и суровой: онѣ поютъ, смѣются, шутятъ, а въ архивахъ общинъ прежнихъ временъ осталось множество предписаній настоятельницамъ о запрещеніи монахинямъ танцевъ и непрстойныхъ пѣсенъ.

Живя постоянно и исключительно въ женскомъ обществѣ, не получивъ понятія о лучшихъ стремленіяхъ, не умѣя заняться никакимъ умственнымъ трудомъ, эти женщины скоро привыкаютъ къ сплетнямъ и лжи. Эти качества такъ свойственны имъ, что существуетъ даже фламандская поговорка: «это ложь монахини бегинъ». Болѣе всего онѣ любятъ поболтать, и какъ только почувствовали къ вамъ довѣріе, ихъ языкъ не перестаетъ работать. Еще болѣе ихъ отличаетъ необыкновенная веселость нрава, — общая всѣмъ, характерная черта фламандскаго народа.

Монахини любятъ музыку: это видно изъ того, что въ комнатахъ конвента, гдѣ нерѣдко стоитъ инструментъ, всегда навалено много нотъ. Слѣдовательно предписанія архіепископа Мехельскаго, запрещавшія употреблять музыкальные инструменты, уже болѣе не исполняются.

Комната, въ которой стоитъ фортепьяно, служить въ тоже время пріемной для посѣтителей. Каждая монахиня имѣетъ право не только принимать своихъ ближайшихъ родственницъ и родственниковъ, но даже и оставлять ихъ ночевать, но не иначе, какъ съ разрѣшенія настоятельницы. Всѣхъ, кто остается ночевать, приводятъ къ настоятельницѣ общины, которою обыкновенно бываетъ старая дѣва, и гости ночуютъ въ одной изъ комнатъ ея дома. Но разъ монахинѣ дозволено принимать родственниковъ, трудно контролировать, кто къ ней приходитъ — знакомый или братъ. Впрочемъ, если монахини и прославились своимъ мотовствомъ на свадебныхъ пирахъ, своею болтливостью и пустыми женскими сплетнями, на нихъ рѣдко падаютъ упреки въ безнравственности. Къ ихъ чести нужно прибавить также, что онѣ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и услужливостью исполняютъ всѣ возложенныя на нихъ обязанности: ухаживаютъ за тяжело-больными, учатъ въ школахъ, плетутъ кружева, и никогда никто не услышитъ отъ нихъ ни одной жалобы.

Комнаты и залы въ конвентахъ убраны такъ же просто, какъ и въ отдѣльныхъ домникахъ: единственное украшеніе — цвѣты и изображенія святыхъ. Всѣ постели въ большой общинѣ съ черными занавѣсками. Ложась въ постель, прежде чѣмъ начать раздѣваться, монахини должны погасить свѣчи. При входѣ въ конвентъ подъ стекломъ вывѣшены наставленія въ родѣ слѣдующихъ: «безъ любви монастыри представляютъ адъ, а обитатели ихъ уподобляются дьяволамъ; любовь же обращаетъ монастыри въ рай, а обитателей уподобляетъ ангеламъ».

Когда монахиня умираетъ, устраиваютъ публичный аукціонъ оставшемуся отъ нея имуществу; при этомъ сестры считаютъ величайшею для себя честью и заслугою, если за эти вещи дорого платятъ. Вырученныя деньги идутъ въ пользу близкихъ покойницы, а если они отказываются, то въ кассу общины для бѣдныхъ и больныхъ. Если монахиня пользовалась хорошою репутациею, прославилась благочестивою жизнью, ея имущество, въ сущности совершенно ничтожное, продаютъ иногда за большія деньги, и купившій хранить ея вещи, какъ святыню. Умершихъ одѣваютъ и кладутъ на постель на двое сутокъ. Онѣ лежатъ съ распятіемъ въ сложенныхъ рукахъ, съ вѣнкомъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ на головѣ и съ двумя зажженными свѣчами по сторонамъ. Двѣ монахини сидятъ безотлучно около покойницы, и въ продолженіи двухъ дней къ ней приходятъ прощаться всѣ сестры одна за другой.

Бегины, какъ мы уже замѣтили, не связаны никакимъ обѣтомъ. Онѣ могутъ съ разрѣшенія настоятельницы поѣхать погостить къ своимъ роднымъ на извѣстное время, могутъ выдти замужъ, когда имъ вздумается, или просто переменить жизнь Бегиненгофа на собственный домъ. Тѣмъ не менѣе каждая община считаетъ дѣломъ чести, чтобы замужества и выходы случались какъ можно рѣже. Католическая религія даетъ много средствъ дѣйствовать на паству такъ, какъ этого хотятъ ея представители. И дѣйствительно, число лицъ, по какой либо причинѣ оставляющихъ общину, чрезвычайно ничтожно. Право выхода имѣетъ болѣе всего значенія, какъ средство обуздать властолюбіе и неограниченную власть главной настоятельницы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна 50-ти лѣтняя сестра такъ поссорилась съ настоятельницей, что вышла изъ монастыря. Выходъ сестры вредитъ прежде всего репутациі настоятельницы, и она старается, чтобы ея характеръ не давалъ къ этому поводовъ.

Большая часть монахинь — крестьянки ближайшихъ окрестностей. Фламандецъ,

когда имѣть большое семейство и въ особенности много дочерей, считаетъ себя счастливейшимъ смертнымъ, если можетъ помѣстить одну изъ нихъ въ Бегиненгофъ. Объ этомъ мечтаютъ даже самые богатые изъ нихъ. Эти общины для фландрскихъ и брабантскихъ крестьянъ тоже самое, что у насъ институты для дворянъ. Впрочемъ между бегинами Гента немало встрѣчается дѣвушекъ и вышшихъ сословій. Къ тому же многія женщины, имѣющія небольшія средства, часто безъ всякаго расположенія къ монастырской жизни, все-таки стремятся найти себѣ убѣжище въ одномъ изъ домиковъ Бегиненгофа. Часто матери, овдовѣвъ и не имѣя на рукахъ маленькихъ дѣтей, начинаютъ жить въ этихъ домикахъ съ своими дочерьми, которыя уже прошли двухъ-годичный искусь и отжили свои года въ конвентѣ.

При каждой общинѣ находится бесплатная школа для бѣдныхъ дѣтей и сестры охотно занимаются съ ними. Кромѣ этого онѣ ведутъ хозяйство, вяжутъ, шьютъ, вышиваютъ, плетутъ кружева, и т. п.

Многіе изъ нихъ извѣстны какъ великолѣпныя работницы и зарабатываютъ большія деньги. Уплачивая за свое содержаніе очень скромную сумму, онѣ имѣютъ возможность помогать роднымъ изъ своего заработка. Одежда монахинь не подчиняется модѣ и шьется изъ прочной матеріи. Пестрыя цвѣта, шелкъ и украшенія строго запрещены — всѣ должны одинаково одѣваться. Главная часть ихъ костюма — бѣлый, полотняный платокъ, оригинально сколотый и падающій складками на спину: его насять вмѣсто чепчика. У старшихъ монахинь эти чепчики нѣсколько отличаются формой и называются «barbette». Подъ этимъ платкомъ гентскія монахини носятъ еще простой бѣлый, гладкій, полотняный чепчикъ, который завязываютъ у подбородка. Этотъ чепчикъ, также какъ и носящія его, называется по фламандски «begijne». По праздникамъ надѣваютъ платья изъ синевато-темнаго сукна, а въ будни совершенно черное. Когда онѣ выходятъ со двора, то накидываютъ еще на голову очень длинный платокъ изъ чернаго камлота со вложеннымъ кускомъ папки, такъ что его концы покрываютъ плечи и руки и доходятъ почти до ногъ, — онъ называется «faljie», а по французски «faille».

Оригинальный видъ монахини имѣютъ въ церкви. Онѣ завертываются тогда въ бѣлые, большіе, полотняные, продолговатыя платки, которые онѣ приносятъ сложенными на головѣ. При входѣ въ церковь, прежде нежели сѣсть, всѣ сразу развертываютъ эти платки и покрываются ими вмѣсто «faille», которыя онѣ снимаютъ на это время. Это бѣлое покрывало называется «vouwte» или «vaute». Когда монахини надѣли такое покрывало, вы ничего не видите въ церкви кромѣ бѣлыхъ, запеленатыхъ фигуръ. Наступаетъ полнѣйшая тишина. Вдругъ раздаются звуки органа и присутствующія начинаютъ усердно молиться.

Послѣ окончанія богослуженія, передъ выходомъ изъ церкви, бѣлыя покрывала снимаютъ, быстро складываютъ и кладутъ на голову, на которую раньше набрасываютъ «faljie». Всѣ монахини, которыя не могутъ извиниться болѣзнью, должны два раза въ день присутствовать при богослуженіи.

Къ тому же четыре или пять разъ каждый день происходитъ чтеніе вслухъ библіи и нѣкоторыхъ молитвъ. Монахини при этомъ сидятъ и работаютъ, но непременно всѣ должны присутствовать; онѣ не могутъ отказать незваніемъ времени, такъ какъ объ этомъ каждый разъ извѣщаетъ колоколь. Кромѣ того читаютъ молитвы, когда ложатся спать и встаютъ: это чтеніе происходитъ частью на фламандскомъ, частью на латинскомъ языкахъ. Къ тому же каждая бегина ежедневно должна прочесть 7 латинскихъ псалмовъ. Отъ этого ее освобождаютъ только тогда, когда въ общинѣ идутъ очень спѣшныя работы. Такимъ образомъ монахини проводятъ большую

часть своего времени въ молитвѣ и трудѣ. Тѣмъ не менѣе нужно сознаться, что эти общины и другія монастырскія учрежденія Бельгii отвлекають много здоровыхъ рукъ отъ болѣе полезной и производительной работы.

Б Р Ю Г Г Е.

Внѣшнiй видъ города.—Часовня священной крови и ея значенiе для народа.—Бельфридъ и куранты бельгiйскихъ городовъ.—Плетенiе кружевъ и заработокъ кружевницъ.

Брюгге городъ въ высшей степени живописный и, какъ большая часть городовъ Бельгii, пробуждаетъ множество историческихъ воспоминанiй. Башни и ворота, рвы и мосты, улицы и площади, церкви и часовни, дома и хижины—обращають на себя вниманiе и краснорѣчиво говорятъ о различныхъ эпохахъ прошедшихъ временъ.

Брюгге съ 50.000 жителями расположенъ недалеко отъ моря и обведенъ въ видѣ овала рвами. Въ XIII вѣкѣ этотъ городъ былъ складочнымъ мѣстомъ торговли шерстью, а въ XIV—средоточiемъ всемирной торговли. Особенною извѣстностью онъ пользовался въ первой половинѣ XV столѣтiя, когда тамъ находился дворъ бургундскаго принца. Затѣмъ Брюгге сталъ приходить все болѣе въ упадокъ, и во время процвѣтанiя Антверпена совсѣмъ утратилъ свое значенiе.

Улицы Брюгге широки, но пусты; старинные дома богато украшены и внѣшнiй видъ города носить средневѣковой отпечатокъ, замѣтный даже въ одеждѣ жителей. Изъ построекъ особенно замѣчательна—готическiй соборъ XIII вѣка, неуклюжiй съ виду, но въ которомъ хранится чрезвычайно много цѣнныхъ картинъ. Гораздо болѣе привлекаетъ народъ часовня Священной Крови—маленькiй, красивый, двухъ-ярусный храмъ, построенный въ XII—XV вѣкахъ. Имя этой часовни произошло отъ запекшихся капель крови Спасителя, собранныхъ Иосифомъ Аримаеискимъ, которыя, какъ говоритъ преданiе, были привезены сюда въ XII столѣтiи графомъ Фландрскимъ. Капли Священной Крови заключены въ хрусталѣ, который выставляютъ каждую пятницу для поклоненiя. Нечего и говорить о томъ, что эта святыня привлекаетъ сюда тысячи народа. Особенно много богомольцевъ собиралось 3-го Мая, чтобы участвовать въ процессiи, которая ежегодно происходила въ этотъ день съ тяжелыми крестами, съ орудiями истязанiй, съ знаменами и изображенiями святыхъ. Одно время эту процессiю перестали совершать, но недавно она была снова восстановлена, хотя въ ней уже не принимаютъ участiе, какъ прежде, люди высшихъ классовъ, но поклоненiе Священной Крови и въ настоящее время сильно распространено. Когда въ пятницу выставляютъ знаменитый хрусталь съ священными каплями, тысячи людей приходятъ въ эту часовню, чтобы поклониться и приложиться къ святынѣ.

Не менѣе обращаетъ на себя вниманiе Бельфридъ,—красивѣйшiй памятникъ архитектуры во Фландрiи, построенный въ XII—XIV столѣтiи. На немъ недостаетъ верхушки, уничтоженной пожарами, но до сихъ поръ существуютъ знаменитые куранты—часы, провожающiе пѣснью протекшее время. Каждые четверть часа съ башни Бельфрида раздаются цѣлыя мелодii, иногда печальныя, иногда веселыя. Эта музыка слышна на далекомъ разстоянii отъ Брюгге, и ея послѣднiе звуки долго дрожатъ въ воздухѣ и наконецъ совсѣмъ замирають.

Въ каждомъ старомъ голландскомъ городѣ есть свои куранты, но самые знаменитые изъ нихъ въ бельгiйскихъ городахъ. Механизмъ этихъ часовъ главнымъ образомъ состоитъ изъ колеса, который вертитъ большой валъ, усаженный шипами. Эти шипы задѣвають за проволоки, расположенныя въ извѣстномъ порядкѣ и которыя

приводятъ въ движеніе языки колоколовъ и желѣзные молотки. Чтобы сыграть какую нибудь мелодію, число колоколовъ должно быть велико. Самые замѣчательные бельгійскіе куранты въ Гентѣ и Брюгге. Брюггскіе куранты, лучшіе въ Европѣ, снабжены 48 колоколами. Куранты можно назвать самыми древними, самыми прилежными, самыми высокими и самыми безкорыстными музыкантами въ свѣтѣ, такъ какъ они не требуютъ никакой платы отъ своихъ слушателей. Хотя валы курантовъ имѣютъ огромное число шиповъ, но они могутъ играть только ограниченное число арій и музыкальных пьесъ. Чтобы разнообразить эту музыку и дать что нибудь новое хотя въ праздничные дни, многіе изъ нихъ снабжены чѣмъ то въ родѣ клавиатуръ и педалями, такъ что башенный сторожъ можетъ играть на нихъ по нотамъ и наизусть. Въ прежніе времена выдавали награды лучшимъ музыкантамъ на курантахъ и изъ нихъ многіе были настоящими виртуозами. Теперь наградъ не выдаютъ, но башенные сторожа почти всё умѣютъ играть на этихъ оригинальныхъ инструментахъ. Прежде куранты наигрывали духовныя мелодіи псалмовъ и церковныхъ пѣсней; теперь времена перемѣнились и, вмѣсто благочестивой музыки, вы слышите аріи изъ Нормы, веселые вальсы Штрауса, бурные галопы.

Въ Брюгге, какъ и вообще во всей Фландріи, много занимаются плетеніемъ кружевъ. Это производство даетъ заработокъ тысячамъ женщинъ, дѣвушекъ и множеству маленькихъ ученицъ разныхъ школъ. Прогуливаясь по отдѣльнымъ частямъ Брюгге, вы не услышите стука и шума фабрикъ, но передъ всѣми дверями простенныхъ жилищъ сидятъ кружевницы съ кружевною основою на колѣняхъ и съ удивительною быстротою перебрасываютъ одну коклюшку черезъ другую.

Съ незапамятныхъ временъ Бельгія, а въ особенности Фландрія и Брабантъ; считались родиною самыхъ изящныхъ и искуснѣйшихъ кружевъ. И въ настоящее время брабантскія, особенно Брюссельскія кружева считаются самымъ лучшимъ и изысканнымъ украшеніемъ женскаго туалета. Нужно замѣтить, что кружево, называемое Брюссель, Валансьенъ, Малинъ (Malines—Мехельнъ), теперь далеко не всегда выдѣлывается въ этихъ городахъ; но слава бельгійскихъ кружевъ дѣйствительно связана съ ихъ именами. Въ настоящее время въ Бельгіи болѣе всего выдѣлываютъ кружева валансьенъ, хотя городъ, отъ котораго эти кружева получили свое названіе, уже давно принадлежитъ Франціи; въ Гентѣ болѣе всего выдѣлываютъ мехельнскихъ кружевъ «point de Malines»; въ Брюгге, Остенде и Ипернѣ валансьенъ. Кружева отличаются другъ отъ друга не цвѣтомъ и узоромъ, а прежде всего своею основою. Основою называютъ сѣтчатую ткань, состоящую изъ петель. Петли валансьенъ расположены въ видѣ четырехъ-угольниковъ; point de Malines—представляютъ довольно правильные шестиугольники, между тѣмъ какъ Брюссельскія напоминаютъ пчелиныя соты. Мехельнскія кружева отличаются отъ всѣхъ другихъ еще тѣмъ, что ихъ цвѣты имѣютъ болѣе толстый и рельефный край, и онѣ долго предпочитались всѣмъ остальнымъ. Главное преимущество валансьенскихъ кружевъ заключается въ ихъ необыкновенной прочности.

Последнее время появились также гентскія кружева, изобрѣтенныя, какъ показываетъ названіе, въ Гентѣ школою «голубыхъ дѣвочекъ» т. е. дѣвочками школы, которыя ходятъ въ голубыхъ платьяхъ; но этотъ новый родъ кружевъ очень мало отличается отъ валансьенъ и потому онъ не пользуется извѣстностью. Въ заведеніи, о которомъ мы только что упомянули и ученицы котораго отличаются необыкновеннымъ неумствомъ плести кружева, было между прочимъ приготовлено платье, подаренное городомъ Гентомъ герцогинѣ брабантской для ея бракосочетанія. Оно стоило 20 тысячъ франковъ; надъ нимъ работали болѣе 10 мѣсяцевъ множество дѣвочекъ и работницъ

съ 80,000 коклюшекъ. Это не покажется преувеличеннымъ, если принять во вниманіе, что при плетеніи кружева въ ладонь ширины съ богатымъ цвѣточнымъ узоромъ необходимо отъ 300 до 400 коклюшекъ.

Прежде для кружевъ употребляли только льняныя нитки ручной пряжи. При этомъ особенной славой пользовались нитки Иперна въ западной Фландріи. Сюда собирались со всѣхъ сторонъ торговцы льномъ и нитками и платили за работу искуснымъ пряхамъ и трепальщицамъ большія деньги. Народная молва прибавляетъ, что эта плата производилась всегда золотомъ. Рассказываютъ, что одинъ торговецъ льномъ каждый разъ привозилъ и отвозилъ въ своемъ блестящемъ экипажѣ искусныхъ трепальщицъ и пряхъ. Если это не болѣе какъ вымыселъ, то онъ все таки показываетъ, какое значеніе имѣли работницы во Фландріи. Теперь все это измѣнилось. Хотя фландрскій и въ особенности ипернскій ленъ и въ настоящее время пользуется громкою извѣстностью, хотя имъ и теперь закупаютъ громадныя пространства и онъ по прежнему отличается своею тонкостью и бѣлизною, — прядильное ремесло въ послѣдніе 20 лѣтъ совсѣмъ пришло въ упадокъ. Это произошло потому, что при плетеніи кружевъ стали употреблять бумажныя нитки и при томъ не ручной работы, а машинныя англійскія и особенно шотландскія, подъ названіемъ фильдекосовыхъ. Эти машинныя нитки не такъ прочны, какъ льняная пряжа, но за то нѣсколько ровнѣе и главное гораздо дешевле. Пренія нитяныя кружева Бельгіи все болѣе выходятъ изъ употребленія и скоро сдѣлаются цѣннымъ достояніемъ антикваріевъ и торговцевъ древностями и рѣдкостями.

Не мало въ Бельгіи прежде выдѣлывали кружева геппюръ: его много шло на украшеніе святыхъ и священническихъ облаченій. Болѣе всего его приготавливали въ Брюгге, но теперь его выдѣлываютъ здѣсь въ самомъ незначительномъ количествѣ.

Большой переворотъ въ производствѣ кружевъ всѣхъ родовъ произошелъ въ концѣ XVIII столѣтія, когда стали употреблять механической ткацкій станокъ и силу пара.

Кружева стали поддѣлывать такъ искусно, что нуженъ опытный глазъ, чтобы отличить машинную работу отъ ручной. Тканья кружева своею дешевизною и быстротою подорвали цѣну ручному производству. Хотя до сихъ поръ настоящія, то есть ручныя бельгійскія кружева цѣнятся чрезвычайно дорого и считаются самымъ изысканнымъ украшеніемъ женскаго туалета, хотя на послѣдней всемірной вѣнской выставкѣ валансьенъ Бельгіи обратила на себя особенное вниманіе и получили первое отличіе, тѣмъ не менѣе кружевницы зарабатываютъ теперь гораздо меньше, чѣмъ прежде, и число ихъ значительно уменьшилось. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія хорошая кружевница могла заработать отъ 3 до 4 франковъ въ день; въ 60-хъ годахъ самыя искусныя работницы получали уже половину этого, а во время застоевъ, многимъ изъ нихъ приходится довольствоваться полуфранкомъ въ день. Средній заработокъ въ настоящее время — не болѣе одного франка въ день. Это кружевное производство имѣетъ особенное значеніе для бѣдныхъ дѣвочекъ разныхъ заведеній: пріютовъ, сиротскихъ школъ и т. п. Нечего и говорить о томъ, что при этомъ происходитъ страшнѣйшая эксплуатація дѣтскаго труда и здоровья: дѣти этихъ школъ чрезвычайно блѣдны, худы и отличаются искривленіемъ спиннаго хребта. Тѣмъ не менѣе эти несчастныя дѣвочки своимъ трудомъ много помогаютъ своимъ семействамъ и не разъ выручали ихъ изъ нужды въ такіе года, какъ 1847, когда во фландрскихъ округахъ свирѣпствовала страшная нищета.

Кромѣ школъ, въ которыхъ плетеніе кружевъ введено между прочимъ, въ Бельгіи существуетъ множество школъ кружевницъ, въ которыхъ специально занимаются плетеніемъ кружевъ и гдѣ молодыя работницы работаютъ также на заказъ. Говорятъ, въ 1850-хъ годахъ, школы кружевницъ ежегодно выплачивали болѣе 3-хъ милліоновъ

молодымъ работницамъ, или скорѣе ихъ родителямъ. Въ одномъ Оденарденскомъ округѣ въ 1858 году находилось 50 школъ кружевницъ, съ 2-мя тысячами воспитанницъ, которыя ежедневно зарабатывали среднимъ числомъ до 60 сантимовъ. Число всѣхъ школъ страны считалось въ 1858 году до 374, болѣе чѣмъ съ 40 тысячами ученицъ. Ихъ валовой заработокъ простирался выше 5-ти милліоновъ франковъ ежегодно. Въ 1874 году число кружевницъ во Фландріи и Брабантѣ считалось до 100 тысячъ человѣкъ. Болѣе всего плетениемъ кружевъ занимаются теперь въ Брюгге и другихъ городахъ западной Фландріи. Когда вы проходите по самымъ отдаленнымъ и узкимъ улицамъ этого города, вы непременно увидите передъ всякимъ окномъ прилежащихъ кружевницъ. Лѣтомъ онѣ сидятъ группами у дверей, болтаютъ или еще чаще поютъ пѣсни, но лица ихъ блѣдны и онѣ очень бѣдно одѣты. Но разъ замѣтивъ ихъ, вы непременно засмотритесь на замѣчательно красивыя и выразительныя лица брюггскихъ женщинъ и на ихъ изумительную ловкость рукъ. На колѣняхъ, передъ каждой изъ нихъ, лежитъ подушка, а подлѣ полоска пергамента съ наколотымъ узоромъ. Съ той и другой стороны подушки висятъ коклюшки, которыя перебрасываютъ очень быстро. Кажется, это просто забава, между тѣмъ въ срединѣ образуется изящная полоска цвѣтовъ, и эта съ виду легкая работа быстро подтачиваетъ здоровье фламандскихъ красавицъ.

О С Т Е Н Д Е.

Внѣшній видъ города.—Его оживленіе.—Моряки и купающіеся.—Остендскій керемесь и процессія благословенія моря.—Свѣченіе моря и дивная картина, которую оно тогда представляетъ.

На западѣ у моря лежитъ Остенде съ 17-ю тысячами жителей, вторая главная гавань въ государствѣ, сильно укрѣпленная и защищенная валами и рвами. Этотъ городъ особенно оживленъ потому, что онъ служитъ удобнымъ пунктомъ для переѣзда въ Англію и имѣетъ ежедневное сообщеніе съ Дувромъ и Лондономъ. Кромѣ того извѣстныя морскія купанья ежегодно привлекаютъ въ Остенде болѣе 10 тысячъ гостей, между которыми особенно много нѣмцевъ.

Остенде городокъ хотя небольшой, но съ каждымъ годомъ все болѣе застраивается. Улицы прямыя и сравнительно довольно широкія. Вездѣ чрезвычайно чисто. Онъ четырехугольникомъ лежитъ у моря по направленію къ сѣверо-востоку. Изъ города моря не видно: его отдѣляетъ насыпь, сажени въ три высоту. Дюны, состоящія изъ неправильныхъ песчаныхъ холмовъ и бугровъ, нанесенныхъ моремъ и заросшихъ зеленью, сплошнымъ валомъ виднѣются въ окрестностяхъ; но у города эта природная насыпь обдѣлана. Одна изъ главныхъ городскихъ улицъ отлого на нее подымается. На верху этой насыпи—широкая терраса для прогулки, вымощенная частью гладкими камнями, частью мелкими кирпичиками, а къ морю она спускается довольно круто и здѣсь спускъ тоже выложенъ камнемъ.

Затѣмъ до самой воды (во время отлива) виднѣется аршинъ на 50 гладкое песчаное поле, на которомъ нерѣдко рѣзвятся группы дѣтей, собирая раковины или копая лопатами песокъ, дѣлаютъ канавки и пускаютъ въ нихъ свои кораблики. Кораблики и дѣтскія лопаты всѣхъ сортовъ—здѣсь любимая дѣтская забава и продаются на каждомъ шагу въ магазинахъ. Многіе, не довольствуясь тѣмъ, что найдутъ на сухомъ песку, забѣгаютъ въ воду, которая медленно то приливаетъ, то отливаетъ по отлому берегу. Песокъ тутъ довольно плотный, такъ что нога не увязаетъ. Но вотъ

начался приливъ и картина мѣняется. Волны заливаютъ все песчаное пространство и бѣлая пѣна ихъ взбѣгаетъ даже на каменный скатъ террасы. Море дико шумитъ, какъ будто силясь перепрыгнуть черезъ плотину. Сѣрвато-зеленыя волны съ ихъ бѣлыми гребнями катятся длинными грядами одна за другою, точно на приступъ, и голова идетъ кругомъ, когда съ непривычки долго смотришь на это волненіе. Тутъ то и наступаетъ время купанья. Множество купальныхъ домиковъ на колесахъ, запряженныхъ лошадьми, въѣзжаютъ въ море. За такой домикъ, или будку на колесахъ, вмѣстѣ съ костюмомъ для купанья, платятъ менѣе франка. Купающійся входитъ въ такую будку, чтобы переѣнить свой костюмъ на купальный и, когда лошади везли ее въ море, выходитъ изъ нея на встрѣчу волнамъ. Нужно имѣть много ловкости и сноровки, чтобы волны въ первую минуту не сшибли съ ногъ. Тѣ, которые боятся этого, берутъ опытныхъ купальщиковъ и купальщицъ. Дамы и мужчины купаются вмѣстѣ, одѣтые въ купальные костюмы. Смотрѣть на купающихся немалое развлеченіе для здѣшней публики.

Съ сѣверо-востока и юго-востока Остенде окруженъ каналомъ съ бассейнами; тутъ и гавань для пароходовъ, а за каналомъ высокая башня маяка. Въ бассейнахъ вездѣ устроены шлюзы; въ нихъ наливается вода во время прилива, а во время отлива ее пускаютъ назадъ, чтобы такимъ образомъ очищать отъ песку гавань.

Остенде—космополитическій городъ: его наполняютъ не только купающіеся, но и матросы всѣхъ націй; сами фламандцы, преимущественно живущіе въ этомъ городѣ. рыбаки и матросы, — народъ веселый, на распашку, который, послѣ трудовой жизни на кораблѣ, готовъ поставить ребромъ послѣднюю копѣйку. Веселятся здѣсь очень просто: загромить гдѣ нибудь музыка—и женщины, дѣти, парни начинаютъ тотчасъ плясать прямо на улицѣ.

Какъ уже было сказано выше, въ Бельгii существуетъ обычай отправляться на рыбную ловлю послѣ пасхи. Каждый рыбакъ старается непременно отпраздновать дома этотъ праздникъ. Въ продолженіи года морякъ мало думаетъ объ религіозныхъ обязанностяхъ, но передъ пасхой онъ непременно исповѣдуются и исполняетъ всѣ церковныя обряды. Въ понедѣльникъ на святой въ 8-мъ часовъ утра всѣ моряки отправляются слушать мессу. Остендская церковь никогда не бываетъ такъ наполнена, какъ въ этотъ день, и всѣ знаютъ, что богослуженіе въ это время специально назначено для моряковъ и рыбаковъ. При этомъ произносится проповѣдь на фламандскомъ языкѣ, которая касается рыболовства. Вспомнивъ прежде всего благословенный уловъ апостола Петра, проповѣдникъ яркими красками описываетъ всѣ ужасы моря и опасности, которымъ подвергаются моряки. Онъ увѣщаетъ ихъ быть трезвыми, цѣломудренными, воздерживаться отъ божбы и проклятій, умоляетъ быть хорошими сынами церкви. «Развѣ можетъ ожидать обильнаго улова тотъ, кто не исполняетъ заповѣдей церкви?» съ пафосомъ восклицаетъ онъ. Эта проповѣдь производитъ глубокое впечатлѣніе на моряковъ. Они искренно вѣрятъ, что уловъ ихъ послѣ пасхи вполне зависитъ отъ аккуратнаго выполненія религіозныхъ обязанностей въ недѣлю передъ ихъ отплытіемъ. Многіе не довольствуются остендскими церквями и святыми и идутъ просить благодати для предстоящаго путешествія въ часовню деревни Бреденъ, находящуюся на разстояніи полутора часа отъ Остенде. Обѣщаніе отправиться помолиться въ эту часовню, повѣситъ тамъ какое нибудь изображеніе или зажечь свѣчку—крайнее средство, къ какому прибѣгаетъ остендскій морякъ. Эта часовня построена въ открытомъ полѣ, на перекресткѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ за дюнами и уже своимъ положеніемъ вблизи моря показываетъ, что она имѣетъ особое значеніе для береговыхъ жителей и моряковъ. Кромѣ того нѣсколько повѣшенныхъ корабликовъ и множество картинъ, изобра-

жающихъ кораблекрушеніе и бурю на морѣ, показываютъ, что здѣсь преимущественно моятся моряки.

Вслѣдствіе постоянного сѣзда множества иностранцевъ чуть не половина города занята отелями всевозможныхъ родовъ, гостинницами, кофейнями и разнообразными трактирчиками; на каждомъ шагу читаешь: «estaminet». Лавки и магазины болѣе всего наполнены тѣмъ, что служить приманкою или составляетъ необходимость для пріѣзжаго. Здѣшніе берега чрезвычайно богаты прелестными раковинами всевозможной величины, формы и цвѣта, поэтому тутъ особенно обращаютъ на себя вниманіе великолѣпныя издѣлія изъ раковинъ съ золотой и серебрянной отдѣлкой. Болѣе всего оживляется городъ во время керемеса, національнаго праздника фламандцевъ. На главной площади устраиваютъ по этому случаю качели и балаганы; вездѣ развѣшиваютъ знамена. Праздникъ открывается обыкновенно въ воскресенье въ первыхъ числахъ мая и продолжается нѣсколько дней. Множество народа изъ окрестностей приходитъ сюда въ этотъ день и со всѣхъ сторонъ окружаютъ площадь. Нѣкоторые, за ничтожную плату, садятся на деревянныхъ коней и начинаютъ двигать ногами колеса все быстрѣе и быстрѣе, между тѣмъ и музыка гремитъ все живѣе. Раздаются пѣсни, и все это бѣшено крутится съ крикомъ, гикомъ, производя оглушительный гамъ. Въ другомъ мѣстѣ показываютъ картины, фокусы, акробатическія штуки или продаютъ сласти и разныя мелочи. Передъ каждой будкой или балаганомъ есть свой ораторъ, привлекающій публику; онъ остритъ, декламируетъ съ ужасными жестами и порою смѣшить здѣшнихъ работницъ до истерики. Передъ однимъ большимъ балаганомъ для приманки публики идетъ пляска, подлѣ другаго — цѣлыя комическія представленія. Вдругъ музыка заиграетъ что-то въ родѣ галопы, и всѣ дѣвушки и дѣти, схватившись за руки, начинаютъ отчаянно прыгать. Толкотня невообразимая! Тутъ же множество дешевыхъ лоторей, гдѣ разыгрываютъ вазы и недорогія вещицы. Каждая ставка не болѣе десяти сантимовъ.

Но интереснѣе всего процессія, которая отправляется *благословлять море*. Въ 11 часовъ утра изъ всѣхъ церквей тянутся огромныя толпы народа: несутъ кресты, хоругви, знамена, статуи святыхъ, медали и прочія священныя изображенія. Всѣ выступаютъ торжественно и въ строго опредѣленномъ порядкѣ. Цѣлыя толпы хорошихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, въ самыхъ праздничныхъ одеждахъ, въ цвѣтахъ, въ лентахъ, съ шарфами черезъ плечо, участвуютъ въ этой процессіи. Одни несутъ знамена, другіе—бумажныя пальмы, третьи—гирлянды цвѣтовъ и букеты. Нѣсколько дѣвучекъ торжественно идутъ въ золотыхъ коронахъ, изъ подъ которыхъ спускаются вуали; другія въ живописныхъ группахъ съ вѣнками на головахъ. Между ними одна дѣвушка держитъ въ рукахъ большое знамя, съ верхушки котораго во всѣ стороны спускаются длинныя гирлянды цвѣтовъ и разноцвѣтныя ленты, за концы которыхъ держатся маленькія дѣвочки, тоже живописно одѣтыя. Вотъ цѣлая группа молодыхъ женщинъ, изъ которыхъ каждая держитъ въ рукахъ длинныя, цвѣтныя палки съ огромными букетами наверху; другіе несутъ ящики, на которыхъ въ порядкѣ уложены медальоны святыхъ. Духовенство несетъ на носилкахъ статуи святыхъ. Сзади ихъ правильными рядами идутъ люди въ самыхъ разнообразныхъ и оригинальныхъ костюмахъ. Вотъ цѣлая армія юношей въ странныхъ средневѣковыхъ одеждахъ, въ видѣ пажей, съ блестящими мантиями на плечахъ. Толпа, жадная до зрѣлищъ, тѣсно обступаетъ процессію, которая тянется болѣе чѣмъ на полверсты. На одной части городского вала, въ виду моря, устраиваютъ богато украшенный алтарь. Его тотчасъ окружаютъ участвующіе въ шествіи съ зажженными свѣчами, знаменами, вѣнками;

священникъ въ это время произноситъ благословеніе надъ моремъ и его берегами. Это торжество составляетъ существеннѣйшую часть остендскаго керемеса.

Но всѣ эти праздники и торжества, моряки и купающіеся скоро прискучили бы, если бы не море. Оно всегда даетъ вамъ новое наслажденіе, будить воспоминаніе и отъ времени до времени представляетъ величественныя картины, которыя всю жизнь не изглаживаются изъ памяти. Изъ величественныхъ зрѣлищъ, которыя представляетъ море, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе *свѣченіе* его.

Свѣченіе моря въ европейскихъ странахъ не бываетъ такъ сильно, чтобы при свѣтѣ его можно было читать, какъ это случается въ странахъ жаркихъ, гдѣ на свѣтящееся море тяжело даже смотрѣть. Тѣмъ не менѣе это явленіе въ Остенде представляетъ замѣчательную картину. Вотъ какъ его описываютъ. «Было около 9-ти часовъ вечера, когда пронесся крикъ: «свѣченіе моря!» Мы бросились къ берегу. Съ каменной плотины передъ нами открылась обворожительная картина. Вечеръ былъ темный, небо заволокло и не было видно ни мѣсяца, ни звѣздъ. Воздухъ былъ очень теплый и не чувствовалось даже ни малѣйшаго колыханія вѣтерка. Море, послѣ сильнаго отлива, снова начинало приливать. Волны разбивались о берегъ и эти удары мелодично раздавались въ ухахъ. Наконецъ нашимъ взорамъ представилось море. У самаго берега волны прилива, опрокидываясь, распространяли одна за другой снопы свѣты и обдавали песчаное побережье мириадами свѣтящихся искръ. За разбивающимися волнами вспыхивали другіе гребни валовъ, разлетались огненными искрами и исчезали въ ту же минуту, чтобы уступить мѣсто новымъ, вслѣдъ за ними появившимся.

«Оторвите на минуту ваши глаза отъ этой блестящей картины и посмотрите на море вдаль. Тамъ и здѣсь мелькаютъ свѣтящіяся точки, быстро бѣгутъ впередъ, увеличиваются, точно сливаются въ линію, изрѣзываютъ темную поверхность воды блестящими зигзагами и исчезаютъ во мракѣ.

«Только-что я пришелъ въ себя отъ перваго впечатлѣнія, какъ передъ нашими глазами отплылъ пароходъ въ Дувръ. Величественная картина моря сдѣлалась еще болѣе поразительной. Колеса пароходовъ распространяли во всѣ стороны массы свѣтящейся воды, которая въ безчисленномъ множествѣ свѣтящихся капель падала какъ дождь на поверхность моря. Лодочки, которыя возвращались къ берегу, оставляли за собой огненные слѣды, и при каждомъ взмахѣ весель на воздухъ взлетало множество огненныхъ искръ. Я сошелъ съ каменной плотины, чтобы вблизи посмотрѣть на этотъ странный фейерверкъ. Даже тамъ, гдѣ песокъ былъ нѣсколько сыръ, подъ ногами показывались искры. Казалось, будто идешь по горящимъ, раскаленнымъ угольямъ. Я помѣшалъ палкой въ углубленіи, которое наполнилось водой во время прилива, и эта вода также начала искриться. Я хлопнулъ по ней рукой и пробудилъ цѣлые потоки пламени... Я зачерпнулъ воды, подбросилъ ее на воздухъ и каждая капля обратилась въ искру. Каждая, разбивающаяся у ногъ моихъ волна, оставляла за собой цѣлый миллионъ алмазовъ и жемчужинъ великолѣпнаго блеска. Необыкновенно оригинальный видъ представился моимъ глазамъ, когда купающійся изъ купальной кареты вошелъ въ воду. Это былъ вѣроятно эксцентричный англичанинъ, который не могъ отказать себѣ въ удовольствіи и въ эту минуту взять освѣжающую ванну въ морѣ. Какъ бы то ни было, онъ представилъ изъ морской воды фейерверкъ такой разнообразный и удивительный, каково не можетъ себѣ вообразить самая изобрѣтательная фантазія. Онъ весело бросался въ свѣтящуюся воду, нырялъ, разбрасывалъ ногами и руками искры вокругъ себя, поднималъ голову изъ воды и отдуваясь выбрасывалъ огонь и пламя изъ носа и рта. Возвращаясь къ купальной каретѣ, онъ весь былъ покрытъ блестящими точками, точно звѣздами.

«Я боялся оторваться от этой морской иллюминации, опасаясь, что уже богѣ мнѣ не придется насладиться этимъ зрѣлищемъ. Но опасенія мои были напрасны, такъ какъ на этотъ разъ во время моего трехнедѣльнаго пребыванія въ Остенде море 11 разъ было иллюминировано самымъ блестящимъ образомъ. И каждый разъ это явленіе производило на меня магическое впечатлѣніе».

Свѣченіе моря должно было загадочнымъ явленіемъ. Однако наблюденія ученыхъ показали, что оно происходитъ потому, что въ морѣ есть много животныхъ, обладающихъ способностью выдѣлять изъ себя свѣтъ въ извѣстное время и при извѣстныхъ условіяхъ. Теперь въ наукѣ извѣстно уже богѣ 100 формъ животныхъ, обладающихъ способностью свѣтиться; самое видное мѣсто между ними принадлежитъ *морской свѣчки*.

Л Ю Т Т И Х Ъ.

Живописное положеніе города.—Характеръ дѣятельности его жителей.—Сервъ—средоточіе производства машинъ.—Положеніе народа въ Бельгіи.—Земледѣльцы и фабричные рабочіе.

Мы въ Люттихъ—городѣ валлоновъ, въ одномъ изъ промышленнѣйшихъ пунктовъ Бельгіи; къ тому же его по справедливости можно считать однимъ изъ самыхъ живописныхъ во всемъ государствѣ. Издали Люттиха не видать: онъ лежитъ въ глубокой долинѣ Мааса, который здѣсь раздѣляется на нѣсколько рукавовъ. Прекрасными, многочисленными изгибами протекаетъ эта рѣка и то съ одной, то съ другой стороны приближается къ горнымъ утесамъ, между которыми лежитъ долина, покрытая разнообразною зеленою плантаціей хмѣля и луговъ. Съ обѣихъ сторонъ, на склонахъ, обращенныхъ къ югу, тянутся виноградники. На богѣ отдаленныхъ холмахъ возвышаются дачи и замки. Городъ изъ долины точно всплываетъ на гору и представляетъ цѣлый лѣсъ трубъ различной величины.

Люттихъ со всѣхъ сторонъ окруженъ каменно-угольными копями и отчасти расположенъ на разработанныхъ уже копяхъ. Близость и богатство этого горючаго матеріала чрезвычайно благоприятно влияетъ на развитіе промышленности этого города. Бассейнъ, въ которомъ онъ лежитъ, имѣетъ, кромѣ каменно-угольныхъ копей, богатыя цинковыя залежи, такъ что Люттихъ сдѣлался средоточіемъ обработки металловъ, какую можно встрѣтить только въ немногихъ городахъ. Кромѣ желѣзодѣлательныхъ фабрикъ всѣхъ родовъ, тутъ находится одинъ изъ величайшихъ пушечныхъ заводовъ и одна изъ величайшихъ оружейныхъ фабрикъ въ Европѣ. Существуютъ здѣсь также множество фабрикъ другаго рода: фаянсовыя, зеркальныя и др.

Внутренность города нисколько не соотвѣтствуетъ его живописному мѣстоположенію и наружному виду: дома черны и закопѣлы отъ дыма, ежедневно извергаемаго множествомъ трубъ, и отъ каменно-угольной копоти: улицы узки, кривы, извилисты и не очень опрятны. Лѣвый берегъ Мааса составляетъ лучшую часть города, и тамъ вы встрѣтите не мало богатыхъ домовъ и роскошныхъ зданій.

Самыя характерныя явленія этого города—неумолкаемый шумъ молотовъ, страшная давка на улицахъ и клубы черного дыма въ воздухѣ: отъ времени до времени дома цѣлыхъ улицъ кажутся въ пламени. Зрѣлище бѣгущихъ туда и сюда, совершенно черныхъ отъ работы людей дѣлается еще богѣ интереснымъ вслѣдствіе оживленнаго характера люттихцевъ. Это настоящіе валлоны: веселые и добродушные, легкомысленные и общезителные, они одарены необыкновенною вѣжливостью, учтивостью и даромъ слова. Они отличаются высокимъ, прямымъ лбомъ, сжатымъ съ боковъ, широкими

скулами, небольшими черными глазами, красивым, иногда несколько вздернутым носом, толстыми губами и темным цветом лица.

Отправившись из Люттиха вдоль по берегу рѣки, вы, послѣ получасовой ѣзды, увидите передъ собой Серенъ, деревню съ 17-ю тысячами жителей, гдѣ съ 1816 года, въ бывшемъ замкѣ епископа устроенъ громадный заводъ, съ 50-ю трубами, въ которомъ сосредоточено главное производство машинъ всего континента. Пока еще вы не вошли въ замокъ, или лучше сказать въ этотъ дворецъ самой кипучей человѣческой дѣятельности, и наблюдаете его съ другой стороны рѣки, васъ удивляетъ его видимый покой и тишина. «Наконецъ, вы переправляетесь черезъ рѣку и входите въ замокъ: направо стоитъ колоссальнымъ сторожемъ ватерлооскій левъ. Все еще тихо и покойно на прекрасномъ дворѣ замка; но лишь только вы вошли во вторыя ворота, какъ вамъ кажется, будто вы вступили въ жилище циклоповъ. Вы останавливаетесь въ недоумѣніи: никакія слова не въ состояніи дать понятіе объ этомъ духѣ дѣятельности, объ этомъ дружномъ, совокупномъ дѣйствіи всѣхъ человѣческихъ силъ, о шумѣ паровыхъ машинъ, шипѣніи раскаленнаго желѣза, о кипѣніи, брызгахъ и бушеванія, которыя мы здѣсь встрѣчаемъ. Можно подумать, что здѣсь на каждомъ шагу угрожаетъ опасность, и однако, уже при первомъ появленіи вашемъ, вы поражены необыкновеннымъ порядкомъ и спокойствіемъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствующими на зрителя, что они составляютъ удивительный контрастъ съ тѣмъ смятеніемъ, которое, казалось бы, неминуемо должно произойти при такомъ стеченіи людей и машинъ. Здѣсь господствуетъ удивительный порядокъ и гармонія; всѣ силы этого великаго цѣлага такъ легко соединяются, какъ будто по собственному побужденію, къ достиженію единой цѣли. Эту цѣль мы постигаемъ уже въ чудныхъ произведеніяхъ серенскаго завода, которыя распространены по всему матеріку. Послѣ Англіи, Бельгія самая промышленная страна въ свѣтѣ, хотя она окружена враждебными сосѣдями и хотя по отдѣленіи своемъ отъ Голландіи она утратила возможность сбывать свои произведенія въ эту страну и въ колоніи, — все-таки фабричная дѣятельность ея возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Въ нѣсколько лѣтъ возникли сотни заводовъ; всѣ они процвѣтаютъ и вызываютъ новые, и большая часть изъ нихъ обязана своимъ процвѣтаніемъ серенскимъ машинамъ.

Подойдите къ большому оврагу, въ которомъ производится очищеніе угля отъ сѣры и который имѣетъ нѣсколько часовъ пути въ окружности, вы увидите желтыхъ, загорѣлыхъ женщинъ, варящихъ свою металлическую кашу на безчисленныхъ кострахъ. Тутъ съ быстротою пара изъ 300 футовой глубины угольныхъ копей поднимаются какія-то страшныя черныя тѣни, а тамъ сотни закоптѣлыхъ людей такъ же легко ворочаютъ раскаленными желѣзными полосами, какъ мы машемъ хлыстикомъ; подлѣ невыдѣланныя желѣзныя плиты на плющильныхъ валькахъ бросаютъ милліоны искръ по всѣмъ направленіямъ. Высокія безчисленныя трубы постоянно выбрасываютъ пламя, а глухой шумъ и ревъ не смолкаетъ и ночью. Когда газъ начинаетъ освѣщать въ сумерки эту картину, думаешь, что просто попалъ въ центръ самаго «ада».

Послѣ того, какъ мы описали городъ, который служитъ центромъ всевозможной фабричной дѣятельности, кстати будетъ поговорить о положеніи рабочаго люда въ Бельгіи.

Изъ описаній Фландріи мы видѣли, что земледѣліе Бельгіи и ея хозяйство стоятъ на высокой степени развитія и совершенства; другія условія страны точно также весьма благоприятны для счастливаго экономическаго положенія народа. Эта страна уже давнымъ-давно наслаждается полнѣйшимъ миромъ и спокойствіемъ; ею управляетъ правительство либеральное, и что еще особенно важно, умѣренное въ сво-

ихъ расходахъ; военный бюджетъ Бельгіи не отягощаетъ страны, и такимъ образомъ государственная казна постоянно увеличивается безъ опасенія періодическаго расхищенія въ раззорительныхъ военныхъ предпріятіяхъ. Несмотря на всѣ эти выгодныя условія, столь благопріятныя для производительности труда, положеніе бельгійскаго простаго люда хотя и улучшилось за послѣднія 30-ть лѣтъ, но до сихъ поръ еще довольно печально. Это мы прежде всего видимъ изъ сравнительной статистики нищенства. Чтобы показать, какъ велико число нищихъ въ Бельгіи, этой роскошно обработанной странѣ, приведемъ для сравненія такія же данныя и о другихъ государствахъ. Въ Пруссіи въ 1851 г. было 51 нищій на 1,000; въ Швеціи 28 нищихъ на 1,000 жителей; въ Даніи 45 на 1,000; въ Италіи—59 на 1,000; во Франціи—30 на 1,000; въ Бельгіи же 200 нищихъ на 1,000 жителей. Въ настоящее время въ Бельгіи считаютъ армію нищихъ въ 900,000 человекъ, получающихъ милостыню отъ государства и общинъ. Это значить, что изъ пяти бельгійцевъ одинъ официальный нищій. Можно себѣ представить, сколько же должно быть нищихъ неофициальныхъ, сколько людей, которые рѣшительно ничего не имѣютъ и просятъ милостыни безъ официального дозволенія правительства. Чѣмъ можно объяснить такое печальное положеніе народа? Тѣмъ, что большая часть земли принадлежитъ немногимъ лицамъ, которые сами ея не обрабатываютъ, а передаютъ клочками въ аренду. Арендаторомъ при этомъ является обыкновенно человекъ весьма зажиточный, такъ какъ, чтобы получить съ небольшого клочка земли хорошей доходъ, онъ долженъ положить большой капиталъ на обработку, и онъ дѣйствительно не жалѣетъ никакихъ денегъ: покупаетъ самыя дорогія удобрения и обрабатываетъ каждый клочекъ такъ, какъ это болѣе удобно для мѣстности, въ которой онъ взялъ на аренду землю. Такимъ образомъ онъ получаетъ изумительно богатую жатву. Земля отъ этого все болѣе утучняется, быстро и баснословно увеличивается въ цѣнѣ, а сельское хозяйство совершенствуется. Въ то же время увеличивается и число капиталистовъ. Арендаторъ, имѣвшій всего около 900 франковъ капитала, который онъ и израсходовалъ на наемъ одного гектара земли, на его удобреніе и обработку, получаетъ нерѣдко чистаго барыша съ этого капитала до 6 тысячъ франковъ въ годъ. Вслѣдствіе этого фермеры этой страны—люди, по большей части, въ высшей степени зажиточные, что мы наглядно видѣли во Фландріи. Но какую же роль при этомъ играетъ земледѣлецъ, который въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ своего клочка земли? Фермеръ нанимаетъ его обрабатывать арендуемую имъ землю или поденно, или съ извѣстнаго количества земли. Въ томъ и другомъ случаѣ, въ среднемъ, земледѣлецъ получаетъ въ день отъ $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{4}$ франковъ, а женщины довольствуются платою отъ $\frac{3}{4}$ до 1 франка за суточную работу.

Вознагражденіе фабричныхъ рабочихъ немного выше, чѣмъ деревенскихъ поденщиковъ; они получаютъ обыкновенно отъ 2-хъ до $2\frac{1}{2}$ франковъ въ день, а искусные между ними 3 франка и болѣе; женскій трудъ оплачивается въ среднемъ отъ 1 до $1\frac{1}{4}$ франка въ день.

Въ каменно-угольныхъ копяхъ заработная плата, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, бываетъ еще нѣсколько выше; тѣмъ не менѣе положеніе здѣсь этихъ рабочихъ въ высшей степени печально. Правда, положеніе бельгійскихъ рабочихъ на фабрикахъ вообще весьма незавидно, но при угольныхъ копяхъ оно болѣе чѣмъ ужасно. Бельгійскіе монополисты угольныхъ копей принадлежатъ къ числу самыхъ хищныхъ эксплуататоровъ въ мірѣ. Въ умѣньи выжимать изъ рабочаго соки, понижать заработанную плату, плохо устраивать шахты и штольни, гдѣ работаютъ рабочіе,—во всемъ этомъ они перещеголяли даже такихъ хищниковъ, каковы угольные цари Великобританіи и Соединенныхъ Штатовъ. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на то, что въ Англіи, Америкѣ,

Германіи и другихъ странахъ разработка угольныхъ копей ведется въ такихъ же большихъ размѣрахъ, какъ и въ Бельгіи, вы нигдѣ не встрѣчаете такого громаднаго числа случаевъ взрывовъ, обваловъ и т. п. несчастій, какъ здѣсь. Цари угольныхъ бельгійскихъ копей скупаются дѣлать какія бы то ни было затраты на поправки и сооруженія, необходимыя для сохраненія жизни и здоровья рабочихъ, обогащающихъ ихъ своимъ трудомъ. Поэтому въ бельгійскихъ угольныхъ копяхъ безпрестанно происходятъ страшныя несчастія. Въ ноябрѣ 1876 г. въ Маригэ было убито взрывомъ 48 рабочихъ, и затѣмъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ того же года убито тоже взрывомъ въ Фрамари 123 человека. Мало того, что фабриканты для соблюденія самыхъ ничтожныхъ выгодъ, жертвуютъ сотнями жизней, они еще стараются, при большемъ количествѣ рабочихъ часовъ, платятъ какъ можно меньше. Они не только не увеличиваютъ заработной платы рабочимъ, какъ это постоянно дѣлается въ другихъ государствахъ, но часто даже вдругъ объявляютъ сбавку. Вслѣдствіе этого между бельгійскими углекопами происходятъ частыя волненія, которыя обыкновенно принимаютъ широкіе размѣры.

Несмотря на то, что бельгійскій рабочій, какъ фабричный, такъ и земледѣлецъ, получаетъ небольшую заработную плату, жизнь его обходится ему не дешево, чѣмъ рабочимъ въ другихъ государствахъ. Средства бельгійскаго рабочаго въ большинствѣ случаевъ крайне ограничены: обыкновенная пища состоитъ изъ хлѣба, сыра, зелени, солонины; говядина появляется за столомъ одинъ или два раза въ недѣлю. То, что они пьютъ подъ названіемъ кофе, — чистѣйшій цикорій и вода. Помѣщенія рабочихъ имѣютъ чрезвычайно жалкій видъ; холостяки нанимаютъ уголь въ какомъ-нибудь семействѣ, которое платитъ за свою квартиру въ годъ отъ 100 до 130 франковъ.

Нужно замѣтить, что вообще валлоны живутъ лучше и богаче, чѣмъ фламандцы, которые нерѣдко вслѣдствіе бѣдности эмигрируютъ въ Америку.

БРЮССЕЛЬ И ЛУВЕНЪ.

Положеніе столицы и ея значеніе.—Верхній и нижній городъ.—Характеръ жителей той и другой части.—Соборъ св. Гудулам.—Лувенская ратуша и университетъ.—Жизнь студентовъ.—Народное образованіе въ Бельгіи.

Какъ многіе другіе города, Брюссель живописно раскинулся на холмѣ и своими безчисленными зданіями покрылъ и этотъ холмъ, и долину, разстилающуюся у подошвы его. На верху, на горѣ, построили себѣ жилища владѣтели страны и здѣсь же поселились дворяне и придворные. Бургундскіе герцоги привлекали къ себѣ много французскихъ рыцарей, которые вмѣстѣ съ ними возводили укрѣпленія на такъ называемой «Montagne de la cour». Изъ этого мы видимъ, что брюссельскій акрополь не только теперь, но уже въ давнія времена былъ французскою частью города, между тѣмъ какъ нижній городъ, вдоль каналовъ и около хлѣбныхъ и овощныхъ рынковъ, — фламандскою. Такимъ образомъ Брюссель раздѣляется на двѣ части: на «верхній» и «нижній» городъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жители столицы дѣлятся на высшее и низшее сословіе. Въ нижнемъ городѣ преобладаетъ буржуазная жизнь и торговля, языкъ и нравы фламандскіе; верхній городъ — мѣстопребываніе двора, правительственныхъ учрежденій, большихъ гостинницъ, парка съ бассейнами и статуями, — это сборный пунктъ высшаго общества и богатыхъ иностранцевъ. Здѣсь господствуетъ языкъ, обычаи, нравы и моды — все французское.

Брюссель не искусственная, а естественная столица Бельгии. Въ ней вполнѣ выражается характеръ двухъ народовъ, населяющихъ Бельгію, ихъ торговый, промышленный духъ, даже характеръ природы и положеніе страны.

Брюссель никакъ нельзя считать только резиденціею короля и дворянства Бельгии, или мѣстопробываніемъ ея администраціи и военной силы. Этотъ городъ имѣетъ громадное значеніе для страны своею промышленною и фабричною дѣятельностію. Онъ издавна славится своими знаменитыми кружевами, сукнами, коврами и экипажами, которые извѣстны всему свѣту. Въ Брюссель, какъ и въ другихъ многочисленныхъ городахъ этой страны, величіе и красота древнихъ построекъ встрѣчаются наряду съ комфортомъ, удобствомъ, практичностью и роскошью новѣйшаго времени. Наряду съ блестящими современными постройками вы находите зданія архитектуры византийской и готической, которые напоминаютъ вамъ почти каждый періодъ ея исторіи: бургундскій, испанскій, австрійскій, голландскій и наконецъ новѣйшій бельгійскій, — такъ что попеременно можно переноситься то въ тѣ, то въ другія времена прошлой исторіи бельгійской націи.

Вы встрѣтите въ этой столицѣ все богатство, роскошь и плодородіе страны: рынки, магазины, лавки, частныя жилища и, наконецъ, наружность самыхъ зданій, все говоритъ вамъ о богатой торговлѣ, мануфактурахъ и высокой степени развитія земледѣлія.

Природа Бельгии дѣйствительно привлекательна, но не представляетъ грандіозныхъ ландшафтовъ, какъ это мы видимъ въ Шотландіи, Швейцаріи, Швеціи и Норвегіи; воздѣланныя равнины смѣняются въ ней богато обстроенными холмистыми мѣстностями. Этотъ характеръ поверхности страны выразился и въ мѣстоположеніи Брюсселя и его окрестностей.

Несмотря на различіе мѣстоположенія, образа жизни и характера жителей «верхней» и «нижней» части города, въ нихъ есть и общія черты.

Брюссель многіе называютъ «маленькимъ Парижемъ», и дѣйствительно, нѣкоторыя зданія скопированы съ парижскихъ, но въ общемъ характерѣ ничто не напоминаетъ французскую столицу, развѣ только замѣчательная любезность и предупредительность жителей, какъ верхней, такъ и нижней части города. Спросишь о чемъ нибудь проходящаго, и кто бы онъ ни былъ, онъ съ удовольствіемъ все растолкуетъ вамъ и покажетъ и еще въ заключеніе непременно скажетъ: «merci, monsieur». — «Merci» не сходитъ здѣсь съ языка. Спросишь у торговки, почему рыба, и пойдешь, она отвѣтитъ на вопросъ, затѣмъ тотчасъ прибавитъ: «merci, madame». Идущій сзади васъ человекъ подымаетъ оброненный вами платокъ, подаетъ его и на прощаніи говоритъ «merci». Но кромѣ этой французской учтивости и общительности, васъ поражаетъ здѣсь буржуазная жизнь съ ея мелкими, грошевыми интересами, нескрашенная ни парижскимъ шикомъ, ни его великолѣпіемъ. Этой страстной политической жизни, которою охвачены даже рыночныя пуассардки Парижа и нисшіе слои жителей, — здѣсь нѣтъ и слѣда. Интересы биржевые и фабричныя поглощаютъ здѣсь рѣшительно все. Новая биржа, какъ храмъ съ колоннами, построена посреди города на лучшей улицѣ.

Нижній городъ носитъ на себѣ старинный германскій отпечатокъ и содержитъ самыя древнія, лучшія постройки города. У рыночной площади стоитъ ратуша — самая замѣчательная постройка столицы. Въ ней Карлъ V отрекся отъ престола и отсюда въ 1568 году повели Эгмонта и Горна на площадь, чтобы обезглавить. На мѣстѣ казни находятся ихъ статуи. За ратушею фонтанъ «Manneken—Pis» (т. е. маленькій мальчикъ). Брюссельцы питаютъ необыкновенное пристрастіе къ этому фонтану. Тутъ изображенъ маленькій мальчикъ или купидонъ изъ бронзы, такъ какъ онъ былъ отлитъ

еще въ началѣ XVII в., то его называютъ «старѣйшимъ брюссельскимъ гражданиномъ». Мошенники не разъ посягали на эту статую, и каждый разъ брюссельцы приходили въ такое волненіе, подымали такой шумъ, что она въ концѣ концовъ отыскивалась. Этотъ бронзовый купидонъ-кумиръ брюссельцевъ имѣетъ множество самыхъ разнообразныхъ нарядовъ. Еще недавно одна старая дѣва умирая завѣщала на его гардеробъ 40,000 флориновъ. Въ дни торжественныхъ процессій «мальчика» одѣваютъ генераломъ національной гвардіи или въ какойнибудь фантастической нарядъ. Туалетомъ этого народнаго любимца занимается особый гардеробмейстеръ, получающій за это отъ города 200 франковъ жалованья въ годъ.

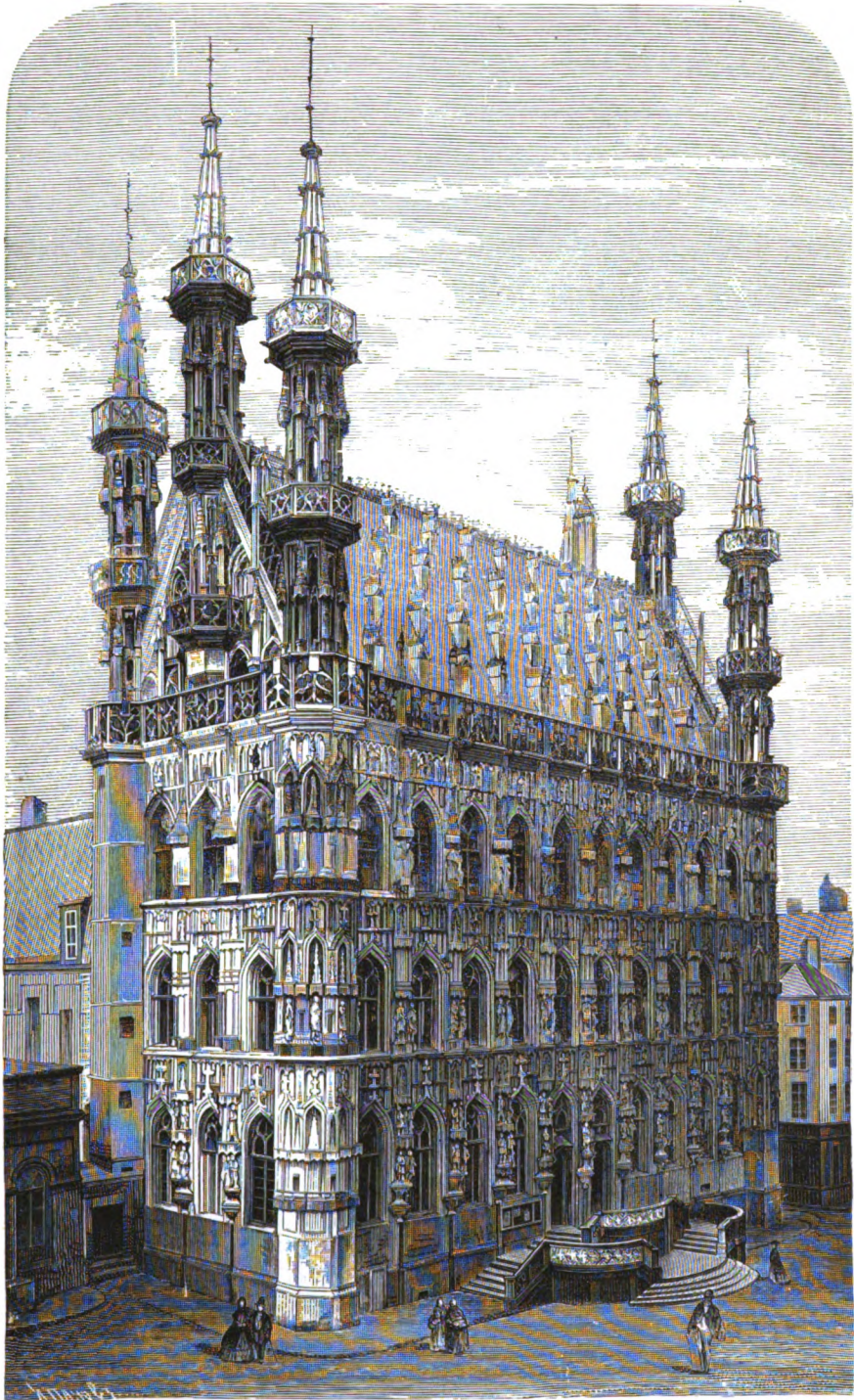
Между церквями самая замѣчательная—соборъ св. Гудулы, постройка котораго начата еще въ XI столѣтіи. Это древнее зданіе съ двумя высокими, четырехугольными, плоскими башнями, которыя возвышаются надъ множествомъ каменныхъ лѣстницъ, ведущихъ къ нимъ. Этотъ соборъ во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ «Notre Dame» въ Парижѣ, но далеко не такъ богато украшенъ, какъ этотъ знаменитый парижскій храмъ.

Войдемъ внутрь этого древняго брюссельскаго храма. Множество высокихъ круглыхъ, массивныхъ колоннъ съ византійскими капителями поддерживаютъ стрѣльчатые своды; всюду множество хорошо исполненныхъ украшеній. Но болѣе всего обращаютъ на себя вниманіе высокія и широкія окна съ остроконечными сводами и съ великозѣпной живописью на стеклѣ. На верху, въ самыхъ разнообразныхъ картинахъ, представлены событія изъ новаго завѣта, а внизу живо схвачены самыя характерныя событія изъ прошлой жизни Нидерландъ. Фигуры почти въ настоящую величину и каждая отдѣльная картина представляетъ талантливое художественное произведеніе.

Не менѣе интереса возбуждаетъ кафедра—колосальное произведеніе рѣзбы изъ дерева, находящаяся посреди церкви. У основанія ея, на невысокомъ подножіи, изображены въ ростъ человѣка покидающіе рай прародители рода человѣческаго. Они несутъ, какъ бы тяготящій надъ ними грѣхъ,—полушаріе, на которомъ сидитъ кафедра. По лѣвую сторону отъ нихъ поднимается древо познанія добра и зла и охватываетъ всю кафедру своими многочисленными вѣтвями, а по правую сторону изображенъ змѣй, шея и голова котораго выдается надъ крышей кафедры. Здѣсь же, т. е. на крышѣ кафедры, посреди облаковъ, стоитъ на полумѣсяцѣ Дѣва Марія, окруженная ангелами, а передъ нею Святой младенецъ прокалываетъ заостреннымъ концомъ креста шею змія. При этомъ представьте себѣ двѣ лѣстницы, ведущія съ двухъ сторонъ на кафедру и украшенныя эмблемами рая. Въ одномъ мѣстѣ вырѣзана нѣжная зелень, птицы, въ другомъ обезьяна съ яблокомъ, дальше бѣжитъ бѣлка между вѣтвями и т. п. Однимъ словомъ трудно рассказать, какъ умно задумано и какъ своеобразно выполнено это произведеніе.

Къ востоку отъ Брюсселя находится Лувенъ съ 32,560 жителей. Въ XIV вѣкѣ этотъ городъ былъ столицею Брабанта и, по развитію своей промышленности, былъ однимъ изъ самыхъ населенныхъ городовъ того времени; въ немъ, какъ говорятъ, было 200,000 жителей и 4,000 суконныхъ мануфактуръ. Съ тѣхъ поръ, какъ фабрикація сукна перешла въ Англію, улицы и алей, окружающія городъ, сдѣлались чрезвычайно пустынными и тихими, жители стали преимущественно заниматься земледѣліемъ.

Между постройками, которыя свидѣтельствуютъ о прежнемъ процвѣтаніи города, замѣчательна ратуша, основанная въ 1448 году, — одна изъ красивѣйшихъ готическихъ построекъ архитектуры, которая не находитъ себѣ равныхъ по изяществу. Нидерланды всегда съ особенною роскошью украшали два зданія: домъ молитвы и главное

зданіе городской общины, то есть ратушу. Во многихъ городахъ, получившихъ значеніе въ средніе вѣка, мы находимъ великолѣпную ратушу и богатый соборъ. Ратуша представляла главный центръ городской жизни и дѣятельности и потому города тратили громадныя деньги для ея украшенія, нарочно для этого выписали знаменитостей и таланты по всѣмъ отраслямъ искусства. Замѣчательно, что всѣ княжескіе дворцы, которые остались отъ того времени, незначительны въ сравненіи съ великолѣпными зданіями ратуши. Въ блескѣ, красотѣ и величіи съ ними не могутъ поспорить даже лучшіе дома и дворцы королей Бельгіи и Голландіи въ Брюсселѣ, Гагѣ, Амстердамѣ: въ сравненіи съ ними они кажутся самыми скромными постройками. Это великолѣпнѣе ратушей показываетъ, какъ было велико въ этихъ странахъ значеніе городского сословія.

Высшее образованіе Бельгіи сосредоточено въ четырехъ университетахъ, изъ которыхъ два государственныхъ, въ Гентѣ и Люттихѣ, и два частныхъ — въ Лувенѣ и Брюсселѣ. Лувенскій университетъ, самый древній, перешелъ въ руки католическаго духовенства. Это заведеніе совершенно независимо отъ правительства и такъ какъ оно вполне подчинено духовенству, то вліяніе послѣдняго здѣсь очень сильно и студенты вполне подчинены всѣмъ правиламъ и обрядамъ католической церкви.

Всѣ студенты въ первый годъ послѣ поступленія должны жить въ коллегіяхъ, гдѣ каждому изъ нихъ отведено особое помѣщеніе. Они обѣдаютъ въ общей столовой, не имѣютъ права выходить за порогъ коллегіи безъ дозволенія монаха, обязаны въ извѣстный часъ и минуту являться къ столу, въ церковь, на проповѣди, которыя приносятъ по нѣскольку разъ въ недѣлю, на молитву и на лекціи. Свободное время и занятія студентовъ расположены такъ, что они постоянно находятся подъ строгимъ надзоромъ монаха. Ихъ жизнь проходитъ въ постѣ, молитвѣ, въ слушаніи постоянныхъ проповѣдей и увѣщаній, въ постоянномъ посященіи церкви. Ихъ преслѣдуютъ не только за куреніе сигаръ и папиросъ, но даже и за посященіе театровъ. Выборъ книгъ дѣлается монахами, и каждая книга, появившаяся въ рукахъ студента, подвергается строгой цензурѣ католическаго духовенства. Нечего и говорить о томъ, что юноши, которые сознательно подчиняются всѣмъ этимъ требованіямъ, совершенно бездарные и скоро окончательно тупѣютъ, а въ даровитыхъ подобная система развиваетъ замѣчательное лицемеріе и ханжество.

Начальство Лувена обыкновенно проводитъ юнымъ студентамъ мысль, что свободой будутъ пользоваться только тѣ изъ нихъ, которые совершенно терпѣливо выдержатъ первый годъ искуса и тщательнымъ образомъ въ продолженіи всего года будутъ выполнять всѣ требованія и предписанія. Всѣ студенты, выдержавшіе этотъ искусъ, или наиболѣе ловкіе изъ нихъ, которые съумѣли понравиться начальству, наружно выполняя все, что отъ нихъ требовали, а за спиною дѣлая все, что хотѣлось, такіе студенты, повторяю, получаютъ право во второй годъ жить на отдѣльныхъ квартирахъ.

Въ средніе вѣка первоначальное образованіе развилось во Фландріи гораздо раньше, было основательнѣе и пользовалось большею свободой, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Уже въ 1192 г. въ Гентѣ существовало постановленіе, по которому всякій, «кто имѣетъ желаніе, способности и средства, имѣетъ право открыть школу и никто не долженъ ему мѣшать въ этомъ». вмѣстѣ съ развитіемъ образованія во многихъ мѣстечкахъ организовались мѣстныя драматическія общества для сочиненія и представленія различныхъ драмъ и мистерій. Но вся цивилизація: науки, искусства, образованіе, ремесла, все разомъ исчезло подъ игомъ испанцевъ въ XVI столѣтіи. Послѣ этого наступаетъ періодъ полнѣйшаго мрака и невѣжества, который продолжается до 30-хъ годовъ на-

стоящаго столѣтія. Только законы 1836 и 1842 г. дали толчекъ образованію, которое съ тѣхъ поръ стало постепенно развиваться. Законъ 1842 г. съ самаго своего изданія не потерпѣлъ никакихъ измѣненій. Вотъ главные его статьи: Въ каждой общинѣ *) должна быть по крайней мѣрѣ одна первоначальная школа. Всѣ дѣти обѣдныхъ родителей имѣютъ право на бесплатное обученіе. Первоначальное образованіе должно состоять въ обученіи чтенію, письму, арифметикѣ и, смотря по мѣстнымъ требованіямъ, въ элементарномъ знаніи французскаго, фламандскаго или нѣмецкаго языковъ. Новый бельгійскій законъ о народномъ образованіи совершенно вычеркнулъ изъ учебной программы какъ высшихъ, такъ и элементарныхъ школъ преподаваніе Закона Божія. Но инспекторами школъ еще и теперь назначаютъ гражданскихъ и духовныхъ лицъ. Поэтому законъ 1842 г. и упрекаютъ болѣе всего за то, что онъ ввелъ въ школы духовенство, какъ власть. Въ Бельгіи государство и церковь совершенно отдѣлены другъ отъ друга; поэтому и образованіе не должно было бы зависѣть отъ духовенства, которое не дозволяетъ свѣтской власти вмѣшиваться въ свои дѣла. Но тутъ выходитъ совсѣмъ наоборотъ: духовенство въ Бельгіи имѣетъ громадное вліяніе на образованіе и въ 60-хъ годахъ имѣло болѣе полуторы тысячи заведеній, содержимыхъ иезуитами, разными братскими и монашескими орденами. Поэтому новый законъ, уничтожившій въ заведеніяхъ преподаваніе Закона Божія, возбуждаетъ крайнее негодованіе въ рядахъ клерикальной партіи, которая очень велика въ Бельгіи.

Какъ въ Германіи, такъ и въ Бельгіи обученіе начинается съ 3-хъ лѣтняго возраста. Для маленькихъ дѣтей отъ 3-хъ до 6-ти и 7-ми лѣтняго возраста существуютъ особыя заведенія, которыя въ Бельгіи называются «Ecoles gardiennes», извѣстныя въ Германіи и въ другихъ странахъ подъ названіемъ «дѣтскихъ садовъ». Матери, отправляясь на фабрики и работы, и такимъ образомъ не имѣя возможности брать съ собою ребенка, относятъ его въ дѣтскій садъ. Такія «Ecoles gardiennes» или дѣтскіе сады Бельгіи чрезвычайно переполнены, по 400 и даже по 500 дѣтей въ каждомъ. Они раздѣлены на два или на три отдѣленія. Дѣти посѣщаютъ эти écoles даромъ, но родители, имѣющіе хотя маленькія средства, должны платить въ мѣсяцъ на наши деньги около 10 коп. сер. Главная цѣль этихъ дѣтскихъ садовъ не только призрѣть дѣтей въ то время, когда ихъ родители заняты работой, но развитъ всѣ ихъ умственныя, нравственныя и физическія способности. Достигнуть этого стараются посредствомъ различныхъ игръ и работъ, вполне доступныхъ этому возрасту; но понятно, что, при такомъ количествѣ дѣтей, чаще достигаютъ совершенно противоположныхъ результатовъ, т. е. забиваютъ и совсѣмъ притупляютъ дѣтей. 100 человекъ дѣтей, а иногда и больше, въ одной комнатѣ принуждаютъ воспитательницу примѣнять строгую дисциплину, которая приноситъ особенный вредъ дѣтямъ этого нѣжнаго возраста. Учительница стучаетъ особаго рода сигнальной машинкой и дѣти разомъ протягиваютъ руку къ тому или другому предмету, отвѣчаютъ, начинаютъ пѣть, однимъ словомъ все дѣлается по командѣ. Ясно, что это не можетъ содѣйствовать развитію.

Въ 6, 7 лѣтъ ребенокъ начинаетъ посѣщать народное училище (école communale), гдѣ продолжаетъ ученіе обыкновенно до 12-ти лѣтъ.

Народная школа всегда обширная и большая комната. Внѣшнее убранство классовъ очень просто: какъ особенность надо замѣтить аспидныя доски, крѣпко вдѣланныя въ столъ передъ мѣстомъ каждаго. Поэтому досокъ не нужно ни убирать, ни уно-

*) Вся Бельгія раздѣлена на множество общинъ; въ концѣ 60-хъ годовъ ихъ насчитывали болѣе 2,500 и изъ нихъ только очень немногія не имѣютъ школъ.

ситъ: онѣ не могутъ и жематься, составляя, одну плоскость съ поверхностью стола. У передней стѣны, почти во всю длину ея, въ двѣ ступени идетъ возвышеніе для учителя. Большія доски, служація для классныхъ объясненій, также вдѣланы въ стѣну, гдѣ онѣ могутъ свободно подыматься и опускаться, точно рамы въ окнахъ.

Главный недостатокъ этихъ школъ тотъ же, что и въ дѣтскихъ садахъ: чрезмѣрно большое количество учениковъ. Ихъ обыкновенно отъ 60 до 100 человекъ. О преподаваніи однако можно сказать, что оно идетъ весьма живо и прежде всего проникнуто теплымъ патристическимъ чувствомъ. Одинъ ученикъ въ Бельгій приходится на 8 жителей, между тѣмъ въ странахъ, гдѣ обязательное образованіе строго примѣняется, какъ напр. въ Германіи и на Скандинавскомъ полуостровѣ, приходится 1 ученикъ на 7 жителей.

Содержаніе, получаемое народными учителями Бельгій, гораздо выше, чѣмъ въ большей части другихъ государствъ Европы. Ни одинъ изъ нихъ не получаетъ менѣе 850 франковъ, а въ нѣкоторыхъ школахъ постоянное жалованье и плата за воспитанниковъ составляютъ не менѣе 1,050 франковъ въ годъ.

Въ заключеніе скажемъ о школахъ іезуитовъ и другихъ братствъ и монашествующихъ орденовъ, которыя всѣ болѣе или менѣе носятъ одинъ и тотъ же характеръ. Прежде всего всѣ эти школы духовныхъ братствъ и въ особенности іезуитовъ представляютъ собою образецъ прекраснаго внѣшняго устройства. Вы повсюду встрѣтите чистоту и порядокъ, чистый воздухъ въ спальняхъ, большую опрятность въ постеляхъ, умывальномъ приборѣ и проч. Даже и тутъ уже во внѣшнемъ устройствѣ спаленъ и классовъ вамъ бросается въ глаза желаніе начальства отдѣлить одного воспитанника отъ другаго. Каждая кровать отдѣлена отъ другой перегородкою, футовъ въ 8 вышиною; въ каждой изъ такихъ келій, которыхъ въ нѣкоторыхъ комнатахъ существуетъ до ста, вы найдете неизменно молитвенникъ и на стѣнѣ распятіе и какое нибудь поучительное изрѣченіе. Интерны (живущіе въ заведеніи) видятъ экстерновъ (приходящихъ для ученія) только во время ученія, но и тогда они не могутъ съ ними сообщаться, такъ какъ сидятъ на особыхъ скамейкахъ. Какъ интерны отдѣлены отъ экстерновъ, такъ и маленькіе воспитанники отдѣлены отъ взрослыхъ: тотъ и другой возрастъ имѣетъ не только особые классы, залы для игры, но даже и особые выходы. Столько же стараются отдѣлить одного воспитанника отъ другаго: начальство поощряетъ такія игры, собранія и удовольствія, гдѣ сразу можетъ участвовать весь классъ или большое количество воспитанниковъ, какъ напр.: игра въ билліардъ и особенно игра на домашнемъ театрѣ. При томъ и другомъ удовольствіи одна часть воспитанниковъ играетъ активную роль, а другая часть напряженно смотритъ на нихъ. Бесѣдамъ же, разговорамъ и спорамъ вдвоемъ или въ небольшомъ кругу товарищей начальство старается противодействовать всѣми силами.

Какъ въ наукахъ, такъ и въ играхъ здѣсь прежде всего стараются возбуждать честолюбіе и тщеславіе. Система поощреній посредствомъ наградъ играетъ здѣсь очень важную роль. Книга, заключающая правила, которымъ должны слѣдовать заведенія подобнаго рода, подробно пересчитываетъ всѣ роды и степени наградъ. Тутъ встрѣчаются и похвальные листы, и красныя доски, и почетный крестъ. Носящій крестъ пользуется большими привилегіями: онъ не подвергается никакому другому наказанію, кромѣ лишенія этой награды.

«Ученіе начинается утромъ въ 7^{1/2} часовъ. Какъ утромъ, такъ и послѣ обѣда, до начала и по окончаніи уроковъ, воспитанники ходятъ въ капеллу на молитву: слушаютъ или читаютъ извѣстное число молитвъ, предписанныхъ съ большою точностью. Въ классахъ всѣ стѣны обвѣшаны священными изображеніями; посерединѣ на возвы-

шеніи находится кафедра, къ которой идетъ дорога отъ дверей, украшенныхъ большимъ окномъ, чтобы начальникъ могъ всегда видѣть, что дѣлается въ классѣ.

Правила предписываютъ какъ воспитанники должны встрѣчать каждаго посѣтителя: гостя обыкновенно привѣтствуютъ рукою, встаютъ только передъ директоромъ или передъ знатнымъ посѣтителемъ. Обращаясь къ учителю, начальникъ называетъ его братомъ, «frère».

Вообще во всемъ здѣсь, болѣе, чѣмъ нужно, обращаютъ вниманіе на внѣшность: смотрятъ, чтобы красиво и изящно были переписаны уроки въ тетрадяхъ и совѣмъ не обращаютъ вниманіе на развитіе».

Чтобы имѣть полное и неизгладимое вліяніе на юношество, начальство старается окружать его постояннымъ, неусыпнымъ надзоромъ: патеры и спятъ, и играютъ съ воспитанниками и постоянно чередуются между собою въ ночномъ дежурствѣ въ спальнѣ. Этому неусыпному надзору, строгой дисциплинѣ и полнѣйшему подчиненію себѣ юношества много помогаетъ, особенно у іезуитовъ, то обстоятельство, что у нихъ всѣ лица, входящіе въ составъ школы, даже послѣдній служитель, принадлежатъ къ тому или другому ордену, и по обѣту обязаны доносить своему начальству не только обо всемъ, что они замѣчаютъ дурнаго и хорошаго въ воспитанникѣ, но даже о каждомъ его словѣ.

НОРВЕГІЯ.

Природа страны. — Бури и причина этого явления. — Фіорды и шкеры. — Норвежскіе горы, лѣса и глетчеры. — Безчисленное множество водопадовъ и причины этого явления. — Пути сообщенія.

Норвегія — страна чудныхъ водопадовъ, живописныхъ рѣкъ и ручейковъ, высокихъ, дикихъ горъ, растрескавшихся скалистыхъ береговъ, безчисленнаго множества фіордовъ (заливовъ) и самыхъ разнообразныхъ скалистыхъ острововъ. Болѣе дикихъ горъ не найдешь ни въ какой другой странѣ. Норвегія подверглась, вѣроятно, большимъ первобытнымъ переворотамъ, такъ какъ всюду мы встрѣчаемъ слѣды ужаснаго разрушенія. По всей странѣ разбросаны безчисленныя, оторванныя глыбы скалъ, и число ихъ такъ велико, что можно предположить, что горы, къ которымъ онѣ нѣкогда принадлежали, были гораздо выше, чѣмъ теперь. По этимъ скаламъ проходятъ глубокія трещины, гдѣ текутъ рѣки и ручьи. Эти трещины — долины этихъ горъ и въ нихъ живутъ люди, съ большимъ трудомъ обрабатывающіе свои поля. Норвегія, въ высшей степени живописная, поэтическая страна, полна фантастическими преданіями, богата многими минералами и самыми разнообразными родами рыбы, но еще болѣе красотою своей мрачной, величественной природы.

Городовъ въ Норвегіи очень немного; темные лѣса и блестящія озера смѣняются цвѣтущими лугами и нивами, по близости которыхъ расположены крестьянскіе дома и церкви. Въ долинахъ поютъ жаворонки, а въ дали раздаются звуки колокольчиковъ, надѣтыхъ на шею коровъ и рожки пастуховъ, которые при наступленіи вечера свываютъ своими пѣснями домашнюю скотину съ близъ лежащихъ скалъ. На дворѣ или на улицѣ вы не будете свидѣтелемъ домашнихъ работъ или будничныхъ сценъ семейной и общественной жизни, какъ это бываетъ въ южныхъ странахъ Европы, — здѣсь жизнь скрывается внутри домовъ и вполне развертывается только у пылающаго огня большаго камина.

Путешествуя по Норвегіи отъ одного конца до другаго пѣшкомъ, въ экипажѣ или водою, вы можете быть увѣрены, что вездѣ встрѣтите самый радушный пріемъ, увидите за своимъ обѣдомъ самое лучшее, что найдете въ домѣ, и всегда будете перѣзжать изъ одной мѣстности въ другую по одинаково дешевой таксѣ, будь это днемъ или ночью, зимою или лѣтомъ, по горамъ, по снѣгамъ, по льду или по водѣ. Во время

всѣхъ вашихъ странствій вы чрезвычайно рѣдко встрѣтите здѣсь нищаго или бродягу и еще рѣже совершенно безграмотнаго человѣка. Воры и разбойники здѣсь почти неизвѣстны; замки и запоры употребляются только въ исключительныхъ случаяхъ; преступленія преслѣдуются даже прежде, нежели судья успѣетъ заклеить преступника своимъ приговоромъ, а стыдъ и позоръ совершенно исключаютъ его изъ общества.

Норвегія не славится своей торговлей, мануфактурами, блестящими усовершенствованіями въ сельскомъ хозяйствѣ; вы не встрѣтите въ этой странѣ такихъ богатей и капиталистовъ, какъ въ Англіи, гдѣ они пользуются царскими доходами и живутъ съ царскимъ великолѣпіемъ, но за то здѣсь нѣтъ и ея пролетаріевъ. Норвежцы, повидимому такъ мало принимающіе участія въ лихорадочной, политической жизни цивилизованной Европы, однако выработали себѣ гуманные, современные принципы и свободныя учрежденія, которые вполнѣ привились къ ихъ общественной и гражданской жизни и о которыхъ часто только мечтаютъ во многихъ уголкахъ остальной Европы. Норвегія — страна равенства, въ которой не существуетъ ни привилегій, ни дворянства, гдѣ главная сила — народъ. Человѣка, составившаго себѣ большое состояніе собственными руками и головой, здѣсь глубоко уважаютъ, но богатство не кумиръ народа, предъ нимъ не преклоняются здѣсь, какъ въ Англіи, и бѣдняка уважаютъ гораздо болѣе богатаго, если онъ уменъ, образованъ и въ тоже время не брезгаетъ простымъ физическимъ трудомъ. Тутъ между простыми моряками и рыбаками, ловящими сельдь и треску, нерѣдко встрѣтите людей высоко образованныхъ и даровитыхъ. Познакомимся сначала съ природою страны.

Между гигантскими массами горныхъ хребтовъ вьются глубокія и узкія долины, иногда обработанныя, но чаще безплодныя. Множество озеръ, выпуская отъ себя тысячи ручьевъ и рѣкъ, разнообразятъ суровое величіе этого пейзажа. Въ высшей степени скалистые берега изрѣзаны безчисленными, очень живописными фіордами (заливами), въ которые изливаются рѣки, низвергающіяся великолѣпными водопадами. Норвежскій берегъ почти вездѣ поднимается высокими отвѣсными утесами, а надъ поверхностью воды видѣются крутыя скалы и скалистые островки — *шкеры*, по шведски «skärg», что означаетъ рѣзать, и дѣйствительно эти островки точно отрѣзаны отъ берега. Тысяча такихъ большихъ и маленькихъ гранитныхъ островковъ окружаютъ всю Скандинавію; но они не расположены правильно, а разбросаны какъ бы случайно, то гуще, то рѣже, и выдаются то выше, то ниже надъ водою. До сихъ поръ ни одному наблюдателю не удалось открыть какую нибудь систему въ расположеніи шкеръ. Онѣ лежатъ совершенно неправильно, то очень близко одна отъ другой, то съ большими промежутками. Только камень, изъ котораго онѣ состоятъ, вездѣ одинъ и тотъ же, въ остальномъ же — въ величинѣ, въ формѣ, въ наружномъ видѣ — очень много разнообразія. Иногда, между множествомъ обнаженныхъ и круглыхъ утесовъ появляется рядъ красивыхъ холмовъ, свѣжая зелень и густые деревья которыхъ представляютъ пріятный контрастъ съ пустыми, скалистыми вершинами ихъ сосѣдей; на нѣкоторыхъ изъ нихъ кромѣ лѣсковъ существуютъ даже луга. На сѣверѣ шкеры отчасти обнажены самой природою, отчасти лѣса ихъ вырублены на дрова. Но вообще деревьевъ на нихъ растетъ не много: нѣкоторыя изъ нихъ покрыты красными цвѣтками. Форма шкеръ въ большинствѣ случаевъ — продолговато-округлая, живописныя встрѣчаются рѣдко, впрочемъ одна шкера очень напоминаетъ полуразвалившійся рыцарскій замокъ самыхъ древнихъ временъ. Эта шкера находится довольно далеко отъ берега и лежитъ совершенно обнаженная и уединенная. Четырехугольный обломокъ скалы высоко поднимается въ видѣ башни надъ кучами другихъ обломковъ. Шкеры на сѣверѣ пустынные и уединенны и плаваніе между ними порож-

даетъ чувство какого-то страха. Если иногда здѣсь или тамъ видѣется человѣкъ, то мы скорѣе принимаемъ его за несчастнаго, потерпѣвшаго кораблекрушеніе, чѣмъ за жителя подобныхъ мѣстностей, и дѣйствительно, жалкія хижины на берегу устроены только для временнаго пребыванія рыбаковъ.

Отличительной чертой норвежской страны служатъ фіорды, которые вдаются въ твердую землю часто болѣе чѣмъ на 10 и даже на 15 миль и которые представляютъ входные пути, соединяющіе внутренность страны съ ея берегами. Швеція не имѣетъ фіордовъ, но за то она покрыта множествомъ озеръ, которыя отчасти соединяются съ моремъ посредствомъ каналовъ. Самое большое число фіордовъ и самыя большіе изъ нихъ находятся на западномъ берегу Норвегіи. Углубляясь въ сушу, эти фіорды не всегда расширяются въ видѣ бухтъ; они очень часто раздѣляются на боковыя вѣтви и тогда нѣсколько напоминаютъ рѣку съ ея притоками. Нѣкоторыя изъ этихъ боковыхъ вѣтвей похожи на трещины въ нѣсколько миль длины, а высокія, отвѣсныя стѣны, иногда въ нѣсколько тысячъ футовъ высоты, не допускаютъ лучей солнца проникать въ нихъ. Эти боковыя трещины образуютъ множество полуострововъ, изъ которыхъ и состоитъ по большей части западный берегъ. Чѣмъ дальше вы приближаетесь къ сѣверу, тѣмъ больше побережье принимаетъ этотъ видъ, пока наконецъ въ Финмаркенѣ не оканчивается большими косами. Полуострова какъ бы продолжаютъ далѣе цѣлымъ рядомъ большихъ и маленькихъ острововъ, которые окружаютъ весь берегъ. Они образуютъ настоящій лабиринтъ скалъ, острововъ, островковъ, безчисленныхъ проливовъ и морскихъ рукавовъ.

Норвежскіе фіорды обыкновенно очень извилисты и неизмѣримо глубоки. Ширина ихъ иногда очень незначительна; они обыкновенно такъ прозрачны, что на глубинѣ 100 и 130 футовъ ясно видно дно; они окружены крутыми скалистыми стѣнами, высотой отъ 1000 до 2000 футовъ и по нимъ чрезвычайно легко и быстро двигаются нарусныя лодки. То, что одинъ путешественникъ рассказываетъ о фіордѣ Зогне, вполне характеризуетъ большинство норвежскихъ фіордовъ. Узкій фіордъ Зогне и крутыя, высокія горы по его бокамъ напоминаетъ исполинскій каналъ съ его берегами. Здѣсь и тамъ, гдѣ круто спадающія горы представляютъ болѣе отлогіе склоны, можно встрѣтить иногда обработанныя поля. Гораздо чаще однако вы видите одинокія рыбацкія хижины, которыя лѣплятся на скалистыхъ обрывахъ, какъ гнѣзда дикихъ птицъ; при этомъ лодка, единственное средство сообщенія, вытянута на берегъ у самой воды.

Вдоль западнаго побережья тянется высокій, скалистый хребетъ, отчасти покрытый снѣгомъ. Здѣсь все—обнаженный камень, но далѣе, внутри страны, съ высоты горъ спускаются въ глубину долинъ луга, покрытые свѣжею зеленью и на которыхъ живописно разбросаны красныя, желтыя и бѣлыя домики. Тутъ взоръ путешественника болѣе всего поражаетъ чудная зеленая трава, но земледѣліе здѣсь незначительно; пшеничныя поля встрѣчаешь очень рѣдко, болшею частію попадаетъ ячмень, овесъ и картофель.

Неизмѣримыя лѣса, покрывающіе горы, доставляютъ обильный и цѣнный матеріалъ не только для торговли, но и для промышленности. Какъ Швеція, такъ и Норвегія богаты лѣсами, которые имѣютъ европейское значеніе. Досками и планками изъ своихъ лѣсовъ эти страны снабжаютъ: Германію, Голландію, Францію, Англію, берега Средиземнаго моря и многія другія страны. Если торговля досками и планками уменьшится, трудно будетъ пополнить дефицитъ, который тотчасъ окажется вслѣдствіе этого въ доходахъ обѣихъ странъ, такъ какъ въ Швеціи продажа лѣса даетъ около 6 милліоновъ, а въ Норвегіи болѣе 2 милліоновъ серебромъ. Къ тому же уничтоженіемъ лѣса будетъ нанесенъ страшный ударъ благосостоянію народа. Лѣсъ не только слу-

жить здѣсь предметомъ торговли и даетъ матеріалъ для собственнаго судостроенія, но отъ него зависитъ также успѣхъ горной промышленности и даже самое существованіе народа: на сѣверѣ потребление лѣса на постройки и топливо гораздо значительнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. При этомъ лѣсъ имѣетъ громадное вліяніе на климатъ страны, на плодородіе почвы и здоровье жителей.

Между тѣмъ и въ Швеціи, и въ Норвегіи существуетъ страшный беспорядокъ въ лѣсномъ хозяйствѣ. Всѣ рубятъ лѣсъ тамъ, гдѣ находятъ для себя наиболѣе удобнымъ, и никто не заботится о насажденіи новаго или о сохраненіи оставшагося. Особенно тамъ, гдѣ рѣка дозволяетъ сплавъ строеваго лѣса, его рубятъ уже безъ всякаго расчета. Но болѣе всего уничтожаютъ его вслѣдствіе обычая, сильно распространеннаго между шведскими и норвежскими крестьянами, продавать лѣсъ на корню. При этомъ срубаютъ весь строевой и дровяной лѣсъ, оставляя только обрубки да кустарникъ. Поэтому путешественникъ по Скандинавіи очень часто встрѣчаетъ большія пространства, на которыхъ онъ ничего не видитъ кромѣ несчастнаго кустарника, гнилыхъ пней или жалкихъ деревцовъ, источенныхъ насѣкомыми. Къ тому же въ Швеціи существуетъ обычай готовить изъ деревьевъ изгороди. Но болѣе всего вреда причиняютъ частые лѣсные пожары: они происходятъ часто отъ небрежности угольщиковъ, пастуховъ, охотниковъ, рыбаковъ и другихъ лицъ; нерѣдко ихъ устраиваютъ нарочно. Когда пожаръ начался, то уже никто не заботится о томъ, чтобы его потушить, и при малочисленности народонаселенія, особенно въ сѣверныхъ частяхъ, почти нѣтъ для этого никакихъ средствъ. Поэтому здѣшній народъ давно привыкъ смотрѣть на лѣсной пожаръ съ величайшимъ равнодушіемъ. Къ тому же очень многіе поджигаютъ лѣсъ, чтобы превратить его въ пастбище для скота или чтобы построить себѣ хижину въ томъ или другомъ мѣстѣ.

Лѣсъ сильно страдаетъ также вслѣдствіе права всѣхъ крестьянъ пасти гдѣ угодно скотъ въ нераздѣльныхъ или общинныхъ лѣсахъ. Коровы, лошади, овцы, а на сѣверѣ Швеціи и Норвегіи многочисленныя стада козъ — пасутся въ лѣсу съ ранней весны до поздней осени, истребляя при этомъ молодые побѣги деревьевъ и ломая вѣтви. Обширные лѣса находятся еще въ Финмаркенѣ и въ Норландѣ. Хотя на югѣ Скандинавскаго полуострова и встрѣчаются большіе буковые и дубовые лѣса, вездѣ чрезвычайно много, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ ольхи, но характерныя и наиболѣе распространенныя деревья этихъ странъ хвойныя — ель и сосна, но много также и березы. Ничто въ нихъ не пропадаетъ даромъ: иглами хвойныхъ деревьевъ усыпаютъ полы комнатъ; когда онѣ сдѣлаются негодными, ихъ сжигаютъ, а пепелъ употребляютъ для удобренія полей. Листьями березъ кормятъ скотину, а берестой кроютъ крыши. Кору нѣкоторыхъ деревьевъ мелютъ, откармливаютъ ею свиней, а бѣдняки подмѣшиваютъ даже въ хлѣбъ такую муку.

Не слѣдуетъ думать, что лѣса придаютъ однообразіе норвежскому ландшафту: они вездѣ разнообразятся отвѣсными скалами, пѣнящимися потоками, могучими водопадами и глубоко-вдавшимися морскими заливами, большими озерами и красивыми зелеными долинами. Характеръ природы Норвегіи представляетъ совершенную противоположность Испаніи, съ ея необозримыми равнинами, покрытыми обширными пшеничными полями, которыя изрѣдка прерываются или рощами бѣловато-сѣрыхъ оливковыхъ деревьевъ, или обнаженными скалами. Такіе однообразные ландшафты утомляютъ взоръ, тогда какъ путешествіе по Норвегіи, какъ сухимъ путемъ, такъ и водою, возбуждаетъ все новый интересъ швейцарскимъ характеромъ страны: то быстрыми потоками, шумными водопадами, или зелеными холмами, лѣсами и лугами. Норвежцы утверждаютъ, что ихъ страна гораздо живописнѣе Швейцаріи. Несмотря на свою страсть къ

родинѣ и на свое пристрастіе ко всему родному, они правы въ этомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, въ Швейцаріи нѣтъ одного элемента, придающаго необыкновенную красоту ландшафту, — нѣтъ моря. Въ Норвегіи горы, со своими крутыми скалами и высокими водопадами, омываются моремъ у береговъ, глубоко изрытыхъ безчисленными морскими фіордами, что придаетъ видамъ дѣйствительно невыразимое величіе.

Природа Норвегіи прекрасно обрисована въ одной сагѣ*), хотя впрочемъ нѣсколько передѣланной на новый ладъ:

Когда земля была сотворена и Богъ только что окончилъ свое твореніе, Онъ погружился въ глубокую думу. Вдругъ исполинское тяжелое тѣло упало въ воду океана. Творецъ взглянулъ и увидѣлъ чорта, который притащилъ громадный кусокъ скалы и бросилъ его въ морскую пучину. Отъ тяжести этого тѣла задрожала земная ось, грозила переломиться и до сихъ поръ продолжаетъ колебаться и будетъ колебаться во вѣки. Однако своимъ могуществомъ и силою Господь сохранилъ свое твореніе отъ окончательной гибели. Онъ удержалъ его своею сильною рукою, а другой пригрозилъ злему врагу такъ, что тотъ удалился съ воемъ. Но страшная скала повсюду торчала надъ водами: высокока и мрачная выходила она изъ глубины и достигала облаковъ; она была черная, точно вся обожженная. Заостренные, дикія, обнаженные стѣны обрывались въ неизмѣримую глубину моря и наполняли его безчисленными утесами и подводными камнями. Господь бросилъ наконецъ взглядъ состраданія на эту пустыню, набралъ плодородной земли и разбросалъ ее по обнаженнымъ мрачнымъ скаламъ. Но увы, — земли было слишкомъ мало: она едва наполнила углубленія и трещины и только въ немногихъ мѣстахъ ея попало столько, что могли вырости плодовые деревья и созрѣть посѣвы. Однако чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ рѣже этотъ даръ Божій, и наконецъ есть мѣстности, гдѣ его нѣтъ и слѣда. Это точно владѣніе дьявола, которое было какъ будто обречено на вѣчное безплодіе. Но Богъ протянулъ свою всемогущую руку и благословилъ эту обиженную мѣстность. «Если здѣсь не будутъ цвѣсти цвѣты, пѣть птицы, произрастать травы», произнесъ Онъ свое всемогущее слово, «то все таки ты не будешь обречена сдѣлаться владѣніемъ злаго духа. Я скалюсь надъ тобой и поселю людей, которые страстно будутъ привязаны къ твоимъ голымъ скаламъ». Послѣ этого Господь повелѣлъ рыбамъ оживить моря своими огромными стаями, а снѣжныя поля онъ населилъ удивительнымъ животнымъ, на половину коровой, на половину лошадыю, которое своимъ молокомъ, масломъ, мясомъ, шкурой и жилами должно было питать и одѣвать человѣка.

Скандинавскія горы называются обыкновенно Скандинавскими Альпами; но въ самой странѣ для нихъ не существуетъ общаго названія. Ихъ называютъ такъ потому, что они напоминаютъ Альпійскія своими глетчерами, часто спускающимися до береговъ фіордовъ, но они во многомъ отличаются отъ швейцарскихъ Альпъ. Отдѣльныя группы горъ, которыя прорѣзаны долинами, нельзя разсматривать, какъ ребра огромнаго горнаго хребта, — вся страна представляетъ сплошную гористую массу, въ которой фіорды и долины не болѣе какъ трещины. Между тѣмъ только эти трещины заселены и обработаны, тогда какъ возвышенности пустынны и не воздѣланы. (Чтобы составить себѣ

*) Сага — сказаніе или героическій разсказъ. Содержаніемъ ея обыкновенно служитъ какое нибудь поэтическое преданіе о происшествіяхъ нѣрѣдко самыхъ отдаленныхъ временъ. Вотъ почему въ этихъ сказаніяхъ нельзя искать строго-исторической правды, хотя они по большей части и не лишены исторической основы. Согласно съ младенческимъ состояніемъ тогдашнихъ народовъ, въ сагахъ являются сверхъестественныя силы и божества, принимающія непосредственное участіе въ дѣлахъ человѣческихъ.

понятіе о величинѣ этихъ пустынныхъ пространствъ, надо вспомнить, что во всей Норвегіи воздѣлано только 2,350 квадратн. километровъ (километръ — 468 сажень) 7,000 квадратн. километр. покрыто глетчерами, а 235,000 квадратн. кил. представляютъ пустынные горы и болота, болѣе половины которыхъ находится выше границы растительности. Норвежскіе лѣса покрываютъ 67.000 кв. кил., понятно что норвежцы только и говорятъ о своихъ горахъ).

Чѣмъ глубже проникаете вы внутрь страны, тѣмъ тѣснѣе сдвигаются дивныя массы горъ и образуютъ ущелья ужасающей глубины; узкія трещины съ замѣчательными изгибами пересѣкаютъ разорванныя горныя массы. Но чѣмъ больше вы приближаетесь къ берегу, тѣмъ шире становятся эти трещины, принимаютъ наконецъ въ себя море и оно по глубоко-врѣзавшимся заливамъ доходитъ до подножія высокихъ горъ. Скандинавскія горы съ ихъ величественными свѣжными полями и глетчерами, къ которымъ очень часто непосредственно прилегаютъ зеленые поля, съ каждымъ годомъ привлекаютъ все болѣе путешественниковъ.

Самая высшая точка скандинавскихъ горъ достигаетъ 7,929 парижскихъ футовъ (парижскій футъ немного менѣе русскаго). Ихъ склонъ къ Ледовитому океану, къ Атлантическому и къ Нѣмецкому морю очень крутой и отвѣсный. Вы нерѣдко въ изумленіи останавливаетесь передъ отвѣсной стѣной и спрашиваете себя, какимъ образомъ могутъ ходить по ней мѣстные жители. Но, подойдя ближе, вы замѣчаете, какъ по нимъ карабкаются не только взрослые люди, но и дѣти.

Замѣчательное развитіе береговой линіи имѣетъ для страны огромное значеніе. Безъ этого развитія береговъ большая часть Норвегіи была бы не заселена. Оно облегчаетъ сношенія, доставляетъ жителямъ побережья богатую рыбную ловлю, которая уже издавна приобрѣла громкую извѣстность, а плодородныя прибрежныя полосы доставляютъ все необходимое для пропитанія. Кромѣ того это береговое развѣтвленіе облегчаетъ внутреннія сношенія и внѣшнюю торговлю. За всѣ эти блага прибрежные жители подвержены явленіямъ природы, которыя могутъ быть для нихъ иногда положительно опасными: я говорю о здѣшнихъ буряхъ, которыя напоминаютъ часто ураганы. Эти бури появляются здѣсь иногда внезапно и свирѣпствуютъ съ разрушительною силою. Причина этого бѣдствія кроется въ развитіи норвежскихъ береговъ. Во многихъ мѣстахъ вѣтры, дующіе изнутри страны, стѣсняются горами и направляются по узкимъ долинамъ и фюрдамъ, скалистыя стѣны которыхъ заставляютъ ихъ принять какое нибудь опредѣленное направленіе, и потому они вырываются изъ нихъ на морской берегъ съ необыкновенной силою, какъ изъ какой нибудь колоссальной трубы. Часто изъ горныхъ ущелій порывы вѣтра вырываются съ такою силою, что они разметають въ пыль морскія волны и поднимають ихъ на нѣсколько сотъ футовъ высоты.

Норвегія, болѣе чѣмъ какая либо другая гористая страна, отличается обиліемъ не только озеръ, но и всевозможныхъ текущихъ водъ. Большая часть поверхности Норвегіи покрыта озерами, которыя славятся не величиною, но своимъ большимъ числомъ, глубиною и огромною массою воды. Норвежскія озера узкія, длинныя и богаты рыбою.

Рѣки, яркаго, искрящагося, зеленого цвѣта, шумятъ со всѣхъ сторонъ. Вода часто низвергается съ утеса то одной струей, то скачетъ рядомъ отдѣльныхъ водопадовъ, расширяясь все болѣе и болѣе. — Норвегія страна водопадовъ. Со всѣхъ сторонъ падаютъ они со скалъ, то совершенно отвѣсно, то въ видѣ дуги, то съ одного уступа на другой, то развѣтвляются на тысячу вѣтвей и всюду разбрасываютъ свою часто блестящую на солнцѣ пѣну. Отдѣльныя нити бѣлоснѣжной воды тянутся по крутому склону и кажутся издали необыкновенно нѣжными и тонкими.

Но когда приближаешься къ этимъ нитямъ, то удивляешься ихъ объему и массѣ. Происхожденіе такого множества водъ объясняютъ особеннымъ устройствомъ поверхности норвежскаго нагорья. Норвежскія горы обраауютъ широкіе плоскіе плато; когда идетъ дождь, то онъ задерживается нѣкоторое время на горной плоскости, иначе называемой фьельдъ, затѣмъ онъ стекаетъ въ уакія долины. Такъ какъ эти долины рѣдко развѣтвляются, а обыкновенно слѣдуютъ по одному направленію, то нѣкоторыя рѣки, текущія черезъ нихъ, преимущественно питаются ручьями, бѣгущими съ фьельдовъ, и потомъ водопадами низвергаются въ глубину. Къ тому же дождь въ долинахъ Норвегіи идетъ чрезвычайно часто и его выпадаетъ каждый разъ очень много; но безъ сомнѣнія на фьельдахъ онъ еще сильнѣе, чѣмъ во внутреннихъ долинахъ. Кромѣ этого поверхность плоскихъ возвышенностей, въ продолженіи двухъ третей года, болѣе или менѣе покрыта снѣгомъ, который таетъ въ лѣтніе дни точно такъ же, какъ и во время дождей, и даетъ пищу рѣкамъ. Ко всему этому присоединяется также и то, что водяные пары, приносимые западными вѣтрами, осаждаются на горахъ и затѣмъ сбываются безчисленными потоками съ горныхъ плоскостей. Вода не задерживается, а быстро скатывается потому, что скалистая почва трудно ее всасываетъ въ себя, — всѣ эти причины сдѣлали Скандинавскій полуостровъ чрезвычайно богатымъ рѣками, водопадами и озерами.

Изъ множества водопадовъ Норвегіи особенно славится дымящійся водопадъ Рьюкандъ-Фоссъ (фоссъ— водопадъ) въ Телемаркѣ. Чтобы наслаждаться зрѣлищемъ большаго водопада, приходится обыкновенно совершать довольно отдаленныя путешествія, такъ какъ они расположены въ самыхъ дикихъ частяхъ страны. Чтобы напри- мѣръ посмотреть на Рьюкандъ-Фоссъ, необходимо взобраться по довольно оригинальной дорогѣ, представляющей родъ лѣстницы въ скалахъ. Тѣмъ не менѣе по этимъ лѣстницамъ всходятъ лошади. Это кажется невѣроятнымъ, но норвежскія лошади давно прославились своимъ искусствомъ взбираться на страшныя высоты.

Рьюкандъ самый оригинальный водопадъ. Впечатлѣніе этого величественнаго явленія увеличивается еще болѣе дикими обрестностями, могучими черными скалами и торжественнымъ, вѣчнымъ молчаніемъ окружающей природы. Посреди этого молчанія раздаются только громовые раскаты воды. Еще за полчаса до приближенія къ водопаду, вы видите поднимающіеся столбы пара. Скалистая тропинка дѣлается все круче и затруднительнѣе и лошадь, уже задыхаясь, взбирается по ней. Вотъ налѣво, на склонѣ стоятъ нѣсколько хижинъ: это крайній предѣлъ жилищъ человѣка. За одной изъ нихъ дорога спускается въ глубину. Вы сходите по ней, затѣмъ пробираетесь по краю отвѣснаго обрыва и черезъ нѣсколько водопадовъ, выходящихъ изъ трещинъ скалистой стѣны, надъ которыми устроены мосты изъ гладкихъ мокрыхъ бревенъ и стволовъ. Тутъ нужна большая ловкость и присутствіе духа, такъ какъ ноги скользятъ нерѣдко и въ ту минуту, когда вы стоите надъ страшною пропастью. Чѣмъ дальше вы подвигаетесь, тѣмъ явственнѣе слышенъ вамъ шумъ водопада. Наконецъ вы внезапно очутились передъ нимъ. Вы долго стоите, прикованные къ этому величественному зрѣлищу, и наконецъ садитесь на край выступа, чтобы лучше осмотрѣть его.

Утесы образуютъ котловину. Это котловидное углубленіе возвышается надъ густымъ дѣсомъ, мрачное и обнаженное, и изъ этого исполинскаго котла высоко поднимается въ прозрачный воздухъ огромный столбъ пару. Черезъ извѣстныя промежутки времени этотъ столбъ то исчезаетъ, то опять появляется, точно паръ, поднимающійся съ необъятной поверхности кипящей воды. Это и есть паровой столбъ дымящагося водопада Рьюкандъ-Фосса. Когда между обломками, покрывавшими небо, блеснетъ лучъ солнца, огромный столбъ пара превращается въ могучій воздушный потокъ распла-

ленного серебра. Мириады его брызговъ блестятъ какъ искры и переливаются всѣми цвѣтами радуги, то изиѣняясь, то исчезая, то снова появляясь.

Масса воды въ Рейнскомъ водопадѣ при Шафгаузенѣ больше и шире, но наибольшая высота его достигаетъ лишь 75 футовъ; дымящійся же водопадъ ннзвергается съ высоты отъ 400 до 500 футовъ.

Всякое поразительное явленіе природы даетъ поводъ мѣстнымъ жителямъ къ какому нибудь романическому или таинственному преданію. У Рьюканда есть хребтъ, гдѣ проходятъ по опасной тропинкѣ надъ пропастью. Она называется тропинкою Маріи. Преданіе говоритъ, что нѣкогда прекрасная дѣвушка Марія полюбила юношу, по имени Эйстенъ, и ходила къ нему на свиданіе по этой тропинкѣ. Когда отецъ Маріи узналъ ея тайну, онъ запретилъ ей эти прогулки и юноша долженъ былъ оставить свою родину. Но, когда черезъ нѣсколько лѣтъ, Марія сдѣлалась свободною и могла располагать своей рукой, она дала знать Эйстену, который для сокращенія пути, хотѣлъ пройти къ любимой дѣвушкѣ по прежней тропинкѣ. Марія уже ждала его на другомъ берегу Рьюканда и, увидѣвъ его, радостно вскрикнула. Эйстенъ хотѣлъ броситься къ ней въ объятія, но поскользнулся и исчезъ въ волнахъ стремнины. Марія лишилась разсудка, волосы ея посидѣли, она скоро одряхлѣла, но съ тѣхъ поръ каждый день до самой смерти ходила по роковой тропинкѣ, садилась надъ пропастью на выступъ скалы и вела тихую бесѣду съ любимымъ ею человекомъ.

Вслѣдствіе дикости и крутизны горъ, множества водопадовъ и ущелій, норвежцамъ приходилось бороться съ необыкновенными препятствіями, чтобы устроить пути сообщенія. Туземцы особенно гордятся постройками подобнаго рода въ Бергенской области. Дорога отъ Нистуэна къ морю была прежде до того опасною, что на ней безпрестанно гибло множество людей. Въ настоящее время большую часть этого пути норвежцы сдѣлали почти безопаснымъ. Дорога отчасти возведена изъ камней, отчасти пробита въ скалахъ. Нерѣдко она проходитъ у самаго края пропасти, гдѣ для защиты ѣдущихъ устроены желѣзные перила. Въ двухъ мѣстахъ черезъ долины возведены постройки, дающія возможность ѣхать, не спускаясь съ крутыхъ горъ.

ЛѢТО И ЗИМА.

Пробужденіе природы.—Желѣзныя ночи.—Сѣнокосъ и жатва въ деревняхъ.—Свѣтлая лѣтняя ночь.—Жестокое преслѣдованіе ядовитыми комарами и москитами.—Возвращеніе скота п пастухи.—Сѣверное сіяніе.—Норвежскія лыжи в санн.

Вслѣдствіе сѣвернаго положенія Норвегіи можно бы подумать, что въ ней очень холодно, но на самомъ дѣлѣ климатъ въ этой странѣ довольно умѣренный. Въ то время, какъ въ Сибири подъ 60° с. ш. не встрѣчается уже болѣе пашень, въ Норвегіи занимаются земледѣліемъ еще подъ 70° сѣв. шир. Мало того, въ южной Норвегіи, на защищенныхъ мѣстахъ, созрѣваетъ виноградъ и абрикосы. Главная причина этого явленія съ одной стороны вліяніе гольфштрема, но кромѣ того огромное значеніе имѣетъ и близость моря, которое умѣряетъ температуру. Въ мѣстностяхъ, подверженныхъ вліянію моря, холодъ никогда не бываетъ такъ силенъ, а жаръ такъ томителенъ, какъ въ полосахъ, удаленныхъ отъ берега. Вдоль всего западнаго побережья море не замерзаетъ; даже у Нордкапа оно не покрывается ледяными массами, тогда какъ Свагерракъ мерзаетъ. Средняя температура въ лѣтніе мѣсяцы въ округѣ Бергенъ достигаетъ только 13° по Реомюру. Между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстностяхъ, кото-

рыя находятся дальше от берега, напр. въ округѣ Валле, жары лѣтомъ достигаютъ до 34° Р., а холодъ зимою до 28° Р.; этою высокою температурою лѣтомъ можно объяснить то, что на многихъ, высоко лежащихъ долинахъ, гдѣ средняя годовая температура вслѣдствіе большихъ холодовъ зимою низка, не только созрѣваетъ хлѣбъ, но и весь процессъ развитія, отъ посѣва до жатвы, совершается въ промежутокъ времени отъ 8 до 12 недѣль. Фіорды, далеко вдающіеся въ землю, даютъ возможность морскому вѣтру проникать внутрь страны, а низменные полосы вдоль фіордовъ защищены отъ вліянія сѣвернаго вѣтра окружающими ихъ стѣнами. Вслѣдствіе этого зимою температура здѣсь такъ умѣренна, что даже въ странахъ болѣе южныхъ въ это время года нерѣдко бываетъ холоднѣй. Въ мѣстностяхъ около Гардангеръ-фіорда, средняя годовая температура приближается къ средней годовой температурѣ Австріи. Эта умѣренная температура зимою въ мѣстностяхъ, лежащихъ близъ морскаго берега, даетъ возможность оставлять животныхъ зимою въ полѣ, и море въ это время года открыто для рыбной ловли и для судоходства.

Тридцатая часть поверхности Норвегіи покрыта вѣчнымъ снѣгомъ и самая большія снѣжныя поля и глетчеры находятся въ горной странѣ между Гудбрандсдалемъ и Согне. Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ болѣе увеличиваются снѣжныя поля и глетчеры; но къ счастью, по направленію къ сѣверу въ то же время уменьшается высота норвежскихъ горъ, такъ что вслѣдствіе этого онѣ не покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, но даютъ скоту и сѣвернымъ оленямъ мохъ и траву для пастбищъ. Еслибы высота горъ увеличивалась по мѣрѣ приближенія къ сѣверу, то весь Норландъ, за исключеніемъ берега, представлялъ бы необозримое, недоступное снѣжное поле. Люди въ Норвегіи пользуются хорошимъ здоровьемъ и достигаютъ глубокой старости, что служитъ также доказательствомъ хорошаго климата страны. Отъ климата зависитъ также и растительность. Болѣе всего встрѣчается въ Норвегіи хвойныхъ деревьевъ и первое мѣсто между ними занимаютъ ель и пихта. Хотя гораздо рѣже, но все таки встрѣчаются: букъ, дубъ, ясень, вязъ, кленъ, липа, ольха и береза. Еще рѣже попадаются здѣсь плодовые деревья и кустарники.

Лѣто наступаетъ въ Норвегіи сразу, почти безъ всякой весны. Весна бываетъ обыкновенно чрезвычайно сурова и непродолжительна и послѣ нея тотчасъ наступаютъ лѣтніе жары и показываются изъ земли молодые посѣвы, а на деревьяхъ развертываются почки и показываются листья. Но и во время лѣта, приблизительно въ концѣ Августа, послѣ сильныхъ жаровъ днемъ, здѣсь часто бываютъ такъ называемыя «желѣзныя ночи», которыя нерѣдко губятъ все, что уже отлично взошло, но затѣмъ послѣ нихъ хорошая погода стоитъ обыкновенно большую часть Сентября.

Если Норвегію и посѣщать столь ужасное для жителей явленіе, то въ ней бываютъ и прелестныя свѣтлыя ночи, какія могутъ быть только на сѣверѣ. Въ глубокихъ долинахъ еще нѣсколько темнѣе, но чѣмъ выше вы поднимаетесь чѣмъ обширнѣе дѣлается горизонтъ, тѣмъ становится все свѣтлѣе. Нѣсколько сѣвернѣе Дронтейма солнце даже цѣлыя сутки не сходитъ съ горизонта. По всей мѣстности, около полуночи, распространяется какой то полусвѣтъ, который однако нельзя сравнить съ луннымъ свѣтомъ. Все покрыто въ это время ровнымъ блѣднымъ освѣщеніемъ и въ этомъ полусвѣтѣ безъ тѣней царствуетъ самая торжественная тишина. Дома явственно и совершенно отчетливо поднимаются передъ вами и нигдѣ не замѣтно никакого движенія. Собаки не лаютъ, птицы молчатъ и только вода журчитъ, стекая съ горъ, да шелестъ деревьевъ прерываетъ торжественную тишину.

Лѣто самое любимое время года. Ему посвящено множество стихотвореній и пѣсень и его встрѣчаютъ съ необыкновенною радостью. Въ каждой деревнѣ въ это время года

стоять березка, футовъ въ 15 вышины, увѣшенная вѣтками, розами и лептами; наверху вертится скрипучій флюгеръ и показываетъ, откуда и куда дуетъ вѣтеръ. Однако здѣсь некогда лѣтомъ поселиться. Въ такой странѣ какъ Нювергя, гдѣ собственно только два времени года, лѣто и зима, и гдѣ лѣто такъ непродолжительно, нужно торговаться съ сѣнокосомъ и жатвою.

Морозъ скрываетъ почву обыкновенно отъ октября до мая, и часто зима наступаетъ такъ быстро, что едва успѣваютъ убрать жатву, а для плуга уже не остается и времени. Не только холодное лѣто, но каждый дурной день наноситъ земледѣльцу страшный ущербъ, такъ какъ хорошее время года здѣсь очень непродолжительно. Даже во время прекраснаго лѣта здѣшній земледѣлецъ принужденъ прибѣгать къ разнымъ искусственнымъ приспособленіямъ, неизвѣстнымъ, да и не нужнымъ въ другихъ странахъ. Сѣнокосъ начинается отъ конца іюля и продолжается до конца августа, иногда происходитъ и въ первыхъ числахъ сентября. Тогда заняты всѣ рабочія руки и путешественнику на почтовыхъ станціяхъ даютъ лошадь съ большимъ неудовольствіемъ и даже съ воркотней.

Чтобы извлечь пользу изъ cadaго солнечнаго луча и изъ cadaго дуновения вѣтерка, скошенную траву обыкновенно раскладываютъ на подмосткахъ. Когда сѣно достаточно сухо, его перевозятъ въ амбары въ телегахъ, имѣющихъ самый первобытный видъ: это ничто иное какъ ясли, положенныя на два колеса, изъ которыхъ каждое величиною съ тарелку. Такимъ образомъ сѣно здѣсь не складываютъ въ стоги, но сваливаютъ на сѣновальь большаго амбара, который составляетъ непремѣнную принадлежность cadaго хозяина. Для прокормленія скота въ продолженіи долгой зимы употребляютъ не только сѣно и солому, но даже листья различныхъ деревьевъ, напримеръ ольхъ, тополей и березъ. Какъ только приближается осень, повсюду видны женщины и дѣти, срывающія листья съ этихъ деревьевъ и несущія ихъ въ связкахъ на головахъ. За позволеніе обрывать листья съ деревьевъ и такимъ образомъ умножать свой зимній запасъ нѣкоторые крестьяне платятъ владѣльцамъ извѣстную пошлину. Здѣсь у крестьянина много скота и потому ему нужно припаси много корму для продолжительной зимы. Это обстоятельство заставляетъ крестьянина дорожить каждымъ клочкомъ земли, поросшимъ травою; поэтому онъ смѣло идетъ на выступы скалъ и скашиваетъ траву съ ужасающихъ высотъ.

Тотчасъ послѣ сѣнокоса слѣдуетъ жатва. Пшеницы здѣсь мало сѣютъ; только изрѣдка увидишь небольшія поля, засѣянные этимъ хлѣбомъ, да и то колосья его такъ рѣдки и тощи, что сборъ едва вознаграждаетъ труды обработки. Болѣе всего воздѣлываютъ ячень, рожь и овесъ. Чтобы больше сохранить соломы, стебли срѣзаютъ у самаго корня. Полевая растенія сушатъ не такъ какъ сѣно: по всему полю разставлены въ правильныхъ промежуткахъ колья отъ 10 до 12 футовъ высоты; на нихъ навязываютъ снопы такимъ образомъ, чтобы колосья были направлены къ югу. Это придаетъ полю чрезвычайно странный видъ, особенно вечеромъ, когда солнце приближается къ западу: тогда колья отбрасываютъ длинныя тѣни и кажутся великанами, стоящими въ полѣ на караулѣ. Иногда скашиваютъ совершенно зеленый хлѣбъ и оставляютъ его въ полѣ даже во время первыхъ морозовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снопы вѣшаютъ на горизонтально положенныя балки, надъ которыми устроена крыша, защищающая хлѣбъ отъ мороза, между тѣмъ какъ вѣтеръ свободно его обдуваетъ. Однимъ словомъ здѣсь употребляютъ всевозможныя средства, чтобы какъ можно болѣе приготовить къ зимѣ сѣна и хлѣба и сдѣлать это въ невозможно короткій срокъ.

Къ числу самыхъ характерныхъ явленій лѣта, какъ въ Швеціи, такъ и въ Нювергя принадлежатъ міриады ядовитыхъ насѣкомыхъ, которыя не даютъ человѣку покоя

ни днемъ, ни ночью. Чѣмъ болѣе поднимается путешественникъ на сѣверъ этихъ странъ, тѣмъ уколы этихъ насѣкомыхъ становятся для него невыносимѣе, тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ преслѣдуютъ онъ и тѣмъ несмѣтнѣе дѣлаются ихъ полчища. Въ шведской Лапландіи и въ норвежскомъ Финмаркенѣ безчисленные рои москитовъ положительно представляютъ страшный бичъ для народа, тяжелое бѣдствіе, которое къ счастью продолжается не болѣе шести недѣль.

Около Иванова дни, когда солнце совсѣмъ не заходитъ въ сѣверныхъ частяхъ этихъ странъ, а на югъ только не надолго скрывается, когда вся природа оживаетъ и покрывается веселымъ, цвѣтущимъ зеленымъ покровомъ, появляются и эти необыкновенно кровожадные мучители и миллиардами распространяются по всей странѣ. Мошки, комары, овода, мухи и всевозможныя крылатыя твари различной формы и величины съ особеннымъ остервеніемъ нападаютъ на человѣка подъ вечеръ и не только измучиваютъ его до отчаянія, но и обезображиваютъ его такъ, что онъ дѣлается неузнаваемъ. Руки и въ особенности лице распухаютъ такъ, что на немъ чуть замѣтны глаза и брови; къ тому же эти жестокіе тираны оставляютъ еще на поверхности опухоли пятна самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Всѣ писатели съ ужасомъ описываютъ свое мученіе отъ этихъ сѣверныхъ кровопійцевъ во время своего лѣтняго путешествія по Швеціи и Норвегіи.

Единственное средство предохранить себя отъ этихъ мучителей — намазать себѣ лицо и руки дегтемъ, выходя на воздухъ. Многіе утверждаютъ, что, вымазавъ себя такимъ образомъ, не знаешь, что лучше: сдѣлаться ли жертвою несмѣтныхъ полчищъ крылатыхъ мучителей, или послѣ такой смазки совсѣмъ опротивѣть самому себѣ.

Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ представлять себѣ, что это дѣлается такъ же, какъ смазываютъ лодку дегтемъ или смолять корабль. Деготь, которымъ мажутъ лице и руки, чтобы предохранить себя отъ укуловъ насѣкомыхъ, сначала наливаютъ въ бутылку и смѣшиваютъ его съ густыми сливками. Но прежде чѣмъ намазывать себя этимъ составомъ, нужно вытереть лице и руки свѣжими сливками. Эту операцію производятъ нѣсколько разъ въ день, такъ какъ комары снова начинаютъ надѣдаться, какъ только этотъ составъ высохнетъ. Вслѣдствіе этого кожа принимаетъ смуглый цвѣтъ и человѣкъ къ вечеру дѣлается похожъ на цыгана или на краснокожаго индѣйца; но мазь эту не трудно смыть, если только предварительно вы вымазались свѣжими сливками.

Изъ комнаты комаровъ выгоняютъ дымомъ, выкуривая ихъ можжевеловымъ или зажженной березовой лучиной. Въ это время у порога дома нерѣдко замѣтишь курильницу, которая постоянно дымится и не даетъ имъ влетать въ комнаты. Тамъ и здѣсь на открытомъ воздухѣ ночью зажигаютъ костры и ложатся въ ту сторону, куда вѣтеръ гонитъ дымъ.

Здѣшніе комары не вездѣ одинаково преслѣдуютъ человѣка: тамъ, гдѣ много деревьевъ, они многочисленнѣе всего, вблизи же большихъ озеръ и на берегу моря ихъ гораздо меньше, такъ какъ они разгоняются вѣтромъ. Однако рои комаровъ съ необыкновенною настойчивостію преслѣдуютъ васъ въ тихую погоду при переѣздѣ черезъ озеро. Они сопровождаютъ васъ до тѣхъ поръ, пока вы не повернете лодку и не поѣдете противъ вѣтра. Тутъ только они падаютъ въ воду, разносятся вѣтромъ и лишь самая незначительная часть ихъ достигаетъ берега.

Лишь только начинается таять снѣгъ, пастухи гонятъ скотъ въ норвежскіе Альпы. Сначала они заставляютъ его пастись на пастбищахъ болѣе низкихъ, но съ половинны лѣта они отправляются все выше и выше и подъ конецъ насутъ свои стада въ мѣстностяхъ, лежащихъ на нѣсколько миль отъ заселенныхъ долинъ. Горныя пастбища съ

хижинами разбросаны вездѣ отъ Телемаркена до Гардангерскихъ горъ. Трудно себѣ представить, какъ въ этой горной странѣ юноши и дѣвушки стремятся въ Альпы. Первая оттепель—большой праздникъ для всѣхъ: мгновенно пробуждается жизнь и движеніе, двери домовъ и хлѣбовъ съ шумомъ отворяются, слышенъ смѣхъ, шутки и всѣ весело торопятся по горнымъ тропинкамъ къ свѣжей зелени. Лошадей нагружаютъ различной утварью, преимущественно вѣзмъ, что необходимо для приготовленія масла и сыра, посудю для молока, кадочками, котлами и сковородами. Кромѣ того берутъ съ собою теплыя одѣяла и все, что необходимо для жизни, а также и лѣсъ для постройки и для поправки хижинъ, такъ какъ горныя пастбища находятся выше лѣсной полосы. Жизнь на Альпахъ тяжелая и исполненная безъустаннаго труда: нужно пасти скотъ, собирать сѣно, готовить масло и сыръ и отвозить всѣ запасы въ долины. Не смотря на это, такая жизнь считается норвежскою молодежью на столько привлекательною, что работники и работницы нанимаются не иначе, какъ съ условіемъ, что лѣтомъ они будутъ жить въ Альпахъ. Владѣльцы дворовъ и люди побогаче посылаютъ туда на лѣто своихъ дѣтей, и каждая молодая дѣвушка была бы здѣсь просто въ отчаяніи, если бы родители не позволили ей хоть нѣсколько недѣль провести въ грязной пастушеской хижинѣ. Эти хижины по большей части сложены изъ неотесанныхъ камней и гораздо рѣже построены изъ бревенъ: обыкновенно нѣсколько такихъ хижинъ стоятъ рядомъ и самая большая изъ нихъ служитъ кладовой. Женщины, дѣвушки, дѣти и очень молодые парни пасутъ скотъ, занимаются приготовленіемъ разныхъ запасовъ и такимъ образомъ одни живутъ въ горахъ. Мужчины заняты въ долинахъ обработкою полей; но по праздникамъ мужья и родственники отправляются въ горы повидаться съ своими родственницами и знакомыми.

Веселую картину представляетъ скотъ, возвращающійся съ лѣтнихъ пастбищъ. Стада гонятъ обратно домой въ половинѣ сентября, отчасти для того, чтобы продать нѣсколько штукъ, отчасти, чтобы запретить его въ хлѣва.

Впередѣ идутъ пастухи и несутъ принадлежности молочнаго хозяйства или ведутъ лошадей, нагруженныхъ домашнимъ скарбомъ; сзади ихъ идетъ самая лучшая изъ стада корова съ бубенчикомъ, а за нею слѣдуютъ всѣ остальные. Пастухи представляютъ необыкновенно живописное зрѣлище, такъ какъ они одѣты въ національные костюмы тѣхъ округовъ, къ которымъ принадлежатъ; эти костюмы во многомъ походятъ на тирольскіе, съ тою только разницею, что норвежцы очень часто носятъ довольно цѣпныя серебрянныя украшенія оригинальной формы, которыя иногда соединяются между собой серебрянною цѣпочкою. Они говорятъ на чистомъ древне-норвежскомъ языкѣ, знаютъ много сказаній, пѣсней и преданій и только къ тому относятся вполнѣ довѣрчиво и откровенно, кто съ ними заговоритъ на ихъ родномъ языкѣ.

Зима въ Норвегій продолжается 7 мѣсяцевъ: съ октября до апрѣля, а иногда и до мая, причемъ земля бываетъ покрыта толстымъ слоемъ снѣга. Растенія въ это время спятъ крѣпкимъ сномъ и просыпаются только въ концѣ мая. Главную особенность западнаго берега представляютъ страшныя бури и сильныя грозы зимою. Зимнія грозы на берегахъ около Бергена сопровождаются сильнымъ градомъ. Однако всѣ фіорды западнаго побережья и даже море около Нордъ-Капа никогда не замерзаютъ зимою, и только на два, на три градуса сѣвернѣе отъ Нордъ-Капа можно встрѣтить плавучія массы льда; между тѣмъ Ботнической заливъ и Ость-Зее обыкновенно замерзаютъ.

Какъ въ этой странѣ народу не приходится наслаждаться длинной весной, такъ онъ не знаетъ и осени. Зима и лѣто непосредственно смѣняютъ другъ друга. Лишь смолкнетъ пѣніе перепелки на полѣ, и зима уже съѣтъ на землю изъ облачнаго покровы снѣгъ, ледъ и гремучій градъ. День уменьшается быстро; немного спустя, солнце

чуть поднимается на горизонтъ и наконецъ совсѣмъ исчезаетъ. Мѣсяць и звѣзды блещутъ цѣлый день; только въ полдень они поблѣднѣютъ и на южномъ краю неба, вдоль горизонта, загорится красная огненная полоса, какъ будто при закатѣ солнца, и потухнетъ опять. День похожъ на свѣтлыя сумерки. Ночь, освѣщенная луною, такъ же свѣтла, какъ день, а иногда, хотя и не очень часто, вспыхиваетъ сѣверное сіяніе. Оно появляется на сѣверѣ въ началѣ обыкновенно довольно слабымъ свѣтомъ, но блескъ его, по мѣрѣ приближенія къ зениту, все увеличивается и здѣсь образуется столпъ пламени, изъ котораго вылетаютъ мерцающіе снопы свѣта. Потомъ вдругъ все исчезаетъ, и ночь закутывается все своимъ чернымъ покрываломъ; но вслѣдъ затѣмъ неизмѣримое пространство неба снова мгновенно покрывается огнемъ, который принимаетъ совершенно новый видъ и разлиываетъ то слабый, серебрянный свѣтъ, то вспыхиваетъ очень ярко, иногда окрашиваясь въ радужныя цвѣта. Явленіе это часто принимаетъ самый фантастическій видъ. Народъ причину этого явленія объясняетъ по своему. Норвежскіе финны думаютъ, что оно зависитъ отъ безчисленнаго множества сеledокъ въ полярномъ морѣ, которыя, когда ихъ преслѣдуютъ большія рыбы, дѣлаютъ внезапный поворотъ. Они полагаютъ, что движеніе воды и сеledокъ вызываетъ свѣтъ, отражаемый небомъ.

Народъ по сѣверному сіянію опредѣляетъ погоду, и въ большинствѣ случаевъ такія предсказанія оправдываются. Если сѣверное сіяніе ровно распространилось по небу, а погода въ это время стоитъ ясная и хорошая, то она останется и долѣе. Но если замѣтятъ, что сѣверное сіяніе низко опустилось къ сѣверному склону неба, или если пламя идетъ дугой поперегъ неба, то ожидаютъ бурной погоды; тоже бываетъ и тогда, когда сѣверное сіяніе принимаетъ часто измѣняющіеся цвѣта.

Норвежцы любятъ тепло и употребляютъ разнообразныя средства, чтобы защитить себя отъ мороза. Во всѣхъ комнатахъ своего жилья они устраиваютъ огромныя камины, которые поглощаютъ массу дровъ, такъ что въ домѣ всегда чрезвычайно сухо и тепло. Отъ мороза защищаютъ ихъ также двойныя рамы. Въмѣсто лѣтняго экипажа, называемаго каріоль, зимой употребляютъ сани, на которыхъ быстро разѣзжаютъ по снѣжнымъ пустынямъ. Но сообщеніе между горными жителями очень затруднительно, хотя дороги поддерживаются самими поселянами. Едва только завалитъ эти дороги густымъ слоемъ снѣга, норвежцы тотчасъ разчищаютъ ихъ: они впрягаютъ одну, а иногда и цѣлый десятокъ лошадей въ снѣговой плугъ, имѣющій подобіе треугольника безъ дна (въ видѣ латинской буквы V) и счищаютъ имъ сугробы.

Какъ ни пріятна санная ѣзда въ Норвегіи, но она гораздо болѣе доставляетъ удовольствія въ странахъ, представляющихъ обширныя равнины. Тутъ же вы можете быстро нестись только по гладкой поверхности замерзшихъ рѣкъ и озеръ, которыя въ это время служатъ здѣсь главными путями сообщенія. Сламываютъ в. боры и вынимаютъ ворота изъ петель, чтобы открыть въѣздъ прямо на рѣку и сократить неудобную дорогу, ведущую черезъ горы. Пѣшеходы, чтобы быстро передвигаться съ одного мѣста на другое, употребляютъ для этой цѣли миниатюрныя санки, называемыя *kölke*. Эти санки имѣютъ около двухъ футовъ длины и около 15 дюймовъ ширины. Они состоятъ изъ ровной доски, прикрѣпленной къ двумъ деревяннымъ полозьямъ, обитымъ желѣзомъ, а впереди ихъ привязана веревка. Такія санки чрезвычайно легки и въ гору ихъ обыкновенно тащатъ за собой, привязывая къ поясу; но лишь только владѣлецъ *kölke* подходит къ какому нибудь склону, онъ садится на нихъ и съ быстротою паровоза несется внизъ, держась за веревку и управляя ногами.

Но еще болѣе распространены «skier», лыжи, въ высшей степени простаго устройства. Они состоятъ изъ тонкой, длинной доски отъ 4 до 6 футовъ длины, спереди заостренной и загнутаго кверху. Посрединѣ доски придѣлана маленькая дуга изъ плете-

ныхъ вѣтвей, въ которую нога входитъ какъ въ галошу. Владѣлецъ лыжъ вставляетъ ноги въ дуги, упирается въ землю длиннымъ шестомъ или палкою, сдвигаетъ себя съ мѣста сильнымъ толчкомъ и мчится впередъ съ быстротою молніи, съ горы такъ же быстро, какъ въ «кѣлке», а по равнинѣ еще быстрѣе. Палка, которою норвежецъ обыкновенно упирается, спускаясь съ горы на лыжахъ, — съ желѣзнымъ наконечникомъ, надъ которымъ придѣлана круглая дощечка, предохраняющая ее отъ погруженія въ снѣгъ. Узкія бороздки, которыя оставляютъ за собою лыжи, тянутся не только по льду рѣкъ и озеръ, но и по самымъ высокимъ скаламъ. Если смотрѣть издали, то люди, скатывающіеся по склону горы на лыжахъ, скорѣе походятъ на птицъ, чѣмъ на людей.

Лыжи эти употребляють здѣсь съ давнихъ поръ. Прежде въ Норвегіи и Швеціи существовали полки, которые должны были производить ученіе на лыжахъ, и даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія во время войны ихъ употребляли въ дѣйствительной службѣ.

ЖИЗНЬ НОРВЕЖСКАГО НАРОДА.

Его характеръ.—Образованіе, языкъ, прошлое и настоящее.—Земледѣліе и положеніе норвежскаго земледѣльца.—Религія.—Бондеры и помѣщикъ.—Жилнше.—Пища и одежда.

Приморскія страны Европы въ древнія времена часто подвергались нападенію норманновъ. Эти замѣчательно храбрые люди, извѣстные въ русскихъ лѣтописяхъ подъ названіемъ варяговъ, появлялись въ легкихъ судахъ своихъ на всѣхъ моряхъ, нападали на встрѣченные ими корабли, а также опустошали города, села и основывали новыя государства.

Отечествомъ норманновъ была Скандинавія, то есть та часть сѣверной Европы, въ составъ которой теперь входитъ Швеція съ Норвегіею и Даніею. Страны эти въ то время раздѣлялись на множество мелкихъ владѣній, и въ каждомъ изъ нихъ былъ свой король, или, какъ его называли, *конунгъ*, съ ограниченою властію; въ случаѣ войны онъ дѣлался предводителемъ войска.

Главное сословіе народа у скандинавовъ составляли владѣльцы болѣе или менѣе обширныхъ участковъ земли. Они распоряжались въ своихъ помѣстьяхъ совершенно независимо и вся ихъ обязанность въ отношеніи къ конунгу состояла въ томъ, что они должны были слѣдовать за нимъ на войну. Конунгъ всегда избирался народомъ, и съ своимъ саномъ соединялъ званіе верховнаго жреца. При религиозныхъ торжествахъ онъ самъ отправлялъ богослуженіе въ храмѣ. Случалось, что отецъ съ сыномъ или два брата вмѣстѣ управляли одною и тою же областью. Владѣтельные семейства не довольствовались своимъ происхожденіемъ отъ королей и вели свой родъ отъ боговъ. За конунгами, по знатности сана, слѣдовали *лрм* (графы), которые и сами нерѣдко бывали главами областей.

Хотя война вообще считалась норманнами почетнымъ занятіемъ, но болѣе всего они любили морскіе походы. Жители Норланда въ особенности были страстными моряками. Начальниками морскихъ походовъ нерѣдко бывали младшіе сыновья конунговъ, которые, не имѣя надежды сдѣлаться впоследствии королями, хотѣли пріобрѣсти себѣ власть, славу и значеніе своимъ оружіемъ. Такіе воители назывались *викингами* или *морскими конунгами*. Въ VIII-мъ столѣтіи эти викинги въ своихъ смѣлыхъ набѣгахъ опустошали берега Балтійскаго моря; позднѣе они проникли въ Средиземное море до самаго Константинополя, а съ другой стороны, обогнувъ Нордкапъ, они достигли до устья Сѣверной

Двины. Даже въ настоящее время внутри фюрдовъ мы встрѣчаемъ большіе холмы, въ которыхъ погребали предводителей викинговъ вмѣстѣ съ кораблемъ.

Склонность къ морской жизни велика у норвежцевъ и въ настоящее время; они и теперь съ большимъ удовольствіемъ вступаютъ въ морскую службу и всѣ страны охотно принимаютъ къ себѣ норвежскихъ матросовъ. Къ тому же благоприятное развитіе береговъ и безплодіе почвы внутри страны поддерживаютъ любовь къ морю. Съ самаго ранняго дѣтства каждый норвежець смотритъ на море, какъ на главнаго кормильца и прежде всего въ немъ старается искать заработка.

Населеніе Норвегіи постоянно увеличивается: съ 1855 по 1865 годъ оно умножилось на 211,000 человекъ. Хотя за то же десятилѣтіе изъ этой страны эмигрировало въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки болѣе 40,000 человекъ, но эта потеря была не особенно чувствительна для страны. Къ тому же въ послѣднее время, вѣроятно, вслѣдствіе увеличившагося благосостоянія и плохихъ надеждъ на Америку, эмиграція значительно уменьшилась, напр. въ 1875 г. число эмигрантовъ простиралось только до 4,403 чел. Народонаселеніе Норвегіи въ 1875 г. простиралось до 1.817,000; оно состоитъ изъ норвежцевъ; лопарей считается только 19,000 и 7,800 финновъ, или квенновъ.

Во всей Норвегіи введено даровое и обязательное обученіе. На тысячу жителей едва можно найти одного совершенно безграмотнаго человека. Каждый городъ, каждая деревня, каждая фабрика и даже рудокопни должны имѣть школу. Это поражаетъ въ особенности потому, что Норвегія, болѣе чѣмъ всякая другая страна, представляетъ препятствій для распространенія образованія. При этомъ нужно помнить, что эта страна чрезвычайно бѣдная. Скалы, фюрды, озера, узкія долины, горные потоки, все это служитъ серьезнымъ препятствіемъ для земледѣлія. Къ тому же населеніе Норвегіи чрезвычайно скудно и распределено въ высшей степени неравномѣрно. Въ южныхъ мѣстностяхъ приходится отъ 370 до 400 жителей на одну квадратную милю; въ сѣверныхъ же частяхъ; напр. въ Финмаркенѣ, среднимъ числомъ надо считать 26 человекъ на одну квадратную милю. Между тѣмъ во Франціи на милю считаютъ 3,800 человекъ. Жилища норвежцевъ отстоятъ чрезвычайно далеко другъ отъ друга; земля большую часть года бываетъ покрыта снѣгомъ; такимъ образомъ чрезвычайно трудно собирать дѣтей въ школу. Тѣмъ не менѣе Норвегія вышла побѣдительницею изъ всѣхъ затрудненій. Тамъ, гдѣ жилища поселянъ находятся на такомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, что ежедневно въ школу можетъ собираться не менѣе 30 учениковъ, — приходъ обязанъ выстроить или нанять помещеніе для школы. Если число учащихся превышаетъ эту цифру, то учениковъ дѣлятъ на отдѣленія и назначаютъ помощника учителю. Въ мѣстностяхъ, гдѣ постоянная школа невозможна, устраиваютъ такъ называемую *подвижную школу*. Школьный учитель переѣзжаетъ изъ одной хижины въ другую, вездѣ занимаетъ для школы лучшую комнату и учитъ дѣтей, оставаясь въ одномъ и томъ же мѣстѣ извѣстное время, затѣмъ ѣдетъ въ другой округъ и такимъ образомъ объѣзжаетъ всю мѣстность ввѣренную его обученію. Въ первоначальныхъ школахъ учатъ не только чтенію, письму и религіи, но также преподаютъ исторію, географію, естественную исторію, пѣніе и арифметику. Кромѣ того обучаютъ гимнастикѣ и военнымъ упражненіямъ, когда дозволяетъ время.

Когда ребенку минуло 14 лѣтъ, а онъ учился постоянно плохо и очень отсталъ отъ своихъ товарищей, такъ что не можетъ продолжать вмѣстѣ съ ними занятія, онъ пользуется отдѣльными уроками, пока не догонитъ своихъ сверстниковъ; родители обязаны въ такихъ случаяхъ приплачивать небольшую сумму за добавочные уроки своихъ дѣтей. Точно также это дѣлается и тогда, когда ученикъ остается въ школѣ до-

дѣе опредѣленнаго времени. Такимъ образомъ, не смотря на то, что образованіе въ Норвегіи даровое, родители приплачиваютъ за своихъ дѣтей, если они хотятъ оставить ихъ долѣе въ школѣ. Если родители пренебрегаютъ воспитаніемъ своихъ дѣтей, то благотворительный комитетъ, по заявленію школьнаго, долженъ поручить воспитаніе этихъ дѣтей другимъ лицамъ. Если же напротивъ бѣдность мѣшаетъ ученику исправно посѣщать уроки, то благотворительный комитетъ оказываетъ ему свое содѣйствіе. Учитель обязанъ вести правильный списокъ своихъ уроковъ и дѣлать отмѣтки обо всѣхъ ученикахъ. Если ученикъ изъ одной мѣстности переселится въ другую, то школьный учитель долженъ тотчасъ сообщить это властямъ. Каждый годъ происходитъ публичный экзаменъ, на который должны являться всѣ дѣти, достигшія школьнаго возраста, въ томъ числѣ и получающіе воспитаніе внѣ школы. Родители дѣтей, не являющихся на экзаменъ, а также и тѣхъ изъ нихъ, которые оказываются совсѣмъ неподготовленными къ нему, подвергаются штрафу. Норвежскіе законы чрезвычайно строго относятся къ безграмотнымъ. Безграмотному не дадутъ конfirmaціи; неконфирмованный не можетъ вступить въ бракъ, а по достиженіи двадцатилѣтняго возраста подлежитъ заключенію въ рабочемъ домѣ. Норвегія самая свободная страна въ Европѣ, въ ней царствуетъ совершенное равенство всѣхъ сословій, и въ то же время законъ строже, чѣмъ гдѣ бы то ни было, относится къ дѣлу народнаго образованія.

Норвежцы—народъ въ высшей степени религіозный. Какая бы ни была погода, какъ бы ни было велико разстояніе, каково бы ни было состояніе его здоровья, онъ запрягаетъ лошадь, беретъ жену и дѣтей и всѣхъ служащихъ у него людей и отправляется въ праздникъ въ церковь, чтобы присутствовать при богослуженіи. Церковь въ праздничный день полна народомъ. Женщины, покрытыя бѣлыми платками, держатъ на рукахъ маленькихъ дѣтей, большинство которыхъ плачетъ и кричитъ во время всего богослуженія. Но это нисколько не смущаетъ пастора на кафедрѣ, который спокойно читаетъ сквозь очки свою проповѣдь и не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія ни на плачь дѣтей, ни на входящихъ, ни на собакъ, совершенно патриархальнымъ образомъ разгуливающихъ посреди церкви.

Церкви въ Норвегіи въ праздничные дни бываютъ биткомъ набиты народомъ прежде всего потому, какъ говорятъ многіе туристы, что норвежскій народъ живетъ уединенно въ своихъ жилищахъ, никого не видитъ въ продолженіи цѣлой недѣли и назначаетъ праздничный день для свиданія съ пріятелями и для разныхъ торговыхъ сдѣлокъ. Все это совершенно вѣрно, но никакъ нельзя отрицать и религіозности норвежца: въ самой бѣдной лачугѣ можно найти молитвенникъ, библію и книгу съ церковными пѣснями, которыя въ большомъ употребленіи между членами семьи.

Норвежцы — лютеранскаго вѣроисповѣданія, Несмотря на весь либерализмъ норвежской конституціи, на ней лежитъ своеобразная печать не только религіозности, но даже и нетерпимости. Лютеранская религія есть господствующая; ее долженъ исповѣдывать король; другія религіи хотя и объявлены терпимыми, но всякій, желающій занять какую нибудь общественную должность въ странѣ или сдѣлаться чиновникомъ, долженъ быть лютераниномъ.

Норвежцы превосходно сложены, стройны, сильны, мужественны, смѣлы и очень гордятся своею силою. Какъ у ихъ предковъ норманновъ, такъ и въ настоящее время, у нынѣшняго поколѣнія, первымъ признакомъ красоты считается свѣтлый цвѣтъ кожи и волосъ. Скандинавы представляли своего любимаго бога свѣта и добра Бальдера не иначе, какъ сіяющимъ бѣлизною своего тѣла; ярко-бѣлые цвѣты назывались бровью Бальдера. Русые и даже рыжіе волосы нравились норманнамъ; черные же глаза и волосы и смуглый цвѣтъ кожи они не любили, такъ какъ они служили отличительными

признаками другихъ племенъ, на которыя скандинавы смотрѣли съ презрѣніемъ. Густыми, свѣтлыми кудрями они гордились и считали ихъ признаками нравственнаго достоинства. У рабовъ и у женщинъ, запятнавшихъ свою честь, остригали волосы; дѣвушка безукоризненнаго поведенія и всѣ свободные люди носили длинные, но гладкіе волосы. Мушину, который ходилъ съ длинными кудрями, считали женоподобнымъ. Дѣвушки ходили съ распущенными волосами; невѣсты подбирали ихъ сѣткой; замужнія женщины надѣвали на голову платокъ, покрывало или палку. Такъ или почти такъ все осталось и въ настоящее время. Изъ подъ мѣховою шапки мушину висятъ длинные, гладкіе, свѣтлые волосы; замужнія женщины накалываютъ на голову бѣлый платокъ. Впрочемъ типъ жителя въ различныхъ мѣстностяхъ и его костюмъ не одинаковъ. На юго-западѣ попадаются жители чрезвычайно рослые и съ орлинымъ носомъ; въ Согне (близъ Согне-фіорда)—малорослы, крѣпкаго сложенія и ловки въ движеніяхъ. Мушину въ Телемаркенѣ—красивѣйшіе въ Норвегіи; женщины же въ этихъ мѣстностяхъ не хороши собой. Ни въ одной области не встрѣчаются такія красивыя женщины, какъ въ Реросѣ, между тѣмъ какъ красивыхъ мужчинъ тамъ чрезвычайно мало. Гибкость членовъ обитателей долинъ и горъ изумительна и выказывается особенно въ пляскахъ. Горный воздухъ, тяжелыя работы, ходьба по горамъ и скаламъ рано развиваютъ въ молодыхъ норвежцахъ мышцы и гибкость членовъ. Ихъ дикая горная природа, суровый климатъ и жизнь, полная лишеній и борьбы за существованіе, уединеніе и отчужденіе отъ общества налагаетъ на ихъ нравы печать какой-то дикой энергіи и патріархальности. При встрѣчѣ на узкой дорогѣ съ челоуѣкомъ изъ другой области, норвежцы, съ угрожающимъ видомъ, осматриваютъ другъ друга съ головы до ногъ, потомъ отходятъ другъ отъ друга на небольшое разстояніе, схватываются за свои ножи, которые всегда находятся при нихъ и нерѣдко вступаютъ въ работорство. Къ счастью широкое лезвіе ихъ ножей никогда не бываетъ до того длинно; чтобы нанести и причинить другъ другу смертельныя раны. Тѣмъ не менѣ слабѣйшій уступаетъ мѣсто только въ такомъ случаѣ, когда онъ отъ усталости не можетъ уже держаться на ногахъ. Прежде эти битвы на ножахъ были сильно распространены и жители одной области нерѣдко предпринимали ихъ другъ противъ друга; но теперь и работорства одинъ на одинъ дѣлаются все рѣже.

Норвежскій крестьянинъ — рѣшникъ, столяръ, плотникъ, каменщикъ и кузнецъ въ одно и тоже время. Онъ дѣлаетъ все самъ и умѣетъ дѣлать рѣшительно все, что ему нужно. Въ долгіе зимніе вечера онъ не можетъ сидѣть безъ дѣла: стругаетъ, рѣжетъ или пилитъ и особенно любитъ дѣлать украшенія для своего жилища. Въ этой странѣ, при плохо развитой промышленности, каждому приходится дѣлать все самому. Тотъ, кто побогаче и пожелаетъ имѣть что нибудь получше, долженъ подождать, когда къ нему забредетъ странствующій ремесленникъ. Такіе странствующие плотники, портные, саножники ходятъ изъ дому въ домъ и остаются въ нихъ, пока не переработаютъ все, что нужно хозяину. Самая выдающаяся черта характера норвежца — гостепріимство, которое даже вошло въ пословицу.

Путешественникъ, которому приходится проходить мимо норвежскихъ хижинъ, всегда можетъ быть увѣренъ, что онъ будетъ принятъ не только съ искреннею радостью, но что съ нимъ раздѣлятъ послѣдній кусокъ хлѣба. Постель норвежца, его одежда, жилище, пища, все къ услугамъ путешественника; каждый изъ нихъ все это уступитъ гостю, котораго онъ видитъ первый разъ въ жизни и который забредъ къ нему совершенно случайно. Для пришельца хозяинъ уступаетъ свою постель и отправляется спать на открытый воздухъ, часто во время очень суровой ночи. Лишь только забредетъ гость въ норвежское жилище, будь онъ пріятель, хорошій знакомый, близ-

кій родственникъ или иностранецъ, котораго они видятъ въ первый разъ въ жизни, — все равно: всѣ обитатели хижины окружаютъ гостя, предлагаютъ ему то одно, то другое угощеніе и стараются по выраженію его лица угадать, не хочетъ ли онъ еще чего нибудь. Такое гостепрѣимство существуетъ какъ въ норвежскихъ городахъ, такъ и въ деревняхъ, какъ въ богатыхъ жилищахъ, такъ и въ самыхъ жалкихъ хижинахъ. Этою чертою характера норвежцы отличаются издавна: такъ угощали и принимали гостя ихъ дѣды и прадѣды и преступить этотъ дѣдовскій обычай и нынѣшнее поколѣніе считаетъ для себя не только низостью, но даже преступленіемъ. Вотъ какъ одинъ нѣмецкій путешественникъ, который посѣтилъ Норвегію въ компаніи съ другими учеными, описываетъ гостепрѣимство норвежцевъ. «Сѣверное гостепрѣимство не имѣетъ ничего подобнаго себѣ въ другихъ странахъ и исполнено такого радушія, которому можно только удивляться. Хозяинъ совершенно исчезаетъ въ своемъ гостѣ; кажется, онъ живетъ только для него и каждую минуту готовъ исполнить его малѣйшее желаніе. Надо остерегаться высказывать громко свое желаніе, которое дало бы поводъ хозяину оказать услугу, потому что подъ конецъ чувствуешь себя пристыженнымъ пожертвованіемъ времени и заботъ, какое оказываетъ вамъ норвежець».

«Но нужна и здоровая натура, чтобы выдерживать сѣверное гостепрѣимство. Въ честь насъ былъ данъ большой обѣдъ, на который собрались у хозяина всѣ знатнѣйшіе граждане города. Высшіе чиновники всякаго рода, естествоиспытатели, куницы и пасторы помѣщались за длиннымъ столомъ, который чуть не ломился подъ тяжестью яствъ и питій. Удивительнымъ намъ казалось только то обстоятельство, что женщины, которыя всюду ставятся такъ высоко германскимъ племенемъ, занимали скромное мѣстечко за нижнимъ концомъ стола. Хозяинъ дома встаетъ и обращается къ гостямъ: «добро пожаловать къ обѣду!» Только что обнесли первое блюдо, какъ хозяинъ и хозяйка дома начинаютъ всячески поощрять гостей къ храброму натиску, даже требовать этого настоятельно. Почти постоянно обходятъ они столъ и истощаютъ все свое вкрадчивое краснорѣчіе на то, чтобы убѣдить гостя взять еще и еще. Мужское общество въ это время ближе знакомится съ винами, которыя очень хороши, но большею частію тяжелы и горячительны. Хозяинъ дома встаетъ и въ пышной рѣчи превозглашаетъ тостъ за почетныхъ гостей, въ честь которыхъ устроенъ обѣдъ. Гости, разумѣется, должны отвѣчать на это, потому что на нихъ имѣютъ въ это время большія притязанія. Каждый, сидящій за столомъ, полагаетъ, что погрѣшитъ противъ обычая, если не осушитъ стакана съ каждымъ почетнымъ гостемъ, или не выпьетъ «skål», какъ здѣсь выражаются. «Skål», слышится съ одного конца стола и видишь передъ собою сияющее улыбкою лице и руку, протянутую со стаканомъ бордо. Скорѣе наполнишь свой стаканъ и вино въ немъ тотчасъ исчезаетъ. Но въ это время уже другой поднимаетъ свой стаканъ хереса, третій свой стаканъ портвейна и если, полный боязливаго сомнѣнія на счетъ возвращенія на корабль и головной боли съ похмѣлья, попытаешься углубиться всецѣло въ свою тарелку, то сосѣдъ легкимъ толчкомъ локтя навѣрное не преминетъ обратить ваше вниманіе на зачинщика, пьющаго «skål». Такимъ образомъ каждый долженъ, подобно Леониду при Термопилахъ, выдерживать нападеніе въ двадцать разъ большей силы, передъ которой не помогутъ никакая стратегическая уловка и никакое правильное отступленіе. Наконецъ бросаешься въ бой съ храбростью отчаянія, не отводишь удары, а раздаешь ихъ на всѣ стороны; вызываешь на всевозможныя оружія: портвейнъ, бордо, рейнвейнъ, хересь и шампанское. Уже не думаешь ни о будущемъ, ни о мучительной боли и мигрени, которыя непременно появятся завтра, а воодушевляешься только боемъ и поддержаніемъ національной чести противъ сѣверныхъ богатѣй. На мгновеніе бой умолкаетъ, послѣ того,

как онъ свирѣпствовалъ нѣсколько часовъ сряду. Каждый перепилъ «skål», со всѣми по нѣскольку разъ, такъ что вычисленіе привело бы къ безконечнымъ квадратнымъ челамъ, какъ на шахматной доскѣ. Всѣ встаютъ, подаютъ руку хозяину и хозяйкѣ дома, говоря «на здоровье» и выражая свою благодарность за обѣдъ. Кофе и сигары успокоиваютъ нѣсколько сердца. Но скоро выступаетъ свѣжее войско: различные ликеры, водки, гроги большей или меньшей тяжести, теплые и холодные пунши, однимъ словомъ, разнообразіе спиртныхъ напитковъ, о которыхъ не имѣютъ и понятія люди, живущіе на югѣ».

Вмѣстѣ съ гостепримствомъ тѣсно связана еще болѣе нравственная черта норвежца, — это его безкорыстная готовность помочь ближнему во всякомъ несчастіи. Если кто нибудь впадаетъ въ бѣдность, онъ совершенно спокойно отправляется къ своему родственнику, вполне увѣренный, что съ нимъ раздѣлять послѣдній кусокъ хлѣба. Если ему придется жить у родныхъ въ домѣ со всѣмъ своимъ семействомъ, пока не поправятся его дѣла, онъ никогда не услышитъ ни одного упрека, какъ бы ни было его роднымъ тяжело кормить двѣ семьи.

Вмѣстѣ съ гостепримствомъ тѣсно связана и любовь народа къ удовольствіямъ, пирамъ, веселью и выпивкамъ сообща. То же самое мы видимъ и у норманновъ. Обѣда, смерть героя и другіе торжественные случаи служили поводомъ къ роскошнымъ пирамъ. Для пиршествъ были даже особыя комнаты, которыя старались украшать особенно тщательно и во вкусъ того времени: стѣны увѣшивали щитами, мечами, узорчатыми тканями или позолоченными кожами. По обѣ стороны почетнаго мѣста возвышались два столба, или изваянные въ видѣ истукановъ, или увѣнчанные ликами боговъ и по большей части украшенные рѣзбой. Скамьи покрывали разноцвѣтными коврами, а мѣста, гдѣ должны были сидѣть наиболѣе важные гости, — подушками. Сначала вокругъ пирующихъ стояли мальчики съ смоляными факелами; но позднѣе, когда распространилась роскошь, на столахъ появились канделябры изъ дорогихъ металловъ. Полъ во время пира устилали соломой и этотъ обычай до сихъ поръ сохранился не только въ Норвегіи, но даже и въ Швеціи, хотя теперь полъ посыпаютъ также вѣтвями и иглами хвойныхъ деревьевъ и можжевеловымъ. Даже многіе напитки остались почти тѣже. На пирахъ у норманновъ обыкновенно подавали медъ: имъ не брезгали не только конунги, но по преданію даже и боги. Въ большомъ почетѣ было также пиво, которое варили женщины. Вино, которое получали изъ Германіи и Англіи, употребляли только самые богатые люди, конунги и ихъ семейства.

Хотя теперь пьянство сильно уменьшилось, но оно всетаки остается самою мрачною стороною норвежцевъ, тѣмъ болѣе, что оно сильно вкоренилось въ ихъ нравы. Всякое дѣло начинается и кончается чаркою впа. Пиво, какъ и прежде, въ большомъ употребленіи. Мало того: баварское и мюнхенское пиво покажется простою водою передъ пивомъ, которое варятъ норвежскіе поселяне, — такое оно крѣпкое и опьяняющее. Норвежцы не только много пьютъ пива и водки, но и подмѣшиваютъ ее еще къ многимъ напиткамъ: когда захочется пить, они прибавляютъ водку въ воду, вливаютъ ее, какъ говорятъ, даже въ кислое молоко и размачиваютъ въ немъ свои сухія лепешки. Норвежскія женщины также подвержены этой слабости, и нерѣдко даже вливаютъ водку въ молоко дѣтей, чтобы онѣ крѣпче спали. Эта слабость чрезвычайно старитъ женщинъ и, прекрасныя въ ранней молодости, лица нѣкоторыхъ изъ нихъ преждевременно покрываются морщинами, дѣлаются обрюзглыми и наливыми. Эту склонность къ горячительнымъ напиткамъ болѣе всего развиваетъ и поддерживаетъ суровая норвежская природа, тяжелыя работы и ходьба по горамъ и скаламъ, которая быстро утомяетъ и возбуждаетъ жажду; снѣгъ и холодъ въ долгую зиму безпрестанно напоми-

пають норвежцу о томъ, что не мѣшаетъ ему отогрѣть свои члены стаканомъ крѣпкаго пива или чаркой водки.

Но въ характерѣ норвежца гораздо болѣе хорошихъ сторонъ, чѣмъ дурныхъ: честность, такъ же какъ и гостепріимство, вошли въ поговорку. Кража считается въ Норвегіи самымъ отвратительнымъ изъ преступленій и примѣры ея очень рѣдки. «На челоуѣка, разъ похитившаго чужую собственность смотрять какъ на прокаженнаго; самые близкіе родственники чуждаются его, и вору не остается ничего болѣе, какъ удалиться въ какой нибудь отдаленный округъ, чтобы тамъ скрыть пятно безчестія, которое на его родинѣ не могли бы стереть никакія будущія заслуги и добродѣтели. Увѣренность норвежцевъ въ честности своихъ земляковъ до того велика, что въ деревняхъ двери хижинъ не запираются ни днемъ, ни ночью и не имѣютъ ни замковъ, ни задвижекъ. Рыбачьи сѣти, стада и вещи путешественниковъ могутъ оставаться безопасно на большой дорогѣ; и ни одна посторонняя рука до нихъ не коснется.» Это хорошее качество развило обычай никогда и ни передъ кѣмъ не скрывать своего состоянія, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ доведено до наивности: когда челоуѣкъ скопитъ извѣстную сумму денегъ онъ кладетъ ихъ въ маленькій котелокъ, который привѣшиваетъ къ потолку въ своемъ домѣ. Конечно, въ большихъ городахъ и приморскихъ портахъ нравственность норвежцевъ слабѣе въ этомъ отношеніи, но мы говоримъ о деревняхъ и тѣхъ мѣстностяхъ страны, гдѣ народъ вполне живетъ по дѣдовскимъ обычаямъ и всецѣло сохранилъ его добродѣтели и пороки.

Кромѣ честности норвежцы отличаются необыкновенною правдивостію и прямоушіемъ; они ревниво охраняютъ свободу своей страны, страстно любятъ свою родину и искренно радуются, когда она нравится иностранцу. Объ чемъ бы вы ни заговорили съ норвежцемъ, онъ всегда сумѣетъ поддержать разговоръ, съ большимъ интересомъ относится ко всему, что вы ему сообщаете, говорить всегда живо и съ большимъ юморомъ. Всѣ они смѣлы и предприимчивы и, хотя уже болѣе не разъѣзжаютъ по всѣмъ морямъ въ своихъ судахъ, какъ это нѣкогда дѣлали ихъ предки, тѣмъ не менѣе они охотно совершаютъ большія морскія путешествія, такъ какъ любятъ жизнь моряка и храбро встрѣчаютъ опасности на сушѣ и на водѣ.

Норвежскіе крестьяне отличаются также необыкновенною опрятностію. Какъ бы ни была бѣдна хижина и какъ бы ни была груба и первобытна утварь и мебель, она тщательно вытерта, вычищена и стоитъ на своемъ мѣстѣ. Каждый норвежець чрезвычайно вѣжливо обходится съ иностранцами, путешествующими въ ихъ странѣ, но если кто нибудь изъ нихъ пожелаетъ ему добраго дня на его родномъ языкѣ, онъ быстро снимаетъ передъ нимъ шапку и отвѣшиваетъ глубокій поклонъ, не произнося ни слова.

Его честолюбіе и любовь къ свободѣ дѣлаютъ его особенно вспыльчивымъ въ сношеніяхъ со шведами. Вражда этихъ двухъ сосѣднихъ народовъ, которая происходила въ продолженіи многихъ столѣтій и выражалась многочисленными битвами, не угасла еще и въ настоящее время, только теперь она выражается иначе, чѣмъ прежде. Ихъ особенно возбуждаетъ то, что шведы, когда разговоръ идетъ объ этихъ двухъ странахъ, показываютъ видъ, что Норвегія составляетъ придатокъ къ ихъ государству. Одинъ писатель рассказываетъ, что однажды небольшой кружокъ шведовъ пилъ за здоровьемъ короля Швеціи и Норвегіи; одинъ стаканъ оказался неопорожненнымъ и онъ принадлежалъ норвежцу. На просьбу объясниться, онъ отвѣтилъ: «Я не могу выпить подобный гостъ, но я охотно выпью за короля Норвегіи, который въ тоже время и король Швеціи». Въ официальныхъ дѣлахъ въ Норвегіи, при названіи обѣихъ странъ, прежде упоминаютъ Норвегію, а потомъ Швецію.

Норвежскій языкъ, такъ же какъ и шведскій, принадлежитъ къ германскому корню,

имѣть много общаго съ ниже-нѣмецкимъ нарѣчіемъ и точно также, какъ это послѣднее, раздѣляется на различныя мѣстныя нарѣчія; но языкъ образованныхъ классовъ не отличается отъ датскаго. Литература датская и ея писатели—въ то же время и норвежскіе. Тѣсная связь норвежца съ датчанами происходитъ главнымъ образомъ потому, что эти два племени скандинавскаго происхожденія были тѣсно связаны между собой болѣе четырехъ столѣтій; къ тому же они имѣютъ одни и тѣ же преданія и родственныя связи. Три скандинавскія государства — Швеція, Норвегія и Данія — имѣли одно происхожденіе, одну цивилизацію. Историческія судьбы этихъ трехъ странъ тѣсно связаны другъ съ другомъ: то всѣ трое онѣ соединялись, то попарно—Данія съ Норвегією и наконецъ теперь — Швеція съ Норвегією. Норвегія была соединена съ Данією въ продолженіи четырехъ столѣтій и только въ 1814 году король датскій уступилъ свои права на Норвегію шведскому королю. Но Норвегія не иначе согласилась соединиться съ Швецією, какъ равная съ равной.

Несмотря на то, что три скандинавскихъ государства имѣютъ одно происхожденіе и что ихъ историческія судьбы связаны другъ съ другомъ, они выработали себѣ разныя формы политической и гражданской жизни.

Продолжительное соединеніе Норвегіи съ Данією имѣло огромное вліяніе на языкъ и даже на развитіе норвежцевъ. Въ Даніи учились ихъ дѣти, приобрѣтали книги и вводили ихъ въ употребленіе въ своей странѣ. Однако въ послѣднее время норвежцы начинаютъ все болѣе вводить въ свой разговоръ слова изъ туземныхъ нарѣчій, такъ что можетъ быть въ послѣдствіи и произойдетъ раздѣленіе датскаго и норвежскаго языковъ.

Земледѣліе въ Норвегіи очень ограничено вслѣдствіе сѣвернаго положенія страны и еще болѣе вслѣдствіе значительной высоты надъ уровнемъ моря. Но въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ, какъ были устранены нѣкоторыя стѣснительныя правила и злоупотребленія, существовавшія во время датскаго управленія, земледѣліе замѣтно поднялось. Обитаемы только долины, такъ какъ горныя хребты, раздѣляющіе ихъ, не обрабатываются, потому что они состоятъ изъ обнаженныхъ массъ гнейса и слюдистаго сланца. Большою частію земледѣльцы въ то же время и собственники воздѣлываемаго ими участка земли. Изъ 103,192 земледѣльцевъ (въ 1855 г.) 72,624 человѣка были собственниками, а остальные арендаторами. Всякій обрабатываетъ земли столько, сколько имѣетъ; богатыхъ людей, имѣющихъ возможность нанимать земли, здѣсь очень немного. Мелкіе землевладѣльцы, сами обрабатывающіе свою землю, называются *бондерами* и ими то населена почти вся Норвегія. Люди, владѣющіе большимъ пространствомъ земли, чѣмъ они сами въ состояніи обработать, называются помѣщиками: они получаютъ ежегодно дохода приблизительно отъ одной тысячи до 20 и 28 тысячъ; но ихъ здѣсь очень немного, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые получаютъ доходу болѣе 20 тыс. р. Такъ какъ почва здѣсь весьма тощая, а лѣто очень короткое, то часто случаются неурожаи, и потому приходится много привозить иностраннаго зерноваго хлѣба. Эти неблагоприятныя обстоятельства заставили устроить во всей Норвегіи хлѣбныя магазины, куда можно отсылать избытокъ урожая; тотъ, кто посылаетъ хлѣбъ въ запасной магазинъ, получаетъ его обратно черезъ годъ съ добавленіемъ 12 процентовъ; заемщикъ же изъ магазина обязанъ возратить тоже черезъ годъ съ добавленіемъ 25 процентовъ.

Норвегія въ полномъ смыслѣ страна крестьянъ. Здѣшніе крестьяне никогда не знали ни рабства, ни крѣпостничества и въ настоящее время имѣютъ огромное политическое значеніе. Однако, не смотря на то, что въ странѣ нѣтъ дворянства и всѣ равны между собой, среди норвежскихъ горъ живетъ нѣсколько семействъ простыхъ кре-

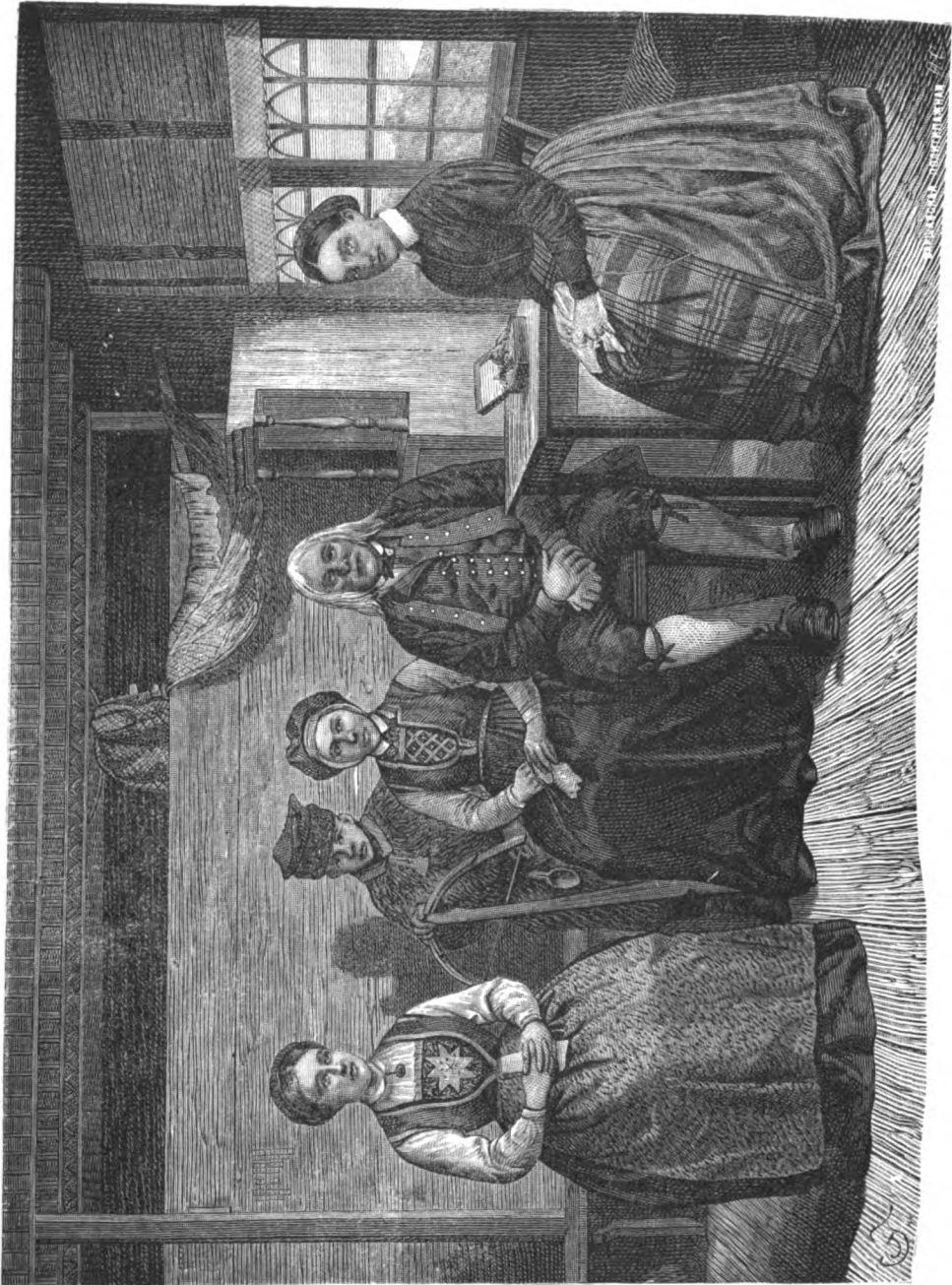
стьянъ, часто чрезвычайно бѣдныхъ, но которые ведутъ свою родословную отъ первыхъ королей Норвегіи и гордятся своимъ происхожденіемъ. Хотя древность происхожденія не представляетъ въ Норвегіи рѣшительно никакихъ существенныхъ выгодъ, норвежцы очень любятъ говорить о своихъ предкахъ и никогда не позволяютъ своимъ дѣтямъ вступить въ бракъ съ такими же крестьянами, какъ они, но которые не ведутъ своей родословной отъ конунговъ и ярловъ.

Въ Норвегіи нѣтъ дворянства и не образовался еще средній классъ. Промышленность здѣсь ничтожна и торговля сосредоточена только въ нѣкоторыхъ городахъ и торговыхъ мѣстечкахъ. Норвежскій земледѣлецъ — вотъ представитель страны. Вслѣдствіе этихъ причинъ въ Норвегіи очень мало городовъ: ихъ насчитываютъ около 24 и только въ одномъ изъ нихъ болѣе 70,000 жителей, въ другомъ болѣе 30,000, затѣмъ въ 3-хъ городахъ около 20,000 въ каждомъ, а въ остальныхъ самое ничтожное население. Правда, въ Норвегіи существуетъ еще 30 торговыхъ мѣстечекъ, и такимъ образомъ страна эта, по развитію въ ней городовъ и городской жизни, представляетъ совершенную противоположность Бельгіи. За то въ Норвегіи 41,500 гардовъ («gard», выговаривать слѣдуетъ *gaard*), или дворовъ. Такъ какъ большая часть страны состоитъ изъ совершенно неплодоносныхъ плоскихъ возвышенностей, а склоны долинъ ниспадають необыкновенно круто, а иногда и отвѣсно, то и гарды эти не могутъ быть слишкомъ часты. Чтобы дойти до норвежскаго жилища, путешественнику нерѣдко приходится карабкаться по высотамъ, между двумя пропастями; все это увеличиваетъ изолированное положеніе норвежцевъ. Отдѣленные отъ прочаго міра жители гардовъ неизмѣнно сохраняють нравы своихъ предковъ.

Для большаго семейства каждый крестьянинъ строить не одинъ большой домъ, а нѣсколько маленькихъ хижинъ, въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга. Эти хижины, составляющія одно хозяйство, походятъ на цѣлую деревню и называются *гардомъ*. Одна хижина гарда служитъ жилищемъ и спальнею для родителей и дѣтей, другая, *стуна*, парадная и приемная комната для гостей, третья амбаръ или кладовая, четвертая кухня и т. д. Чѣмъ богаче хозяинъ, тѣмъ болѣе у него такихъ домиковъ. Эти домики построены, какъ наши избы, изъ бревенъ и проложены мхомъ, а отчасти обшиты досками. Такія жилища иногда стоятъ прочно сотню лѣтъ. Путешественника поражаетъ, что въ странѣ, въ которой нельзя сдѣлать шагу, не ступивъ на сѣлу или камень, дома построены не изъ камня; но это явленіе нетрудно себѣ объяснить. Мы уже говорили о томъ, что тутъ существуютъ большіе лѣса и изъ нихъ гораздо легче строить дома, чѣмъ изъ твердаго гранита или гнейса, перерѣзаннаго жилками кварца и полеваго шпата. Кромѣ того въ Норвегіи большой недостатокъ въ глинѣ, необходимой для обжиганія кирпичей и въ известкѣ для приготовления штукатурки. Впрочемъ въ настоящее время вслѣдствіе частыхъ пожаровъ стараются увеличить постройку каменныхъ домовъ; но еще пройдетъ много времени, прежде чѣмъ бондеры обзаведутся ими, а бѣднякамъ, вѣроятно, никогда и не дожждаться этого.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на сѣверѣ на тесовыя крыши домиковъ гарда, кромѣ коры, накладываютъ еще дернъ или насыпають землю. Дождь и туманъ оплодотворяють кровлю, и лѣтомъ, когда въ Норвегіи пробуждается вся природа, она также, какъ поля и луга, блеститъ чудной зеленью и цвѣтами. Мало того, тамъ и здѣсь на ней растутъ то или другое дерево: береза, сосна или ель. Эти постройки лучше чѣмъ каменные защищаютъ отъ зимняго холода и лѣтней жары. Къ тому же въ каменныхъ постройкахъ, напримѣръ въ Бергенѣ, бываетъ какъ то сыро и заводится плесень.

Въ горныхъ областяхъ норвежцы строятъ свои жилища въ одинъ этажъ; всѣ они очень низки и съ маленькими окнами. вмѣсто печи въ комнатахъ каминъ. Близъ го-

родовъ домики строить иногда въ два этажа, съ большими окнами и съ балконами, украшенными рѣзьбой.

Войдемъ въ *стуну*, парадную комнату хозяина. Это строеніе снаружи до самой крыши покрыто странною, затѣйливою рѣзьбою. Узкій входъ у нѣкоторыхъ хозяевъ въ такихъ комнатахъ украшенъ рѣзными косяками, составленными изъ удивительныхъ арабесокъ: тутъ вы увидите змѣй, волковъ и драконовъ; всѣ они изображены по рисунку тѣхъ временъ, когда еще въ норвежскихъ сагахъ и мифологіи волкъ и драконъ играли такую видную роль. Изъ маленькой передней вы входите въ большую комнату; съ двухъ сторонъ по бокамъ стоятъ кровати, толстыя ножки которыхъ идутъ вверхъ столбиками и подпираютъ потолокъ, какъ это можно видѣть въ старинныхъ рыцарскихъ замкахъ въ Германіи. Кромѣ кроватей тутъ разставлены шкафы, выкрашенные обыкновенно масляною краскою и разрисованные цвѣтами. Стулья, какъ и другая мебель этой комнаты, прочны, но неуклюжи: они сдѣланы изъ цѣльнаго куска дерева, въ которомъ выдолблено мѣсто для сидѣнья и спинки. Вдоль стѣнъ идутъ красивые карнизы; на нихъ написаны различныя изрѣченія, которыя учатъ мудрости, нравственности и поручаютъ домъ «заступничеству Всевышняго». Сообразно съ норвежскими обычаями, полъ для пріема гостей усыпанъ свѣжими еловыми вѣтвями, а иногда, какъ и въ древнія времена, соломой. Огромный бѣлый столъ и вся мебель обнаруживаютъ любовь къ порядку и опрятности. Вдоль стѣнъ прибиты полки, на которыхъ разставлена блестящая оловянная посуда, чашки, стаканы, а на самомъ видномъ мѣстѣ серебряныя вещи и фарфоръ. Чѣмъ богаче хозяинъ, тѣмъ у него больше серебряной посуды, между которою первое мѣсто занимаетъ большое серебряное, нѣкогда вызолоченное блюдо. Все это досталось нынѣшнему хозяину отъ отца и дѣда и, тщательно сохраненное, перейдетъ тоже и къ его дѣтямъ.

Другой домикъ—*кладовая* или амбаръ, имѣющій огромное значеніе для хозяйства. Чтобы предохранить эту постройку отъ сырости и мышей, ее всегда строятъ на высокихъ столбахъ; при этомъ лѣстница для входа въ нее поставлена на такомъ разстояніи отъ порога, чтобы мыши и крысы не могли вскочить на нее. Тутъ вдоль стѣнъ стоятъ груды овсяныхъ хлѣбовъ, кадки съ масломъ, множество большихъ сыровъ, нагроможденныхъ одинъ на другой. На стѣнахъ цѣлыми рядами виситъ сушеная говядина, свиное сало, бараньи окорока; тамъ и здѣсь стоятъ огромныя бочки муки и крупы, однимъ словомъ достаточно запасовъ, чтобы на долгое время обезпечить большую семью отъ голода. Надъ этой богатой кладовой, иногда въ слѣдующемъ этажѣ, хранятся различнаго рода платья, мѣха, сбруя, сундуки съ полотномъ и чулками, башмаки, а на перекладинахъ развѣшено пять или шесть дюжинъ шерстяныхъ и мѣховыхъ одѣялъ. Такое количество одѣялъ въ норвежскихъ горахъ считается первымъ признакомъ богатства. Ихъ употребляютъ только при торжественныхъ случаяхъ и когда пріѣзжаютъ гости; обыкновенно же они служатъ только для удовлетворенія тщеславія, какъ у насъ серебро, изящная посуда и золотыя украшенія. Въ Гардангерѣ искусные крестьяне сами ткутъ пестрыя одѣяла, похожія на одѣяла, сшитыя изъ полосокъ сукна; нѣкоторые подбиваютъ ихъ еще мѣхомъ.

Въ третьемъ строеніи устроена жилая горница и спальня хозяина и его семьи. Прежде всего тутъ въ углу вамъ бросается въ глаза полка съ библіею и церковными книгами. У окна большой столъ съ лавками. Остальная обстановка такая же, какъ и въ стугѣ, только все здѣсь гораздо проще. Наверху такого жилья помѣщается прислуга, для которой кроватями служатъ узкіе ящики, наполненные соломой и покрытые одѣялами.

Противъ всѣхъ этихъ строеній стоитъ кухня, съ широкимъ низкимъ очагомъ,

снабженная всякою домашнею утварью. Кухню обыкновенно строят нѣсколько въ сторонѣ отъ остальныхъ строеній, чтобы въ случаѣ пожара ихъ было легче отстоять.

Въ норвежскомъ гардѣ не ищите ни садовъ, ни палисадниковъ: мы здѣсь не въ странѣ цвѣтовъ, а въ отечествѣ скалъ и могучихъ водопадовъ. Разумѣется, мы описали дворъ зажиточнаго крестьянина, но большею частію въ крестьянскихъ домахъ нѣтъ такой роскоши. Комнаты обыкновенно низки и малы и въ нихъ никогда нѣтъ даже необходимой утвари. Только почти въ каждой крестьянской избѣ стоятъ двѣ очень высокія кровати съ огромными тяжелыми перинами, которыя хозяинъ охотно уступаетъ заѣзжему, отправляясь самъ спать въ конюшню.

Главная пища новержца— «flad-broad» —овсяный хлѣбъ, который здѣсь въ общемъ употребленіи. Только въ большихъ городахъ и очень зажиточныхъ семействахъ пекутъ хлѣбъ изъ ржи и пшеницы. Прежде чѣмъ говорить о приготовленіи этихъ овсяныхъ норвежскихъ лепешекъ, нужно замѣтить, что муку для нихъ, какъ и для печеня другого рода, мелютъ на мельницѣ самаго первобытнаго устройства. На горизонтально положенномъ жерновѣ вертится отвѣсно поставленный цилиндръ, который сбрасываетъ вблизи стоящей ящикъ грубо-смолотый овесъ. Если вы поскоблите ножомъ камень жернова, то вы убѣдитесь, какъ легко онъ стирается; такимъ образомъ вѣсь получаемой муки значительно превышаетъ вѣсь зеренъ. Можетъ быть потому къ старости у норвежцевъ зубы бывають обыкновенно стерты до самыхъ десенъ. И это понятно: зубами приходится жевать печенье, которое кромѣ мякины содержитъ еще мелко смолотый кварцъ, полевой шпатель и слюду, которые всѣ далеко превосходятъ твердостью эмаль зубовъ.

Вотъ какъ готовятъ «flad-broad». Тѣсто изъ овсяной муки раскатываютъ возможно тоньше, вырѣзають изъ него лепешки, кладутъ ихъ посредствомъ двухъ тоненькихъ желѣзныхъ прутиковъ на круглый желѣзный листъ и ставятъ его на огонь камина. Эти лепешки переворачивають раза два-три и когда онѣ немного пропекутся, ихъ снимають съ огня и складываютъ въ кучи. Этихъ лепешекъ обыкновенно пекутъ чрезвычайно много, нерѣдко въ запасъ на нѣсколько мѣсяцевъ, и тогда ихъ наизымають на бичевку и вѣшаютъ на вольный воздухъ. Разжевать такой хлѣбъ, а въ особенности проглотить его, чрезвычайно трудно для иностранца; его нельзя также разрѣзать ломтиками, чтобы намазать масломъ. Обыкновенно его разламываютъ на маленькіе кусочки и бросаютъ въ жидкую горячую жирную пищу. Но и тутъ опять бѣда: варено съ такимъ хлѣбомъ производитъ у непривычнаго человѣка ужасныя колики съ сильнымъ запоромъ, которыя прекратить можно только съ помощію слабительнаго. Тѣмъ не менѣе это спартанское кушанье очень любимо туземцами. Извѣстно, что въ голодные года въ Норвегіи къ овсяной мукѣ примѣшиваютъ муку коры, размоченную въ молокѣ, но къ счастью уже нѣсколько лѣтъ какъ не было въ этомъ необходимости.

Въ домахъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ, кромѣ овсяныхъ лепешекъ, пекутъ также такъ называемый «какебродъ». Это уже не лепешки, а продолговатый хлѣбъ; тѣсто для него ставятъ на дрожжахъ и въ него кладутъ анисъ и другія пряности, отчего онъ получаетъ приторно сладкій вкусъ; мало того, его обыкновенно не совѣмъ пропекають и потому онъ нравится иностранцу еще менѣе, чѣмъ flad-broad.

Второе мѣсто послѣ хлѣба занимаетъ картофель. Обработка его въ теченіи послѣднихъ лѣтъ сдѣлала значительныя успѣхи. Даже на самомъ далекомъ сѣверѣ вы можете встрѣтить картофельныя поля. Но онъ не составляетъ еще народной пищи и далеко не такъ вкусенъ и питателенъ, какъ въ другихъ странахъ: онъ здѣсь какъ то волокнистъ и водянистъ.

Мясная пища здѣсь чрезвычайная рѣдкость. Скотоводство, также какъ и земледѣіе,

страдаетъ отъ неблагопріятныхъ естественныхъ условій. Хотя здѣсь существуетъ довольно много хорошихъ луговъ и пастбищъ, но въ теченіи короткаго лѣта съ нихъ мало можно собрать травы, къ тому же частые осенніе дожди мѣшаютъ уборкѣ сѣна. Здѣсь даже лошадей кормятъ не только сѣномъ и соломой, но и сухими листьями, и только у самыхъ богатыхъ людей онѣ получаютъ овесъ. Еще болѣе плохо приходится зимою коровамъ: ихъ не только кормятъ сѣномъ въ суровое время года, но и древесными листьями, березовыми вѣтками, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже рыбьими головами. Скотъ зимою страшно тощаетъ и поправляется только лѣтомъ, когда его, какъ и въ швейцарскихъ Альпахъ, выгоняютъ въ горы на пастбища. Лѣтомъ скотъ быстро тучнѣетъ и даетъ прекрасное молоко, но искусство сбиванія масла здѣсь мало извѣстно, а сыровареніе еще менѣе. Масло почти вездѣ пересолено, а сыру хотя и готовится довольно много, но его блѣдный цвѣтъ указываетъ на его прѣсный вкусъ. При этомъ замѣчательно, что и въ Лапландіи изъ самаго жирнаго молока сѣверныхъ оленей готовятъ только очень дурной сыръ. Мясо здѣсь встрѣчается чрезвычайно рѣдко, даже ветчину можно получить далеко не вездѣ, такъ какъ разведеніе свиней мало распространено; напротивъ очень много сушеныхъ бараньихъ окороковъ, такъ какъ разведеніе овецъ здѣсь довольно значительно. Домашнюю птицу рѣдко кто можетъ убить для своего стола: ее разводятъ здѣсь въ очень не большомъ количествѣ. Извѣстно, что дичь тоже не составляетъ обильнаго источника пропитанія въ Скандинавіи. Путешествуя по Нервегіи, вамъ чаще всего придется утолять свой голодь овсяными лепешками, кашею изъ муки или крупы и рыбою. Эти блюда появляются на столѣ повсемѣстно, отъ юга до лапландскихъ болотъ. Между рыбными кушаньями первое мѣсто занимаетъ форель, которая водится въ каждомъ горномъ ручейкѣ, бываетъ обыкновенно довольно велика и всегда очень вкусна. Въ Нервегіи совсѣмъ нѣтъ овощей, но ихъ съ избыткомъ замѣняютъ прекрасныя и разнообразныя дикія ягоды. Онѣ растутъ въ необыкновенномъ изобиліи въ лощинахъ и на высочайшихъ горныхъ равнинахъ. Земляника отличается такимъ нѣжнымъ, ароматичнымъ вкусомъ, какъ ни въ какой другой странѣ; тоже можно сказать о малинѣ; ежевика попадаетъ рѣже, но за то сухіе склоны горъ и рвы у дорогъ покрыты брусникою въ такомъ количествѣ, что красный цвѣтъ ягодъ преобладаетъ надъ зеленою. Ее здѣсь ѣдятъ сырою, варятъ и особенно много запекаютъ въ сахарѣ.

Норвежцы до сихъ поръ носятъ старинную одежду, въ которой красовались ихъ дѣды и прадѣды. Смотри по мѣстности она различна въ мелочахъ, но въ главныхъ частяхъ много общаго. Мужчины носятъ куртки изъ сукна съ цвѣтными нашивками; иногда короткіе панталоны до колѣнъ, стянутыя цвѣтными подвязками, разноцвѣтные чулки и башмаки съ серебрянными пряжками; простые рабочіе и ремесленники ходятъ нерѣдко въ длинныхъ, широкихъ штанахъ. Цвѣтъ куртокъ или камзоловъ, смотря по мѣстности, времени года, праздничному или буднему дню, — различны. Нѣкоторые носятъ сѣрые, другіе зеленые или бѣловатые камзолы съ зелеными или красными обшивками. Кромѣ общеупотребительной мѣховою шапки носятъ фуражки съ козырькомъ. За поясъ воткнуть ножъ, какъ кинжалъ въ ножнахъ. Серебрянныя пряжки и украшенія на поясѣ, вмѣстѣ съ остальными принадлежностями костюма, очень къ лицу норвежцу. Здоровыя лица, длинныя волосы, большіе глаза, все имѣетъ совершенно особый, типичный видъ.

Дѣвушки носятъ цвѣтныя, часто красныя корсажи, широкую, также цвѣтную юбку, чаще всего голубую съ нашитою на ней темной каймой. Норвежскія дѣвушки плетутъ волосы въ длинныя косы, а замужнія покрываютъ голову платкомъ. Этотъ бѣлый головной платокъ прикалываютъ къ талии и изъ подъ него выглядываетъ мило-

видное женское личико, подернутое загаромъ. Однако свѣжесть лица норвежскія женщины сохраняютъ очень недолго. Постоянно трудная работа, тяжелая пища и суровый климатъ быстро превращаютъ миловидныхъ женщинъ въ старухъ съ глубокими морщинами. Въ Норвегіи особенно любопытенъ нарядъ невѣсты. (Приложенная картинка снята съ фотографіи жениха и невѣсты Гардангера и близлежащихъ мѣстностей). Каждая норвежская невѣста чувствуетъ себя въ день свадьбы чрезвычайно неудобно подъ тяжестью короны, въ которой она обыкновенно ходитъ цѣлый день. Эта корона изъ чистаго серебра, очень массивна, вызолочена и сплошь убрана разными украшеніями: медалями, бабочками, пчелками и разными привѣсками. Ея длинную, совѣзмъ не стройную талию обхватываетъ поясъ изъ массивнаго серебра съ большой пряжкой напередѣ. Поверхъ передника изъ пестрой матеріи висятъ ленты въ три конца. Руки невѣсты спрятаны въ муфту, которая сдѣлана изъ шерсти домашней пряжи.

Видъ прибрежныхъ морскихъ городовъ. — Ставангеръ и Бергенъ. — Госпиталь для одержимыхъ проказою. — Рыбная ловля — главный промыселъ норвежцевъ. — Ловля сельдей и другихъ даровъ моря. — Промыслы норвежцевъ на Шпицбергенѣ. — Добываніе гагачьяго пуха. — Тюлений промыселъ и преслѣдованіе китовъ.

«Норвежскій прибрежный городъ имѣетъ своеобразный видъ; но всѣ они похожи одинъ на другой, и если вы видѣли одинъ, то вы исчерпали съ небольшимъ исключеніемъ все, что представляетъ норвежская архитектура. Эти городки лежатъ обыкновенно у подошвы холма, въ углубленіи какого нибудь фіорда или залива, который представляетъ удобную гавань. Вдоль моря тянутся мрачные амбары, изъ которыхъ зіяютъ на воду широкіе люки; за ними, по большей части амфитеатромъ, громоздятся другъ надъ другомъ большіе и маленькіе деревянные дома со множествомъ мелкихъ оконъ, съ низкими этажами и крутыми крышами, выкрашенные преимущественно масляной бѣлой, свѣтло-сѣрой, желтой или бурой краской. Послѣдній цвѣтъ, переходящій часто даже въ кровавой, употребляется большею частію для амбаровъ и жилищъ рыбаковъ и крестьянъ. Нигдѣ не видно наружнаго архитектурнаго украшенія, только тамъ и сямъ стоитъ около двери слабенькая колонна, поддерживающая фронтонъ или вычурный карнизъ надъ окномъ. На всей архитектурѣ лежитъ печать самаго трезваго однообразія. Чутье изящнаго проявляется только во внутренности дома, гдѣ чувство красоты у германскаго племени высказывается по крайней мѣрѣ въ старательномъ уходѣ за цвѣтами. Нѣтъ ни одного окна, даже на самомъ крайнемъ сѣверѣ, изъ за котораго не выглядывалъ бы заботливо воспитанный гераній, розанъ, вербена; нѣтъ уголка даже въ бѣднѣйшей хижинѣ, гдѣ бы не стояла полочка съ горшкомъ цвѣтовъ. Таковъ Ставангеръ и многіе другіе прибрежные города Норвегіи.

Бергенъ, прежде всего отличается своими дождями. «А что въ Бергенѣ все еще идетъ дождь?» спросилъ, говорятъ, нѣмецкій капитанъ своего товарища, прибывшаго изъ гавани, въ которой спрашивавшій провель, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, два лѣтнихъ мѣсяца, но не видавшій ни разу солнца. Рассказываютъ даже, что голландскій капитанъ, постоянно посѣщавшій Бергенъ 7 лѣтъ сряду, на восьмой годъ не узналъ города, когда увидѣлъ его при солнечномъ свѣтѣ, и въ бѣшенствѣ отколотилъ лоцмана за то, что онъ не туда завезъ его.

Еще на значительномъ разстояніи отъ Бергена, запахъ трески и ворвани дѣлается все разительнѣе и даетъ чувствовать, какія главныя статьи его торговли.

Мѣстность вокругъ этого города имѣетъ оригинальный видъ. Скалистая, темныя горы, съ глубокими лощинами между ними, придвинулись почти вплотъ къ самому го-

роду и только съ одной стороны долина раздвигается немного, чтобы дать мѣсто за городомъ маленькому озеру, содержащему соленоватую воду, которая бываетъ солонѣе во время прилива и прѣснѣе во время отлива. Самыя горы обнажены, на отвѣсныхъ крутизнахъ совершенно голы, на покатостяхъ покрыты лишь скудною травою, но въ глубокихъ лощинахъ развилась богатая, сочная зелень, на которую великолѣпныя группы деревьевъ бросаютъ густую тѣнь. По обѣимъ сторонамъ фіорда, на порядочномъ разстояніи отъ Бергена, находятся одинокія дачи, которыя кокетливо выглядываютъ своей свѣтлой краской изъ-за густыхъ деревьевъ, ихъ окружающихъ. Липы, каштаны, яворы и другія деревья континентальнаго климата, при постоянной сырости, которая насыщаетъ воздухъ и землю, растутъ здѣсь съ неменьшимъ великолѣпіемъ, чѣмъ въ Англій, и исключая персиковъ, абрикосовъ и винограда, для поспѣванія которыхъ не достаточно кратковременной солнечной теплоты, вы найдете въ садахъ около Бергена почти всѣ фруктовыя деревья южнаго климата. Ландыши, фіалки, незабудки, сирень, нарциссы и другіе цвѣты распускаются здѣсь лѣтомъ всюду, и, при душной жарѣ, которая нерѣдко въ это время года тяготѣетъ надъ мѣстностью, при дыханіи горячаго пара, можно подумать, что находишься на югѣ, еслибъ не безвкусные деревянные дома и запахъ рыбы, который какъ чадъ стоитъ надъ всѣмъ городомъ и мгновенно напоминаетъ вамъ, что вы не только на сѣверѣ, но именно въ Норвегіи, странѣ рыбнаго промысла. Внутри города есть нѣсколько хорошихъ видовъ на фіордъ и гавань съ двухъ возвышенныхъ пунктовъ. Вообще же надо сознаться, что Бергенъ, не смотря на свои 34,000 жителей, на обширную торговлю и на гостепрѣимство жителей, представляетъ ужасное гнѣздо для иностранцевъ. Не говоря уже объ общественныхъ удовольствіяхъ—ихъ не существуетъ, врядъ ли они найдутъ въ узкихъ кривыхъ улицахъ гостинницу, которая бы вполне удовлетворила ихъ привычкамъ и потребностямъ. Единственная гостинница ужасаетъ своими затхлыми комнатами и горькимъ масломъ. Правда, здѣсь, кромѣ гостинницъ, у нѣкоторыхъ дамъ въ городѣ можно найти комнату со столомъ, но онѣ смотрятъ такъ, какъ будто принимаютъ иностранца только изъ милости, да и у нихъ за большую плату живешь весьма сѣверно и стѣсненно. Затѣмъ есть только матросскіе кабаки, на половину подъ землей; оттуда несетъ невыразимый запахъ, отбрасывающій человѣка на нѣсколько шаговъ въ сторону.

Во всемъ Бергенѣ всего одна только улица, гдѣ тѣнятся, одинъ возлѣ другаго, большіе магазины. Подумаешь, что можно тутъ записаться всѣмъ, и входишь направо и налево, чтобы пополнить ту или другую статью дорожныхъ потребностей; но скоро убѣждаешься, что въ этихъ магазинахъ находится только все негодное изъ гамбургскихъ магазиновъ и за это назначаютъ цѣны, которыя даже въ Парижѣ и Лондонѣ были бы неслыханны. Все это на первый взглядъ кажется невѣроятнымъ въ городѣ, издревле знаменитомъ и ведущимъ уже въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ истинно всемірную торговлю. Но вникнемъ поглубже и мы узнаемъ причину этого явленія. Бергенъ окруженъ только высокими горами и неимѣетъ плодородной земли, которая удовлетворяла бы его жизненнымъ потребностямъ и давала бы предметы для промѣна на иностранные товары. Онъ лежитъ отрѣзанный, какъ бы на острову, на краю горнаго узла, который почти совершенно окруженъ Гардангерскимъ фіордомъ и Согнефіордомъ, внѣ всякаго сухопутнаго сообщенія съ Христіаніей, Дронтегемомъ и лежащими между ними земледѣльческими мѣстностями. За то Бергенъ лежитъ какъ разъ посрединѣ между обоими большими рыболовными округами западнаго берега: между сельдянымъ ловомъ на югѣ и тресковымъ ловомъ на сѣверѣ, и все еще образуетъ средоточіе торговли рыбою, которая идетъ изъ протестантской Норвегіи въ католическія страны Средиземнаго моря. Въ Бергенъ ѣдетъ сѣверный житель, чтобы привезти на базаръ свою треску, въ

Бергенъ является испанецъ и итальянецъ, чтобы отвезти ее на югъ. Несмотря на то, что городъ понесъ очень много потерь въ послѣдніе годы и что всѣ жаловались на уменьшеніе его торговли, все таки въ Бергенѣ есть еще значительное число богатыхъ negociантовъ, которые составляютъ здѣсь высшее общество и даютъ отпечатокъ цѣлому городу. Отличительный характеръ Бергена лѣтомъ составляетъ то обстоятельство, что, несмотря на постоянно дождливую погоду, у купцовъ есть дачи, куда они удаляются въ ясные лѣтніе вечера, чтобы на другое утро снова вернуться въ свою контору. Такимъ образомъ лѣтомъ Бергенъ имѣетъ самую дѣловую физиономію, между тѣмъ какъ зимою здѣсь царствуютъ, говорятъ, оживленное веселье, которому тѣмъ съ большею свободою могутъ предаваться всѣ, что буря и холодъ прекращаютъ всякія дѣла.

Самое оживленнее время въ Бергенѣ то, когда происходитъ покупка трески, прїѣзжими иностранцами; тогда царствуетъ здѣсь величайшая дѣятельность. Магазины и конторы открыты до поздняго вечера, а въ гавани шумъ и гвалтъ идетъ всю ночь на пролетъ. Испанцы, португальцы, итальянцы и нѣмцы причалили въ самыхъ разнообразныхъ судахъ и баркахъ къ ступенямъ кладовыхъ, вѣроты которыхъ постоянно спускаютъ массы трески. Обыкновенно эти иностранныя суда приходятъ съ баластомъ; иногда они дѣлаютъ небольшой крюкъ, захватывая каменный уголь въ Англїи и перевозки его въ Норвегію. Только нѣмцы привозятъ чаще другихъ значительные грузы колоніальныхъ товаровъ и мануфактурныхъ издѣлій, а корабли Средиземнаго моря доставляютъ небольшое количество соли. Въ самой Норвегіи нѣтъ соли: ея горная формація такого рода, что въ ней нѣтъ соляныхъ залежей, а для того, чтобы добыть этотъ необходимый для жизни продуктъ изъ морской воды, недостаетъ солнечной теплоты, которою Средиземное море пользуется съ такимъ избыткомъ. Изъ зданій самое замѣчательное—госпиталь для больныхъ проказою. Это свѣтлое, веселое, со всѣхъ сторонъ открытое зданіе поднимается надъ маленькимъ озеромъ и представляетъ весьма красивый видъ на городъ и гавань. Комнаты большія, не только хорошо, но даже богато убранныя, содержатся весьма тщательно и аккуратно; но видъ больныхъ во истинѣ ужасенъ.

Еще не рѣшенъ вопросъ, какимъ образомъ голодъ, нищета, тяжелый трудъ въ бурю и непогоду, гадкая пища и совершенное пренебреженіе къ чистотѣ производятъ въ этихъ прибрежныхъ мѣстностяхъ такую ужасную болѣзнь; но извѣстно, что эта эпидемія проявляется въ чрезвычайныхъ размѣрахъ и что можетъ быть до 100.000 человекъ на протяженіи всего берега вплоть до самаго Дронтейма болны ею. Эта болѣзнь, которую считаютъ за истинную проказу, не заразительна; но она зачастую свирѣпствуетъ въ семействѣ до тѣхъ поръ, пока не перегубитъ всѣхъ ея членовъ. И къ несчастію, она проявляется обыкновенно въ такомъ возрастѣ, когда люди, которые уже имѣли ее въ крови, произвели потомство и передали ее своимъ дѣтямъ. Этою болѣзнию заболѣваютъ и дѣти, и очень часто совершенно излечиваются отъ нея, между тѣмъ какъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ наука можетъ только облегчить, но не вылечить человека.

Иногда больные имѣютъ свѣжій и здоровый видъ, и только красноватые пятна, которыя появляются тамъ и сямъ на тѣлѣ и бываютъ такъ неясны, что ихъ можно открыть только при самомъ внимательномъ изслѣдованіи, даютъ знать о врагѣ, который уже работаетъ внутри. При этомъ страшнѣйшія боли пронизываютъ все тѣло и отдѣльные члены. Внѣшнія ощущенія притупляются, пораженная часть тѣла становится наконецъ совершенно безчувственною, между тѣмъ какъ отъ мучительной боли страшно сводитъ суставы. Эти корчи доходятъ до ужасающей степени и кончаются постепеннымъ омертвѣніемъ и антоновымъ огнемъ въ оконечностяхъ. Нерѣдко, среди несказанныхъ

мукъ, это постепенное омертвѣніе подступаетъ къ позвоночному столбу, пока наконецъ смерть не закончитъ драмы, которая тянется иногда десятки лѣтъ. Этотъ пятнистый видъ болѣзни до сихъ поръ противится всѣмъ попыткамъ къ излеченію.

Гораздо ужаснѣе въ своемъ внѣшнемъ проявленіи шишковатая форма, которая однако кончается иногда выздоровленіемъ. Толстыя, твердыя шишки появляются на всѣхъ частяхъ тѣла и больше всего на лицѣ, лопаются, разрастаются съ отвратительнымъ гноестеченіемъ, обезображивающимъ лицо самымъ страшнымъ образомъ. Но внутреннія боли и разстройство нервовъ далеко не такъ значительны, какъ въ пятнистой формѣ, и положеніе больныхъ гораздо сноснѣе, несмотря на внѣшнее безобразіе».

Бергенъ—главный поставщикъ рыбы; это не только мѣсто большой торговли трескою, но вмѣстѣ съ тѣмъ и главный центръ сельдянаго промысла, для котораго нигдѣ нѣтъ такихъ обширныхъ кладовыхъ, какъ здѣсь. Норвежскіе берега чрезвычайно способствуютъ обилію рыбнаго промысла. Мореплаваніе продолжается круглый годъ, а ловля трески и сельдей даже на Лофоденскихъ островахъ бываетъ зимою. Сельдь и треска—вотъ обитатели моря, которые представляютъ богатый источникъ доходовъ, дающій ежегодно многіе милліоны и заработокъ болѣе чѣмъ 100,000 чел.

Едва ли существуетъ болѣе удивительное животное, чѣмъ сельдь, жизнь которой еще не изслѣдована такъ подробно, какъ этого желали бы рыбаки.

Между всѣми холоднокровными животными, покрытыми чешуею, сельдь является самымъ многочисленнымъ. Невозможно пересчитать тѣ многочисленныя стаи, которыя ежегодно появляются у всѣхъ береговъ сѣверной Европы. Рыба эта ловится цѣлыми милліардами, милліардами погибаетъ отъ хищныхъ рыбъ и птицъ и снова всплываетъ въ такомъ же громадномъ изобиліи. Во всякое время отдѣльныя необъятныя стаи плывутъ то къ Шотландіи, то въ Балтійское море, то къ берегамъ Голландіи, то въ фіорды Финмарвена или далеко внизъ къ норвежскому берегу, черезъ Категатъ и Зундъ. Сельдь обитаетъ обыкновенно въ глубинахъ тѣхъ морей, у береговъ которыхъ она мечетъ икру. Когда она поднимается на поверхность, подплывая къ берегамъ, и бываетъ самая значительная ловля. Однако до сихъ поръ никто не опредѣлилъ точно это время. У рыбаковъ есть различныя примѣты, по которымъ они судятъ о приближеніи сельдей, но онѣ такъ неточны, что голландцы говорятъ, что они дали бы съ удовольствіемъ боченокъ золота за вѣрное указаніе времени и мѣста, гдѣ должны появиться стаи сельдей. Да и годъ на годъ не приходится. Иной разъ появляются въ извѣстномъ мѣстѣ огромныя массы, а въ слѣдующую зиму здѣсь попадетъ въ сѣть только нѣсколько штукъ. Иногда сельди, вслѣдствіе неизвѣстныхъ причинъ, внезапно покидаютъ на время или навсегда берега, у которыхъ они десятки лѣтъ появлялись милліардами. Такой судьбѣ подвергся шведскій городъ Готенбургъ, гдѣ прежде сельдь появлялась въ безчисленномъ количествѣ и гдѣ теперь уже нѣсколько лѣтъ нѣтъ никакого улова. Рыбаки на побережьи совсѣмъ обнищали; за то скопленіе этой рыбы необыкновенно увеличилось у норвежскаго берега, отъ Бергена до Линдеснеса.

При входѣ въ большой Букъ-Фіордъ, между Ставангеромъ и Хёгесундомъ, производится въ февралѣ самая главная ловля, которая и доставляетъ жирныхъ норвежскихъ сельдей. Сельди въ это время особенно цѣнятся потому, что онѣ переполнены яйцами, а самцы—молоками. Насчитываютъ до 20,000 человекъ на 4,000 лодкахъ, которые въ продолженіи полутора мѣсяца заняты ловлею на всемъ пространствѣ прибрежья, между Ставангеромъ и Бергеномъ. Владѣльцы острововъ и хижинъ получаютъ большую плату съ рыбаковъ, которые устраиваютъ здѣсь свои склады.

Рыбаки въ теченіи года живутъ обыкновенно въ долгъ, въ счетъ будущихъ благъ улова и, соединяясь въ общества, опредѣляютъ, какую часть получить каждому.

Иногда, когда сельди поднимаются из глубины, замѣтно ихъ сверканіе на поверхности. Когда моряки, каждый день выѣзжающіе на встрѣчу своей добычѣ далеко въ море, замѣтили синевато-серебристый блескъ, они вылавливаютъ сѣтями безчисленныя стаи сельдей. Часто также присутствіе сельдей въ глубинѣ обозначается жирноватымъ или слизистымъ веществомъ. Одни принимаютъ это за молоки самцовъ, другіе за печеночный жиръ, который, вслѣдствіе своей легкости, поднимается на поверхность воды изъ сельдей, разрываемыхъ тысячами акулъ. Последнее весьма вѣроятно, такъ какъ сельди плывутъ къ берегу не только для того, чтобы метать икру, но чтобы и спастись отъ безчисленныхъ своихъ враговъ. Нужно помнить, что все, что въ морѣ посильнѣе сельдей, старается пропитать себя ими. Дельфины, треска и акулы толпами преслѣдуютъ и яростно нападаютъ на нихъ. Съ крикомъ и дракою носятся большія сельдяныя чайки, бакланы и буревѣстники надъ стаею сельдей, и горе несчастной рыбѣ, которая покажется близъ поверхности. Всѣ утесы и скалы наполнены ненасытными и жестокими врагами ихъ, а человѣкъ соединенными силами истребляетъ ихъ еще больше всѣхъ.

Ловля окончена, и рыбаки возвращаются домой, чтобы получить отъ купцовъ свою долю; но обыкновенно она, несмотря на всѣ благоприятныя обстоятельства, чрезвычайно ничтожна. У рыбака были долги, жизнь дорога, рыба цѣнится очень дешево, — и скоро прежняя нужда поселяется въ грязной хижинѣ рыбака, всѣ надежды котораго опять устремлены на море. Какое огромное вліяніе имѣетъ уловъ сельдей на жителей побережья, видно уже изъ того, что, лишь только выпадетъ хоть одинъ неудачный годъ, въ семьяхъ рыбаковъ той мѣстности происходитъ ужасная смертность отъ голода и лишеній.

Норвежскія свѣжія сельди крупнѣе, жирнѣе и лучше на вкусъ, чѣмъ всѣ остальные. Между тѣмъ онѣ далеко не пользуются такою извѣстностью, какъ голландскія, и продаются гораздо дешевле ихъ. Это происходитъ потому, что норвежцы упорно придерживаются старины и не хотятъ заимствовать у голландцевъ ихъ способъ приготовления. Норвежская сельдь солится и готовится къ продажѣ, какъ это дѣлалось сто лѣтъ тому назадъ, и вслѣдствіе своего неприятнаго, прогорклаго и затхлаго вкуса цѣнится ниже голландской. Сельдь чрезвычайно нѣжная рыба и умираетъ большею частью уже въ сѣтяхъ; послѣ этого черезъ нѣсколько часовъ начинаютъ разлагаться ея мясо и внутренности. Въмѣсто того, чтобы сейчасъ же солить рыбу, пойманную ночью, норвежцы часто отвозятъ ее за нѣсколько миль, гдѣ ее разгружаютъ, пересчитываютъ, записываютъ и снова нагружаютъ на барки для отправки въ Ставангеръ или Бергенъ. И такимъ образомъ только послѣ того, какъ эта рыба нѣсколько дней пролежитъ и начнетъ разлагаться, только тогда норвежцы начинаютъ ее пластать и солить. Кромѣ того норвежцы кладутъ обыкновенно своихъ сельдей въ свѣжіе еловые боченки, которые придаютъ имъ вкусъ смолы.

Бергенъ — также складочное мѣсто и для трески, которую ловятъ вдоль всѣхъ береговъ королевства и его острововъ, во всѣ времена года, но самый значительный ловъ этой рыбы производится близъ Лофоденскихъ острововъ.

Лофоденскіе острова (отъ 67° до 69° с. ш.) представляютъ высокія, обнаженныя, скалистыя массы до 3,000 ф. вышины, такъ что они выдаются на 2,000 ф. надъ снѣговой линіею этой мѣстности; поэтому средняя часть ихъ покрыта прекрасными голубыми ледниками, которые при волшебномъ полуночномъ солнечномъ освѣщеніи сверкаютъ, какъ хрустальный дворецъ съ разноцвѣтными огнями. Въ нижней части снѣгъ, тающій отъ солнечной жары, образуетъ потоки, низвергающіеся въ море и разбивающіеся на прелестныя серебристыя ленты и жемчужныя капли, которыя переливаются

на солнцѣ самыми яркими радужными цвѣтами. Съ поверхности моря эти капли поднимаются въ видѣ легкаго тумана, окружають скалы прозрачными дымками и исчезаютъ въ безоблачномъ воздухѣ.

Рядъ Лофоденскихъ острововъ важенъ по своей обильной рыбной ловлѣ, которая производится въ его водахъ, представляющихъ постоянное теченіе. На западъ отъ острововъ, въ морѣ находится отмель, гдѣ треска мечетъ икру. Одна вѣтвь отмели идетъ въ Вестъ-Фіордъ, и здѣсь норвежскіе рыбаки болѣе всего любятъ забрасывать свои сѣти. Въ срединѣ января эта рыба прежде всего показывается на западномъ побережьи, потомъ она громадными стаями проникаетъ въ Вестъ-Фіордъ, гдѣ ее уже ждетъ около 7,000 кораблей съ 25,000 рыбаковъ со всего сѣверо-западнаго берега. Здѣсь, на пустынномъ побережьи они устраиваютъ себѣ шалаши и хижины, въ которыхъ и живутъ во время всей рыбной ловли.

Съ своей треской норвежцы поступаютъ точно такъ же, какъ и съ сельдями. Норвежская треска не уступаетъ по своимъ достоинствамъ ньюфаундлендской, но по цѣнѣ стоитъ гораздо ниже послѣдней. Ньюфаундлендская треска подается у всѣхъ за столомъ, между тѣмъ норвежская, подъ названіемъ штокфишъ, употребляется только простымъ народомъ въ Россіи и по берегамъ Средиземнаго моря. И все таки норвежское побережье выше Бергена живетъ только треской, и жизнь въ сѣверномъ Финмаркенѣ была бы просто невысказима безъ этой рыбы.

Ловъ трески на Лофоденскихъ островахъ производится удочками, ярусами и сѣтями. Самые бѣдные рыбаки ловятъ треску обыкновенно удочкой, наживляя ее соленою сеledкой, кусками той же трески или ея внутренностями. Одинъ человекъ можетъ легко выловить болѣе 50 штукъ рыбы въ день. Ярусы, ряды веревокъ съ крючками, оставляютъ всю ночь въ морѣ, а утромъ ихъ вытягиваютъ и снимаютъ рыбу съ крючковъ.

Сначала трескѣ отрѣзываютъ голову, потомъ вынимаютъ печень и молоки. Головы и разные ничтожные остатки этой рыбы сбываютъ на фабрики гуано, устроенныя на Лофоденахъ, или ихъ сушатъ для корму скота. Молоки продаютъ мѣстнымъ купцамъ или солятъ въ бочкахъ съ отверстиями внизу для стока рассола. Печень трески покупаютъ хозяева заводовъ для добыванія жиру, но чаще рыбаки сами выдѣлываютъ изъ нея тресковое сало. Самую рыбу или развѣшиваютъ и сушатъ, обращая ее въ штокфишъ, или отдають ее на соляные суда, гдѣ ее и просаливаютъ.

Норвежскій народъ существуетъ не только ловлею сельдей и трески. Во всѣ времена года, по всѣмъ берегамъ страны, въ ея озерахъ и рѣкахъ ловятъ рыбу всевозможныхъ родовъ, и рыбная ловля въ Норвегійи составляетъ главный промыселъ, которымъ занято наибольшее количество рукъ. Между Бергеномъ и Тромзее чрезвычайно много ловятъ налимовъ и килекъ. Кильки тоже играютъ не послѣднюю роль въ продовольствіи края. Ихъ готовятъ отъ 40 до 50 тысячъ бочекъ. Кильку ловятъ, большею частью загораживая ей выходы изъ губъ чрезвычайно частыми сѣтями. Ее готовятъ почти такъ же, какъ и сельдь; большая часть этой рыбы остается въ Норвегійи для мѣстнаго употребленія и только очень немного отправляютъ въ Россію, Пруссію, Голландію и Гамбургъ.

Близъ Бергена вылавливаютъ также много макрелей. Ихъ ловятъ сѣтями и удочками, опуская сразу по двѣ и наживляя ихъ кусками краснаго сукна. При этомъ судно пускаютъ по вѣтру со всевозможною быстротою. Макрель съ жадностью бросается на эту приманку и становится добычею промышленниковъ. Судно съ пятью, шестью рыбаками въ одну ночь добываетъ до 3,000 штукъ; въ большой неводъ ее нерѣдко сразу попадаетъ болѣе 20,000 штукъ.

Не менѣе развита въ Норвегіи ловля омаровъ (морскихъ раковъ). Омары попадаютъ по всѣмъ берегамъ Норвегіи, но болѣе всего ихъ ловятъ жители провинцій, лежащихъ къ югу отъ Мольде-фіорда. Омары не только служатъ подспорьемъ въ продовольствіи страны, но вывозъ ихъ за границу даетъ ежегоднаго дохода до 250,000 рублей. Когда омары къ веснѣ приближаются къ берегамъ, для нихъ готовятъ оригинальную западню. «Корзины изъ пвы или корзинообразныя сѣти, растянутыя на обручахъ, въ которыхъ сдѣланы отверстія съуживающіяся книзу, спускаютъ на дно и вынимаютъ спустя нѣсколько часовъ; въ корзину владутъ приманку (сушеную рыбу или что нибудь подобное). Обыкновенно за омара длиною въ 5 вершковъ, съ двумя клешнями, платятъ отъ 7 до 8 копѣекъ. За омаровъ короче или съ одноклешнею даютъ половину этой цѣны. Большую часть омаровъ вывозятъ живыми, но въ нѣкоторыхъ городахъ ихъ высылаютъ за границу консервами, въ банкахъ, которыя герметически закупориваютъ. Попадаетъ также не мало краббовъ: они до того прожорливы, что на наживку, на которую бросится одинъ омаръ, краббовъ виѣпится, по крайней мѣрѣ, двадцать или тридцать сразу. Но они малоцѣнны. Самые крупные изъ нихъ на рынкахъ Бергена и Ставангера продаются отъ 1 до 1½ копѣйки. По всѣмъ берегамъ Норвегіи добываютъ также и креветокъ, принадлежащихъ къ тому же классу; ихъ впрочемъ употребляютъ только въ качествѣ наживки.»

Въ Норвегіи сильно развитъ также и промыселъ на акулъ. Въ сѣверныхъ округахъ Норланды и въ Финмаркенѣ съ этою цѣлю особенно много снаряжаютъ судовъ. «Жиръ акулъ, приготовленный на мѣстныхъ паровыхъ заводахъ, даетъ лучшее масло для освѣщенія и идетъ на кожевенное производство. Въ послѣднее время и туши ихъ не пропадаютъ даромъ,—ихъ сбываютъ на фабрики гуано. Лѣтній бой бѣлугъ, моржей, бѣлыхъ медвѣдей, оленей и тюленей на Шпицбергенѣ, несмотря на большія опасности, развивается здѣсь съ необычайною быстротою. Прежде на Шпицбергенѣ ходили голландцы, у которыхъ тамъ было большое селеніе, англичане, русскіе; теперь норвежцы насъ вытѣснили оттуда. Часто льды затираютъ суда, и промышленники по неволѣ остаются тамъ на зимовку. Нерѣдко норвежскія суда совсѣмъ гибнутъ, а спасшіеся люди остаются безъ всякой помощи на этихъ голыхъ островахъ. Но доходы этого промысла заставляютъ забывать объ опасностяхъ. Судно съ 7—8 промышленниками въ теченіи 6—10 недѣль успѣетъ собрать добычи отъ 5,000 — 7,000 рублей. Кромѣ охоты на Шпицбергенѣ собираютъ драгоценный гагачій пухъ и свозятъ его въ Норвегію до 800 пудовъ, что, по существующимъ на этотъ предметъ цѣнамъ, даетъ 120,000 рублей. Охота на Шпицбергенѣ, впрочемъ, далеко не имѣетъ такой важности, какъ тюлений промыселъ на островѣ Янгъ-Майенѣ въ Ледовитомъ океанѣ. Южная Норвегія снаряжаетъ для этого до двадцати пяти паровыхъ, обшитыхъ мѣдью и парусныхъ судовъ. Кромѣ того раннею весною норвежцы отправляются въ Новую-Землю бить моржей и тюленей».

Самый любимый норвежскій промыселъ — охота за китами. Въ борьбѣ съ китами — норвежцы на своемъ мѣстѣ: они являются въ высшей степени отважными и предприимчивыми. Этимъ промысломъ они занимались уже издавна и приобрѣли въ немъ много опытности. Еще кое гдѣ и теперь можно найти у прибрежныхъ жителей самострѣлы, которые они употребляютъ при ловлѣ китовъ. Если китъ заснетъ у берега, норвежецъ пускаетъ въ него стрѣлу. Животное медленно истекаетъ кровью и волны не рѣдко прибываютъ его далеко отъ того мѣста, гдѣ его настигла стрѣла. Однако по знаку, выжженному на ней, узнаютъ того, кто ее пустилъ, и ему выдаютъ извѣстную долю при дѣлежѣ выручки за кита.

Степанов

ХРИСТИАНІЯ.

Вѣшняя фязіономія города и его окрестности.—Университетъ и жизнь студентовъ.—Норвежская конституція.—Стортингъ.—Одельстингъ.—Латтингъ.—Права стортинга.—Значеніе короля и его veto.

Христианія, главный городъ и столица Норвегіи, имѣеть чрезвычайно красивое мѣстоположеніе и напоминаетъ собою южные города Геную и Неаполь. Городъ расположенъ въ глубинѣ Христианъ-фіорда, вдающагося въ страну на 12 норвежскихъ миль. Въ 1814 году въ немъ едва насчитывали 10,000 жителей, въ настоящее время ихъ болѣе 90,000. Долина, въ которой лежитъ Христианія, одна изъ самыхъ красивыхъ и плодородныхъ въ Норвегіи. Съ сѣвера городъ окруженъ, какъ амфитеатромъ, цѣпью холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ, хорошенькими вилами и богатыми крестьянскими дворами; съ юга онъ омывается заливомъ, который покрытъ безчисленными островами, парусами рыбачьихъ челноковъ, высокими мачтами чужеземныхъ фрегатовъ и кораблей, какъ военныхъ, такъ и купеческихъ. Городъ разбросанъ сравнительно на слишкомъ большомъ пространствѣ и не вездѣ правильно построенъ. Къ тому же онъ не имѣеть отпечатка всемірнаго города. Широкія улицы съ тротуарами прямы; дома по большей части двухэтажные, чистенькіе и почти всѣ каменные, чтобы противодѣйствовать пожарамъ. Путешественника, пріѣхавшаго сюда не только изъ столицы, но изъ большаго города, поразить тишина и отсутствіе толкотни на улицахъ. Буржуазная простота и обходительность — характерная черта жителей этой столицы свободныхъ крестьянъ. На главной улицѣ, которая пересѣкаетъ весь городъ отъ восточнаго вокзала до королевскаго замка въ западной части, построено теперь нѣсколько порядочныхъ отелей. Съ тѣхъ поръ, какъ Норвегія сдѣлалась вполнѣ самостоятельною, Христианія стала, какъ главный городъ страны, быстро развиваться. Такъ какъ въ Христианіи находится университетъ, происходятъ сѣзды представителей, сосредоточена торговля и управленіе страной, то все это возвысило благосостояніе и развитіе города.

Окрестности Христианіи красивы и представляютъ много возвышенныхъ пунктовъ, съ которыхъ открываются красивые виды. Лишь только вы выходите за городъ, передъ вами предстанетъ величественная природа Новергіи, съ ея разнообразными холмами, застроенными хижинами, съ безчисленными озерами, мелькающими между зеленыхъ равнинъ, и рѣками, чуть слышно катящими свои воды среди дремучихъ сосновыхъ лѣсовъ. Эти рѣки бываютъ обыкновенно запружены безчисленными сплавами лѣса, который отправляютъ въ отдаленныя мѣстности Норвегіи. Когда эти сплавы придутъ къ мѣсту своего назначенія, имъ дѣлають осмотръ и затѣмъ нанимають рабочихъ, которые уносятъ бревна на плечахъ или увозятъ на лошадяхъ на пильни. Но всего оригинальнѣе то, что число выданныхъ бревенъ записываютъ не на бумагѣ, а на спинахъ работниковъ мѣломъ, вмѣстѣ съ платою, которую слѣдуетъ получить каждому изъ нихъ за работу. Поэтому рабочіе страшно боятся прикоснуться къ стѣнѣ и съ величайшей бережностью совершенно сохранно доставляютъ эти странные письменные документы своимъ хозяевамъ, которые немедленно производятъ по нимъ расплату.

Въ двухъ миляхъ отъ Христианіи природа принимаетъ совершенно дикій и величественный характеръ. Передъ вами разстилается длинная гряда холмовъ и горъ съ самыми разнообразными вершинами. Дальше горъ не видно, но вся мѣстность представляется вамъ точно бурныя волны, застывшія по мановенію волшебнаго жезла. Между горами тянется равнина, окаймленная густымъ сосновымъ лѣсомъ. На всемъ этомъ пространствѣ не слышно ни звука человѣческаго голоса: до вашего слуха до-

таетъ только шумъ волнъ, ударяющихся объ утесы, шелестъ деревьевъ да крики хищныхъ птицъ.

Норвежцы, живущіе около Христіаніи, избрали своимъ мѣстопребываніемъ самую живописную мѣстность. Лилль-Фрогнеръ, съ возвышенныхъ пунктовъ котораго видѣнъ весь городъ, море и заливъ, усѣянный островами и разнообразными судами. Близъ Лилль-Фрогнера находится Боргенъ, а далѣе материкъ не заселенъ на довольно большое пространство. Недалеко отъ Лилль-Фрогнера и Боргена возвышается знаменитая между норвежцами гора Рингрингъ. Какъ объ этой горѣ, такъ и объ ея сосѣдкѣ—высокой и обрывистой горѣ Гаартколь, ходитъ въ народѣ множество поэтическихъ преданій. Въ хижинѣ каждаго норвежца вы услышите объ этихъ горахъ или рассказъ, или балладу, или пѣсню, которую поетъ дѣвушка, сидя за прялкой. Норвежскій мальчикъ такъ много слышалъ въ дѣтствѣ объ этихъ горахъ, что выросши онъ нерѣдко дѣлаетъ большой крюкъ, чтобы попасть въ Христіанію, а оттуда отправиться посмотрѣть на эти знаменитыя горы. Въ настоящее время это самое модное загородное мѣсто, на которомъ происходятъ всѣ публичныя гулянья и увеселенія. Если вы нѣсколько дней пробыли въ Христіаніи и ни разу не побывали на Рингрингѣ, васъ даже служителя гостинницы съ удивленіемъ спрашиваютъ, какъ вы могли утерпѣть, не побывавъ на знаменитой горѣ.

Гора Рингрингъ покрыта старыми, густыми соснами и пересѣкается на двѣ части расщелиной, въ которой сверкаетъ большое озеро, а за нимъ тянется равнина, по обыкновенію окаймленная цѣпью холмовъ, покрытыхъ дремучими лѣсами. Одна изъ возвышенностей этой горы называется Кофильдомъ (K. field—коровимъ прыжкомъ). Однажды, говоритъ народное преданіе, близъ этого мѣста жила бѣдная вдова, имущество которой заключалось въ одной коровѣ, которую она и берегла, какъ зеницу ока. Вдругъ однажды видитъ она на одной изъ возвышенностей Рингринга свою корову, преслѣдуемую огромнымъ медвѣдемъ. Вотъ, вотъ медвѣдъ достигнетъ свою жертву. Бѣдная старушка бросается на колѣни и горячо умоляетъ Бога спасти ея сокровище. Ея молитва услышана: въ то время, какъ она произносила послѣднія слова, корова сдѣлала съ вершины утеса отчаянный, но ловкій скачекъ, очутилась у ногъ своей колѣнопреклоненной хозяйки и начала вокругъ нея прыгать и радостно мычать. Голодный медвѣдъ, не желая упустить корову, послѣдовалъ ея примѣру; но онъ разбился въ дребезги объ гранитныя обломки, валявшіеся у подножія. Старуха весело привела домой свою корову и продала шкуру медвѣда съ большою выгодой. Съ этого дня утесъ, съ котораго прыгнула корова, стали называть Кофильдомъ.

Съ Гаартколемъ народное преданіе связываетъ еще болѣе поэтическія воспоминанія. На вершинѣ этой горы, какъ сказываетъ народъ, нѣкогда стоялъ замокъ, въ которомъ жилъ ярлъ съ своею единственною дочерью Сири-Сарою. Описывая ея необыкновенную красоту, норвежцы не скупятся на краски. «Никогда еще солнце Скандинавіи не согрѣвало своими лучами такой красавицы. Только утренняя заря могла поспорить съ нею своею свѣжестью; одно развѣ майское небо было голубѣе и пріятливѣе ея чудныхъ глазъ... Ни одному сѣверному скальду, въ самой длинной, сладковозвучной пѣснѣ не удалось высказать, сколько доброты, кротости и любви выражало ея лицо. Каштановыя кудри красавицы служили покровомъ ея дѣвической стыдливости, губки алѣли, какъ самыя рѣдкіе кораллы, и въ ихъ изгибахъ блестѣли зубы, какъ рядъ самыхъ отборныхъ жемчужинъ. Царевна скучала въ уединенномъ жилищѣ своего отца. Чтобы развлечься, она какъ серна прыгала съ камня на камень, часто спускалась въ долину и порхала по ней легче птички, веселая, беззаботная, возбуждая зависть цвѣтовъ, съ восторгомъ преклонявшихъ передъ нею свои дивныя вѣнчики». Однажды во

время прогулки красавица встрѣчаетъ юношу, таковаго же прекраснаго, какъ и она сама, но бѣднаго и незнатнаго. Она знала, что никакія просьбы не помогутъ ей убѣдить отца согласиться на бракъ съ человѣкомъ бѣднымъ и незнатнымъ, поэтому она тайно обвѣнчалась съ нимъ. Король скоро узналъ объ этомъ, гнѣвно потребовалъ ее къ себѣ и приказалъ ей объявить имя мужа и указать его жилище. Ни стоны, ни слезы, ни отчаянныя царевны не могли умиловить яра. Тогда Сири-Сара, не колеблясь, объявила, что никакія пытки не заставятъ ее выдать мужа. Разгнѣванный отецъ призывалъ слугъ, велѣлъ приковать непослушную тяжелыми цѣпями ко дну челнока и бросить ее въ озеро съ вершины утеса. Волны не пощадилъ красавицу. Она утонула, но норвежцы до сихъ поръ слышатъ, какъ глухое эхо волнъ въ своихъ перекатахъ постоянно повторяетъ ея имя. Они нерѣдко даже различаютъ ея стоны, мольбы и прощальныя слова любви, которыя она посылаетъ тому, за котораго отдала свою молодую жизнь.

Центръ просвѣщенія Норвегіи, норвежскій университетъ, находится въ Христианіи. Этотъ университетъ—учрежденіе новое. Прежде молодые люди, искавшіе высшаго образованія, должны были отправляться въ Германію и Францію. Въ концѣ XV вѣка и до самаго послѣдняго времени норвежская молодежь училась въ копенгагенскомъ университетѣ. Не говоря уже о томъ, что прожить внѣ родины нѣсколько лѣтъ чрезвычайно неудобно и невозможно для многихъ, но и характеръ датчанъ того времени, образовавшійся подъ французскимъ вліяніемъ, мало гармонировалъ съ наклонностями и привычками серьезныхъ норвежцевъ, всецѣло преданныхъ старинѣ. Наконецъ, въ 1811 году, Фридрихъ VI, король датскій, пожертвовалъ зданіе, бібліотеку и 300,000 франковъ на основаніе университета, остальное довершила національная подписка. Вотъ почему официально его до сихъ поръ называютъ университетомъ короля Фридриха. Теперь университетъ этотъ процвѣтаетъ; со всѣхъ концовъ Норвегіи собирается сюда трудящаяся молодежь; бібліотека его обогащается и количество учебныхъ пособій увеличивается съ каждымъ днемъ. Поддерживать этотъ университетъ при его основаніи было чрезвычайно трудно для норвежцевъ. Странѣ въ это время грозилъ страшный голодъ, торговля совсѣмъ почти остановилась, и между тѣмъ ни одинъ народъ не относился къ учрежденію такого заведенія съ такимъ рвеніемъ, какъ норвежскій. Добровольною подпискою, какъ между богатыми, такъ и между бѣдными, была собрана огромная сумма денегъ и около 1,000 тоннъ хлѣба.

Теперь въ норвежскомъ университетѣ 5 факультетовъ: богословскій, юридическій, медицинскій, естественно-математическій и историко-филологическій. Между профессорами, которыхъ около 45, есть люди, пользующіеся громкою извѣстностью. Число студентовъ при университетѣ короля Фридриха въ 1873 г. было немного болѣе 1,000 человѣкъ. Молодые люди, поступающіе въ университетъ, подвергаются экзамену: по родному и по древнимъ языкамъ, изъ одного новѣйшаго языка по собственному выбору, изъ закона Божія, изъ исторіи и географіи, изъ ариѳметики и геометріи. Имена студентовъ, выдержавшихъ вступительный экзаменъ, печатаютъ въ газетахъ съ означеніемъ балловъ. Высшимъ балломъ считается единица, потомъ идутъ 2, 3 и 4. Студенты Христианіи ничего не платятъ за слушаніе лекцій. Любимымъ ихъ развлеченіемъ служить клубъ, специально устроенный для студентовъ на средства, пожертвованныя родителями и людьми заинтересованными въ развитіи живой жизни въ университетѣ. Домъ клуба находится противъ самаго университетскаго зданія и прочно построенъ изъ камня, которымъ такъ изобилуетъ Норвегія. Этотъ клубъ занимаетъ весьма скромное помѣщеніе; въ немъ есть читальня, комната для бесѣдъ, для театра, для танцевъ, а также и ресторанъ, такъ что студенты могутъ проводить здѣсь хоть цѣлый день. Нор-

важные студенты народъ чрезвычайно скромный и тихій. Они прилежно работаютъ днемъ, но вечеромъ любятъ сойтись вмѣстѣ, пива выпить и спѣть нѣсколько любимыхъ національныхъ пѣсень, между которыми слѣдующая занимаетъ главное мѣсто: «Сыны Норвегій, древняго государства, пойте подъ торжественные звуки арфы. Пусть ваши голоса раздаются громко и величественно... Отечество, тебѣ посвящаемъ мы нашу пѣснь! При воспоминаніи о родинѣ нашихъ отцовъ, передъ нами возстаетъ славная память нашихъ предковъ! При одномъ твоёмъ имени, о, родина, бьются сердца и пылаютъ щеки твоихъ сыновъ, и они съ горячею любовью поютъ хвалу тебѣ».

Зданіе стортинга, въ которомъ собирается норвежскій парламентъ, поражаетъ своимъ простымъ стилемъ внутри и снаружи. Фасадъ его, украшенный двумя львами, обращенъ къ хорошему скверу и маленькому парку.

Норвегія имѣетъ чисто демократическое устройство; у нея независимая, самостоятельная конституція съ королемъ вмѣсто президента. Идея, выработанная французскою революціею 89 года, получили свое практическое примѣненіе на забытомъ, далекомъ сѣверѣ. Не смотря на то, что въ основу норвежской конституціи легли идеи 1789 г., она соблюла и выработала по отношенію къ королю и королевской власти самое почтительное отношеніе и формы выраженій. Стортингъ, или собраніе депутатовъ, избранныхъ народомъ, исключительно имѣющей законодательную власть въ странѣ, обыкновенно «умоляетъ» короля объ утвержденіи того или другаго закона. Между тѣмъ власть короля въ Норвегій весьма ограничена и онъ можетъ только дважды приостанавливать своимъ veto вновь принятый сеймомъ (стортингомъ) законъ. Если законъ проходитъ и въ 3-й разъ, то онъ получаетъ окончательную силу независимо отъ воли короля. Такимъ образомъ король имѣетъ возможность только нѣсколько замедлить ходъ дѣлъ, но не можетъ вліять на ихъ окончательное рѣшеніе. Когда появляется королевскій комиссаръ, президентъ встрѣчаетъ его и провожаетъ до дверей, а депутаты стоя выслушиваютъ королевское предложеніе. Не смотря на это, исторія норвежской конституціи даетъ самыя осязательныя доказательства того, что стортингъ всегда будетъ стоять на своихъ ногахъ и не уступитъ королю ни одной изъ своихъ обширныхъ прерогативъ. Мы только что упомянули о томъ, что король имѣетъ право въ Норвегій на время приостановить ходъ дѣлъ, или, другими словами, по норвежской конституціи король имѣетъ только *отлагательное veto*. Вслѣдствіе этого короли обыкновенно считаютъ себя преимущественно государями Швеціи, такъ какъ значеніе и авторитетъ ихъ въ норвежской конституціи не особенно высокъ. Къ тому же многіе изъ нихъ боялись, что демократическая конституція Норвегій будетъ имѣть слишкомъ много поклонниковъ въ Швеціи. Карлъ XIV сдѣлалъ однажды стортингу предложеніе *предоставить королю абсолютное veto*, т. е. чтобы безъ его согласія законъ ни въ какомъ случаѣ не могъ состояться. При этомъ онъ употребилъ все средства, чтобы убѣдить стортингъ въ необходимости исполненія его просьбы. Несмотря на это, предложеніе короля было отвергнуто стортингомъ. Еще большій ударъ былъ нанесенъ королевскому авторитету въ 1822 г. По норвежской конституціи (1814 г.) сказано: «*Впередъ* не должны быть даваемы титулы графовъ и бароновъ и никакія наслѣдственные преимущества». Однако уже существовавшіе титулы и привилегіи были оставлены. Понятно, что такое положеніе дѣлъ не могло долго продолжаться въ свободной странѣ: разъ конституція запретила *впередъ* давать титулы и привилегіи, она находила ихъ вредными, а если это такъ, то нелогично удерживать и существовавшіе. И дѣйствительно, не далѣе какъ черезъ годъ, стортингъ вострогалъ уничтоженіе титуловъ, привилегій и всѣхъ остатковъ дворянскихъ правъ. Король положилъ свое veto; но слѣдующій стортингъ подтвердилъ прежнее рѣшеніе. Король опять положилъ свое veto. Между тѣмъ, какъ мы уже говорили, по норвежской

конституціи, королевское veto имѣть силу только два раза, а если 3-й разъ стортингъ подтверждаетъ тотъ же проектъ, то онъ становится закономъ. Король чувствовалъ всю важность такой минуты; если проектъ пройдетъ, то этимъ будетъ нанесенъ ударъ королевскому авторитету и его значенію въ странѣ. Онъ употребилъ все возможное, чтобы вліять на стортингъ. Прежде чѣмъ собраться стортингу въ третій разъ, король самъ пріѣхалъ въ Христианію, объявилъ, что онъ соглашается на отжѣну всѣхъ тѣхъ прерогативъ дворянства, которыя были уничтожены въ 1814 г., но былъ противъ уничтоженія существовавшихъ титуловъ и привилегій. Онъ обращался къ представителямъ и къ обществу то съ просьбою, то съ угрозами и наконецъ придвинулъ шведскую армію къ границѣ, — все было напрасно: стортингъ почти единогласно (за исключеніемъ 3 голосовъ) объявилъ уничтоженіе не только преимуществъ, но и самого имени дворянства, — и такое рѣшеніе получило полную законную силу. И такъ норвежская конституція дастъ народу въ настоящее время почти республиканскую свободу. Въ Норвегіи совершенно не существуетъ различія передъ закономъ по сословіямъ, точно такъ же какъ въ ней фактически не существуетъ дворянства. Это политическое равенство провозглашено было въ странѣ, какъ мы только что упомянули, въ 1814 г.; при этомъ не только были уничтожены льготы дворянства, но и титулы, а также и маіораты. Впрочемъ иначе конституція не была бы демократической, такъ какъ маіораты создаютъ поземельную аристократію, которая обыкновенно имѣетъ большое вліяніе на управленіе страной. Въ Норвегіи же вся существеннѣйшая часть государственной власти въ рукахъ представителей народа. При этомъ свободѣ народа и его демократическимъ учрежденіямъ не грозитъ никакая опасность, такъ какъ они имѣютъ прочную основу въ народномъ образованіи. Трудно найти въ Европѣ другую страну, гдѣ бы первоначальное образованіе было такъ распространено, какъ въ Норвегіи.

Норвежская конституція, дѣйствующая въ настоящее время, была провозглашена народнымъ собраніемъ въ 1818 г. До этого времени Норвегія, сохраняя свою внутреннюю самостоятельность, была соединена съ Даніей. Но въ 1814 г. король датскій уступилъ свои права на Норвегію шведскому королю. Норвегія объявила себя отдѣльнымъ государствомъ, и тогда же сеймъ, собранный въ Эйдевольдѣ, начерталъ самую широкую конституцію. Норвегія не иначе согласилась соединиться съ Швеціею, какъ равная съ равнымъ, независимая съ независимымъ. Эйдевольдская конституція осталась во всей силѣ и до настоящаго времени, за исключеніемъ того, что въ нее отъ времени до времени вносятся новыя статьи. Напр., въ 1873 г., было уничтожено правило, по которому король могъ назначать шведа намѣстникомъ Норвегіи. Король Норвегіи тотъ же, что и въ Швеціи, т. е. Оскаръ II, который вступилъ на престолъ въ 1872 г., послѣ смерти своего брата Карла XV.

Законодательная власть вполне предоставлена палатѣ депутатовъ — *стортингу*, который ежегодно собирается въ Христианіи въ январѣ на 3 — 4 мѣсяца и состоитъ изъ 111 членовъ. Стортингъ состоитъ только изъ одной палаты, но она раздѣляется на 2 части: на *одельстингъ* и на *лагтингъ*. Депутаты выбираютъ изъ среды своей четвертую часть — это *лагтингъ*, остальные три четверти *одельстингъ*. Каждый тингъ засѣдаетъ и разсуждаетъ отдѣльно, но вся власть въ *одельстингѣ*: *лагтингъ* не болѣе какъ постоянная коммисія, имъ избранная. Сеймъ собирается самъ въ очередь, безъ королевскаго созыва, но въ случаѣ нужды король имѣетъ право созвать экстраординарный стортингъ. Проектъ закона, принятый *одельстингомъ*, переходитъ въ *лагтингъ*, который или принимаетъ его, или отвергаетъ съ изложеніемъ причинъ и замѣчаній. Когда какой нибудь проектъ отвергнутъ *лагтингомъ*, онъ снова поступаетъ въ *одельстингъ*, который или соглашается съ замѣчаніями *лагтинга*, — и тогда такой про-

эктъ откладывають въ сторону, или онъ не соглашается съ его мнѣніями, и тогда проектъ въ прежнемъ видѣ или нѣсколько измѣненный, поступаетъ опять на разсмотрѣніе лагтинга. Если лагтингъ и во второй разъ отвергаетъ проектъ, тогда оба отдѣленія стортинга соединяются въ общее засѣданіе, гдѣ вопросъ рѣшается большинствомъ двухъ третей голосовъ.

Трудно найти другой парламентъ, права котораго были бы такъ широки, какъ права стортинга. Онъ имѣетъ право: 1) издавать и отмѣнять законы; 2) устанавливать налоги; 3) совершать государственные займы; 4) наблюдать за финансами; 5) утверждать смѣту государственныхъ расходовъ; 6) опредѣлять ежегодно сумму на содержаніе двора, короля и членовъ королевской фамиліи; 7) требовать на разсмотрѣніе даже трактаты, заключаемые королемъ и т. п.

Норвежскій стортингъ — въ высшей степени дѣятельное, работающее собраніе. Рѣдко дѣла подвергаются такому внимательному, всестороннему разсмотрѣнію, какъ здѣсь, и разрѣшаются такъ правильно и точно. Засѣданіе стортинга носить на себѣ мирный отпечатокъ и только тогда становится оживленнымъ, когда дѣло идетъ о важныхъ вопросахъ. Обычай, существующій въ другихъ странахъ въ подобныхъ собраніяхъ, — прерывать оратора возгласами одобренія или порицанія — здѣсь вовсе не существуетъ. Поэтому президенту почти никогда не приходится лишать слова оратора или призывать собраніе къ порядку. Между депутатами стортинга сидитъ множество загорѣлыхъ людей изъ земледѣльческаго сословія, нерѣдко въ самыхъ допотопныхъ костюмахъ своихъ провинцій, которые идутъ прямо изъ засѣданія, гдѣ рѣшали вопросы государственной важности, къ своей скотинѣ, чтобы задать ей кормъ или запретить себѣ лошадей. Способъ подачи голосовъ самый простой. Встаютъ, когда утверждаютъ какое нибудь предложеніе, и сидятъ, когда его отвергаютъ. Нѣтъ ни лѣвой, ни правой стороны, ни министерской партіи, ни оппозиціи. Каждый членъ подаетъ голосъ согласно своему убѣжденію. Краснорѣчіе норвежское холодно; ораторы говорятъ просто, но съ достоинствомъ. Каждый говоритъ съ своего мѣста; зала слушаетъ оратора съ большимъ вниманіемъ, но, какъ мы уже сказали, безъ оживленія, порицанія или восторга.

Хотя по конституціи королю предоставлено право объявлять войну, но оно совершенно парализуется не только правомъ стортинга отказывать въ деньгахъ, но и одною изъ статей конституціи, по которой норвежская армія и флотъ не могутъ быть употреблены для наступательной войны иначе, какъ съ согласія стортинга. Мало того, власть короля ограничена даже и въ административномъ отношеніи: онъ можетъ увольнять по собственной волѣ только высшихъ гражданскихъ и духовныхъ сановниковъ и то не иначе, какъ выслушавъ напередъ объ этомъ мнѣніе государственнаго совѣта.

Ш В Е Ц І Я.

Природа страны — Скотъ.—Облаіе озеръ.—Шоненъ и Нормандъ; характеръ этихъ мѣстностей.

Въ этой странѣ вездѣ и всюду вы прежде всего встрѣчаете огромныя кучи сложенныхъ камней; даже посреди волнующихся хлѣбныхъ полей, точно рифы, торчатъ обнаженные скалы. Эти непрощенные гости постоянно напоминаютъ, что подь болѣе или менѣе тонкимъ слоемъ земли—каменное основаніе. Изъ скалистыхъ обломковъ, покрытыхъ мхомъ, возвышаются стройныя пихты. Корни деревьевъ не могутъ глубоко проникнуть въ каменистую почву и потому бури, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этой страны жестоко свирѣпствуютъ, легко ихъ выворачиваютъ. Очень часто гниющіе остатки пихтъ покрываютъ скалы, которыя прежде служили имъ подножіемъ. Какъ и въ Финляндіи, рѣки текутъ здѣсь по каменистому руслу, которое часто расширяется и образуетъ озеро, окруженное утесами.

Покрытая прежде моремъ, какъ большая часть странъ Европы, Швеція, по всѣмъ признакамъ, вышла изъ него въ болѣе поздній періодъ, такъ какъ она до сихъ поръ носитъ на себѣ первобытный характеръ морскаго дна. На огромныхъ пространствахъ является этотъ первобытный каменистый слой и противится разрушительному вліянію климата. Между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ скалы давно разсыпались и обратились въ землистую поверхность, которая способна къ обработкѣ, здѣсь повсюду торчатъ гранитныя, гнейсовыя и порфиоровыя скалы и образуютъ хаосъ, который приводитъ въ отчаяніе самаго энергичнаго труженика. Борьба съ этими скалами очень часто оказывается не только тяжелою, но просто невозможною, и ихъ опять оставляютъ нетронутыми на много лѣтъ, а можетъ быть и столѣтій. Пейзажъ, который въ Швеціи чаще всего представляется вашему взору, — необъятный хаосъ скалъ, растеній и деревьевъ вмѣстѣ. Мохъ, травы, папоротники и различныя мелкіе кустарники покрываютъ эту скалистую пустыню какъ бы сплошнымъ ковромъ, а надъ нимъ возвышается лѣсъ пихтъ, сосенъ, березъ и ольхъ. Этотъ растительный коверъ первобытнаго лѣса покрываетъ скалистые обломки почвы и такъ обростаетъ ихъ, что его можно отдѣлать только посредствомъ огня. Между деревьями возвышаются тамъ и сямъ гранитныя и гнейсовыя скалы фантастической формы. Иногда онѣ разбросаны по землѣ колоссальными обломками. Вотъ эту-то смѣсь скалъ, растеній и деревьевъ называютъ

здѣсь «скогомъ» (sk g). Войдите въ такой скогъ, и вы черезъ нѣсколько минутъ потеряете тропинку и заблудитесь. Здѣсь и тамъ вы попадете на дорожку, протоптанную пасущимся скотомъ, но она заведетъ васъ еще дальше въ чашу. Пробираясь сквозь эту путаницу скалистыхъ глыбъ и растеній, вы обрываете платье, царапаете лицо и наконецъ оставляете всякую попытку идти дальше. Такой скогъ покрываетъ всю страну, отъ волнистой равнины Шонена до пустынь Лапландіи. Культура является здѣсь изрѣдка, въ видѣ оазисовъ, всегда какъ контрастъ съ дикой лѣсной природой. Если бы вы посмотрѣли на Швецію съ извѣстной высоты, напр. съ воздушнаго шара, то, за исключеніемъ Шонена, Готскихъ равнинъ, и не многихъ другихъ мѣстъ, вы увидѣли бы сплошной, необытннй темно-зеленый коверъ и на немъ въ видѣ цвѣточковъ отдѣльныя голубыя, свѣтлозеленыя или желтыя пятнышки. Темнозеленый фонъ—это скогъ, состоящій изъ пихтъ, сосенъ и скаль, обросшихъ растительнымъ покровомъ; цвѣтки на немъ— голубыя озера и мѣста, обработанныя человекомъ, которыя лѣтомъ имѣютъ свѣтлозеленый цвѣтъ, а позднѣе желтый. Зимой, когда снѣгъ покрываетъ страну, картина нѣсколько мѣняется: скогъ остается такимъ же, только сдѣлался еще темнѣе, почти чернымъ; озера и обработанные клочки нельзя болѣе отличить другъ отъ друга: они покрыты теперь однообразнымъ бѣлоснѣжнымъ покровомъ.

Число озеръ такъ велико въ Швеціи, что только Финляндія можетъ превзойти ее въ этомъ отношеніи. Въ Зѣдерманландѣ существуетъ даже поговорка: «Когда Богъ отдѣлялъ сушу отъ воды, онъ забылъ о Зѣдерманландѣ». Нужно помнить, что на картахъ обозначаютъ только самыя большія озера; озерамъ же средней величины и маленькимъ здѣсь буквально нѣтъ числа. При путешествіи по этой странѣ безпрестанное появленіе этихъ водныхъ бассейновъ сначала изумляетъ иностранца, но черезъ нѣсколько часовъ онъ привыкаетъ къ нимъ и перестаетъ ихъ считать. Они всегда лежатъ посреди лѣса, простирающагося нѣсколько миль, окружены скалистыми вершинами, всегда отражаютъ голубое небо и великолѣпный вѣнокъ изъ зелени. По берегамъ этихъ безмолвныхъ, покойныхъ и уединенныхъ озерковъ растутъ камышъ и тростникъ, а между ними, точно большія лягушки, торчатъ темныя обломки скаль. Только изрѣдка у такого озера стоитъ домикъ, красныя стѣны котораго рельефно отражаются въ водѣ. Тамъ и здѣсь на берегу лежитъ маленькій челнокъ, въ которомъ жители привозятъ съ другаго берега скошенную траву, чтобы высушить ее около своего двора. Кругомъ такихъ озеръ—уединеніе и безмолвіе. Иногда надъ ними проносится чайка, гдѣ нибудь дятель стучитъ клювомъ въ кору дерева, бѣлка прыгаетъ съ вѣтки на вѣтку, изрѣдка пролетитъ ястребъ, испуганныя дикія утки поднимутся вверхъ и исчезнутъ. Вы не услышите здѣсь пѣнія птицъ, не увидите игры веселыхъ, шумныхъ ласточекъ; даже рѣдко слышно журчаніе ручейковъ: оно пропадаетъ въ необъятной пустынѣ.

Въ эту спокойную, молчаливую природу вступилъ человекъ и устроилъ себѣ жилище. Сначала онъ поселился тамъ, гдѣ лѣсъ покрывалъ обширныя и плодородныя равнины, близъ Упсалы, на богатыхъ лугахъ Готланда; потомъ сталъ мало по малу проникать далѣе и строить жилища среди мрачнаго скога. Трудности, съ которыми пришлось бороться этимъ первымъ пионерамъ культуры скога, не могутъ сравниться даже съ борьбою, какую пришлось преодолѣть первымъ американскимъ поселенцамъ. Главнымъ врагомъ водворенія человека въ новомъ свѣтѣ были непроходимыя лѣса; въ Швеціи это не считается даже большимъ препятствіемъ: деревья здѣсь срубаютъ или сжигаютъ; густой слой растительности, точно войлокомъ обтягивающій скалистую почву, какъ прежде, такъ и до сихъ поръ уничтожаютъ огнемъ. Поселенцы снимаютъ лопатомъ этотъ растительный покровъ, складываютъ его въ кучи и поджигаютъ. Огонь уничтожаетъ неплодородныя растенія, обращаетъ ихъ въ пепелъ, который въ свою очередь

удобряетъ почву. Когда все это сдѣлано, тогда только начинается самая трудная работа, — приходится уничтожить цѣлый лѣсъ скаль. Здѣсь уже не помогаютъ лопата и топоръ, необходимо взорвать порохоми, да и послѣ этого, чтобы удалить всѣ обломки, очистить и образовать слой земли, годный для посѣва, нужно еще работать много лѣтъ. Нерѣдко у поселенца не хватаетъ терпѣнья, но гораздо чаще ему нѣтъ рѣшительно никакой возможности производить работы и думать о будущемъ, забывая настоящее: онъ оставляетъ каменные глыбы посреди своего участка, бросаетъ сѣмена или садитъ картофель между ними, не трогаетъ съ мѣста полуобгорѣлаго пня дерева и огромнаго вывороченнаго камня страшной формы, которые торчатъ среди зеленаго хлѣба и придаютъ полю самый оригинальный видъ. Обломки скаль поселенецъ тщательно собираетъ и устраиваетъ изъ нихъ каменные валы, которыми онъ окружаетъ свои обработанные клочки земли, чтобы защитить ихъ отъ вторженія лѣсныхъ животныхъ и пасущихся стадъ. Часто подоженные стволы деревьевъ употребляютъ для деревяннаго забора; иногда такой заборъ ставятъ на каменный валъ и устраиваютъ себѣ двойную защиту. Такимъ образомъ шведскій поселенецъ живетъ на почвѣ, которую онъ самъ создалъ и которую онъ мало по малу отвоевываетъ у дикаго скога.

Только провинція Шоненъ, на крайнемъ югѣ Швеціи, представляетъ совсѣмъ другую картину. Шоненъ для этой страны то же, что Ломбардія для Италіи, — это цвѣтущій садъ, въ которомъ природа съ избыткомъ вознаграждаетъ трудъ человѣка. Южная Швеція, въ особенности провинція Шоненъ, представляютъ характеръ датскихъ острововъ. Обширная холмистая страна съ плодородными полями, здѣсь и тамъ лиственный лѣсъ, плоское морское побережье, окоймленное дюнами, все напоминаетъ Данію. Только изрѣдка, нѣсколько далѣе, внутри страны, поднимаются вершины выше средняго уровня или круто обрываются надъ моремъ. Большая часть жителей Шонена датскаго происхожденія, но теперь они сдѣлались настоящими шведами. И дѣйствительно, Шоненъ прежде принадлежалъ Даніи.

Окруженный моремъ, Шоненъ находится въ очень благоприятныхъ условіяхъ. Когда лѣто стоитъ теплое, въ Шоненѣ созрѣваютъ не только каштаны и грѣцкіе орѣхи, но даже персики, абрикосы и виноградъ, посаженный шпалерами. Земледѣліе достигло здѣсь высокой степени процвѣтанія. Великолѣпныя поля покрываютъ громадныя пространства, часто прерываемыя буковыми лѣсами, которые здѣсь растутъ такъ же роскошно, какъ и въ южныхъ странахъ Европы. Обыкновенно сѣютъ рожь, овесъ, ячмень, пшеницу и ленъ. Здѣсь много большихъ дворянскихъ имѣній и ихъ арендаторы живутъ чрезвычайно зажиточно.

Проѣзжая по этой мѣстности, вы часто встрѣчаете остатки церквей и монастырей, которые были основаны католическими орденами; они краснорѣчиво говорятъ намъ о томъ, что и въ древности Шоненъ былъ не менѣе заселенъ, чѣмъ теперь.

Городовъ въ этой провинціи, какъ и во всей Швеціи, особенно на сѣверѣ ея, чрезвычайно мало. Деревень тоже нѣтъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ: тутъ встрѣчаются богатыя помѣстья съ великолѣпными парками и замками и отдѣльные дворы шведскихъ крестьянъ, прерываемые роскошными нивами и лугами, богатство почвы которыхъ вошло въ пословицу еще въ древніе времена.

При воспоминаніи о Норландѣ не только иностранецъ, но даже и шведъ представляетъ себѣ снѣгъ, холодъ, сѣверное сіяніе, грозныя скалы, горы, медвѣдей, сѣверныхъ оленей. И дѣйствительно, большая часть этой провинціи занята высокими горами, пустынями и снѣжными равнинами. Горы высятся одиѣ надъ другими огромнымъ амфитеатромъ. Посреди ихъ, по долинамъ, текутъ быстрые потоки, съ прозрачною водою и съ шумомъ падаютъ безчисленные водопады. Норландъ — родина древнихъ исполиновъ,

о которых так краснорѣчиво повѣствуютъ саги. Лѣто здѣсь очень короткое. Въ нѣсколько недѣль все отцвѣтаетъ и созрѣваетъ, но непродолжительность теплаго времени выкупаютъ магическія, свѣтлыя ночи. Къ тому же погода лѣтомъ бываетъ довольно ровная, съ постоянно безоблачнымъ небомъ и умѣренными вѣтрами. Самый злой врагъ норландскаго земледѣлія—ранніе ночные морозы, извѣстные подъ названіемъ «железныхъ ночей», о которыхъ мы уже говорили при описаніи Норвегіи. Къ сожалѣнію, одна такая ночь часто разрушаетъ всѣ надежды земледѣльца и подвергаетъ всю мѣстность страшной нуждѣ на всю слѣдующую зиму. Нужно однако замѣтить, что далеко не всѣ части Норланда страдаютъ отъ этого бѣдствія. Къ тому же опустошительныя бури, сопровождаемыя градомъ, приносятъ жителямъ южныхъ мѣстностей Швеціи не меньше вреда. Въ Іемтландѣ въ хорошіе года созрѣваютъ даже яблоки и нерѣдко цвѣтутъ розы на открытомъ полѣ, особенно въ болѣе низменныхъ долинахъ Норланда. Почва почти вездѣ очень хороша, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже превосходнаго качества, а температура лѣтомъ въ Гернезандѣ (62³/₄° с. ш.) поднимается иногда до 30° по Цельсію, между тѣмъ какъ максимумъ для Лунда только на 4 градуса выше. Рожь собираютъ еще очень далеко на сѣверѣ; подъ 68° с. ш. созрѣваетъ ячмень, между тѣмъ какъ въ Азіи земледѣліе прекращается на 60°, а въ Америкѣ уже на 51°. Земледѣліе въ Норландѣ, даже въ южныхъ частяхъ его, принуждено бороться съ болѣе большими трудностями, чѣмъ въ средней Швеціи, не вслѣдствіе своей почвы, но прежде всего потому, что эта мѣстность лежитъ очень высоко надъ поверхностью моря, а именно отъ 800—1,000 и даже отъ 1.500—2,000 футовъ надъ поверхностью моря.

Лѣто здѣсь, какъ мы уже сказали, скоро смѣняется холодомъ и мракомъ, и наступаетъ долгая зима съ длинными ночами. Все лежитъ подъ безконечнымъ снѣжнымъ саваномъ, надъ которымъ блеститъ сѣверное сіяніе. Въ домахъ крестьянъ трещать тогда въ печахъ дрова, при свѣтѣ которыхъ мужчины и женщины прядутъ ленъ, повторяя древнія сказанія и пѣсни. При всѣхъ недостаткахъ, происходящихъ отъ сѣвернаго положенія, Норландъ все-таки можно по справедливости назвать прекрасною странюю. Въ этомъ уголку міра существуютъ мѣстности, которыя даже увлекательно хороши и совсѣмъ не имѣютъ, какъ это думаютъ даже шведы, гринландскаго характера. Кто любитъ величественныя ландшафты, пусть отправляется на красивый островъ Фрессъ, въ Іемтландѣ, лежащій посреди знаменитаго горнаго озера Сторсъ-Іёна. Съ вершины этого острова онъ можетъ насладиться чуднымъ горнымъ ландшафтомъ и увидитъ между прочимъ скалистую массу Арескутанъ, удаленную на 12 шведскихъ миль отъ острова, и вершина которой поднимается высоко надъ всѣми окружающими скалами, достигая высоты въ 4920 футовъ надъ уровнемъ моря. Арескутанъ представляетъ какъ бы передовую постъ норвежскаго міра скаль или исполинскія волны могучаго окаменѣлаго океана. Съ вершины его открывается видъ на 18 шведскихъ миль въ окружности.

Между скалами лежатъ большія, прозрачныя озера съ зелеными островами и живописными бухтами, или глубокія долины, окоймленныя лѣсами, по которымъ съ шумомъ текутъ могучія рѣки, характеризующія норландскія провинціи. Многія изъ этихъ долинъ по справедливости прославились своими замѣчательными красотами. Долина Солефтеа, на рѣкѣ Ангерманъ, считается самою красивою, и одинъ нѣмецкій путешественникъ говоритъ даже, что она превосходитъ красотю долины Рейна и Неккера, другой называетъ ее «Швейцарією Норланда». Рѣка Ангерманъ протекаетъ здѣсь по самой плодородной и въ то же время по самой живописной мѣстности всего Норланда. Последнее паденіе этой рѣки находится недалеко отъ церкви Солефтеа, расположенной посреди долины, окруженной на нѣсколько миль высокими горами съ тѣнистыми лѣсами, по склонамъ которыхъ расбросаны живописныя деревни. На сѣверной сторонѣ рѣки, горы

круто обрываются надъ водою и выдаются надъ нею. Рѣка течетъ здѣсь совершенно спокойно и на разстояніи 10 миль отъ моря, во внутрь страны, она судоходна даже для большихъ кораблей. Такъ какъ норландскія рѣки берутъ свое начало изъ озеръ, лежащихъ очень высоко, то понятно, что водопады, которые встрѣчаются здѣсь такъ часто, чрезвычайно величественны. Самый большой изъ нихъ водопадъ Ниомельзаскасъ, но онъ лежитъ уже въ долину Лулео (въ Лапландіи). Вода падаетъ въ немъ, съ высоты 400 ф., потокомъ въ 3500 ф. ширины. Шумъ этой падающей огромной массы воды слышенъ на нѣсколько миль въ окружности. Зимой водяные пары, поднимающіеся изъ глубины водопада, превращаются въ ледъ и образуютъ надъ верхнимъ уступомъ водопада чудный ледяной сводъ.

Итакъ, даже самыя отдаленныя мѣстности безлюднаго сѣвера норландской страны имѣютъ не мало привлекательнаго въ мрачномъ величіи природы, въ очаровательномъ короткомъ лѣтѣ безъ ночей, въ великолѣпнѣ зимнихъ ночей съ блескомъ звѣздъ и сѣвернаго сіянія, при безмолвіи неизмѣримыхъ лѣсовъ, богатыхъ дичью и звѣрями. съ ихъ безчисленными рѣками, къ которымъ лѣтомъ слетаются лебеди съ юга. Кромѣ охоты и рыбной ловли, страна эта славится обработкою льна, приготовленіемъ полотень и многими другими домашними производствами. Когда будетъ улучшено земледѣіе и лѣсоводство и облегчены пути сообщенія, эта провинція обѣщаетъ быть настоящимъ алмазомъ въ шведской коронѣ. Недостатокъ капиталовъ—главное препятствіе процвѣтанію этой страны. Баронъ Гермелинъ, умершій въ 1820 г., много способствовалъ ея оживленію. Онъ затратилъ весь свой капиталъ, чтобы провести здѣсь дороги, устроить фабрики, заводы, высушить болота и положить основаніе 130 колоніямъ. Его примѣру послѣдовали многіе и въ настоящее время здѣсь высушиваютъ торфяныя болота, проводятъ каналы, очищаютъ лѣса для земледѣлія, устраиваютъ рудники. Торговля лѣсомъ увеличивается съ каждымъ годомъ и она еще болѣе поднялась съ открытіемъ пароходства. Въ большихъ гаваняхъ Ботническаго залива построено множество складочныхъ мѣстъ и лѣсопильныхъ мельницъ, откуда можетъ прямо производиться отправка бревенъ и досокъ. Съ 1834 г. населеніе Норланда увеличилось на 58%. Вывозъ изъ этой страны въ 1873 г. достигъ суммы 222 милл. кронъ, что составляетъ 4-ю часть вывоза всей Швеціи. Къ сожалѣнію, даже шведамъ Норландъ мало знакомъ. Они смотрятъ на него, какъ на страну совсѣмъ нецивилизованную и неосвободившуюся еще отъ поклоненія языческимъ богамъ. Когда въ Стокгольмъ зимою пріезжаютъ караваны норландцевъ, широкоплечіе и сильные люди, которые привозятъ продавать огромные грузы дичи на своихъ саняхъ, запряженныхъ рослыми, черными лошадьми, то на нихъ сбѣгается смотрѣть множество народа. Если случается, что путешественникъ изъ южной Швеціи отправляется на сѣверъ, напр. хотя въ Іемтландъ, или молодая дѣвушка выходитъ замужъ и уѣзжаетъ туда съ мужемъ, то всѣ родные смотрятъ на нее съ величайшимъ сожалѣніемъ, точно она отправляется въ Калифорнію или на какой нибудь необитаемый островъ.

П Р А З Д Н И К И.

Канунъ Рождества и торжественныя приготовленія къ этому празднику.—Подарки.—Рождественскій старикъ и старуха.—Домовой и его значеніе для шведскихъ и норвежскихъ крестьянъ.—Рождественскія куклы и козель.—Святочныя игры, гаданія и удовольствія.—Обычай и суевѣрія.—День Св. Стефана.—Елка.—Канунъ новаго года.—Юноши съ Виллемской звѣздой.—Пасха.—Празднованіе перваго мая.—Весенній выгонъ скота.—Ивановъ день.

Въ Швеціи, въ Норвегіи и въ Даніи Рождество самый большой домашній праздникъ. Онъ продолжается въ теченіи двухъ недѣль безъ перерыва и въ это время испол-

няются только самые необходимые работы. Морозъ, который въ южныхъ странахъ загоняетъ людей въ комнаты, здѣсь сближаетъ жителей самыхъ отдаленныхъ долинъ. Сани летятъ по всѣмъ дорогамъ, молодые люди спѣшатъ на лыжахъ по горамъ и всѣ торопятся посѣтить друзей и родственниковъ, живущихъ въ наиболѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ, именно въ то время, когда снѣгъ и ледъ покрываютъ всю страну.

Рождество называется здѣсь «jul»; оно совпадаетъ съ праздникомъ зимняго солнцестоянія въ честь языческаго бога Одина. Какъ предки шведовъ, такъ и нынѣшніе жители Швеціи и Норвегіи вѣрятъ до сихъ поръ, что три дня, непосредственно предшествующіе Рождеству, должны быть особенно роковыми, потому что въ этотъ промежутокъ времени бываетъ моментъ, когда солнце и все движущееся въ природѣ становится неподвижнымъ. Наступленіе такого момента никто не знаетъ и предсказать не можетъ, но все, что начнетъ дѣлать человѣкъ въ такую минуту, кончится неудачей.

Къ празднику Рождества начинаютъ готовиться въ этихъ странахъ за цѣлый мѣсяць; убиваютъ свиней, готовятъ кровяныя колбасы и дѣлаютъ множество другихъ заготовленій изъ домашней птицы и муки. Шведы не скажутъ въ это время: надо приготовить эль, печенье, а непременно прибавятъ: рождественскій эль, рождественское печенье, т. е. самое лучшее, что только есть въ домѣ и такое, какое было бы достойно высокаторжественнаго праздника. Для варки рождественскаго эля выбираютъ даже особые снопы, изъ которыхъ и вымолачиваютъ зерно; тоже дѣлаютъ и для различнаго рождественскаго печенья.

Утромъ наканунѣ Рождества крестьянинъ, его сыновья и мужская прислуга, если она есть, дѣлаютъ запасъ «рождественскихъ дровъ». Они распиливаютъ ихъ на гладкія и ровныя полѣнья и складываютъ подъ длинной скамьей, которая тянется вдоль всей комнаты. Это, конечно, дѣлается отчасти для того, чтобы не работать во время праздниковъ, но болѣе всего потому, что всѣ предметы, приготовленные къ Рождеству и оставшіеся у хозяина послѣ праздника, становятся священными для его семьи и имъ приписываютъ чудотворную силу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такимъ образомъ заготовленные дрова и соевѣмъ не трогаютъ во время праздниковъ, а употребляютъ ихъ послѣ для освѣщенія комнаты.

Съ праздниками Рождества связано множество обычаевъ и примѣтъ. Наканунѣ праздника скотъ выводитъ на пойло гораздо раньше обыкновеннаго, — это дѣлается для того, чтобы впослѣдствіи убрать жатву во время. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ страны въ этотъ день дѣлаютъ мѣломъ крестъ на двери хлѣва, дома и пристроекъ, надѣясь такимъ образомъ отогнать злыхъ духовъ. Въ очень многихъ мѣстностяхъ существуетъ обычай садить въ этотъ день возлѣ дома молодыя сосны, очищая ихъ отъ коры и вѣтвей почти до самой верхушки, въ другихъ же мѣстностяхъ болѣе чѣмъ на половпну. Нерѣдко эти сосны не только очищаютъ отъ коры и вѣтвей, но и подстригаютъ самымъ фантастическимъ образомъ. Въ день праздника ихъ сплошь заноситъ снѣгомъ.

По понятію шведа, все живое въ мірѣ должно радоваться въ этотъ день и потому каждый изъ нихъ старается удѣлить въ сочельникъ что нибудь для бѣдныхъ: онъ раздаетъ имъ хлѣбъ, свѣчи, чтобы они могли провести праздникъ безъ особенной нужды. Передъ закатомъ солнца даже самый бѣдный изъ крестьянъ привязываетъ къ шести снопу немолотаго хлѣба и ставитъ его на кровлю дома. Этотъ обычай поддерживаетъ существованіе воробьевъ и маленькихъ птичекъ, которымъ безъ этого грозила бы голодная смерть. Дворовую собаку, большую частью прикованную день и ночь къ своей вонурѣ, тоже выпускаютъ на свободу въ этотъ вечеръ, такъ какъ всякая тварь, по понятію шведа, должна въ этотъ день радоваться и пользоваться свободой. Пока мужчины заняты всѣми этими приготовленіями, женщины хлопочутъ дома: чистятъ и моютъ

поль и посуду и такъ убираютъ комнату, что она черезъ нѣсколько часовъ получаетъ чрезвычайно оригинальный видъ. Къ потолку прибаваютъ куски полотна, а надъ столомъ привѣшиваютъ родъ короны или вѣнца изъ соломы, къ которому прикрѣпляютъ доскутки зеленой, красной и голубой матеріи. Передній уголъ комнаты украшаютъ холстомъ, на которомъ нарисованы, или какъ нибудь иначе изображены, сюжеты изъ св. писанія: рожденіе Спасителя, три волхва, бракъ въ Канѣ и т. п. Поль посыпаютъ вѣтками можжевельника или мелко изрубленнымъ ельникомъ, что тотчасъ распространяетъ пріятный запахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ употребляютъ для этого ржаную солому. Простой народъ думаетъ, что этотъ обычай установленъ въ память рожденія Спасителя въ хлѣву, — въ дѣйствительности же, вѣроятно, это остатокъ языческихъ временъ. Впрочемъ и ученые не могутъ сказать ничего опредѣленнаго о его происхожденіи. Какъ бы то ни было, шведскіе крестьяне приписываютъ рождественской соломѣ чудодѣйственную силу: они посыпаютъ ею бесплодныя поля, надѣясь на обильную жатву будущаго года.

У стѣны, на длинномъ шестѣ, вывѣшена лучшая одежда и бѣлье всего семейства. Освѣщенные «рождественскимъ огнемъ», эти вещи не могутъ быть тронуты молью.

Мѣдная, оловянная и вся домашняя утварь блеститъ чистотой въ этотъ день и разставлена на полкахъ въ наилучшемъ порядкѣ.

По окончаніи всѣхъ этихъ приготовленій, женская половина семьи, за исключеніемъ самой хозяйки, занятой домашними хлопотами, отправляется въ хлѣвъ угостить скотъ самымъ лучшимъ и обильнымъ кормомъ, какой только имѣется въ домѣ. При этомъ, подавая кормъ, обращаются съ словами въ родѣ слѣдующихъ: «вотъ тебѣ на сочельникъ, моя коровушка», «а это тебѣ, радуйся празднику». Въ то же время раздаютъ животнымъ угощенье, состоящее изъ остатковъ послѣ стола. Когда такимъ образомъ распределена всѣмъ животнымъ праздничная пища, начинается туалеть: на каждое животное надѣваютъ новую шлею или ярмо. «Иначе», говорятъ шведы, «если бы тварь могла говорить, она сказала бы: пусть лучше змѣя обовьется вокругъ моей шеи, чѣмъ старая шлея въ сочельникѣ».

Кстати прибавимъ, что, когда женщины входятъ въ хлѣвъ, то онѣ стараются въ точности замѣтить, въ какомъ положеніи онѣ найдутъ животныхъ. Если скотина лежитъ, то это служитъ признакомъ, что слѣдующая жатва будетъ обильная; если же она на ногахъ — предвѣстникъ большаго неурожая. Прежде чѣмъ уйти изъ хлѣва, въ ясли кладутъ нѣсколько волосковъ, вырванныхъ изъ шкуры только что убитаго медвѣдя, для того, чтобы хищные звѣри не тревожили скотъ въ слѣдующее лѣто. Изъ хлѣва отправляются въ конюшню, гдѣ лошадямъ даютъ отборное сѣно и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже эль, чтобы онѣ бодрѣе бѣжали въ слѣдующее утро, когда семья отправится къ заутренѣ. Въ этотъ день не забываютъ ни одно животное, — каждое изъ нихъ получаетъ что нибудь лакомое и необычайное; даже курамъ даютъ кашницу изъ бѣлой муки или риса, приготовленную на молокѣ.

Когда питаніе животныхъ, уборка комнатъ и имущества окончены, вся семья отправляется въ баню, всегда стоящую особнякомъ.

Возвратившись домой, зажигаютъ огонь изъ сухихъ лучинъ и освѣщаютъ еще комнату нѣсколькими свѣчами необыкновенно большихъ размѣровъ, изъ которыхъ одна бываетъ съ тремя или даже съ четырьмя развѣтвленіями. Усѣвшись за столъ и напившись кофею, начинаютъ обмѣниваться подарками, — у бѣдныхъ въ скромныхъ размѣрахъ, у богатыхъ — на широкую ногу. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этотъ обмѣнъ подарковъ совершается въ первый день Рождества. Смотри по мѣстности,

это дѣлается различно. Иногда, когда семейство сидитъ за столомъ, вдругъ дверь открывается и въ нее вбрасываютъ связку сѣна или соломы съ подаркомъ внутри. Дверь захлопнулась, но въ комнату никто не вошелъ и только на полу лежитъ связка соломы, а иногда большой бумажный букетъ или просто пакетъ. Молодые дѣвушки бросаются къ нему и начинаютъ развертывать его. Самый подарокъ бываетъ иногда вернуть въ множество пакетовъ и бумагъ, на страницахъ которыхъ можно прочесть какіе нибудь стихи или загадочныя поздравленія; при этомъ авторъ никогда не обнаруживаетъ своего имени. Вся семья начинаетъ читать, разсматриваетъ подарокъ и дѣлаетъ предположенія, отъ кого бы онъ могъ быть. Въ другихъ мѣстностяхъ это совершается еще гораздо болѣе оригинально. Вдругъ у самой комнаты зазвонилъ звонокъ, затѣмъ дверь быстро открывается и въ нее входятъ двѣ фигуры въ маскахъ и одѣтыя самымъ потѣшнымъ образомъ. Одна изъ фигуръ представляетъ «Рождественскаго старика» (Jul Gubbe), другая «Рождественскую старуху» (Jul Käring). Старикъ держитъ въ рукахъ колокольчикъ, въ который и звонитъ, чтобы извѣстить о своемъ приближеніи; старуха держитъ въ рукахъ большую открытую корзину, наполненную множествомъ запечатанныхъ свертковъ. Она раздаетъ ихъ лицамъ, которымъ они предназначены, и въ этомъ случаѣ, такъ же какъ и въ первомъ, прежде чѣмъ увидѣть подарокъ, получающему приходится развернуть его изъ нѣсколькихъ бумагъ и прочесть множество стихотвореній и посланій безымянныхъ авторовъ. Когда подарки розданы и «Рождественская пара» затворила за собою двери, начинается настоящее веселье. Нужно замѣтить, что шведскіе крестьяне вообще большіе любители музыки и многіе изъ нихъ съ большимъ искусствомъ играютъ на скрипкѣ. Каждый большой праздникъ или канунъ его открывается музыкой и танцами. Безъ пляски и музыки шведская молодежь не можетъ представить себѣ праздника. Народные танцы здѣсь очень многочисленны и разнообразны. Говорятъ, что ихъ насчитываютъ въ Швеціи до сорока. У нихъ много древнихъ танцевъ, которые они пляшутъ не только съ припѣвами, но и съ пѣснями, сопровождаемыми своего рода представленіями. Одинъ танецъ, напр., изображаетъ ухаживаніе молодого человѣка за дѣвушкою; она встрѣчаетъ его сначала отказомъ, а затѣмъ принимаетъ.

Также многочисленны и разнообразны игры, которыми забавляются крестьяне въ Рождественскій сочельникъ и другіе праздничные вечера. Молодые дѣвушки вдругъ наклоняются къ полу и начинаютъ связывать пучки изъ рождественской соломы, которою онъ устланъ, и затѣмъ подбрасываютъ ихъ въ потолокъ. Смотря потому, сколько пучковъ останется на стропилахъ, столько у нихъ будетъ поклонниковъ въ эти праздники. Въ это время отецъ молодыхъ дѣвушекъ тоже гадаетъ, только о другомъ. Онъ сидитъ на обручкѣ дерева и кто нибудь изъ его дѣтей или его жена кладутъ ему на колѣни пучекъ соломы; онъ выдергиваетъ изъ него соломинку за соломинкой и бросаетъ ихъ въ потолокъ. Чѣмъ больше соломинокъ останется на потолкѣ, тѣмъ больше у него будетъ сноповъ ржи въ слѣдующую осень. Надоѣло гадать, и молодежь устраиваетъ изъ рождественской соломы фигуру, нѣсколько напоминающую куклу, и ставитъ ее на полъ. Одинъ изъ присутствующихъ ложится на полъ, головою къ куклѣ, старается схватить ее ногами и приподнять съ земли. Если это не удастся, то всѣ начинаютъ острить надъ нимъ и смѣяться, намекая на то, что онъ передъ этимъ, вѣроятно, черезъ чуръ угостился. Въ сѣверныхъ провинціяхъ Швеціи эти соломённые куклы называются «Ювами». Двое мужчинъ, широко разставивъ ноги, становятся другъ къ другу спиною. Передъ однимъ изъ нихъ ставятъ маленькую фигуру изъ соломы. Другой держитъ въ рукахъ палку, которую онъ продвѣваетъ между своими ногами и ногами своего противника, и затѣмъ спрашиваетъ: «дома ли Ювъ?» Они ведутъ

другъ съ другомъ потѣшные разговоры, которые забавляютъ всю публику, и наконецъ, получивъ утвердительный отвѣтъ, одинъ изъ нихъ старается опрокинуть напкой соломеннаго Іова. Тотъ, который стоитъ ближе къ куклѣ, употребляетъ всѣ усилія, чтобы предупредить это.

Другая игра не менѣе комична. Къ потолку на веревкѣ прикрѣпляютъ тяжелую дубину, которая не достаетъ до земли только на нѣсколько дюймовъ. Человѣкъ ложится спиною на полъ такимъ образомъ, чтобы дубина приходилась надъ его грудью. Игра состоитъ въ томъ, что онъ одной рукой долженъ держать кувшинъ и въ то время, когда онъ начнетъ изъ него пить пиво, мѣрно кружить другою рукою висящую надъ нимъ дубину. Если это ему не удастся, то его заставляютъ въ видѣ наказанія осушить до послѣдней капли второй кувшинъ пива, что впрочемъ едва ли особенно мучительно для шведскихъ крестьянъ, готовыхъ выпить при всякомъ удобномъ случаѣ.

Не мало тѣшить собравшуюся компанію рождественская старуха. Ее изображаетъ обыкновенно юноша, навьюченный до такой степени юбками, что онъ кажется одинаковыхъ размѣровъ въ ширину и въ длину. Такимъ образомъ разряженная старуха, расхаживая по комнатѣ взадъ и впередъ, отвѣшиваетъ книскены то одному; то другому.

Но болѣе всего въ восторгъ приводитъ «рождественскій козель», который появляется не только наканунѣ Рождества, но и во время всѣхъ рождественскихъ праздниковъ. Одинъ изъ юношей изображаетъ «рождественскаго козла». Онъ весь скрытъ подъ шкурами съ метлой вмѣсто хвоста. Голова и хвостъ двигаются съ помощью веревокъ или скорѣе палокъ, которыя держитъ юноша, и все зависитъ отъ ловкости, съ которою онъ распоряжается ими. У козла нерѣдко бываютъ рога и его торжественно вводятъ въ комнату два человѣка и затягиваютъ длинную незамысловатую пѣсню, краткое содержаніе которой можно передать такимъ образомъ: «Добрый вечеръ, дѣвочки и парни; мы привели рождественскаго козла такъ скоро, какъ только могли; когда мы нашли его близъ горной тропинки, онъ трясъ своей головой въ странной ярости.» Затѣмъ эти люди дѣлаютъ видъ, что убиваютъ козла, который въ ту же минуту падаетъ на землю; тогда они продолжаютъ пѣть: «одинъ изъ насъ угрожалъ ему; другой нанесъ сильный ударъ. Рождественскій козель убитъ и распростертъ на землѣ». При словахъ пѣсни: «тутъ козликъ вскочилъ, тряхнулъ всѣмъ на смѣхъ бороною и ударилъ своимъ лбомъ о стѣну», козель вскакиваетъ съ земли и своими прыжками и бѣгстней кругомъ комнаты возбуждаетъ смѣхъ и веселье всей компаніи.

Въ 11 часовъ, когда всѣ уже устали, садятся за ужинъ, предъ которымъ всегда читаютъ молитву. Чѣмъ богаче хозяинъ, тѣмъ болѣе различныхъ яствъ увидите вы за столомъ. Но богатъ онъ или бѣденъ, у него непременно за этимъ ужиномъ свиная голова и столъ украшенъ продолговатымъ короваемъ, называемымъ «Jul Galt» или «рождественскій вепръ», вѣроятно въ память вепря, нѣкогда приносимаго въ жертву богу Фрею. Тамъ и здѣсь на столѣ груды «Jul Brod» т. е. большихъ и толстыхъ ржаныхъ лепешекъ, специально испеченныхъ къ этому празднику. Эти лепешки и продолговатый коровай должны оставаться на столѣ нетронутыми до окончания праздника, послѣ чего они дѣлаются какъ бы освященными и ихъ употребляютъ при разныхъ напастяхъ. На столѣ во время этого ужина раскладываютъ деньги, разставляютъ серебрянныя чарки и всю лучшую посуду крестьянина, не для того только, чтобы почтить наступающій высокоторжественный праздникъ, но для того, чтобы «рождественскій огонь» сохранилъ эти вещи въ продолженіи года и умножилъ ихъ. Во время этого ужина очень долго сидятъ: много подаютъ кушаній, а въ особенности

зля и картофельной шведской водки. Послѣ ужина опять возобновляются танцы, игры и гаданія. На сколько веселятся крестьяне въ подобныхъ случаяхъ, достаточно видно изъ припѣва старой пѣсни: «У крестьянъ законъ и обычай пить всю эту ночь на пролетъ, пить и забывать все горе, забывать, что ждетъ его завтра». Прежде чѣмъ идти спать, хозяйка ставитъ на столъ закрытый кувшинъ «Angla öl», т. е. «эль для угощенія ангеловъ». Она не забываетъ также и «старика домового», «Tomte Gubbe». Этотъ домовой, по понятіямъ шведовъ, живетъ среди людей и если онъ поселится въ какомъ нибудь домѣ, гдѣ встрѣчаетъ ласковый приемъ, то онъ охраняетъ его всѣми силами. Чтобы задобрить его и заручиться его покровительствомъ, ему оставляютъ на ночь «рождественскую кашу», немного табаку или что нибудь изъ одежды; все это кладутъ на очагъ или на полъ житницы, такъ какъ предполагаютъ, что эти мѣста наиболѣе посѣщаются домовыми. Такого домового шведъ представляетъ себѣ не иначе, какъ маленькаго роста, но въ то же время онъ непременно старикъ. Одѣвается онъ въ сѣрый камзолъ изъ домашней шерстяной матеріи, носить панталоны до колѣнъ, грубые башмаки и ходить всегда въ красномъ ночномъ колпакѣ. Онъ приноситъ большое счастье семейству, въ которомъ поселится, но для того, чтобы ему понравиться, нужно соблюдать величайшую бережливость и опрятность и неусыпно ухаживать за домашними животными. Домовой любитъ, чтобы въ домѣ былъ за всѣмъ хорошій уходъ, но домашнія животныя находятся подъ его особымъ покровительствомъ. Онъ очень трудолюбивъ, и впродолженіи лѣта и осеннихъ мѣсяцевъ люди нерѣдко видятъ, какъ онъ относитъ на мѣсто поднятый съ земли колосъ или соломинку. Въ этихъ случаяхъ онъ идетъ очень медленно и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, останавливается, чтобы перевести духъ, какъ будто несетъ величайшую тяжесть. Говорятъ, что одинъ крестьянинъ, встрѣтивъ жившаго у него «Tomte Gubbe» съ такой легкой ношей, грубо замѣтилъ ему: «Какая польза изъ того, что ты принесешь мнѣ такую бездѣлицу?» Этотъ вопросъ такъ оскорбилъ домового, что онъ вскорѣ послѣ того переселился въ другое мѣсто. Крестьянинъ, жившій до этого въ полномъ довольствѣ, теперь впалъ въ нищету, между тѣмъ какъ бѣдный бобыль, въ домъ котораго переселился домовой, быстро разбогатѣлъ. Изъ всего этого видно, что «Tomte Gubbe» играетъ важную роль въ жизни шведа. По его понятіямъ, когда человекъ рубитъ дрова, то онъ держитъ топоръ, но срубаетъ дерево домовой. Когда лошадь или другое домашнее животное имѣетъ хорошій видъ, то все это приписываютъ маленькому человѣчку.

Съ Рождественской ночью связано и множество другихъ предрасудковъ. Вся семья должна спать въ эту ночь подъ одной кровлей, а дѣти на постели изъ «рождественской соломы», потому что младенецъ Іисусъ лежалъ на соломѣ во время пребыванія своего въ Вифлѣемѣ. Передъ сномъ башмаки всего семейства должны быть собраны и поставлены въ одно мѣсто, чтобы между ними господствовало единодушіе. Если къ утру одинъ изъ башмаковъ окажется лежащимъ на полу, то это вѣрный признакъ, что въ теченіи года будетъ покойникъ въ домѣ. Огарки «рождественскихъ свѣчей» тщательно берегаютъ до слѣдующаго Рождества, потому что они имѣютъ особенно цѣлительное свойство: быстро вылечиваютъ растрескавшіяся руки, ноги, губы и больное вымя коровы. Въ Рождественскую ночь бродитъ много злыхъ духовъ. Въ пустынныхъ и поросшихъ верескомъ мѣстахъ можно видѣть въ эту ночь вѣдьмъ, ѣдущихъ на волкахъ, свиньяхъ, метлахъ и т. п. Онѣ отправляются на веселый шабашъ, который устраиваютъ въ пещерахъ горъ, гдѣ онѣ пляшутъ, поютъ и бражничаютъ всю ночь.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швеціи въ Рождественскую ночь съ незамятныхъ

время существуетъ обычай отправляться въ таинственное путешествіе, во время котораго человѣкъ увидить и услышитъ то, чего никогда не увидить и не услышитъ въ другое время. Но прежде чѣмъ отправиться въ такое путешествіе, необходимо приготовить себя надлежащимъ образомъ. Отправляющійся еще за день или за два до этого не долженъ принимать пищи, не долженъ видѣть дневнаго свѣта и никакого живаго существа и провести время въ совершенномъ постѣ и уединеніи до той самой минуты, когда онъ начнетъ свое странствованіе. Для этого одни изъ такихъ путешественниковъ еще за три дня прячутся въ темный погребъ; другіе за день или за два зарываются на сѣновалѣ въ сѣнѣ; нѣкоторые считаютъ достаточнымъ, если они будутъ воздерживаться отъ пищи въ продолженіи одного дня, но какой бы искусь они на себя ни наложили, во время поста никто изъ нихъ не долженъ видѣть огня или по крайней мѣрѣ, видѣть только тотъ огонь, который добудетъ посредствомъ своего кремня и огнива. Иначе можетъ произойти великое горе.

Человѣкъ, рѣшившійся отправиться въ такое путешествіе, не долженъ никому говорить объ этомъ; когда онъ выйдетъ на дорогу, онъ не долженъ оглядываться назадъ, замѣчать поклоны знакомыхъ, отвѣчать на вопросы. Еще пущая бѣда ждетъ его, если онъ, увидѣвъ или услышавъ что нибудь необычайное, засмѣется или испугается. Что бы онъ ни встрѣтилъ, онъ долженъ продолжать свой путь степенно и въ глубочайшемъ молчаніи.

Странникъ обыкновенно отправляется изъ дому не задолго до полуночи и долженъ возвратиться до заутрени. Онъ прежде всего отправляется къ кладбищу, и если въ скоромъ времени случится какая нибудь зараза или моръ, то онъ увидитъ здѣсь работающихъ могильщиковъ и похоронныя процессіи. Подходя къ какому нибудь дому, странникъ долженъ тихонько постучать въ дверь и спросить: «умретъ ли здѣсь кто нибудь?» И если въ домѣ находится человѣкъ, которому суждено умереть, то онъ самъ даетъ на это утвердительный отвѣтъ. Если же смерть не посѣтитъ жилища въ теченіи года, то ему отвѣтитъ «нѣтъ», и это случается безразлично, спятъ или бодрствуютъ находящіеся въ домѣ люди.

Во время странствованія въ эту ночь придется увидѣть удивительныя вещи. Если слѣдующая жатва будетъ обильная, то странникъ услышитъ звукъ серпа или косы, какъ это бываетъ во время жатвы и косьбы; увидитъ крошечныхъ людей, несущихъ съ полей большіе снопы хлѣба, мышей, влекущихъ возы, тяжело нагруженные сѣномъ и т. п. Но если, напротивъ, жатва будетъ скудная, то на поляхъ онъ увидитъ мало народу; меньшіе снопы, пустые возы, запряженные волами, и жнецовъ, печально сидящихъ у дороги. Если странѣ грозитъ война, то изъ лѣсу будетъ раздаваться звукъ топора, по дорогѣ будутъ разѣзжать взадъ и впередъ вооруженные люди и издали будетъ доноситься жалобный крикъ зуюкъ.

Если человѣкъ въ теченіи семи лѣтъ каждый годъ отправляется въ такое путешествіе, то въ послѣднюю ночь, на седьмой годъ, онъ увидитъ человѣка верхомъ, у котораго изо рта пышетъ огненное пламя и который въ зубахъ держитъ руническую таблицу; если онъ столько ловокъ и смѣлъ, что бросится на наѣздника и вырветъ у него таблицу, то сдѣлается такимъ мудрымъ, что въ состояніи будетъ отвѣчать на всякій предложенный ему вопросъ, а также видѣть, что дѣлается на 18 футовъ подъ землею. Если онъ будетъ продолжать свои странствованія, то на девятый годъ, поздно ночью на кладбищѣ, онъ увидитъ множество карликовъ съ заколдованными шапками. (Эти шапки бываютъ двухъ родовъ: одна дѣлаетъ невидимкою человѣка, который ее носитъ, другая, напротивъ того, дѣлаетъ видимымъ для человѣка, носящаго ее, все то, что невидимо для другихъ). Эти крошечныя существа бѣгаютъ, играютъ и выкидываютъ между

собой до того смѣшныя штуки, что трудно удержаться отъ смѣха. Но если странникъ разсмѣется, всѣ труды его пропадаютъ даромъ. Если карлика не удастся разсмѣшить странника, то они стараются испугать его страшными видѣніями. Когда человекъ остается ко всему равнодушнымъ, т. е. ничто въ мірѣ не можетъ устрашить или разсмѣшить его, то передъ заутренней карлики удаляются и одинъ изъ нихъ оставляетъ на мѣстѣ заколдованную шапку. Человекъ, получившій такимъ образомъ руническую таблицу и заколдованную шапку, становится великимъ «рѣдуномъ»; всѣ скрытыя вещи открыты ему, и онъ не имѣетъ надобности пускаться вновь въ такое таинственное и тяжелое странствованіе.

Почти повсемѣстно въ Швеціи и Норвегіи распространено вѣрованіе, что мертвые встаютъ въ это время изъ могилы и посѣщаютъ свои бывшія жилища. Вслѣдствіе этого наиболѣе трусливые стараются быть дома въ эту ночь и затягиваютъ танцы и игры до самаго поздняго часу, чтобы остаться наединѣ съ собою уже въ то время, когда мертвецы не могутъ ходить.

Въ Рождество всякій считаетъ своею обязанностью быть у заутрени, которая начинается очень рано утромъ, а въ иныхъ мѣстахъ даже за нѣсколько часовъ до разсвѣта. Въ земледѣльческихъ округахъ жители отправляются въ церковь съ горящими факелами въ рукахъ, что производитъ особенно живописное зрѣлище тамъ, гдѣ нѣсколько семействъ идутъ вмѣстѣ. Недалеко отъ церкви они сбрасываютъ свои факела въ одну кучу и изъ этого образуется яркій костеръ, освѣщающій не только церковныя стѣны, но и всю окружающую мѣстность.

Внутренность церкви ярко освѣщена, потому что кромѣ многочисленныхъ восковыхъ свѣчей у алтаря, кафедръ и въ канделябрахъ, у каждой скамьи горитъ нѣсколько свѣчей. Полъ церкви устланъ вѣтками можжевельника или ельникомъ. Богослуженіе въ этотъ день совершается почти точно такъ же, какъ и въ обыкновенное время, только духовенство въ торжественномъ облаченіи, въ длинныхъ широкихъ бѣлыхъ ризахъ съ большимъ золотымъ крестомъ на спинѣ.

Послѣ церкви шведы проводятъ очень скромно первый день, исключительно въ своей семьѣ, въ чтеніи религиозныхъ книгъ и въ пѣніи псалмовъ.

Двадцать шестаго Декабря, въ день св. Стефана, мужчины и женщины собираются въ «Lek Stuga», домъ, который содержится подпиской и гдѣ чрезвычайно весело проводятъ время въ танцахъ, играхъ и увеселеніяхъ, подобныхъ тѣмъ, какія были у насъ описаны. Впрочемъ эти забавы въ день св. Стефана начинаются нѣсколько иначе, чѣмъ наканунѣ Рождества. Вотъ какъ это происходило еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ восточной Готландіи. Четыре молодыя дѣвушки въ бѣломъ, съ вѣнцами на головахъ изъ блестокъ и мишуры, а часто просто и въ бумажныхъ вѣнцахъ, входятъ въ комнату; двѣ изъ нихъ несутъ угощеніе, а двѣ другія маленькую елочку, которая воткнута въ чанъ съ землею и украшена множествомъ зажженныхъ свѣчей, пестрыми лентами и т. п. Эту елку ставятъ посреди комнаты, четыре дѣвушки становятся вокругъ и начинаютъ пѣть: «Во славу нашему хозяину и хозяйкѣ; здѣсь явился горящій кустъ; его несутъ надъ собою двѣ дѣвушки, — дѣвушки нашей родной деревни. Теперь кустъ этотъ растетъ безъ корня, съ зеленой верхушкой и вѣтвями. Господь да благословитъ нашего хозяина и хозяйку и ниспослетъ имъ всякое благополучіе».

Наканунѣ новаго года вся семья собирается обѣдать въ кухнѣ, поэтому она вычищена въ этотъ день и убрана, какъ только возможно. Однако, собравшись, никто не садится за столъ, а каждый, одинъ за другимъ, обмакиваетъ свой кусокъ «рождественскаго хлѣба» въ огромную кастрюлю, въ которой варится на огнѣ свинина — очень жирное кушанье, которое шведы такъ любятъ. Думаютъ, что этотъ обычай очень

древній и установленъ въ память кабана (или вепря), котораго приносили въ жертву богу Фрею, когда жрецы, какъ и при другихъ жертвенныхъ празднествахъ, варили мясо заколотыхъ жертвъ въ огромныхъ котлахъ, прежде чѣмъ раздавать его народу.

Нарожденіе новаго мѣсяца «Nyet» въ новомъ году съ незапамятныхъ временъ обращало на себя особенное вниманіе народа и потому съ нимъ связано множество различныхъ предзнаменованій. До самаго послѣдняго времени можно было видѣть какъ люди обращаясь къ вновь народившемуся мѣсяцу (Nyet), повторяли слова несомнѣнно очень древняго происхожденія: «Добро пожаловать, новый король. Добро пожаловать, господинъ, — съ зерномъ и плодами, со свиной и мясомъ, съ хорошимъ осеннимъ урожаемъ».

Тринадцатый день послѣ Рождества совпадаетъ съ шестымъ январемъ и установленъ въ память явленія звѣзды на востокъ и поклоненія Спасителю трехъ царей. Въ католическія времена этотъ праздникъ встрѣчали съ большимъ торжествомъ и различными церемоніями и процессіями. Три священника въ царскихъ одеждахъ отправлялись процессіей въ церковь, въ сопровожденіи многочисленной свиты, несшей предварительно собранные подарки. Входя въ храмъ, одинъ изъ священниковъ указывалъ жезломъ на звѣзду, давая этимъ знать, что именно тутъ нужно поклониться Спасителю. И надъ алтаремъ дѣйствительно видѣлась звѣзда, съ большимъ искусствомъ и блескомъ освѣщенная восковыми свѣчами. «Кого вы ищите?» спрашивали вошедшихъ стоящіе тутъ два священника. «Новорожденнаго младенца Иисуса», было имъ отвѣтомъ. Затѣмъ отдергивали занавѣсъ, за которымъ былъ младенецъ, всѣ падали передъ нимъ ницъ въ знакъ поклоненія и подносили ему дары.

Мало по малу этотъ древній обычай католической церкви на столько измѣнился, что священники, вмѣсто того, чтобы собирать даяніе прихожанъ въ церкви, завели такой порядокъ, что стали сами въ полномъ облаченіи ходить въ дома прихожанъ и собирать деньги. Обычай древней католической церкви, поклоненіе волхвовъ, переняли впоследствии школьники. Въ настоящее время они ходятъ съ Виолеемской звѣздой не только на двѣнадцатый день Рождества, но каждый день въ продолженіи всѣхъ святокъ до 13-го января.

Вотъ какъ это теперь происходитъ въ Швеціи. «Stjern Gossar», такъ называютъ юношей, которые обходятъ деревню съ «Виолеемской звѣздой». Ихъ бываетъ челоуѣкъ 5, 6. Трое изъ нихъ изображаютъ трехъ царей или волхвовъ съ востока. Они одѣты въ бѣлую длинную одежду, доходящую до земли, которая перехвачена красной лентой. Черезъ правое плечо одѣта тоже лента, но уже другаго цвѣта; лентой перевязана и правая рука. На головѣ бумажные вѣнцы изъ золотой и серебрянной бумаги. Четвертый юноша, звѣзда царь, одѣтъ такимъ же образомъ, только его головной уборъ болѣе высокъ и блестящъ, чѣмъ у остальныхъ. Какъ показываетъ названіе, онъ несетъ «Виолеемскую звѣзду». Эта «Виолеемская звѣзда» ничто иное какъ фонарь въ формѣ шестиугольной звѣзды; онъ сдѣланъ изъ разноцвѣтной бумаги и освѣщенъ одной или нѣсколькими восковыми свѣчами. Эта звѣзда надѣта на длинную палку и устроена такимъ образомъ, что можетъ постоянно оборачиваться кругомъ. Пятый юноша изображаетъ Иуду, — въ рукахъ у него кошелекъ. Онъ наряженъ въ звѣриную шкуру, мѣхомъ вверхъ, а на головѣ у него рогатая шапка изъ черной бумаги. Шестой мальчикъ изображаетъ царя Ирода. Онъ съ большей развѣвающейся бородой, съ деревяннымъ мечемъ, привѣшеннымъ сбоку, и въ двуконечной шапкѣ изъ бѣлой бумаги.

Мальчики, одѣтые такимъ образомъ, странствуютъ изъ дома въ домъ и входя каждый разъ затягиваютъ хоромъ пѣсню: «Добрый вечеръ, господа и госпожи; хозяинъ съ

хозяйшкой будьте веселы; радостнаго Рождества желаемъ мы вамъ; Господь да оградитъ васъ отъ всякаго зла въ этотъ день».

Затѣмъ мальчики продолжаютъ свое пѣніе, при чемъ въ плохихъ стихахъ рассказываютъ о томъ, какъ Марія отправилась въ Вифлеемъ, какъ родила божественнаго младенца, какъ волхвы представили свои дары и т. п.

Когда мальчики пропѣли въ стихахъ всѣ рассказы священной исторіи изъ времени рожденія Спасителя, тогда Іуда обходитъ присутствующихъ, собирая деньги, хлѣбъ, свѣчи и все, что ему дадутъ на «Вифлеемскую звѣзду». Послѣ этого они затягиваютъ хоромъ прощальную пѣсню: «Спасибо, добрые люди, за ваши дары; всякій милостивый даръ будетъ отмѣченъ на небѣ; веселаго Рождества желаемъ мы вамъ; добрая ночь, добрая ночь и большимъ, и малымъ».

Въ числѣ различныхъ увеселеній, которыми забавляется народъ 6-го января, существуетъ оригинальный обычай въ Далеккарліи, въ приходѣ Лима. Обычай этотъ называется: «взять себѣ крещенскую жену». Когда вся компанія соберется въ «Lek Stuga», о которой было говорено выше, то вдругъ во время танцевъ музыка внезапно прекращается, запираютъ двери и выбираютъ изъ среды собравшихся двухъ распорядителей игры. Эти распорядители приказываютъ женщинамъ стать въ кругъ, а мужчинамъ размѣститься рядами у стѣны. По данному знаку музыка начинаетъ играть и снова начинаются танцы. Черезъ нѣсколько минутъ распорядитель громкимъ голосомъ приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ мужчинъ, какъ женатыхъ, такъ и холостыхъ, «выбрать себѣ жену среди танцующихъ женщинъ». Тогда завязывается настоящая схватка между мужчинами, при чемъ нѣкоторые желаютъ овладѣть одной и той же женщиной или дѣвушкой. Когда выборъ сдѣланъ, каждый изъ мужчинъ обязанъ обнять и поцѣловать свою временную подругу и протанцевать съ нею. Послѣ этой пляски брачный союзъ расторгается и возобновляются обычные танцы съ прежнимъ весельемъ. Та женщина, которая никѣмъ не будетъ выбрана въ этотъ вечеръ въ «крещенскія жены», въ теченіи всего года подвергается изъ-за этого упрёкамъ и насмѣшкамъ своихъ знакомыхъ.

Наканунѣ Пасхи также идутъ большія увеселенія. Куда бы ни пошли въ этотъ день, вы со всѣхъ сторонъ услышите выстрѣлы изъ огнестрѣльнаго оружія. Кромѣ того зажигаютъ костры на холмахъ и пригоркахъ. Нѣкоторые объясняютъ обычай этого дня стрѣлять изъ огнестрѣльнаго оружія и зажигать огни желаніемъ отогнать злыхъ духовъ, которые въ это время, какъ и въ Рождественскій сочельникъ, становятся особенно дѣятельными. Ученые же говорятъ, что эти костры имѣютъ нѣкоторую связь съ огнями, нѣкогда зажигаемыми среди лѣта, во время праздника въ честь Бальдера, бога солнца.

Въ этотъ вечеръ каждый непременно ѣстъ молочную рисовую кашу, а также груто сваренныя яйца. Это дѣлается на томъ основаніи, что яйцо считается символомъ воскресенія; хотя оно, какъ говорятъ шведы, повидимому безжизненно, но въ немъ кроется зародышъ жизни, который, сбросивъ земную оболочку, вознесется вверхъ въ видѣ птицы.

Первое мая—великій народный праздникъ въ среднихъ и южныхъ провинціяхъ Швеціи. Его справляютъ еще наканунѣ вечеромъ. Костры, которые зажигаютъ высѣканіемъ двухъ кремней, горятъ тогда на всѣхъ холмахъ и пригоркахъ. Въ каждомъ приходѣ можно видѣть отъ 20 до 30 такихъ огней. Къ нимъ со всѣхъ сторонъ стекается молодежь обоего пола, образуя вокругъ ихъ круги. Если компанія многочисленна, то иногда можно видѣть два и три круга одинъ въ другомъ, которые танцуютъ до поздней ночи. Пока молодежь забавляется такимъ образомъ, старики переходятъ отъ одного костра къ другому, подмѣчая, въ какую сторону направляется огонь и четное или не-

четное число костровъ въ той или другой мѣстности. Этимъ способомъ они надѣются угадать, какая будетъ весна, холодная или теплая, ранняя или поздняя.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швеціи существуетъ въ этотъ вечеръ обычай собираться для празднованія приближенія весны. Для этого парни и дѣвушки, держа въ рукахъ сорванные березовыя вѣтки, съ деревенскимъ скрипачемъ во главѣ, ходятъ изъ дому въ дому съ пѣніемъ майскихъ пѣсенъ, главное содержаніе которыхъ состоитъ въ молитвѣ о хорошей погодѣ для посѣва, объ обильной жатвѣ, о земныхъ и небесныхъ благахъ. При пѣніи послѣдняго стиха всѣ снимаютъ шапки и поднимаютъ глаза къ небу. Затѣмъ музыканты переходятъ въ другой тонъ и начинаютъ пѣть молитву Господню, переложенную на стихи. Хозяева подаютъ пѣвцамъ яйца, хлѣбъ и другіе подарки. Въ томъ домѣ, гдѣ ихъ хорошо приняли, они втыкаютъ въ крышу надъ дверью дома зеленую вѣтку.

Такимъ образомъ они странствуютъ всю ночь до утра; когда они посѣтятъ послѣдній домъ, они поютъ сами себѣ прощальную пѣсню и затѣмъ расходятся по домамъ.

Если въ первый день мая стоитъ хорошая погода, то его проводятъ въ уличныхъ увеселеніяхъ и играхъ, имѣющихъ нѣкоторое отношеніе къ приближенію весны. Иногда студенты Упсальскаго университета справляютъ первое мая, представляя въ лицахъ цыганскій таборъ, крестьянскую свадьбу, а однажды они съ большою торжественностью устроили похороны отходящей зимѣ. По окончаніи церемоніи была произнесена блестящая, остроумная рѣчь, которая впрочемъ была переполнена намеками на лица и событія, имѣющія только мѣстный интересъ. Надгробная рѣчь «надъ правителемъ снѣжныхъ странъ кавалера ордена снѣжной сохи» была впоследствии напечатана.

Главную роль въ увеселеніяхъ перваго Мая играютъ, какъ и всегда въ Швеціи, музыка и танцы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ танцуютъ въ этотъ день особый танецъ. Юноши становятся въ большой кругъ; они попарно складываютъ свои руки, на которыя садится дѣвушка, опираясь своими руками на плечи обоихъ кавалеровъ, а иногда и обнимая того и другого за шею. Музыка играетъ польку или какой нибудь другой веселый мотивъ и танецъ начинается. Юноши мѣрно качаютъ свою ношу, то поднимая, то опуская ее подъ тактъ музыки. Между тѣмъ дѣвушки перебрасываются между собой платками, завязанными въ узелъ, — что даетъ поводъ къ нескончаемому смѣху и веселью.

У дѣтей идетъ свой особый пиръ. До его начала они съ опасностью жизни достали изъ сорочьихъ гнѣздъ яйца и птенцовъ; сложили все это въ большую корзинку и, переходя изъ дома въ домъ, поютъ такую пѣсню: «Вамъ поклонъ отъ господина и госпожи сороки, отъ всѣхъ ихъ лицъ и всей мелюзги; дайте имъ милостыню, хотя небольшую, курицъ и цыплятъ, лицъ и всего; добыча, вѣрьте, достанется сорокѣ». И дѣтямъ, дѣйствительно, выносятъ яицъ, ветчины, молока и другихъ домашнихъ припасовъ для «Maj Gille», т. е. «майскаго пиршества». Все, что соберутъ, дѣти относятъ въ одинъ изъ домовъ, гдѣ для нихъ готовятъ угощеніе изъ собранныхъ ими припасовъ.

Съ днемъ перваго мая связано множество суевѣрій. Такъ напр. вѣдьмы посылаютъ донить крестьянскихъ коровъ. Поэтому скотъ въ этотъ день запертъ на скотномъ дворѣ и его обкуриваютъ сѣрой; тамъ же, гдѣ его выпускаютъ на пастбище, его сопровождаетъ самъ крестьянинъ, такъ какъ онъ можетъ лучше дѣтей защитить скотъ отъ злыхъ духовъ. Когда животныхъ пригоняютъ домой, ихъ тщательно осматриваютъ и если съ однимъ изъ нихъ случилась какая нибудь бѣда, то все это, разумѣт-

ся, приписываютъ вѣдьмамъ и надъ пострадавшимъ высѣваютъ огонь изъ двухъ крестней, который долженъ оградить отъ дурныхъ послѣдствій.

Когда въ первый весенній день послѣ томительной зимы скотъ выгоняютъ на пастбище, — этотъ день съ незапамятныхъ временъ былъ большимъ народнымъ праздникомъ въ Швеции. Онъ справляется въ различное время, смотря по погодѣ, но большею частью около половины мая. Празднество начинается еще наканунѣ тѣмъ, что повсюду зажигаютъ огни, надеясь такимъ образомъ предохранить скотъ на все лѣто отъ дикихъ звѣрей. Къ тому же, желая отогнать звѣрей какъ можно дальше отъ своихъ стадъ, парни разбѣгаютъ всю ночь по лѣсу, стрѣляя изъ ружей, трубятъ въ рога и производятъ всевозможный шумъ. Рано утромъ пастухъ, сумка котораго въ этотъ день полна вкусной закуской, отправляется съ своимъ стадомъ въ лѣсъ и тамъ, куда пасется скотъ, украшаетъ его рога листьями и цвѣтами. Въ это время онъ долженъ сдѣлать себѣ палку изъ горной ясени, такъ какъ это дерево обладаетъ разными чудесными свойствами. Въ его отсутствіе дѣвушки рвутъ цвѣты и плетутъ изъ нихъ гирлянды или вѣнки, которыми и украшаютъ свои ворота. Когда въ полдень пастухъ возвращается со скотомъ, то снимаетъ вѣнокъ съ воротъ и прикрѣпляетъ его къ концу своей палки. Важно шествуя во главѣ своего стада, онъ торжественно несетъ эту палку передъ собою. Его встрѣчаютъ жители всей деревни и провожаютъ на скотный дворъ. Каждое животное привязываютъ къ яслямъ, навязываютъ на шею колокольчикъ и, если какая нибудь изъ коровъ не имѣетъ еще прозвища, то, ударяя ее три раза по спинѣ ясеновой палкой, громко произносятъ имя, которое хотятъ ей дать: «Майская Роза», «Камешекъ», «Снѣжинка», «Божья коровка», «Милая» и другія не мѣше поэтическія прозвища. Скоту въ этотъ день задаютъ самый лучший кормъ и всѣ присутствующіе садятся за праздничный обѣдъ на скотномъ дворѣ.

Весною скотъ сначала пасутъ по близости деревни, но черезъ нѣсколько недѣль, когда трава подрастаетъ, по крайней мѣрѣ въ сѣверныхъ частяхъ страны, его выгоняютъ на «Säter», т. е. выгонъ. Каждая деревня владѣетъ однимъ или нѣсколькими выгонами, которые находятся иногда за нѣсколько миль отъ жилищъ крестьянъ, и оставляютъ тамъ скотъ на все лѣто. Эти небольшіе выгоны разгорожены обыкновенно на нѣсколько участковъ и на каждомъ изъ нихъ находится такъ называемая «Säter Stuga», или хижина, служащая временнымъ жилищемъ для дѣвушекъ, которыя пасутъ скотъ. Ихъ занятія въ продолженіи лѣта очень разнообразны. Онѣ не только пасутъ скотъ, но готовятъ сыръ, масло, исправляютъ разныя домашнія работы. Когда наступитъ время сѣнокоса, онѣ убираютъ и кладутъ въ стога сѣно и дѣлаютъ огромный запасъ на зиму вѣниковъ для скота. Эти дѣвушки, чтобы развлечься, а отчасти, чтобы пугать волковъ и медвѣдей, то и дѣло оглашаютъ лѣсъ своими криками и пѣснями. Отъ времени до времени онѣ трубятъ въ пастушескій рогъ, который издастъ здѣсь протяжные, но чрезвычайно мелодичные звуки, производящіе сильное впечатлѣніе, когда они раздаются среди дикаго, пустыннаго лѣса. Однако часто ни крики дѣвушекъ, ни ихъ пѣсни, ни мелодичные звуки рога, ничто не останавливаетъ голоднаго волка и онъ дерзко выхватываетъ животное изъ стада. При этомъ дѣвушки выказываютъ замѣчательную храбрость; какъ онѣ вступаютъ въ борьбу съ хищными животными, какъ онѣ выхватываютъ жертву почти изъ пасти, обо всемъ этомъ существуетъ здѣсь множество разсказовъ. И дѣйствительно, лишь одна изъ нихъ замѣтитъ звѣря и закричитъ, дѣвушки бросаются прямо на него, вооруженныя одной палкой. И въ то время, когда свирѣпое животное расправляется со своей жертвой, онѣ обрабатываютъ его бока своими палками. Нерѣдко имъ приходится дорого поплатиться за свою смѣлость.

Эти дѣвушки убѣждены, что волковъ и медвѣдей не слѣдуетъ называть своими

именами, а имъ необходимо давать клички, иначе они будутъ нападать на скоть. Вслѣдствіе этого, говоря о нихъ, употребляютъ ласкательныя имена; волка называютъ «Молчаливый», «Сѣрыя ноги», «Золотые зубы», а медвѣдя «Старикъ», «Дѣдушка», «Золотыя ноги», и пр.

Осенью, когда жатва окончена и поля могутъ служить хорошими пастбищами, скоть перегонаютъ обратно въ деревню.

Ивановъ день также соблюдается шведскою церковью. Хотя праздникъ этотъ установленъ въ память Крестителя, но думаютъ, что начало его, какъ Рождество, Пасха и др., коренится въ празднествѣ древнихъ скандинавовъ. Справедливо это или нѣтъ, неизвѣстно, но до сихъ поръ шведы и норвежцы держатся въ этотъ день многихъ языческихъ обычаевъ и суевѣрій. Наканунѣ Иванова дня комнаты убираютъ зелеными вѣтвями и цвѣтами; полы посыпаютъ ельникомъ или можжевелникомъ; въ саду и кругомъ дома сажаютъ сосны и устраиваютъ небольшія бесѣдки. Это дѣлаютъ и городскіе жители. Въ Стокгольмѣ наканунѣ Иванова дня устраиваютъ «Лиственный рынокъ», гдѣ продаютъ не только зеленыя вѣтки и букеты цвѣтовъ, но и майскіе шесты, украшенные цвѣтами, полосками цвѣтной бумаги и золоченой яичной скорлупой. Наверху такихъ шестовъ флюгеръ, который вертится во все стороны.

Вечеромъ въ канунъ Иванова дня, какъ и въ большей части странъ, зажигаютъ огни на холмахъ и до сихъ поръ сохранился обычай не только плясать вокругъ этихъ огней, но и прыгать черезъ нихъ.

«Майскій шестъ», украшенный деревенскими дѣвушками, поднимаютъ подъ звукъ музыки и выстрѣловъ изъ ружей и несутъ его съ большимъ торжествомъ ставить гдѣнибудь подлѣ дома. Послѣ этого опять музыка и танцы, которые заканчиваются ужиномъ.

Ночь передъ Ивановымъ днемъ самая таинственная въ цѣломъ году. Если къ костру подойдетъ какое нибудь животное, народъ убѣжденъ, что въ его образѣ явился никто иной, какъ самъ нечистый. Въ эту ночь, такъ же какъ и въ Рождественскій сочельникъ, смѣльчаки пускаются въ таинственное странствованіе, о которомъ было уже говорено выше.

Свадьба.

Когда сватовство окончено, то, прежде чѣмъ обвѣнчаться, женихъ и невѣста въ Швеции непременно совершаютъ обрядъ обрученія. Приглашаютъ родныхъ, друзей и въ присутствіи собравшихся обмѣниваются кольцами и берутъ другъ друга за руки для удостовѣренія въ неизмѣнной вѣрности. Въ это время присутствующіе кладутъ свои руки на руки обрученныхъ: это служитъ свидѣтельствомъ торжественнаго обязательства, взятаго на себя женихомъ и невѣстой. Затѣмъ пожимаютъ руки обручившимся, все подходятъ къ нимъ, поздравляютъ и желаютъ счастья. Если при этомъ присутствуетъ священникъ, какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ, то обрученіе получаетъ законную форму и можетъ быть расторгнуто только по взаимному согласію. Если одна изъ сторонъ воспротивится этому, то приходится подавать аппеляцію въ духовный судъ, что въ Швеции дѣлается очень медленно и сопряжено съ большими издержками.

Когда обрядъ конченъ, женихъ даритъ своей невѣстѣ въ числѣ другихъ вещей непременно молитвенникъ съ вытѣсеннымъ на переплетѣ золотымъ сердцемъ и нѣкоторыми изреченіями изъ библіи, подобранными къ данному случаю.

Бракъ совершается обыкновенно спустя нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда даже и лѣтъ. Вѣнчаніе можетъ происходить не только въ церкви, но его очень часто устраиваютъ въ домѣ родителей невесты, въ домѣ священника, или въ какомъ нибудь другомъ зданіи. Но гдѣ бы ни происходилъ этотъ обрядъ, онъ приноситъ съ собою много хлопотъ и къ нему начинаютъ готовиться за нѣсколько мѣсяцевъ. Свадебныя пиршества продолжаются нѣсколько дней, и такъ какъ на нихъ, даже у бѣдныхъ людей, собираются до ста человѣкъ родни и знакомыхъ, то, казалось бы, онѣ должны быть сопряжены съ большими издержками. Но въ дѣйствительности это не такъ. Правда, хозяинъ, дочь котораго выходитъ замужъ, долженъ приготовить порядочный запасъ напитковъ, напечь множество хлѣбовъ и свадебныхъ короваевъ, убить скотину, но всего этого было бы весьма недостаточно для большаго количества гостей и для пира, который длится иногда цѣлую недѣлю. Его выручаетъ въ этомъ отношеніи такъ называемый обычай «Förning» (отъ шведскаго слова föra—принести). Такъ какъ на свадьбу приглашаютъ обыкновенно все семейство: хозяйна, хозяйку, дѣтей и всѣхъ домочадцевъ, то глава семейства и посылаетъ людямъ, его пригласившимъ, множество различныхъ съѣстныхъ припасовъ, между которыми главную роль играетъ сыръ, большой коровой и разнаго рода хлѣбы.

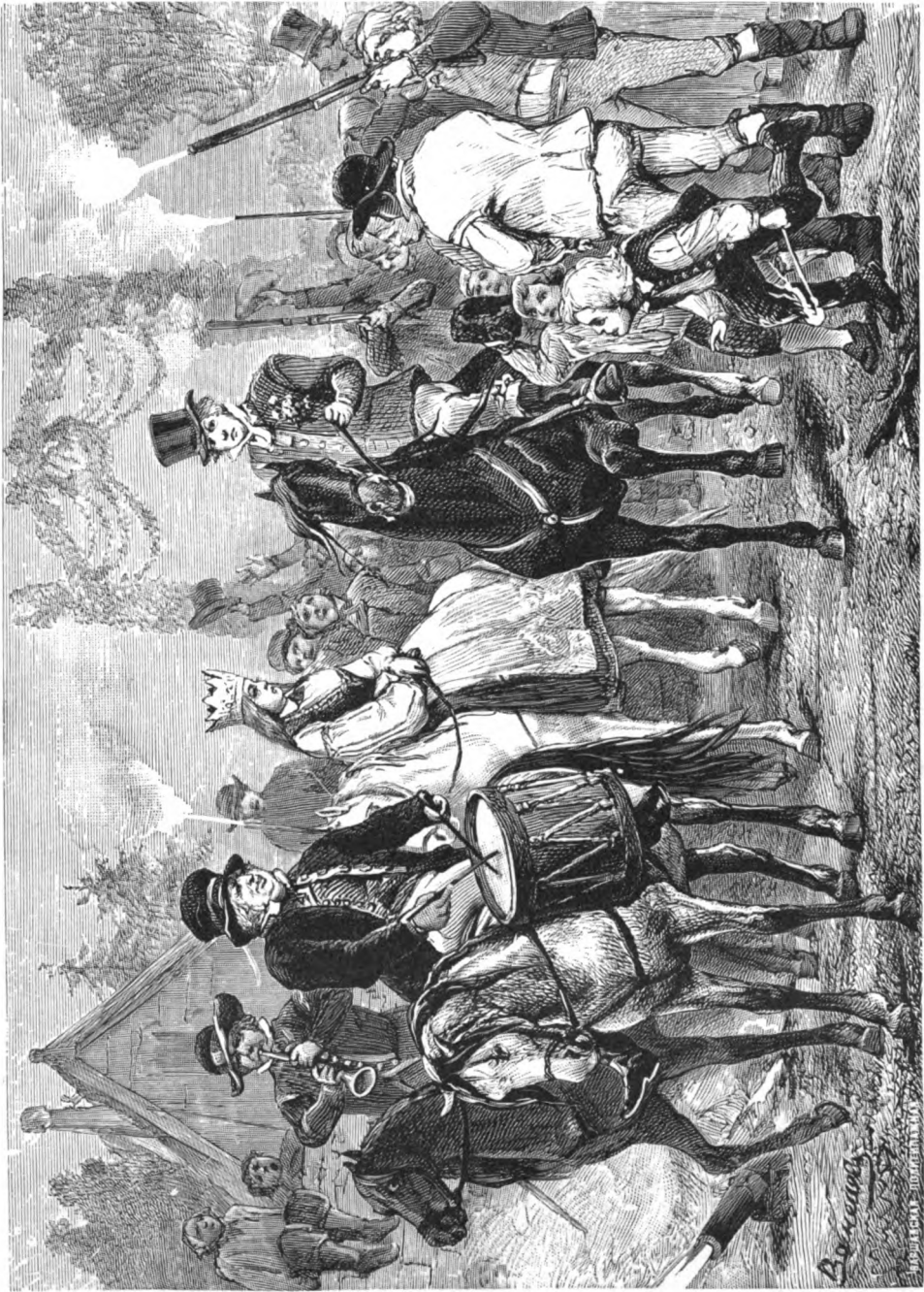
За два, за три дня до свадьбы начинаютъ убирать домъ: лѣтомъ его украшаютъ листьями, цвѣтами и гирляндами. Но какъ лѣтомъ, такъ и зимой съ каждой стороны ставятъ такъ называемыя «невѣстины елочки», т. е. молодыя елки, которыя болѣе чѣмъ до половины очищаютъ отъ вѣтвей и коры такъ, чтобы онѣ представляли нѣчто въ родѣ короны, въ знакъ того, что въ домѣ есть королева.

Въ самый день свадьбы большая суматоха идетъ въ домѣ жениха. На дворѣ слышенъ говоръ и конскій топотъ; лошади выведены изъ конюшни и осѣдланы. Ко лбу лошади, предназначенной для жениха, привязанъ въ большинствѣ случаевъ букетикъ цвѣтовъ, а шея ея обвита гирляндю изъ васильковъ или искусственныхъ цвѣтовъ. Друзья, другъ за другомъ, подбѣгаютъ къ дому жениха; всѣ они верхами, въ синихъ развѣвляющихся по вѣтру плащахъ. Наконецъ выходитъ женихъ, съ кнотомъ въ рукѣ и съ огромнымъ букетомъ цвѣтовъ въ петлицѣ своего синяго кафтана. Всѣ садятся на лошадей и отправляются въ домъ невесты.

Впереди ѣдетъ свать, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ музыкантовъ; за ними женихъ и множество пріятелей; всѣ непременно вооружены ружьями или пистолетами. Сзади нихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ тянется еще фура, нагруженная яствами и напитками.

Въ каждой деревнѣ, гдѣ имъ придется проѣзжать, поставлена триумфальная арка, чрезвычайно мило и оригинально убранная цвѣтами, лентами, зеленью, вѣнками. Лишь только поѣздъ въѣзжаетъ подъ арку, какъ мгновенно всѣ пріятели жениха стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ, нѣкоторые соскакиваютъ даже съ лошадей и стрѣляютъ въ нарочно приготовленные кучки хвороста, которыя тотчасъ легко вспыхиваютъ; другіе подбѣгаютъ къ фурѣ, быстро выхватываютъ бутылку съ пуншемъ или водкой, наливаютъ себѣ, угощаютъ другихъ, кричатъ ура, музыка гремитъ въ эту минуту съ особенной энергіей и нерѣдко раздается даже дробь барабана. Но вотъ опять сразу все смолкаетъ и поѣздъ снова пускается въ путь. Такое оживленіе происходитъ каждый разъ при въѣздѣ подъ триумфальную арку.

Наконецъ приближаются къ дому невесты. Четыре человѣка выѣзжаютъ впередъ и объявляютъ хозяину, что одинъ воинъ (а иногда говорятъ: рыцарь) съ своею свитою остановился въ лѣсу и проситъ гостепрѣимства. «А много ли васъ?» спрашиваетъ отецъ невесты. «Сотни три, по крайней мѣрѣ», отвѣчаютъ ему. «Будь васъ въ семеро боль-

ше—добро пожаловать, а вы напередъ выпейте», говорить хозяинъ и подаетъ каждому вина. Послѣ этого все общество жениха съ веселыми криками, съ музыкой объѣзжаетъ кругомъ «невѣстиныхъ елочекъ», безпрестанно дѣлая выстрѣлы, и, наконецъ, при крикахъ ура и подъ звуки очень шумной музыки, всѣ сходятъ съ лошадей.

Между тѣмъ невѣста, съ короною на головѣ и со слезами на глазахъ, сидитъ въ комнатѣ. Смотря по мѣстности, она и одѣта различно. Иногда на ней вы увидите красный корсажъ съ широкими полотняными рукавами; станъ ея обхватываетъ поясъ, вышитый золотомъ; на шеѣ нѣсколько нитокъ жемчугу. Въ иныхъ мѣстностяхъ подвѣнечный нарядъ состоитъ изъ чернаго шелковаго платья, украшеннаго пестрыми лентами, серебрянными украшениями и искусственными цвѣтами. Но откуда бы ни была невѣста, на головѣ ея непрѣнно вѣнецъ. Иногда корона, состоящая обыкновенно изъ цвѣтной бумаги и украшенная блестками, лежитъ на вѣнкѣ изъ полевыхъ розъ или изъ кипарисовыхъ вѣтвей. Очень часто на головѣ невѣсты одѣта церковная корона, тяжелый серебрянный вѣнецъ, который дѣвушка-невѣста имѣетъ право надѣть не только въ церкви, но и въ домѣ въ день брака.

Изъ дома невѣсты брачный поѣздъ отправляется въ церковь. Музыканты и дружки, сопровождающіе невѣсту, бываютъ обыкновенно самые сильные и расторопные юноши и ѣдутъ верхами. Шляпы этихъ людей украшены длинными, распущенными пестрыми лентами; на шеѣ у нихъ слегка завязаны полотняные платки, концы которыхъ развѣваются по воздуху. Какъ во время пути къ дому невѣсты, такъ и теперь по дорогѣ къ церкви или дому священника, вездѣ, гдѣ нужно проѣзжать триумфальную арку, стрѣляютъ, кричатъ ура и музыка наигрываетъ веселые мотивы.

Свадьба въ Швеціи совершается обыкновенно по воскресеньямъ. И женихъ, и невѣста пріѣхали къ началу службы. Къ концу богослуженія брачная чета приближается къ алтарю и на нѣкоторомъ разстояніи отъ него преклоняетъ колѣна. Священникъ исполняетъ надъ ними церемонію, которая здѣсь очень несложна и оригинальна только въ томъ отношеніи, что подружки невѣсты и нѣкоторые изъ присутствующихъ мужчинъ все время держатъ надъ головами брачующейся четы балдахинъ изъ шалей.

По окончаніи церемоніи, священникъ даетъ свое благословеніе и всѣ выходятъ изъ церкви почти въ томъ же порядкѣ, какъ вошли: музыканты идутъ впереди, наигрывая тотъ или другой веселый мотивъ, за ними молодые и наконецъ гости.

Если бракъ совершается въ домѣ невѣсты, то комнату, въ которой будетъ совершена брачная церемонія, убираютъ совершенно оригинально: ее увѣшиваютъ бѣлымъ холстомъ, а надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ будетъ стоять брачная чета, устраиваютъ балдахинъ изъ шалей. Въ ту минуту, когда женихъ и невѣста занимаютъ уже свои мѣста подъ балдахиномъ и передъ ними становится священникъ, раскрывается дверь, и молодыя дѣвушки, при звукахъ музыки, вносятъ въ комнату свадебную подушку, украшенную цвѣтами и лентами, и кладутъ ее передъ брачующимися, такъ какъ они преклоняютъ на нее свои колѣна.

Самое оригинальное въ шведскихъ свадьбахъ то, что здѣсь нерѣдко можно встрѣтить вѣнчаніе заразъ нѣсколькихъ брачующихся паръ. Передъ нами описаніе одного вѣнчальнаго дня въ Далекарліи. По озеру Силья на лодкахъ подъѣхало нѣсколько брачныхъ паръ, каждая съ своими приглашенными. Онѣ направились къ церковному дому въ большомъ порядкѣ. Десять жениховъ шли одинъ за другимъ, всѣ въ синихъ кафтанахъ, въ желтыхъ козловыхъ штанахъ, въ бѣлыхъ чулкахъ, у каждаго изъ нихъ правая рука перевязана тонкимъ бѣлымъ платкомъ. За ними слѣдовали «подружки» въ зеленыхъ платьяхъ, съ бусами и лентами, вплетенными въ волосы; далѣе шли замужнія родственницы невѣсты и наконецъ сами невѣсты. Однѣ изъ нихъ одѣты болѣе богато, другія

весьма скромно и даже безъ короны. Богатыя невѣсты прежде всего щедро разукрашены лентами, короткіе рукава, бѣлыя манжеты, желтыя перчатки съ пестрою вышивкою, цвѣтныя передники, на груди и шеѣ нити пестрыхъ бусъ и серебряныя цѣпочки съ медалями и разными украшеніями, красныя чулки, башмаки съ каблучками, на головѣ серебряная корона и вѣнокъ изъ кусочковъ пестрыхъ матерій; въ рукахъ у нихъ муфты, изъ которыхъ развѣвается множество разноцвѣтныхъ платковъ. На невѣстахъ по бѣднѣе—свѣтло-зеленыя платья, пестрые передники и обыкновенный головной уборъ изъ платка.

Церковный прислужникъ встрѣтилъ брачующіяся пары и сквозь тѣсную толпу прихожанъ повелъ къ алтарю. Сначала ихъ помѣстили на хорахъ и вмѣстѣ съ прихожанами онѣ пѣли духовныя пѣсни, но затѣмъ выступили впередъ, встали на колѣна, каждый подъ своимъ «брачнымъ балдахиномъ» и приняли общее благословеніе.

Когда послѣ вѣнчанія возвращаются домой, всѣ садятся за торжественный обѣдъ; при чемъ гости размѣщаются сообразно ихъ степени родства съ женихомъ и невѣстой. Несмотря на это, гости очень долго размѣщаются по мѣстамъ. То одинъ, то другой исчезаетъ изъ комнаты, гдѣ накрытъ столъ, чтобы заставить искать себя и чтобы уже сами хозяева привели его на то мѣсто, какое онъ долженъ занять на этотъ разъ. Занять самому мѣсто наиболѣе почетное считается большою навязчивостью. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ молодыхъ садятъ за особый столъ вмѣстѣ съ подругами молодой женщины, но большею частью они сидятъ за общимъ столомъ и подъ балдахиномъ. Каждое кушанье, которыхъ обыкновенно бываетъ отъ четырехъ до семи, вносятся въ комнату при звукахъ музыки. Прислуживаютъ за столомъ дружки жениха, которые въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ остаются въ шляпахъ во время всего обѣда. Всего оригинальнѣе то, что самъ хозяинъ, чтобы показать, что онъ господинъ и у себя въ домѣ, рассказываетъ безъ сюртука и лично не принимаетъ никакого участія въ распоряженіяхъ; онъ отдаетъ приказанію распорядителю, которымъ бываетъ одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ. Такой распорядитель долженъ обладать двумя качествами: быть краснорѣчивымъ, чтобы умѣть сказать хорошую рѣчь, и, несмотря на обильныя возліянія, до конца пира остаться на ногахъ. А это весьма трудно, принявъ во вниманіе склонность шведовъ и норвежцевъ къ вину и то, что до время свадебнаго пира, кромѣ «Finkel» (обычной мѣстной водки, перегоняемой изъ картофеля), на столѣ стоитъ коньякъ и множество другихъ напитковъ. Другимъ помощникомъ хозяина является кравчій, обязанность котораго состоитъ въ постоянномъ подливаніи эля въ стаканы гостей изъ огромной деревянной фляжки съ длиннымъ рыльцемъ на подобіе чайника и которая украшена рѣзьбой.

Вставъ изъ-за стола, старики принимаются за трубки, а молодые танцуютъ, забавляясь въ промежуткахъ играми и загадками. При этомъ во многихъ мѣстностяхъ существуетъ обычай «вытанцовывать вѣнецъ съ головы новобрачной». Молодой завязываютъ глаза, и въ то время, когда кругомъ ея дѣвушки пляшутъ хороводомъ, она снимаетъ вѣнецъ съ своей головы и на удачу одѣваетъ его на голову той или другой дѣвицы. Существуетъ повѣрье, что та, на долю которой выпадетъ эта честь, прежде другихъ выйдетъ замужъ. Послѣ этого завязываютъ глаза дѣвушкѣ, которая получила вѣнецъ, и она въ свою очередь надѣваетъ его на голову слѣдующей и такъ до послѣдней изъ компаніи. Затѣмъ молодую на стулѣ поднимаютъ надъ головами ея подругъ и она должна, среди оглушительныхъ криковъ, провозгласить гостя, сущность котораго заключается въ пожеланіи, чтобы всѣ присутствующія дѣвушки вышли замужъ. Затѣмъ она пьетъ за здоровье женщинъ.

Но вотъ уже давно полночь, а молодежь все танцуетъ и забавляется. Дѣвушки становятся въ кружокъ около новобрачной, а замужнія женщины составляютъ другой

кружокъ и стараются проникнуть къ дѣвушкамъ и отнять у нихъ молодую. Имъ удастся это послѣ продолжительнаго сраженія. Тогда онѣ снимаютъ корону съ головы молодой, жемчугъ съ ея шеи, развязываютъ передникъ и въ одномъ платьѣ уводятъ ее въ ея комнату, куда въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ слѣдуютъ за нею всѣ гости съ зажженными свѣчами.

Въ это время новобрачный подвергается почти той же церемоніи, какъ и новобрачная. Холостые образуютъ вокругъ него кругъ и затѣмъ одинъ изъ нихъ поднимаетъ его на свои плечи; при этомъ молодой прощается съ своими холостыми товарищами. Тутъ подходятъ женатые и насильно овладѣютъ имъ, при чемъ между ними и холостяками происходятъ стычки, которыя по временамъ бывають на столько энергичны, что оставляють слѣды не только на одеждѣ, но и на физиономіяхъ участвующихъ.

Характеръ шведскаго народа.—Его жизнь и понятія.—Его національныя добродѣтели и пороки.—Жилище, пища, одежда и языкъ шведовъ.—Карриоль—знаменитый экипажъ скандинавскаго полуострова и дороги въ странѣ.

Голубые глаза, свѣтлые волосы и розовыя щеки шведовъ тотчасъ обнаруживаютъ ихъ германское происхожденіе. Говоря о національномъ характерѣ шведовъ, нужно различать горожанъ отъ сельскихъ жителей. Мало того, существуетъ большое различіе между горожанами большихъ городовъ и малыхъ. Мало-мальски зажиточные жители Стокгольма и Готенбурга стараются во всемъ подражать французамъ. Стокгольмцы и готенбургцы настоящіе французы, исключая ѣды и обычая шептаться. Пища во всей Швеціи національная, а въ обществахъ, даже большихъ и аристократическихъ, говорятъ почти шепотомъ. Мужчины и дамы одѣты въ парижскіе костюмы, нѣтъ и слѣда національности. И только свѣтлые волосы, большіе голубые глаза и розовыя щеки обнаруживаютъ шведское происхожденіе. Гордость, свойственная всѣмъ шведамъ, служитъ отличительнымъ признакомъ жителей Стокгольма. Они горды на всѣхъ ступеняхъ общественнаго положенія, и даже вновь пожалованный дворянинъ выгладитъ важнымъ лицомъ. Мало-мальски зажиточный челоуѣкъ уже одѣтъ во все черное, въ свѣжихъ лайковыхъ перчаткахъ, въ бѣлоснѣжной рубашкѣ, и считаетъ ниже своего достоинства пять минутъ пронести самый крошечный пакетъ или дорожную сумку. Страсть къ титуламъ и орденамъ нигдѣ не достигаетъ такой степени, какъ въ Стокгольмѣ. Что касается деревенскаго населенія, то оно отличается совершенно противоположными качествами. Деревенскіе жители чрезвычайно привязаны ко всему старинному и патриархальному. Они твердо придерживаются старыхъ обычаевъ и нравовъ въ отношеніи религіи, одежды, пищи и при народныхъ празднествахъ. Впрочемъ и сельскіе жители состоятъ нерѣдко изъ двухъ элементовъ, совершенно противоположныхъ другъ другу: изъ крестьянъ и дворянъ. Народъ шведскій до 1865 г. раздѣлялся на четыре сословія: *дворянъ, духовенства, горожанъ и крестьянъ*. Хотя съ 1865 г. было уничтожено сословное представительство и дворянство потеряло свои политическія преимущества, тѣмъ не менѣе оно осталось до сихъ поръ съ своими титулами и гоноромъ и къ тому же оно еще 12 л. тому назадъ пользовалось большими преимуществами: почти всѣ придворныя, гражданскія и военныя должности были заняты одними дворянами. Поэтому они до сихъ поръ выказываютъ здѣсь гонора болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и съ презрѣніемъ относятся къ крестьянамъ. Въ характерѣ и обычаяхъ шведскаго простонародья чрезвычайно много общаго съ норвежцами: въ гостепріимствѣ они не отстають отъ своихъ сосѣдей; вы замѣчаете въ нихъ тоже добродушіе, ту же сдержанность вмѣстѣ

съ наклономъ къ веселью и пирамъ. Выдающіяся черты характера этого народа, какъ и въ Норвегіи,—благочестіе, трудолюбіе и гостепрѣимство. Какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ сохранилось много суевѣрій отъ языческихъ временъ. Шведы вѣрятъ въ Троля, въ эльфовъ, въ горныхъ и лѣсныхъ духовъ, въ Некки, въ различныхъ ундиновъ. Здѣсь играютъ большую роль симпатіи, колдовство, волшебство, заговоры, привидѣнья, предсказанья и волшебные жезлы. Иногда можно видѣть большую кучу камней, обязанную своимъ происхожденіемъ суевѣрію. Шведы вѣрятъ, что казненный долго бродитъ на землѣ, принимая самые странные образы. Чтобы избавиться отъ этого, считаютъ вѣрнымъ средствомъ, каждый разъ, проходя мимо мѣста казни, бросить туда камень. Ни одинъ народъ не богатъ такъ преданіями, какъ шведы, и ни одинъ народъ, за исключеніемъ исландцевъ, не сохранилъ въ такой степени память о языческихъ богахъ.

Съ ранней молодости шведъ привыкаетъ къ постоянной тяжелой работѣ, къ разумному распредѣленію времени и потому впослѣдствіи онъ становится человѣкомъ дѣятельнымъ и практичнымъ. Скучная жатва его полей и длинная зима заставляютъ его, какъ и въ Норвегіи, изучить множество работъ и ремеслъ. Каждый крестьянинъ въ одно и то же время сапожникъ, плотникъ, кузнецъ, столяръ, каменщикъ, портной; его жена вяжетъ, прядетъ, ткетъ и шьетъ. Такимъ образомъ всѣмъ потребностямъ шведы удовлетворяютъ собственными средствами. Тѣмъ не менѣе здѣсь, какъ и въ Норвегіи, существуютъ «странствующие ремесленники». Эти «странствующие ремесленники» составляютъ совершенно особый классъ бездомныхъ бродягъ. Каждый изъ нихъ объѣзжаетъ извѣстную мѣстность и живетъ то въ одномъ, то въ другомъ домѣ болѣе зажиточныхъ крестьянъ, оставаясь въ нихъ до тѣхъ поръ, пока онъ не обошьетъ всю семью. Шведы, при своей однообразной, одинокой и уединенной жизни, всегда рады такому странствующему ремесленнику. До его пріѣзда откладываютъ все самое трудное въ работѣ, и онъ вноситъ большое оживленіе, рассказывая о томъ, что видѣлъ и слышалъ въ другихъ семействахъ. Ему особенно рады дѣти, такъ какъ ихъ мать подаетъ на столъ въ эти дни лучшія кушанья. Но, повторяемъ, эти странствующие ремесленники являются въ домахъ наиболѣе зажиточныхъ и тамъ шьютъ только праздничную одежду и обувь,—все остальное шведы дѣлаютъ сами, какъ ради экономіи, такъ и потому, что они имѣютъ большую способность къ механическимъ работамъ разнаго рода. Къ тому же въ настоящее время множество техническихъ школъ и мастерскихъ даютъ возможность развивать эту способность. Дѣвушки изготовляютъ столько нарядовъ и предметовъ домашняго обихода, что ихъ приходится продавать. Только усидчивая дѣятельность этого народа помогаетъ ему довольно сносно существовать, несмотря на неплодѣ почвы. Если же, несмотря на его трудолюбіе, его постигнетъ какое нибудь большое несчастіе — пожаръ, который случается здѣсь довольно часто вслѣдствіе деревянныхъ построекъ, или неурожай, подвергающій населеніе отъ времени до времени самымъ ужаснымъ лишеніямъ,—тогда шведъ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и кротостью переноситъ свое несчастіе. Онъ безропотно ѣстъ свой хлѣбъ изъ желудей и древесной коры, берется за всякую работу, готовъ идти на всякій заработокъ, какой только ему представится, и, когда уже ничто не удастся, выселяется съ родины.

На иностранца шведъ производитъ впечатлѣніе человѣка ласковаго, миролюбиваго и гостепрѣимнаго. Какъ въ Норвегіи, такъ и въ Швеціи, всякій можетъ рассчитывать на самое безкорыстное гостепрѣимство, и оно вовсе не обусловлено богатствомъ. Какъ бѣднякъ, такъ и первый богачъ готовъ отдать все путешественнику, который забредъ въ его хижины. Собственность чужестранца, какъ и его особа, считаются здѣсь неприкосновенною святыней. Воровство, которое случается здѣсь вообще очень рѣдко, счи-

тается постыднымъ порокомъ, если оно совершено по отношенію къ иностранцу. Шведы дѣйствительно народъ очень честный, но слѣдуетъ, разумѣется, критически относиться къ описаніямъ путешественниковъ, которые рассказываютъ чудеса объ этой чертѣ характера шведовъ и представляютъ воровство въ странѣ совершенно невозможнымъ. Статистика преступленій показываетъ намъ, что въ Швеціи съ 1845 до 1849 г. было ежегодно произведено 4,172 кражи, отъ 1850 до 54 г. — 3,739 кражъ, а въ 1856 г. только 2,646. Изъ этихъ цифръ ясно видно, что и въ Швеціи также существуютъ вору, хотя число ихъ съ каждымъ годомъ уменьшается. Что касается умственныхъ качествъ шведовъ, то люди талантливые между ними не рѣдкость, что доказываетъ намъ большое число ученыхъ и художниковъ, прославившихся на разныхъ поприщахъ; тѣмъ не менѣе, какъ бы согласно съ суровою фізіономіею страны, шведы не отличаются блестящими качествами подвижнаго ума. Они чрезвычайно проникательны, благоразумны, обдуманны въ своихъ поступкахъ, но въ нихъ природѣ нѣтъ задатковъ для общественной дѣятельности. Какъ и нѣмцы, они болѣе всего погружены въ свою собственную семейную жизнь, и если любятъ собираться вмѣстѣ, то прежде всего для личныхъ цѣлей, — чтобы повеселиться и выпить. Когда они въ сборѣ, они танцуютъ и говорятъ о своихъ семейныхъ дѣлахъ, — политика ихъ интересуется гораздо меньше, и даже самые интеллигентные представители молодого поколѣнія не выработали себѣ никакого общественнаго идеала. Этому, конечно, болѣе всего способствуетъ природа страны и крайняя разсѣянность жилищъ. Шведы живутъ чрезвычайно далеко другъ отъ друга, въ глуши своихъ лѣсовъ, въ страшной пустынѣ своихъ полей и привыкли жить только среди своей семьи и ея интересами. Тяжелая борьба за существованіе и, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, зависимость отъ природы и ея явленій давно уже заставили шведа прежде всего полагаться на самого себя и прибѣгать съ горячей молитвой къ Богу. Все это дѣлаетъ жителя сѣвера религіознымъ, серьезнымъ, благоразумнымъ, искуснымъ и изобрѣтательнымъ. Однако это уединеніе и разобщенность жителей тяготитъ его отъ времени до времени и онъ собирается въ праздникъ къ сосѣду, гдѣ отдается полному веселью. Вслѣдствіе многочисленности и обширности своихъ озеръ, которыя въ свою очередь соединяются каналами съ моремъ, шведъ, среди своей скалистой страны наполовину сдѣлался морякомъ. Поэтому родина варяговъ, морскихъ королей и викинговъ и до настоящаго времени даетъ самыхъ лучшихъ моряковъ и воиновъ, хотя слава ихъ, вслѣдствіе историческихъ причинъ, нѣсколько поблекла въ послѣднее столѣтіе.

Почти первобытная простота, первобытное уединеніе и тишина царствуютъ въ этихъ странахъ сѣвера. Не только въ деревняхъ, но и въ городахъ часто тотчасъ за городскими воротами вы бываете совершенно окружены дикими лѣсами. Куда ни взглянете, вездѣ темнѣютъ ели, надъ вашей головой нависнутъ длинныя вѣтви, покрытыя мхомъ и обремененныя красными и синими еловыми шишками; подъ ногами хруститъ коверъ изъ пожелтѣлыхъ иглъ; кругомъ тишина лѣса.

Шведскіе крестьяне встаютъ очень рано и даже среди зимы принимаются за дѣло въ три или четыре часа утра. Такимъ образомъ еще за нѣсколько часовъ до разсвѣта можно слышать шумъ самопрядки или стукъ цѣпа на дворѣ, но при этомъ трудолюбіи совершенное отсутствіе духа предпримчивости. Самыя большія заведенія, фабрики и предпріятія основаны англичанами, нѣмцами, французами и бельгійцами. Техническое производство, надзоръ и веденіе книгъ въ какомъ нибудь большомъ дѣлѣ обыкновенно поручаютъ иностранцамъ, а шведы довольствуются подчиненнымъ положеніемъ простаго рабочаго и помощника.

По воскресеньямъ, несмотря ни на какую погоду, ни на отдаленность церкви отъ жилища, шведъ непременно отправится въ нее не только изъ благочестія, но что-

бы съ людьми повидаться, дѣла свои обдѣлать и узнать новости. Съ церковной кафедрой по воскресеньямъ обыкновенно провозглашаютъ все законы и рѣшенія, все, что касается торговли и сношеній, продажи съ аукціона и т. п., такъ какъ въ деревняхъ вѣтъ ни газетъ, ни объявленій. Обыкновенно крестьяне хорошо знаютъ законы своей страны и рѣшенія рейхстага и нѣкоторые изъ нихъ занимаются мелкими адвокатскими дѣлами, составляютъ жалобы и разные документы.

Хотя шведы очень серьезны, медленны и покойны, но они дѣлаются ужасны при сильномъ раздраженіи. Они рѣдко прощаютъ обиду и всегда стараются отомстить. Деревенскія дѣвушки страстно любятъ танцы и наряды и, если нанимаются въ услуженіе въ городъ, тратятъ на свои украшения все жалованье.

Крестьяне, по крайней мѣрѣ тѣ, которые пользуются извѣстнымъ достаткомъ, всегда воздѣлываютъ ленъ, и женщины въ каждомъ семействѣ ткутъ полотно, а также и шерстяную матерію. Еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ шведскіе крестьяне въ своихъ домахъ производили гораздо больше, чѣмъ фабрики красныхъ дешевыхъ товаровъ, и это можно было сказать какъ относительно бумажныхъ, такъ и шерстяныхъ матерій.

Шведскій крестьянинъ большой охотникъ покурить, и даже жена его по временамъ курить трубку. Многіе жуютъ и нюхаютъ табакъ и иногда доходятъ до излишества въ томъ и другомъ. Набивая табакомъ ротъ, шведы обыкновенно кладутъ его между нижней губой и зубами. Представителями шведскихъ крестьянъ считаютъ далекарліяцевъ—жителей провинціи Далаарне. (Далаарне собственно означаетъ «земля долинъ», а далекарліяцы—«люди долинъ»). Далекарліяцы стройны, высоки ростомъ, чрезвычайно хорошо сложены; они отличаются необыкновенной простотой жизни и замѣчательнымъ трудолюбіемъ. Они сохранили національную шведскую одежду и многіе старые обычаи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Далаарне вы встрѣчаете далекарліяца въ круглой шляпѣ, большихъ сапогахъ и въ свѣтломъ камзолѣ съ синими обшлагами; ихъ жены въ пестромъ передникѣ и еще болѣе пестромъ головномъ уборѣ, или въ широкой свѣтлой юбкѣ и въ бархатномъ корсажѣ, застегнутомъ цѣпочками.

Шведы, какъ и норвежцы, чрезвычайно склонны къ пьянству. «Finkel» или картофельную водку можно назвать извоя страны: она притупляетъ способности народа, старитъ его преждевременно и только этой причиной можно объяснить себѣ то, что въ этой странѣ дѣти несравненно сообразительнѣе и имѣютъ видъ гораздо болѣе интеллигентный, чѣмъ взрослые. Въ трезвомъ состояніи шведскій крестьянинъ всегда вѣжливъ и услужливъ, но въ пьяномъ видѣ, что съ нимъ случается довольно часто, онъ обращается въ самое грубое животное. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда крестьянамъ дозволялось гнать водку и она продавалась чрезвычайно дешево, они пили ее какъ воду; но, со введеніемъ довольно высокихъ акцизныхъ пошлинъ, совместно со строгими постановленіями относительно самаго производства, —цѣна водки значительно поднялась. Это полѣднее обстоятельство, а также все большее распространеніе образованія въ массахъ, чрезвычайно уменьшило пьянство за послѣднее время.

Божба сильно распространена между шведскими крестьянами; они никакъ не могутъ отстать отъ этой дурной привычки. Кроме того, чѣмъ больше раздраженъ шведъ, тѣмъ большее количество чертей призываетъ онъ въ свидѣтели. «Ахъ, чертъ», срывается у него съ языка, когда вѣтви дерева коснутся его лица; «тысячу чертей», кричитъ онъ, когда раздеретъ себѣ одежду этими вѣтвями; «сто тысячъ чертей» и даже цѣлый «милліонъ» вызываетъ онъ тогда, когда съ нимъ случается какая нибудь неприятность уже большей важности.

Подъ старость или въ случаѣ увѣчья, если бѣднякъ не имѣетъ родныхъ или до-

статочнo средствъ, чтобы себя содержать, его кормить тотъ приходъ, гдѣ онъ числится по мѣсту жительства. Здѣсь бѣдныхъ не запираютъ въ рабочіе дома, какъ въ Англiи, но помогая имъ предоставляють полную свободу оставаться въ своихъ семействахъ; иногда ихъ отдаютъ «на прокормленіе», т. е. они получаютъ стѣлъ и квартиру у прихожанъ по очереди, или помѣщаютъ ихъ въ какой нибудь семьѣ на счетъ прихода. Однако еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ эти приходы играли чрезвычайно печальную роль въ жизни народа, и человѣкъ представлялъ собою родъ недвижимаго имущества. Припужденный обстоятельствами жить не тамъ, гдѣ родился, шведъ часто терялъ право считаться членомъ прихода, къ которому онъ принадлежалъ въ силу своего рожденія, и такимъ образомъ онъ терялъ право гражданства въ старомъ приходѣ и не получалъ его въ новомъ. Во всякомъ случаѣ переходъ изъ одного прихода въ другой былъ сопряженъ со множествомъ неудобствъ. Но теперь законы на столько измѣнились въ этомъ отношеніи, что, послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ другомъ приходѣ, шведъ можетъ получить въ немъ осѣдность. Это гораздо удобнѣе для бѣдняка, который въ настоящее время можетъ искать себѣ заработка въ любой части королевства.

Матеріальныя условія жизни шведскихъ крестьянъ чрезвычайно разнообразны. Тѣ, которые имѣютъ собственный клочекъ земли или арендуютъ ее, живутъ весьма зажиточно; тѣ, которые не имѣютъ никакой собственности и не могутъ взять въ аренду землю, изрядно бѣдствуютъ. Въ Швеціи существуетъ цѣлый классъ такихъ земледѣльцевъ-поденщиковъ, которые нанимаются поденно на земледѣльческія работы. Ихъ положеніе бездомнаго бродяги, незавидное въ молодые годы, дѣлается чрезвычайно плачевнымъ въ старости, когда они, не имѣя возможности самостоятельно прокормить себя, должны существовать подаеніемъ прихода. По словамъ извѣстнаго англійскаго путешественника Лента, посѣтившаго Швецію въ 1838 г., число крестьянъ, бывшихъ собственниками земли, на которой они жили, было только 147,971 ч., а жившихъ на чужой землѣ было 1.688,717 душъ.

Только немногіе изъ шведскихъ крестьянъ имѣютъ прозвища, и потому дѣти къ своему имени обыкновенно прибавляютъ имя отца. Такъ напр., если отецъ называется Свенъ Ларсонъ, то сынъ его Янъ или Нильсъ уже будутъ Янъ Свенсъ или Нильсъ Свенсъ, а дочь Марія или Бритта Свенова. Тѣмъ не менѣе этотъ обычай былъ бы крайне неудобенъ, если бы въ дѣлахъ не было принято вмѣстѣ съ именемъ обозначать и мѣсто жительства даннаго лица. Въ арміи, во избѣжаніе замѣшательства, какія могли бы возникнуть по этому поводу, солдатамъ даютъ различныя прозвища: звѣрей, птицъ и т. п.

Начиная отъ молоденькой дѣвочки до пожилой женщины, въ Швеціи всѣ дѣлаютъ книксенъ. Если вы покупаете что нибудь у торговки, то она благодаритъ васъ и при полученіи денегъ дѣлаетъ вамъ глубокой книксенъ. Всѣхъ дѣвицъ средняго и нисшаго сословія называютъ «мамзель», это то же самое, что у французовъ *modemoiselle*; но дѣвушекъ изъ семействъ лицъ высокопоставленныхъ называютъ «fröken». Первая пѣвица Стокгольмской оперы — «мамзель», дочь же знатнаго дворянина — «fröken». Замужнія женщины въ Швеціи называются «frö», но у болѣе знатныхъ къ этому прибавляютъ еще титулъ мужа. Шведы народъ чрезвычайно тщеславный и, путешествуя по странѣ, необходимо твердо знать, какъ къ кому слѣдуетъ обращаться; иначе они, хотя и окажутъ по обычаю страны всевозможное гостепріимство, но будутъ съ вами чрезвычайно сдержанны и не дадутъ возможности наблюдать свой внутренній бытъ.

По вечерамъ между замужними женщинами существуетъ обычай устраивать посидѣлки для пряжи. Сговорившись напередъ, у кого собраться, всѣ женщины работаютъ то въ одномъ, то въ другомъ домѣ, гдѣ каждая сидитъ за своей самопрялкой и такимъ образомъ вмѣстѣ, въ разговорахъ и пѣсняхъ, коротаютъ длинные зимніе вечера. Моло-

дня дѣвушки также нерѣдко устраиваютъ собранія, но не въ домѣ, а обыкновенно на скотномъ дворѣ.

Шведы, какъ мужчины, такъ и женщины, чрезвычайно любятъ ярмарки, которыхъ они всегда усердно посѣщаютъ и не только для того, чтобы сбыть свои работы и хозяйственные сбереженія, но чтобы поболтать и посмотреть на движеніе. Одна изъ извѣстныхъ ярмарокъ въ странѣ устраивается обыкновенно въ Лундѣ, въ Шонсѣ. Она продолжается отъ начала поста до Пасхи и имѣетъ такое же значеніе для народа, какъ карнавалъ въ южныхъ европейскихъ странахъ. Въ среду на первой недѣлѣ здѣсь устраиваютъ лошадиный базаръ. Не только множество престопаго, но и знатныхъ людей прїѣзжаютъ тогда сюда посмотреть лошадей. Здѣсь между лошадиными барышниками, какъ и вездѣ, множество цыганъ. Они молодцовато гарцуютъ на горячихъ лошадкахъ, которыя часто въ другихъ рукахъ не идутъ ни взадъ, ни впередъ, и оказываются совершенно негодными для ѣзды. Этотъ день въ то же время и самый оживленный во время всей ярмарки. Трактиры и харчевни полны народа. Огромная толпа снуютъ въ балаганахъ, построенныхъ среди улицы. Въ одной кучкѣ крестьяне обмѣниваются часами, въ другой собравшіеся затѣяли ссору и довольно усердно наколачиваютъ другъ другу въ спину и тягаютъ за шиворотъ. Иногда пускаютъ въ ходъ и ножи, которые крестьяне постоянно носятъ при себѣ съ боку въ кожаномъ чехлѣ.

Не трудно познакомиться со шведскимъ языкомъ, если знаешь норвежскій. Корни словъ, конструкція и обороты рѣчи тѣ же въ обоихъ языкахъ или имѣютъ общее происхожденіе. Въ Норвегіи языкомъ общежитія служитъ датскій языкъ, такъ какъ страна эта до 1814 года принадлежала Даніи. Впрочемъ въ Норвегіи сохранились между народомъ и особыя нарѣчія, но они въ образованномъ быту неизвѣстны. Датскій языкъ болѣе обработанъ, чѣмъ шведскій, такъ какъ онъ долго былъ языкомъ придворныхъ и высшихъ классовъ.

Дома шведскихъ крестьянъ, какъ и наши избы, построены изъ бревенъ, наложенныхъ вдоль одно на другое; промежутки законопачиваютъ мхомъ. Даже и въ городахъ большая часть построекъ деревянная. Вотъ почему въ 1865 г. такой городъ, какъ Карлштадтъ у озера Венеръ, съ пятью тысячами жителей, въ нѣсколько часовъ обратился въ груды пепла. Шведы привыкли къ такимъ катастрофамъ и часто около того самаго мѣста, гдѣ такъ недавно дымилось ихъ жилище, строятъ новое и опять таки деревянное. Только въ большихъ городахъ начали теперь все больше строить каменные дома.

Стѣны деревянныхъ жилищъ шведовъ довольно высоки и съ большими стеклянными окнами. Крыша дѣлается изъ досокъ, на которую накладываютъ сначала слой береговой коры, а потомъ дернъ. Такимъ образомъ крыша образуетъ какъ бы зеленую террасу на дому, нѣчто въ родѣ висячаго сада, въ которомъ растутъ различныя травы и мхи и нерѣдко рѣваются дѣти. Иногда на такой крышѣ пасется коза, не нуждаясь въ пастухѣ. Эта древняя шведская, или скорѣе скандинавская крыша, такъ какъ она часто встрѣчается и въ Норвегіи, начинаетъ въ настоящее время уступать мѣсто крышѣ изъ досокъ, гонта или соломы. Другая характерная черта шведскихъ жилищъ — ихъ темнокрасный цвѣтъ. Пока краска свѣжа, шведскіе домики чрезвычайно рѣзко бросаются въ глаза, но когда они выцвѣтутъ отъ дождя, солнца и сырости, они получаютъ рыжеватый или темно-красный оттѣнокъ и чрезвычайно гармонируютъ съ темною зеленою шведскаго лѣса и съ сѣрымъ цвѣтомъ скаль. Шведъ старается оживить свою однообразную, бѣдную цвѣтами природу и окрашиваетъ свой домъ краснымъ цвѣтомъ, чтобы онъ могъ видѣть его еще издали. Мало того, онъ недовольствуется тѣмъ, что выкрашиваетъ красною краскою стѣны своего дома, онъ дѣлаетъ оконныя рамы довольно

значительной ширины и выкрашивается их самым бѣлымъ краскою. Такой контрастъ производитъ впечатлѣніе. Шведскіе дома не только имѣютъ красивый видъ, но они постоянно выглядываютъ съ вершины горы, а рядомъ съ голубыми озеромъ оживляютъ ландшафтъ. При домахъ очень часто разбитъ небольшой садикъ, гдѣ растутъ картофель, бобы и другія овощи; иногда вы замѣтите въ нихъ и цвѣты, но никогда не найдете деревьевъ. Шведъ любитъ солнце. Онъ нерѣдко въ самые сильные жары открываетъ окно, чтобы полюбоваться его лучами, и находить, что тѣнистое дерево можетъ лишить его этого рѣдкаго удовольствія. Скогь такъ надоѣлъ ему своею тѣнью, а длинная и суровая зима такъ надолго загнала его въ жилище къ камину, что онъ съ большою радостью привѣтствуетъ весною свѣтъ и солнце. Поэтому дерево не защищаетъ жилища крестьянина. Только крупныя землевладѣльцы и городскіе жители сажаютъ кустарникъ на дачѣ около своихъ домовъ.

При домахъ наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ бываютъ различныя пристройки: амбаръ, конюшня, скотный дворъ. Всѣ эти пристройки иногда отдѣлены отъ дома, но нерѣдко составляютъ собою три стороны четырехугольника, а домъ четвертую.

Дома шведскихъ крестьянъ различны, смотря по мѣстности. Большинство жилищъ въ Смаландѣ плохи и неварачны, въ Вестерготландѣ они уже гораздо лучше, а самыя обширныя и удобныя въ Норландѣ. Тамъ мы встрѣчаемъ у крестьянъ не только одноэтажныя, но и двухъэтажныя дома, при этомъ въ каждомъ этажѣ отъ 4 до 6 комнатъ. Въ одноэтажныхъ домахъ подъ крышею устроены обыкновенно небольшія комнаты. Стѣны большею частью оклеены обоями; двери, потолокъ и окна выкрашены бѣлой, масляной краской; окна украшены бѣлыми занавѣсками и полосатыми шторами. Въ домѣ и вокругъ него необыкновенная чистота. Какъ бы ни былъ малъ даже и одноэтажный домъ, въ немъ непремѣнно двѣ комнаты: *жилая* и *гостинная*. Въ такихъ случаяхъ жилая комната служитъ и кухнею; въ ней стоятъ кровати, скамьи, шкафы и тутъ же кухонная печь. Въ гостинной непремѣнно каминъ и она гораздо лучше меблирована. Входная дверь очень низка и входъ въ нее затрудняется еще высокимъ порогомъ.

Вообще шведы любятъ имѣть много комнатъ; даже простой ремесленникъ старается имѣть по крайней мѣрѣ три комнаты; гостинную, жилую комнату и спальню. Люди нѣсколько побогаче имѣютъ цѣлыя анфилады комнатъ. Только этой привычкой имѣть много комнатъ и можно себѣ объяснить, почему шведскіе города, при большомъ числѣ домовъ и значительномъ пространствѣ, которое они занимаютъ, имѣютъ мало жителей.

Въ зимнее время, несмотря на нѣсколько комнатъ, вся семья обыкновенно сидитъ въ одной, которая отлична протоплена. Вы входите въ домъ не стучась, и вашими глазами представляется довольно большая, высокая и свѣтлая комната. Если вы человѣкъ знакомый, вы должны обойти всѣхъ сидящихъ въ ней и каждому пожать руку по старшинству и званію. Затѣмъ васъ просятъ подойти и взять себѣ стулъ, но если вы сядете у двери, то васъ до тѣхъ поръ будутъ уговаривать занять болѣе почетное мѣсто въ переднемъ углу комнаты, пока не исполните желанія хозяевъ. Обстановка комнаты очень простая: большой сосновый столъ, нѣсколько тавихъ же стульевъ, ткацкій станокъ, одна или нѣсколько самопрялокъ и наконецъ нѣсколько длинныхъ скамеекъ. На этихъ скамейкахъ днемъ сидятъ, а ночью ихъ двигаютъ вѣстѣ и онѣ служатъ постелями. Хозяинъ и хозяйка дома спятъ на настоящей постели, которая стоитъ тутъ же въ сторонѣ и почти всегда съ занавѣсками. Надъ постелью виситъ толстая веревка на недобіе звонка, за которую при вставаніи хватаются лежащіе. Незабѣжное украшеніе комнаты—громко бьющіе часы и маленькая под-

ка съ книгами. Полъ усыпанъ ельникомъ или можжевельникомъ, изрубленнымъ на мелкіе куски. Въ шведскихъ комнатахъ обыкновенно устроенъ каминъ, выдающійся сверху карнизъ котораго украшенъ множествомъ незатѣйливыхъ бездѣлушекъ. Въ кладовыхъ, какъ и у норвежцевъ, большіе запасы сыровъ, соленаго мяса и толстыхъ лепешекъ съ дырочками посрединѣ, которые нанизаны на веревку и подвѣзаны къ потолку съ одного конца стѣны до другого. Понятно, что большое количество пристроекъ существуетъ у болѣе зажиточныхъ людей, однако и жилища бѣдняковъ въ этой странѣ несравненно лучше, помѣстительнѣе и комфортабельнѣе несчастныхъ грязныхъ конуръ, которыя мы встрѣчаемъ въ Шотландіи и Ирландіи.

Болѣе достаточные крестьяне живутъ хорошо: въ ихъ домахъ можно найти большой запасъ ржаной и овсяной муки, молоко, масло, сыръ, свинину. Говядину или баранину употребляютъ обыкновенно соленую.—нишіе классы чувствуютъ просто отвращеніе къ свѣжему мясу. Они много употребляютъ въ пищу овощей и въ особенности картофеля, безъ котораго они рѣдко садятся за столъ. Но ржаной хлѣбъ, въ тожъ видѣ, какъ мы его употребляемъ, совсѣмъ не знакомъ въ Швеціи, а бѣлый можно найти только въ нѣкоторыхъ городахъ. Въмѣсто нашего ржанаго хлѣба въ Швеціи употребляютъ «кнакебрѣдъ»,—твердый какъ камень, круглый хлѣбъ, величиною и толщиной съ тарелку, посреди съ дырочкой и испещренный полосками, чтобы его можно было легче разламывать. Въ шведскихъ кладовыхъ эти хлѣбы висятъ тысячами на веревкахъ, продернутыхъ сквозъ отверстіе посрединѣ. Ихъ пекутъ большею частью изъ ржаной муки и только въ сѣверныхъ провинціяхъ страны употребляютъ для этого овсяную. Изъ наитковъ они употребляютъ пиво, «finkel», или картофельную водку, и слабый чай, который пьютъ въ крестьянскомъ сословіи гораздо рѣже, чѣмъ кофе. О пищѣ шведовъ можно сказать то же самое, что и о жилищѣ: хотя въ неурожайные года они питаются очень плохо и подмѣшиваютъ даже иногда въ муку жолуди и древесную кору, но обыкновенно они ѣдятъ лучше, чѣмъ ирландцы, шотландцы и даже земледѣльцы Англій. Что же касается до среднихъ классовъ и до болѣе зажиточныхъ изъ крестьянъ, то столъ ихъ отличается большимъ изобиліемъ, чѣмъ это даже слѣдуетъ. Кромѣ множества блюдъ, которыя подаютъ, существенная часть шведскаго обѣда «бренвинсбордъ», т. е. столъ съ виномъ и закуской. Эта закуска съ виномъ обыкновенно приготовлена на особомъ столѣ, сплошь установленномъ множествомъ холодныхъ закусокъ и винъ. Кстати замѣтимъ, что за каждымъ обѣдомъ и завтракомъ, чуть не съ каждымъ блюдомъ, употребляютъ сахаръ. Можетъ быть вслѣдствіе того, что здѣсь употребляютъ много сахару, въ этой странѣ такъ часто встрѣчаются толстые люди. Впрочемъ этому, конечно, не мало способствуетъ также и ровное, покойное настроеніе духа и флегматичность жителей.

Мы считаемъ почти невозможнымъ описать нарядъ шведскихъ крестьянъ, потому что онъ значительно отличается не только въ каждой провинціи, но и въ различныхъ приходахъ. Единственная вещь, которая можетъ считаться характерною въ Швеціи, это головной уборъ женщинъ, или платокъ, различно наколотый, который носятъ почти во всей странѣ. Начиная отъ простаго пестраго бумажнаго платка, до богатаго парчеваго и атласнаго съ густой бахромой, почти всѣ шведки носятъ платки; однако есть мѣстности, гдѣ вмѣсто нихъ на голову надѣваютъ нѣчто въ родѣ сѣтки. Вотъ напр. одежда крестьянки прихода Герреста въ Шоненѣ: у нея стоячіе воротнички, концы цвѣтнаго кушака висятъ спереди, концы ея атласнаго платка, приколотаго чрезвычайно оригинально, торчатъ какъ крылья съ двухъ сторонъ головы; если она отправляется въ церковь, то въ рукахъ ея непремѣнно молитвенникъ, обернутый чистымъ носовымъ платкомъ. Подлѣ нея мужъ въ круглой шляпѣ, поля которой удлине-

ны спереди. Онъ въ сѣромъ пиджакѣ, обшитомъ свѣтло-зеленой матеріей, въ пале-выжъ узкихъ штанахъ, которые подвязаны нѣсколько ниже колѣнъ и съ боку кото-рыхъ висятъ по двѣ висточки, обувь его—высокіе сапоги. Однако есть приходы по сосѣдству, гдѣ мужчины вмѣсто сапоговъ носятъ башмаки и чулки.

Дороги, какъ въ Швеціи, такъ и въ Норвегіи, чрезвычайно хороши, — шведскія однако превосходятъ норвежскія: онѣ выровнены здѣсь какъ токъ, несравненно лучше, чѣмъ въ Англіи и самыя совершенныя во всемъ свѣтѣ. Какъ въ дѣтской коляскѣ на ровномъ полу, такъ же покойно и легко катитесь вы по здѣшнимъ дорогамъ въ національной тележкѣ—карріолѣ. Карріоль—національный экипажъ не только Швеціи, но всего Скандинавскаго полуострова. Это очень легкая, двухколесная открытая тележка, въ которую впрягаютъ одну лошадь. Въ этомъ маленькомъ экипажѣ можетъ помѣститься только одинъ человекъ. Свою небольшую поклажу путешественникъ ставитъ подъ ноги, но когда это его стѣсняетъ, онъ привязываетъ ее къ дощечкѣ, придѣланной позади экипажа. Для этой цѣли слѣдуетъ заранѣе запастись веревками или ремнями, такъ какъ въ дорогѣ ихъ трудно получить. На эту дощечку позади экипажа или на вашъ багажъ, привязанный къ ней, садится, а то и становится стоймя мальчикъ почтальонъ, называемый *skyldsgut*. Если возжи достаточно длинны, этотъ почтальонъ правитъ лошадью. Но часто это дѣлаетъ самъ путешественникъ, такъ какъ здѣшнія лошади очень смиренны и имѣютъ вѣрную поступь, а дороги вездѣ великолѣпны. Иногда карріоль состоитъ изъ четырехугольнаго деревяннаго ящика съ сидѣньемъ, гдѣ могутъ помѣститься двое; тогда поклажу кладутъ подъ сидѣнье, и «*skyldsgut*» садится рядомъ съ путешественникомъ. Когда идетъ дождь, то четырехугольная карріоль вся наполняется водой и, чтобы не сидѣть въ водѣ, остается одно средство: просверлить дно ящика для стока дождевой воды.

Религія шведовъ.—Доходы священниковъ и отношенія ихъ къ своей паствѣ.—Сектаторы.

Швеція—классическая страна лютеранизма, несмотря на это, ея церковь удержала большую часть пышности католической церкви. Въ обрядахъ богослуженія у шведовъ сохранилось гораздо болѣе слѣдовъ католицизма, чѣмъ у нѣмцевъ; даже облаченіе шведскихъ пасторовъ, особенно въ случаяхъ болѣе торжественныхъ, напоминаетъ одежду священниковъ западной церкви. Епископъ носитъ богатую ризу съ митрой, посохомъ и крестомъ. Въ требникѣ шведской церкви мы находимъ даже исповѣдь и объдню. Тайная исповѣдь происходила въ Швеціи еще 150 лѣтъ послѣ введенія реформаціи и только въ 1670 г. ея мѣсто заступила общая исповѣдь. Вы нерѣдко можете видѣть молящихся даже на колѣняхъ, но такіе обыкновенно стоятъ въ ризницѣ или на хорахъ; тѣ, которые помѣщаются на скамейкахъ, большею частію сидятъ съ опущенными головами. Теперь исповѣдь состоитъ въ томъ, что пасторъ говоритъ собравшимся короткую рѣчь о покаяніи и исправленіи, потомъ произноситъ отъ имени кающихся исповѣданіе о своихъ грѣхахъ и, не выслушавъ покаянія въ грѣхахъ, объявляетъ отпущеніе ихъ.

Вѣроятно потому, что шведская церковь сохранила католическій отпечатокъ, переходъ шведовъ-католиковъ въ лютеранскую религію совершился безъ большихъ волненій: народъ и не подозрѣвалъ, что произошла какая нибудь перемѣна, потому что внѣшность осталась прежняя.

Хотя королевскимъ эдиктомъ уже съ XVIII столѣтія было дозволено реформатамъ, англиканамъ и католикамъ открыто совершать свое богослуженіе, но до 1870 г. всѣ гражданскія права были исключительно связаны съ лютеранскимъ исповѣданіемъ. Не-

лютеране не имѣли въ Швеціи никакихъ политическихъ правъ; мало того, до самаго послѣдняго времени переходъ изъ лютеранской религіи въ какую нибудь другую вызывалъ изгнаніе изъ страны. Только въ 1870 году былъ изданъ законъ, который даровалъ право всѣмъ христіанскимъ сектаторамъ, католикамъ и евреямъ, наравнѣ съ послѣдователями господствующей религіи, занимать въ государствѣ всѣ должности, только съ однимъ ограниченіемъ: ни одинъ сектаторъ, католикъ или еврей не можетъ занять постъ министра.

Содержаніе священниковъ страшнымъ гнетомъ ложится на народъ. Они получаютъ доходы не только отъ общества, но и отъ правительства. Вездѣ въ селахъ для священниковъ существуютъ дома съ необходимыми при нихъ службами и полевыми угодьями. Имъ дозволяютъ пользоваться церковнымъ лѣсомъ и заниматься хлѣбопашествомъ. Они могутъ съ большою выгодною для себя хорошо вести сельское хозяйство, потому что обработка полей, уборка сѣнокосовъ и другія хозяйственные работы дѣлаются крестьянами безъ малѣйшей платы. Кромѣ обыкновенныхъ церковныхъ домовъ и полей, здѣшнее духовенство пользуется еще доходами съ отдѣльныхъ мызъ или дачъ, или съ такъ называемыхъ «гейматовъ». Но народу особенно обременительна такъ называемая *третья десятина*, по которой всѣ прихожане безъ исключенія, какъ крестьяне-землепашцы, такъ и дворяне-землевладѣльцы, обязаны отдавать въ пользу духовенства одну десятую часть всего сбора. Такою десятиною пользуется шведское духовенство еще отъ временъ католическихъ; третнюю же десятиною этотъ налогъ называется потому, что собственно священникъ пользуется изъ нея $\frac{1}{3}$ десятиннаго сбора, а другія двѣ трети въ свою очередь раздѣляются на три части, изъ которыхъ одна идетъ епископу, другая—церкви, третья—бѣднымъ. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Готландѣ, вся десятина сплошн отдается пастору. Главный предметъ третней десятины—пшеница, овесъ и всѣхъ родовъ зерновой хлѣбъ.

Избавиться отъ такого побора рѣшительно нѣтъ никакой возможности: если бы кто нибудь вздумалъ обратить свое поле въ лугъ или не обрабатывать его, а воздвигнуть на немъ какіе нибудь заводы или постройки, то и въ такихъ случаяхъ духовенство ничего не потеряетъ и владѣлецъ земли выплатитъ ему деньгами по существующимъ цѣнамъ и по урожаю даннаго года. Крестьяне, живущіе на берегахъ, даютъ вмѣсто зерна съ каждой своей лодки извѣстное количество рыбы. Отъ третней десятины шведскій законъ освобождаетъ только весьма немногихъ: священническихъ вдовъ, солдатъ, матросовъ и поселенцевъ пустопорожнихъ мѣстъ. Да и то относительно солдатъ и матросовъ слѣдуетъ замѣтить, что хотя они и освобождены отъ третней десятины, какъ люди неимѣющіе никакихъ полей, но за то и они, когда находятся дома, въ отпуску, должны отбывать оброкъ духовенству рабочими днями или платить извѣстную сумму денегъ. Что же касается до поселенцевъ пустопорожнихъ мѣстъ, то ихъ освобождаютъ отъ подати только на время.

Третная десятина простирается не только на зерновой хлѣбъ и рыбу, но рѣшительно на всѣ отрасли хозяйства. Существуетъ десятина со скота: съ овецъ, ягнятъ, телятъ, ковъ, жеребятъ и даже гусей; *десятина съ масла*—отъ каждой коровы фунтъ, натурою или деньгами по мѣстнымъ цѣнамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ десятина съ сѣна, дровъ и пр. Помимо всѣхъ этихъ поборовъ существуютъ еще такіе, которые введены обычаями. Къ такимъ доходамъ принадлежитъ плата за аттестаты, выдаваемые пасторами прислугѣ, при переходѣ ея изъ одного прихода въ другой, а также и при перемѣнѣ ею мѣста. При этомъ пасторы не только пользуются небольшою платою, которая вошла въ обычай, но и взятками, или такъ-называемыми «добровольными приношеніями». Прислуга знаетъ, что если пасторъ дастъ дурной

аттестать, то она нигдѣ не найдетъ себѣ мѣста, и приподноситъ своему пастырю по мѣрѣ силъ и возможности. Кромѣ сбора съ несчастныхъ служащихъ крестьянъ и крестьянокъ за аттестаты, существуетъ еще поборъ, называемый «рождественскимъ пропитаніемъ», или дань духовенству въ праздникъ Рождества. «Рождественское пропитаніе» состоитъ изъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ: яицъ, колбасъ, гусей и т. п. Кромѣ этого пасторы получаютъ отъ прихожанъ вознагражденіе за исполненіе требъ.

Юноши, желающіе посвятить себя церкви, кончаютъ свое образованіе въ университетахъ Лунда или Упсалы. Для поступленія въ духовное званіе, куда допускаются только по достиженіи 23-хъ лѣтняго возраста, они должны сдать не только обычный университетскій экзаменъ по богословію, но также экзаменъ на должность священника передъ мѣстнымъ духовнымъ судомъ. Затѣмъ, прежде чѣмъ получить мѣсто, они подвергаются вторичному, болѣе строгому экзамену. Въ пасторы обыкновенно идутъ сыновья достаточныхъ крестьянъ и люди средняго сословія. Не отличаясь въ Швеціи особенными пороками, этотъ классъ общества не заявилъ себя здѣсь и ничѣмъ особеннымъ: онъ не выказалъ ни особыхъ добродѣтелей, ни талантовъ, ни учености, ни особенно возвышенныхъ идеальныхъ стремленій. Вѣроятно вслѣдствіе хорошихъ доходовъ и зажиточности, здѣшнее духовенство отличается чрезвычайно выхощенною наружностью, плотностью и деродствомъ.

Главное основаніе лютеранскаго богослуженія — проповѣдь, и здѣсь она развита кажется болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Существуютъ отдѣльные уроки и множество специальныхъ сочиненій, какъ писать и говорить проповѣди. Оригинальный видъ имѣетъ шведскій пасторъ во время проповѣди: онъ говоритъ съ необыкновенной жестикуляціей, съ большимъ пафосомъ, болѣею частью искусственнымъ, въ рукахъ онъ непремѣнно вертитъ, а еще чаще размахиваетъ бѣлымъ носовымъ платкомъ, который впрочемъ оказываетъ ему множество услугъ: когда онъ забудетъ, что нибудь въ заученной рѣчи, онъ обмахиваетъ имъ себѣ лицо и заглядываетъ въ бумажку, гдѣ у него написана проповѣдь. Этотъ бѣлый платокъ, которымъ проповѣдникъ размахиваетъ во время своей проповѣди, существуетъ только для публички, а для обычнаго употребленія онъ вынимается каждый разъ другой, совсѣмъ грязный отъ нюхательнаго табаку.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ шведской церкви существовалъ оригинальный обычай — «покаяніе преступниковъ». Ихъ осуждали на покаяніе въ церкви не въ видѣ наказанія, а какъ необходимый актъ для принятія ихъ вновь въ лоно церкви. Они сидѣли даже на особыхъ скамьяхъ, которые вслѣдствіе этого назывались «скамьями преступниковъ». Каждое воскресенье почти во всѣхъ церквахъ вы могли видѣть такихъ преступниковъ, сидящихъ на особой, предназначенной для нихъ скамейкѣ. По окончаніи обѣдни священникъ подходилъ къ нимъ и говорилъ во всеуслышаніе рѣчь, въ которой распространялся о гнусности совершеннаго ими преступленія. Въ послѣднее время этотъ дикій обычай почти совсѣмъ вышелъ изъ употребленія.

Хотя масса населенія, какъ было сказано выше, исповѣдуетъ лютеранскую вѣру, но здѣсь встрѣчаются также католики, евреи и различныя секты: баптисты, мармоны, методисты, сведенборгіанцы, анабаптисты и др.; впрочемъ число сектаторовъ, весьма незначительно. Съ 1803 г. въ Швеціи возникла новая секта «лезаровъ», или чтецовъ, принадлежащихъ главнымъ образомъ къ крестьянскому сословию. Впрочемъ они не могутъ быть названы даже сектантами въ точномъ значеніи этого слова, потому что признаютъ правило и ученіе господствующей церкви; но, находя существующее богослуженіе недостаточнымъ, они собираются для молитвы и болѣе усерднаго поклоненія Богу въ одномъ изъ частныхъ домовъ, который они называютъ молебною. Они не имѣютъ никакой особенной формы богослуженія, но какъ показываетъ самое названіе ихъ, глав-

тѣмъ образомъ занимаются чтеніемъ и толкованіемъ Св. Писанія. Они посѣщаютъ также и общественное богослуженіе, но свое ученіе они считаютъ болѣе чистымъ, съ фанатизмомъ возстаютъ противъ всякихъ земныхъ и суетныхъ удовольствій.

Шведское правительство.—Какъ объявляли прежде объ открытіи сейма.—Четырехсословное представительство и вредъ такой системы для государства.—Шведскій сеймъ послѣ реформы.

Всѣ важныя реформы въ Швеціи произошли въ царствованіе Карла XV, который управлялъ страной съ 1859 по 1872 г. Огромное значеніе для страны имѣла реформа «сословнаго представительства». Извѣстно, что въ Швеціи до 1866 г. сеймъ состоялъ изъ представителей четырехъ сословій: *дворянства, духовенства, горожанъ и крестьянъ*. Это дѣленіе народныхъ представителей на четыре сословія получило свое развитіе еще въ началѣ XVI столѣтія и существовало въ Швеціи, какъ мы только что упомянули, до самаго послѣдняго времени, а именно до 1866 г. Эта система четырехсословнаго представительства страдала очень многими существенными недостатками.

Открытіе сейма въ то время происходило чрезвычайно торжественно. Герольдъ въ оригинальномъ костюмѣ, съ цимбалами и при барабанномъ боѣ, въ сопровожденіи отряда тѣлохранителей, торжественно объявлялъ въ разныхъ пунктахъ города объ открытіи сейма. (По конституціи 1809 г. сеймъ собирался одинъ разъ въ пять лѣтъ, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ, а съ 1840 г. постановлено собирать сеймъ разъ въ три года). При этомъ происходила двойная церемонія, сначала религіозная, потомъ свѣтская, существенная часть которой состояла въ торжественномъ обѣдѣ въ огромной залѣ, куда являлся король съ вѣнкомъ на головѣ и со скипетромъ въ рукахъ, окруженный принцами и высшими сановниками. Послѣ королевской рѣчи, маршалъ государства—президентъ дворянства и ораторы трехъ остальныхъ сословій привѣтствовали короля торжественными рѣчами, на которыя онъ съ своей стороны немедленно отвѣчалъ тѣмъ же. Этимъ и кончалась публичная церемонія. Эта болтовня и средневѣковые торжественные обычаи не могли однако уничтожить въ народѣ все болѣе и болѣе просыпающееся сознаніе пагубнаго вліянія четырехсословнаго представительства.

Исторія Швеціи представляетъ постоянную борьбу двухъ стремленій: съ одной стороны къ неограниченной монархіи, съ другой къ аристократической республикѣ. Впрочемъ дѣло никогда не доходило до совершеннаго уничтоженія монархическаго начала, и королевская власть, хотя въ самомъ ограниченномъ видѣ, всегда существовала въ Швеціи.

Шведское государство отличалось еще и другими характерными особенностями. Вслѣдствіе суроваго климата и неплодной почвы, въ Швеціи никогда не могла развиться городская жизнь, какъ это мы видимъ на западѣ. Это вліяло на торговлю, которая никогда не была въ цвѣтущемъ состояніи и ограничивалась вывозомъ сыраго матеріала. Фабричной промышленности почти не существовало и она ограничивалась производствомъ разныхъ предметовъ на дому, за исключеніемъ рудокопства, которое тоже не могло сосредоточиться въ городахъ. И въ настоящее время въ Швеціи чрезвычайно мало городовъ. Исключая безлюднаго Норланда, въ странѣ около 75 городовъ съ самымъ незначительнымъ народонаселеніемъ. Съ этою малочисленностью городского населенія находится въ тѣсной связи и бѣдность городовъ. Но мы прежде всего обращаемъ на нее вниманіе потому, что при четырехсословномъ представительствѣ каждое сословіе имѣло на шведскомъ сеймѣ только *одну* голосъ и потому 100,000 горожанъ имѣли на сеймѣ такое же значеніе, какъ 2.000,000 крестьянъ или какъ все дворянское сословіе, владеющее въ Швеціи половиною поземельной собственности.

Дворянство Швеціи дѣлится на три категоріи: 1) графы и бароны, 2) кавалеры, или старые столбовые дворяне, 3) фамиліи, возведенныя въ дворянство не раньше XVII столѣтія. Глава каждой фамиліи имѣлъ право присутствовать на сеймѣ. Если дворянинъ не желалъ или не могъ почему нибудь воспользоваться этимъ правомъ, онъ могъ передать свой голосъ другому. Слѣдствіемъ этого было то, что высшее сословіе торговало своимъ правомъ голоса, продавало его иногда очень выгодно и служило постояннымъ орудіемъ всевозможныхъ интригъ: бѣдные и промотавшіеся дворяне продавали свое право голоса разбогатѣвшимъ купцамъ. Президентъ дворянской камеры, назначаемый королемъ, носилъ названіе маршала и считался вмѣстѣ съ тѣмъ главою всего собранія государственныхъ чиновъ и такимъ образомъ тамъ, гдѣ онъ могъ имѣть вліяніе, онъ прежде всего охранялъ интересы дворянства.

Такая система шведскаго представительства, при своемъ коренномъ недостаткѣ, страдала кромѣ того страшною запутанностью по многимъ вопросамъ. Напримѣръ не было выяснено, въ какомъ сословіи должны были подавать голоса дворяне, не владѣющіе дворянскимъ имуществомъ. Люди, имѣвшіе въ уѣздахъ фабрики, не могли подавать голоса ни въ одномъ изъ четырехъ сословій: они не были горожанами, потому что не жили въ городахъ и не имѣли тамъ недвижимой собственности, они и не крестьяне, потому что не принадлежали къ составу сельской общины. Ученый, литераторъ, художникъ — не имѣли права избранія, пока не получали дворянскаго достоинства или не приобрѣтали правъ горожанина. Дѣла шли съ необыкновенною медленностью, и всѣ болѣе и болѣе стали сознать вредъ четырехсословнаго представительства. Посредствомъ разныхъ мѣропріятій и льготъ думали заставить забыть народъ объ устарѣлой формѣ правленія. Законъ 1820 г. поправилъ пропускъ конституціи и далъ право владѣтелямъ рудниковъ и желѣзныхъ заводовъ избирать трехъ депутатовъ, которыхъ причислили въ камеру горожанъ и т. п. Но это мало измѣняло положеніе дѣлъ. Наконецъ, въ 1866 г. при Карлѣ XV произошла реформа, вслѣдствіе которой было уничтожено четырехсословное представительство.

По основнымъ законамъ Швеціи — ограниченная монархія, наследственная по мужской линіи, по праву первородства. Нынѣшній шведскій король Оскаръ II наследовалъ своему брату королю Карлу XV въ 1872 г. Королю принадлежитъ теперь исполнительная власть, а законодательную онъ раздѣляетъ съ сеймомъ или съ рейхстагомъ; ему принадлежитъ также высшее начальство надъ всей арміею, право вести переговоры съ иностранными государствами, объявлять войну и заключать миръ, но при каждой мѣрѣ, какую онъ вздумаетъ провести, онъ долженъ узнать мнѣніе штатсрата, который состоитъ изъ двухъ министровъ (иностранныхъ дѣлъ и юстиціи) и восьми штатсратовъ, изъ которыхъ большинство начальники различныхъ департаментовъ (войны, мореплаванія, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и т. п.).

Шведскій сеймъ состоитъ теперь изъ двухъ палатъ, избираемыхъ народомъ; обѣ палаты имѣютъ одинаковыя права и значеніе. Члены первой палаты должны имѣть по крайней мѣрѣ 35 лѣтъ отъ роду и не менѣе 4,000 кронъ ежегоднаго дохода (кроме 34¹/₂ кош. на наши деньги).

Первая палата состоитъ изъ 127 членовъ, которые избираются на девять лѣтъ провинціальными сеймами и не получаютъ никакого содержанія. Члены второй камеры избираются на три года; число ихъ 194 члена, изъ которыхъ 57 избираются городами, а остальные сельскими округами. Они должны имѣть непремѣнно 25 лѣтъ, по крайней мѣрѣ 800 кронъ ежегоднаго дохода и получаютъ вознагражденіе въ 1,200 кронъ за каждый рейхстагъ. Выборы производятся закрытою подачею голосовъ. Первая палата, состоящая изъ членовъ болѣе богатыхъ и пожилыхъ, отличается болѣе консервативнымъ

интересности; вторая же часть современно широко сдѣлается настоящей представительницей народа и его интересовъ.

СТОКГОЛЬМЪ.

Первое впечатлѣніе, которое производитъ этотъ городъ.—Его улицы, зданія и жизнь.—Зоологическій садъ, его увеселенія и празднества.—Окрестности города.—Меларъ и его замки.

Столица Швеціи, Стокгольмъ, превосходить всѣ сѣверные города Европы красотами природы и многочисленными историческими памятниками. Окруженный со всѣхъ сторонъ и перерѣзанный всюду водою, онъ по своему мѣстоположенію напоминаетъ Венецію, хотя не имѣетъ ея дивныхъ дворцовъ.

Шведская столица построена на островахъ и полуостровахъ, лежитъ у озера Меларъ и прекрасно расположена амфитеатромъ вокругъ гавани, представляя штору, на склонахъ окрестныхъ горъ, безчисленныя дачи и замки, а на вершинахъ богатые лѣса. Стокгольмъ славится своими красивыми и въ высшей степени оригинальными окрестностями. Горы, обнаженныя или покрытыя зеленою скалою, холмы, озера, рѣки, плодородныя поля, тѣнистыя лѣса, богатые луга, роскошныя, величественныя замки и простенькіе, но красивенькіе загородные домики перемежаются другъ съ другомъ.

Окружность города имѣетъ двѣ шведскія мили (3 геогр. мили). Число жителей сравнительно съ величиною города незначительно. Причина этого въ томъ, что шведы занимаютъ большіе помѣщенія, чѣмъ въ странахъ южныхъ. Не только люди богаты, но даже каждый ремесленникъ стремится здѣсь имѣть по крайней мѣрѣ три комнаты: спальню, рабочую комнату и пріемную. Въ настоящее время здѣсь считаютъ 152,000 жителей и при этомъ женщинъ гораздо болѣе чѣмъ мужчинъ: на 1,000 женщинъ приходится 820 мужчинъ. Этотъ перевѣсъ женскаго населенія надъ мужскимъ въ то-часъ замѣчается: во многихъ заведеніяхъ, въ которыхъ обыкновенно держатъ мужскую прислугу, тутъ прислуживаютъ женщины; даже въ мужскихъ баняхъ—женская прислуга. Кстати замѣтимъ, что стокгольмскія бани устроены со всевозможнымъ комфортомъ и роскошью, напоминающими востокъ. Тутъ такъ же, какъ и на востокѣ, существуютъ бани, въ которыхъ, вмѣсто того, чтобы прямо начать мыться, переходятъ изъ одного отдѣленія въ другое, чтобы пропотѣть, согрѣться и подвергнуться разнымъ баннмъ операціямъ.

Стокгольмъ—самый оригинальный изъ всѣхъ европейскихъ городовъ. Всѣ остальные города въ мірѣ совершенно измѣнили тотъ клочекъ земли, на которомъ они были первоначально построены: горы непремѣнно снесены, углубленія засыпаны, рѣки отвѣдены. Мало того, не только природа города вскорѣ совершенно измѣняется, но большія европейскія столицы имѣютъ обыкновенно огромное вліяніе на нѣсколько миль въ окружности: какъ бы ни была пустыня мѣстность кругомъ, она обращается въ плодороднѣйшіе сады; самыя непроходимыя болота—нерѣдко въ прекрасныя парки. Въ другихъ европейскихъ городахъ сады и поля, фабрики и дачи уже за нѣсколько часовъ до города даютъ знать о приближеніи къ нему. Въ многихъ мѣстахъ мы не можемъ точно опредѣлить, гдѣ городъ начинается и гдѣ онъ оканчивается. Совсѣмъ другое вы видите въ Стокгольмѣ. Городъ этотъ построенъ почти въ пустынѣ, посреди шведскаго первобытнаго лѣса, и этотъ характеръ сохранился въ немъ и до сихъ поръ. Правда, одна огромная вершина въ Нормальмѣ (Нормальмъ—сѣверная часть города) снесена и уравнена, на мѣстѣ одного огромнаго болота теперь паркъ съ тѣлес-

тими аллеями, но стоит только войти на обсерваторію въ Нормальмъ, и вы посреде города, рядомъ съ домами, увидите обнаженную, первобытную каменную массу. Здѣсь дворецъ, а рядомъ съ нимъ обрывается скала иногда совершенно отвѣсно на 100 и болѣе футовъ. Вмѣсто того, чтобы слѣдовать по углубленіямъ и обходить возвышенности, улицы здѣсь, особенно въ Зѣдермальмъ (южная часть города), идутъ то вверхъ, то внизъ. Люди и экипажи, появляющіеся на возвышеніяхъ, обрисовываются на небѣ и это производитъ странное впечатлѣніе.

Тамъ, гдѣ мы встрѣчаемъ скалистыя возвышенія, они всегда разорваны, расщеплены и обнажены и только изрѣдка покрыты мхомъ или травой. Дождевая вода останавливается въ углубленіяхъ, и дѣти пускаютъ на ней кораблики, которые они отлично умѣютъ вырѣзать изъ коры. Такимъ образомъ Стокгольму до сихъ поръ не удалось обработать почву, на которой онъ стоитъ, и это еще менѣе посчастливилось ему сдѣлать по отношенію къ своимъ окрестностямъ. Приближаясь къ Стокгольму, путешественникъ встрѣчаетъ богатые поля, сады и дома, какъ исключеніе; передъ нимъ, какъ и во время его путешествія по всей странѣ, лежитъ дикая пустыня, гдѣ онъ встрѣчаетъ твердый гранитъ съ его возвышеніями и волнистыми линіями, противящійся всякой обработкѣ. Какъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ страны, такъ и близъ Стокгольма, природа имѣетъ серьезный характеръ и нерѣдко большія пространства покрыты первобытнымъ лѣсомъ. Съ какихъ бы возвышенныхъ пунктовъ вы ни наблюдали Стокгольмъ—съ Мозебакке или съ обсерваторіи, съ возвышенностей зоологическаго сада или съ Бунгстольма, то близко, то нѣсколько далѣе, вы видите первобытный лѣсъ и мертвую пустыню скалъ, которые рѣзко выдѣляются среди блеска и великолѣпія шведской столицы. Эта особенность Стокгольма, эта непосредственная близость дворцовъ и скалъ, культуры и пустыни—заинтересовываютъ каждого съ первой минуты.

Если представить себѣ руку, которая держитъ два открытыхъ вѣера, то это будетъ вѣрное изображеніе вѣшной физіономіи Стокгольма. Рука эта будетъ 1) Стаденъ—старый городъ, который лежитъ на островѣ и соединяется посредствомъ мостовъ съ двумя меньшими островами: Риддергольмомъ и Хельдеангольмомъ; одинъ вѣеръ будетъ изображать 2) сѣверное предмѣстье—Нормальмъ или просто Норъ вмѣстѣ съ двумя островами, соединенными мостами. Сюда же принадлежатъ лежащіе на востовѣ Ладугардсланъ и Дьургардс-Стаденъ (городъ зоологическаго сада) и остальные сѣверныя части города. Другой вѣеръ будетъ изображать 3) Зѣдермальмъ—южное предмѣстье, или просто Зѣдеръ вмѣстѣ съ двумя островами Мелара. Остальные кварталы города расположены еще на нѣсколькихъ островахъ. Отдѣльныя части соединены между собою каменными, деревянными или длинными плывучими мостами. Кромѣ того сообщеніе между различными частями города и окрестностями поддерживается множествомъ маленькихъ пароходовъ и лодокъ, которые также много способствуютъ оживленію этого морскаго ландшафта.

Стокгольмъ не представляетъ, какъ мы уже говорили, города церквей и великолѣпныхъ дворцовъ: еще недавно тутъ было очень много деревянныхъ построекъ, но послѣ нѣсколькихъ пожаровъ стали все болѣе и болѣе возникать каменные зданія, широкія улицы и большія площади. Во всѣхъ главныхъ частяхъ города самое красивое мѣсто—набережная, которая окаймляетъ всѣ берега и съ которой открываются разнообразныя и красивые виды на острова и на различныя части города.

Положеніе Стокгольма очень выгодно въ торговомъ отношеніи. Большая гавань, защищенная отъ вѣтровъ, даетъ возможность даже самымъ большимъ пароходамъ войти до центра города, а Меларъ представляетъ удобное сообщеніе съ самыми плодородными провинціями внутри страны.

Надъ всѣми строеніями Стадена поднимается королевскій замокъ, къ которому со всѣхъ сторонъ примыкають красивыя зданія. Онъ не только виденъ во всѣхъ частяхъ города, но когда еще приближаешься къ Стокгольму, онъ производитъ величественное впечатлѣніе. Онъ построенъ въ благородномъ итальянскомъ стилѣ и представляется еще болѣе красивымъ вслѣдствіе своего великолѣпнаго мѣстоположенія, такъ что никакой другой дворецъ не можетъ сравниться съ нимъ. Онъ открыто поднимается посреди Стокгольма на постепенно возвышающейся горѣ, подножіе которой постоянно омывается съ двухъ сторонъ Меларомъ и Соленымъ озеромъ. Съ этой горы во всѣ стороны открывается прелестный видъ на оба озера, на всѣ острова и проливы, на гавань, шкеры и на части города, поднимающіяся по склонамъ горъ. Королевскій замокъ построенъ Тессиномъ изъ высѣченныхъ гранитныхъ глыбъ. Внутренность этого изящнаго королевскаго дворца соотвѣтствуетъ его великолѣпному наружному виду и содержитъ, кромѣ королевскихъ комнатъ, дворцовую капеллу, большой тронный залъ и комнаты для художественныхъ и научныхъ коллекцій.

Стаденъ — самая древняя, но не самая красивая часть города; улицы въ немъ узкія, кривыя и неровныя; дома высокіе, мрачныя нѣмецкой архитектуры. При возникновеніи Стокгольма дома строились почти безъ всякаго плана. Биржа, банкъ и монетный дворъ — огромныя строенія, но далеко не величественны. Здѣсь царствуетъ торговый міръ. Около набережной останавливаются купеческіе корабли. Улицы очень мало оживлены: экипажей совсѣмъ почти не видно, и во многихъ мѣстахъ имъ невозможно было бы и разѣхаться. Двѣ болѣе широкія улицы пересѣкають Стаденъ по всей его длинѣ, но онѣ соединяются между собою такими тѣсными переулками, какихъ вы не встрѣтите въ другихъ частяхъ шведской столицы. Магазины, лавки, конторы обыкновенно занимають нижній этажъ этихъ старинныхъ домовъ, фронтоны и внѣшнія украшенія которыхъ напоминають XV и XVI столѣтіе. Названіе улицъ и переулковъ очень часто взято изъ мифологіи. Здѣсь встрѣчаются имена Плутона, Прозерпины, Юноны и всѣхъ девяти музъ. Островъ, на которомъ расположенъ Стаденъ, соединяется съ островомъ Риддергольмъ посредствомъ моста. Здѣсь возвышается Риддергольмская церковь, которую можно назвать шведскимъ пантеономъ, такъ какъ здѣсь погребають шведскихъ королей. Въ прежнія времена этотъ шведскій пантеонъ былъ монастырскою церковью. Первоначально Риддергольмская церковь была построена въ готическомъ стилѣ, но нѣсколько столѣтій тому назадъ въ нее ударила молнія и она была сильно повреждена огнемъ и водой. Въ 1842 г. она была восстановлена въ своемъ прежнемъ видѣ, но въ разныя времена ее увеличивали пристройками разнаго стиля. Высоко надъ крышей церкви поднимается на огромную высоту въ 302 фута стройная башня изъ чугуна, самая высокая во всей Швеціи. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія изъ бывшей монастырской церкви францисканскихъ монаховъ, за исключеніемъ главнаго алтаря, убрали все, что напоминаетъ о католическомъ богослуженіи и обратили ее въ пантеонъ и мавзолей Швеціи. Въ ея skleпахъ и подъ ея мраморными плитами покоятся величайшіе люди и извѣстнѣйшіе короли страны. Только Густава Вазы не достааетъ въ ихъ ряду: онъ похороненъ съ своими двумя женами въ готическомъ соборѣ въ Упсалѣ. Пилястры, которые поддерживають сводъ, украшены гербами, трофеями и знаменами погребенныхъ здѣсь людей. Здѣсь, куда вы ни взглянете, вездѣ знамена и оружія. Военныя трофеи изъ пурпура, саркофаги изъ гранита и порфира, вездѣ воспоминаніе о битвахъ и о славѣ шведскаго оружія. Здѣсь передъ нами проходитъ шесть столѣтій изъ исторіи Швеціи; теперь могильная тишина изрѣдка нарушается только шагами любопытныхъ, которые приходятъ осматривать церковь; потомъ въ ней снова наступаетъ тишина и только по ночамъ иногда, какъ рассказываетъ шведскій народъ, когда странъ

грозитъ какая нибудь опасность, мечи и латы съ шумомъ ударяются другъ о друга. Только одинъ разъ въ году здѣсь говорятъ рѣчь, а именно въ день открытія рейхстага.

Старый городской ровъ идетъ отъ Мелара до Соленого озера. На одномъ берегу выгружаютъ желѣзо, «мозгъ земли», какъ его называютъ шведы, привезенное сюда изъ кузницъ; тутъ его вѣшаютъ и сортируютъ, а на другой сторонѣ нагружаютъ на морскіе корабли. Глядя на огромныя массы желѣзныхъ полосъ, которыя лежатъ подъ открытымъ небомъ и дожидаются отправки, можно подумать, что Швеція снабжаетъ весь міръ этимъ металломъ, но шведское желѣзо составляетъ только маленькую частичку всего желѣза, вырабатываемаго на землѣ. Загорѣлые носильщики, одѣтые въ полотняные штаны, синюю рубашку и кожаный передникъ, снуютъ взадъ и впередъ. Одни изъ нихъ несутъ на плечѣ по двѣ, по три полосы желѣза, а другіе по пяти и даже по шести. Для защиты плеча каждый носильщикъ имѣетъ подушку изъ кожи, обшитую шинами. Эти подушки прикрѣпляются ремнемъ, который идетъ по груди и по спинѣ. Когда носильщикъ приближается къ мѣсту, гдѣ складываютъ желѣзо, онъ останавливается, потомъ приподнимаетъ плечо и сразу сбрасываетъ полосы, которыя съ шумомъ падаютъ на землю.

Зѣдермальмъ, или южное предмѣстье, прежде представляло только дикія горы. Оно круто и отвѣсно возвышается, такъ что дома выглядятъ какъ гнѣзда птицъ, прилѣпленныя къ горѣ. Вы отправляетесь вдоль Бесвергата (Трудная улица), которая, то поднимаясь вверхъ, то опускаясь внизъ, идетъ до самой высокой и скалистой части Зѣдермальма, до Скинарвикена. Здѣсь скалы обрываются отвѣсно на двѣсти футовъ къ Мелару. Въ ущельяхъ и у самаго берега пріютились различныя фабрики, которыя поддерживаютъ сношенія съ городомъ преимущественно водою. На высотѣ же стоитъ цѣлый лабиринтъ домовъ, выстроенныхъ изъ дерева и выкрашенныхъ красной краской. Вообще Скинарвикенъ извѣстенъ какъ самая плохая часть города. Первоначально эти скалистыя высоты служили выгономъ скота и тутъ стоялъ цѣлый рядъ вѣтряныхъ мельницъ, на которыхъ молотся хлѣбъ стокгольмцевъ. Въ настоящее время мы не находимъ здѣсь ни стадъ, ни вѣтряныхъ мельницъ, но скалистая почва до сихъ поръ не поддавалась обработкѣ. Всюду она выступаетъ огромными массами, на которыхъ стоятъ дома. Даже и теперь между выстроенными домами взрываютъ скалы и уравниваютъ почву. Тутъ, какъ и во всей странѣ, идетъ вѣчная борьба съ упорнымъ гранитомъ. Хотя и здѣсь есть нѣсколько большихъ и хорошихъ зданій, но большею частью домики очень маленькіе и въ нихъ живутъ люди, занимающіеся мелкою торговлею и небольшими заработками. Но возвратимся къ Скинарвикену. Взобравшись на самую его большую возвышенность, мы очутимся на расколотой первобытной каменной массѣ, и передъ нами раскроется превосходная картина: весь городъ точно плыветъ на морѣ. Съ одной стороны вы видите Меларъ съ замками и дворцами, съ другой—острова, въ высшей степени разнообразныя; напротивъ Нормальмъ, а направо море домовъ Стадена и Риддерсгольма, надъ которыми возвышается королевскій замокъ; далѣе виднѣются высоты Зоологическаго сада, а позади простирается Зѣдермальмъ съ своими то подымающимися, то опускающимися массами домовъ. Гдѣ прекращаются дома, тамъ возвышаются холмы гранитной почвы, пустынные, какъ потокъ застывшей лавы, и наконецъ ихъ окаймляетъ первобытный лѣсъ—эта неизбежная рамка шведскаго ландшафта.

Третья главнѣйшая часть города, Нормальмъ, представляетъ часть суши и соединена со Стаденомъ великолѣпнымъ гранитнымъ мостомъ въ 1000 футовъ длиною. Мостъ оканчивается непосредственно у большой площади Густава Адольфа, посреди которой возвышается конная статуя. Нормальмъ служитъ мѣстопребываніемъ аристократіи и министровъ и поэтому украшенъ великолѣпными домами.

Для Стокгольма Дьургарденъ, или Зоологическій садъ, тоже что для Вѣны—Прагеръ, для Рима—Вилла Боргезе, для Парижа—Булонскій лѣсъ. Дьургарденъ былъ нѣкогда зоологическимъ садомъ, но теперь это прекрасный огромный паркъ съ великолѣпными большими дубами, съ прелестными виллами, съ многочисленными рестораціями, съ каруселями. Зоологическій садъ теперь—средоточіе всевозможныхъ увеселеній стокагольмцевъ. Особенно много жизни здѣсь по воскресеньямъ. Богатые имѣютъ здѣсь дачи; даже одинъ изъ шведскихъ королей построилъ себѣ тутъ красивый загородный замокъ Розендалъ. Кромѣ того здѣсь находится маленькій театръ, въ которомъ играютъ только лѣтомъ.

Зоологическій садъ занимаетъ почти весь островъ, имѣющій полмили въ окружности. Всѣ постройки возвышаются на краю острова, а внутри прекрасныя мѣста для прогулки, съ аллеями, съ группами скалъ и съ романтической глушью лѣса.

Лѣтомъ стокгольмцы безпрестанно посѣщаютъ окрестности города, но болѣе всего Зоологическій садъ. Пароходы по праздникамъ каждыя пять минутъ привозятъ множество желающихъ погулять въ его тѣнистыхъ аллеяхъ. Вообще здѣсь отличное сообщеніе посредствомъ пароходовъ и на нихъ можно сѣсть, откуда угодно: стоитъ только помахать платкомъ и пароходъ быстро подходитъ къ скалѣ, на которой стоишь, и вы соскакиваете на него. Такъ какъ пароходы у каждой пристани останавливаются почти каждую минуту, то стокгольмцы никогда не торопятся на нихъ бѣжать: если одинъ и отойдетъ въ ихъ глазахъ, то сейчасъ же приблизится другой. Эти пароходы настоящіе водяные omnibusы и ни одинъ городъ не способствуетъ такъ ихъ распространенію, какъ Стокгольмъ, расположенный на многихъ островахъ, раздѣленныхъ широкими каналами, похожими на проливы. Если бы эти каналы были узки, пароходы не имѣли бы достаточно мѣста; но здѣсь они разѣзжаются на просторныхъ водахъ, сколько имъ вздумается. Кромѣ того всѣ окрестности Стокгольма, какъ со стороны суши, такъ и съ моря, имѣютъ характеръ шкеръ и на протяженіи многихъ миль острова смѣняются каналами. На этихъ островахъ и у этихъ проливовъ расположены тысячи веселенькихъ лѣтнихъ дачъ, множество замковъ, и почти шестая часть населенія Стокгольма переѣзжаетъ на лѣто за городъ. Поэтому здѣсь такъ необходимы пароходы и ихъ такъ много; они даютъ возможность купцу, занимающемуся въ городѣ каждый день, отправляться къ своему семейству на одинъ изъ острововъ Соленого озера или Мелара; они увеличиваютъ число торговцевъ, снабжающихъ эти загородныя жилища, и необыкновенно оживляютъ лѣтомъ жизнь шведовъ.

Лишь только пароходъ пристаеъ къ низкому берегу Зоологическаго сада, предъ вами тотчасъ открывается множество прекрасныхъ зданій съ тѣнистыми садами и съ дивными верандами. Пройдемъ по большой улицѣ, которая идетъ по южной, ровной части Зоологическаго сада, и передъ нами, направо и налево, одинъ за другимъ мелькаютъ сады, виллы; направо отъ насъ, за деревьями виднѣтся Соленое озеро съ прибывающими и отплывающими кораблями, а съ лѣвой стороны отвѣсно поднимаются скалистыя высоты. И здѣсь, въ этомъ паркѣ, все тотъ же характеръ природы страны. Между тѣмъ, какъ равнина представляетъ намъ самую утонченную роскошь, на уединенныхъ скалистыхъ высотахъ Зоологическаго сада, на которыя вы съ трудомъ взбираетесь по голымъ камнямъ, царствуетъ безмолвіе пустыни. Вы вдругъ очутились здѣсь среди шведскаго первобытнаго лѣса, среди скога. Стѣны утеса круто обрываются къ югу и совершенно недоступны, а вершину гранитныхъ высотъ покрываетъ дикій сосновый лѣсъ. Посреди этого лѣса вы легко можете вообразить себя далеко отъ всякой культуры, но когда подойдете къ краю скалы, вамъ представится необыкновенно величественный ландшафтъ.

Недалеко от одной из пристаней находится вилла Бистромъ, построенная болѣею частью изъ каррарскаго мрамора въ древне-итальянскомъ стилѣ. Недалеко отсюда находится гостинница съ прекраснымъ садомъ, въ которомъ по вечерамъ обыкновенно даютъ концерты и гдѣ стоитъ дубъ, воспѣтый любимымъ шведскимъ поэтомъ Бельманомъ. По тѣмной аллеѣ вы достигаете равнины Зоологическаго сада, гдѣ акробаты, маріонетки, шарманки, пѣвцы и т. п. привлекаютъ публику. Перваго мая здѣсь происходитъ народный праздникъ, въ которомъ принимаетъ участіе королевскій дворъ, и тогда стекается сюда весь Стокгольмъ. Кромѣ загороднаго замка Розендаля, въ Зоологическомъ саду особенное вниманіе обращаетъ на себя гигантская ваза изъ эльфдальскаго порфира, которая имѣетъ 12 футовъ въ поперечникѣ и 9 ф. высоты. Она находится въ сѣверномъ, полукругломъ саду Зоологическаго сада.

Множество дорогъ ведутъ отъ Розендальскаго замка по всѣмъ направленіямъ къ прекраснымъ лугамъ и лѣсамъ. Вы проходите черезъ еловый лѣсъ и достигаете перекрестка, гдѣ на возвышенности, осѣненной вѣковѣчными дубами, стоитъ бронзовый бюстъ шведскаго поэта Бельмана, который былъ торжественно открытъ 26-го іюля 1829 года. Съ тѣхъ поръ въ этотъ день ежегодно стекается сюда масса народа. Такъ какъ Бельманъ прежде всего воспѣвалъ любовь, то молодежь обою пола считаетъ своимъ долгомъ присутствовать на этомъ праздникѣ. Невѣста является тогда непременно въ сопровожденіи своего жениха.

Бельманъ былъ пѣвецъ любви и вина; онъ родился въ 1740 г. въ Стокгольмѣ и учился въ Упсалѣ. Сначала онъ служилъ въ одной торговой конторѣ, а потомъ занималъ должность секретаря у короля Густава III и былъ его любимцемъ. Бельманъ былъ порядочный кутила, любилъ жить весело, проводить время въ попойкахъ и веселыхъ пирушкахъ и возводилъ это даже въ принципъ. Большую часть своихъ стихотвореній и пѣсней онъ импровизировалъ въ Зоологическомъ саду, во время шумныхъ пировъ, часто продолжавшихся всю ночь и послѣ которыхъ нерѣдко онъ тутъ же падалъ отъ усталости. Потому-то въ Зоологическомъ саду и празднуютъ его память, оттого здѣсь и поставили его бюстъ. Такъ какъ онъ былъ любимцемъ короля, то онъ нерѣдко бывалъ на придворныхъ пирахъ. Веселая жизнь, полная удовольствій, отразилась и на поэзіи Бельмана; онъ легко владелъ языкомъ, писалъ игриво и остроумно. Шведы, которые съ полнымъ увлеченіемъ пользуются всѣми удовольствіями, боготворятъ Бельмана и жадно раскупаютъ его произведенія. Въ Стокгольмѣ существуетъ даже особый орденъ — «орденъ Бельмана», члены котораго ежегодно, въ день, посвященный его памяти, совершаютъ извѣстную церемонію. 26-го іюля, послѣ того какъ народъ провелъ вечеръ и большую часть ночи, слушая музыку, пѣніе и изрядно угостившись пуншемъ, члены «ордена Бельмана» собираются около его бюста и поютъ хоромъ его пѣсни. Послѣ этого президентъ ордена говоритъ нѣсколько словъ о значеніи поэта и его поэзіи и затѣмъ, въ честь Бахуса, выливаетъ стаканъ вина на голову поэта. Въ ту же минуту раздается оглушительное «ура» въ честь Бельмана и затѣмъ слѣдуетъ опять пѣніе. Бюстъ Бельмана дѣйствительно представляетъ могучую голову съ рѣзкими чертами лица, напоминающими голову Вакха. Взглянувъ на эту могучую фигуру и на веселое лицо, невольно думаешь о винѣ и шумныхъ пирахъ.

Мы упоминали уже о томъ, что въ окрестностяхъ города чрезвычайно много великолѣпныхъ замковъ. Это объясняется тѣмъ, что ни одинъ король не избираетъ своимъ лѣтнимъ мѣстопробываніемъ дворецъ своего предшественника. Каждый изъ нихъ выбираетъ себѣ новое мѣсто, строитъ замокъ по вкусу и наполняетъ комнаты драгоценностями и рѣдкостями. Иногда онъ выбираетъ себѣ запущенный замокъ, въ которомъ уже давно не живъ ни одинъ изъ его предшественниковъ и отдѣлываетъ его за-

ново. Этимъ и объясняется множество загородныхъ замковъ въблизи столицы и главныхъ городовъ Швеціи: Около Стокгольма ихъ особенно много. Въ этихъ загородныхъ замкахъ происходила большая часть событій изъ исторіи страны.

Тѣ, которые не могутъ поселиться гдѣ нибудь на зеленомъ берегу, совершаютъ прогулку за городъ. Кромѣ того здѣсь существуетъ обычай, чтобы члены клуба и каждая многочисленнаго общества сообща праздновали хотя одинъ разъ въ лѣто какой нибудь день. Для этой цѣли на пароходѣ отправляются куда нибудь подальше. Уже за нѣсколько дней членамъ объявляютъ о днѣ праздника посредствомъ газетъ. Рано утромъ собираются участвующие и обыкновенно при звукахъ музыки отправляются на зеленый Меларъ. Иногда какой нибудь богатый помѣщикъ отдаетъ свой паркъ въ распоряженіе общества и тогда ему устраиваютъ серенаду или благодарять въ печати въ одной изъ газетъ.

Оригинальный видъ принимаютъ дома Стокгольма во время лѣта: чтобы умѣрить яркіе солнечные лучи, окна домовъ уѣхавшихъ на дачу замазываютъ мѣломъ изнутри; иногда на стеклахъ рисуютъ занавѣски или спущенныя сторы. Въ нѣкоторыхъ домахъ оставляютъ незакрашеннымъ одно стекло: оно служитъ для того, чтобы оставшаяся прислуга могла смотрѣть на улицу.

Поговоримъ о Меларѣ, къ берегамъ и островамъ котораго такъ стремятся стокгольмцы во время своего короткаго лѣта. Мы нарочно говоримъ Меларъ, а не озеро Меларъ, такъ какъ въ продолженіи многихъ часовъ можно кататься по его водамъ и не знать, что находишься на озерѣ. Мы видимъ воду и сушу и долго не можемъ понять, что изъ нихъ играетъ главную роль, — находимся ли мы на озерѣ съ тысячею острововъ или на сушѣ, перерѣзанной безчисленнымъ множествомъ каналовъ; составляетъ ли вода здѣсь главный элементъ, а скалистая суша только исключеніе или наоборотъ! Мы оглядываемся и видимъ вокругъ лабиринтъ скаль и воды, острововъ, водныхъ рукавовъ и бухтъ и наконецъ рѣшаемся назвать все это просто Меларомъ. Иногда намъ кажется, что мы ѣдемъ по рѣкѣ, которая отъ времени до времени расширяется въ бассейнъ; иногда, что мы не выберемся болѣе изъ этого лабиринта скаль и попадемъ въ какой нибудь заливъ, изъ котораго уже нельзя будетъ подвинуться дальше. При этомъ чрезвычайно трудно различить, что передъ нами — материкъ, или острова, потому что въ землю глубоко врѣзаются бухты и каналы, а острова такъ близко слѣдуютъ одинъ за другимъ, что составляютъ какъ бы сплошную массу и принимаютъ характеръ материка. Часто скалистые острова едва поднимаются надъ поверхностью воды въ видѣ кротовыхъ кучъ; нерѣдко они возвышаются отвѣсными гранитными скалами на нѣсколько сотенъ футовъ. То они имѣютъ нѣсколько квадратныхъ миль въ объемѣ, то лишь нѣсколько сотенъ локтей. Величина острововъ чрезвычайно разнообразна, — начиная отъ шкеры, на которую наложено искусственное возвышеніе изъ камней, чтобы сдѣлать ее замѣтною, и крошечнаго острова, на которомъ растетъ какой нибудь одинъ кустъ или одна искривленная сосна, кончая островами въ нѣсколько квадратныхъ миль которые образуютъ церковныя приходы и округа. Всѣхъ острововъ на Меларѣ насчитываютъ около 1,300. Лодки, парусныя суда, корабли, изящныя яхты появляются и исчезаютъ между каменными группами, а яркіе солнечные лучи отражаютъ на зеркальной поверхности озера голубое небо, гранитныя скалы и темный первобытный лѣсъ. Чайки быстро проносятся надъ водой и даже касаются ея своими крыльями. Меларъ самое красивое озеро Швеціи: оно образуетъ глубокую, широкую и длинную впадину. Оно на 6 футовъ выше поверхности моря и имѣетъ пресную воду. Но такъ какъ его восточная оконечность находится очень недалеко отъ моря, то вода озера иногда стекаетъ въ море, или наоборотъ — морская

вода вливается въ озеро, такъ что солная вода нерѣдко проникаетъ въ него. Само озеро и пути, ведущіе къ нему изъ моря, глубже чѣмъ это необходимо для морскихъ кораблей обыкновенной величины. Маленькіе военные корабли старыхъ временъ могли свободно въѣзжать почти во всѣ закоулки этого озера; поэтому его можно было бы разсматривать такъ же какъ морской заливъ. Въ этомъ отношеніи Меларъ единственное озеро на всемъ длинномъ шведскомъ восточномъ побережьи,—это единственный большой фіордъ, который имѣетъ Швеція. Во всей странѣ нѣтъ другаго воднаго пути, по которому плаваніе изъ открытаго моря было бы такъ легко, какъ по Мелару. Его боковые проливы, заливы и острова, а также и устья многочисленныхъ рѣкъ, называющихся въ него, представляютъ множество мѣстъ, удобныхъ для стоянки кораблей и для гаваней. Все озеро можно назвать самою большою природною гаванью Швеціи. Берега Мелара только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ утесисты и отвѣсны; онъ далеко не такъ узокъ и не такъ окруженъ высокими скалами, какъ фіорды въ Норвегіи. Его рамкою обыкновенно служатъ прекрасныя нивы и луга, на которыхъ охотно селится человѣкъ. Провинціи, окружающія его: Упландъ на сѣверѣ, Зѣдерманландъ на югѣ, Вестманландъ на западѣ принадлежатъ къ самымъ плодороднѣйшимъ и богатымъ мѣстностямъ страны. Для постройки кораблей вблизи Мелара находятся великолѣпные лѣса. Недалеко отъ этого озера существуютъ также большія залежи металла, главнымъ образомъ желѣза, которое находятъ въ неистощимыхъ желѣзныхъ рудникахъ Даннеморы, на сѣверѣ отъ Мелара. Самый извѣстный серебрянный рудникъ Швеціи, Зала, находится также недалеко отъ бассейна Мелара. Наконецъ Меларъ съ своими островами служитъ настоящими золотыми пріисками для столицы Швеціи. Мы говоримъ о щебнѣ и землѣ, которые собираютъ съ острововъ Мелара и перевозятъ на большихъ судахъ въ Стокгольмъ. Щебень употребляютъ, когда нужно засыпать различныя углубленія, а земля въ этой странѣ скалъ чрезвычайно дорого цѣнится. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ на берегахъ этого озера мы уже издавна встрѣчаемъ мореплаваніе, торговлю, сравнительно густое населеніе и самыя древніе города Швеціи.

Однако ландшафты Мелара, хотя и интересны, но не величественны: это все одни и тѣ же явленія, однѣ и тѣ же формы. Всѣ отдѣльные острова, несмотря на нѣкоторое разнообразіе, напоминаютъ кротовыя вучи; всѣ они изъ гранита и поросли пихтами и соснами. Это повтореніе однѣхъ и тѣхъ же формъ надоедаетъ во время путешествія и подъ конецъ даже самыя большія острова съ полями и лѣсами мало останавливаютъ ваше вниманіе. Большею частью скалистые острова круто обрываются и этотъ обрывъ продолжается и подъ водою; нѣкоторые изъ нихъ соединены между собой полоскою земли, которая покрыта тростникомъ и травою, и произошла, вѣроятно, отъ наносовъ и засоренія, вслѣдствіе которыхъ дно морское дѣлалось все выше и выше. Пихты и сосны, обыкновенно растущія на скалистыхъ обрывахъ этихъ острововъ, придаютъ имъ мрачный характеръ. Становится даже какъ-то веселѣе на душѣ, когда видишь свѣтлую зелень березоваго или дубоваго лѣса и съ удивленіемъ разсматриваешь, когда встрѣчаешь мягкіе ивовые кусты, которые изрѣдка одѣваютъ подножіе скалъ. Не всѣ острова представляютъ голыя скалистые утесы: на нѣкоторыхъ изъ нихъ мы видимъ хижину, въ которой сложено сѣно, иногда маленькую дачу, нерѣдко даже великолѣпную виллу или замокъ; отъ времени до времени появляются и исчезаютъ вѣтряныя мельницы и колокольни. Вездѣ на берегу стоятъ маленькія купальни, съ которыхъ лѣстница ведетъ прямо въ озеро, и непрѣменно всюду вы увидите лодки, такъ какъ сообщеніе между этими жилищами существуетъ только водою. Почти у всѣхъ пристаней развѣвается шведскій флагъ: голубой съ желтымъ крестомъ. При этомъ у каждой гавани вы непрѣменно увидите нѣсколько человѣкъ, которые машутъ платками. Здѣсь

существует такой обычай: когда какой нибудь пароходъ отходитъ, а провожавшіе своихъ родныхъ и знакомыхъ остались у пристани, они вынимаютъ носовые платки и начинаютъ махать ими. Это служитъ прощаньемъ и проводами. Въ какой бы пристани вы ни подъѣзжали въ Швеціи, вы всегда увидите, что платки развѣваются въ воздухѣ, какъ бѣлыя крылья чаекъ надъ водою. Каждый старается превзойти въ этомъ другого и никто не хочетъ окончить первымъ — ни оставшіеся, ни уѣхавшіе. Одна рука устанетъ махать, начинаютъ другой, потомъ обѣими вмѣстѣ. Но наконецъ руки устанутъ: одинъ опускаетъ ихъ, другой, и сцена оканчивается. Но вдругъ на берегу снова начинаютъ махать, пока какой нибудь выдающійся утесъ не закроетъ отъѣзжающихъ отъ оставшихся и только въ такомъ случаѣ всѣ успокаиваются. Иногда однообразный ландшафтъ разнообразится нѣсколькими купающимися или удящими рыбу.

Несмотря на все однообразие, въ Швеціи нѣтъ озера красивѣе и оживленнѣе Мелара. На берегахъ его, какъ мы уже говорили, возвышаются города, села, замки, прелестные загородные дома. Однихъ замковъ на его берегахъ и островахъ насчитываютъ болѣе 200. На островахъ Мелара находится 16 церковныхъ приходовъ съ 900 крестьянскими дворами; а на его берегахъ болѣе 90 церковныхъ приходовъ.

Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ замковъ на берегахъ Мелара — Скоклостерь. Этотъ замокъ представляетъ обширное зданіе, воздвигнутое на холмѣ и господствующее надъ озеромъ. Внутренность комнатъ дышетъ еще тѣмъ величьемъ, которымъ отличаются зданія вельможъ среднихъ вѣковъ. Тутъ вы находите громадныя высокія и длинныя залы, потолки которыхъ обременены украшениями разнаго рода; паркетъ сдѣланъ со всѣмъ изяществомъ; створчатыя двери отличаются позолотою и рѣзбою; стѣны покрыты драгоцѣнными обоями. Четыре огромныя башни замка и большая часть залъ заключаютъ въ себѣ предметы искусствъ и наукъ. Здѣсь можно найти всевозможныя мечи скандинавовъ, сабли, кинжалы, средневѣковые латы и шлемы; безчисленное множество оружія всѣхъ вѣковъ и видовъ, начиная отъ ружья турецкаго паши съ золотомъ насѣчкою, до мѣднаго карабина шведа XVI столѣтія. Всѣ короли Швеціи постоянно обогащали этотъ военный музей. Въ одной изъ смежныхъ съ этою галлереею залъ во фрескахъ изображены нѣкоторыя эпохи военной и политической жизни Швеціи.

На другой сторонѣ Мелара стоитъ древній королевскій замокъ Грипсгольмъ, преобразованный въ музей. Его уединенное мѣстоположеніе на полуостровѣ, его исторія и многочисленныя сокровища древности дѣлаютъ его достойнымъ вниманія. Въ самыя отдаленныя времена замокъ этотъ былъ жилищемъ знаменитой фамиліи Грипъ, — отсюда и произошло названіе Грипсгольмъ (гольмъ — островокъ). Въ XVI вѣкѣ государственный сеймъ отдалъ Грипсгольмъ Густаву Вазѣ, и съ этого времени всѣ шведскіе короли смотрѣли на него, какъ на одну изъ лучшихъ драгоцѣнностей ихъ коронной собственности. Грипсгольмъ служилъ и Версалемъ многимъ шведскимъ королямъ, и тюремнымъ заключеніемъ.

Въ Грипсгольмѣ насчитываютъ болѣе 300 залъ, которыя почти всѣ украшены картинами и портретами. Здѣсь вся исторія Швеціи со всѣми ея важнѣйшими эпохами. Тутъ вы найдете портреты почти всѣхъ королей, принцевъ и важнѣйшихъ государственныхъ людей Швеціи. Многія залы наполнены знаменами, стрѣлами, оружіемъ разнаго рода и принадлежностями разныхъ воинственныхъ игръ и турнировъ. Тутъ есть также портреты исторически знаменитыхъ лошадей и чучелы сѣверныхъ оленей.

Жизнь студентовъ. Съ какимъ торжествомъ въ Швеціи дають ученые степени. — Печать — Образование народа и источникъ его пропитанія.

Въ Швеціи два университета: Упсальскій и Лундскій. Университетъ въ Упсаль — одно изъ самыхъ древнихъ учрежденій этого рода. Онъ былъ основанъ въ 1477 г., такъ что въ 1877 г. въ августѣ мѣсяцѣ праздновали его четырехстолѣтній юбилей. Лундскій университетъ былъ открытъ въ 1668 г. Число студентовъ въ Упсаль (въ 1869—70 г.) доходило до 1,500 человекъ; въ Лундѣ до сихъ поръ не было болѣе 500 студентовъ.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ университетѣ 4 факультета: богословскій, юридическій, медицинскій и философскій. Но студенты раздѣляются не по факультетамъ, а по націямъ, и это дѣленіе на націи не только дозволено, но даже предписано. Прежде чѣмъ студентъ получаетъ университетскія правила, онъ обязанъ приписаться, по мѣсту своего рожденія, къ одной изъ 13-ти націй: къ стокгольмской, къ уландской, къ зѣдерманландской и т. п. Каждая нація имѣетъ свой домъ; тѣ, которыя не имѣютъ еще его, нанимаютъ особое помѣщеніе, а для постройки собственнаго дома идетъ очень успѣшно сборъ по всему королевству. Это обыкновенно двухэтажное каменное строеніе, и въ немъ члены націи собираются для чтенія студенческихъ сочиненій, для диспутовъ, для веселыхъ пирушекъ, для танцевъ, музыки, для различныхъ представленій, для произнесенія рѣчей, для забавъ, игръ и всевозможныхъ удовольствій. Каждая нація имѣетъ свою собственную кассу, въ которую каждый членъ вносятъ извѣстную сумму. Собранныя такимъ образомъ деньги идутъ на ремонтъ, на увеличеніе бібліотеки, на покупку фортепіанъ, билліардовъ и на устройство увеселеній. Когда та или другая нація устраиваетъ балъ, спектакль или какое нибудь увеселеніе, она приглашаетъ въ себѣ студентовъ другихъ націй и профессоровъ. Въ такомъ домѣ непременно есть просторная зала съ кафедрой, комната для чтенія газетъ, бібліотека, гимнастическая зала и садъ. Главное убранство залъ составляютъ портреты тѣхъ членовъ націи, которыми она въ какомъ нибудь отношеніи можетъ гордиться. Библиотеки нѣкоторыхъ націй очень богаты и ими пользуются даже профессора. Въ каждомъ такомъ домѣ непременно есть большое знамя, отъ пыли покрытое чехломъ: на бѣломъ его полѣ яркими шелками обыкновенно вышитъ гербъ націи. Эти знамена употребляютъ въ торжественныхъ случаяхъ, напр. при встрѣчѣ особъ королевской фамиліи, въ торжественныхъ процессіяхъ, при полученіи ученой степени.

У каждой націи есть свой годичный праздникъ, для котораго студенты придумываютъ различныя забавы и представленія. Перваго мая бываетъ общій студенческій праздникъ или такъ-называемый карнавалъ, сопровождаемый шумными потѣхами. Болѣе всѣхъ удовольствій студенты любятъ — домашній театръ. Актерами на этихъ представленіяхъ являются исключительно студенты и дають они ихъ обыкновенно съ благотворительною цѣлью; не смотря на то, что актерами и актрисами являются неподготовленные въ этому дѣлу юноши, всѣ мѣста, назначенныя для публики всегда бываютъ заняты.

Послѣ театра любимое удовольствіе «kalás» (пиръ). Бывшіе студенты, уже сдѣлавшись взрослыми людьми, всегда съ увлеченіемъ вспоминаютъ «kalás», когда они съ чашей въ рукахъ, наполненной пуншемъ, говорили рѣчи, пили задравные тосты, пѣли свои любимыя пѣсни. Воспоминаніе о «каласахъ» пробуждаетъ даже въ душѣ старика всю поэзію и удачъ молодости. Несмотря однако на то, что шведскіе студенты много пьютъ и отъ души веселятся на своихъ «каласахъ», они никогда не доходятъ до

излишества. Скандалы и потасовки никогда не случаются на этих пирахъ и дуэли совсѣмъ незнакомы шведскому юношеству: онѣ запрещены закономъ въ 1682 г. подѣ страхомъ позорнаго и строгаго наказанія.

Шведскіе студенты особенно любятъ и посвящаютъ много времени пѣнію. Общества пѣвцовъ существуютъ при каждомъ университетѣ, даже при каждой націи. Не слышалъ ихъ, трудно представить, до какого совершенства доведено ихъ пѣніе. Собраніе студенческихъ пѣсенъ очень велико; нѣкоторыя переведены съ нѣмецкаго, но большая часть оригинальныя. Многія студенческія пѣсни сдѣлались народными. Вотъ одна изъ нихъ: «Пойте о счастья студенческихъ дней. Будемъ радоваться веснѣ юности. Еще сердце бьется у насъ живо, и свѣтлая будущность—наша. Еще никакихъ бурь нѣтъ въ нашей душѣ. Надежда—нашъ другъ, и мы вѣримъ ея обътамъ, заключая братскій союзъ въ той рошѣ, гдѣ растутъ чудные лавры». (Роша, о которой говорится въ этой пѣснѣ, находится между зданіями университета). Народный шведскій гимнъ «изъ глубины шведскихъ сердецъ» («Ur svenska hjertans djup») также принадлежитъ къ числу студенческихъ пѣсенъ. Музыка шведскихъ національныхъ пѣсенъ выражаетъ удалъ вмѣстѣ съ какимъ-то неизъяснимо грустнымъ чувствомъ. О студенческихъ хорахъ въ Швеціи всѣ единогласно отзываются, что ни въ какой другой странѣ не существуетъ ничего подобнаго. На парижской выставкѣ въ 1867 г. они получили первый призъ за хорошее пѣніе и у другихъ конкурентовъ отбили даже охоту состязаться съ ними. Часто эти юные пѣвцы объѣзжаютъ различныя мѣстности страны и даютъ концерты. Это обыкновенно бываетъ лѣтомъ, когда имъ не читаютъ лекцій, и въ 1873 г. хоръ упсальскихъ студентовъ собралъ 12,000 рублей на наши деньги. Нерѣдко вечеромъ студенты подходятъ къ квартирѣ любимаго профессора и даютъ ему серенаду; ни одинъ «каласъ», не только въ домѣ націи, но даже и въ профессорской квартирѣ, не обходится безъ студенческихъ хоровъ.

Составъ слушателей въ аудиторіяхъ чрезвычайно разнообразенъ: здѣсь дѣти крестьянъ встрѣчаются съ принцами крови, которые имѣютъ обыкновеніе свое высшее образованіе кончать на студенческихъ скамьяхъ.

Оскаръ II, нынѣшній король Швеціи и Норвегін, почетный докторъ философіи Лундскаго и бывший прилежный слушатель упсальскаго университета. Старшій сынъ короля, кронпринцъ Оскаръ-Густавъ, герцогъ Вермландскій, недавно блистательно выдержалъ приемный экзаменъ для поступленія въ тотъ же университетъ, въ которомъ когда-то учился и самъ король. Вотъ почему Оскаръ II и сынъ его не только присутствовали на празднествѣ, которое было по случаю четырехсотлѣтняго юбилея упсальскаго университета, но и принимали въ немъ горячее участіе, и король пожертвовалъ 40,000 кронъ для вспомошествованія молодымъ ученымъ.

При поступленіи въ университетъ латинскій языкъ требуется отъ всѣхъ безусловно, греческій же съ большими ограниченіями. Студенты не имѣютъ никакой формы: они отличаются только отъ другихъ бѣлой фуражкой съ синимъ околышемъ и съ желтой розеткой надъ козырькомъ. Учебный годъ распадается на два семестра: *осенній*, отъ середины сентября до середины декабря, и *весенній*, отъ середины января до середины іюня. Но такъ какъ послѣ каждого семестра нѣсколько времени уходитъ на экзамены, лекціи начинаются обыкновенно позже назначеннаго срока и тутъ существуетъ не мало праздниковъ, то можно считать всего шесть учебныхъ мѣсяцевъ. Университеты получаютъ свои доходы отчасти съ данныхъ имъ поземельныхъ участковъ, отчасти изъ взносовъ государства. Число стипендіатовъ въ упсальскомъ университетѣ около 500 и каждая стипендія простирается отъ 100 до 200 кронъ.

Возведеніе въ степень доктора до сихъ поръ совершается здѣсь съ необыкновен-

нымъ торжествомъ. Оно открывается обыкновенно еще наканунѣ вечеромъ безконечными серенадами студентовъ. Въ 6 часовъ утра пушечные выстрѣлы извѣщаютъ о торжественномъ днѣ. Эти торжества носятъ на себѣ не только свѣтскій, но и религиозный отпечатокъ. Такой праздникъ извѣстенъ задолго и на него стекается множество народа изъ окрестностей. При второмъ колокольномъ звонѣ гостей со входными билетами впускаютъ въ соборъ и указываютъ имъ мѣста. Въ 10 часовъ раздается особенно торжественный колокольный звонъ и при его звукахъ къ церкви тянется длинное шествіе властей университета, гостей и студентовъ. Молодые дѣвушки несутъ лавровые вѣнки для магистровъ-юбиларовъ, а зади ихъ идутъ разные члены университета съ знаменами и скиптрами. При входѣ ихъ раздается праздничный маршъ и кантата. Послѣ этого промоторъ (торжественное возведеніе въ ученые степени называется здѣсь промоціей; промоторы—это профессора, которымъ поручается совершеніе промоціи) держитъ рѣчь, нѣкогда на латинскомъ, а въ настоящее время на шведскомъ языкѣ и испрашиваетъ позволенія у проканцлера (обыкновенно архіепископа) начать актъ возведенія. Послѣ этого промоторъ говоритъ краткое обращеніе къ юбилярамъ и затѣмъ раздаются три пушечныхъ выстрѣла. Вслѣдъ за этимъ начинается возведеніе въ ученую степень. Деканъ прежде всего возлагаетъ вѣнокъ на себя и на магистровъ-юбиларовъ, которые были произведены въ эту степень 50 лѣтъ тому назадъ, а потомъ лавровые вѣнки на только что произведенныхъ и вручаетъ имъ дипломы. «Юбилейными докторами и магистрами» называютъ въ шведскихъ университетахъ ученыхъ, которые получили докторскія шляпы и магистерскіе вѣнки за пятьдесятъ лѣтъ до той или другой университетской промоціи. По обычаю, эти ветераны науки черезъ полустолѣтіе торжественно обмѣниваютъ свои лавры на новые. Король Оскаръ II явился на послѣдній юбилей съ лавровымъ вѣнкомъ на груди. Нужно замѣтить, что доктора по юридическому факультету, кромѣ шляпъ и граматъ, получаютъ еще кольца. Послѣ этого одинъ изъ молодыхъ ученыхъ говоритъ рѣчь. Въ заключеніе поется кантата и говорится проповѣдь, послѣ которой шествіе въ томъ же порядкѣ возвращается въ залу академіи. При выходѣ новаго доктора его привѣтствуютъ пушечнымъ выстрѣломъ, а перваго даже двумя. Послѣ этого торжества бываетъ праздничный обѣдъ, а вечеромъ концертъ. При этомъ вновь произведенные магистры являются съ своими лавровыми вѣнками на головахъ.

Шведская печать совершенно свободна и независима. Законы о печати предписываютъ впрочемъ неприкосновенность королевской семьи, а также уваженіе къ репутаціи каждаго гражданина. Преступленія противъ печати судятся девятью присяжными, изъ которыхъ трое избираются обвиненнымъ, трое обвинителемъ, и трое правительствомъ. Необходимо шесть голосовъ, чтобы оправдать или обвинить. Но процессы и преступленія противъ печати здѣсь совсѣмъ почти неизвѣстны, какъ неизвѣстны процессы противъ оскорбленія величества. На дѣлѣ для шведской прессы не существуетъ ни пошлинъ, ни конфискацій, ни запрещеній. Каждый, кто не былъ обвиненъ и наказанъ за какое нибудь преступленіе, можетъ издавать газету; онъ только долженъ заявить объ этомъ министру юстиціи. Этою свободою и независимостью на дѣлѣ шведская печать пользуется уже давно. Въ доказательство этого мы расскажемъ одинъ фактъ, который произошелъ уже болѣе 50-ти лѣтъ тому назадъ. Во время управленія Карла Іоанна XIV редакторъ одного правительственнаго органа, Крузенстольпе, перешелъ на сторону оппозиціи. Нападки Крузенстольпе дѣлались все болѣе рѣзкими; наконецъ его обвинили въ государственной измѣнѣ и присудили къ смертной казни. Но разъ такой приговоръ былъ произнесенъ, правительство не знало, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія, такъ какъ не имѣло ни малѣйшаго желанія отрубить голову редактору.

Тогда лица, власть имѣющія, сначала намеками, а потомъ прямо, стали совѣтовать Крузенстольне подать прошеніе о помилованіи и впередъ обѣщали ему безусловное исполненіе его просьбы. Но Крузенстольне на отрѣзъ отказался, говоря: «пусть мнѣ отрубятъ голову». Что было дѣлать? Долго разсуждали въ государственномъ совѣтѣ объ этомъ проишествіи и наконецъ рѣшили издать общую амністію для всѣхъ политическихъ преступниковъ и обвиненныхъ редакторовъ въ Швеціи, хотя всего такихъ преступниковъ былъ одинъ, Крузенстольне.

Процессы въ Швеціи противъ печати обыкновенно ограничиваются жалобами на оскорбленіе и клевету и возбуждены они бывають только частными лицами. Вслѣдствіе свободы прессы здѣсь чрезвычайно много газетъ. Во всѣхъ кондитерскихъ и гостинницахъ столы покрыты періодическими листами всѣхъ форматовъ и цвѣтовъ. Здѣсь есть газеты утреннія и вечернія, еженедѣльные, ежедневныя, серьезныя и забавныя, консервативныя и либеральныя, столичныя и провинціальныя. Вслѣдствіе свободы печати періодическая шведская пресса касается всѣхъ вопросовъ, интересующихъ общество. Она много послужила также новой свободной конституціи, вступившей въ свои права въ 1867 г.

По организаціи и развитію народнаго образованія Швеція одна изъ первыхъ странъ въ мірѣ. Уже для перваго причащенія, что совершается обыкновенно между 15—16 лѣтами, необходимо не только знать читать и писать, но имѣть и нѣкоторыя познанія. Здѣсь большая рѣдкость встрѣтить совершенно безграмотнаго человѣка. Такому замѣчательному развитію образованія въ высшихъ классахъ въ Швеціи, Норвегіи и Даніи болѣе всего помогаетъ не только обязательное, но и даровое обученіе, если родители слишкомъ бѣдны, чтобы посылать дѣтей своихъ въ школу.

Прочное основаніе народному обученію положено королемъ Карломъ XIV. По уставу, изданному въ 1842 г. въ каждомъ городскомъ и сельскомъ приходѣ должна находиться хотя одна школа. Въ наиболѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ, гдѣ невозможно устроить *постоянную* школу, тамъ должна существовать подвижная. Въ такія школы являются на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ. Въ Швеціи (безъ Норвегіи) число жителей 4.200,000; всѣхъ учащихся считалось въ 1870 г. 690.000 (мальчиковъ 350,000, а дѣвочекъ 340,000).

Съ 1868 г. въ Швеціи существуютъ высшія школы для народа; въ настоящее время ихъ насчитываютъ до 13 (11 для юношей и 2 для дѣвушекъ); но число ихъ постоянно увеличивается. Цѣль этихъ школъ дать молодымъ людямъ высшее образованіе, которое они не могли получить въ народной школѣ. Эти высшія народныя школы не государственное учрежденіе, а частное, но они поддерживаются государствомъ. Учителями этихъ школъ могутъ быть люди, получившіе университетское образованіе.

Кромѣ этихъ школъ существуютъ еще среднеучебныя заведенія: гимназіи и реальныя школы, которыя готовятъ воспитанниковъ для университета и техническихъ школъ.

Одинъ изъ главныхъ источниковъ пропитанія шведовъ — земледѣліе, которое постоянно продолжаетъ развиваться, хотя холодный климатъ и суровыя горы на сѣверѣ ставятъ преграды его распространенію. Но увеличивающіяся потребности и энергія жителей продолжаютъ расширять эти границы. Одно изъ главныхъ препятствій къ обработкѣ земли представляетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рѣдкое населеніе; съ перваго раза однако кажется, что это рѣдкое населеніе и обусловливается именно неплодородіемъ почвы. Но во многихъ мѣстахъ почва, удобная къ обработкѣ, остается невоздѣланною, такъ какъ такой трудъ, вслѣдствіе недостатка потребителей, остался бы невознагражденнымъ, потому что при рѣдкомъ населеніи меньше случаевъ продать сель-

скія произведенія. Морозныя ночи въ августѣ въ нѣсколько дней иногда совсѣмъ разоряютъ земледѣльца. Несмотря на всѣ эти неблагоприятныя обстоятельства, земледѣліе въ Швеціи въ послѣднія десять лѣтъ сдѣлало необыкновенные успѣхи и въ настоящее время не только удовлетворяетъ потребностямъ жителей, но доставляетъ ежегодный излишекъ хлѣба для вывоза въ 2 милліона тоннъ; между тѣмъ какъ столѣтіе тому назадъ болѣе $\frac{1}{2}$ милліона тоннъ привозили въ страну. Теперь въ каждомъ округѣ вы найдете сельскохозяйственную школу для правильнаго развитія земледѣлія. Болѣе $\frac{1}{4}$ населенія занимается земледѣліемъ; сѣютъ большею частью рожь, кромѣ того овесъ, ячмень, картофель, ленъ и немного пшеницы, гороху и бобовъ.

Готенбургъ посредствомъ вывозимыхъ изъ него товаровъ сдѣлался богатымъ и цвѣтущимъ городомъ. Одинъ изъ значительныхъ готенбургскихъ купцовъ высчиталъ, что состояніе готенбургскихъ торговыхъ домовъ, разбогатѣвшихъ за послѣднее время, достигаетъ болѣе 200 милліоновъ талеровъ, между тѣмъ Готенбургъ городъ, въ которомъ не болѣе 66,000 жителей.

Садоводство и разведеніе плодовыхъ деревьевъ имѣетъ значеніе только въ южныхъ провинціяхъ: но за то на далекомъ сѣверѣ этотъ недостатокъ природа замѣнила изобиліемъ разныхъ дикихъ ягодъ. Тутъ въ изумительномъ количествѣ растетъ черника, брусника, клюква, ежевика и между прочимъ морошка. Эти ягоды въ хозяйствѣ жителей сѣвера играютъ большую роль.

При большомъ количествѣ пастбищъ и луговъ скотоводство имѣетъ огромное значеніе, но въ этомъ отношеніи сѣверный климатъ ставитъ предѣлы къ его развитію. Разводятъ рогатый скотъ, лошадей, овецъ, свиней, а на сѣверѣ — сѣверныхъ оленей, которые питаются мхомъ или ягелемъ. Коровъ и свиней очень часто кормятъ древесной корой, но въ общемъ скотоводство далеко не удовлетворяетъ потребностямъ страны.

Гораздо большее значеніе для государства имѣютъ лѣса: 94% всѣхъ лѣсовъ находится въ пяти сѣверныхъ провинціяхъ. Въ очеркѣ о Норвегіи мы уже говорили о томъ, какъ безразсечно вырубаютъ лѣса въ Скандинавскомъ государствѣ. Въ настоящее время это дурное хозяйство обратило на себя вниманіе правительства, которое устроило во многихъ мѣстахъ лѣсныя школы; такимъ образомъ можно надѣяться, что въ будущемъ лѣсное хозяйство Швеціи будетъ идти гораздо правильнѣе.

Въ Швеціи существуютъ также торфяныя болота, на которыхъ еще недавно совсѣмъ не обращали никакого вниманія; но съ тѣхъ поръ, какъ датчане обогатили себя обработкою залежей въ Шоненѣ и Смаландѣ, ими стали теперь заниматься.

Горными промыслами занимались въ Швеціи уже въ XV столѣтіи. Горы доставляютъ не только желѣзо, но и мѣдь, цинкъ, серебро. Конечно болѣе всего тутъ добываютъ желѣзо. Цѣнность всѣхъ металловъ, добытыхъ въ 1869 г., простиралась до 18,470,000 кронъ. Горнымъ дѣломъ въ Швеціи занято около 29,000 рудокоповъ. Добываніе желѣза увеличивается здѣсь съ каждымъ годомъ, хотя въ этомъ отношеніи страна эта не можетъ конкурировать съ Англіею, вслѣдствіе недостатка каменнаго угля вблизи ея рудниковъ, тѣмъ не менѣе послѣ нея она занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

На 5 миль къ сѣверу отъ Упсалы, въ ровной мѣстности, лежатъ извѣстнѣйшіе въ мірѣ Данеморскіе рудники, въ которыхъ прежде работали нѣмецкіе рудокопы. Эти рудники представляютъ неисчислимыя богатства отличной желѣзной руды. Еще за нѣсколько верстъ до Данеморы, у самой дороги разбросано нѣсколько низенькихъ каменныхъ строеній, выкрашенныхъ бѣлою краскою. Путешественника прежде всего поражаетъ то, что онъ думаетъ встрѣтить здѣсь огромныя горы и между тѣмъ видитъ продолженіе той же плоскости, по которой ѣхалъ. Онъ видитъ кругомъ огромныя глубокія ямы, а на краю ихъ лежатъ груды руды чернаго цвѣта. Здѣсь существуетъ до 80

рудниковъ, но разрабатываютъ лишь пятую часть ихъ. Нѣкоторыя изъ этихъ копей очень обширны и глубоки, а черный видъ руды еще болѣе увеличиваетъ страшный видъ этихъ пропастей, которыя внезапно открываются у вашихъ ногъ. Рабочіе спускаются въ рудники и выходятъ изъ нихъ отчасти по лѣстницамъ, прикрѣпленнымъ почти отвѣсно одна надъ другой по стѣнамъ рудника, отчасти стоя на краю чановъ, которые опускаются и поднимаются. Нѣкоторые изъ этихъ рудниковъ имѣютъ нѣсколько сотъ футовъ глубины и нѣсколько тысячъ футовъ въ окружности. На днѣ ихъ и по бокамъ торчатъ острые и неровные края скалъ, которые придаютъ еще болѣе страшный видъ пропастямъ. Тамъ и здѣсь на днѣ ямы движутся люди... Они уже просверлили камень въ разныхъ мѣстахъ, набили отверстія порохомъ и вложили туда фитиль. Одинъ взрывъ раздается за другимъ, оставляя за собою продолжительное эхо. Подобные звуки, то глуше, то яснѣе долетаютъ до васъ и изъ другихъ рудниковъ. Послѣ этихъ взрывовъ наступаетъ глубокое молчаніе, которое продолжается нѣсколько минутъ.

Зимой, когда въ рудникахъ нельзя работать влѣдствіе образующагося тамъ льда, плавятъ руду, добытую впродолженіи лѣта. И весной въ нихъ долго нельзя было бы начинать работать безъ искусственнаго введенія теплаго воздуха въ рудники, что ускоряетъ таяніе льда. Въ Данеморѣ работаетъ до 400 человекъ, которые вмѣстѣ съ своими семействами составляютъ населеніе около 1,300 человекъ. Рудники составляютъ собственность одного общества, къ которому принадлежатъ самыя знатныя фамиліи страны.

Въ послѣднее время открыта большая каменноугольная залежь въ Шоненѣ, что будетъ сильно способствовать развитію промышленности въ Швеціи.

Охота, которая довольно незначительна въ южныхъ ровныхъ и почти безлѣсныхъ частяхъ страны, въ среднихъ частяхъ уже представляетъ довольно прибыльное побочное занятіе крестьянъ. Въ сѣверныхъ же округахъ мѣха убитыхъ звѣрей и дичь представляютъ самый важный источникъ пропитанія многихъ жителей. Но число хищныхъ животныхъ: медвѣдей, рысей, волковъ, росомахъ, орловъ и лисицъ сильно уменьшилось, такъ какъ правительство въ послѣднее время назначало призы за ихъ истребленіе. Олени, козули, лоси, кабаны встрѣчаются здѣсь также рѣдко; но за то зайцы и дичь: рябчики, куропатки, тетерева до сихъ поръ въ огромномъ количествѣ.

Еще значительнѣе рыболовство, которое съ большимъ успѣхомъ производится въ внутреннихъ водахъ страны, а также и въ окружающихъ моряхъ. Рѣки и озера преимущественно даютъ много лососей; море изобилуетъ селедками и кильками, но рыболовство вообще прибыльно здѣсь только въ Каттегатѣ и Скагерракѣ на столько, что оно составляетъ главное занятіе жителей, въ другихъ же мѣстностяхъ оно является побочнымъ занятіемъ.

Въ 1873 году въ Швеціи было 2,549 фабрикъ съ 53,333 рабочими. Фабриками своими Швеція не славится и производство въ нихъ самое незначительное. Тутъ не существуетъ, какъ въ Англіи, борьбы между капиталистами и рабочими: шведскіе рабочіе не собираются на митинги, не составляютъ стачекъ и ассоціацій. Причина этого та, что рабочіе шведскіе малочисленны и разбѣяны въ разныхъ частяхъ страны. Въ Швеціи нѣтъ такихъ фабричныхъ центровъ, какъ Манчестеръ и Ливерпуль въ Англіи и Ліонъ во Франціи. Впрочемъ и у шведскихъ фабричныхъ рабочихъ существуетъ теперь ассоціація для взаимной помощи и общество для закупки матеріаловъ на производство, гдѣ выгоды дѣлятся поровну между всѣми членами. Но борьбы противъ эксплуатаціи со стороны фабрикантовъ тутъ по всей вѣроятности еще долго не можетъ быть.

ДАНИЯ.

Ютландія: ея природа и почва.—Восточное и западное побережье.—Лѣса и внутреннія воды.—
Климатъ.—Остатки языческихъ временъ.

Ютландія—страна большею частью ровная и низменная: возвышаясь очень незначительно надъ уровнемъ моря, она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже ниже его. Несмотря на ея ровную поверхность, съ юга на сѣверъ тянется на нѣсколько миль внутрь страны рядъ возвышенностей, которыя раздѣляютъ Ютландію на двѣ совершенно различныя части: на восточную и западную, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга. Западная часть состоитъ изъ огромныхъ, въ большинствѣ случаевъ совершенно безплодныхъ, однообразныхъ равнинъ и безконечныхъ степей, ничѣмъ не ограниченныхъ на горизонтѣ и развѣ только кое-гдѣ окаймленныхъ высокими дюнами.

Напротивъ того, восточная Ютландія—прекрасная полоса земли. Красивые холмы, покрытые лѣсами, смѣняются плодороднѣйшими въ мірѣ полями, многочисленные ручьи орошаютъ дуга, поражающіе своимъ плодородіемъ, зажиточные крестьянскіе дворы краснорѣчиво говорятъ о богатствѣ ихъ владѣльцевъ. Прекрасныя шоссейныя дороги соединяютъ маленькіе и большіе приморскіе города, которые соперничаютъ другъ съ другомъ миловидностью и какою-то необыкновенною опрятностью. Вы вездѣ встрѣчаете здѣсь довольство, превосходно устроенное хозяйство, великолѣпно обработанную землю, народъ здоровый, коренастый, хотя и не рослый. Особенно плодородны тѣ полосы земли, которыя прежде представляли морское дно. Ихъ легко узнать по ровной поверхности, которая сразу бросается въ глаза среди холмистой мѣстности. Близъ Вейле вы встрѣчаете огромную плодородную низменность, которая далеко простирается внутрь страны. Такихъ мѣстностей и полосъ земли, которыя, какъ мы сказали выше, служили прежде, должно быть, морскимъ дномъ, чрезвычайно много въ восточной Ютландіи. Всѣ онѣ отличаются баснословнымъ плодородіемъ, и сорныя травы на нихъ достигаютъ высоты отъ 6—7 футовъ.

Характерная черта Ютландіи состоитъ въ томъ, что къ западу плодородіе исчезаетъ даже и въ самыхъ богатыхъ мѣстностяхъ восточнаго берега. Это особенно замѣтно на полуостровѣ Гренаэ, въ которомъ къ западу почва иногда такъ неплодородна, что на ней не можетъ даже расти трава и поверхность походить на песчаное море. Это

происходить отъ вредныхъ западныхъ вѣтровъ, которые густыми облаками разносятъ песокъ, выброшенный моремъ, и уничтожаютъ всякую растительность. Не менѣ препятствій для плодородія представляютъ известковые пласты: вода и сырость просачиваются сквозь известъ въ глубину, а поверхность ея остается сухою. Здѣсь такъ много известковыхъ пластовъ и они такъ велики, что въ нѣкоторыхъ озерахъ и рѣкахъ видны даже бѣлые камни. Весь западный берегъ Ютландіи отъ Скагена до границы Шлезвигъ представляетъ безконечную полосу наноснаго песку, гдѣ лишь очень небольшое населеніе едва можетъ поддерживать свое существованіе. Близъ Рингъебинга, у залива того же имени, мѣстность нѣсколько плодороднѣе, но никакія искусственныя мѣры не были въ состояніи устранить обнаженность почвы. Въ этой части Ютландіи существуетъ множество людей, которые впродолженіи всей своей жизни никогда не видали ни одного дерева. Да и вообще хотя и говорятъ, что Ютландія въ древнія времена была совсѣмъ покрыта лѣсами, но въ настоящее время она не богата ими. На восточномъ берегу лѣса существуютъ во многихъ мѣстностяхъ, но внутри страны большіе лѣса попадаютъ только между Гобре и Альборгомъ. Деревья по большей части лиственныя и преимущественно буки; но встрѣчаются также дубы и березы. Западное побережье почти совсѣмъ не имѣетъ лѣса.

Единственное разнообразіе, которое мы встрѣчаемъ во внутренней части Ютландіи,—большое количество озеръ; но своими мертвыми, безжизненными и безлѣсными берегами онѣ наводятъ меланхолію, и только вблизи городовъ нѣсколько болѣе оживлены.

Климатъ Ютландіи очень суровъ. На западномъ побережьѣ вѣтры совершенно уничтожаютъ растительность и даже внутри страны деревья, стоящія отдѣльно, по большей части уродливы. Восточное побережье защищено отъ западныхъ вѣтровъ Ютландскимъ хребтомъ и это обстоятельство увеличиваетъ плодородіе восточной полосы. Западные вѣтры приносятъ такъ много вреда жителямъ, что они, чтобы нѣсколько защитить свои поля отъ наносовъ песку, окружаютъ ихъ земляными или каменными валами.

Весною въ Даніи чрезвычайно сыро, холодно и вѣтрено; лѣтомъ температура умѣренная, но иногда она доходитъ до $27\frac{1}{2}^{\circ}$; ночи, даже и лѣтомъ, холодныя. Осень приноситъ съ собою множество дождя и вѣтра, которые бываютъ и зимой. Тѣмъ не менѣ зимою здѣсь не бываетъ большихъ холодовъ и снѣгъ никогда не остается на землѣ. Постоянно сырой и холодный воздухъ и сильныя туманы вредно дѣйствуютъ на тѣхъ, кто не родился въ этомъ климатѣ.

Внутри земли, Ютландія, какъ и вся Данія, не скрываетъ никакихъ сокровищъ: металловъ она совсѣмъ не имѣетъ, а изъ минераловъ, какъ мы уже упоминали,—известъ, мѣлъ, мергель. Но за то почти вездѣ въ этой странѣ находятъ много торфу, который въ средней и въ западной части служитъ единственнымъ топливомъ. Въмѣсто благородныхъ металловъ подъ землею находятъ чрезвычайно много памятниковъ языческихъ временъ. Поверхность Ютландіи имѣетъ безчисленное множество, иногда отдѣльныхъ, иногда соединенныхъ въ группы, земляныхъ возвышеній отъ 5 до 10 ф. в. Эти земляныя возвышенія обыкновенно расположены въ формѣ круга и нерѣдко имѣютъ въ поперечникѣ до 30 ф. Это и есть языческія гробницы. Въ Ютландіи онѣ сохранились болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, только потому, что народъ считаетъ святотатствомъ нарушить покой мертвыхъ и не дотрогивается до нихъ даже и тогда, когда онѣ находятся среди его поля, представляютъ плодородную почву и могли бы увеличить объемъ его клочка земли. Эти холмы, служившіе гробницами, поросли зеленымъ дерномъ, а въ неплодородныхъ мѣстностяхъ—верескомъ. Въ Германіи давно исчезли эти

гробницы языческих предков и сохранились в настоящее время только в Голштинии, в деревне Фолькштедт; но суеверие жителей в Ютландии до сих пор в большом количестве сохраняет их в стране. Разрывая такую могилу, прежде всего находят на одном уровне с поверхностью земли круглый сводъ (отъ 3 до 4 ф. в поперечникъ), сложенный изъ камней и закрытый большими каменными плитами. Въ этомъ пространствѣ стоитъ урна съ пепломъ и человѣческими костями, а кругомъ лежатъ мечи, кинжалы и другое оружіе и украшенія, все сдѣланное частью изъ твердаго камня, особенно изъ кремня, частью изъ металла.

Характеръ природы Средней Ютландіи.—Силькеборгъ—родина деревянныхъ датскихъ башмаковъ.—Картина ютландской степи и ея жители.—Пожаръ в степи.—Жители степей, ихъ тяжелая жизнь и обстановка.—Привычка вязать чулки.—Верескъ и его значеніе для мѣстнаго населенія.

Характеръ средней Ютландіи совершенно другой, чѣмъ восточнаго побережья. Очень часто изъ богатой восточной полосы мы прямо вступаемъ въ ютландскую болотистую страну, которая нерѣдко имѣетъ нѣсколько миль въ ширину; тамъ и здѣсь ее прерываютъ степныя пространства и гораздо рѣже плодородныя поля. Въ этой мѣстности, гдѣ крестьянскіе дворы встрѣчаются все рѣже и все меньше лѣсовъ,—очень много торфу. Во всѣхъ жилищахъ постоянно горитъ огромная куча торфу и его не гасятъ цѣлый день. Ужасная жара, распространяемая этимъ вѣчнымъ огнемъ зимою, при неособенно сильномъ холодѣ, который бываетъ въ Ютландіи, чрезвычайно непріятна и томительна для человѣка.

Въ средней части Ютландіи благосостояніе уменьшается по мѣрѣ приближенія къ западу, и часто вблизи грязныхъ торфяныхъ ямъ стоятъ маленькія развалившіяся строения, и скотъ, который встрѣчается только небольшими стадами, имѣетъ жадный видъ. Однообразіе этой мѣстности прерывается только на высотѣ Скандерборга, гдѣ болота смѣняются степями и гдѣ лежатъ большія озера. По большей части берега этихъ озеръ обнажены и пустынные: ихъ окружаютъ холмы, часто почти голые, и только около Силькеборга возвышенности покрыты лѣсомъ.

Окрестности Силькеборга прославились въ Даніи бесплодіемъ почвы и пределью своихъ ландшафтовъ. Поэтому здѣсь жители не занимаются ни земледѣліемъ, ни скотоводствомъ,—тѣмъ не менѣе они воспользовались тѣмъ, что дала имъ природа, т. е. силою воды и лѣсомъ. Силькеборгъ только лѣтъ десять тому назадъ сдѣлался городомъ, но въ немъ и теперь едва насчитываютъ 1,800 жителей; тѣмъ не менѣе свое настоящее значеніе онъ приобрѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ нѣсколько фабрикантовъ основали свои фабрики. Жители деревень этой мѣстности уже очень давно, вслѣдствіе бѣдности своей почвы, принуждены были выбрать себѣ какой нибудь промыселъ. Данія заставляетъ свой народъ носить обувь, свойственную сырой и холодной почвѣ страны, т. е. деревянные башмаки. Вотъ почему крестьяне этой лѣсистой мѣстности уже давно зарабатываютъ свое существованіе приготовленіемъ деревянныхъ башмаковъ. Силькеборгъ—отечество деревянныхъ башмаковъ, которые въ Даніи носятъ не только жители деревень, но и нисшіе классы общества въ городахъ.

Лѣтомъ жители Силькеборга занимаются выжиганіемъ угля, а зимой они готовятъ деревянные башмаки. Самые бѣдные люди этой мѣстности входятъ обыкновенно для этого въ соглашеніе съ владѣльцами дворовъ. Они работаютъ «съ половины», то есть владѣлецъ двора даетъ крестьянину дерево, которое онъ употребляетъ въ дѣло, а барышъ они дѣлятъ пополамъ. Крестьяне позажиточнѣе часто держатъ у себя особыхъ

батраковъ, которые исключительно занимаются приготовленіемъ деревянныхъ башмаковъ. Они получаютъ отъ хозяина пищу и жалованье и обязаны за это приготовить каждую недѣлю известное количество обуви. Хозяинъ при этомъ вовсе не надзираетъ за своими рабочими: они могутъ встать, когда имъ вздумается и кончить работу по своему усмотрѣнію, но обязаны представить известное количество въ опредѣленный срокъ.

За Силькеборгомъ тянутся громадные степныя пространства—это наиболѣе характерное явленіе средней Ютландіи. Уже приближаясь къ нимъ, вы замѣчаете по обѣ стороны дороги, здѣсь и тамъ, пространство поросшее дрокомъ. Мало по малу вся поверхность земли принимаетъ темный, буроватый цвѣтъ, и холмы, поросшіе низкимъ, тернистымъ кустарникомъ, возвѣщаютъ близость степи. Когда вы поднимитесь здѣсь на болѣе возвышенный пунктъ, передъ вами разстилается необозримая равнина степи. Только изрѣдка сѣровато-желтый степной мохъ разнообразитъ отдѣльными пятнами однообразную картину равнины. Здѣсь и тамъ виднѣется, одинокій степной домикъ. Вдали блещитъ шпиць церковной колокольни, но чѣмъ больше къ нему подвигаешься, тѣмъ дальше онъ уходитъ отъ васъ. Наконецъ вдругъ всякая дорога прекращается; съ этой минуты указаніемъ служатъ только отдѣльныя колен, которыми большею частью эта мѣстность перекрещивается по всѣмъ направленіямъ и которыя нерѣдко поросли верескомъ. Природа принимаетъ все болѣе унылый характеръ. Лошади медленно плетутся по дорогѣ и ташутъ повозку по вереску. Глубокій песокъ хруститъ подъ колесами. Надъ темнымъ верескомъ порхаетъ бабочка, и это, кажется, единственное живое существо въ вымершей природѣ. Тощія, уродливыя овцы и тонконогія коровы изрѣдка попадаются въ степи; онѣ бродятъ, срывая отдѣльныя былинки травы, которыя пробиваются между верескомъ. Отъ времени до времени вы встрѣчаете маленькаго настуха съ чулкомъ въ рукахъ; если онъ не занимается вязаньемъ, какъ это дѣлаетъ большинство населенія Даніи обоего пола, то онъ насвистываетъ на камышевой флейтѣ. Лишь только онъ замѣтитъ, что кто нибудь проѣзжаетъ мимо него, онъ тотчасъ вскакиваетъ съ своего мѣста и осматриваетъ путника съ ногъ до головы,—такъ рѣдко случается ему видѣть въ этой уединенной мѣстности живое существо.

Но вотъ вы достигли наконецъ двора въ степи. Кругомъ видно какое-то сѣровато-зеленое пятно, которое имѣетъ очень мало сходства съ мѣстомъ, поросшимъ травой. Это ничто иное, какъ поле хозяина этого двора, но оно имѣетъ чрезвычайно мало сходства съ полями, которыя мы вездѣ привыкли встрѣчать. На такомъ степномъ полѣ растутъ только нѣсколько колосьевъ почти безъ зеренъ. А вотъ и низкія постройки изъ глины и торфа, крытыя верескомъ. Крестьянинъ и его жена тотчасъ замѣчаютъ, что кто-то проѣзжаетъ мимо ихъ жилища и выбѣгаютъ поглядѣть. Крестьянинъ обыкновенно въ сѣрыхъ штанахъ и въ жилеткѣ, а его жена въ красной вязаной кофтѣ и полосатой юбкѣ. Если вы спрашиваете у нихъ дорогу, то они весьма толково объясняютъ вамъ, куда ѣхать отъ ихъ двора: на сѣверъ, югъ или западъ. Ютландецъ въ своей степи точно опытный морякъ на морѣ и безъ всякаго компаса отлично знаетъ всѣ четыре страны свѣта. На вашъ вопросъ, почему эта обширная равнина такъ неплодородна, эти простые люди объяснятъ вамъ, что свойство почвы мѣшаетъ развиваться на ютландской степи дѣятельности человѣка. Въ давно прошедшіе дни наводненіе съ востока нанесло огромныя массы песку на западную Ютландію, и когда эта мѣстность поросла верескомъ, то съ теченіемъ времени образовалась твердая масса, содержащая желѣзо, которая сдѣлала землю неплодородною, ее здѣсь называютъ «Ahl». Эти «Ahl» нерѣдко имѣютъ довольно значительную глубину, и при рытѣ колодцовъ приходится долго рыть землю, прежде чѣмъ покажется вода;

но тутъ она скопляется въ большомъ изобиліи и часто одинъ колодезь снабжаетъ водою нѣсколько семействъ. Такъ какъ здѣсь трудно устраивать колодцы, то многимъ приходится ходить за водой очень далеко. Когда путешественникъ, проѣзжая мимо того или другого степнаго двора, попроситъ ведро воды для своей лошади, ему нѣрѣдко предлагаютъ проѣхать еще милю до другого двора, такъ какъ здѣсь не хватаетъ воды и для себя.

Крестьянинъ, живущій въ степи, кормится тѣмъ, что она ему даетъ. Когда онъ захочетъ обработать какой нибудь кусокъ степи, то онъ прежде всего вспахиваетъ его плугомъ; верескъ, вывороченный съ корнемъ, зажигаютъ, такъ какъ пепель превосходное удобреніе. Обработку земли производятъ рогатымъ скотомъ, такъ какъ лошади не живутъ въ степи. Скотъ, какъ мы уже говорили, имѣетъ очень жалкій видъ: узкіе бока и тонкія ноги, но онъ вполне пригоденъ для здѣшнихъ пастбищъ; другая порода не вынесла бы жизни, которую ведетъ здѣшній скотъ. Пока животныя молоды, они все лѣто находятся въ степи, на открытомъ воздухѣ, и кромѣ этой пищи они не получаютъ ничего; только когда ихъ начинаютъ доить, имъ позволяютъ пощипать жалкую траву около двора, а зимою кормятъ жесткою, тощею ржанною соломою. Болѣе всего степной крестьянинъ держитъ овецъ, которыя лѣтомъ и зимою бродятъ по вереску и, несмотря на дурной уходъ, даютъ ему такую хорошую шерсть, которая годится не только для вязанія чулокъ, но охотно покупается фабрикантами шляпъ и сукна.

Верескъ оказываетъ степному жителю самыя разнообразныя услуги. Лѣтомъ онъ кормитъ его овецъ и молодую скотину и очень часто, когда зимою не хватитъ сѣна и соломы, его употребляютъ какъ зимній кормъ. Длинными, густыми кустиками вереска кроютъ крыши, и такая крыша съ подстилкою изъ соломы можетъ продержаться болѣе 40 лѣтъ. Верескъ употребляютъ такъ же, какъ подстилку для скота, и ежегодно въ огромномъ количествѣ его истребляютъ, какъ топливо. Его продаютъ также въ города булочникамъ, которые охотно топятъ имъ хлѣбныя печи, вслѣдствіе равномернаго жара, который онъ распространяетъ. Мало того, степной житель набиваетъ верескомъ даже свой тюфякъ.

При такомъ разнообразномъ употребленіи вереска, пожаръ въ степи, который истребляетъ часто большія пространства, всегда является великимъ несчастіемъ для мѣстныхъ жителей. Небольшое количество травы, которая вырастаетъ послѣ такого опустошенія, приноситъ мало пользы, и только черезъ 20—30 лѣтъ послѣ пожара верескъ опять приобретаетъ свою прежнюю силу. Мы уже говорили о томъ, что когда степной житель пожелаетъ обработать небольшое пространство, онъ сожигаетъ верескъ, и это нѣрѣдко ведетъ къ величайшимъ пожарамъ, особенно при сильныхъ вѣтрахъ, которые здѣсь иногда начинаютъ дуть совершенно внезапно. Въ такихъ случаяхъ пожаръ можетъ распространиться на нѣсколько миль. Пламя съ невѣроятной быстротою бѣжитъ во всѣ стороны и зажигаетъ все, что попадаетъ ему на пути: посѣвы на поляхъ, деревья въ садахъ и нѣрѣдко разрушаетъ амбары и дома. Особенно опасно, если пожаръ распространится на торфяное болото: тогда огонь уже невозможно потушить и онъ часто горитъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, пока не истѣбеть послѣдній кусочекъ торфа. Днемъ пожаръ торфа обнаруживается дрожаніемъ воздуха, бѣлымъ дымомъ и далеко распространяющимся жаромъ; ночью же онъ представляетъ ужасное, но прекрасное зрѣлище. Уже издали можно видѣть дымъ, который поднимается и разстилается по небу громаднымъ облакомъ всевозможныхъ оттѣнковъ—нѣжно розовымъ, голубымъ и чернымъ. Вы прежде всего поражены этимъ моремъ огня, но минутами пламя, какъ будто останавливается, то дико вспыхиваетъ и быстро крутится. Кругомъ все трещитъ и хруститъ. Огромныя облака съ пурпуровыми краями поднялись въ вышину и исчезли; тамъ

и здѣсь облитыя заревомъ огня копошатся люди. Это жители сосѣднихъ приходоу, которые послѣшили сюда, чтобы остановить пожаръ. Какъ только замѣчаютъ огонь, звонятъ во всѣ колокола, и издалека за нѣсколько миль собираются крестьяне съ лопатами и кирками и толпятся около необъятнаго пожарища. Воду очень рѣдко можно найти вблизи, и потому огонь стараются потушить, выворачивая землю къверху. Иногда же зажигаютъ новый огонь, который такъ малъ, что его легко можно потушить, за то большой пожаръ не можетъ подвинуться далѣе вслѣдствіе недостатка въ горючемъ матеріалѣ.

Самый большой степной пожаръ, который запомнятъ, былъ въ 1783 г. Онъ опустошилъ огромныя пространства въ округѣ Выборгѣ; тогда горѣлъ не только верескъ, но и торфъ, находящійся подъ нимъ. Бѣлый песокъ обнажился и грозилъ засыпать воздѣланныя мѣстности на востокѣ. Наконецъ съ помощью береговаго тростника удалось остановить летучій песокъ. Мѣсто это въ настоящее время опять густо поросло верескомъ, но вмѣсто прежней плоской равнины теперь виднѣется здѣсь много холмовъ, которые образовались изъ нанесеннаго песку. Въ настоящее время, во избѣжаніе пожара, прежде чѣмъ приступить къ сожиганію вереска, проводятъ «границу пожара», т. е. яму въ нѣсколько локтей ширины, которая препятствовала бы огню перескочить черезъ нее и распространиться тамъ, гдѣ этого не желаютъ.

Чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ однообразіе становится мѣстность. Человѣческія жилища постепенно исчезаютъ и только изрѣдка встрѣчаются слѣды колесъ; нигдѣ не видно ни одного живаго существа; даже верескъ дѣлается все ниже и наконецъ земля принимаетъ совершенно чернубурый цвѣтъ и затѣмъ появляется уже песокъ побережья Нѣмецкаго моря. Посреди этого дикаго ландшафта, въ двухъ миляхъ къ юго-западу отъ Выборга, стоитъ на перекресткѣ маленькая, невзрачная церковь. Кругомъ ея разбросано нѣсколько маленькихъ дворовъ, — это нѣмецкія деревни Фридрихское и Гавредалъ. Король Фридрихъ IV хотѣлъ въ началѣ прошлаго столѣтія заселить ютландскую степь и способствовалъ эмиграціи нѣмцевъ изъ Пфальца и Гессена. Онъ далъ поселенцамъ множество привилегій: освободилъ ихъ отъ податей на 20 лѣтъ, отъ военной службы, отъ постоя, далъ право гнать водку, варить пиво и продавать эти напитки. Однако попытка колонизировать эту дикую мѣстность не удалась. Тощая почва не могла обогатить бѣдняковъ, которые принялись за хозяйство безъ всякихъ средствъ. Большинство колонистовъ снова возвратились на родину, а немногіе нѣмцы, которые до сихъ поръ остались здѣсь, ведутъ жалкое существованіе. Кромѣ нѣмцевъ, какъ въ этихъ, такъ и въ окрестныхъ степяхъ совсѣмъ незамѣтно, въ пещерахъ, живетъ еще и другой народъ. Ночи онъ нерѣдко проводитъ въ пляскѣ вокругъ огня, пѣніи и музыкѣ, или отправляется на охоту, — это цыгане. Еще за 400 лѣтъ этотъ народъ появился въ Ютландіи и сохранилъ въ ней во всей силѣ всѣ свои первобытные обычаи и множество церемоній. Хижины цыганъ устроены изъ земли, по большей части даже внутри земли, а нерѣдко и въ языческихъ могилахъ. Степные цыгане большую часть времени проводятъ на открытомъ воздухѣ, бродятъ по странѣ, охотятся на барсуковъ и птицъ, и съ первыми лучами весенняго солнца ежегодно предпринимаютъ большія путешествія. Главнымъ источникомъ ихъ пропитанія здѣсь, какъ и вездѣ, прежде всего служатъ музыка и пѣніе, пляска, гаданіе и барышничество. Кромѣ того въ Ютландіи они часто являются искусными мѣдниками и лудильщиками. Въ своихъ путешествіяхъ они обходятъ Ютландію, Шлезвигъ, Голштинію, при этомъ всегда стараются держаться материка, такъ какъ питаютъ непреодолимое отвращеніе къ морю. Осенью они снова возвращаются въ степь въ свои жилища и проводятъ въ нихъ всю зиму.

Ютландцевъ, собственно датскаго происхожденія, очень немного въ степи. Ихъ

жилища не лучше цыганскихъ. Они состоятъ обыкновенно изъ одной комнаты и свѣтъ едва проникаетъ сквозь маленькія темныя стекла; полъ очень рѣдко устланъ досками, а обыкновенно состоитъ изъ утопанной глины или изъ неотесанныхъ камней. Порядка въ такомъ жилищѣ не болѣе, чѣмъ въ цыганскомъ. Пища очень скудная. Она обыкновенно состоитъ изъ капусты, которую варятъ вмѣстѣ съ ячменемъ, изъ пивнаго супа или изъ молочной каши; мясо употребляютъ очень рѣдко. Сыворожка составляетъ ежедневный напитокъ, и только по праздникамъ у нихъ бываетъ за столомъ хлѣбъ и копченое мясо. Вмѣсто свѣчей употребляютъ торфъ, смѣшанный со смолой, такъ называемый «lichtklün»; пока онъ сырой, онъ мягокъ и жиренъ на ощупь, а послѣ просушки дѣлается твердъ и бѣловатъ, и когда его зажигаютъ на очагѣ въ зимніе вечера, онъ распространяетъ въ хижинѣ яркій свѣтъ.

Житель степи всю свою жизнь проводитъ въ борьбѣ съ окружающею природою и съ большимъ трудомъ добываетъ то немногое, чѣмъ онъ пользуется; поэтому степь по справедливости называютъ родиною бѣдныхъ тружениковъ. Въ Даніи все населеніе, чѣмъ бы оно ни занималось, въ то же время вяжетъ чулки. Въ степи занимаются чулками болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Уже съ пяти лѣтъ мальчики и дѣвочки принимаютъ за чулки, и съ тѣхъ поръ не оставляютъ вязанья, гдѣ бы они ни находились. Поэтому ютландцы степей достигаютъ въ этой работѣ необыкновеннаго совершенства. Въ полѣ, дома, выгоняя скотъ, слѣдуя за возомъ, каждый крестьянинъ или крестьянка непременно вяжетъ чулокъ. Они незамѣтно перебираютъ петли, съ необыкновенной быстротой двигаютъ пальцами и совсѣмъ не смотрятъ на работу. Когда нужны руки для болѣе серьезнаго дѣла, мужчина закалываетъ иголкой свое вязанье въ петлицу куртки, а женщины къ корсажу платья или даже въ голову. Во время бесѣды или въ гостяхъ всѣ непременно сидятъ съ чулками въ рукахъ. Особенно странно смотрѣть на здороваго молодого парня, который идетъ съ такою работою въ рукахъ. По дорогѣ въ церковь или выходя изъ нея, всѣ тоже вяжутъ. При скудномъ заработкѣ степныхъ жителей продажа чулокъ весьма поддерживаетъ ихъ. Зимой они обыкновенно собираются другъ къ другу сообщая коротать вечеръ: рассказываютъ, поютъ, или кто нибудь одинъ читаетъ вслухъ и при этомъ непременно всѣ вяжутъ чулки; такимъ образомъ время быстро проходитъ, и расстаются послѣ полуночи, чтобы въ слѣдующій вечеръ собраться въ другомъ мѣстѣ.

Ваарде—родина ютландскихъ горшковъ.

На западномъ побережьи, въ 6 миляхъ къ сѣверу отъ Рипена, и болѣе мили отъ берега, лежитъ Ваарде—маленькій городокъ съ 1800 жителями. Ваарде—родина датскихъ горшковъ, которыхъ въ окрестностяхъ этого города выдѣлываютъ громадное количество. Это понятно: Ваарде находится на западномъ берегу, отличающемся безплодіемъ своей почвы. Земледѣліе и скотоводство здѣсь въ жалкомъ состояніи, а безчисленные рифы и мели, которыя дѣлаютъ опаснымъ судоходство въ этихъ водахъ, не даютъ развиваться мореплаванію.

Производствомъ горшковъ въ окрестностяхъ Ваарде занимались еще въ самыя древнія времена; отсюда фабрикація распространилась по всей странѣ и сдѣлалась значительнымъ промысломъ, но и до сихъ поръ это производство главнымъ образомъ сосредоточено въ окрестностяхъ Ваарде. Владѣльцы дворовъ не занимаются сами выдѣлкой горшковъ, но такъ же, какъ и въ мѣстностяхъ Силькеборга, исключительно для этой работы держатъ дѣвушекъ. Крестьяне даютъ имъ жилище и пищу, а также песокъ,

глину и топливо. Дѣвушки дѣлають горшки, крестьянинъ продаетъ ихъ и затѣмъ дѣлать барыши пополамъ. Эти горшки выдѣлываютъ въ настоящее время такъ же, какъ и нѣсколько столѣтій тому назадъ, и всѣ новѣйшія изобрѣтенія, которыя хотѣли примѣнить къ этой работѣ, не были одобрены дѣвушками, такъ какъ онѣ ни за что не хотятъ разстаться съ своими старыми привычками. Урны, которыя находятъ въ древнихъ гробницахъ, и пивная кружка, найденная глубоко подъ торфомъ, сдѣланы изъ точно такого же матеріала и такимъ же образомъ, какъ и нынѣшніе горшки.

Глину для горшковъ крестьяне выкапываютъ осенью; она имѣетъ тогда синеватый или зеленоватый видъ и по большей части находится подъ мергелевымъ пластомъ. Выкопанная глина лежитъ впродолженіи всей зимы до весны, когда дѣвушки приступаютъ къ своей работѣ и исполняютъ ее рѣшительно безъ всякаго инструмента. Сначала онѣ смѣшиваютъ глину съ мелкимъ пескомъ, который долженъ быть тщательно очищенъ отъ всякихъ камней, потомъ прибавляютъ воды и изъ этой мягкой массы дѣвушки скоро и ловко лѣпятъ руками сосуды всевозможной формы. Край выгибають и выравниваютъ круглымъ камешкомъ, а потомъ еще къ горшку придѣлываютъ ручки и ножки. Нѣкоторое время горшки остаются на воздухѣ, и когда они высохнутъ, ихъ прикрѣпляютъ къ палкѣ и ставятъ въ землю, въ углубленіе, наполненное торфомъ. Торфъ зажигаютъ и впродолженіи четырехъ дней горшки подвергаются вліянію огня и дыма и отъ этого-то они получаютъ свой черный цвѣтъ. Послѣ этого обжиганія дѣвушки обмазываютъ свои горшки смоченною глиною, чтобы придать имъ шероховатый видъ и обдѣлываютъ ихъ еще кремнемъ. Приготовленные такимъ образомъ горшки вставляютъ одинъ въ другой, маленькіе въ большіе, ставятъ на землю и покрываютъ торфомъ. Тутъ они подвергаются второму обжиганію, и послѣ этого они уже готовы для продажи. Здѣшнія дѣвушки славятся прилежаніемъ, и обыкновенно каждой изъ нихъ удается въ рабочее время, отъ весны до осени, выдѣлать отъ 6 до 8 возовъ горшковъ. Изъ первыхъ рукъ горшки продаютъ возами, поэтому ютландскія горшечницы и считаютъ свою работу возами, и на каждый изъ нихъ, смотря по величинѣ горшковъ, приходится отъ 200 до 250 штукъ. Эти горшки распространены не только по всей Ютландіи, но ихъ отправляютъ водою въ Фіонію и Зеландію, а сухимъ путемъ далеко въ глубь Германіи. Въ Ютландіи существуетъ даже особый классъ людей, которые исключительно занимаются покупкою и вывозкою ютландскихъ горшковъ. Такимъ образомъ въ этой мѣстности, гдѣ песчаная пустыня граничитъ со степью и болотистою полосой, природа создала горшечный промыселъ, который даетъ возможность избавиться если не отъ бѣдности, то по крайней мѣрѣ отъ нищеты.

Сѣверная часть Ютландіи.—Блокгаузъ—мѣстонахожденіе янтаря.—Жители Скагена, ихъ занятія и жизнь.—Южная Ютландія.

Въ сѣверной части Ютландіи Блокгаузъ можно считать однимъ изъ замѣчательныхъ пунктовъ страны. Въ этой оживленной деревнѣ, или лучше сказать городѣ, ежегодно бываетъ ярмарка, и жители окрестностей собираются сюда, чтобы продавать свой хлѣбъ и скотъ. Въ Блокгаузѣ живутъ также различные таможенные чиновники. Здѣсь есть гостинница, почтовая станція, арестантскій домъ, вѣтряная мельница и т. п. Блокгаузъ не имѣетъ гавани, и только норвежскіе крестьяне пріѣзжаютъ сюда на своихъ маленькихъ судахъ, чтобы промѣнять свои лѣсные товары на хлѣбъ. Жители всего побережья преимущественно занимаются рыбною ловлею на морѣ. Важное событіе для Блокгауза представляетъ крушеніе корабля, что случается весьма часто у этого опас-

наго берега. Во всякое время дня и ночи можно видѣть береговыхъ сторожей, которые ходятъ вдоль залива для того, чтобы люди, не имѣющіе на то права, не уносили товаровъ, выброшенныхъ моремъ съ разбитыхъ кораблей, такъ какъ все это составляетъ имущество государства. Каждого, покусившагося на это, наказываютъ, какъ за воровство.

Море выбрасываетъ здѣсь не только остатки имущества несчастныхъ, погибшихъ при кораблекрушеніи. Когда буря впродолженіи многихъ дней глубоко волнуетъ море, то оно выбрасываетъ на песокъ множество янтаря вмѣстѣ съ водорослями и морскими животными. Часто даже и при благопріятной погодѣ янтарь приносится волнами Балтійскаго моря. Море выкидываетъ янтарь, этотъ продуктъ погибшихъ дѣсовъ, погребенныхъ подъ землю и на днѣ морскомъ, лишь въ разбитыхъ кускахъ, но его здѣсь также добываютъ и изъ земли и часто глыбами величиною въ дѣтскую голову. Торговцы издалика пріѣзжаютъ въ Блокгаузъ, чтобы покупать тамъ янтарь. Этотъ городъ, является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ пунктовъ Ютландіи не только вслѣдствіе своего оживленія, но и по величественному виду Нѣмецкаго моря, которое является здѣсь во всемъ своемъ великолѣпіи. Если погода тиха, то оно совершенно покойно простирается на необразимое пространство и ничто не нарушаетъ благоговѣнія, которое охватываетъ человѣка при видѣ этой могучей стихіи. Маленькія рыбацкія лодки, которыя иногда скользятъ недалеко отъ берега, едва мелькаютъ точками, и только изрѣдка виднѣются паруса корабля, такъ какъ мореплаватели избѣгаютъ этой опасной бухты. Большіе парусные корабли обыкновенно плывутъ такъ далеко отъ берега, что вы видите только, какъ что-то неопредѣленное скользитъ по блестящей поверхности моря. Но какъ бы ни было спокойно море вдали отъ берега, у самаго берега оно никогда не молчитъ: волны прибоя одна за другою разсыпаются на песчаныхъ отмеляхъ. Пѣнящіяся волны покойно отливаютъ обратно, пока не поднимется новый прибой. Бурю предвѣщаетъ обыкновенно глухой шумъ, который, точно изъ глубины, приближается все болѣе къ берегу, воздухъ дѣлается удушливымъ, солнце теряетъ свой блескъ и высокія волны надъ рифами покрываются зубчатою пѣною. Вслѣдъ за тѣмъ быстро разражается буря, и рыбаки поспѣшно возвращаются въ своихъ лодкахъ между опасными утесами къ берегу, гдѣ ихъ ждутъ жены и дѣти. Если буря загонитъ корабль въ «бухту Печали», то онъ изрѣдка разбивается на многочисленныхъ рифахъ, и всѣ заняты тогда спасеніемъ утопающихъ; жители Блокгауза вслѣдствіе частаго упражненія приобрѣли въ этомъ большую опытность.

Чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ болѣе дикимъ характеромъ отличается берегъ, все менѣе встрѣчаете вы человѣческихъ жилищъ и только поднимаются дюны и раздается крикъ водяныхъ птицъ. На берегу вамъ попадаетъ выброшенная волнами мертвая рыба, раковины, водоросли и обломки разбитыхъ кораблей. Часто изъ воды торчатъ огромные остовы разбитыхъ судовъ, свидѣтельствующіе о ярости стихіи, и въ то же время на далекомъ горизонтѣ преспокойно скользятъ бѣлые паруса кораблей, какъ будто здѣсь не существуетъ никакой опасности. Наконецъ, вы встрѣчаете нѣсколько маленькихъ дворовъ, которые называются «мѣстечками ворвани». Эти домики выстроены посреди дюнь, которыя высоко выдаются надъ ними и защищаютъ ихъ отъ вѣтровъ. На каждомъ шагу, даже во время прекраснаго солнечнаго сіянія, все заставляетъ васъ думать здѣсь о разрушительной силѣ моря и о разбитыхъ корабляхъ. Хижины построены изъ корабельныхъ обломковъ; обломки мачтъ и досокъ служатъ для различныхъ цѣлей и даже домашняя утварь представляетъ неструю смѣсь предметовъ съ погибшаго корабля, выброшенныхъ на берегъ. Отъ этихъ домиковъ дорога дѣлается почти непроходимую и лучше всего ѣхать вдоль берега по мелкой водѣ. Наконецъ виднѣется старая колокольня

Скагена и тутъ опять замѣтна жизнь, существуютъ люди, животныя и даже поля и деревья, — это Скагенъ, самый сѣверный городъ Ютландскаго полуострова.

Жители Скагена занимаются преимущественно рыбною ловлею, и ненужные остатки и внутренности рыбы служатъ удобреніемъ для песчаной почвы, на которой созрѣваютъ кое-какіе посѣвы и болѣе всего ячмень. Топливо жителямъ Скагена доставляетъ море, такъ какъ среднимъ числомъ здѣсь ежегодно случается тридцать крушеній. Кромѣ того они находятъ въ землѣ, хотя и въ небольшомъ количествѣ, топливо, въ родѣ каменнаго угля, которое они называютъ болотнымъ торфомъ. Каждое утро и каждый вечеръ въ Скагенѣ раздается оригинальный пискъ. Онъ происходитъ отъ телѣжекъ, въ которыхъ рыбаки въ извѣстную часъ везутъ свои рыболовныя снасти по улицамъ Скагена, по направленію къ берегу, гдѣ они ловятъ рыбу неводами и откуда вечеромъ возвращаются домой съ добычею. Здѣсь они ловятъ макрелей, навагу, каракатицъ, сельдей, камбалу и др. Рыбаки Скагена извѣстны своею необыкновенною честностью и гостепріимствомъ. Иностранцы моряки пользуются этимъ и въ городѣ обыкновенно бываетъ чрезвычайно оживленно.

Въ 1858 г. король Фридрихъ VII построилъ теперешній маякъ въ получасѣ пути отъ Скагена. Онъ имѣетъ 140 футовъ высоты и построенъ изъ кирпича, песчаника и желѣза, но въ верхней своей части онъ состоитъ изъ желѣза и стекла. Сторожъ имѣетъ на верху хорошенькую комнату, а внизу около башни маленькій садикъ. Начиная отъ маяка, полуостровъ имѣетъ еще только 600 локтей протяженія и представляетъ маленькую косу или рифъ, образовавшійся изъ наноснаго песку. Этотъ рифъ является какъ бы послѣднимъ отрогомъ Ютландскаго хребта, продолжается подъ водою и такимъ образомъ представляетъ подводное соединеніе съ Норвежскою страной. Эта крайняя оконечность полуострова особенно замѣчательна потому, что она, при своей незначительной ширинѣ, которая наконецъ содержитъ отъ 2—3 шаговъ, смѣло выдается какъ граница между страшными волнами двухъ морей. Отсюда видны въ одно и то же время Нѣмецкое и Балтійское моря; здѣсь ясно видна борьба двухъ встрѣчающихся водъ, и Нѣмецкое море, какъ болѣе сильное, большею частію выходитъ изъ нея побѣдителемъ. Съ необыкновенною силою поднимается здѣсь одна волна противъ другой; ни одна изъ нихъ не уступаетъ; обѣ поднимаются горизонтально, бросаются одна на другую и поглощаютъ другъ друга, чтобы уступить мѣсто новымъ борцамъ. Для судоходства это опасное мѣсто: на этомъ пѣнящемся гребнѣ маленькія суда бросаетъ во всѣ стороны, и только напрягая всѣ свои усилія, опытный морякъ можетъ вывести ихъ на болѣе спокойную воду.

Югъ Ютландіи представляетъ совершенную противоположность сѣверной ея части. Приходы на югѣ у Кольдинга, принадлежавшіе до сихъ поръ Шлезвигу, причисляются теперь къ Ютландіи. Эта мѣстность самая прекрасная и плодородная изъ всѣхъ датскихъ владѣній на Ютландскомъ полуостровѣ. Роскошныя хлѣбныя поля смѣняются богатыми буковыми лѣсами, многочисленныя ручьи пересекаютъ страну, которая разнообразится красивыми рядами холмовъ, возвышающихся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до 350 фут. Богатство ясно видно въ каждомъ крестьянскомъ домѣ, которые близко лежатъ одинъ отъ другаго. Такъ какъ востокъ и югъ Ютландіи представляютъ богатую страну, то прислуга и рабочіе приходятъ съ болѣе бѣднаго запада. Ежегодно въ Кольдингѣ собирается большая толпа работниковъ и работницъ, которые устанавливаются длинными рядами и показываютъ нанимателямъ свои аттестаты.

ПРАВЫ И ОБЫЧАИ ЮТЛАНДЦЕВЪ.

Жизнь народа и его характеръ.—Женщины и мужчины.— Ихъ внѣшній видъ, одежда и образованіе.—Жилище.—Религія.—Земледѣліе и положеніе земледѣльческаго класса.—Скотоводство.—Рыбная ловля и другіе источники пропитанія.—Внѣшній видъ ютландскихъ городовъ.—Пища ютландцевъ.—Свадьба.—Праздникъ Рождества, игры и забавы этого времени.—Конституція страны.

Населеніе Даніи въ 1870 г. считалось въ 1.784,741 человекъ, а вмѣстѣ съ колоніями безъ малаго 2 милліона жителей. Ютландія населена менѣе другихъ частей королевства. Это слабое населеніе Ютландіи отчасти происходитъ отъ того, что западная ея часть представляетъ безплодную пустыню и болото, а также отъ того, что Данія, хотя и заботилась о Ютландіи въ послѣднія десятилѣтія, но остальная Европа не обращала на нее никакого вниманія. Хотя попытки правительства заселить въ прошломъ столѣтіи ютландскія степи нѣмецкими колонистами почти совсѣмъ не удалось, тѣмъ не менѣе между ютландскими землевладѣльцами въ настоящее время довольно часто можно встрѣтить нѣмцевъ родомъ изъ Голштиніи и Мекленбурга. Ютландцы ведутъ очень замкнутую жизнь и только жители городовъ восточнаго ютландскаго побережья имѣютъ болѣе оживленное сношеніе съ жителями острововъ. Рѣдко можно встрѣтить ютландца, который побывалъ дальше Копенгагена или Гамбурга. Эта замкнутость сохранила населеніе Ютландіи во всей его первобытной простотѣ и не измѣнила его честнаго характера, который вездѣ поражаетъ иностранца.

Въ Ютландіи почти вездѣ большая разница между жителями городовъ и деревень. Между тѣмъ какъ крестьяне деревень обыкновенно высоки ростомъ, худощавы, съ приподнятыми плечами, угловаты въ своихъ движеніяхъ, жители городовъ большею частью средняго роста, коренасты и, несмотря на это, съ живыми и ловкими движеніями. Точно также и жительницы ютландскихъ городовъ отличаются большею красотою и граціею, чѣмъ жительницы деревень. Крестьянскія дѣвушки особенно отличаются отъ горожанокъ неуклюжимъ станомъ и тяжелой, медленной походкой. Несмотря на то, что во всѣхъ деревенскихъ школахъ вмѣстѣ съ науками занимаются и гимнастикой, рѣдко кто изъ молодыхъ работниковъ можетъ легко вскочить на лошадь. Поэтому на деревенскихъ дворахъ вы часто видите пни, вбитые въ землю, которые помогаютъ влѣзть на коня. Впрочемъ этой неловкости деревенскихъ жителей нечего удивляться: они съ ранняго дѣтства носятъ тяжелые деревянные бапмаки, которые имѣютъ большое вліяніе не только на походку, но и на всю фигуру датчанина. Туловище ихъ уже въ молодости принимаетъ какое-то наклонное положеніе впередъ, а руки, нѣсколько согнутыя, висятъ, какъ сучковатыя палки по бокамъ. Особенно поражаетъ поза ютландскаго крестьянина, когда онъ стоитъ. Всѣ они, когда останавливаются по дорогѣ и разговариваютъ съ товарищами, стоятъ, широко разставивъ ноги, положивъ руки въ карманы штановъ, такъ что локти торчатъ въ стороны, точно ручки котла. Что касается внѣшности ютландцевъ обоюго пола, то относительно этого слѣдуетъ замѣтить такую характерную черту; въ южной Ютландіи, даже и въ деревняхъ, люди весьма красивы, но чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ болѣе пропадаетъ красота формъ, тѣмъ менѣе встрѣчаете вы красивыхъ людей. Встрѣтить на сѣверѣ Ютландіи красиваго парня или дѣвушку большая рѣдкость, да и то обыкновенно оказывается, что красавица не постоянная жительница сѣвера: или мать ея вышла замужъ за сѣверянина, или ее обстоятельства заставили поселиться здѣсь.

Что касается одежды ютландцевъ, то она вездѣ говоритъ о благосостояніи на-

рода. Въ высшихъ сословіяхъ не замѣтно особой роскоши, но за то и на самыхъ бѣдныхъ рабочихъ вы никогда не увидите нищенскихъ лохмотьевъ или даже грязнаго платья: мужчины и женщины самыхъ низшихъ классовъ всегда одѣваются чисто, тщательно и даже съ большимъ вкусомъ. Всѣ непременно въ чулкахъ и башмакахъ, хотя въ деревняхъ носятъ деревянные башмаки. На югѣ и въ средней части Ютландіи почти совсѣмъ не носятъ національной одежды. Шерстяное платье и деревянные башмаки— вотъ единственный національный костюмъ, который заставляютъ носить сырой климатъ и болотистая почва страны. Въ сѣверныхъ мѣстностяхъ большая часть крестьянъ носятъ короткую куртку съ блестящими пуговицами, плисовые штаны до колѣнъ, высокіе бѣлые чулки и башмаки съ пряжками. Если ютландецъ можетъ не носить деревянныхъ башмаковъ, на немъ непременно надѣты черные башмаки съ металлическими пряжками и высокіе бѣлые чулки. На головѣ крестьяне во всей Ютландіи носятъ цилиндръ, который они часто не снимаютъ даже и въ комнатѣ. Еще рѣже женщины носятъ національную одежду. Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ютландіи при самомъ разнообразномъ платьѣ непременно одѣтъ оригинальный бѣлый чепчикъ съ большими крыльями по обѣ стороны головы. Настоящая національная датская одежда женщинъ сохранилась только на немногихъ островахъ и въ очень немногихъ мѣстностяхъ Ютландіи: ее не носятъ потому, что такой національный костюмъ стоитъ очень дорого. Вотъ каковъ этотъ датскій костюмъ: широкое черное платье спереди и кругомъ на подолѣ богато украшено розетками или серебрянными украшениями въ видѣ монетъ. Голову и шею покрываютъ большимъ бѣлымъ платкомъ, обшитымъ тонкими кружевами, изъ котораго выглядываетъ только лицо. Изъ подъ платка на груди видно ожерелье. Нынче обыкновенная одежда женщинъ въ деревняхъ—длинные шерстяныя юбки, корсажъ съ длинными рукавами, который часто бываетъ краснаго цвѣта, высокія шляпы, мало чѣмъ отличающіяся отъ мужскихъ цилиндровъ, и деревянные башмаки. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ женщины носятъ бѣлый чепчикъ съ большими крыльями по обѣ стороны головы, тамъ эти шляпы, почти совершенно мужскія, одѣваютъ поверхъ такого чепчика. Во время работы онѣ надѣваютъ высокіе передники, закрывающіе грудь, а на руки полотняные рукава. Матерію для своихъ нарядовъ женщины обыкновенно сами прядутъ, ткнутъ и красятъ.

Въ Ютландіи вы рѣдко встрѣтите постройки красивой архитектуры; только немногіе рыцарскіе замки имѣютъ величественный видъ въслѣдствіе своей древности и величины. Дома въ городахъ большею частью состоятъ изъ одного этажа, рѣдко изъ двухъ; они почти всѣ стары, и каждое семейство обыкновенно занимаетъ отдѣльный домикъ. Изъ общественныхъ зданій болѣе другихъ бросаются въ глаза школы, такъ какъ на образованіе народа въ этой странѣ обращено серьезное вниманіе. Несмотря на то, что дома ютландцевъ въ одинъ этажъ и что они не отличаются особеннымъ блескомъ по внѣшности, они живутъ съ большимъ комфортомъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Какъ и всѣ скандинавскіе народы, ютландское семейство никогда не удовлетворяется одной комнатою. Самые бѣдные люди живутъ въ двухъ, трехъ комнатахъ. Рояли встрѣчаются у самыхъ богатыхъ людей, а фортеціано чрезвычайно плохи и старомодны. Вообще музыка и искусство болѣе всего отстали въ Даніи. Изъ книгъ у ютландцевъ, кромѣ датскихъ, вы обыкновенно встрѣтите и нѣсколько нѣмецкихъ, такъ какъ каждый маломальски образованный человекъ отлично знаетъ этотъ языкъ. Шляпы и пальто висятъ въ сѣняхъ, которыя рѣдко у кого запираются днемъ на запоръ, и никто не опасается, что черезъ открытую дверь войдетъ воръ. При всеобщемъ благосостояніи и прекрасныхъ законахъ о бѣдныхъ, воровство здѣсь такъ же мало извѣстно, какъ и нищенство.

Въ деревняхъ жилища очень различны: старинные дома деревянные, изъ бревенъ, выкрашены красною краскою и сильно напоминаютъ жилища въ Швеціи. Даже и въ тѣхъ жилищахъ, которыя выстроены за послѣдніе 10 — 20 лѣтъ заново, мы нерѣдко встрѣчаемъ соломенную крышу. Въ плодородныхъ прибрежныхъ полосахъ крестьянскіе двory обыкновенно образуютъ деревню, но въ срединѣ страны и въ особенности въ степяхъ двory лежатъ отдѣльно. Главный характеръ крестьянскихъ дворовъ четырехугольная форма. Сторона, обращенная на улицу, имѣетъ ворота, а по обѣ стороны амбары; прямо напротивъ находится жилой домъ, а боковыя пристройки— хлѣва, конюшни и жилища работниковъ. Въ жилищахъ ютландцевъ обыкновенно тотъ недостатокъ, что солнце рѣдко можетъ проникать въ комнаты дома и онѣ отъ этого нерѣдко сыры и душны, но за то, даже въ самыхъ бѣдныхъ крестьянскихъ домахъ, нѣсколько комнатъ. Во многихъ мѣстностяхъ постели устроены въ стѣнѣ посредствомъ выдвигаемыхъ досокъ. Когда ютландецъ собирается спать, а это обыкновенно бываетъ два раза въ сутки— послѣ обѣда и ночью, онъ выдвигаетъ изъ стѣны постель и, когда просыпается, снова вдвигаетъ ее въ стѣну. Наволочекъ здѣсь не существуетъ, а подушку и перину просто покрываютъ простыней.

Ютландцы не особенно живаго характера: они медленны, задумчивы, почти всѣ грамотны, а большая часть получила даже въ школахъ основательныя знанія обо всемъ, что касается законовъ страны, ея исторіи и настоящаго положенія дѣлъ въ другихъ государствахъ. Почти всѣ крестьяне здѣсь читаютъ газеты и живо интересуются всѣмъ, что происходитъ въ засѣданіяхъ палаты. Не смотря на свою медленность, ютландецъ самый трудолюбивый человекъ въ мірѣ. Всякую работу онъ исполняетъ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и добросовѣстностію и умѣетъ во время удалить нужду отъ своего семейства.

Въ Даніи полнѣйшая вѣротерпимость. Господствующею религіею признается лютеранская. Ютландецъ человекъ религіозный: онъ свято соблюдаетъ праздники, и по воскресеньямъ вы напрасно будете искать въ Ютландіи открытыхъ лавокъ. Къ лютеранскому вѣроисповѣданію въ 1870 г. принадлежало 99 1/5 % всего населенія; 15,963 ч. не исповѣдывали господствующей религіи. Между ними болѣе другихъ было евреевъ и затѣмъ католиковъ. Мормоны много пропандировали для своей секты и нѣсколько лѣтъ тому назадъ 400 ютландцевъ и между ними особенно много дѣвушекъ сѣли на корабли въ Альборгѣ, чтобы съ мормонами отправиться въ Америку. Но эта убыль скоро пополнится, такъ какъ всюду въ деревняхъ и городахъ Ютландіи рождается много дѣтей и между ними особенно много дѣвочекъ.

Главнымъ источникомъ пропитанія ютландцевъ служатъ земледѣліе, скотоводство, продажа произведеній сельскаго хозяйства, рыбная ловля, а затѣмъ, какъ мы уже знаемъ, ограниченное число рукъ занято выдѣлкою горшковъ и приготовленіемъ деревянныхъ башмаковъ. Промышленность не приобрѣла еще въ этой странѣ своего настоящаго значенія и даже фабрикація горшковъ и деревянныхъ башмаковъ, спеціально принадлежащая Ютландіи, въ настоящее время производится такъ же, какъ и нѣсколько столѣтій тому назадъ.

Географическое положеніе и суровый климатъ Даніи, казалось бы, предназначили этому государству быть страной торговой и прежде всего страной морской торговли; между тѣмъ статистическія данныя показываютъ, что едва 30% населенія Даніи ищутъ средствъ къ своему существованію въ водахъ океана, тогда какъ 50% занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ. Несмотря на то, что отъ Даніи въ прошлое десятилѣтіе были отняты земли, лежація къ югу отъ Ютландіи, и несмотря на разорительныя

войны съ Пруссіею, земледѣліе страны не только не упало, но напротивъ того продолжало развиваться, какъ развивается оно и настоящее время.

Такимъ образомъ земледѣліе и скотоводство являются двумя важнѣйшими промыслами Даніи, которая свои продукты сбываетъ преимущественно въ Англію. Сельское хозяйство Даніи находится въ самомъ цвѣтущемъ положеніи. чему весьма много способствуютъ выгодныя условія землевладѣнія. Большинство земель раздѣлено на небольшіе участки и находится въ рукахъ крестьянъ-собственниковъ, число которыхъ въ послѣдніе годы быстро возрастаетъ. Почти вездѣ сѣютъ рожь, ячмень, овесъ и пшеницу; гораздо рѣже — картофель, такъ какъ его обработка въ Ютландіи сдѣлалась извѣстною только въ прошломъ столѣтіи и къ тому же болѣзнь его здѣсь проявлялась такъ часто и съ такою силою, что многіе боятся даромъ затратить свой трудъ.

Въ послѣднее время начали обращать серьезное вниманіе на улучшеніе положенія земледѣльческаго класса. Многіе изъ богатыхъ землевладѣльцевъ устраиваютъ образцовыя избы, основываютъ благотворительныя и вспомогательныя общества, — но разумѣется эти филантропическія затѣи не могутъ дать особенно плодотворныхъ результатовъ. Впрочемъ датскій крестьянинъ находится въ неизмѣримо лучшемъ положеніи не только чѣмъ его англійскій собратъ, но и сравнительно съ земледѣльцами многихъ другихъ странъ. Что же касается развитія и образованія въ этомъ классѣ общества, то оно здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Крестьянскія дѣти въ Даніи обяваны съ 7-ми лѣтняго возраста посѣщать школу, гдѣ они обучаются до 15 лѣтъ. Выйти изъ школы раньше этого срока дозволяется только въ томъ случаѣ, когда ученикъ докажетъ, что онъ успѣлъ основательно ознакомиться съ полнымъ школьнымъ курсомъ въ болѣе короткій срокъ. Въ первые три года школьнаго обученія занятія происходятъ лѣтомъ по 4, а зимою по 2 дня въ недѣлю; въ послѣдующіе же 5 лѣтъ еженедѣльно бываетъ только по два класса. Когда дѣти не являются въ школу, родители должны внести штрафъ въ 2¼ коп. сер. за каждый манкированный день, если не представятъ доказательствъ, что неявка произошла по уважительной причинѣ.

Скотоводство въ Ютландіи въ настоящее время играетъ еще болѣе важную роль, чѣмъ земледѣліе; разводятъ лошадей, рогатый скотъ, овецъ, свиней. Ютландскія лошади очень велики, сильны и пользуются извѣстностью. Разведеніе рогатаго скота идетъ успѣшно во всей странѣ; овцеводство болѣе всего распространено въ Ютландіи, степи и луга которой очень удобны для этого. Скотъ день и ночь проводитъ здѣсь на пастбищахъ, при этомъ каждое животное обыкновенно привязано къ одному какому нибудь мѣсту. Три раза въ день перемѣняютъ мѣсто, чтобы оно всегда могло находить себѣ пищу. Болѣе всего ютландецъ любитъ свою лошадь: онъ бережетъ ее, какъ свое собственное дитя, постоянно посматриваетъ, чтобы ясли были чисты, какъ колыбель ребенка, и чтобы она всегда имѣла довольно корму. Во время путешествія онъ прежде всего заботится о своей лошади: онъ никогда не начнетъ пить, ѣсть, отдыхать, прежде чѣмъ не устроитъ все, что нужно для нея. При ѣздѣ онъ никогда не употребляетъ кнута, и потому датчане острововъ смѣются надъ ютландцами, надъ ихъ любовью къ лошадямъ, доходящей до смѣшнаго, и надъ ихъ черепашею ѣздой изъ боязни замучить лошадь.

Большія выгоды отъ молочнаго хозяйства заставляютъ датскихъ фермеровъ все болѣе уменьшать размѣры хлѣбныхъ запасекъ и взамѣнъ того увеличивать скотоводство для продажи мяса и выдѣлки масла и сыра, на томъ основаніи, что, при возрастающей цѣнѣ на нихъ, можно получить больше барыша, чѣмъ отъ продуктовъ хлѣбопашества. Правда, съ 1851 г. цѣнность хлѣба значительно возросла, но въ то же время еще болѣе возвысилась цѣна масла, мяса и прочихъ животныхъ продуктовъ.

Датское масло въ сильномъ спросѣ на англійскихъ и шотландскихъ рынкахъ. Оно вывозится въ Ньюкэстль, Ливерпуль, Манчестеръ и даже въ Лондонъ, гдѣ съ давняго времени зимою все чаще и чаще получаютъ большія партіи этого масла. До 1870-го года масла изъ Даніи вывозили ежегодно около 40,000 бочекъ, но въ 1871 г. стали вывозить уже болѣе 68,000 бочекъ. Правда за эти послѣдніе годы вывозъ барановъ и крупнаго рогатаго скота нѣсколько уменьшился; но за то прусско-французская война значительно оживила торговлю лошадьми и дала возможность датчанамъ сбыть ихъ въ огромномъ количествѣ; въ то же время усилились заказы на битое мясо, что съ избыткомъ вознаградило датскихъ скотоводовъ за уменьшившееся требованіе на живой рогатый скотъ. Такъ какъ требованіе мяса и масла на англійскихъ рынкахъ все увеличивается, а цѣны на эти продукты возвышаются, то можно смѣло сказать, что при постоянномъ улучшеніи средствъ сообщенія, производство мяса и масла сдѣлается скоро самыми главными отраслями сельско-хозяйственной промышленности.

Значительная часть жителей занята на берегахъ рыбною ловлею. Кромѣ сельдей въ Лимъ-фіордѣ въ ютландскихъ водахъ ловятъ *макрель, навагу и угрей*.

Промышленность Даніи, какъ мы уже говорили, не велика и, за исключеніемъ Копенгагена, не имѣетъ большаго значенія. Изъ промышленныхъ занятій болѣе всего рабочихъ рукъ занято фабрикаціею чугунныхъ издѣлій въ Альборгѣ, изготовленіемъ перчатокъ; датскіе перчатки и кожи пользуются нѣкоторою извѣстностью и за границей. На островѣ Борнигольмѣ, въ Ренне, занимаются приготовленіемъ часовъ. Корабль, нагруженный часами, разбился здѣсь въ 1750 г., и это послужило поводомъ здѣшнимъ жителямъ заниматься этою работою.

Согласно съ слабымъ процвѣтаніемъ промышленности въ Даніи, въ этой странѣ мало городовъ; но тѣ изъ нихъ, которые существуютъ, производятъ хорошее впечатлѣніе, хотя они по большей части древніе. Въ нихъ широкія, чистыя улицы, прекрасная мостовая и даже самый маленькій городъ непремѣнно освѣщенъ газомъ. Древность городовъ нельзя опредѣлить точно, но большая часть ихъ названій, такъ напр. Альборгъ, Скандерборгъ и т. п., указываетъ происхожденіе ихъ отъ старыхъ замковъ. Города, названіе которыхъ оканчивается на *кебингъ*, произошли вслѣдствіе необходимости производить въ этихъ мѣстахъ торговлю и обмѣнъ товаровъ. Другіе города получили свое названіе отъ мѣстоположенія; если названіе оканчивается на *несъ*, какъ напр. Горзенесъ (въ настоящее время Горзенст), то это показываетъ положеніе города на мысѣ. Окончаніе на *осъ*, какъ напр. Рандросъ, Ааросъ (теперь Рандерсъ, Ааргусъ), указываетъ, что городъ расположенъ на устьѣ рѣки; окончаніе на *ѳръ*—его положеніе на дюнахъ и т. п.

Пища ютландцевъ, такъ же какъ и жилище, показываетъ благосостояніе народа: она болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, состоитъ изъ мяса, но они также много употребляютъ рыбы, риса и яицъ. Каша — національное блюдо датчанъ: ее не только ежедневно употребляютъ бѣдняки, но вы встрѣтите ее и на столѣ зажиточныхъ людей, сваренную до красна и поданную со сливками, особенно если она приготовлена съ малиной. Очень распространено здѣсь также желе изъ ревеня, которое ѣдятъ также со сливками. Окорока и колбасы здѣсь готовятъ изъ баранины. Къ обѣду подаютъ не только хорошій ржаной хлѣбъ, но даже у крестьянъ вы встрѣчаете также и бѣлый. Чай общій напитокъ и даже у самаго бѣднаго крестьянина вы найдете его, хотя и не высшаго достоинства. Прежде чѣмъ сѣсть за столъ, ютландцы возбуждаютъ свой аппетитъ рюмкой водки, но они гораздо умѣреннѣе шведовъ и норвежцевъ въ употребленіи спиртныхъ напитковъ. Правда, люди пожилые имѣютъ привычку выпить на ночь, передъ сномъ стаканъ грогу, но встрѣтить здѣсь пьянаго большая рѣдкость. Вина въ

Ютландіи употребляютъ французскія и испанскія; пиво, за исключеніемъ англійскаго эля и портера, очень легкое и крестьяне сами варятъ его изъ ячменя, но ни по цвѣту, ни по вкусу вы не назовете его пивомъ. Вообще ютландцы болѣе любятъ поѣсть, чѣмъ выпить. Но такъ какъ въ этой странѣ существуетъ чрезвычайно мало народныхъ праздниковъ, то эта любовь къ ѣдѣ проявляется во всей силѣ во время свадебъ, которыя справляютъ здѣсь съ большимъ блескомъ.

Когда ютландскій крестьянинъ рѣшился жениться, онъ уже за 8 дней посылаетъ того нибудь изъ молодыхъ людей приглашать гостей. Молодой человекъ, явившійся приглашать на свадьбу, долженъ твердо знать наизусть, что говорить въ такихъ случаяхъ. Изъ опасенія что нибудь забыть или сконфузиться, онъ записываетъ необходимую тираду на особую бумажку, которую и прикалываетъ внутри своей шляпы, и не разъ заглядываетъ въ нее, прежде чѣмъ войти въ домъ. Разъ онъ уже рѣшается войти, онъ говоритъ безъ запинки: «Триединому Богу и творцу вселенной угодно было пробудить любовь между молодымъ человекомъ (его имя) и между богобоязненной дѣвицей такой-то. Они рѣшились соединиться бракомъ посредствомъ божественнаго вѣнчанія, которое и назначили въ субботу, въ церкви такой-то... Поэтому они обращаются къ тебѣ съ просьбою, чтобы ты съ своими дѣтьми и со всѣмъ своимъ семействомъ почтилъ отца невѣсты». Каждое приглашенное семейство посылаетъ въ домъ невѣсты ко дню свадьбы какой нибудь подарокъ: нѣсколько паръ куръ, большой кусокъ масла, окорокъ и т. п. Въ опредѣленный день, обыкновенно въ субботу, гости въ лучшихъ нарядахъ собираются въ домъ невѣсты, гдѣ каждаго изъ нихъ встрѣчаютъ на дворѣ музыкою. Когда всѣ собрались — завтракаютъ, а потомъ ѣдутъ въ церковь. Впереди ѣдутъ верхомъ нѣсколько молодыхъ людей, а за ними музыканты. Женихъ и невѣста съ ихъ спутниками встрѣчаются обыкновенно у церкви, при этомъ женихъ обязанъ быть на мѣстѣ первый. Когда такимъ образомъ женихъ и невѣста достигли церкви, тогда музыка идетъ впереди невѣсты и сопровождаетъ ее вмѣстѣ съ ея спутницами отъ воротъ кладбища до церковныхъ дверей; потомъ музыка возвращается, чтобы такимъ образомъ проводить жениха съ сопровождающими его мужчинами.

Послѣ вѣнчанія все общество отправляется въ домъ невѣсты, гдѣ уже накрытъ столъ, и ихъ обильно угощаютъ супомъ, мясомъ, рыбой, ветчиной и непременно кашей и пирожнымъ. Послѣ обѣда танцуютъ до поздней ночи, въ заключеніе всѣ хоромъ поютъ псаломъ и затѣмъ гостей снова приглашаютъ явиться на другое утро. Почти каждая свадьба продолжается три и четыре дня, и при этомъ танцы составляютъ существеннѣйшую часть всѣхъ свадебныхъ пиршествъ. Въ первый день свадьбы невѣста должна прежде всего протанцовать со всѣми дѣвушками, затѣмъ она снимаетъ свадебный вѣнокъ и надѣваетъ чепчикъ, танцуетъ со всѣми женщинами, и такимъ образомъ какъ бы переходитъ изъ общества дѣвушекъ въ общество женщинъ.

Самый большой праздникъ въ Даніи, какъ и въ Швеции, — Рождество. Какъ въ той, такъ и въ другой странѣ, еще за долго до праздника, дѣлаютъ всевозможныя хозяйственныя приготовленія и при этомъ «рождественскіе пироги» играютъ самую видную роль. «Рождественскій козелъ» въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Даніи, во время этихъ праздниковъ, не менѣе чѣмъ въ Швеции веселитъ молодежь. Не смотря на это многіе обычаи и забавы этого праздника носятъ здѣсь совсѣмъ другой характеръ.

Въ Даніи, между простонародьемъ позажиточнѣе, чрезвычайно укоренился обычай помогать наканунѣ Рождества хозяйственными припасами тѣмъ, кто во время года помогалъ въ работѣ. Поэтому въ этотъ день, по всѣмъ улицамъ и дорогамъ тянутся цѣлыя фуры мяса, крупъ и громадной величины пироговъ. Въ дворянскихъ семьяхъ въ этотъ день всѣ что нибудь дарятъ другъ другу и при этомъ каждый старается какъ

нибудь особенно завернуть свой подарок; на пакетъ надписываютъ имя лица, которому его назначаютъ, и поручаютъ забросить его въ комнату, кому онъ назначается. Посланный, прежде чѣмъ кинуть подарокъ, сильно стучитъ въ дверь, потому его и называютъ «Juleklap», т. е. «рождественское стукало». Такой посланный вбрасываетъ иногда въ дверь огромный соломенный сапогъ, а въ немъ оказывается изящная золотая брошка; дорогая ваза нерѣдко оказывается въ чудовищномъ шарѣ, а маленькое яичко съ кольцомъ въ большой курицѣ, сдѣланной изъ пшени. Въ Копенгагенѣ цѣлый вечеръ разсыльные самаго курьезнаго вида, въ разнообразныхъ и смѣшныхъ маскахъ, на лошадяхъ и пѣшкомъ, расхаживаютъ по улицамъ и разносятъ подарки по назначенію. Первое стараніе этихъ людей—не быть узнаваемыми. И это понятно, такъ какъ въ этомъ обмѣнѣ подарковъ сатира играетъ не маловажную роль. Иногда «Juleklap» обязанъ передать ѣдкую эпиграмму въ стихахъ или прозѣ, иногда самый подарокъ заключаетъ въ себѣ злую насмѣшку. Дама, страстно преданная нарядамъ, можетъ ожидать, что ей пришлютъ пестро и ярко разодѣтую куклу; господинъ, который скупится хорошенько освѣтить свой салонъ, получаетъ въ презентъ лампу; изъ ящика, предназначеннаго пожилой, новобрачной четѣ, вдругъ вылетаетъ пара молодыхъ голубковъ и т. п.

Дѣти бѣдныхъ людей, какъ въ сочельникъ, такъ и въ канунъ Нового года, ходятъ по улицамъ и поютъ передъ дверями домовъ. За это они получаютъ мелкія деньги и съѣстные припасы, которые и кладутъ въ свои сумки.

Для молодежи свои удовольствія, о которыхъ она мечтаетъ чуть не весь годъ,—посидѣлки: онѣ происходятъ то въ одномъ, то въ другомъ домѣ, каждый вечеръ, начиная съ сочельника и до 2-го февраля. На эти посидѣлки собираются и старыя, и молодыя обоюго пола; но первые сейчасъ же садятся за карты, а молодежь проводитъ время въ танцахъ, разнообразныхъ играхъ и забавахъ. Какъ только соберутся всѣ гости, одинъ изъ парней выбираетъ дѣвушку, чтобы танцевать съ нею въ первой парѣ. Затѣмъ парень и дѣвушка хватаются за оба конца скрученнаго платка, прыгаютъ и поютъ: «Вотъ принялись мы за танецъ, пусть будетъ это всѣмъ извѣстно. Добрый, счастливый Новый годъ пусть будетъ вамъ въ пользу» и т. д. Затѣмъ дѣвушка опускаетъ платокъ и выбираетъ себѣ другаго танцора, а парень другую танцовку и они опять поютъ пова, пара за парой, не выступить на средину комнаты вся присутствующая молодежь, и тогда уже начинаются самые танцы. Устали танцевать, опять затѣяли игру. На этотъ разъ дѣвушки выбрали изъ своей среды двоихъ и онѣ танцуя подходятъ къ одной парѣ за другой и поютъ: «Моя дочь, я пришла къ тебѣ... Что сидишь ты молча? Не вздумалъ-ли олень ударить тебя? Моя дочь, вернись домой! Олень—вѣрный-ли другъ твой!» Каждая изъ дѣвушекъ поетъ въ отвѣтъ: «Да, не могу пожаловаться». Гораздо оживленнѣе «игры парней». Они прежде всего выбираютъ распорядителей игры и начинаютъ съ того, что становятся въ кругъ, танцуютъ и поютъ. Во время пѣнія входитъ парень въ бѣлой рубашкѣ, обезображенный на сколько возможно. Въ это время, по знаку распорядителей, каждый парень беретъ дѣвушку, затѣмъ всѣ садятся въ кружокъ на полъ и держатся за веревку, которая находится внутри круга. Тогда «бѣлый человекъ» вскакиваетъ въ средину круга съ жгутомъ изъ сѣна и кричитъ то одному, то другому: «держи меня!» или «отпусти меня!» Играющіе должны дѣлать обратное его приказанію; иначе ударъ жгутомъ тотчасъ напоминаетъ имъ о сдѣланной ошибкѣ. «Бѣлый человекъ», поднявъ такимъ образомъ порядочную суматоху, вскакиваетъ изъ круга, выбѣгаетъ изъ комнаты и возвращается съ башмакомъ, который онъ бросаетъ въ кружокъ сидящихъ. Кто поймаетъ башмакъ, тотъ долженъ его спрятать. Тутъ «бѣлый человекъ» вскакиваетъ опять въ кругъ и ищетъ башмакъ, который постоянно прячутъ отъ

него; когда онъ наконецъ замѣтитъ у кого башмакъ, послѣдній начинаетъ перебрасывать его отъ одного къ другому черезъ голову «бѣлаго человѣка». Послѣ этого онъ снова убѣгаетъ и возвращается съ мѣшкомъ, наполненнымъ золой и двумя палками въ рукахъ. Онъ обращается къ распорядителямъ съ вопросомъ: есть-ли у него стадо свиней, такъ какъ онъ желаетъ наняться свинопасомъ. Дѣвушки и парни танцуютъ кругомъ него; затѣмъ опять садятся въ кружокъ на полъ, а свинопасъ поетъ пѣсню: «свиной пасти!» въ которой присутствующіе находятъ много ѣдкихъ намековъ, и потому, когда онъ поворачиваетъ спину то къ одному, то къ другому, каждый бьетъ его. Съ своей стороны онъ не остается въ долгу и дерется палками, а когда свалка становится общою, онъ неожиданно объявляетъ: «теперь я долженъ покормить моихъ свиней» и при этомъ живо и ловко суетъ въ мѣшокъ съ золою голову то одного, то другаго, разбрасываетъ на нихъ горстями золу, такъ что вся комната вскорѣ наполняется облаками пыли. Всѣ бросаются на свинопаса и колотятъ его, тотъ защищается палками, но наконецъ принужденъ бѣжать. Эти игры парней и дѣвушекъ особенно въ большомъ ходу на островѣ Зеландіи.

Нынѣшній король Даніи Христіанъ IX наслѣдовалъ королю Фридриху VII въ 1863 г. Страна пользуется либеральною конституціею съ 1849 года, окончательно дополненною въ 1866 г. Законодательная власть принадлежитъ риксдагу, состоящему изъ ландстинга, т. е. верхней, и фолькстинга, т. е. нижней палаты. Обѣ эти палаты состоятъ изъ выбранныхъ на срокъ членовъ; право выбирать, какъ въ первую, такъ и во вторую палату, въ одинаковой степени принадлежитъ всѣмъ датчанамъ безъ всякихъ условій ценза; избирателями не могутъ быть только люди, имущество которыхъ находится подъ опекой, не прожившіе года въ той общинѣ, гдѣ они находятся во время выборовъ, нищіе и всѣ находящіеся въ домашнемъ служебнѣи. Каждый избиратель долженъ быть не моложе 30-ти лѣтъ, но депутатомъ въ фолькстингъ можетъ быть избранъ гражданинъ 25-ти лѣтняго возраста; членъ ландстинга долженъ быть не моложе 41 года. Разница между этими обоими тингами состоитъ только въ томъ, что членомъ ландстинга можетъ быть выбранъ только тотъ, кто имѣетъ ежегоднаго доходу 1,600 р. с. или платитъ 270 р. с. прямихъ налоговъ. Кромѣ того избраніе въ ландстингъ происходитъ такимъ образомъ, что сначала выбираются избиратели, и потомъ они уже выбираютъ представителей; въ члены фолькстинга прямо выбираетъ весь народъ. По датской конституціи граждане пользуются полнѣйшею свободою и равенствомъ. Не только сословныя права, но даже титулы и ранги отмѣнены, а маіораты запрещены. Граждане имѣютъ право составлять ассоціаціи и собирать митинги, не испрашивая на это предварительнаго разрѣшенія. Свобода книгопечатанія вполне гарантирована. Жилище неприкосновенно: обыскъ можетъ быть произведенъ только по приговору судьи. Наконецъ датская конституція признаетъ *право гражданина на помощь со стороны государства*, если онъ не въ состояніи прокормить себя и свою семью. Дѣти, родители которыхъ не въ состояніи доставить имъ воспитаніе, получаютъ даровое образованіе въ общественныхъ школахъ.

Датская конституція 1849 г. особенно замѣчательна прежде всего потому, что она не была вынуждена никакими обстоятельствами, а была дарована народу королемъ Фридрихомъ VII, который получилъ отъ своихъ предковъ неограниченную власть. За 50 лѣтъ до этой конституціи въ странѣ былъ изданъ варварскій законъ, по которому смертной казни подвергался каждый, кто печатно осмѣлился бы совѣтовать измѣненіе неограниченной формы правленія. Того, кто устно или письменно порицалъ способъ управленія государствомъ или какія нибудь дѣйствія правительства, ссылали въ вѣчную каторжную работу. Но датскій народъ, подобно норвежскому, сильно проник-

нутъ демократическимъ духомъ; даже среди духовенства не мало людей съ республиканскими принципами. Аристократическіе обычаи и понятія сохраняются только въ очень небольшомъ кругу высшаго дворянства, да и то это происходитъ потому, что у всѣхъ у нихъ помѣстья находятся въ прежнихъ нѣмецкихъ областяхъ Даніи и они породнились съ нѣмецкими баронами. Но природный датчанинъ—непремѣнно демократъ. Покойный король Фридрихъ VII искренно раздѣлялъ всѣ симпатіи своего народа. Къ тому же на него имѣли сильное вліяніе идеи, выработанныя французскою революціею 89 года, и онъ былъ въ полномъ смыслѣ демократъ, какъ въ политикѣ, такъ и въ своей частной жизни. Онъ не имѣлъ двора, терпѣть не могъ высшаго круга, который съ своей стороны никогда не могъ простить ему этого. До смерти этого короля (1863 г.) Данія сохраняла свои прежніе размѣры, побѣдоносно выдержала борьбу съ Германіей и, несмотря на затруднительныя обстоятельства, достигла высокаго процвѣтанія. Тѣмъ не менѣе нѣмецкое населеніе и полунѣмецкая аристократія Даніи ненавидѣли короля, а правительства Германіи были враждебны и ему, и всему датскому народу прежде всего вслѣдствіе демократическаго духа страны. Нѣмецкое дворянство въ Голштиніи взволновалось противъ Даніи за ея конституцію. Оно покойно жило во время неограниченнаго датскаго правленія, но ему ненавистна была конституція, которая не признавала его феодальныхъ правъ, не выдѣляла для дворянства особой камеры, уничтожала титулы, привилегіи и маіораты. Но, повторяемъ, любовь народа къ королю дала ему возможность сохранить цѣлость Даніи до его смерти; при новомъ же королѣ германскія державы ослабили демократическую Данію почти до ничтожества и отняли у нея нѣмецкія области.

